

Иван Еремеев

СЛАВЯНЕ И НОРМАННЫ
К СЕВЕРУ ОТ ДНЕПРА

Том 1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Ivan Eremeev

**SLAVS AND NORSEMEN
NORTH OF THE DNIEPER
BEFORE THE 10th CENTURY**

THE INITIAL STAGES OF SLAVIC-SCANDINAVIAN
ETHNO-CULTURAL INTERACTIONS

In two volumes

Volume 1

Early Medieval Slavic colonization in Eastern Baltic region.
Methodology of study, geographical context,
archaeological sites

St. Petersburg
2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Иван Еремеев

СЛАВЯНЕ И НОРМАННЫ К СЕВЕРУ ОТ ДНЕПРА ДО НАЧАЛА X ВЕКА

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ СЛАВЯНО-СКАНДИНАВСКИХ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В двух томах

Том 1

Раннесредневековая славянская колонизация
в Восточно-Балтийском регионе. Методология изучения,
географический контекст, археологические памятники

Санкт-Петербург
2023

УДК 902/904
ББК 63.4
Е 70

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проекты № 13-06-00744, 14-06-10033, 19-09-00085) и Шведского института (Svenska institutet)

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Рецензенты:

доктор исторических наук В. А. Лапшин (ИИМК РАН)
кандидат исторических наук А. Г. Фурасьев (Государственный Эрмитаж)
кандидат исторических наук Н. В. Лопатин (ИА РАН)

Еремеев И. И.

Е70 Славяне и норманны к северу от Днепра до начала X века. Начальные этапы славяно-скандинавских этнокультурных взаимодействий. В двух томах. Том 1. Раннесредневековая славянская колонизация в Восточно-Балтийском регионе. Методология изучения, географический контекст, археологические памятники. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2023. — 808 с. : ил.

ISBN 978-5-6049788-0-1

ISBN 978-5-6049788-1-8 (том 1)

Монография посвящена славянизации Северо-Запада России во второй половине I тыс. н. э. и зарождению здесь протогосударственных социально-политических институтов. Основой этих процессов признается серия миграций земледельческого населения из области Днепровско-Неманского междуречья и Подвинья (с территории современной Белоруссии). Представлены результаты раскопок раннесредневековых городищ, селищ, сопок и курганных могильников Ильмень-Волховского региона. Культурные процессы подвергаются рассмотрению на фоне динамики ландшафтов. Привлекаются данные палеогеографических, палинологических и карпологических исследований, серийное радиоуглеродное датирование.

В работе рассматривается также скандинавская колонизация Северо-Запада, ее характер и взаимоотношения с расселением славян. Анализируются земледельческая культура и погребальные традиции. В центре внимания находятся русские большие курганы/сопки и их скандинавские прототипы. В качестве сравнительного материала для изучения сопок публикуются коллекции из раскопок больших курганов Средней Швеции VI–IX вв.

В томе 1 затрагиваются вопросы методологии и географического контекста этноархеологических исследований. Историческая наука, частью которой является археология, находится в тесном взаимодействии с философскими и социально-антропологическими взглядами своей эпохи. Теоретический коллапс советской этнологии конца XX в. восточноевропейская наука не преодолела до сих пор. Кризис социал-дарвинистского подхода к изучению древних идентичностей очевиден, как в своем «примордиальном», так и в «конструктивистском» изводе. Современная историческая наука и археология по-прежнему стоят перед проблемой выработки базовых теоретических оснований для дальнейшей работы. Автор предлагает вернуться на позиции классической немецкой философии и с них проанализировать «мифологическое» направление в социальной антропологии XX в. В трудах, базирующихся на взглядах И. Г. Фихте и «философии мифологии» Ф. В. Й. Шеллинга, следует искать основания для дальнейшей разработки теории этнической идентичности, ее динамики и связанных с ней процессов культурогенеза.

В томе представлен новый археологический материал, сопоставимый с эпохой славянского расселения на Северо-Западе. Издание предназначено для историков, археологов, этнологов, культурологов, читателей, интересующихся начальными этапами древнерусской истории.

The monograph develops the concept of slavonization of North-West Russia during 500–900 AD and the emergence of proto-state socio-political institutions here. The basis of these processes is recognized as a series of migrations of the agrarian population from the regions of Dnieper-Neman Rivers interfluvium and West Dvina River basin (modern Byelorussia). The results of archaeological excavations of early medieval hillforts, open settlements and burial mounds of Ilmen-Volkhov Region are presented. Cultural processes are considered on the background of ancient landscape dynamics. The data of paleogeographic, palynological and carpological studies, serial radiocarbon dating are used.

The book also examines the Scandinavian colonization of North-West Russia, its character and relationship with the Early Medieval Slavic migrations. Agriculture and burial traditions are analyzed. The focus is on the Russian large burial mounds — “sopkas” and their Swedish prototypes. As a comparative material for the “sopkas” study, archaeological collections from the excavations of large mounds 500–900 AD of Central Sweden are published.

First volume talks about the theory, methodology, and geographical context of ethno-archaeological research. The volume presents new archaeological material comparable to the era of Slavic migrations to North-West Russia.

The book is written for historians, archaeologists, ethnologists, readers interested in the initial stages of Ancient Rus history.

На обложке: стр. 1 – аэрофотосъемка, сделанная И. И. Еремеевым осенью 2022 г. на восточном берегу оз. Ильмень, а также височное кольцо из раскопок Рюрикова Городища 2016 г. Стр. 4 – фрагмент гравюры, выполненной А. М. Шухиным в 1760 г., с видом Бронницкого городища и сопки из «Собрания Российских и Сибирских городов».

ISBN 978-5-6049788-0-1

ISBN 978-5-6049788-1-8 (том 1)

DOI: 10.31600/978-5-6049788-1-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2023
Institute for the History of Material Culture,
Russian Academy of Science, 2023

© Еремеев И. И., 2023
Eremeev I. I., 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
ГЛАВА 1. Теория и методика работы	19
1.1. Этнос и этничность в отечественной истории и археологии	22
1.1.1. «Советская» концепция этноса	22
1.1.2. Постсоветская социальная антропология и проблема этничности	25
1.1.3. Цена жизни и феномен «осевого времени»	28
1.1.4. Имеет ли этнос историю?	38
1.2. Материальные аспекты мифа: мост в археологию	42
1.2.1. Древняя этничность и археология ресурсов и систем жизнеобеспечения	45
1.2.2. Древняя этничность, этноцентризм и археология насилия	46
1.2.3. Древняя этничность и археология границ	52
1.2.4. Древняя этничность и археология элит	53
Выводы по ГЛАВЕ 1	56
ГЛАВА 2. Дунайский миф и славяне лесной зоны Восточной Европы	61
2.1. Обзор славянской экспансии в пределы Византийской империи в VI–VIII вв.	63
2.2. Раннеславянские политические союзы в поле зрения исторических источников	67
2.3. Хозяйство славян в период балканской экспансии	74
2.4. Военное дело у славян в VI–VIII вв.	76
2.5. Военно-политические катаклизмы на Дунае и поиски причин миграции в лесную зону Восточной Европы	84
2.6. Восточно-Балтийская историко-этнографическая область: «славянский клин» к северу от Днепра	87
2.6.1. Письменные источники о появлении славян в Восточной Европе	92
2.6.2. Взгляд на карту народов Восточно-Балтийского региона	94
2.6.3. Дославянское или неславянское население?	94
2.6.4. От мери до ятвягов: северное пограничье области ранней славянской колонизации.	102
2.6.5. Проблема балканских этнонимических параллелей	102
Выводы по ГЛАВЕ 2	107

ГЛАВА 3. Природные условия и ресурсы Восточно-Балтийского региона по данным археологии	112
3.1. Земледельческие угодья	115
3.2. Охота и рыболовство	117
3.3. Система расселения и промышленная работоторговля	118
3.4. Коммуникации. От озера Ильмень до Днепро-Двинского междуречья	123
3.5. Колебания увлажненности Ильмень-Волховского региона во II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. как фактор динамики ресурсного потенциала и коммуникаций	129
3.5.1. Ладожская трансгрессия и формирование исторического ландшафта на Ильмене	132
3.5.1.1. Селище Ситно на Волхове	132
3.5.1.2. Пойма Рюрикова Городища	163
3.5.1.3. Липенский холм в дельте Мсты	163
3.5.1.4. Наволокский торфяник	172
3.5.1.4.1. Спорово-пыльцевые исследования разреза (описание составила О. Ф. Дзюба)	173
3.5.1.4.2. Изучение верхнего «пограничного горизонта» Наволокского торфяника	192
3.5.1.5. Стоянка Ямно (спорово-пыльцевые исследования О. В. Кочубей и О. Ф. Дзюба)	193
3.5.2. Ильмень во второй половине I тыс. н. э. и раннеславянское расселение	203
3.5.2.1. Селище Ситно на Волхове	207
3.5.2.2. Рюриково Городище	207
Выводы по ГЛАВЕ 3	212
ГЛАВА 4. Центральное Приильменье – ключ к изучению славянской колонизации в Восточно-Балтийском регионе	218
4.1. Доисторические городища в Центральном Приильменье	219
4.2. Городища VI–VIII вв. н. э. в Приильменье и славянское расселение	246
4.2.1. Городок на Маяте	248
4.2.2. Городище Сельцо I	287
4.2.3. Бронницкое городище	293
4.2.4. Городище Княжая Гора	397
4.2.5. Городок на Шелони	397
4.2.6. Городище Шелгуново	404
4.2.7. Городище Белая	408
4.2.8. Формирование системы городищ в Центральном Приильменье в VI–VIII вв. н. э.: вопросы интерпретации	411
4.3. Культура длинных курганов как периферия Приильменского региона	415
4.3.1. Проблема археологически неуловимых погребальных практик раннего железного века и Средневековья	415
4.3.2. Надземные погребения у народов лесной зоны Европейской России	416
4.3.3. Дома мертвых и длинные курганы	417

4.3.4. Погребения под кучами хвороста и длинные курганы	418
4.3.5. Формирование курганной обрядности с трупосожжением на территории «славянского клина»	422
4.4. Расцвет и упадок приильменских городков в VIII – начале X в.	426
4.4.1. Городок на Маяте	426
4.4.2. Городище Сельцо I	437
4.4.3. Бронницкое городище	443
4.4.4. Холопий Городок	451
4.4.5. Городище Георгий	451
4.4.6. Сергов Городок	456
4.4.7. Городок на Шелони	456
4.4.8. Проблемы стратиграфического членения раннего культурного слоя Рюрикова Городища и вытекающие из этого вопросы	457
4.4.9. Городище Яжелбицы 1	527
4.5. Проблема культурных трансформаций VIII в. в Днепровско-Ильменском коридоре	527
4.5.1. Разрыв в фортификационных традициях	527
4.5.2. Трансформация системы коммуникаций	534
4.5.3. Трансформация земледелия	534
4.5.4. Разрыв в погребальных традициях	534
4.5.5. Изменения в формах керамики	534
4.5.6. Поиск комплексов, отражающих трансформацию керамических традиций VIII в.	535
4.5.6.1. Лукомль	536
4.5.6.2. Селище Городище	536
4.5.6.3. Селище Красный Ручей	536
4.5.6.4. Городок на Маяте	537
4.5.6.5. Бронницкое городище	537
4.5.6.6. Селище Прость	537
4.5.6.7. Рюриково Городище 2-4	543
4.5.6.8. Селище Ситно	548
4.5.6.9. Селище Миронеге III	598
4.6. Происхождение лепной керамики группы 4 («ладожского типа»)	599
4.7. О польско-поморской концепции славянизации Северо-Запада России	618
4.7.1. «Западнославянское» происхождение новгородцев и варяжский спор	619
4.7.2. Отсутствие исторических причин для славянской миграции из Польского Поморья на восток в VIII–IX вв.	619
4.7.3. Домостроительство – глинобитные печи	620
4.7.4. Фортификация – перекладные деревоземляные конструкции	620
4.7.5. Керамическое производство – раннегончарные формы с запада	621
4.7.6. Вопрос об «изоляции» северных славян и некоторые выводы	621

4.8. Геополитический треугольник в Северном Приильменье.	
Детали исторической панорамы	622
4.8.1. Бронницкий перевоз в эпоху новгородской независимости	623
4.8.2. Позднесредневековая история Бронницкого региона	625
4.8.3. Бронницкое городище в письменных и изобразительных источниках XV–XIX вв.	627
4.8.4. Исток Волхова и дельта Мсты как узел средневековых коммуникаций	630
4.8.5. Уникальная находка с Бронницкого городища и ее исторический контекст	638
4.8.6. Рюриково Городище 5 и приильменские городки	643
Выводы по ГЛАВЕ 4	647
ЗАКЛЮЧЕНИЕ по ТОМУ 1. Характеристика славянской колонизации Днепровско-Ильменского коридора на основании комплексных исследований	651
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Каталог укрепленных поселений, материалы которых учтены в исследовании	660
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Таблицы отбора образцов для радиоуглеродного анализа на средневековых поселениях и в болотных разрезах Северо-Запада (материалы для синхронизации археологических и природных объектов)	709
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. О. В. Кочубей. Разрез №1 на селище Ситно. Палинологический анализ	720
Список сокращений	731
Термины и методики	731
Письменные источники	731
Научные издания и учреждения	731
Список литературы	734
Публикации исторических источников	734
Публикации переводов исторических источников	735
Картографические источники	736
Научно-исследовательская литература	737
Архивные источники	798

ВВЕДЕНИЕ

Исходя из культурных, философских и политических запросов современности, историческая наука оценивает минувшее, в частности происхождение, духовную и материальную культуру Древней Руси. Ее литературным и археологическим наследием живет историческая память народов России, Белоруссии и Украины.

Археология обладает уникальной возможностью собирать и *оживлять* в воображении рассеянные материальные следы минувшего. Это *воскрешение*, возможное в любой момент в каждой точке географического пространства, важнее научных гипотез. *Жажда причастности*, наиболее глубоко осознанная христианской археологией (Беляев 2017: 19), бесконечно шире последней. В культуре любые древности содержат элементы священного. Предмет археологии мифичен, — он *соприсутствует*, но не раскрывается в полноте своих внутренних связей. Поэтому истина показывается обычно не по завершении исследователем своей концепции, а чуть ранее. Умей создатели исторических полотен останавливаться на уровне понятий, история и археология, с точки зрения естественнонаучного знания, выглядели бы гораздо содержательней. Но всякое историческое и археологическое исследование, роднясь с инициацией, движется далее — от понятия к образу, стоящему на зыбкой границе мифа. Опираясь вещественными остатками и останками, круг посвященных — ученые — предлагает этот образ публике. Часто свободная циркуляция информации убеждает публику в собственном праве творить миф. Вопреки этому, важнейшей общественной функцией научного сообщества остается *свидетельство о подлинности* древностей и связанных с ними понятий. Честность *свидетельства* и воплощает в археологии стремление к истине.

Предмет исследования составляют взаимоотношения восточнославянских и скандинавских (северогерманских) культурных традиций на северо-западе лесной зоны Восточной Европы. Основопологающим элементом культуры и одним из главных этноопределяющих признаков является язык. Речь, таким образом, идет об отношениях между группами людей, представлявших праславянскую и древнескандинавскую ветви индоевропейской языковой семьи.

По сравнению со славяно-германскими связями в Центральной Европе, славяно-скандинавские языковые контакты до распада праславянского языка на устойчивые диалекты (начавшегося в VI в. и завершившегося, предположительно, в начале IX в. н. э.) не отличались интенсивностью (Pronk-Tiethoff 2013: 14). Тем не менее, сравнительно поздние славяно-скандинавские культурные взаимодействия, прослеживаются в области языка и литературы, права и искусства, в технологиях и военном деле. Норманны оказали значительное влияние на формирование восточнославянской государственности в последней трети I тыс. н. э. Эту эпоху, определившую контуры современной Европы, мы и будем рассматривать.

Нас интересуют археологические следы восточных славян, расселившихся некогда в западных областях современной России и в Белоруссии, т. е. предков русских и белорусов. В верховьях Немана, Западной Двины и в бассейне озера Ильмень славянское население в количестве, способном влиять на культурную и политическую ситуацию (оставившее древности типа Заозерье — Узмень), появляется в конце второй четверти I тыс. н. э. Этим периодом (V в. н. э.) ограничены снизу хронологические рамки исследования. Его верхняя хронологическая граница — начало X в. — время образования древнерусского государства Рюриковичей.

Далее наше внимание будет сосредоточено на некоторых аспектах археологии предков носителей северогерманской группы языков — главным образом, нынешних шведов. Этноним *норманны*, вынесенный в заголовок этой работы, используется для собирательного обозначения представителей северогерманских народов, обитавших в Раннем Средневековье в Скандинавии (Норвегии, Дании, Швеции) и на Руси¹. Наименование происходит из западноевропейских исторических сочинений и хроник. Эйнхард (ок. 770–840) в сочинении «Жизнь Карла

¹ Более или менее крупные агломерации норманнских поселений занимали также Аландские острова, Юго-Западную Финляндию, Исландию, Британские острова. Культурные и политические связи всех этих территорий с Русью прослеживаются по письменным или археологическим источникам.

Великого» (примерно 817–830) сообщает, что данов и свеонов, живущих по берегам Балтийского моря («залива западного океана») по соседству со славянами и эстами (*slavi et aisti*), франки называют норманнами — *nordmannos* (Einhard, Vita Karoli. 12, 13, 14; Эйнхард 2005: 79). Лиутпранд Кремонский (ок. 920–972) создает знаменитое описание похода князя Игоря на Византию с упоминанием о том, что некий северный народ, который греки называют *русам* (*rusios*), известен (обитателям Ломбардии?) под именем норманнов (Liudprand, Antapodosis. 5. 15. 29–31; Лиутпранд Кремонский 2012: 96)². Через два столетия Адам Бременский (ум. 1081/1085) повторит за Эйнхардом: «Ведь данов и прочие народы, что обитают за Данией, франкские историки всех называют норманнами» (Adam Bremensis, Gesta. I. 14 (16); Немецкие анналы 2012: 309)³.

На Руси в XI–XII вв. *норманнов* называли *варягами*, и второе имя будет использоваться в работе наравне с первым. Степень тождества западноевропейских *норманнов* и восточнославянских *варягов* составляет предмет спора в русской науке. Камнем преткновения является возможность применения этнонимов *русь* и *варяги* к балтийским славянам. Свое отношение к этой проблеме я выразил в отдельном разделе (6.3). Наконец, как литературный синоним *норманнов* и *варягов* мною используется книжный термин *скандинавы*.

В нашем исследовании затронуты преимущественно способы освоения человеком географического пространства: военный, хозяйственный и мифический⁴.

² В научных переводах средневековых сочинений европейских и арабских авторов на русский язык обычно употребляется этноним *русь*, а при переводах византийских источников — *росы*. Унификация терминологии в обзорной работе вызывает понятные сложности (Назаренко 2012: 13). Опираясь на мнение переводчиков конкретных текстов, мы будем использовать оба варианта транскрипции. В качестве общеупотребительной параллели этим этнонимам нами используется летописное наименование *русь*.

³ Здесь и далее, обращаясь к известиям Адама Бременского, я пользуюсь переводом В. В. Рыбакова (Немецкие анналы 2012), сверяя его с переводом И. В. Дьяконова (Славянские хроники 2011).

⁴ В отечественной научной литературе по отношению к архаическим формам духовного взаимодействия с миром используются определения «мифологическое сознание», «мифологическое мышление» и т.п. Для наших целей это не совсем удобно ввиду возникающего в таком случае сходства в наименовании научной дисциплины (мифологии) и ее предмета. В дальнейшем, я буду использовать определение *мифическое* (сознание, мышление и т.п.), выделяя его курсивом. Термин «мифологическое» будет применяться там, где речь идет об исследовательских подходах, изучающих *мифическое*. Кроме того, в работе применяется термин «мифологический рассказ/сюжет», позаимствованный из фольклористики.

В области военного дела предметом сравнительного изучения станет раннесредневековая фортификация (городища). В области хозяйственной будут сопоставлены земледельческие традиции — скандинавская и славянская — там, где они наложились друг на друга. Наконец, в духовной сфере попробуем проследить взаимодействие северогерманских и восточнославянских поминально-погребальных традиций, выразившихся в создании больших курганов. Последние мы будем рассматривать как способ иррационального, *мифического* освоения пространства, связанного с земледельческой колонизацией.

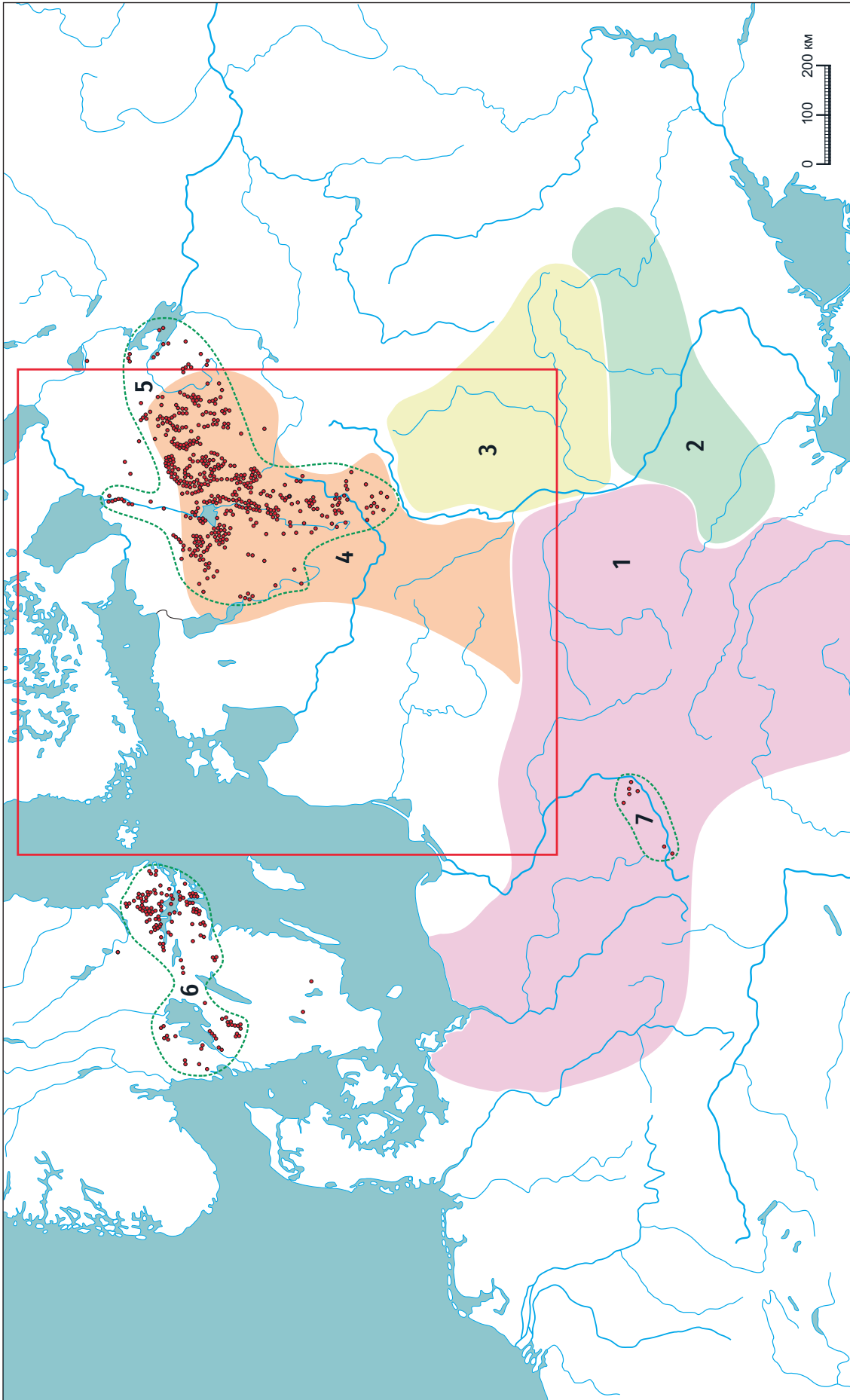
Предметом изучения является и география Северной Руси, в частности, *озеро Ильмень и его бассейн*. Реконструкция динамики увлажнения региона способствует пониманию того, как в I тыс. н. э. менялось природопользование и как функционировала система коммуникаций.

Разумеется, проблема формирования древнерусской культуры в Восточно-Балтийском регионе не сводится к теме отношений скандинавов и славян. В работе по мере необходимости затрагивается и взаимодействие последних с балтийским населением и финно-уграми.

Как планируется совершить переход к археологическому материалу от историко-антропологической категории *славяне*? Поскольку их главной исторической миссией в указанное время, судя по письменным источникам, является *колонизация*, особое внимание в работе будет уделяться резким разрывам в культурном континууме, фиксирующим катастрофические события в человеческих популяциях.

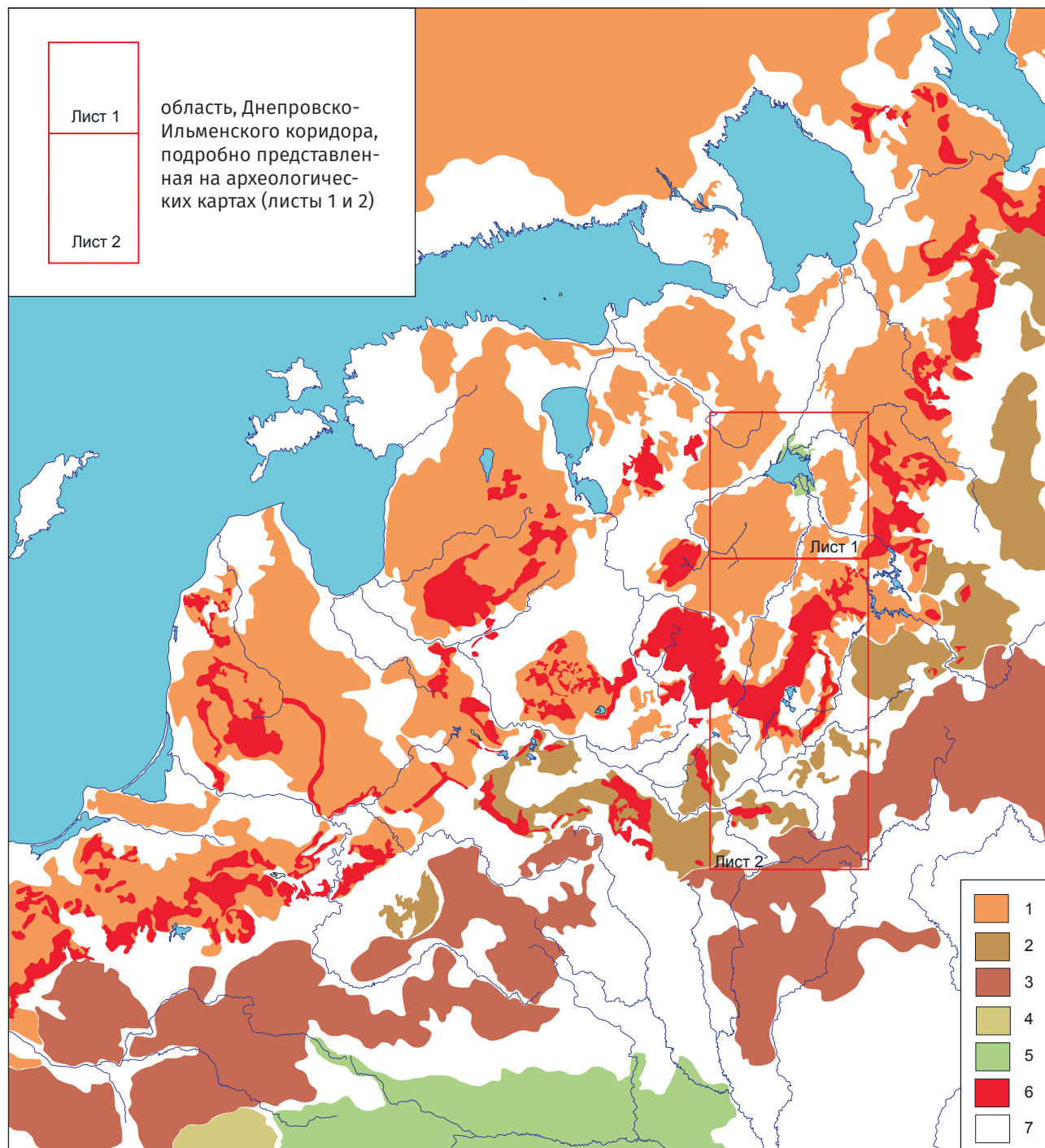
С такими катастрофами и разрывами в I тыс. н. э. связаны две эпохи. Первая из них: III–IV вв. н. э., когда гибнут «старшие» городищенские культуры (культура штрихованной керамики — далее КШК; днепродвинская культура — далее ДДК); когда в пределах интересующей нас территории исчезают древности типа среднего слоя Тушемли. Вторая эпоха перемен — VIII в. н. э., когда прекращают существование «младшие» городищенские культуры: культуры Тушемли и Банцеровщины (далее — КТБ), колочинская культура, и начинается клониться к упадку культура псковских длинных курганов (далее — КПДК).

Есть основания полагать, что в обоих случаях за культурными трансформациями стоят переселения больших групп людей, причем иных претендентов на роль мигрантов, кроме славян, история здесь не знает. Значительная часть работы посвящена методическим и практическим попыткам реконструкции особенностей миграций. Главный вопрос здесь: насколько радикальной была смена населения? Действительно ли причиной резких культурных трансформаций служили изменения этнического

Рис. 1. Основные культурные компоненты славянского мира в Центральной и Восточной Европе в третьей четверти I тыс. н. э. и раннесредневековые большие курганы на востоке и западе Балтийского региона. Рамкой выделен Восточно-Балтийский регион. 1 — пражская культура; 2 — пенковская культура; 3 — колочинская культура; 4 — культурная общность Туземля-Банцеровщина — длинные курганы; 5 — ареал сопок; 6 — большие курганы Средней Швеции; 7 — большие курганы Малопольши (по Вико 2008, кроме сомнительных случаев). Точками отмечены могильники с большими курганами

Рис. 2. Восточно-Балтийский регион и Днепровско-Ильменский коридор. Схема геоморфологического строения. Выделена территория сплошного археологического картирования в Центральном Приильменье и Двинско-Ловатском междуречье. 1, 2 — моренные равнины валдайского оледенения; 3, 4 — моренные равнины московского оледенения; 5 — аллювиальные равнины (Полесская и Приильменская); 6 — конечно-моренные гряды валдайского оледенения; 7 — озерно-ледниковые и флювиогляциальные равнины

состава популяций, за которыми стояло истребление и изгнание — два механизма архаической колонизации, известные нам по трудам Цезаря и Тацита?

Регион исследования имеет несколько «оптических фокусов приближения». Первый из них — *Восточно-Балтийский регион*, т. е. территория между Днепром, Припятью, Неманом, Финским заливом

и Ладожским озером (**рис. 1; 2**). В пределах этого пространства мною подробно исследована система расселения между Верхним Днепром и озером Ильмень, названная *Днепровско-Ильменским коридором* (**рис. 3**). Внутри него в фокусе внимания будет Центральное Приильменье с Новгородом — политическим центром Северной Руси (**рис. 72, 100**).

Рис. 3. Восточно-Балтийский регион и карта памятников, связанных с темой исследования

Хронологический период, рассматриваемый в работе, открывается годами правления императора Юстина I (518–527), когда *славяне* (*склавины* византийских авторов) начинают фигурировать в письменных источниках как языковая общность (вероятно, расчлененная на диалекты) с сознанием единства мифического происхождения (т. е. исторической континуальности), проявившимся в наличии самоназвания на фоне масштабных военных действий

и переселений, и, как доказывает археология, единым образом бытовой культуры и хозяйственно-культурного типа (далее — ХКТ)⁵. Финал интересующего нас хронологического отрезка, а именно середина десятого столетия н. э., освещен двумя дополняющими друг друга источниками: сочинением императора Константина Багрянородного (908–959) «Об управлении

⁵ В дальнейшем мы увидим, что в процессе миграции ХКТ мог претерпевать существенные изменения.

Рис. 4. Восточно-Балтийский регион и Днепровско-Ильменский коридор. Выделена территория сплошного археологического картирования в Центральном Приильменье и Двинско-Ловатском междуречье. Северный предел дуба в Восточно-Балтийском регионе (Денисов 1970). 1 — в культуре, дающей вызревающие желуди (в настоящее время); 2 — к началу агрикультурного периода; 3 — предельно известный современный; 4 — граница ареала по В. Н. Сукачеву (1938); 5 — по водоразделам современная. Точками отмечены топонимы с корнем «дуб» по А. К. Денисову (1970)

империей» (ок. 948–952) и древнерусской Повестью временных лет (далее — ПВЛ) в древнейшей ее части — договорах Руси с Византией.

В археологическом материале верхняя культурно-хронологическая граница исследования определяется образованием во второй четверти — середине X в., древнерусских летописных городов, приходя-

щих на смену архаичному административно-политическому «скелету» — системам городищ, частично накладываясь на них, но в то же время полностью их (системы) разрушая. В работе привлекаются материалы из нижних культурных слоев Рюрикова Городища, Пскова, Ладоги, Полоцка, Витебска, Усвята, Смоленска/Гнёздова.

Археологический материал, на котором предполагается решать поставленные задачи, состоит из двух блоков. В некоторой степени он получен в результате полевых и лабораторных работ автора, выполненных в 1995–2019 гг. Наиболее крупные исследования проведены на городище Городок на Маяте (768 м²), селище Городок на Маяте (80 м²), селище Горяне 1 (360 м²), селище Хачёво (336 м²), на Благовещенском раскопе Рюрикова Городища (118 м²), на Бронницком городище (265 м²), на селище Ситно (5280 м²). Несмотря на многолетние раскопки, материал невелик, что объясняется спецификой источника: раннесредневековые поселения на севере скупы на находки. Их недостаток отчасти восполнен спорово-пыльцевыми исследованиями и серийным радиоуглеродным датированием.

Спорово-пыльцевые диаграммы выполнены по семи болотным и пойменным разрезам в нескольких археологических микрорегионах (**табл. 1**). Ключевыми разрезами стали Наволок на озере Ильмень и Ситно на Волхове. Археологическая и палеогеографическая хронология работы опирается на 154 радиоуглеродные датировки. Часть этих данных издана (Еремеев, Дзюба 2010), и в этой работе задействованы лишь полученные с их помощью выводы.

В качестве сравнительного материала использованы по большей части опубликованные результаты работ Т. С. Бубенько, Е. Н. Носова, А. В. Плохова, Е. А. Рябинына, С. Н. Орлова, В. Я. Конечного, Г. В. Штыхова, С. Л. Кузьмина, М. А. Юшковой, В. П. Петренко, Н. К. Стеценко, К. Свенссона и некоторых исследователей более отдаленного времени, хранящиеся в музеях Витебска,

Минска, Новгорода, Пскова, Старой Ладogi, в Государственном Эрмитаже, Государственном историческом музее, Государственном историческом музее Стокгольма, Городском музее Стокгольма, в музее Упсалы. Для сопоставления с построенной радиоуглеродной хронологической шкалой мною использовались датировки, ранее опубликованные Е. Н. Носовым, Е. А. Рябининым и другими исследователями.

Археология в несравнимо большей степени, нежели естественные науки является феноменом культуры. Математика или физика заканчиваются на рубеже, определяемом понятиями «истинное» и «ложное». Археология, в силу материальности своего предмета, начинается ранее этого рубежа, но продолжается значительно далее, вторгаясь в область духовной культуры и становясь ее частью. Научная гипотеза рождается в археологии и истории именно на этой, очень размытой, грани.

Актуальность предложенной темы определяется важностью изучения исторических судеб славянства. Недостаточное присутствие в научном и культурном дискурсе текущей эпохи темы *славянского мира* сыграло не последнюю роль в российско-украинской политической катастрофе и в перспективе ведет к аналогичной российско-белорусской. Современность показывает, что самоубийственный разрыв России с относительно моноэтничными славянскими государствами Восточной Европы не может быть преодолен ни на уровне экономики, ни, тем более, на уровне политической активности элит. Это может быть сделано в первую голову на уровне культуры, формирующей базовые архетипы народного сознания.

Табл. 1. Сопоставление количества радиоуглеродных датировок археологических объектов (слева) и связанных с ними природных объектов – пойм и болот (справа)

Датировки по исследованным археологическим комплексам		Датировки по природным комплексам, на которых заложены разрезы	
Поселение, годы работ	Количество датировок	Объект, годы работ	Количество датировок
Городище Лужесно	—	Болото Лужесно	8
Селище Хачево	3	Озеро Балничевское	1
Городище Крюки	1		
Селище Горяне	7	Пойма Зап. Двины	2
Стоянка Липно	1	Болото Наволок	14
Городище Городок на Маяте	47		
Селище Городок на Маяте	1		
Городище Сельцо I	—	Болото Выползово	15
Бронницкое городище	14	Болото (озеро) Ямно	9
Рюриково Городище	9	Пойма Волхова	16
Селище Ситно	6		
Всего	89	Всего	65
Всего датировок по теме работы		154	

Злободневна и тема взаимодействия культуры с природным окружением. Выход из стоящего перед человечеством экологического кризиса возможен только через философско-историческое понимание этого взаимодействия.

Полезность труда историка и археолога определяется широтой введения в науку новых источников и наличием комплекса идей, обеспечивающих этим источникам период активного функционирования в современной культуре. Соблюдая последовательность целей, я постарался вместить в работу как можно больше нового материала из раскопок 2000–2010-х гг. Надеюсь, он будет полезен коллегам в случае неприятия концептуальной части работы, хоть он утяжеляет труд и сообщает ему рискованную многоплановость.

Методика исследования. Наметившаяся в процессе работы ее разноплановость (особенно наличие главы, посвященной этничности) заставила меня отказаться от традиционного историографического раздела, грозившего непомерным объемом. Взамен, я постарался максимально насытить историографией текст. Работа выполнена в русле *археологической географии* — комплексной дисциплины, разработанной А. М. Микляевым (Микляев 1984, 1992, 1995) и успешно развивающейся в наши дни (Археология озерных поселений 2014).

Важным условием работы является *контекстное мышление*, в рамках которого предмет рассматривается на фоне широкой панорамы знаний, как из области естественных наук, связанных с природной динамикой, так и из области социологии и этнологии. Представления об этносе вырабатывались, с одной стороны, под влиянием археологической географии, ставящей на первое место взаимодействие древних коллективов и экосистем, а с другой стороны, под воздействием мифологического подхода к проблеме идентичности, представленного в философских трудах К. Хьюбнера и Р. Жирара (Хьюбнер 1994, 1996, 2001; Жирар 2010, 2010а и др.). Весьма перспективным представляется противопоставление современному человеку *человека мифического*, который со своей языческой этикой и *этническим* видением мира является объектом нашего исследования (Байбурин 1993; Хьюбнер 2001: 275). Вне понимания этого различия не могут быть правильно интерпретированы и археологические древности. Важное теоретическое значение для этой работы имеют труды А. Ф. Лосева по теории мифа и *мифического* сознания, в первую очередь непревзойденная по научной и духовной смелости «Диалектика мифа» (Лосев 1991). Нельзя было пройти и мимо трудов по теории науки П. Фейерабенда, продемонстрировавшего мифическую составляющую самого научного познания (Фейерабэнд

2007, 2010, 2010 а). Книги этого автора позволяют утверждать не только мифичность предмета исследования, но убеждают, что и труд ученого, не исключая методики, вторгается в пространство мифа.

От этногенетических и колониционных процессов неотделим феномен агрессии. Поэтому работа обращена к теме насилия в древности и проблеме отражения его в археологии. В разработке этой темы я опирался на труды Р. Жирара, теоретические разработки К. фон Клаузевица и его современного критика — Х. Хофмайстера (Клаузевиц 1998; Хофмайстер 2006). Ключевое место в исследовании отведено древностям, отразившим силу и насилие в древних обществах (большие курганы и городища).

В работе используются данные ландшафтоведения, палеоботаники и радиоуглеродный анализ. Для правильной интерпретации результатов этих дисциплин необходим выход за рамки узких культурно-хронологических срезов. Поэтому нередко мне придется расширять заявленные хронологические рамки исследования: как до времен становления производящего хозяйства вплоть до эпохи раннего металла (далее — ЭРМ), так и до Позднего Средневековья.

Если экскурсии в ЭРМ нужны для понимания ландшафтных изменений, то привлечение позднесредневековых письменных источников связано с обращением к географии и динамике древних коммуникаций. Изучение дорожной сети, так же, как и динамики ландшафтов, возможно только на широком хронологическом срезе при сопоставлении данных археологии, письменных источников и картографии. Необходимость широкого хронологического охвата в историко-географическом исследовании многократно обоснована (Микляев 1992; Булкин и др. 1999; Кренке 2011). Мною этот метод применялся ранее при изучении средневекового Усвята (Еремеев 2015)⁶.

В работе присутствуют элементы микрорегионального подхода, хотя я старался отойти от него. В археологии Северо-Запада он немало навредил, мешая воспринимать славянский мир как единство и сводя историю регионов к *изолированному взаимодействию* в дремучих лесах равноценных по историко-культурному потенциалу разноэтнических групп. Между тем, исследуя эти леса, не следует упускать из виду, что изучается часть огромной цивилизации, заявившей о себе как об одной из ведущих исторических сил уже в начале VI в. н. э. Поэтому для понимания происходившего на Северо-Западе потребуются некоторые экскурсии в историю ее юго-западной периферии.

⁶ См. главу: Усвят в системе средневековых коммуникаций (Еремеев 2015: 190–227).

Структура работы. Работа состоит из шести глав и четырех приложений.

Глава 1 (Теория и методика работы) образует вступительную часть, где определяются социологические идеи и методические подходы, на которые опирается исследование.

Глава 2 (Дунайский миф и славяне лесной зоны Восточной Европы) дает историко-географический контекст, в котором планируется рассматривать материал. Наличие этой главы диктуется необходимостью сделать переход от теоретической части к археологическому материалу более плавным.

Глава 3 (Ресурсы и природные условия Восточно-Балтийского региона по данным археологии) суммирует данные по динамике увлажненности рассматриваемого региона в исторический период и в предшествующее ему время. Эти данные позволяют вывести заключение об истории формирования раннесредневековых ландшафтов Приильменья и об их существенных отличиях от современных.

Глава 4 (Центральное Приильменье — ключ к изучению славянской колонизации в Восточно-Балтийском регионе) посвящена анализу археологических памятников Приильменья. Делается попытка показать славянскую колонизацию региона как длительный процесс, занявший период с конца V по VIII в. н. э.

Глава 5 (Скандинавская экспансия в Восточно-Балтийском регионе VIII–IX вв.) посвящена анализу скандинавских древностей региона и попытке реконструировать характер движения норманнов в эту часть Европы. Ключевое место уделяется вопросу о возможной аграрной колонизации Поволховья древнескандинавским населением.

Глава 6 (Славяно-скандинавский культурно-политический синтез в VIII — первой половине X в.: динамика земледельческих традиций и погребальный обряд) рассматривает процесс синтеза древнескандинавских и славянских культурных традиций в Ильменском регионе, завершившийся формированием раннего варианта древнерусской культуры (IX–начала X в.). Археологическим воплощением этой культуры стали сопки и фортификационные сооружения нового типа на Рюриковом Городище. Работа содержит четыре приложения.

Приложение 1 (Каталог укрепленных поселений, материалы которых учтены в исследовании) содержит описание городищ, расположенных как в Приильменье и Поволховье, так и южнее, вплоть до Белоруссии.

Приложение 2 (Таблицы отбора образцов для радиоуглеродного анализа на средневековых поселениях и в болотных разрезах Северо-Запада) включает датировки, полученные автором, а также некоторые данные, опубликованные другими исследователями.

Приложение 3 (Разрез № 1 на селище Ситно. Палинологический анализ) написано О. В. Кочубей и содержит описание построенной этим автором спорово-пыльцевой диаграммы разреза в Волховской пойме.

Приложение 4 (Топография монетных и денежно-вещевых кладов IX–XI вв. в Восточно-Балтийском регионе) несет информацию о кладах, отмечающих древние коммуникации. Особое внимание обращается на географию находок, позволяющую реконструировать систему путей сообщения.

Большое количество иллюстраций требует сложной системы ссылок на рисунки. Поэтому иллюстративный материал разбит на два блока. Первый из них, связанный с текстом, в нем и размещен. Ссылки на эти рисунки выглядят так: «рис. 6: 3».

Отдельный блок иллюстраций посвящен большим курганам Центральной Швеции. Иллюстрации имеют для удобства пользования другую нумерацию и индекс, например: «ил. 6: 3». Наконец, отдельную нумерацию имеют микрофотографии пыльцы в Приложении 3.

Вышеупомянутый материал сгруппирован в две книги. Первый том посвящен вопросам методологии этноархеологического исследования, палеоэкологическим аспектам и содержит основные археологические источники по славянизации края. Он включает главы 1–4 — центральную часть исследования. С ней связаны Приложения 1–3. Второй том содержит главы 5 и 6 с Приложением 4. Разделы Введение и Заключение, находящиеся соответственно в первом и втором томе, относятся ко всей работе. Литература и архивные источники в обоих томах дублируются.

Исследование выполнено в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН в 2016–2020 гг. В основе лежат полевые изыскания автора в Псковской, Смоленской и Новгородской областях в 1995–2020 гг., которые велись в рамках работ Северо-Западной экспедиции Государственного Эрмитажа (1995–2000 гг.), Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН (2001–2016 гг.) и Двинско-Волховской экспедиции ИИМК РАН (2019–2021 гг.). Приношу глубокую благодарность их участникам, со многими из которых меня связывает многолетняя дружба.

Работа была бы невозможна без постоянной поддержки РФФИ, благодаря которой были реализованы исследовательские проекты на городищах Городок на Маяте (2003–2008 гг.), Бронница (2013–2015 гг.), в Усвятах (2019–2021 гг.). Работы на Рюриковом Городище в 2013–2016 гг. осуществлялись совместно с Е. Н. Носовым при поддержке РГНФ.

Шведский археологический материал, архивные источники и литература были собраны мною в 2004–2009 гг. при щедрой поддержке Шведского института.

Эта работа не была бы выполнена без ценных советов профессора Ингмара Янссона (Стокгольмский университет, Институт археологии и классических исследований). Очень важна была для меня при работе в Швеции товарищеская поддержка Ф. О. Андрощука, ныне директора Национального музея истории Украины.

Часть изложенных ниже соображений была опубликована в двух монографиях (2010 и 2015 гг.). В работе 2010 г. (Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки) принимал также участие коллектив ботаников и географов (О. В. Лисицына, А. В. Данилова, Е. Ю. Мещерякова) под общим руководством О. Ф. Дзюба. Ее ученица, О. В. Кочубей, участвовала в нашем проекте на Ильмене.

Некоторые сюжеты из вышеупомянутой книги в отредактированном и дополненном мною (разумеется, только в сфере компетенции археологии) виде вошли в данную работу. Это связано с тем, что изучение природных объектов продолжалось после первой монографической публикации. Откорректированное воспроизведение здесь уже опубликованных сюжетов, связанных, например, с таким важным памятником природы и археологии как Наволокский торфяник, необходимо для понимания результатов новейших исследований. К глубокому сожалению, в этой работе не приняла участия О. Ф. Дзюба, скончавшаяся летом 2016 г. Ольге Федоровне это исследование обязано очень многим.

В работу в дополненном виде вошел ряд положений из книги 2015 г. (Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона), рас-

ставаться с которыми мне пока жаль. Часть гипотез пришлось отвергнуть, чему посвящены некоторые страницы этой работы.

Этнокультурные исследования немыслимы без обращения к древним и средневековым авторам. При этом я руководствовался имеющимися русскими и английскими академическими переводами. Отсюда двойная система ссылок: на первом месте классическая публикация источника, на втором — использованный перевод.

Я признателен коллегам, взявшим на себя труд познакомиться с рукописью и обсудить ее на разных стадиях готовности. Неоценима помощь И. О. Гаврилухина, И. В. Ислановой, А. А. Липатова, Н. В. Лопатина, В. С. Нефёдова, М. С. Павловой, М. А. Раззак, О. В. Щегловой, А. Г. Фурасьева. Некоторую часть отмеченных ими упущений удалось восполнить. Разумеется, полную ответственность за итоговый текст несет автор.

Май 2020 г., Санкт-Петербург

Эта книга была закончена весной 2020 года. Ликвидация в следующем году академических издательских грантов лишила ее всяких перспектив на публикацию. Автор искренне признателен руководству ИИМК РАН, принявшему в 2022 г. решение об издании рукописи на средства института. Некоторые публикации и идеи последних трех лет остались за рамками работы. Одна из центральных тем книги, — роль насилия в этногенезе, — в современном мире трагически перерождается в историческую реальность, что не умаляет важности научных исследований данного предмета.

Июнь 2023 г., Санкт-Петербург

И. И. Еремеев

ГЛАВА 1. Теория и методика работы

Все болит у древа жизни людской...

К. Н. Леонтьев⁷

В социальных науках редко реализуется очевидная мысль о том, что любая методология стоит чего-то лишь тогда, когда основывается на творческой свободе. Данная глава — опыт поиска такой опоры. В центре внимания этой книги находятся два свойства архаических социумов и их культуры — динамичная взаимосвязь с окружающей средой, основанная на постоянном поиске оптимальных форм эксплуатации природных ресурсов, и *этничность* как одна из форм этого поиска, закрепившаяся в духовной или *мифической* сфере бытия. В этой сфере создаются и осмысливаются знаковые системы, из которых на первом месте стоит язык — Слово (так переведен на славянский язык Кириллом и Мефодием евангельский λόγος).

Под *этничностью* я буду подразумевать *свойство* людей объединяться в устойчивые многочисленные межпоколенные конкурирующие группы, стремящиеся к достижению оптимальных условий для извлечения ресурсов из определенной биологической ниши, чаще всего (но не всегда) из известного сегмента географического пространства. В историческом процессе это *свойство* выражается в объединении людей, в обыденной жизни называемом *народом*, а в отечественной научной терминологии — *этносом*. Два этих термина будут использоваться в работе как синонимы. Таким образом, работа является попыткой спроецировать на археологический и исторический материал некоторые достижения двух исследовательских направлений — *этногенетического* и *экосистемного*.

Речь идет не об адаптации к окружающей среде в том смысле, в котором этот термин использует биология или этология. Связь между этими устойчивыми группами людей, применяемыми ими способами извлечения ресурсов и географическим пространством обеспечивалась *мифическим постижением действительности* (часто далеким от биологической целесообразности) которое переплывало материальную действительность в *знание, олицетворенное в этносе*. Последний как некое *материальное тело* вбирал в себя всех своих членов, живущих, ушедших и нерожденных. Проявление этого феномена в раннесредневековом погребальном обряде будет рассмотрено в своем месте. Ключевой

характеристикой *этноса* как феномена *мифического* сознания является (говоря языком науки) его *историчность* или (на языке мифа) наличие у него *судьбы* (Хьюбнер 2001: 52).

Использование популярного термина *этногенез* не является необходимостью, но, учитывая устойчивость этого термина в научной литературе, он будет применяться как указание на проявление *этничности* в отдаленном прошлом.

Меняющиеся представления ученых о *народах/ этносах* прошлого и современности демонстрируют зависимость от «духа времени» — глубинных тенденций в политической и экономической жизни. В русской науке в области теоретического изучения *этничности* (*этногенеза*) основной вектор развития составляет движение от концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского (Данилевский 1991 (1871)) к социал-дарвинистской концепции *этноса* С. М. Широкогорова (Широкогородов 1923)⁸ и далее к советской теории *этноса* (Бромлей 1973, 2009 (1983)) с дополняющей ее концепцией Л. Н. Гумилева (о концептуальных параллелях в трудах Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилева см. напр.: Алексеев 1993; Клейн 2013: 32). Дальнейший путь ведет к постмодернистской конструктивистской этнологической парадигме эпохи мультикультурализма (Тишков 2003). Последняя смена концептуальных ориентиров связана с революционной эпохой 1990-х гг., которая, как и каждая революция, склонялась к отрицанию принципа историзма в объяснении окружающего

⁷ Леонтьев 2000: 101.

⁸ О дарвинизме в социологии начала XX в. см.: Ковалевский 1910. Элементы концепции этноса прослеживаются также в трудах Н. М. Могиланского и Ф. К. Волкова, современников С. М. Широкогорова (Альмов 2017). Русское научное сообщество в начале XX в. весьма скептически относилось к западноевропейским социальным концепциям «крови и железа», уподобляющим народы животным видам, ведущим борьбу за выживание (см., например, критику М. М. Ковалевским идей австрийского социолога Л. Гумпловича в известном сборнике «Памяти Дарвина» 1910 г.) (Ковалевский 1910). В советский период подобные идеи, как известно, централизованно и решительно искоренялись.

мира, и с возобладавшем в сознании отечественных этнологов авторитетом западноевропейской (англосаксонской) социальной антропологии. Сказалась и дезорганизация отечественной науки, целенаправленное политическое и экономическое воздействие на нее.

Парадокс заключался в том, что монополия конструктивистского видения этничности закрепились в отечественной науке на фоне очевидного роста национализма на всем обозримом из России событийном пространстве — от объединения Германии и новых балканских войн до многочисленных этнических конфликтов в пределах бывшего СССР. Обращение к биологическим аспектам культуры, представленным на Западе, например, работами Ван дер Берге (Van den Berghe 1987; Ванханен 2014) остается в России эпизодическим (Шажинбат 2015, 2015 а, 2015 б). Распространение концепций этологии на социальную теорию вызывает тревогу и критику, часто на грани политических обвинений (Шмерлина 2001; Шнирельман 2011: 328–360; 2013: 5).

В западной антропологии и этнологии благодаря работам Рене Жирара важное место занимает философское богословие (Жирар 2010, 2010 а, 2015, 2016, 2016 а, 2019). Говорить о роли современной отечественной науки в этой области пока не приходится, хотя труды русских религиозных философов конца XIX — начала XX в. (И. А. Ильина, К. Н. Леонтьева, Е. Н. Трубецкого и самого «археологичного» из них — Н. Ф. Федорова) позволяют надеяться на восстановление этого направления. Первым шагом к этому стали работы Г. М. Прохорова в области изучения динамики общественного сознания Древней Руси в связи с ее христианизацией (Прохоров 2010).

В обозримом будущем на смену упрощенно-конструктивистской парадигме, надо полагать, придет новое понимание *этноса*, основанное на более гибком, комплексном подходе. Об этом сигнализируют изменения в мировой политике, связанные со сложностями глобализации. Путь упразднения «мира наций», еще в 1990-е гг. многим казавшийся неизбежным на пути прогресса цивилизации (Хобсбаум 1998: 292, 296, 302; Кол 2013: 31) становится все более темным. На первом месте среди сложностей рост (по крайней мере, очевидное неугасание) насилия в международных и межэтнических отношениях (Хофмайстер 2006: 14, 15; Атран 2016: 493). Поэтому особую актуальность приобретают труды, обращенные к изучению роли насилия и агрессии в культуре. В первую очередь, переосмысление произойдет, надо полагать, со стороны политической антропологии, изучающей природу насилия, иерархии и властных структур, обращаясь, в разной степени завуалированно, к идеям этологии — науки об инстинктив-

ном поведении и его эволюции (Крадин 2004, 2011). Роль, которую предстоит здесь сыграть археологии, связана с дефицитом историзма в политической антропологии.

В отечественной историографии повышенное внимание вновь вызывают теоретические работы С. М. Широкогорова об этносе как биосоциальном организме (Shirokogoroff 1924, 1935; Широкогоров 2012 (1923)). К сожалению, отброшенный гражданской войной на окраину Российской империи, а затем эмигрировавший ученый не сумел издать свой *opus magnum*, посвященный теории этноса (Сирина, Закурдаев 2016: 4). Но даже в конспективном изложении его концепция остается актуальной (Ревуненкова, Решетов 2003; Кузнецов 2006; Дугин 2011).

Заслуживают внимания и теоретические идеи Л. Н. Гумилева, продолжающие влиять на ряд направлений гуманитарного знания в России (Найдыш 2004: 525–528; Гладкий 2010: 344–347). Оппоненты Л. Н. Гумилева обычно указывают на периферийное положение его идей в отечественной науке, подчеркивая определенное дистанцирование от них профессиональных историков, этнологов и археологов. Это явление не следует преувеличивать. Действительно, небрежное обращение Л. Н. Гумилева с историческими текстами и археологическими источниками заставляло и заставляет узких специалистов воздерживаться от цитирования его трудов. Однако его *теоретические* идеи легко опознаются во многих профессиональных штудиях. Приведем, например, такую цитату из классического археологического исследования:

«В прошлом каждого народа или группы народов, живущих в пределах одной историко-этнографической области, т. е. связанных территорией расселения, постоянными культурными контактами, языком и общей исторической судьбой существует эпоха максимального напряжения творческих сил, когда закладываются основы определенной культурной модели, развивающейся затем на протяжении всех последующих поколений. Такой эпохой в истории народов Южной Сибири, предков современных алтайцев, тувинцев, хакасов, шорцев <...> явилась древнетюркская эпоха, охватывающая более пяти столетий формирования древнетюркского историко-культурного комплекса» (Савинов 1984: 3).

В цитате нет ссылок на Л. Н. Гумилева, но, если отвлечься от несколько странной продолжительности «максимального напряжения творческих сил», несложно увидеть в труде Д. Г. Савинова контуры концепции «пассионарного толчка». Примеры огромного влияния Л. Н. Гумилева на отечественную историческую и археологическую науку можно приводить беско-

нечно. Дело здесь в том, что имеет место неправильная оценка Л. Н. Гумилева как *историка*, между тем, как основные его достижения лежат в области *социальной антропологии*. Труды ученого играют красками не в ряду произведений академической истории, а рядом с историческими штудиями военно-политических аналитиков, таких как Э. Н. Люттвак или М. ван Кревельд, или политологов (например, Д. Норт с соавторами). Основная заслуга Л. Н. Гумилева, как мне представляется, заключается в актуализации темы основополагающей роли насилия в этнических и культурных процессах. Это то направление, которого официальная советская и российская наука целенаправленно избегали.

В области взглядов на взаимодействие человека и природы динамика не менее заметна и направлена в ту же сторону, что и динамика идей в этнологии и социальной антропологии. Географический детерминизм XIX в. на рубеже XX столетия сменили идеи географического поппозитивизма (Тойнби 2010), в России наложившиеся на марксистскую социальную теорию. В последующее время развиваются теории экосистемного развития, взаимодействия человека и природы (Александров и др. 2008; МакНилл 2008; Радкау 2014). Как писал в 1990-е гг. академик Н. Н. Моисеев, вновь имеет место «известная гуманизация естествознания и техники <...> и расширение общих представлений о содержании культуры, идущее со стороны естествознания» (Моисеев 2003: 125). В поисках гармоничного выхода из грозящих человечеству кризисов происходит обращение к науке о биосоциальных аспектах поведения человека, в частности изучению под этим углом зрения феномена этничности.

Внимание историков и философов все больше приковывает связь технического прогресса (понимаемого как развитие и усложнение материальной культуры) и постепенного разрушения биоценозов, за счет которых живут цивилизации, поиск ими новых природных ресурсов и борьба за них (Моисеев 2003: 108; Моррис 2017). В отечественной археологии такое видение культуры (в частности материальной культуры), впервые было сформулировано все тем же С. М. Широкогоровым (Широкогоров 2012 (1923): 122)⁹. Концепция обрела право на существование еще в советское время (Никитин 1982; Микляев 1992; Алексеев 1991, 1993: 85–86). При этом начиная с 1930-х гг. тема извечного соперничества социально-политических организмов (в частности, принимающего этнические формы) за ресурсы всячески

сглаживалась советскими исследователями. Отчасти это делалось в силу марксистских приоритетов классовой борьбы, отчасти — из-за опасения параллелей с европейской консервативной философией, например, с идеями немецкой консервативной революции и геополитики Ф. Ратцеля, К. Хаусхофера, К. Шмитта, О. Шпенглера с их концепцией борьбы за жизненное пространство (Хаусхофер 2001; Шмитт 2008; Шпенглер 2009) и трудами в духе А. Мёллера ван ден Брука о «старых» и «молодых» народах и их «природных» правах на это пространство (Алленов 2001) или В. Зомбарта и О. Шпенглера о «народах торгашеских» и «народах героических» (Шпенглер 2002; Зомбарт 2005) о самоотверженных вождях, ведущих народы к реализации исторической миссии и славе (Шпенглер 1998а).

Благодаря интенсивным советско-германским связям Веймарского периода эти авторы были известны интеллектуалам в России. Первый том книги О. Шпенглера «Закат Европы» был издан в Москве уже в 1923 г. Перевод его небольшой брошюры «Прусачество и социализм» (наброски второго тома «Заката Европы»), как известно, появился в русском переводе в СССР в 1922 г., тогда же вышла и знаменитая книга статей «Освальд Шпенглер и закат Европы». После прихода Гитлера к власти перечисленные немецкие авторы ассоциировались в СССР с интеллектуальным обоснованием национал-социализма, несмотря на то, что общего языка с нацистами они, по большей части, не нашли.

Хотя сегодня, вслед за лучшими учеными-идеалистами, например за В. П. Алексеевым, хочется верить в приоритет гуманистической составляющей, несомненно, растущей экологизации науки и культуры (Алексеев 1993: 160), нельзя не видеть и тревожных элементов этого процесса. Экологизация общественного сознания вовсе не означает его гуманизацию, как казалось многим послевоенным мыслителям XX в., развивавшим свои идеи в натурфилософском русле, и как представлялось деятелям европейского экологического движения. Напротив, на фоне нарастающего осознания хрупкости и глобальной взаимосвязи экосистем, конечности ресурсов планеты, огромности разрыва в технологиях их присвоения у разных народов Земли, мы видим в мире тенденцию к росту агрессии и актуализации идей геополитики, лишенной идеологии (Хантингтон 2003: 24, 25), т. е. к определенному витку упрощения (демифологизации) социально-политической культуры.

Попытка рассмотреть начальную историю Восточно-Балтийского региона на фоне этой новой формирующейся реальности и тем самым глубже ее осознать кажется мне важной.

⁹ С. М. Широкогоров назван археологом не случайно: он имел специальное образование и вел археологические изыскания.

1.1. Этнос и этничность в отечественной истории и археологии

Одним словом, понять, кто свои, кто чужие и почему одни свои, а другие – чужие, совсем не просто и зависит от множества обстоятельств. А понять это необходимо, тем более что процессы идентификации людей и народов, их цивилизационной принадлежности тесно переплетаются с процессами модернизации и выбором путей в надвигающемся экологическом кризисе.

Н. Н. Моисеев.

Современный антропогенез
и цивилизационные разломы¹⁰

Но если к такой оправданной установке присоединяется заблуждение псевдодемократической доктрины, будто все человеческое поведение структурируется кондиционированием и поэтому его можно так же неограниченно изменять и исправлять, то это приводит к тяжкому прегрешению против человеческого общества.

Конрад Лоренц.

Восемь смертных грехов
цивилизованного человечества¹¹

Обдумывая название этой рукописи, я вполне осознавал уязвимость его для критики и необъятность теоретических и методических проблем, которые легко было бы обойти, будь тема сформулирована иначе, например, как «Динамика культурных трансформаций в N-ском регионе в такое-то время». Действительно, перед археологом, который обращается к *этническим* дефинициям (в нашем случае это *славяне* и *норманны*) возникает ряд капитальных онтологических проблем. Сложность определения (как в исторической ретроспективе, так и в современной реальности) таких многоплановых понятий, как *этнос* и *этничность*, и, как следствие, отсутствие в отечественной (да и в мировой) науке общепризнанной современной теоретико-методологической базы для их изучения составляют основную проблему. Очевидно, что исчерпывающая характеристика *этничности* невозможна, потому что явление лежит в области фундаментальных человеческих качеств, так же как, например, *религиозность* или *агрессивность*.

Кроме того, исследования в этой области чрезвычайно осложнены связью темы этничности с болезненными вопросами современной национальной политики и межнациональных отношений, т. е. с жесткой идеологической борьбой (Чешко 1994: 36; 1995: 12; Арутюнов 1995; Колпаков 1995: 21; Рыбаков 2001а;

Соколовский 2004: 27; Шнирельман 2003, 2006; Скальник 2006; Кузнецов 2008, 2008а)¹². Накал страстей не ослабевает и там, где имеют место попытки переноса теории в, казалось бы, нейтральную область практических историко-археологических исследований.

Но зачем нужны этнонимы в археологическом исследовании, какие преимущества дает их использование? Ответ в том, что для людей занимающей нас эпохи (т. е. для обитателей аграрной дохристианской Европы) существование *народов/этносов* (по русской летописи – *родовъ*, *племень* или *языцей*) являлось непреложной реальностью, исходя из которой они строили свою глобальную стратегию поведения¹³. Материальная культура является непосредственным отражением этой стратегии, т. е. заведомо несет в себе следы древних *этничностей/идентичностей*. Отказ современного исследователя от этнических интерпретаций археологического материала равносильен отказу от попыток исследовать центральный элемент механизма исторического процесса. Весь вопрос в том, как вычленили эти материальные воплощения *этничностей/идентичностей* в материальной культуре.

Уместно вспомнить слова Р. Жирара, сказанные по поводу изучения *мифического* сознания, но очень точно передающие суть стоящей перед нами проблемы:

«Точно так же, как писатели-реалисты в 1850 г., наши гуманитарные науки видят в нечеловеческом холоде и бесстрастности самое подходящее для научного знания состояние духа. Математическая строгость точных наук вызывает восхищение и часто заставляет понимать слишком буквально метафору „строгости“. Тогда исследование начинает пренебрегать теми чувствами, от которых нельзя отказаться безнаказанно, так как они играют существенную роль в самом изучаемом предмете» (Жирар 2010: 124).

1.1.1. «Советская» концепция этноса

Система взглядов, которую в научной литературе часто называют «советской теорией этноса» не была советской ни по государственно-политической при-

¹² При этом *субстанциональная* составляющая теории часто в большей или меньшей степени завуалированно рассматривается как «одно из средств оправдания этнического насилия» (Чешко 1994: 36).

¹³ Вокруг термина *племя* в отечественной историографии существует полемика, так же, как и в западной науке вокруг английского *tribe*. Предлагаются различные нейтральные термины: *группа (group)*, *полития (polity)* и т. п. (Pohl 2018: 18). Мне не кажется существенным этот спор о политкорректной терминологии. Предложение отказаться от термина *племя* ввиду того, что оно не используется в летописях в его нынешнем значении, звучит небедительно. Много ли элементов современного научного языкового аппарата можно отыскать в древнерусском языке?

¹⁰ Моисеев 2003: 99.

¹¹ Лоренц 2016: 57.

надлежности (поскольку вышла из западноевропейской теории), ни по духу (так как не была связана с марксизмом). Назвать ее теорией тоже можно с долей скепсиса, поскольку она не могла объяснить феномен этничности, не войдя в явное противоречие с марксистской идеологией. Это была лишь стартовая площадка для теоретических изысканий, на которой несколько десятков лет топталось (и состарилось) целое поколение ученых-этнологов (см., например: Кушнер 1951; Токарев 1964; Королюк 1976а; Алексеев 1979; 1986; Чебоксаров, Чебоксарова 1985; Арутюнов 1989, Козлов 1969, 1999).

В основе концепции Ю. В. Бромлея лежали определения С. М. Широкогорова, наиболее удачно сформулированные им в поздней работе:

«Evidently the unit must be given a different character if it is intended to be used as a scientific tool.

All the above indicated units result from a similar process, in so far as we can see from its final manifestations: more or less similar cultural complexes, speaking the same language, believing into a common origin, possessing group consciousness, and practising endogamy. This is a definition which corresponds to our definition of *ethnic unit*. However, not all of them are "ethnic units". In fact, we have seen that such a crystallization may occur in any group: groups implied by the environment, economic activity, psychomental complex, and especially peculiar conditions of interethnic milieu about which I shall speak later. Yet, such a crystallized state is not always observed and in some groups it rarely occurs, as for instance, in groups based upon religious and economic differentiation. This is a *PROCESS which may result in the formation of ethnic units, and this process I have called ETHNOS*» (Shirokogoroff 1935: 14).

Итоговая черта под этими теоретическими поисками подведена в работах Ю. В. Бромлея (Бромлей 1973, 2009 (1983)). Этнос рассматривался как динамическое историческое явление, возникающее «не по воле людей, а в результате исторического процесса» (Бромлей 1973: 27). При этом существование этноса может длиться столетиями «на протяжении нескольких социально-экономических формаций» (Бромлей 2009 (1983): 235). Именно в историчности подхода к вопросам этногенеза заключалась основная особенность отечественной школы, ее сила и слабость.

Необходимым условием существования этноса признавалось *этническое самосознание*, выраженное в представлениях об общем происхождении (или «общности исторических судеб членов этноса») и в самоназвании (Бромлей 1973: 31, 32, 103–105; 2009: 45–46, 56, 173; Алексеев 1986: 135; Арутюнов 1989: 9), а также единство языка и культурных традиций, которые «в концентрированной форме фиксируют исторический опыт» этноса (Бромлей 1973: 64, 105;

2009: 190) и формируют «этническую культуру» (Бромлей 2009 (1983): 55). Этническое самосознание реализуется «путем этнически значимых действий» (Бромлей 2009 (1983): 195).

В соответствии с марксистско-ленинской философией, этническому сознанию (как и любой форме сознания) полагалось быть вторичным. Это противоречие Ю. В. Бромлей видел и комментировал не без смущения (Бромлей 2009 (1983): 196). Тем не менее, идея общности происхождения в исторической динамике этноса признавалась первичной по отношению к идее культурной общности (Бромлей 2009 (1983): 288). Важнейшим условием формирования этноса и течения этнического процесса признавалось единство территории (Бромлей 2009 (1983): 50, 57, 122; Алексеев 1979: 199–200; 1986: 24).

Особенно важным фактором в жизни этноса, выявляющим его основные свойства, Ю. В. Бромлей считал миграции (Алексеев, Бромлей 1968; Бромлей 1973: 35–37). Еще одним интересным звеном концепции была ее эсхатологичность (с коммунистической перспективой): этносы формируются лишь «в обозримом будущем, пока все человечество не станет единой культурной общностью» (Бромлей 1973: 153). Эта адаптированная к советской идеологии непрерывного прогресса христианская идея Царства Божия, лишала концепцию универсальности и вносила в нее противоречивость. Итогом изысканий Ю. В. Бромлея стала дефиниция этноса, так или иначе определявшая академическую линию развития этнографии и археологии в СССР:

«...исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» (Бромлей 2009 (1983): 57, 58).

Еще одно определение этноса дано Ю. В. Бромлеем в финале его труда:

«...результат совместной исторической практики ряда поколений людей, воплощенной в специфических материальных и духовных атрибутах этой общности и фиксированной в сознании ее членов» (Бромлей 2009 (1983): 383).

Критики Ю. В. Бромлея и советской теории этноса, как правило, возводят ее к сталинской «теории нации» (Скальник 2006; Филиппов 2010: 7; Шнирельман 2011: 243; Овчинников 2013: 139). Это положение, отождествляющее критикуемую теорию с политической

фигурой, олицетворяющей в общественном сознании ужасы советского тоталитаризма, носит, конечно, политехнологический характер.

Подобный полемический прием широко распространен в наше время и имеет на вооружении не только фигуру Сталина. Сравним, например, красочное сопоставление высказываний Л. Н. Гумилева и гитлеровского рейхсминистра восточных территорий А. Розенберга в одной из работ В. А. Шнирельмана (Шнирельман 2006: 10). Между строк читается вывод: Гумилев и Розенберг — одного поля ягоды¹⁴.

Процесс создания «сталинской теории нации» ныне хорошо изучен (Филиппов 2010). В основе ее, как и в программном труде А. Розенберга «Миф XX века», названном когда-то Э. Юнгером «самым пошлым собранием наспех списанных общих мест» (Юнгер 2002: 196), лежит поверхностная компиляция из европейской социологической литературы. Вряд ли можно рассматривать Сталина, Гитлера, Розенберга и иных политиков XX в. в качестве фигур, определяющих внутривековые тренды гуманитарной науки. Скорее напротив. Одним из важнейших качеств политика является умение улавливать и упрощать духовные и интеллектуальные веяния эпохи, ставить их на службу партийным интересам. Бессмысленно искать в этой области концептуальную самостоятельность; наука всегда движется впереди политической публицистики.

Гитлер и Сталин были *революционерами*, весьма далекими от этнического видения мира в академическом или традиционалистском духе¹⁵. Сталин всю жизнь был последовательным марксистом — интернационалистом (Шафаревич 2003: 71–181). Скептическое отношение Гитлера к «прусскому социализму» хорошо известно, как и то, что нацистское движение

¹⁴ Во многих работах по этничности/идентичности, далеких по тематике от политической современности, неизменно звучит упоминание субстанциональной парадигмы этноса как составляющей нацистской идеологии (Pohl 1991: 39; 2018: 13; Halsall 2007: 14; Garipzanov, Geary, Urbaičzyk 2008: 7, 11; Холсол 2013; Кол 2013; Шнирельман 2013, 2013а). Элементами этой идеологии представителями данного крыла исторической науки объявлены следующие парадигмы:

- концепция прародины;
- концепция экспансии как формы существования этноса;
- концепция «волнообразной» экспансии из единого центра (прародины);
- понятие жертвенности, объясняющее экспансию;
- исторический (он же — этнический) подход к восприятию смерти и жизни.

Разработка этого комплекса подходов воспринимается частью научного сообщества как оправдание агрессии, насилия и геноцида, а попытки их осмысления — как действие, направленное на актуализацию этих явлений.

¹⁵ См. определение Эмилио Джентиле тоталитаризма как эксперимента (Джентиле 2021: 159).

после захвата власти быстро отмежевалось от идей немецкой консервативной революции, хотя отчасти впитало ее низовую стихию (Молер 2017). Да, Гитлер и Сталин по мере политической необходимости использовали национальное чувство масс и интеллигенции, но нет оснований напрямую отождествлять научные поиски этнологов с политическими маневрами революционных диктатур, направленных на переустройство *всего мира*.

Историческая логика первой половины XX в. — распад Российской империи, распространение в Европе различных течений фашизма и появление на границах СССР пояса недружественных государств, политически зависимых от враждебных режимов, мировая война, проблемы пограничных размежеваний — вот что определяло создание советской теории этноса. В ее основе, наряду с программными партийными установками, просматриваются и академические определения С. М. Широкогорова, данные им еще в 1920-е гг. (Широкогородов 2012 (1923)). Определения эти, в свою очередь, находятся совершенно в русле европейской политической философии и антропогеографии XIX — начала XX в. (в них явственно проглядывают взгляды Вильгельма фон Гумбольда, Фихте и более поздних авторов).

Вместе с тем советские этнографы отбросили ряд положений, отражавших социал-дарвинистский «дух времени» в европейской этнологии и геополитике, в первую очередь — те определения, которые постулировали экспансию и борьбу за жизненное пространство как неотъемлемые свойства этносов, фактически — форму их существования (на это, кстати, обратил внимание такой резкий критик «советской теории этноса», как П. Скальник (Скальник 2006: 79). Образно говоря, речь может идти о купировании дерева развития европейской антропогеографии на уровне первых побегов назревающего фашизма: где-то между Фихте и Хаусхофером. Этот грубо обтесанный в соответствии с советской идеологией обрубок и есть «советская теория этноса». Данный факт, конечно, не позволяет рассматривать в одном ряду европейскую геополитику, примитивно отраженную в «Мифе XX века» и «советскую теорию этноса».

В целом, официальная советская концепция этноса отвечала политическим задачам эпохи (условиям идеологического противостояния Востока и Запада и тотальных войн), но в кризисный период 1990-х гг. не проявила творческого начала и способности к совершенствованию. Вряд ли можно ставить ей это в укор — она скончалась вместе с поколением советских ученых-фронтовиков, победивших фашизм.

Яркое явление на этом фоне представляла концепция Л. Н. Гумилева, горячего оппонента Ю. В. Бромлея, но, по сути, занимавшего близкую позицию по вопросам, касающимся этноса (Гумилев 1990). Корни мировоззрения автора «теории пассионарно-

сти» лежат там же — в европейской политической философии. Следовало бы, в частности, подчеркнуть недооцененную схожесть этой теории с концепцией народной доблести Н. Макиавелли¹⁶. Л. Н. Гумилев с яркой непосредственностью демонстрировал неизбежность вхождения «советской теории этноса» в противоречие с марксизмом, чем и повергал в смущение академический истеблишмент.

Л. Н. Гумилев взял на вооружение именно те аспекты концепции С. М. Широкогорова и западноевропейских социологов, антропогеографов и политических философов, которые были советской академической наукой отвергнуты. В частности, следует упомянуть хорошо известные в России сочинения Г. Лебона (Лебон 1906, 1908; Le Bon 1898). В этом и крылась причина раздражения, с которым труды Л. Н. Гумилева воспринимались представителями «идеологически выверенной» официальной науки. Тем же, впрочем, объяснялось и терпение, которое к нему проявлялось.

Речь идет о трактовке роли агрессии и насилия в этногенезе. Послевоенное общественное сознание в СССР было подавлено огромными человеческими жертвами, понесенными поколением 1910–1940-х гг. Милитаризация государственной и общественной культуры, масштабные разработки в области военной истории и музеефикации памяти о войнах, с одной стороны, и неустанная «борьба за мир во всем мире» — с другой, вели к глубокой дезориентации сознания послевоенного общества. Во внешней политике большой вес приобрела концепция «преступной войны», в которой любая международная агрессия приравнивалась к уголовному преступлению. Новая практика и теория международных отношений второй половины XX в. делегитимизировала войну. Военные завоевания перестали быть источником права, и их изучение приобрело «политически сомнительный» оттенок. Сказывалось и сковывающее действие устаревшей марксистской догматики. Свободная естественнонаучная, историческая или философская разработка темы агрессии и насилия была в этих условиях невозможна. Л. Н. Гумилев первым прорвал эту завесу «разоруженного сознания», вызвав обвинения в нищезанстве, возрождении теории «сверхчеловека», антигуманизме (см. например: Клейн 2013: 102, 103), но именно этот естественнонаучно-философский аспект его теории этногенеза имеет сейчас первостепенное значение для науки и для нашей темы славянского колониационного движения.

¹⁶ Интересный анализ взглядов Н. Макиавелли был проделан К. Хюбнером, подчеркнувшим особый характер понятия «доблесть» (она может воплощаться и в преступлении), близкого к понятию «витальная сила», которая овладевает тем или иным народом (Хюбнер 2001: 61–63). Все это весьма напоминает «пассионарность» у Л. Н. Гумилева.

1.1.2. Постсоветская социальная антропология и проблема этничности

Зато стали появляться люди, которые начали придумывать: как бы всем вновь так соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше всех, в то же время не мешать никому другому, и жить таким образом всем вместе как бы и в согласном обществе. Целые войны поднялись из-за этой идеи.

*Ф. М. Достоевский. Сон смешного человека.
Дневник писателя. 1877 г.*

На рубеже 1990-х гг. отчасти под влиянием европейской постмодернистской гносеологии (об этом см., например: Шандыбин 1998; Смит 2004: 56–58), а преимущественно в результате этнополитических катаклизмов, развала СССР и его науки, «советская теория этноса» вступила в период кризиса, и в российской этнологии наметились два направления — **субстанциальное** и **конструктивистское** (инструменталистское)¹⁷. Это общепризнанное деление, конечно, не отражает всех оттенков теоретических споров (об этом разнообразии см.: Smith 1988; Смит 2004; Хан 2015: 5).

Субстанциальный (или примордиалистский, от лат. *primordial* — изначальный) подход рассматривал этнос как производную трудноуловимого, но объективно существующего исторического фактора (Чешко 1994; Арутюнов 1995; Толстой 1995; Козлов 1999; Заринов 2000, 2002; Карлов 2000; Рыбаков 2000, 2003; Губогло 2003, см. также историографические обзоры англоязычной литературы В. А. Тишкова (1997: 4–6; 2016)). С. В. Чешко обозначил этот фактор как *этническую субстанцию* (Чешко 1994: 38). Таким образом, речь идет о системе взглядов, восходящих к концепции Ю. В. Бромлея.

Сторонники субстанциального подхода стремились отойти в дефинициях от первичности пресловутых «этнических признаков», как будто справедливых в неуловимой совокупности, но крайне уязвимых по отдельности (Карлов 2000: 8; Рыбаков 2012: 148). Показательны социобиологические поиски С. Е. Рыбакова. Первоначально исследователь полагал существование некоей активной предсоциальной, но не биологической «этнической субстанции», порождающей из себя этнически окрашенные социальные феномены — то, что принято называть «этническими

¹⁷ Раскол этот, как представляется, носил во многом искусственный характер. В дальнейшем наметилась явная тенденция к сближению позиций сторон, да и сами позиции оказались не так уж далеки (Аклаев 2008: 71, 72). Отчасти этому способствовал общий кризис постмодернизма, отчасти — политические изменения в Европе и России в 2000-е гг.

признаками» (Рыбаков 2001а: 8). С. Е. Рыбаков одно время предлагал даже рассматривать этничность как врожденное качество личности (Рыбаков 2000: 10), что, конечно, не откажись он от этой идеи, в корне отличало бы его позицию от концепции Ю. В. Бромлея. В работе 2003 г. речь идет уже об этносе как «атрибутивном свойстве сформировавшегося человека» (Рыбаков 2003: 10, 11). В итоге исследователь сделал акцент на межпоколенной связи, реализующейся путем сигнальной наследственности (Рыбаков 2012: 153). Следует помнить, что, по Ю. В. Бромлею, этнокультурная информация усваивается человеком в значительной степени бессознательно, непроизвольно и большей частью — в раннем возрасте (Бромлей 2009 (1983): 110). Так что здесь речь можно вести о повторении общих мест советской этнографии.

Никому из последователей Ю. В. Бромлея в 1990–2000-е гг. не удалось отстоять его концепцию, определив пути ее дальнейшего теоретического углубления. В трудах их звучит растерянность, доходящая иногда до некоторого расстройтва мыслей. В качестве примера приведем монографию М. Н. Губогло, полную подобных сентенций:

«Удаление из смысловой нагрузки понятия нация (национальность) этнического ядра, равно как и попытки табуизации этого понятия, в определенной степени служили или шагом в сторону европеизации, или попыткой архаизации, но в то же время — двумя шагами в сторону прозрения нас о самих себе. Если бы Россия, подобно Германии или Франции, была бы моноэтнической...» и т. д. (Губогло 2003: 196).

Конструктивистские концепции пришли в отечественную антропологию с Запада в совершенно оформленном виде и не получили в России самостоятельного теоретического развития, из-за их концептуальной исчерпанности, а также — из-за сугубо русского максимализма, с которым они были восприняты частью научного сообщества, принявшего их за истину в последней инстанции¹⁸.

Западноевропейский конструктивизм сформировался на основе изучения нации и национализма как явлений нового и новейшего времени. Проблема этноса/этничности как исторического феномена (тем более — феномена первобытности), находящегося большей частью за пределами области, доступной для непосредственного наблюдения, и плохо обеспеченного источниками, лежала довольно далеко на

¹⁸ Иногда в рамках конструктивистской парадигмы аналитики выделяют еще отдельное направление — инструментализм, делающий акцент на социально-политических аспектах групповой идентичности (Аклаев 2008: 63–66).

втором плане (об этом см.: Смит 2004: 93). Тем не менее, все, что касается нации, проецируется в конечном счете на более широкое представление об этносе, а именно: акцент переносится с *этнической принадлежности* (иллюзорной, в конструктивистской трактовке) на ситуативную *этническую идентичность* (Barth 1969; Andersen 2006). *Этничность/идентичность* рассматривается как крайне переменчивый и не имеющий четких границ продукт социально-политического или экономического конструирования (переводные работы: Геллнер 1991; Хобсбаум 1998; Андерсон 2001; Этнические группы 2006; Брубейкер 2012; Эриксен 2014; работы, написанные в России: Тишков 1992, 1997; Филиппов 2010)¹⁹. На первом месте оказывается *индивидуальная* стратегия конструирования идентичности (Стефаненко 2009).

При этом, как излагает В. А. Тишков основоположника этого направления в европейской науке Фредерика Барта, «ключевую роль в конструировании этничности играет политика этнического предпринимательства, т. е. мобилизация членов этнической группы на коллективные действия со стороны лидеров, которые преследуют политические цели, а не выражают культурную идеологию группы» (Тишков 1997: 7). Согласно этим взглядам, даже в определении культурных границ социальная верхушка общества порой оказывает решающее действие:

«Прежде всего, в силу избытка заимствований часто имеет место дефицит культурной отличительности, чтобы очертить границы. Элиты в стремлении мобилизовать этническую группу против своих противников или против центральной государственной власти стремятся увеличивать сумму групповых черт и символов, чтобы доказать, что члены группы отличаются не только какой-то одной чертой (например, диалектом), а многими чертами...» (Тишков 1997: 13).

Важной составляющей конструирования и поддержания этнической идентичности в такой трактовке является категория успеха, причем — успеха военного (Barford 2001: 33). Таким образом, не последнее место в этой, казалось бы, гуманистической научной традиции занимает фактор экспансии. Как формулирует в своей книге о политической истории Византии американский военный аналитик Э. Н. Люттвак:

¹⁹ Первой работой по восточнославянской проблематике, написанной в конструктивистской парадигме и при этом создававшейся одновременно с концепцией Ф. Барта, является работа профессора Йельского университета (США) Н. И. Ульянова, изданная на русском языке в 2007 г. (Ульянов 2007). Это исследование, несущее элементы политического памфлета, ярко демонстрирует политтехнологический потенциал конструктивизма.

«Таким был и остается до сих пор основной механизм этногенеза. Успех создает нацию из различных групп, а затем распространяет их вширь за счет привлечения добровольцев (volunteers). Довольно скоро такие распространяющиеся группы утрачивают свою этническую однородность, но все еще сохраняют свои исконные названия» (Luttvak 2009: 16; Люттвак 2010: 29).

Современные нации, согласно конструктивистским концепциям, являются сравнительно молодым продуктом социального конструирования и не восходят к средневековым и каким-либо еще более древним этнокультурным общностям. Сомнение в этой парадигме равносильно слепой вере обыденного сознания в извечность своего народа.

Подобная трактовка этничности, безусловно, может быть полезна политикам для формулировки и решения тактических задач. Но в историческом исследовании она сомнительна, поскольку лишена исторической составляющей. Увлечение теорией элит является следствием современной политической конъюнктуры и в исторической ретроспективе не всегда обосновано. Историкам, следующим этой линии, приходится изобретать «геополитиков» догосударственной древности, «конструировавших» этносы.

Следование субстанциального и конструктивистского подходов за изменчивыми социально-политическими процессами в отечественной и мировой политике и обществе слишком очевидно, чтобы можно было безоговорочно примкнуть к одному из двух лагерей (если, конечно, исследователь прямо не рассматривает науку как политико-идеологический инструмент, что случается куда чаще, чем декларируется).

Вторичность выводов отечественных конструктивистов по отношению к европейским и американским теоретическим исследованиям неоднократно отмечалась этнологами (Чешко 1994: 39; Козлов 1999: 21; Заринов 2000: 16; Рыбаков 2001: 18; Винер 2005: 155; Клейн 2013: 121). Некоторую механистичность можно отметить и в работах восточноевропейских историков, которые пытаются использовать эти концепции в практической работе, не поясняя, насколько фундаментальные дефиниции, полученные «в иммигрантских обществах (государствах) и больших городах» (Заринов 2000: 14) актуальны для иных исторических, географических и политических условий (см. также: Рыбаков 2003: 7; Клейн 2013: 121, 122). Например, идея Ф. Курты о «конструировании» славян византийскими политиками VI столетия (Curta 2006: 59–61; 2007) получила уже довольно широкое распространение в европейской и российской (Кибинь 2014: 11, 12) литературе и породила идею украинского исследователя А. П. Толочко об аналогичном (копирующем византийцев) «конструировании» киевским

летописцем ильменских словен в начале XII в. (Толочко 2008: 182; Толочко 2015: 73, 74). Примеры такого рода можно продолжать.

Этнологический конструктивизм является теоретическим основанием современной российской политики «нациестроительства» (об этом, в частности, две последние книги В. А. Тишкова (2005, 2013) и ряд других работ) с дрейфом теории в сторону обретения статуса «единственно верного учения»²⁰. Рассуждения о перспективах этой концепции в национальной политике здесь неуместны. А вот потенциал конструктивистского подхода в исторических научных дисциплинах следует обсудить, как ни трудно отказаться от мысли, что мы имеем дело лишь с попыткой проецирования на прошлое уже не просто геополитики (как в XX в.), а чего-то еще менее фундаментального, например, политтехнологии.

Обвинения советской школы этнографии и археологов, поднимавших проблемы этногенеза, в создании «этнонациональной мифологии», противоречащей принципам объективной науки, раздаются нередко (Овчинников 2013). Однако стремление этнологов к созданию «теории этноса, очищенной от идеологических элементов» (Винер 2005: 143), осталось нереализованным. Критика конструктивизма в отечественной науке была во многом обусловлена возникшим на резком повороте истории России непониманием научным сообществом (утратившим динамичность научного поиска) принципиальных различий между фундаментальной наукой и этнополитической технологией (фактически — главным предметом внимания В. А. Тишкова)²¹. Понимание пришло чуть позже (Заринов 2000: 16). Сейчас, четверть века спустя, на фоне бурного прогресса политтехнологий эта разница стала очевидна.

Поэтому все чаще формулируются представления о том, что сложившаяся во второй половине XX в. система ценностей порождена не общечеловеческими закономерностями социально-экономического

²⁰ Разумеется, любому конструированию идентичности предшествует deconstruction of identity. Весьма характерно в этом отношении уподобление теории этноса Ю. В. Бромлея, ни больше ни меньше, раковой опухоли с метастазами (Тишков 2005: 55), или отнесение поиска «глубоких исторических корней» к области применения стратегии противодействия экстремизму (Тишков 2005: 121). Риторика — как в печально известных статьях В. И. Равдоникаса 1930-х гг. Все это было подмечено научным сообществом еще в 1990-е гг. (Обсуждение 1998: 32). Возможно, журнальная полемика с воинствующими националистами и должна вестись на повышенных тонах, но вряд ли они читают солидные публикации, издаваемые под грифом РАН. Воздействовать таким образом можно лишь на традиционно пугливых коллег по цеху.

²¹ О чем этот автор писал уже в своей программной статье, опубликованной во время развала СССР (Тишков 1992: 14).

развития, а политической гегемонией англосаксонского альянса, не обладающей исторической непреложностью и конечной во времени (Атран 2016: 529, 530). Современная западная этнология обслуживает политическую мысль, по успехам которой следует судить о превосходстве первой²². Сотрясающие Старый Свет войны и накапливающийся в Западной Европе потенциал для внутренних этнических конфликтов (хотя они, как подметил Р. Брубейкер, имеют различное географическое выражение с восточноевропейской этнической напряженностью; (Брубейкер 2012: 269) вряд ли могут свидетельствовать в пользу успешности теоретической базы европейской национальной политики (Аклаев 2008: 30–33; Кревельд 2015: 17, 296). Славянство играет в этих процессах одну из ведущих ролей. С появлением в 2014 г. под политическим протекторатом Евросоюза этнически окрашенной новой Украины, стремящейся к максимальной политико-экономической интеграции с Европой, кризис идеологии мультикультурализма приобретает особую глубину (этот культурный фактор еще недостаточно оценен научным сообществом). Вряд ли можно назвать успешным и организованное по западным рецептам отечественное «нациестроительство» XXI в., оторванное временем и обстоятельствами от европейской социально-философской базы.

Неугасание этнического фанатизма и насилия в современном мире (очевидное благодаря новым информационным технологиям) располагает к критической оценке постмодернистских концепций идентичности и нации. Основанная на них идеология несет не меньший потенциал агрессии, чем, например, военный коммунизм или фашизм и так же разрушительна для свободы личности, как и они (Манн 2016). Вопрос лишь в том, что для раскрытия этого отрицательного потенциала необходимо, видимо, время жизни нескольких поколений (как для любой мировой идеологии).

Конечно, не нужно воспринимать конструктивизм только как орудие манипуляции сознанием. В конструктивистском видении этноса и этничности чрезвычайно сильны и элементы гражданской религии (об этом: Джентиле 2021). Отсюда и название книги В. А. Тишкова — «реквием по этносу». Этнолог-конструктивист видит свою миссию в безбожные времена в обновлении веры. Старый храм лежит в занесенных песком руинах, и необходимо мужество честного человека (ученого), чтобы, отслужив заупо-

койную мессу, взглянуть в лицо действительности, принять разрушение во всей полноте, пройти его до конца и обрести по ту сторону пустыни обетованную землю. Логика конструктивистского смысла жизни, возможно, подразумевает и некое «чистилище», где томятся души людей, не исполнивших свое высшее предназначение и не создавших при жизни «благоприятные условия собственного существования». Этот антигуманистический потенциал в сочетании с гуманистической риторикой, безусловно, отталкивает интеллектуалов от реализации конструктивистских концепций в отечественной истории. Об этой религиозной составляющей научного мировоззрения будет речь в следующем разделе.

1.1.3. Цена жизни и феномен «осевого времени»

Все это очень мило; только если захотел мошенничать, зачем бы еще, кажется, санкция истины? Но уж таков наш русский современный человек: без санкции и смошенничать не решится, до того уж истину возлюбил...

Ф. М. Достоевский.
Братья Карамазовы²³

Они подтрунивают над историками гётевского времени, которые чистосердечно выражают свои политические идеалы, сочиняя историю Древнего мира и прикрывая именами Ликурга, Брута, Катона, Цицерона, Августа — защищаемых или осуждаемых — личные свои увлечения, но сами не могут написать ни одной главы, не выдав при этом, к какому партийному течению принадлежит их утренняя газета.

О. Шпенглер.
Закат Европы²⁴

В XX в. нет более яркого примера иррациональности идентичности, чем германское наступление поздней осенью 1941 г., потрясающее бесцельностью движение сотен тысяч людей к страданиям и гибели. 11 ноября 1941 г. командующий наступавшей на Москву 17-й армией генерал-полковник Герман Гот издал приказ по армии, формулирующий основные принципы ведения войны. Драматический момент наибольшего напряжения сил требовал, по его мнению, проникновенного воззвания к сердцу каждого немецкого солдата (отметим, что среди внимавших подобным призывам военнослужащих Восточного фронта были и три будущих ученых, важных для

²² Упомяну, например, популярное исследование Т. Снайдера о конструировании литовской, белорусской и украинской идентичности (Snyder 2003), воспринятое в Белоруссии с некоторой иронией из-за авторских «советов» в указанной области (Луговцова 2011: 16).

²³ Достоевский 1958: 383.

²⁴ Шпенглер 1998: 163.

нашей работы, — К. Хюбнер, К. Лоренц и П. Фейерабенд). Приказ содержал такие строки:

«В это лето нам становится все яснее, что здесь, на Востоке, борются друг против друга два внутренние непреодолимых воззрения: германское чувство чести расы, многовековое немецкое воинство против азиатского типа мышления и примитивных инстинктов, подогреваемых небольшим числом в основном еврейских интеллигентов: страх перед кнутом, пренебрежение нравственными ценностями, уравнивание по низшим, пренебрежение своей не представляющей ценности жизнью»²⁵.

В документе, наряду с традиционными (со времен Блаженного Августина и Исидора Севильского) для Европы идеями о справедливой войне с *hostes perpetui*, можно найти и отражение всего комплекса представлений, связанных с *мифической* антитезой «чужой — свой», и древнее аристотелевское представление о прирожденной рабской сущности варварских народов, никогда не покидавшее европейское сознание. Но наибольший интерес в этом историческом документе представляют слова, выделенные мною курсивом. Генерал-полковник противопоставляет германскому мужеству русское пренебрежение собственной жизнью. Речь идет о существовании двух видов мужества: германского бесстрашия перед лицом смерти, происходящего из любви и чувства долга, и пренебрежения жизнью, рождающегося из демонического варварского начала. Несколько позже ту же идею можно отметить в документе, составленном еще одним крупным военным — генералом Готхардом Хейнрици, отметившим, что немцам чужд способ русского народа «жить и умирать»²⁶.

Идею можно проследить в европейской культуре до сочинений античных авторов о варварах, не ценящих свою жизнь. Вместе с тем Гот повторяет в искаженном виде мысль К. фон Клаузевица о двух видах личного мужества: равнодушии к опасности в силу пренебрежения к жизни и мужеству, исходящем из положительных побуждений. Теоретические рассуждения Клаузевица лишены этнической окраски, речь идет о двух этапах развития культуры: о варварстве и цивилизации, каждому из которых и соответствует определенный тип отношения к смерти. Кстати, по Клаузевицу, высший тип мужества дает именно сопряжение этих двух его видов (Клаузевиц 1998: 79).

Перед нами факт длительного и активного функционирования в европейской культуре представле-

ний о двух видах понимания смерти, соответствующих двум ступеням развития общества — варварству и цивилизации. Найти соответствующие цитаты из трудов ученых несложно, но именно мнения известных военачальников подчеркивают практический характер этих представлений. Они чрезвычайно устойчивы и пронизывают всю западную культуру. В этом, идущем от Античности, раздвоении видится одно из важнейших проявлений глобального сдвига сознания «осевого времени» — отступление центрального мифа, определяющего отношение человека к смерти. Таков кратчайший путь к пониманию того, что миф является не заблуждением, живущим в отвлеченных от практической жизни сферах духовной культуры, а частью действительности, которая, по меркам истории, недавно была целым и полностью владела сознанием. Если же миф выражает действительность, значит, он может быть изучаем средствами науки и понят.

Но пока вернемся к моменту кризиса в советской теории этноса. Конечно, элементы конструктивизма проявились в российской этнологии до разрушения СССР. Ситуативные аспекты идентичности вполне сознавались советскими антропологами и неоднократно комментировались (Алексеев 1986: 26), но без энтузиазма, принесенного 1990-ми гг.

Как отмечал Ф. М. Достоевский, русский человек, заимствуя у Запада некую идеологическую концепцию, даже самого нигилистического толка, делает это с таким религиозным фанатизмом и придает ей, в конечном счете, такую своеобразную физиономию, что оригинал уже и узнать нельзя. «Русское подражание европейским моделям всегда перегибает палку и готово стать пародией», — повторил эту мысль Рене Жирар в своем знаменитом очерке творчества русского писателя (Жирар 2013: 90). Это превращение произошло с российским конструктивизмом, теоретическая база которого остается представленной в первую очередь работами В. А. Тишкова. Сосредоточимся не на общих их положениях, которые резоннее изучать по европейским и американским оригиналам, а на этих самых, предполагаемых Ф. М. Достоевским, чертах.

Характерным обстоятельством, на которое критики, уже обращали внимание (Обсуждение 1998: 46), является опора В. А. Тишкова в своей концепции идентичности на категории «первичного предназначения», основанного на эволюционной теории:

«человек рождается и живет прежде всего не для служения группе/нации, а для собственного социального преуспевания» (Тишков 1997: 10; 2003: 113), «пренебрежение собственным интересом есть отклонение от стандартной нормы, которое происходит

²⁵ Bundesarchiv/Militärarchiv, RH 20-17/44. Цит. по: Война на Германии 1992: 61–63.

²⁶ Bundesarchiv, R6/429, Bl. 13-19. Цит. по: Заметки о войне на уничтожение 2018: 196.

в результате определенных когнитивных провалов личности» (Тишков 2003: 119)²⁷.

Иерархия социального преуспеяния, основанная на том же «смысле жизни», актуализируется и при конструировании этничности. Если же происходит «исступленный поиск культурной уникальности, «национальных» характеров и психологий, глубоких исторических корней» (Тишков 2005: 121), то в первую очередь этим в личных целях занимается элита. «Обычный» же человек манипулируем, легко меняет идентичность, его видение социального преуспеяния не содержит потребности в «исторических корнях».

Если использование этого подхода для понимания современности вызывает только чувство капитального мировоззренческого изъяна в отношении к человеку, то его приложение к отдаленному прошлому человечества является уже серьезной методологической ошибкой. Правда, в дальнейшем В. А. Тишков расширяет свое определение:

«Человек как существо социальное рождается в этом мире, чтобы исполнить свое первичное предназначение — обеспечить благоприятные условия собственного существования: дольше и комфортнее прожить, произвести и вырастить потомство, обеспечить свой статус и безопасность, удовлетворить культурные запросы, исполнить идеологическую миссию, если его в нее рекрутировали. Для этого человек вступает в сотрудничество и соперничество с себе подобными. С этой целью он создает всевозможные социальные коалиции и институты, начиная от семьи и кончая государством. Данные усилия человека направлены на производство и обладание как можно большего объема ресурсов, включая территорию, материальные и духовные ценности...» (Тишков 2003: 402).

При чтении этих строк возникает целый ряд вопросов. Почему бы этносу/нации не попасть в «социальный интервал» между семьей и государством, и разве не вынужден будет человек «как существо социальное» так или иначе служить созданной им «социальной коалиции»? А раз так, в чем принципиальное отличие «революционного» для отечественной (т. е. советской — в то время) этнологии теоретико-

²⁷ Впрочем, одновременно В. А. Тишков признает: «Отдельными людьми и человеческими коллективами в определенном ареале и в определенные эпохи могла овладевать страсть к раздвижению своего пространства, к выходу в неизвестность. Только экономической детерминантой или другими утилитарными мотивами этот феномен не объяснишь. <...> стремление к познанию неведомого или уход от привычного и надоевшего вполне могли быть культурными факторами геопространственных перемещений среди части людей и коллективов в самые разные эпохи истории» (Тишков 2013: 293–294).

методического подхода В. А. Тишкова? В том, что каждое поколение создает новый этнос/нацию? Разумеется, такая постановка вопроса допустима как некая игра ума, но с культурно-исторической точки зрения она очевидно абсурдна, поскольку гораздо более глубоко биологизировала бы исторический процесс, чем самые «ортодоксальные» примордиальные концепции.

Кроме того, в чем принципиальное отличие подобной концепции «первичного предназначения» от социал-дарвинизма того же Г. Лебона, рассматривающего человека как часть природы, а его стремление к выгоде — как центральный фактор безжалостной борьбы за существование в рамках естественного отбора? Не в том же порядке, в котором расставлены слова «сотрудничество» и «соперничество».

Элита, манипулирующая идентичностями, предстает в подобных рассуждениях чем-то цельным, сконцентрированным на своих биологических потребностях и поставленных им на службу социальных интересах. «Обычный» манипулируемый человек, напротив, может легко менять характер своих небιологических интересов в ущерб биологическим. Подобное разделение человечества едва ли не на два вида представляется несколько странным с точки зрения историка или биолога, но спокойно принимается современной социологией. К сущности этого феномена я вернусь в заключении к этому разделу работы.

Приведенные определения «смысла жизни» представляют собой, конечно, всего лишь основанный на индивидуализме буржуазный политико-экономический идеал всеобщего благоденствия. Идеал этот отнюдь не стоит вне времен; он историчен и многократно проанализирован в этом качестве европейской философией (Шпенглер 2002; Хьюбнер 2001; Хантингтон 2003). Он восходит к европейской эпохе Просвещения и окончательно оформляется в американских биллях о правах. В дальнейшем, этот «смысл жизни» составляет основу англосаксонской политической философии с центральной идеей «государственного договора» как выражения личных интересов индивидов, а в современности — все то, что С. Хантингтон назвал «давосской интеллектуальной культурой» (Хантингтон 2003: 76–77). Весь этот социально-политический аппарат совершенно непригоден для наших исследовательских целей, и навязывание его исторической науке об отдаленном прошлом человечества можно рассматривать только в порядке недоразумения. Ключ к пониманию этого подхода идеально сформулировал блестящий полемист З. Бжезинский:

«Но стремление к могуществу не является целью, которая направляет народный энтузиазм, за исключением тех ситуаций, когда возникает неожиданная

угроза или вызов общественному ощущению внутреннего благосостояния. Экономическое самоотречение (т.е. военные расходы) и человеческое самопожертвование (жертвы даже среди профессиональных военнослужащих), требующиеся в ходе борьбы, несовместимы с демократическими инстинктами» (Бжезинский 2005: 49).

Заметим, что американскому геополитику в данном случае хватило такта и широты кругозора не приравнивать к смыслу жизни «демократические инстинкты» (*democratic instincts*).

В теоретических разработках В. А. Тишкова обращает на себя критическое внимание не столько сама дефиниция «первичного предназначения», сколько вообще ее необходимость. Не исключено, что, если бы человеческое предназначение от рождения до смерти исчерпывалось подобной формулировкой (если бы оно вообще исчерпывалось какой-либо формулировкой), подобный российский «извод» конструктивистского подхода вполне удовлетворительно объяснял бы сущность этничности или идентичности. А определение «воображаемый» или «воображенный» (*imagined*) могла бы принести некоторое удовлетворение: вместо общности — «воображаемая общность», вместо общего происхождения — «миф об общем происхождении» и т. д. Но этничность — феномен сознания, а что, собственно, в области человеческого сознания может быть не воображаемым? Как, например, расценивать мотив первого библейского убийства? Была ли воображаемой причина, по которой Каин совершил преступление?

Ничто так очевидно не демонстрирует ограниченные возможности конструктивизма и его квазирелигиозную основу, как эта односторонность «смысла жизни» и, вообще, беспокойное стремление к базовому определению последнего. Заметим, что обладание «подлинным и безусловным» знанием смысла жизни рассматривается социологией как признак тоталитарной политической религии (Джентиле 2021: 192). Однако эти поиски при некоторой своей курьезности и являются залогом перспектив отечественного конструктивизма, перерождения его во что-то принципиально иное. Речь идет, разумеется, не о том, чтобы отыскать какую-то новую разгадку бытия, а о разработке концепции, снимающей необходимость подобных дефиниций, неуместных в научном исследовании.

Феномен ориентации стоящего на краю гибели человека и коллектива в традиционном обществе на иррациональные, символические ценности, а не на практические потребности, хорошо описан и проанализирован этнологами (Байбурин 1993: 26, 27; Атран 2016: 526). Наиболее выразительные картины открываются на путях анализа саморазрушительного поведения человека и группы, поскольку не быва-

ет смысла жизни без смысла смерти. Впрочем, для соблюдения научной корректности лучше вовсе отказать от таких понятий и обратиться к более ясным и историчным определениям, позаимствовав их у военных: *цена жизни* и *цена смерти*.

Дело даже не в том, что, наверное, найдется немало людей, этическое чувство которых покоробит вышеприведенный «смысл жизни». Ни один аскет не чужд заботам о поддержании собственного существования. Но множество культур в разных частях мира возводят в идеал именно не прожитую до конца человеческую жизнь. Здесь и культы святых — аскетов, мучеников и страстотерпцев в христианстве; и воинские культы, в которых особое значение дается жизни, принесенной в жертву. Эти прерванные жизни и обретают высший смысл в массовом сознании, нередко — вопреки официальной идеологии.

Предназначение всего живого с позиции биологии сводится к воспроизводству, т.е. именно к формулировке В. А. Тишкова. Какой же тогда в ней смысл для разработки теории этничности/идентичности? По-видимому, речь идет о признании приоритета индивидуалистской стратегии выживания в популяции в противовес стратегии коллективистской. Как основание для исторической научной концепции, такое предпочтение представляется произвольным. В философии и социологии XX в. найдется немало трудов, отдающих предпочтение коллективистским социальным стратегиям перед индивидуалистическими, идее служения сверхличной общности перед идеей личного успеха и независимости. Таковы различные социалистические концепции — от марксизма до идей консервативной революции. Вряд ли можно всерьез говорить о том, что социалистическая идея исчерпала свой потенциал и в наши дни.

Однако, более существенная проблема начинается с того момента, когда в рассуждения об индивидуальном или коллективном наполнении «смысла жизни» вводится понятие историчности, содержащее тему поворота от *мифического* древнего сознания к рефлексирующему индивидуальному сознанию и критическому мышлению современного человека. Сама возможность выделения индивидуальной идентичности проблематична в рамках *мифического* сознания. Вся система ценностей, логика мышления, поведение, определяемые этим сознанием, сводили к минимуму индивидуальные формы поведения, маргинализировали идею выбора. Поворот в сторону современного личностного мышления произошел, по меркам человеческой истории, совсем недавно, причем в лесах Восточной Европы значительно позднее, чем в Азии и Средиземноморье.

Вековой опыт европейского осмысления этого провала между *мифическим* и современным человеком кристаллизовался в трудах К. Ясперса, посвящен-

ных феномену «осевого времени» и «двух дыханий» в истории человечества, и в работах К. Хюбнера о мифе. «Осевое время» — тысячелетний отрезок времени, в течение которого первобытное «наивное» целостное восприятие мира и мифа в их неразрывной связи было подорвано. На смену этому целостному восприятию, вместе с первыми проблесками экзистенциального ужаса перед покидаемой богами вселенной и неустойчивостью мира постепенно пришло осознание личностной индивидуальности и одновременно возможности выхода за ее пределы, всеобщей взаимосвязи людей. Возникновение народов с их основными свойствами — сознанием единства, общим языком, культурой и мифологией — К. Ясперс относил именно к этому *мифическому* «доосевому» периоду (Ясперс 1991: 89).

С «осевого времени» начинается «второе дыхание» — то время, когда человек смог «внутренне противопоставить себя всему миру» и вместе с вопросом о смысле бытия стала возможна постановка вопроса об индивидуальной идентичности. К. Ясперс датирует эту «ось мировой истории» приблизительно серединой I тыс. до н. э. или 800–200 гг. до н. э. (Ясперс 1991: 29, 54; 1991а: 84, 85). В культуре Античности этот поворот знаменует «Государство» Платона, где политическое объединение демифологизируется и обретает оторванное от человека универсальное измерение. К. Ясперс (помня о великих мыслителях античного Средиземноморья, Индии, Азии и Китая) не ставил Христа в центр «осевого времени» Старого Света. Однако славянские и германские народы («последующие народы»), по К. Ясперсу, именно христианство, с его стремлением к преобразованию мира, приобщило к «осевому времени». Мыслитель следует здесь за О. Шпенглером, отметившим колоссальную роль христианства в становлении в Европе идеи человеческой судьбы как «средоточия творения» (Шпенглер 1998а: 219). Важнейшим фактором индивидуализации сознания и формирования коллективной памяти и идентичности в германском и славянском мирах стало распространение вместе с христианством письменности, исторических текстов. За К. Ясперсом последовала практически вся западноевропейская медиевистика. Различия можно наблюдать преимущественно во взглядах на время появления идеи личной индивидуальности в Европе, помещаемое в интервале от XII до XVI в. (Хюбнер 2001: 11–24; Гуревич 2005: 20).

Следует прислушаться к мнению этнологов об отсутствии у языческих славян идеи души, сопоставимой с христианскими представлениями о ней, привнесенными на Русь в X–XI вв. Последние неотделимы от идеи *личного* спасения (вспомним опасавшуюся тризны княгиню Ольгу). Элементы дохристианского *мифического* сознания позволяют реконструировать

«доосевую» идею души как менее определенное «дыхание» или «жизненное начало» (Велецкая 1978: 19). Собственно, индивидуальная идентичность стала возможна тогда, когда место языческого пантеона занял единый Бог, а основанный на природной цикличности *мифический* «круг земной» (замкнутый круговорот времени, пространства и жизни) разомкнулся. На востоке Европы следы этого отступления и разрушения мифа сохранились в произведениях древнерусской литературы: в ПВЛ, в Житии Феодосия Печерского, Поучении Владимира Мономаха и некоторых других. Но и в них человек как индивидуальность еще размыт; даже неповторимость внешнего облика подчинена определенным внеличным канонам (Демин 1999). В более же архаичном обществе индивидуальность не могла родиться даже физиологически, поскольку появление на свет ребенка воспринималось как реинкарнация некоего предка (Леви-Брюль 2002: 360). Мы донныне называем детей именами умерших дедов, что является отголоском этих первобытных представлений.

В философской мысли Средиземноморья пессимистическое отвращение к вечному возобновлению поколений высказано уже Екклесиастом (III в. до н. э.): «род проходит и род приходит, а земля пребывает веки». Идея цикличности мироздания постепенно отступала на периферию духовной жизни, но никогда не исчезала. Подчиненная годовому циклу земледельческая культура не могла не законсервировать в себе элементы представления о мифическом круговращении. Но побеждающее христианство с поразительной быстротой вытеснило их в маргинальную область культуры — как, например, погребальную обрядность заложных покойников, о которых мы будем говорить далее. Для человека современного склада, сознание которого подчинено идее прогресса, цикличность мифа не только непонятна, но и ужасна²⁸. Это отвращение перед языческой, *мифической* повторяемостью жизни, в равной степени свойственное как традиционному христианскому мировоззрению, так и современному научно-гуманитарному сознанию (которое само — плоть от плоти христианской традиции), в русской религиозной философии лучше всего выразил Е. Н. Трубецкой в главе «Мировая бессмыслица и мировой смысл» своего труда «Смысл жизни»:

«С тех пор, как человек начал размышлять о жизни, жизнь бессмысленная всегда представлялась ему в виде замкнутого в себе порочного круга. Это — стремление, не достигающее цели, а потому роковым образом возвращающееся к своей исходной точке и без конца повторяющееся. О таком понимании бессмыслицы красно-

28 Об этом неприятии см., например: Русская философия смерти 2014: 81.

речиво говорят многочисленные образы ада у древних и у христиан» (Трубецкой 1918: 21).

Далее философ со страстью миссионера дает еще более выразительный образ «круга земного», прямо подводя нас к его сущности — подчиненному законам «низшей природы» дохристианскому родовому сознанию с кровожадными языческими (дионисическими) культами и бесконечным взаимным истреблением народов «из-за лакомого куска». В этом сознании нет места идее *личного* спасения. Круговращение жизни превращает ее в непрерывную войну:

«Заслуживает ли названия жизни это бессмысленное чередование рождений и смертей, эта однообразная смена умирающих поколений? Самая целесообразность устройства живых организмов, сообщающая ему видимость разумности, на самом деле только подчеркивает суетность их существования в его целом, потому что вся эта целесообразность рассчитана на ту единую и единственную цель, которая никогда не достигается, — *цель сохранения жизни*. Умирает каждый живой индивид, а жизнь рода слагается из бесконечной серии смертей. Это — не жизнь, а пустая видимость жизни. К тому же и эта видимость поддерживается в непрерывной «борьбе за существование» (Трубецкой 1918: 22, 23).

Человеческое достоинство и совесть, по Е. Н. Трубецкому, отторгают бессмысленный круг циклического мифа, требуют для сознания линейного, устремленного смысла. Позиция философа предвосхищает идею «осевого времени» К. Ясперса. Индивидуальная идентичность рождается у человека, порвавшего с мифом вечного круговращения.

Применяя в исследовании эту концепцию, следует разделять понятия *личность* и *индивидуальность*. Без личности история необъяснима, ибо не происходило бы изменений в человеческом поведении. Личность проявляется в индивидуальном творчестве, и гениальные художники появляются уже в обществе эпохи камня. Но для формирования *индивидуальности* требовались шаги иного качества. Население Восточной Европы (в частности, славянское) делает их только с приобщением к христианству. Несомненно, наиболее активный период его влияния приходится на время от начала экспансии против Византии до формирования славянских христианских государств (VI–XI вв.). Где располагается верхний рубеж славянского «осевого времени» да и вообще, можно ли считать его пройденным? На этот вопрос в рамках данной работы ответить невозможно и не нужно. Важно другое. «Осевое время» является труднопреодолимым барьером на пути постижения «доосевой эпохи». Для России она совсем недалека — всего 1000 лет назад (40 поколений) человеческие жертвоприношения

считались частью повседневности и память о них до недавнего времени сохранялась в ритуалах, связанных, например, с домостроительством (Байбурин 1993: 158). Геноцид был заурадной составляющей межэтнических отношений; фольклорная память хранила его следы до недавнего времени (например, в преданиях об «ушедшей в землю чуди»). Ужас и непонимание сковывают прикасающегося к этим темам исследователя, превращаясь в *неприятие*. Создается ощущение опасности расчеловечивания научного труда.

Допуская, что агрессия, а значит этничность и этноцентризм, суть проявления «первого дыхания» человечества, что можем мы, люди современности, знать о их «доосевых» проявлениях? Всегда и везде ли главная ценность существования в индивидуальном сознании и обществе пишется в формулах социального и физического преуспевания? Ответ не очевиден. Существует мнение, что и постановка вопроса об этом стала возможной только в процессе социального развития. Не лишенным оснований представляется, например, вывод М. В. Поповича:

«Смысл жизни индивида в архаическом родовом обществе определяется традиционными формами его принадлежности социальному целому. Такова реальность. Но вряд ли славянин мог спрашивать себя, в чем смысл его жизни. Скажем, посвящение своей жизни богу, принимающее многообразные формы в христианстве, но знакомое и ранним религиям (жрицы определенных храмов на Ближнем Востоке, римские весталки), предполагает такую степень отчужденности человека от противостоящей ему «судьбы», когда жизнь его может рассматриваться как «орудие бога» и получать смысл от сверхъестественных сил подобно тому, как предметы получают смысл в руках человека, включаясь в культуру. Языческое славянское мировоззрение не знало, надо полагать, такого противопоставления человека природным и социальным силам» (Попович 1985: 133).

Замечание, разумеется, относится ко всем дохристианским народам. В исторических исследованиях советского периода ученые-марксисты отмечали пропасть между самосознанием члена архаической общины и рефлексией личности Нового и Новейшего времени (см., например: Гулыга 1974: 35, 36). В советский период религиозный фактор следовало всячески затушевывать. Но в наши дни, разумеется, невозможно не учитывать трудов по истории церкви, в которых христианизация Европы, в частности, славян, рассматривается как гигантский мировоззренческий сдвиг, охвативший все области сознания человека. На этом фоне попытка приложить к историческим исследованиям достижения современных политтехнологий — это огромный шаг назад.

Насколько представления Нового и Новейшего времени о «смысле жизни» могут быть спроецированы на прошлое человечества, в нашем случае — на дохристианскую Европу и на языческое мировоззрение индоевропейских народов? В первую очередь, этот вопрос встает в связи с несомненной динамикой роли насилия и агрессии в обществе, под воздействием меняющихся социальных отношений и в огромной степени — под влиянием мировых религий на массовое сознание.

Как быть, например, с институтом кровной мести, пронизывавшим все архаическое общество, с древнегерманскими эддическими и древнерусскими (в конечном счете, индоевропейскими) языческими представлениями о «смысле жизни» как пути к посмертной славе (Старшая Эдда 1975: 196)? Эта идея воинской славы как пути обретения индивидуально-бессмертия была настолько сильна, что пережила христианизацию Европы и в новом благочестивом качестве расцвела в рыцарской культуре эпохи крестовых походов, откуда проникла и в церковную культуру того времени (Арьес 1992: 198–199). Элементы этой идеи живы доныне.

В древнерусских письменных источниках, например, есть сюжет, освещающий эту же, «дружинную», идентичность начальных веков русской истории и восходящий, вероятно, к какому-то единому (болгарскому?) источнику. Это знаменитая «речь» Святослава Игоревича, отразившаяся в ПВЛ и в «Истории» Льва Диакона:

ПВЛ	История
<p>Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ земль Рускиѣ, но ляжемъ костыми, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою (ПВЛ 1996: 33).</p>	<p>Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабоцавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством [которое завещали] нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; [мы должны] либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, [достойные] доблестных мужей» (Лев Диакон 1988: 79).</p>

Автор ПВЛ, киевский монах, глядящий на мир и его историю через кристалл своеобразно понятых образов Священного Писания, с явной симпатией относится к гордым словам, произнесенным киевским князем или приписываемым ему, иначе не стал бы развернуто их цитировать. Обращение к воинам было жанром устного творчества, строго подчиненным господствующему мировоззрению эпохи. Рассмотрев подробно речь Святослава, А. А. Горский отыскал несколько параллелей в европейских источниках (Олав Трюггвасон в 1000 г., Харальд Сигурдссон в 1062 г.),

причем ближайшую — в речи Оттона I перед битвой с венграми на р. Лех в 955 г. (Горский 2018: 53–59).

Стремление побороть смерть не только через начертанный природой путь естественного воспроизводства, но и в личном противостоянии лежит в основе духовной культуры. Языческая этика и этика христианской идеи равно противоположны пониманию дарвинистского «смысла жизни» как закона джунглей²⁹. Настоящий человеческий выбор приходится делать не между жизнью добродетельной и греховной, а между личным существованием любой ценой и смертью.

Вся дохристианская *мифическая* культура Европы, насколько мы можем проследить ее вплоть до античных трагедий, подчинена идее неумолимости и неотвратимости предопределения. Есть она и в древнерусских летописях, например, в легенде ПВЛ о Вещем Олеге. Личная идентичность в *мифическом* сознании неотделима от понятия судьбы, присваивавшейся человеку самим фактом рождения в определенных условиях человеческого общежития, его языком и детством. Судьба в архаическом обществе была одним из важнейших элементов идентичности/этничности, плохо поддающимся внешнему конструированию.

Сам вопрос о существовании в таком обществе понятия *индивидуальной* жизни требует особого рассмотрения. Исключительно важны выводы этнологов-славистов о существовании в архаическом сознании идеи личной жизни, как субстанции, проистекающей из некоего источника, общего для всего соци-

ума и созданного высшими силами раз и навсегда в определенном объеме. Отсюда и представления о жизни и смерти как о *доле* (т. е. ограниченной части) этого общего. Известно выражение о стариках, «заедающих» чужой век (Седакова 1990: 55; Байбурун 1993: 102, 103; Виноградова 2008: 55), как примере

²⁹ Впрочем, и Дарвин отмечал, что при конкуренции групп с равным потенциалом выигрывает сообщество, готовое к самопожертвованию ради групповых целей, состоящих, в конечном счете, из совокупности личных интересов (Дарвин 1927: 167, 168, 175–178).

того, что неиссякаемость источника жизненной силы не в его бездонности, а в текучести. В этом источнике объединяются в бесконечном круговороте живые и мертвые, отсюда же поступают и материальные блага, за счет которых существует социум (урожаи и пр.). Слишком долгую жизнь можно *пережить*, только поставив под угрозу целостность *доли* своих сородичей и благополучие общины. Глубокая старость становится в этом смысле столь же опасна для окружающих и миропорядка, как и *неизбытая доля* (Седакова 2004: 41). Эти представления характерны не только для славян, но и для угров (Зенько 1997: 98), германцев, и, видимо, архаического сознания в целом (Зеленин 2004).

Этими представлениями обусловлена широко распространенная в Старом Свете *мифическая* традиция, повествующая об уничтожении («проводах на тот свет») стариков, стоящих на пороге дряхлости. У славян известно более 250 фольклорных записей этого сюжета (У истоков мира 2014: 443). Явлению посвящено, как известно, специальное исследование Н.Н. Велецкой, которая возводит его к праславянской эпохе (Велецкая 1978). Убийство стариков, связанное, видимо, с аграрной магией, направлено было на поддержание баланса жизненной силы в общине и природной производительности ландшафта. Об этом говорят как фольклорные материалы (старика предаются смерти в засуху, Велецкая 1978: 49, 51, 66; 2009: 47–49), так и знаменитое известие ПВЛ об избиении волхвами «старой чади» в Суздале в неурожайном 1024 г. (ПСРЛ, т. I. 2001: 147). Известие ПВЛ имеет культурно-хронологическую параллель в скандинавском источнике. Решение об избиении стариков, принимаемое на окружном тинге в неурожайный год (примерно за четверть века до событий в Суздале), описывается в исландской пряди о Свади и Арноре Старухин Нос, посвященной христианизации Исландии (Исландские пряди 2017: 141–143).

Представления германцев об ограниченности объема родового резервуара жизненного начала хорошо иллюстрирует предание о конунге Ауна из Саги об Инглингах:

«После этого Аун конунг вернулся в Уппсалу. Ему было тогда шестьдесят лет. Он совершил большое жертвоприношение, прося о долголетьи, и принес в жертву Одину своего сына. Один обещал Ауну конунгу, что тот проживет еще шестьдесят лет. Аун пробыл конунгом в Уппсале еще двадцать лет. Тут нагрянул в Швецию Али Смелый, сын Фридлейва, и у них с Ауном произошло несколько сражений, и Али всегда одерживал верх. Тогда Аун конунг во второй раз бежал в Западный Гаутланд, оставив свои владения. Али был конунгом в Уппсале двадцать лет, пока Старкад Старый не убил его. После смерти Али Аун конунг вернулся

в Уппсалу и правил там еще двадцать лет. Он снова совершил большое жертвоприношение, и принес в жертву своего второго сына. Тогда Один сказал Ауну, что, давая ему раз в десять лет по сыну, он будет жить вечно, и велел ему называть какую-нибудь область в своей стране по числу своих сыновей, которых он принес в жертву Одину. После того как он принес в жертву седьмого сына, он прожил еще десять лет, но уже не мог ходить. Его носили на престоле. Он принес в жертву восьмого сына и прожил еще десять лет, лежа в постели. Он принес в жертву девятого сына и прожил еще десять лет, и сосал рожок, как младенец. У Ауна оставался тогда еще один сын, и он хотел принести его в жертву и посвятить Одину Уппсалу и прилегающие к ней земли, назвав всю область Тиундланд. Но шведы не позволили ему совершить жертвоприношение. Тут Аун конунг умер, и в Уппсале ему насыпали курган» (Снорри Стурлусон 1980: 24).

Характерное для *мифического* сознания «явление» живущим людям своих покойников, преждевременно умерших, не растративших свой «век» тоже можно рассматривать как возвращение последних к этому общему источнику витальной силы. Срок «хождения» таких заложных покойников определяется временем их *правдивой* смерти, некоей справедливой мерой причитающейся им *vis vitalis*, в силу чего особенно опасными демоническими существами закономерно представлялись умершие младенцы (Зеленин 1917: 401; Седакова 1990: 55–58). Эта *правдивая* смерть в архаическом обществе вовсе не обязательно должна была соответствовать естественной смерти от старости. Достойной могла считаться и насильственная гибель (Зеленин 2004: 116). Отражением этих представлений наполнен героический эпос и дружинная культура Средневековья, образцы риторики которой представлены выше. О.А. Седакова пишет:

«... *доля* — часть целого, доставшегося отдельному человеку и находящаяся во взаимозависимой связи с другими частями, долями. Век, как некоторый объем жизненной силы, распределен между всеми членами человеческого общества, поэтому мотив вампиризма, питания чужой силой (жизнью, кровью) в архаических представлениях о стариках неслучаен» (Седакова 1990: 56).

Итак, «зажившиеся» старики — не главный аргумент в строительстве концепции *vis vitalis*, на которую можно глядеть гораздо шире. Сама возможность того, что в *мифическом* сознании заложный покойник, упырь, не избывший свой век, может восполнять его за счет жизненной силы людей, окружавших его при жизни, говорит о наличии некоего *общего ее источника*, разливающегося во всех членах социума

по правилам неподвластным человеку³⁰. Эту идею хорошо выражает новгородская поговорка, которую приводит в одной из работ по заложным покойникам А. С. Панченко: «Покойник у стола не стоит, а свое берет» (Панченко 2008: 244). Мифические персонажи, «живущие чужой век», упыри и дряхлые старики, объединены и единым ритуалом провода на тот свет — похороны могут совершаться во влажной или труднодоступной среде, вне коллективных могильников (Велецкая 1978: 139–142; 2009: 48)³¹.

Таким образом, в архаическом языческом сознании *доля* — персонифицированная судьба человека (выступающая как его *мифический* двойник, тождественная понятиям души и судьбы), предстает как часть *коллективной души* и *коллективной судьбы* (Потебня 1914: 200–214; Левкиевская 2002: 141)³².

Такое понимание витальной энергии объясняет и архаический культ жертвенности, незавершенной жизни, когда человек, напротив, *долю* своей непржитой жизни *добровольно* (здесь лежит коренное различие с разного рода заложными покойниками) привносит в этот коллективный резервуар жизненной силы. Как отмечает Л. Г. Невская:

«Отмеченность для балто-славянского сознания представления о неизжитом веке, смерти до срока (помимо эмоциональных и нравственных аспектов) обнажает идею преждевременной смерти <...> как обеспечивающей наибольшее покровительство оставшимся и будущее благополучие вообще» (Невская 1993: 187).

В этом же направлении продвинулось исследование Н. Н. Велецкой, изучавшей сохранившееся у старообрядцев представление о «красной смерти» — добровольном уходе из жизни прежде оскудения сил

³⁰ Образ источника жизненной влаги здесь не случаен. *Мифический* образ жизни, как влаги, которую пьют, испивают, или не допивают — один из древнейших в человеческой культуре. Здесь, вероятно, кроется один из аспектов *мифического* сопоставления древних народов с принадлежащими им реками и озерами, хорошо представленный в тексте ПВЛ. Главным свойством не избывших свой век покойников в народном сознании является непомерная жажда, утоляемая как кровью, так и природной влагой (Валенцова 2015: 111). Отсюда связь заложных покойников с губительными засухами.

³¹ Принято считать, что образ упыря принадлежит Южной и Западной Руси. Следует, однако, обратить внимание на предание об умершем старике, пожирающем родню, зафиксированное в XIX в. в Поволховье (Перетц 1894: 17, 18).

³² К этой же мысли пришел А. А. Панченко, выдвинувший на материалах о «забудущих родителях» (новгородский эквивалент «заложных покойников» К. Д. Зеленина) оригинальную формулировку «биоценоза» сообществ живых и покойников как некоей динамичной системы (Панченко 2013).

как ритуале, обеспечивающем стабильность миропорядка (Велецкая 2009: 79–88). Подобное представление о *доле*, связанное с родовыми и аграрными культурами, позволяет определить границу между «своими» и «чужими». Последние находятся вне этого неразделимого целого, у них нет в нем *доли*.

Здесь кроется важнейшее свойство этноса, часто ускользающее от определений. Причина этой слепоты в том, что для понимания «доосевого» этнического сознания нам следует вернуться к идее *мифической* цикличности бытия. Этнос, таким образом, может рассматриваться как существующий в *мифическом* сознании резервуар коллективной жизненной энергии, из которого изливается и куда возвращается после кончины индивидуальная жизнь. На поддержание целостности этого резервуара направлена, в конечном счете, вся система ритуалов, регламентирующих жизнь коллектива. При этом *целое* разделяется не со *всеми*, а со *своими*. *Чужой* исключен из этого жизненного цикла, отсюда и его демоническая, нечеловеческая сущность.

Разрушение этого важного элемента *мифического* сознания обозначилось очень давно и является ярчайшим проявлением феномена «осевого времени». Тертулиан, один из первых христианских богословов, живший во второй половине II — первой половине III в. целую главу своего трактата *De anima* («О душе») посвятил полемике с языческим заблуждением о возможности посмертного добирания своей «доли» людьми, умершими неестественной смертью. Этот труд показывает, как в рамках христианской этики идею «доли» сменяет концепция индивидуального взаимодействия тела и души на пути личного спасения и будущего воскрешения вне коллективной идентичности и связи с социумом (Tertullianus. *De anima*. 56. 4–8; Тертуллиан 2008: 132–134).

Мнения о динамике ценностей и этических приоритетов многообразны. Отмечу два труда зарубежных исследователей, далеких от марксизма, поскольку они представляют в определенном смысле две крайности. Так, по мнению американского археолога И. Морриса, система человеческих ценностей связана со способом извлечения ресурсов из окружающего мира (Моррис 2017: 30). Без поправок на форму организации общества, приспособленную для извлечения этих ресурсов, сопоставление жизненных ценностей различных социумов, по мнению исследователя, теряет смысл. Таких способов извлечения ресурсов этот автор видит за последние 20 000 лет три: собирательство, земледелие/скотоводство и использование подземных ресурсов, к которому человечество перешло в XIX в. Здесь мы сталкиваемся уже с новым, постпостмодернистским видением антропологии.

Более близка мне позиция Р. Жирара, который указывает на решающую роль Евангелия и христи-

анской церкви в динамике системы ценностей в Европе и мире на протяжении последних полутора тысяч лет. Христианство принесло единственную радикальную смену представлений о цене жизни, привело к появлению в мире нового человеческого инстинкта сопричастности жертве насилия. Эта жертва, по Жирану, — *чужак* — человек из другого места, ненависть к которому спланирует группу и ведет ее к разрешению своих внутренних противоречий за счет переадресованной вовне агрессии. Так разыгрывается мистерия, составляющая сущность жертвенного мифа, сопровождающего всю историю человечества.

Применительно к древнерусской истории сказанное хорошо иллюстрирует ПВЛ, фиксирующая время капитального перелома в мировоззрении (и, в частности, в области этничности/идентичности) восточнославянского населения в связи с распространением христианства. Отечественная наука привыкла оказывать незаслуженно большое внимание, так называемому «двоеверию», пережиткам язычества, частью которого является и родовая вражда идентичностей. При этом совершенно недостаточно внимания уделялось тому грандиозному изменению в общественном сознании, которое связано было с отказом от родовых языческих традиций (например, с отказом от человеческих жертвоприношений, убийства стариков, с изменением погребального обряда или с прекращением использования родовых городков — центров языческих культов). Лучше всего к пониманию этого приближают работы Г. М. Прохорова (Прохоров 2010: 93–107). Летописи дают возможность проследить, что даже сознание населения XII в. не без труда уже воспринимало отголоски родового этноцентризма дохристианской эпохи.

Р. Жиран не разрабатывал методики изучения этничности/идентичности. Но он убедительно показал, что сопоставление ценностей дохристианского мира и этики современного человечества, над сознанием которого веками с различной степенью интенсивности трудилась евангельская проповедь, — онтологически бессмысленная процедура. Дело не только в том, что восторжествовавшее христианство воздвигло гигантскую преграду между отдаленными от нас поколениями, попадающими в фокус исторического исследования. Изначальное влияние христианской проповеди на жертвенный миф было невелико. Дело в том, что она медленно, но радикально положила непреодолимую пропасть между этикой языческого мира Европы и этическим мировоззрением ученых (то есть мировоззрением нового и новейшего времени, на философии которого и строится конструктивистский дискурс этничности) (Жиран 2010: 320).

Словом, ничто так явно не демонстрирует неприемлемость конструктивистских принципов в ретро-

спективе исторического исследования, как обращение к «смыслу жизни». И это, пожалуй, единственный заслуживающий внимания сюжет, связанный с феноменом подражательного отечественного конструктивизма.

Одной из самых ярких черт, сближающих современный официальный конструктивизм с советской теорией этноса, является активное неприятие концепции Л. Н. Гумилева, построенной, как мы помним, на дефинициях, данных С. М. Широкогоровым и восходящих к западноевропейской политической философии. Причина этого кроется, не в частности, в которых Л. Н. Гумилев невероятно уязвим, а в том, что он, единственный в отечественной науке, сумел привлечь внимание к феномену насилия, лежащему в основе этногенеза, в основе разделения человечества на группы «чужой — свой». Проблема заключается в том, что понимание своего предназначения людьми включает в себя, кроме респектабельных стремлений к благополучию, отнюдь не воображаемую тягу не только к очевидному (во многих случаях не для себя, а для окружающих и своих потомков) самоистреблению, жертвенности, но и к истреблению с риском для собственной жизни *чужих* себе подобных (Поршнева 1969: 110; Козлов 1999: 302, 303; Назаретян 2012: 93–99).

Эти наклонности, хотя, возможно, и не обусловлены непосредственно этничностью, тесно взаимосвязаны с нею. Понимание этого было заложено уже в философии русской литературы XIX в. (в историософских размышлениях Л. Н. Толстого о «роевой жизни человечества», в антиутопиях Ф. М. Достоевского о перспективах строительства идеального социального устройства и пр.), в работах этнографов (Коропчевский 1892), и не случайно, что лучше всего (вслед за С. М. Широкогоровым) это выразил именно литературно одаренный Л. Н. Гумилев, рассматривая одновременную жестокость и жертвенность, заложенную в человеческой природе как фактор этногенеза (Гумилев 1990: 97, 245, 367–369). Разумеется, введенный Л. Н. Гумилевым термин «пассионарность» мало что объясняет, так же, как и предполагаемая роль «космического излучения» (почти божественного вмешательства) в этногенезе (Гумилев 1990: 489); в отечественной антропологии эта тематика не получила развития, осталась на уровне литературных озарений.

Здесь следует вспомнить тесную связь агрессии и жертвенности, которую Рене Жиран выразил парадоксальной формулой: «агрессии не существует». Речь идет о том, что в отличие от животных (с их инстинктами хищников) человеческое сообщество «всегда отвечает на агрессию», т. е. для развязывания конфликта ему необходимо чувствовать себя слабой, страдающей стороной, даже если инициатор кон-

фликта неизмеримо сильнее объекта агрессии (Жи́рар 2016: 558). Иными словами, человек никогда не жертвует имуществом, надеждами и жизнью ради *приобретения относительных благ*. Последние могут служить лишь побочным фактором *сохранения некоей безусловной ценности*.

В западной антропологии тема этого «деструктивного поведения» разработана гораздо глубже, чем в отечественной науке, долгое время скованной марксистской догматикой. Впечатляющие жертвы людей XX в., принесенные для блага своих народов в войнах, дискретность всплеск национализма — все эти темы поднимаются в фундаментальных трудах ведущих западных антропологов, как правило, без апелляций к неведомому смыслу жизни (Фромм 2015; Андерсон 2002: 8; Жи́рар 2010, 2010а, 2015). Через рациональное объяснение связи человеческой природы, культуры, коллективного насилия и жертвенного поведения лежит путь к пониманию сущности этничности. Невозможно размышлять о ее природе без анализа природы агрессии и уравнивающей ее жертвенности (в публикациях можно встретить термины *альтруизм, фанатизм* и т. п.) как одной из ключевых черт человеческого поведения (Ванханен 2014: 47; Уилсон 2015: 218–244; Кревельд 2015).

Жертвенность или фанатизм дискретны — они проявляются у коллектива при возникновении чувства преследования и принуждения и, продержавшись какое-то время в массовом сознании, неизбежно идут на спад. Такие всплески агрессии могут приводить к радикальным изменениям в этнокультурной обстановке: в материальной культуре, природопользовании, ландшафте крупных географических регионов. История XX в. с его волнами геноцида, депортациями, аннексиями, войнами на уничтожение доказывает это как нельзя лучше. Разумеется, это явление столь же древнее, как человеческая культура, изобрел не XX в., лишь придавший геноциду промышленный оттенок. Социологам принадлежит мысль о том, что большинство войн античности имело характер геноцида (Chalk, Johansson 1990: 33).

Недаром Б. Андерсон начинает исследование истоков национализма с анализа отношения человека к смерти (Andersen 2006: 11). Только идею преодоления смерти в «воображенном сообществе» нации принес в Европу, конечно, не XVIII в. с его кризисом религиозного мышления, как полагает этот автор. Одно из фундаментальных свойств сознания — страх смерти и активное неприятие небытия. Последнее лежит как в основе религиозного чувства, так и в основании этнического самосознания. Духовному взгляду человека недоступно будущее, скрытое завесой смерти. Свершившееся прошлое ясней и понятней. Противостоя небытию, человек не только стремится продлить себя в будущем с помощью той или иной стратегии поведения и духовных усилий. Од-

новременно он ищет в прошлом не пропавшие втуне следы тех же усилий своих предков (пусть воображаемых). Эта обращенность к коллективному и родовому прошлому — еще одна основа этничности.

У небытия нет смысла. Смыслом смерти в сознании может быть только нечто, преобразующее ее в жизнь. Значит, нет оправдания и у «века изжитого», т. е. прожитого в какой-то своей части за счет коллективной витальной силы. Напротив, смерть, привносящая частицу жизни в этот общий резервуар, обретает смысл, т. е. оборачивается жизнью, а в круговороте бытия — бессмертием. Но возможно и замещение — привнесение в этот резервуар, вместо части своей жизни, жизни «чужого», т. е. жертва. Здесь мы приближаемся к пониманию того, что этнос в толковании его как резервуара витальной энергии, немислим вне таких явлений как истребление и самопожертвование.

1.1.4. Имеет ли этнос историю?

Я икс в неопределенном уравнении. Я какой-то призрак жизни, который потерял все концы и начала, и даже сам позабыл, наконец, как и назвать себя.

Ф. М. Достоевский.
Братья Карамазовы³³

В письме своему французскому переводчику Анри Пляру, датированном 6 января 1977 г., Эрнст Юнгер размышлял о природе сновидений:

«Мы чувствуем пульс истории, открываются кровавые русла. Это поразительно, однако можно доказать, что каждый из нас состоит в родстве с Карлом Великим» (Юнгер 2015: 343).

Это замечание пришло мне на память при чтении труда совсем иной направленности — рецензии Л. С. Клейна на книгу А. А. Клесова о «ДНК-генеалогии славян». Вот что об этом пишет рецензент:

«Родители, которых двое, получают (в перемешанном виде) гены из хромосом своих родителей, то есть дедов и бабок. Их четверо. В следующем поколении вглубь времен предков уже 8, далее 16, и легко рассчитать, что за 20-м поколением (то есть углубясь всего на семь веков), получим более миллиона предков для одного человека!» (Клейн 2015: 656).

Оставим в стороне рецензируемую книгу, не имеющую отношения к исторической науке и послужившую лишь поводом для высказывания. Смысл его в том, что наличие миллиона предков делает абсурдным понятие об укорененности личного бытия

³³ Достоевский 1958: 375.

в родовом прошлом. Ведь, к примеру, обратившись к эпохе Владимира Святого, мы видим себя в родстве едва ли не со всем населением Восточной Европы. Очевидно, что Э. Юнгер за полвека от Л. С. Клейна пишет о том же самом — об элементарных законах генеалогической статистики, понятных без всякой ДНК-генеалогии.

Любопытно обнаружить, что первым социологом, обыгравшим данный сюжет был никто иной, как Г. Лебон:

«Эта тождественность умственного склада большинства индивидуумов одной расы имеет свои весьма простые причины. В самом деле, каждый индивидуум представляет продукт не только своих непосредственных производителей (отца и матери), но еще и продукт своей расы, т. е. целого ряда своих родичей по восходящей линии. Один ученый экономист Шейсон вычислил, что во Франции, считая по три поколения на столетие, каждый француз должен бы иметь в своих жилах кровь по крайней мере 20 миллионов людей, живших в 1000 году. «Все жители одной и той же местности, одной и той же провинции имеют, следовательно, обязательно общих предков, они вылеплены из той же глины и носят одинаковый оттенок, непрерывно возвращаясь к среднему типу посредством той длинной и тяжелой цепи, последними звеньями которой они являются. Мы все являемся и детьми наших родителей, и детьми своей расы. Не одно сыновнее чувство, но и физиология и наследственность заставляют нас считать родину своей второй матерью» (Лебон 1906: 14, 15).

Поражает противоположность выводов, которые позволяют себе интеллектуалы. Одна и та же «математика» может возвысить до родства с Карлом Великим и растворить человека в обезличенном сонме теней или, напротив, как для Г. Лебона, послужить обоснованием концепции «коллективной души народа» (наличия у индивидуума двух жизней: короткой личной и очень продолжительной коллективной). Именно на этой основе французский социолог делает свой известный вывод: «народ больше ведется своими покойниками, чем живыми» (Лебон 1906: 16, 148).

Для историка и археолога спор субстанциального и конструктивистского подходов о природе этноса имеет принципиальное значение, поскольку от его решения зависит ответ на вопрос: как соотносятся между собой этногенез и история этноса? Имеет ли этнос историю, как имеют ее человек, семья, род или определенная часть географического пространства?

Очевидно, что ситуативное (конструктивистское) понимание природы этноса подразумевает отрицательный ответ. О длительной связи поколений, каждое из которых осознает себя наследником предыдущего, не может быть и речи. История распадается

на сегменты, превращаясь в последовательность индивидуальных идентичностей, ничем не связанных, кроме господствующей в данном времени и месте тактики выживания. Не ясен, однако, вопрос: на какую историческую глубину можно проецировать сам феномен индивидуальной идентичности и какой промежуток времени обнимает период его формирования: столетия или тысячелетия? Не сужает ли К. Ясперс «осевое время»?

Отсутствие в конструктивистских теоретических построениях исторической ретроспективы не раз отмечалось в публикациях (Заринов 1997: 22; Рыбаков 2003: 8; Арутюнов, Рыжакова 2004: 49). А ведь без широкого хронологического охвата цепи поколений приближение к пониманию этноса и этничности вряд ли возможно. Отечественные конструктивистские разработки в исторической области пока не демонстрируют стратегический научный потенциал³⁴.

³⁴ Небольшой раздел концептуальной работы В. А. Тишкова (2013: 90–93), посвященный древнерусскому государству, — самая уязвимая часть его исследования. Обращаясь к историографии того периода, когда создавалась ПВЛ, повествующая «о дани, которую собирали скандинавы-варяги со словенцев (так у В. А. Тишкова. — И. Е.), кривичей, чуди и мери» (Тишков 2013: 90), автор обнаруживает в исследованиях два подхода. Первый, позитивистско-социологический (основанный на археологии, исторических источниках и лингвистике), по представлениям автора строится «на опрокинутых в прошлое наших сегодняшних представлениях».

Второй, интерпретивно-конструктивистский (в отличие от первого его источники не перечислены), базируется на социологических концепциях: на том, что «представления людей и природа их коллективных связей серьезно отличались от современных» (Тишков 2013: 91). Здесь есть как будто капитальное противоречие, которое мы уже отмечали в заметках о «смысле жизни». Торжествует, однако, первый подход, поскольку, как замечает В. А. Тишков:

«Ключевым компонентом этого (исторического. — И. Е.) самосознания было представление о родине. И такое чувство общности среди восточных славян присутствовало на довольно ранней стадии их политической консолидации, ибо «Повесть временных лет» отличала говорящих на славянских языках полян, древлян, новгородцев, полочан, дреговичей и других от “тех суть иные языки”» (Тишков 2013: 93).

Трудно понять, что здесь имеется в виду под «представлением о родине». В ПВЛ есть миф об общности происхождения славян (архаические родовые представления сочетаются с книжной монастырской ветхозаветной традицией — иначе тогда и быть не могло) и осознание языкового единства. Важное значение имеет также территориальное единство, основанное на совместном обладании областью того или иного водоема (Днепр, Припять, Западная Двина, Волга, озеро Ильмень и т. д.). Есть представления о границах разноязычных народов, обусловленных конфигурацией морей и рек (см. Главу 2).

Ни одного большого исследования, где конструктивистский подход проявил бы себя в виде комплексного мировоззрения или теоретической базы для завершенной концепции древней истории Восточной Европы, за 30 лет не создано. Исключением, можно назвать только недавнюю книгу А. П. Толочко о происхождении руси (Толочко 2015). Работа была подвергнута обоснованной, хотя и излишне эмоциональной критике (Мусин 2016), которая делает здесь излишним подробный разбор.

На Западе конструктивистский подход к изучению обществ позднеантичного и раннесредневекового времени применен в ряде монументальных исследований. В качестве актуального примера можно привести посвященные «изобретению славян» разработки Ф. Курты (Curta 2006, 2007, 2008) и ряд других работ (Halsall 2007; López Quiroga, Kazanski, Ivanišević 2017). Ключевым вопросом в этих работах является соотношение письменных источников и археологического материала в свете того, что этногеографическая картина мира древних авторов зачастую конструировалась без глубокого учета самосознания и культуры наблюдаемых ими групп людей. Отсюда и декларация необходимости отказа от этногенетических исследований. Правда, непонятно, почему отказ от этнических дефиниций должен следовать из специфики творчества древних авторов. То, что они, ошибочно давая имена народам, могут создавать картину, оторванную от реальности далеких земель, отмечал в своей «Географии» еще Страбон (Strabo, I. 33; Страбон 1994: 40). Но «так ли уж важно рассортировать человечество на этносы, причем во все периоды его истории» (Чешко 1993: 21)?

Проблема здесь в том, что деление человечества на группы, обособленные от соседей и объединенные общей культурой, судьбой и чувством солидарности, — историческая реальность, не зависящая от схоластических споров ученых. Взаимоотношения этих групп (народов) во времени и географическом про-

Иных данных об архаических «коллективных связях» из дефиниций ПВЛ извлечь невозможно.

Любопытно, что аналогичная иерархия определений выстраивается у В. А. Тишкова при проведении в 2008 г. опроса сограждан на тему «как вы понимаете слово «национальность»? Оказалось, что на первом месте по количеству ответов стоит происхождение по предкам (62), на втором язык и культура (42), на третьем — место рождения (23) и лишь на четвертом (17), далеко позади, — гражданство. Как отмечает автор, «налицо стереотипы об «этнической предопределенности» человека» (Тишков 2013: 350). Как видим, эти же «стереотипы» были актуальны и тысячу лет назад. Политически ангажированная элита Древней Руси, «конструируя» идентичность могла действовать только по существовавшим в коллективном сознании моделям, которые дожили до наших дней.

странстве, а не обезличенная динамика культурных трансформаций или классовый борьбы, со времен Геродота и Страбона составляют в глазах общества предмет истории. От древних артефактов человек ждет не чего-либо, а именно, как выразился В. А. Тишков, «навязанных академических конструкций по оживлению и политизации археологии» (Обсуждение 1998: 45), т. е. овеществления исторических представлений о своих (возможно, воображаемых) предках.

Но ведь «оживление» археологических древностей в обществе (как говорят этнологи — в обыденном сознании) через *мифические* образы происходит повсюду ежеминутно и совершенно независимо от академической науки. Последняя может лишь придать «оживающим» образом некую близкую к древним реалиям форму, но отнюдь не изменить сам характер процесса. В древнерусских городах находят огромное количество каменных топоров эпохи раннего металла (далее — ЭРМ) (их приписывали волотам-великанам), которые зачем-то приносили в свои дома древние новгородцы, полочане и киевляне. Уже в XII в. ладожане собирали после дождей стеклянные бусы, попавшие в культурный слой в VIII–X вв. Страницы летописей пестрят упоминаниями хорошо известных людям курганов и городищ, связанных с деяниями *мифических* предков. Необходимость прикосновения к материализованным следам родового прошлого кроется в природе человека.

Для исторической науки уход от этнической проблематики равнозначен отказу от признания важности для общества непрерывного исторического самосознания и провозглашению своей несостоятельности. Это, несомненно, приведет к «расчеловечиванию» истории, опасному превращению ее в идеалистическую схоластику или в политтехнологию, к дальнейшей потере общественной заинтересованности в науке и к образованию культурного вакуума, который моментально будет заполнен идеологизированными псевдонаучными учениями (о последних см., например: Чешко 1993: 21, 22; Данилевский 1999: 289–314; Зализняк 2010; Клейн 2015) или, как отмечает К. Хюбнер, опасными для человечества «псевдомифами».

В работах ученых можно встретить утверждение, что научный подход к изучению этноса (народа) в «биологической» парадигме (как рождающегося, живущего и умирающего субъекта истории) возникает вместе с национальными движениями XIX в. (Pohl 1991: 39). Это, конечно, неверное утверждение. В первобытном сознании история народов, неотделимая от истории мироздания, антропоморфна. Представления о рождении и/или исчезновении народов и государств, отождествляемых с народами, можно найти у античных (Платон, Аристотель) и средне-

вековых авторов. Есть образы «смерти народов» и в ПВЛ (обры, торки). Конечно, причины «гибели» народов кроются, обычно, в политических и экономических обстоятельствах, а не в неких загадочных факторах природного порядка, связанных со сроком жизни, отпущенным этносу. Исчезновение аваров, так поразившее современников, имело вполне конкретные военно-политические причины (Pohl 1991). Торки были уничтожены в результате спланированной военной акции.

Так все-таки, имеет ли этнос историю? Ответ следует искать в «мифическом разуме», который, как отмечал К. Хюбнер, является таким же полноправным средством постижения действительности, как и научное мышление (Хюбнер 2001: 366–369). Речь идет здесь не про обыденное представление о мифе, как о собрании рассказов о богах и героях, а о признанной в этнологии трактовке мифа как присущего человеку осмысления опыта действительности, предшествовавшего науке и во многом тождественного ей (Потехня 1914: 203; Байбурин 1993: 28; Хюбнер 2001: 355).

Без понимания, насколько для людей XII в. важно было самоотождествление с предками и давно минувшими событиями, трудно будет ниже обосновать постановку вопроса о регионах славянского расселения, описанных в ПВЛ. К счастью, некоторые основания для понимания дают нам древнерусские летописи. Например, Ипатьевская летопись (далее — Ипат.) сообщает, что еще в 6686/1178 г. новгородцы под предводительством своего князя Мстислава Храброго планировали поход на Полоцк, где правил тогда Всеслав Василькович, обосновывая войну необходимостью мести за набег Всеслава Брячиславича более чем вековой давности:

«В лѣто 6686 <...>. И иде оттуду к Новугороду и ту бѣ зиму всю. И на весну съдума с мужи своими, поиде на Полтѣскъ, на зятя на своего, на Всеслава. **Ходилъ бо бяше дѣдъ его на Новѣгородъ и взялъ ерусалимъ церковнии, и сосуды служебнѣи, и погость один завель за Полтескъ. Мъстиславъ же все то хотя оправити, Новгородскую волость и обиду.** И пришедшю ему на Луки с вои Новгородскими. Услышавъ же то Романъ, братъ его во Смоленски, посла сынъ свои Мъстиславъ Полотѣску к зятю своему в помощь, а къ брату своему Мъстиславу посла мужъ свои, рѣка ему: “оби ды ти до него нѣтуть; но же идеши на нь, то первое поити ть на мя”. Онъ же не хотя вередити сердца брату своему старѣишому, возвратися в Новѣгородъ» (ПСРЛ, т. II. 1998: 608–609).

Известие 1178 г. отражает самосознание давно уже христианизированного населения. На первом месте здесь находится идентичность «новгородцев» — обитателей стольного города с тянущими к нему погостами. Это областное самосознание про-

является в противостоянии с обитателями города-конкурента, персонифицированными в лице иной ветви правящей династии.

Интересно поразмышлять над тем, каким образом передавалась в Новгороде через четыре поколения память о кровавых набегах Всеслава. Вряд ли правящая верхушка, стремясь мобилизовать соотечественников на войну с сильным соседом, выходила на вече с томами летописей или апеллировала к какой-нибудь надписи, процарапанной на штукатурке ограбленной полочанами Новгородской Софии. Да мы и не находим в ранних летописных известиях упоминаний о пленении Всеславом целого погоста, а развернутые повествовательные граффити не известны в древнерусских храмах середины XI в., хотя исключить вероятность существования такой надписи нельзя³⁵.

Конечно, память о новгородско-полоцких войнах сохранялась в народе в виде каких-то исполнявшихся «знающими» людьми эпических преданий, былин или песен. Сведения об их бытовании при дворах князей достаточно определены (Горский 2018: 104–108), но нет оснований отрицать их гораздо более широкое распространение. Именно эти произведения и играли роль инструментов поддержания и мобилизации идентичности. Начальное новгородское самосознание, вероятно, во многом сформировалось в оппозиции к Полоцку и полочанам. Помимо вышеописанного сюжета об этом говорят попавшие в ПВЛ фрагменты предания о сватовстве Владимира, облеченные уже совершенно в эпическую форму. На виду у новгородцев были, конечно, и какие-то элементы *мифического* ландшафта, например, могилы жертв полоцких набегов или урочища, где происходили военные стычки. Главным памятником, взывавшим к отмщению, была сама Новгородская София, в которой могли оберегаться в качестве мемориальных объектов материальные следы разорения. При этом время не имело для древних новгородцев значения, счет обидам велся не по годам, а по поколениям («ходилъ бо бяше дѣдъ его на Новѣгородъ»).

Про некоторые из элементов ландшафта, напоминавших о новгородско-полоцкой вражде, мы знаем достоверно, — это река Судома, на которой в 1021 г. произошел бой Брячислава Изяславича с Ярославом за новгородский полон. Еще одним местом памяти было поле боя на Гзени, где, видимо, в 1178 г. уже находился монастырь, хранивший предания о войне 1069 г. События середины XI в. еще в конце XII в. служили основой самоидентификации новгородцев и полочан с «тянувшими» к этим городам погостами.

³⁵ О надписях в храмах XI в., отражающих исторические события, см.: Дробышева 2016.

Но способна ли былина, песня или материализованное *мифическое* повествование сами по себе сплотить людей для боя? Едва ли. Оставляя за этими произведениями функции носителей информации, подчеркнем, что для военного похода нужно иное — глубокое, на групповом уровне, осознание враждебности и чуждости объекта насилия, отсутствие сдерживающих агрессию запретов. Табу не действуют в отношении такого чужака, он нарушает социальное равновесие самим фактом своего существования. Вековое победное самостоянье Полоцка — это «обида», которую нужно «оправить» — восстановить *мифический* миропорядок. Мифический, потому что не вернешь уже за сто лет до того выведенный в Полоцк полон — ни детей его, ни внуков. Разве что дарохранительница из алтаря Новгородской Софии, да прочая украденная воинами Всеслава церковная утварь все еще хранится в храмах Полоцка.

В то же время для мобилизации нападающему необходимо делегировать инициативу агрессии, требуется чувство своей слабости, подверженности изначальному чужому насилию (в русской летописи это чувство выражено словом «обида»). В известии Ипат. от 6686/1178 г. мы видим великолепный пример из области приложения «антропологического открытия» Р. Жирара: «агрессии не существует; агрессор всегда отвечает на агрессию» (Жирар 2016: 558; 2019: 38). Древнерусское слово *обида* несет широкий спектр значений: от нанесения материального ущерба до несправедливости, вражды и бесчестия. Обида может быть нанесена и божеству (*обида бж (с)твенному закону*) (Словарь древнерусского языка 2002: 473–474). Как отмечает Мартин ван Кревельд, «обида» как повод к войне через оскорбление миропорядка — основное понятие в средневековой политической лексике (Кревельд 2015: 181, 182).

Подводя промежуточные итоги, можно сказать, что этнос обладает историей в той мере, в какой это сознается его членами. Новгородские словене и полочане осознавали свою особость в пестрой этнической картине восточноевропейского лесного мира. Речь при этом идет о самосознании населения областей, а не одних лишь городов. Такая идентичность, имеющая политическую основу, не может быть старше времени основания политического центра. По историческим данным можно уверенно говорить о «новгородской идентичности» середины XI в., и предполагать ее формирование в середине X в. Эта инаковость/идентичность находила выражение как в самостоятельных проявлениях политической организации, так и в передающемся из рода в род военном противостоянии, выражавшемся в периодических обоюдных грабительских набегах.

История этноса — это его коллективная память. При отсутствии специально организованной системы,

предназначенной для хранения информации (письменности) носителями ее становятся, как выразился А. К. Байбури «подручные средства». Знаковый характер придается ландшафту, элементам материального быта вкупе с явлениями духовной культуры (Байбури 1993: 11). Иными словами, история этноса в традиционном обществе разлита во всех проявлениях культуры, в частности, в ландшафте, и поддерживается ритуалом. Эту историю нельзя выучить, она проживается и запоминается наизусть. Такая трактовка открывает неисчерпаемые возможности перед археологией.

1.2. Материальные аспекты мифа: мост в археологию

Горе той теории, которая становится в оппозицию к духу! Она не загладит этого противоречия никаким смирением; чем больше она будет унижаться, тем больше ее будут вытеснять из действительной жизни насмешка и презрение.

Карл фон Клаузевиц.
О войне³⁶

Противостояние конструктивизма, сфокусированного на индивидуальном сознании, и примордиализма, обращенного к сознанию коллективному, отражает разные аспекты миропонимания. Преобладание в отечественной этнологии примордиальной постановки вопросов о происхождении народов (этногенезе) и их истории, так же, как и внимание англосаксонской науки к индивидуальной идентичности, обусловлено разнообразием исторического развития мировой культуры. Сформировавшаяся в мире «географическо-интеллектуальная специализация» этнологии отражает в конечном итоге сложность и противоречивость внутреннего мира отдельной личности, одновременно заключающей в себе и все человечество. Возможен ли некий синтез? Если его целью является создание «единственно верного» подхода, то едва ли. Очевидно, исследователь должен каким-то образом принять внутреннюю противоречивость эпистемологической ситуации и работать в ней, как бы между различными полями притяжения.

Нужна ли единая теория для изучения этногенеза? Не следует ли науке отойти в сторону, оставив его религии или искусству? «Человеческие общества хаотичны, и каждое из них уникально», — такую фразу один из крупнейших современных социальных антропологов предположил исследованию о природе этнического насилия (Манн 2016: 53). Повторяющиеся неудачи в определении ускользающего понятия «этнос» и в поисках «этнической субстанции», равно

³⁶ Клаузевиц 1998: 127.

как и отказ многих авторов от этих поисков свидетельствуют об иррациональности этнического, о неповторимости и историчности его проявлений, каждое из которых требует для своего изучения уникальной методики.

У археолога, следящего за спором вокруг этноса и этничности, возникает ощущение, что разница между субстанциональным и конструктивистским подходом вовсе не так огромна, как это формулировалось отечественными эпигонами последнего, и уж тем более европейскими критиками советской этнологической парадигмы. Популярные, особенно в западной науке, ссылки на «советскую теорию этноса», как на теорию, игнорирующую его социальную природу, имеют в основе политические мотивы либо основаны на недоразумении. Как писал В. А. Тишков: «В чем отличие, как нам представляется, более современной интерпретации, так это введение в дефиницию этноса не каких-то новых признаков, а введение в любой их перечень элемента «представления об этих признаках». Другими словами, признаком этнической общности является не общее происхождение, а представление или миф об общей исторической судьбе членов этой общности» (Тишков 1997: 12). Каким же образом тогда разгромно критикуемый этим автором «тоталитаризм обыденности» в науке отождествляется с этнологической парадигмой Ю. В. Бромлея? Очевидно, что в научном сознании С. М. Широкогова, использовавшего термин «вера в общее происхождение» (*believing into a common origin*), и Ю. В. Бромлея, вполне признававшего социальную, а не биологическую природу этноса (Shirokogoroff 1935: 14; Бромлей 1973: 38), «признаки» и «представления о признаках» не разделяет непреодолимый рубеж. Сложность ответа на вопрос, каково в каждом конкретном случае реальное основание для представлений об общности происхождения этноса, подчеркивал и Ю. В. Бромлей, указывая на избирательность и *мифичность* обыденного сознания (Бромлей 2009 (1983): 187–189, 262). Несомненно, что осознание этнической общности группой людей происходит через миф, так же, как и самоидентификация личности (через семейные и родовые предания). Это отсутствие различия между «мифом об общем происхождении» и «общим происхождением» уже неоднократно подмечено критиками (Винер 1998: 21; Заринов 2000: 13). То же самое относится и ко взглядам на «исчезновение» этнической субстанции. По мнению В. А. Тишкова, «вместо возрождения, формирования, перехода, исчезновения этносов имеет место совсем другой процесс — это путешествие индивидуальной/коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причем, в ряде случаев эти системы и возникают в результате дрейфа идентичности» (Тишков

1997: 17). Такие формулировки, думаю, не вызвали бы отторжения даже у сторонников «биологической» сущности этнической субстанции, не говоря уже о приверженцах, как пишет В. А. Тишков, «культурного варианта примордиализма»³⁷. Дело ведь в вопросе, что вызывает изначальный толчок к «дрейфу идентичности» (т. е. кризис этноса) и что определяет доступность или недоступность «культурных конфигураций».

Первыми, кто подметил эти детали, были этнологи: «судя по всему, В. А. Тишков создает собственную концепцию путем изучения конкретной ситуации прежде всего в Российской Федерации, чтения в большом объеме англоязычной литературы и насыщения за счет этого бромлеевской теории новыми элементами, а также путем исключения из этой теории устаревших положений» (Винер 2005: 155). По-видимому, конструктивистский и субстанциональный подходы в очищенном от политики виде не конфликтуют, но описывают разные стороны одного явления. Недаром, исследователи пытались наметить элементы, сближающие эти подходы, и найти компромиссные пути поиска «этнической субстанции» (см. Заринов 2000: 6; Винер 2005; Рыбаков 2000: 12; 2003: 6–7).

На чем основан интерес человека к далекому прошлому? В границах современного рационального мировосприятия вопрос не находит ответа. Все меняется, если задать его с позиций *мифического* сознания, в котором прошлого просто не существует. Точнее, не существует *ничего, кроме* прошлого. Настоящее и будущее — все это *вечно длящееся прошедшее*, это *судьба*. Знание прошлого в *мифическом* сознании — это *правильное* понимание судьбы — самое главное, единственное надежное знание, ведущее по жизненному пути.

Миф во многом продолжает определять наше сознание (в том числе и научное). *Мифичен* не только предмет истории и археологии (известны мифические аспекты домостроительства, фортификации, сельского хозяйства, ремесла, военного дела и т. д.). По законам мифа организованы сами участки сознания, обращенные к далекому прошлому, выходящему за семейные рамки, которые содержат в себе набор элементарных стратегий выживания и доминирования.

Выше я попытался показать, что современный кризис социал-дарвинистского понимания идентичности очевиден, как в своем «примордиальном», так и в «конструктивистском» изводе. Современная историческая наука и археология по-прежнему стоят перед проблемой выработки базовых теоретических

³⁷ Здесь можно указать, например, на представления Ю. В. Бромлея об этногенезе как о конечном процессе, ведущем человечество к формированию «единой культурной общности» (Бромлей 1973: 153).

оснований для работы. Где же следует искать опору для дальнейших изысканий, если оба подхода не сулят перспектив?

Следует начать поиск заново с рубежа, предшествовавшего триумфальному шествию социал-дарвинизма в социальных науках, т. е. пристальнее всмотреться в этнологию середины XIX в. Из фигур, стоящих на этом переломе, наибольшего внимания заслуживает Ф. В. Й. фон Шеллинг (1775–1854), труд которого «Историко-критическое введение в философию мифологии», в сравнительно небольшой своей части посвященный происхождению народов (этногенезу, как бы мы сказали), был опубликован через два года после его смерти, в 1856 г., и за три года до выхода в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина, направившего социологию и этнологию в сторону биологизации исторического процесса.

Вопрос происхождения народов находился на периферии интересов Ф. Шеллинга, но высказанные им блестящие наблюдения ни в малейшей степени не утратили значения. Занимаясь проблемой возникновения мифологии, философ приходит к выводу, что миф не является ни выдумкой гениев, ни простым порождением народного воображения как данности. Появление на свет мифа, неразрывно связанное с формированием языковой общности, и есть, собственно, рождение народа:

«Но мне представляется, что как раз то, в чем до сих пор никто никогда не находил для себя преткновения, весьма нуждается в исследовании; вообще говоря, мыслимо ли, чтобы мифология выходила из народа и возникала в народе? Или начнем сначала: что такое народ, отчего он становится *народом*? Бесспорно, не от того, что большее или меньшее число физически сходных индивидуумов сосуществует в пространстве, но в силу общности сознания. Лишь непосредственное выражение такой общности — общность языка; однако в чем искать нам эту самую общность, в чем основание ее, если не в общности взгляда на мир, а этот последний — в чем изначально содержится он, в чем дан он народу, если не в мифологии? Поэтому представляется невысказанным, чтобы к наличествующему уже народу прибавлялась еще и мифология, будь то изобретенная отдельными индивидуумами в народе, будь то возникшая как общее, подобное инстинкту порождение. Все это представляется невозможным, потому что невысказанно, чтобы народ *был* и чтобы у него не было своей мифологии» (Шеллинг 1989: 211).

Народы, по Ф. Шеллингу, становятся самими собою, воплощаются в сознании, лишь *вместе со своими мифическими представлениями и вместе с языком*, т. е. история народа определяется языком и *мифами*, составляющими его *судьбу*. При этом *мифические* представления воспринимаются как непреложная

истина или, как пишет Ф. Шеллинг, «вся истина» (Шеллинг 1989: 214). Таким образом, этничность, как и миф, для древнего сознания являлась не «предметом разума», а «недвусмысленной и неотступной реальностью».

Итак, предмет, пространство и методы исследования этничности лежат в области мифологии. Но каким образом современный ученый может войти в древний миф, в архаическое *мифическое* мироощущение? Или же, как он может изучать его, не ставя перед собой этой непосильной или, по крайней мере, опасной задачи? Глубокие формулировки Ф. Шеллинга имели бы сейчас, на фоне современного корпуса исследований *мифического* сознания, лишь историографический интерес, если бы не одно, не замеченное никем, обстоятельство. Оно заключается в том, что, помимо теоретических обобщений, труд философа дает нам весьма ценные наброски возможной методологии, применимой как к области истории, так и к археологии. Указанный философом путь позволяет обойти этот неразрешимый вопрос постижения мифа без допущения заведомо сомнительных попыток овладения древним *мифическим* сознанием, попыток его усвоения. Ключ к этой задаче представляет собой диалектическое понимание мифологии Ф. Шеллингом, понимание ее как *процесса*.

Возникновение народов по Шеллингу обусловлено некими духовными кризисами, потрясениями *мифического* сознания, набегающими подобно волнам, коренными изменениями в представлениях о богах:

«У мифологии нет иной реальности, кроме сознания, — да, это так: вся мифология исчерпывается определениями сознания, т. е. его представлениями, однако сам *процесс*, эта *последовательность представлений* — они-то не могут в свою очередь быть просто *воображаемыми*, они-то должны были *реально* иметь место, действительно происходить в сознании; не мифология создает эти представления, наоборот, мифология создается ими, ибо мифология — это только целое этих учений о богах, какие действительно выступали последовательно, друг за другом, так она и возникла благодаря этой последовательности» (Шеллинг 1989: 264).

Войти в миф — значит сделать попытку отыскать в нем истину. По этому пути столетие спустя пытался идти, например, Б. А. Рыбаков в своих трудах о славянском и древнерусском язычестве. Но Ф. Шеллинг продолжает:

«Находя совершенно невозможным отыскать истину в мифологии, как она есть, решались в лучшем случае узнавать в ней истину искаженную, однако сама невозможность отыскать истину проистекала именно оттого,

что отдельные представления рассматривались как таковые, не в их последовательности, но в их абстрактности, т. е. оттого, что их не возвышали до понятия процесса. Можно признавать, что отдельное в мифологии — ложно, однако от этого не ложно целое в его последовательном разумении, не ложно целое, рассмотренное как процесс» (Шеллинг 1989: 337).

Что это значит для истории и археологии? Этногенез, как *процесс мифический*, происходящий в сознании, постижим наукой только в своем диалектическом движении. Мы не понимаем самого мифа, но, сознавая его всеобъемлющий характер, можем зафиксировать его крушение в истории или материальные следы его крушения в антропогенном ландшафте, иными словами, в культурном слое. Именно кризисы *мифического* сознания, качественные разрывы в ткани этого сознания — вот что может уловить и исследовать по своим источникам историк и археолог.

Этничность как субстанция, живущая в мифе, постижима в нем, т. е. постижима для сознания *мифического*. Под *мифическим* сознанием как *средой исследования* я подразумеваю совокупное понимание единства природы и культуры. При таком подходе не правомерна постановка вопроса в духе «влияние природной среды на культуру» или наоборот. Речь идет о едином процессе, в котором культура и природа участвуют на равных основаниях. Этот процесс и есть миф, который нас интересует. Миф, таким образом, становится не объектом исследования, но его *средой*. Главное — не выходить за пределы этого пространства, и археология представляет для этого все возможности.

1.2.1. Древняя этничность и археология ресурсов и систем жизнеобеспечения

Холод у них здоров, хотя бы он был очень сильным, а жара для них пагубна. И они не могут путешествовать в страны Лангбардии по причине их жаркости, ибо жара у них (*Лангбардов*) очень сильна, вследствие чего они (*Славяне*) погибают.

Ибн Якуб³⁸

Опыт социальной антропологии строится на анализе современного общества, а определения этничности/идентичности — на результатах полевой антропологии (этнографии), изучающей функционирующие сообщества. Убедительных оснований проецировать полученное таким образом знание на отдаленные исторические эпохи в распоряжении антропологов не имеется. В частности, это касается и применимости конструктивистских дефиниций к довольно ограниченному кругу исторических ис-

точников, повествующих о той части обитателей Европы, которых авторы второй половины I — начала II тыс. н. э. называли славянами (см. например: Васильев 1992, 1993, 2005; Иванов 1991, 1993, 2008; Петрухин 1993; Шувалов 2008; Грацианский 2012, 2014; Curta 2002, 2007, 2008).

Вряд ли убедительно соотнесение полученного «этноисторического» знания с археологическим материалом того времени, когда летописи еще не сообщают нам ни о родовых связях, ни о самовосприятии жителей поселений, а их культурный слой еще не говорит с нами языком берестяных грамот или надписей, процарапанных на стенах храмов (о славянах и археологии см.: Артамонов 1990). Как неоднократно отмечалось, этнические различия могут не находить отражения в материальной культуре (Арутюнов 1989: 41). Но дело обстоит не совсем безнадежно. Выяснив, в каких обстоятельствах актуализируется и мобилизуется этническая идентичность, можно очертить круг событийных и культурных последствий этих обстоятельств и, в дальнейшем, сконцентрироваться на изучении их материальных остатков, приняв их за индикаторы этногенеза.

Этнология приближается к пониманию, что целенаправленное конструирование идентичности — явление, характерное, в основном, для индустриальной и постиндустриальной эпох. Еще Ю. В. Бромлей отметил, что урбанизация привела к перемещению этнической специфики из материальной сферы в духовную (Бромлей 2009 (1983): 385–386). В доиндустриальных обществах формирование идентичности связано с территорией (Козлов 1999: 70, 71, 74–77; Тишков 2003: 71) и с комплексом действий, обеспечивающих адаптацию группы к среде обитания (Арутюнов 1989: 204, 232; Карлов 2000: 13; 2011: 469, 470). В этом вопросе отыскивается одна из точек соприкосновения конструктивистского и примордиального подходов. Роль географической среды в формировании человеческих сообществ и культур жизнеобеспечения — тема, которая наиболее успешно развивается в отечественной этнологии с советских времен (Бромлей 1973: 162–164; 2009: 221). Как писал Ю. В. Бромлей:

«...саму специфику ХКТ есть достаточные основания рассматривать как этническую. При этом этническая специфика по-разному выражена в ранние и поздние периоды существования хозяйственно-культурного типа. В периоды своего формирования хозяйственно-культурные типы тесно сопряжены с этническими общностями. В сформировавшихся и давно существующих ХКТ происходит обособление от них культуры отдельных этносов» (Бромлей 2009 (1983): 123).

Этничность и этногенез можно определить как средство обеспечения конкурентного преимущества

³⁸ Куник 1878: 54.

коллектива в освоении и удержании под контролем территории, обладающей ценным для него ресурсным потенциалом (биоценоза). *Этнос*, в таком случае, — основанная на мифе социальная система, возникающая в процессе организации общинного контроля за биологическими ресурсами определенного геопространства. А. М. Микляев, опираясь на идеи Э. С. Маркаряна (Маркарян 1976; Маркарян и др. 1983), совершенно справедливо определял материальную культуру как форму приспособления к ландшафту, т. е. совокупность действий и инструментов, направленных на его эксплуатацию. После того, как возможности последнего оказываются исчерпанными, происходит миграция группы или перестройка материальной культуры с учетом новой специфики экологической ниши (Микляев 1992: 9–10, см. также: Головнев 1995: 23, 42). Мне близко мнение, что именно динамичное взаимодействие человека со средой обитания скрывает в себе источники этногенеза в архаических обществах (Карлов 2000: 13, 14, 20). Таким образом, исследование форм эксплуатации природных ресурсов, конкуренция этих форм — предмет археологии — имеет прямой выход на проблемы этногенеза.

Выживание коллектива достигается за счет регламентации агрессии внутри сообщества и одновременного направления ее вовне — на «чужих» («внешнее» и «внутреннее» насилие, см.: Красиков 2010: 75). Яркий пример такой регламентации видим в ПВЛ: в знаменитой формуле «не добро бо есть преступати предела чюжего» в сочетании с разделением народов на славян и «иные языци», в отношении которых допустимы принципиально иные формы поведения (военные экспедиции, дани, полоны, основания в их землях военных опорных пунктов).

В биоценозах этот процесс отражается, в первую очередь, в формировании разного рода границ. Это может быть формирование особых милитаризованных ландшафтов (насыщенных городищами, военными лагерями и т. п.) или лишенных постоянного населения «зон взаимного страха». Возможно, наоборот, появление на пограничье повышенно агрессивных групп населения. Их погребения (если, конечно, это язычники) изобилуют оружием, их материальная и духовная культура милитаризована (например, южнорусские казаки или обитатели московско-литовского пограничья XVI–XVII вв.). Перечисленные типы пограничных микрорегионов прекрасно известны историкам и могут быть исследованы (и исследуются) археологически.

В процессе конкурентного освоения биоценозов оформляются культурные нормы и ритуалы, позволяющие отличать «своих» от «чужих», — это, в частности, такие важные для археологии области культуры, как традиционный костюм, погребальный обряд и т. п. Большую (но не всегда главную) роль в оформлении этих культурных норм играют элиты.

1.2.2. Древняя этничность, этноцентризм и археология насилия

Война есть чисто биологическая функция этноса, облакаемая им в различные идеологические формы, в зависимости от общего культурного состояния.

С. М. Широкогоров.
Этнос³⁹

Бесчисленные поколения звероподобных рычащих людей бродили по этим болотам несчетные века. По сравнению с невообразимо долгим периодом господства этой расы на земле весь дальнейший период господства культурного человечества можно назвать одним днем.

Герберт Уэллс.
Игрок в крокет⁴⁰

Конфронтационные действия — это не определенный способ политических действий, а момент любой деятельности, и их невозможно мысленно отделить от нее. Лишь отказ действовать вообще выводит из игры и конфронтационные действия. Для общественного, а равно и индивидуального поведения такая форма невмешательства означала бы безоговорочное подчинение.

Хаймо Хофмайстер.
Воля к войне, или Бессилие политики⁴¹

Агрессия сопровождает историю человечества с первобытности (Назаретян 2012: 114). Одна из главных характеристик этничности — *этноцентризм* (агрессивное отторжение чуждых культурных форм — языка, социальных и религиозных норм поведения, морали и этики, элементов быта) — многое определяет в историческом процессе и в развитии материальной культуры. Консолидация человеческих общностей связана с необходимостью преодоления различных кризисов, преимущественно войн и природных катаклизмов (Долуханов 2000: 197). Причем, два этих явления тесно связаны между собой, ибо в эпохи природных кризисов борьба за ресурсы обостряется.

Агрессия и насилие есть свойства, единые для всего живого, универсальная форма существования органического вещества (Красиков 2010: 22–36; Назаретян 2012: 12–14), в частности, человека как живого существа, личности и части социума (Зиммель 2015; Берковиц 2001). Необходимость осознания себя в социальном, географическом и сакральном пространстве через антитезу «свой — чужой» или, как верно расставил изначальные дефиниции Б. Ф. Порш-

³⁹ Широкогоров 2012 (1923): 97.

⁴⁰ Уэллс 1957: 541.

⁴¹ Хофмайстер 2001: 59.

нев, «чужой — свой» (Поршнев 1979: 81, 82, 93, 152), заложена, по-видимому, в инстинктивном поведении человека и коллектива (Алексеев 1984: 269, 270; 1986: 148; Лоренц 1994; 2016: 544–546, 574; Назаретян 2012: 73; Уилсон 2015: 169, 180; Жирар 2019: 40) или складывается уже на начальных этапах формирования культуры. Иными словами, перед тем, как задать себе вопрос «кто я», человек определяет «кто не я».

Это взаимное неприятие в древности и в настоящее время сходно по природе, но различно по силе. В древнем *мифическом* сознании происходит исключение «чужого» из мира людей, себе подобных, помещение его в контекст, например, неосвоенного лесного, звериного мира. Принадлежность к нему определяет неумение «чужого» изъясняться на «человеческом» языке, его молчание (немец/немой) (Невская 1999: 131). Неслучайно и лесной разбойник русских былин Соловей изъясняется по-звериному. Отголоски этого перемещения «чужого» мы встречаем в ПВЛ с ее определением «зверинского» образа жизни. Для славян характерно, например, сопоставление «чужого» с волком (Славянская мифология 2002: 85).

Аналогичные воззрения у северных германцев демонстрирует сага о Сверрире, одна из наиболее исторически точных саг. В интересующем нас отрывке рассказывается о событиях 1177 г., когда войску самозваного конунга Сверрира пришлось пробираться через леса центральной части Скандинавского полуострова вдали от центров власти:

«Ярнберланд принадлежит конунгу шведов, и эта страна была тогда еще языческой. Ее жители никогда не видели конунга, и были непривычны к тому, чтобы через их страну проезжал конунг. Можно сказать, что там нельзя было найти человека, который понимал бы, что такое конунговы люди, или знал бы, люди они или звери. Идти походом среди такого глупого народа было большим испытанием. Но всемогущий бог проявил такую милость к Сверриру, что жители разрешили ему проехать через их страну, как только услышали его слова» (Сага о Сверрире 1988: 16).

В этом отрывке, перекликающимся с ПВЛ, ясно очерчено языческое восприятие «чужого» — появляющегося из леса зверя в человеческом облики.

Освоенному «человеком» пространству противостоит мир «чужих» — царство смерти. Повсеместно в народной культуре коллективное архаическое сознание приобщает «чужого» к существам потустороннего, демонического мира (Виноградова 1995: 24). В славянских святочных играх XIX в., восходящих к языческим ритуалам, среди ряженных, как известно, наряду с откровенно inferнальными персонажами (чертями, покойниками, дикими зверями и пр.) всег-

да фигурировали представители других этнических групп (Байбурин 1993: 132). От «чужих» исходит опасность вредоносного колдовства. Контакты с ними в *архаическом* обществе обставлены системой ритуалов, призванных обезвредить их для соплеменников (Фрэзер 1983: 189). Страна, населенная «чужими», заколдована и опасна, требует осторожности, после возвращения из нее необходимо пройти обряд очищения (Фрэзер 1983: 191).

С «чужими» народами в *мифическом* индоевропейском сознании отождествляются вредоносные великаны прошлого, чаще всего истребленные людьми («своими») или Божьим Промыслом (Тайлор 1989: 188; Славянская мифология 2002: 64, 204; Белова, Петрухин 2017: 59). Нужно подчеркнуть здесь именно архаичный мотив истребления. В ПВЛ в роли этих враждебных великанов выступают обры (авары), которые были, в соответствии с фольклорно-мифологическим каноном, «велики телом», но, как известно, погибли без остатка. Позднее уже на Русском Севере в мифологических рассказах мы видим мотив избавления от «чужого» народа, который связан с поголовной гибелью чуди, «ушедшей в землю» (Криничная 1991). В средней полосе России к этой же категории сюжетов о подземной кончине мифического народа следует, вероятно, отнести предания об ушедших в землю церквях и усадьбах, связанные с городищами.

Разделение на «чужих» и «своих» в *мифическом* сознании тотально, оно зеркально отражается от мира людей в мир богов и эпических героев, организуя все мыслимое мироздание — и реальное, и метафизическое. У германцев в эддическом пространстве Мидгард, мир «настоящих людей», моделирует Асгард богов, противостоящий хтоническому хаосу, населенному великанами и чудовищами. При этом боги (асы), как отмечает Е. М. Мелетинский, «противостоят своим противникам как человеческое нечеловеческому», недаром Тор именуется «защитником людей» (Мелетинский 1968: 187).

На чужого не распространяются племенные моральные и правовые нормы (Chalk, Jonassohn 1990: 28). Подобная эманация группового сознания снимает запрет на внутривидовую агрессию, оправдывает ее и не требует непреложных экономических или политических резонансов, далеко не всегда уловимых в войнах древних и архаических обществ (Головнев 1995: 110, 124–126; Дьяконов 2007: 70; Кревелд 2015: 200, 201). Вовсе не обязательно наличие сиюминутной угрозы со стороны «чужого», или как, по-видимому, правильно заметил Р. Жирар «агрессии не существует», т. е. механизм коллективной враждебности дуалистичен; он устроен таким образом, что всегда «запоздывает» по отношению к внешней опасности,

неважно, реальной или воображаемой. Природа войны иррациональна потому, что в коллективном сознании она всегда есть борьба добра со злом. Вслед за антитезой «чужой — свой», параллельно ей, в культуре формируется понятие «враг — друг», открывая путь к зарождению международной политики.

Известно, что война между людьми, осознающими общность происхождения и культуры, например, гражданская, кровопролитней любой иной (см. блестящий социологический очерк Г. Зиммеля «Человек как враг»). Внутригрупповое соперничество — «война всех против всех» — сводит на нет перспективы любой популяции. Для выживания необходимо размежевание, замещение формулы «все против всех» на «свои против чужих» или, позднее, на «друзья против врагов». Этничность, повышающая и закрепляющая разнообразие популяций, переводит агрессивность в менее опасное для вида русло. Как инстинктивная потребность и одновременно форма сдерживания инстинктов этничность является в равной мере биологическим и культурным фактором, сопровождающим человеческую агрессивность. Значение этого фактора следует формулировать, исходя из размышлений К. Лоренца о феномене культуры, который в его построениях можно отождествить с феноменом этничности:

«Культурный смысл ритуальной смирительной рубашки, надетой на все наше “тварное” (kreatürliches) поведение, а тем самым ее значение для сохранения вида, состоит в необходимости поставить если и не все инстинктивные побуждения человека, то большую их часть под контроль устанавливаемых культурой норм поведения» (Лоренц 2016: 569).

Этничность/идентичность выражается, таким образом, через совместную агрессию или в форме этнического фаворитизма. Выражение идентичности подобным образом (независимо от ее субстанциальности) играет огромную роль в истории.

Европейская мысль никогда не расставалась с идеей о том, что умножение человеческого рода и растущее освоение природных ресурсов ведут к нехватке средств существования и, как следствие, к нарастанию войн. Уже в разработанном виде ее можно встретить, например, у Тертуллиана (Tertullianus. De anima. 30. 3–4; Тертуллиан 2008: 93, 94). Под влиянием обилия информации о насилии, творимом в XX в., современные мыслители часто склоняются к идее о нарастании насилия, в частности этнического геноцида, во времени по мере усложнения экономических и социально-политических структур и формирования религиозных идеологий (Chalk, Jonassohn 1990: 32; Красиков 2010: 63, 68, 79, 95–97; Леви-Стросс 2016: 53, 54; Манн 2016: 41, 54). Воин-философ Э. Юнгер под впечатле-

нием немецкого краха середины XX в. рассматривает тотальную войну на уничтожение (якобы еще неведомую Клаузевицу), сопровождающуюся полным физическим и духовным подавлением противника, как нечто новое в истории Европы (Юнгер 2007: 157–160, 179). Как писал Майкл Манн о геноциде, «в Современности присутствует нечто, позволяющее данной конкретной форме зла осуществляться в массовом масштабе» (Манн 2016: 53). Первобытная, примитивная война виделась чем-то сравнительно безобидным (обзор этих взглядов см.: Keeley 1996: 14).

Представляется, здесь имеет место определенный оптический обман. Социально-историческая динамика в этой области свидетельствует об обратном. В современном обществе тотальный геноцид технически затруднен, тогда как в древности, при ограниченности коммуникаций и информационных каналов полное уничтожение крупных групп с определенной идентичностью и своеобразной культурой (в том числе материальной) было делом обычным. Исторические источники, начиная с Библии, полны описаниями войн, направленных на тотальное уничтожение *чужаков* или на полное вытеснение их с занимаемой территории (Chalk, Jonassohn 1990: 61–64). О легитимизации этих действий в глазах сильнейшей стороны речи не шло. Это известно каждому, листавшему страницы Ветхого Завета.

Бесстрашно выразил эту мысль Н. Макиавелли (1469–1527), первый профессиональный европейский политический мыслитель, стоящий еще (и это важно) на рубеже средневековья. В труде «Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio» Н. Макиавелли делит войны на два типа: между державами и между народами. Когда причиной войны служит не властолюбие государя, а воля народов:

«...целый народ в полном составе снимается с места, побуждаемый к этому голодом или войной, и отправляется искать себе новое пристанище в чужой стране. Он не хочет управлять ею, как вышеупомянутые государя, а полностью владеть и для этого изгнать или истребить ее прежних жителей. Такая война бывает жестокой и ужасной» (Макьявелли 2008: 285–286).

По Макиавелли, народные войны истребительны при одном условии — многочисленности нападающих. Лишь малое число переселенцев мешает им уничтожить аборигенов и вынуждает к поиску политических решений (Макьявелли 2008: 287).

О природном инстинкте насилия, на почве которого вырастают ненависть и вражда, питающие войны, писал еще К. фон Клаузевиц (1780–1831) (Клаузевиц 1998: 58). Коллективное насилие, тождественное «священному», по Р. Жирару, лежит в основе человеческой культуры и не допускает у гонителей

сомнений в виновности жертвы т. е. имеет бессознательную природу (Жирар 2010: 180; 2010 а: 45, 46, 312). Речь идет об агрессивном инстинкте (о том же, о чем с разных точек зрения писали К. Клаузевиц и К. Лоренц), воплощением которого у Жирара служит метафора бесов или Сатаны (Жирар 2010: 308). В оперативном отношении такой шаг оправдан, поскольку позволяет автору свободней анализировать исторические тексты, в первую очередь евангельские.

Это всеобъемлющее насилие, постоянно ищущее жертвоприношения, следы которого Жирар находит повсюду в мифах и исторических источниках, определенным образом мифологизирующих реальность. Гонение и коллективное жертвоприношение замаскированы вследствие неосознанного «культурного сокрытия», и только христианская проповедь впервые противопоставила этому «сокрытию» концепцию невинной жертвы, сделала возможным сопротивление насилию (Жирар 2010: 165). Насилие и смерть тождественны в архаическом религиозном мышлении (Жирар 2010а: 46, 337). Здесь Р. Жирар сближается с русским мыслителем Н. Ф. Федоровым.

Р. Жирар почти не обращался к вопросам происхождения войны, но его концепция позволяет объяснить и этот культурный феномен. Анализируя насилие в архаических обществах, он выстраивает следующую схему эскалации и преодоления насилия: схема «все-против-всех» перерастает в ситуацию «все-против-одного», разрешающуюся коллективным жертвоприношением. Этой мистерии не хватает еще одного измерения: массового жертвоприношения в ситуации «свои-против-чужих». Через эту коллизию, можно предположить, и проходит рубеж между группой, совершающей жертвоприношение, и этносом. К этой теме Жирар приближается несколько раз, во-первых, отмечая, что военнопленные и иностранцы (стоящие вне института кровной мести) принадлежат к наиболее распространенным объектам жертвоприношения (Жирар 2010а: 21). Во-вторых, он отмечает, что война является таким же способом ритуализованной переадресации коллективного насилия на удаленный объект, как и коллективное жертвоприношение (Жирар 2010а: 30, 370–371). Но нетрудно заметить, что эта тема мешает Жирару, т. к. уводит его от концепции невинной жертвы, козла отпущения, которая затем должна привести его к евангельским страстям. Лишь в поздней работе «Завершить Клаузевица» Жирар обращается к идее о враждующих «двойниках». Эта его мысль (об отсутствии агрессора) упоминалась выше.

Клаузевиц указал, что по мере совершенствования политических институтов и способов применения насилия война «цивилизованных народов» становится менее «грубой», сводя к минимуму геноцид (например, убийства мирного населения и военно-

пленных). Тем не менее, у Клаузевица понятие «война на уничтожение» присутствует лишь как отвлеченная идея, не связанная с исторической ретроспективной. Есть лишь грубые проявления инстинкта диких народов первобытности (правда «воинственный дух» им, по Клаузевицу, более свойствен), отягощавшие военное насилие, целью которого, также как и в XIX в., являлось лишение противника возможности сопротивления и навязывание ему своей воли (Клаузевиц 1998: 36–37). Война Клаузевица подразумевает наличие *политической цели*.

Как показал в середине XX в. К. Шмитт (1888–1985), государственно-правовое оформление отказа от войны на уничтожение на европейском пространстве произошло только в период с XVI по конец XIX в. и шло параллельно с формированием национальных государств (Шмитт 2008: 165–184; см. об этом также: Пинкер 2021: 225), однако, идея возможности ведения войны иного рода, войны вне закона, всегда витала в воздухе. Шмитт анализирует ее, в частности, у Канта (Шмитт 2008: 212–216). Практическим рудиментом такой войны остается в XX в. фигура партизана, которой К. Шмитт посвятил отдельную работу (Шмитт 2007). Архаичность истребительной партизанской борьбы состоит, в частности, в ее тесной связи с «географическим своеобразием страны». Этот на первый взгляд простой тезис нам надо запомнить — в дальнейшем мы к нему вернемся, анализируя войны в архаическом обществе.

В отечественной историографии, развивая мысли Клаузевица, правильную ретроспективу насилия в форме геноцида дал в начале XX в. русский военный теоретик А. Е. Снесарев (1865–1937). Он указал, что, несмотря на частные примеры, культура военных действий в истории направлена от тотальной войны на уничтожение к ограниченному боевым действиям (Снесарев 2013: 112–117, 125, 126, 158, 169). Ту же мысль можно в этот период найти в ранней работе В. В. Бунака (Бунак 2012: 485). Основанием для таких выводов послужили этнографические наблюдения (Коропчевский 1892: 17, 19).

В настоящее время достаточно ясно, что историческая ретроспектива в направлении первобытных обществ указывает на сравнительно большую роль и масштабы насилия, в том числе и в войнах (Keeley 1996; Дьяконов 2007: 29; Назаретян 2012: 79–80; Пинкер 2021: 81–92). Философские и социально-антропологические концепции были подтверждены археологическими статистико-комбинаторными исследованиями (Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 115, там литература). На материалах могильников Нового Света, дающих выборку человеческих скелетов в интервале с 4500 г. до н. э. до начала XX в., установлено, что по мере роста численности коллективов погребения со следами насильственных травм встречаются

ся все реже (Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 116, 119, 149–150; Пинкер 2021: 86).

Клаузевиц не имел в своем исследовательском арсенале исторического подхода. Классический центральный элемент его теории — понимание войны как *политического инструмента* противоречит вышеизложенным наблюдениям, относящимся к древности. Поэтому представляется обоснованной критика Клаузевица, представленная в труде Хофмайстера, согласно которой война, по крайней мере изначально, выступает *не-политикой*, а чем-то ей противоположным:

«Она (война. – И. Е.) является отрицанием равноценности жизни всех людей и потому ведет к различию между другом и врагом, между товарищем по оружию и противником. Тот или иной противник, будучи назван врагом, подвергается раз-индивидуализации, вследствие чего его жизнь признается ничтожной. Поскольку в гражданском состоянии власть распоряжается насилием, угроза его применения и возможность использования принадлежат государству, то и право различия на друга и врага передается ему, а не остается делом сражающихся» (Хофмайстер 2006: 94).

Несомненно, что достижение политических целей по отношению к противнику, низведенному до «зверинского» (пользуясь терминологией ПВЛ) образа, невозможно. Исходя из этнологических и мифологических источников изучаемой нами эпохи, для войны представляется более удачным термин: *прото-политика*. Эта идея была высказана Х. Хофмайстером со ссылкой на М. Фуко: «... не война является средством политики, а политика — продолжением войны другими средствами» (Хофмайстер 2006: 104)⁴². Инструментом политики становится десакрализованная война, вместе с человеком переступившая порог «осевого времени». Именно тогда противник из нечеловечески враждебного существа, осужденного на смерть, превращается в конкурента, с которым, навязывая ему свою волю, говорят языком силы.

Итак, войны нового времени, имеющие *политическую цель*, и войны в архаическом обществе, когда насилие не регламентировано государством и не служит инструментом политики, различны по содержанию. Разумеется, архаические войны тоже имеют цели. Могут быть названы две: вытеснение противника с территории и полное его уничтожение. Как правило, такие войны сопровождается этноцид — на-

сильственная интеграция уцелевших в этнокультурное пространство победителей (Chalk, Jonassohn 1990: 34).

Этот вывод важен для археологии, т. к. последствия тотальных изменений в составе населения в отдельных микрорегионах при использовании комплексных археологических методик доступны для изучения в материальных остатках. Философское понятие агрессии включает агрессивное поведение, направленное на неодушевленные и абстрактные объекты. Разрушение элементов материальной и духовной культуры, сопровождающее вражду с «чужим», часто не менее губительно для его идентичности, чем физическое уничтожение. Археологическое изучение динамики этой разрушительной деятельности в древних обществах в последние годы приобретает характер отдельного научного направления в региональных исследованиях в Западной Европе (см, например: Asplund 2008: 362–365).

Истоки войны кроются в несхожести людей и культур. Успех любой цивилизации зависит, в конечном счете, от двух ее способностей: к ограничению внутреннего насилия и к ведению войны. Томас Гоббс (1588–1679) в знаменитом «Левиафане» поставил войну в ряд изначальных свойств человеческой природы, надолго определив толкование войны европейской философией. Определение природы войны по Гоббсу:

«Ибо война есть не только сражение, или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения. Вот почему время должно быть включено в понятие войны, так же как и в понятие погоды. Подобно тому как понятие сырой погоды заключается не в одном или двух дождях, а в ожидание этого в течение многих дней подряд, точно так же и понятие войны состоит не в происходящих боях, а в явной устремленности к ним в течение всего времени, пока нет уверенности в противном» (Гоббс 1991: 95, 96).

Таким образом, мыслитель не только предвосхитил социобиологический подход к проблеме войны, но и включил в это понятие протяженный во времени символический аспект. В дальнейшем, говоря о войне как объекте антропологического и археологического исследования, я буду исходить именно из этой гоббсовской формулировки *войны как состояния*, в последующем дополненной антропологами и социологами (Шмитт 2016: 381; Шнирельман 1994).

Гоббсовские определения войны позволяют назвать три связанные с ней археологические универсалии: территориальность как одну из причин агрессивного поведения и насилия; коллективность; символизм как выражение протяженного во времени военного напряжения, не всегда связанного с боевой обстановкой.

⁴² Х. Хофмайстер имеет в виду лекцию М. Фуко в Коллеж де Франс от 7 января 1976 г. Русский перевод: Фуко 2005: 21–41. В изложении последнего формула приобретает иной оттенок: «... политика это санкция и продолжение продемонстрированного в войне неравновесия сил» (Фуко 2005: 36).

Нас интересует насилие, для совершения которого прилагаются физические усилия множества людей. Их результатом часто оказывается изменение ландшафта. В исторической географии существует особый термин для его обозначения — бelligеративный (преобразованный войной) ландшафт. Он может изучаться археологическими методами. Территориальность и коллективность отражаются в расположении и характеристиках городищ — поселений, предназначенных для удержания военного натиска и для его организации. Часть городищ могла служить военными базами, складами продовольствия и фуража в военное время и т. п. Все это неотделимо от системы коммуникаций, которая также имеет отношение к войне. Вспомним знаменитую формулу ПВЛ: «требите путь и мостите мость». Образ городища как элемент идентичности дожил до нашего времени в некоторых обществах Европы. В качестве примера можно указать на роль городищ в современной культуре Литвы (Виткунас, Забела 2017). По признанию этих авторов, «городища — больше, чем археологические объекты: это часть исторической идентичности литовского и латышского народов (Виткунас, Забела 2017: 2).

Символический аспект связан с использованием оружия в ритуальных целях (в нашем случае — с погребениями).

Как отмечал некогда С. В. Чешко, «групповому сознанию свойственны многозначность и иерархичность уровней; поэтому возникает очень непростая задача определения доминирующего уровня самосознания и доминирующего уровня этнического сознания (что не одно и то же), и эта задача, видимо, не всегда решаема, поскольку такое доминирование обычно носит переменчивый, ситуативный характер» (Чешко 1993: 17). Агрессии и насилию, как и этничности, свойственна *иерархичность и дискретность*. Именно этими факторами обусловлена связь насилия с этногенезом. По мере возрастания уровня насилия этничность переходит на более высокие ступени иерархии (меняется «доминирующий уровень этнического сознания»), пока не будет доступен уровень, обеспечивающий сообществам с близкой идентичностью перевес в насильственных действиях. Такой перевес в архаическом обществе обеспечивается за счет мобилизации наибольшего количества сильнейших (т. е. потенциально наиболее агрессивных) коллективов.

Классический пример *иерархичности* этничности/идентичности и насилия являет Древняя Греция, где житель в первую очередь мыслил себя гражданином полиса, объединенным с согражданами мифом об общем происхождении. В то же время он осознавал и более высокую общность эллинов, противостоящих варварскому миру. Исчерпывающее описание этой

иерархии дано Платоном в «Государстве». Разумеется, эллины далеко не всегда придерживались идеализированной иерархии насилия:

«— Мне кажется, что недаром есть два названия — война и раздор. Это два разных [проявления], зависящих от двух видов разногласий. Двумя я считаю их вот почему: одно — среди своих и близких, другое — с чужими, с иноземцами. Вражда между своими была названа раздором, а с чужими — войной. <...>

— Значит, если эллины сражаются с варварами, а варвары с эллинами, мы скажем, что они воюют, что они по самой своей природе враги и эту их вражду надо называть войной. Когда же нечто подобное происходит между эллинами, надо сказать, что по природе своей они друзья, но Эллада в этом случае больна и в ней царит междоусобица, и такую вражду следует именовать раздором.

— Я согласен расценивать это именно так.

— Посмотри-ка: при таких, как мы только что условились это называть, раздорах, когда нечто подобное где-нибудь происходит и в государстве царит раскол, граждане опустошают друг у друга поля и поджигают чужие дома, сколь губительным окажется этот раздор и как мало любви к своей родине выкажут обе стороны! Иначе они не осмелились бы разорять свою мать и кормилицу. Достаточно уж того, что победители отберут у побежденных плоды их труда, но пусть не забывают они, что цель — заключение мира: не вечно же им воевать! <...>

— Раз они эллины, они не станут опустошать Элладу или поджигать там дома; они не согласятся считать в том или ином государстве своими врагами всех — и мужчин, и женщин, и детей, а будут считать ими лишь немногих — виновников распри. Поэтому у них не появится желания разорять страну и разрушать дома, раз они ничего не имеют против большинства граждан, а распрю они будут продолжать лишь до тех пор, пока те, кто невинно страдает, не заставят ее виновников наконец понести кару.

— Я согласен, что наши граждане должны относиться к своим противникам именно таким образом, а к варварам — так, как теперь относятся друг к другу эллины» (Pl. Resp. V, 470, 471; Платон 2007: 293–295).

Для характеристики славянского самосознания IX–XII вв. Н. И. Толстой предложил пять условных иерархических уровней: «1. Религиозный показатель: христианин — язычник; 2. Общеплеменной показатель: славянин — не славянин; 3. Среднеплеменной показатель: лях — не лях; 4. Частноплеменной показатель: мазовшанин — не мазовшанин; 5. Государственный показатель: поляк — не поляк» (Толстой 2000: 446). Мне же иерархические уровни этнополитического самосознания восточных славян по древнерусской летописной традиции представляются так:

- Славяне как языковая общность противопоставляются иноязычным обитателям Восточной Европы. Эта идентичность проявлялась в первую очередь на уровне подвижных групп населения.

- Среди очерченного таким образом летописного славянского языкового единства выделяются находящиеся в сложных взаимных отношениях «племена» (в летописях такого понятия нет, есть лишь их названия): словене, кривичи, дреговичи и пр. К этому уровню принадлежали мифы о первопредках.

- Внутри славянского пространства взаимно противопоставляются славяне и русь (последняя соотносится то с варягами, то с политическим объединением части славянских «племен»).

- С делением на «племена» соседствует деление на «области», тяготеющие к стольным городам: Новгороду, Киеву, Смоленску и т. д. Области эти населены соответственно новгородцами, киянами, смолянами и т. д. На этом уровне иерархии начинается замена древних этногенетических мифов новыми, в центре которых оказываются местные христианские святыни («где Святая София, там и Новгород»).

- Подвижные фронты агрессии и насилия распределяются по этим ступеням, как горизонтально, так и вертикально. В нашей работе мы будем анализировать преимущественно три первые дефиниции, лишь по необходимости обращаясь к двум последним, выходящим за хронологические рамки исследования.

1.2.3. Древняя этничность и археология границ

Историки пытаются использовать для установления племенных границ данные топонимики и гидронимики, исторические свидетельства, и, наконец, данные археологии. Каждая из этих методик имеет свои недостатки.

- Топонимические свидетельства сложно датировать. Этимологические трактовки географических названий, за которыми исследователям видятся этнонимы, как правило, спорны. Пример этого можно видеть уже в знаменитой книге Н. П. Барсова (Барсов 1885) и последовавшей за ее публикацией критической дискуссии на страницах публикаций ведущих историков-славистов (Карский, Даниловский и др.).

- Древнерусские летописи, как и большинство европейских раннесредневековых анналов на фоне династической и политической истории скупо на описания этнографических реалий. Широко распространенное в историко-географической литературе отождествление племенных границ VIII–X вв. с политическими рубежами удельного периода русской истории не всегда убедительно.

- То же самое можно сказать и про археологические источники. На развитии славянской археологии негативно отразились три источниковедческих «пе-

рекоса». Во-первых, наблюдалось несоответствие между степенью изученности погребальных древностей и сельских поселений; во-вторых, несоответствие между степенью изученности погребальных древностей XI–XIII вв. и VIII–X вв.; в-третьих, с некоторого времени — неравномерность изученности славянских древностей юга Восточной Европы и ее средней полосы и севера. Это приводило к тому, что ранне-средневековые (относящиеся к VIII–X вв.) «племенные границы» проводились по материалам погребений, датирующихся XI–XIII вв., что едва ли можно признать корректным, учитывая то, что ранняя история Древней Руси даже в X в., не говоря уже о двух предшествующих столетиях, застает восточных славян в постоянном движении.

Несмотря на обусловленную политической конъюнктурой тенденцию к изучению границы как объединяющего и созидającego (в том числе и идентичности) начала (Curta 2005: 175), по сути своей пограничная тематика есть продолжение темы насилия. Основопологающие факторы культуры и политики, антитезы «чужой — свой» и «враг — друг» находят выражение в географическом пространстве, которое тоже бывает «своим» и «чужим», дружественным или враждебным. Это пространство включает в себя как земную твердь, так и элементы водной стихии. ПВЛ сообщает нам о таких ситуациях: о *Варяжском море*, чужом или даже враждебным для восточных славян в момент их приближения к нему; о владении кривичей верховьями Двины и Днепра; об озере Ильмень как владении словен новгородских и т. д. Дополнительную информацию дает топонимика, указывая на *Чудское озеро*, очевидно, на каком-то из этапов славянского расселения полностью контролировавшееся прибалтийско-финским населением — *чудью*.

На раннем этапе истории этноса физические границы являются изолирующим фактором в эндогамии, роль которой не следует недооценивать, несмотря на весь скепсис этнологии (Бромлей 2009 (1983): 205). Этноцентризм *мифического* сознания придавал физико-географическим границам сакральный характер. О следах такого восприятия членения пространства на примере ПВЛ мне уже приходилось писать применительно к взаимоотношениям между обитателями Новгородской и Полоцкой земель и Киевской Руси (Еремеев 2015).

Древнейшим символом *мифической* границы миров является река. В европейской истории реки служат рубежами, разделяющими идентичности и в то же время формирующими их (Borders, Barriers and Ethnogenesis 2005). Дунай, Рейн, Эльба в I тыс. н. э. являли собой образы размежевания. Восточная Европа (за исключением степной зоны) не знает таких примеров по отношению к своим крупнейшим рекам. Границы в интересующем нас пространстве не свя-

заны с реками и вообще с водными преградами (за исключением Чудского озера). Волхов, Западная Двина, Днепр и Волга никогда не служили этническими границами; напротив, они как бы пронизывают эти границы.

Интересны исследования В. А. Булкина в области культурных границ в лесной полосе Европейской России (Булкин 1984, 1994; Булкин, Герд 1989; Булкин и др. 1999). Следует осторожно относиться к его экскурсам в эпоху камня и бронзы. Но для железного века — Средневековья (I тыс. до н. э. — начало II тыс. н. э.), несмотря на условность такого понятия как «граница археологической культуры», нужно признать, что выделенная В. А. Булкиным историко-географическая область «Серединная Русь» в Днепро-Двинском междуречье — реальна. Разве что не вполне удачно ее название, поскольку с Русью связан сравнительно незначительный по протяженности отрезок истории этого региона. Предпочтительнее, на мой взгляд, нейтральное название «Днепро-Двинское культурно-географическое пространство».

Особого внимания заслуживает это «пространство» в связи с поисками исходной территории для миграции славян в область «славянского клина» и в первую очередь в районы Пскова и Новгорода. Дело в том, что область так называемых кривичских диалектов, тесно связанных с древненовгородским диалектом (Николаев 1988, 1989, 1990, 1994), в значительной степени совпадает с этим Днепро-Двинским культурно-географическим пространством. Здесь на основе современных великорусских и белорусских говоров С. Л. Николаеву, будто бы удалось выделить некоторые диалектные черты, также восходящие к праславянскому периоду. К возможной археологической интерпретации этих наблюдений мы еще вернемся в завершающих частях этой работы.

1.2.4. Древняя этничность и археология элит

Если же пристально присмотреться, то ведь считать создателями мифологии отдельных лиц — эта такая чудовищная предпосылка, что приходится только изумляться той бездумности, с которой столь часто принимают ее, словно иначе и вообще нельзя поступить!

Ф. Шеллинг.

Введение в философию мифологии⁴³

Помимо глобализации, важнейшими политическими факторами, направляющими развитие исторической науки в последние 30 лет, являются объединение Германии и крушение социалистических режимов Восточной Европы и России. В области ев-

ропейского исторического знания результатом воздействия этих факторов стало формирование так называемой Венской школы исторической этнологии; некоторые из представляющих ее работ уже упоминались выше (Pohl 1991, 2018; Curta 2006, 2007; Tolochko 2008; Толочко 2015). Не имея возможности развернуто анализировать этот огромный кластер научного знания, сошлюсь на три имеющихся его обзора на русском языке (Дмитриев 2008; Шпирт 2013; Стефанович 2018).

Попытка ухода от европейского «примордиализма» (хотя объединение Германии, безусловно, отделяет его кончину) и социалистического проекта (финал которого тоже не очевиден) в равной степени признававших народные массы движущей исторической силой, выразилась в формировании теории ведущей роли элит в раннеевропейском этно- и политогенезе. Этногенетический процесс или формирование коллективной идентичности — одно из немногих ключевых общественных явлений, которые долго оставались уделом эгалитарной социологии. Теперь в гуманитарном знании нашла выражение политическая реакция, качнувшая дискурс от концепции «крови и почвы» к «теории элит» и стремящаяся к идеологическому обоснованию извечности элитарной структуры общества. Проблема в том, что идеи «крови и почвы» и классическая «теория элит» растут из социал-дарвинизма как две ветви от единого корня. Элита, в понимании основоположников этой теории, — образуется из тех, кто побеждает в борьбе за существование любыми средствами (историографический обзор см: Ашин 2010).

Если в первой концепции субъектами «закона джунглей» являются «расы», «народы» или «этносы», то в другой — исключительные личности, стремящиеся к элитарному статусу, и элиты, борющиеся между собой за лидерство, включающее возможность, манипулируя массой, «изобретать» идентичности. Не случайно именно Г. Лебон (1841–1931) с его учением о «низших» и «высших» расах, основанным на возведенной в абсолют эволюционной теории, считается одним из основоположников «теории элит» (Лебон 1908; Психология толп 1998)⁴⁴. Общий исток

⁴⁴ Не следует забывать, что в нацистской политической философии расовая идентичность, отнюдь не детерминировалась биологически, а рассматривалась как мировоззрение, охраняемое элитой, прошедшей определенную селекцию (Фай 2021: 90–94). Для выращивания этой аристократии предназначалась такая структура, как СС, включавшая самый широкий спектр этнических компонентов. Нацистская элита мыслилась идеологами на основании расовых, политических и духовных универсалий; важную роль играло понятие чести. Однако вряд ли все это может ввести в заблуждение историка, понимающего, что в основе длительного господства всегда лежат экономические факторы. Политическая элита неизбежно перерастает в экономическую.

⁴³ Шеллинг 1989: 206.

двух этих произведений европейского философского гения, — расовой теории и теории элит, — очевиден. Не очевидна лишь оценка второго из них как более «прогрессивного», с учетом его сближения с гоббсовской картиной прошлого человечества. Концепция «крови и почвы», по крайней мере внутри «своей» «расы», «народа» или «этноса», оставляет человеку надежду на иной метафизический статус, помимо субъекта и объекта естественного отбора. Кроме того, ее историчность несет в себе потенциал гуманизации, чего нельзя сказать о «теории элит».

Труды по элитологии довольно однообразны, поэтому резонно сослаться на работу одного из основоположников этого направления социологии. Классическая формулировка исходной позиции теории элит в труде Г. Моски строится так:

«In all societies from societies that are very meagerly developed and have barely attained the dawnings of civilization, down to the most advanced and powerful societies two classes of people appear: a class that rules and a class that is ruled. The first class, always the less numerous, performs all political functions, monopolizes power and enjoys the advantages that power brings, whereas the second, the more numerous class, is directed and controlled by the first; in a manner that is now more or less legal, now more or less arbitrary and violent, and supplies the first, in appearance at least, with material means of subsistence and with the instrumentalities that are essential to the vitality of the political organism» (Mosca 1939: 50).

Вышеприведенная формулировка имеет два важных пункта. Во-первых, говоря о зарождении элиты, автор заводит речь не о человечестве как таковом, а о сообществах «слаборазвитых и едва достигших зачатков цивилизации»; во-вторых, элита, по Г. Моске, призвана обеспечить функционирование некоего «политического организма». Элита — продукт социального развития общества, в противном случае нам пришлось бы согласиться с допущением, что неравенство людей предопределено биологически, что существует какая-то изначальная «порода господ». Если это, все же, не так, то, собственно, с какого рубежа на относительной и абсолютной хронологической шкале человечества следует признавать социум достаточно «приобщившимся к цивилизации», чтобы он превратился в «политический организм», управляемый элитой? Очевидно, что эти рубежи для разных народов будут различаться в зависимости от частных факторов. Но главным порогом должен считаться период, когда родовая иерархия приобретает имущественный характер, т. е. в руках родовых вождей концентрируется основная масса собственности, причем в общественной психологии должны произойти сдвиги, позволяющие легитимизировать

это обладание. Например, на Руси в X в. эти сдвиги не обрели еще необратимости, судя по такой личности, как князь Святослав Игоревич с его аскетизмом родового военного предводителя. Конструктивистская модель «изобретения этничности» начинает работать именно с этого рубежа, отмеченного концентрацией благ, превращающей родовых вождей в ту самую элиту (близкую к современному пониманию термина), которая в состоянии оказывать влияние на общественное самосознание. Эта концентрация обычно прослеживается на археологическом материале.

Для нашей темы концепция элит не имеет определяющего значения, так как ее ретроспективная историческая глубина незначительна и, в сущности, для Европы — «упирается» в рубеж «осевого времени» по К. Ясперсу. Применительно к славянскому миру эта глубина исчерпывается IX в. н. э., поскольку имеющиеся данные не позволяют говорить о славянской элите более раннего времени, существовавшей бы в качестве, способном оказывать мощное идеологическое воздействие, или о наличии в родовом обществе информационных механизмов для оказания такого воздействия. Роль военных вождей и формирующейся дружины в манипуляции *мифическим* сознанием и конструировании славянской идентичности VI–VIII вв., не говоря уже о более раннем времени, представляется незначительной. Правда, исследователи не раз отмечали, как могут менять идентичность воины, следуя за политически успешным лидером и его окружением. Самым распространенным примером являются империи, созданные воинственными кочевыми родами, вроде гуннской или аварской. Однако эти примеры «работают» не всегда. Во многих случаях мы оказываемся перед неразрешимым вопросом о том, что первично: родовая лидер, появившийся из лона общины, или община, избирающая военных вождей? Очевидно, по мере углубления в прошлое ответ будет смещаться в сторону второго решения.

В то же время для славянского средневековья более позднего времени (IX–XIII вв.) новая «теория элит» весьма перспективна. Конструктивистский подход к этносу предполагает, что оформление коллективной идентичности происходит *изнутри* этнической субстанции, за счет усложнения ее социальной структуры и выделения элиты, заинтересованной в формировании этнических границ (Тишков 1997: 13–18). Конечно, изначальное противопоставление «они — мы» возникло на начальных этапах человеческой истории, куда раньше, чем могли быть созданы предпосылки для формирования каких-либо иных элит, кроме родового старшинства (Заринов 1997: 22–23, 27). Современный субстанциализм также признает связь «этнической субстанции» с распадом ро-

довых отношений, т. е. с выделением элиты (Заринов 1997: 28; Рыбаков 2003: 10). Размышления о роли элиты можно найти и в работах Ю. В. Бромлей, писавшего, что «самосознание этнической общности может быть выражено в концентрированной форме отдельными ее представителями <...> для признания факта существования этноса как такового совсем не обязательно, чтобы все его члены обладали соответствующим этническим самосознанием — достаточно «концентрированного» выражения этого самосознания» (Бромлей 2009 (1983): 177). По мере усложнения социальных институтов роль элиты как главного проводника культурной информации возрастает. «Большую роль... играют сборы воедино значительных масс людей на общественные работы или в военных целях, создание внутренних коммуникаций всех видов, передача информации приказного характера и особенно развитие письменности» (Бромлей 2009 (1983): 286, сравн.: Арутюнов 1989: 26). Все эти факторы этногенеза активизируются лишь при ведущей роли социальной элиты, что мы и видим в ранней истории Древней Руси.

В очередной раз отмечая совпадение «антагонистических» концепций, заметим, что в тенденции перехода от изучения народных масс к изучению элит, безусловно, сказывается веяние времени. Вряд ли это направление сможет исчерпать проблему этничности, но оно открывает широкие перспективы для археологии. Сопутствующее выделению элиты накопление материальных богатств — процесс, прекрасно поддающийся археологическому изучению и датированию.

В современной европейской археологии и историографии эпохи переселения народов и Средневековья, так же, как и в современной этнологии, социальной элите отводится ведущая роль в процессе «конструирования» идентичности и этничности (Barford 2001: 33, 34; Halsall 2007; Garipzanov, Geary, Urbańczyk 2008: 1–3, там литература; López Quiroga, Kazanski, Ivanišević 2017: 2; Pohl 2018).

В раннеславянской археологии эта тенденция нашла отражение в увлеченном конструировании военизированных полиэтничных кланов, которые якобы в эпоху переселения народов и в Раннем Средневековье служили главной исторической силой, движущей этнокультурными процессами в Европе (Callmer 2000: 8, 9; Казанский 2010а: 37, 99). Особенно сочные картины такого рода можно встретить в трудах М. М. Казанского. Например, *чудь* русской летописи изначально представляется как «германизированные военные группировки финнов», а колбяги — «финно-германское военизированное образование» (Казанский 2010а: 30). В V–VI вв. в лесную зону «прорываются милитаризованные группы населения из дунайско-карпатского региона» (Казанский 2010а:

113). КПДК — оседлая земледельческая общность, жестко связанная с определенным ландшафтом, в представлении этого автора оказывается продуктом обладателей «престижной воинской культуры» (Казанский 2010а: 113). Отыскать такую культуру в мирных длинных курганах, понятно, непросто.

Мне представляется, что роль элит (тем более полиэтничных) в социальных процессах существенно завышается в настоящее время антропологией. Это, безусловно, определяется господствующей в Европе и США, а теперь и в России, политической организацией общества. Видеть борьбу элит движущей силой истории у нас не больше оснований, чем представлять ее в виде борьбы классов. Социальные отношения в их развитии проходят два этапа: формирование этничности и сложение варварской государственности — от вождеств к более сложным структурам. На втором из этих этапов роль элит (особенно вооруженных) не подлежит сомнению. Они имеют рычаги для организации и подавления насилия, контролируют перераспределение (военную добычу и дальнюю торговлю). Они обеспечивают большинству порядок и защиту, обосновывая таким образом свою легитимность.

Что касается этничности, то элита выступает здесь скорее вторичным фактором. Функцией элиты является упорядочение насилия, связанного с этничностью. В этом смысле элита способна несколько корректировать этничность в первую очередь в той степени, в которой она выражается агрессией и насилием. Например, вооруженные группы могут договориться о разделе сфер влияния, тем самым корректируя племенные границы. Но это еще не позволяет приписывать элите в древности и средневековье возможность *формировать* этничность в своих интересах. Элитарное сознание стоит над этничностью, а не является по отношению к ней базовой категорией. Рассматривая этничность как *мифический* аспект самосознания, следует перенести на нее и взгляд на миф, высказанный еще Ф. Шеллингом:

«Вообще же, кто знает, что означает для народа мифология, — если уж он соглашается, что мифология придумана отдельными людьми, то он сочтет возможным и то, что язык народа тоже возник трудами отдельных людей. Вводить мифологию — это не простое дело, оно не протекает так гладко, как введение новых школьных программ, учебников, катехизисов и т. д. Создать мифологию, придать ей в мыслях людей достоверность и реальность — а все это необходимо, чтобы она достигла той степени народности, в какой нуждается даже поэтическое пользование ею, — это выходит за пределы возможностей и одного человека, и нескольких, объединись они ради такой цели» (Шеллинг 1089: 206).

Наконец, элита имеет крайне ограниченные возможности для изменения языковой ситуации. В VII–IX вв. в различных раннегосударственных, славянских в своей демографической основе, образованиях господствовала иноэтническая элита — авары, болгары и норманны. Ни одна из этих элит не смогла серьезно повлиять на язык подчиненного славянского населения, не говоря уже о превращении языка элиты в орудие распространения новой идентичности. Весьма сомнительно, чтобы в раннем средневековье это удалось в восточноевропейских лесах по отношению к носителям финских или балтийских языков.

Еще одно частное замечание. Эпоха викингов (конец VIII – третья четверть XI в.) на севере Европы знает десятки выдающихся военных предводителей, под знамена которых стекались тысячи шведов, датчан, норвежцев, вендов, образуя армии, способные вести боевые действия годами. Абсолютное большинство этих военизированных общностей, не имевших территории и устойчивой экономической опоры, распалось бесследно, не породив этнических идентичностей. Поэтически одаренные конунги и скальды, предоставленные военной стихии, предпочитали направлять свои таланты на завоевание личной славы и богатств, а не на создание этнических мифов.

Современная европейская история и археология идентичностей формировались преимущественно на материалах средиземноморской римско-византийской цивилизации (и зоны ее влияния), с одной стороны, и на материалах степных кочевых цивилизаций (и зон их влияния) — с другой. В обоих случаях роль элит, как каркаса идентичностей, выступает очень рельефно. Но при попытках применять исследовательские модели, выработанные на этих исходных данных, к лесному восточноевропейскому миру, возникает ряд крупных неувязок (вроде примера с КПДК у М. М. Казанского), требующих объяснений, которые мы и попробуем отыскать.

Выводы по ГЛАВЕ 1

Известный американский социолог Дж. Фишман предложил «считать примордиализм и конструктивизм альтернативными стратегиями, доступными всем культурам и используемыми ими при обретении и использовании своих собственных переменчивых представлений обо всех связанных с ними и определивших их сознание факторах и условиях» (Фишман 2005: 140). Следуя этому спокойному и мудрому предложению, и, учитывая, что культурные стратегии — явление историческое, т. е. преходящее, обозначу несколько выводов.

Первое. Субстанциальный подход «советской теории этноса» устарел, доказательство чего — неутешительные для проекта результаты дискуссий 1990-х гг. Слабостью советской этнологии был не сам поиск

«этнической субстанции», а необходимость увязывать его с марксистской догматикой, предписывавшей гуманитарной науке приоритет бытия над сознанием. Попытки выдвинуть *мифическое* сознание на первое место в вопросах этногенеза и этнической истории противоречили основам советского извода марксистского учения.

Второе. Невозможно принять притязания конструктивизма на статус научного знания, противоположного примордиализму как явлению обыденного сознания. Оставив в стороне его социально-политические перспективы, следует крайне скептически воспринимать его потенциал в области исследований архаических обществ.

Как было показано выше, конструктивистская парадигма представляется рядом исследователей как безальтернативная по политическим соображениям, а ее критика приравнивается к оправданию экстремизма и влечет за собой политические обвинения. Конструктивизм как культурно-политический проект является продуктом исторических обстоятельств и принадлежит кратковременной переходной эпохе, развернувшейся после завершения противостояния идеологий и сверхдержав в XX в. Во втором десятилетии XXI в. перспектива отмирания этнической политики развеялась. Глобальная модернизация сопровождается религиозным возрождением, усилением исторических культур и нарастанием этнических конфликтов на фоне формирующегося нового многополярного мира, в основе которого лежит разнообразие цивилизаций, вовсе не стремящееся, вопреки ожиданиям 1990-х гг., к универсализации на основе либеральной демократии англосаксонского типа (Хантингтон 2003: 25–45, 52, 70–73, 90–92; Кревельд 2015). Пропорционально намечающейся многополярности оформляются и масштабные цивилизационные противостояния. При этом конфликты возникают, как правило, по старым этнополитическим и этноконфессиональным «разломам», история которых насчитывает многие сотни лет, нередко — восходит к Раннему Средневековью, причем в ряде случаев — к дохристианской эпохе в истории Европы. К этим «разломам» и возвращается сейчас ход истории, демонстрируя, с одной стороны, нестойкость многих сконструированных политиками общностей, таких, например, как «советский народ», «югославский народ», «российский народ», «европейское сообщество», с другой — удивительную устойчивость некоторых идентичностей. В историко-географическом воплощении эта устойчивость выражается в стабильности этнокультурных границ. Все это делает крайне актуальным изучение генезиса восходящих к древности этнических и цивилизационных «разломов», один из которых (в Восточно-Балтийском регионе) попадает в культурно-территориальные рамки нашего

исследования. История и археология могут оказать на этом пути существенную помощь.

Следует отвергнуть наивную веру ученых во всевластие элит, построенную более на собственном их, ученых, корпоративном опыте (Формозов 2005: 151), нежели на опыте историческом. Безусловно, элита может уморить голодом научный институт или разогнать университет, но ее роль в конструировании этничности ограничена традицией, распространяется преимущественно на периоды политической стабильности и приобретает все бóльшую сомнительность по мере движения исследовательской мысли вглубь веков, т. е. по мере того, как миф становится все более значим в сознании человечества, пока не поглощает его целиком за гранью «осевого времени».

В лице конструктивизма мы имеем дело не с научной концепцией, а с политическим проектом, направленным на поиск *идеологического оформления конструирующейся новой элитарной социально-политической стратификации человечества*, построенного не на понятии *народ* (в любых его выражениях), а на понятии *масса*⁴⁵. Фактически речь идет о разработке форм господства в тоталитарном обществе нового типа. Причем речь идет о проекте, будущее которого весьма неопределенно. Убедительных оснований считать его более «перспективным», чем советский или, например, консервативно-националистический (в исторической динамике от Фихте до Хаусхофера) проекты в нашем распоряжении не имеется. Либерально-демократическая модель общества как «заказчик» этого проекта представляет собой конечную форму политического бытия человечества не в большей степени, нежели тысячелетний рейх или советский коммунистический проект. Как сказал К. Ясперс, «масса не есть нечто окончательное» (Ясперс 1991: 198), по крайней мере, — пока не получено доказательств необратимых изменений фундаментальных свойств человека как вида. Изучение *массы* (оправданное с позиций социальной антропологии) бессмысленно с позиций истории и археологии *мифической* эпохи, поскольку у *массы* не может быть *судьбы*.

Советская теория этноса во многом превращается ее критиками из системы научных взглядов в идеологический фантом. Между тем эта теория, восходящая к европейской антропологии и антропогеографии XIX в., является в гораздо меньшей степени идеологией, чем современный конструктивизм уже потому, что в ней не заложен такой огромный потенциал отрицания. Конструктивизм же весь основан на отрицании, в том числе (в Европе) и на послево-

енной концепции «коллективной вины». Важно понимать, что подобная агрессивная концепция, по непреодоленной пока природе человеческой, никогда не может быть постоянно обращена только на себя и, в конечном счете, обратится к поискам других виноватых (об этом феномене писали такие мыслители, как К. Ясперс и Р. Жирар). Это мы можем наблюдать, например, в многочисленных попытках поставить в один ряд нацизм и коммунизм. Как составляющая этой идеологической кампании (в разной степени осознаваемая ее исполнителями) часто выглядит и критика теории Ю. В. Бромлея, которая приравнивается, в упрощенном политизированном мышлении, к теориям, взятым на вооружение европейским национал-социализмом.

Ожесточенное противостояние в области понимания этничности рождает вопрос — может ли концепция, построенная на противодействии предмету, выйти за пределы сферы его притяжения? Мне представляется, что не может. Наука и общество получают лишь негатив изображения, в котором без труда угадываются черты позитива. В меняющемся мире «система координат», задаваемая «политкорректным» дискурсом, рано или поздно должна трансформироваться, и в этом отношении у российской этнологии и истории имеется приоритет. Он связан с тем, что европейский социал-дарвинизм и геополитика первой половины XX в. (выразившиеся в антропологии фашизма) нашли сравнительно слабое отражение в отечественной социальной антропологии и не нанесли ей такого морального урона, как европейской науке.

Претензия конструктивизма на область исторической науки не может быть признана. Являясь формой идеологического контроля, конструктивизм проецирует в прошлое идеи, работающие в информационном обществе потребления и тотального навязывания потребностей, но совершенно неприемлемые в *мифическом* обществе дохристианской эпохи. Любая формирующаяся новая идеология стремится «завоевать прошлое», укоренить себя в нем. Масштабное вторжение конструктивизма в историю и археологию следует рассматривать именно с этой точки зрения. Отсюда рождается стремление некоторых ученых-текстологов отождествить себя с авторами древних текстов, якобы «изобретающими» народы, социологическое отождествление современного и древнего сознания, в частности — проекции постмодернистских смыслов (в том числе «смысла жизни») в отдаленное прошлое, где индивидуальная идентичность и связанное с ней понятие «человечества» только зарождаются. Стремясь укорениться в прошлом, присвоить ему свои качества, конструктивизм незаметно для себя оборачивается своей философской противоположностью. Особенно это

⁴⁵ Дело не только в противопоставлении отвлеченных понятий, но и в реальном увеличении количества и плотности населения Земли.

заметно в трудах восточноевропейских ученых, с варварской (в античном значении этого слова) непосредственностью перенимающих одни формы познания, выработанные западноевропейской культурой, и не замечающих других, существующих параллельно и не менее значимых.

Третье. Обратимся к актуальности конструктивизма для историко-археологических и историко-культурологических исследований архаических обществ. Немыслимо приступать к изучению построенной на первобытных мифах идентичности доисторической эпохи с позиций современной мировой истории с ее «реализованной возможностью всемирного общения» (К. Ясперс) и недостижимым ранее ощущением единства человечества; и с позиций современной науки, направленной на господство, а не на *мифическое* созерцание, с ее отдаленностью от естественной среды обитания человека и с головокругительным расширением кругозора на фоне распада традиционных культур.

Об устойчивой межпоколенной идентичности говорят все данные о доисторическом существовании человека, в то время как ситуативность этничности/идентичности в первобытных условиях невозможно обосновать научными способами. Возможность выбора идентичности ограничена в архаическом обществе, где царил принцип единообразия поведения, жестко обусловленного языком, мифом и ритуалом, поддерживавшими непрерывность миропорядка. Конечно, нельзя исключать возможности выбора для маргиналов (иначе человек не был бы человеком, а история замерла бы), но для ее реализации необходим был искусственный разрыв континуальности, внешний толчок, чаще всего катастрофического характера, превращающий выживших членов этноса в отщепенцев в индивидуальном или коллективном порядке. Последнее возможно, например, при военном разгроме, когда боеспособная часть группы физически уничтожается, при экологической катастрофе, массовых эпидемиях смертельных болезней или иных вторжениях внешних факторов.

Превращение человека в меру всех вещей — по историческим меркам недавний феномен, как и необходимое для этого абстрактное мышление в области культуры и политики (т. е. отвлеченное понятие «человечества»), а также рост в них ценности индивидуальных форм поведения. Связь человека с его *этносом* в *мифическом* сознании не была умозрительной, а носила характер изначального отношения части к целому (выступавшему, например, в образе первопредка или божества), которое мыслилось в окружающем мире вполне материальным, а во времени — вечным настоящим. Разрушение личности, наступавшее в результате отпадения от этого целого, грозило разрушением миропорядка и физической гибелью. Что же

касается коллектива, то нарушение целостности границы между «чужим» и «своим» было чревато полной деструкцией мира. Все это не имеет ничего общего со сменой идентичности в анкете, с которой привыкли иметь дело современные этнологи.

Итак, оценивать этничность языческого лесного мира с позиций современного личностного мышления и индивидуальной идентичности было бы крупной ошибкой. Эпоха, о которой идет речь, — время безраздельного господства языческого внеличностного *мифического* мышления. Продуктом его была родовая или племенная идентичность совершенно иного рода, чем идентичности, например, XI в., когда начали создаваться русские летописи. Бесповоротным шагом к разрушению этой *мифической* идентичности стало принятие христианства, занявшее на Руси время с середины IX по середину XI в. Решающий поворот был уже пройден к началу XII в., поэтому мы понимаем (хоть и не без затруднений) монаха-хрониста и совершенно не можем представить себе мировоззрение язычника-кривича с его родовой или племенной идентичностью. В то же время, летописи находятся значительно ближе к коллективистскому *мифическому* мировосприятию, чем, например, труды византийских авторов, за которыми стоит тысячелетний античный опыт личностного переживания и мышления. Вся языческая архаика ПВЛ — мир родовых распрей с расстановкой городков, с кровавыми человеческими жертвами, «проводами на тот свет» стариков, поголовным истреблением побежденных — приоткрывается лишь незначительным своим краем в ставших уже во времена написания ПВЛ легендами повествованиях об обрах, о призвании князей, о варягах-мучениках, мести княгини Ольги, походе Владимира на Полоцк, в повествовании о «зверинском» образе жизни кривичей и прочих лесных славян, и в некоторых других сюжетах.

Существуют ли пути, следуя которым, можно приблизиться к пониманию идентичности *мифической* эпохи, к доисторическому этносу? Отход от трагической, в сущности, дихотомии примордиализм/конструктивизм возможен через другую «систему координат» — более глубокое обращение к теме взаимодействия человека и окружающей среды⁴⁶. В археологическом материале это взаимодействие отражается в динамике систем жизнеобеспечения, селитебных структур и границ зон расселения, в борьбе за ресурсы, что, как правило, тем или иным способом манифестируется окружающему миру. Указанные проявления человеческого общежития имеют непосредственный выход на вопросы древней идентичности

⁴⁶ Встречное движение в географии нашло выражение в формировании идей социальной экологии (Максковский 1998: 71).

и инаковости. История складывается из идентичностей групп, а не идентичностей личностей.

Методика исследования укладывается в русло русской исторической и социальной географии, представленной работами С. М. Середонина, С. К. Кузнецова, А. А. Спицына, а позднее — А. М. Микляева, П. М. Долуханова, Н. А. Кренке. Важнейшим теоретиком этого направления является Л. Н. Гумилев, хотя многое в его работах принадлежит уже невозвратному прошлому этнологии. Я далек от мысли, что предполагаемое направление смещения этнического дискурса приведет к установлению *единственно верного* научного подхода, вопреки «ненаучным» или «политически вредным» взглядам. Несомненно, социобиологический или экологический подход в той же степени обусловлен политическими обстоятельствами мировой истории, что и примордиальный, и конструктивистский проекты. Хотелось бы только указать на то, что ни тот ни другой не формировались в условиях столь очевидного экологического кризиса и нехватки мировых ресурсов, какой налицо в наши дни. Это внушает некоторый оптимизм, позволяя надеяться на появление по-настоящему нового знания. Ведь в противном случае человечеству грозит гибель.

Четвертое. Принимаемая мной формулировка понятия *этничность* как формы извлечения ресурсов из биоценозов влечет за собой положение о том, что формы *этногенеза* зависят от природных условий. Это выражается, например, в том, что в условиях гористого региона с издавна окультуренными долинами (Балканы); в условиях лесостепи с ее избытком потенциальных земледельческих угодий (Среднее Поднепровье); и в условиях лесной зоны (в Восточно-Балтийском регионе) — конкурентные отношения между группами характеризуются различной степенью агрессивности. Поэтому сопоставление этнических процессов в регионах должно обязательно сопровождаться анализом их ресурсной базы. В зависимости от ее объема отношения между *этнотами* могли варьироваться от достаточно мирного сосуществования до стремления к тотальному уничтожению⁴⁷.

Этничность как свойство общинно-родовых коллективов объединяться для совместной эксплуатации ресурсов имеет множество выражений в материальной культуре и в археологических источниках. Мною рассматриваются следующие археологические проявления этничности:

⁴⁷ Тотальное уничтожение в архаическом обществе — это истребление той части враждебной группы, которая в состоянии оказать сопротивление сейчас и в ближайшей перспективе. Обычно это взрослое мужское население и подростки. В более примитивных сообществах, с неразвитым институтом рабовладения и выкупа пленных, практиковалось и полное истребление всех живых (Головнев 1995: 139).

- Концентрация населения в наиболее благоприятных для жизни биоценозах.

- Формирование границ микрорегионов расселения.

- Появление объектов, отражающих повышенный уровень агрессии в «системе координат» микрорегионов и пограничных территорий. Это сначала родовые военные центры — городища. Их сменяют укрепления, связанные с раннегосударственными структурами.

- Манифестация межпоколенного права на контроль за благоприятными для жизни биоценозами. Это могут быть как городища, так и могильники.

- Возникновение яркой элитарной культуры, манифестирующей свое своеобразие в окружающее культурное пространство.

Подытожим понимание этничности применительно к архаическому «доосевому» периоду восточноевропейской истории. Основой *этничности* и ее строительным материалом выступают родовые общины. *Этничность* является формой социально-исторического бытия складывающихся из них крупных сообществ. Сообщества/этноты имеют дуальную природу, построенную на мифе и насилии. *Миф определяет зарождение и устойчивость этничности; биологически обусловленная агрессия запускает механизм расширения/экспансии этничности и формирует этноты.*

Первой, *мифической*, составляющей феномена этничности является экзистенциальный страх смерти и вытекающий из него поиск бессмертия (смысла жизни или смысла смерти), которое видится возможным только в формах и пределах некоей универсальной витальности⁴⁸. Стремление раствориться в ней характеризует этничность как диалектический феномен. *Мифическое* «доосевое» сознание конструирует ее в виде резервуара общинной надличной жизненной силы, из которой исходит и в которую вливается индивидуальная жизнь, т. е. некое целое, в котором каждый человек (напоминаю: *чужой — не человек*) имеет свою *долю*. Смысл обладания *долей* заключается в необходимости и неизбежности ее возвращения. Только оно, а вовсе не отсутствие способности умереть дарует истинное бессмертие. Вера в него значительно глубже обыденного осознания продления индивидуального существования в прямых потомках или славных деяниях⁴⁹. Иными словами, основа этничности —

⁴⁸ Термин заимствован мною у В. Янкелевича (Янкелевич 1999: 371–374, 414, 415).

⁴⁹ Ментальность плодовитости и славы — удел элит. Но они не в состоянии постоянно транслировать эту ментальность в общинное сознание, овладеть смыслом смерти в этом сознании настолько, чтобы создать в нем долговечный резервуар *мифической* витальности.

мифическое представление о единстве источника жизненных сил родовой общины или совокупности общин (маркером этого мифа являются рассмотренные выше сюжеты о «зажившихся» стариках, заложенных покойниках и преждевременно умерших героях). *Этнос* — это совокупность людей, черпающих из этого источника и возвращающих в него.

Вторая составляющая этничности — склонность к насилию и агрессивному противопоставлению себя «чужому» и «своих» «чужим» — кроется в биологической природе человека. Эту сторону этничности в гуманитарном исследовании следует принять как данность. Этнос может как сужаться до размеров нескольких родовых общин, так и расширяться, охватывая целые языковые общности. Эта динамика этноса/этничности в каждый отрезок исторического времени, определяется степенью насилия или внешней угрозы. Чем выше уровень угрозы, тем шире круг «своих», что

обеспечивается *иерархичностью* этничности. Причина этого диалектического устройства этничности, вероятно, в том, что в «доосевое» время победа в противостоянии («встал род на род») оставалась за тем, кто мог мобилизовать наибольшее количество сторонников — сильнейших родов. Механизм агрессии и насилия запускается борьбой за жизненные ресурсы, действуя в процессе этногенеза природные факторы.

Изучение этих составляющих феномена этничности вполне доступно истории, этнологии и филологии. Археология находит себе место в этом ряду, т. к. изучает, в частности, динамику взаимоотношений мира живых и мира мертвых, которые являются важнейшим индикатором связей индивидуальности и универсальной витальности, т. е. этничности. Великий этнолог Д. К. Зеленин, указавший на значение темы заложенных покойников, определил тем самым и направление для изучения этноса.

ГЛАВА 2. Дунайский миф и славяне лесной зоны Восточной Европы

«Народы», как понимаем мы их сегодня, не странствуют, а то, что странствовало тогда, нуждается в чрезвычайно корректном наименовании, и не везде — одинаковом.

О. Шпенглер.
Закат Европы⁵⁰

В ходе войны многочисленные идентичности постепенно исчезают, и преобладающей становится идентичность, наиболее значимая в конфликте.

С. Хантингтон.
Столкновение цивилизаций⁵¹

Колонизация славянами области Западной Двины и озера Ильмень, приведшая к созданию крупных государств — Полоцкой и Новгородской земель, была событием европейского масштаба. Его понимание возможно только на фоне общеславянской истории второй половины I тыс. н. э. Глава призвана обозначить этот фон.

Область, в которой протекала жизнь славян, простирается от Эльбы и Северо-Западного побережья Адриатического моря на западе до верхнего течения Волги и Дона на востоке; и от Малоазийского полуострова на юге до Южного Приладожья на севере. Этот гигантский регион включает несколько географических поясов, разнящихся по природным характеристикам и этно-политическим структурам, конкурировавшим со славянами. Письменные источники VI–IX вв. рисуют картину непрерывного движения последних, но освещают лишь западные и юго-западные берега «славянского моря». Другой его берег — на границе восточноевропейской тайги — остается в тени. Дальнейшие рассуждения я попробую построить на одном соображении: прибор с одинаковой силой бил и в средиземноморскую скалу, и в финское болото. Роль славян в жизни Европы определяется тремя направлениями движения. Первым стало расселение в Подунавье и на Балканах в VI–IX вв.; вторым и третьим — освоение пригодной для земледелия полосы широколиственных лесов Центральной и Восточной Европы (время начала этого процесса неясно, финал же относится к X в.). Южное и северные колонизационные движения привели к разным историческим итогам: от последовавшей за экспансией христианизации и потери этнического своеобразия или исчезновения к X в., например в Греции, Малой Азии

и некоторых областях Европы, до создания огромной языческой культурно-политической общности в восточной ее части. Местные географические и этно-политические специфики требовали выработки различных систем адаптации.

Главная задача этого раздела — попытка сопоставления стратегий расселения различных ветвей славянства. Вопросы могут быть сведены к трем пунктам:

- понимание — каков механизм славянских миграций там, где они освещены историческими источниками;
- понимание — возможна ли интерполяция элементов этого механизма на лесную зону Восточной Европы;
- поиск причин лесной экспансии в исторических свидетельствах о западных и южных славянах VI–IX вв.

Существует мнение, что «письменный источник фиксирует не процесс этногенеза, а его конечный результат — появление на исторической арене, в поле зрения источника нового, уже сложившегося этноса» (Арутюнов 1989: 10). Именно так в отечественной славистике воспринимались византийские известия VI в. о славянах (Раннефеодальные государства 1985: 37). На этой же предпосылке основан и английский термин «начать быть видимым» — *start to become visible* (Barford 2001: 35). Вопрос о местах обитания славян до появления их в начале VI в. на Дунае, в поле зрения византийских, а затем и западноевропейских политиков и хронистов, связан с поиском области, занятой носителями праславянского языка до контакта со средиземноморской цивилизацией, — «прародины». Решающая роль в поддержании концепции прародины принадлежит лингвистике, утверждающей, что славянские языки слишком близки между собой, чтобы говорить о формировании праславянского языка на всей территории европейского

⁵⁰ Шпенглер 1998а: 166.

⁵¹ Хантингтон 2003: 434.

славянства задолго до IX–X вв. Языковая близость славян этого времени говорит о том, что расселение произошло из сравнительно компактной в географическом отношении области ранее появления письменных источников на славянском языке (Филин 1980: 40; Бирнбаум 1986: 22–24). Наиболее убедительная, построенная на совокупности лингвистических и археологических данных, локализация прародины середины I тыс. н. э. указывает на бассейн Припяти и некоторые сопредельные территории (в первую очередь области к северо-востоку от Карпат) в междуречье Днепра и Вислы (Селищев 1951: 107; Gimbutas 1971: 26; Udolph 1981: 324, 331; 2016: 223; Бирнбаум 1986: 20–21; Gołąb 1992: 304, 305; Филин 2010: 147; Barford 2001: 15, 45, 47; Pronk-Tiethoff 2013: 62)⁵². Какие-то части этой «метрополии» послужили исходным регионом и для движения славян на северо-восток в то же время, когда происходило их расселение на Балканах.

Византийские произведения (центральное место принадлежит «Готской войне» Прокопия Кесарийского) составляют основной корпус письменных источников о славянах VI–VII вв., их политической, социальной и военной организации. Русь IX–X вв. была соединена с Византией и Балканским славянством множеством связей из области христианской культуры, экономики, военного дела. Автор ПВЛ оформляет «Дунайский миф» — свою концепцию славянского расселения на Ильмене, Западной Двине, Волге и Днепре — на основе византийской книжной традиции.

Историки традиционно ищут в дунайском сюжете летописи элементы реальности (Шахматов 1919: 37; Горский 2018: 16). Положение о «дунайском импульсе» в ходе славянского расселения в направлении Верхнего Поднепровья и далее к северу давно вошло в археологическую историографию (Мачинский, Тиханова 1976: 85–91; Мачинский 1981: 116, 166; 1981a: 43–47; 1982: 12; 1989: 129; Мачинский, Мачинская 1988: 45, 51; Щеглова 1991: 48, 49; 2004: 269, 270; 2009: 61; Казанский 2020: 258). Эта исследовательская традиция во многом восходит к позиции И. И. Ля-

пушкина. Правда, сам он ограничивал область, занятую «дунайскими славянами», Средним Поднепровьем (Ляпушкин 1968: 171). Такая реалистичная точка зрения сейчас находит немало подтверждений. Петербургская исследовательская школа, однако, пошла дальше и некоторые археологические памятники VIII в. Северо-Запада и Верхнего Поднепровья напрямую связала с Подунавьем. Е. А. Рябинин полагал, что фортификация Любшанского городища VII–VIII в. на Волхове восходит к традициям славянского населения Центральной Европы, в частности, Подунавья и Великой Моравии (Рябинин 2002: 54, 55; 2003: 17, 178). О переселении славян из Подунавья прямо в Ладогу неоднократно писал А. Н. Кирпичников (Кирпичников 2014: 229). Размышления об элементах культуры Северо-Запада, связанных с «дунайской» волной славянской миграции, разбросаны по многим историко-археологическим исследованиям. Например, П. Е. Сорокин связывает с византийскими заимствованиями в славянском судостроении найденное в Старой Ладогe в слое середины VIII в. изображение корабля с треугольным парусом и прямым штевнем, не характерным для норманнских судов этого времени (Сорокин 1997: 63–64, рис. 19: 1)⁵³. А. Н. Кирпичников и Е. Н. Носов обратили внимание на дунайское (аварское) происхождение удил из Плакунской сопки и с Холопьяго Городка (Кирпичников 1973; Носов 1990: 181), а А. В. Плохов отметил находку в Ильменском Поозерье лунницы моравского типа, которую он датировал IX в. (Плохов 1997: 107). Неоднократно рассмотрена формочка для отливки таких лунниц из горизонта E₂ Старой Ладогe (Равдоникас 1950: 36–38; Мачинский, Мачинская 1988: 51–52; Duczko 2004: 74–78).

Особенно заметное место идея дунайской миграции занимала в работах В. В. Седова, предполагавшего периодические перемещения славян в Восточную Европу с VII в. и усиление движения в начале X в. после разгрома Великоморавского государства венграми. Исследователь полагал, что переход к обряду трупоположения на Руси связан не с административной христианизацией, а с миграцией славян-христиан из Моравии в конце IX — начале X в. При этом, как он считал, в Центральном Приильменье и на Полоте (где неизвестны курганы VIII–XII вв.) «дунайские переселенцы были более активной массой населения» (Седов 2000: 117). С дунайским населением, по В. В. Седову, связано распространение гончарной керамики, ювелирных украшений, фольклорный образ Дуная и многое другое. Концепция В. В. Седова о распро-

⁵² Альтернативная висло-одерская теория славянской прародины представлена в России работами И. П. Русановой и В. В. Седова (Русанова 1976: 202–215, Седов 2002, 2003). Особняком стоит имеющая мало сторонников теория дунайской прародины (Трубачев 2003). Масштабные археологические исследования зарубинецкой и киевской культур позволили включить в пространство славянского этогенеза также области Днепровского Левобережья (Баран, Максимов, Магомедов и др. 1990: 356, 455, рис. 36, 68–71; Обломский 2002: 14, 15; Терпиловский 2004: 91–96). На протяжении всего I тыс. н. э. связи лесного Северо-Запада России с Левобережьем были крайне слабыми, поэтому памятники этого региона в нашей работе не затрагиваются.

⁵³ В некоторых случаях норманны могли использовать и треугольный парус; так изображены корабли, например, на гобелене из Байе (The Baeux Tapestry 2004). Но это уже значительно более поздний памятник.

странении дунайского населения в Восточной Европе вплоть до Поволховья характеризуется двумя определениями: *разрозненность* и *многочисленность* (Седов 2002: 549), которые как-то не вполне увязываются между собой.

Вроде бы столь внушительный след в восточнославянской культуре (в частности, например, в представительной «дунайской» гидронимии) не могли оставить *разрозненные* переселенцы. В. В. Седов создал скорее картину масштабной миграции организованного населения, сумевшего занять ключевые позиции в восточноевропейском этносоциальном ландшафте. Но где же поселения этого дунайского населения? Каким образом оно осуществляло свое влияние на аборигенов? Несмотря на внушительный корпус трудов, дунайская концепция в отношении Верхнего Поднепровья и более северных областей выглядит незавершенной. Необходима ее дальнейшая проверка.

2.1. Обзор славянской экспансии в пределы Византийской империи в VI–VIII вв.

Византия в начале VI в. не оказывала активного военного отпора славянскому движению. Распространено мнение, что Империя не разглядела новой опасности вовремя. На ее границы варвары с севера давили десятилетиями, и Византия давно научилась использовать их в своих интересах. Население Балкан к началу VI в. не было многочисленным, области к югу и юго-востоку от Дуная запустевали, и славяне (анты и склавины византийских источников), представлявшие на первых порах меньшую военнополитическую опасность по сравнению с германцами и кочевниками, могли быть использованы для поддержания относительной военной стабильности на северных границах Империи (Франчес 1961).

Примитивная лепная керамика пеньковского круга, соотносимая со славянами, присутствует в ранневизантийских городах и крепостях на Дунайском правобережье в VI–VII вв. и пока, как будто, не известна на сельских поселениях, что расценивается как показатель того, что славяне впервые осели на землях Империи как семьи воинов пограничных гарнизонов (Хрисимов 2015: 313). Такая политика приводила к ослаблению границы. Запустение, парализовавшее имперскую военно-административную систему, исследователи с недавнего времени связывают также с чередой эпидемий чумы (Barford 2001: 52; Sołtysiak 2006; Plague and the End of Antiquity 2007; Люттвак 2010: 131–140).

Другая причина малой эффективности Дунайского лимеса кроется во внешней политике Юстиниана I Великого (527–565), на правление которого пришел-

ся первый натиск славян на Балканах. Обращение к идее восстановления Римской империи (обзор историографии см.: Серов 2008), войны с германцами (вандалами и остготами) в Африке и в Италии, требовали концентрации вооруженных сил Византии на западном театре военных действий. Кроме того, крупные воинские контингенты были отвлечены длительными войнами с Сасанидской Персией. Все это затрудняло организацию отпора новым волнам северных варваров на Дунайской границе.

Начавшееся при Юстине I (518–527) и продолженное при Юстиниане Великом интенсивное крепостное строительство на Дунае (Иванов 1983) не смогло нейтрализовать славянскую угрозу. Крепости, отчасти построенные на скорую руку, не ограждали от варварских набегов сельское население, более всего страдавшее, и требовали постоянных гарнизонов, для содержания которых у Империи не хватало ресурсов. Варварские гарнизоны дунайских укреплений не могли служить в этой борьбе прочной опорой. Для надежной защиты северных границ требовались либо сильные и подвижные воинские соединения, парировавшие бы многочисленные разнонаправленные удары славян, либо крупномасштабные карательные походы за Дунай. Последние неоднократно производились фракийской армией в бытность военачальником Хилвудия (Procopius. De Bello Gothico. III. 14; Свод 1994: 181), но после его гибели на левом берегу Дуная в 534 г. прекратились и были возобновлены только после смерти Юстиниана Великого, в правление Маврикия (582–602), т. е. тогда, когда славяне уже овладели обширными территориями на Балканах.

Первое документированное крупномасштабное вторжение антов за Дунай относится к годам правления Юстина I (Procopius. De Bello Gothico. III. 40) и не может быть точно датировано (Успенский 1913: 465; Свод 1994: 241). История славянских предприятий на Балканах начинается с военных неудач. Византийские войска, посланные в первый год правления Юстиниана Великого для наведения порядка на севере Империи, разгромили антов, перешедших Дунай. Судя по титулу «Антский», который носил прославленный император, эта была не единственная одержанная византийцами победа. Возможно, в результате часть славян была включена в состав имперских федератов (Dvornik 1956: 36). Первое время натиск сдерживала вражда антов и склавинов, возможно, подогревавшаяся Византией. Однако именно в царствование Юстиниана Великого славянские экспедиции в пределы Империи становятся почти ежегодными (Успенский 1913: 465; Раннефеодальные государства 1985: 336). Примечательно участие славянских военных отрядов в борьбе готов с Империей. Славянские наемники также участвовали в итальянской кампании в составе войск Велисария.

Военные действия славян против Византии быстро приобретают черты организованности. В 540-е гг. славяне начинают успешно штурмовать крепости. Осенью 545 г. склавины из-за Дуная нападают на Фракию, захватив множество пленных, но терпят поражение от герулов, имперских федератов (Procopius. *De Bello Gothico*. III. 13; Свод 1994: 179). К 548 г. относится одно из самых удачных военных предприятий склавинов. Перейдя Дунай, они вторгаются в Иллирик и достигают города Эпидамна на Адриатическом побережье. Военная организация подвергшихся набегу провинций оказывается парализована. Крепости, «считавшиеся раньше надежными», сдаются без боя славянам; следящий за их передвижениями пятнадцатитысячный византийский отряд не осмеливается вступить в сражение (Procopius. *De Bello Gothico*. III. 29; Свод 1994: 189).

Сильное впечатление на византийских современников произвел следующий поход, произошедший весной и летом 550 г. Войско склавинов в три тысячи воинов вторглось во Фракию и Иллирик и, разделившись надвое, начало опустошать их. Византийцы были разбиты в трех битвах, разгромлена была и отборная конница под командованием телохранителя Юстиниана I Асвада. Захваченными оказались многие крепости. Склавины с огромным полоном без помех вернулись за Дунай (Procopius. *De Bello Gothico*. III. 38; Свод 1994: 191–195). Именно к этому военному предприятию относится у Прокопия большинство описаний жестокостей славян, чинимых над мирным населением.

Летом того же 550 г. новые полчища склавинов перешли Дунай, намереваясь наступать на Фессалонику. Но вместо этого они, опасаясь встречи с войском полководца Германа, двоюродного брата Юстиниана, двинулись через горные области в Иллирик и Далмацию и долгое время опустошали Балканский полуостров. В этом году (550/551 гг.) славяне впервые зимовали уже на Балканах, не возвращаясь за Дунай (Procopius. *De Bello Gothico*. III. 39, 40; Свод 1994: 195–197). Один из отрядов, разбив армию евнуха Схоласстика (захвачено было знамя Константина — известного полководца, оказавшегося под началом Схоласстика) под Адрианополем, двинулся на Константинополь и был остановлен и разбит лишь у Длинных стен в одном дне пути от столицы. Судя по рассказу Прокопия, потерпел поражение только головной отборный славянский отряд, несший знамя Константина. Лишь после этого остальное войско с обозом, пленными и скотом вернулось за Дунай.

В 562 г. в Подунавье появились авары и обратились с просьбой к Юстиниану Великому о выделении им области для поселения в пределах Империи. Не получив разрешения, они осели в Среднем Подунавье на землях, занятых славянами и остатками «гуннов».

В 567–568 гг. авары побеждают гепидов в союзе с лангобардами. Таким образом усилившись, авары вытесняют своих союзников из Паннонии (Menander. Fr. 12. 1–2; Pauli *Historia Langobardorum*. I. 27; II. 5–8), и начинают разорять Далмацию (Menander. Fr. 12. 5. 90–94; Буданова 2000: 92, 93; Barford 2001: 69).

Появление аваров изменило соотношение сил в Подунавье и на Балканском полуострове. Еще в 559 г. славяне в союзе с некими «гуннами» разоряют Фракию, сумев прорваться через Длинные стены почти к Константинополю (Theophanis *Chronographia*. А. М. 6051; Хронография Феофана 1980: 52, 83–85). Вскоре, однако, отвлеченные новым врагом, славяне на несколько лет ослабляют натиск на Византию. В 565 г., как сообщает Менаандр Протектор, аварские послы в Константинополе пытались предстать перед Юстином II как освободители Империи от варварских набегов на Фракию (Menander. Fr. 8. 23–27; Свод 1994: 319; Жданович 2016: 889). Но Аварскому каганату не менее чем славянам нужен был источник грабежа. В конце 570-х гг., подчинив силой оружия германцев и славян, обитавших на Среднем Дунае, и опираясь на их ополчение, авары открывают череду грабительских балканских войн. Несмотря на понесенные (в первую очередь антами)⁵⁴ поражения, потери пленными и опустошение своих земель (Menander. Fr. 5. 2), славяне сохранили военную мощь, и вскоре на Империю обрушивается новая волна походов, теперь в союзе с аварами.

В 576 г. славяне вновь опустошают Фракию, захватывая многие города (Ioannis Biclarensis *Chronicon*. Anno X Iustini Imp. 4; Свод 1994: 396). По свидетельству Иоанна Бикларского (ум. ок. 620 г.), на следующий год авары, вероятно, совместно со славянами, совершают набег на Константинополь и осаждают Длинную стену (Ioannis Biclarensis *Chronicon*. Anno ergo I Imperii Tiberii. 1; Свод 1994: 397, 398). К 576 г. относится первое письменное свидетельство о славянском пиратстве близ фракийского побережья: «Авары устраивают засады на берегах моря и причиняют немалый вред плывущим вдоль побережья Фракии кораблям» (Ioannis Biclarensis *Chronicon*. Anno X Iustini Imp. 5; Свод 1994: 397). Поскольку авары не знали судостроения, и, по свидетельствам современников, всегда привлекали для этого славян, исследователи полагают, что именно они скрываются в данном случае под именем «аваров» (Свод 1994: 398).

Ко времени вступления на императорский престол Тиверия (578–582) славяне представляют уже серьезнейшую вооруженную силу. Под влиянием аварского военного искусства совершенствуются их тактика, оружие и навыки владения им. Как отмечает

⁵⁴ После 560-х гг. антские набеги на территорию Империи не фигурируют в источниках, хотя последнее упоминание об антах относится к 602 г.

Иоанн Эфесский, «они выучились воевать лучше, чем ромеи, [они], люди простые, которые не осмеливались показаться из лесов и защищенных деревьями [мест] и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхиндиев, а именно это — метательные копья» (Свод 1994: 279). В 578 г. происходит очередное вторжение славян за Дунай во Фракию и «многие другие области», на этот раз осуществляемое не малочисленной (в несколько тысяч воинов) дружиной, как прежде, а огромным войском (Менандр Протектор сообщает о ста тысячах славян) (Menander. Fr. 20, 2. 150–155; Свод 1994: 319). Цифра, как всегда в таких случаях, спорна, но, по-видимому, отражает принципиально иной характер нападения, которое можно рассматривать как начало миграции за Дунай, вероятно, обусловленной натиском аваров в Подунавье. В 581 г., как сообщает Иоанн Эфесский, славяне после похода во Фракию, Элладу и в окрестности Фессалоники остаются на жительство в пределах Империи. Переселение носило особенно масштабный и открытый характер: славяне осели, по-видимому, где-то недалеко от Фессалоники.

Теперь угроза нависает уже над крупнейшими политическими и экономическими центрами — Фессалоникой и Константинополем. 584-м г., по мнению ряда исследователей, следует датировать красочно описанное автором Собрания чудес Святого Дмитрия Солунского первое появление славян под стенами Фессалоники (Свод 1995: 182; Буданова 2000: 93). В 585 г. (возможно, в 584 г.) они вновь достигли Длинных стен, но были разбиты (Theophylacti Simocattae Historiae. I. 7; Свод 1995: 13). К этому же времени относится неудачный набег славянского военного предводителя Ардагаста на окрестности Адрианополя. Перешедшие в наступление византийские войска стратига Коментиола изгнали славян из Астики (область между Филиппополем и Адрианополем).

Согласно Собранию чудес Святого Дмитрия Солунского, осенью 586 г. славяне, на этот раз принуждаемые аварским каганом, в составе коалиции подвластных ему племен (источник говорит о стотысячном войске) в течение семи дней осаждают Фессалонику (о датировке первой осады см.: Charanis 1959: 37). Город, имевший мощные оборонительные сооружения, выдержал осаду, чему способствовали и разногласия в лагере осаждающих. В 588 г. вновь «полчища славян причинили большой вред области Фракии» (Theophylacti Simocattae Historiae. III. 4; Свод 1995: 15, 47).

Через несколько лет разворачивается аваро-византийский конфликт, в котором славяне выступают в качестве вспомогательной военной силы — готовят суда для переправы войск кагана через Истр/Дунай и осаждают Сингидон (город в устье р. Сава)

жители которого препятствовали этим работам на Дунае (Theophylacti Simocattae Historiae. VI. 3, 4; Свод 1995: 17–19).

Император Маврикий (582–602) повел себя в отношении северных варваров более решительно, нежели его предшественник, перейдя к глубоким рейдам вглубь славянских земель. Крупная экспедиция имперских войск на левый берег Дуная (590-е гг., точные датировки дискуссионны) нанесла поражение Ардагасту и разорила подвластную ему территорию (Theophylacti Simocattae Historiae. VI. 6, 7; Свод 1995: 21). Феофилакт Симокатта сообщает о взятии 5000 пленных. Отряд Приска нанес славянам несколько поражений, по-видимому, достаточно локальных. Поэтому, несмотря на приказ зимовать на левобережье, Приск не решился оставаться на зиму в славянском окружении и отвел войска за Дунай. При этом беспрепятственно вернуться византийский отряд смог, лишь поделившись добычей с каганом аваров.

В то время пока Приск и сменивший его военачальник Петр воевали за Дунаем, славяне продолжали разорять Мезию. Одна из их дружин была встречена и уничтожена передовым отрядом возвращающегося войска (Theophylacti Simocattae Historiae. VII. 2; Свод 1995: 31). Начинается долгий ряд кампаний рубежа VI/VII вв. в целом благоприятных для Византии, но не остановивших славянский военный натиск на юго-запад от Дуная. В 597 г. славяно-аварское войско нападает на Далмацию и захватывает 40 городов (Theophanis Chronographia. A. M. 6091; Свод 1995: 265).

Знаменитый поход аварского военачальника Апсиха против антов, состоявших в то время в союзе с Византией, имевший место в 602 г. (Theophylacti Simocattae Historiae. VIII. 5; Theophanis Chronographia. A. M. 6094; Свод 1995: 271; Литаврин 1989), каковы бы ни были его масштабы и последствия, не изменил общую обстановку славянизации Балканского полуострова. В начале правления Ираклия (610–641) славяне, вероятно, обосновались здесь уже прочно. Мезия, Фракия, Македония, Фессалия и другие северные провинции становятся базами для дальнейшей экспансии. Около 616 г. происходит новая осада Фессалоники. В 623 г. сирийский автор Фома Пресвитер повествует о нападении славян на о. Крит. Судя по малому числу жертв (20 человек), речь о небольшом пиратском предприятии, говорящем, однако, об успехах славянского мореходства (Свод 1995: 517; Успенский 1913: 617). В 642 г. более масштабной морской атаке подвергается адриатическое побережье Италии в районе города Сипонта (совр. Манфредония) (Pauli Historia Langobardorum. IV. 44; Свод 1995: 487). К 626 г. относится неудачная осада Константинополя аварами при участии славян.

Колонизация Греции является малоизученным эпизодом раннеславянской истории из-за скудости

письменных источников. В середине — третьей четверти VI в. в своих набегах на земли Империи славянские отряды, наталкиваясь на организованное сопротивление императорских войск во Фракии, все чаще устремлялись далее на запад и юго-запад. Время их первого появления в Греции исследователи обычно относят к 579 г., когда, по свидетельству Иоанна Бикларского, «авары отражаются от границ Фракии и захватывают части Греции и Паннии (Ioannis Biclarensis Chronicon. Anno III Tiberii Imp.; Свод 1994: 396). Есть основания видеть в «аварах» Иоанна славян, но все же отрывок лишен определенности. Далее в той же хронике сообщается, что «в пятый год [правления] Тиверия, он же тринадцатый год Леовигильда», племя славян опустошает Иллирик и Фракию. Затруднения для датировки проникновения славян на Греческий полуостров возникают из-за неясности географической номенклатуры раннесредневековых авторов в тех случаях, когда не указаны дополнительные ориентиры. И в данном случае возникает вопрос, что подразумевал автор под понятиями Иллирик и Фракия.

Более определенно свидетельство Исидора Севильского (ок. 560–636), сообщающего, что в начале царствования Ираклия «славяне захватили у ромеев Грецию», хотя и здесь не указаны населенные пункты, позволившие бы говорить о занятии именно Греческого полуострова (Isidori Iunioris episcopi Hispalensis Chronica Maiora. 414; Свод 1995: 355). Тем не менее, принято считать, что к середине VII в. Греция оказалась заселена славянами (Obolensky 1971: 481, 482, 488; Седов 1992: 165). О появлении их тут в значительном количестве говорит и впечатляющая славянская топонимика (Charanis 1959: 40; Barford 2001: 61, 62).

Английское житие св. Валлибальда в описании события 723 г. указывает, что город Монефасия — византийская крепость в южной части Пелопоннеса — находится в Славинии (или на славянской земле): «ad urbem Manafasiam in Slawinia terrae» (Vita Willibaldi. 723)⁵⁵.

В последней четверти VIII в. Византия возвращает контроль над ославянившимися территориями

⁵⁵ Понятие *славиния* будет использоваться в нашей работе для обозначения славянских политий. В византийский политический обиход слово входит во второй четверти VII в. (Литаврин 1984: 195). В отличие от академического термина *племя*, в понятие изначально заложено этническое и территориально-географическое содержание. Смысл его изменчив — от обозначения «славянского мира/земли» (по примеру — Дакии или Скифии), до именованной той или иной административно-политической единицы в пределах этого «мира». В зависимости от значения слово будет писаться с прописной или строчной буквы. Оправданность применения понятия *славиния* к этнополитическим объединениям в Восточной Европе (кривичам, дреговичам и прочим) подтверждается трудом Константина Багрянородного «Об управлении империей» (ок. 950 г.).

в западной части Балканского полуострова (Obolensky 1971: 489). В 783 г. происходит поход Ставрикия в окрестности Фессалоники и в Элладу (Theophanis Chronographia. А. М. 6275; Свод 1995: 287, 322). Император Михаил III (842–867) производит ряд походов против славян на Пелопоннесе. На территории Греции шла христианизация славян. В области Северной Адриатики славяне приобщились к христианству в первой трети IX в. (Топоров 1988: 6–7).

Помимо военных походов против славян, власти Константинополя в VII в. применяли также политику насильственного переселения их на Ближний Восток и в Малую Азию. Массовым появлением там славяне обязаны византийской государственной практике привлечения в свои войска контингентов, набранных среди племен-федератов, и политике пересылки варваров в различные части Империи с возложением на них обязанностей военной службы. Судьба славянских групп, отрезанных от основного ареала расселения соплеменников, складывалась большей частью драматически. Данные эпизоды не связаны с историей колонизации, но важны как пример поведения славян в обстановке насильственного переселения в чуждую географическую среду.

Первыми славянами, появившимися в Малой Азии, были воины, сражавшиеся в составе византийской армии в персидских войнах. Свидетельства о бесчинствах в провинции Асия (в юго-западной части Малоазийского полуострова) славян-язычников сохранились в грузинской рукописи конца X в., содержащей новеллы, предположительно относящиеся к 630–660 гг. (так называемый Продолжатель Мосха) (Свод 1995: 512). Речь в новелле идет о разграблении церкви на некоей горе Филатрон, убийстве священнослужителя и попытке захвата пленных. С. А. Иванов и Д. Е. Мишин склонны рассматривать этот эпизод как доказательство существования в этот период в Малой Азии славянских колоний и относить первые имперские переселения славян через проливы к первой половине VII в. (Свод 1995: 513; Мишин 2002: 103–105). Короткий текст «Продолжателя Мосха» не дает достаточных оснований для таких утверждений. Славяне, разорвавшие Филатрон, могли быть просто отколовшимся от византийского войска мародерствующим отрядом воинов-федератов.

Феофан Исповедник сообщает, что в середине — второй половине 660-х гг. арабский полководец Абд ар-Рахман, сын Халида выступил в поход против Византии, зимовал в малоазийских областях и многие из них разорил⁵⁶. При этом к нему перебежало пять тысяч славян, которые в результате «пришли с ним

⁵⁶ Упоминания об этой военной экспедиции имеются и у восточных авторов. Точная датировка похода является спорным вопросом (Свод 1995: 311; Мишин 2002: 104–105).

в Сирию и поселились в стране апамеев в селении Селевковоле» (Theophanis Chronographia. А. М. 6156; Свод 1995: 275)⁵⁷. Военный корпус славян, действовавший к этому времени на восточных рубежах Империи, был уже, таким образом, весьма значительным. Большинство исследователей склоняются к рассмотрению его как армии военных поселенцев, выведенных в Малую Азию (в Вифинию) императором Константином II (641–668) в результате похода 658 г. против ближайших к столице Империи славиний, в ходе которого он «поработил и подчинил» некоторые славянские племена, осевшие во Фракии и Македонии» (Theophanis Chronographia. А. М. 6149; Свод 1995: 241, 273, 311). Прямых доказательств того, что эта военная акция сопровождалась переселением каких-то славянских родов в Вифинию, в распоряжении историков, однако, не имеется.

Первое хорошо документированное свидетельство о переселении славян в Малую Азию дошло до нас в «Бревиарии» патриарха Никифора и в хронике Феофана Исповедника. В 688/689 г. Юстиниан II (685–695; 705–711) предпринял масштабный поход против фракийских славян и болгар. Славяне-союзники болгар, оказывавшие ему сопротивление, были «подчинены войной», те же славянские роды, которые желали перейти под протекторат Империи, были переправлены через пролив у Авидоса и поселены в «краях Опсикия» — византийской провинции на северо-западе Малоазийского полуострова (Theophanis Chronographia. А. М. 6180; Свод 1995: 241, 281)⁵⁸.

Вскоре из числа переселенных славян Юстинианом II было набрано и снабжено оружием 30-тысячное войско. Во главе его стал некто Небул, «архонт» славян. Сформированный таким образом отряд был назван императором «отборным войском» (Theophanis Chronographia. А. М. 6184; Свод 1995: 281; Иванов 2017). Однако в начавшейся вскоре войне с арабами славяне не оправдали надежд. 20 000 из них после первых побед перешли на сторону мусульман, по свидетельству греков, из-за подкупа славянского вождя. В результате, решающее сражение ромей проиграли⁵⁹. В основе измены, вероятно, лежали условия вынужденного и быстрого переселения массы людей в непривычные климатические условия с неизбежными лишениями. После отступления императорской армии оставшиеся славяне с семьями были перебиты греками в Никомедийском заливе

⁵⁷ На р. Оронте к северу от Антиохии, возможно, в совр. Склебийе (Панченко 1903: 28–29; Свод 1995: 311; Мишин 2002: 106).

⁵⁸ Авидос — порт на малоазийском берегу Дарданелл.

⁵⁹ Сражение произошло близ Севастополя, по господствующему ныне мнению у современного Сулу-сарая (Мишин 2002: 127).

у Левкиты⁶⁰. Согласно Хронике Михаила Сирийского (ум. в 1199 г.) перешедшие на сторону мусульман славяне (этот автор называет цифру — 7000 человек) были поселены в Сирии, в Антиохии и Киресе (Мишин 2002: 107, 108). Какая-то часть славянских воинов осталась в войске Мухаммада ибн Марвана. Как сообщает Феофан Исповедник, они сопровождали мусульманскую армию, выступившую в поход в 695 г., в качестве проводников и, возможно, советников, знакомых с византийским военным делом (Theophanis Chronographia. А. М. 6186; Свод 1995: 281).

Дальнейшая судьба первой крупной славянской колонии в Малой Азии неясна. Уничтожение ненадежных союзников у Левкиты не было тотальным. Об этом свидетельствует известная находка печати византийского чиновника, в чьем ведении находились вифинские славяне, датируемая 694/695 г. Судя по надписи на печати (славяне названы пленниками или рабами), статус переселенцев в этот период был понижен по сравнению с положением славян, известным по письменным источникам, что многие исследователи связывают с репрессиями 692 г. (Свод 1995: 218–220).

Через полвека после вышеописанных событий происходит новое крупное переселение славян в Вифинию. Обстоятельства этой миграции не вполне ясны. «Бревиарий» Никифора сообщает, что в правление Константина V (741–775) «племена славян, переселяясь из своей земли, как беглецы переправились через Евксин. А полчище их по численности составляло до двухсот восьми тысяч. И поселились они на реке, которая называется Артаной» (Nic. Brev. 68; Свод 1995: 235)⁶¹. Переселение датируется исследователями 761–763 гг. и связывается, судя по свидетельству Феофана Исповедника, с междоусобицей в Болгарии, возникшей после восшествия на престол Телца (около 761–763) (Theophanis Chronographia. А. М. 6254; Свод 1995: 283).

2.2. Раннеславянские политические союзы в поле зрения исторических источников

Особые черты славянская экспансия приняла с появлением в придунайских областях аваров. Их происхождение и область первоначального расселения остаются дискуссионными. По-видимому, эта очередная кочевническая волна не была однородной, включая тюркские, угорские и монгольские элементы (Буданова и др. 1999: 270–272).

⁶⁰ Место избиения славян (буквально «белая скала») помещается на берегу Мраморного моря к югу от Дарданелл.

⁶¹ Артана — река в Вифинии (совр. Шиле), впадающая в Черное море в 40 км к востоку от Босфора (Свод 1995: 245).

Образ жизни аваров на раннем этапе их пребывания в Подунавье был, вероятно, полностью связан с кочевым скотоводством. Существует мнение, что в дальнейшем (после кризиса 626 г., упоминающегося ниже) в условиях упадка своего военного могущества и стабилизации системы расселения авары приобщились к земледелию, однако определенных исторических или археологических источников на этот счет пока не выявлено (Дайм 2002: 318). Экономическую основу Аварского каганата составляли византийские откупы, дань с подвластных народов, выкуп за пленных и военная добыча.

Первоначальным местом остановки аварской орды в 558 г. была Добруджа — «области Скифии и Мезии», как сообщает Феофан Исповедник (*Theophanis Chronographia*. А. М. 6050; Хронография Феофана 1980: 52). Дальнейшему продвижению аваров на запад мешали паннонские германцы — лангобарды и гепиды. Вскоре после вступления на престол Юстина II, в 567 г., авары разгромили гепидов в союзе с лангобардами, после ухода которых в Италию в 568 г. проникли на Средний Дунай и в долину Тиссы (Буданова и др. 1999: 273–274), откуда начали активное военное давление на Балканские области. Позднее гепиды на правах аварских подданных наравне со славянами участвовали в аваро-византийских войнах.

Вскоре военные экспедиции аваров в западном направлении достигли Тюрингии (*Pauli Historia Langobardorum* II. 10). Южнее они захватили Истрию и Далмацию, изгнав оттуда романское население (DAI. 31. 15–17; Константин Багрянородный 1991: 137). Византия, чтобы оградить себя от грабительских набегов, была вынуждена выплачивать аварам ежегодную дань. К этому времени значительные области Балканского полуострова были уже заняты славянами. Некоторая их часть, в первую очередь, обитавшая на Среднем Дунае, оказалась в подчинении аварского кагана, часть сохранила независимость. С этого момента походы славянских дружин под предводительством аваров еще более осложняют положение Империи.

Отношения аваров со славянами на первых порах были враждебными. В период переселения аваров на Дунай особенно претерпели от нашествия, по-видимому, анты, обитавшие к Востоку от Нижнего Дуная. Они были потревожены аварами еще по пути их из Приазовья, на Днестре, как можно заключить из речей аварских послов при дворе Юстина II в 561 или 562 г. (Menander. Fr. 5, 4. 5–8; Свод 1994: 327; Жданович 2016: 886). В первую очередь пострадали, вероятно, обитатели Малой Скифии (Добруджи). В то же время основные земли славян на левобережье Нижнего Дуная на территории современной Румынии оставались до 579 г. не затронутыми аварскими набегами,

что следует из замечания Менандра о том, что во время поддержанного греками похода Баяна против Давриты в 579 г. авары вторглись на территорию славян, ранее не подвергавшуюся военным опустошениям (Menander. Fr. 21. 55–57; Свод 1994: 321).

Сложным является вопрос об отношениях аваров и славян, обитавших в Нижнедунайской котловине⁶². Известны сведения Менандра Протектора, относящиеся к периоду после появления аваров на Среднем Дунае, о попытках кагана обложить данью обитавшее на левобережье племя славян, управлявшееся князем Давритой (Menander. Fr. 21. 31–57; Свод 1995: 321). Попытки эти успехом не увенчались — многочисленным и компактно проживавшим славянам Нижнего Подунавья и Добруджи удалось отстоять независимость как до аварского похода 579 г., когда авары принудили нижнедунайских славян к уплате дани, так и после похода. Договор с каганом Баяном, по-видимому, не соблюдался, и дань славянами не выплачивалась (Литаврин 2001: 565, 566).

В ином положении оказались славяне Среднего Дуная, куда переместилась после 568 г. ставка аварского кагана. Именно к ним можно предположительно отнести эпический сюжет, попавший в недатированную часть ПВЛ:

«Си же обри воеваху на словѣнѣх, и примучиша дульбы, сушая словѣны, и насилье творяху женамъ дульбскимъ: аще поѣхати будяше обьрину, не дадыше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в тельгу и повести обьръна, и тако мучаху дульбы» (ПВЛ 1996: 10).

Зависимость славян от аваров выражалась в ежегодной дани и повинностях, главными из которых было строительство переправ и судов и поставки продуктов сельского хозяйства. Одним из главных элементов политического подчинения была необходимость участия в войнах кагана. При этом военная иерархия в союзном войске могла строиться по-разному. Часть славян участвовала в походах как союзники кагана, часть — на правах подданных, за медлительность в бою или за поражения караемых смертью. Последнее произошло, например, при неудачной осаде византийской столицы в 626 г. Наконец, еще одной обязанностью покоренных кочевниками племен была пограничная служба.

После аваро-византийских войн начала VII в. начинается затяжной кризис аварского государства, теснимого противниками по периметру южных и западных границ. Историкам мало известно о внутриполитических противоречиях каганата, но их обо-

⁶² Краткое резюме по этой дискуссии см.: Литаврин 2001: 557, 558; Pohl 2018: 146.

стрение фиксируется по событиям, имевшим межгосударственный отзвук. В частности, в 631/632 г. девять тысяч болгар (с семьями) — подданных кагана бежали в Баварию, но были большей частью уничтожены по распоряжению франкского короля Дагоберта I (629–639) (Хроники Фредегара 2015: 227; Деяния короля франков Дагоберта 2019: 119, 120; Дайм 2002: 279). В Среднем Подунавье в 624–660-х гг. ряд ударов каганату наносит Само, о державе которого будет сказано ниже.

Император Ираклий (610–641) отдает Далмацию для поселения хорватам, враждебным кагану, и, в конечном счете, изгнавшим аваров из этой провинции (DAI. 31. 19, 20; Константин Багрянородный 1991: 137). Спустя какое-то время на юге Македонии в окрестностях Фессалоники получает земли от Империи племя сербов (DAI. 32. 1–20; Константин Багрянородный 1991: 141). Юг и запад Балканского полуострова постепенно выходят из-под власти аваров.

Падение влияния каганата к югу от Дуная, в Македонии, связано также с ударами, нанесенными ему болгарским правителем Кувером в 680-х гг.⁶³ Практика перемещения толп пленников на подвластные территории в конце концов повредила аварам, демографический потенциал которых не соответствовал огромности контролировавшейся ими территории. Выведенные в результате набегов на земли Империи массы пленных были поселены каганом в Паннонии, в районе Сирмия. Потомки их, освобожденные и смешавшиеся с иноплеменниками (источники указывают на болгар, аваров и «других язычников»), тяготились аварским подданством, тем более что многие из них были христианами. Последние стремились перейти под власть Византии, а язычники, главной силой среди которых были, видимо, болгары, в свою очередь стремились к военно-политической автономии. Весь этот пестрый конгломерат жителей, наконец, получил себе от кагана своего «архонта», некоего болгара Кувера. Последний, ознакомившись с растущими антиаварскими настроениями новых подданных, поднял восстание, с боями двинулся к границам Византии и остановился в местности, называемой Керамисийским полем, во владениях славянского племени драгувитов, настроенного к пришельцам враждебно⁶⁴. Последнее вполне объяснимо,

⁶³ Датировка определяется серией аваро-славянских походов вглубь Балканского полуострова, отнесенных хроникой ко времени за 60 лет до образования княжения Кувера (Свод 1995: 206).

⁶⁴ Примечательна связь драгувитов с урочищем «поле», указывающим на открытую местность. Последовавшее затем приказание Кувера славянам кормить его войско указывает, видимо, на оседлый земледельческий характер хозяйства последних.

так как Кувер повел себя совершенно в духе кочевников, оказавшихся в земледельческом окружении, приказав драгувитам кормить своих людей. Каган аваров, пытавшийся задержать переселенцев, потерпев несколько поражений, отступил вглубь Паннонии (Свод 1995: 171). После неудачной попытки захвата Фессалоники Кувер пропадает со страниц хроник. Дальнейшая судьба его княжения дискуссионна (Литаврин 2001: 255). Учитывая раскол в лагере Кувера и враждебное окружение (он противостоял как сельскому славянскому населению, так и обитателям византийских городов), предполагают, что княжение быстро распалось.

С востока, в Нижнем Подунавье, в 680-х гг. аваров начинает теснить отступающая на запад под давлением хазар болгарская орда Аспаруха (Еремян 1963: 98–99, 101). Несмотря на все неудачи, Аварскому каганату суждено было просуществовать еще более столетия. Опустошительные военные походы сменяются короткими набегами, но аварская опасность для соседей продолжает сохраняться. Источники VIII в. об аварах немногочисленны. Как известно из Жития Св. Эмерама, около 713/714 г. авары разоряют города на Энсе (Дайм 2002: 279). В 741 или 742 г. князь карантанских славян Боруф обращается к баварам с просьбой о помощи против аваров (Дайм 2002: 279).

Аварский каганат служил постоянным источником военной опасности для Франкского королевства, хотя набег аваров не затрагивали его территории непосредственно. Контакты баварского герцога Тассилона III с аварами в начале 780-х гг., направленные против центральной власти, ускорили решительные меры Карла Великого против каганата, в которых приняли участие и славянские дружины (Кланица 1987: 75; Polek 1997: 47).

Прологом к разгрому каганата послужили военные действия конца 780-х гг., неудачные набег аваров на Верхнюю Италию и Баварию и их поражение в сражении на Ибсе. В 791–796 гг. против них было предпринято три похода, последний из которых, возглавляемый королем лангобардов Пипином, сыном Карла Великого и королем Италии (781–810), завершился разгромом ставки кагана, располагавшейся при слиянии Дуная и Тиссы (Свод 1995: 452, 455, 456, 467; Polek 1997: 48, 49). Несметные богатства, накопленные годами грабительских походов, были вывезены из ставки. Войско аваров рассеялось и никогда больше не составило серьезной военной опасности. Крушение каганата потрясло современников и вошло в славянский эпос.

Письменные источники продолжают упоминать аваров на протяжении IX в. Однако, контекст этих свидетельств уже совершенно иной, нежели ранее. В первой половине IX в. христианизированные авары неоднократно обращались к франкским королям

за защитой от насилия соседей. Славяне, поддерживавшие Карла Великого в его борьбе с аварами, в свою очередь, теснят последних. Подобная активность бывших военных союзников теперь, после ликвидации аварской угрозы землям Франкского королевства и замирения его восточных областей, вызывает у короля тревогу (*Annales regni Francorum* 1891: 805; Ронин 1982: 41). В 811 г. Карл Великий даже отправил в Паннонию войско, «дабы положить конец распрям гуннов со славянами» (цит. по: Грацианский 1943: 47). Были, видимо, предприняты и меры к тому, чтобы решить славяно-аварский конфликт мирным путем; аварские послы и представители паннонских славян были в том же году приглашены в Аахен (Грацианский 1943: 47).

В письменных свидетельствах, относящихся к дальнейшим событиям IX в., упоминания аваров редки. В 822 г. их посольство с дарами прибывает к Людовику Благочестивому (814–840). Наконец, в главе III «Обращения баваров и хорутан» (около 870 г.) находится описание положения дел в аварской Паннонии накануне венгерского нашествия: «Гунны, изгнавши римлян, готов и гепидов из Нижней Паннонии, завладели той страной, но затем франки и бавары совместно с хорутами одолели их, сокрушивши непрерывными войнами. Тех же, кои обратились в [истинную] веру и согласились принять крещение, сделали королевскими данниками. И землю, кою владеют остатки их, они продолжают удерживать, уплачивая дани королю до настоящего дня» (цит. по: Грацианский 1943: 47).

Длительные подданические отношения с аварами усилили военную мощь славян и помогли им овладеть обширными областями на Балканском полуострове (Obolensky 1961: 480), способствовали обогащению военной верхушки общества, создали своеобразную синкретичную культуру (Čilinska 1983: 246). Существует мнение, что праславянский язык использовался в каганате как *lingua franca*, что и способствовало его широкому распространению (Barford 2001: 16, 17, 58; Curta 2004: 132; Pronk-Tiethoff 2013: 59; Pohl 2018: 123, 273, 351). Аварская держава оказала огромное влияние на славянский мир далеко за пределами своих границ. Особенно существенны были влияния в области ювелирного дела и вооружения.

Болгарское государство в Нижнем Подунавье и славяне. Зарождение славянской государственности на Северо-Востоке Балканского полуострова связано с приходом болгарской орды, сумевшей в третьей четверти VII в. подчинить часть славянских племен. В 630-х гг. в Приазовье возникает союз тюркских болгарских племен Великая Булгария. Как повествует Феофан Исповедник, после смерти основателя союза — хана Куврата, последовавшей в правление Константина IV (668–685), власть была поделена

между пятью сыновьями Куврата, не сумевшими сохранить единство⁶⁵. Под ударами хазарского каганата союз распался⁶⁶. Два брата остались в Восточной Европе, а трое других с подвластными родами, не захотев терпеть владычество или соседство хазар, двинулись на запад. Один их братьев оказался в Италии, второй перешел под власть аварского кагана, осев со своими людьми в Паннонии.

Третий же брат по имени Аспарух остановился на левобережье Нижнего Дуная в местности под названием Огл (Свод 1995: 277)⁶⁷. Авары, отвлеченные борьбой с Кувером, не оказали существенного противодействия новому сопернику. Один из источников VIII в. указывает на то, что болгары Аспаруха, отступив под давлением хазар, оттеснили аваров на запад (Еремьян 1963: 98–99, 101).

Успешно отбив на новом месте нападение византийской армии, болгары, преследуя отступающих, вторглись в Нижнюю Мезию и Скифию, достигнув района Одисса. Сочтя это место удобным для обороны, благодаря широкой излучине Нижнего Дуная, соседству гор и Понтийского моря, прикрывающих фланги границы, обращенной на юг в сторону Империи и на запад в сторону Аварского каганата, болгары остались здесь. Время продвижения болгар вглубь Дунайского правобережья исследователи относят к периоду около 680 г. (Литаврин 2001: 198, 200).

К моменту прихода болгарской орды Аспаруха вышеупомянутая область была заселена славянами. Болгары подчинили себе обитавший на этой территории племенной союз, названный «Семью родами», состоявший, по видимому, из имперских федератов, несших пограничную службу (Свод 1995: 315, 316; Литаврин 2001: 198, 201, 202). Как и в случае с аварами,

⁶⁵ Как отмечает Г. Г. Литаврин, точная дата смерти Куврата не может быть определена и относится разными исследователями к периоду от середины VII в. до конца 660-х гг. (Литаврин 2001: 199, 200). С переселением болгар в Подунавье некоторые исследователи связывают знаменитый Перещепинский клад, считая его погребением хана Куврата, сопровождавшимся дарами, полученными последним от византийского императора Ираклия (Werner 1984; Львова 1998). Высказывались и другие точки зрения о происхождении сокровища (Толочко 1999: 22).

⁶⁶ По свидетельству хазаро-еврейской переписки, хазары преследовали болгар вплоть до реки «Дуна» (Кокковцев 1932: 32).

⁶⁷ Местность «Огл» локализуется между Днестром и Дунаем где-то в нижнем течении рек Прута и Серета (Литаврин 2001: 200). Существует гипотеза, помещающая область «Огл» на правом берегу Дуная в Добрудже (Седов 1995: 256). Подобная локализация противоречит недвусмысленным свидетельствам Феофана: «...народ грязный и нечистый неожиданно разбил лагерь по ту сторону Дуная в Огле и совершает набеги» (Свод 1995: 277).

славяно-болгарские отношения начались с «примучивания» первых, что и нашло отражение в ПВЛ: «Словѣнску же языку, яко же рекохомъ, живуцю на Дунаи, придоша от скуфъ, рекше от козаръ, рекомии болгаре и сѣдоша по Дунаеви, и населници словѣнамъ быша» (ПВЛ 1996: 10).

В византийских источниках отсутствуют сведения об участии в войнах болгар с аварами и Византией славян, хотя последние и были «пактиотами» Империи. Союз с болгарами сулил им наибольшие выгоды. Болгары «поселили северов от передней теснины Верегава к районам на восток, а в район к югу и западу, вплоть до Аварии, — остальные «Семь родов», находящиеся под пактом» (Свод 1995: 279)⁶⁸.

По-видимому, славянам была предоставлена автономия. Несмотря на господство кочевой элиты, славянский язык использовался как *lingua franca*. Так началась славяно-болгарская культурная и этническая интеграция, закончившаяся славянизацией степного народа⁶⁹. Славяно-болгарские отношения в Подунавье с самого начала не имели того оттенка постоянного противостояния, который был характерен для отношений кочевого и земледельческого населения внутри Аварского каганата. Причин было несколько: болгары уже имели опыт общения со славянами; по численности орда Аспаруха значительно уступала славянскому населению Нижнего Подунавья; болгарское общество было менее консолидировано из-за перехода населения к оседлости.

С болгарским вторжением ряд исследователей связывает отток славян с Дуная в леса Восточной Европы — тот самый «дунайский импульс» (Мачинский 1981: 116). Письменные источники не дают для этого веских оснований, но археологические данные, действительно, допускают предположение о некотором оттоке населения в Среднее Поднепровье (Приходнюк 1996, 2005: 82, 83; Комар 2007: 48; Бяліцкая 2020: 51).

Утвердившись на равнинах дунайского левобережья, болгары продолжали нападать на византийские земли, принудив в итоге Империю к выплате ежегодной дани. В первое царствование Юстиниана II (685–695) Византия вынуждена уделять новому соседу все больше внимания. К этому времени относится вторая болгарская война, также не принесшая удачи Империи. В 688 г. Юстиниан II с армией был окружен и спасся лишь ценой больших потерь.

⁶⁸ Локализация географических определений Феофана Исповедника остается спорной (Литаврин 2001: 202).

⁶⁹ По мнению некоторых исследователей, процесс славянизации болгар начался еще в Подонье, где они могли контактировать с антскими группировками, а также во время прохождения болгар через южнорусские степи (обзор проблемы см.: Комар 2007).

Серьезный кризис происходит в Болгарии в начале 760-х гг. (см. выше). В начале IX в., после крушения Аварского каганата, при хане Круме, на пространстве от Нижнего Дуная до Тиссы образовывается единое Болгарское государство. В 862 г. Болгария заключает союз с Людовиком Немецким (ум. в 879 г.) против его сына Карломана и участвует в военном походе против него (Успенский 1872: 44). Неоднократные попытки Византии обратить в христианство население Болгарии увенчались успехом в 865 г. в правление императора Михаила III (842–867) и болгарского царя Бориса (в крещении Михаила). Принятие христианства по греческому канону открыло путь пятилетней религиозно-политической борьбе в болгарских землях Византии и Рима, окончившейся в 870 г. победой Византии и изгнанием латинского духовенства.

Государство Само на Среднем Дунае. На протяжении VII в. славяне продвигаются на северо-запад в Центральную Германию, в междуречье Одера и Эльбы, местами расселяясь и по ее левобережью. К концу VII или началу VIII в. переселенцы достигают крайней северо-западной области формирующегося славянского мира — Восточного Гольштейна (Brather 2008: 61). В археологическом материале они представлены древностями типа Суков-Дзедзицы, близкими пражской культуре (Русанова 1976: 138–152; Parczewski 1988; Гавритухин 2009: 15; Barford 2001: 64–66). Не исключено, что аварское владычество в Подунавье сыграло в этом оттоке населения некоторую роль. Однако уже в первой четверти VII в. военно-политическое могущество Аварского каганата начинает слабеть. Одним из ключевых исторических эпизодов, связанных с его закатом, стало формирование союза славянских племен, известного как «государство Само».

Как повествует франкская «Хроника Фредегара», предводитель купеческого товарищества по имени Само, родом франк из Саннского округа (области к 620-м гг. давно уже христианской), отправился в 40-й год правления Хлотаря II (584–629) к славянам, называемым винидами, с торговой экспедицией (623/624 г.)⁷⁰. Славяне, притесняемые аварами и платившие им дань в тот период, как сообщает хроника, «уже начали восставать против аваров». Предприимчивый Само принял участие в крупном походе против аваров, проявив такую доблесть, что был признан винидами как король — *rex* (Fred., IV. 48; Свод 1995: 367). Царствование его, длившееся около 35 лет, приходится на промежуток 623/624 г. — около 660 г. За этот период, сообщает хроника, виниды провели множество успешных войн против аваров.

⁷⁰ Одним из основных товаров, которые могли в то время предоставить славяне на европейский рынок, были рабы. Некоторые исследователи считают Само работником.

Само — один из самых загадочных исторических персонажей раннеславянского средневековья. С франкским происхождением не согласуется ни его язычество, ни отмеченная в «Хронике Фредегара» приверженность к славянским обычаям (посол Дагоберта Сихарий смог явиться к Само с поручением не иначе, как нарядившись в славянскую одежду). Необъяснима его жестокость к соотечественникам — франкским купцам. Имя вождя, как будто, дает некоторые основания считать его славянином (Успенский 1872: 13; Грацианский 1943: 45). Впрочем, есть и альтернативные точки зрения, согласно которым имя Само кельтского происхождения (Dvornik 1956: 61). В позднем латинском источнике «Обращение баваров и хорутан», относящемся ко второй половине IX в., Само прямо назван славянином и виновником смерти франкских купцов: «Само велел перебить проходивших купцов Дагоберта и отнял у них королевское имущество, вследствие чего Дагоберт воевал с Само и победил его» (Conversio, 4; Грацианский 1943: 45). Как бы там ни было, нет оснований сомневаться ни в реальности «государства Само», ни в том, что франки вошли в состав его элиты. Заинтересованность франкской империи в союзниках против аваров в период формирования «государства Само» очевидна. При этом существенную роль в его жизни играли, видимо, торговые и военные связи с Франкским королевством.

Через восемь лет после возникновения, в 631/632 г., «государство Само» выступает в Европе как заметная военно-политическая сила. После конфликта славян с франкскими купцами и неудачных переговоров между Дагобертом I, сыном и преемником Хлотаря II, и Само первым из них была организована крупная военная экспедиция в земли винидов. Три отряда франков и союзное им войско лангобардов одновременно вторглись в славянские области. Войско алеманнов, составлявшее, видимо, один из трех отрядов, и лангобарды одержали победы и вывели из страны винидов множество пленных. Основные же силы Дагоберта, осадившие крепость Вогагисбург, потерпели поражение под ее стенами и отступили с большим уроном. После этого славяне Само неоднократно опустошали набегами восточные области Франкского королевства.

Внешнеполитическая деятельность Само также была успешна. Ему, по-видимому, удалось заключить союз с тюрингским герцогом Радульфом, поставленным еще Дагобертом I. После его смерти Радульф, так же, как и ряд других герцогов, в 641 г. отказался признавать власть Меровингов и занял враждебную позицию по отношению к королю. Усилению славянского царства способствовал общий упадок Меровингской державы. Дагоберт I был последней крупной политической фигурой меровингской династии; смерть его открыла период внутренних неурядиц, позволявших славянам некоторое время не опасаться военных ударов с запада.

У исследователей нет пока единого мнения по вопросам географической локализации и размеров «государства Само». Видимо, его границы простирались вдали от сфер интересов Византии, не отметившей его в хрониках, поблизости от границ Аварского каганата в зоне интенсивных славяно-аварских контактов. Гипотеза, наиболее популярная, связывает область Само с территорией современной Богемии и Моравии (Dvornik 1956: 61; Obolensky 1971: 482; Дайм 2002: 277). Некоторые исследователи склонны включить сюда и Карантанию (Авенариус 1987: 67), что совсем сомнительно (Плетерский 2015: 231). Скептики предлагают небольшой регион в западной части зоны славяно-аварского взаимодействия, в районе Вены (Barford 2001: 79, 80).

Судьба племенного союза, во главе которого встал Само, после его смерти (ок. 660 г.) неизвестна. По-видимому, союз распался под ударами аваров, во всяком случае, дальнейших сведений о нем в письменных источниках не сохранилось. Причину быстрого распада первой славянской державы Ф. И. Успенский видел в многочисленности семейства Само, имевшего, согласно «Хронике Фредегара», 22 сына (Успенский 1872: 17). Тот же автор, высказываясь о развале «державы Само», обратил внимание на запустение предположительно славянских областей на границах Паннонии в последней трети VII в. Речь идет о свидетельствах Жития Св. Эмерама, проповедовавшего в Баварии около 680 г. Область р. Энс, притока Дуная, описывается в то время так: «населенные и богатые города ее обращены в развалины, вся страна по обе стороны Энжи представляет пустыню, дикие звери водятся в таком количестве, что страшно путешественнику пускаться по ней в дорогу» (Vita Haimhrammi episcopi, 5; Успенский 1872: 17). Как бы там ни было, но в течение почти столетия после смерти Само славяне не появляются на страницах франкских источников (Свод 1995: 411, 412; Brather 2008: 63).

Славяне и франки в VIII–IX вв. Великая Моравия.

Укрепление Франкского королевства и расширение его на восток, начавшееся после того, как в 768 г. Карл, которому суждено будет получить прозвание «Великий», стал королем, стимулировало активные франко-славянские военные контакты. Начало торгового взаимодействия славян с франками относится по крайней мере к первой четверти VII в. (сведения о деятельности Само и франкских купцов в славянских землях)⁷¹. В следующем столетии общие враги — саксы на севере и авары на юге — вызвали к жизни ряд непродолжительных франко-славянских военно-политических союзов. Франки по мере необходимости без колебаний вступали в соглашения с языч-

⁷¹ «Хроника Фредегара» дала возможность В. К. Ронину предположить, что «в эпоху Само вполне сложилась даже институционализированная система разрешения торговых споров между франками и славянами» (Ронин 1986: 44).

никами, несмотря на строгие предостережения духовенства (Ронин 1982: 40, 41). На севере начало подобным соглашениям со славянами против саксов положено было Пипином Коротким в 748 г. (Cont. Fred., 181; Свод 1995: 411; Ронин 1982: 37).

В 789 г. Карл Великий осуществил военную экспедицию в земли славян-вильцев, беспокоивших набегам союзное ему племя ободритов (Einhard, Vita Karoli. 12; Эйнхард 2005: 79). Вильцы были приведены к подчинению. Нет оснований полагать, что этот короткий поход (не идущий в сравнение, например, с войной Карла с саксами) мог привести к крупномасштабным передвижениям населения в славянских землях (Эйнхард 2005: 142).

По мере укрепления восточных областей франкского королевства характер его политических отношений со славянскими племенами меняется. Военное партнерство после разгрома главных противников франков на востоке — саксов и аваров в первой трети IX в. сменяется нарастающим стремлением Каролингской державы подчинять бывших славянских союзников своему влиянию. Однако, как проследил В.К. Ронин, знания каролингских хронистов о славянах до середины IX в. скудны, «элементарны, к тому же не всегда точны» (Ронин 1986: 45, 46), т. е. интенсивных контактов (пусть даже военного характера) до этого времени между франками и славянами не было. Вывод автора — «славянские земли еще явно не представляли для Франкского государства специального интереса как предполагаемый объект завоевания» (Ронин 1986: 45). Вряд ли можно применительно к этому времени говорить о масштабной экспансии франков против славян, способной вызвать многотысячные миграции последних (см. также: Земляков 2018: 117).

Разгром Аварского каганата создал в Подунавье новую военно-политическую ситуацию. Походы Карла Великого и уход каганата с исторической сцены ставят славян Верхнего и Среднего Подунавья перед новой политической доминантой. После смерти Карла Великого и ослабления императорской власти военно-политическая активность славян, обитавших вдоль восточных границ Франкской империи, возросла (Ронин 1985: 5; Чуркина 2007: 137). Стихийное заселение Паннонии, опустевшей после грандиозных походов Карла Великого и его союзников, моравскими славянами и процесс перехода их в прямое подчинение франкского императора начинаются с наступлением IX в. (Шушарин 1997: 27)⁷². В акте *Ordinatio imperii* 817 г., закрепляющем разделение Франкской империи

по смерти Карла между сыновьями Людовика Благочестивого (814–840 гг.), во владение Людовику Немецкому (ум. в 879 г.) отдается «Бавария, Хорутане, Богемы, Авары и Славяне на восток от Баварии» (перевод: Успенский 1872: 26):

«Item Hludowicus volumus ut habeat Baioariam et Carentanos et Beheimos et Avaros atque Sclavos qui ab orientali parte Baioariae sunt, et insuper duas villas dominicales ad suum servitium in pago Nortgaoe Luttraof et Ingoldesstat» (*Ordinatio imperii*. 2).

Крупнейшим событием в истории паннонских славян этого периода стал мятеж Людевита Посавского 818–823 гг., вызванный какими-то конфликтами между посавскими славянами и маркграфом Фриульским Кадолахом (ум. 819) (Ронин 1985: 21). Посольство, отправленное посавскими славянами к Людовику Благочестивому, не добилось полюбовного урегулирования спорных вопросов. После этого посавский князь Людевит выказал некое неповиновение императору (точный характер его действий неясен), что немедленно вызвало поход каролингского войска под началом маркграфа Кадолаха (Ронин 1985: 24). Первый поход франков закончился неудачей, к Людевиту примкнули соседние племена, и восстание охватило «огромную территорию от верховий Дравы до Тимока» (Ронин 1985: 25). Франкам пришлось организовать десять походов, затратив немалые ресурсы на подавление выступления. В конечном счете Людевит потерпел поражение, бежал к сербам и позднее был убит.

Время возникновения моравского княжества обойдено письменными источниками. Некоторые исследователи склонны возводить его основание к царству Само, т. е. ко второй четверти VII в. Имя мораван, славян, живущих на р. Мораве (левый приток Дуная), встречается в источниках не ранее 822 г. (Успенский 1872: 26). Политический центр княжества располагался в среднем течении р. Морава (левый приток Дуная) (Савчук 1985: 6). Здесь исследован археологами один из богатейших археологических объектов, связываемых с Великой Моравией, — могильник *Staré Město* и ряд других выдающихся археологических памятников (Поулик 1985; Poulík 1948; 1988; Poulík 1997).

Характерной особенностью Моравского региона являются городища, укрепления которых состоят из деревоземляного вала и приложенной к нему снаружи стены, построенной насухо из плитняка. Внутренняя часть вала тоже может быть укреплена каменной кладкой. К этой фортификационной традиции мы еще вернемся в главе 4. Строительство укреплений связано преимущественно с периодом экспансии Моравии в IX в. Облицованные камнем валы создавали иллюзию каменных стен, подобных стенам византийских и франкских крепостей, и призваны были

⁷² В позднем источнике — летописи Косьмы Пражского (ум. в 1125 г.) говорится о размерах ежегодной дани, платившейся чехами немецкому императору начиная со времени Карла Великого и состоявшей из 120 быков и 500 марок. Чехи обязаны были выставлять войско в случае войны и не заключать союза с противниками императора. По мнению Ф. И. Успенского, эту ситуацию можно проецировать и на мораван (Успенский 1872: 27).

продемонстрировать могущество обладателя крепости. Практическое военное значение сложенных насухо прикладных конструкций было невелико.

Первым моравским князем, упомянутым в письменных источниках, является Моймир, правивший около 830–840-х гг. (Успенский 1872: 34). Расцвет Моравии продолжался недолго; уже к 890-м гг. она быстро теряет свои внешнеполитические и территориальные позиции. Начинается отпадение от княжества окраинных земель, вторжения сначала баварцев, затем мадьяр. Первое мадьярское нападение (совместно с мораванами) на земли, подвластные Людовиду Немецкому, реймский архиепископ Хинкмар (ок. 806–882) относит в своих анналах к 862 г. (The Annals of St-Bertin 1991: 102; Шушарин 1997: 36, 53; Spinei 2009: 69).

После прихода мадьяр в Паннонию (894 г.) (Шушарин 1997: 57) их набеги обратились на мораван и приняли совершенно разрушительный характер. В первое десятилетие X в. княжество Великая Моравия прекращает свое существование, территория его оказывается захваченной уграми. У Константина Багрянородного читаем: «Великая Моравия, т. е. страна Сфендоплока, которая совершенно уничтожена этими самыми турками и захвачена ими» (DAI. 13. 5–7; Константин Багрянородный 1991: 53). Далее император уточняет:

«После смерти этого Сфендоплока, пробыв в мире один год, они впали в раздоры и вражду меж собою, затеяв междоусобную войну друг с другом. Турки, явившись, совершенно разгромили их и завладели их страной, в которой живут и ныне. Остатки населения рассеялись, перебежав к соседним народам, булгарам, туркам, хорватам и к прочим народам» (DAI. 41. 20–25; Константин Багрянородный 1991: 169).

Используя какие-то великоморавские источники, ПВЛ под 898 г. так описывает мадьярское нашествие:

«Пришедше от вьстока и устремившася чересь горы великия яже прозвашася горы Угорския, и почаша воевати на живущая ту волохи и словъни. Съяху бо ту преже словъни, и волохове прияше землю словеньску. Посем же угри прогнаша волъхи, и насльдиша землю ту, и съдоша съ словъны, покоривше я подь ся, и оттоле прозвася земля Угорьска» (ПВЛ 1996: 15).

2.3. Хозяйство славян в период балканской экспансии

Исторические сведения о хозяйственной жизни и быте славян на Балканах скудны. Как происходило не нашествие, а собственно *расселение* славян (т. е. ландшафты, которые осваивались, плотность населения, отношения с различными группами прежних обитателей), письменные источники упоминают редко. Ведущую роль в изучении этих проблем играют

данные археологии, в недалеком прошлом очень скудные (Metcalf 1962), а ныне накапливающиеся быстрыми темпами. Понятно, что по мере этого археология будет отодвигать на второй план военные аспекты колонизации, преобладающие в свидетельствах современников (Гавритухин 2015: 22; Плетерский 2015: 244).

Существенным вопросом является единство славянского ХКТ периода балканской экспансии. Источники позволяют предположить наличие в VI–VII вв. различных хозяйственных укладов у славян, поскольку в описаниях образа их жизни в западных и византийских источниках имеются различия. Большинство источников характеризуют славян как обитателей лесных равнинных и болотистых областей. Иордан сообщает (ок. 551 г.): «Славяне живут от города Новиетуна и озера, которое называется Мурсианским, вплоть до Данастра и на севере до Висклы; болота и леса заменяют им города» (Iord. Get. 35. 1–3; Свод 1994: 108, 109).

Иоанн Эфесский, комментируя в своей «Церковной истории» нашествие славян, характеризует их как людей, «которые не осмеливались показаться из лесов и защищенных деревьями [мест]...» (Свод 1994: 279). И только «в третьем году после смерти Юстина» (581 г.) они сменили тактику, возможно, не без влияния аварского военного дела. «Стратегикон» Маврикия сообщает о славянах, что «живут они среди лесов, рек, болот и труднопроходимых озер» (Strategikon. 372. 23–24; Свод 1994: 369). В бою они часто ищут укрытия в лесу, где им привычнее сражаться (Strategikon. 374, 376; Свод 1994: 371). В случае опасности славяне бегут в окружающие их поселения «чащи и укромные уголки леса» (Menander. Fr. 21. 29, 30; Свод 1994: 321) или даже в трясины, где непривычному пришельцу грозит гибель (Theophylacti Simocatae Historiae. VI. 8; Свод 1995: 23). Монеувасийская хроника сообщает, что труднодоступность и скалистость восточной части Пелопоннеса помешали славянам заселить ее (Свод 1995: 329), также косвенно вызывая в воображении образ излюбленных славянами ландшафтов.

Земледельческий характер культуры славянского населения, связанного с равнинными ландшафтами, вряд ли может быть оспорен. Известны указания на наличие у славян возделываемых полей, скирд хлеба и фруктовых деревьев (Свод 1994: 321, 369; 1995: 155; Раннефеодальные государства 1985: 71–72). Имеются сведения о виноградарстве (Иванова 1981: 222). При наличии подсечного земледелия, преобладало пашенное. Основными возделываемыми культурами были пшеница и просо (ячмень) (Кондов 1961: 11–13; Иванова 1981: 220).

Археологические следы земледельческой деятельности на занятых славянами землях делятся на три категории: карпологические находки на поселениях, находки земледельческих орудий и наход-

ки следов их использования. Широко датированные данные, получаемые с помощью спорово-пыльцевого анализа (далее — СПА) сложно соотносить именно со славянами, поскольку речь идет о землях с древними земледельческими традициями и достаточно пестрым по происхождению населением.

Характерное для славянских культур VIII–X вв. во всей их совокупности — от Балкан до Приладожья — однозубое рало с железным подтреугольным втульчатым наконечником без плечиков — в различных вариантах известно в Подунавье со второй половины I тыс. до н. э. (Balassa 1975: fig. 6; Beranová 1989: 198; Vích et al. 2018). Вплоть до Раннего Средневековья железное рало, видимо, оставалось в Центральной Европе принадлежностью зажиточных хозяйств, как говорит, например, находка в богатом погребении второй половины IV в. в австрийском Унтерлойздорфе (Правобережье Дуная в Западной Паннонии) (Dürr 2018: 235–236) и находки наральников в центральноевропейских погребениях меровингского времени (Henning 2007, 2014). Основная масса земледельческого населения в позднеримское время и в Раннем Средневековье пользовалась более дешевыми деревянными орудиями.

Знакомство славян с железными наральниками происходило вдоль всей южной и юго-западной части периметра их первоначального расселения. В период балканских войн VI–VII вв. орудия с подобными наконечниками уже ими использовались. Простое деревянное однозубое рало (полозное или с сильно наклоненной к земле рабочей частью) было известно восточноевропейскому населению с еще более древних времен.

Описания славянских передвижений на Балканах включают сведения о владении части славянских групп методами ведения войны в горной местности, а горные районы Греции содержат славянскую топонимическую номенклатуру (Королюк 1985: 157; Раннефеодальные государства 1985: 38, 59–62, 72; Pohl 2018: 136). Прокопий Кесарийский описывает боевой эпизод в Южной Италии византийского полководца Иоанна, который специально использовал наемников-антов для обороны горного прохода по причине того, что «эти варвары искуснее всех умеют сражаться в труднодоступных местностях» (Свод 1994: 187). Тогда (в 547 г.) анты отстаивали эту свою репутацию, одержав верх над местным ополчением под предводительством готов. К крупному походу склавинов через Дунай, имевшему место около 550 г., относится замечание Прокопия о том, что варвары раньше «не осмеливались спускаться на равнину». Данное сообщение, решительно не увязывающееся с представлениями ромеев о славянах как жителях равнинных областей давно смущает исследователей (Свод 1994: 237). Видимо, это свидетельство участия в по-

ходе сообществ, местообитание которых было связано с горными ландшафтами.

В том же 550 г. войско склавинов, избегая встречи с византийским полководцем Германом, прославленным победами над антами, отказалось от нападения на Фессалонику и, «пройдя весь Иллирик по горам, оказалось в Далмации». Как отмечают исследователи, на карте путь славянского войска должен был составить около 450 км (Свод 1994: 242). Живописуя опустошения, совершенные варварами, — склавины и антами, — Прокопий указывает, что «ни одного места — ни горы, ни пещеры» не осталось не ограбленным (Свод 1994: 203). Пассаж указывает на то, что горная местность — традиционное убежище местного населения, в данном случае не укрывала его от врага. Решающее значение для военного успеха имеет знакомство с ландшафтом театра боевых действий. Речь идет о сложном комплексе традиционных навыков восприятия пространства, выживания и перемещения в нем. Обитатели болотистых равнин, оказавшись в горах, по крайней мере, на протяжении поколения, не смогут вести здесь войну, если это не группы профессиональных воинов, полностью порвавших с традиционной культурной средой. Таким образом, для объяснения создавшегося противоречия нужно предположить либо наличие у славян уже в середине VI в. таких воинских формирований, либо изначально наличие навыков ведения войны в горах, связанных с проживанием части славян в горных ландшафтах.

Противопоставлять друг другу эти точки зрения едва ли уместно. Действительно, есть основания предполагать наличие у славян организованных, оторванных от хозяйственной жизни дружин (Свод 1995: 205, 206; Раннефеодальные государства 1985: 76, 77). Нередко многочисленность участников набегов не оставляет сомнений, что это племенное ополчение, а не группы «находников». В частности, войско, совершившее вышеупомянутый переход по горам в Далмацию, характеризуется Прокопием как «полчище склавинов, какого еще не бывало» (Свод 1994: 195). В эпизоде с антами Иоанна, защищавшими горный проход в Лукании, тот же автор подчеркивает, что готский предводитель, узнав, что урочище защищают анты, счел возможным направить на штурм не готских воинов, а войско, набранное из крестьян, и небольшую группу готов. В этом эпизоде видно пренебрежение к антам как военной силе.

Таким образом, можно предположить, что некоторую роль в славянской экспансии на Балканах сыграло население, занимавшееся отгонным скотоводством и еще до выхода на историческую арену проживавшее в гористой местности (Королюк 1976: 54; 1985: 154). Изучение материальной культуры этих групп вызывает большие сложности ввиду трудноуловимости археологических следов пастушеских

занятий. Трудно сказать, были ли это собственно славяне или примкнувшие к ним инородцы, привлеченные успехами славянских военных предводителей. Не исключено, что имя *славяне* (*склавины*) могло иногда использоваться византийскими авторами как общее обозначение северных варваров из-за Дуная, отличных образом жизни от степных кочевых народов — гуннов и аваров (Curta 2006: 59–61).

Сделанный очерк позволяет обозначить важный аспект славянской колонизации, значение которого выходит за рамки балканской тематики. Хозяйство расселяющихся славян не было жестко обусловлено определенным ХКТ. Мы видим высокую пластичность хозяйственной культуры славян, усваивающих в процессе колонизации разнообразные хозяйственные навыки. Отчасти это объясняется тем, что группы населения, вошедшие в состав славиний, включали и потомков местного населения.

Этот фактор играл как положительную роль, повышая выживаемость коллективов, так и отрицательную — понижая их гомогенность. В конечном счете эта пластичность ХКТ стала, вероятно, одним из факторов, приведших к полной ассимиляции славянского населения южной части Балкан.

2.4. Военное дело у славян в VI–VIII вв.

Главными информаторами по данному вопросу являются греческие авторы (анализ источников см.: Нефёдкин 2003). Византийцы характеризуют военное дело славян как слабо развитое (Шувалов 1991: 36; 2004: 254), что неотделимо от пренебрежительного отношения к варварам вообще и не должно вводить в заблуждение. При всех отличиях от «цивилизованных» методов войны, веками складывавшихся в Империи, славяне не раз сражались с регулярной армией, как наступая, так и обороняясь. Военная колонизация огромных территорий Балканского полуострова и бассейна Дуная, расселение в Центральной Европе свидетельствуют о том, что вооружение и тактика славян в определенных условиях были эффективнее, нежели у их основных противников — аваров, болгар, византийцев и германцев. Славяне были в состоянии как противостоять их армиям, так и взаимодействовать с ними в различных географических и климатических условиях.

Проблема заимствований в области военного дела. Лингвистический аспект. Известно, что ни в одной области жизни культурно-технические заимствования не играют такой важной роли, как в военном деле. От скорости усвоения военных новаций зависит благосостояние и само существование социума. Интересные результаты приводятся в недавней работе С. Пронк-Титхоф, посвященной германизмам в праславянском языке (Pronk-Tiethoff 2013). Иссле-

довательница уверена, что ей удалось выделить два пласта заимствований. Первый из них она относит ко времени славяно-готских контактов в Восточной Европе и Подунавье (III–VI вв. н. э.); второй — ко времени славяно-германских взаимодействий в бассейне Эльбы и на сопредельных землях. Второй этап, если ориентироваться на время окончательного распада праславянского языкового единства (начало IX в.) и хронологию славянской колонизации территории Германии, предложенную С. Братером (Brather 2008), датируется серединой VII–VIII в.⁷³ Состав германизмов, относящихся к области военного дела, свидетельствует об активном славяно-германском взаимодействии в сфере военных технологий и боевой организации. Отсюда — необходимость внимательно отнестись к описаниям военного дела (особенно осадных технологий) германцев, находившихся в наиболее тесных контактах со славянами. К германизмам в праславянском языке отнесены такие военные термины, как *шелм* (шлем), *броня* (защитная одежда), *полк* (боевой отряд) (Филин 2010: 104; Pronk-Tiethoff 2013: 95, 127, 121). Терминология из области профессионального воинского искусства не вписывается в образ плохо организованной и легковооруженной славянской вольницы у византийских авторов VI–VII вв. (Pronk-Tiethoff 2013: 251). Германское происхождение в праславянском языке имеет и *князь* — военный предводитель, возглавляющий дружину и/или племенное ополчение (Филин 2010: 106). Отдельно следует обратить внимание на праславянский *тын* (оборонительная стена, ограда из бревен, частокол), возводимый к германскому *tuna* (Филин 2010: 136, 137; Pronk-Tiethoff 2013: 95, 96).

Археологический анализ славянского вооружения производился неоднократно (Козак 1997; Шувалов 2004; Казанский 2008, 2005–2009, 2011, 2015) и позволяет значительно детализировать картину.

Личное вооружение славян типично для лесных народов Раннего Средневековья. Славяне всегда сражаются в пешем строю: «вступая в битву, большинство идет на врага пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают» (Procopius. De Bello Gothico III. 14. 25; Свод 1994: 185). Для византийца такой поступок был немалым подвигом. При описании лихой вылазки защитников Фессалоники на протейхизму во время осады 586 г. автор «Чудес Св. Дмитрия Солунского» подчеркивает, что ромеями враг был обращен в бегство, «хотя те, кто шел против них [славян. — И. Е.], ничего не имели в руках, только лишь копье и щит» (Свод 1995: 117).

⁷³ В этих хронологических выкладках (главным образом в критериях отнесения того или иного германизма к праславянскому языку) есть спорные элементы (Бочек 2015: 460).

Из другого наступательного вооружения использовались топоры, хотя «Чудеса Св. Дмитрия Солунского» упоминают их у славян только в качестве саперных инструментов (Свод 1995: 115). Изображение пешего воина с небольшим круглым щитом и узколезвийным боевым топором на длинной рукоятке известно среди знаменитого набора бляшек мартыновского круга из Велестино, датируемого VII в. (Werner 1953). Первое упоминание боевого топора как оружия славянской пехоты встречается в описании событий 706 г. (Pauli Historia Langobardorum VI. 24; Свод 1995: 491).

Основным наступательным оружием были легкие копья-дротики, пригодные как для ближнего боя, так и для поражения врага на расстоянии. Иоанн Эфесский и Маврикий сообщают, что в бой славяне вступали вооруженные двумя-тремя метательными дротиками (Strategikon. 374. 44, 45; Свод 1994: 279; 371). Один или два дротика бросались в противника или в его лошадь в начале схватки, один приберегался для рукопашного боя. В качестве метателей дротиков при сближении с врагом славяне, видимо, использовались и в византийской армии (Свод 1994: 297). Дротики металась и при штурме крепостей, в частности хорошо укрепленной Фессалоники (Свод 1995: 161). Дальность броска дротика рукой не превышает 30 м, прицельно забросить его на высокую стену трудно. Для этого, видимо, использовались копьеметалки — известные еще в римской армии петли, крепившиеся к древку дротика и позволявшие кидать его на расстояние до 70 м.

Часто встречаются упоминания о славянских лучниках. Луки, согласно Маврикию, были деревянными, а стрелы небольшими, иногда — отравленными (Strategikon. 374. 45–50; Свод 1994: 371). Лучники могли решить исход сражения. При штурме крепостей стрелки применялись массированно и часто играли ведущую роль, очищая от защитников открытые участки стен, (Свод 1994: 193; 1995: 113, 129, 161). Прицельная стрельба могла вестись на достаточно большое расстояние: во время знаменитой экспедиции Приска за Дунай славянским лучникам удалось нанести грекам большой урон, стреляя поперек реки, переправа через которую потребовала от византийских солдат сооружения плотов (Свод 1995: 37)⁷⁴. Единично известие о пращниках, участвовавших в штурме Фессалоники (Свод 1995: 159). В 904 г. славянские лучники из окрестностей города участвовали уже в его защите от арабов, их упоминание содержит сочинение очевидца, Иоанна Камениаты, «На взятие Фессалоники» (Наследова 1956: 93).

⁷⁴ Г. Г. Литаврин, не приводя аргументов, считает, что ромеев обстреливали через реку копьеметалки (Свод 1995: 302).

Щиты могли быть не только «небольшими», как пишет Прокопий, но и, по сведениям Маврикия, «крепкими, но труднопереносимыми» (Strategikon. 374. 45; Свод 1995: 371). Другим личным защитным вооружением славяне, как правило, не пользовались. «Труднопереносимость» щитов противоречит подвижной тактике славянских отрядов. По-видимому, речь идет об особых щитах, применявшихся в «позиционной» войне. Славянские воины при осаде Фессалоники в 586 (?) г. пользовались именно такими щитами, поскольку только к ним применим следующий эпитет: «им не надо было возводить вокруг города частокол или насыпь: частоколом у них было сплетение друг с другом сомкнутых щитов, через которые не проскочить» (Свод 1995: 107). «Щитоносцы», в перечне воинов, шедших на штурм Фессалоники, упоминаемые после лучников, видимо, несли как раз такие щиты, прикрывая ими себя и стрелков (Свод 1995: 159). Массивные щиты говорят также об особой тактике боя, построенной на больших паузах, во время которых воины собирались на защищенных участках местности, откуда металась дротиками и где постепенно накапливались силы и боевой дух для атаки. При этом маневр и натиск не играли первостепенной роли, — только в таком случае имело смысл изготовление «труднопереносимого» снаряжения. В маневренном бою, особенно в лесу, его приходится бросать. Подобные щиты должны были изготавливаться из органических материалов (прутья, кожа и доски) и не могли оставлять археологических следов. Исследователи уже обращали внимание, что в археологическом материале, связанном со славянами, отсутствуют металлические детали щитов (оковки, умбоны, заклепки и пр.). Большие щиты, сплетенные из прутьев, использовались при штурме укреплений также германцами и персами (Procopius. De Bello Gothico. I. 22; Прокопий Кесарийский 1996: 91).

Славяне употребляли и византийское оружие, как указывает Иоанн Эфесский (Свод 1994: 279). В некоторых случаях, выступая с греками в качестве союзного войска, они получали от них и вооружение. Указание на подобную практику имеется в описании формирования Юстинианом II войска из переселенных им в Вифинию славян (Свод 1995: 281). Хотя характер вооружения, которыми был снабжен отряд, не упомянут, вряд ли славянская армия Юстиниана II была бы названа им «отборным войском», будучи снабжена лишь дротиками. Вероятно, именно вышеописанными двумя путями на первых порах (в VI–VII вв.) попадали к славянам мечи, упоминания о которых встречаются на страницах византийских источников, описывающих славянских воинов (Свод 1994: 193). Позднее этим оружием в славянских землях торговали франки (Свод 1995: 377). За крупными славянскими армиями, как сообщают «Чудеса Св. Дмитрия

Солунского», следовали кузнецы, изготавливавшие и чинившее вооружение.

Конница. Первые свидетельства о наличии у славян конницы, относятся уже к 537 г. Анты и склавины наряду с «гуннами» упомянуты Прокопием в составе конного отряда, действовавшего в армии Велисария в Италии (Procopius. De Bello Gothico I. 27. 2; Свод 1994: 177). Несколько раз упоминания о славянах-наездниках встречаются у Феофилакта Симокатты. Славяне могли подъехать на конях к полю сражения или пуститься в бегство верхом. Кавалерийский бой был им, видимо, неведом. Контакты славян с аварами и болгарами постепенно меняли эту ситуацию.

Исследователи по-разному расценивают роль конницы у славян (Казанский 2015: 73, 74). П. М. Барфорд, например, является сторонником достаточно широкого применения конницы уже на ранних этапах славянского исторического бытия, особенно же в X в. (Barford 2001: 144). Его идея о направленности против конных групп валов некоторых городищ кажется актуальной, например, для системы укреплений Даневирке VIII–X вв., ориентированной против славян-ободритов.

Что касается снаряжения всадника, то наиболее распространенной его деталью у славян VII–VIII вв. были железные шпоры с крючками на дужке, распространившиеся к северу от Дуная от Эльбы до Верхнего Поднепровья. Редкость подобных находок и связь с городищами позволяют допускать их принадлежность к привилегированному социальному кругу. Действительно, элементы всаднической культуры (части сбруи и шпоры), не предполагающей конного боя, но связанной с лошастью как транспортным средством и престижным социальным атрибутом, известны в приписываемых славянам древностях уже с римского времени.

Полевые укрепления и городки. О походной тактике славян известно немного. В случае необходимости из повозок, сопровождавших отряд, сооружалось кольцевое ограждение (Theophylacti Simocatae Historiae VII. 2. 4; Свод 1995: 31). Считается, что вагенбург (общепотребительный термин для таких укреплений) был заимствован у кочевников, впрочем, этот тип укрепления в средневековье использовался почти всеми народами Центральной и Южной Европы (Нефёдкин 2017: 150–161), что обесмысливает попытки проследить цепочки заимствований. Известно, что помимо аваров (Theophylacti Simocatae Historiae VII. 11. 7; Феофилакт Симокатта 1996: 194), им пользовались как германцы, так и греки. Византийский «Стратегикон» дает подробную инструкцию по строительству лагеря, где оборонительное кольцо из повозок дополнялось рвом и волчьими ямами с кольями (Strategikon. 472. 1; Стратегикон Маврикия 2004: 223, 228). Определенное влияние на славян

оказала и византийская тактика организации полевых лагерей, включавшая, обустройство ограждения из щитов (Petersen 2013: 278).

Славяне имели возможность учиться полевой фортификации прямо в ходе военных действий. Феофан Исповедник под 559 г. описывает случай, когда византийский военачальник, чтобы преградить путь славянским отрядам, прорвавшимся через Длинные стены, поставил у них на пути военный лагерь (И. С. Чичуров переводит фрагмент: «соорудил ров», — Хронография Феофана 1980: 52, 84) у деревни Хит близ дороги, ведшей в Константинополь (Theophanis Chronographia. A. M. 6051; Свод 1995: 253).

Впрочем, к 559 г. славяне уже умели строить походные лагеря, стремясь делать их на возвышенностях. Первое упоминание о таком лагере относится к описанию у Прокопия битвы при Адрианополе в 551 г. (Procopius. De Bello Gothico III. 40. 38; Свод 1994: 199). К 642 г. относится свидетельство «Истории Лангобардов» Павла Диакона о строительстве славянами вокруг своего временного лагеря неких *occultas foveas* — ровов или ям против конницы (Pauli Historia Langobardorum IV. 44; Свод 1995: 487). В. К. Ронин переводит этот военный термин как *скрытые ямы* — вероятно, замаскированные *волчьи ямы* в русской терминологии. Похоже, славяне в данном случае следовали византийскому походному уставу. 706 г. датируют эпизод того же автора, когда славяне, заняв вершину горы, оказали успешное сопротивление герцогу Фердульффу (Pauli Historia Langobardorum VI. 24; Свод 1995: 491).

К правлению Дагоберта I (629–639) относится упоминание в Хронике Фредегара некоего укрепления *Wogatisburc*, в котором был осажден король винидов Само. Судя по тому, что осада не удалась, а речь явно идет о столкновении значительных масс войск, можно предположить, что это было весьма внушительное укрепление. Впрочем, можно согласиться с П. Барфордом, который указывает на расплывчатость для указанного времени значения германского *burg*, которое может означать как укрепленное поселение, так и *defensible hill*, т. е. гору, пригодную для обороны (Barford 2001: 296).

В более позднее время глухое упоминание о практике строительства славянами временных полевых укреплений на труднопроходимых участках путей сообщения находим в «Истории» Льва Диакона. Описывая поход Иоанна Цимисхия против Святослава и его болгарских союзников, автор вкладывает в уста императора следующую речь:

«Я думал, соратники, что скифы, уже давно ожидая нашего прихода, не пожалели усилий для ограждения изгородями и валами наиболее опасных, узких и труднопроходимых мест на тропах, чтобы нам нелегко было продвигаться вперед» (Лев Дьякон 1988: 69).

В военном контексте можно рассматривать также общеизвестный пассаж Маврикия о славянских жилищах:

«Живут они среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озер, устраивая много, с разных сторон, выходов из своих жилищ из-за обычно наступающих их опасностей» (Strategikon. 372. 23–25; Свод 1994: 369).

Известно, что славяне в Подунавье обитали в небольших жилищах, рассчитанных на малую семью. Покинуть их незамеченным было невозможно. Да и странно было бы подобное использование малого дома в минуту опасности. У Маврикия же речь идет о постройке, настолько большой, что в ней можно укрыться, а затем ускользнуть, обманув бдительность нападающих. Речь, видимо, идет о доме, находящемся в общинном пользовании. Такие дома известны, в частности, на городищах.

Суммируя известные по византийским и латинским источникам данные о доступных славянам приемах фортификации, можно видеть три элемента: природную возвышенность, некую легкую преграду (вагенбург или тын), искусственный ров или яму, большой дом со множеством выходов. Каждый из этих элементов может служить определением для городища, а сочетание двух и тем более трех дает уже классический пример раннеславянского городка. Упомяну еще одно обстоятельство — славянское заимствование *gard* в румынском языке восходит, по мнению Ф. П. Филина, к праславянской эпохе (Филин 2010: 249).

Принято считать, однако, что на Балканах, южнее Дуная, славяне не строили городищ в том виде, в котором мы знаем их у восточно- и центральноевропейских славян (Barford 2001: 131, 133). Нет городищ и на Левобережье Дуная (на территории Румынии), в тех землях, куда совершались византийские военные вылазки в VI в. (Teodor 2005). Как известно, лучше всего освещена источниками военная история македонских славян. С 688 г. они множество раз подвергались византийским военным походам, в 904 г. сражались против арабов (Липшиц 1952: 51, 52; Наследова 1956: 93), но городищ строить так и не начали.

Некоторыми исследователями отмечаются укрепления славян в Далмации. Например, выделен культурный слой со славянской керамикой VII–VIII в. в Елице, в византийской крепости (Зечевић 2019: 431). С VII в. известны укрепленные центры в Моравии (Poulik 1988: 207). В VIII–IX вв. ведется активное фортификационное строительство в Болгарии (Rashev 2005: 51–55).

Итак, ни военная экспансия славян с крупномасштабной сельской колонизацией, ни оборона от врагов, оказывается, в определенных условиях не требо-

вали строительства городков. Такое допущение изумило бы, вероятно, составителя ПВЛ, для которого понятия *володеть* (править) и *города рубити* были синонимами. Недаром же он полагал, что летописный князь Кий, в попытке поселиться на Дунае, первым делом поставил там свой городок. И вот мы не видим ничего подобного среди археологических реалий славянской колонизации, описанной историческими источниками. Из этого вытекают два существенных вывода:

- городище является атрибутом определенной военной стабильности. При миграциях и крупномасштабных войнах городки используются редко. Эти «городки военного времени» не обязательно представляют собой земляные укрепления; иногда это просто крутая возвышенность, подходящая для временной позиции;

- ситуация в целом ставит под сомнение военное назначение обитаемых славянских городков. Очевидно, они имели еще какую-то функцию, ускользающую пока от понимания археологов. Особенно это касается городищ, датирующихся V–VIII вв. Неиспользование городков в качестве средства войны также могло привести к игнорированию их византийскими авторами.

Самое раннее описание фортификационного сооружения, возможно, имеющего отношение к славянам, — ставки аварского кагана — *хринга* — известно из каролингских источников. Оно восходит к устным воспоминаниям участников походов Карла Великого (791–796):

«Хринг был защищен девятью концентрическими валами. Валы были устроены из дубовых, буковых и сосновых бревен, поставленных в два ряда, так что от края до края было двадцать футов ширины и столько же высоты; середина же вся была заполнена каменными глыбами и вязкой глиной, а поверхность валов покрыта цельным дерном. Вблизи валов сажали кустарник, который... будучи подрезан и распластан, дает чашу из побегов и листьев. Между этими валами расположены были деревни и дворы на расстоянии человеческого голоса. Напротив строений в этих недоступных валах были устроены не очень большие и неширокие ворота; через них выходили на грабежи ближние и дальние. Второе кольцо, построенное так же, как и первое, имело до третьего ширину в 20 германских или 40 итальянских миль; и так до девятого кольца, хотя сами кольца всякий раз значительно сокращались. А от кольца до кольца поселки и жилища были так распределены, что условные трубные звуки слышны были повсюду» (Mon. Sangallensis. II. I, 667–668; цит. по: Грацианский 1943: 42).

Археологические следы этого укрепленного центра до сих пор, однако, не найдены, и неясно, что в действительности представляла собой эта аварская

фортификация и существовала ли она в реальности (Szóke 1960; Шушарин 19997: 27; Mészáros 2017: 4).

Несомненно одно — записанное около столетия спустя после самих событий, это описание несет ряд мифологических черт. Специально занимавшийся этим сюжетом В. Поль указывает на то, что образ *мифических* стен, окружающих землю безбожного врага, — распространенный книжный сюжет, основанный на Библии. Ставка же кагана, если и имела ограду, то скорее символического характера (Pohl 2005: 256). В то же время на территории каганата известны недатированные линейные фортификации, поэтому подводить черту под этой спорной темой пока рано (Pohl 2018: 371, 372).

Известно, что в 791 г. франки действительно столкнулись с некими аварскими укреплениями, расположенными по обе стороны Дуная, но оставленными аварами без боя (Pohl 2018: 381). Возможно, именно к этим крепостям или еще к каким-то иным фортификациям на территории каганата относятся описания устройства валов, переданные хронисту ветераном аварских войн. Описание вполне реалистично и довольно точно воспроизводит технологии возведения славянских городищ IX в. (разумеется, без фантастических концентрических колец).

Что касается славянских территорий к северу от Карпат, то городища распространяются здесь во второй половине VII–VIII вв. (Barford 2001: 86–88), т. е. значительно позднее, чем в Верхнем Поднепровье и Подвинье.

Осадная техника. Сводки, посвященные славянским осадам времен балканских войн, составлялись неоднократно (Кирпичников 1958; Александрович 2004, 2013; Petersen 2013), поэтому отмечу только основные сюжеты. В VI–VII вв. славяне довольно часто захватывали византийские города, но длительных осад, как правило, не вели. Это указывает более на невысокую степень организации тыловых служб, нежели на неумение штурмовать укрепления.

Быстрая операция по захвату в 550 г. города Топир во Фракии описана у Прокопия. Сначала из города хитростью выманили часть его защитников. Перебив их у городских стен, славяне пошли на приступ. Пока одна группа, приставив штурмовые лестницы, карабкалась на стену, другая осыпала ее стрелами, поражая горожан, отбивавшихся камнями и ливших вниз кипящее масло и смолу. Город был взят и разграблен (Procopius. De Bello Gothico. III. 38; Свод 1994: 193).

Если неожиданный захват не удается, главной задачей штурмующих является разрушение стен. Оно может производиться дистанционно с помощью метательных орудий или путем прямого воздействия двух видов — механическое разрушение или поджог. В том и другом случае требуется провести

у подножия стены какое-то время, необходимое либо для ее разрушения саперными инструментами, либо для складирования горючего материала и поджога. Отсюда вытекают три задачи осадного дела. Сначала нужно создать конструкцию, которую можно без опасности для находящихся внутри нее бойцов, придвинуть вплотную к стене. Далее требуется подавить активность защитников на участке стены над такой конструкцией, например, создав превышение над стеной с помощью легкой башни. Третьей задачей было обустройство перед стеной ровной поверхности, по которой с помощью катков можно было бы перемещать эти два сооружения (или одно — совмещенное). Из этих задач вытекают три основных элемента раннесредневековой осады:

- засыпка рва и создание перед стеной ровной площадки;
- размещение на ней как можно ближе к стене средств (осадной башни) для подавления защитников, находящихся на участке, намеченном к штурму;
- выдвигание к стене по этой площадке укрытия для команды саперов/поджигателей.

Этапы штурма укреплений у славян VII в. хорошо освещены письменными источниками — это «Пасхальная Хроника», сохранившая рассказ о славяно-аварском штурме Константинополя в 626 г. (Свод 1995: 77–79) и «Чудеса Св. Дмитрия Солунского», повествующие о нападениях славян на Фессалонику, почти не уступавшую Константинополю по мощности фортификаций. Описанные в «Чудесах...» штурмы Фессалоники являются основным источником по славянскому осадному делу. Помимо обычных штурмовых лестниц, там упоминаются башни (гелеполы), «черепахи» (укрытия для саперной команды), «бараны» (окованные металлом тараны, поставленные на колеса), камнеметы. Подробное описание последних приводится в «Чудесах...»:

«Они были четырехугольными, широкими в основании и суживающимися к верхушке, на которой имелись очень массивные цилиндры, окованные по краям железом, к которым были пригвождены бревна, подобные балкам большого дома, имевшие подвешенные сзади пращи, а спереди прочные канаты, с помощью которых, натянув их разом по сигналу книзу, запускали пращи. Взлетающие вверх [пращи] непрерывно посылали огромные камни» (Свод 1995: 119).

При осаде Фессалоники в 586 г. славянами было построено более 50 подобных машин (Свод 1995: 121). Не менее красочно описание постройки осадной башни в новелле о славянском мастере:

«Был среди них один из этого народа славян, умевший достойно держать себя, дельный и разумный,

а также, благодаря его большому опыту, сведущий в сооружении и устройстве боевых машин. Он просил самого князя дать ему разрешение и помощь, чтобы соорудить эту великолепную башню из крепко соединенных бревен, поставить ее, искусно укрепив, на колеса или какие-нибудь катки. Он хотел покрыть ее свежесодранными шкурами, установив сверху камнеметы. <...> Она была бы в три этажа, чтобы в ней помещались лучники и пращники. <...> Когда архонты славян, удивленные описанием странного сооружения, о котором рассказано, отнеслись с недоверием к его словам, они повелели изобразить на земле устройство указанной машины. <...> Убедившись наконец в том, какой ужас она должны вызывать, они охотно дали много юношей: одних рубить лес для основы, других, опытных и сильных, для его отделки, третьих, искусно обрабатывающих железо, дляковки, четвертых в качестве воинов и мастеров по изготовлению метательного оружия. И было огромное стечение помогающих» (Свод 1995: 163).

Надо полагать, что метательная артиллерия не была в широком ходу у лесных варваров, поскольку в их культуре отсутствовали предпосылки для поддержания этой традиции. А вот осадные башни вполне могли находить применение и при штурме городищ, т. е. использоваться и в варварском мире. Самым же распространенным в этом мире из всех технических средств, несомненно, являлся древнейший — «черепахи» — передвижные каркасные конструкции. Недаром в византийских военных сочинениях, посвященных, в частности, обороне городов, основное внимание уделяется именно борьбе с последствиями применения «черепак» (Стратегикон Маврикия 2004: 178; О стратегии 2007: 75–81).

В одном ряду с описаниями осад Фессалоники стоит свидетельство Павла Диакона об участии славян в войске лангобардского короля Агилульфа в штурмах сильных крепостей Кремоны и Мантуи в 603 г., причем стены последней были разрушены таранами (Свод 1995: 485). Известен и более поздний случай осады и попыток штурма хорошо укрепленного византийского города славянами. В 807 г. они в союзе с сарацинами осадили Патры на Пелопоннесе. Константин Багрянородный сообщает не только об осаде, но и о «непрерывном нападении на жителей крепости» (DAI. 49. 4–9, 39–45; Константин Багрянородный 1991: 217–219). Поражение славян в сражении у ее стен стало важным этапом на пути их подчинения и последующей ассимиляции (Vlasto 1970: 10).

Обычно, исследователи видят два пути развития осадного дела у славян: заимствование у аваров или византийцев. Действительно, большинство славянских осадных орудий, было хорошо знакомо ромеям. Что касается аваров, неясно, владели ли они осадными технологиями. Учитывая их неспособность к на-

ведению переправ и судостроению (к этому привлекались славянские мастера), осадное мастерство аваров сомнительно. Следует, возможно, говорить о прямом заимствовании военных технологий у ромеев как аварями, так и славянами. Еще один возможный путь заимствования — опосредованно через славяно-германские военные контакты. Прокопий, описывающий штурм Рима готским войском в 536 г., упоминает основные вышперечисленные сооружения: мобильные осадные башни; «черепахи», обтянутые кожей с установленными в них таранами; фашины для заполнения рва (Procopius. De Bello Gothico. I. 21; Прокопий Кесарийский 1996: 86–87).

В византийских источниках речь идет не о трофейном вооружении, а о *создании* славянами осадных орудий (впрочем, возить их за войском в собранном виде было технически невозможно). История военного дела показывает, что при резком различии в уровне экономического и политического развития взаимодействующих обществ, заимствования распространяются большей частью на *практику владения продуктами* военных технологий, но значительно реже — на сами технологии. Иными словами, для того, чтобы заимствовать у греков или германцев осадные технологии славянское общество должно было быть подготовлено к этому как с технической, так и с логической точки зрения. Л. И. Р. Петерсен в главе «Appropriation of military infrastructure and knowledge» своего капитального труда отмечает, что славянам понадобилось два или три поколения, чтобы заимствовать византийские военные технологии (Petersen 2013: 391). Очевидно, это связано с неким скачком в социально-политическом развитии славянского общества, в первую очередь — с резкой (за два поколения) централизацией власти. Это обстоятельство следует запомнить — к нему мы обратимся позже при анализе восточнославянской фортификации.

Судостроение. С ним связан ряд ключевых эпизодов древнерусской истории IX–XI вв., довольно загадочных с технической точки зрения. Удивляет регулярное использование *росами* для походов в Константинополь моноксил-однодревок, изготовленных в лесных областях Поднепровья или даже Приильменья (если отождествлять «Немогард» Константина Багрянородного с Новгородом, что, впрочем, сомнительно). Действительно ли это однодревки, или же мы имеем дело с обобщенным названием варварского корабля? Откуда у жителей этих областей ремесленные навыки в изготовлении морских судов? Ежегодные весенние поставки морских моноксил *росам* требовали наличия у кривичей, лендзян и прочих славиний, — групп людей, специализировавшихся в этой области.

Давно замечено, что отсутствие морской (географической, судостроительной, промысловой, торговой) терминологии в праславянском языке помеща-

ет его носителей вдали от морских берегов (Shenker 1995: 4; Pronk-Tiethoff 2013: 60, 61). Тем не менее, южные славяне, впервые вышедшие к морю в эпоху балканских набегов, быстро освоили чуждую стихию и начали совершать морские набеги на прибрежные области Империи, а также затруднять каботажное плавание во Фракии и Далмации. Первые свидетельства о славянском морском разбое, как говорилось выше, датируются 576 г. Феодор Синкелл в проповеди, относящейся к 627 г., сообщает, что «славяне приобрели большой навык в отважном плавании по морю с тех пор, как они начали принимать участие в нападениях на ромейскую державу» (Свод 1995: 85). В 642 г. Павел Диакон упоминает высадку славян в Италии. В 814 г. Амаларий, епископ Трирский, отправляясь в Константинополь, опасался «свирепых славян» не менее, чем арабов, уже первенствовавших в ремесле морского разбоя в Восточном Средиземноморье (Amalarii episcopi Trevirensis 1881: 428; цит. по: Ронин 1986: 51).

Однако высокоразвитые традиции средиземноморского кораблестроения были для них чуждыми. Славяне принесли в Средиземноморье архаичный речной тип судов лесной зоны⁷⁵. Их корабли назывались греками «моноксилами» (однодревками). Из контекста византийских источников не следует, что это были лишь выдолбленные бревна — морское судоходство (даже каботажное) на них едва ли возможно. Моноксилы строились на основе особым образом «разведенного» древесного ствола, имели, видимо, нашивные борта, но были лишены киля и поэтому неустойчивы и сложны в управлении, в сравнении с килевыми судами германцев и греков. Последние обстоятельства послужили, видимо, причиной гибели славянского флота во время одной из осад Фессалоники в первой четверти VII в. (Свод 1995: 131). В некоторых случаях, как сообщают «Чудеса св. Дмитрия Солунского», моноксилы укреплялись досками и сырыми кожами для защиты от стрел и камней, бросаемых из камнеметов. Следует отметить и значительные размеры моноксил, с помощью которых перевозились войска, в том числе и конница. Имеются не вполне ясные свидетельства об использовании славянами «соединенных» кораблей, что О. В. Иванова предлагает трактовать как несколько (вероятно, пару) судов, связанных между собой для устойчивости (Свод 1995: 200). Подобный прием применялся в Средневековье как византийцами, так и германцами, он известен по скандинавским сагам. Скорее всего, у византийцев славяне позаимствовали парус, ненужный на речном судне.

⁷⁵ Данный факт породил у ряда исследователей скепсис относительно возможности славянского флота в морских предпрятиях (Мюссе 2001: 189).

Были ли все задействованные славянами в Черном или Средиземном море военные корабли VI–X вв. однодревками — такими, как мы представляем их по многочисленным находкам в разных краях Европы (см., например: Kastholm 2016; Мазурик 2016; Мазурик, Хомич 2016)? Мнения существуют разные, например, М. М. Казанский убежден именно в этом (Казанский 2016: 143). Более основательна позиция Л. Хавликовой, указавшей, что греческое наименование в источниках VII–IX вв. следует воспринимать как собирательное название славянского корабля, нежели как технический термин (Havlíková 1991: 103).

Тактика межплеменных столкновений мало изучена. Судя по этнографическим параллелям, размерам городищ, системе расселения, характеру оружия, преобладали стычки и рейды небольших отрядов молодежи, характерные для войн примитивных племен (Barford 2001: 140, 141). Засады в зарослях и ущельях являлись излюбленным военным приемом у славян. Приверженность их к использованию лесов для военных походов и засад отмечает и автор XI в. Адам Бременский (Adam Bremensis, Gesta. III. 26 (25); Ляскоронский 1883: 20; Немецкие анналы: 387). Маврикий сообщает, что они не знают боевого порядка (Strategikon. 347. 51–53; Свод 1994: 371). Однако описания штурмов Солуни заставляют в этом усомниться. Они рисуют довольно сложную структуру славянского войска:

«Когда же рассвело, все варварское [племя] поднялось и единодушно издало такой вопль, что земля сотряслась и стены зашатались. И сразу же к стене подошли рядами вместе с приготовленными ими осадными орудиями, машинами и огнем — одни по всему побережью на соединенных [кораблях], другие на суше — вооруженные лучники, щитоносцы, легковооруженные [части], копьеметатели, пращники, манганарии, храбрейшие с лестницами и огнем устремились на стену» (Свод 1995: 160, 161).

Дифференциация по видам оружия и воинскому мастерству (лучники, щитоносцы, пращники, легковооруженные, «храбрейшие» и т. д.) убеждает, что уже к началу VII в. славяне практиковали упорядоченные боевые построения, что в сочетании с многочисленностью свидетельствуют о высокой организации военных экспедиций. Участие женщин-славянок в боевых действиях на Балканах (Свод 1995: 227) можно (если это не миф) расценивать как свидетельства переселений «с родами», что только усложняет ведение боевых действий. В балканских войнах славянам приходилось осуществлять боевое взаимодействие с аварской конницей. В. К. Ронин переводит «Хронику Фредегара» так:

«Виниды уже издавна были “бефульками” гуннов, ибо, когда гунны шли в поход против какого-либо народа, гунны, собрав свое войско, стояли перед лагерем, виниды же сражались. Если они оказывались в состоянии победить, тогда гунны подходили, чтобы захватить добычу. Если же винидов одолевали, то, поддержанные гуннами, они вновь обретали силы. “Бефульками” потому называли их гунны, что они шли впереди гуннов, образуя в сражении двойную боевую линию» (Fred., IV. 48; Свод 1995: 367).

Н. П. Грацианский, трактовал в этом известии роль славян как копьеметальщиков и лучников, шедших впереди тяжеловооруженных аварских отрядов (Грацианский 1943). Несколько иначе сюжет переводит Г. А. Шмидт:

«Виниды были “бефульками” гуннов уже с давних пор, так что всякий раз, когда гунны отправлялись войском против какого-нибудь народа, гунны стояли около лагеря, выстроившись в боевой порядок, виниды же сражались. Если им удавалось одержать победу, гунны устремлялись вперед, если же виниды были теснимы, то, укрепленные в силах помощью гуннов, они снова принимались сражаться. Поэтому они и были прозваны гуннами “бефульки”, ибо в битве, дважды строя свои боевые порядки, они шли в бой впереди гуннов» (Fred., IV. 48; Хроники Фредегара 2015: 212).

Надо сказать, ясности ни альтернативный перевод, ни его комментарий (Хроники Фредегара 2015: 368, 369) не прибавляют. Понятно лишь, что славяне выстраивались как-то отдельно от аваров. Вступая в бой, славяне испускали дружный крик, направленный, по свидетельству Маврикия, на устрашение неприятеля (Strategikon. 374. 53–55; Свод 1994: 371; Свод 1995: 113, 159). Перед боем вожди прибегали к гаданиям, пытаясь предугадать исход сражения (Свод 1995: 133).

Стратегия. Без постановки вопроса о военно-колониционной стратегии славян невозможны исторические обобщения и сравнения. Представления о понятии *стратегия* в политической аналитике весьма разнообразны. Я не придерживаюсь ни той точки зрения, что стратегия начинается с преобладания в поведении так называемых непрямых действий, ни той, что она неотделима от бюрократического планирования. Представляется, что о стратегии можно говорить везде, где имеет место масштабная и динамичная конфронтация. Масштабность определяется вовлеченностью десятков и сотен тысяч людей. Динамичность — участием этих масс в боевых действиях на суше и воде с походами на сотни километров. Причем боевыми действиями признаются не только столкновения военных отрядов, но, *главным образом*, создание условий, в которых конкурент

не может эффективно использовать региональные ресурсы. Помимо физического вытеснения и уничтожения конкурентов с прямым силовым захватом ресурсов, это может быть подрыв ресурсов, напрямую не востребованных обществом-агрессором, например, блокада центров торговли, коммуникаций и земельных угодий конкурентов, нанесение урона инфраструктурам различных типов, уничтожение урожаев и т. п.

Как уже говорилось, византийцы оценивали военное дело славян как примитивное. На этом фоне непонятно, однако, ни внимание, уделяемое этому противнику в таком сочинении, как Стратегикон, ни сами успехи славян, за четыре поколения захвативших огромные территории в пределах такого сложного политического организма, как Византийская империя. Ответ, который дается обычно, — славяне были исключительно многочисленны (Люттвак 2010: 423). Подтвердить или опровергнуть это утверждение вряд ли возможно, с учетом слабой изученности раннеславянских древностей на Балканах. Допустим, успех колониционного движения славян на Балканах, следует объяснять их многочисленностью. Но чем выше мы оцениваем эту численность, тем более очевиден факт, что за миграциями стояли высокая социальная организация, определенная стратегия и логистика.

Действительно, можно представить неупорядоченное движение отдельных групп бродяг или небольших профессиональных дружин, но хаотическое перемещение тысяч людей не может кончиться ничем кроме гуманитарной катастрофы (хотя бы от голода и эпидемий). Перемещение славянского населения на сотни километров не могло не быть определенным образом организовано. Эта организация — суть стратегия, которая нас интересует. Письменные источники позволяют отметить следующие ее элементы:

- переселению предшествуют систематические набеги, лишаящие стабильности социально-экономическое развитие хозяйства конкурирующих сообществ;
- за набегами следуют масштабные вторжения больших масс населения;
- в отношении к противнику преобладают изгнание и геноцид. Использование человеческих ресурсов сообществ-конкурентов ограничено. Пленные берутся только для выкупа;
- захваты городов редки. Это связано не с организационной невозможностью предприятия, а с тем, что городская экономика и образ жизни чужды славянам;
- преобладающим способом подавления конкурентов являлась блокада коммуникаций и опустошение земледельческих угодий;

• захват последних является основной целью военных действий. Упадок городов в области славянской колонизации связан не столько с их прямым военным разрушением, сколько с подрывом их продуктивно-экономической базы в традиционных земледельческих округах и нарушением коммуникаций.

Славяне на Балканах не смогли ни включиться в дальнюю торговлю, ни влиться в существующие городские общины, ни основать хотя бы одно городское поселение. Города с их сложной хозяйственно-политической организацией интересовали славян исключительно как объект грабежа и сбыта простейшей сельскохозяйственной продукции. Как точно охарактеризовал славянскую колонизацию В. Поль: «even if they came as warriors, they settled as peasants» (Pohl 2005: 263). Такая невосприимчивость к основам византийской цивилизации, между прочим, противоречит идее Ф. Курты о формировании славянской идентичности «в тени юстиниановых крепостей», завоевавшей большую популярность в европейской науке. Фундамент хозяйства славян составляли пашенное земледелие и оседлое скотоводство. Максимальный совокупный эффект они давали только в определенных ландшафтных условиях — в увлажненных приречных и озерных регионах. Там можно было накопить человеческие и материальные ресурсы для достижения военного и политического успеха, обеспечить независимость и создать предпосылки для экспансии в урожайные годы. Истоцив захваченные на Балканском полуострове богатства, большие группы славян вынуждены были дробиться на отдельные коллективы, занимавшие более или менее привычные экологические ниши, небольшие и немногочисленные в условиях балканского Средневековья. Самым крупным микрорегионом на Балканах, позволявшим сконцентрировать население с вышеописанным ХКТ, была Македония (Липшиц 1952; Наследова 1956). Именно здесь в VII–IX вв. славяне достигли, судя по письменным источникам, наибольшей степени политического и военного развития.

*Ни торговые коммуникации (в частности, перехваченная славянами в Македонии знаменитая *via Egnatia*), ни господство более развитых в политическом отношении иноэтничных элит — будь то кочевая (аварская), германская (франкская) или позднеримская (византийская) — сами по себе не предоставили в VI–IX вв. устойчивых возможностей для славянского политогенеза. Главным его условием являлась возможность концентрации населения. Это могло быть обеспечено только в ландшафтах, удобных для ранних форм земледелия и пастушеского скотоводства. Имперская администрация, видимо, осознавала это обстоятельство, чем объясняются периодические депортации славянского населения в Малую Азию.*

2.5. Военно-политические катаклизмы на Дунае и поиски причин миграции в лесную зону Восточной Европы

Центральным эпизодом недатированной части ПВЛ является предание о обидах, чинимых славянам на Дунае, и о последовавшем их расселении (ПВЛ 1996: 8). С Дунаем связывается деятельность полянского князя Кия, «ходившего» к Константинополю (ПВЛ 1996: 9, 10). Исследователи видят отголосок этого эпического сюжета, бытовавшего, вероятно, в дружинной среде, в заносчивом послании византийскому императору князя Святослава из сочинения Льва Диакона:

«Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию» (Лев Диакон 1988: 56).

Впрочем, необразованные киевляне, как известно, видели в Кие перевозчика никак не связанного с Подунавьем. Вычленению в летописном рассказе о расселении славян исторического элемента, хронологии событий и идентификации «волхов» посвящена обширная литература (см.: Корольюк 1985; Петрухин, Раевский 2004: 176, 177). Лингвистические исследования, причисляют праславянское слово *волх* к германизмам (Pronk-Tiethoff 2013: 98, 99). В. О. Ключевский предлагал видеть в описываемых событиях поход императора Траяна на даков (начало II в. н. э.) (Ключевский 1923: 121, 122). В последующей историографии «волохи» предстают в нескольких ипостасях: авары и болгары, осевшие в Подунавье соответственно в 560-е и 680-е гг. (Ляпушкин 1968; Григорьев 2000); франки в начале IX в. (Шахматов 1919: 25; 1940: 84; Свердлов 1993: 19; Петрухин 1996: 372, 373; 2000; Горский 2018: 15); византийцы и романизированное население Балканского полуострова, активизировавшееся по мере упадка Аварского каганата (Мачинский 1981а, 1982; Седов 1999: 202). Некоторые исследователи полагают, что едва ли не все эти потрясения раз за разом выплескивали к северо-западу от Подунавья волны переселенцев (Седов 2000: 117; 2002: 534; Щеглова 2009: 61; Казанский 2014: 75; Бяліцкая 2020: 51)⁷⁶.

Волохи, конечно, не связаны в представлении летописца с аварами, хотя аварский этнический элемент отчасти влился в эту общность после разгрома каганата. Описывая мадьярское нашествие, ПВЛ говорит, что волохи на рубеже IX–X вв. продолжали проживать в Подунавье на захваченных у славян землях. Этот образ не соответствует тому положению, которое занимали в указанное время утратившие влияние остатки аваров, для которых у автора ПВЛ

⁷⁶ Образ «колонизационных волн» одним из первых использовал А. А. Шахматов (1915: 319).

было свое имя — обры. Во времена начального русского летописания влахами в Византии называли преимущественно пастушеское население Балкан, отличавшееся по языку и хозяйственным занятиям от славян, ими несколько потесненное, но продолжавшее с ними соседствовать и смешиваться (Литаврин 1956: 127). Таким образом, описание в ПВЛ антагонизма волохов и славян в Подунавье по трактовке близко междоусобице, последовавшей за изгнанием варягов, когда лишенные центральной власти народы встали друг на друга.

Крупные передвижения племен в направлении на север от Дуная в VI–IX вв. были, судя по историческим данным, редкостью. Конечно, события, происходившие за пределами Империи (фактические границы которой в VII–VIII вв. существенно отодвинулись к югу от Дуная), не всегда фиксировались византийскими авторами. Источники упоминают всего один такой эпизод — уход в 512 г. на север, в Ютландию, вытесненных лангобардами герулов, но их маршрут оказался подробно описан Прокопием, хотя области, например, данов, через которые герулы проследовали, лежали вне сферы непосредственных геополитических интересов Византии (Свод 1994: 177). Империя следила за передвижениями варваров на Дунае и не оставляла без внимания масштабные миграции у своих границ, пусть даже не контролируемых.

Что же касается славян, то ни греческие ни западноевропейские сочинения не повествуют об оттоке их на север из Подунавья в VI–IX вв. Напротив, при неоднократных крупных военных потрясениях на Дунае славяне определенно стремятся на юг и юго-запад, во внутренние области Византии, порой несмотря на сомнительную будущность (как, например, славянские эмигранты в Вифинии). Так происходит в конце 570-х — начале 580-х гг. в связи с аварской опасностью на Нижнем и Среднем Дунае, когда славяне катятся к Фракии. Полвека спустя византийские источники (правда, относящиеся к X в.) отмечают еще одну миграционную волну, направленную с севера на юг. В годы правления Ираклия (610–641) просят позволения поселиться на подконтрольных Византии землях хорваты и сербы (DAI. 31, 32; Константин Багрянородный 1991: 135–149). Ф. Дворник считает, что хорваты продвинулись в Далмацию из области Западной Галиции и верховьев Вислы, причем увлекли за собой и соседние славянские племена (Dvornik 1956: 62, 63). Наконец, в 761–763 гг. из-за междоусобицы в Великой Болгарии множество славян вновь устремляется на юг, на этот раз в Вифинию.

Идея о том, что славянские этнические группировки в Центральной Европе и на Балканах (со своими именами, идентичностью и социальной иерархией) сформировались в военно-политическом противосто-

янии, — достаточно очевидное и широко распространенное наблюдение (Петрухин, Раевский 2004: 178, 179; Profantova 2012: 261). Основных противников было три: франки, авары и Византия. Убеждение, что в основе этногенетического процесса, как процесса проживания мифа, лежит конфликт и насилие, — собственно первая из главных идей, которые мы выносим из европейского дискурса. В какой степени насилие породило славянские миграции за пределами влияния этих противников, — вопрос, далекий от решения. Предание о приходе восточных славян с Дуная на территорию будущей Руси сложно уверенно сопоставить с какими-то событиями 500–790 гг. Перемещения племен на Дунае вряд ли могли иметь серьезное значение для Верхнего Поднепровья и тем более для областей к северу от Днепра, а «Дунайскую легенду» русской летописи следует относить более к области мифологии и эпоса. Однако, вовсе отрицать возможности небольших перемещений, например, групп ремесленников с семьями, не стоит, — они как будто археологически фиксируются в Среднем Поднепровье (Щеглова 1991: 48, 49; Приходнюк 1996, 2005; Комар 2007: 48), на Левобережье Днепра, в бассейне Припяти (Бяліцкая 2020: 51, мал. 1) и к северу от него в Белоруссии (Казанский 2020: рис. 1). Здесь развернута аргументация выдвинута серией работ О. А. Щегловой, обработавшей корпус находок, связанных с производством украшений из свинцово-оловянистого сплава, который занимает практически всю территорию славян в Раннем Средневековье (Щеглова 2009: рис. 1). Традиция указывает на определенное единство ювелирного дела всего раннеславянского мира. Однако массовые «волны дунайской колонизации» пока не прослеживаются.

Кроме волохов обидчиками славян на Дунае выступают обры (авары), болгары и угры. Могли ли эти конфликты привести к крупномасштабным миграциям? Славяно-аварские отношения имели положительные стороны (Pohl 2018: 143). Кроме того, после 626 г. звезда аваров начинает клониться к закату, а со второй половины VII в. они едва ли были в состоянии решительно осложнить жизнь каких-то крупных группировок славян в Подунавье. Как обстояли дела с Болгарским государством? В ПВЛ рассказ о насилиях болгар, «пришедших от хазар», над славянами помещен отдельно и не связан с мотивами дунайской миграции (ПВЛ 1996: 10). Других данных о масштабных притеснениях славян со стороны болгар нет в распоряжении историков.

В раннесредневековой истории Подунавья VI — начала IX в. есть только одна геополитическая катастрофа европейского масштаба — это восьмилетняя франко-аварская война и последовавшее за ней крушение Аварского каганата (790–805). Катастрофа была столь грандиозна, что даже спустя триста лет жива

была славянская поговорка «погибоша аки обрѣ». Если говорить о «дунайских импульсах» в славянской колонизации Восточной Европы, то в первую очередь нужно обращаться к этой эпохе. Франко-аварское противостояние восходит еще, вероятно, к первой четверти VII в., когда в сведениях Фредегара о «государстве Само» фиксируется факт участия франков в славяно-аварских войнах. Во второй половине VIII в., судя по франкским хроникам, славянские племена от Среднего Подунавья до Средней Эльбы, оказавшись между каганатом и франкским королевством, принуждены были принимать ту или иную сторону в столкновении двух держав. Какие-то из славянских группировок при этом в перспективе должны были крупно проиграть. В 766 г. франки побеждают славян в некоем Вейдахабурге (Ламберт Херсфельдский 2013: 23). В 789 г. Карл подчиняет вильцев, опустошив их край и построив на Эльбе укрепленный мост (Эккехард 2018: 344). На следующий год какие-то славяне участвовали уже в походе Карла Великого против аваров (Свод 1995: 452). В 799 г. вильцы и ободриты снова восстают против франков, и требуется отправка войска на Эльбу для их умиротворения. В этом же году в сражении с аварами гибнет префект Баварии (Ekkehardi Uraugiensis chronica. A. D.; Эккехард 2018: 347). Согласованность событий 799 г. наводит на мысль о возможности какой-то славяно-аварской коалиции. Как бы там ни было, для умиротворения восточной границы франкского королевства требовалось полное уничтожение каганата как политического ядра, имевшего возможность консолидировать разрозненные славянии. Не случайно последним крупным походом, завершившим серию военных предприятий против каганата, стал в 805 г. поход Карла, сына Карла Великого в Чехию, которая была разорена, а князь Лехо убит (Эккехард 2018: 349).

Известия франкских хроник 790–805 гг. рисуют картину последовательно осуществленного разгрома славяно-аварского мира в Среднем Подунавье и в бассейне Верхней Эльбы. В результате многолетних боевых действий Паннония была опустошена:

«Сколько было проведено в ней сражений, как много было пролито крови, свидетельствует сама Паннония, почти полностью обезлюдившая, и место, где располагалась ставка кагана, настолько опустевшее, что и следа человеческого обитания там не осталось» (Эккехард 2018: 351).

Сокровища аваров пополнили кладовые Аахена и франкских монастырей, проявление тотального разграбления Паннонии археологи видят и в ничтожности дошедших до нас археологических следов драгоценностей кагана и аварской знати (Daim 2017: 415–417). Гибель каганата вызвала движение лояльных франкам разноплеменных групп населения в Панно-

нию (Чуркина 2007: 137). Союзные аварам славяне вынуждены были, вероятно, покинуть свои земли. Какое бы подчиненное положение не занимали они в каганате (хотя идея о славянском языке как государственном *lingua franca*, если она верна, исключает их сугубую дискриминацию), разгром каганата стал для них несомненной гуманитарной катастрофой.

Подтверждением глубокого потрясения славянского мира являются два языковых феномена. Первый — появление у славянских народов германизма *краль, кроль, король*, обозначающего верховного правителя. Это самое позднее и единственное точно датирующееся германское заимствование в праславянском языке (Селищев 1951: 110; ЭССЯ 1984: 82, 89), связывается с именем Карла Великого, возможно, вкуче с именем его сына Карла, воевавшего против моравских славян уже после разгрома каганата. Второй феномен — распространение в IX в. в письменном языке Каролингской империи слова *slave* в значении *раб* (Barford 2001: 167), указывающего на то, что в работорговле ее с Халифатом славяне стали главным живым товаром, что подтверждается и письменными источниками (Constable 1996: 206). Война Карла Великого со славянами на Эльбе шла за небольшие территории, коммуникации и укрепленные пункты (Земляков 2018: 117). Вряд ли она давала франкам такой наплыв пленных, чтобы он мог оставить столь выразительный след в языке. Напротив, крушение аварского государства, ввергшее в хаос огромную территорию в Среднем Подунавье, — вот что должно было предоставить франкам основной источник невольников, не иссякавший на протяжении 15 лет, с 790 по 805 г.

Здесь уместно вспомнить загадочных дулебов, которых ПВЛ упоминает на Буге. Именно их, согласно вышеприведенной летописной легенде, угнетали обры — авары. Разумеется, Буг лежал далеко от сферы влияния каганата, и дулебы, возможно, являются одной из групп, продвинувшихся на северо-восток с Дуная, после 790 г. В контексте коллапса аварской державы представляется бессмысленным и спор о летописных племенах — притеснителях славян. В обстановке геополитической катастрофы, сопровождавшей крушение Аварского каганата, несомненно, вспыхивало множество локальных конфликтов *omnium contra omnes*. Распространение некоторых типов гончарной керамики в Поднепровье, в культуре Луки Райковецкой, связывается с дунайскими прототипами и может быть сопоставлен с этим оттоком славян на северо-восток (Barford 2001: 96, 97).

Конечно, происхождение «дунайского мифа» — более всего вопрос текстологии русских источников. Установлено, что при написании недатированной части ПВЛ автор использовал произведения, созданные в Великой Моравии (Шахматов 1940: 80–84; Свердлов 1993: 20–24). В то же время налицо в летописи

и следы киевских преданий о Дунае. Сложно определить, связана ли их популярность в русском фольклоре и гидронимии (Мачинский 1981; Харьковская 2018: 410–415) с информационной проницаемостью восточнославянского мира, или с перемещениями людей, некогда живших на берегах этой реки. Но совсем без участия носителей *мифической* традиции она бы не прижилась. Логично предположение о наличии на Руси помимо произведений, созданных великоморавскими книжниками и, возможно, самих книжников, еще какой-то влиятельной социальной группы, связанной с Великой Моравией.

Как и крушение Аварского каганата, гибель Великоморавского государства в начале X в. имела крупные последствия для всего славянского мира, будучи несомненной гуманитарной катастрофой в Подунавье. Отток населения оттуда отражен письменными источниками. В это время вдоль пути из варяг в греки фиксируются культурные элементы, связанные с Моравией, — некоторые традиции в гончарном производстве и ювелирном ремесле (Рябцева 2010: 283), возможно, ножи с волютами (Пушкина 2018: 190). Особенно заметно распространение серег «нитранского типа» — они встречены в Киевском Поднепровье, Минске, Гнёздове, Усвяте, на Рюриковом Городище (Максимов, Петрашенко 1988: 90, рис. 11: 6; 1994: мал. 9; Баран, Максимов, Магомедов и др. 1990: 229, рис. 66: 68; Заяц 1994: мал. 2: 4; Пушкина, Мурашова, Ениосова 2012: 257, 258, рис. 15: 9–11; Еремеев 2015: 455, 456, рис. 146: 2, рис. 428: 6; Носов, Плохов, Хвощинская 2017: ил. 18: 16). К великоморавским прототипам, вероятно, относятся известные на тех же памятниках ромбовидные подвески на цепочках (сравн. Poulik 1948: Obr. 13).

Могли ли представители христианизированного моравского общества в первой половине X в. найти место в низовой языческой восточнославянской стихии? Вряд ли земледельческое христианизированное население массово устремилось в языческие лесные области Верхнего Поднепровья. Надо полагать, такую возможность имели привилегированные сословия — ремесленники, воины, купцы, а также представители аристократии. Небольшое количество христиан могло осесть в городах и при дворе киевских князей, где первые обращенные в новую веру появились еще при константинопольском патриархе Фотии. Идея о том, что именно с моравскими беженцами на Русь проникло предание о первенстве дунайских славян в общеславянском мире, давно фигурирует в исторической литературе и является здоровой. Сама концепция этого «мира», обнимающего неоглядные пространства, могла зародиться в первую очередь у людей, изгнанных с родины.

В воззрениях А. А. Шахматова представления о вхождении сюжета о расселении славян в состав некоего великоморавского документа X в. (т. е. о книж-

ном происхождении рассказа) сочетались с убежденностью в реальном расселении славян вплоть до бассейна Западной Двины в результате разгрома Карлом Великим Аварского каганата (Шахматов 1919: 37). Это сочетание концепций весьма продуктивно, и парадоксально только на первый взгляд. В этой работе я буду исходить из положения, что «дунайский» переселенческий миф родился на Руси около середины X в. из двух составляющих: мифопоэтических произведений моравских переселенцев начала X в. и их потомков, обитавших, в основном в городской среде, и привнесенной на Русь значительно позже церковной книжной традиции. К интересующим нас проблемам археологии военно-аграрной славянской колонизации, таким образом, «дунайский миф» прямого отношения не имеет. Тем не менее, крушение Аварского каганата имело огромные последствия для всего славянского мира, и отрицать возможность дунайских импульсов в Восточной Европе в 790–805 гг. не следует. Ниже мы подробно рассмотрим вероятность связи между некоторыми восточноевропейскими и дунайскими традициями, в первую очередь в области фортификации.

2.6. Восточно-Балтийская историко-этнографическая область: славянский «клин» к северу от Днепра

A language has traditionally become an international language for one chief reason: the power of its people – especially their political and military power.

David Crystal.

*English as a global language*⁷⁷

Identity can only develop when there are others to which differences are emphasized. One needs the mirror to recognize one's individuality. Analytically, this attribute of the other is called alterity. Only on this basis a group can develop an idea of its characteristics, which in turn will give the group strength and duration.

Sebastian Brather.

*The Archaeology of Identities and Alterities*⁷⁸

Все эти вопросы до крайности осложняются вопросом о том значении, какое следует приписывать летописной этнографической карте восточного славянства.

А. Е. Пресняков⁷⁹

Славянский Северо-Запад России в описании летописца подобен гигантскому опрокинутому на юг параболическому зеркалу, поверхность которого

⁷⁷ Crystal 2003: 9.

⁷⁸ Brather 2017: 12.

⁷⁹ Пресняков 1993: 274.

образовывала граница лесного литовского и финно-угорского мира. Географическая четкость этнографического введения ПВЛ наводит на мысль, что летописцу было не чуждо картографическое мышление, естественное для современного человека, но редкое для Средневековья. Возможны ли элементы такого мышления в Древней Руси?

Ответ гласит — возможны. Эйнхард, как известно, сообщает об изображениях Константинополя, Рима и о некоей карте мира «в виде трех кругов», принадлежавших Карлу Великому (Einhard, Vita Karoli. 33; Эйнхард 2005: 129). Чертеж Константинополя имел, вероятно, византийское происхождение (Каждан, Литаврин 1998: 137). Первые картографические произведения, которые могли бы быть описаны в духе ПВЛ, известны в Западной Европе уже в конце X в. (например, Жиронская карта, датированная 975 г.). Речь идет о серии вселенских карт, иллюстрирующих различные списки «Комментария к Апокалипсису» (Commentarius in Apocalypsin) Беата Лиебанского — так называемых «Беатовых карт» (Miller 1895; Чекин 1999: 158–167). Анна Комнина в «Алексиаде» упоминает карту побережья Адриатического моря с гаванями, посланную в 1108 г. византийским императором Алексеем I Комнином (1081–1118) своему полководцу Контостефану как иллюстрацию к боевому приказу (Annae Comnenae, Alexias 13. 7; Анна Комнина 1996: 356). К началу XII в. образ пространства, структурированного речной сетью и морским побережьем, спроецированного на плоскость и сориентированного по сторонам света, давно укоренился в западноевропейской и византийской книжной учености. Неизвестно, видел ли автор ПВЛ такие карты, но то, что подобное восприятие пространства было доступно человеку его круга (т. е. знакомому с византийской книжной культурой), несомненно. А значит, нельзя отрицать и то, что граница славянского мира могла представляться ему так же, как и нам, — в виде обращенного вершиной на север полукружия.

ПВЛ, в основе которой лежат источники новгородского и киевского происхождения, указывает на то, что во второй половине XI — начале XII в. социальная элита Киева и Новгорода осознавала себя частью некоего единства. Существует очень старое мнение, что это книжный конструкт, понимание которого только этому узкому слою элиты (едва ли не одному летописцу) и было доступно. Дискуссия на эту тему возобновляется волнообразно в зависимости от обострения ее общественной актуальности (анализ историкографической ситуации на разных этапах: Корольюк 1968; Алимов 2018). Упомянутое мнение, однако, игнорирует мобильность человека

Средневековья⁸⁰. Конечно, новгородец недолюбливал, например, полочанина и пользовался в этом взаимностью, что хорошо известно по летописям. Но нельзя отрицать и другого. В IX–XI вв. любой обитатель приильменского городища или позднее — Новгорода, мог оседлать коня и проехать на день пути к северо-западу от своего дома. К вечеру или на следующий день он встретил бы людей, говоривших на непонятном языке. Ему пришлось бы приложить усилия, добывая еду и корм для коня, и он ни при каких условиях не мог бы выдать себя за «своего», затеряться среди местного населения, тем самым почувствовав себя в безопасности. Развернув коня на юго-запад, этот человек мог ехать несколько месяцев, встречая людей, говоривших на понятном ему языке или его диалектах. Несомненно, знание языка сглаживало трудности пути. Могло ли все это послужить основой для сознания групповой идентичности у людей, задействованных в торговле, военном деле, разного рода промыслах, вроде продажи моноксил киевским *росам*?

В представлении летописца именно язык лежит в основе славянской оппозиции «чужой — свой». Ни политическое подданство (обязанность выставлять войско в походах), ни экономические связи (дань), ни даже вероисповедание (большинство восточноевропейских инородцев в конце XI в. еще не крещено) не ограничивает неславянское население от славян. Последние могут быть язычниками, ожесточенно сопротивляться княжеской власти, не участвовать в военных коалициях, оставаясь «своими». Язык, связанный с мышлением и мировоззрением, как известно, определяет культуру и поведение человека даже в современном урбанистическом обществе — этим феноменом занимается социолингвистика (Вахтин, Головкин 2004). Хороша формулировка Н. Д. Овсяннико-Куликовского:

«Одно и то же содержание мысли различными языками выражается различно. Истина для всего человечества — одна, но пути, к ней ведущие, у разных народов различны. Этими путями и являются языки с воплощенной в них национальной психологией умственных процессов» (Овсяннико-Куликовский 1922: 23).

⁸⁰ Характерно высказывание на этот счет Ф. П. Филина: «Самые потребности регулярного общения между отдельными группами в общеславянском масштабе резко упали, да и осуществлять это общение практически стало невозможно [после расселения VI–VII вв. — И. Е.]. Балканские славяне оказались отрезанными от славян восточноевропейских» (Филин 2010: 225). Похожа и позиция П. М. Барфорда: «One may suspect that most Early Slavs probably lived in almost total ignorance of more than their own local community and its immediate links» (Barford 2001: 287).

В современном мире этнические, языковые и политические границы, как правило, не совпадают. Могли ли в X–XI в. в пределах лесного славянского ареала оставаться анклавы финского или балтского по культуре и происхождению (в нескольких поколениях) населения, существовавшие в условиях двуязычия или даже полностью перешедшие на славянский язык? Такой взгляд на население Приильменя встречается в научной литературе (Паранин 1990: 17, 18, 151; Ligi 1993: 37; 1994). На близких позициях стоят и сторонники гипотезы формирования Северорусского государства на скандинавско-финской этнической основе с ее последующей (не ранее X–XI вв.) славянизацией (Кальмер 1999: 156; Callmer 2000; Франклин, Шепард 2000: 16; Duczko 2004: 12, 13; Mägi 2016).

В архаических аграрных обществах лесной полосы Восточной Европы едва ли мог получить широкое распространение феномен двуязычия. Для этого в социально-политическом поле множества раздробленных лесных земледельческих микрорегионов отсутствовало необходимое разнообразие социальных ролей. Двуязычным могло быть лишь немногочисленное население в окраинных погостах, торговых центрах и зарождающихся городах. По этой же причине маловероятно распространения славянского языка в массиве финского и балтского населения на фоне его отказа от материнского языка. Иначе нам придется искать основания для такого языкового сдвига не позднее VIII–IX вв. Безусловно, доминирование славян в области политики и экономики в это время уже закладывалось, но вызывает большие сомнения наличие развитой системы инструментов внедрения своего языка в культуру прибалтийских народов в лесах между мерей и латгалами. В наши дни такие инструменты предоставляет глобализирующееся информационное пространство. Что заменило его в Средневековье?

Такую систему инструментов могли предоставить славянскому языку какие-то формы варварской государственности, нуждающиеся в языке коммуникации между правящими и подчиненными группами. Никаких других действенных механизмов внедрения своего языка в инородческую среду, кроме подавляющего культурного, политического (в первую очередь военного) и экономического доминирования, история человечества не знает ни в прошлом, ни в настоящем (Кристал 2001: 24; Crustal 2003: 9; Вахтин, Головкин 2004: 112; Philipson 2008). Впрочем, соблюдение этих условий в древности без значительного демографического перевеса вовсе не гарантировало успеха языка. Например, норманнские завоеватели Англии в XI в., так и не переломили языковую ситуацию в стране, несмотря на военное и политическое доминирование (Кристал 2001: 114). Норманны в Восточной Европе, играя весомую роль в составе политиче-

ской и экономической элиты в X–XI вв. (Константин VII фиксирует здесь двуязычие), но не обладая демографическим преимуществом, в итоге оставили очень скромный след в русском языке XI–XII вв. и топонимической номенклатуре.

Итак, постановка вопроса о славяноязычном (или двуязычном) финском или балтском по своей культуре населении в пределах славянского ареала в эпоху господства языческого родового *мифического* сознания представляется неправомерной. Массивы населения в Восточно-Балтийском регионе, говорящие на славянском языке, могут с нашей точки зрения быть только славянами, даже если они включали в себя потомков населения, иноязычного во втором-третьем или более поколении. Утрата языка в архаическом лесном обществе вела к утрате связей с *мифической картиной мира*, фольклором, ритуалами и, в конечном счете, со всем комплексом элементов традиционной культуры, включая материальные. Для того чтобы население в географических условиях лесной зоны отказалось от своего языка, в его жизни должна была разразиться некая катастрофа.

В период между падением Великой Моравии (начало X в.) и рождением русского летописания (около середины XI в.) произошли грандиозные культурно-политические события. Славянская письменность и переводы Священного Писания, созданные Кириллом и Мефодием в 860–е гг. на языке македонских славян, на протяжении пяти поколений, распространились по Восточной Европе и на противоположном конце ее, на границе тайги, произвели на свет новгородскую письменную культуру. Это было возможно лишь в однородной культурной и языковой среде. Осознание ее единства в каких-то формах должно было иметь общеславянский характер, т. е. в той или иной степени затрагивать все население, говорившее на диалектах праславянского языка (Попович 1985: 27).

Вышесказанное не противоречит племенной разобщенности славянства. Осознание общности, несомненно, имело иерархический характер. Насколько глубока была пропасть в мыслях и чувствах между новгородским или киевским монахом-летописцем, родившимся в XI в., и обитателями какого-нибудь глухого угла «верха Днепра» или «верха Двины», еще не расставшимися окончательно с язычеством? Насколько сознавали свое родство словене с Ильменем и дреговичи с Березины? Чтобы ответить, необходимо понимание их социальной подвижности. Мало сомнений, что сознание языкового единства имело место на уровне населения городов и тянувших к ним погостов — древнейших (известных с середины X в.) центров управления и сбора дани. Обитатели лесных пространств, жившие вдали от иноязычных племен и оживленных коммуникаций, конечно, были далеки от чувства «славянского» родства, представляясь

«тутэйшими» (здешними) — как, например, совсем недавно мыслили себя жители ряда областей Белоруссии или Польши (Шевцов 2005: 20; Титаренко 2009; Правдивец, Расолько 2014). Такая локально-территориальная идентификация, несомненно, преобладала. Древнерусская элита, чьими устами говорит ПВЛ, свое чувство единства выражала через ряд представлений. Вот они.

Представление о единстве имени общности — «словѣне». Сравнительная редкость этой предполагаемой особенности этнонимии служит аргументом для обоснования взгляда на словен в Поднепровье и севернее, как на книжный конструкт (Tolochko 2008: 182; Толочко 2015). Между тем, О. Н. Трубачев указал на то, что особенность не уникальна — самоназвания этнолингвистических групп он считал характерными для южных индоевропейцев (Трубачев 1974: 60). *Словенин* Русской Правды, выступающий субъектом права в начале XI в. (Петров 2017: 44), подтверждает наличие данного представления даже при условии принятия идеи о социальном оттенке имени (возможно сближающем его с *крестьянином* позднейшего времени).

Представление о единстве языка — «словѣнскъ языкъ». Этот термин в значении, близком ПВЛ, как известно, фигурирует еще в Житии Александра Невского, созданном вскоре после его смерти:

«По побѣдѣ же Александровѣ, яко же побѣди короля, в третий год, в зимнее время, поиде на землю немецкую в велицѣ силѣ, да не похвалятся, ркуще: «Укоримъ словенский языкъ ниже себе»» (БЛДР. Т. 5. 1997: 364)⁸¹.

Представление о родовом единстве. Автор-книжник дополнительно опирается на библейскую историю (вводя славян в предание о Вавилонской башне), переиначивая ее на свой лад. Ветхий Завет не знает славян. Но книжная традиция отступает перед эпическими сюжетами. Единство происхождения выражено в архаичных формулировках кровного родства: «сущимъ от рода словѣнска» (ПВЛ 1996: 10).

Отголоски преданий об этом племенном единстве прослеживаются в глубину столетий вплоть до середины X в., когда в составе какого-то западно-мусульманского источника они были использованы ал-Масуди (ум. в 956/957) в его трактате «Промывальни золота и рудники драгоценных камней» (завершен в 947/948 г.). Ал-Масуди перечисляет славянские племена, обитавшие в Центральной Европе по соседству с немцами, упоминая о народе *влинана*, от которого пошли все остальные племена *сакалиба*, и о правителе *влинана* царе *Мадж.ке* (Мишин 2002: 65–67).

Столетием ранее предание о единстве славян отразилось в так называемом Баварском географе

(«*Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii*») — географической записке, созданной в IX в. предположительно в монастыре Райхенау на Боденском озере (о дискуссии по датировке произведения см: Раткош 1985: 83; Херрман 1988: 163; Назаренко 1993: 7–11; 2001: 55–69; 2012: 32; Rossignol 2011: 86) — одним из немногих достоверных источников о восточнославянском мире эпохи каролингов. Записка содержит перечень племен, обитавших между восточной границей Каролингской империи и Хазарией. В перечне имеется следующий комментарий:

Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii	Описание городов и областей к северу от Дуная
Zeriuani. quod tantum est regnum ut ex eo cuncte gentes Sclavorum exorte sint et originem sicut affirmant ducant.	Сериваны — это королевство столь [велико], что из него произошли все славянские народы и ведут, по их словам, [свое] начало (Назаренко 2001: 55).

Речь идет о славянском этнониме, носителей которого следует помещать где-то довольно далеко к востоку от границ Империи, возможно, рядом с бужанами (Херрман 1988: 166; Горский 1997: 274, 277; Назаренко 2001: 68). Однако сериваны как будто дважды упомянуты в перечне: первый раз (в форме *Zuireani*) перед бужанами (*Busani*) и второй раз (собственно *Zeriuani*) — перед загадочными пришшанами (*Prissani*). Не вполне понятно, повтор ли это или же речь идет о двух разных народах? Все это делает локализацию этнонима *Zeriuani* достаточно спорной. Нет единства у исследователей и по поводу локализации *влинана* ал-Масуди (Королюк 1973: 140). Важен, однако, факт встречаемости *мифических* представлений о былом единстве славян в различных письменных традициях.

Надо полагать, в виде легенды о «дунайской прародине» в ПВЛ перед нами элементы какого-то общеславянского первомифа. Разумеется, информаторов Баварского географа и предшественника ал-Масуди трудно заподозрить в построении славянского этногенетического мифа по образцу ветхозаветной истории, как это нередко делается в отношении автора ПВЛ.

Представление о территориальном единстве прародины, из которой произошло первоначальное расселение славян. По мнению летописца, это Дунай: «гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска» (ПВЛ 1996: 8). Здесь важна не столько локализация области первоначального расселения славян (вокруг которой учеными еще будет сломано немало копий), сколько представления о ее существовании. Исходя из библейской истории, славяне должны были иметь «пра-

⁸¹ О датировке Жития: Галко 2003: 194.

родину», и летописец заново конструирует первомиф с помощью «дунайских» эпических преданий.

Представление о едином способе «обретения родины» — через вынужденную миграцию с берегов Дуная: «от тѣхъ словѣнь разидошася по землѣ» (ПВЛ 1996: 8).

Представление о территориальном единстве новой родины, где славяне ныне «первѣи насельници» (от Волхова на севере до Роси на юге и от Вислы на западе до Оки на востоке). Представления о гомогенности новой территории обитания проистекают из порядка перечислений иноязычных народов. Северо-западные и северо-восточные соседи восточных славян поименованы как бы отдельными группами, что указывает на довольно ясные представления автора ПВЛ о границах «языка словѣньска» на северо-западном, северном и восточном пределах его распространения.

Представление о единой системе власти, объединяющей этногеографическое древнерусское пространство. Собственно описанию возникновения этой системы и посвящено раннее русское летописание⁸².

Что разделяет славян? Они делятся на группы с особыми именами. В некоторых случаях ПВЛ сообщает, что имя дано легендарным первопредком (радимичи и вятичи), т. е. является самоназванием. В большинстве случаев с определенностью указать происхождение названия группы сложно. Славяне имеют культурные различия. «Имяху бо обычаи свои и законъ отецъ своих, и преданья, каждо свой нравъ» (ПВЛ 1996: 10). Каждая группа имеет собственную территорию, связанную с частью бассейна крупного водоема — реки или озера. Славяне принадлежат к разным политическим организациям. «Морава», «чеси», «хрватѣ бѣлии и серебѣ и хорутане», «ляхове» и все ветви от них произошедшие, признаются не относящимися к политическому объединению, находящемуся в центре внимания ПВЛ, — к Руси. Внутри нее соперничают интересы общностей, поименованных по своему стольному городу, — полочан, киевлян, новгородцев. Несмотря на то, что все они, вроде бы, соотнесены со старыми племенами, эта связь уже размывается. Летописец колеблется, пытаясь соотнести новгородцев сразу и со словенцами и с варягами.

Словѣне в понимании автора ПВЛ и Жития Александра Невского и будут теми *славянами*, той общностью, о которых пойдет речь в нашей работе. Каким же образом мы сможем соотнести представления людей XI–XIII вв. с нашими собственными? Через точное хронологическое соотнесение археологических древностей Восточной Европы с ПВЛ можно

получить эталон материальной (и отчасти духовной) культуры современников автора летописи. Хорошо изучен язык *словѣнь*, отраженный в памятниках эпиграфики XI–XII вв. (древненовгородский диалект). Единство материальной культуры восточных славян (древнерусской культуры) времени возникновения летописания также очевидно. Причем в территориальном отношении это единство довольно точно совпадает с этногеографической панорамой, очерченной в ПВЛ. Археологические памятники явственно свидетельствуют о миграциях носителей этой культуры в лесной зоне Восточной Европы в общем направлении на север и восток. Таким образом, несомненно, что колонизационное движение составляло одну из характерных и сильнейших черт политического бытия коллектива, носившего самоназвание «словѣне» в XI в. Суммируя все эти данные, исследователи получили довольно полную характеристику материальной культуры *словѣнь* XI–XII в., в первую очередь — обитателей древнего Новгорода и его «области» в летописном понимании этого слова. Задача заключается в том, чтобы проследить истоки славянской составляющей древнерусской культуры в памятниках предшествующего времени — во второй половине I тыс. н. э.

Обычно в таких случаях говорится о ретроспективном методе исследования культуры, идущем, как писал замечательный Дмитрий Константинович Зеленин, «раком вглубь истории»⁸³. Критика ретроспективного «поиска славян» характерная для послевоенной оттепели и перестроечной эпохи (Артамонов 1990: 273), дала в свое время толчок к плодотворным региональным исследованиям 1960–2000-х гг. (Микляев 1992: 5, 6). Показательна постановка вопроса А. М. Микляевым:

«Такой анализ (микрорегиональный. — И. Е.), думали мы, позволил бы ответить на ряд труднейших вопросов, не разрешимых ретроспективным методом. Например, действительно ли материальная культура восточных славян в том виде, в котором она, начиная с X века, известна нам, является чужеродной местным культурам I тыс. н. э.? Развивалась ли материальная культура на Северо-Западе с конца плейстоцена постепенно и непрерывно или же бывали резкие смены традиций?» (Микляев 1992: 6).

Вряд ли уместно противопоставлять ретроспективный и региональный методы, как это делал А. М. Микляев. Наибольший эффект дало бы их сочетание. Путь здесь пока видится только один — через ретроспективное изучение географической среды и взаимодействия с ней древних коллективов. Развитие этой идеи и лежит в основе наших работ на

⁸² Это та самая «раковина», о которой писал в 1990-е гг. Эрик Хобсбаум: «Идея “нации”, когда ее, словно моллюска, извлекают из на первый взгляд твердой раковины “нации-государства”, предстает перед нами в чрезвычайно смутном и неуловимом облике» (Хобсбаум 1998: 301).

⁸³ Зеленин (1916) 1995: 38.

Ильмене. Мы долго еще не получим достаточных данных для восстановления хода славянской колонизации не только Восточной Европы в целом, но даже известных нам летописных племенных княжений. Специфика объектов материальной культуры такова, что археология фиксирует преимущественно стадии *процессов* (например распространение украшений или керамики определенных типов), а не *события* древности. Реконструировать событийную динамику расселения можно только в масштабе очень небольших археологических микрорегионов в ключевых точках племенных территорий.

Процесс расселения славян в Восточной Европе не освещен письменными источниками, синхронными событию. Все свидетельства об этом относятся к IX–XII вв. ПВЛ застает на востоке тринадцать «племен» или племенных союзов: поляне, древляне, дреговичи, словене, кривичи, бужане, вольняне, дулебы, радимичи, вятичи, хорваты, уличи и тиверцы. Внутри некоторых объединений, сыгравших первые роли в древнерусской истории за счет многочисленности или выгодного стратегического положения, которое они сумели занять, отмечаются локальные группы населения, получившие свое прозвание по небольшим рекам или, чаще, по названию городского центра. Таковы полочане в земле кривичей (жители города Полоцка с округой, или бассейна р. Полоты), тууровцы в земле дреговичей (по имени города Турова), пишанцы (жители областей по р. Пищане) в земле радимичей, новгородцы в земле словен. По мере роста торгово-административных центров «городские» этнонимы теснят «племенные» и, в конце концов, их замещают.

Таблица 2 отражает представления ПВЛ о генеалогии славян и об ареале их расселения, который в Восточной Европе очерчен ясно, несмотря на расплывчатость некоторых географических координат. Он образует гигантский «клин», вдающийся по течению Днепра, Западной Двины и Оки с лесостепного юго-запада Восточной Европы в ее лесную зону⁸⁴. Левая грань этого «клина» приходится на область верховьев Немана, на западную часть междуречья Припяти и Западной Двины, пересекает последнюю где-то ниже Полоцка и упирается в устье Волхова. Правая, восточная, грань проходит через Среднерусскую возвышенность с верхним течением Оки к верховьям Волги и Днепра, к летописному «Оковскому лесу» и далее — к Волховскому устью. Основание «клина» образует поречье Днестра, к юго-западу от которого лежит область, откуда, согласно ПВЛ, и вышли славянские племенные сообщества, заселившие будущие древнерусские земли. От Днестра «основание» тянется на север-восток к верховьям Дона.

⁸⁴ Нам представляется уместным использовать здесь этот традиционный для русской историографии образ, встречающийся в работах А. Е. Преснякова (Пресняков 1993: 272).

2.6.1. Письменные источники о появлении славян в Восточной Европе

Рисуя географию славянизации Восточной Европы, ПВЛ не дает хронологии. Ее уточняют упоминания о славянах (ас-сакалиба) арабских авторов. Сведения их туманны, и нет уверенности, что позаимствованным от византийцев прозванием *ас-сакалиба* всегда именуется славяноязычное население, а не какие-то его соседи (Kahane, Henry & Renee 1962: 351; Калинина 1994: 216; Mishin 1998: 236).

Ибн Хордадбех (ум. ок. 890) «Книга путей и стран». Автор сообщает о *русах*, которые суть «одна из разновидностей славян». *Русы* везут меха и мечи в Византию и Хазарию «из самых отдаленных [окраин страны] славян» (Ибн-Хордадбех 1986: 124; Калинина 1994: 214–217; Древняя Русь 2000: 206). Ряд исследователей считает, что под *русами*, судя по мечам, подразумеваются норманны. Учитывая, что *руссы* Ибн-Хордадбега — христиане, иногда путешествующие по пустыне до Багдада на верблюдах, пользуясь услугами славянских евнухов-переводчиков, — мнение спорное. Как бы там ни было, известие фиксирует славян в области промысловой меховой добычи, видимо, на границе с южной тайгой, не позднее 840-х гг. (так датируется ранняя редакция «Книги путей и стран»).

Ибн Русте (работал в конце IX — начале X вв.) «Дорогие ценности». Этот автор впервые (его труд относится к 903–913 гг.) приводит рассказ об «острове *русов*», который исследователи обычно помещают где-то в Северной Руси. Рассказ упоминает славян, обитающих со своими пашнями поблизости от *русов* и снабжающих их продуктами земледелия (Древняя Русь 2000: 209).

Ал-Балазури (ум. 892) «Книга завоеваний стран». Автор описывает события 737 г., когда наместник халифа в Армении и Азербайджане Марван ибн Мухаммад совершив поход сквозь Хазарию, предпринял набег на земли ас-сакалиба и вывел оттуда 20000 пленных семей (Древняя Русь 2000: 201).

Ал-Куфи (ум. 926) «Книга завоеваний». Автор пересказывает описание похода Марвана 737 г. по сведениям Ал-Балазури, добавляя, что, пройдя земли хазар, арабский полководец достиг Славянской реки (нахр ас-сакалиба), за которой разбил хазарское войско (Древняя Русь 2000: 201). Наиболее убедительно в историографии, посвященной «Славянской реке», отождествление ее с Доном (Древняя Русь 2000: 201, 202).

Таким образом, восточнее Днепра славяне не позднее 737 г. соприкасаются с Хазарским каганатом, и не позже второй четверти IX в. завязывают торговлю со скандинавами в верховьях Волги. Самым ранним упоминанием известных по ПВЛ восточнославянских племен является трактат византийского императора Константина VII Багрянородного (908–959) «Об управ-

Табл. 2. География и генеалогия летописных славянских сообществ по ПВЛ в сопоставлении с данными Константина VII о Руси первой половины X в. Выделены этнические группы, возводимые ПВЛ к ветви дунайских славян

Этноним	Область расселения и географические ориентиры по ПВЛ	Представления ПВЛ о племенной генеалогии	Данные Константина Багрянородного
Поляне	«Съдоша по Днѣпру» «жившимъ особѣ по горамъ симъ» «сѣдящая на горахъ сихъ в лѣсѣхъ» «В лѣсе на горахъ надъ рѣкою Днѣпрскою» «Полями же прозвани быши, зане в поли сѣдаху»	От славян дунайских	—
Полочане	«Съдоша на Двине и нарекошася полочане, рѣчки ради , яже втечетъ в Двину, имянемъ Полота»		
Словѣни	«Съдоша около езера Илмеря, и сдѣлаша град и нарекоша и Новѣгородъ» «а перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне»		
Дулебы	«живяху по Бугу, гдѣ ныне вельняне»		
Древляне	«Съдоша в лѣсѣхъ» «и есть могила его у Искорьстѣня града в Деревѣхъ и до сего дне» «И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручюга»	От славян дунайских	Упомянуты в числе славиний – данников руси
Дреговичи	«Съдоша межю Припетью и Двиною»		
Сѣверь	«Съдоша по Деснѣ, и по Семи, по Суль»		
Кривичи	«сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленскъ», «а перьвии насельници <...> в Полотьски кривичи»	От полочан	Упомянуты в числе славиний – данников, зимой и весной заняты строительством моноксил
Туровци	«а Туры Туровѣ, от него же и туровци прозвашася»	—	—
Бужане	«сѣдоша по Бугу»		
Вельняне	«живяху по Бугу»		
Радимичи	«сѣдоста Радимѣ на Сѣжю» «сѣрѣте радимичи на рѣцѣ Пищанѣ, и побѣди радимичѣ Волъчий Хвостъ»	От ляхов	
Пищаньци	«Тѣмъ и Русь коряются радимичемъ, глаголюще: «Пищаньци волъчья хвоста бѣгають».		
Вятичи	«а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ» «И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе вятичи»		
Хрвате	—		
Улучи	«сѣдаху бо по Днѣстру, присѣдаху к Дунаеви. Бѣ множество их; сѣдаху бо по Днѣстру оли до моря, и суть гради их и до сего дне, да то зваху от грекъ Великая Скуфь.»	—	
Тиверьци	«сѣдаху бо по Днѣстру, присѣдаху к Дунаеви. Бѣ множество их; сѣдаху бо по Днѣстру оли до моря, и суть гради их и до сего дне, да то зваху от грекъ Великая Скуфь.»		

лении империей» (составлен в 948–952 гг.). В этом сочинении, описывая образ жизни *росов*, автор дважды упоминает о славянах, расселившихся в области Верхнего и Среднего Поднепровья. В первый раз речь идет о «кривитеинах, лендзанах и прочих славиниях»

(DAI. 9. 9, 10; Константин Багрянородный 1991: 45), строящих для *росов* моноксилы; второй раз император перечисляет славянские племена, в земли которых отправляются на полюдьё росы, — «славинии вервианов (древлян?), другувитов, кривичей, севериев

и прочих славян» (DAI. 9. 106–109; Константин Багрянородный 1991: 51). Одна из упомянутых императором групп, обитавших в бассейне Днепра, — лендзана — по древнерусским источникам неизвестна. Можно предполагать, что этнополитическая карта славянизированных регионов Восточной Европы в VIII–IX вв. была богаче, нежели картина, зафиксированная в ПВЛ.

2.6.2. Взгляд на карту народов Восточно-Балтийского региона

В самой глубокой древности господствующим актом поведения по отношению к чуждым, к «ним», по-видимому, было отселение подальше от них. Формирование этнической, языковой, культурной общности и резкой границы начиналось в той мере, в какой нельзя было просто уйти, отделиться.

Б. Ф. Поршневу⁸⁵

Очертить северную область восточных славян, приблизив выводы исторической лингвистики к археологическим реалиям, позволяет изучение географической номенклатуры. Для изучения славянизации Приильменья особенно важна локализация юго-западной границы распространения финно-угорских гидронимов, отмечающая в Восточно-Балтийском регионе ареал плотного некогда расселения финно-угров (рис. 5). Рубеж (весьма, разумеется, размытый) проходит через междуречье Оки и Дона к Днепровско-Волжскому водоразделу и далее по правобережному Подвинью в сторону Рижского залива (Хабургаев 1978: карта 11). Эта реперная линия, относительно которой я использую термин «славянская колонизация». Применяться он будет лишь к области, лежащей к северу от этой линии, т. е. к северу от Западной Двины.

Что же до области Верхнего Поднепровья и современной Белоруссии к югу от Западной Двины, то по отношению к эпохе V–X вв. об этих землях можно говорить как об исходном регионе колонизации, как о метрополии. Этот регион является частью (конечно, не самой значительной) той территории, на которой и следует искать область, в которой славяне проживали в эпоху праславянского языкового единства (не позднее середины I тыс. н. э.) и где в период, предшествовавший балканским войнам VI–VII вв. н. э., складывались основные элементы раннеславянской материальной культуры и хозяйства.

Идея о локализации северной периферии «славянской прародины» в области Немана — Западной Двины — Верхнего Днепра принадлежит, как известно, лингвистике. Одним из первых археологов, выска-

завших во второй половине 1930-х гг. (конечно, лишь в виде полемиического озарения) мысль о связи со славянским этногенезом городищ Верхнего Поднепровья и Белоруссии, был В. И. Равдоникас (Равдоникас А-193 (?): л. 22). Впрочем, круг археологических культур, ставших предметами этой концепции, был выявлен и обрел определенность много времени спустя после его работы. Речь идет о днепро-двинской культуре, культуре штрихованной керамики, среднетушемлинских древностях Поднепровья и соседних регионов — на завершающих стадиях своего развития вступающих во взаимодействие с древностями киевского круга. В дальнейшем эту идею с разной степенью приближения к региональной археологической конкретике можно встретить у многих археологов (Вернер 1972: 114; Godłowski 1979: 22; 2000: 124, 125; Третьяков 1982: 56, 69, 88–91; Шукин 1987: 115; 1989: 59–62; Мачинский 1989: 129; Лебедев 1989: 114; Шувалов 1991: 32; Лопатин 1997: 174, 175; Терпиловский 1994: 77; Терпиловский 2002: 421, 424, 425, 428; 2004: 93). Дальнейшее развитие концепция получила в трудах, вышедших под редакцией И. О. Гавритухина, Н. В. Лопатина и А. М. Обломского в серии публикаций «Раннеславянский мир».

Вопроса о ранних этапах славянского этногенеза, относящихся к первой половине I тыс. н. э., мы здесь касаться не станем. Наша цель будет состоять в том, чтобы попробовать разобраться, какие области вышеупомянутой обширной метрополии и в какой степени приняли участие в колонизационном движении за Западную Двину на север в середине — второй половине I тыс. н. э.

2.6.3. Дославянское или неславянское население?

Движение этноса при расселении и бытии его всегда протекает по линии наименьшего сопротивления, причем одною из сил является сам этнос, который при принятии решений (а это каждый раз бывает факт осознанный им в части или в целом) связан: внешними условиями (среда), суммой знаний (культура) и характером (биологическая мощность).

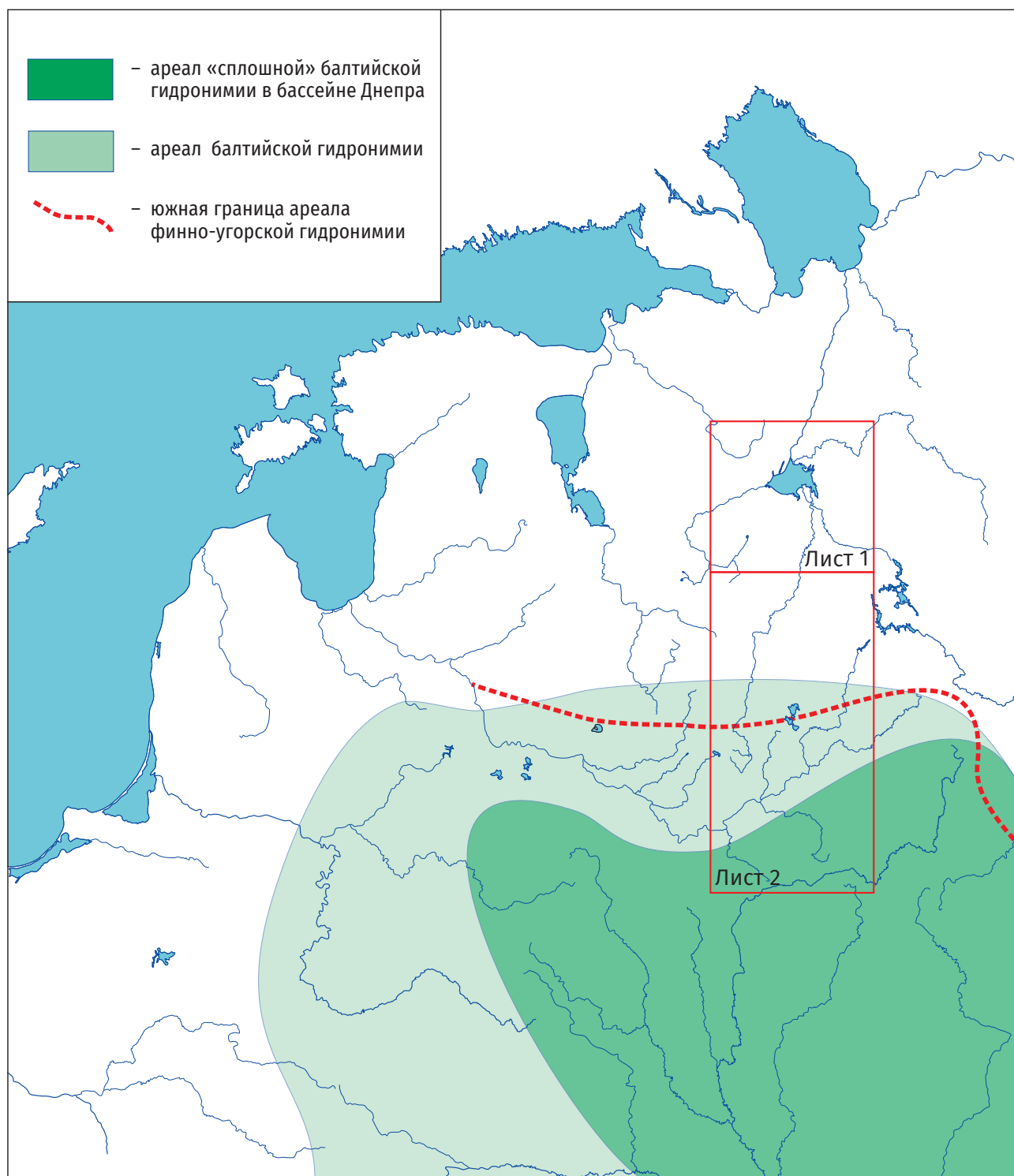
С. М. Широкогоров.
Этнос⁸⁶

Русские летописи, дополненные данными археологии, рисуют компактный регион расселения славян с центром в Приильменье, выдвинувшийся от Западной Двины и истоков Волги до Старой Ладogi своеобразным «клином», границы которого определяются территориями расселения неславянских (иноязычных и нехристианских) народов и конфигурацией болотистых и слабозаселенных водораздельных

⁸⁵ Поршневу 1979: 96

⁸⁶ Широкогоров 2012 (1923): 129.

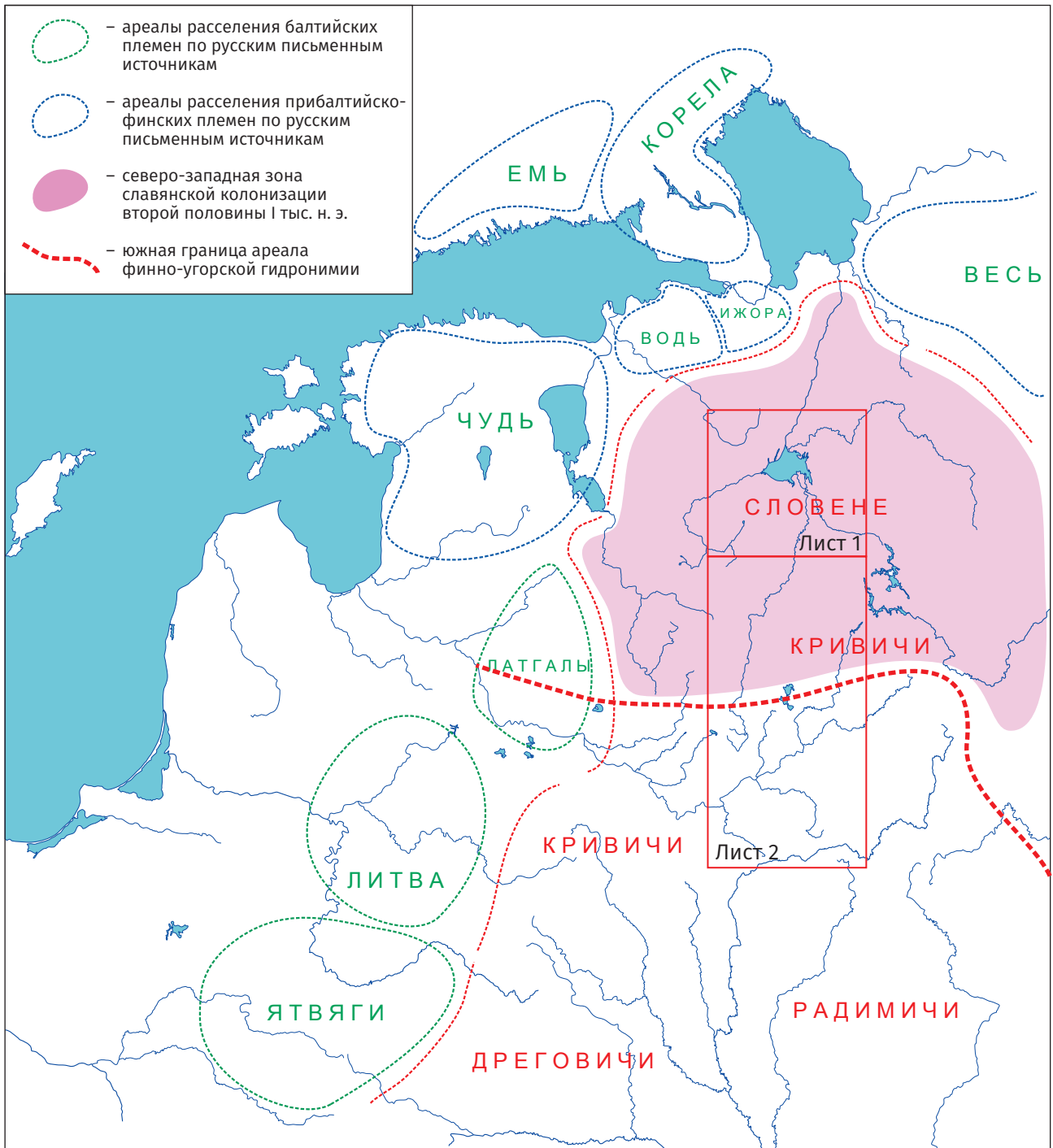

Рис. 5. Гидронимия Восточно-Балтийского региона предположительно восходящая к эпохе, предшествовавшей славянской экспансии в сторону озера Ильмень (Хабургаев 1979: карта 11). Рамкой выделены листы археологической карты «Днепровско-Ильменского коридора» — лесной части пути из варяг в греки (см. **рис. 100–105**)

лесов (**рис. 6**). Маркерами этнических границ являются особые микрорегионы со смешанной культурой, возникшие в X–XII вв. Их можно назвать несколько. В них под влиянием различных вариаций восточнославянской курганной обрядности (сопок или обычных курганов) сформировались своеобразно окрашенные

курганные древности. Это Юго-Восточное Приладожье, Восточное Причудье и Полоцко-Латгальское пограничье.

Меря. Народ финно-угорского происхождения, соседствовавший с кривичами (и, возможно, со словянами) с востока, в первую очередь в верховьях Волги.

Рис. 6. Представления русских летописей XI–XIII вв. об этнополитической обстановке в Восточно-Балтийском регионе. Границы летописных племен условны и откорректированы с учетом археологических и историко-географических представлений отечественной науки. Рамкой выделены листы археологической карты «Днепровско-Ильменского коридора» — лесной части пути из варяг в греки (см. **рис. 100–105**)

Возможно, меря — *Merens* — упоминается Иорданом в перечне племен, подчиненных готским королем Германарихом в третьей четверти IV в. (Iord. Get. 116. 9; Иордан 1997: 83, 142, 265). После этого меря пропадает из хроник до второй половины XI в. Адам Бременский в сочинении «Деяния архиепископов гамбургской церкви», написанном в 1070-е гг. (Рыбаков 2008: 28, 29; 2012: 8), упоминает народ *Mirri*, отождествляемый

исследователями с мерей русских летописей (Назаренко 1993: 37, 38). *Mirri* помещаются где-то между владениями свеонов (*Sueones*), народом *Wizzi* (очевидно, летописной весью) и Руссией (*Ruzzia*):

«Если же двигаться к устью Балтийского моря с севера, [то] первыми встретишь норманнов, затем [в воды] выступает область данов Сконе, а за ней по

линии границы вплоть до Бирки обитают готы. Далее, вплоть до Края женщин, [лежат] огромные пространства земли [которыми] владеют свеоны. За ними вплоть до России, говорят, живут виссы, мирры, ламы, скуты и турки. Она, [Россия], опять же, образует конец этого залива. Итак, побережья этого моря с юга занимают склавы, [а] с севера сведы» (Adam Bremensis, Gesta. IV. 14; Немецкие анналы 2012: 428).

По мнению русских летописцев, меря была причастна к самым началам русского государства, участвуя в изгнании варягов и походах Олега, в связи с которыми она последний раз упоминается в летописи (907). ПВЛ помещает мерю в междуречье Волги и Клязьмы: «... а на Ростовскомъ озерѣ меря, а на Клещинѣ озерѣ меря же» (ПВЛ 1996: 10).

Археологический материал, в общем, подтверждает данные ПВЛ о существовании двух крупных анклавов земледельческого финно-угорского населения в бассейнах озер Неро и Плещеево (Леонтьев 1996: 21, 22, 29–68, рис. 1; 2012: рис. 2). Анализ сходных черт материальной культуры (в керамике, в украшениях, оружии и в бытовых предметах) и погребального обряда населения VII–X вв. соседних регионов в Волго-Клязминском междуречье, в Верхнем Поволжье и в Костромском Заволжье позволил А. Е. Леонтьеву реконструировать ареал расселения мери за пределами двух летописных центров (Леонтьев 1996: 193, 238, 246, 268, 269, 292). В VIII–X вв. граница мери и славянского населения (в виде более или менее широкой контактной зоны) проходила приблизительно по течению Волги от устья Шоши до устья Шексны (Леонтьев 1996: рис. 1).

Археологические свидетельства транзитной торговли (скандинавские украшения и оружие, арабское серебро), а также наличие укрепленного административного центра, такого как Сарское городище (Леонтьев 1996: 44, 68–192), говорят об активной политической роли мери в IX–X вв. Еще один административный центр в зоне скандинавско-славяно-мерянских контактов, возможно, находился на территории Углича, откуда происходят выразительные находки предметов североевропейских типов (Томсинский 2004: рис. 52).

Весь, один из древнейших прибалтийско-финских народов Восточно-Балтийского региона, сыгравший, кажется, вторую после славян роль в формировании Севернорусского государства в Поволховье и Приильменье. Некоторые исследователи склонны видеть *весь* в народе *Vasinabroncas* у Иордана (Iord. Get. 116. 9; Иордан 1997: 83).

Посол багдадского халифа Ахмед ибн Фадлан, создавший свое сочинение в 920-е гг., знал народ *вису*, торговавший пушниной с Волжской Булгарией и располагавшийся на расстоянии трех месяцев пути от

Булгара в направлении области летних белых ночей (Ковалевский 1956: 135, 138, 205, 219). О народе *Wizzi* упоминает дважды Адам Бременский. Первый раз в приводившимся выше географическом описании оконечности Балтийского моря⁸⁷. Второй раз *виссы* упоминаются среди всяческих популярных в Европе небылиц о Руси (Adam Bremensis, Gesta. IV. 19; Немецкие анналы 2012: 431). Несмотря на фантастичность повествования (в нем фигурируют амазонки, кинокефалы, морские чудища и пр.) место действия — Русь — позволяет отождествить *Wizzi* и летописную *весь* (Назаренко 1993: 37).

ПВЛ, фиксирующая этногеографическую обстановку второй половины XI — начала XII в., локализует *весь* на Белом озере и упоминает ее в числе данников руси (ПВЛ 1996: 10). Автор ПВЛ признает первенство *веси* в обладании Белозерьем: «... а перьвии насельници <...> в Бѣлѣ-озерѣ *весь*» (ПВЛ 1996: 13). Обобщая письменные свидетельства о «стране *вису*», *Wizzi* и *веси* русских летописей, следует сделать вывод, что содержание этнонима *весь* менялось по мере изменения этногеографической обстановки на территории Русского Севера. Изначально оно имело два значения — широкое и узкое.

На раннем этапе (в X — середине XI в.) в Волжской Булгарии и Европе под этим именем знали финно-угорское население огромной таежной территории, занятое пушной торговлей. Западной границей «страны *вису*» (опираясь на Адама Бременского) можно считать Ладожское озеро, восточной (опираясь на Ибн-Фадлана) — какие-то отдаленные области тайги в трех месяцах пути на север от Волжской Булгарии. Вряд ли целесообразно рассматривать это население как этнос, обладавший единой культурой и сознанием единства. Едва ли и самоназванием населения этой области было имя *весь*. Вероятно, оно принадлежало какому-то финскому племени, занявшему наиболее выгодное геополитическое положение и давшему название огромному рыхлому конгломерату финно-угорских народов. Эту территорию *веси*, в узком значении этнонима, следует искать на южной границе тайги, ориентируясь на расположение там торгово-административных центров X в. со следами активных контактов с Северной Европой и Волжской Булгарией (согласно свидетельству Ибн-Фадлана, где-то в «стране *вису*» жили эмиссары царя волжских булгар, состоявшие с ним в переписке).

У лингвистов есть основания полагать, что этногенез и ранняя (до X в.) история *веси* протекали значительно западнее Белого озера и Межозерья. В пользу этого свидетельствуют балтийские и германские заимствования в языке *вепсов* (Пименов 1965: 48–50;

⁸⁷ Восточной оконечностью Балтики могло считаться Ладожское озеро.

Зайцева 2003: 351). Археологу опасно комментировать наблюдения лингвистов, но позволю себе высказать одно замечание. Возможно, эти наблюдения следует сопоставить с данными Баварского географа, упоминающего в своем перечне народов между этнонимами *Brusi* (прусы) и *Caziri* (хазары) загадочный народ *Vuizunbeire*, который некоторые исследователи склонны (правда, с долей скепсиса) отождествлять с весью (Назаренко 1993: 37–40; Горский 1997: 277). Если это правомерно, то данные исторической лингвистики, Иордана (VI в.), Баварского географа (IX в.), Ибн-Фадлана (первая половина X в.), Адама Бременского (середина XI в.) и ПВЛ (начало XII в.) выстраиваются в последовательную картину, рисующую нам смещение веси вдоль южной границы тайги на северо-восток. Не улавливаем ли мы здесь следы миграции группы финского населения, теснимого славянской, а затем русской стихией? Очевидно, последнее слово здесь должна сказать археология. На позднем этапе (во второй половине XI — начале XII в.), на фоне колонизационного движения славянского населения в зону тайги, представление о местообитании веси сужается до небольшой племенной территории где-то возле Белого озера.

По мнению лингвистов, исходная форма этнонима *весь* восстанавливается как *versī*, что позволяет делать вывод о преемственности между летописным племенем и современными вепсами (Зеленин 1929: 99; Агеева 1990: 58)⁸⁸. Это в свою очередь дает возможность предположительно включать в ареал расселения веси значительные территории к западу от Белого озера (земли исторических вепсов), в частности, территорию, занятую приладожской курганной культурой (Агеева 1990: 58; Рябинин 1991: 4; Голубева 1973: 50–56; Кочкуркина 1973: 62; 2003: 335). Археологический материал также свидетельствует о том, что области Межозерья, в I тыс. н. э. наиболее плотно занятые финским населением, тяготеют существенно к западу от Белого озера (Макаров 1999: 237).

Лопь. Под этим именем в древнерусских и западноевропейских источниках (*lappi* Саксона Грамматика) фигурирует население северной части таежной и арктической зоны Европы (современное его самоназвание — саамы). Писцовая книга Водской пятины 1500–1501 гг. знает Егорьевский Лопский погост Ореховецкого уезда, охватывавший бассейны малых рек Южного Приладожья (Назия, Шельдиха, Лава) и на западе доходивший до Невы (Кирпичников 1990: 136). Сопоставление данных позднесредневековых источников с упоминаниями о лопи в папских буллах 1171 и 1229 гг. и с известием о Лопской сотне устава Ярослава «о мостех» дало исследователям основание

предположить существование в XII–XIII вв. островка лопарского (саамского) населения в северной части междуречья Невы и Волхова к востоку от р. Назия (Кирпичников 1990: 139–140; Кирпичников, Рябинин 1990: 107; Мачинский 1990: 113, 114; Сорокин 2008: 210). Действительно, следы саамской топонимии прослеживаются исследователями в Карелии и Юго-Восточном Приладожье (Керт 2005: 342). Вопрос о саамах в Южном Приладожье в средневековье пока не обрел убедительного археологического содержания. Памятник, который иногда связывают с лопью, — могильник XIII в. в Пупышево — представлял собой обычное кладбище с ингумациями (Сакса 2008: 133, 134).

Очень интересен, хотя и мало разработан вопрос о присутствии лопи в Поволховье и Приильменье. По мнению некоторых исследователей, следы прибалтийско-финских и саамских языковых контактов нашли отражение в формировании названия самого озера *Ильмень* (Муллонен 2000). С другой стороны, присутствие на поселениях Поволховья (Издады, Старая Ладога) и Центрального Приильмения (Курская Гора, Прость, Городок на Маяте) керамики типа лууконсаари, которая преимущественно распространена в Южной Карелии и Финляндии (Косменко 1993: 143; Плохов 2008: 160; Еремеев, Дзюба 2010: рис. 38), также позволяет ставить вопрос о проникновении какого-то таежного населения. Охотничье-рыболовецкую культуру лууконсаари М. Г. Косменко датирует с IV в. до н. э. до VI в. н. э. и связывает с саамами (Косменко 1993: 179, 171, 200). Судя по находке хорошо сохранившегося фрагмента сосуда в одной из построек Городка на Маяте (рис. 122), древности культуры лууконсаари в Приильменье относятся к финальной фазе этой культуры, т. е. к середине — третьей четверти I тыс. н. э.

Исследователи некогда пришли к выводу о том, что южные группы лопи, давшие название Лопскому погосту, представляли собой не что иное, как забредающие с севера небольшие группы трапперов, не оказавшие существенного влияния на этнополитическую обстановку в Приладожье и Поволховье (Мачинский 1990: 113; Шумкин 1990: 126). Судя по тому, что за 30 лет с тех пор, как было высказано это мнение, пласт лопских (пусть предположительно) памятников так и не был уверенно выявлен, это мнение близко к истине. Тем не менее, материалы культуры лууконсаари в контексте раннеславянских городищ Центрального Приильмения исключительно важны, поскольку пока являются единственными свидетельствами контактов славян с таежными охотниками Русского Севера. Единственное, что могло связывать две столь различные культуры, — пушной промысел. Таким образом, перед нами, возможно, первые свидетельства участия в нем славян.

⁸⁸ Вывод оспаривается некоторыми лингвистами (Муллонен 2003: 346).

Водь. Представители этого народа (в летописи этноним приводится в форме *вожане*) впервые упомянуты в Синодальном списке Н1 под 6577/1069 г. в связи с набегом полоцкого князя Всеслава на Новгород (ПСРЛ, т. III. 2000: 17). Определению границ летописной Водской земли в составе Новгородских владений посвящены исследования Е. А. Рябинина (Рябинин 1990; 1992, 1997а; 2001). К области води отнесено южное побережье Финского залива, Ижорское плато с истоками р. Оредеж и некоторые сопредельные территории, отделенные от Новгорода заболоченными лесами междуречья Луги и Волхова.

С начала I тыс. н. э. на Ижорском плато прослеживаются следы населения, близкого по культуре обитателям Эстонии и Юго-Западной Финляндии (Рябинин 1990, 1994; Конькова 1992; Михайлова 2015; Михайлова и др. 2015; Хвощинская 2013: 22–24; Юшкова 2010; 2015; Юшкова, Кулешов 2010). Отличительной особенностью культуры местного прибалтийско-финского (чудского) населения являются могильники с невысокими каменными кладками, сооружавшимися на поверхности почвы. На протяжении всего I тыс. н. э. этот регион составлял единое целое с западной частью прибалтийско-финского мира, в первую очередь — с Эстонией (Сорокин, Шаров 2008: 173; Михайлова 2015: 184; Юшкова 2015: 196) и Юго-Западной Финляндией (территория летописной еми), где известны аналогичные погребальные сооружения (Миеггинен 1997). В конце XI в. водь подчиняется Новгороду, отражением чего являются курганы с сожжениями, появляющиеся на ее территории (Рябинин 1997: 143; Лесман 2008: 64–70).

Погребальные памятники южного берега Финского залива XII–XIV вв. представлены грунтовыми могильниками с ингумациями (Конькова 2008: 21). По поводу их этнической принадлежности нет определенных данных; часть их, возможно, принадлежала ижоре (Конькова 1990).

Ижора. Впервые упомянута в булле Римского папы Александра III (1164–1181), а в русской летописи — в 1228 г. Областью расселения этого народа в начале II тыс. н. э. считаются бассейн реки Невы (левым притоком которой является р. Ижора) и западная часть междуречья Невы и Волхова в Южном Приладожье примерно до р. Назия (Рябинин 1990а: 32, 33; 1992а: 84; Сорокин 2008: 186). Древнейшие археологические памятники, известные на землях ижоры (самый яркий из них — могильник Кирсино) относятся к XII–XIII вв. (Сорокин 2008: 196; 2008а: 91, 122; 2016: 26–30; Хвощинская 2013: 30, 31). Это грунтовые могильники с неглубокими ингумациями или поверхностными захоронениями, едва присыпанными землей. Захоронения помещались в выкладки из камней, похожие на каменные могильники I тыс. н. э. на Ижорском плато.

Своим происхождением этот сравнительно молодой народ тесно связан с корелой (Бубрих 1947; Шаскольский 1979; Федоров 1983). В свете последних археологических исследований становится ясно, что, в формировании ижоры участвовал и более древний местный субстрат, но археологические памятники ранее XI в. в Ижорской земле пока не найдены. Известны только отдельные находки, вещей X–XI вв. и разрушенный погребальный (?) комплекс этого времени, напоминающий по составу инвентаря курганные погребения Юго-Восточного Приладожья (Волковицкий, Григорьева, Селин 2008: 153, 154).

Корела. Древнейшее летописное упоминание этого прибалтийско-финского народа находится в Н1 в связи с морским походом на емь в 1143 г. (ПСРЛ, т. III. 2000: 213). Корелу упоминает берестяная грамота № 590, датированная по данным дендрохронологии 1065–1085 гг. (Янин 2004: 144). Письменные и археологические источники помещают корелу на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье (Кочкуркина 1986: рис. 1). Немногочисленное земледельческое население, которое можно предположительно считать предками летописной корелы, появляется на этих землях в VI в. н. э. (Сакса 2010: 49; 2015: 238).

Чудь — самый загадочный из этнонимов летописей. В то время как образы меры и веси, давно изгладилась из памяти восточных славян, предания о чуди, народе, жившем на территории Русского Севера до прихода русских, сохранились в этнографической традиции вплоть до XX в. (Пименов 1965: 127–156; Дранникова, Ларсен 2005). Этноним *Thiudos* где-то в лесной части Восточной Европы упоминает Иордан, писавший в середине VI в. о событиях третьей четверти IV в. (Iord. Get. 116. 8; Иордан 1997: 83, 142, 265). Правда, в отношении отождествления *Thiudos* с летописной чудью исследователи, особенно лингвисты, высказывают немалый скепсис (Петрухин 1993: 4; Леонтьев 1996: 20). В ПВЛ чудь стоит на первом месте среди иноязычных племен, в славяно-русском окружении:

«А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдъ, мера, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимгола, корсь, норома, либь: си суть свой языкъ имуще...» (ПВЛ 1996: 10).

Чудь, фигурирующая уже в Сказании о призвании варягов, наряду со славянами и скандинавами, в представлении автора ПВЛ играла важную роль в истории ранней Руси и Новгорода. Правда, сложно ответить на вопросы: о какой именно чуди идет речь в ПВЛ и не была ли чудь мифом уже в начале XII в.? Повествования о чуди в летописи можно оценивать двояко. Первая точка зрения допускает, что летописный

этноним — название дисперсного автохтонного прибалтийско-финского населения (или совокупности разобщенных племен), с которым славяне столкнулись в Приильменье (в широком смысле этого слова) в процессе расселения, т. е. не позднее VIII–IX вв. Это население оказалось быстро (уже к XI в.) ассимилировано, а этноним позднее распространился на финнов в целом (Агеева 1970: 198; Носов 1990а: 48; Рябинин 1990б: 45; Мельникова, Петрухин 1990: 34). В таком случае в ПВЛ действительно отразилось предание о былом могуществе чуди, действовавшей на военно-политическом поприще наравне со славянами и варягами. При таком толковании известия ПВЛ о чуди речь может идти о прибалтийско-финском населении Новгородской земли в общем понимании, включая предков эстов, води, карелы и ижоры, которых ПВЛ не знает, и далекую заволочскую чудь. Финские древности X–XIII вв. в Центральном Приильменье встречаются нередко. Но это именно отдельные вещи, не образующие единого культурного пласта и происходящие из самых разных регионов финно-угорского мира — от Западной Финляндии до Прикамья. Обычно их рассматривают не как свидетельство славяно-финского этнополитического симбиоза, масштабного смешения населения, восходящего к эпохе славянской колонизации, а как показатели торговых контактов (Носов, Хвощинская 2004: 2007: 16) или редких семейных связей. Отмечается также известная легкость, с которой славяне заимствовали у соседей типы ювелирных изделий (Носов, Хвощинская 2004: 131, 132).

Альтернативную точку зрения подсказывает наличие на границе Руси такого крупного водоема, как *Чудское озеро*. Вторая версия (учитывая внимание летописца к Изборску, куда он помещает мифического Трувора) предлагает рассматривать упоминание чуди в ПВЛ в контексте походов Ярослава Владимировича на территорию эстов и закрепления Руси в Западном Причудье. В таком случае упоминание чуди (эстов) в летописном тексте должно было подчеркнуть легитимность власти Рюриковичей в этом регионе. Взгляд на летописную чудь как в первую очередь на эстов также распространен среди исследователей (Хвощинская 2013: 17; Mägi 2016: 244, 245). При этом подчеркивается, что территория эстов, охватывала и восточный берег Чудского озера (Хвощинская 2013: 20–21).

Латгалы, будучи названы во вступительной части ПВЛ, не имеющей погодной разбивки, в перечне народов «полуночных и западных стран», не фигурируют в числе данников руси (вместо «лѣтъголы» в перечне прибалтийских племен летописец поставил «норому», не находящую себе места на этнокультурной карте Подвинья):

«В Афетовѣ же части съдять русь, чюдь и все языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, земьгола, корсь, лѣтъгола, любь» (ПВЛ 1996: 8).	«А се суть инии языци, иже дань дають руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норрома, либь» (ПВЛ 1996: 10).
--	---

Высказывалось мнение, что список данников «не полон» ввиду включения в него лишь народов, «издавна попавших в зависимость от южной Киевской Руси». Некоторые же данники, зависимые от Полоцка, Пскова и Новгорода, согласно этой догадке, могли быть не упомянуты при перечислении. Среди них-то и были якобы латгалы. Исследование, содержащее эту гипотезу, недавно переиздано (Пашуто 2011: 127, 128); есть и более современные работы, содержащие аналогичный взгляд (Матузова, Назарова 2002: 29). Данная точка зрения, как и предположение о «давней» (на время составления ПВЛ) зависимости племен низовьев Даугавы от Киева (см., например: Матузова, Назарова 2002: 29) не подтверждается ни письменными, ни археологическими источниками. Первые заслуживающие доверия упоминания о даннической зависимости ливов от полоцкого князя относятся ко времени появления на Даугаве епископа Мейнарда в 1184 г. (Матузова, Назарова 2002: 46, 47, 59, 60).

Отсутствие латгалов в списке данников вполне может отражать реалии XI — начала XII в. Весьма вероятно, что они, в отличие от обитавших близ устья Даугавы земгалов и ливов, дольше прочих обитателей Нижнего Подвинья сохраняли независимость как от скандинавов, так и от руси. Вследствие этого они сравнительно поздно оказались включены в область русской (на Двине — полоцкой, а севернее — псковско-новгородской) дани (об этом см. Назарова 1996). Еще в начале XII в. обстановка на Даугаве далеко не всегда складывалась в пользу Полоцка, о чем свидетельствует Лаврентьевская летопись в погодной статье 6614/1106 г.:

«Том же лѣтъ побѣдиша зимьгола Всеславичь, всю братью, и дружины убиша 9 тысящъ» (ПВЛ 1996: 119).

Судя по размаху боевых действий речь идет о настоящем завоевательном походе, отличном от обычных княжеских рейдов с дружиной за данью. Как разворачивались дальнейшие отношения Полоцка с народами Нижнего Подвинья, мы не знаем. В качестве свидетельства зависимости ливов от Полоцка во второй половине XII в. исследователи привлекают уникальное свидетельство Ипат. 6688/1180 г. об участии литвы и ливов в русской усобице в составе полоцко-витебской рати (ПСРЛ, т. II. 1998: 619). Сложно

сказать, в какой роли выступают здесь эти народы, — уже как зависимые данники (например, Н. П. Барсов, 1885: 182 или Матузова, Назарова 2002: 60) или еще как самостоятельные участники военной коалиции.

Летописные сведения о подчинении латгалов Руси относятся ко времени не ранее 1200 г. (Насонов 2002: 76, 77, 80, 138). Они подтверждают известный русский «земель селонив, ливов и леттов» до появления на Даугаве рыцарей-меченосцев в начале XIII в. (Матузова, Назарова 2002: 193). Впрочем, исключительные колонизаторские успехи немецких «рыцарей Христа» в Нижнем Подвинье в начале XIII в. свидетельствуют о том, что Полоцку так и не удалось закрепить свое господство в латгальско-ливском регионе, как и вообще на юго-восточном побережье Балтики, где первенство всегда оставалось за народами-мореходами — скандинавами и немцами.

Если скандинавские находки указывают на повышение в середине X в. культурной и экономической «проницаемости» латгальской территории с запада, то распространение курганного обряда в восточной части Латгалии (Рыков 1917: 37–44; Радиньш 1987: 81; 2001: рис. 2) свидетельствует об усилении культурных влияний со стороны древнерусских земель, в частности Полоцких. Исконным погребальным обрядом латгалов были грунтовые могильники. Распространение курганов на землях к востоку от Айвиексте латвийские исследователи датируют концом X в. и связывают с приходом балтского населения, оттесненного на запад восточными славянами (Радиньш 1987: 80; 2001: 71). Вопрос о механизме привнесения в Латгалию курганной обрядности пока не решен. Несомненно только то, что традиция пришла с востока, о чем вполне определенно свидетельствует география курганных могильников X–XIII вв. (Радиньш 2001: рис. 2)⁸⁹.

Селы. Первое достоверное упоминание о них встречается на страницах «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского, написанной в XIII в. Исследователи помещают селов на левобережье Западной Двины (Седов 1987: 366; The Selonians 2007). Материальная культура селов близка древностям латгалов, что позволяет рассматривать территорию этих племен в Раннем Средневековье как единый культурно-исторический регион. Вероятно, латгалы и селы вплоть до X в. составляли достаточно влиятельное племенное объединение, которому удавалось противостоять русской и норманнской экспансии и препятствовать превращению Западной Двины — Даугавы в между-

народную торговую артерию, подобную Волховско-Невскому пути (Еремеев 2015: 65–74).

Литва. Первое упоминание литвы в письменных источниках (в Кведлинбургских анналах) относится к 1009 г. и сопровождается важными сведениями.

<p>MIX. <...> Sanctus Bruno, qui cognominatur Bonifacius, archiepiscopus et monachus, XI. suae conversionis anno in confinio Rusciae et Lituae a paganis capite plexus cum suis XVIII, VII. Id Martii petiit coelos (Annales Quedlingburgenses. MIX).</p>	<p>1009 г. <...> Святой Бруно, который звался Бонифацем, архиепископ и монах, был обезглавлен язычниками на границе Руси и Литвы в 11-й год своего подвижничества вместе с 18 спутниками и 9 марта вознесся на небо (пер. И. В. Дьяконова, Немецкие анналы 2012: 65).</p>
---	---

Точное место гибели архиепископа Бруно неизвестно, но примечателен факт пограничного соседства Литвы и Руси (хотя бы в довольно туманных представлениях немецкого хрониста) уже в начале XI в. Известия о литве в летописях связаны с военным походом Ярослава, относимым к 6548/1040 г. (ПСРЛ, т. I. 2001: 153) или к 6552/1044 г. (ПСРЛ, т. III. 2000: 181). Наконец, еще одним источником является уже упоминавшаяся новгородская берестяная грамота № 590, датирующаяся 1065–1085 гг. (Янин 2004: 144).

Древности, позволяющие ставить вопрос о племенной территории литвы, представлены так называемыми восточно-литовскими курганами, группирующимися между Западной Двиной и средним течением Немана, главным образом в бассейне Вилии (Спицын 1896; Таугавичус 1959: рис. 13; Седов 1987a: карта 45; Лухтан, Ушинкас 1988: рис. 1–3; Bitner-Wróblewska 2006: fig. 1). С середины I тыс. н. э. вплоть до времени составления ПВЛ здесь на компактной территории прослеживается непрерывное проживание воинственного населения со своеобразной языческой культурой (Лухтан, Ушинкас 1988), резко отличающейся от древностей западной периферии банцеровской культуры (предположительно славянской) верховьев Немана⁹⁰. Предполагается, что на фоне исчезновения в Понеманье КШК носители банцеровской культуры продвинулись на запад через истоки Свислочи и Березины (Медведев 1996: 11, рис. 95), образовав границу с культурой восточно-литовских курганов. Как показывают данные топонимики, рубежи ареалов славянского и литовского населения (с учетом локальных подвижек) в Позднем Средневековье проходят примерно по тем же микрорегионам,

⁸⁹ Существует также предположение о появлении курганов у латгалов под влиянием погребальной обрядности скандинавов, осевших на Руси (Радиньш 2001: 71). Ввиду малого количества скандинавских находок в Латгалии эта версия неубедительна.

⁹⁰ Материалы раскопок восточно-литовских курганов (Šatavičius 2012; Butėnas 2012; Kliugaitė, Kurila, Baubonis 2012; Kliugaitė, Kurila 2012; Steponaitis 2012).

которые служат восточной границей восточно-литовским курганам (Гаучас 1988; Звярута 2005).

Ятвяги. Эта племенная группа занимает в русской истории особое место благодаря раннему документальному свидетельству. Некто *Ятвяг Гунарев* упоминается среди послов в тексте договора Руси с Византией, помещенном в ПВЛ под 6453/945 г. (ПСРЛ, т. I. 2001: 47). Был ли это ятвяг по происхождению, или варяг, получивший прозвище по области своей торговой или военной деятельности, неясно. Норманнское имя его патрона — Гуннар говорит скорее о последнем. Следующее упоминание ятвягов в ПВЛ относится к 6491/983 г. и предваряет известие о варягах-мучениках:

В лето 6491. Иде Володимеръ на ятвягы, и побѣди ятвягы, и взя землю их. И иде Киеву и творяше требу кумиромъ с людьми своими (ПВЛ 1996: 38).

Третье раннее упоминание о ятвягах относится уже к походу на них Ярослава, помещенному в ПВЛ под 6546/1038 г. (ПСРЛ, т. I. 2001: 153). Вопрос о том, какие древности следует связывать с ятвягами X–XI вв. запутан. Вероятно, это каменные курганы. Ятвяги, видимо, концентрировались в это время в междуречье Немана и Западного Буга (Седов 1987а: карта 48). Поход Владимира на ятвягов следует, таким образом, объяснить интересом руси к контролю за Неманским водным путем, который, судя по скандинавским находкам в бассейне Немана, начал функционировать одновременно с Западнодвинским путем около середины X в. Походы Владимира на Полоцк и на ятвягов стоят в одном ряду. Возможно, именно поэтому в известии о походе на ятвягов ПВЛ употребляет редкую для ранних предприятий руси формулу: «взя землю их».

2.6.4. От мери до ятвягов: северное пограничье области ранней славянской колонизации

Итак, мы обошли славянский «клин» по гигантской дуге и убедились, что его летописная граница хорошо очерчивается археологическими древностями, которые на основании новейших данных увязываются с группами инородческого населения. Довольно сложно ответить на вопрос, в какой степени это *неславянское* население Восточно-Балтийского региона, фигурирующее в ПВЛ, можно назвать населением *дославянским*. Образование части перечисленных народов (в том числе упомянутых Иорданом в середине VI в.) происходило одновременно с этногенезом дреговичей, кривичей и словен новгородских, т. е. в VI–IX вв., а части — значительно позже.

Именно в VII–VIII вв. (Леонтьев 1996: 21) или шире — в VI–IX вв. (Леонтьев 1996: 238, 292) начала, например, формироваться система расселения на озерах Неро и Плещеево, сопоставимая с летописной мерей и отличающаяся по многим параметрам от более ранней системы расселения дьяковского времени (Леонтьев 1996: 41, 42, 45, 267). В эпоху же Германариха меря, по-видимому, обитала в Поочье, ближе к ареалу черняховской культуры (Леонтьев 1996: 21, 22, 293, 294). Есть также основания полагать, что этногенез другого народа, упоминаемого Иорданом, — веси — происходил значительно западнее Межозерья, о чем свидетельствуют заимствования из балтийских языков в языке вепсов (Пименов 1965: 48–50). Иными словами, видение славянской колонизации как вбиваемого в устоявшийся лесной финский мир «клина» или как некоего концентрированного движения в устойчивой среде, по-видимому, неверно. Прибалтийско-финский мир в середине — второй половине I тыс. н. э. не был статичен. Наиболее важными в экономическом отношении для очерченной нами северной ветви славянского мира были два региона: Приладожье, откуда открывался путь к пушным богатствам Русского Севера, и поречье Даугавы, через которое вел кратчайший путь в Варяжское море. Именно эти два региона были наиболее динамичными в культурном отношении в период формирования Руси.

Изучение взаимодействия славян с аборигенным населением невозможно без выделения наиболее «чистых» славянских регионов. Искать их следует в центральной части «клина». Такими регионами будет Двинско-Ловатское междуречье и Центральное Приильменье. Эта область («Днепровско-Ильменский коридор» или «лесная часть пути из варяг в греки») была ранее выбрана мной для планомерного изучения, результатом которого стали две монографии (Еремеев, Дзюба 2010; Еремеев 2015). Данная работа продолжает эту тему.

2.6.5. Проблема балканских этнонимических параллелей

Кто из них углубляется на север, теми овладевают грубость, дикость и животность.

Ал-Масуди⁹¹

Внутри очерченной выше огромной дуги — «от мери через весь и водь до ятвягов» — располагается территория славянского расселения второй половины I тыс. н. э. *Этот регион включает в себя Поволховье, Верхнее Полужье, бассейны рек Мста, Великая, бассейн Западной Двины до района Браславских озер, Верховья Немана и Днепра, Верхнее Поволжье и территории, прилегающие к озеру Ильмень в бассейнах рек Шелони,*

⁹¹ Крачковский 1957: 178.

Ловати и Явони. Здесь происходила кристаллизация северного варианта раннеславянской культуры. Указанный регион можно обозначить, пользуясь терминологией В. П. Алексеева, как Восточно-Балтийскую славянскую историко-этнографическую область, имея в виду, вслед за этим автором, основным признаком ее единства — общую историческую судьбу⁹². Насколько гомогенным антропологически, экономически, культурно и лингвистически было население этой территории в раннем средневековье?

Невозможно отрицать роль древнего летто-литовского населения и прибалтийских финнов в этногенезе древнерусского населения Новгородской и Полоцкой земли. Об этом говорят в первую очередь расогенетические данные (Алексеев 1969: 199, 202–207; 1972: 296–298; Алексеева 1973: 14, 51, 253, 269–271, рис. 3; Санкина 2000: 49, 51, 64–67, рис. 10; 2009: 156–157; 2017: 258). К сожалению, они имеются только для XI–XIII вв. и более позднего времени. Никаких краниологических источников из кривичско-словенского ареала I тыс. н. э. нет, поскольку в это время здесь безраздельно господствовал обряд трупосожжения и какие-то погребальные практики, пока не уловимые археологами. Летто-литовские краниологические элементы в выборках, приписываемых новгородским словенам и кривичам, пытаются возводить к населению культуры боевых топоров (Санкина 2000: 67; 2017: 271). Оснований углублять историю славян в эпоху бронзы, разумеется, нет. Тесная же связь славян и литовцев известна по материалам исторической лингвистики. На фоне вышеупомянутого двухтысячелетнего провала в краниологических коллекциях антропология вряд ли сможет нам помочь в обозримом будущем.

Летописи, говоря о расселении славян с Дуная, молчат о дославянском населении Северо-Запада. Известно, что литературным образцом для русского летописания послужила ветхозаветная история. Ее повествовательным стержнем является кровавая борьба избранного народа за необходимые для жизни и процветания угодья. Ничего подобного русская летописная традиция не знает. Славяне расселяются словно бы в пустынных пространствах, несмотря на то, что подразумевается, как будто, некоторый период времени, прошедший «по раздѣленьи языкъ» до исхода славян с Дуная, т. е. определенная аллюзия с богоизбранным народом все же присутствует.

Сложно сказать, хранились ли в памяти новгородцев XI в. предания о дославянском населении Новгородской земли. В северных ее районах мифологические рассказы о войнах с легендарными пер-

вопоселенцами — «чудью» дожили до XX в. Подобным же образом могли звучать в Раннем Средневековье переселенческие предания близ озера Ильмень. Но все сведения о столкновениях XI в. с чудью, водью, ятвягами носят характер описания вполне реальных внешних военно-политических предприятий. Зафиксированная ПВЛ этнополитическая картина восточноевропейского пространства предстает как сложившаяся едва ли не со времен разрушения Вавилонского столпа.

Все это наводит на мысль, что к тому времени, когда создавалось новгородское летописание, переселенческие легенды не играли существенной роли в мифопоэтической традиции славянского населения Приильменя. Разумеется, не следует строить научные гипотезы на фактах негативного характера и ожидать от работающего над летописью монаха-книжника XI в. проведения каких-то фольклорных изысканий — он мог и проигнорировать это наследие язычества. Но отсутствие в летописной традиции сведений об инородцах в пределах очерченного нами славянского «клина», говорит в пользу завершения активной фазы славянской колонизации по крайней мере до конца X в. — того времени, когда родилось поколение, создавшее первые (предполагаемые) русские летописи. Прежде, чем перейти полностью в область археологии и исторической географии, остановимся подробнее на славянских «племенах» ПВЛ, оказывающихся в пределах самой северной части дуги летописных «иных языков». Это дреговичи, кривичи и словене.

Дреговичи одно из самых крупных (почти вся Белоруссия) племенных восточнославянских образований. При этом его роль в государственной истории Восточной Европы обычно признается незначительной. В ПВЛ дреговичи упоминаются всего три раза. Первый — в перечне дунайских переселенцев. Второй — при упоминании племен, имевших «свое княжение»; третий — при перечислении «славянских языков» на Руси (ПВЛ 1996: 8, 10). Дреговичи не участвуют в формировании государства, не выставляют рать для общерусских походов. Первые князья, вплоть до Владимира, никак не проявляют себя по отношению к дреговичам.⁹³ Мы ничего не знаем про их политическую историю до первого летописного упоминания дреговичского города Турова. С. М. Середонин пришел на этом основании к выводу, что «едва ли можно утверждать, прежде всего, что дреговичи были особое племя». По его мнению, «дреговичами» становились в равной степени все переселенцы, ступавшие в IX в. на «болотистый левый берег Припяти»

⁹² Концепция историко-этнографической общности разработана В. П. Алексеевым в ряде работ (Алексеев 1986: 17–18).

⁹³ Лишь Иоакимовская летопись, недостоверность которой доказана (Свердлов 2009; Толочко 2015), упоминает дреговичей в числе племен, участвовавших в призвании варягов.

(Середонин 1916: 136, 137)⁹⁴. Дреговичская земля оказалась вне поля зрения летописей, отчасти потому, что располагалась вне магистральных военно-торговых маршрутов, вокруг которых объединялись в IX–X вв. русские области — «пути из варяг в греки» и «серебряного пути».

Территория между Припятью и Западной Двиной остается для древнейшей летописи совершенной «terra incognita». Если бы не сообщение Константина Багрянородного о включении в первой половине X в. в систему полюдья киевских *росов* земли «другувитов» (DAI. 9. 108; Константин Багрянородный 1991: 51), мы вообще не имели бы возможности говорить о присутствии последних в составе Древнерусского государства вплоть до начала XI в.⁹⁵ Несоответствие огромности территории и роли дреговичей в древнерусской летописной истории породило у историков критическое отношение к свидетельству ПВЛ и мнение, что летописец хотел лишь указать «направление» области, занятой дреговичами, относительно р. Припять (Барсов 1885: 124, 125; Середонин 1916: 135, 136). На самом же деле, согласно этой версии, дреговичи были небольшим народцем, затерянным среди припятских болот. Судя по летописным свидетельствам, так и было в первой половине XII в. Но можем ли мы при определении области расселения дреговичей в последней трети I тыс. н. э. руководствоваться историческими и географическими ориентирами, относящимися к удельному периоду древнерусской истории?

Южная граница ареала дреговичей проходила в области поречья Припяти. В 1116 г. полоцкий князь Глеб сжег дреговичский город Слуцк. Под 1149 г. в Ипатьевской летописи упомянуты дреговичские города Клеческ в истоках р. Лани и Слуцк на р. Случь.

⁹⁴ Зависимость летописных этнонимов от восточно-европейских ландшафтов сильно преувеличивается С. М. Середониным, а вслед за ним и некоторыми другими исследователями. Например, часть полян, согласно летописи, «сидела в лесах», но древлянами при этом не стала. У С. М. Середонина это положение логически связано с тезисом о подвижности славян и выводом о том, что «некоторые так называемые “племена” в действительности обнимали лишь население известной местности, а вовсе не составляли союзов» (Середонин 1916: 124).

⁹⁵ Под 980 г. впервые упомянут лежащий в среднем течении Припяти город Туров с каким-то князем Туром «из заморья» (ПВЛ 1996: 36). Вторая половина X в. — темная эпоха в истории дреговичских территорий, по-видимому, связанная с борьбой захвативших (или даже основавших) Туров варяжских находников и ослабшей в эпоху Святослава Игоревича киевской династии за междуречье Припяти и Западной Двины. Около 1010–1013 г. Владимир Святой сажает на Туровский стол своего сына — Святополка Окаянного. Таким образом, к началу XI в. дреговичская земля находилась уже в подчинении киевского князя.

На востоке весьма неясная граница дреговичей с кривичами должна проходить там, где по представлению составителя ПВЛ заканчивался занятый последними «верх» Днепра и Западной Двины. Судя по свидетельствам первой половины XII в., эту границу можно провести где-то в области Березины⁹⁶. Западная граница очерчивалась областью расселения литовских племен в бассейнах рек Немана и Вилии. Наиболее сложным вопросом является северная граница дреговичей, лежащая где-то в области левых притоков Западной Двины.

Название *дреговичи* произошло, по мнению большинства исследователей, от славянского слова *дрягва* — болото (Грушевский 1901: 8; Середонин 1916: 135; Трубочев 1974: 62; Фасмер 1986: 536, 537; Иванов, Топоров 2000: 436). Считается, что подобный этноним мог возникать независимо в различных регионах славянского ареала. Сомнения в правдоподобности приведенной выше этимологии и указания на возможность патронимического толкования племенного имени также неоднократно высказывались учеными (Карский 1904: 68; ПВЛ 1996: 386). Действительно, во франкских придворных анналах в 789 г. упоминается вождь племени вильцев Драговит (*Dragavit*) (*Annales quae dicuntur Einhardi*, a. 789: 85; Ронин 1986: 45).

Дреговичи (*драгувиты*) часто фигурируют в византийских источниках. Богата событиями их история на Балканах, которую можно проследить на протяжении VII–IX вв. Впервые они упомянуты в «Чудесах Св. Дмитрия Солунского» в период осады славянами Фессалоники в 610–620-х гг. В это время они появляются под стенами города с намерением в нем поселиться («имея с собой на суше свои роды вместе с их имуществом») (Свод 1995: 127). В 677 г. драгувиты оказываются в числе племен, в очередной раз осадивших Фессалонику, причем в роли ведущей военной силы (Свод 1995: 157). К этому времени относится упоминание правивших ими князей. В 680-х гг. мы видим драгувитов, уже давно живущих неподалеку от Фессалоники в местности «Керамисийское поле» и, видимо, занимающихся земледелием (Свод 1995: 173). Последующие упоминания македонских дреговичей в византийских источниках известны в 758 г. и около 886 г. (Карский 1904: 69–70). Славяне имели своих правителей, власть которых шаг за шагом ограничивалась имперским центром. С 879 г. эти дреговичи, обитавшие на плодородной равнине между городами Фессалоникой и Верией, получили своего епископа (Карский 1904: 70; Наследова 1956: 84). В начале 904 г. драгувиты, в качестве подданных

⁹⁶ В 1127 г. города Изяславль, Борисов и Логожск, расположенные в бассейне Березины, и Друцк на р. Друть были осаждены союзными князьями во время похода на кривичей.

империи, по-прежнему обитающие в том же регионе (территория довольно незначительная — расстояние между городами 72 км), фигурируют в сочинении Иоанна Камениаты «На взятие Фессалоники», повествующем о захвате города арабами. Еще одна группа драгунитов обитала во Фракии (Наследова 1956: 93, 94). Наконец, в середине X в. дреговичи известны среди полабских славян (Карский 1904: 70).

Давно подмечено, что область расселения дреговичей на Балканах никак не соответствует в географическом отношении смысловому значению этнонима, т. е. болоту (Буданова и др. 1999: 166). Буквально следуя географии ПВЛ, мы должны будем в какой-то мере перенести это наблюдение и на восточноевропейских дреговичей. Действительно, летописная область между Припятью и Западной Двиной заболочена немногим более, чем, к примеру, территория кривичей (вспомним огромные болотные массивы между Западной Двиной и Волгой). Только лишь припятские болота, расположенные в южной части дреговических земель, позволяют называть своих обитателей «болотными людьми»⁹⁷. Этнографическое наименование этого края — «Полесье», т. е. эквивалент летописной «деревской» земли, а наиболее высока заболоченность не левобережного «дреговичского», а правобережного «древлянского» Полесья. Исследователи часто делают вывод о происхождении балканских дреговичей из области Белоруссии, более обильной болотами, чем Македония и Фессалия (Карский 1904: 70). Тем не менее, с учетом возможного патронимического толкования имени дреговичей и наличия р. Драговицы на Балканах возможно и обратное толкование передвижений дреговичей — из области р. Драговицы в северном (в Полабье) и северо-восточном (левый берег Припяти) направлении. «Съдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи», — сообщает о дреговичах ПВЛ, причисляя их к ветви дунайских славян (ПВЛ 1996: 8).

Не лишена логики гипотеза, впервые представленная в работе Н. П. Барсова, о том, что «в эпоху, близкую к основанию Русского государства», дреговичи «уже исчезли» (Барсов 1885: 71). Возможно, они являются одним из древнейших племенных образований восточноевропейских славян, переставшим оказывать влияние на политическую жизнь Восточной Европы еще до того периода, начиная с которого древнейшие русские летописи становятся на почву исторических фактов, т. е. до третьей четверти X в. По-видимому, мы имеем дело с одним из крупных и аморфных племенных союзов, которые распались

⁹⁷ Данное обстоятельство является не последним аргументом в пользу сужения дреговической территории и ограничения ее в северном направлении областью водосбора левых притоков Припяти (см. напр.: Седов 1982: 113).

в процессе славянских передвижений VII–IX в. (в этом отношении дреговичи могут быть поставлены рядом с уличами и кривичами). Западных и Македонских драгунитов следует рассматривать как осколки этого рыхлого образования, обитавшего около середины I тыс. н. э. на территории Белоруссии.

Кривичи. Славяне ли они? Помимо, как будто, «литовского» имени, вводящего в сомнения исследователей, и сама ПВЛ оставляет возможность для колебаний в этом вопросе, поскольку кривичи, в отличие от полочан, не упомянуты среди племен, объединенных славянским языком. В перечне, однако, не указаны и словене; вместо них фигурируют «новгородцы». Логично предположить, что и кривичи названы там именем «полочане», что летописец счел достаточным⁹⁸. Константин Багрянородный разрешает сомнения, упоминая кривичей в числе славяний, платящих подать киевским *росам*. Давно отмечено, что литовцы донныне употребляют этот этноним по отношению к русским. Отсюда — версия о литовском его происхождении (от *kreevs*) (Хабургаев 1979: 195, 196). Сложно, однако, смоделировать ситуацию, в которой прозвище привилось бы на славянской почве. Существуют и другие точки зрения, производящие имя кривичей от первопредка именем *Кривъ* (Фасмер 1986а: 375) или славянского *кроу*, *кровь*, в значении «кровные родственники» (Карский 1904: 78; Середонин 1916: 138)⁹⁹. За пределами Руси письменные источники VI — XII вв. кривичей не знают. Есть, однако, предположение, что следы этнонима *кривичи* имеются в балканской топонимике (Трубачев 1974: 62). Топоним *Кривеска* на Пелопоннесе, возможно, подтверждающий это мнение, фиксируется в Морейской хронике XIV в. (The Chronicle of Morea 1904: 426, 6575, примеч. на с. 636; Crusaders as conquerors 1964: 259, 6575). Поздняя дата источника и необходимость специальных лингвистических изысканий помещают этот факт за пределы нашей работы.

Гипотеза об изначальном единстве кривичей давно укоренилась в русской историографии (Данилевич 1896: 52). Характер его авторам виделся

⁹⁸ Вопрос соотношения полочан и кривичей за полтора столетия активных историко-археологических изысканий успел накопить вокруг себя значительную историографию, опирающуюся на очень ограниченное количество весьма ненадежных источников. Попытки противопоставить кривичей и полочан по историческим (Костомаров) и археологическим (Булкин) источникам нельзя, на наш взгляд, назвать удачными (критику Костомарова см.: Данилевич 1896: 46–50; обобщающая работа по вопросу: Горский 1995).

⁹⁹ С. М. Середонин выходит из сложного положения следующим образом: по его мнению, имя «кривичи» литовского происхождения, но осмыслено славянами применительно к названию крови — родственников (Середонин 1916: 138).

по-разному. Мы, вслед за В. Е. Данилевичем, склонны представлять объединение кривичей как временный военный союз, возникший в колонизационном движении. Какую бы из версий происхождения племенного прозвания не принять, следует согласиться с распространенным мнением, что население это было разнородным, что обусловило быстрый (к началу формирования Киевской Руси) распад кривичского военно-политического единства. Так можно объяснить некоторую неопределенность в отношении к кривичам составителя ПВЛ. Действительно, кривичи разбросаны на огромных пространствах, а представления о них у летописца очень размыты. Олег в 882 г. «с кривичами» идет походом на кривичский же град Смоленск. Владимир в 980 г. «с кривичами» осаждают и громит кривичский же город Полоцк. Даже не воспринимая обстоятельства этих событий как непреложную историческую реальность, приходится отметить представление летописца о географической и политической раздробленности кривичей. Недаром в главе о варяжской дани он уточняет: «... имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнх, на мери и **на всѣх** кривичѣхъ» (ПВЛ 1996: 12)¹⁰⁰. Уточнение уникально. Все это говорит о том, что к моменту составления рассказа (вторая половина XI в.) единства кривичей не существовало, и название это, обнимая огромную территорию, не заключало в себе того значения, какое имели этнонимы «древляне», «поляне» или «словене». В указанное время военной опасности со стороны иноземного населения Верхнего Поднепровья и Подвинья для расселившихся здесь славянских группировок уже не было, время борьбы за земли миновало.

Летописные данные позволяют реконструировать, по крайней мере, три ветви кривичей с разной судьбой. Кривичи, обитавшие в верховьях Западной Двины и Волги, занимают одно из центральных мест в рассказе о начале Руси. Они оказываются в области варяжской дани, затем участвуют в изгнании варягов¹⁰¹. В союзе со словенами, чудью и мерей эти северные кривичи призывают варягов и создают северорусское государство.

Верхнеднепровские кривичи были подчинены варяго-русами позднее, возможно, уже из Киева (со-

¹⁰⁰ Сюжет о взимании дани варягами «со всех» кривичей может быть подчинен той же цели, что и упоминание о мифическом «муже», посаженном Рюриком в Полоцке, — подчеркнуть права Рюриковичей на Полоцкую землю.

¹⁰¹ Е. Н. Носов предположил, что речь идет о племенах, расположенных вдоль северной части «серебряного пути», по которому арабское серебро поступало в Северную Европу. В таком случае следует признать, что это верхневолжские кривичи. Но в IX в. часть арабской серебряной монеты поступала в Северную Русь по донскому пути и далее через Верхнее Поднепровье и Верхнее Подвинье.

гласно ПВЛ, во время похода на Киев), во времена Олега Вещего, где-то на рубеже IX–X вв. После военной экспедиции Олега кривичи упоминаются как постоянные участники военных предприятий Рюриковичей — походов на Византию в 907 и 944 гг., похода Владимира на Полоцк в 980 г., обустройства Владимиром застав на печенежском порубежье (980–990-е).

История западной ветви кривичей сложнее. Свидетельство ПВЛ о раздаче Рюриком своим «мужам» городов, среди которых упомянут Полоцк (ПВЛ 1996: 13), относится, скорее всего, к домыслам составителя летописи, призванным утвердить приоритетное право Рюриковичей на полоцкий княжеский стол. История Полоцка до конца X в. крайне гадательна. Сравнительно твердые основания для освещения событий, происходивших в белорусском течении Западной Двины, появляется только со времен Владимира Святого. Можно считать достоверным существование в Полоцке в третьей четверти X в. самостоятельной варяжской династии, вступившей в конфликт с новгородским князем и, очевидно, затронувшей интересы формирующегося новгородского государства. Истоки конфликта лежали, скорее всего, в борьбе за контроль над «путем из варяг в греки», центральная часть которого пролегла через кривичские земли. Я имею в виду один из каналов поступления в Северную Европу арабского серебра, совпадавший с центральным отрезком «пути из варяг в греки» в бассейне Западной Двины. В последние десятилетия X в. Полоцку был нанесен серьезный военный удар, варяжская династия уничтожена, а западные кривичи какое-то время были подвластны Рюриковичам. Впрочем, окончательно подчинить себе Полоцк ни Новгороду, ни Киеву так и не удалось. Имя кривичей встречается в летописях и позже в описаниях княжеских распрей первой половины XII в.

В историографии сложилась традиция, отдающая во владение кривичам также район Изборска и Пскова (Барсов 1885: 178; Грушевский 1911: 218; Седов 1960). Возникла она отчасти на основе весьма поздней летописи (Архангельский летописец); отчасти на самом сюжете о призвании варягов (кривичи участвуют в призвании и полагают, что именно они получают в Изборск князя Трувора). Оба аргумента представляются спорными. На основании последнего из них Изборск можно полагать с равной вероятностью и городом чуди, и городом словен.

Словене. Единственное восточнославянское «племя», не получившее особого имени и фигурирующее в ПВЛ под общим древним самоназванием, как полагают, обозначающим людей, владеющих речью, словом. Народ *С.л.виюн* в качестве данников хазар впервые фиксируется в бассейне Волги в X в. (Коковцов 1932: 98–100). Распространена точка зрения, что, оказавшись на острие миграции, вклинившись вглубь

лесов, словене новгородские оторвались от основного массива переселенцев и оказались полностью в иноязычном окружении, что и привело к воспроизведению в самоназвании определения *словене* — люди, говорящие на понятном языке (Грушевский 1911: 220).

Нельзя сказать, чтобы эта версия полностью отражала историко-географические реалии. Археологические данные не подтверждают изоляции ильменских славян от остального славянского мира. Словене, безусловно, были его передовым отрядом на Северо-Западе, но исторических или археологических данных о каком-либо глухом инородческом барьере, существовавшем в последней трети I тыс. н. э. между Ильменем с одной стороны и Западной Двиной с Верхним Днепром с другой, у нас нет. В таком же пограничном положении к аборигенным балтийским и финно-угорским племенам, что и ильменские славяне, находились и другие восточнославянские группировки в краевых областях вышеупомянутого восточнославянского «клина», например дреговичи и полочане на западе, северяне или вятичи на востоке.

Со словенской самоидентификацией новгородцев дело обстоит сложно. Летописная традиция сбивчива и толкует то о смене новгородцами «словенской» идентичности на «варяжскую» (вслед за сменой правителей), то о происхождении их от дунайских славян. В топонимике Центрального Приильмения присутствуют топонимы с основой *слав*, так же, как и в ряде других древних славянских регионов — в Сербии (*Slovac*), в Боснии (*Slavin*), в Польском Поморье (*Slawno*) (Филин 2010: 159). В Центральном Приильмении это *Славно* в Новгороде, впервые упомянутое Новгородской первой летописью (далее — Н1) в известии 1105 г. (ПСРЛ, т. III. 2000: 19) и урочище *Славить* в Восточном Приильмении. Связь приильменских топонимов со *словенами/славянами* не бесспорна (Хабургаев 1979: 223; Яйленко 1990: 35, 36; Свердлов 1999), однако, параллели с другими областями славянского мира налицо.

Территория обитания словен «около озера Илмеря» обычно трактуется расширенно — как весь почти ильменский бассейн, или будущая Новгородская земля (Носов 1992: 12; Седов 1995: 243; 1999: 164, 165). Летописный текст не дает для этого оснований — скорее он говорит о компактности расселения. Маловероятно, чтобы Помостье или Половатье, отделенные от Ильменя обширными незаселенными дельтами рек, воспринимались в Средневековье как земли «около» Ильменя. Даже при современных средствах коммуникации такое географическое определение этих исконных новгородских территорий выглядит неуместным. Между тем, «поозерьем», то есть именно землей «около озера Илмеря», издавна называлась у жителей Центральной Новгородчины

полоса земель, примыкающая к северо-западному берегу озера. Ее, вкуче с некоторыми другими микро-регионами в пределах Приильменской котловины, пригодными для земледелия, и следует считать племенной территорией ильменских словен. Они были, таким образом, одним из малых племен, сопоставимых по занимаемой территории с полянами.

При расширении области расселения словен вряд ли можно сослаться на плохое знакомство летописца-южанина с географией Северной Руси. Летопись знает и Ловать, и Лугу, и Мсту, однако словене помещены им только на Ильмене, что вряд ли случайно.

Выводы по ГЛАВЕ 2

По итогам методологического (глава 1) и исторического (глава 2) обзоров этногенез предстает диалектической категорией, которая зарождается в мифе и направляется насильем. По-видимому, насилие предшествует формированию этнического сознания. Территориальная экспансия является одним из условий и индикаторов формирования идентичности. Правы исследователи, которые относят начальную фазу этногенеза славян не ко времени предполагаемой лингвистами праславянской прародины (мыслимой как нечто подвижное внутри, но небольшое и статичное по отношению к внешнему миру), а к динамичной эпохе переселения народов IV–VII вв.

Форма организации насилия в изучаемый период («доосевое время» славян и германцев по К. Ясперсу) принципиально отличалась от современной, подчиняясь *мифическому* сознанию, лишенному гуманистической составляющей, принесенной в мир «осевым временем». Основным механизмом славянской экспансии, исходя из письменных источников, следует признать завоевание с целью изгнания или истребления конкурирующих групп. Этот взгляд не нов. Вспомним красочную лексику А. А. Шахматова, повествующего о расселении славян в одной из своих последних работ, опубликованной в разгар гражданской войны: «пробились в бассейн Западной Двины», «сумели укрепиться на Днепре», «захватив верхнее течение Оки», «столкновение с литовскими племенами», «выдержать тяжелую борьбу с литовцами из-за обладания Поприпятьем и Поднепровьем», «литовцы были отброшены», «оттеснение латышей», «вторгнуться в страну финских племен» и т. д. (Шахматов 1919: 37–42). Советская власть, обратившаяся к построению федеративного государства, категорически пресекла подобные исторические формулировки, продолжившие активно использоваться (*Ostslavischen Expansion* и т. п.) в зарубежной славистике (Udolph 1981, 2016; Birnbaum 1990: 5).

Требуется объяснения широкое распространение славян в различных географических зонах Старого

Света, от Малой Азии до восточноевропейской тайги. Можно говорить об их высоких адаптационных возможностях и биологической стойкости в связи с многоукладностью экономики и хозяйства. Наконец, можно предполагать этническую многокомпонентность населения, именовавшего себя *славянами*, и включавшего диаспоры, сравнительно недавно «примерившие» на себя славянскую идентичность.

Экспансия как проявление роста агрессии в социуме связана с демографическими изменениями (Пинкер 2021: 152, 153). Среди них важную роль играет повышение доли молодежи (в возрастном диапазоне 15–25 лет). Растущему населению необходимы ресурсы и новые богатые ими территории. При этом их прежние обитатели не должны быть настолько многочисленны, чтобы организовать эффективный отпор¹⁰².

Для территории Германии давно отмечена связь древнейших славянских географических названий с наиболее плодородными почвами (Udolph 2016: 226, 229). Схожая ситуация для раннеславянских селищ и городищ зафиксирована в Приильменье (Еремеев, Дзюба 2010: 52, 391, 392). Это значит, что целью переселений в историческое время являются не пустующие, а лучше всего освоенные земли. Переселение — это всегда завоевание. Оттенки начинаются не с качественной, а с количественной оценки миграции.

Объектом экспансии чаще всего становятся территории, заселенные народами, находящимися в состоянии кризиса и имеющими относительно пониженную демографическую динамику. Полной или частичной смене населения на определенной территории всегда предшествуют факторы, влияющие на эту динамику. Они могут иметь форму природных изменений, подрывающих экономику (колебания климата и неурожаи), могут быть связаны с эпидемиями или с социально-политическими кризисами: войнами и междоусобицами. Но некий демографический и культурный вакуум перед вторжением извне всегда имеет место. Итак, *миграция подразумевает наличие зоны и периода перенаселения (в метрополии), а также и периода зоны демографического упадка. Последняя должна обладать ресурсной привлекательностью и сравнительной окультуренностью. Условием миграции, недооцененным в историографии, является наличие цели. При переселении необходима некая земля обетованная, образ, обеспеченный большим количеством информационно-мифологических связей. На это условие первыми обратили внимание лингвисты (Трубачев 1974: 50, 51). Миграции осуществляются не наугад, а по руслу распространения стратегической информации, необходимой для во-*

енного успеха, — о наличии ресурсов и слабости их обладателей, о маршрутах достижения этих ресурсов. Иными словами, миграции происходят вдоль известных торговых и политических путей сообщений.

Для переселения необходима совокупность боевых традиций и организации, обеспечивающих военное превосходство над аборигенами. Переселение начинается с вторжений групп молодежи, опустошающих сначала пограничные области, а затем все глубже проникающих на территорию соседа. Миграция может этим и ограничиться. Тогда небольшие коллективы вооруженных мигрантов расселяются «поверх» туземного населения, формируя правящую верхушку и закладывая основы сословного общества.

В ином случае за группами молодых воинов из метрополии подтягиваются массы оседлого населения, радикально меняющие этнический пейзаж и вытесняющие туземцев. Изгнание из своих земель, чаще всего *de facto*, означало гибель коллектива как этноса. Для этого не требовалось тотального уничтожения, достаточно было истребления мужчин-воинов, бывших в первую очередь хранителями племенной идентичности, и мальчиков-подростков. Женщины вливались в коллективы победителей, на первых порах придавая их культуре местный колорит. Следует также учитывать, что миграция часто завершалась периодом этноцида, в течение которого завоеванное население ущемлялось в правах, в первую очередь связанных с участием в организации насилия. Сюда относятся такие уловимые археологией факторы, как ношение оружия и обладание фортификационными сооружениями. Логика завоевателей-земледельцев в середине I тыс. н. э. едва ли изменилась со времен Цезаря:

«Чем более опустошает известная община соседние земли и чем обширнее пустыни, ее окружающие, тем больше для нее славы. Истинная доблесть в глазах германцев в том и состоит, чтобы соседи, изгнанные из своих земель, уходили дальше, и чтобы никто не осмелился селиться поблизости от них» (Caesar, *Bel. Gal.* VI. 23; Записки Юлия Цезаря 1948: 129).

Племя, вытесненное с освоенной территории, могло некоторое время скитаться в лесах среди неводеланных земель, но, в конце концов, его ждала гибель. Исчерпывающее описание судьбы такого племени (германцев-ампсивариев) можно найти в «Анналах» Тацита:

«...оставшись в одиночестве, это племя отошло назад к узипам и тубантам. Изгнанные из их владений, они пытались пробиться сначала на земли хаттов, потом херусков, и в этих долгих блужданиях, встречаемы порою как гости, порою как бесприютные нищие,

¹⁰² Как отмечает С. Пинкер, «где бы не возникала тенденция к насилию, она всегда стратегическая» (Пинкер 2021: 64, 69).

порою как враги, потеряли убитыми в чужих краях всех, способных носить оружие, тогда как старики, женщины и дети стали добычей различных племен» (Тас. Ann. XIII. 56; Тацит 1993: 251).

Вышеупомянутая ситуация приводила к тому, что при миграциях за счет геноцида и дискриминации мужского населения в первую очередь вытеснялись элементы мужской культуры. В нашем случае это были, конечно, воинские традиции (в частности, городища с «длинными домами») и элитарные погребения. Элементы женской культуры заимствовались шире и глубже, особенно на ранних этапах миграции. Для объяснения механизма славянского расселения часто используется концепция *lingua franca*. Приведу характерную цитату из работы В. Поля:

Slavic may have served as a *lingua franca* of rather *inhomogeneous* [здесь и далее – курсив мой И. Е.] populations. This would help to explain its *homogeneity* over long distances and would imply that the language was initially not the key feature of Slavic identity (Pohl 2018: 123).

То, что концепция *lingua franca* ничего не объясняет сама по себе, так же очевидно, как то, что *гомогенностью* невозможно объяснить *негомогенность*. Основной вопрос — *почему* именно праславянский язык. Для широкого и быстрого распространения его (как *lingua franca*) в лесной зоне среди коллективов, принадлежащих к разным языковым семьям, необходимы были политические и экономические предпосылки. Мировая история учит тому, что распространение языка — это всегда расширение военной и экономической власти и наоборот — «вавилонизация» — следствие ее ослабления. Но даже при абсолютном доминировании проходит значительное время, прежде чем язык общения становится источником общей идентичности, которую, например, фиксирует в лесной зоне ПВЛ. Присутствующее в летописи чувство лингвистического превосходства вполне отражает стимул изучения славянского языка для иноплеменников — дань платят иные «языци».

Уязвимое место идеи *lingua franca* заключается в том, что механизмом его распространения признается элитарная культура, способная диктовать обществу свои правила (Barford 2001: 16, 34). Однако, у славян до IX в. ни письменными, ни археологическими, ни лингвистическими источниками (праславянская терминология власти преимущественно состоит из заимствований) не зафиксировано наличие *правящей* элиты; известны только военные вожди (Авенариус 1991: 29, 32; Pohl 2018: 124). Материальная культура славян отличается поразительным единообразием бедности. Попытки объяснить ее привле-

кательность для инородческого населения, будь это на Балканах или на границе Восточноевропейской тайги, эстетическими или хозяйственными соображениями вряд ли перспективны, как и попытки подставить на место славянской элиты аварскую, которая якобы обеспечивала распространение праславянского языка своим военно-политическим авторитетом и культурной привлекательностью (идеи в этом духе см: Curta 2004:132).

Представляется, что для феномена распространения праславянского языка в качестве *lingua franca* лучше всего подходит объяснение, вполне классическое: жесткое военное доминирование не кого-либо, а самих носителей языка. Эти факторы проистекали из ацефальной «примитивной» структуры общества и комплексной хозяйственной специализации, всего того, что в совокупности образовало в VI–VIII вв., по меткому выражению В. Поля, наиболее приспособленный для выживания образ жизни (Pohl 2018: 125, 156–161, 398, 399). Концепции массового «принятия славянского образа жизни» у В. Поля не хватает только одного элемента, без которого идея такой славянизации кажется мало правдоподобной, а именно — политической и экономической независимости носителей престижной идентичности и языка. Отсюда вытекает, мне кажется, вывод о преувеличенной роли аваров в славянизации Европы.

Есть ли в западноевропейских, византийских и арабских письменных источниках VII–IX вв. известия, которые объясняли бы масштабную миграцию славянского земледельческого населения в восточноевропейские леса, включая «Оковский лес» и Пришьельне? Несомненно, катастрофическая эпидемия чумы в Южной Европе в VI в. с ее периодическими возвратами, и нашествие кочевых народов (аваров и болгар), и антиславянская реконкиста Византийской империи на Балканах с массовыми переселениями славян в VII–VIII вв., и восточная военная политика Каролингской империи в VIII–IX вв., а затем Восточно-франкского государства в X в., и мадьярское завоевание, повлекшее за собой гибель Великоморавского государства в конце IX — начале X в., — все это приводило к периодическим перемещениям населения внутри славянского мира и за его пределы. Часть этих движений мы можем проследить в памятниках археологии: выявлены следы проникновения населения из Подунавья в Среднее Поднепровье во второй половине VII в. (Приходнюк 1996; 2005; Бяліцкая 2020: 51); все яснее проступают моравские элементы в материальной культуре населения Древней Руси начала X в. (главным образом в Поднепровье).

И все же, попытки некоторых археологов подставить разрозненные находки, найденные к северу от Днепра и предположительно связанные с Дунайским регионом, как следы масштабной миграции,

едва ли можно назвать удачными. Следует признать, что рассказ ПВЛ о дунайской миграции сильно преувеличивает размах события. Отыскать полное соответствие ему в археологических реалиях едва ли возможно. Безусловно, в летописи отразились эпические сказания каких-то групп славянства, как сказания переселенческие, так и сказания о первородстве на той или иной территории. Но они находятся там в виде, переработанном в соответствии с историческими представлениями монаха-летописца, и не годятся для исторических реконструкций. Скорее всего, в основу дунайского мифа ПВЛ легла традиция, принесенная на Русь в первой половине X в. выходцами из Великой Моравии.

Изучаемый славянский «клин» (Восточно-Балтийская славянская историко-этнографическая область) образован не дальней трансзональной, в географическом понимании этого термина, миграцией, а какими-то более локальными переселенческими процессами, ограниченными лесной зоной Восточной Европы. Единственным геополитическим катаклизмом в Подунавье, настолько крупным, чтобы оказать влияние на славянский мир Восточной Европы, представляется крушение Аварского каганата в конце VIII — начале IX в. Эти события совпали с существенными культурными трансформациями славянского пространства вплоть до Нижнего Поволжья (формирование КСДК и близких ей древностей Северо-Запада), сопровождавшимися проникновением элементов дунайских традиций, вглубь лесной зоны. Кто являлся их носителем — сложный и интересный вопрос, к которому мы попробуем подойти в главе 4.

Особого внимания заслуживает вопрос о признании военных успехов славян на Балканах критерием общественного развития. Вряд ли их можно объяснить только многочисленностью (Люттвак 2010: 423) или какой-то беспримерной жестокостью поведения (Шувалов 1998: 13; 2001). Именно массовость участия свидетельствует о наличии в обществе, помимо идентичности, военной логистики. Если не выработаны общие правила поведения, отсутствует иерархия командования и механизмы принуждения, группа не сможет организованно перемещаться на сотни километров и разбежится при столкновении с регулярной армией. Представления о славянском обществе как совокупности обитателей мелких поселков, воюющих друг с другом из засад и похищающих женщин из соседнего коллектива в несколько десятков человек, нужно решительно отставить. Об этом не стоило бы говорить, если бы такой взгляд на славянский мир не присутствовал на страницах многих современных работ (Dvornik 1956; Франклин, Шепард 2000; Толочко 2015). В дальнейшем этот вывод потребует нам для интерпретации восточноевропейских городищ. Проблема здесь заключается в том, что

именно уместно считать критерием примитивности общества. Всегда ли таким критерием является степень социального расслоения? В таком подходе сложность и успешность военной организации при эгалитарной структуре общества не противоречит признанию его примитивным и неспособным к самостоятельному политическому развитию. Именно по этой цепочке рассуждений двигались многие авторы, искавшие основы славянской государственности в кочевнической или германской стихии¹⁰³. Но при всей важности этих составляющих восточнославянской культуры, невозможно согласиться с их ведущей ролью на фоне успехов колонизационного движения, пусть даже оно отличалось от каролингской, арабской, норманнской и других европейских форм экспансии.

Для интерпретации городищ важно отметить высокую скорость и качество освоения (или разработки?) славянами передовых военных технологий, связанных с осадой городов. Речь идет не об индивидуальном вооружении (таких примеров немного), а о технологиях в области военного судостроения и осадной техники (и связанной с ними тактики), требующих коллективной деятельности. Механизм усвоения исследователи видят, с одной стороны, в службе славян в византийской армии, с другой — в большом количестве пленных византийских военных в славянской среде:

«The Slavs come into our attention in the 6th century along the lower Danube, “in the shadow of Justinian’s forts,” as Curta puts it, but only settled in the Balkans in the 7th century. From the 530s until the establishment of the Bulgarian empire (680s), the political map, as far as can be ascertained, was dominated by very small chiefdoms and a fairly primitive material culture that was beginning to evolve more complex forms when the Bulgars disrupted this development. The Slavs have generally been assigned a very small role in the diffusion of technology, since they appear to have had a very primitive social organization as well as a low level of technological development, especially in the 6th century. In contrast, it can be argued that the Slavs were very quick learners and absorbed military knowledge from deserters, prisoners of war, or their own service in the Roman army to the extent they were systematically exploited for their skills by the Avars» (Petersen 2013: 371–372).

Все это верно, но недостаточно для понимания механизма заимствования. При освоении сложных военных технологий необходим определенный уровень социального развития общества, подразумевающий несколько возможностей:

¹⁰³ Яркий пример, в значительной степени продолжающий задавать тон историографии: Dvornik 1956: 57–59.

- ресурсное изобилие (возможность решать производственные задачи, организовывать снабжение стратегическим сырьем — железом, кожами и пр.);

- централизацию командования и наличие военной иерархии;

- возможность оперативно мобилизовать людскую силу на решение масштабных технических задач;

- наличие в войске групп людей, занимающихся техническим обеспечением военной кампании (о кузнецах, следовавших за славянскими отрядами, уже упоминалось выше);

- наличие определенной военной культуры, поскольку между обращением в рабство вражеского военного специалиста и использованием его профессиональных знаний лежит мировоззренческая пропасть. Простая служба во вспомогательных частях византийской армии едва ли привела бы к овладению сложными военно-инженерными знаниями. Для этого необходимо занимать достаточно высокое положение, что тоже говорит об определенном уровне воинского мастерства славян уже в VI в.;

- совершенствование военного потенциала должно находить понимание и поддержку у общества, готового направлять свои ресурсы в военное русло.

Все это не противоречит бесспорно известной по археологическим данным «примитивности» материальной культуры славян, но не коррелирует с представлениями о неразвитости их социальной

организации. Напротив, вырисовывается картина не только многочисленных, но и сложно организованных коллективов. Вероятно, правы авторы, которые видят в славянском расселении на Балканах черты организованности.

Что полезного из балканской истории славян можно извлечь для реконструкции событий в лесной зоне Восточной Европы? Основной вывод — простота материальной культуры не свидетельствует о примитивности социальной жизни. Успехи колониционного движения (по большей части связанного с завоеванием) не зависят от развития ювелирного искусства, гончарного производства и домостроительства. Пытаясь разобраться, как происходило славянское расселение в Восточно-Балтийском регионе, необходимо в первую очередь изучать динамику крупных историко-географических регионов, изменение их конфигурации и границ. Нужно пытаться увидеть за этой динамикой черты масштабной социально-политической организации, подобной той, которая прослеживается в балканских походах. Насколько обосновано такое сопоставление, особенно при зыбкости идентичности варварских племен в условиях их натиска на Византийскую империю? Ответ на этот вопрос дает роль дреговичей как в захвате Македонии, так и в колонизации Восточно-Балтийского региона, ведь именно из междуречья Днепра, Припяти и Западной Двины и выплеснулся колониционный поток в Приильменье.

ГЛАВА 3. Природные условия и ресурсы Восточно-Балтийского региона по данным археологии

Главный признак человека необразованного, но почему-нибудь принужденного заговорить языком и понятиями не своей среды, – это некоторая неточность в употреблении слов, которых он значение, положим, и знает, но не знает всех оттенков его употребления в сфере понятий другого сословия.

Ф. М. Достоевский.
Дневник писателя, 1873 г.

Работа над темой главы начиналась совместно с О. Ф. Дзюба, взявшей, вместе с ученицами — А. В. Даниловой, Е. Ю. Мещеряковой, О. В. Кочубей, за реконструкцию средневековой ландшафтной динамики Днепровско-Ильменского кордора. Результаты этих работ неоднократно публиковались с приложением историко-археологических данных. Болезнь и кончина Ольги Федоровны прервали работу, и дальнейшие исследования пришлось вести с использованием полученных под ее руководством данных спорово-пыльцевых диаграмм, преимущественно на археологическом и географическом материале. Он уточнялся и дополнялся, в результате чего по-новому воспринимаются сейчас и данные прошлых исследований. Готовя новую публикацию, я убедился, что необходимо откорректировать и включить в нее указанные материалы, опубликованные в соавторстве, поскольку они представляют собой части единого исследовательского плана. Внесенные изменения относятся к гуманитарной зоне ответственности и не касаются данных спорово-пыльцевых исследований, оставленных в неприкосновенности. Поступая так, я и держал перед глазами цитату Ф. М. Достоевского, стараясь сохранить баланс на грани «не своей среды».

«Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет», — эта фраза Сказания о призвании варягов часто преподносится как метафизический ключ к русской истории. Образ России — бескрайней равнины, по определению поэта, «убогой и обильной» — часть мировой культуры. Отсюда проистекает и концепция безграничных возможностей экстенсивного природопользования, в частности, средневекового подсечного земледелия. Между тем, экономическая география давно усомнилась в тезисе о ресурсной неисчерпаемости России для внутренней колонизации. С учетом лимитирующих особенностей климата и географической среды «эффективная территория» страны, комфортная для производящего хозяйства и проживания, оказывается совсем не велика (Гладкий 2010: 460–473; 2011). Концепцию «эффективной территории» следует применять и при анализе динамики расселения в Восточной Европе в I тыс. н. э. «Эффективность территории» категория историческая,

в значительной степени зависящая от господствующего ХКТ.

Природно-географические условия Восточно-Балтийского региона многократно описаны (см.: Сенников 2005). Для изучения миграций сюда населения из более южных областей важно знать ареал распространения характерных для средней полосы Восточной Европы типов лесной растительности. Логика здесь простая: можно допустить, что миграции в первую очередь происходили в пределах природных районов, занятых лесами, по составу хотя бы отчасти знакомыми южному населению. Такой растительностью в Восточно-Балтийском регионе были леса с заметной долей широколиственных пород (в первую очередь — дуба). Таким образом, большое значение для нашего исследования имеет граница южной тайги (с преобладанием хвойных пород) и подтайги (где заметную роль занимает дуб). В настоящее время в пределах Северо-Запада наибольшая концентрация дубрав отмечается в Приильменской низине, что, вероятно, отражает более древнюю ситуацию (Смирнов 2005). Северный предел распространения дубрав, согласно работам А. К. Денисова, действительно совпадает с северным пределом ранней славянской колонизации по ПВЛ (рис. 4). Таким образом, «славянский клин» занимает пространство между южной границей финно-угорской гидронимии и северной границей широколиственных лесов.

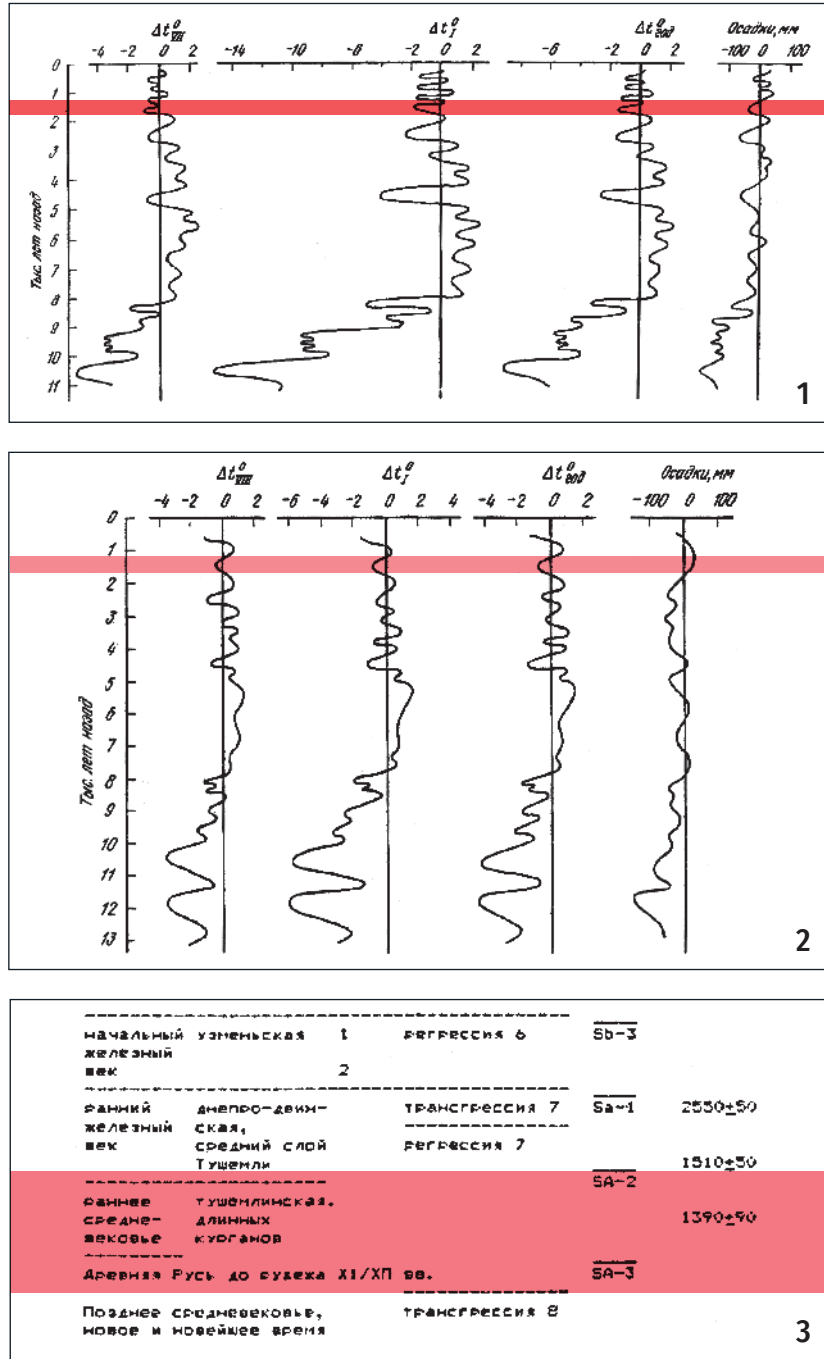
За последние десятилетия появилось множество работ, рассматривающих климатическую динамику субатлантического периода голоцена (Палеогеографическая основа 1994; Спиридонова и др. 2005, 2008; Spiridonova, Aleshinskaya 2012; Шнеевайтс 2019). Согласно общим представлениям о динамике климата Европы в исторический период, на Раннее Средневековье приходится похолодание. Его датировка, прежде определявшаяся временем около 650–850 гг. н. э. (Lamb 1985: 162, 163) ныне несколько удревнена до 540–660/700 гг. н. э. (Büntgen et al. 2011: 580). Последовавшее за этим похолоданием потепление и увлажнение климата датировалось ранее 850–900 гг. н. э. (Lamb 1985: 163–173, fig. 30, 59). По новым данным возврат к климатическим условиям римского времени происходит около 800 г. (Büntgen et al. 2011: 580).

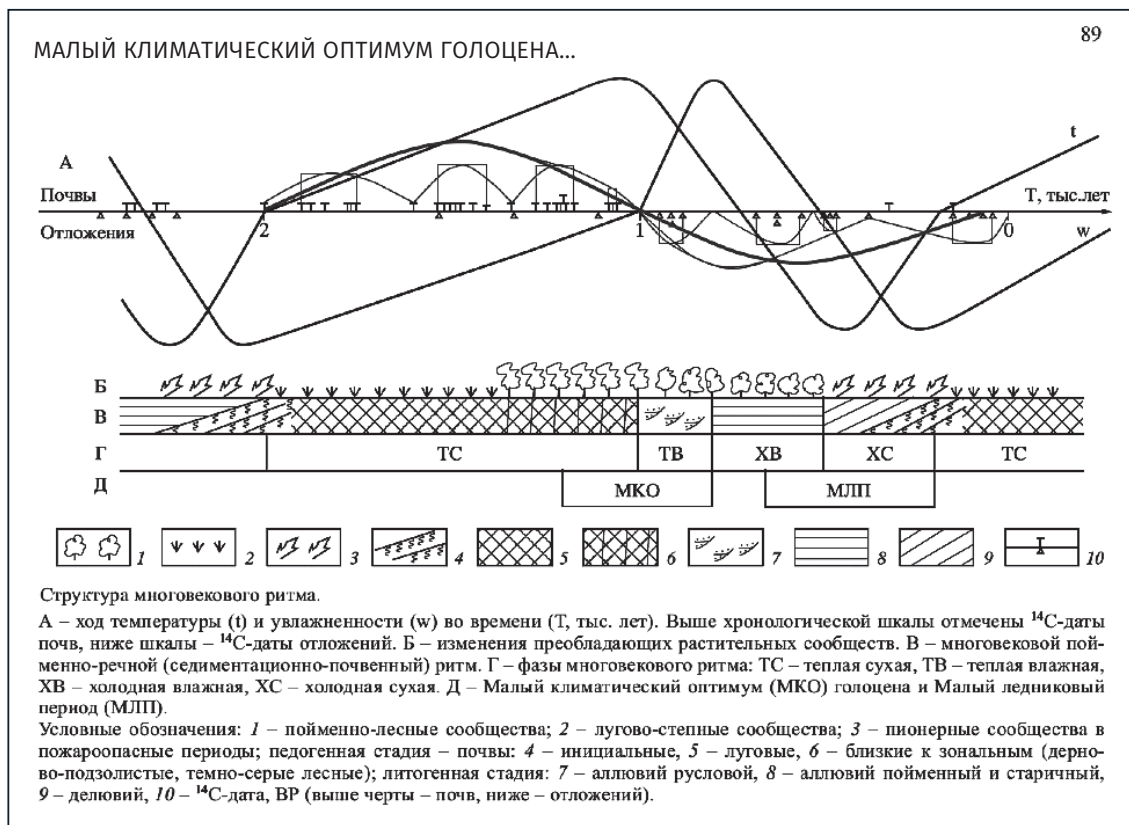
Далее наступает средневековый климатический оптимум, однако, доля засух составляет значительный процент среди экстремальных природных явлений (Кренке, Чернавская 1998: 137, 138). Все I тыс. н. э. представляется временем нарастания увлажненности (рис. 7; 8).

Благоприятный, теплый период длится по выкладкам климатологов приблизительно до 1300 или

1380 г., когда на фоне продолжающегося повышения увлажненности намечается перелом к очередному похолоданию (Lamb 1985: 168, 173, 187, fig. 30; Борисенков, Пасецкий 1988: 66, 67; Сычева 2011: 79). Пик этого похолодания, так называемый «малый ледниковый период», определяется исследователями по-разному: то около 1550–1800 гг. (Lamb 1985: 202–230; Борисенков 1982: 27; Кренке, Чернавская 1998:

Рис. 7. Период Раннего Средневековья (вт. пол. I тыс. н. э.) (выделен красной полосой) в таблицах палеогеографической динамики в лесной зоне Восточной Европы: 1 – палеоклиматические кривые (отклонение от современных) по Карелии (обобщение по 5 разрезам) (Палеогеографическая основа 1994: рис. 36); 2 – палеоклиматические кривые (отклонение от современных) по территории Белоруссии (обобщение по 4 разрезам) (Палеогеографическая основа 1994: рис. 37); 3 – таблица сопоставления культурно-исторических событий и динамики увлажненности в междуречье Западной Двины и Ловати (фрагмент) (Микляев 1992)

СТРУКТУРА МНОГОВЕКОВОГО ПОЙМЕННО-РЕЧНОГО РИТМА В ПОЙМАХ РЕК РУССКОЙ РАВНИНЫ

Интервалы фаз, ВР	Преобладающие рельефо- и почвообразующие процессы в поймах	Фазы ритма	
		климатические	педогенные и литогенные
0–200	Образование слабо развитой дерновой или луговой почвы	ТС	Pd 1
200–500	Аккумуляция пойменной фации аллювия, делювия, инициальное почвообразование	ХС	/
500–800	Аккумуляция старичной и пойменной фации	ХВ	
800–1000	Аккумуляция русловой фации Оглеение почвы	ТВ	
1000–2000	Образование хорошо развитой дерновой, луговой или темно-серой лесной почв	ТС	Pd 2
2000–2300	Аккумуляция пойменной фации аллювия, делювия, инициальное почвообразование	ХС	/
2300–2500	Аккумуляция старичной и пойменной фации	ХВ	
2500–2700	Аккумуляция русловой фации	ТВ	

Рис. 8. Климатическая динамика Русской равнины в субатлантическом периоде голоцена по материалам исследований пойменных отложений рек (Сычева 2011)

129), то около 1400–1700 гг. (Mann et al. 2009: 1256). Для «малого ледникового периода» характерно дальнейшее увеличение увлажненности восточноевропейской территории, выразившееся в росте атмосферных осадков, увеличении паводковых наводнений, в частности, за счет холодных зим, и возрастании уровня грунтовых вод (Борисенков 1982: 28–29; Борисенков, Пасецкий 1988: 62, 195; 203, 500, 503,

рис. 9; Бараш 1989: 224; Кренке, Чернавская 1998: 136, табл. 2, 4).

На спорово-пыльцевых диаграммах Северо-Запада России и средней ее полосы эта последовательность динамики климата прослеживается достаточно определенно (Спиридонова и др. 2008: 101–104, 164, 204, 227, 232–237, рис. 60; Динамика лесных экосистем 2011: 87, 88, рис. 8.1). Пока анализ палео-

географических материалов I тыс. н. э. не свидетельствует об определяющей роли климатических колебаний для культурных процессов (Еремеев, Дзюба 2010: 433, 434; Кренке 2011: 238; см. также: Бронникова и др. 2018: 28).

3.1. Земледельческие угодья

Традиции культивации злаков в лесной зоне Европейской России возникают задолго до славянского расселения. Материалы спорово-пыльцевых анализов (далее — СПА) отмечают всплески земледельческой активности в различных точках между Днепром и Ильменем с эпохи позднего неолита и бронзы (приблизительно 4000 л. н.), причем, как на юге очерченного нами «славянского клина» — в Белорусском Поозерье, Витебском Подвинье (Еловичева 1993: 70–71; Зерницкая, Симакова, Павлова 2001: 8, 14, рис. 10; Zernitskaya, Mikhailov 2009: 103; Еремеев и др. 2008; Eremeev et al. 2009: 73) и в Смоленском Подвинье (Mazurkevich et al. 2009: 64, 65), так и на севере, в Ильменском Поозерье (Königsson, Posnert, Hammar 1997: 377; Königsson 2001: Abb. 3).

В Восточном Приильменье выращивание культурных злаков ясно фиксируется с середины I тыс. до н. э. (Еремеев, Дзюба, Лисицына 2007: 253). Отсчет земледельческой деятельности племен ДДК в верховьях р. Ипать (городище Жарынь), по данным палинологии, начинается приблизительно с VIII–VII вв. до н. э., т. е. с момента формирования культуры (Шмидт 1992: 57–61, 118, 119). На спорово-пыльцевой диаграмме из Гнёздова земледельческая деятельность племен РЖВ (далеко не в начальной своей фазе) определяется радиоуглеродной датировкой 1890±30 BP (ИГАН-2645) (Бронникова, Успенская 2007: 166, 171). Сопоставляя эти пока еще разрозненные данные, можно заключить, что вся история Днепровско-Ильменского региона на протяжении последних 4000 лет связана с развитием лесного земледелия, очаги которого могли менять локализацию, но никогда уже больше не затухали.

Накапливающийся археологический материал не оставляет сомнений в том, что хозяйство дославянского населения лесной полосы Восточной Европы в первых веках н. э. при большой роли скотоводства имело земледельческий характер. Об этом говорят следы зерновых запасов, найденные на поселениях дьяковской (Вишневский 1994: 223, 224; 2009: 34; Вишневский, Кирьянова, Добровольская 2007; Гунова и др. 1996: 107–110; Кирьянова 2003: 457, 458; Кренке 2004: 55, 56; Лебедева 2005: 166; 2008: 243–244; 2009) и днепро-двинской (Станкевич 1960: 172, 323, 324; Шмидт 1992: 57; Еремеев и др. 2008: 17) культур, а также КШК (Митрофанов 1978: 43). О том же свидетельствуют отпечатки зерен культурных злаков в тесте керамических сосудов (Вишневский 1994: 223;

Лашанкоў, Траццякоў 2005: 56); повсеместные находки серпов и каменных зернотерок; характер системы расселения (Гунова и др. 1996). Показательны данные об изменениях видового состава костных остатков, полученные по днепро-двинскому городищу Анашкино в Верхнем Подвинье (наиболее полно исследованный памятник этой культуры). Как установил М. В. Саблин, к рубежу эр в остеологической коллекции резко возрастает количество костей овцы и зайца (Короткевич 2004: 16; Короткевич, Саблин, Сыромятникова 2010), что говорит о росте открытых пространств, т. е. о вырубке лесов под посеvy.

Земледельческая хозяйственная специализация племен РЖВ лесной полосы предопределила и особенности славянской колонизации V–VI вв. Первичная освоенность благоприятных для земледелия угодий ускорила и облегчила колонизацию огромных лесных территорий, упростила их дальнейшее хозяйственное освоение (Коляда 1985; Низовцев, Щуркина 1997: 26; Кренке, Низовцев 1997: 89).

Некогда считалось, что земледелие в лесную зону принесено славянами. По мере накопления новой информации концепция двух различных хозяйственных укладов (славян и их предшественников) в работах славистов начала меняться. До сих пор звучит мысль о том, что в хозяйстве дославянского населения (связанного с КПДК) ведущую роль играла подсека, в то время как славяне практиковали преимущественно более прогрессивное пашенное земледелие (Долуханов, Носов 1985: 21; Конецкий, Самойлов 2000а; Конецкий 2009: 13; Исланова 2016: 144)¹⁰⁴. Согласно этой версии, на ранних этапах колонизации славяне и аборигенные племена по-прежнему занимали различные экологические ниши (соответственно на супесчаных и суглинистых почвах), и конкуренция между переселенцами и туземцами имела преимущественно экономический характер. Противопоставление в областях к югу от границы тайги «прогрессивных» славянских землепашцев «примитивным» балтским и финно-угорским земледельцам не может быть признано обоснованным. Уровень развития земледелия культур первой половины I тыс. н. э. в настоящее время повсеместно переоценивается в сторону признания за ним комплексного характера, где находило место и пашенное, и подсечно-огневое земледелие. Идея о распространении в лесной зоне уже в РЖВ пашенного земледелия формулировалась постепенно (Краснов 1968, 1971; Гунова и др. 1996; Медведев 1996: 48; Кренке 2004, 2011). Сейчас это переосмысление связано с несколькими направлениями исследований.

¹⁰⁴ Странники этой версии иногда уверены, что середина – третья четверть I тыс. н. э. – эпоха повышенной увлажненности, позволявшая выращивать злаки в борах (Исланова 2016: 144). Несостоятельность этого мнения обоснована в данной главе.

Углубление по результатам СПА ретроспективы земледелия в лесной зоне Европейской России и в Северной Белоруссии (вплоть до позднего неолита) уже не позволяет говорить о примитивности земледельческой культуры первых веков новой эры, прошедшей к тому времени двухтысячелетний путь развития. Скорее, следует ожидать определенной синхронизации этапов этой культуры с традициями лесной зоны Центральной и Северной Европы, а именно: Скандинавии, Южной и Юго-Восточной Прибалтики и Польши.

Элементы почвенного профиля, аналогичные пашням, выявленным под насыпями древнерусских курганов XII–XIII вв., были зафиксированы под валами дьяковских городищ Луковня 2, Коробово и Троицкое (Александровский, Кренке 1993: 24, 25; Александровский и др. 1998). Внешний вал городища Луковня 2 датирован радиоуглеродным методом. Получена серия дат, относящихся к IV–III вв. до н. э. Вал городища Коробово относится ко времени около I в. до н. э. — I в. н. э., и внутренний вал Троицкого городища примерно к тому же времени (Александровский и др. 1998: 337–341, 349). Несмотря на критические замечания о том, что без площадной фиксации пахотных борозд пашни не диагностируются (Конецкий, Самойлов 2000а: 324, 325), последнее слово остается, видимо, за сторонниками наличия у дьяковцев пашен (Кренке 2004: 56, 57; Гольева 2008: 33, 34, 39). В наличии пашенного земледелия у населения дьяковской культуры (далее — ДК) убеждает анализ системы расселения и ее ландшафтной приуроченности, а также большое количество зерновых находок на городищах. Убеждает динамика роста свободных от леса пространств, реконструированная для дьяковского времени по данным СПА (Гунова и др. 1996: 118, 119).

Некоторые спорово-пыльцевые диаграммы позволяют выявить следы земледелия РЖВ в тех ландшафтах, которые исключают подсеку, например, в пойме восточного берега озера Ильмень (Еремеев, Дзюба, Лисицына 2007; Еремеев, Дзюба 2010: 44, 47). Видимо, древнейшее пашенное земледелие на интересующем нас Днепровско-Ильменском пространстве было связано с аллювиальными почвами речных надпойменных террас и пойм равнинных озер. Едва ли это предположение можно опровергнуть указанием на то, что площадные следы распашки эпохи бронзы и РЖВ у нас, в отличие от Скандинавии, не обнаружены (Конецкий, Самойлов 2000а: 324, 325). Скандинавские находки пахотных борозд связаны, преимущественно, с курганами, но на Северо-Западе России курганы ранее V в., как известно, не насыпались. Кроме того, средневековые курганы у нас почти никогда не возводились в поймах. Нет (или почти нет) в поймах и городищ с их валами, поэтому шансы найти искусственно погребенные

пахотные поля самого раннего, пойменного, земледелия весьма невелики.

Развитие земледелия у финских племен в Приильменье и Поволховье, возможно, стимулировалось культурными импульсами с территории современной Эстонии. Как выясняется, территория Ижорского плато на северо-западе Новгородской земли в первой половине I тыс. н. э. входила в ареал культуры эстонских каменных могильников (*Tarandgraberkultur*) (Рябинин 1987: 410; Сорокин 2008б: 322; Сорокин, Шаров 2008: 173; Шаров, Сорокин 2008: 168; Юшкова 2010, 2015). Отдельные находки, которые можно связать с тем же пластом древностей, фиксируются восточнее и южнее — в Нижнем Поволховье в Старой Ладоге (Шаров 2006) и в Солоницко в Западном Приильменье (Кулешов 2005: 184–186). К западу от Чудского озера памятники этой культуры в значительной своей части группируются в северной Эстонии и связаны с дерново-карбонатными почвами, образовавшимися на выходах известняка Балтийско-Ладожского денудационного уступа. К середине I тыс. н. э. пашенное земледелие на этой территории имело уже давнюю традицию. Судя по результатам археологических исследований 1990-х гг., уже в первой половине I тыс. до н. э. здесь возникают пахотные поля. Свидетельство тому — образовавшиеся при их очистке разнообразные каменные набросы, основанием для датировки которых служат находки керамики и радиоуглеродные анализы (Lang 1994: 68; 1994а: 211; 1995; Veski, Lang 1995; Ланг 1995). При этом самые ранние следы распашки, обнаруженные в береговой Эстонии, зафиксированы под культурным слоем поселения позднеиримского времени Илумяэ (Lang 2000: 344, fig. 84–86).

Явно не случайно население культуры могильников с каменными оградами присутствует на территориях восточнее Чудского озера, занятых дерново-карбонатными почвами на выходах известняка. Кроме Ижорского плато, это район Старой Ладogi и область так называемого Ильменского глинта в западном Приильменье. В связи с этим заслуживают самого серьезного внимания площадные следы распашки, обнаруженные в низовьях Шелони под слоем РЖВ и предварительно датированные второй четвертью I тыс. н. э. (Григорьев 2003: 75–77; 2007: 122).

Сложнее всего обстоят дела с реконструкцией земледелия племен ДДК и КШК. В земледельческой специализации этого населения в первых веках новой эры сомнений нет. Но было ли оно знакомо с деревянным ралом? В нашем распоряжении нет ни результатов комплексных микрорегиональных проектов, ни данных карпологических исследований и СПА. В пользу знакомства этих племен с пашенным земледелием можно привести два аргумента из уже прозвучавших выше тезисов. Первое — это очень давние традиции земледелия на территории совре-

менной Белоруссии, верхнем Поднепровье и Подвинье. И второе — культура штрихованной керамики, как и днепро-двинская, занимает центральное место в окружении крупных земледельческих регионов РЖВ, где пашенное земледелие было известно: в Прибалтике (с учетом ее восточной периферии между Чудским озером и Ильменем); в Верхнем Поволжье и в бассейне Припяти. Трудно представить, что, занимая эту географическую нишу, древнее население Белоруссии, Верхнего Подвинья и Верхнего Поднепровья в I–IV вв. н. э. не знало рала.

Признание наличия пашенного земледелия на территориях в первой половине I тыс. н. э. ведет к переосмыслению исторической динамики ландшафтов европейской России и славянского расселения. Теория «ползучей» (по терминологии С. М. Середонина и М. К. Любавского) крестьянской колонизации, противопоставляющая славянских переселенцев-земледельцев финно-угорским и балтским племенам охотников и рыболовов (модифицированные варианты концепции — «ручных» или подсечных земледельцев) должна, очевидно, уступить место более сложным историческим реконструкциям. В корне меняется привычная для историков модель колонизации — конкурентное взаимодействие славянских племен и аборигенного населения перемещается из экономической сферы в военно-политическую. В сравнительно неблагоприятных для земледелия природных условиях Северо-Запада это взаимодействие должно было неизбежно принять формы вооруженной борьбы за посевные угодья. Взгляд на геоморфологическую карту Северо-Запада убеждает том, что участков, удобных для ранних форм земледелия, здесь совсем немного. Если исключить глинистые конечноморенные гряды, переувлажненные моренные и бесплодные песчаные озерно-ледниковые равнины (рис. 2; 102), окажется, что из наиболее плодородных земель для распашки примитивными деревянными ралами пригодны только поймы да узкие полосы земель на стыках озерно-ледниковых и моренных ландшафтов. На эксплуатации этих угодий и было построено хозяйство балтских и финно-угорских племен в начале I тыс. н. э. С приходом нового земледельческого населения столкновение за «жизненное пространство» было неизбежно. В возникшем противостоянии выиграть конкуренцию должно было сообщество более многочисленное, мобильное, организованное и агрессивное; слабейшие племена оказались, видимо, вытеснены с привычных мест обитания и погибли.

В середине — третьей четверти I тыс. н. э. ситуация с земледельческими угодьями достаточно определена. Все известные сколько-нибудь значительные микрорегионы в огромном ареале, включающем банцеровские, тушемлинские древности, древности

КДК, приурочены к расширениям речных и озерных пойм. Это обстоятельство многократно фиксировалось в различных частях очерченного «славянского клина»: от самых западных границ распространения банцеровской культуры в Освейском микрорегионе (Шут 1967: 407) через Двинско-Ловатское междуречье (Микляев 1992) до Ильменя, который представляет, конечно, самый яркий пример.

3.2. Охота и рыболовство

Обзор экономики и торговли Руси IX в. принято начинать с упоминания *русов* в сочинении «Книга путей и стран» Ибн-Хордадбега, перса, жившего примерно в 820–890 гг. Пост почтового чиновника, который он в 840-х гг. занимал в Халифате в северной провинции Джибал, позволял ему лично видеть *русов*, торговавших в Южном Прикаспии. Труд написан не позже 885 г. (о точной датировке спорят) и отражает реалии середины – третьей четверти IX в. (Ибн-Хордадбех 1986: 13, 18).

«Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей (*джинс*) славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных [окраин страны] славян к Румийскому морю. Владетель (*сахиб*) ар-Рума взимает с них десятину (*ушр*). Если они отправляются по Танису — реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владетель (*сахиб*) тоже взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан и высаживаются на любом берегу. Окружность этого моря 500 фарсахов. Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах. Переводчиками [для] них являются славянские слуги-евнухи (*хадам*). Они утверждают, что они христиане и платят подушную подать (*джизью*)» (Ибн-Хордадбех 1986: 124).

Динамику роли охоты в жизни населения Восточно-Балтийского региона во второй половине I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. представить довольно сложно. Разумеется, она пополняла рацион, доставляла множество полезных продуктов, и в каждом сообществе существовали люди, жившие охотой. Но рассматривать сколько-нибудь значительные этнические группы, обитавшие к югу от границы тайги, только как охотников и рыболовов нет оснований. В пределах «славянского клина» слабая освоенность водоразделов и явная земледельческая направленность ХКТ населения второй половины I тыс. н. э. говорит о незначительной роли охоты.

Меха добывались обитателями рассматриваемого региона издавна. Прослеживается это преимущественно по многочисленным находкам костей бобра и куницы на городищах РЖВ (Станкевич 1960: 325, 326; Шмидт 1992: 72–74; Короткевич, Саблин 2014:

300–302). Возможно, население ДДК получало в обмен на шкурки медь и бронзу (Шмидт 1992: 75). Видеть в этом масштабный промысел, ориентированный на дальний внешний рынок, нет оснований, иначе в регионе известны бы были в большом количестве импортные изделия. Бобер, кроме того, широко использовался в пищу. Добыча пушного зверя начала играть существенную роль в жизни Северо-Запада Восточной Европы не ранее конца VIII в., когда открылись южные рынки сбыта.

Труды по рыбному делу начала XX в. дают представление о промысловой ценности водоемов Северо-Запада, среди которых заметную роль играл Ильмень (табл. 3).

Табл. 3. Сравнительная продуктивность рыболовства в водоемах Северо-Западной области в начале 1920-х гг. (Правдин 1925: 114)

Водоем	Размер ежегодного улова, тыс. пуд.
Онежское озеро	30–40
Ладожское озеро	50
Река Волхов	15
Река Нева	5
Финский залив	50
Псковский водоем	200–250
Ильмень озеро	200
Белое озеро	80
Западное побережье Белого моря	100
Мурман	800
Всего	1500

Из таблицы И. Ф. Правдина, отражающей время, когда рыбный промысел сохранял архаичные артельные черты, видно, что биологическая продуктивность Ильменя значительно превосходит показатели других водоемов Северо-Запада, будучи сравнима только с показателями Чудского озера. Это объясняется уникальными особенностями рельефа и водного режима Ильменя (Правдин 1925: 71–74), речь о которых будет ниже.

3.3. Система расселения и промышленная работорговля

Под термином «промышленная работорговля» подразумевается определенная военно-экономическая политика, т. е. весь комплекс условий, предпосылок и действий, связанных с подавлением сопротивления людей, их массовым захватом, содержанием и продажей пленников. Захват осуществляется в результате целенаправленных военных действий, поскольку только этот способ лишения свободы может

обеспечить массовость «товара» и стабильность «промысла». Необходимыми его условиями является высокая концентрация населения-жертвы, наличие отлаженной системы путей сообщения, присутствие доминирующей военной силы и групп посредников, связывающих ее с отдаленными невольничьими рынками. Начинать анализ ситуации, таким образом, нужно с системы расселения.

Критический подход к оценке демографического потенциала Северной Руси выражен в обобщающей работе Н. А. Макарова:

«Не следует в то же время переоценивать демографический и экономический потенциал Севера в IX — первой половине X в. Показательны, прежде всего, скромные площади торгово-ремесленных поселений и административных центров. Попав на общие карты средневековой Европы и Средиземноморья, они постепенно стали восприниматься как соразмерные средневековым столицам. Площадь Рюрикова городища оценивается Е. Н. Носовым как 6–7 га, площадь Ладоги на раннем этапе ее существования, по-видимому, не превышала 8 га, площадь Сарского городища вместе с посадом составляла около 3 га, городища в Приильменьи и Поволховье имеют миниатюрные размеры — 0,2–0,5 га. При всей значимости этих поселений кажется очевидным, что их собственные людские ресурсы и экономические возможности были недостаточны для установления контроля над территориями, простиравшимися от Балтики до границы степи» (Макаров 2012: 455).

Приблизительно в этом роде высказывается и А. П. Толочко:

«В самом деле, довольно затруднительно представлять себе предводителя скандинавской дружины, владеющего несколькими болотами и лесами на задворках обитаемого мира, но при этом величающего себя степным (это о кагане *Rhos* Бертинских анналов. — И. Е.) императором» (Толочко 2015: 120).

Все же, демографический потенциал Северной Руси не кажется столь ничтожным. Конечно, административные центры Восточной Европы нельзя сравнивать с западноевропейскими или византийскими, возникшими на основе позднеантичной городской культуры, или с балтийскими эмпориями, такими как Бирка и Хедебю. Но, во-первых, не все городища Приильменья так малы, как полагает Н. А. Макаров. Площадь Яжелбицкого городища — 2,6 га, Городка на Шелони — 1,8 га (Орлов 1974: 46). Раскопки выявили постройки на склонах Бронницкого городища, что также говорит о его значительно большей, чем казалось, площади.

Во-вторых, большинство восточноевропейских центров следует рассматривать как *агломерации* поселений с одним или несколькими укреплениями в качестве организующего ядра. Такова Ладога с двумя городищами (Любшанское и мысовое на территории каменной крепости) и рядом отдельных поселений, с которыми связаны курганные и сопочные могильники. Таково Гнездово с двумя городищами — Центральным и Ольшанским. Таков Полоцк с городищем, Верхним и Нижним Замком. Таков Искоростень, представляющий агломерацию из нескольких городков (Третьяков 1952: 66). Таков Смоленск. Соборная Гора (ее площадь, по И. Н. Ершову, 2,4 га) является частью системы городищ, которых по берегам Днепра в черте Смоленска известно еще три (Лестровка и два Рачевских городища). Чуть поодаль лежат еще два городка — Вязовенька и Колодня. По крайней мере, на трех из них выявлены материалы третьей четверти I тыс. н. э. (Працы 1930; АКР 1997). Таково и множество центров поменьше — например, Усвят, где известно пять городищ, одно из которых — детинец XII в. (Еремеев 2015: рис. 109, 140). Причины этого, как выразился П. Н. Третьяков, «гнездования градов» не до конца понятны, но совокупный подход ко всем этим комплексам повышает оценку их демографического потенциала. Раннесредневековый городок — лишь один из элементов селитебной структуры, и судить о ее величине и социальной сложности по площади укреплений не всегда корректно.

В-третьих, неизвестно число неукрепленных поселений Северной Руси. Поиск их всегда осуществлялся по наличию курганов. Но последние были присущи только *части* раннесредневекового населения. Наряду с курганами повсеместно распространены были и другие формы языческой обрядности (поля погребений, поверхностные захоронения, домики мертвых и т. д.), без внешних признаков. Некоторые курганы имели настолько незначительные насыпи, что время легко стирало их. Это означает, что значительная (большая?) часть раннесредневековых поселений не имеет *никаких* маркеров в ландшафте. Приведу несколько примеров.

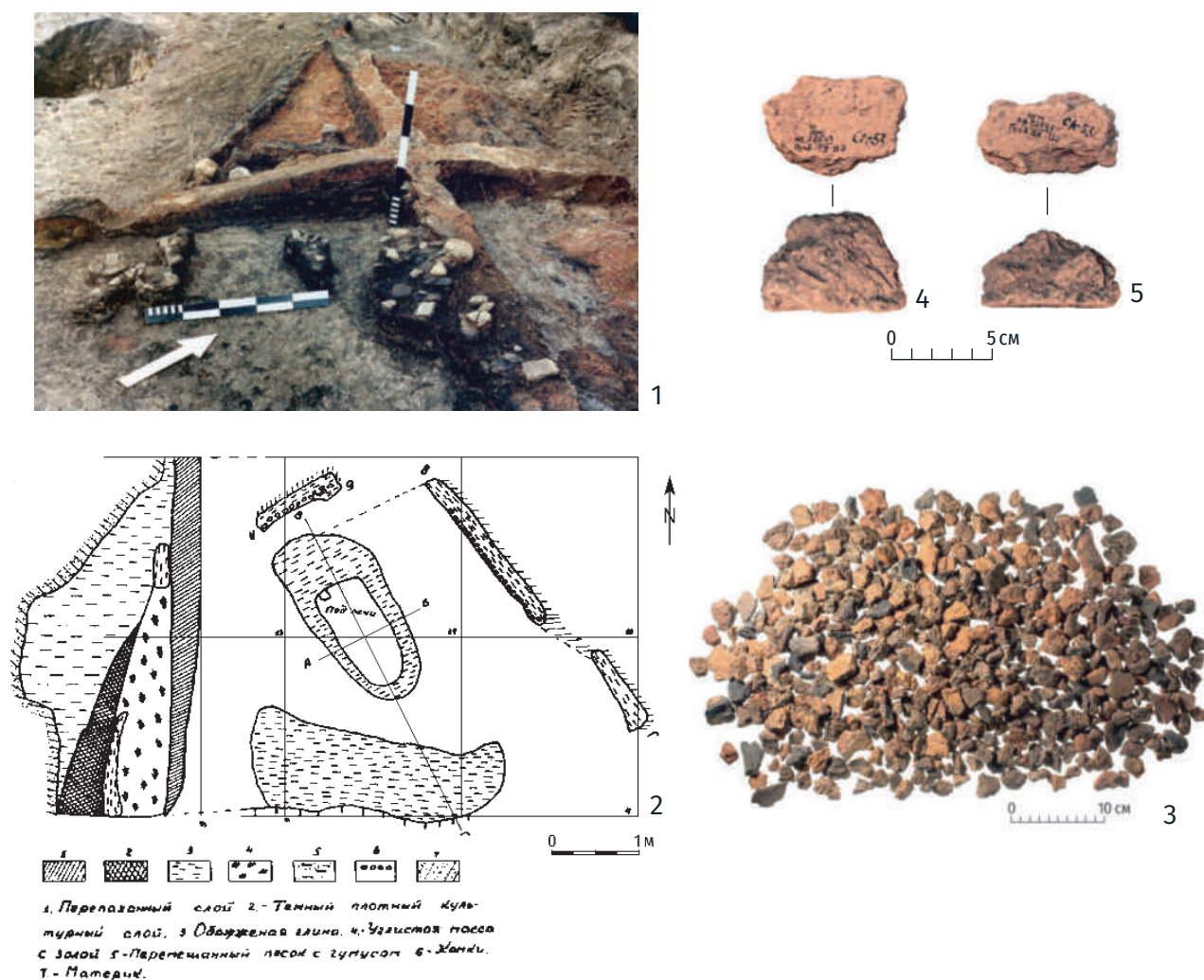
В 1999–2000 гг. я исследовал археологический комплекс Горяне I на Западной Двине. Комплекс представлял собой поселение, погибшее в пожаре и вскоре перекрытое насыпью огромного кургана. Культурный слой VIII–IX вв. содержал два горизонта застройки: нижний, с наземными постройками, отпавившимися глинобитными печами, и верхний, в котором была изучена срубная изба с печью-каменной и постройка с глинобитной печью (рис. 9). Кроме этих двух горизонтов в материке открыт был более ранний комплекс с лепным слабопрофилированным сосудом (Еремеев, Дзюба 2010). Таким образом, на изученном участке поселения в течение многих лет строились, ветшали и возобновлялись постройки. Вся

эта деятельность оставила после себя культурный слой, толщиной от 1 до 15 см, причем большую его часть составлял слой пожара, в котором погибло поселение! Очевидно, не будь оно перекрыто курганом, распахка уничтожила бы памятник бесследно.

В 2016 г. мною изучено еще одно сельское поселение VIII–IX вв. Ситно, на этот раз на Волхове. На площади 5280 м² уцелело лишь несколько неглубоких ям с лепной керамикой. Культурный же слой, местами сохранившийся под пахотой, содержал как лепную, так и гончарную древнерусскую керамику, сильно окатанную распахкой. Удивляло отсутствие камней от отопительных сооружений. Все прояснила промывка культурного слоя, выявившая множество мелких фрагментов обожженной глины с примесью травы — остатки уничтоженных глинобитных печей (рис. 10). Очевидно, печи, так же, как и в Горянях, располагались на поверхности земли и были уже в древнерусское время полностью переотложены и измельчены. Как выясняется, в VIII–IX вв. глинобитные печи были на Северо-Западе довольно широко распространены (об этом ниже в разделе 4.7.3). Таким образом, ранний (VIII–IX вв.) культурный слой на селище сохранился только в виде переотложенных мелких вкраплений в поздние напластования и в единичных материковых ямах, разбросанных на большой площади (рис. 33; 34, см. также рис. 358; 359; 363). Очевидно, что обнаружение такого памятника возможно только в процессе крупномасштабных раскопок.

Из примеров следует методический вывод: селища, которые мы знаем, — ничтожная доля от их реального числа. Это означает, что информация о количестве раннесредневекового населения не может быть получена археологией. Археологическая карта только маркирует регионы расселения; но его плотность видна нам в урезанном виде, исключая демографические расчеты (Еремеев, Дзюба 2010: 17–20). Это нужно учитывать при рассуждениях о ресурсном потенциале территории. Исследователи Фенноскандии неоднократно задумывались над невозможностью выявить систему аграрного расселения традиционными археологическими методами (см., например: Ramqvist, Hörnberg 2015: 122). Вероятно, в будущем вырастет роль СПА и других методик, концентрирующихся на природных объектах (болотах, озерах, поймах рек), менее измененных антропогенной деятельностью, чем сами древние поселения.

Исследователи всегда признавали важную роль рабства и работоторговли в экономической жизни Руси IX–X вв. (Чичерин 1858: 145; Ключевский 1923: 184–185; Кулишер 1923:30; Пресняков 1993: 308; Мавродин 1945: 136–137; Рыбаков 1951: 320–323; Романов 1966: 39–79; Попович 1985: 150; Калинина 1998: 119; Перхавко 2012: 50). В советской историографии эта тема основательно разрабатывалась в связи

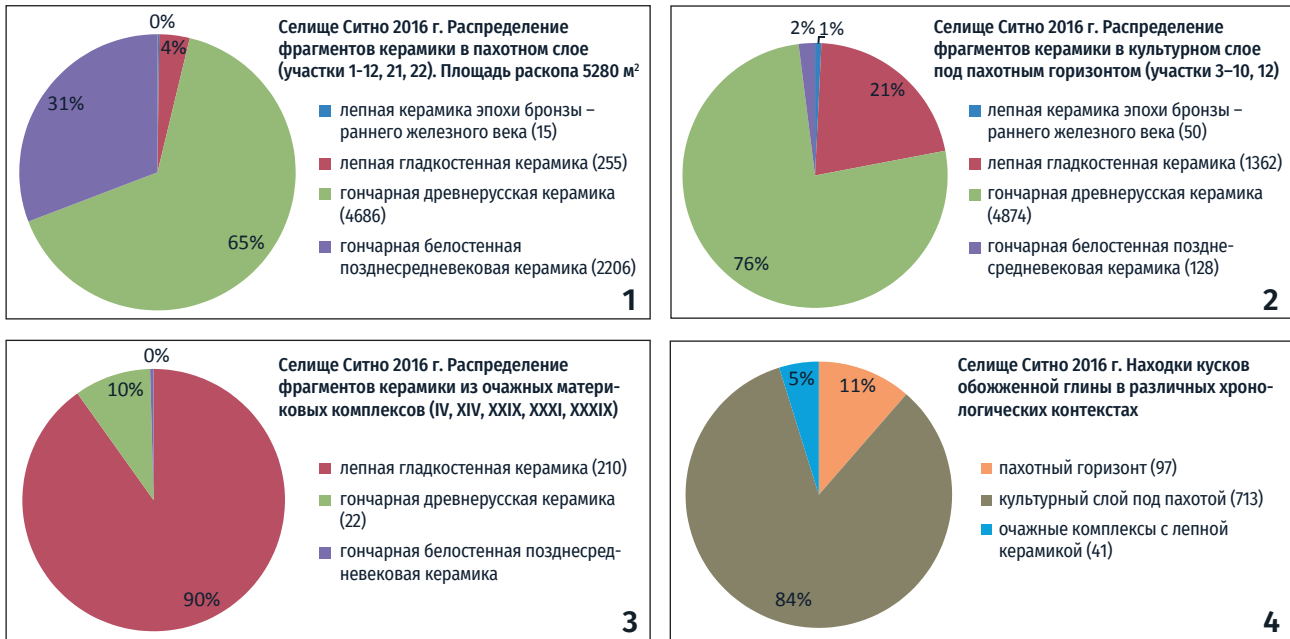
Рис. 9. Следы глинобитных сооружений на поселениях. 1 — археологический комплекс Горяне I на Западной Двине (Еремеев, Дзюба 2010). Разрезы глинобитной печи VIII–IX вв. в наземной постройке под курганом. 2 — городище Георгиевское 1958 г. Постройка с глинобитной печью в раскопе С. Н. Орлова. 3 — селище Ситно 2016 г. Измельченные фрагменты глинобитных отопительных сооружений из промывки культурного слоя. 4, 5 — городище Сельцо I 1974 г. Фрагменты обожженной глины из культурного слоя

со спорами вокруг темпов феодализации Древнерусского государства (Зимин 1973; Фроянов 1996, 2010). В то же время, именно в силу повышенного внимания к генезису феодализма, тема никогда не стояла в отечественной науке на первом плане.

В последнее время работорговля признана одной из основных (наравне с торговлей пушниной) статей дохода Руси в эпоху викингов (Назаренко 2001: 91; Шорохов 2011: 38; Толочко 2015: 219–238). Эти идеи почерпнуты и перенесены на русскую почву из работ, посвященных экономике Англии, Скандинавии и Каролингской Европы и ее транзитной торговле славянскими невольниками с Халифатом. Работорговля рассматривается как одна из важнейших составляющих раннесредневековой экономики Европы (Hodges 1989: 128; Pelteret 1995: 70, 71; Constable 1996: 203–208; McCormick 2001, 2002; Kovalev, Kaelin 2007: 12; Henning 2008; Wyatt 2009; Rotman 2009; Korpela 2019; Назаренко

2001: 94–98; Золотарев 2013). Именно арабские завоевания признаются причиной повышенного спроса на живой товар в молодом исламском мире, спроса, породившего соответствующее предложение в Каролингской империи с одной стороны и у норманнов — с другой. В этой торговле в конце VIII–X вв. участвовали и славяне. Они были и самым многочисленным объектом развернувшейся охоты на людей, о чем говорят лингвистические концепции, возводящие к этнониму *славяне* слово *slave* (раб) в европейских языках и датирующие его появление посредством греко-римского *sklav* эпохой Раннего Средневековья (Kahane, Henry & Renee 1962; Назаренко 2001: 95).

Понимание того, когда и где произошла эта семантическая трансформация этнонима, несомненно, связанная с масштабным, эшелонированным и затяжным межэтническим насилием, несет в себе и ответ на поставленный нами вопрос о месте, времени и ха-

Рис. 10. Диаграммы, характеризующие распределение массового материала (керамики и фрагментов обожженной очажной глины) в культурном слое селища Ситно.

Данные указывают на то, что наиболее активной антропогенной нагрузке берега Волхова подверглись в древнерусское время. При этом был полностью «переработан» слой с лепной керамикой VIII–X вв., уцелевший только в небольших ямах. 1 – распределение фрагментов керамики в пахотном слое. На фоне преобладания измельченной древнерусской керамики заметно присутствие позднесредневековой посуды, привнесенной в пашню вместе с навозом. Доля лепных фрагментов незначительна.

2 – распределение фрагментов керамики в культурном слое под пахотным горизонтом. Преобладает измельченная древнерусская гончарная керамика. Возможно, часть ее также привнесена в пашню с навозом. Во всяком случае, древнерусские постройки на изученном участке не выявлены.

3 – распределение фрагментов керамики в заполнении очажных комплексов. Лепная керамика преобладает. Гончарная керамика носит случайный характер (она встречена только в верхних пластах комплексов на границе с древнерусским слоем с гончарной керамикой).

4 – находки кусков обожженной глины (обмазки) в различных хронологических контекстах. Более 80% находок происходят из культурного слоя под пахотой. В этом слое фрагменты присутствуют в сильно измельченном виде, свидетельствующем о том, что древнерусский слой «переработал» более ранние напластования. Вероятно, значительную роль в этом сыграла и распахка берега, начавшаяся в древнерусское время. О начале использования глинобитных отопительных сооружений на начальном этапе существования поселения говорят находки кусков обожженной глины в материковых очажных комплексах VIII–IX вв. с лепной керамикой (комп. IV, XIV, XXXI)

рактуре того внешнего натиска, который мог бы послужить основой для укрепления различных форм славянской идентичности и стать причиной оттока славян в Восточную Европу, отразившегося в русской летописи. Свой ответ найден лингвистами — это произошло на стыке франкского, арабского и византийского миров, т. е. в Подунавье, и шире — на Балканах, в IX в. (Kahane, Henry & Renee 1962: 360).

Древнейшее свидетельство Ибн-Хордадбеха о торговой активности *русов* на юге Восточной Европы упоминает славян-евнухов, но не говорит о том, что они связаны с *русами*, или попали в Халифат благодаря их деятельности¹⁰⁵. Позднее восточные авторы

много пишут о торговле *русов* рабами-славянами (возможно, так называли иногда и представителей других светловолосых народов). Долю работорговли в экономике Руси оценить не просто (исследователи Каролингского мира сталкиваются с той же проблемой, см. например: Innes 2007: 456). Восточные авторы, встречавшиеся с *русами* только на рынках окраин исламского мира, представляли их в образе работорговцев. Но было бы поспешно брать этот образ за основу концепции этногенеза и государствообразования Древней Руси. Неясно, насколько *русов-работорговцев* можно считать элитой зарождающихся восточно-

¹⁰⁵ Вместо этого Ибн-Хордадбех упоминает о торговле мечами. Такое экзотическое пристрастие восточной части исламского мира не оставило после себя археологических свидетельств. Находки франкских мечей на территории

Халифата не известны. В Среднем и Нижнем Поволжье находки мечей, как известно, единичны и относятся к более позднему времени, чем известие Ибн-Хордадбеха (Дубов 1989: 217). Все это наводит на мысль, что оружейный товарооборот *русов* был весьма невелик.

славянских государств, а насколько — враждебными им разбойниками, рыскающими в поисках добычи. Кем они были вдалеке от любопытных арабов — на севере, в лесах Приильменья? Насколько велико было там их политическое, военное, экономическое влияние? Ответы на эти вопросы лежат, как мне кажется, на городищах. Как бы там ни было, предполагаемый объем «живого товара» тоже следует учитывать в числе факторов, определяющих ресурсный потенциал изучаемого региона. Оценивать его следует по нескольким составляющим:

- характер рабства у аборигенов и укорененность работоторговли в местной среде;
- многочисленность населения, уровень его социального развития, степень оседлости и централизации расселения;
- организованность населения, военная культура и вооружение, т. е. способность к отпору.

Первое позволит понять, насколько работоторговля могла опираться на местные традиции (например, получать невольников в качестве мирных торговых или политических операций). Второе и третье дают возможность представить, насколько успешными могли быть насильственные изъятия рабов (в результате набегов или войн) и их транспортировка.

Источники молчат о рабстве и дальнейшей работоторговле у прибалтийско-финских народов и балтов в I тыс. н. э. Можно предположить, что рабство у них имело патриархальный характер и подпитывалось мелкими военными столкновениями и пиратством на Балтике. Они не имели ни военного потенциала для захвата масс пленников, ни инфраструктуры для их содержания и реализации. В I тыс. н. э. плотность прибалтийско-финского и балтского населения в Поволховье, Приильменье и Приладожье была невелика. На берегах Волхова и Ильменя мы знаем до VIII в. н. э. всего несколько поселений, оставивших сколько-нибудь внятные археологические следы в виде незначительной примеси в нижней части культурных слоев поселений VIII–X вв. Восточные авторы, у которых встречаются, например, упоминания о богатом пушниной народе *вису*, ничего не сообщают об участии его в работоторговле на Волжском пути — ни в качестве организатора, ни в качестве товара. Любопытно отметить, что это обстоятельство вызывает недоумение и даже желание «исправить» источники у некоторых исследователей, отрицающих роль славян в сложении волжской работоторговли:

«Находки <...> частично подтверждают сообщение ибн Руста, но археологические памятники показывают также, что он упрощал дело. Таков случай с его представлением о русах как о народе только грабящем других жителей, которые при этом *ошибочно* (курсив мой. — И. Е.) называются “славянами” (*şaḡāliba*). Здесь налицо недостаток осведомленности ибн Руста, ибо

местное население, с которым русы впервые столкнулись в районах Ладожского озера и Верхней Волги, было, по большей части, совсем не славянским, а финно-угорским. <...> Группы балтов, вероятно, влекла на север от озера Ильмень надежда разбогатеть на торговле, которая развернулась в Старой Ладоге. Они могли выступать в качестве лодочников, а также — людей, снабжающих провизией и производящих починку лодок в местах, где торговцы останавливались на ночь <...> Некоторые из них могли и сами заниматься торговлей» (Франклин, Шепард 2000: 76).

Приильменье и Приладожье были в I тыс. н. э. наименее благоприятны для развития работоторговли. Причин было несколько: слабая заселенность, неразвитость коммуникаций, укрепленные городки, с которых мог быть организован отпор охотникам на людей. Немногочисленное население группировалось преимущественно вдали от судоходных путей. Походы в эти области неизбежно превращались в малоподвижные лесные экспедиции без необходимого элемента неожиданности.¹⁰⁶ Иначе дела обстояли в Подвинье и в районах к западу от Чудского озера, где прибалтийско-финское и балтское население образовывало достаточно крупные регионы расселения. Они и могли служить источниками «живого товара».

В отличие от прибалтийских финнов, у славян источники фиксируют развитую практику военной работоторговли уже в VI–VII вв. Тысячные полоны захватывались в результате специально спланированных походов-экспедиций. Конечно, воины могли и сами продавать своих пленников, но, скорее всего, этим занимались специальные торговцы, сопровождавшие армии. Древнерусские летописные источники и правовые документы X–XII вв. указывают на развитый институт рабства (холопства) на Руси и на его существенную роль в ее внутренней социально-экономической жизни (Зимин 1966; Фроянов 1996, 2000). При этом в межплеменных распрях продолжается практика массового захвата пленных, по описаниям ничем не отличающаяся от славянских военных экспедиций на Балканах несколькими столетиями ранее. Здесь достаточно вспомнить походы полочан на Новгород в XI в. и ответные мероприятия Рюриковичей.

Что касается скандинавов-викингов, то известия об их участии в работоторговле на самом деле достаточно скромны. Скандинавские саги, рисующие немало портретов военных вождей, не знакомы с образом промышленника-работоторговца. Я говорю здесь именно о промышленных масштабах работоторговли, поскольку нет сомнений, что захват невольников являл-

¹⁰⁶ Решить задачу организации таких экспедиций смогла только литва в XIII в., с ее крупными конными отрядами, включавшими порой по несколько тысяч человек.

ся одной из основных целей походов викингов. Но вряд ли дружины «морских конунгов» могли организовать что-нибудь, хотя бы отдаленно напоминающее захваты славянами тысячных полонив в сухопутных набегах, будь то в VI или XI столетиях. Не могли они соперничать по организации военных полонив и с Каролингской империей и Византией. Этому препятствовала сама тактика викингского похода, важную роль в котором играл военный корабль, не приспособленный для перевозки «живого товара», и стремительность, невозможная при наличии большого полонив.

Говорить о международной работорговле как основе экономики ранней Руси можно не иначе, как опираясь на традиции раннесредневекового славянского мира, находящегося на стадии формирования вожества. Признание первостепенной важности работорговли логически подводит нас к признанию ведущей роли славян в ее организации. Скандинавы, видимо, составляли некоторую часть сословия работорговцев-посредников с внешними рынками. Исследователи обычно пишут о грандиозной разнице в цене рабов (и особенно рабынь) на рынках Северной Европы и исламского мира, что якобы сулило работорговцам баснословные прибыли (Перхавко 2012: 64). На мой взгляд, подобные подсчеты имеют мало смысла, ввиду того, что нам не известны затраты на доставку товара через весь континент. Во что обходились моносилы для перевозки рабов, питание, лоцманы и охрана, сколько раз приходилось в пути откупаться от военных опасностей и платить пошлины — обо всем этом мы не имеем представления.

3.4. Коммуникации. От озера Ильмень до Днепро-Двинского междуречья

Контроль за путями перераспределения ресурсов — важнейший фактор в жизни народов. Водная сеть Восточной Европы образовывала несколько глобальных экономико-географических систем. Особое значение получили два пути, раздваивавшиеся в Восточно-Балтийском регионе. Волжский путь двумя рукавами по Западной Двине и Мсте/Волхову выводил в Балтийское море. Днепровский путь из варяг в греки вел туда же по Западной Двине и Ловати/Волхову. Важнейшими геополитическими узлами являлись выходы к Балтике — Финский залив с Невской дельтой и Рижский залив с дельтой Даугавы и «запирающим» ее Моонзундским архипелагом. Когда и как эти пути начали функционировать? От ответа зависит определение характера славянских передвижений. Нужно понять, какую роль в них играет стремление к контролю над коммуникациями. Возникли они до появления славян в регионе, или же сформировались в результате их расселения?

Следы миграций и культурных влияний вдоль указанных направлений прослеживаются с неолита. Для нас важны материалы позднеимского времени и эпохи переселения народов. На островах и побережье Финского залива, на Неве среди археологических памятников I тыс. н. э. мы не обнаружим ни одного, который можно соотнести со славянами. Нет их следов в это время и в области Рижского залива. В момент появления славян на Ильмене и Волхове Финский залив контролировали две силы. Немногие здесь памятники принадлежат либо скандинавам, либо подвергшемуся скандинавскому культурному воздействию прибалтийско-финскому населению. Со скандинавскими мореплавателями и финскими рыбаками связан могильник VI в. и, возможно, поселение со штрихованной керамикой на острове Большой Тюттерс (Hackman 1910; Kivikoski 1940, 1973; Лебедев 1989; Казанский 2010а: 77–79), а также курганный могильник римского времени на о. Лавансари (Казанский 2010а: 79; Михайлова 2016: 8). Возможно, со скандинавскими традициями соотносится уникальный для Юго-Восточной Финляндии каменно-земляной курган в Орслаhti (приход Виролахти) (Kivikoski 1940: 8, 9). Могильник с захоронением в ладье, оставленный, вероятно, шведской морской дружиной, известен на одном из островов Моонзундского архипелага — в Салме, у основания полуострова Сырвесаэр на о. Сааремаа (Tvauri 2012: 275–277; Peets et al. 2013). Второй после скандинавов (в первую очередь готландцев и свеев) силой было воинственное население береговой Эстонии, оставившее культуру каменных могильников, восточная граница которой захватывала южное побережье Финского залива в области Ижорского плато. Могильники этого населения насыщены оружием. Имелись у него и укрепленные поселения (Mägi 2016).

Лингвистические данные говорят о том, что знакомство славян с морем произошло незадолго до распада общеславянского языкового единства (Филин 2010: 118), т. е. в VI–начале IX в. Любопытны результаты изучения лингвистами названий рыб у славянского населения Новгородской и Псковской земель. Оказалось, что названия видов морских рыб (в частности, *корюшки*) заимствованы у прибалтийско-финских народов (Герд 2005: 87). Данных о раннесредневековом славянском мореплавании в Финском заливе в исторических источниках нет (если не считать, конечно, легендарной поездки за море в поисках князя в Сказании о призвании варягов).

Резонно провести некоторое сравнение между Новгородом и Полоцком. Балтийская торговля играла значительную роль в их экономике. Оба великих города, подчинившие своему влиянию огромные пространства внутри континента, стояли на впадавших в Варяжское море полноводных реках. При этом

по-настоящему закрепить за собой хоть сколько-нибудь значимый участок побережья близ их устья за свою историю не смог ни один из городов. Определение «по-настоящему» подразумевает создание устойчивой системы расселения, опирающейся на укрепленные пункты. Можно возразить, что Полоцку в этом мешало многочисленное, хорошо вооруженное и организованное население латгальско-ливского региона, способное на кровопролитный отпор (Еремеев 2015: 73). Но у Новгорода такой проблемы не было. Водь была малочисленна и слаба в военном отношении. Она, хоть и вступала в XI в. в конфликт с Новгородом, ничем, кроме своего разгрома в битве на Гзени, не прославилась. Тем не менее, славянское население в VIII–XI вв. не продвинулось в направлении Балтики дальше Старой Ладogi и Верхнего Полужья. С XI в. началась земледельческая колонизация Ижорского плато славянами, но без всякого их намерения закрепиться на морском побережье.

Вышесказанное противоречит концепциям миграции славян в Восточно-Балтийский регион из приморских областей Польши, обитатели которых были хорошо знакомы с мореплаванием по крайней мере с VIII в. Славянское население Полоцко-Новгородского региона было чуждо традициям мореплавания, никогда не жило близ моря и не интересовалось им. Поэтому концепции заселения Новгородского региона, имеющие в основе идею балтийского славянства, представляются совершенно фантастическими. Колонизационные успехи славян, позволившие им освоить огромные территории и, отеснив другие народы в тайгу и на побережье Балтики, создать жизнеспособное государство с политическим центром на озере Ильмень, обеспечивались другими важными преимуществами. Их составляли: превосходство в числе и области военной организации; динамичное социальное развитие, повышающее возможности этнической мобилизации; высокая адаптивность к окружающей среде. Мне бы хотелось обсудить еще один аспект раннесредневековой культуры Восточно-Балтийского региона, который привлекал меньше внимания именно с этнологической точки зрения. Речь идет о традиции *речного* судоходства.

Знаменитые судостроительные традиции северных германцев, как известно, оформились к VII в., т. е. именно тогда, когда западные славяне вышли к балтийскому побережью между Вислой и Ольденбургом (Brather 2004: 317–318). Уже в это время — на два столетия раньше, чем восточноевропейские славяне, — они овладели скандинавскими судостроительными технологиями, внося свою специфику. Речные лодки-однодревки в западославянских землях являются частой находкой (Ossowski 2007). В то же время килевые корабли IX–X вв. с клинкерной обшивкой, найденные в польском Поморье, мало чем

разнятся от судов викингов; отличия имеются во второстепенных деталях: способе скрепления между собой досок обшивки и форме килевой балки (Litwin 2007: 94–99). Известны здесь и большие плоскодонные паромообразные речные суда (Litwin 2007: 96) того же типа, что и суда, детали которых известны в Старой Ладoge. Происхождение этой речной судостроительной традиции у славян не вполне понятно. Выше отмечалось, что морское судоходство у восточных славян не было развито, поскольку основная область их исторического бытия на стадии этногенеза располагалась вдали от морских побережий. Хотя теоретически славянские обитатели Поволховья и Приильменя в VIII–X вв. могли выходить в море по Неве, исторические источники не сохранили данных ни о чем подобном. Иначе дело обстояло с речным судоходством.

Несомненно, передвижение по восточноевропейским рекам в первую очередь происходило на разного рода плотках. На Русском Севере они использовались для транспортировки грузов вплоть до XX в. (Окорков 1994: 8). Древнейшие элементы таких крупногабаритных плотов известны на Рюриковом Городище в слое IX в. Здесь найдены массивные дубовые бревна со сквозными врубками, через которые пропускались веревки, к которым, очевидно, крепились соединявшие конструкцию шесты (Носов 1990: рис. 15). Остатки кораблей, найденных в Старой Ладoge в слоях IX–X вв., принадлежали, большей частью, не изящным и стремительным морским клинкерным судам типа Салме (VIII в.), Осеберга (IX в.), или Скульделев (XI в.). Ладожские корабельные детали (шпангоуты и доски бортовой обшивки) опознаются как фрагменты неуклюжих паромообразных плоскодонных речных судов (Сорокин 1997: 82, 83). Их основным преимуществом, по сравнению с норманнскими килевыми судами с клинкерной обшивкой на заклепках, были дешевизна и большая грузоподъемность. Скорее всего, товар доставлялся в Ладogu на этих кораблях, после чего они разбирались на дрова или стройматериал. Константин Багрянородный сообщает, что флот *росов* каждый год обновляется, т. е. строятся новые корабли; вторично используются только детали оснастки.

Ни из письменных источников, ни на примере археологического материала мы не знаем о практике промышленного речного судоходства, которым занимались бы неславянские народы. Знаменитое описание полюдья *росов* Константина Багрянородного сообщает только о кораблях, изготавливаемых в пределах славиний:

«... приходящие из внешней России в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России, а другие из крепости Милински, из Теулицы, Черни-

гоги и из Вусеграда. И так, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии, — рубя в своих горах моносилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются к Киеву. Их вытаскивают для оснастки и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моносилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убрание... снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются к Витичеву...» (DAI. 9. 3–20; Константин Багрянородный 1991: 45–47).

Прибалтийско-финские или летто-литовские племена владели судостроительными технологиями. Саги знают на Балтике пиратов-эстов и куршей (Снорри Стурлусон 1980: 100; Исландские пряди 2017: 96). На территории Финляндии найдено значительное количество средневековых лодок-плоскодонок. Вполне возможно, что обитатели приморских областей Эстонии и Курляндии могли, по примеру шведских викингов, строить и морские клинкерные суда скандинавского типа. Но промышленное сезонное речное судоходство на плоскодонных судах большой грузоподъемности — этой деятельности иноплеменное население, по-видимому, было чуждо. А экономика Руси строилась именно на подобном использовании рек.

Конфигурация и условия функционирования системы коммуникаций, связавших в IX–XI вв. озеро Ильмень и Верхнее Поднепровье, помимо природных условий (географии рек) отражаются в структуре сельского расселения, распространении традиции больших курганов и в географии торгово-ремесленных центров. Область, о которой пойдет речь, выделена на **рис. 4–6**. Для удобства использования подробные археологические карты разделены на два листа (**рис. 100–105**).

Средневековое расселение в Южном Приильменье и в бассейнах рек Ловати и Западной Двины определяется нуждами земледельца. Около середины I тыс. н. э. на этой территории происходит широкое земледельческое освоение пойменных участков рек и ландшафтов на стыках холмистых моренных равнин и песчаных водно-ледниковых котловин (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 326). В IX–X вв. обстановка меняется: земледельческое население поднимается на моренные водоразделы, что связано с дефицитом легких и плодородных земель на стыках ландшафтов и с совершенствованием пахотных орудий, среди которых все больше распространяются рала с тяжелыми металлическими наконечниками. Одновременно с этими процессами происходило и фор-

мирование сети коммуникаций на Двинско-Ильменском водоразделе.

В IX–X вв. на рассматриваемой территории появляется традиция возведения сопки — монументальных (до 10 м высотой) курганов. Такая насыпь могла содержать как одно, так и несколько погребений по обряду трупосожжения. Импульс этой традиции дала погребальная обрядность скандинавов, в первую очередь обитателей Средней Швеции, где концентрация больших курганов особенно высока. По-видимому, в конце VIII — IX в. «погребальную моду» задавало Нижнее Поволховье, где находятся древнейшие на Северо-Западе России большие курганы. Распространение традиции сопок можно рассматривать как индикатор населения, подверженного влиянию эддической мифологии, ставящей большой курган в центральное положение — как в картине загробного мира, так и в аграрном ландшафте. Мифология эта, скорее всего, внедрялась в местное языческое сознание не самими шведами, а доминировавшим (в политическом и экономическом отношении) на Северо-Западе варяго-русским населением Нижнего Поволховья. Среди этого населения преобладал, конечно, славянский элемент, приобщившийся к скандинавским представлениям о большом кургане как выражении славы и богатства рода и прав последнего на земледельческие угодья. Недаром под сопками часто находят следы пашни.

Сравнив распространение сопок (**рис. 1; 104**) с картой средневекового расселения, мы увидим, что люди, возводившие сопки, и население, практиковавшее иную погребальную обрядность (небольшие курганы или какие-то безкурганные захоронения), располагаются чересполосно. Посмотрев же на расположение микрорегионов, где в IX–X вв. известны только сопки, нетрудно заметить, что южнее основного компактного ареала распространения сопок на Нижней Ловати и ее притоках эти микрорегионы образуют цепочку из пяти звеньев, протянувшуюся от окрестностей г. Холма до центральной части Днепро-Двинского междуречья. Надо полагать, эти регионы были тесно связаны с путями, связывавшими Верхнее Поднепровье и Гнёздово — с Ильменем и Поволховьем. Конечно, были и другие микрорегионы, задействованные в данной системе, но именно эти возникли на пике популярности традиции возведения сопок.

Кроме системы сельского расселения и сопок, наши представления о путях сообщения базируются на географии торгово-ремесленных и военных центров X в. Таких на рассматриваемой территории мы можем назвать четыре: Витебск и Усвят, Торопец и Городок на Ловати. Рассматривать эти пункты как равнозначные части единой системы позволяет тот факт, что все они связаны так или иначе с древнерусскими городами XI–XIII вв. Но история их формиро-

вания существенно различается. Витебск как укрепленный центр возникает еще в третьей четверти I тыс. н. э. (Еремеев 2015: 25–29). Следы скандинавского присутствия прослеживаются здесь, по-видимому, еще в IX в. и очень хорошо ощутимы в следующем столетии (Еремеев, Дзюба 2010: 496; Еремеев 2013). В культурном слое Витебска известны находки арабских монет, а в его окрестностях — целая группа кладов восточного серебра¹⁰⁷. В XI–XII вв. Витебск становится одним из крупнейших городов Полоцкой земли.

Усвят и Торопец во многом похожи друг на друга. В отличие от Витебска, здесь пока не найдено укреплений V–VII вв. Первоначально, в X в., оба они представляют агломерацию поселков с господствующим большим неукрепленным поселением. В Усвяте центральное поселение расположено на берегу Усвяцкого озера, из которого рекой Усвячей можно выйти в Западную Двину. Оно соседствует с группой укрепленных и неукрепленных поселков поменьше, приуроченных к перешейку между двумя озерами. Среди них есть пять городищ, но материалы X в. (керамика) известны только на двух: на Замковой горе и Церквище. Поблизости расположены два могильника, содержавшие курганы с сожжениями X в. Небольшие раскопки самого крупного поселения выявили материал X в., множество обломков ювелирных тиглей и прочие следы ювелирного производства того же времени. Отсюда же происходит значительное количество изделий североευропейских типов, арабские и медные византийские монеты. В окрестностях го-

¹⁰⁷ Клад куфических монет найден в городе в 1822 г. 15 монет приобретены Академией наук. Саманиды и Бувейгиды, середина X в. (Савельев 1847: 157 (№ 21в); Марков 1910: 3 (№ 10); Рябцевич 1998: 67 (№ 3)). Клад (?) куфических монет (несколько экземпляров) найден на Нижнем Замке в 1950 г. при строительстве гостиницы «Двина». Саманиды (Рябцевич 1998: 67 (№ 6)). Клад (?) арабских монет найден в 1964 г. в обрыве Западной Двины. Определен один дирхем. Аббасиды, ал-Мамун, Мадинат Аран, 823/824 г. (Поболь 1983: 134). По сведениям В. Н. Рябцевича, найдено две монеты, вторая не определена (Рябцевич 1998: 67 (№ 9)). Клад (?) найден в городе в 1960-е гг. Определены два дирхема: 1-й — Харун ар-Рашид, 786–809 гг.; 2-й — ал-Мамун (правл. 813–833 гг.). Возможно, монеты из того же клада, что и экземпляр, опубликованный Л. Д. Поболем (Кропоткин 1971: 92 (№ 173); Рябцевич 1998: 67 (№ 7)). Поблизости от Витебска известны клады: имение Богомолец (Савельев 1847: 109 (№ 21а); Марков 1910: 2, 3 (№ 9); Рябцевич 1998: 74 (№ 50); Noonan 1998: 107 (№ 56)); Суходрево (Сементовский 1890: 76–77; Марков 1910: 139 (№ 15); Корзухина 1954: 80 (п. 3); Рябцевич 1998: 70 (№ 23)); Лучесы (Марков 1910: 2 (№ 8); Даркевич 1976: 157; Кропоткин 1978: 115; Рябцевич 1998: 67 (№ 11); Noonan 1998: 103 (№ 48)); Добрино (Рябцевич 1965: 121–160; 1998: 69, 70 (№ 22); Кропоткин 1971: 92 (№ 169); Noonan 1998: 98, 99 (№ 38)); Богущевский район (Рябцевич 1998: 74 (№ 51)); Гарица (Марков 1910: 136 (№ 3); Рябцевич 1998: 67 (№ 10)).

рода известен клад арабского серебра (Кулешов, Еремеев 2015). Именно на месте торгово-ремесленного поселения возникает упомянутый в летописях Новгородско-Софийской группы под 1021 г. древнерусский город Усвят (Еремеев, Фурасьев 2021).

Очень похожую структуру мы знаем и в Торопце. Здесь она тоже приурочена к перешейку между двумя озерами. Центральную ее часть в X в. составляло неукрепленное поселение, охватывавшее территории Большого городища, селища Лодейница и Малого Городища (Лесман 1990). На другой стороне протоки располагалось несколько селищ и, как полагал Ю. М. Лесман, небольшое городище. Всю эту агломерацию поселений окружали несколько курганных могильников. Известны в Торопце и находки арабских монет, в том числе — целого клада, одного из древнейших в Подвинье¹⁰⁸. Торопец продолжает существовать на том же месте и в XI в., а в начале XII в. на месте большого поселения возникает укрепленный древнерусский город.

Мы упомянули три раннегородских центра, связанных с бассейном Западной Двины. Все они прямо (Витебск и Усвят) или косвенно (Торопец) фигурируют в летописях с XI в. Единственным известным пока центром на Ловати, который может быть сопоставлен с тремя этими городами, является Городок. Правда, на фоне трех вышеупомянутых городов смотрится он скромно. Это всего лишь небольшая крепость, стоящая на крутых глинистых берегах Ловати, не очень удобных для жизни и ведения хозяйства, но идеальных для обороны. К крепости примыкает небольшой ремесленный посад со следами пребывания скандинавов. В культурном слое Городка на Ловати найдено не так много монетного серебра, зато из его окрестностей происходит один из крупнейших кладов X в.¹⁰⁹ Городок на Ловати изначально (около середины X в.) возникает как крепость. Торгово-ремесленные его функции вторичны. В Городке есть материалы XI–XIII вв., что позволило В. М. Горюновой отождествить его с древними Луками, упомянутыми летописью в 1166 г. В любом случае, очевидно, что назвать Городок на Ловати XII в. древнерусским городом невозможно из-за его малых размеров.

¹⁰⁸ Клад найден в 1960 г. Первоначально определено 55 монет (определение А. А. Быкова). Дирхемы аббасидские, чеканены между 134 (751/52 г.) и 253 г. х. (867 г.) (Корзухина 1964). К 1971 г. удалось собрать 73 монеты из этого клада. Датировка не изменилась (Кропоткин 1971: 81 (№ 34); Noonan 1998: 107 (№ 58)).

¹⁰⁹ Клад серебряных арабских монет найден близ городища в 1802 или 1803 гг. Клад находился в двух котлах, большом и маленьком. Вес серебра составлял более 6 пуд (более 97,3 кг). Х. Д. Френом определены 53 монеты, чеканенные между 924 и 977 гг. (Савельев 1847: 22–23 (№ 11); Марков 1910: 35, 36 (№ 203)).

Что же объединяет Витебск, Усвят, Торопец и Городок на Ловати и почему именно они оказываются в фокусе нашего внимания, когда заходит речь о Пути из варяг в греки? Ведь скандинавские изделия и арабское серебро известны и в других пунктах на рассматриваемой территории. Пристальное внимание эти пункты привлекают по причине того, что все они (за исключением Витебска) находятся в краевой части Двинско-Ловатского водораздела и по историческим и этнографическим данным являются начальными точками торгово-промышленного сплавного судоходства.

В научной литературе, опирающейся на ПВЛ, закрепилось мнение о существовании сквозного сухоходного маршрута по Ловати и Западной Двине на Днепр. Ученые всерьез искали места «волоков» — участки водоразделов, по которым якобы перетаскивались в средневековье корабли с товарами. Эти волоки мыслились многим в духе известной картины Н. К. Рериха «Волокут волоком», изображающей огромные, с драконьими головами, лады, которые тащат на руках по каменистым холмам небольшие группы людей в вышитых рубахах, очевидно, корабельные команды. Эти представления основывались на трех неверных основаниях. Первым из них было неправильное толкование термина ПВЛ «волоок» как места переволоки судов из одной реки в другую. Сам факт того, что летописец (знавший взаимное расположение рек Оковского леса) забыл упомянуть про лежащую между Ловатью и Днепром Западную Двину, прямо говорит, казалось бы, о том, что здесь имеется в виду сухопутная дорога по водоразделу, для которой Двина была лишь одним из препятствий, но не путем. Историки и филологи неоднократно обращали внимание на сложность толкования летописного термина «волоок». Много внимания уделил анализу этого понятия Н. П. Барсов, писавший:

«Волоком называется узкая полоса земли между двумя реками, текущими в противоположных направлениях, — от слова “волочить, переволакивать” (финское *walka, walkama*), 2, обширная, лесистая, незаселенная область. В последнем значении оно распространено по всей северной России» (Барсов 1885: 218).

М. Фасмер дает слову *волоок* два определения: «1 — сухая часть пути между двумя реками, через которую приходится перетаскивать лодки; 2 — чаща, из которой срубленное дерево можно вытащить только на волоках» (Фасмер 1986: 341). Откуда у М. Фасмера взялись эти «лодки» — трудно сказать. В XIX в., для которого купеческое речное судоходство было делом обыденным, понимание термина было более реалистичным. Вот как определяет слово «волоок»,

например, Энциклопедический Лексикон 1838 г. (статья написана И. Ф. Штукенбергом):

«В географическом отношении это слово имеет два значения: 1) перевоз товаров сухим путем от одной реки до другой на небольшом расстоянии; 2) по верховьям Камы, Вятки и Вычегды волоком называется всякое сухопутное пространство между двумя реками» (Энциклопедический Лексикон 1838: 384).

В этом же духе выдержано и большинство известий о волоках в русских исторических, литературных и этнографических источниках. Представляется, что в ПВЛ слово *волоок* означает не место переволоки судов, а слабоосвоенное лесное водораздельное пространство, лесную промысловую территорию, противопоставленную долинным земледельческим регионам (Еремеев, Дзюба 2010: 485, 486). Именно это значение, близкое второму определению М. Фасмера, и является на самом деле первым и основным для русской культуры. Разумеется, в Восточной Европе существовали и корабельные волоки. Наиболее вероятно их функционирование в степях, где возможно использование мощных тягловых животных. Прямое указание на волок в степном ландшафте приведено в словаре русского языка XI–XVII вв. применительно к реалиям первой четверти XVII в. (Словарь русского языка 1976: 5, 6). Что же касается корабельных волоков в русских лесах — они представляются мне более литературной фантазией.

Вторым заблуждением была странная уверенность в том, что переволакивание судов через леса было на Руси обычной практикой. Очевидно, свою роль здесь сыграла легенда ПВЛ о кораблях, поставленных Олегом на колеса при осаде Константинополя. Между тем, древнерусские источники в достоверных рассказах о современных им событиях ни разу не упоминают о перетаскивании кораблей посуху. Древнейшее описание функционирования «волока», дошедшее до нас в составе договора 1229 г. Смоленска с Ригой, рисует, конечно же, жизнь обычной водораздельной дороги, в начале которой товары перегружаются на «колы» (какой-то вид сухопутного транспорта).

Позднесредневековые источники и статистические описания XVIII–XIX вв. также не содержат известий о переволакивании судов в бассейне Западной Двины и на сопредельных землях. Купцам и в голову не приходило тратить время и средства для перетаскивания своих «сенных» и «стругов» с товаром посуху через лесные «волоки», теряя драгоценное время половодья на действительно сухоходных участках рек. Любые задержки в пути (даже на несколько дней) таили для торговых людей угрозу в прямом и переносном смысле «оказаться на мели» (Сапунов 1893: 301). «Первая вода» опадала стремительно, обнажая мели и пороги.

Жалобы полоцких купцов, на считанные дни задержанных различными обстоятельствами и не успевших вовремя сплавить товар, встречаются среди документов Великого княжества Литовского первой трети XVII в. (см., например: АВК, т. VIII. 1875: 507, 508). Единственная известная мне средневековая характеристика судоходной обстановки на Ловати находится в книге Гейденштейна «Regii de bello Moscovitico quod Stephanus rex Poloniae gessit commentariorum libri VI (Записки о московской войне, которую вел польский король Стефан, в 6 книгах)». Оценивая перспективы нападения на Новгород в 1581 г., военачальники Речи Посполитой рассмотрели возможность отвода войск в Литву по Ловати и пришли к выводу, что это нецелесообразно из-за сложностей с постройкой судов и из-за того, что «Ловать не во все время года судоходна» (Гейденштейн 1882: 184).

Наконец, третьим и главным заблуждением историков была уверенность в физической возможности перетаскивания судов через отроги Валдайской возвышенности. Увы, большинство речек и ручьев, казавшихся кабинетным ученым на картах «водными путями», в своих верховьях совершенно непригодно для плавания даже весной. Неоднократные попытки моделирования путешествия с Ильменя на Днепр в 1960–2000-е гг. приводили только к одному результату. Ни одной группе энтузиастов так и не удалось протащить свою лодку из Ловати в Днепр, не используя автотранспорт или асфальтированные шоссе. Кажется, любое перетаскивание волоком даже лодки-долбленки из западновинского бассейна в ловатский вылилось бы в изнурительное, затянувшееся на десятки километров бессмысленное плутание по лесным дебрям.

Промышленное судоходство на Ловати, Западной Двине и Верхнем Днепре в XVIII–XIX вв. было за небольшими исключениями сплавным. Сплав начинался в апреле по вскрытии рек и продолжался до семи дней, как писали купцы в начале XVII в., «на первую воду, кгда люди и иные купецкие с товарами спущати се звыкли» (АВК, т. VIII. 1875: 507). Речь, разумеется, идет о крупных торговых предприятиях. Небольшие струги и лодки рыбаков продолжали сплавляться по рекам до осени. Перевозились по «волокам» только сами товары, преимущественно в конце зимы. Для этого использовались сани, волокуши и повозки. Корабль же всегда можно было купить весной по обе стороны водораздела в одном из тех городов или деревень, от которых начинался сплав. Барки делали в Великих Луках и Холме на Ловати, в Торопце, Усвяте, Велиже и Витебске на Западной Двине. Снаряжали речные суда в Смоленске, Дорогобуже, в Поречье и окрестных крупных селах. Строили их наскоро в течение зимы. Договоренности

между купцами и кораблестроителями о времени готовности судов соблюдались очень строго. Малейшие задержки, как уже говорилось выше, грозили потерей товара и вели к различным конфликтам. К месту изготовления речные суда, как правило, не возвращались — в Риге, Новгороде и в Среднем Поднепровье летом после разгрузки их продавали на дрова. Иногда (если суда были небольшими) район их производства располагался довольно далеко от места, где их спускали на воду. Как функционировала такая система на Ильменско-Волжско-Западновинском водоразделе, мы можем увидеть из подробного описания Н. Я. Озерецковского, относящегося к рубежу XVIII/XIX вв.:

«... Новою Русою называется село, которое лежит при реке Поле. Оно примечательно тем, что строятся в нем водоходные суда, романовки, лодки и пр. которые зимою и летом, на дровнях и на колесах, отвозят волоком, через 55 верст, на озеро Селигер, в село Полоново. Суда сии ходят по озеру Селигеру <...>; из озера рекою Селижаровкою проходят в Волгу» (Озерецковский 1812: 490).

Разумеется, возникает предположение о необычайной полноводности рек «в старину», но это лишь заблуждение, родившееся под пером ученых XIX столетия (Соловьев 1959: 278; Майков 1874: 256; Барсов 1885: 20). Никаких серьезных аргументов историки тогда не выдвигали, поскольку палеогеография не располагала еще методиками для изучения древних климатов. Современная наука не подтвердила догадки о повышенной увлажненности Русской равнины в Раннем Средневековье (Еремеев, Дзюба 2010: 428–434).

Как же мы можем представить себе средневековые пути между Ильменем и Днепром, исходя из всей суммы имеющихся знаний? Оказывается, что статистико-экономические описания XVIII–XIX вв. поразительным образом совпадают с единственным достоверным описанием днепровского судоходства, относящимся к середине X в., — с информацией Константина Багрянородного (см. цитату выше, ДАИ. 9. 3–20; Константин Багрянородный 1991: 45–47). Мы видим здесь главные элементы той же экономической традиции: изготовление в верховьях рек судов местными умельцами в течение зимы, короткий период весенней навигации (сразу после вскрытия рек в апреле) и отсутствие на землях «пактиотов» взводного судоходства — его заменяют зимние дороги¹¹⁰. Очевидно, что природные условия Верхнего Поднепровья и Подвинья и не предполагали иных

¹¹⁰ Термином «взводное судоходство» в России XIX в. обозначался подъем судов против течения на ручной или конской тяге.

возможностей организации крупных торговых коммуникаций. Недаром, кстати, несмотря на многочисленные проекты, в XVIII–XIX вв. здесь так и не возникло ничего подобного Вышневолоцкой водной системе с ее каналами и шлюзами.

Реконструируя экономическую обстановку X в., можно без сомнения обозначить Городок на Ловати, Усвят и Торопец как те самые пункты по обе стороны водораздела, где в конце зимы собирались торговые люди и концентрировались товары. Именно здесь (или где-то поблизости) изготавливались «моноксилы», смолились, спускались на воду и загружались. Любопытно, что следы смолокурного производства X в. найдены в прибрежных зонах Усвята и Гнёздова (Еремеев 2015: 378; Мурашева 2014: 199, 201, рис. 19).

Таким образом, путь торгового каравана с Днепра на Ловать видится следующим образом. Зимой на саях или волокушах товары доставлялись к северному склону Двинско-Ловатского водораздела, где концентрировались в специальных местах. Одно из них известно — это Городок на Ловати. Конечно, были и другие перевалочные пункты. Со временем они будут найдены в верховьях правых притоков Ловати, скорее всего там, где концентрируются сопки. Здесь товары грузились на грубо построенные плоскодонные барки и сплавлялись до Новгорода и Старой Ладogi. Именно в Ладoge и найдены остатки таких барок, датирующиеся IX–X вв.

Путь из Новгорода на Днепр выглядит сложнее. Можно было добраться до Торопца или Усвята, погрузиться здесь на такие же речные суда и добраться до окрестностей Гнёздова по Каспле. Возможно, быстрый сплав по Двине позволял успеть это сделать, прежде чем на Каспле спадала вода. Правда, здесь купцов снова ждал волок, и пришлось бы перегружать товары уже на суда, изготовленные в Гнёздове. Поэтому предпочтительнее был зимний путь до Гнёздова и спокойное отплытие отсюда в Южную Русь.

Усвят и Торопец, похоже, были ориентированы более на речную торговлю по Западной Двине, которая расцвела около середины X в. (Еремеев 2015: 99–120). Местом сбора моноксил служил здесь, видимо, Витебск. Возможно, в бассейне Двины заправляли не *росы* Константина Багрянородного, а другая русь, торговые интересы которой фокусировались на Полоцке. Но это уже иная история, приведшая (насколько мы можем судить по легенде о Владимире и Рогнеде) к возвышению и падению Полоцка во второй половине X в., к уничтожению местной династии и установлению там правителя-Рюриковича.

Изучение сложной структуры волока с Ловати на Западную Двину и далее на Днепр приводит нас к одному чрезвычайно важному выводу, относящемуся к истории Руси X в. Он касается доверия к сведени-

ям Константина Багрянородного и локализации *Немогарда*, где, согласно трактату императора, княжил Святослав Игоревич. Оказывается, что моноксилы, изготовленные в Новгороде, весной ни при каких условиях не могли напрямую попасть в Киев. Будь такой караван отправлен, он, несомненно, сорвал бы всю византийскую торговлю руси. Киевские *росы* прокляли бы все на свете, ожидая его летом в Киеве и, главное, так и не дождались бы.

Следует признать: либо отождествление Новгорода и Немогарда ошибочно, и последний располагался где-то в Днепровском бассейне; либо информатор Константина VII сильно упростил в своем рассказе организацию торговых караванов руси. Учитывая недвусмысленность и обстоятельность повествования императора, фиксацию им реальных волоков (у Днепровских порогов), первый из предложенных выше вариантов интерпретации источника предпочтительнее.

3.5. Колебания увлажненности Ильмень-Волховского региона во II тыс. до н. э. – I тыс. н. э. как фактор динамики ресурсного потенциала и коммуникаций

П. Ф. Домрачев, один из первых исследователей Ильменя, характеризовал его как мелководное озеро «с крайне слабо выраженной впадиной и весьма отлогими, частью размываемыми, частью нарастающими берегами» (Домрачев 1926: 357). Средняя глубина озера — около 3 м. Размеры при усредненном уровне воды — примерно 45 × 35 км.

Водосборная площадь озерного бассейна составляет 67216 км². Основное питание происходит за счет речного стока (Развитие... 1975: 101), причем 57,2% последнего приходится на весеннее время (Экосистема озера Ильмень 1997: 22). Весенний разлив Ильменя способен увеличить площадь его зеркала и глубину в три раза — пример, уникальный для Северо-Запада России. Амплитуда сезонных колебаний уровня воды составляет 6 м. Н. Н. Соколов приводит данные о колебаниях уровня озера с 1881 по 1924 г. (до постройки Волховской ГЭС и подъема уровня воды в озере) (табл. 4).

Табл. 4. Колебания уровня оз. Ильмень до постройки Волховской ГЭС (Соколов 1926)

Уровень	Абс. высота уровня, м	Наибольшая глубина, м
Наинизший	16,5	3
Средний	18	4,5
Высший	21,3	6,5
Наивысший	23,4	10

Поозерье, так же, как и южное побережье на участке Ильменского глинта, почти не заливается обычным средним паводком. Более значительны по площади подтопляемые участки по берегам Малого Волховца. Наибольшие площади затопляются на пологом восточном побережье озера, в дельтах Ловати и Мсты¹¹¹.

Подобная ситуация способствовала формированию точки зрения на озеро, как на постоянный разлив впадающих в него рек на плоской равнине (Домрачев 1925: 56; 1926: 353; Прасолов 1925: 5; Правдин 1925: 71). Наличие у Ильменя настоящей озерной котловины было окончательно доказано лишь в 1920-е гг. (Соколов 1926: 167). Реки, впадающие в Ильмень, имеют слабо разработанные долины и широко разливаются в половодье. До сих пор не совсем ясно, с какой скоростью происходит накопление аллювия в дельтах. Тем не менее, исследователи относят Ильмень к числу «умирающих» водоемов (Развитие...1975: 100) (табл. 5).

В настоящее время Центральное Приильменье преимущественно относится к зоне смешанных хвойно-широколиственных лесов на северном их пределе (подтайга). К северу от Новгорода начинается полоса южной тайги, не имеющая, впрочем, резкой границы (Развитие...1975: 152–153). В эпоху, предшествовавшую появлению на Северо-Западе славян, по берегам Ильменя были распространены елово-широколиственные леса с дубом, липой, кленом и вязом.

Сейчас Центральное Приильменье — это огромная открытая равнина, изрезанные протоками заливные

¹¹¹ Изменения в жизнь озера внесло строительство Волховской гидроэлектростанции, вызвавшее (начиная с 1926 г.) некоторый подъем воды. Это повышение уровня озера оказалось незначительным (Степанов 1927: 136; Прасолов 1927: 347). Как полагает В. С. Жекулин, тревога местного населения в связи с подтоплением пойменных угодий в 1920–1930-е гг. была вызвана не подпором Волхова плотиной, а природными факторами — на указанный период приходится ряд лет с повышенным количеством осадков (Жекулин 1972: 110, 111). Тем не менее, тот же автор приводит данные съемок 1950-х гг., свидетельствующие о подъеме воды в озере на 0,8–0,9 м после постройки плотины (Жекулин 1972: 166).

В настоящее время за средний уровень воды в Ильмене принята отметка 18 м БС — как и до строительства Волховской плотины (см. табл. 4). В то же время сравнение низкого восточного побережья на картах генерального межевания последней четверти XVIII в. (Топографическое изображение Древнего Новгорода 1828) и современных карт (Новгородская обл. 1997) выявляет некоторые различия в конфигурации береговой черты. В дельте Мсты восточное побережье Ильменя оказалось затоплено озером в глубину до 2 км от среднего уреза воды XVIII в. Исчезла под водой полоса пляжей в береговой части дельты. Некоторые озера Мстинской дельты превратились в заливы Ильменя (например, самое крупное из них — оз. Аркадское). Кроме того, произошли изменения состава растительности в пойме (Жекулин 1972: 166).

луга, пашни на пологих холмах и кое-где по берегам — кустарник и редкое мелколесье. Однако подобный облик Приильменья приняло лишь за несколько последних столетий. Еще в середине XVII в. берега Ильменя местами были заняты строевым лесом. Именно таким изображен, например, восточный берег озера на рисунках, сделанных весной 1661 г. художником, сопровождавшим австрийского посла Августина Мейерберга на пути из Новгорода в Москву (Альбом Мейерберга 1903: 7).

Дубовые рощи на южном берегу Ильменя близ дельты Ловати в начале XIX в. были отмечены Н. Озерецковским (1812: 489, 490). Островки строевого соснового леса попадались в те времена близ западного берега Ильменя — между Новгородом и устьем Шелони (Озерецковский 1812: 525). Обширны были леса на восточном берегу озера: в 1805 г., чтобы добраться до устья р. Ниши от д. Гостцы, Н. Озерецковскому пришлось идти по лесной просеке (Озерецковский 1812: 513). О залесенности участков восточного берега озера близ дельты Мсты еще в начале XX в. свидетельствуют и рассказы приильменских старожилов (Наволоцкий историко-этнографический музей 1990: 5), и топографические карты второй половины XIX в. Незначительные участки дубрав в районе дельты Мсты (в окрестностях р. Мшашки), отмеченные исследователями еще в 1920-е гг. (Ануфриев 1925: 29, карта), сохранились до нашего времени. Участки дубовых лесов в 1920-е гг. еще стояли в ловатской дельте. Наконец, в те же годы были зафиксированы последние остатки ценных хвойных (еловых и сосновых) лесов с примесью дуба в западном Приильменье — в районе р. Веронды, и к северу от устья р. Шелони (Гельфер 1927: 20).

В. С. Жекулин, пользуясь данными топонимики и историческими документами, показал концентрацию названий, связанных с широколиственными породами в южном и юго-западном Приильменье (Жекулин 1972: 165; Развитие...1975а: 20–22). Это, вероятно, следует связывать с эффектом «негативности» топонимических названий. Известно, что упомянутые территории являются в настоящее время наиболее открытыми в силу интенсивного земледельческого использования.

Современная растительность приозерных районов преобразована человеческой деятельностью. Коренные леса замещены мелколиственными породами (береза, осина), кустарниками. Встречаются калина, ольха. В поймах распространены ивняки. Преобладают открытые пространства, занятые пойменными лугами и до недавнего времени — пашнями.

Климат Центрального Приильменья определяется как умеренно-континентальный, близкий к морскому. Лето сравнительно теплое, зима мягкая, с частыми оттепелями. Средняя температура июля:

Табл. 5. Современные морфометрические характеристики оз. Ильмень (Васильева и др. 2012)

Уровень	Отметка, абс, м	Объем, км ³	Площадь, км ²	Средняя глубина, м	Наибольшая глубина, м
Низший	16,00	1,01	660	1,55	2,25
Средний	18,00	2,85	1100	2,60	4,25
Высший	23,50	12,7	2230	5,40	9,75

+ 17,5–18°C; января – 8–8,5°C. Продолжительность безморозного периода, наибольшая по всему Ильменскому бассейну, составляет по разным оценкам от 130–140 до 140–150 дней. Годовое количество осадков сравнительно невелико и составляет 650–700 мм, из них на теплый период года приходится 425–450 мм (Экосистема озера Ильмень 1997: 24).

Ильмень оказывает существенное воздействие на климат прилегающей к нему территории. Следует отметить положительное влияние озера на земледелие в пределах озерной котловины. Мутный мелководный водоем, дно которого покрыто мощным (толщиной до 10 м) слоем иловых отложений, хорошо прогревается и в летне-осенний период отдает тепло, накопленное весной и в начале лета (Экосистема озера Ильмень 1997: 37), создавая сравнительно благоприятный микроклимат в течение вегетационного периода. Последний на побережье Ильменя длиннее, чем в удаленных от озера областях. Еще Э. И. Эйхвальд отметил: «Климат на западном и южном берегах озера не так суров, как в дальнем от него расстоянии; поэтому яблоки, груши, сливы, вишни гораздо лучше поспевают в Коростыне, чем в Старой Руссе» (Эйхвальд 1856: 27). Примечательно также наличие крупных яблоневых садов в дельте Мсты, известное по позднесредневековым письменным источникам.

Показательна, отмеченная в 1920-е гг. разница среднемесячных температур летне-осеннего периода между побережьем оз. Ильмень (пункт Троица в северной части Поозерья) и районом Хутыни (Хутынская метеостанция). В течение июня–ноября разница температур достигала 1,2° С (табл. 6).

Наиболее теплым в летнее время считается восточное побережье озера (Развитие... 1975: 63), но значительно и влияние Ильменя на климат Поозерья. Облачность и количество осадков летом здесь ниже, чем в удаленных от озера областях Приильменя.

Центральное Приильменья является наиболее благоприятным регионом для земледельческой деятельности на территории всего бассейна оз. Ильмень.

Реконструкция колебаний климата во всей совокупности его характеристик — дело климатологов. Но реконструировать динамику увлажненности в ее абсолютных показателях можно, опираясь на данные археологии. Методические основы для подобного подхода разработаны А. М. Микляевым исследованиями пойм в рамках его «археологической географии» (Микляев 1992: 15), а также другими специалистами, преимущественно по археологии эпохи камня и ЭРМ (Нефёдов, Панин 2011; Герасимов 2017; Гусенцова и др. 2017 и др.). Изучая археологические памятники, расположенные в поймах, нам удалось сделать некоторые наблюдения, важные для понимания экономики Раннего Средневековья. В данной части работы мне придется выйти за его хронологические рамки и держать в поле зрения последние 3000 лет. Это связано с тем, что при рассмотрении динамики климатической увлажненности приходится оперировать хронологическими периодами протяженностью 100–300 лет. Такова «разрешительная способность» применяемых методик — СПА и радиоуглеродного датирования. Интерпретировать материалы, относящиеся к Средневековью, следует только на широком хронологическом фоне.

Мелководный Ильмень, бассейн которого охватывает около половины территории Северо-Запада, является прекрасной моделью для изучения динамики увлажненности этой области. Единственной попыткой реконструировать колебания уровня озера в историческое время стала работа Н. В. Васильевой под руководством Д. Н. Субетто (Васильева 2013; Васильева и др. 2012). Если предложенная этими авторами амплитуда колебаний среднего уровня Ильменя во II тыс. н. э. (рис. 11) принципиальных возражений не вызывает (нужно уточнять детали), то динамика увлажненности

Табл. 6. Разница среднемесячных температур Верхнего Поволжья и Центрального Приильменя по данным замеров в пунктах Хутынь и Троица за 1923–1924 гг. по Домрачеву (1926)

VIII	IX	X	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
+1,2	+0,4	+0,7	+0,3	-0,6	+0,1	+0,2	-0,5	-0,6	-1,0	+0,5	+0,4	+1,1	+1,2

во II тыс. до н. э. — I тыс. н. э. с учетом данных археологии представляется иначе.

За последние годы нами в окрестностях Новгорода сделано несколько пойменных разрезов, обеспеченных археологическими находками и радиоуглеродными датировками. Это позволяет предложить откорректированную версию динамики уровня Ильменя за последние 3000 лет.

3.5.1. Ладожская трансгрессия и формирование исторического ландшафта на Ильмене

Наиболее существенные изменения уровня Ильменя в голоцене связаны с трансгрессией, вызванной гляциоизостатическим поднятием северной части Ладожской озерной котловины. Вокруг датировки и абсолютных отметок последнего, максимального подъема воды в Ладожском озере, приведшего к образованию Невы (Малаховский и др. 1993а; Угенинов, Кондратьев 2011), продолжают споры. В коллективной монографии Института озероведения РАН, посвященной Ладожскому озеру, приводится очень широкий диапазон датировок максимума трансгрессии: от 3500 л. н. до 2000 л. н. (Ладога 2013: 32, 42).

Часть исследователей пишет про интервал около 3300–3100 л. н. (Сакса 2006: 38; Субетто 2009: 246; Герасимов, Субетто 2009: 38; Рябчук и др. 2015; Амантов и др. 2016: 44, 45; Сапелко и др. 2018; Александровский и др. 2019: 6). На торфяниках Невского региона, как будто, удалось получить интервал от 3000 до 2400 л. н. (Субетто 2007: 117; Шитов 2007: 12, рис. 2; Александровский и др. 2009: 684; Aleksandrovskii et al. 2009: 277, fig. 4; Dolukhanov et al. 2010: 10; Юшкова 2011: 208).

Высказывались и другие мнения, существенно омолаживавшие возраст Невы. Предлагалась, например, датировка около 2000 л. н. (Лак, Экман 1975; История 1990: 30, 33, 75; Dolukhanov 1995: 28; Субетто 2007: 117).

По мнению Д. Д. Квасова, пик трансгрессии и прорыв Невы следует датировать временем в интервале 2300–1200 л. н. (Квасов 1975: 166, 175, 233). Весомых аргументов в пользу образования Невы в I тыс. н. э. с 1975 г. не появилось, но по данным М. В. Шитова, на Земляном городище Старой Ладоги формирование почв на озерных глинах началось в хронологическом диапазоне, определяемом радиоуглеродными датировками: от 2130±120 л. н. (Ле-6522) до 1820±60 л. н. (Ле-6519) (Шитов и др. 2004: 7, 14; Шитов и др. 2005: 14; Шитов 2007: 12). Спад воды до современных отметок, согласно этим данным, следует относить ко времени около рубежа эр. Точку зрения М. В. Шитова разделяет и А. Л. Александровский, которым для верхней части озерных глин на Земляном городище получена, одна-

ко, более ранняя датировка: 2650±60 л. н. (Ki-13033) (Александровский, Кренке, Нефёдов 2010: 47–53)¹¹².

Существуют версии, предполагающие несколько этапов ладожской трансгрессии и сравнительно медленный, не катастрофический сценарий образования Невы, что позволяет найти выход из противоречащих друг другу групп радиоуглеродных датировок (История 1990: 26–35; Малаховский 1993: 72; Шитов и др. 2004: 14; Сапелко и др. 2018: 32). Таким образом, проблема еще не получила окончательного разрешения, для чего необходимы новые материалы.

Вопрос о том, какого уровня в период максимума ладожской трансгрессии, достигала вода в устье Волхова, тоже вызывает споры¹¹³. Различные высоты называются порой одними и теми же исследователями. Наименьший из предполагаемых уровней — 15 м БС (Малаховский и др. 1993: 71). По другим данным, этот уровень около 1500 г. до н. э. достиг отметки 18–19 м БС (Кошечкин, Экман 1993: 56; Субетто и др. 2007: 400–401). По некоторым источникам, он мог достигать отметки 21 м БС (Сакса 2006: 40; Герасимов, Субетто 2009: 46) или даже 22 м БС (Амантов и др. 2016: 43). Волхов представлял собой в этот период подобие проточного озера. В его долине с ладожской трансгрессией обычно соотносятся отложения серо-голубой аллювиальной глины (Александровский, Кренке, Нефёдов 2010: 45; Александровский 2012: 60; Александровский, Долгих 2012: рис. 3).

Представления о высотной отметке максимума ладожской трансгрессии в истоке реки и на Ильмене дают четыре объекта: селище Ситно, Рюриково Городище, стоянка на Липенском холме и Наволокский торфяник (рис. 12). Дополнительную информацию предоставляет пятый объект — разрез в ур. Ямно, на периферии Наволокского торфяника. Ниже приводятся их описания и интерпретация.

3.5.1.1. Селище Ситно на Волхове

Селище Ситно исследовалось нами в 2016 г. Вскрытая раскопками площадь составила 5280 м² (рис. 13). Поселение содержит материалы различных эпох, начиная со II тыс. до н. э. вплоть до Позднего

¹¹² Предполагается, что за несколько лет или десятилетий уровень воды в Ладожском озере упал по разным оценкам на 10 м (Ладога 2013: 43) или 12 м (Сакса 2006: 38). О катастрофическом характере образования Невы, возможно, говорит ее название (Кулешов 2003).

¹¹³ Существует мнение, что этот максимум не мог существенно превышать современной высоты водораздела Финского залива и Ладожского озера в районе невских порогов, т. е. отметки около 18 м БС (Малаховский и др. 1993: 70; Шитов и др. 2004: 6). Вопрос о высотной отметке максимума трансгрессии в Южном Приладожье имеет принципиальное значение для оценки влияния ее на обстановку в районе озера Ильмень (разброс точек зрения см: Сапелко и др. 2019: 78, 79; Аксенов, Большианов 2019: 189).

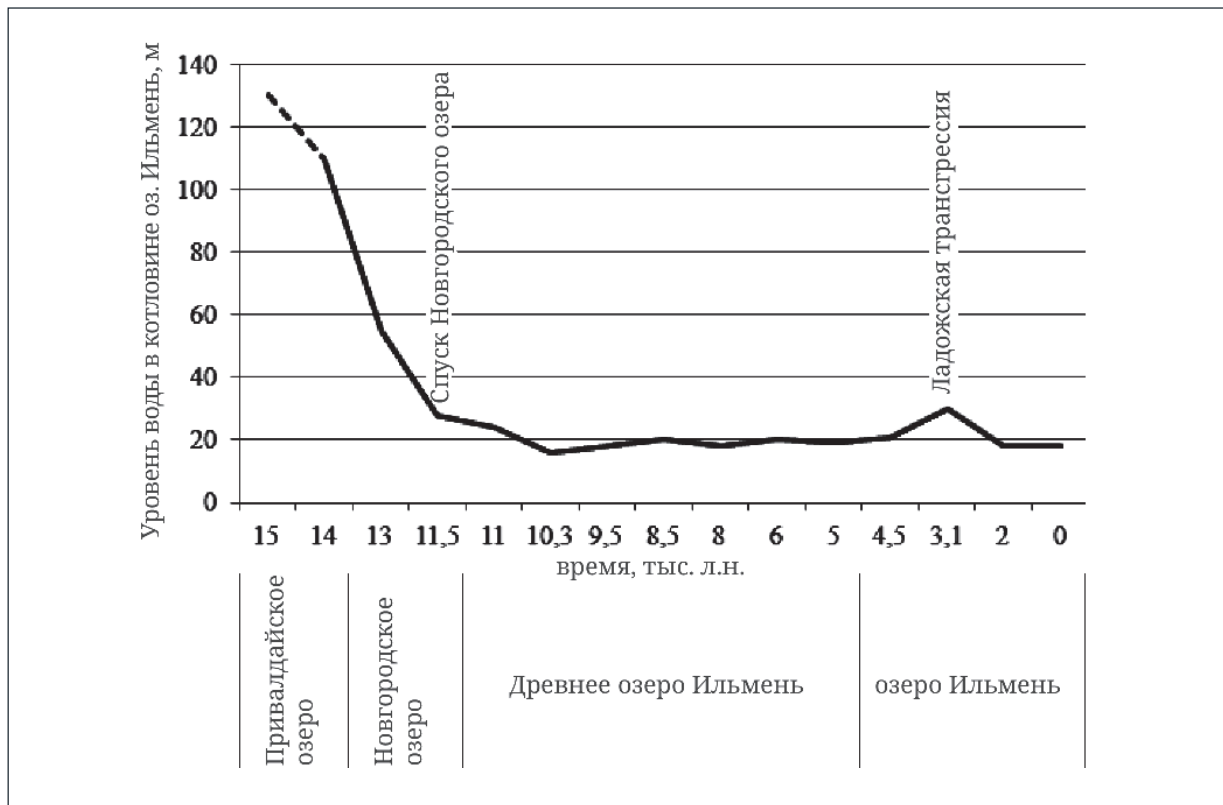
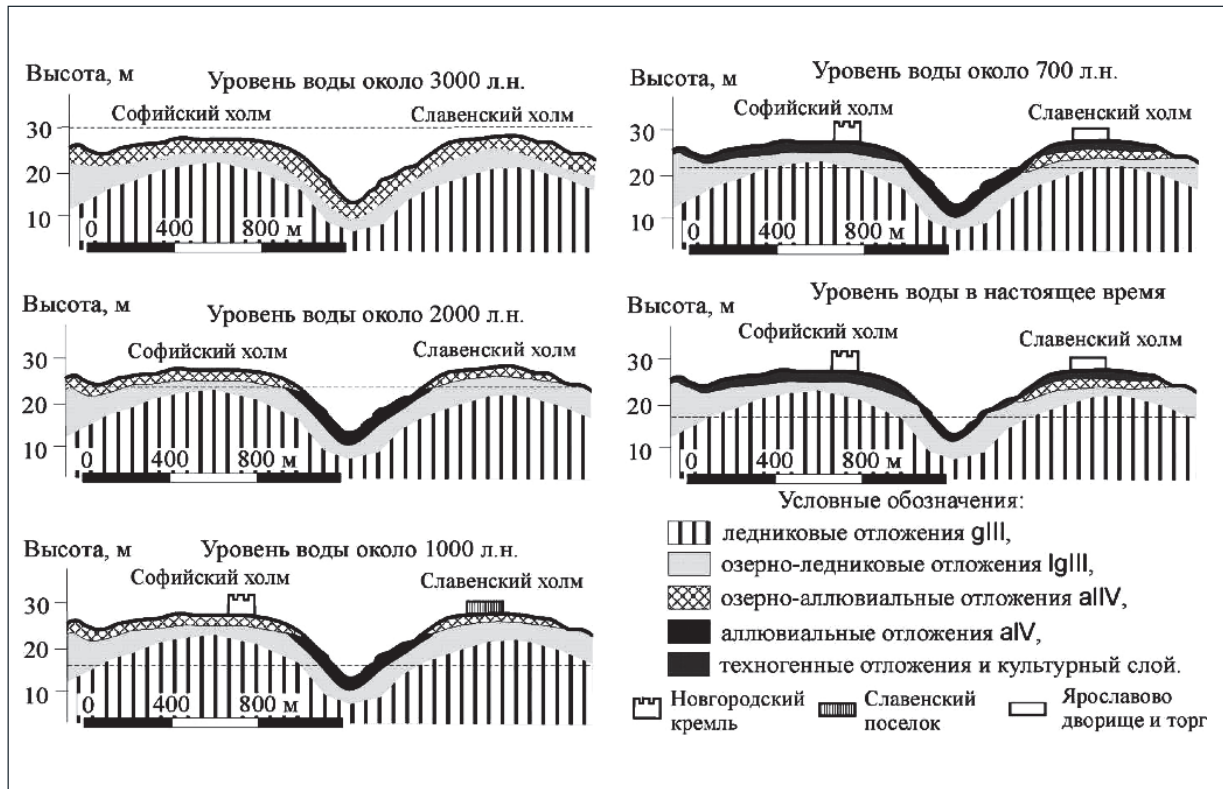

Рис. 11. Одна из реконструкций динамики уровня воды в р. Волхов и в котловине оз. Ильмень (Васильева и др. 2012)

Средневековья. Селище расположено на надпойменной террасе правого берега Волхова. Оно приурочено к расширению поймы, в которой лежит старичное озеро, соединенное короткой (возможно, рукотворной) протокой с руслом реки. Напротив этой протоки и располагается раскопанный нами участок.

Раннесредневековое поселение отличается исключительной невыразительностью. Зафиксировано всего семь объектов этого времени — это очаги, помещенные в неглубокие (до 30 см) материковые западины, и линзы культурного слоя под пахотным горизонтом (рис. 358; 359). Лишь в одном случае встречена солидная материковая яма — из тех, что обычны для селищ этого региона (рис. 368; 369). Вокруг очагов прослеживаются столбовые ямы, возможно, указывающие на наличие легких построек (рис. 363).

Вещевой материал — немногочисленные бусы и бисер (30 экз.), трапециевидная подвеска из медного сплава, бронзовый пластинчатый перстень, несколько ножей и шильев, три глиняных пряслица. Раннегончарные формы керамики и некоторые бусы указывают на X–XI вв. Известно, что гончарный круг распространяется в Поволжье в первой половине X в. Однако вышеупомянутые комплексы содержат только лепную керамику. Это наводит на мысль, что здесь имело место по крайней мере двукратное заселение. Первый этап связан со временем безраздельного господства в обиходе лепной посуды. Ее формы характерны для VIII–X вв. (реберчатая керамика «ладожского типа»), но отдельные формы (сосуды с S-видным профилем) могут относиться к более раннему времени. Радиоуглеродные образцы датируют памятник VIII–X вв.

Селище интересно не своей жилой зоной, а небольшим участком культурного слоя на склоне надпойменной террасы. Если мощность средневекового слоя на площадке поселения не превышает (в совокупности с пахотой) 0,5 м, то на склоне террасы напластования достигают толщины 2 м (рис. 14). Наиболее интересен участок № 10 — классическая модель для палеогеографических исследований. Шлейф культурного слоя (маломощного и нерасчлененного на надпойменной террасе) с минерального берега спускается в толщу торфо-аллювиальных отложений, где расслаивается на отчетливо разделенную стерильными прослойками литологическую последовательность (рис. 15).

Исследования на бровке надпойменной террасы. Площадь участка № 10 составила 24 × 12 м (288 м²). Как и на всей территории селища, сверху лежит пахотный слой. Он имеет делювиальный характер, т. е. не только переотложен плугом, но в дальнейшем смыт со склона холма. Слой насыщен мелкими фрагментами разновременной керамики с преобладанием белостенной позднесредневековой и еще более поздней поливной. Очевидно, это следы рыболовецких стоянок XVI–XIX вв.

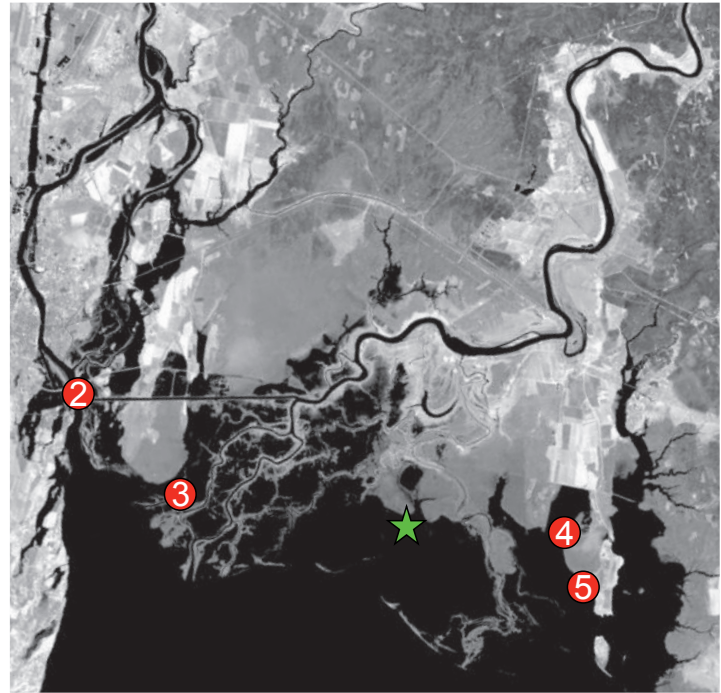
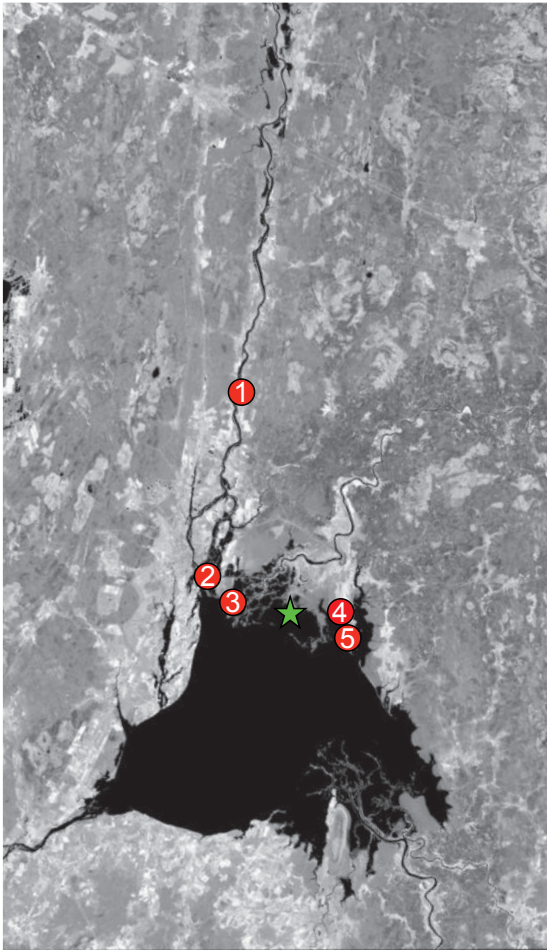
Планиграфия и стратиграфия. Участок может быть разделен на две части, граница между которыми проходит по средней линии квадратов с севера на юго-запад (рис. 16; 17; табл. 7). Восточную часть участка занимает склон берега, с поверхности сложенный делювиальным шлейфом. Ниже зафиксирован культурный слой (темно-серая супесь) небольшой мощности с гончарной (преимущественно) и лепной средневековой керамикой. В этом культурном слое лежит горизонт камней, отделенный от материка серой гумусированной супесчаной прослойкой толщиной около 0,10–0,20 м. Материк — аллювиальная супесь, насыщающаяся глинистыми частицами по мере падения склона.

В западной части участка, на линии квадратов 29, делювий и подстилающий его культурный слой с лепной и раннегончарной керамикой смыкаются с пойменным торфяником. На стыке зафиксировано скопление жердей, кольев и щепы, в котором выделяется колотая прямоугольная доска, возможно, лодочная скамейка (оп. 3, № 43). Положение этих фрагментов в слое (они ориентированы вдоль кромки берега) и тот факт, что часть из них окатана песком, говорят о том, что древесина занесена сюда паводковыми водами. Местоположение дерева указывает на волноприбойную линию паводка в X–XI вв. О том же говорит и отсутствие аллювия в культурном слое выше по склону. Материк на пойменной террасе — серо-голубая глина. Мощность ее не менее 1 м. Это было прослежено при рытье экскаватором дренажного колодца раскопа близ пикета Г-30. Озерные глины голоценового возраста неоднократно фиксировались в пойме Волхова, как в верхнем (Носов 1990: рис. 5), так и в нижнем его течении (Тимофеев, Стеценко 1997: 331; Александровский, Кренке, Нефёдов 2010: 45; Александровский 2012: 60; Александровский, Долгих 2012: 74, рис. 3; Лапшин 2019а: рис. 1; Александровский и др. 2019; Платонова и др. 2020: рис. 1)¹¹⁴.

На кромке пойменного торфяника отложился минеральный культурный слой (контекст 4 — темно-серая супесь с очажными камнями). Распределение фрагментов керамики в этом слое демонстрируют таблицы 8–10. Гончарная белостенная керамика представлена в нем единичными фрагментами, попавшими из верхнего горизонта за счет береговых промоин. В контексте 4 также единично присутствуют фрагменты гончарной посуды, которую можно предположительно датировать XI–XII вв.

Основную же массу керамики составляют обломки сосудов с примесью выступающей на поверхность дресвы, покрытые линейным и волнистым орнамен-

¹¹⁴ Для погребенной почвы на сизоватых озерных глинах ладожской трансгрессии на Земляном городище Старой Ладоги получена радиоуглеродная датировка: 1600±80 BP (Ki-16931) (Александровский, Долгих 2012: 74).

Рис. 12. Расположение разрезов, содержащих информацию о колебаниях уровня озера Ильмень в субатлантическом периоде голоцена: 1 — Ситно (2016) 2 — Рюриково Городище (2003) 3 — Липно (2016) 4 — Ямно (2014) 5 — Наволок (2003, 2008). Звездой отмечена стоянка с текстильной керамикой на северном берегу Большого Аркажского залива

том (рис. 18: 3; 19: 1–7; 376: 5). Некоторые из этих сосудов, сформированных на примитивном гончарном круге, сделаны так грубо, что едва отличимы от лепной посуды. Датировка этой раннегончарной керамики не выходит за рамки X в. (дату появления здесь высококачественной гончарной посуды нельзя омолаживать по сравнению с Новгородом и Ладогой).

Датирующие находки из нижней части культурного слоя на бровке надпойменной террасы немногочисленны, но выразительны. Отмечу фрагмент крупной сглаженно-цилиндрической бусины черного (марганцевого на сильный просвет) стекла с белой нитью, наложенной по центру поперек канала (рис. 18: 4). Подобные бусы, характерные для ранних древнерусских памятников, производились и завозились на Русь вместе с популярными глазчатыми черными бусами с восьмерковидным переплетом (Голубева 1973: 181, рис. 65: 17; Самойлович 2006: 377–378; Захаров, Кузина 2008: 196, рис. 149; Доброва 2018: 123, рис. 13: 16). Датировка бус с одинарной нитью определяется в рамках X–XI вв. (Голубева 1973: 181, табл. 32; Самойлович 2006: 377; Захаров, Кузина 2008: 164, 196). Вторая бусина — цилиндрическая сердоликовая, побывавшая в огне (рис. 18: 5). В Поволжье этот редкий тип сердоликовых бус представлен в материалах Рюрикова Городища (Носов, Плохов, Хво-

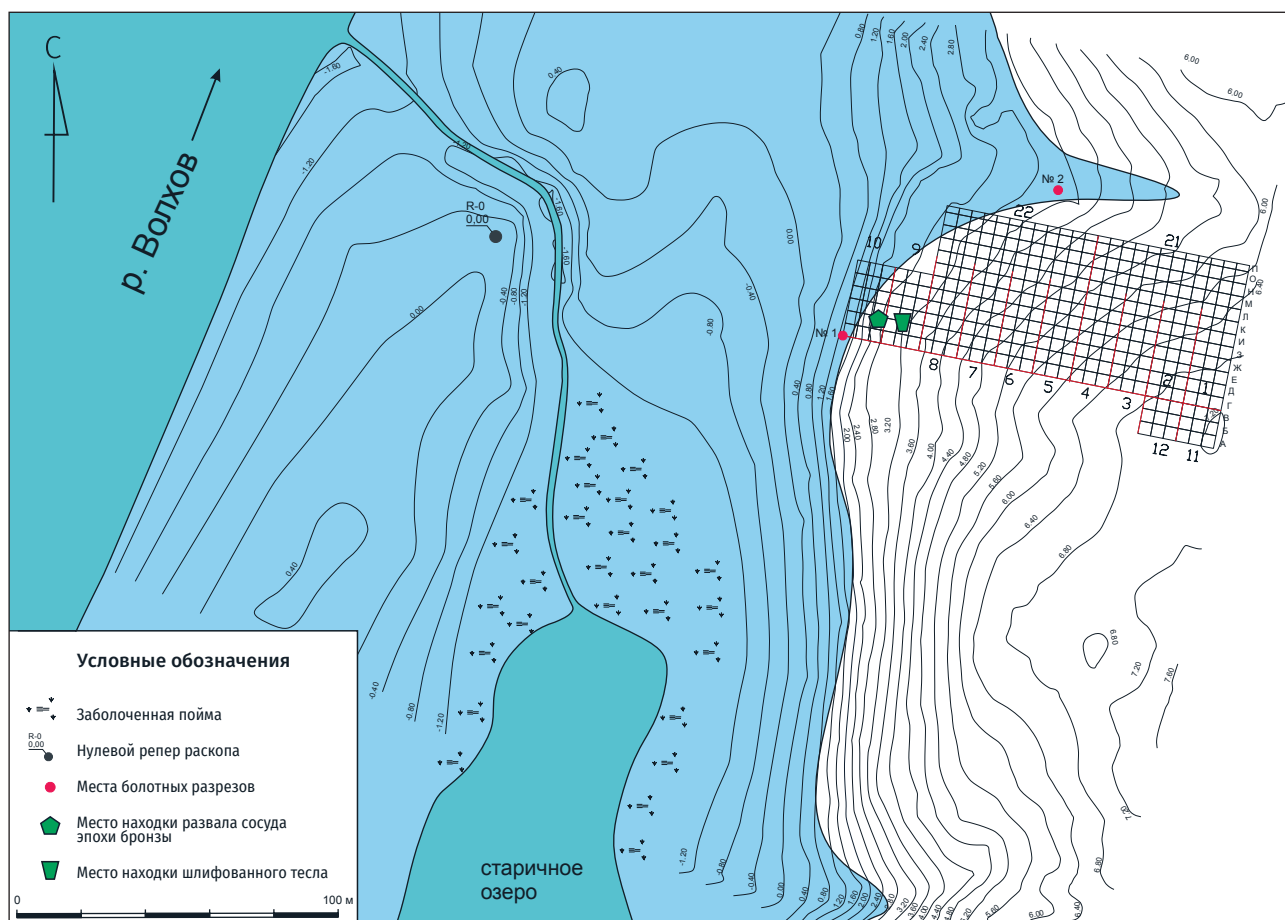
щинская 2017: ил. 3: 15–17) и Старой Ладogi. По староладожской хронологии относится к горизонту Д, т. е. к X — началу XI в. (Давидан 1998: 124).

Дополнительный хронологический репер для датировки верхней части торфяника, смыкающегося с культурным слоем, дает находка фрагмента сегментовидного поплавка с граффити (рис. 20). Подобные поплавки от сетей хорошо известны в средневековом Новгороде, начиная с древнейших слоев (Колчин 1968: табл. 7: 1–3). Похожие граффити, как полагал Б. А. Колчин — в виде кубка, известны на ряде предметов XIV в. из усадьбы Б Неревского раскопа (Колчин 1968: 23, рис. 13: 3).

Единичными находками в культурном слое под аллювием представлены мелкие и окатанные фрагменты керамики ЭРМ. Большинство из них относится к орнаментированному сосуду, остатки которого были найдены ниже на кромке берега (табл. 7–10).

Интересные результаты были получены при зачистке материковой поверхности кромки древней надпойменной террасы. На береговом обрыве был зафиксирован наплыв желто-серой супеси толщиной около 0,10–0,20 м (контекст 10), пятнами перекрывавший верхнюю часть склона. Происхождение этой супесчаной прослойки связано с флювиальными процессами, возможно, с ладожской трансгрессией. Слой,

Рис. 13. Селище Ситно 2016 г. Заливкой обозначен предполагаемый контур береговой линии водоема периода максимума ладожской трансгрессии (высотная отметка ок. 20,23 м БС). Данные о максимальном уровне трансгрессии получены на основании высоты залегания археологических материалов близ разреза 1 и высоты залегания аллювия в береговой выемке (разрез 2). Высотная отметка репера в пойме 18,936 м БС

однако, местами перерабатывался в более позднее время. В наплыве единично встречаются фрагменты позднелепной и гончарной древнерусской керамики.

В кв. Д-28 в наплыве (контекст 10), в культурном слое под ним (контекст 11) и на границе с материком (контекст 12) на высотной отметке примерно 1,20 м (20,14 м БС) был найден развал придонной части лепного сосуда (оп. 1, № 888), покрытого текстильным орнаментом (рис. 21). Отдельные фрагменты этого же сосуда (№ 896, 919, 921, 923) встречены также по соседству в вышележащем культурном слое (контекст 5). Учитывая неровность рельефа, этот сосуд трудно связать с каким-то из трех стратиграфических контекстов (5, 10, 11). Собрано 23 фрагмента, часть из которых удалось склеить. В качестве отошителя в тесте сосуда использовалась примесь дресвы. Сосуд имел плоское дно с небольшой закраиной. На внутренней поверхности имеются следы нагара.

Под указанным наплывом (контекст 10) в понижениях рельефа удалось проследить размытую слабогумусированную прослойку песка толщиной до

0,2 м с отдельными мелкими угольками (рис. 22). Это линза культурного слоя (контекст 11), сформировавшегося в ЭРМ — РЖВ и перемытого в более позднее время. На площадке селища этот слой был уничтожен в Средневековье. Ниже на склоне он оказался размыт водами Волхова. Проследить этот слой ныне можно только на краю террасы на полосе около 3 м, и то в виде отдельных пятен с размытыми очертаниями (рис. 17; 22; 23; 26).

В таких пятнах в двух скоплениях зафиксирован развал лепного богато украшенного сосуда (рис. 27; 28: 1), относящегося к ЭРМ (II — начало I тыс. до н. э.) (опись 1, № 946, 992). Одно из скоплений лежало в материковой ямке, описываемой ниже.

Комплекс XXXVII. Располагается в квадрате Е-28. Яма, врезанная в кромку берега. Форма — округлая в плане, дно плоское. Заполнение — пятнистый серо-желтый слабогумусированный песок. На дне ямы, на отметке 1,07–1,09 м (20,01–20,03 м БС), лежала часть развала (19 обломков) лепного орнаментированного сосуда (оп. 1, № 946) большого диаметра (рис. 27: 1).

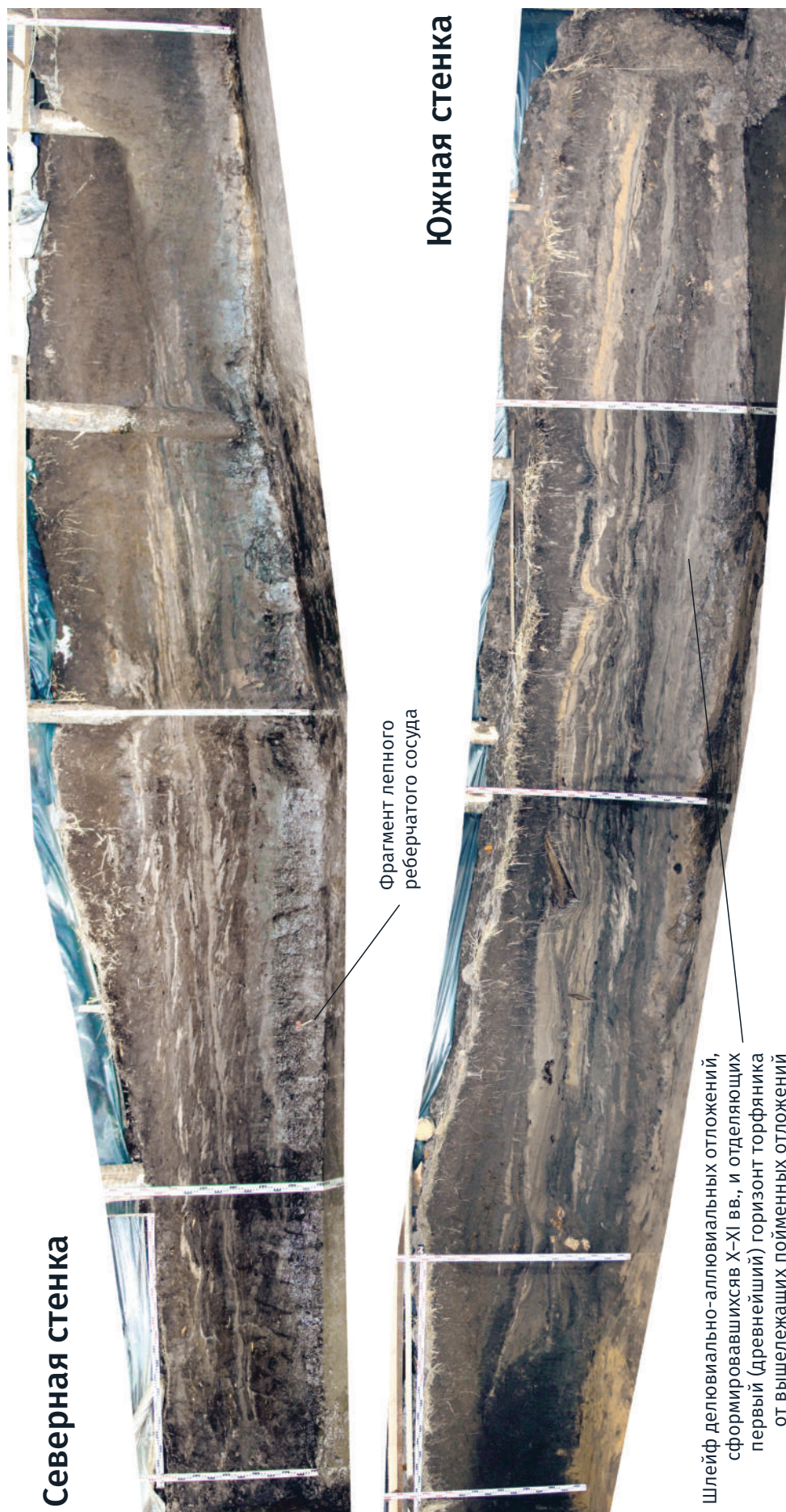

Рис. 14. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Фотографии стенок

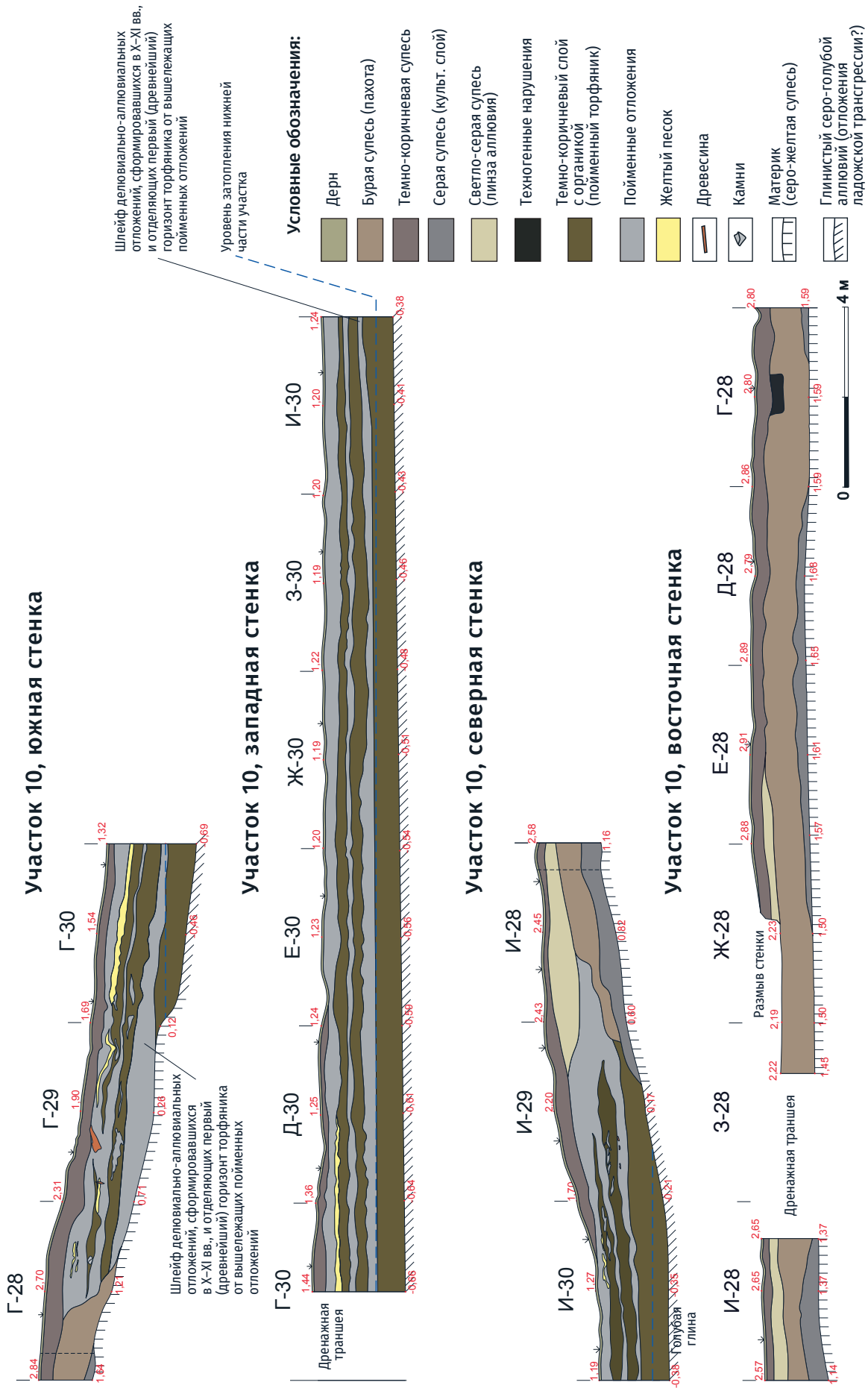

Рис. 15. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Профили стенок

Шлейф делювиально-аллювиальных отложений, сформировавшихся в X–XI вв. и отделяющих первый (древнейший) горизонт торфяника от вышележащих пойменных отложений

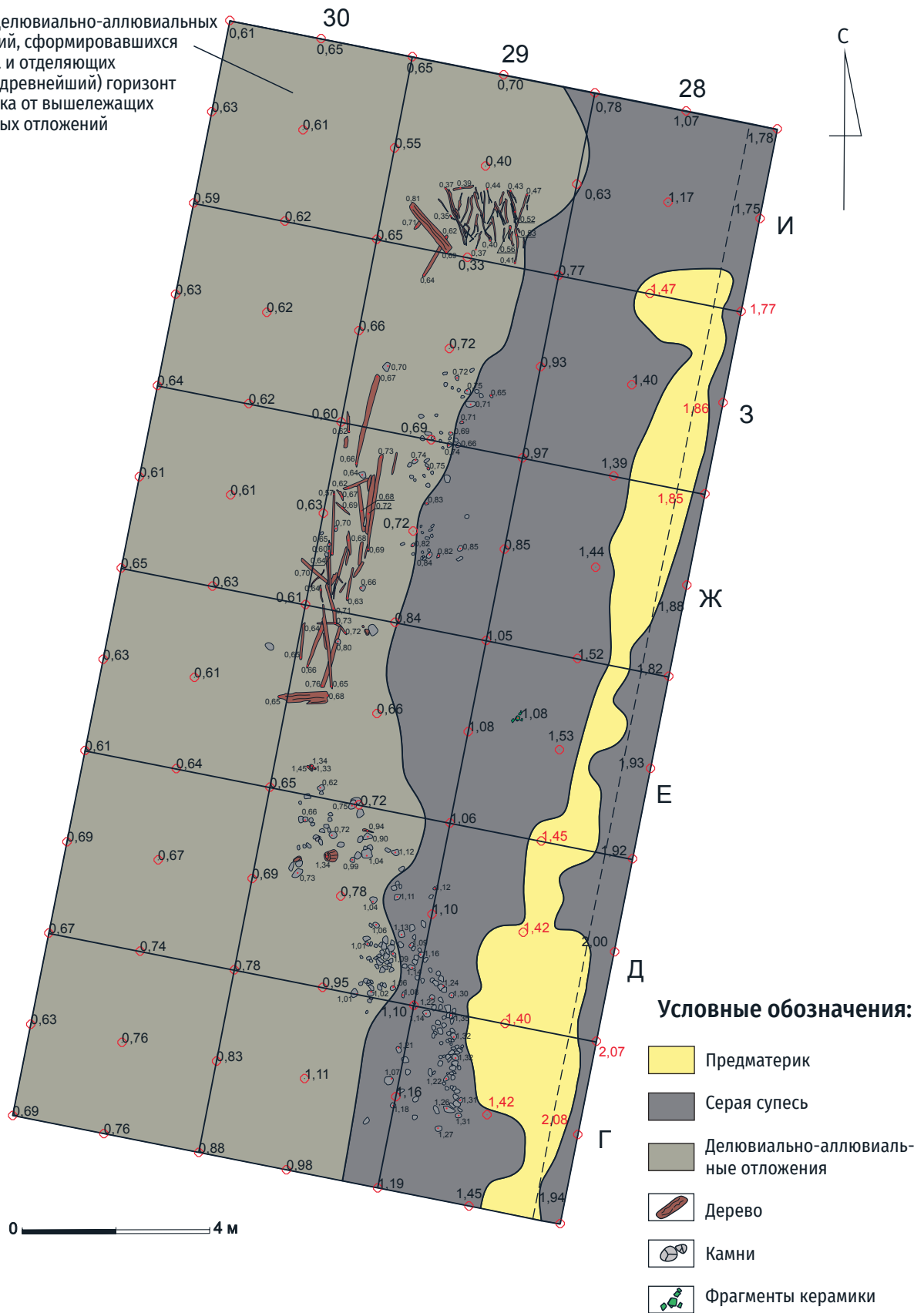
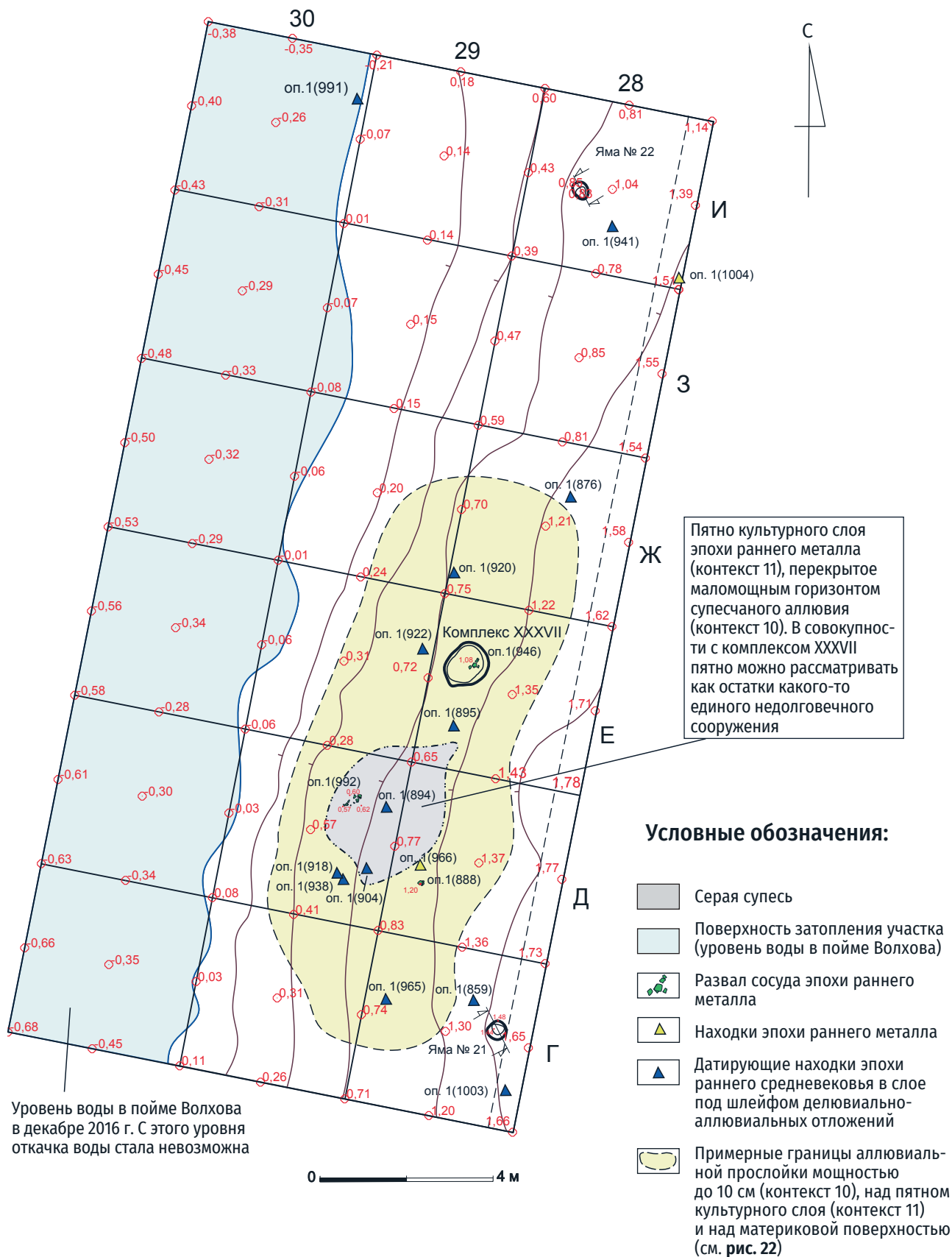

Рис. 16. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. План материковых пятен. В кв. И-29 на тропинке, ведущей с селища к Волхову расчищена гать из хвороста

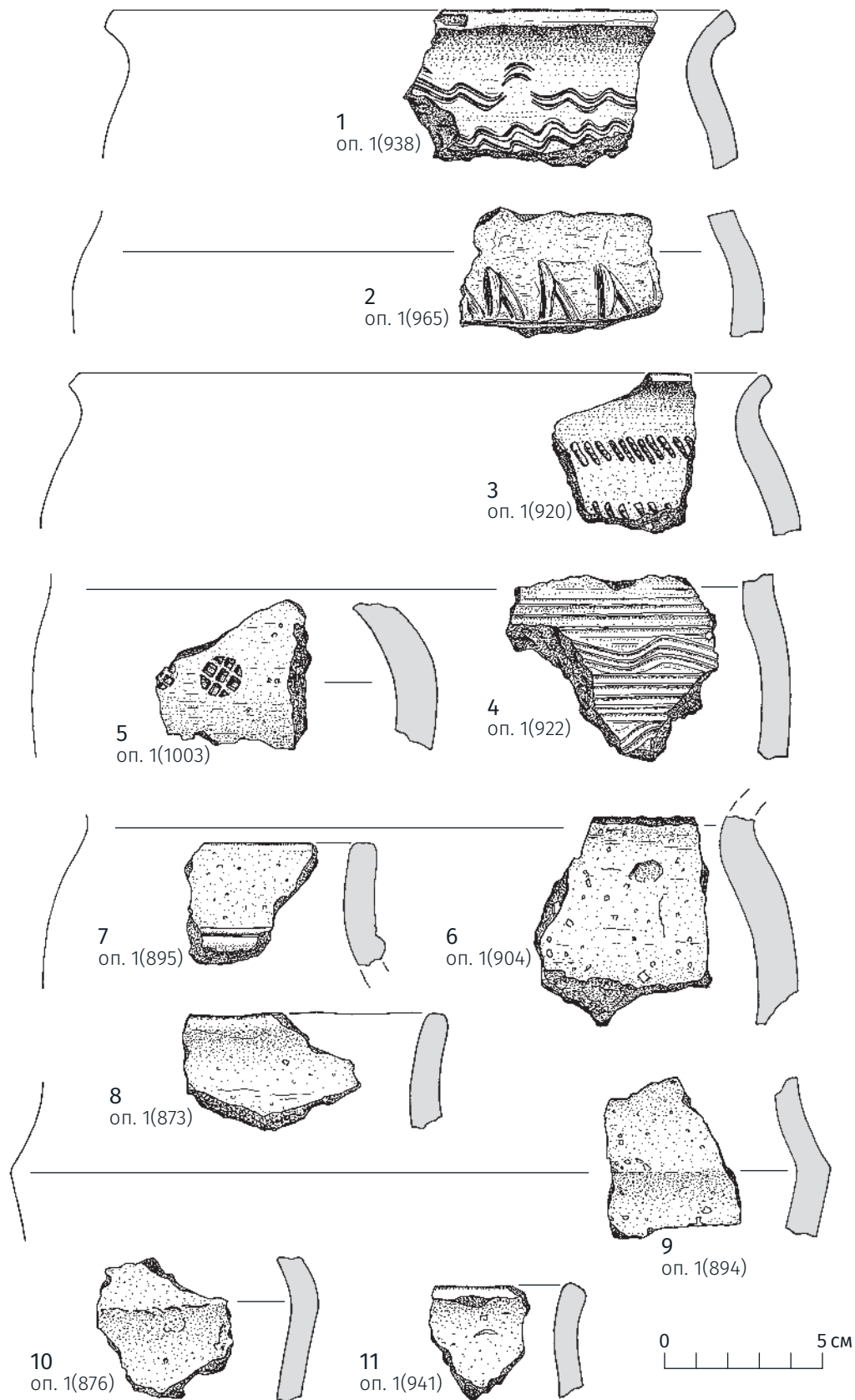

Рис. 17. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. План материковой поверхности. Голубой заливкой показан уровень воды в Волхове на момент окончания работ. Находки, отмеченные на плане раскопа представлены на рисунках

Рис. 18. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Находки из основания пойменных отложений (1) и культурного слоя X в. на бровке надпойменной террасы (2-5). 1 – лепная керамика; 2 – лепная(?) керамика; 3 – раннегончарная керамика; 4 – фрагмент стеклянной бусины; 5 – обожженная сердоликовая бусина

Рис. 19. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Раннесредневековая керамика из культурного слоя под аллювием. 1–7 – раннегончарная керамика; 8–11 – лепная керамика. 1 – кв. Д-29, слой под аллювием; 2 – кв. Д-29, зачистка материка; 3 – кв. Ж-28, слой под аллювием; 4 – кв. Е-29, слой под аллювием; 5 – кв. Г-28, зачистка материка; 6 – кв. Д-29, слой под аллювием; 7 – кв. Е-28, слой под аллювием; 8 – кв. Д-28, зачистка материка; 9 – кв. Д-29, слой под аллювием; 10 – кв. Ж-28, пахота 3-й штык; 11 – кв. И-28, слой под аллювием

Рис. 20. Селище Ситно 2016 г. Фрагмент деревянного поплавка с луно-видным граффити. Верхняя часть нижнего горизонта пойменного торфяника. Кв. И-30. Отм. 19,14 м БС

В заполнении комплекса встречено также два мелких фрагмента гончарной древнерусской керамики и один обломок лепного гладкостенного сосуда, также средневекового (оп. 1, № 946). Очевидно, песчаная бровка берега много раз размывалась и обваливалась, и напластования разных эпох перемешивались.

Вторая часть развала орнаментированного сосуда зафиксирована на бровке надпойменной террасы в квадрате Д-29 на высотной отметке 0,62–0,66 м (19,56–19,60 м БС) в линзе серой супеси (контекст 11) под наплывом желто-серой супеси (контекст 10). Ширина этого наплыва тут около 3 м, толщина 0,10–0,20 м. Здесь собрано 33 фрагмента (оп. 1, № 992), по которым удалось получить профиль верхней части сосуда с венчиком (рис. 27: 2). Помимо двух указанных скоплений, фрагменты этого сосуда встречены на соседних участках раскопа: в кв. Д-29 при зачистке останцов под камнями (оп. 1, № 968, 969), в кв. Ж-29 в культурном слое под аллювием (оп. 2, № 116).

Развал лепного сосуда ЭРМ. Нижняя часть его не сохранилась. Диаметр по венчику около 30 см. Венчик имеет резкий перегиб при переходе в плавно-округлое плечико. Сосуд тонкостенный (до 7 мм), отошитель — крупнозернистая дрсва. Верхняя часть сосуда внутри и снаружи несет следы горизонтального заглаживания, предшествовавшего нанесению орнамента. Нижняя часть сосуда имеет так называемую текстильную поверхность. На уровне максимального расширения внутри заметна полоса нагара. Внешняя поверхность и срез венчика, а также верхняя часть плечика сплошь покрыта неглубокими оттисками частой гребенки с мелким зубом. Перегиб на переходе в плечико орнаментирован снаружи линией тычков, а с внутренней стороны — зигзагообразными оттисками той же гребенки. Ниже плечика сосуд

покрыт тычковой орнаментацией. Если в верхней части плечика ямки неправильной формы расположены горизонтальными рядами, то ближе к нижней части тулова, оттиски штампа утрачивают регулярность и становятся более мелкими.

Сосуд может быть предположительно отнесен к раннему периоду культуры текстильной (сетчатой) керамики. Ближайшие в территориальном отношении аналогии такой посуде можно указать на поселениях Изсады (Гурина А-1952: альбом: л. 28) и Усть-Рыбежна 2 в Южном Приладожье (Юшкова 2015а: рис. 6: 1), на поселении Шкурина Горка в Поволховье (Кулькова, Юшкова 2006: рис. 2, 3) и в Поозерье на селищах Ракомо (Орлов А-1958: рис. 2) и Прость (Орлов А-1961: рис. 7) (рис. 28: 2–4)¹¹⁵. К этому же времени относятся найденные неподалеку шлифованное сланцевое тесло (оп. 1, № 541), кремневый скребок (оп. 1, № 1004) и обломок шлифованного сланцевого орудия (оп. 1, № 966) (рис. 29). Очевидно, здесь существовала кратковременная рыболовецкая стоянка. Определить датировку сосуда сложно. Шкурина Горка датирована по радиоуглероду VIII–IV вв. до н. э. Но в выборке радиоуглеродных датировок с этого памятника есть и более ранняя, относящаяся к II тыс. до н. э. (Кулькова, Юшкова 2006: 83).

¹¹⁵ Весьма показательны обстоятельства находки аналогичного сосуда на селище Прость. Сосуд происходит из материковой ямы (комплекс 1) в раскопе 1, заложенном С. Н. Орловым в 1961 г. Комплекс лежит на надпойменной террасе левого берега р. Прость, согласно плану С. Н. Орлова, на высоте около 3 м над поймой (Орлов А-1961: рис. 2, 4). Расчет нивелировочных отметок участка раскопа при сопоставлении планов с современной картой дает высоту около 26 м БС (по карте ГУГК при СМ СССР масштаба 1: 10 000, съемки 1974 г. Лист С-56-36-Г-а-1).

Табл. 7. Селище Ситно 2016 г. Общая стратиграфия участка № 10 (И. И. Еремеев)

Кон- текст №	Глубина, м	Литология	Археологические находки и их интерпретация	Датировки 14С, ВР*
1	0–0,10/0,20	По всей площади участка современный дерновый слой	Фрагменты стекла, керамика и мусор XX в.	
2	0,10–0,30	В квадратах линии 28 по бровке береговой террасы слой битого кирпича с углем и печиной	Мощение топкого спуска к воде. Мелкие фрагменты разновременной гончарной керамики	
3	0,10–0,30	На линии 28 серый супесчаный делювий, падающий по склону. На границе линий квадратов 28 и 29 уходит под прослойки супесчаного пойменного аллювия	Фрагменты древнерусской гончарной керамики, белостенная посуда XVI–XVII вв. В центральной части участка несколько вертикально забитых кольев и бревен	
4	0,30–0,60/070	На линии 28 и 29 серый супесчаный делювий (контекст 3) переходит в темно-серую супесь (культурный слой) с очажными камнями и мелкими угольками	Среди камней фрагменты раннегончарной древнерусской керамики X–XI вв. и лепной гладкостенной средневековой посуды. Датированные находки – обожженная сердоликовая цилиндрическая бусина (оп. 1, № 859) и фрагмент сглаженно-цилиндрической бусины черного стекла с белой поперечной полосой (оп. 1, № 918) (рис. 18: 5, 4)	
5	—	На линии 28 и 29 под горизонтом колотых и обожженных камней (под контекстом 4) фиксируется серый супесчаный культурный слой	Под камнями найдено несколько фрагментов керамики. Два принадлежат сосуду ЭРМ, развал которого найден на кромке берега (№ 946, 992). Один фрагмент – грубогончарный сосуд с линейным орнаментом	
6	0,60–1,20	На линиях 29 и 30 горизонт супесчаного пойменного аллювия. Имеет тонкослоистую структуру с перемежающимися прослойками органики и гумусированной супеси	Фрагменты обработанного дерева (главным образом заостренные топором кольца). Керамика разновременная, преобладает гончарная белостенная посуда XVI–XVII вв.	190±100 (Ле-11509) 200±45 (Ле-11518)
7	0,70–1,20	В квадратах линий 29 и 30 под супесчаным пойменным аллювием (контекст 6) залегают торф с прослойками аллювия. Верхняя часть торфяника на линии квадратов 29 смыкается с прослойкой смытого с холма темно-серого культурного слоя (контекст 4)	На стыке торфяника и шлейфа минерального культурного слоя, содержащего очажные камни, зафиксированы фрагменты древнерусской гончарной и лепной гладкостенной керамики, скопление древесных остатков. Архаичная раннегончарная керамика указывает на X–XI вв. Древесные остатки ориентированы вдоль бровки террасы и отмечают волноприбойную линию этого периода. Близ поверхности торфяника в квадрате И-30 найден деревянный сегментовидный поплавок (оп. 3, № 46) с граффити (рис. 20).	340±60 (Ле-11516) 430±60 (Ле-11517) 460±40 (Ле-11514) 560±55 (Ле-11515) 740±60 (Ле-11513) 840±50 (Ле-11510)
8	1,20–1,40	Серый супесчаный пойменный аллювий. Смыкается с прослойкой смытого с надпойменной террасы темно-серого культурного слоя с обожженными камнями и фрагментами древесины	—	

Кон- текст №	Глубина, м	Литология	Археологические находки и их интерпретация	Датировки 14С, ВР*
9	1,40–2,00	Торф со щепой, обрубленными ветками и кольями, с небольшим количеством обожженных и колотых очажных камней	Два фрагмента лепной гладкостенной керамики. На границе с подстилающей торфяник серо-голубой глиной (контекст 13) найден крупный фрагмент лепного гладкостенного сосуда реберчатой формы (оп. 1, № 991), так называемого ладожского типа (рис. 18: 1; 400: 1). Эта находка позволяет датировать начало формирования торфяника на линии 29 и 30 второй половиной I тыс. н. э. **	430±80 (Ле-11504)*** 1050±50 (Ле-11507) 1090±30 (Ле-11508) 1150±50 (Ле-11505) 1155±25 (Ле-11506) 1250±30 (Ле-11512) 1850±90 (Ле-11511)
10	1,50–1,60	По линии 28 на бровке надпойменной террасы линза желто-серой супеси, вероятно, аллювиального происхождения (под контекстом 4)	Скопление фрагментов лепного плоскостенного сосуда с текстильной поверхностью (оп. 1, № 888). Фрагменты его зафиксированы в контекстах 5 и 11 (рис. 21)	
11	1,60–1,70	По линии 28 на бровке надпойменной террасы линза серой супеси (под контекстом 10)	Развал богато орнаментированного сосуда ЭРМ в двух скоплениях фрагментов (оп. 1, № 946, 992) (рис. 24–27)	
12	1,20–2,00	По линии 28 и 29 серо-голубая аллювиальная супесь (материк)	—	
13	2,00 – более 4,00	На линии 30 серо-голубая озерно-аллювиальная глина (материк)	—	

* Жирным шрифтом отмечены датировки, полученные по торфу. Остальное – дерево.

** С учетом того, что средняя скорость аккумуляции торфа в мезотрофных торфяниках Центральной России составляет 5–8 см в 100 лет (см.: Исаченко 1998: 44, там литература; Грачева 2008: 109), горизонт торфа мощностью до 0,7 м может иметь возраст от 500 до 1000 лет. Если погребение аллювием нижнего торфяника произошло (судя по найденной в нем керамике) в XI в., то находку на нижней его границе фрагмента сосуда «ладожского типа» следует относить к древнейшим образцам этой керамики в Поволховье. Что и подтверждается датой по торфу: 1850±90 ВР (Ле-11511).

*** Выбивающаяся из общего ряда поздняя датировка связана, вероятно, с колом, забитым с уровня вышележащих напластований.

Табл. 8. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Распределение массовых находок в культурном слое (темно-серая супесь) под пахотным горизонтом и делювием (контекст 4, 5)

Кв-т	Лепная керамика ЭРМ и РЖВ	Лепная гладкостенная керамика	Гончарная древнерусская керамика	Гончарная белостенная керамика	Гончарная неопред. керамика	Керамика XVIII–XX вв.	Фарфор, фаянс	Гвозди кован.
Г-28	—	1	28	1	—	—	—	3
Ж-29	—	2						
Всего	—	3	28	1	—	—	—	3

Разрез 1 (у пикета Г-30). Здесь из южной стенки раскопа была отобрана колонка образцов на СПА. Высота ее составила 2 м — от поверхности современной почвы до кровли серо-голубой глины, подстилающей торфяник (**рис. 30**). Отметка поверхности серо-голубой разрезе 1 : 18,25 м БС. Вышележащие линзы супесчаного аллювия у подножия и на склоне надпойменной

террасы маркируют приборные линии волховского берега в периоды наиболее интенсивных паводков.

Образцы отбирались монолитом в металлические контейнеры размером 10×10×50 см. Методика (Konigsson 1989) предполагает возможность работы со сплошной литологической колонкой в лаборатории и дальнейший отбор образцов из одних и тех же точек залежи

Табл. 9. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Распределение массовых находок в культурном слое под аллювием и делювием (контексты 8 и 11)

Кв-т	Лепная керамика ЭРМ и РЖВ	Лепная гладкостен. керамика	Гончарная древнерус. керамика	Гончарная белостенная керамика	Керамика XVIII–XX вв.	Обмазка	Керамич. мусор
Г-28	—	9	6	—	—	—	—
Г-29	2	9	30	—	—	—	1
Д-28	1 (развал)	4	8	—	—	1	—
Д-29	12 (в том числе развал)	35	44	—	—	3	24
Е-28	2	4	11	—	—	1	1
Е-29	1	3	8	2	—	—	4
Ж-28	—	8	3	—	—	—	—
Ж-29	1	6	26	2	—	—	1
З-28	—	2	—	—	—	—	—
З-29	—	1	2	—	—	1	—
И-28	—	8	15	—	1	—	—
И-29	—	1	—	—	—	—	—
Всего	19 (считая каждый развал за один фр-т)	90	153	4	1	6	31

Табл. 10. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Распределение массовых находок из зачистки поверхности материка (граница контекстов 4, 10 и 12)

Кв-т	Лепная керамика ЭРМ и РЖВ	Лепная гладкостен. керамика	Гончарная древнерус. керамика	Гончарная белостенная керамика	Керамика XVIII–XX вв.	Обмазка	Керамич. мусор
Г-28	—	1	—	1	—	—	1
Д-28	—	3	1	—	—	—	—
Ж-28	—	7	56	—	—	—	5
Е-29	—	2	—	—	—	—	—
И-30	—	1*	—	—	—	—	—
Всего	—	14	57	1	—	—	6

* Фрагмент лепного реберчатого сосуда «ладожского типа» найден на границе торфяника и серо-голубой глины (оп. 1, № 991).

на все виды анализов. Контейнеры вдавливались в стенку в шахматном порядке, после извлечения оборачивались пленкой и снабжались этикетками. Положение контейнеров фиксировалось тахеометром с последующим совмещением данных нивелировки и фотографий разреза. Помимо материалов для СПА, из разреза взято 15 образцов на радиоуглеродный анализ (рис. 31). 3 отобраны из торфа, и 12 — фрагменты древесины (данные образцов см. в Приложении 2).

Описания разреза, приводящиеся ниже, составлены тремя специалистами: археологом (И. И. Еремеев) — табл. 11, географом (Н. И. Летюка) — табл. 12, ботаником (В. П. Денисенков) — табл. 13, и опублико-

ваны в соавторстве (Еремеев, Денисенков, Летюка, Кочубей 2019). Расхождения в описаниях связаны с подходами представителей разных дисциплин и тем, что археолог делал описание разреза в поле, а другие специалисты — по монолитам в лабораторных условиях. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу построена О. В. Кочубей (рис. 32). Описание диаграммы — в Приложении 3.

К описанию почвенного профиля приложен комментарий, составленный Н. И. Летюкой¹¹⁶. Цветом

¹¹⁶ Почвенный разрез представлен аллювиальными лугово-болотными оторфованными слоистыми почвами (табл. 12). Разрез отражает относительно статичные усло-

Рис. 21. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Фрагменты развала лепного сосуда с текстильной поверхностью

вия формирования на протяжении длительного периода, нарушаемые сезонными или эпизодическими явлениями, связанными с гидрологическим режимом озера Ильмень и реки Волхов.

Континентальные условия на участке сформировались около 2 тыс. л. н. Кровля коренных пород (гор. D; 186–200 см) имеет следы размыва и представлена террасой морского типа. Вероятно, в этот период существовали озерные (лиманные) условия, и регрессия ильменского водоема носила неустойчивый (циклический) характер. Начало накопления древесного торфа (гор. [Т2-3] 172–186 см) свидетельствует об осушении территории и формировании пойменных условий.

На протяжении длительного времени (около 1500 лет) происходило накопление торфяной толщи (гор-ты [Т2], [Т2-3г], [Т2-3]; 96–172 см) в условиях низкой поймы, для которой свойственно непродолжительное, но периодическое (сезонное) затопление, обусловленное весенним разливом. Подъем уровня всегда имел спокойный характер – в описываемой торфяной толще не отмечены отложения, типичные для речных течений, кроме присутствия незначительного количества пылеватого песка и супеси. Это может свидетельствовать о зарастании поймы кустарниковой растительностью, которая гасила скорость полых вод и отсекала тяжелый песчаный аллювий, пропускавая взвесь легкого органогенного аллювия (как мелких фраг-

Рис. 22. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Зачистка поверхности материка. Вид с севера. Между двумя лежащими на склоне масштабными рейками видна полоса перекрытого наплывом песка культурного слоя эпохи бронзы (отмечен стрелкой)

в почвенной и ботанической таблицах мною выделена совокупная толща торфянистых отложений, по которым получен основной массив радиоуглеродных датировок. В археологической таблице мною выделен еще и верхний горизонт торфа, а нижний торфяник разделен на два горизонта. На интерпретацию полученных данных эти расхождения принципиально не влияют (**табл. 11–15**).

В основании изученных пойменных отложений залегает серо-голубая глина (контекст 9). СПА, выполненный О. В. Кочубей, относит ее к начальному

ментов, так и крупных – стволов и веток) выносимого из Ильменя, который здесь и откладывался, формируя метровую толщу древесного и древесно-осокового торфа.

Около 500 л. н. ландшафт поймы преобразуется. Кустарниковая растительность сменяется луговой (горизонты [A1d]–[A1C]; 55–96 см). Начинают доминировать травянистые гигрофильные виды растительности, типичные для заливных лугов открытых пойм, под которыми формируются лугово-болотные почвы. С этого времени Волхов свободно спускает полые воды по открытой долине. Отмечаются следы крупных половодий, отложения которых (например, горизонты: [A1C] 90–96 см, [BC] 72–83 см и С 41–55 см) неоднократно перекрывали дневную поверхность (примечание Н. И. Летюки).

периоду субатлантики (**рис. 32**). Следов земледельческой деятельности для этого времени не выявлено, хотя археологические находки ЭРМ на селище довольно многочисленны. Продатировать нижнюю границу контекста 9 удалось в балке к северу от селища (разрез 2). Здесь мы наблюдали в карьере маломощный горизонт торфа, перекрытый серо-голубой глиной (**рис. 38; 39**), и отобрали из этого торфа образец (Ле-11519), давший дату 10340 ± 60 ВР (**рис. 40**). Итак, нижнюю и верхнюю границы серо-голубой глины в пойме определяют радиоуглеродные даты: соответственно 10340 ± 60 (Ле-11519) и 1850 ± 90 (Ле-11511), что дает основания связывать ее с ладожской трансгрессией. Последняя дата указывает на начало накопления торфа на пойме.

Нижний горизонт торфяника (контекст 8) имеет мощность около 0,5 м. Датировки и находки лепной керамики говорят о его формировании на протяжении I тыс. н. э. СПА горизонта указывает на присутствие немногочисленных пыльцевых зерен культурных злаков, в частности ржи. Очевидно, маломощность культурных напластований селища этого времени не может служить аргументом против земледельческого характера поселения.

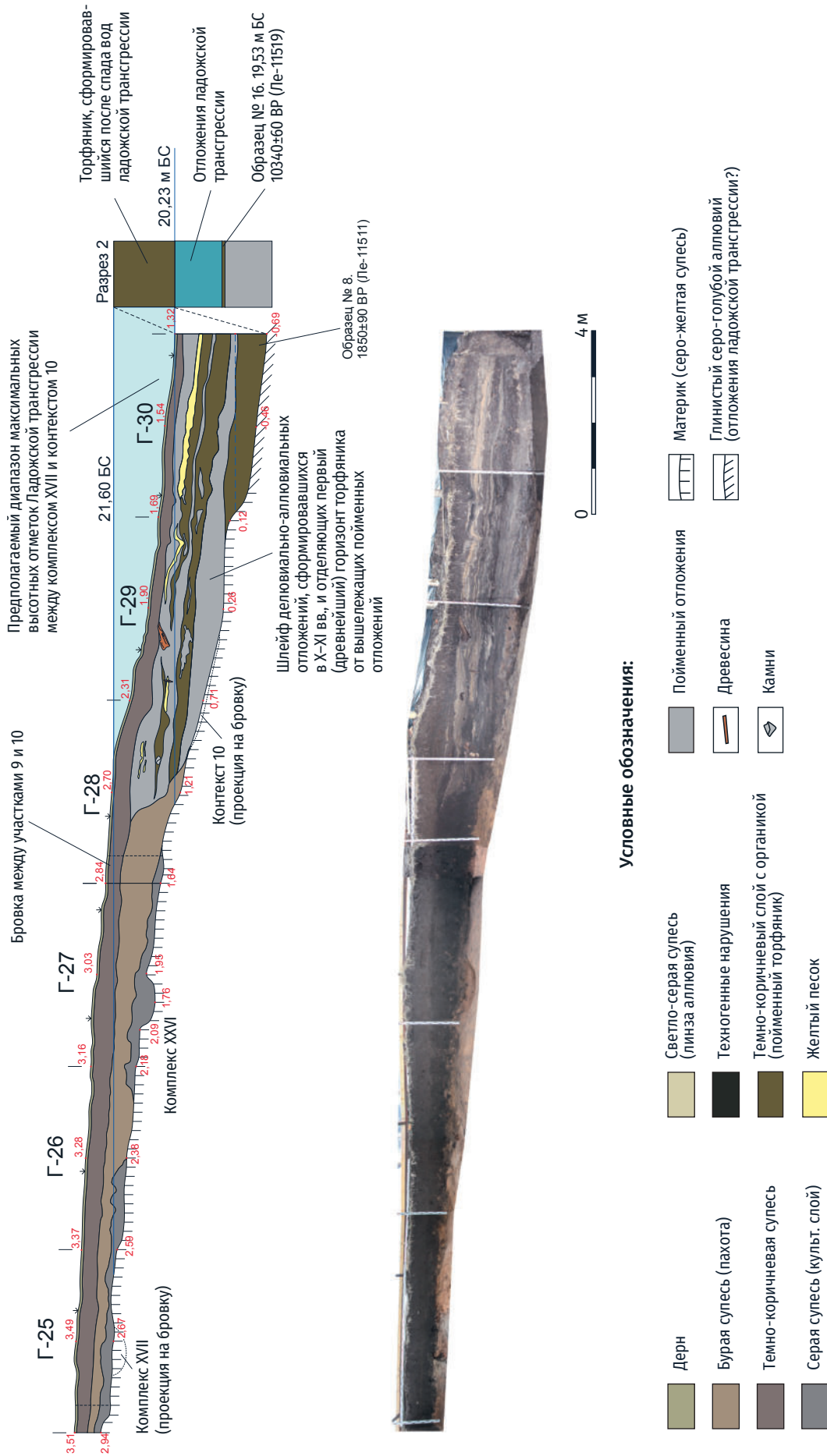

Рис. 23. Селище Ситно 2016 г. Южная совмещенная бровка участков 9 и 10, показывающая стратиграфию приречной части поселения в совокупности с пойменными напластованиями. Сопоставление стратиграфии участка 10 с разрезом 2. Высотная отметка репера в пойме 18,936 м BC

Рис. 24. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Развал сосуда эпохи бронзы *in situ*. Вверху — фрагменты в материковом углублении на бровке надпойменной террасы (оп. 1, № 992). Внизу — фрагменты того же сосуда из комплекса XXXVII (оп. 1, № 946)

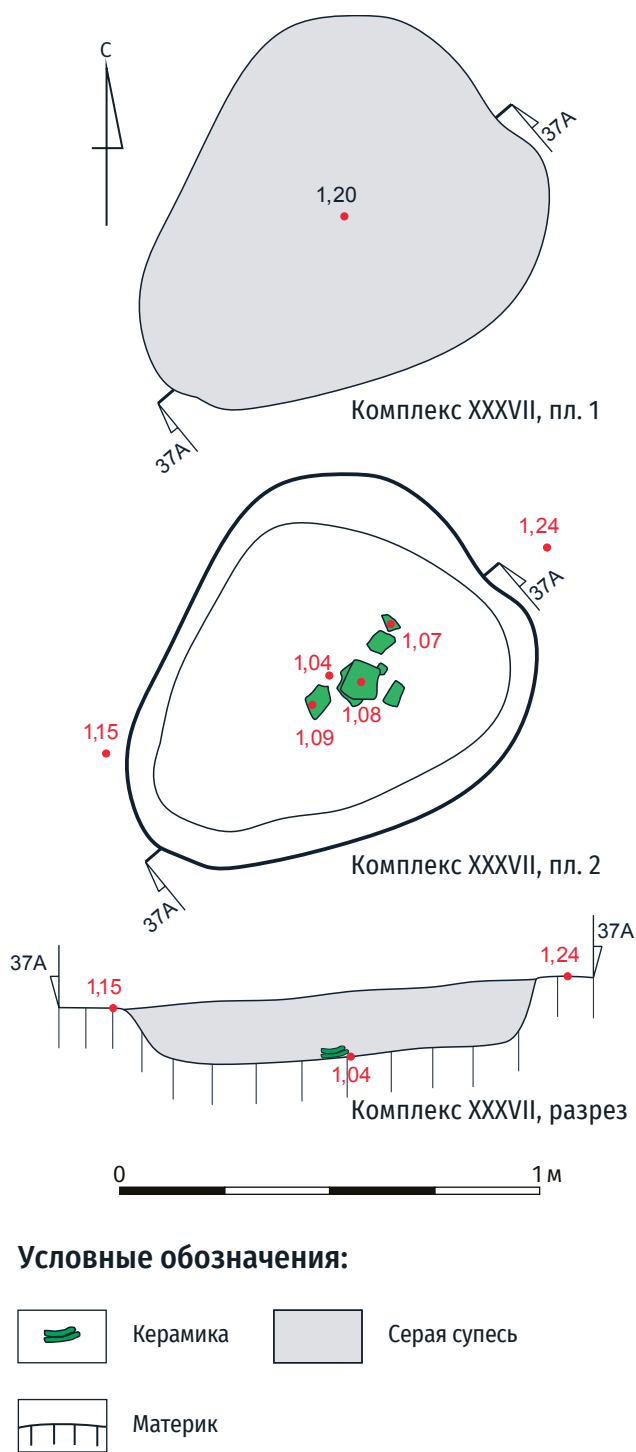

Рис. 25. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Комплекс XXXVII с развалом сосуда эпохи бронзы (оп. 1, № 946)

Торфяник перекрыт делювиальным шлейфом (контекст 7). С этим шлейфом на бровке террасы связаны находки раннегончарной и лепной древнерусской керамики X–XI вв., а также намытое паводками скопление кольев и веток, зафиксированное в раскопе. Раннегончарная керамика имеет довольно узкую датировку в пределах X в. Следует обратить внимание

на то, что к этому времени приурочена смена типа торфообразования, отразившаяся в изменении ботанического состава торфа. Древесный низинный торф с высокой (до 60%) степенью разложения сменяется осоковым торфом средней степени разложения (30–40%). В совокупности данные указывают на смену пойменного режима, приходящуюся на X в.

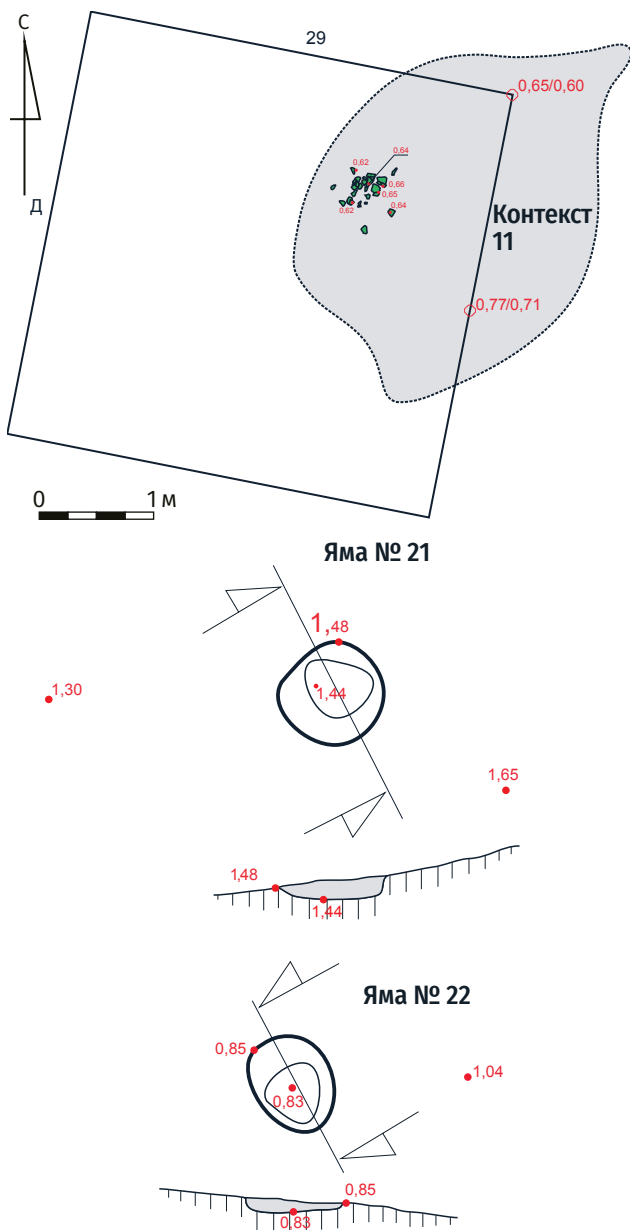
Заканчивая описание участка 10, необходимо упомянуть об объекте, расположенном на соседнем участке 9, и чрезвычайно важном для понимания динамики изменения уровня Волхова.

Комплекс XVII. Располагается в квадрате Г-25 в 10 м от бровки надпойменной террасы Волхова на отметке 21,7 м БС (рис. 23; 33; 34). Округлая в плане материковая яма с округлым дном, заполненная серой слоистой супесью, с мелкими угольками. В центре западины выделяется линза более темного заполнения (рис. 35; 36). Из верхнего пласта комплекса происходят несколько фрагментов лепной керамики с текстильной и заглаженной поверхностью. Найден фрагмент округлой гальки — терочника и пережженный обломок еще одного камня с уплощенной поверхностью. Здесь же найдены два кремневых скола (рис. 37). Комплекс следует отнести к ЭРМ или к РЖВ и датировать второй половиной II тыс. до н. э. — началом I тыс. н. э.

Разрез 2 (в овраге у северной границы поселения). Селище Ситно с севера ограничено пересыхающим летом ручьем (рис. 13). На материке в северной части раскопа выявлено множество промоин, появление которых было вызвано антропогенной (ускоренной) эрозией склонов древнего оврага, постепенно заполнявшегося наносами. Как удалось установить, овраг существовал здесь уже более 3 тысяч лет назад (до максимума ладожской трансгрессии, отложения которой перекрыли торфяник на его дне). После спада вод трансгрессии в нем возобновилось торфообразование, вновь прерванное в результате эрозии склонов и заполнения оврага продуктами смыва почв. Второй этап эрозии, несомненно, носит антропогенный характер и вызван распашкой надпойменной террасы и выпасом скота. Следов распашки металлическими орудиями не прослеживается под культурным слоем VIII–XI вв. Скорее всего, подобная распашка началась на территории селища не ранее XII–XIII вв. В то же время, для более раннего времени нельзя исключить архаичные формы земледелия которые могли не оставить хорошо читающихся следов на материке.

В восточной части раскопа зафиксировано старое русло ручья, которое, разветвляясь, тянется через всю исследованную площадь (рис. 358; 359). В его заполнении преобладает позднесредневековая керамика. Таким образом, в раскопе оказалась представлена классическая картина эрозионных процессов (Экология 2002: 24). Выделяется зона капельной эрозии

Условные обозначения:

- Керамика
- Серая супесь
- Материк
- 0,77/0,71
○ Нивелировочные отметки поверхности и подошвы прослойки

Рис. 26. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Пятно перекрытого линзой аллювия культурного слоя (контекст 11) с развалом сосуда эпохи бронзы (оп. 1, № 992). Внизу — планы и разрезы ям

(участки 3–8, линии Г-З), эрозионная зона (участки 1, 2, 21, 9), транзитная зона (участки 22 и западная часть участка 21) и зона аккумуляции (участок 10).

В вышеупомянутом овраге для технических нужд экскаватором был вырыт котлован 6 м в поперечнике и глубиной до 5 м (рис. 38). Получившийся разрез 2 удалось зафиксировать лишь в общих чертах из-за быстрого затопления котлована и обвалов стен (рис. 39). Стратиграфия разреза 2 проясняет картину с разрезом 1 на участке 10.

Полутораметровый торфяник разреза 2 (контекст 2), для образования которого, исходя из мощности торфа, должно было потребоваться не менее 1000 лет, соотносится с тремя горизонтами торфа в разрезе 1 (контексты: 4/6, 6/7 и 8/9). В отличие от участка 10, то место оврага, на котором находился разрез 2, не так часто затоплялось паводками, поскольку находилось в 50 м от края надпойменной террасы. Разница в высотных отметках поверхностей, на которых начал формироваться торфяник, в пойме и в овраге составляет около 2 м (от 18,25 до 20,23 м БС). Поэтому в толще торфа здесь не осталось заметных прослоек аллювия.

Серо-голубая озерно-аллювиальная глина (контекст 3), подстилающая торфяник в овраге, соотносится с отложениями максимума ладожской трансгрессии на участке 10, представленными аналогичными отложениями (контекст 9/13). Время начала накопления озерно-аллювиальной глины приблизительно датируется по образцу из перекрытого ею горизонта торфа (рис. 40). Дата: 10340 ± 60 (Ле-11519) при калибровке (2б) дала интервал: 10470–10005 ВС. Верхняя граница отложений трансгрессии в овраге фиксируется на отметке 20,23 м БС.

Важно помнить, что слой с развалами сосуда ЭРМ на участке 10 (контекст 11) располагается на отметке 19,5 м БС, будучи перемыт и перекрыт маломощным слоем наносной супеси (контекст 10). Вероятно, комплекс ЭРМ находился на кромке водоема в период, предшествовавший максимуму трансгрессии.

Селище Ситно. История освоения участка на фоне динамики увлажненности поймы Волхова. В ЭРМ (II тыс. до н. э.) здесь на кромке береговой террасы располагалась стоянка рыбаков и охотников. С большой долей вероятности следует сопоставить слой серо-голубой глины («зажатый» между датами 10340 ± 60 ВР и 1850 ± 90 ВР) с отложениями ладожской трансгрессии, накопившимися в прибрежной части и в небольшом заливе связанного с ней водоема¹¹⁷.

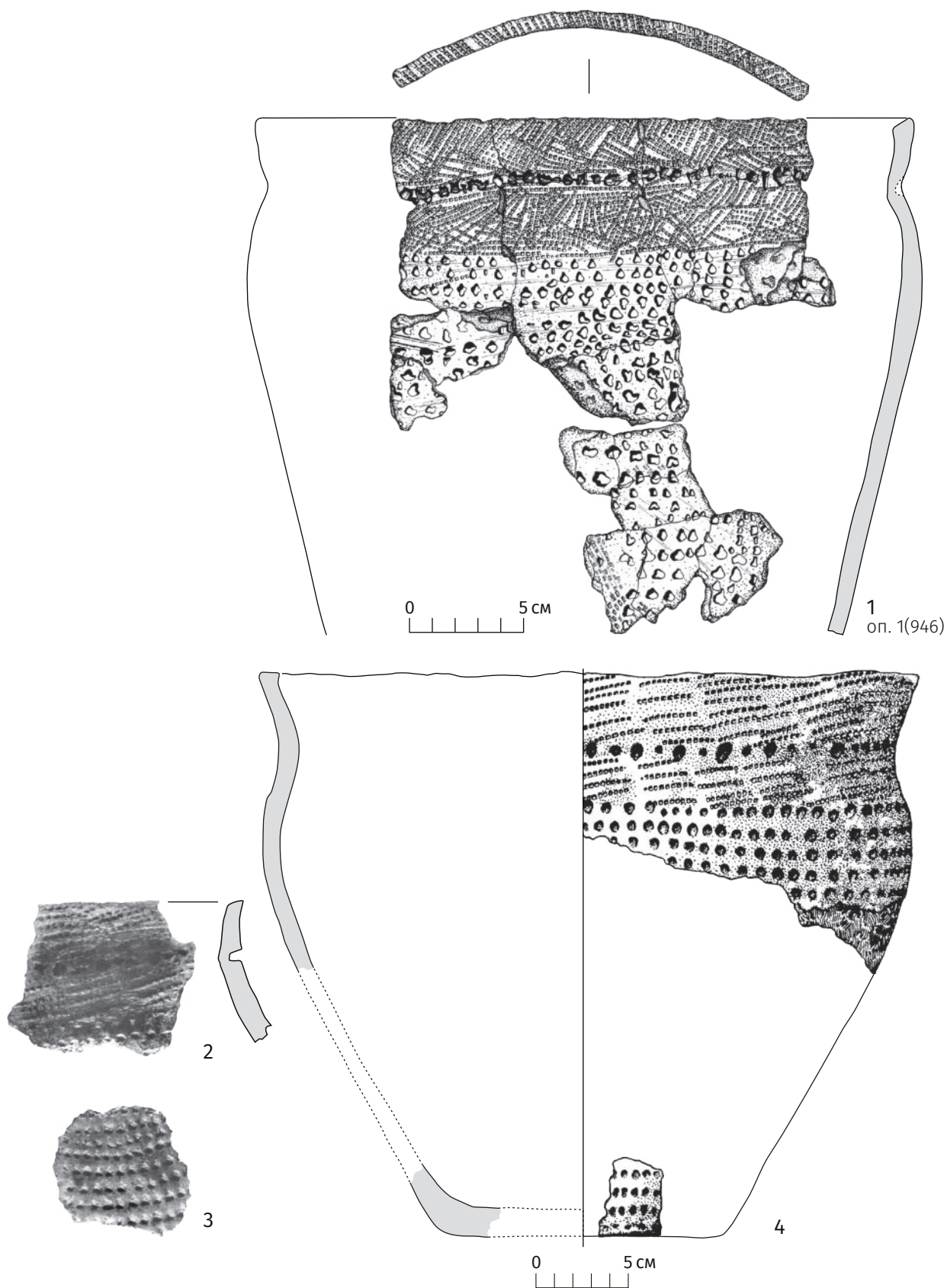
¹¹⁷ Датировки не определяют конец и начало трансгрессии. Они указывают лишь на интервал, в пределах которого она имела место.

Рис. 27. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Два скопления фрагментов сосуда эпохи бронзы с бровки надпойменной террасы Волхова. 1 — развал из комплекса XXXVII; 2 — развал из линзы культурного слоя под прослойкой аллювия в кв. Д-29

Неолитические стоянки, перекрытые слоями озерной глины, давно известны в Ильмень-Волховском регионе. Самая знаменитая из них — Коломцы при истоке Волхова (Передольский А-1897; План урочища Коломцы А-1889; Воронин 1990). Кровля перекрывающих здесь неолитический культурный слой отложений серой и бурой аллювиальной глины (по данным

К. В. Воронина мощность наноса — 0,35–0,40 м) и лежащих выше молодых песчаных береговых валов находится на отметке около 19 м БС. Таким же образом расположена стоянка на мысу Рюрикова Городища. Несколько ниже селища Ситно по течению Волхова в пос. Красный Фарфорист, С. Н. Орлов в 1966 г. зафиксировал на урезе воды еще одну неолитическую

Рис. 28. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Фрагмент развала сосуда эпохи бронзы из комплекса XXXVII (1) и аналогии на памятниках Ильменского Поозерья: Ракомо (2, 3) и Прость (4). Ракомо (Орлов А-1701), Прость (Орлов А-1961). 1 – рисунок А. И. Корниенко

стоянку, перекрытую аллювиальной глиной, которую исследователь сопоставил с «волховской» (т. е. ладожской. — И.Е.) трансгрессией (Орлов А-1963, 1966–1968, 1970: л. 18). Похожая картина выявлена и в Старой Ладогe (Тимофеев, Стеценко 1997: 331; Лапшин 2019а: рис. 1; Александровский и др. 2019; Платонова и др. 2020: рис. 1).

Судя по линии залегания горизонта серо-голубой глины, исследованная нами в Ситно стоянка ЭРМ располагалась на обрыве в нескольких метрах от уреза воды (примерно по границе участков 9 и 10) на высотных отметках 19,5–20,0 м БС. В период максимума трансгрессии на этот участок переместилась волноприбойная полоса, и стоянка (в частности, комплекс XXXVII с большим развалом сосуда) оказалась подтоплена и перекрыта маломощным (не более 0,1–0,2 м) слоем аллювиальной супеси (контекст 10).

На надпойменной террасе к периоду максимума ладожской трансгрессии относятся следы поселения с керамикой «волховского типа». Возможно, к этому же времени относится и часть текстильной керамики. Важно отметить, что находка фрагментов развала текстильного сосуда на участке 10, а также материковая яма с текстильной керамикой на участке 9 (комплекс XVII) находятся лишь на чуть более высокой отметке, чем перекрытый намывом комплекс XXXVII. При этом комплекс XVII, лежащий на отметке 21,70 м БС, не был перекрыт озерными отложениями (рис. 35). Таким образом, максимальный подъем вод ладожской трансгрессии в Ситно следует определить в высотном диапазоне от 20,23 до 21,70 м БС.

Вопросы о хронологии ладожской трансгрессии пока далеки от разрешения. Очевидно, что для нашей темы важен спор вокруг последнего подъема воды в Ладожском озере, приведшего к образованию Невы. Проблема в том, что аргументация исследователей строится на полученных из торфяников единичных радиоуглеродных датировках. Последние дают существенную хронологическую погрешность (это видно, в частности, и на примере нашей работы).

Кто из палеогеографов в этом запутанном споре прав, а кто нет, не имеет большого значения для славянской археологии. Как бы там ни было, в начале I тыс. н. э. Нева уже текла в современном русле, и после падения уровня воды в Ладожском озере воды Волхова, несомненно, резко понизились. Участок 10 селища Ситно на длительное время (по крайней мере, на всю первую половину I тыс. н. э.) превращается в сухую террасу, не заливаемую паводками. Роль в этом сыграла не только катастрофа, связанная с образованием реки Невы и последующим спуском вод Ладожского озера, но, по-видимому, и имевшая место в этот период аридизация климата. Именно последним можно объяснить падение уровня Волхова ниже

современных отметок в то время, когда русло Невы уже сформировалось. Чтобы пойменная терраса на отметке 18 м БС оказалась вне зоны разливов реки, ее меженьный уровень, вероятно, должен был держаться на отметке не выше 16 м БС.

Нами зафиксировано, что аллювиальные и болотные отложения в пойме на отложениях ладожской трансгрессии на отметках около 18 м БС не накапливаются вплоть до появления во второй половине I тыс. н. э. поселения с лепной реберчатой керамикой «ладожского типа» (фрагмент такого сосуда найден близ границы торфа и серо-голубой озерно-аллювиальной глины). Начало накопления нижней части торфяной залежи, из которой происходит этот фрагмент, определяется датой 1850±90 ВР (Ле-11511).

Подчеркнем, что поселение РМ/РЖВ с текстильной керамикой, существовавшее на надпойменной террасе, совершенно не оставило следов в пойме — ни в виде культурного слоя, ни в виде делювиального шлейфа. Это говорит о крайне незначительном воздействии дославянского населения на природу Среднего Поволжья и, по-видимому, об отсутствии распашки надпойменной террасы.

В I тыс. н. э. (предположительно в его второй четверти) на фоне постепенного роста увлажненности на участке 10 на отметке около 18 м БС усиливаются процессы биогенной аккумуляции и начинает формироваться пойменный торфяник (контекст 8/9), мощность которого к концу этого тысячелетия достигает около 0,5 м¹¹⁸. На фоне роста торфяника, выше его, происходит освоение надпойменной террасы новым земледельческим населением (около третьей четверти I тыс. н. э.). В это время в торф периодически попадают очажные камни, фрагменты лепной гладкостенной керамики, колья, щепы и куски обработанной древесины.

Около рубежа I и II тыс. н. э. участок 10 начинает интенсивно заливаться паводковыми водами, и в его пониженной части на торфянике формируется аллювиальный горизонт (контекст 7/8). К этому периоду относится характерное скопление нанесенной паводком древесины на отметках примерно 19,6 м БС (рис. 16; 41; 42).

Вскоре на поверхности пойменного аллювия (контекст 7/8) возобновляется торфообразование, сопровождающееся теперь отложением в торфе (контекст

¹¹⁸ У заболачивания поймы могут быть и другие причины, кроме общего роста увлажненности. В частности, В. Н. Сукачев отмечает роль антропогенного фактора – выпас скота на пойменных лугах, приводящий к уплотнению верхнего слоя почвы и росту кочкарников с последующим заторфовыванием (Сукачев 1973: 128). Причиной этого бывает также постепенное нарастание береговых валов в результате паводковых процессов (Сукачев 1973: 129).

Рис. 29. Селище Ситно 2016. Фрагменты шлифованных орудий (1, 2) и кремневый скребок (3) с предполагаемой бровки берега Волхова периода максимума ладожской трансгрессии

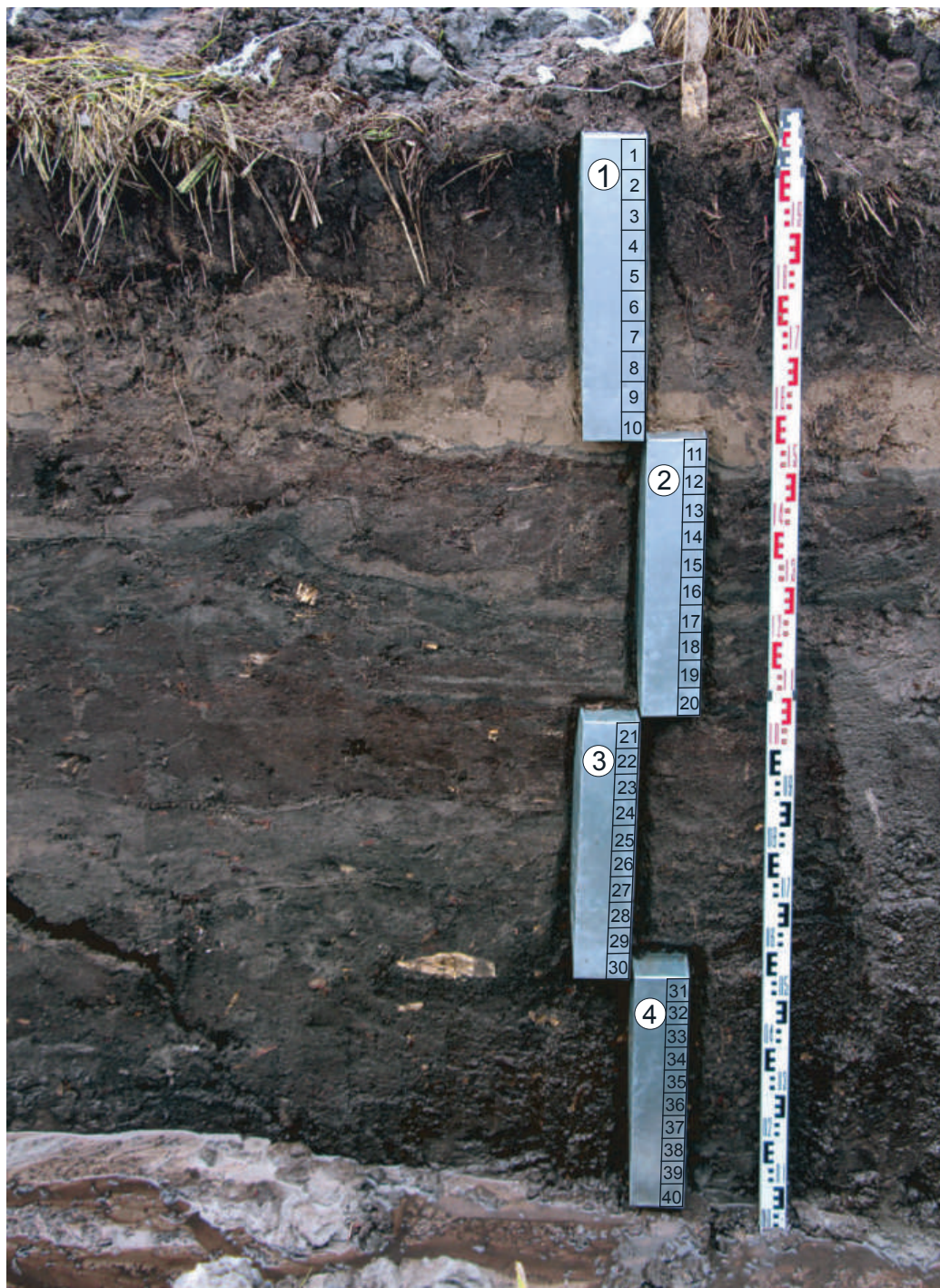
6/7) прослоек аллювия. Это может быть связано как с повышением уровня Волхова и увеличением паводков, так и с активной распашкой берегов реки, в результате чего в паводковые воды с пашен попадает бóльший объем минеральных частиц.

Новая трансгрессия достигает максимума в XVI–XVII вв., когда на склоне надпойменной террасы формируется линза аллювия с прослойками торфа общей мощностью около 0,6 м (контексты 3/6, 4/6,

5/6, 6/7). Наряду с ростом увлажненности причиной этого, уже несомненно, становится интенсивная распашка. О постоянном вносе в грунт удобрений в этот период свидетельствует большое число мелких фрагментов белостенной керамики в пахотном горизонте на надпойменной террасе (так называемая «навозная керамика»).

Связь процессов накопления пойменного аллювия с древней земледельческой активностью фиксирует-

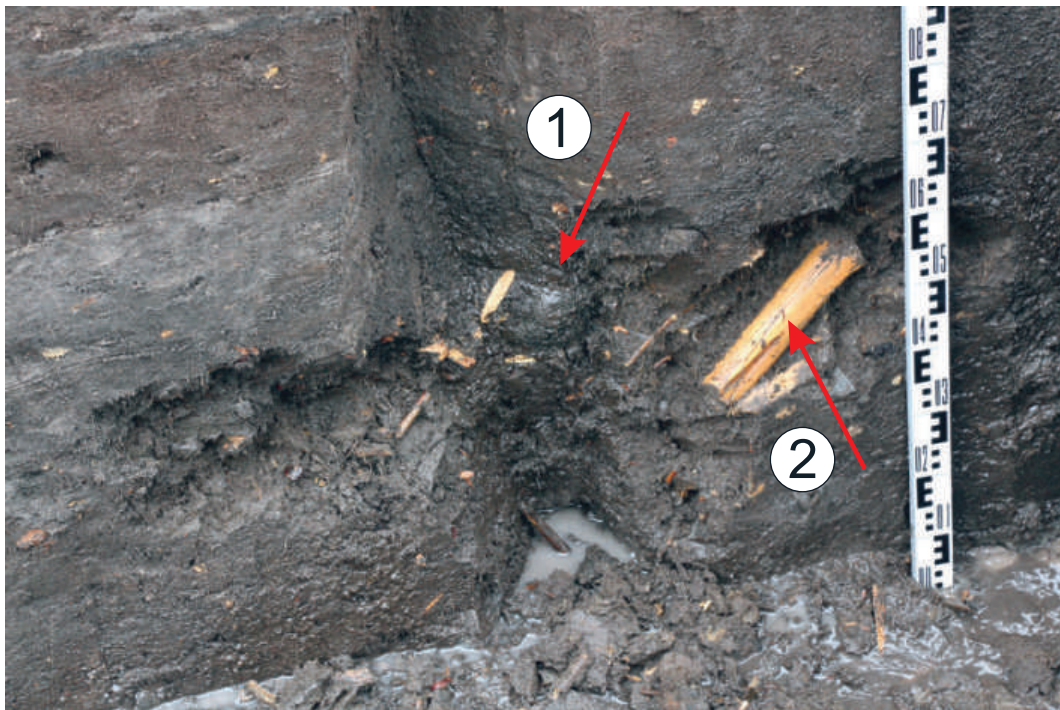
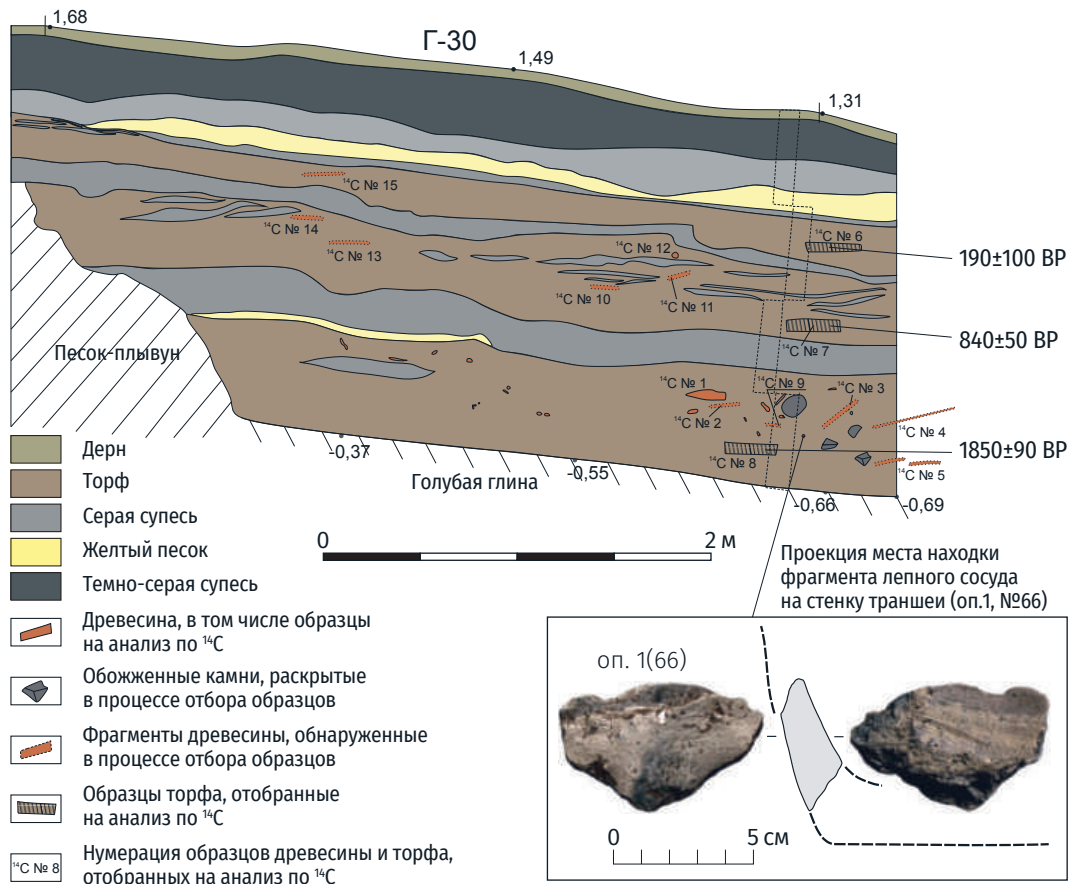
Рис. 30. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Разрез 1. Отбор образцов отложений монолитом в металлические контейнеры. Вид с севера. На контейнерах указана последовательность отбора образцов на ботанический состав и спорово-пыльцевой анализ

ся исследователями в Европе повсеместно (Салларес 1995: 99). Полученные нами данные по истории волховской поймы (рис. 42) хорошо соотносятся с общими представлениями об истории пойм рек Русской равнины в позднем голоцене (Александровский, Александровская 2005). Картина, совершенно сходная с нашей, выявлена при комплексном исследовании городища Еськи, расположенного в пойме р. Молога.

В частности, установлено, что существовавшее там в VIII–IX вв. торговое поселение прекратило свое существование в X в. из-за повышения уровня паводков (Леонтьев 2015: 117; 2017: 196, 199)¹¹⁹.

¹¹⁹ Сходную картину дают и верховья Днепра. Установлено, что в конце I тыс. уровень максимальных паводков в районе Гнёздова был на 3 м ниже современного (Бронникова и др. 2018: 36, 66).

Рис. 31. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Разрез 1. Отбор образцов на радиоуглеродный анализ после выемки контейнеров. Видна структура отложений нижней части торфяника (горизонт торфа 3): 1 — обожженный очажный камень; 2 — фрагмент шеста, обрубленный в древности топором (образец № 3). Вид с севера. Датировка образца № 3: 1155±25 BP (Ле-11506)

Табл. 11. Селище Ситно 2016 г. Разрез 1. Археологическая стратиграфия (И. И. Еремеев)

Кон- текст №*	Глубина, м	Литология	Археологические находки	Датировки 14С, ВР**
1 (1)	0–0,30	Бурая супесь с корнями растений (современный дерновый слой)	—	
2 (6)	0,30–0,45	Серый супесчаный пойменный аллювий с прослойками органики (современный)	Обломки досок, головная часть артиллерийского снаряда 1941 г.	
3 (6)	0,45–0,60	Серо-желтый супесчаный пойменный аллювий с прослойками органики. 1 трансгрессивный горизонт (верхний) Увеличивается по мощности в сторону поймы	Обтесанные топором колья	
4 (6)	0,60–0,85	Торф с примесью песка. Горизонт торфа 1 (верхний)	Щепа	190±100 (Ле-11509) 200±45 (Ле-11518)
5 (6)	0,85–0,90	Серый супесчаный пойменный аллювий. 2 трансгрессивный горизонт (средний). Выклинивается в сторону поймы, распадаясь на мелкие прослойки.	Обрубленные ветки, колья, щепа	
6 (7)	0,90–1,30	Торф с тонкими прослойками глинистого аллювия, ветками, щепой, с обожженными и колотыми очажными камнями (изредка). Горизонт торфа 2 (средний)	Обрубленные ветки, щепа	340±60 (Ле-11516) 430±60 (Ле-11517) 460±40 (Ле-11514) 560±55 (Ле-11515) 740±60 (Ле-11513) 840±50 (Ле-11510)
7 (8)	1,30–1,45	Серый супесчаный пойменный аллювий с прослойками сильно разложившейся (черного цвета) растительной органики. 3 трансгрессивный горизонт (нижний). Выклинивается в сторону поймы	Подтесанные колья и обрубленные ветки	
8 (9)	1,45–2,00	Торф с ветками, щепой, подтесанными кольями, с колотыми и обожженными очажными камнями. Горизонт торфа 3 (нижний)	Щепа, обрубленные ветки, фрагменты обработанных топором кольев, фрагмент придонной части лепного гладкостенного сосуда. Кроме того, фрагмент реберчатого лепного сосуда был найден близ границы торфа и серо-голубой глины за пределами разреза 1	430±80 (Ле-11504)*** 1050±50 (Ле-11507) 1090±30 (Ле-11508) 1150±50 (Ле-11505) 1155±25 (Ле-11506) 1250±30 (Ле-11512) 1850±90 (Ле-11511)
9 (13)	2,00 – более 4,00	Серо-голубая однородная озерно-аллювиальная глина (условный материк). Отложение ладожской трансгрессии	—	

* В скобках указан номер контекста по таблице сводной стратиграфии участка 10 (табл. 7).

** Жирным шрифтом отмечены датировки, полученные по торфу. Остальное – дерево.

*** Выбывающая из общего ряда поздняя датировка связана, вероятно, с колом, забитым с уровня вышележащих напластований.

Табл. 12. Селище Ситно 2016 г. Разрез 1. Описание почвенного профиля (Н. И. Летюка)

Индекс горизонта	Мощность горизонтов и глубина залегания (см)	Окраска горизонта	Влажность	Механический состав, сложение	Текстура, структура	Включения	Характер перехода
A _{0v}	$\frac{0-2}{2}$	коричневый	влажный	фрагменты гидрофильных растений, рыхлого сложения	тонкослоистая, бесструктурный	не опр.	резкий
A ₁	$\frac{2-25}{23}$	темно-коричневый, до черного	свежий	супесчаный, оторфованный, уплотненный	массивная, мелкозернистый	корни травянистых растений, фрагменты древесины	постепенный
BC	$\frac{25-41}{16}$	серо-коричневый	свежий	песчаный, уплотненный	массивный, бесструктурный	фрагменты древесины	постепенный
C	$\frac{41-55}{14}$	светло-коричневый	свежий	песчаный, уплотненный	слоистый, бесструктурный,	чешуйки и примазки органики	резкий
[A _{1d}]	$\frac{55-63}{8}$	темно-коричневый	свежий	песчаный, оторфованный, уплотненный	массивный, мелкозернистый	фрагменты травянистых растений, древесины	постепенный
[A ₁ B]	$\frac{63-72}{9}$	темно-коричневый	свежий	песчаный, оторфованный, уплотненный	массивный, бесструктурный	фрагменты травянистых растений и древесины	постепенный
[BC]	$\frac{72-83}{11}$	серо-коричневый	свежий	песчаный, уплотненный	слоистый, бесструктурный	прослойки торфа	резкий
[A _{1d}]	$\frac{83-90}{7}$	темно-коричневый	мало-влажный	супесчаный, оторфованный, уплотненный	тонкослоистый, мелкозернистый	фрагменты травянистых растений и древесины	постепенный
[A ₁ C]	$\frac{90-96}{6}$	серо-коричневый	мало-влажный	песчаный, уплотненный	слоистый, бесструктурный	прослойки торфа	постепенный
[T ₂]	$\frac{96-119}{23}$	темно-коричневый	влажный	осоковый торф средней степени разложения, рыхлый до уплотненного	слоистый, бесструктурный	присыпка мелкого и пылеватого песка, фрагменты древесины	постепенный
[T _{2-3g}]	$\frac{119-138}{19}$	темно-коричневый с серо-сизым налетом	влажный	осоковый торф средней и высокой степени разложения, рыхлый	слоистый, бесструктурный	присыпка мелкого и пылеватого песка, фрагменты древесины, признаки оглиения	постепенный
[T ₂₋₃]	$\frac{138-172}{34}$	темно-коричневый до черного	влажный	древесно-осоковый торф средней и высокой степени разложения, уплотненный	массивный, бесструктурный	присыпка мелкого и пылеватого песка, фрагменты древесины	постепенный
[T ₂₋₃]	$\frac{172-186}{14}$	темно-коричневый с сего-голубоватым налетом	мало-влажный	древесный торф средней и высокой степени разложения, уплотненный	слоистый, бесструктурный	прослойки супеси пылеватой, присыпка песка мелкого и пылеватого	постепенный
D	$\frac{186-200}{14}$	серо-зеленый	мало-влажный	супесчаный, уплотненный	слоистый, бесструктурный	фрагменты травянистых растений	

Табл. 13. Селище Ситно 2016 г. Разрез 1.
Ботанический состав и степень разложения торфа (В. П. Денисенков)

Номер образца	Глубина (см)	Степень разложения (%)	Вид торфа	Дере- вья	Мхи		Травянистые растения									
				Кора и древесина <i>Alnus glutinosa</i> , <i>Betula pubescens</i> , <i>Salix</i> sp.	<i>Calliergon giganteum</i>	<i>Drepanocladus</i> sp.	<i>Carex rostrata</i>	<i>Carex lasiocarpa</i>	<i>Carex omskiana</i>	<i>Carex appropinquata</i>	<i>Eriophorum polystachion</i>	<i>Calla palustris</i>	<i>Comarum palustre</i>	<i>Menyanthes trifoliata</i>	<i>Equisetum fluviatile</i>	<i>Phragmites australis</i>
1	1-5	40	Осоковый низинный	5			25	5	30	10		+	5	5	5	5
2	4-10	45	Тростниково-осоковый	10			10	5	30	10			+	5	5	20
3	10-15	40	Тростниково-осоковый	10			15	5	25	10				5	5	20
4	15-20	30	Осоковый низинный	5			15	10	30	15				5	5	10
5	20-25	30	Осоковый низинный	5			15	10	30	15				5	5	10
6	25-30	45	Древесно-осоковый низинный	15			20	5	20	15		+	+	5	5	10
7	30-35	40	Тростниково-осоковый низинный	10			20	5	20	15			+	5	5	20
8	35-40	40	Тростниково-осоковый низинный с супесью	10			20	5	20	15				5	5	20
9	40-45		Песчаный наилок													
10	45-50		Серая супесь													
11a	50-55		Серая супесь													
11б	55-60		Осоковый низинный	5			30	5	30	15				5	5	5
12	55-60	30	Осоковый низинный	5			15	5	40	15				5	5	5
13	60-65	35	Осоковый низинный	5			15	5	40	15				5	5	5
14	65-70	30	Осоковый низинный	5			25	5	30	15				5	5	5
15	70-75	35	Осоковый низинный с супесью	5			25	5	30	15				5	5	5
16	75-80	40	Древесно-осоковый низинный	15			5	5	20	30		+	5	5	5	5
17	80-85	40	Древесно-осоковый низинный	15			5	5	20	30			5	5	5	55
18	85-90	35	Осоковый низинный	10			10	5	30	25	+	+	5	5	5	5
19	90-95	30	Осоковый низинный	15			10	5	30	25	5	+	+	5	10	10
20	95-100	30	Осоковый низинный	10			10	5	30	25	5	+	+	+	5	5
21	100-105	30	Осоковый низинный с фрагментом пня	10			30	5	30	15			+	5	5	5
22	105-110	30	Осоковый низинный	10			30		30	15				5	5	5
23	110-115	35	Осоковый низинный	10			35		25	15				5	5	5
24	115-120	30	Осоковый низинный	10			35		25	15				5	5	5
25	120-125	30	Осоковый низинный	10			30		40	5				5	5	5
26	125-130	30	Осоковый низинный	10			40		25	10				5	5	5
27	130-135	30	Осоковый низинный	10			30		30	10				5	5	5
28	135-140	35	Осоковый низинный	15			30		30	10				5	5	5
29	140-145	45	Древесно-осоковый низинный	35			5		5	30		+	+	5	10	10
30	145-150	40	Древесно-осоковый низинный	35			5		5	30		+	+	5	10	10
31	150-155	45	Древесно-осоковый низинный	35			10		10	20		+	+	5	10	10
32	155-160	45	Древесно-осоковый низинный	30		+	5		5	30		+	+	5	10	10
33	160-165	55	Ольховый низинный	65		+				15		+	+	5	10	10
34	165-170	60	Ольховый низинный	70		+				10		5	+	5	5	5
35	170-175	60	Ольховый низинный	65		+				15		5	+	5	5	5
36	175-180	50	Ольховый низинный	70		+				10		+	5	5	5	5
37	180-185	60	Ольховый низинный	65	+	+				15		5	5	+	5	5
38	185-190	55	Ольховый низинный	65	+	+				15		5	5	+	5	5
39	190-195		Глина									+	+	+	+	+
40	195-200		Глина									+	+	+	+	+

Табл. 14. Селище Ситно 2016 г. Находки из заполнения комплекса XVII

№	Наименование находки	Кв-т	Контекст	Координаты находки (x, y, z)			Примечания
Опись 1							
609	Венчика сосуда лепного с текстильным и тычковым орнаментом фрагмент (РЖВ)	Г-25	Комп. XVII, пл. 1	212	136	274	От одного сосуда с № 610
610	Плечика сосуда лепного с текстильным и двухрядным тычковым орнаментом фрагмент (РЖВ)	Г-25	Комп. XVII, пл. 1	200	158	266	От одного сосуда с № 609
612	Стенки сосуда лепного гладкостенного фрагмент	Г-25	Комп. XVII, пл. 1	158	144	278	
613	Стенки сосуда лепного гладкостенного фрагмент	Г-25	Комп. XVII, пл. 1	232	70	264	
614	Стенки сосуда лепного гладкостенного фрагмент	Г-25	Комп. XVII, пл. 1	255	66	262	
615	Стенки сосуда лепного с текстильным орнаментом фрагмент (РЖВ)	Г-25	Комп. XVII, пл. 1	282	106	272	
622	Стенки сосуда лепного с текстильным и штрихованным орнаментом фрагмент (РЖВ)	Г-25	Комп. XVII, пл. 1	268	62	249	
Опись 2							
648	Камня-терочника фрагмент (округлая галька с уплощенной и покрытой сажей поверхностью)	Г-25	Комп. XVII, пл. 1				Промывка
648a	Камня-терочника фрагмент (пережженный камень с двумя плоскими гранями, сходящимися под прямым углом)	Г-25	Комп. XVII, пл. 1				Промывка
648б	Отщеп кремневый (2 экз.)	Г-25	Комп. XVII, пл. 1				Промывка

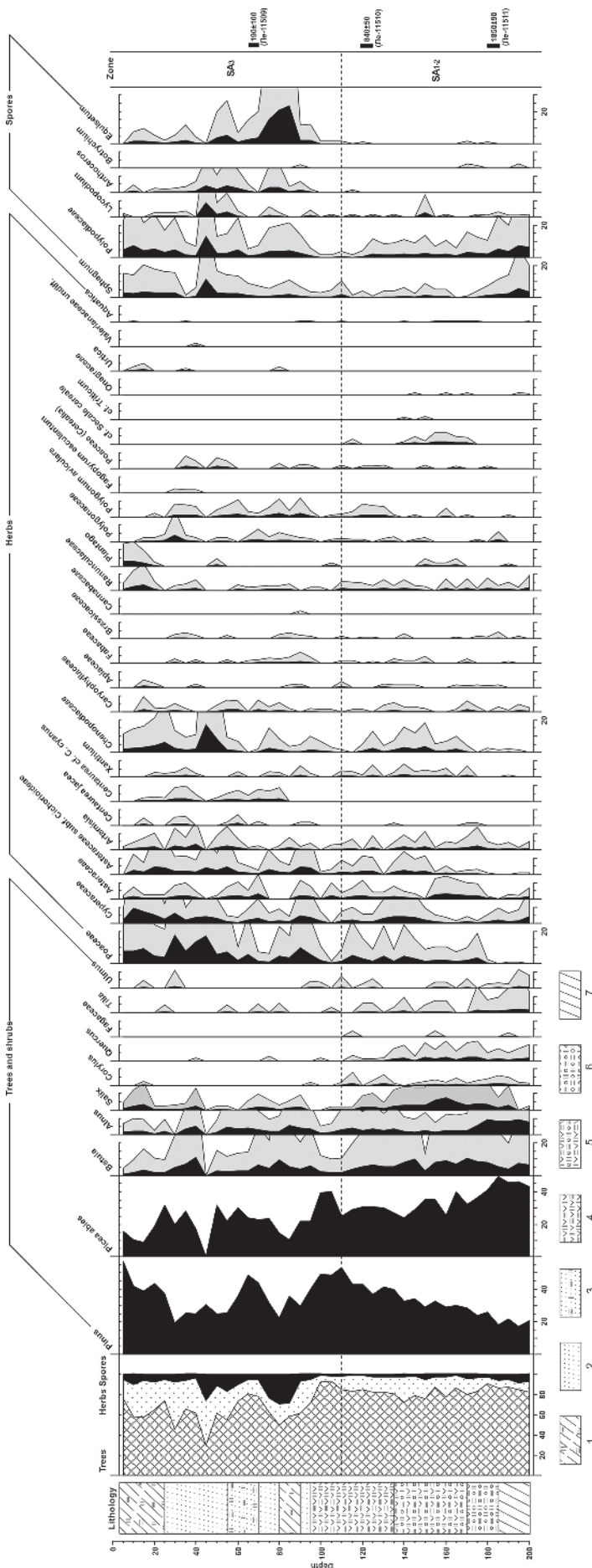
Табл. 15. Селище Ситно 2016 г. Разрез 2. Стратиграфия (И. И. Еремеев)

Контекст, №	Глубина, м	Литология	Датировки 14С, ВР
1	0,00–0,20	Современный дерновый слой	
2	0,20–1,70	Торф с древесными остатками	
3	1,70 – 2,40	Серо-голубая озерно-аллювиальная слоистая глина с мелкими растительными остатками	
4	2,40–2,60	Торф	10340±60 (Ле-11519)
5	2,60 – более 3,50 м	Серо-голубая озерно-аллювиальная слоистая глина	

3.5.1.2. Пойма Рюрикова Городища

Стратиграфическая ситуация, похожая на Ситно, вскрыта раскопками Г. П. Гроздилова (1935) в мысовой части Рюрикова Городища. Здесь также слой с лепной средневековой керамикой лежит на горизонте се-

ро-голубой озерно-аллювиальной глины, которую подстилает неолитический культурный слой (Носов 1990: 25–30). Верхняя зафиксированная отметка серо-голубой глины (слой ладожской трансгрессии) на мысу Рюрикова Городища примерно 19 м БС.

Рис. 32. Спорво-пыльцевая диаграмма разреза № 1 на селище Ситно (пойма р. Волхов). Составлена О. В. Кочубей (см. Приложение 3). Условные обозначения к литологической колонке (Н. И. Летюка): 1 – супесчаный оторфованный уплотненный слой; 2 – песчаный уплотненный слой; 3 – супесчаный оторфованный уплотненный слой; 4 – осоковый торф средней степени разложения; 5 – древесно-осоковый торф средней и высокой степени разложения; 6 – древесный торф средней и высокой степени разложения; 7 – серо-голубой супесчаный уплотненный слой

3.5.1.3. Липенский холм в дельте Мсты

Дельта Мсты, занимающая площадь 250 км², образует в Ильменской низине особый микрорегион (рис. 12). По его периметру расположены такие поселения как Рюриково Городище, Бронницкое городище и селище Наволок. Дельта являлась важной составляющей их ресурсных зон, а возможно и обусловила их зарождение. Понимание того, что привлекало древнее население к берегам Ильменя, в значительной степени зависит от понимания того, что влекло его к дельтовым ландшафтам Мсты.

Урочище Липно или Липенский холм представляет возвышенность на правом берегу одного из рукавов Мсты, носящего название Большая Гнилка (рис. 43). Мста впадает в Ильмень пятью рукавами, а попасть в озеро из Мсты можно шестью разными путями (путей больше, чем рукавов, потому что один из них раздваивается на Мсту и Конку). Перечислим пути по карте инженера В. Родевича (Отдел изысканий Волховского строительства) 1923 г., самой подробной карте не только с точки зрения топографии, но и гидронимии. В скобках указываются старые названия по карте из книги Н. Н. Муравьева 1828 г. Перечисляю пути в порядке с востока на запад, т. е. с точки зрения приоритета их для новгородского судоходства (чем западнее, тем важнее):

- путь реками Гриб (Русская) и Рог (Лопань). Этот путь самый извилистый и узкий;
- путь реками Конка и Перерва;
- путь рекой Мста;
- путь реками Конка и Мста (в нижней части совпадает с предыдущим);
- путь реками Мста и Большая Гнилка;
- путь реками Мста, Большая Гнилка и Малая Гнилка.

Липенский холм контролирует два последних пути, являющихся кратчайшими, а значит — самыми безопасными для судоходства и сплава леса. Кроме того, через Липно проходил зимник на Бронницу (подробнее о путях сообщения в дельте Мсты см. в разделе 5.6). Именно на Липне следовало ожидать открытия культурных напластований, стратифицированных за счет периодически перекрывавших их отложений трансгрессий озера Ильмень.

Стратегическое положение Липенского холма и его палеогеографический потенциал послужили причиной раскопок, проведенных нами в 2016 г.

Вершина холма сильно повреждена перекопами, поэтому главные надежды при поиске непотревоженных культурных напластований мы возлагали на присклоновые участки возвышенности и на пойму. При осмотре холма выяснилось, что его западный скат имеет наибольшую крутизну (падение около 4 м на 20 м протяженности склона). Холм здесь обрывается прямо в пойму, где нет культурного слоя (по результатам бурения ручным буром). С восточной стороны ситуация другая. Здесь на протяжении около 100 м имеется терраса шириной до 50 м, возвышающаяся над поймой правого берега р. Плотницы (правый приток р. Большая Гнилка) на 1–2 м (рис. 44). Сейчас здесь сухой луг, местами заросший ивняком. Высота террасы над заболоченным пойменным лугом составляет 21–22 м БС. Терраса удобна для поселения, поскольку защищена трехметровым склоном холма от знаменитого «Шелонника» — холодного ветра с Ильменя. Шурф площадью 8 м² был заложен в центральной части террасы, в 55 м к юго-востоку от Никольского храма (рис. 44; 52–54).

Полученные данные позволяют реконструировать динамику освоения надпойменной террасы Липенского холма. Три нижних горизонта образуют пачку перемытых и погребенных культурных слоев (рис. 45; 46; 54). Распределить по ним археологический материал достаточно сложно, поскольку они слабо различимы в плане, имеют разную мощность даже в пределах шурфа и не залегают строго горизонтально. Керамика из пачки ранних слоев (контексты 8–10) представлена преимущественно лепными плотными фрагментами с органическими добавками в тесте. По составу глины визуальными они не имеют различий, но по типам орнамента разделяются на несколько групп:

1. Фрагменты, орнаментированные оттисками гребенчатого штампа (рис. 47: 5; 48: 1, 5, 6; 49: 6; 50: 1, 2). Выделяются фрагменты сосудов с округлым или коническим дном (рис. 50: 8). Штамп узкий, в одном случае его заменяет несегментированный оттиск (рис. 48: 2). Подобную керамику в Помостье М. П. Зимина относит к позднему неолиту — энеолиту (Зимина 1992: рис. 50: 9; 51: 8; 58).

2. Фрагменты, сочетающие гребенчатый орнамент с ямочными оттисками (рис. 47: 9; 48: 7; 49: 1, 5).

3. Фрагменты, орнаментированные рядами ямок, близких по очертаниям к ромбу (рис. 50: 6). Выделяется фрагмент сосуда конической формы с утолщенным, косо срезанным внутрь венчиком, украшенным оттисками гребенчатого штампа (рис. 49: 3). Такие сосуды характерны для древностей круга ромбо-ямочной керамики (Витенкова 2016: рис. 45), в частности, в Помостье (Зимина 1993: рис. 27: 1).

4. Фрагмент с прочерченным линейным орнаментом (рис. 47: 6). Сосуды с такой орнаментацией известны в раскопках Н. Н. Гуриной на стоянке Усть-Рыбежна I (Гурина 1961: 378).

5. Фрагмент со шнуровым орнаментом (рис. 47: 10).

6. Фрагменты с текстильными отпечатками (рис. 47: 7, 8, 11; 48: 3; 49: 4; 50: 7). Текстильная керамика, как известно, чрезвычайно разнообразна и имеет очень широкий хронологический диапазон (Лопатина 2017). В коллекции с Липенского холма представлены фрагменты сосудов с шероховатой поверхностью, покрытой сплошными неупорядоченными и бесформенными оттисками. Эти фрагменты находят параллели среди ранней текстильной керамики с Карельского перешейка (Холкина А-2017: рис. 46: 1–5). Встречены на Липне также фрагменты, покрытые мелкими вытянутыми неглубокими оттисками, размещенными с разной степенью плотности (рис. 47: 11).

7. Фрагменты с тычковым орнаментом, нанесенным каким-то зубчатым штампом (рис. 48: 8; 50: 4).

Нижние слои (контексты 9 и 10) отражают две предполагаемые фазы существования древнейшего поселения. Первая фаза (керамические группы 1–4) связана с кругом древностей с ромбо-ямочной керамикой, относящейся к позднему неолиту — энеолиту. Датировка памятников этого круга определяется в пределах: IV тыс. до н. э. — середины II тыс. до н. э. (Зимина 1993: 241–242; Тимофеев 1993: 30; Витенкова 2016: 118–122). Возможно, к этой же фазе следует отнести фрагмент со шнуровым орнаментом. Проникновение шнуровой керамики в восточную часть Финского залива датируют III тыс. до н. э. (Холкина 2017: 7, 27).

Вторая фаза, более поздняя, тоже связана с энеолитом (керамические группы 6–7)¹²⁰. Ее облик определяется присутствием текстильной керамики без примеси дресвы в тесте. Исследования последних лет фиксируют появление текстильной керамики в Эстонии и в восточной части Финского залива в III тыс. до н. э. (Крийска, Лавенто 2007: 244, 245, 248; Холкина 2017: 18, 23; Холкина А-2017: 40). Ранняя (с органической примесью) текстильная керамика на ближайшем к дельте Мсты исследованном памятнике — стоянке Сяберское III в Полужье привязана к двум радиоуглеродным датировкам ВР: 3480±90 (Ле-3133) и 3595±150 (Ле-3138) (Тимофеев 1993: 32) (табл. 16).

120 В истоке Волхова мне известно еще две стоянки с ранней текстильной керамикой (без примеси дресвы). Одна из них обнаружена раскопками на Славенском холме в Новгороде. Близ Николо-Дворищенского собора подобная керамика была найдена в слое распадки XI в. Другая стоянка этого времени зафиксирована М. М. Аксеновым в 1961 г. на северном берегу Большого Аркажского залива озера Ильмень на высотах порядка 18,6–19,2 м БС (коллекция НГОМЗ 15515) (рис. 51).

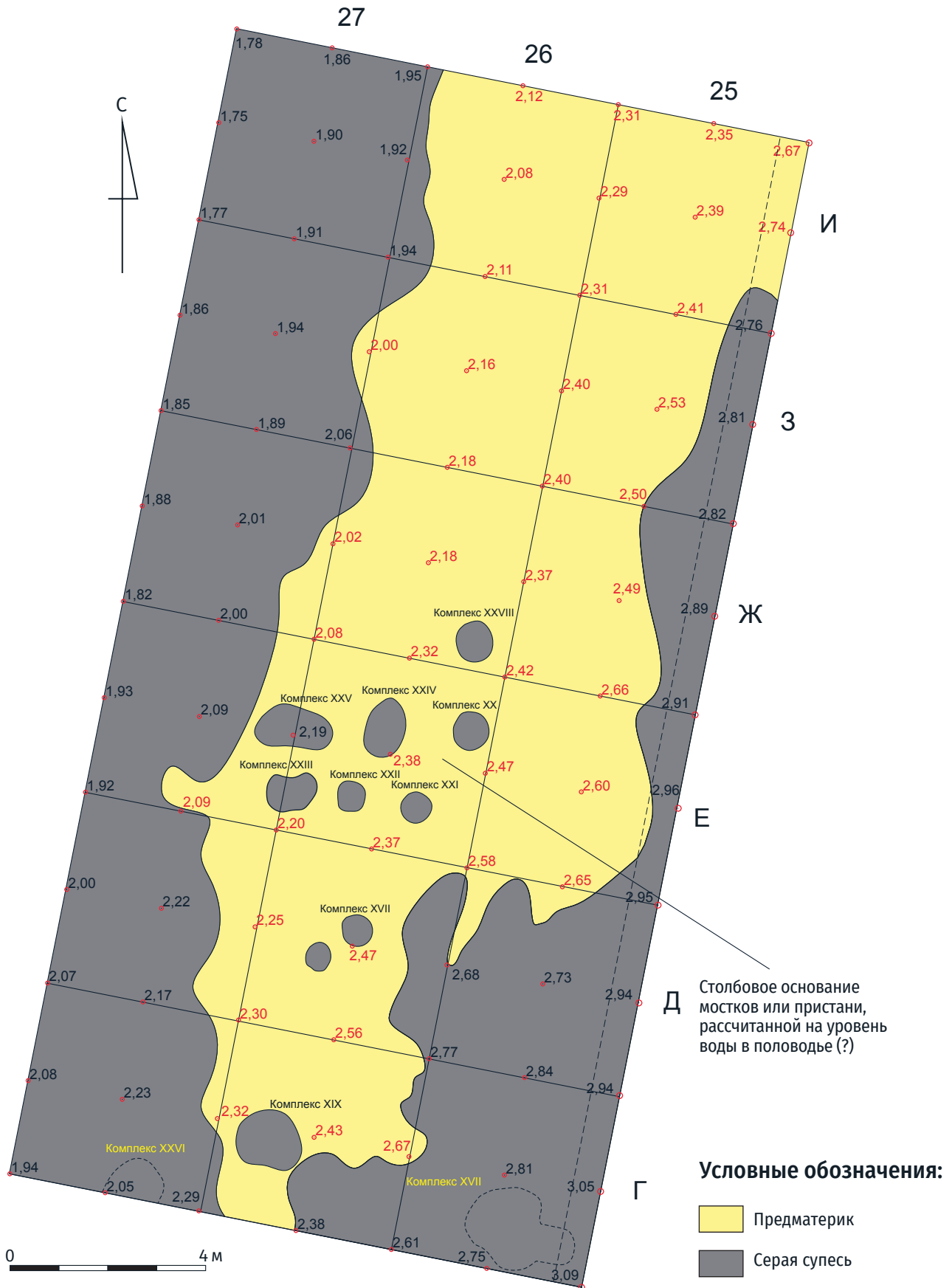

Рис. 33. Селище Ситно 2016 г. Участок 9. План материковых пятен

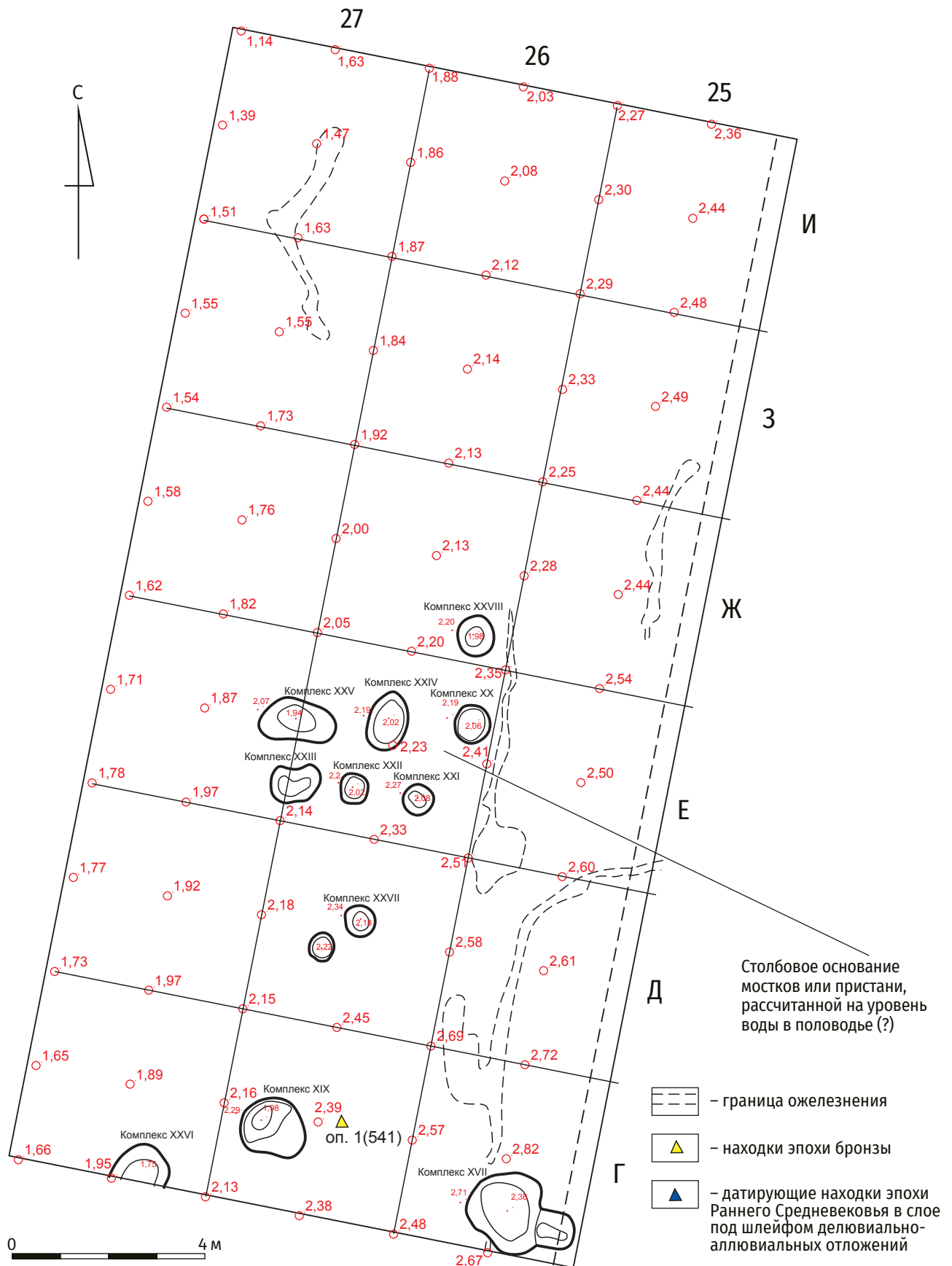

Рис. 34. Селище Ситно 2016 г. Участок 9. План материковых ям

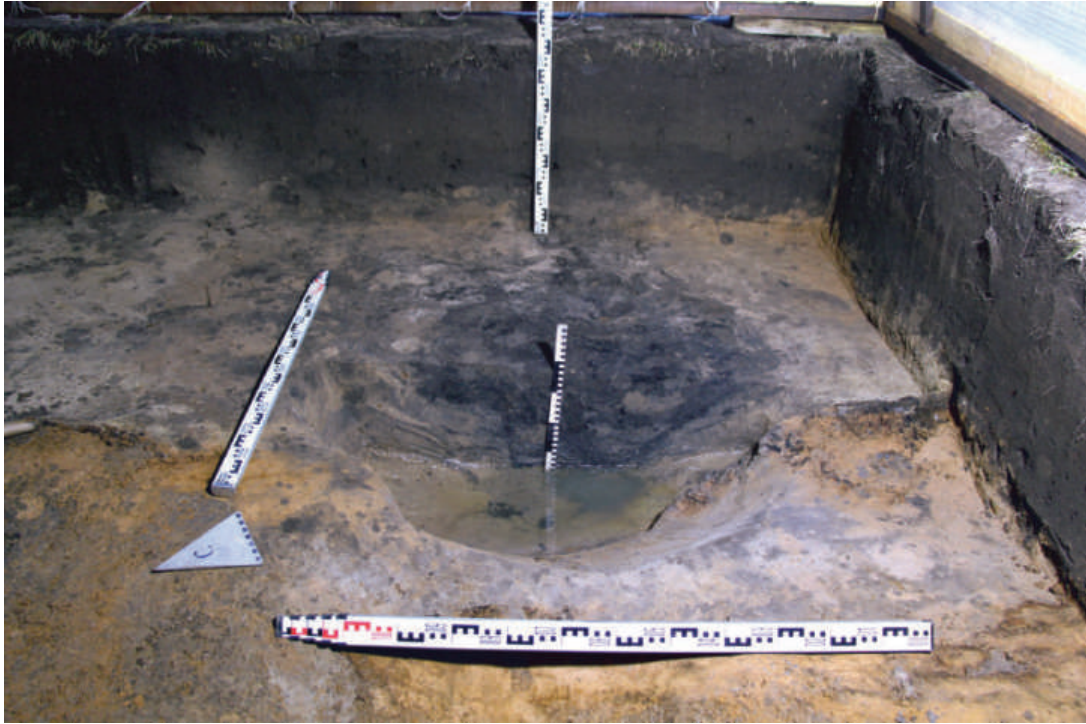

Рис. 35. Селище Ситно 2016 г. Участок 9. Комплекс XVII. Разрез. Вид с запада. На заполнении комплекса лежит средневековый культурный слой

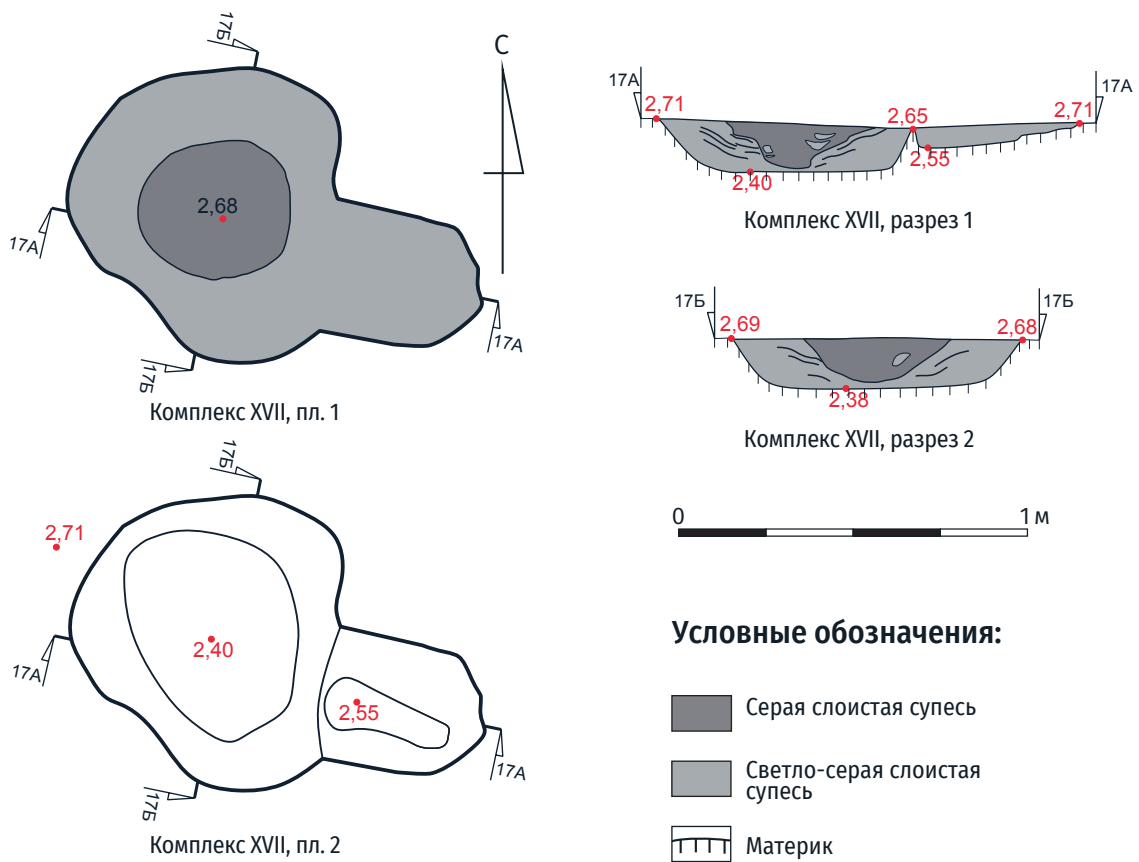
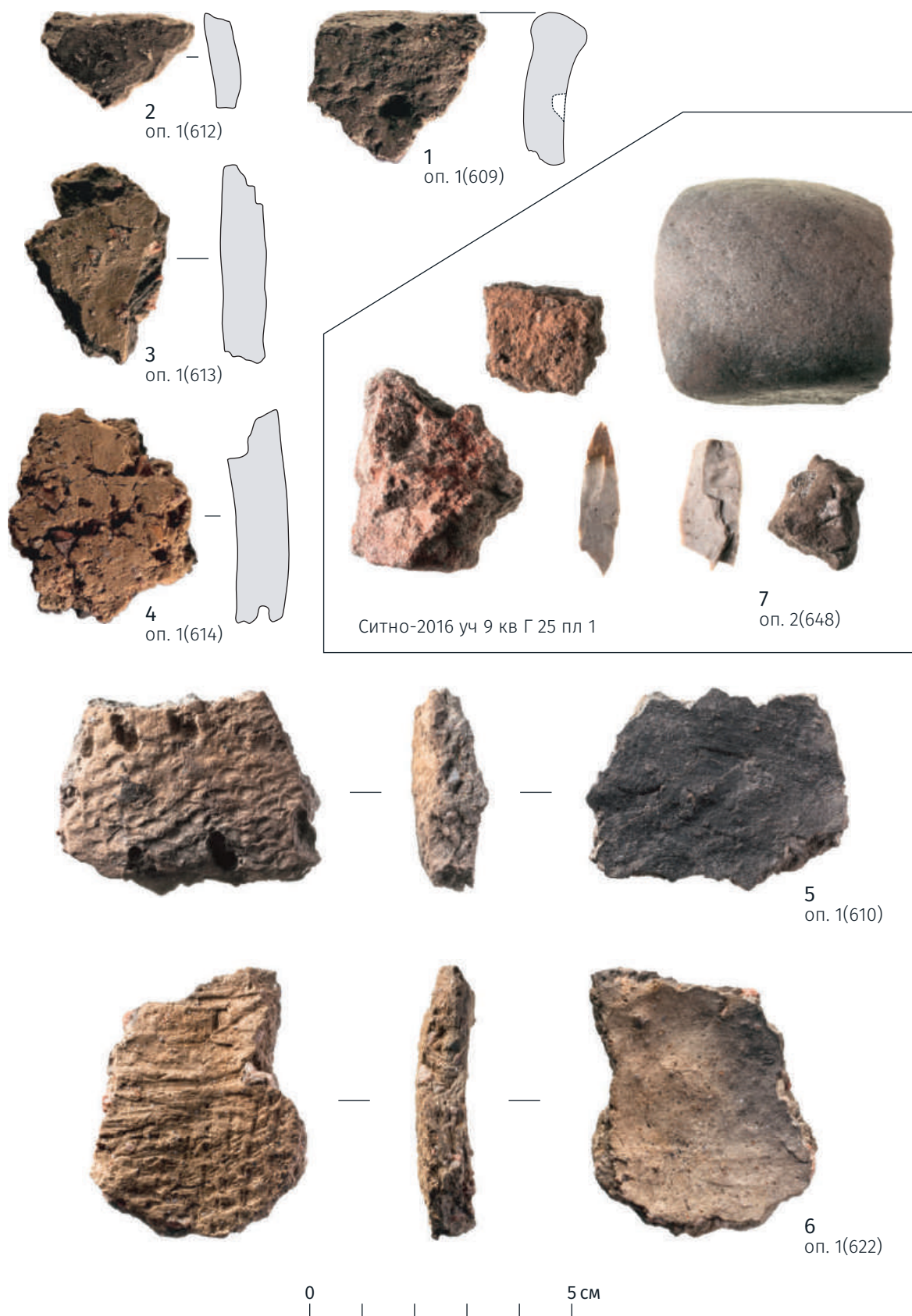

Рис. 36. Селище Ситно 2016 г. Участок 9. Комплекс XVII. План и разрезы

Рис. 37. Селище Ситно 2016 г. Участок 9. Комплекс XVII. Находки из заполнения. 1–6 — фрагменты лепной керамики. 7 — находки из промывки (фрагмент лепного сосуда, кремневые отщепы, фрагмент пережженного камня-терочника)

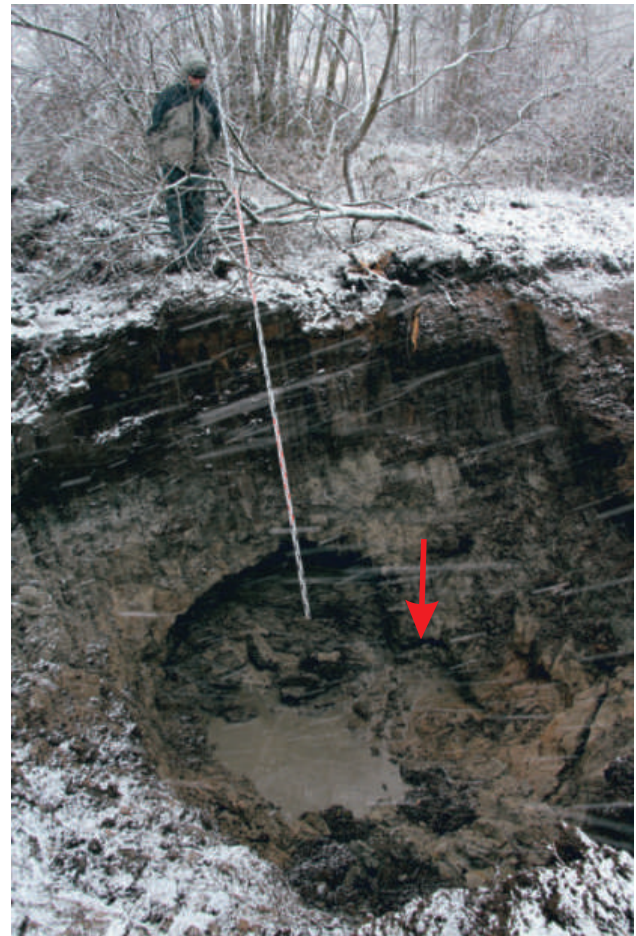
Выделенные нами фазы достаточно условны. Учитывая, что памятник расположен на перекрестке важнейших речных путей Восточно-Балтийского региона, нельзя исключать существования на Липенском холме поселения, сочетающего в себе очень разнообразные керамические традиции (ромбоямочную, шнутовую и текстильную). В таком случае датировка поселения должна определяться в рамках III тыс. до н. э.

Прямо на этом слое залегают отложения Раннего Средневековья (контекст 8). В слое серой супеси (контекст 9) зафиксирована поверхность небольшого углубленного очажка, впущенного с уровня контекста 8 (рис. 45; 53). Радиоуглеродная датировка очага по золисто-углисто-му заполнению ямки: 1320 ± 80 BP. При калибровке получен период: 640–810 AD (1 σ) (Le-11425). К нему относятся найденные в слое светло-серой супеси (контекст 8) единичные мелкие фрагменты лепной гладкостенной керамики с примесью дресвы в тесте и два интересных бронзовых предмета (рис. 55). Игла от кольцевидной (подковообразной) фибулы найдена на отметке 21,39 м БС в кв. 1 (рис. 55: 1). Судя по размерам иглы, фибула имела большой диаметр, что характерно скорее для раннесредневековых украшений, нежели для древнерусского времени. Второй предмет — орнаментированная пластинка с иглой (проколка или какой-то предмет туалета) найдена на отметке 21,53 м БС в кв. 2 (рис. 55: 2). Круглая игла тщательно прокована со всех сторон. Назначение вещи не понятно. Аналогия (неорнаментированная) известна на Сарском городище (Леонтьев 1996: рис. 66). Еще один фрагмент лепной керамики Раннего Средневековья или РЖВ происходит из смывтой с вершины холма верхней части культурных напластований (контекст 1). Он принадлежал сосуду с примесью мелкой дресвы в тесте, украшенному узором из неглубоких тычков (рис. 56: 1).

Важно отметить: неолитические напластования и культурный слой Раннего Средневековья (VII–IX вв.) на абсолютной высоте ок. 21 м БС не разделяют озерные отложения. Это отличает липенскую террасу от мысовой части Рюрикова Городища, где в раскопе Г. П. Гроздилова на отметке 19 м БС зафиксирован слой стерильных озерных глин, отделяющий слой эпохи неолита от раннесредневекового слоя с лепной керамикой.

Это означает, что ладожская трансгрессия, имевшая место в промежутке между энеолитической и раннесредневековой фазами существования стоянки на Липне, не достигала в Ильменской котловине отметки 21 м БС.

Первое длительное затопление липенской террасы произошло после IX в. С повышением уровня Ильменя связана прослойка песчаных озерных отложений

Рис. 38. Селище Ситно 2016 г. Разрез 2 в котловане для забора воды, вырытом в заболоченном овраге к северу от селища. Стрелкой показано место отбора образца торфа для радиоуглеродного анализа (образец № 16). Вид с юга

на глубине 0,68–0,88 м (контекст 7). Находки на границе нижней части этой прослойки фрагментов древнерусской гончарной керамики указывают на время трансгрессии (не ранее X в.). Очевидно, в этот же период отложились и вышележащие слои серо-бурой супеси, позднее переработанные культурным слоем Никольского монастыря XIII–XV вв. (контекст 6). Таким образом, общая мощность озерных отложений, накопившаяся к моменту основания монастыря и постройки каменного храма, составила ок. 0,40 м. Контекст 6 представляет собой культурный слой, который предположительно можно отнести ко времени наиболее активной жизни монастыря.

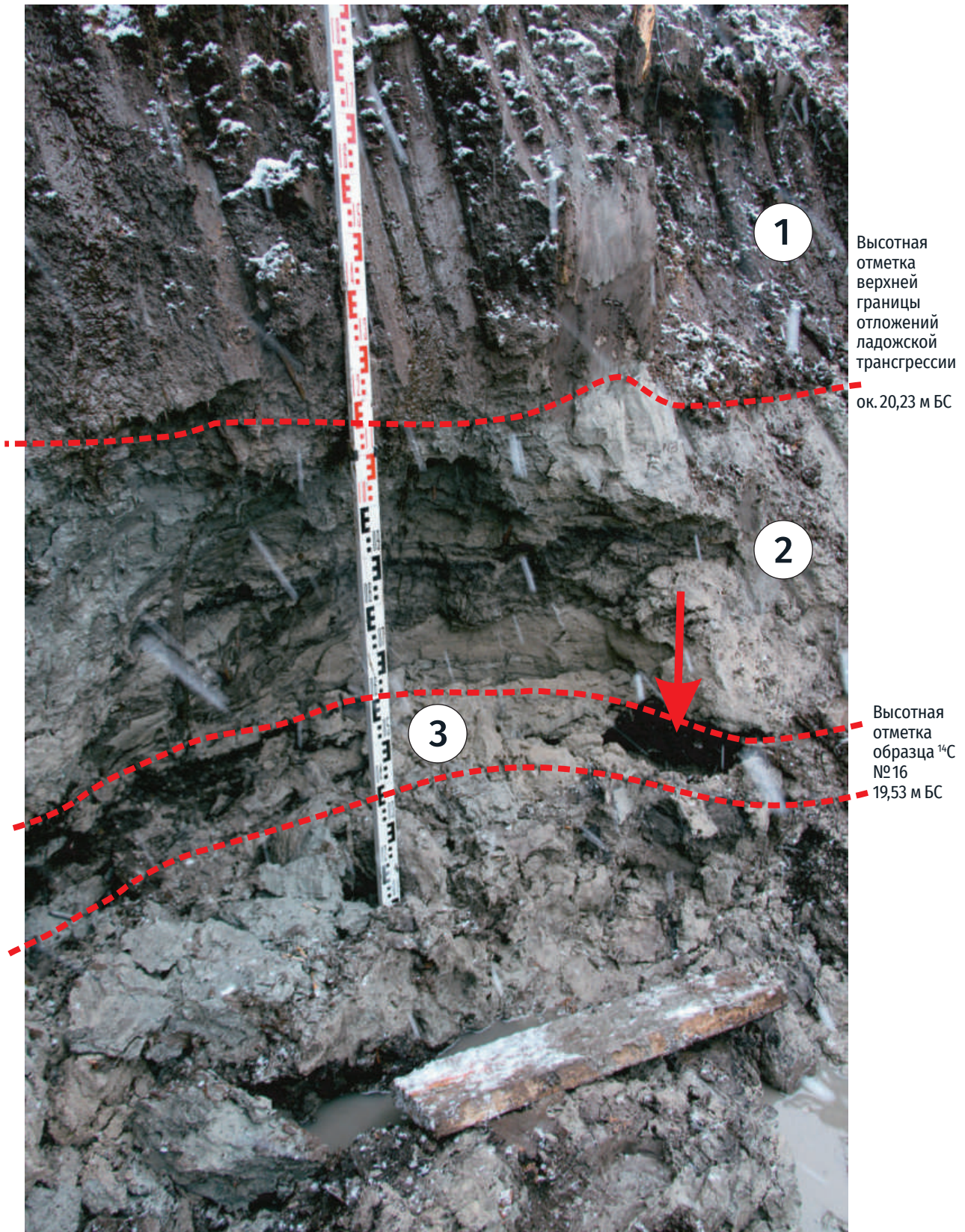
В последующее время уровень озера продолжал подниматься, оставляя на террасе супесчаный аллювий. В его толще слабо прослеживается еще одна прослойка культурного слоя (контекст 3), соответствующая какому-то периоду обсыхания поймы, относящемуся уже к Позднему Средневековью. Датировка этого периода пока не может быть уточнена, и для нашего исследования она не имеет принципиального значения (рис. 46).

Табл. 16. Липенский холм 2016. Раскоп 1. Стратиграфия по восточной стенке шурфа*

Кон- текст, №	Глубина, м (отметка БС)	Литология	Археологические находки	Датировки ¹⁴ С
1	0,00–0,20 (22,38 м БС)	Темно-серая супесь (огородный слой XIX–XX вв.)	Фрагменты белостенной гончарной керамики XVI–XVII вв. и более поздних сосудов, бутылочное и оконное стекло, обломки кирпича, кости животных. Единично – мелкие фрагменты лепной керамики с примесью органики в тесте	
2	0,20–0,25	Серо-желтая супесь, озерные отложения	Фрагменты белоглиняной гончарной керамики XVI – XVII вв., кости животных. Два железных кованых гвоздя, обломок железного пробоя. Мелкие фрагменты древнерусской гончарной керамики. Разница в составе керамических фрагментов, найденных выше и ниже гумусированной прослойки, отсутствует	
3	0,25–0,35	Гумусная прослойка (почвенный горизонт, отражающий временное обсыхание поймы)		
4	0,35–0,45	Серо-желтая супесь, озерные отложения		
5	0,45–0,50	Желтый песок озерного происхождения с включениями серого гумуса.	—	
6	0,50–0,68	Серо-бурая супесь с мелкими угольками (культурный слой Никольского монастыря XIII–XVI вв.)	Фрагмент текстильной керамики с неорганической примесью в тесте; фрагмент лепного сосуда с примесью дресвы в тесте, два неопределимых железных предмета. Преобладают мелкие обломки гончарной древнерусской посуды. Единично представлены мелкие отщепы кремня. Обломок гончарного белостенного сосуда, указывающий на время, когда культурный слой начал перекрываться озерными отложениями	
7	0,68–0,88	Темно-желтая супесь с прослойками ожелезнения. В нижней части горизонта прослойка крупного песка с галькой. Озерные отложения	—	
8	0,88–0,98	Светло-серая супесь с угольками. Перемытый и запечатанный озерными отложениями культурный слой эпохи энеолита с перекрывающим его горизонтом VII–IX вв. н. э. С этого уровня в слой впущен небольшой очажок (размеры ямки: 0,55 × 0,50 м; глубина: до 0,20 м). Абсолютная отметка: 21,29 м БС. Рядом с ним зафиксирована столбовая ямка	В верхней части слоя несколько мелких фрагментов гончарной древнерусской керамики X–XII вв. Единичным фрагментом представлена лепная керамика (раннесредневековая?) с примесью дресвы в тесте. Фрагменты лепных сосудов с органическими примесями: с ямочным и гребенчатым орнаментом, а также отдельные фрагменты с текстильной поверхностью. 19 отщепов кремня, кости животных, в том числе одна кальцинированная. Находки из медного сплава: игла от фибулы и неопределимый предмет с орнаментом (шильце?)	1320±80 ВР (Ле-11425)
9	0,98–1,10	Серая супесь с мелкими угольками (в описи находок: серая супесь с угольками – 2). Несколько небольших обожженных булыжников. Перемытый культурный слой	Фрагменты керамики с органической примесью: с ямочным и гребенчатым орнаментом и фрагменты с текстильной поверхностью	
10	1,10–1,24	Светло-серая супесь с большим количеством глинистых частиц. Встречаются мелкие угольки (в описи находок: серая супесь с угольками – 2). Перемытый культурный слой	Лепная керамика с органическими примесями. Она делится на две группы: фрагменты с различными вариантами ямочного и гребенчатого орнамента и фрагменты с текстильной поверхностью	
11	1,24–.... 21,12 м БС	Серо-коричневый суглинок (материк)	—	

* Цветом выделено описание горизонта, в котором отложились раннесредневековые находки.

Рис. 39. Селище Ситно 2016 г. Разрез 2. Вид с юга. 1 – поздний торфяник; 2 – горизонт серо-голубой аллювиальной глины; 3 – ранний торфяник. Стрелкой показано место отбора образца торфа для радиоуглеродного анализа (образец № 16). Датировка образца № 16: 10340 ± 60 (Ле-11519)

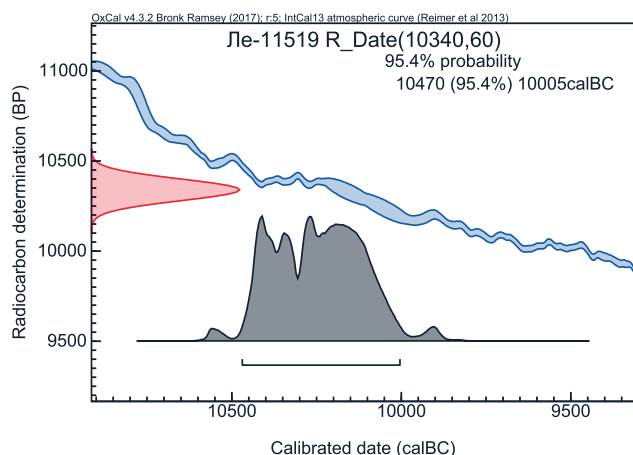

Рис. 40. Селище Ситно 2016 г. Разрез 2. Датировка торфяника, погребенного под слоем озерно-аллювиальной глины

3.5.1.4. Наволокский торфяник

Исследованный в 2003–2008 гг. эвтрофный торфяник расположен в современной пойме оз. Ильмень (рис. 57), имеет слабовыпуклую форму, его мощность превышает 2,5 м. Береговая часть торфяника разрушается озером, при этом вымываются крупные древесные остатки (рис. 58). На торфянике произведены комплексные исследования, в которых участвовал коллектив специалистов (Еремеев, Дзюба 2010: 32–47). Ниже приводятся все полученные результаты.

Ботанический состав торфа (описание составлено О.В. Лисицной по материалам И.И. Сергеевой). Современная растительность представлена в основном луговыми влаголюбивыми видами. Сомкнутость травяного яруса 75%, средняя высота 80 см. Видовой состав более разнообразен, чем в целом в пойме оз. Ильмень. Этот факт обусловлен, с одной стороны, близостью населенного пункта (присутствуют антропохоры — подмаренник белый, чина луговая), с другой стороны — обсыханием данного торфяника в последнее время (вербейник). Об обсыхании также говорит присутствие большого количества подстилки (сухих отмерших остатков растений) на почве — до 90% поверхности почвы. Следы обсыхания и минерализации наблюдаются также и в верхнем горизонте разреза.

Разрез заложен в 800 м на северо-запад от д. Наволок и в 600 м к северо-западу от имеющейся здесь сопки в южной части торфяника, в 35 м от берега озера. Образцы на палинологический и радиоуглеродный анализы отбирались из стенки шурфа монолитом в металлические контейнеры размерами 10×10×50 см на глубину 1,5 м. Ниже образцы отбирались геологическим разведочным буром. Общая высота колонки образцов составила 2,2 м, описание сделано для колонки высотой 1,93 м.

Результаты ботанического анализа состава торфа показывают историю слабооблесенного/закустаренного низинного пойменного болота (табл. 17)¹²¹. Длительное время здесь произрастала береза, периодически к ней примешивались ольха и сосна. Значительно количество остатков тростника *Phragmites australis* (Cav.) Trin. ex Steud. и осоки *Carex appropinquata* Schum. Характер облесенности болота неоднократно менялся, но на его трофности это никак не отразилось. Нижняя часть торфяной залежи (1,78–1,93 м) сложена буро-черным, плотным, сильно разложившимся древесно-травяным низинным торфом (степень разложения торфа — 45%). Количество древесных остатков, среди которых идентифицированы сосна и береза, составляет здесь 35%. Выявленные таксоны травянистых растений характеризуют типичное низинное болото. Несколько меньшее, чем в других слоях разреза, содержание остатков тростника позволяет предположить слабопроточный режим увлажнения.

Травяной низинный торф с глубины 1,43–1,78 м характеризуется увеличением количества остатков тростника (до 35%) и других влаголюбивых видов (хвощ — *Equisetum* sp., вахта трехлистная — *Menyanthes trifoliata* L.) и небольшим количеством древесных остатков (10%). Степень разложения торфа снижает-

¹²¹ Степень разложения торфа — это процентное содержание в торфе бесструктурной массы (гуминовых веществ и мелких частиц негумифицированных остатков). Определение степени разложения и ботанического состава торфа производилось по следующим методикам. Методы определения степени разложения торфа: макроскопический — глазомерно определяется соотношение растительных остатков и темного вещества (торфяного гумуса). По окраске, структуре и наличию остатков устанавливается тип торфа; микроскопический — определение под микроскопом отношения площади, занятой гумусом, к площади, занятой торфом. Степень разложения определяется по 10 отсчетам для 3 препаратов данной пробы. Определение ботанического состава. В сите с отверстиями 0,25 мм отмывается мелкодисперсная часть торфа. Оставшееся в сите растительное волокно просматривают под микроскопом с увеличением в 60–100 раз и определяют видовой состав торфа. При наличии в торфе 15–35% древесины торф определяется как древесно-травяной, древесно-тростниковый и т. п., в зависимости от других ботанических остатков. При наличии в торфе 40% и более древесины торф считается древесным. В древесно-тростниковом торфе древесных остатков 15–35%, тростника — 40% и более; в травяно-сфагновом торфе древесных остатков — 0–10%, травяных остатков — 20–60%, сфагнов — 35–60%; в сфагновом низинном торфе древесные остатки составляют 0–10%, сфагновых мхов — 65% и более, травянистых остатков — до 30%. Средний ежегодный прирост мохового покрова 20–25 мм. Среднегодовой прирост торфяной толщи 0,5–2,5 мм, находится в прямой зависимости от обводнения торфяника (примеч. И.И. Сергеевой).

ся до 35%. Вероятно, на протяжении этого периода торфяник был слабо облесен и сильно увлажнен.

На глубине 1,23–1,43 м наблюдается увеличение количества древесных остатков до 15–20%, присутствуют одновременно все три вышеупомянутых вида деревьев (береза, ольха и сосна). Степень разложения этого древесно-травяного низинного торфа несколько выше и достигает 38%. Такие показатели могут говорить о меньшей увлажненности торфяника в это время и, соответственно, о более сухом климате. В этом же горизонте залегает значительное количество древесных стволов и корней.

На глубине 1,23 м количество древесных остатков уменьшилось до 10%, а степень разложения торфа снизилась до 25%. Содержание остатков тростника составило 60%, появился типичный болотный вид — вахта трехлистная. По-видимому, это один из самых влажных периодов в истории этого торфяника.

С отметки 1,09 м количество древесных остатков вновь возрастает до 15%. Отмечается концентрация крупных фрагментов древесины (стволы и корни деревьев). Степень разложения тростника снижается до 35%, появляется шейхцерия болотная *Scheuchzeria palustris* L. — типичный болотный вид, характерный для слабооблесенных низинных болот.

На глубине 0,65–0,80 м обнаружена примесь песка. Существенно, что в палинологическом спектре, выделенном из торфов с этой же глубины залежи, зарегистрированы пыльцевые зерна культурных злаков.

Верхний горизонт мощностью 0,30 м выглядит как плотный мокрый серый безвалунный суглинок с большим количеством органических остатков средней и слабой степени разложения. По ботаническому составу он схож с нижележащим горизонтом. Степень разложения органических остатков возрастает до 45%, наблюдается примесь песка. В значительной степени это связано с пойменным режимом, сформировавшимся за последние 80–100 лет.

На основании палеоботанических данных в истории болота можно выделить 6 периодов: 1,93–1,78 м — низинное облесенное болото; 1,78–1,43 м — низинное слабооблесенное болото; 1,43–1,23 м — облесенное болото, короткий относительно сухой период, в течение которого происходит сначала резкое облесение, а затем быстрое вымирание деревьев; 1,23–1,09 м — низинно-переходное слабооблесенное болото, наиболее влажный период; 1,09–0,30 м — низинно-переходное слабооблесенное болото, зафиксированы первые признаки земледелия; 0,30–0,00 м — пойменное низинно-переходное болото (облик, близкий современному) (табл. 17).

3.5.1.4.1. Спорово-пыльцевые исследования разреза (описание составила О. Ф. Дзюба)

Техническая обработка образцов торфа, предназначенных для СПА, производилась по *модифицированной методике Поста* (Дзюба 1984) с применением пирофосфата натрия и плавиковой кислоты. Исследование и микрофотографирование пыльцы велось с помощью световых микроскопов (СМ) марки «БИОЛАМ-И» и марки «Leica DLMS» с использованием системы анализа изображений «Видео-Тест». Пыльцевые зерна по возможности определялись до таксона ранга семейства, рода, в оптимальном случае — вида. Особое внимание уделялось выявлению пыльцы таксонов, присутствие которых могло бы подтвердить наличие хозяйственной деятельности и охарактеризовать систему земледелия. Для уточнения диагностики пыльцевых зерен отдельных таксонов использовалась «коллекция сравнения» пыльцы современных культурных и диких растений, привлекалась сканирующая электронная микроскопия (СЭМ). При исследовании подсчет пыльцевых зерен производился, как правило, с площади четырех покровных стекол, но в ряде случаев, вследствие низкой насыщенности образцов пыльцой и спорами, приходилось вести подсчет с площади шести-восьми стекол. Подсчет содержания пыльцы в спектрах производился общепринятым при изучении палинологических образцов четвертичного времени групповым методом (Пыльцевой анализ 1950; Каревская 1999).

Образцы, отобранные на Наволокском торфянике, исследовались дважды. Первоначально были изучены и проанализированы с помощью традиционного СПА палиноспектры 40 образцов разновозрастных торфов, что позволило построить диаграмму и выделить на ней пять палинозон (Еремеев, Дзюба, Лисицына 2007). Через некоторое время мы решили повторно более детально исследовать отложения, вскрытые описанным шурфом. Материал для этого у нас прекрасно сохранился. При этом появилась возможность сравнить результаты исследования одного и того же объекта, полученные на основе применения традиционного СПА и СПА, дополненного результатами палиноиндикации качества окружающей среды (Дзюба 2006) голоценового времени. Таким образом, при проведении нового исследования ранее изучавшегося материала (40 образцов), на фоне проведения детального СПА, особое внимание мы уделяли выявлению и подсчету тератоморфных (патологически развитых), а также механически и микробиологически нарушенных пыльцевых зерен и спор (Еремеев, Дзюба 2010: табл. 1П–7П; вкл. рис. 25а).

В результате проведенной работы удалось выявить достаточно большое количество тератоморфных пыльцевых зерен и спор (до 18% в разных образцах). В тех же отложениях удалось выявить и палинологи-

Рис. 41. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Горизонт камней в месте стыка торфяника и минерального культурного слоя (кв. Е-29, Ж-29). На первом плане — наброс жердей в нижней части слоя средневекового аллювия, перекрывающего торфяник. Вид с юго-запада. Жерди имеют одинаковую ориентировку вдоль берегового склона, что наводит на мысль о том, они прибиты к берегу паводковыми водами

ческий материал с механическими и микробиологическими повреждениями (рваные, смятые/деформированные и поврежденные микроорганизмами пыльцевые зерна и споры). Такого рода палиноморфы обнаружены в еще больших количествах, чем тератоморфные (от 12 до 43%) (рис. 59). Причем их присутствие зарегистрировано практически по всей глубине разреза.

Вероятно, последнее можно связать не только с последствиями фоссилизации пыльцы и спор, но и с тем, что в условиях экологического неблагополучия растения продуцируют пыльцевые зерна не только с измененными морфологическими структурами, но и с измененными биохимическими свойствами (Гурина, Усовик 1999; Dzyuba, Gorbovskaia 2000). При этом неизбежно меняется и прочность оболочек. Следовательно, такие формы могут с большей легкостью, чем другие, повреждаться/разрушаться микроорганизмами или даже подвергаться полной деструкции в процессе фоссилизации.

При построении новой диаграммы в нее были добавлены еще две группы/графы, в одной из которых показали процентное содержание тератоморфных пыльцевых зерен/спор в изученных спектрах, а в другой — процентное содержание вторично измененных,

поврежденных пыльцевых зерен и спор (рис. 59). При анализе материалов, сведенных в такую диаграмму, стало понятно, что нам удастся значительно более детально, чем прежде проследить историю развития растительности и территории исследования, если обратить внимание на ход кривых содержания в палиносpectрах тератоморфных и вторично измененных пыльцевых зерен и спор.

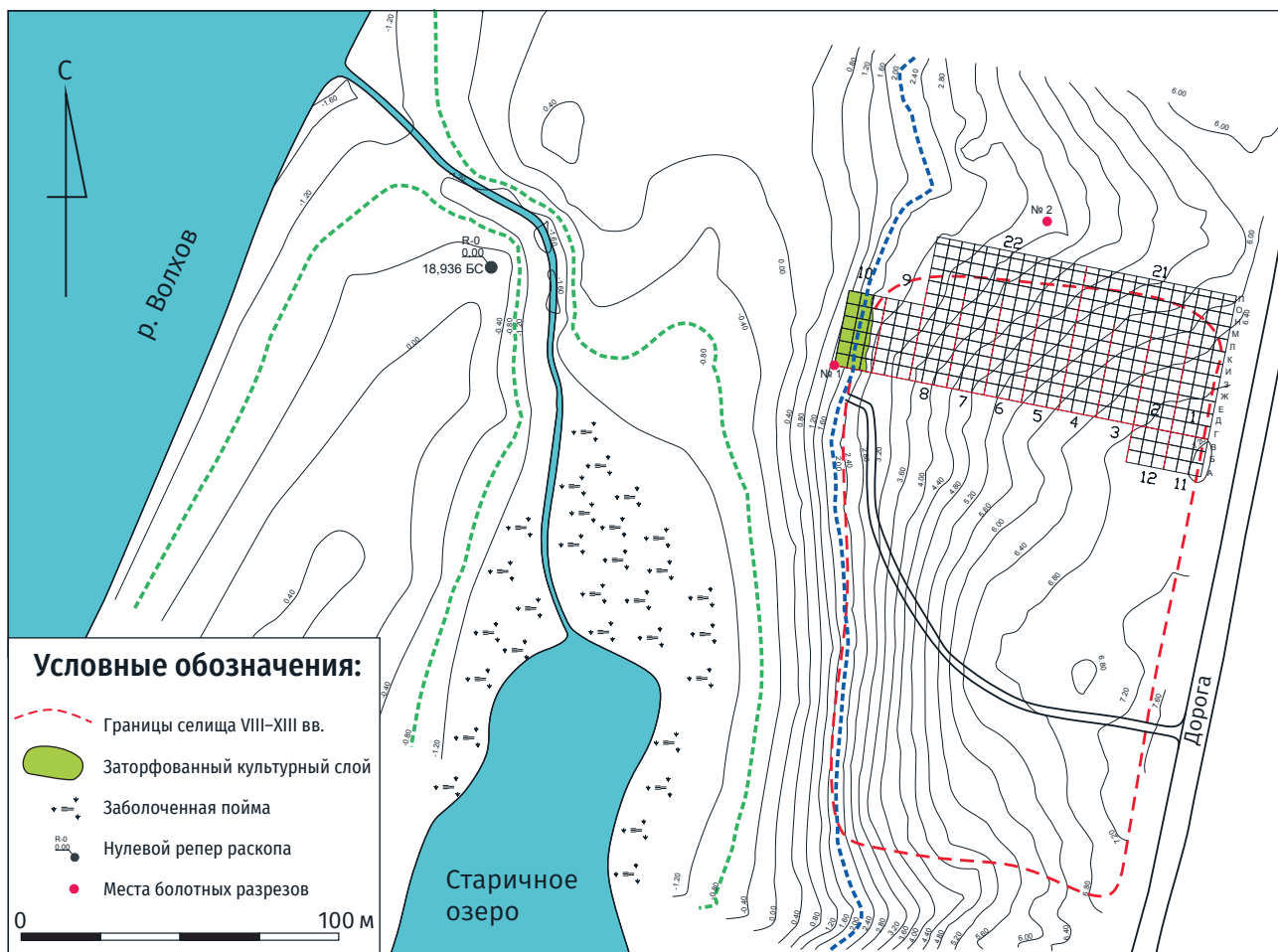
Выяснилось, что их максимальные концентрации практически совпадают с границами определенных палеоклиматических этапов: AT_2/AT_3 , AT_3/SB_1 , SB_1/SB_2 , SB_2/SB_3 , SB_3/SA_1 , SA_2/SA_3 , то есть максимальное количество тератоморфных пыльцевых зерен/спор продуцируется растениями в периоды экологической дестабилизации, на рубежах разных палеоклиматических периодов.

В исследованных образцах тератоморфные и поврежденные микроорганизмами (вторично измененные) пыльцевые зерна и споры, как правило, принадлежат следующим таксонам: *Pinus* sp., *Alnus* sp., *Betulaceae* gen. indet., *Polypodiaceae* gen. indet. (Еремеев, Дзюба 2010: табл. 1П, 3П, 5П, 7П). Вероятнее всего, этот факт связан с очень высокой пыльцевой/споровой продуктивностью названных таксонов по сравнению с другими. Очевидно, и вероятность попадания

Табл. 17. Ботанический состав, радиоуглеродный возраст и степень разложения образцов торфа из разреза у д. Наволок (Новгородская область, Новгородский р-н). Выделены датировки, полученные по фрагментам древесины (составлена О. В. Лисицыной по материалам И. И. Сергеевой)

Глубина, м	Возраст по ¹⁴ C	Вид торфа	Деревья				Травянистые виды										Степень разложения, %	Примесь песка	
			Alnus sp.	Betula sp.	Pinus sp.	Древесные остатки	Calamagrostis neglecta (Ehrh.) Gaertn.	Carex appropinquata Schum.	Carex caespitosa L.	Carex chordorrhiza Ehrh.	Carex lasiocarpa Ehrh.	Comarum palustre L.	Equisetum sp.	Menyanthes trifoliata L.	Phragmites communis Trin.	Scheuchzeria palustris L.			Травянистые остатки
0–0,10		Серая глина с примесью травяного низинного торфа (почвенный слой)				10	20	10	10			10			20	10	10	40	+
0,10–0,25		Серая глина с примесью травяного низинного торфа				15	15	10	10						30	10	10	45	+
0,25–0,40	1420±70 BP	Древесно-травяной низинный				15	10	10	10						35	10	10	45	+
0,40–0,48		Древесно-травяной низинный				15		15	15						35	10	10	35	
0,48–0,60	1600±90 BP 1890±40 BP	Древесно-травяной низинный				15		12	13				5	35	10	10	35		
0,60–0,65		Древесно-травяной низинный				15		10	10				10	35	10	10	35		
0,65–0,75	2180±140 BP	Древесно-травяной низинный	+	+		20		12	13					35	10	10	40	+	
0,75–0,80		Древесно-травяной низинный	+	+		15		12	13				5	35	10	10	35	+	
0,80–0,85		Древесно-травяной низинный	+	+		15		12	13					35	10	10	35		
0,85–0,90	2680±100 BP	Древесно-травяной низинный		+		15		12	13				5	35	10	10	35		
0,90–1,0		Древесно-травяной низинный				15		10	10	10			10	35		10	35		
1,0–1,09		Древесно-травяной низинный				15		9	9	9	9		5	35		10	38		
1,09–1,13	2730±90 BP 2835±25 BP	Травяной низинный		+		10		12	13				10	5	40		10	25	
1,13–1,18		Тростниковый низинный		+		10		8	7				5	5	55		10	30	
1,18–1,23		Тростниковый низинный		+		10		5	5				10		60		10	35	
1,23–1,33	3420±140 BP	Древесно-травяной низинный	+	+	+	20		7	8				20		35		10	38	
1,33–1,43	3700±110 BP	Древесно-травяной низинный		+	+	15		8	8		8		15		35		10	37	
1,43–1,48	3270±35 BP	Травяной низинный	+	+		10		8	8		8		20		35		10	35	
1,48–1,53		Травяной низинный		+		10		5	5		5		20		35	10	10	35	
1,53–1,58		Травяной низинный	+	+		10		12	13				15	5	35		10	35	
1,58–1,63		Травяной низинный		+		10		12	13				20		35		10	35	
1,63–1,68		Травяной низинный	+	+		10		8	8		8		10		35	10	10	35	
1,68–1,78		Травяной низинный	+	+		10		8	8	8			15	5	35		10	35	
1,78–1,86		Древесно-травяной низинный		+	+	35		5	5				15		30		10	45	
1,86–1,93		Древесно-травяной низинный		+	+	35		5	5				15		30		10	45	

Рис. 42. Селище Ситно 2016 г. Высотная отметка репера в пойме 18,936 м БС. Синий пунктир отмечает линию паводкового затопления в X–XI вв., совпадающую с современной (примерно 21,00 м БС). Зеленый пунктир отмечает предполагаемый максимальный уровень паводка в VIII–IX вв. (примерно 19,00 м БС). Пойменные участки начали заторфовываться около VIII в. н. э. В XI в. уровень паводков приблизился к современным значениям

Рис. 43. Липенский холм в весенний паводок. Вид с юга. Стрелкой обозначена стоянка на террасе с восточной стороны холма

зрения исследователя пыльцевых зерен/спор (в том числе и тератоморфных) таких растений значительно выше, чем других, даже на фоне общерегиональных и локальных особенностей палиноспектров.

На новой диаграмме обращает на себя внимание следующее. В середине атлантического времени (AT_2) зарегистрирован минимум содержания тератоморфных форм. Это, скорее всего, свидетельство экологической стабилизации окружающей среды в то время.

Что особенно интересно — на заключительном этапе субатлантического времени (SA_3) зарегистрирован максимум содержания тератоморфных форм, но он уже не относится к рубежам разных периодов. Не исключено, что такой резкий скачок содержания тератоморф связан с активизацией деятельности

человека в исследуемом районе. Именно с этого момента в спектрах субатлантики вновь начинают регистрироваться пыльцевые зерна пшеницы и ржи.

Наша попытка дополнить традиционный СПА палиноиндикацией качества окружающей среды позволила выявить взаимосвязь между наличием и концентрацией тератоморфных пыльцевых зерен в разновозрастных отложениях и изменениями физико-географических условий среды; облегчила процесс детализации физико-географических обстановок, особенно атлантического, суббореального и субатлантического времени. В итоге, в формировании растительного покрова и ландшафта удалось выявить не 5, как ранее, а 9 этапов (палинозон): раннеатлантический, среднеатлантический, позднеатлантический,

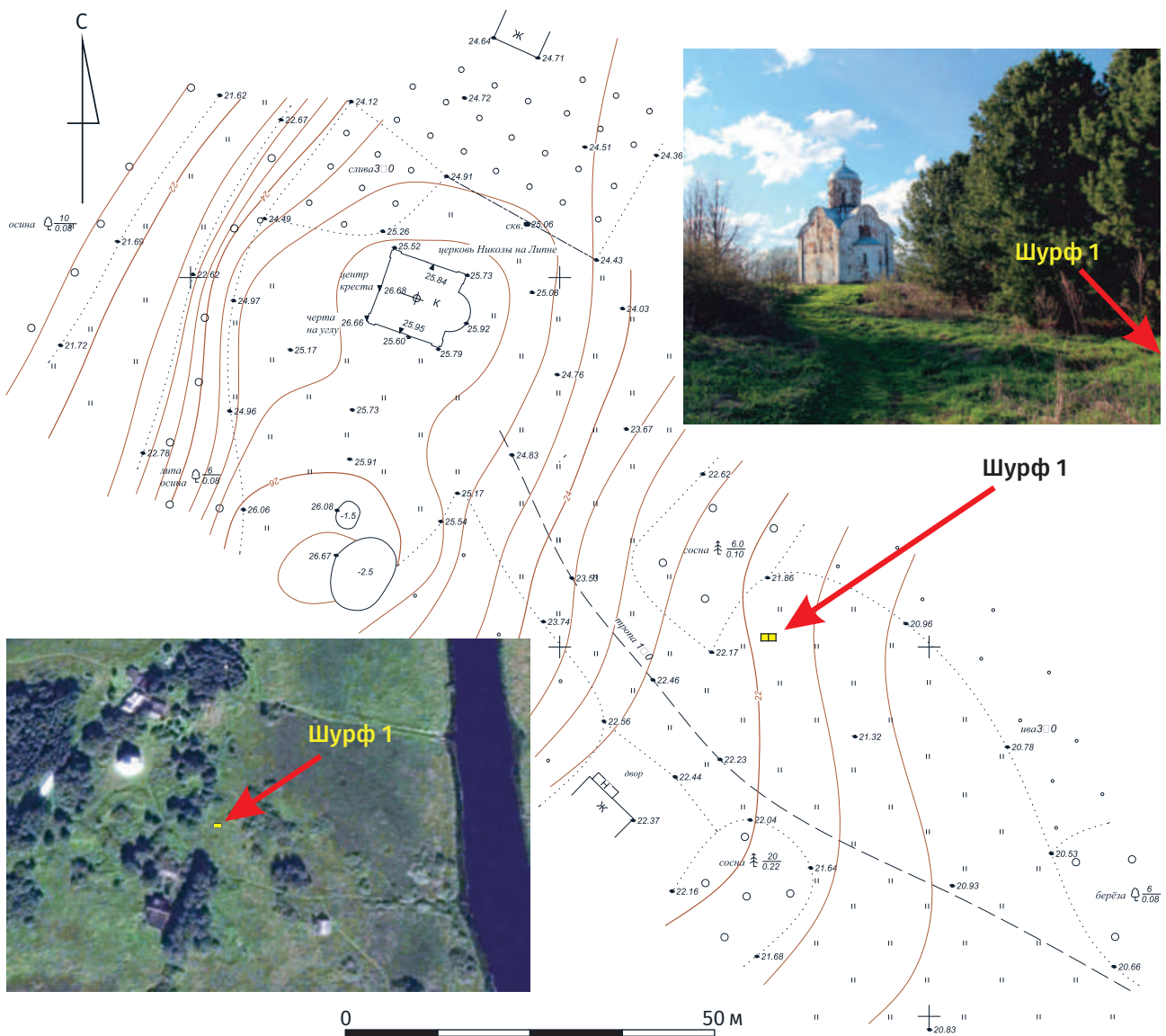
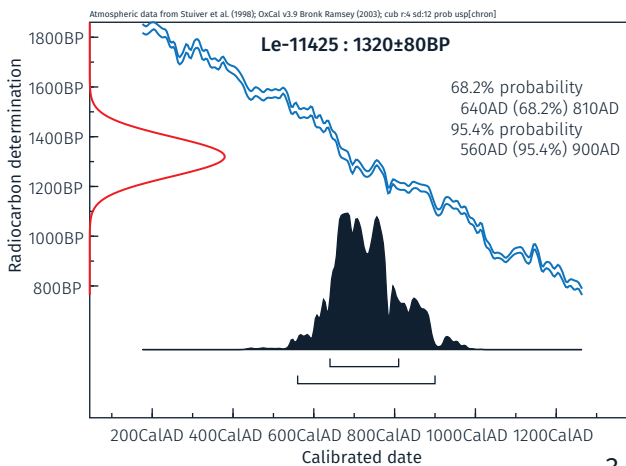

Рис. 44. Липно 2016. Расположение шурфа на первой надпойменной террасе восточной части Липенского холма. Топооснова по Антипов А-2017: ил. 2.

В качестве репера при раскопках использован угол плиты порога южного портала храма Николы на Липне (отметка 25,95 м БС)

Рис. 45. Липенский холм 2016 г. Шурф 1.1 – очажок, углубленный в перемытый культурный слой эпохи неолита – позднего бронзового века. Вид с востока. В слое видны фрагменты неолитической керамики с гребенчатым орнаментом. С западной стороны углистой линзы видно серповидное в плане золистое пятно, указывающее на направление ветра со стороны открытой поймы. С запада, со стороны озера Ильмень стоянку защищал склон холма. В качестве репера при раскопках использован угол плиты порога южного портала храма Николы на Липне (отметка 25,95 м БС). 2 – вид шурфа 1 с запада. 3 – радиоуглеродная датировка, полученная по углистому заполнению очажка

ский, раннесуббореальный, среднесуббореальный, поздне-суббореальный, раннесубатлантический, среднесубатлантический, поздне-субатлантический, каждый из которых отражает определенные изменения растительности, связанные с изменениями физико-географических условий территории исследования. Ниже приводим характеристики выделенных нами палинозон.

Палинозона IX (AT_1) – раннеатлантическое время (интервалы глубин 1,93–1,73 м). В спектрах древесных пород доминирует пыльца березы (от 32 до 72%). Кривые остальных пород сближены и варьируют в пределах 4–21% от общего числа древесных пород. В палиноспектрах данного периода постоянно присутствуют широколиственные породы. Их суммарное содержание достигает максимального по всему разрезу значения (5,5–24%). Среди широколиственных преобладают дуб (*Quercus* sp.) – до 15,6% и вяз (*Ulmus* sp.) – до 11%, причем концентрация пыльцы вяза достигает в этой зоне максимального по всему разрезу значения. Содержание пыльцы липы (*Tilia* sp.) составляет 2%. В нескольких образцах удалось зафиксировать пыльцевые зерна клена (*Acer* sp.) и граба (*Carpinus* sp.) – до 0,5%.

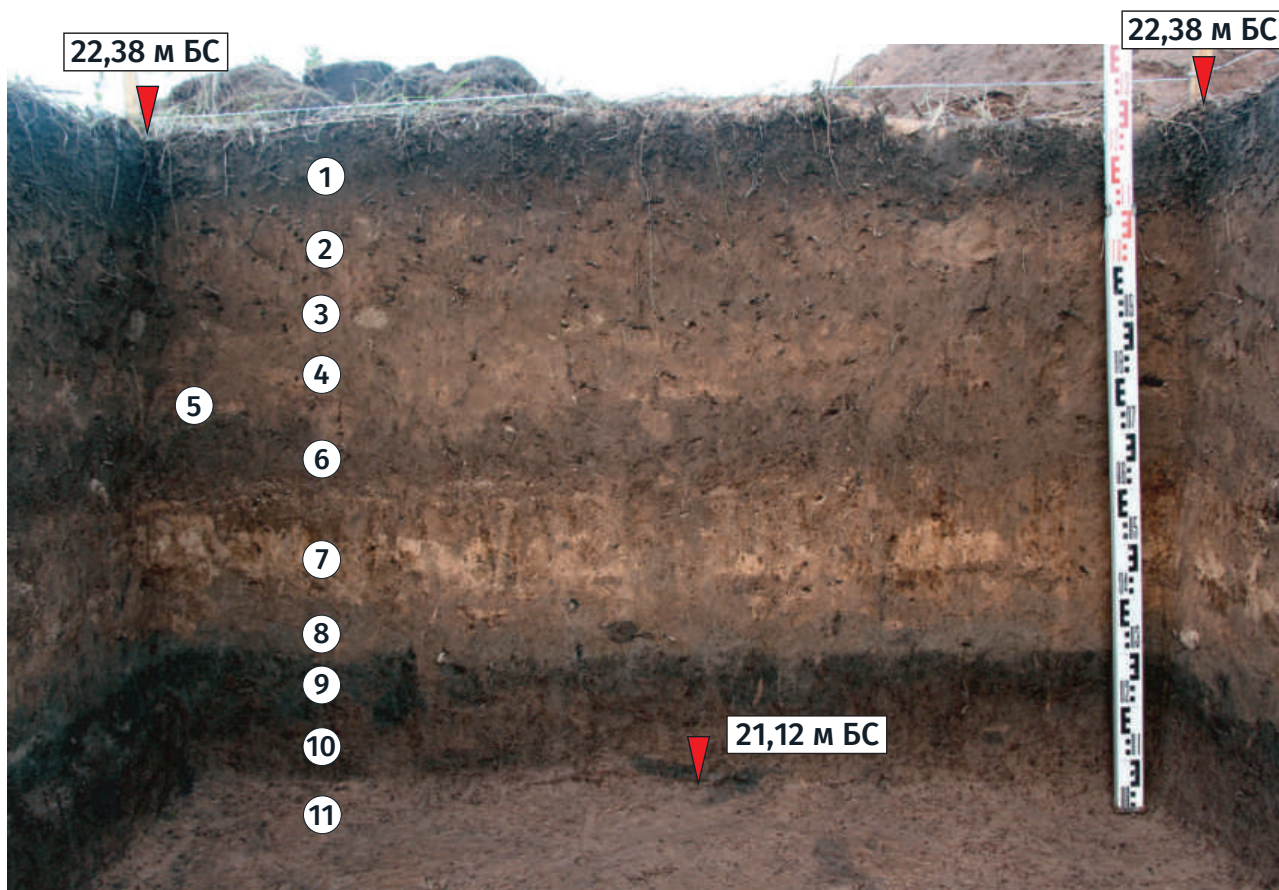
Общая сумма травянистых растений в спектрах не превышает 3–7,5%. В большинстве это представители семейства осоковых (*Cyperaceae* Juss.) – от 46 до 84%, лютиковых (*Ranunculaceae* Juss.) – до 17%, розоцветных (*Rosaceae* Juss.) – до 15%, гречишных (*Polygonaceae* Juss.) – до 14%, злаковых (*Poaceae* Barnhart) – до 6%, сложноцветных вместе с полынью (*Asteraceae* Dumort.+ *Artemisia* sp.) – до 4%.

Споровая растительность представлена преимущественно папоротникообразными (*Polypodiaceae* Bercht et J. Presl.) – до 98% с участием сфагновых и зеленых (*Bryales*) мхов.

Палинозона VIII (AT_2) – среднеатлантическое время (интервалы глубин 1,73–1,63 м) характеризуется также преобладанием пыльцы березы (34–36%). Кривые остальных пород сближены примерно на том же уровне, что и в предыдущей зоне. Суммарное участие широколиственных пород довольно велико и достигает 13,2–21%. Среди них по-прежнему преобладают дуб (5,7–12,7%), вяз (2,4–5,3%) и липа (1,3–3,3%).

Суммарное участие пыльцы травянистых растений в спектрах общего состава несколько больше, чем в предыдущей палинозоне, но не превышает 9,5%. В этой группе растений доминируют осоковые. Их содержание колеблется от 46 до 59% от состава травянистых растений. Содержание пыльцевых зерен представителей семейства гречишных достигает здесь своего максимального значения по всему разрезу – 18%. В значительных количествах присутствуют представители семейств злаковых, сложноцвет-

Рис. 46. Липно 2016. Стоянка на первой надпойменной террасе восточного склона Липенского холма. Шурф 1. Восточная стенка. Вид с запада. Нивелировки в балтийской системе высот. Нумерация контекстов соответствует **табл. 16** в тексте

ных, лютиковых и розоцветных. Обнаружены единичные пыльцевые зерна бобовых (*Fabaceae* Lindl.), гвоздичных (*Caryophyllaceae* Juss.), зонтичных (*Apiaceae* Lindl.) и маревых (*Chenopodiaceae* Vent.).

Среди споровой растительности по-прежнему преобладают папоротникообразные, но их участие в спектрах уже значительно ниже — от 60 до 89%. Концентрация спор зеленых мхов достигает здесь максимума — 38%. В незначительных количествах обнаружены споры плаунов (*Lycopodium* sp.). Споры сфагновых мхов зарегистрировать не удалось.

Палинозона VII (AT_3) — позднеатлантическое время (интервалы глубин 1,63–1,35 м). В спектрах древесных пород этого времени доминирует пыльца березы — 25–44%. Сумма широколиственных пород по-прежнему достигает высоких значений — от 6,8 до 18,5%. Среди них все так же преобладают дуб (до 12,3%), липа и вяз (до 5,1%). В некоторых образцах удалось установить наличие единичных пыльцевых зерен ясеня (*Fraxinus* sp.), граба, клена и жостера (*Rhamnus* sp.).

В спектрах общего состава концентрация пыльцы травянистых растений достигает 7–13,6%. Их видовой состав остается практически таким же, как и в среднеатлантическое время. Однако возрастает роль розо-

цветных, сложноцветных и лютиковых. В незначительных количествах зарегистрирована пыльца представителей семейств капустных/крестоцветных (*Brassicaceae* Burnett.), гвоздичных, зонтичных. Кроме того, обнаружены единичные пыльцевые зерна вербейника (*Lysimachia* sp.) и ежеголовника (*Sparganium* sp.)

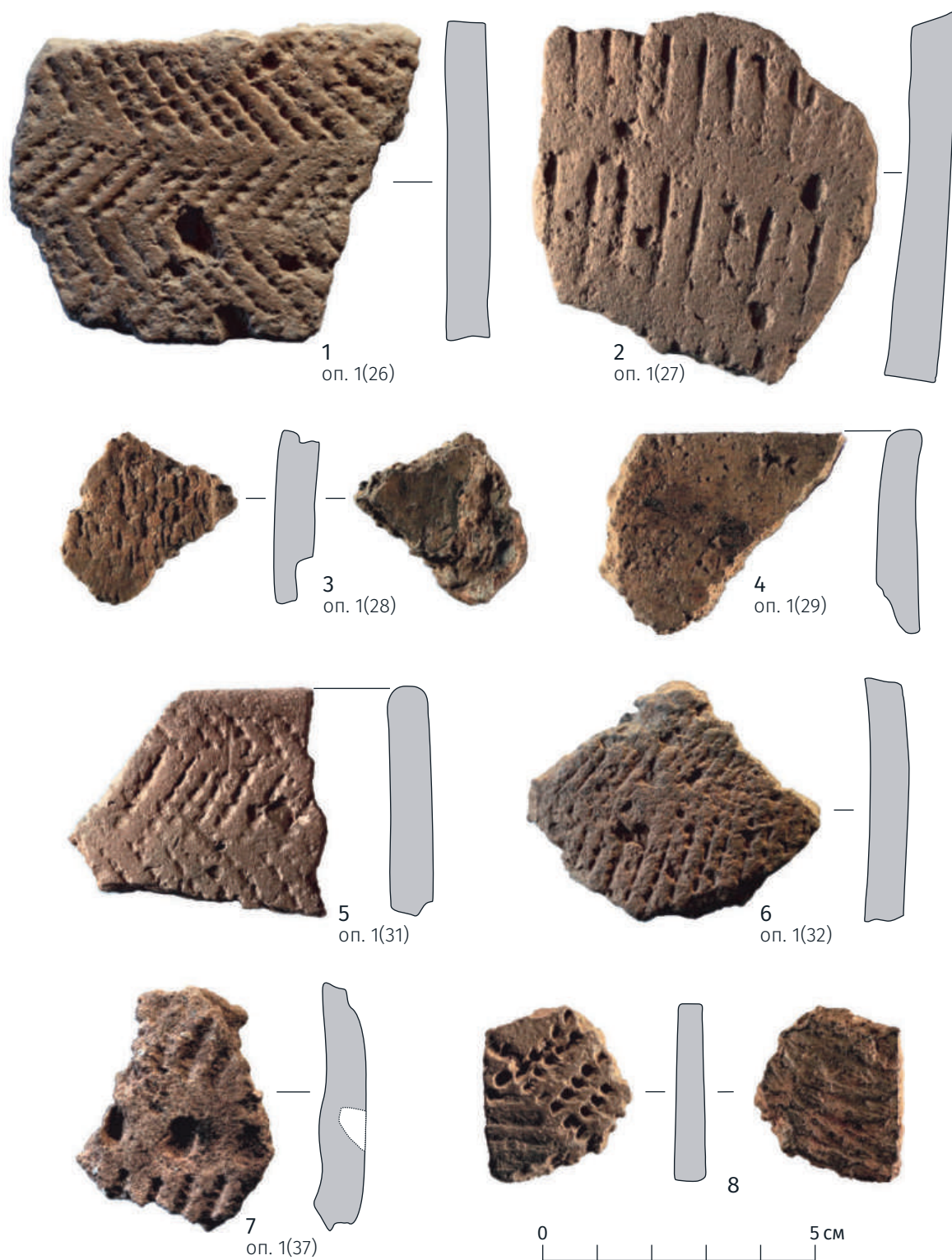
Среди споровой растительности, как и прежде, доминируют папоротникообразные — от 62,3 до 100%. Содержание сфагновых и зеленых мхов колеблется от 5,4 до 23,7% и от 2 до 24,5% соответственно. По-прежнему в незначительных количествах присутствуют споры плаунов.

Палинозона VI (SB_1) — раннесуббореальное время (интервал глубин 1,35–1,25 м) — характеризуется падением кривой березы и сближением спектров всех древесных пород, на фоне чего явно просматривается доминирование пыльцы ели. Содержание пыльцы березы минимально по всему разрезу (8,6%), содержание ели, напротив, максимально (51%). Вместе с тем несколько возрастает роль сосны. Кривая широколиственных пород колеблется на уровне от 9,6 до 13%. Их спектр по-прежнему представлен дубом, вязом и липой.

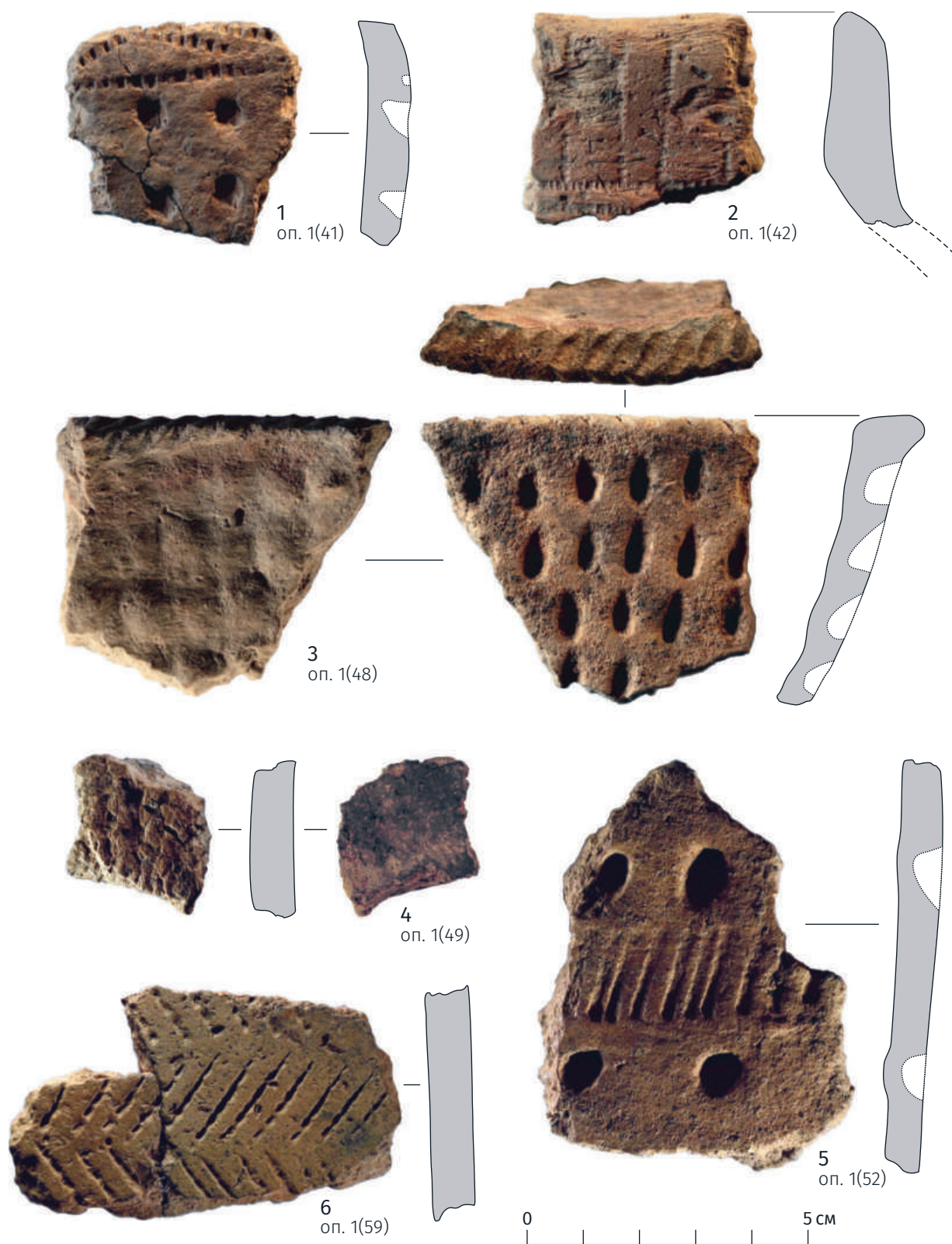
Рис. 47. Липно 2016 г. Шурф 1. Предметы из кремня и керамика эпохи неолита и бронзового века: 1 – кв. 1, серая супесь с угольками-2, отм. -468; 2 – кв. 2, пл. 2, отм. -404; 3 – кв. 2, поверхность серой супеси с угольками-2, отм. -438; 4 – кв. 2, поверхность серой супеси с угольками-2, отм. -437; 5 – кв. 1, серая супесь с угольками-2, отм. -476; 6 – кв. 2, серая супесь с угольками-2, отм. -448; 7 – кв. 1, серая супесь с угольками-2, отм. -459; 8 – кв. 1, серая супесь с угольками-2, отм. -468; 9 – кв. 1, серая супесь с угольками-2, отм. -453; 10 – кв. 1, серая супесь с угольками-2, отм. -468; 11 – кв. 1, серая супесь с угольками-2, отм. -469

Рис. 48. Липно 2016 г. Шурф 1. Керамика эпохи неолита (1, 2, 4-7) и бронзового века (3, 8): 1 – кв. 1, серая супесь с угольками-2, отм. -469; 2 – кв. 1, серая супесь с угольками-2, отм. -479; 3 – кв. 1, серая супесь с угольками-2, отм. -461; 4 – кв. 1, серая супесь с угольками-2, отм. -463; 5 – кв. 1, серая супесь с угольками-2, отм. -464; 6 – кв. 1, серая супесь с угольками-2, отм. -466; 7 – кв. 2, серая супесь с угольками-2, отм. -456; 8 – кв. 1, поверхность серой супеси с угольками-2

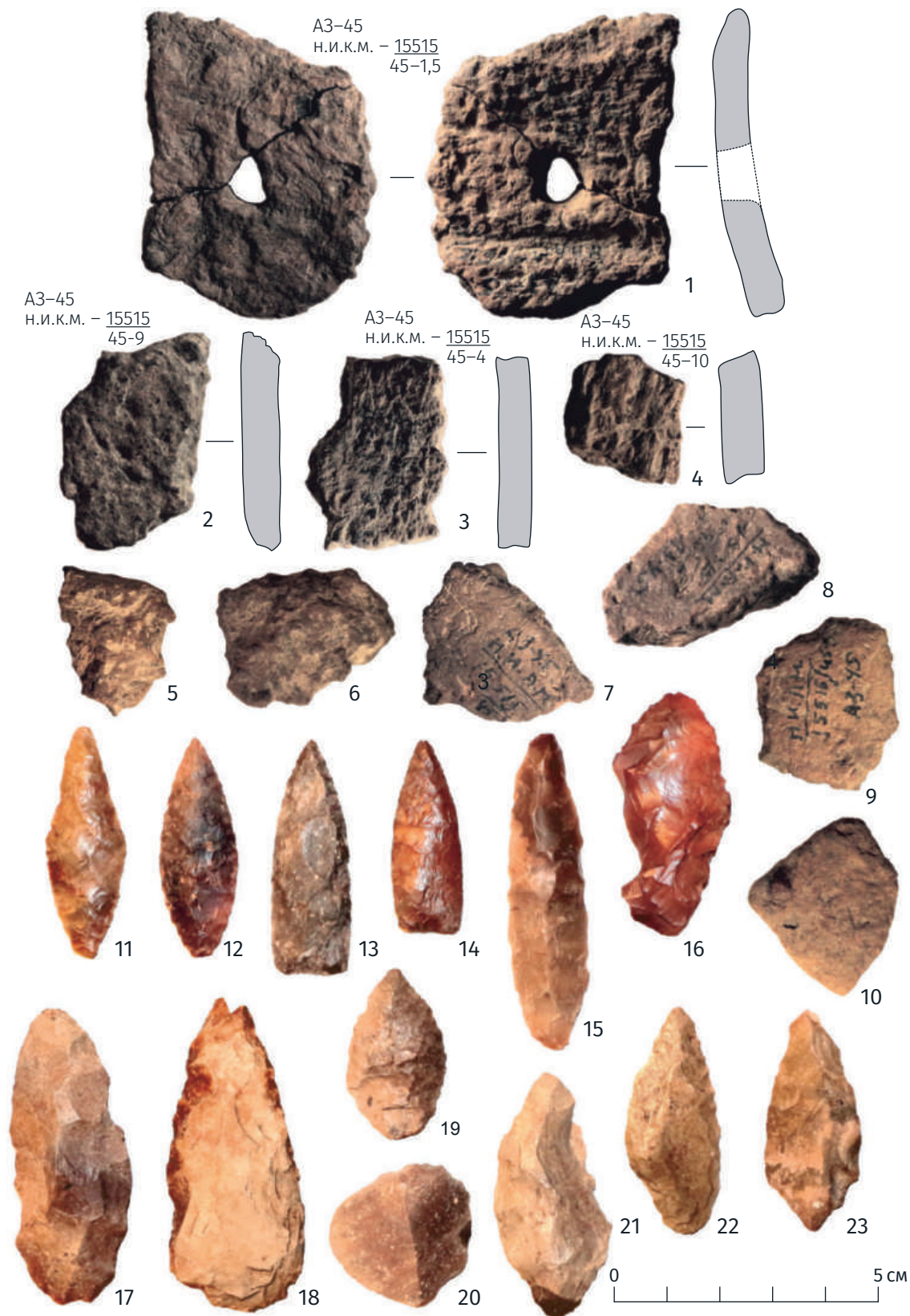

Рис. 49. Липно 2016 г. Шурф 1. Керамика эпохи неолита и бронзового века: 1 — кв. 2, серая супесь с угольками-2, отм. -451; 2 — кв. 2, серая супесь с угольками-2, отм. -448; 3 — кв. 2, серая супесь с угольками-2, отм. -459; 4 — кв. 2, серая супесь с угольками-2, отм. -456; 5 — кв. 2, серая супесь с угольками-2, отм. -456; 6 — кв. 1, серая супесь с угольками-2, отм. -468

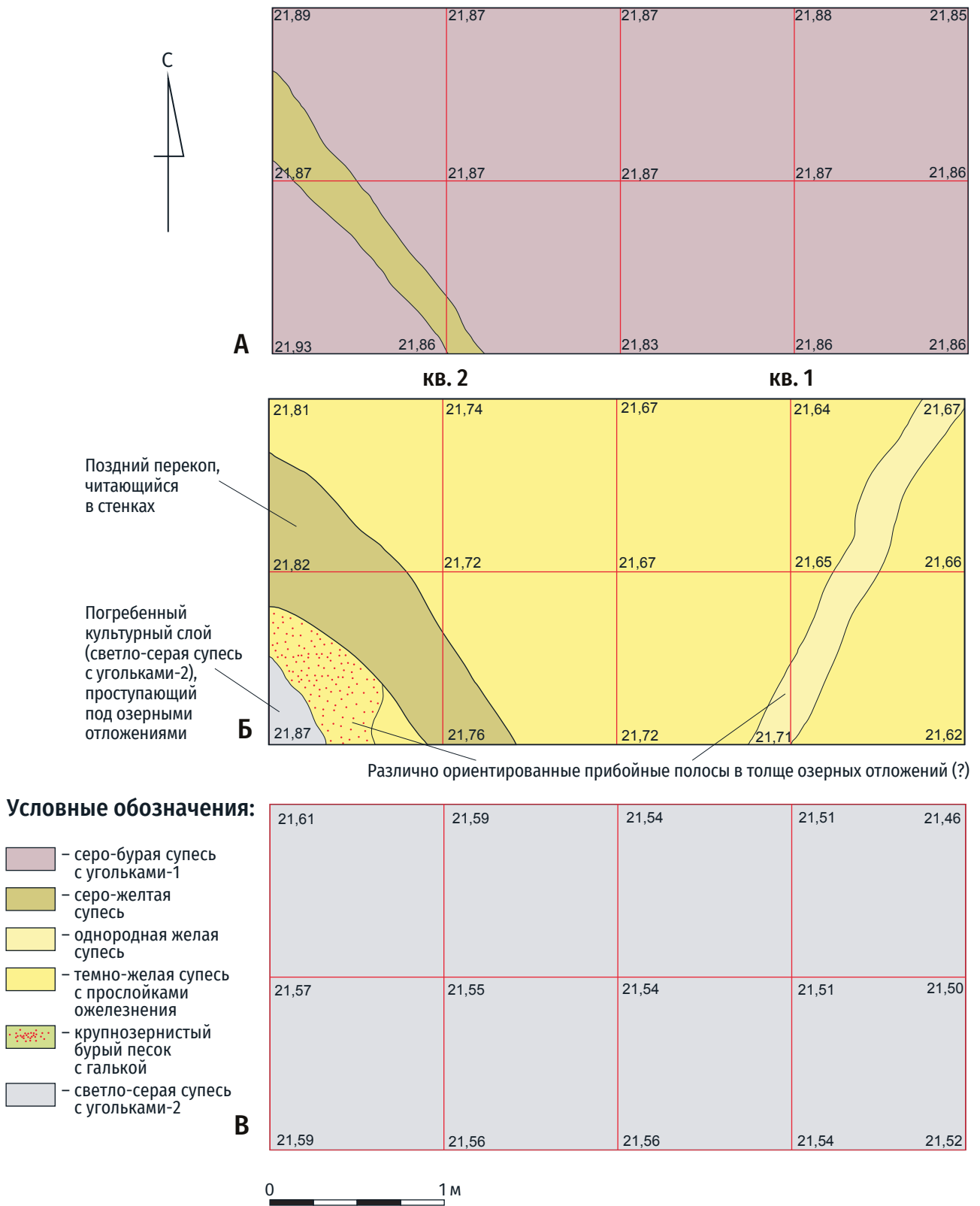
Рис. 50. Липно 2016 г. Шурф 1. Керамика эпохи неолита и бронзового века: 1 – кв. 1, серая супесь с угольками–2, отм. -463; 2 – кв. 1, серая супесь с угольками–2, отм. -464; 3 – кв. 1, серая супесь с угольками–2, отм. -458; 4 – кв. 2, серая супесь с угольками–2, отм. -464; 5 – кв. 2, серая супесь с угольками–2, отм. -466; 6 – кв. 2, серая супесь с угольками–2, отм. -463; 7 – кв. 1, кострище, отм. -466; 8 – кв. 2, серая супесь с угольками–2, северная стенка шурфа

Рис. 51. Фрагменты лепной текстильной керамики с примесью органики и шамота в тесте из сборов М. М. Аксенова на северном берегу Большого Аркажского залива озера Ильмень в октябре 1961 г. Внизу — кремневые орудия с той же стоянки. Коллекция НГОМЗ 15515

Рис. 52. Липно 2016. Шурф 1. А – поверхность серо-бурой супеси с угольками-1. Контекст 6 (культурный слой Никольского монастыря XIII – XVI вв.). Б – поверхность темно-желтой супеси с прослойками ожелезнения под культурным слоем Никольского монастыря. Контекст 7 (отложения трансгрессии 1). В – поверхность слоя светло-серой супеси с угольками-2 (контекст 8)

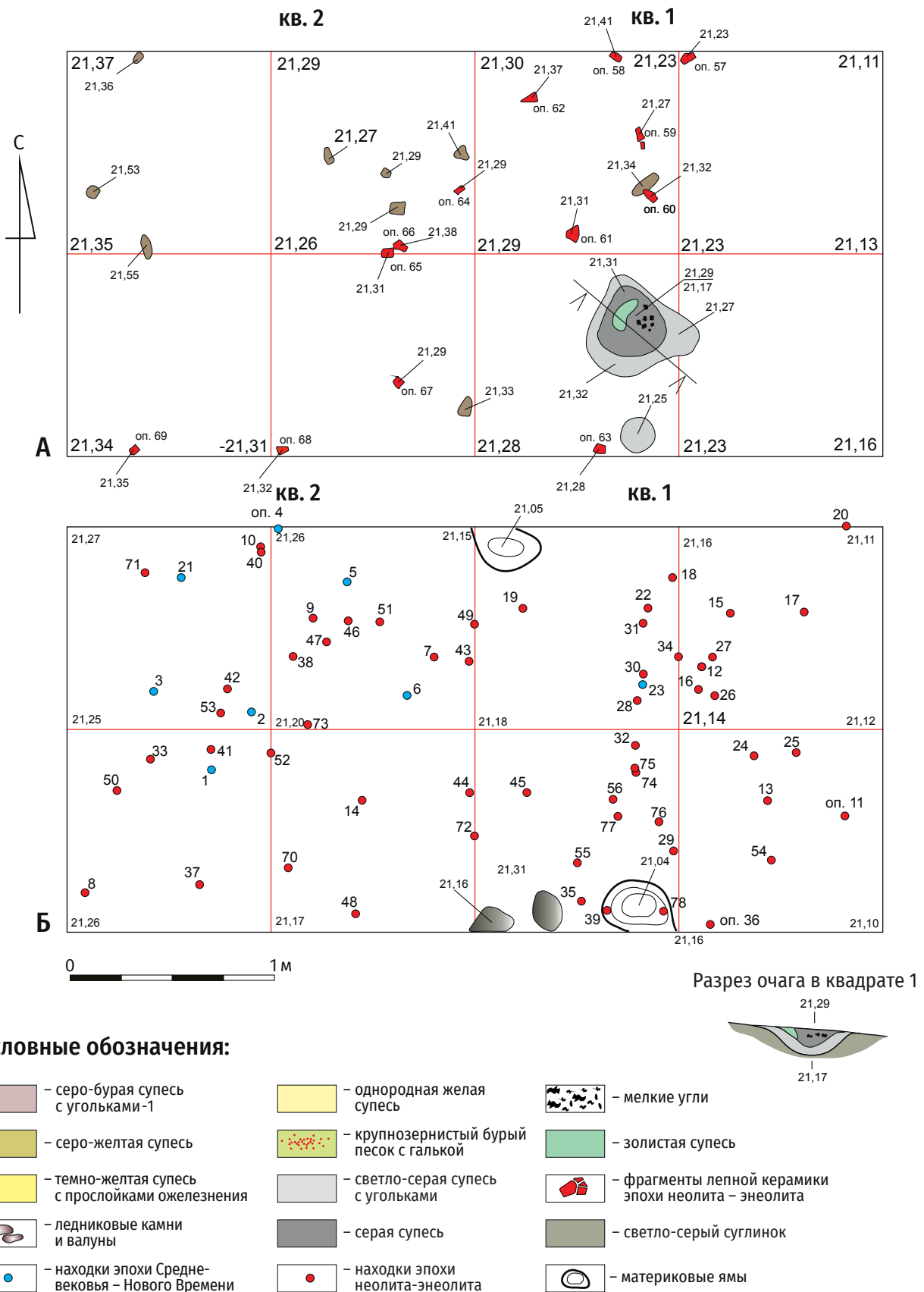

Рис. 53. Липно 2016. Шурф 1. Культурные напластования. А – находки и объекты, выраженные в масштабе чертежа, в контекстах 8 и 9. Б – нивелировка поверхности материка и топография индивидуальных находок (номера по описи)

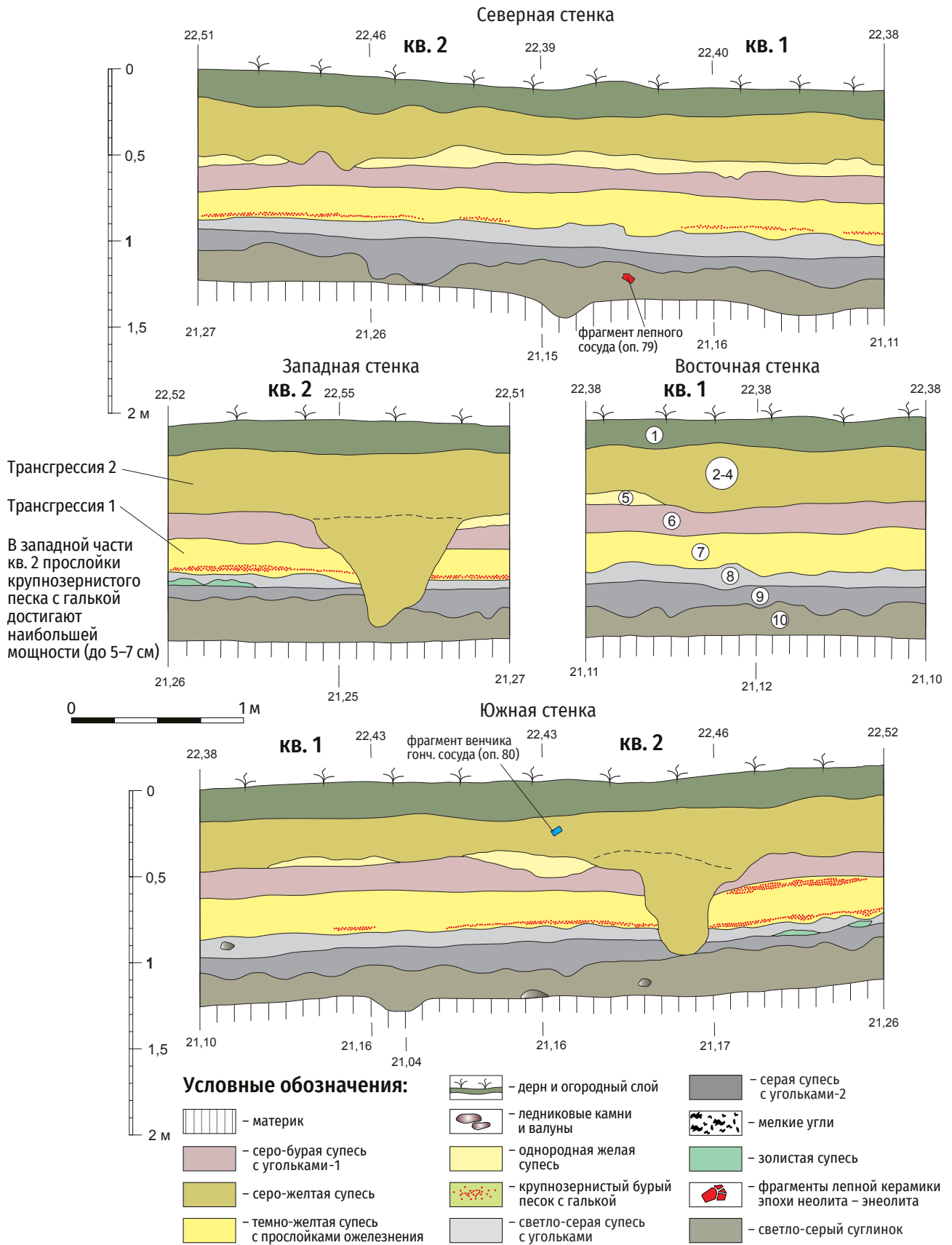

Рис. 54. Липно 2016. Шурф 1. Профили стенок. На профиле восточной стенки выделены номера наиболее важных для понимания археологии поймы контекстов, соответствующих табл. 16 в тексте

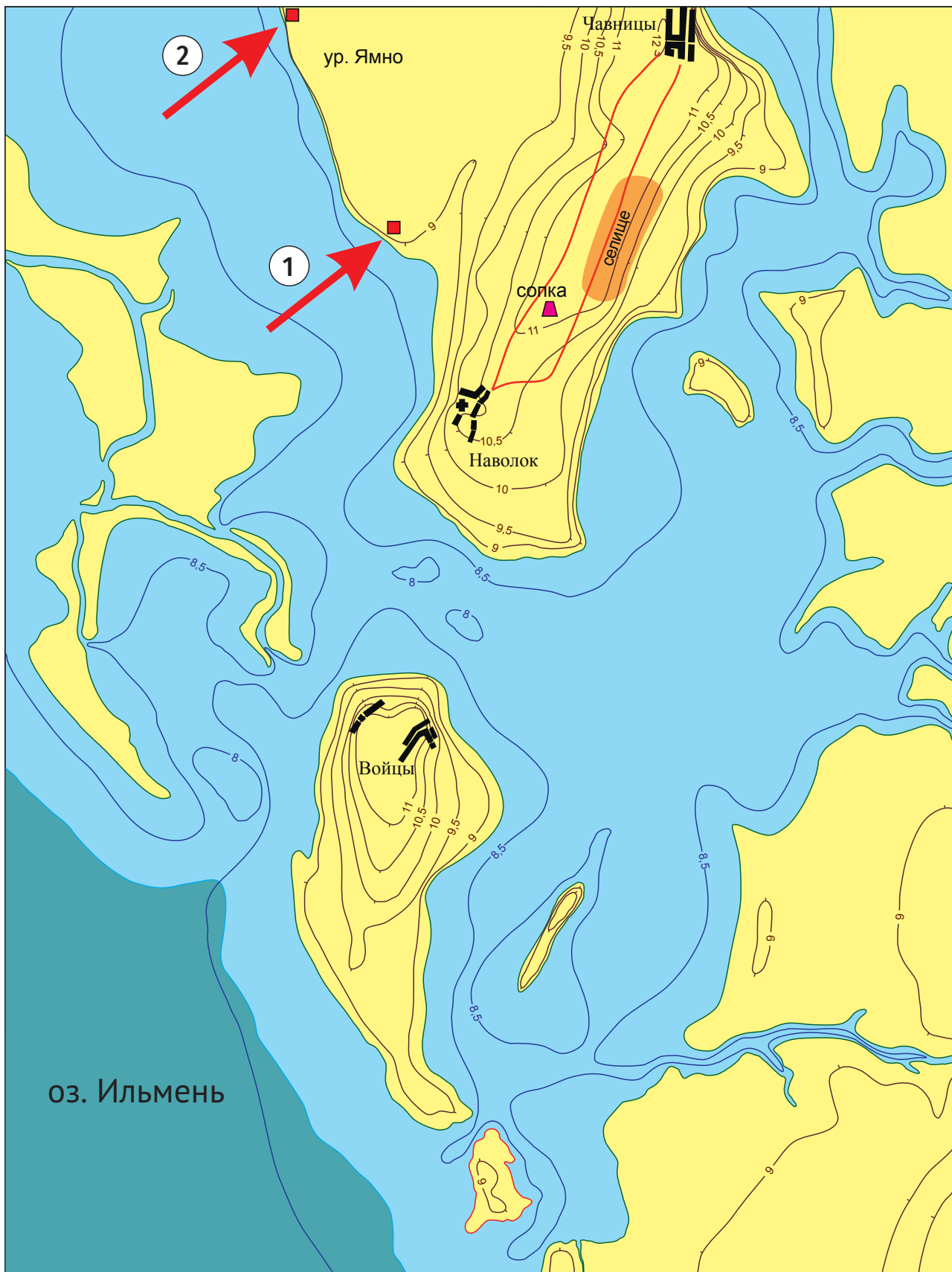

Рис. 55. Липно 2016 г. Шурф 1. Изделия из медного сплава (1–3) и железа (4–8). 1– игла подковообразной фибулы; 2 – орнаментированный предмет; 3 – обойма рукоятки ножа (?). 1 – серая супесь с угольками–2, отм. -456; 2 – серая супесь с угольками–2, отм. -442; 3 – пласт 1, отм. -372; 4 – кв. 2, пласт 1, отм. -373; 5 – кв. 2, пласт 1, отм. -369; 6 – кв. 2, пласт 1, отм. -368; 7 – кв. 2, пласт 2, отм. -404; 8 – кв. 2, пласт 2, отм. -406

Рис. 56. Липно 2016. Шурф 1. Образцы массовых находок, характеризующих литологические горизонты разреза: 1 – фрагмент лепного орнаментированного сосуда с примесью дресвы раннего железного века или эпохи Средневековья из верхнего переотложенного слоя; 2 – фрагмент гончарного белостенного сосуда из верхнего горизонта серо-желтой супеси озерного происхождения; 3–5 – фрагменты древнерусских гончарных сосудов из верхнего горизонта серо-желтой супеси ; 6 – фрагмент лепного сосуда с текстильной поверхностью и органической примесью в тесте из слоя серой супеси с угольками-1; 7 – фрагмент лепного сосуда с примесью дресвы в тесте из слоя серой супеси с угольками-1; 8–10 – фрагменты древнерусских гончарных сосудов из слоя серой супеси с угольками-1; 11 – фрагмент древнерусского гончарного сосуда из верхней части слоя серой супеси с угольками-2; 12–13 – фрагменты древнерусских гончарных сосудов с поверхности слоя серой супеси с угольками-2; 14 – фрагмент лепного сосуда с примесью дресвы в тесте из слоя серой супеси с угольками-2; 15 – кремневое орудие на пластине из слоя серой супеси с угольками-2

Рис. 57. Фрагмент карты «Озеро Ильмень и его пойма», составленной по данным исследований Отдела изысканий Волховского строительства в 1923 году. Масштаб 1 : 25 000. Лист II (прорисовка И. И. Еремеева). Абсолютные высотные отметки на горизонталях указаны в сажнях. 1 – разрез Наволок; 2 – разрез Ямно

Общая сумма травянистых растений невелика и колеблется в узких пределах — от 9,5 до 9,8%. Доминируют, как и прежде, осоковые. В значительных количествах представлены следующие семейства: розоцветные, лютиковые, злаковые. Увеличивается роль крестоцветных и зонтичных. Вместе с тем, участие представителей семейств гречишных и сложноцветных в спектрах заметно сокращается.

Споровые растения представлены преимущественно папоротникообразными и незначительным количеством сфагновых и зеленых мхов.

Палинозона V (SB_2) — среднесуббореальное время (интервалы глубин 1,25–0,95 м). В спектрах данного периода вновь доминирует береза. Ее содержание варьирует от 32,8 до 59,5%. Кривые пыльцы остальных древесных пород сближены и колеблются на уровне 6–20%. Суммарное участие в спектрах пыльцы широколиственных пород все еще велико (5,9–12,8%).

Роль травянистых в общем составе растений сокращается, причем в пределах этой группы все еще превалирует пыльца осоковых (22–68%). Несколько возрастает, по сравнению со спектрами раннесубатлантического времени, значение злаковых, зонтичных, розоцветных и лютиковых. На прежнем уровне остается содержание пыльцы гречишных, а количество пыльцы сложноцветных сокращается. В единичных количествах обнаружены пыльцевые зерна бобовых, гвоздичных, крестоцветных, а также ежеголовника и вахты (*Menyanthes* sp.).

Споровая растительность по-прежнему не отличается разнообразием. Доминируют, как и раньше, папоротникообразные, хотя здесь их содержание минимально по всему разрезу — 40,7%.

Палинозона IV (SB_3) — позднесуббореальное время (интервалы глубин 0,95–0,80 м). Начало периода характеризуется преобладанием березы в спектре древесных пород (34,7%), однако постепенно содержание березы снижается до 13–16% и ведущую роль начинает играть ель. Одновременно с этим возрастает роль сосны в спектрах (до 22%), а суммарное участие широколиственных пород, наоборот, сокращается до 9%.

Травянистые растения в спектрах общего состава становятся несколько заметнее, их максимальное содержание достигает 17,9%. Видовой состав остается практически таким же, как и в среднесуббореальное время. По-прежнему преобладают представители семейства осоковых, но одновременно на этом фоне возрастает роль злаковых трав.

В двух образцах этой зоны (глубины отбора 0,85 м и 0,90 м) обнаружены пыльцевые зерна, которые можно диагностировать как cf. *Triticum* (пшеница) (до 2,3%). Значительно снижается содержание лютиковых, гречишных и розоцветных. В очень малых количествах зафиксированы пыльцевые зерна ежеголовника и частухи (*Alisma* sp.). Пыльцевые зерна

представителей семейств бобовых, крестоцветных/капустных, сложноцветных и зонтичных обнаружены единично.

Довольно велико суммарное значение споровых растений (до 24%). Однако их спектр по-прежнему представлен папоротникообразными с небольшим участием сфагновых и зеленых мхов. Кроме того, присутствуют споры, диагностируемые как хвощ (*Equisetum* sp.).

Палинозона III (SA_1) — раннесубатлантическое время (интервалы глубин 0,80–0,65 м). Для пыльцевых спектров древесных пород этого времени характерно преобладание ели, хотя ее содержание постепенно снижается. Одновременно заметно увеличивается роль березы и немного — роль сосны. Продолжает сокращаться участие пыльцы широколиственных пород. Их значения колеблются на уровне 3,5–6,7%.

Суммарное участие травянистых растений в палиноспектрах общего состава сокращается до 12%. Сокращается и роль осоковых и лютиковых. Содержание первых достигает здесь своего минимума по всему разрезу — 10% (от состава травяно-кустарничковых растений). Вместе с этим увеличивается роль розоцветных, сложноцветных (а именно — полыни) и зонтичных. Значения гречишных и злаковых остаются по-прежнему высокими. Выявлены пыльцевые зерна вахты трехлистной (*Menyanthes trifoliata*) и дербенника иволистного (*Lythrum salicaria*). Обнаружены пыльцевые зерна, которые можно диагностировать как cf. *Triticum* sp. — пшеница (до 7,2%) и cf. *Secale* sp. — рожь (до 3,4%). Кроме того, обнаружены единичные зерна крапивы (*Urtica* sp.).

Среди споровой растительности заметно снижается содержание папоротникообразных и сфагновых мхов, а роль зеленых мхов, наоборот, возрастает. Зарегистрированы споры хвоща.

Палинозона II (SA_2) — среднесубатлантическое время (интервалы глубин 0,65–0,35 м). В спектрах древесных пород резко возрастает содержание березы (до 54%). Наряду с этим заметно снижается участие в палиноспектрах ели и сосны. Значения суммы широколиственных пород не превышают 6,2%. Зафиксированы единичные пыльцевые зерна представителей семейств жимолостные (*Caprifoliaceae* Juss.) и крушиновые (*Rhamnaceae* Juss.).

Участие в спектрах общего состава травянистых растений несколько возросло и составляет от 9,3 до 14,4%. Осоковые постепенно уступают лидирующие позиции злакам, лютиковым и розоцветным. На глубине 0,60 м обнаружено пыльцевое зерно, которое можно диагностировать как рожь. В единичных количествах обнаружены пыльцевые зерна крапивы, полыни, а также представителей семейств бобовые, гречишные, зонтичные, вересковые (*Ericaceae* Juss.) и кипрейные (*Onagraceae* Juss.).

Суммарное значение споровой растительности несколько сокращается и варьирует в пределах 2,8–10,5%. По-прежнему доминируют папоротникообразные. Значительно сокращается участие в палиноспектрах зеленых мхов, и вместе с этим возрастает роль сфагновых мхов.

Одновременное увеличение роли злаковых трав и сокращение роли споровой растительности в общих спектрах, скорее всего, свидетельствует о том, что климат стал несколько суше.

Палинозона I (SA_3) — позднесубатлантическое время (интервалы глубин 0,35–0,01 м). В спектрах древесных пород доминирует кривая сосны. Наряду с этим сокращается содержание березы, а роль ели возрастает. Сумма широколиственных пород в спектрах этого времени не превышает 3,2–6,2%. В нескольких образцах обнаружены пыльцевые зерна, которые можно диагностировать как лиственницу (cf. *Larix*).

Общая сумма травянистых пород остается на том же уровне и составляет 9,3–14,4%. На этом фоне увеличивается количество представителей семейства осоковых, сложноцветных, гречишных, а также значительно возрастает роль пыльцы злаков. Среди пыльцы злаковых трав имеются зерна, диагностируемые нами как пшеница (до 4,8%) (глубины — 0,05; 0,10; 0,20 и 0,30 м) и единичные зерна ржи (на глубине 0,05 и 0,25 м).

Наряду с этим заметно снижается содержание пыльцы розоцветных и лютиковых. Пыльцевые зерна представителей следующих семейств: вересковые, зонтичные, гвоздичные, маревые, бобовые и крестоцветные, а также губоцветные (*Lamiaceae* Martinov) обнаружены в единичных количествах.

Спектры споровых растений по-прежнему представлены преимущественно папоротникообразными с участием сфагновых и зеленых мхов, а также плаунов.

Результаты проведенного исследования позволяют заключить, что при определенном элементе локальности, диаграмма отражает общерегиональные особенности развития растительности и ландшафта Бронницкого участка. Небольшое количество пыльцевых зерен культурных растений, которое нам удалось обнаружить, дает основание полагать, что уже в середине I тыс. до н. э. (конец суббореального (SB_3) — начало субатлантического (SA_1) периода), недалеко от болота Наволок существовало земледельческое поселение.

3.5.1.4.2. Изучение верхнего «пограничного горизонта» Наволокского торфяника

В средневековье торфонакопление в Наволоке прекратилось и на поверхности торфяника начал откладываться глинистый сапропель озерного происхождения. Это следует связывать с трансгрессией

озера Ильмень, обусловленной климатическими факторами. Исходными данными для датировки трансгрессии служили три обстоятельства. Во-первых, в слое сапропеля на спорово-пыльцевой диаграмме фиксируется сравнительное устойчивое присутствие культурных злаков — ржи и пшеницы. Бесспорные следы начала культивации ржи на Северо-Западе датируются VIII–IX вв. (Еремеев, Дзюба 2010: 361). В некоторых регионах Прибалтики следы начальной культивации ржи, по материалам СПА, также отнесены ко времени около 850 г. (Brown, Pluskowski 2013: 36). Есть, однако, и данные, значительно удревняющие самостоятельное введение ржи в севооборот. Для Эстонии, исследователи считают возможным говорить о VI в. (Poska, Saarse, Veski 2004: 47; Tvaauri 2012: 104).

Во-вторых, для верхнего горизонта торфа, погребенного озерными отложениями в Наволоке, получена радиоуглеродная датировка: 1420±70 BP (Le-6719), давшая при калибровке интервал: 540–680 AD (1σ).

В-третьих, большие возможности для датировки изменений гидрологического режима Ильменя в поздней субатлантике дает верхний «пограничный горизонт» Наволокского торфяника — прослойка сильно разложившегося торфа с крупными древесными остатками, лежащая в диапазоне глубин 0,33–1,00 м от поверхности, т. е. на отметках порядка 18,5 м БС, сразу же под слоем озерных отложений. Среди древесных стволов попадаются огромные экземпляры до 0,7 м в поперечнике (рис. 58)¹²².

Эта прослойка отмечена еще М. М. Юрьевым, первым исследователем Наволокского торфяника: «Здесь же у с. Наволок, к N, в 100–150 мтр., в 1920 г. (маловодный год) нам было указано жителями хорошее обнажение древнего «древесного» торфа. На глубине 100–125 см, под заболоченным наносом, среди черного торфа можно было видеть много стволов деревьев, с хорошо сохранившейся корой» (Юрьев 1927: 249). Погибший лес он соотнес с «древесными» горизонтами других торфяников в дельте Мсты, фиксирующимися на глубине около 0,5–1 м (Юрьев 1927: 243–247, 249). Кроме того, аналогичные горизонты выявлены в торфяниках дельты Ловати и близ устья р. Шелони (Юрьев 1927: 220, 247). Подобные «пограничные горизонты» в торфяниках исследователи давно связали с вековыми сухими климатическими периодами (Сукачев 1973: 208–213). Ландшафтная ситуация, соответствовавшая этому периоду на Ильмене, М. М. Юрьевым охарактеризована так:

¹²² «Пограничный горизонт» в данном случае — абстрактное обозначение сильно разложившегося торфа с древесными остатками, а не традиционно выделявшейся в первой половине XX в. горизонт погребенных лесов суббореала и субатлантики (о таком расширенном употреблении термина см.: Хотинский 1981: 34–36).

«Существовавший здесь некогда водный бассейн не только сократился в размерах, но совершенно исчез, уступив свое место древесной и травяной растительности, пышно развившейся на речных и озерных отложениях. <...> Торфяники нижнего течения реки Мсты в этом отношении представляют собою ту же самую историю развития. Нередко, согласно приводимым данным, мы встречаемся с дубовыми насаждениями в пойме реки Мсты, встречаемся и со случаями усыхания реки, в связи с общим понижением уровня вод в момент потепления климата. Наконец, погибают пойменные дубравы под напором развивающихся процессов заболачивания, и на месте их возникают травяно-осоковые болота, развиваются значительной мощности торфяники, которые, благодаря все повышающемуся уровню вод в Ильменском бассейне, перекрываются аллювиальными отложениями, оставаясь погребенными под ними до настоящего времени» (Юрьев 1927: 248).

Заращение торфяников поймы Мсты М. М. Юрьев соотносил с суббореальным периодом, а гибель лесов — с субатлантическим (Юрьев 1927: 248, 249).

В 2008 г. из верхнего «пограничного горизонта» Наволокского торфяника были отобраны два древесных ствола на радиоуглеродный анализ. Из каждого ствола было взято по два образца, по которым строилась затем комбинированная дата (табл. 19). Таким образом, были получены две близкие датировки: 1181 ± 30 BP, давшая при калибровке интервал 750–900 AD (1 σ), и 1003 ± 21 BP, давшая интервал 1000–1050 AD (1 σ) (рис. 60: 2, 3). В целом, картина получилась достаточно непротиворечивая. Высокоствольный лес с хорошо развитыми, иногда в несколько обхватов, деревьями, покрывавший Наволокский торфяник в последней четверти I тыс. н. э., в своей береговой части рос (в момент гибели) на высотных отметках примерно 18,5 м БС. Это нельзя не связать с сухим климатическим периодом, длившимся достаточно продолжительное время. Торфяник в этот период, несомненно, сильно высох, поверхность его осела и уплотнилась. Ежегодная усадка торфа при осушении торфяных почв составляет 1–2 см (Наумов 2008: 110). Огромные деревья чувствовали себя здесь в этот период так же хорошо, как и на минеральном грунте.

Реконструируемая нами для VII–IX вв. высота уровня воды в озере (около 16 м БС) создавала на торфянике вполне комфортные условия для лесной растительности. В IX–X вв. в результате подъема воды в озере деревья погибают. Упавшие стволы вдавливаются в уплотненный торф более раннего времени (отсюда запаздывание датировок древесины по отношению к датировке верхнего горизонта торфяника). В X–XI вв. на фоне интенсификации земледелия (отложения пыльцы ржи в спектрах) трансгрессия продолжается, и торфяник заносит озерными отложениями.

О следах ладожской трансгрессии в Наволоке.

Древнейшая дата разреза получена с отметки ок. 17,5 м БС: 3270 ± 35 BP (Ле-6723). Следов ладожской трансгрессии в виде сколько-нибудь заметной прослойки озерных отложений в разрезе не было зафиксировано вовсе. Пока трудно сказать, чем можно это объяснить. Возможно, обследованный участок торфяника был в это время изолирован от озера какими-нибудь несохранившимися береговыми валами. Кажется, будь уровень ладожской трансгрессии на Ильмене выше 21 м БС, он не мог бы не отразиться на наволокомском разрезе. Вряд ли можно представить какие-то формы рельефа высотой более 2 м, отделявшие торфяник от озера. Следует учитывать и возможную усадку торфа в последующее засушливое время, когда на этом месте рос лес.

С некоторым подъемом воды, обусловленным ладожской трансгрессией, здесь можно предположительно связывать разве что прослойку торфа с примесью песка на глубине 0,65–0,80 м (отметка около 18,5 м БС). Датировка этой прослойки определяется двумя датами BP: снизу — 2680 ± 100 (Ле-6999), сверху — 2180 ± 140 (Ле-7000) (табл. 17, 18).

Картину, полученную в южной части наволокомского торфяника, дополняет второй разрез, сделанный в северной части торфяника на рыболовецкой стоянке в ур. Ямно.

3.5.1.5. Стоянка Ямно (споро-пыльцевые исследования О. В. Кочубей и О. Ф. Дзюба)

Стоянка располагается на мысу восточного берега оз. Ямно (рис. 57). Сейчас озеро представляет собой залив Ильмена, в который с севера впадает ручей Ямненский, берущий начало возле южного подножия Бронницкого городища. Расстояние от стоянки до городища составляет 6,2 км (рис. 61). Ближайшее раннесредневековое поселение (с ним связана сопка в ур. Ямно) находилось в 3 км к северо-западу от стоянки. На стоянке на берег выходит зимник, идущий на запад от д. Чавницы. На берегу озера в обнажении сапропеля возле уреза воды встречены фрагменты гончарной древнерусской и позднесредневековой керамики, обожженные и колотые очажные камни, а также два каменных оселка (рис. 62). В прибрежных размывах в сапропеле зафиксированы колышки от каких-то легких сооружений. Очевидно, на этом месте еще с древнерусского времени располагались рыболовецкие и охотничьи стоянки.

Не исключено, что колышки остались от рыболовецких заколов, перегораживавших ручей Ямненский. Подобные сооружения хорошо известны в древностях железного века Русского Севера первой половины — середины I тыс. н. э. (Буров 1969: 132; 1984: 148–152). У финно-угров такие конструкции практически без изменений бытуют с эпохи неолита до этнографической современности (Koivisto, Nurminen 2015: 60). На Ильмене заколы археологами не исследовались,

Рис. 58. Наволокский торфяник 2008 г. Погребенная древесина в верхних пластах отложений. Ствол огромного дерева сохранился только в нижней своей части, погрузившейся после падения в торфяник. Верхняя часть упавшего ствола возвышалась над его поверхностью и полностью разрушилась. 1 – толща озерно-аллювиальных отложений (торфянистый сапрпель); 2 – первоначальный диаметр погребенного древесного ствола

но множество их обнажается при спаде воды на протоках Мстинской дельты. Несомненно, часть из них относится к глубокой древности (табл. 20).

Разрез на стоянке Ямно располагается на береговой площадке в 24 м от уреза воды и в 74 м от вышеупомянутого места скопления гончарной керамики (рис. 64). Высота заложения разреза, судя по карте Отдела изысканий Волховского строительства 1923 г., лежит на отметке 19,2 м БС (Озеро Ильмень 1923). Шурф имел размеры 1 × 2 м. За условный ноль принята поверхность площадки. Образцы отбирались из северной стенки шурфа монолитом в металлические контейнеры размерами 10 × 10 × 50 см по вышеописанной методике. Затем блоки нумеровались и обматывались пленкой. Дальнейшая работа с ними происходила в лабораторных условиях.

Спорово-пыльцевые исследования. По разрезу была построена спорово-пыльцевая диаграмма (рис. 63), позволившая проследить эволюцию растительного покрова урочища, начиная с суббореального времени (SB).

Палинозона V (SB₁₋₂), (2,0–1,5 м), нижняя по разрезу, соответствует раннему – среднему суббореалу и характеризуется преобладанием пыльцы древесно-кустарниковой группы растений (до 91%), в пределах которой доминирует пыльца березы — до 63%, т. е. кривая березы образует здесь свой максимум. Кривые

остальных пород сближены и колеблются на уровне 4–28% от общего числа древесных растений. Так, среднее содержание пыльцы ольхи не превышает 23%, ели — 28%, сосны — 12%. Суммарная кривая пыльцы широколиственных пород колеблется на уровне 5–10%. Кустарниковые растения представлены преимущественно пыльцевыми зернами представителей родов ива (*Salix* sp.) — до 8% и лещина (*Corylus* sp.) — до 7%.

В травяно-кустарниковой группе растений преобладает пыльца представителей семейства осоковых (*Cyperaceae* gen. indet.) — до 69%. Достаточно часто встречаются пыльцевые зерна бобовых (*Fabaceae* gen. indet.) — до 26%, розовых (*Rosaceae* gen. indet.) — до 24%, злаковых трав (*Poaceae* gen. indet.) — до 20% и лютиковых (*Ranunculaceae* gen. indet.) — до 19%.

Среди споровых растений преобладают папоротникообразные (*Polypodiaceae* gen. indet.); их кривая образует здесь свой максимум и колеблется на уровне 76–100%. На этом фоне зарегистрированы единичные споры сфагновых мхов (*Sphagnum* sp.) и плаунов (*Lycopodium* sp.).

Палинозона IV (SB₃), (1,5–1,2 м) — поздний суббореал. В спектрах древесных пород этого времени преобладает пыльца ели. Ее содержание колеблется на уровне 33–50%, то есть кривая ели образует здесь свой максимум, что соответствует представлениям о заключительном этапе суббореального времени.

Табл. 18. Радиоуглеродные датировки торфяника у д. Наволок (2004). Выделены датировки, полученные по фрагментам древесины. Калибровка производилась в программе OxCal v3.9

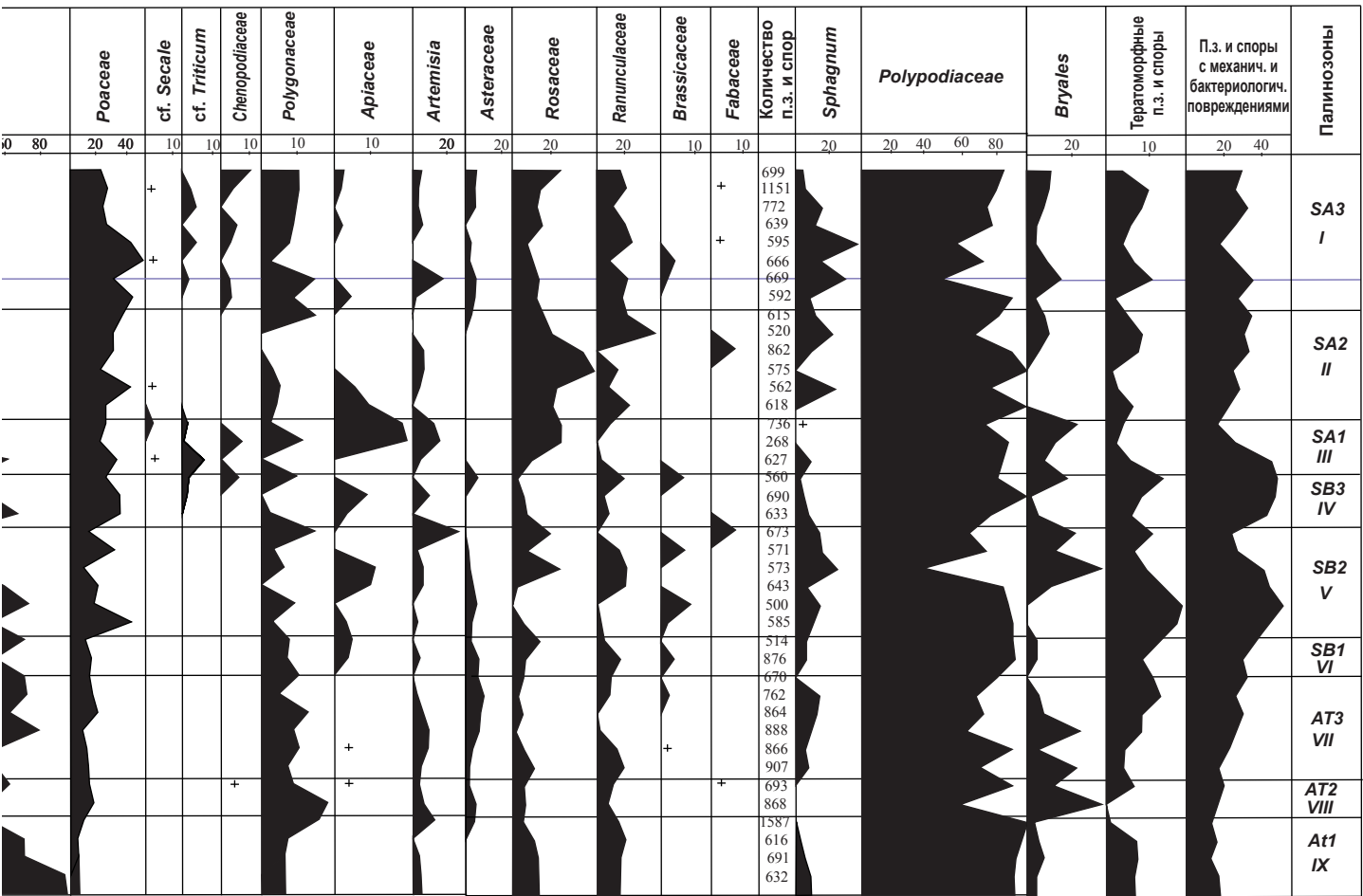
№	Индекс образца	Глубина отбора от поверхности, см	Материал	Радиоуглеродный возраст, ВР	Калиброванный возраст 1σ	Калиброванный возраст 2σ
1	Ле-6719	34	Дерево, ветка	1420±70	540AD (68.2%) 680 AD	430AD (92.0%) 730 AD 740AD (3.4%) 780 AD
2	Ле-7001	49-51	Торф	1600±90	340AD (4.6%) 370 AD 380AD (63.6%) 570 AD	250AD (95.4%) 650 AD
3	Ле-6720	54	Дерево, ветка	1890±40	60AD (49.1%) 140 AD 150AD (10.3%) 180 AD 190AD (8.8%) 220 AD	20AD (95.4%) 240 AD
4	Ле-7000	69-71	Торф	2180±140	390BC (68.2%) 50 BC	800BC (2.7%) 600 BC 550BC (92.7%) 150 AD
5	Ле-6999	89-91	Торф	2680±100	1000BC (68.2%) 760 BC	1150BC (95.4%) 500 BC
6	Ле-6998	109-111	Торф	2730±90	1000BC (0.9%) 990 BC 980BC (67.3%) 800 BC	1250BC (95.4%) 750 BC
7	Ле-6721	112	Дерево, ветка	2835±25	1010BC (39.3%) 965 BC 960BC (28.9%) 925 BC	1050BC (95.4%) 900 BC
8	Ле-6997	129-131	Торф	3420±140	1890BC (68.2%) 1520 BC	2150BC (95.4%) 1400 BC
9	Ле-6722	135	Дерево, ветка	3700±110	2280BC (4.5%) 2250 BC 2230BC (63.7%) 1920 BC	2500BC (95.4%) 1750 BC
10	Ле-6723	145	Дерево, ветка	3270±35	1610BC (68.2%) 1490 BC	1680BC (2.7%) 1650 BC 1640BC (92.7%) 1440 BC

Табл. 19. Радиоуглеродные датировки образцов древесины из верхней части Наволокского торфяника (2008)

№	Индекс образца	Глубина отбора от пов-ти, см	Материал	Радиоуглеродный возраст, ВР	Калиброванный возраст 1σ	Калиброванный возраст 2σ	Примечания (стратиграфия)
1	Ле-11226	32	Дерево. Внешние годовичные кольца	1020±25	950 AD (68,2%) 1050 AD	950 AD (94,0%) 1050 AD 1100 AD (1,4%) 1200 AD	Поверхность расколотого (?) вдоль (четвертинки) бревна лежит на глубине 20 см от границы озерных отложений и торфа
16	Ле-11227	32	Дерево. Внутренние годовичные кольца	960±40	1000 AD (68,2%) 1200 AD	950 AD (95,4%) 1200 AD	Поверхность расколотого вдоль (четвертинки) бревна лежит на глубине 20 см от границы озерных отложений и торфа
2	Ле-11228	33	Дерево (ель). Внешние годовичные кольца	1200±45	750 AD (68,2%) 900 AD	650 AD (95,4%) 1000 AD	Поверхность бревна лежит на 10 см ниже границы озерных отложений и торфа
26	Ле-11229	33	Дерево (ель). Внешние годовичные кольца	1165±40	750 AD (68,2%) 1000 AD	750 AD (95,4%) 1000 AD	Поверхность бревна лежит на 10 см ниже границы озерных отложений и торфа

леблется от 2 до 7%. Зарегистрировано постоянное присутствие единичных пыльцевых зерен ив.

Среди травянистых растений преобладают осоковые (до 82%), содержание пыльцы злаков в разных образцах колеблется от 4 до 26%, розовых — от 2 до 18%, лютиковых — от 4 до 13% (в том числе и василистника — *Thalictrum* sp.). Единично представлены пыльцевые зерна полыни (*Artemisia* sp.), гречишных — *Polygonaceae* Juss. (в том числе горца земноводного — *Polygonum amphibium* L.), бобовых (*Fabaceae* gen. indet.), дербенника (*Lythrum* sp.), подорожника (*Plantago* sp.).

Споровые растения по-прежнему представлены папоротникообразными (58–100%) и мхами (18–42%).

Палинозона I (SA₃), (0,64–0,0 м) — заключительный этап субатлантики. В палиноспектрах древесно-кустарниковой группы растений доминирующее положение занимает береза (до 50%). Спектры сосны, ели и ольхи сближены и колеблются на уровне 8–24%. Суммарная кривая широколиственных пород по-прежнему стабильна и колеблется на уровне 4–9%. В этой группе наиболее широко представлен вяз (до 6%). Его кривая стабильна. Кривые ясеня, граба, липы и дуба дискретны или представлены единичными пыльце-

выми зернами. Кустарники представлены пыльцой ив и лещины (около 5% каждый таксон).

Пыльца травянистых растений характеризуется максимальным по разрезу разнообразием таксонов (осоковые, розоцветные, бобовые, вересковые, губоцветные, лютиковые, зонтичные, гвоздичные, спарганиевые (*Sparganium* sp.), вахтовые (*Menyanthes trifoliata* L.), маревые и сложноцветные (в том числе полыни). Тем не менее, здесь по-прежнему преобладает пыльца осок (до 54%) и злаков (до 35%). Особенно важно, что именно в спектрах этого времени зарегистрированы пыльцевые зерна культурных злаков (или как минимум похожие на них).

Пыльцевые зерна, которые мы диагностировали как «похожие на рожь» (cf. *Secale* sp.), зарегистрированы на глубинах 0,64–0,65 м, 0,46–0,45 м, 0,16–0,15 м и 0,06–0,07 м. Пыльцевые зерна, диагностированные как «похожие на пшеницу» (cf. *Triticum* sp.) удалось зарегистрировать только в одном образце, на глубине 0,20–0,21 м. Кроме того, на глубинах 0,64–0,65, 0,34–0,35, 0,09–0,10, 0,02–0,03 м обнаружена пыльца, диагностированная как «похожая на пыльцевые зерна культурных злаков» (cf. *Cerealia*).

В палиноспектрах из отложений этого времени установлено и присутствие пыльцевых зерен сеgetальных растений, таких как щавель (*Rumex* sp.), гречишка вьюнковая (*Polygonum convolvulus* L.)¹²³, гречиша (*Fagopyrum* sp.), подорожник (*Plantago* sp.), василек синий (*Centaurea cyanus* L.)¹²⁴, полынь (*Artemisia* sp.).

Споровые растения представлены, как и в предыдущих палинозонах, папоротникообразными (27–100%) и сфагновыми мхами (12–100%), только здесь мы видим, что мхи заметно потеснили папоротникообразные растения, в известной степени претендуя на роль доминанты среди споровых.

Описанная диаграмма, в целом, отражает общерегиональные особенности формирования растительности на территории исследования, хотя и содержит некоторые элементы локальности. Пыльцевые зерна культурных растений, которые удалось обнаружить в изученных образцах, дают возможность предположить, что жители близлежащих участков Бронницкой гряды начали заниматься земледелием лишь в начале заключительного этапа субатлантического времени (SA₃), при этом в культуру, вероятнее всего, активно вводилась рожь. Речь идет уже об эпохе Средневековья (это четвертый из выделенных нами периодов жизни на Бронницком городище). Следует обратить внимание и на наличие пыльцы сеgetальных растений (см. выше) в спектрах того же времени. Последнее также может указывать на наличие хозяйственной деятельности в районе исследования.

На фоне картины, полученной ранее для южной части Наволокского торфяника, панорама хозяйственной деятельности, нарисованная по разрезу в Ямно, выглядит достаточно скудно. Это обусловлено удаленностью разреза от мест, удобных для земледельческой деятельности в среднем на 1–2 км и расположением его в некогда сильно облесенной местности.

Трансгрессии Ильменя и радиоуглеродная хронология разреза Ямно. Образцы для радиоуглеродного датирования отбирались из стенки разреза с помощью голландского бура с ложкой внутренним диаметром 3 см. Помимо этого, три фрагмента древесных стволов были отобраны с глубины — 109–(-180). Всего по разрезу получено 11 радиоуглеродных датировок (8 по сапропелю и 3 по фрагментам березовых стволов).

Комплекс датировок в разрезе Ямно (табл. 20; 21) подчеркивает давно отмеченную палеогеографами

¹²³ Сорное в огородах, у жилья, по обочинам дорог, открытым берегам водоемов близ жилья (Иллюстрированный определитель 2000).

¹²⁴ Сорное на краях полей, огородах, обочинах дорог, мусорных местах (Атлас дикорастущих растений Ленинградской области 2010).

сложность в применении радиоуглеродного метода для анализа болотных отложений (Хотинский 1977: 8, 9). Особенности осадконакопления создали «обратную стратиграфию» датировок по сапропелю: молодые датировки тяготеют к средней и нижней частям разреза (Ле-10828, Ле-10829; Ле-10832, Ле-10833), а древние к верхней части (Ле-10826, Ле-10827).

Это можно объяснить тем, что вскрытая нами толща сформировалась в прибрежной части мелководного озера, где процесс накопления сапропеля шел одновременно с отложением торфа, частично намываемого из разрушаемых паводками береговых, возвышенных участков торфяника. Процесс образования таких отложений, имеющих промежуточный характер между сапропелем и торфом, описан в классической работе В. Н. Сукачева (Сукачев 1973: 110–112). Присутствие в разрезе прослоек, отложившихся не *in situ*, объясняют то, что разрез в Ямно не дал последовательной радиоуглеродной хронологии. Опираясь в Ямно следует на датировки древесины и сопоставление с литологической колонкой и радиоуглеродной хронологической шкалой разреза Наволок (2003, 2008 гг.) (табл. 21).

Судя по различиям в высотных отметках, стволы из шурфа в Ямно относятся к двум периодам, связанным с обсыханием болота и зарастанием его лесом (рис. 64)¹²⁵. Нижний горизонт погребенной древесины в разрезе Ямно, лежащий на отметках –1,55–1,80 м (отметка ок. 17,5 м БС), относится к суббореалу и датируется по радиоуглероду: 2540±90 ВР (Ле-10356) и 3050±40 (Ле-11164). Вероятно, это именно тот лес, который погиб, будучи затоплен водами ладожской трансгрессии. Напомню, что в разрезе Наволок этому погребенному лесу соответствует насыщенный песком горизонт на отметках –0,65–0,80 с датировками по торфу: 2180±140 ВР (Ле –7000) и 2680±100 ВР (Ле –6999)¹²⁶.

¹²⁵ Образец № 2 сохранил кору и определен в поле как береза. Принадлежность образцов № 1 и 3 определена в ВИРе Л. Ю. Шипилиной: древесина на срезе красноватобурая, без блеска. Хорошо просматривается рассеянно-сосудистая ткань. Годичные слои состоят из 2–4 слоев тонкостенных сплюснутых клеток волокнистых трахеид и клеток древесной паренхимы хорошо просматриваемых в радиальном направлении. На поперечном разрезе сердцевидные лучи заметны в виде многочисленных узких полосок и пятен более темного цвета. Сосуды одиночные или собраны в радиальные группы по 2–3. Просветы сосудов овальные, вытянутые в радиальном направлении, размеры средние. Анатомический материал свидетельствует о том, что оба образца принадлежат *Betula* sp. (*B. Pendula* или *B. Pubescens*). Видовое определение не представляется возможным, так как данные виды имеют сходное анатомическое строение древесины.

¹²⁶ Как видим, по нашим данным, максимум трансгрессии относится скорее к начальным этапам РЖВ.

Верхний горизонт представлен стволом березы (1) на глубине –1,09–1,25 м, т. е. на отметке ок. 18 м БС. Его датировка — 1490±40 ВР (Ле-11163) при калибровке дает интервал: 500 (68,2%) 650 AD (1σ). Этот «лесной» горизонт впервые зафиксировал в Наволокском торфянике еще М. М. Юрьев в 1920 г. (Юрьев 1927: 249). Повторно он отмечен нами в разрезе Наволок (2003) и датирован, как отмечалось выше, по пяти образцам из трех объектов. Это торф — 1420±70 ВР (Ле-6719) и лежащие в нем два древесных ствола: 1181±30 ВР и 1003±21 ВР. Судя по материалам разреза Ямно, засушливый период в истории озера Ильмень захватывает VII в., что представляется убедительным и по другим источникам в бассейне Ильменя (Микляев 1992: 50, 51) и на Волхове (см. выше хронологию пойменных отложений в Ситно).

Верхняя толща отложений сапропеля мощностью 1,09 м разреза Ямно относится к тому же периоду,

который на разрезе Наволок представлен верхней толщей озерных отложений мощностью 0,3 м. Такое быстрое осадконакопление на стоянке Ямно происходило в условиях трансгрессии XIV–XVIII вв., по-видимому, как за счет абразии берегов озера Ямно (минеральных и торфянистых), так и за счет плоскостного смыва с близлежащих холмов, занятых пахотными полями.

Стоянка Ямно. История освоения участка на фоне динамики увлажненности поймы Ильменя.

На данном месте в атлантический период (8–5 тыс. л. н.) располагалась, вероятно, котловина мелководного озерца, соединявшегося протокой с Ильменем. С севера в озерцо впадал ручей, бравший начало неподалеку от южного подножия Бронницкой горы. В суббореальный период (5–3 тыс. л. н.), в результате понижения уровня воды в озерце, котловина заросла лесом. В период трансгрессии Ладоги

Табл. 20. Стоянка Ямно 2013 г. Стратиграфия разреза и прилегающего берегового участка

Кон- текст, №	Глубина, м	Литология	Археологические находки и «пограничные горизонты»	Датировки ¹⁴ C*
1	0–0,30	Серовато-коричневый слоистый торфянистый сапропель с включением растительных остатков	В обресе берега обработанные топором кольца, фрагменты гончарной белостенной керамики XVI–XVII вв.	2250±160 ВР (Ле-10826)
2	0,30–0,33	Темно-серый торфянистый сапропель. В обресе берега редко лежащие стволы и пни деревьев	—	1960±200 ВР (Ле-10827)
3	0,33–1,09	Серовато-коричневый слоистый торфянистый сапропель с включением растительных остатков	—	400±100 ВР (Ле-10828) 220±130 ВР (Ле-10829) 1380±100 ВР (Ле-10831) 405±160 ВР (Ле-10832) 570±140 ВР (Ле-10833) 1040±105 ВР (Ле-10834)
4	1,09–1,25	Серовато-коричневый слоистый торфянистый сапропель с включением растительных остатков. Ствол березы	В обресе берега горизонт сильно разложившихся древесных остатков	1490±40 ВР (Ле-11163)
5	1,25–1,53	Серовато-коричневый слоистый торфянистый сапропель с растительными остатками	—	
6	1,53–1,80	Серовато-коричневый слоистый торфянистый сапропель с включением растительных остатков. Ствол березы с корой	В шурфе горизонт древесных остатков	2540±90 ВР (Ле-10365) 3050±40 ВР (Ле-11184)
7	1,80–2,5	Серовато-коричневый слоистый торфянистый сапропель с включением растительных остатков	—	

* Выделены датировки, полученные по фрагментам древесины. Остальное получено по сапропелю.

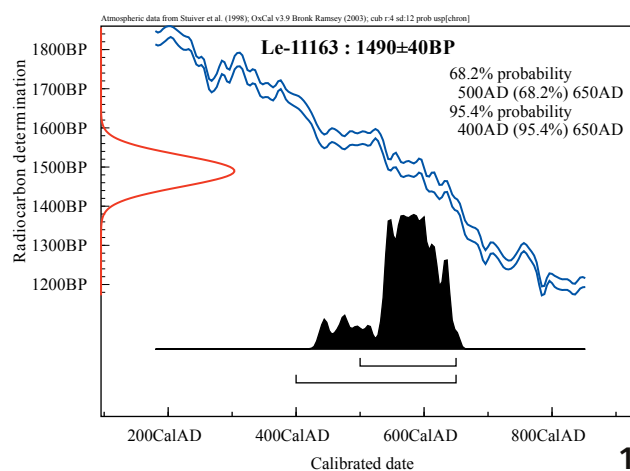

около 3000–2500 л. н. лес погиб, после чего в котловане возобновляется процесс накопления торфянистого сапропеля. В первой половине I тыс. н. э. уровень воды в озере снова понижается, и к середине тысячелетия здесь возобновляется лесная растительность. Она погибает в IX–X вв. во время средневековой трансгрессии, вызванной увлажнением и похолоданием климата, и продолжавшейся (вероятно, с колебательными движениями) до Позднего Средневековья.

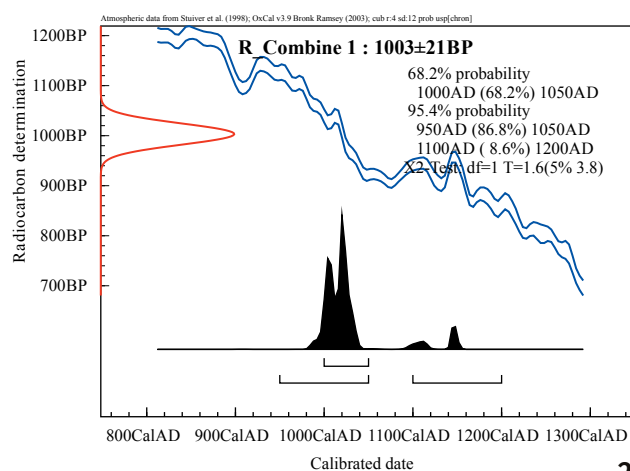
Разрез Ямно помогает уточнить течение этой последней трансгрессии Ильменя. Ориентируясь на самые молодые даты в нижней части разреза: 570 ± 140 BP (1250AD (1 σ) 1500AD) и 405 ± 160 BP (1300AD (1 σ) 1700 AD), следует отнести трансгрессию к XIV–XVII вв. В Европе это «малый ледниковый период» с повышенной увлажненностью и суровыми зимами (Борисенков, Пасецкий 1988: 500, 501). В начале XIV в. уровень Ильменя был еще значительно ниже современной отметки в 18 м БС. Только при условии незатопляемости паводками могло быть, например, осуществлено каменное строительство храма Успения Богородицы в Коломцах в 1310 г. (НЛ 1879: 26).

Но уже в первой половине XV в. подъем воды в Ильмене начал внушать новгородцам опасения. Наводнение 1421 г. затопило торговую сторону «до градных врат Прусския улицы» и вызвало разговоры «убо не се ли ныне хоцеть Бог навести на ны наказание якоже при Ное бысть» (НЛ 1879: 47). Высокие паводки повторялись и позже. Такие произведения начала XVI в., как «Чудо о потопе» из Жития преподобного Варлаама чудотворца и связанная с ним знаменитая, написанная в конце столетия, новгородская икона «Видение пономаря Тарасия», в которых Ильмень вздымается над Новгородом, готовясь Божьим повелением затопить город, возникли из этого страха перед озерной стихией. Однако в XV–XVI вв. паводки не Ильмене еще не исключали полностью существование монастырей в дельтовых ландшафтах. В 1544 г, несмотря на отмеченный в этом году летописью высокий уровень воды, было, например, продолжено строительство в Коломцеком монастыре (НЛ 1879: 73).

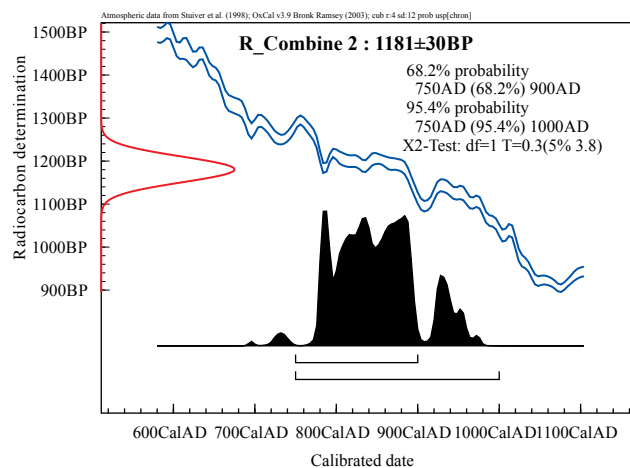
Пик трансгрессии Ильменя пришелся на XVII в. Именно тогда в письменных источниках группируются наиболее выразительные известия, как прямо относящиеся к динамике уровня озера, так и связанные с соседними областями Руси. Летописный отрывок о постройке городов в Московском государстве, опубликованный М. Н. Тихомировым, указывает на необычайно дождливое лето 1601 г.: «дожди непрестанные, и рожь и ярь замокли» (Тихомиров 1979: 231). В конце сентября 1605 г. новгородские воеводы в челобитной на имя Лжедмитрия I сообщают, что паводок в двух местах размыл крепостной вал на Софийской стороне (Петрова, Анкудинов, Попов 2005: 320). В 1629 г. отмечается необычайно длительное (10 дней) обратное течение Волхова (Борисенков, Пасецкий 1988: 331).

1

2

3

Рис. 60. Датировки средневекового пограничного горизонта в дельте р. Мста. 1 – датировка образца 1 древесины из разреза в ур. Ямно; 2, 3 – комбинированные датировки, полученные по образцам древесины 1 и 2 из верхней части Наволокского торфяника

Табл. 21. Радиоуглеродные датировки разреза в ур. Ямно. Выделены датировки, полученные по фрагментам древесины

Индекс образца	Глубина отбора от поверхности, см	Материал образца	Радиоуглеродный возраст, ВР	Калиброванный возраст 1σ	Калиброванный возраст 2σ	Примечания
Ле-10826	20–23	Сапрпель	2250±160	550BC (68,2%) 50BC	800BC (94,5%) 100AD	
Ле-10827	30–33	Сапрпель	1960±200	250BC (68,2%) 350AD	400BC (94,5%) 550AD	
Ле-10828	40–43	Сапрпель	400±100	1400AD (68,2%) 1650AD	1300AD (93,9%) 1700AD 1750AD (1,5%) 1850AD	
Ле-10829	50–53	Сапрпель	220±130	1500AD (68,2%) 1950AD	1450AD (95,4%) 2000AD	
Ле-10831	70–73	Сапрпель	1380±100	550AD (68,2%) 800AD	400AD (95,4%) 900AD	
Ле-10832	80–83	Сапрпель	405±160	1300AD (68,2%) 1700AD	1250AD (95,4%) 1950AD	
Ле-10833	90–93	Сапрпель	570±140	1250AD (68,2%) 1500AD	1150AD (95,4%) 1650AD	
Ле-10834	100–103	Сапрпель	1040±105	850AD (68,2%) 1200AD	700AD (95,4%) 1250AD	
Ле-11163	109–125	Дерево (береза)	1490±40	500 AD (68,2%) 650 AD	400 AD (95,4%) 650 AD	Фрагмент внешней части ствола дерева из южной части шурфа
Ле-10365	155–166	Дерево (береза)	2540±90	810 BC (68,2%) 520BC	830 BC (95,4%) 400BC	Фрагмент внешней части ствола (с корой) из северной части шурфа
Ле-11164	171–180	Дерево (береза)	3050±40	1390 BC (68,2%) 1260 BC	1420 BC (95,4%) 1200 BC	Фрагмент корневища (?) дерева из центральной части шурфа

Рис. 61. Урочище Ямно на фоне Бронницкой горы с городищем. Вид с юга. Стоянка Ямно располагается в береговой части торфяника на переднем плане

Рис. 62. Урочище Ямно 2013 г. Находки из слоя торфянистого сапропеля в размыве берега. 1, 2 – каменные оселки; 3 – обломок лезвия железного топора; 4–13 – фрагменты гончарной керамики XVI–XVII вв.

Особым размахом отличалось половодье 1650 г. (Борисенков, Пасецкий 1988: 333). Его описание дошло до нас благодаря Новгородскому Хронографу, опубликованному М. Н. Тихомировым:

«Бысть вода велика вельми в Великом Новеграде до каменного города, а на Торговые стороны много валу подмыло. И бысть в городе на Варецкой улицы в воротех вода и в гору саженой тридесять и болши. А около Новаграда во многих монастырех в келиях жити нелзе, водою потопило, и в ыных монастырех в подцерковиях бысть вода. А у Арсения преподобного в монастыри вода была до монастырьских ворот, а гроб его преподобного и церкви быша все в воде. А которые кельи были пониже на монастыри том, и в тех келиях жити было немочно воды ради» (Тихомиров 1979: 287, 288).

Однако, подъем воды в озере еще не достиг критической отметки. В 1655 г., по данным Хронографа, вновь отстраивается Коломецкий Троицкий монастырь (Тихомиров 1979: 298), которому было отпущено еще четверть века жизни. Лишь в 1680 г. очередной разлив Ильменя нанес монастырю окончательный удар. В результате, церковь и утварь были перенесены на возвышенное место в Липенский монастырь (Петрова и др. 2000: 137).

В 1681 г. к Юрьеву монастырю был приписан второй из трех монастырей Мстинской дельты (также основанный в 1310 г.) — Шилов Покровский монастырь¹²⁷. К этому году в дельте Мсты уцелел только Николо-Липенский монастырь (впервые упомянут в 1292 г.). Монастырь был поставлен на единственной значительной возвышенности дельты, и паводки не могли затапливать его надолго.

Важную информацию о трансгрессии Ильменя во второй половине XVII в. опубликовал И. Ю. Анкудинов. Исследователь обратил внимание на то, что писцовая и межевая книга дворцовых земель Поозерья 1674–1676 гг., описывая земельные наделы побережья Ильменя, отмечает значительную убыль земли по сравнению с данными писцовой книги дворцовых земель Шелонской пятины 1644/45–1646/47 гг. В качестве причины убыли указывается, что недостающие земли «отмыло водою озером Ильменем» (Анкудинов 2006: 207). По расчетам И. Ю. Анкудинова, глубина размытых озером участков берега достигала 200–350 м (Анкудинов 2006: 209). Такие изменения береговой черты не могли быть результатом только лишь катастрофического паводка 1650 г. (к чему склоняется И. Ю. Анкудинов). Несомненно, мы имеем здесь дело с длительным процессом, явившимся результатом повышения уровня воды в Ильмене.

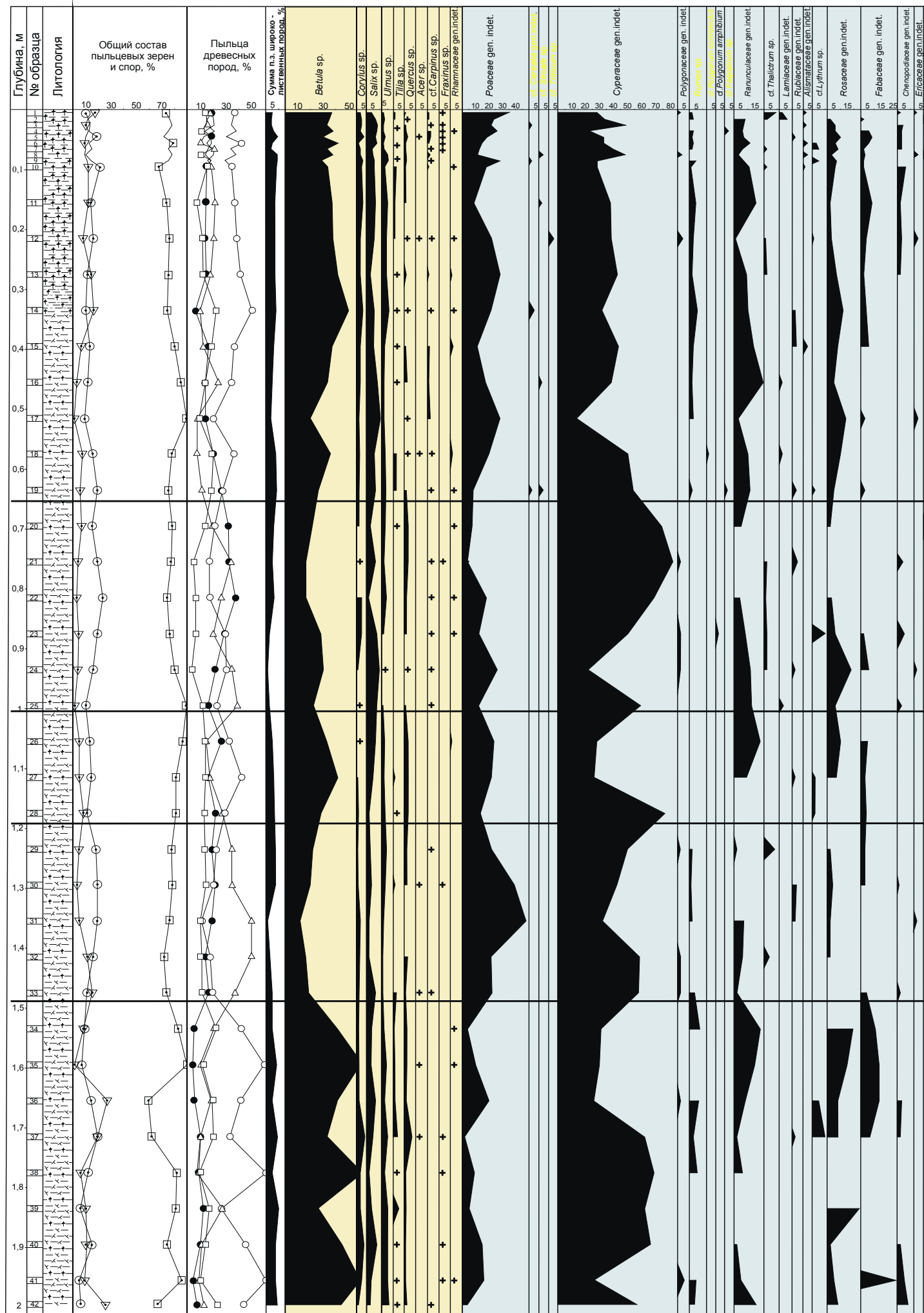
¹²⁷ В 1725 г. последние остатки разобранных построек монастыря «разнесло водою» (Петрова и др. 2000: 138).

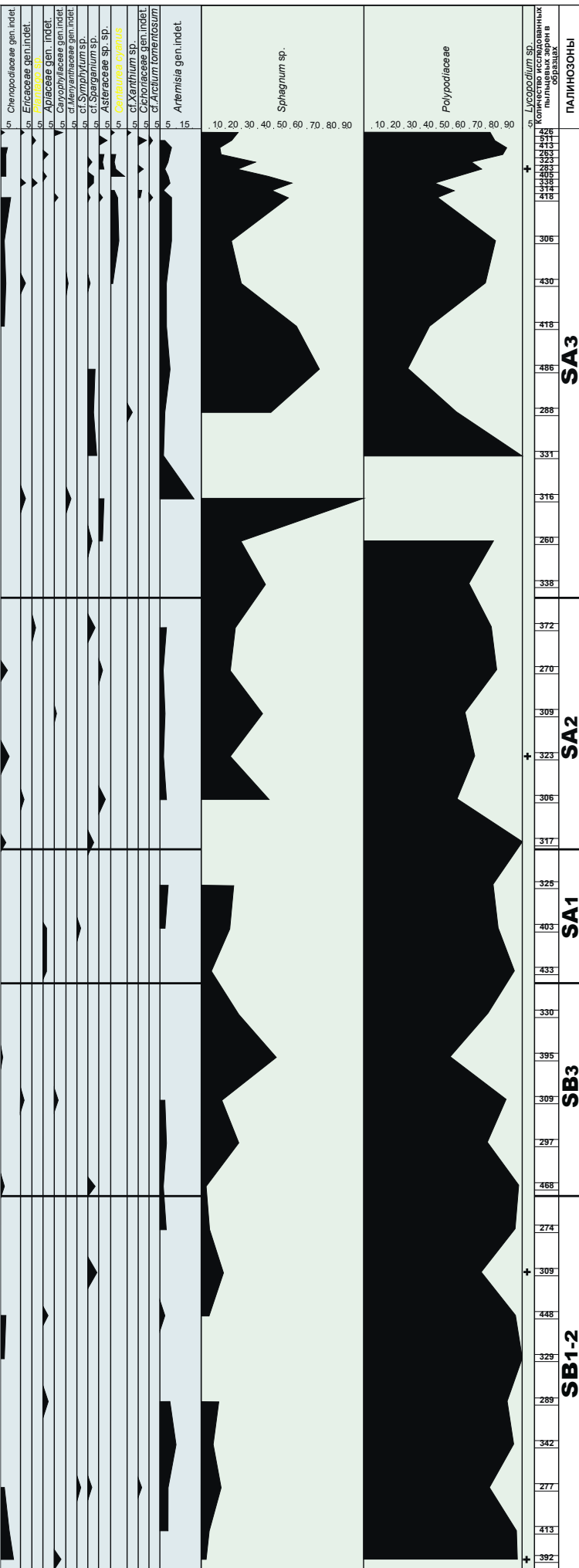
Гидрологическая ситуация в дельте за четыре столетия изменилась кардинально. Очевидно, что каменное строительство в 1310 г. в дельтовых ландшафтах Мсты было немыслимо при уровне воды, характерном для XVII в. Так же как боевые маневры кавалерии в тех же ландшафтах, упоминаемые в 1270 г., были уже невозможны в XVII в. Источники этого времени, как увидим ниже, не упоминают о путешествиях через Волхово-Мстинское болотистое междуречье в теплые месяцы (см. табл. 55). Вероятно, большую часть безморозного периода в XVII в. равнина между Новгородом и Бронницей была затоплена. Полученные нами данные вполне соответствуют общим представлениям о динамике климата Европы в исторический период, приведенным в начале этой главы.

3.5.2. Ильмень во второй половине I тыс. н. э. и раннеславянское расселение

Как было показано, ладожская трансгрессия на Ильмене не превышала отметки 21 м БС, т. е. уровня среднего современного паводка. Подсчеты исследователей, реконструирующих уровень трансгрессии выше этих отметок, вплоть до высот порядка 30 м БС (Васильева 2013; Васильева и др. 2012) с учетом археологических данных представляются необоснованными. Наши данные стоят ближе к точке зрения Д. Д. Квасова, полагавшего, что подпор ладожской трансгрессии не оказал существенного воздействия на уровень Ильменя, подняв его самое большее на 1–2 м выше современных отметок (Квасов 1975: 133). Разумеется, в период максимума трансгрессии сезонные паводки значительно повышали уровень и площадь озера, делая малоприспособленными для жизни участки ниже отметки 24 м БС.

Прорыв Невы и спуск Ладожского озера привели к снижению уровня Ильменя примерно на 2–3 м. От воды освободились значительные площади (в первую очередь в Восточном Приильменье), на которых началось формирование плодородных аллювиальных почв. В дальнейшем гляциоизостатическое движение котловины Ладожского озера уже не оказывало влияния на Ильмень, уровень которого определялся изменениями климата. Возможно, на протяжении второй половины I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. имели место колебания водного режима, но об этом нет данных, поскольку для этого времени не известны археологические памятники в поймах. Больше информации появляется с середины I тыс. н. э. Можно уверенно говорить, что в VII–IX в. средний уровень воды в озере находился на отметке гораздо ниже современной (последняя составляет 18 м БС). Об этом свидетельствуют следующие объекты.

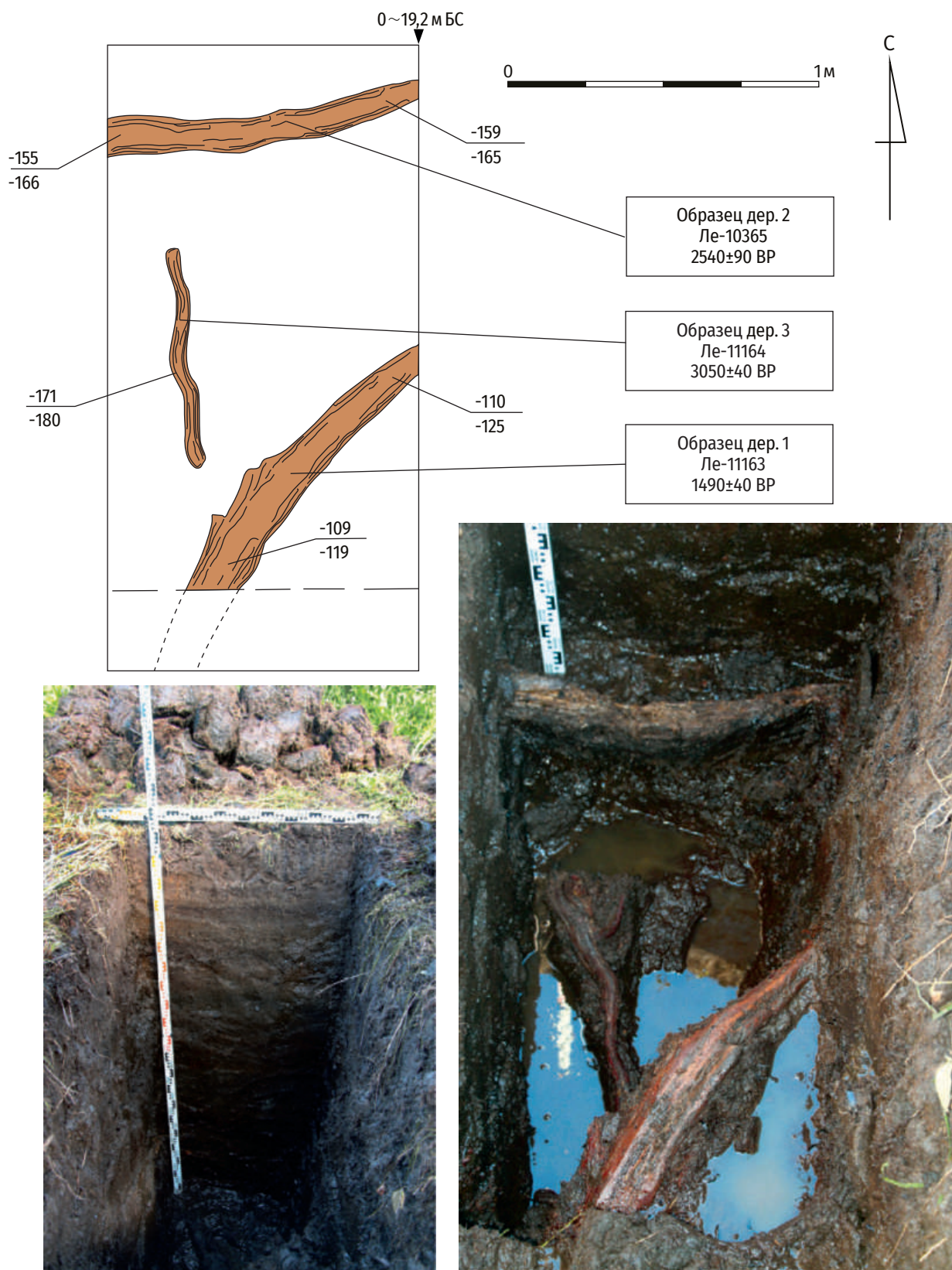

- 1 - древесно-кустарниковая группа растений;
- 2 - травяно-кустарничковая группа растений;
- 3 - споровые растения;
- 4 - аллювиальные отложения с включениями растительных остатков;
- 5 - болотно-озерные отложения с остатками сильно разложившейся органики;
- 6 - заторфованные озерные отложения с остатками растительности;
- ▽ 7 - споры;
- ⊙ 8 - пыльца травянистых и кустарничковых растений;
- ◻ 9 - пыльца древесных и кустарниковых растений;
- △ 10 - ель;
- 11 - ольха;
- 12 - береза;
- 13 - сосна

Рис. 63. Разрез Ямно. Спорово-пыльцевая диаграмма

Рис. 64. Разрез Ямно 2013 г. Горизонт погребенной древесины в шурфе. Образцы древесины, по которым получены радиоуглеродные датировки. Выделяются два горизонта погребенной древесины: нижний – эпохи бронзы / раннего железного века; верхний – средневековый

3.5.2.1. Селище Ситно на Волхове

Напомним, что, в пойме Волхова на поверхности глинистых отложений ладожской трансгрессии начало торфонакопления на отметке 18,25 м БС определяется датами 1850±90 ВР (Ле-11511) по торфу и 1250±30 ВР (Ле-11512) по дереву. Начало торфонакопления совпадает с моментом появления на селище керамики «ладожского типа».

3.5.2.2. Рюриково Городище

Раскопками Е. Н. Носова установлено, что в IX в. городище было укреплено песчаным валом с городнями (Носов и др. 2004: 19) и рвом, следовавшим, вероятно, каким-то первоначальным неровностям рельефа (рис. 65). Как показали раскопки южной части вала (на северном берегу Сиверсова канала), он был насыпан на рыхлом песке пляжа на отметках ок. 19–21 м БС. У основания вала здесь была в 2002–2003 гг. исследована промоина, заполненная хорошо сохранившимися фрагментами бревенчатых конструкций, часть которых принадлежала переотложенным внутривальным субструкциям (Носов и др. 2003: 21).

Среднее превышение паводковых вод над меженным уровнем Ильменя составляет 3 м. Иначе говоря, чтобы строительство вала было целесообразным, меженный уровень озера должен был находиться на высотах порядка 16 м или ниже. В другом случае строительство в пойме вала было бессмысленно — он сразу был бы подмыт паводком. Мы не знаем точно, сколько десятилетий простоял вал, но достоверно можно сказать, что к началу X в. (к моменту существования известных хлебных печей на месте его обрушения) укрепления действительно были сильно разрушены разливами и потеряли военное значение. Среднюю высоту паводков конца IX — начала X в. можно рассчитать по нивелировкам линии осыпи вала в том месте, где она переходит в заполнение промоины у его подножия. Эта высота составляет ок. 19–20 м БС.

На основании полученных Е. Н. Носовым в 2000–2003 гг. данных историю укреплений в мысовой части Рюрикова Городища можно реконструировать следующим образом. Накануне возведения укреплений (т. е. в начале — первой половине IX в. н. э.) городищенский холм представлял собой пологую возвышенность на краю Волховской поймы (рис. 66). Средний уровень воды в Волхове был значительно ниже современного. По-видимому, уровень паводковых вод также не достигал нынешних высотных отметок. Холм в этот период был обитаем. Под насыпью вала зафиксирована супесчаная делювиальная прослойка, образовавшаяся на краю пахотного поля. Следы распашки обнаружены и с внешней стороны рва — в глинистой пойме. Судя по тому, что ров прорезает эти следы, распашка относится ко времени до середины IX в.

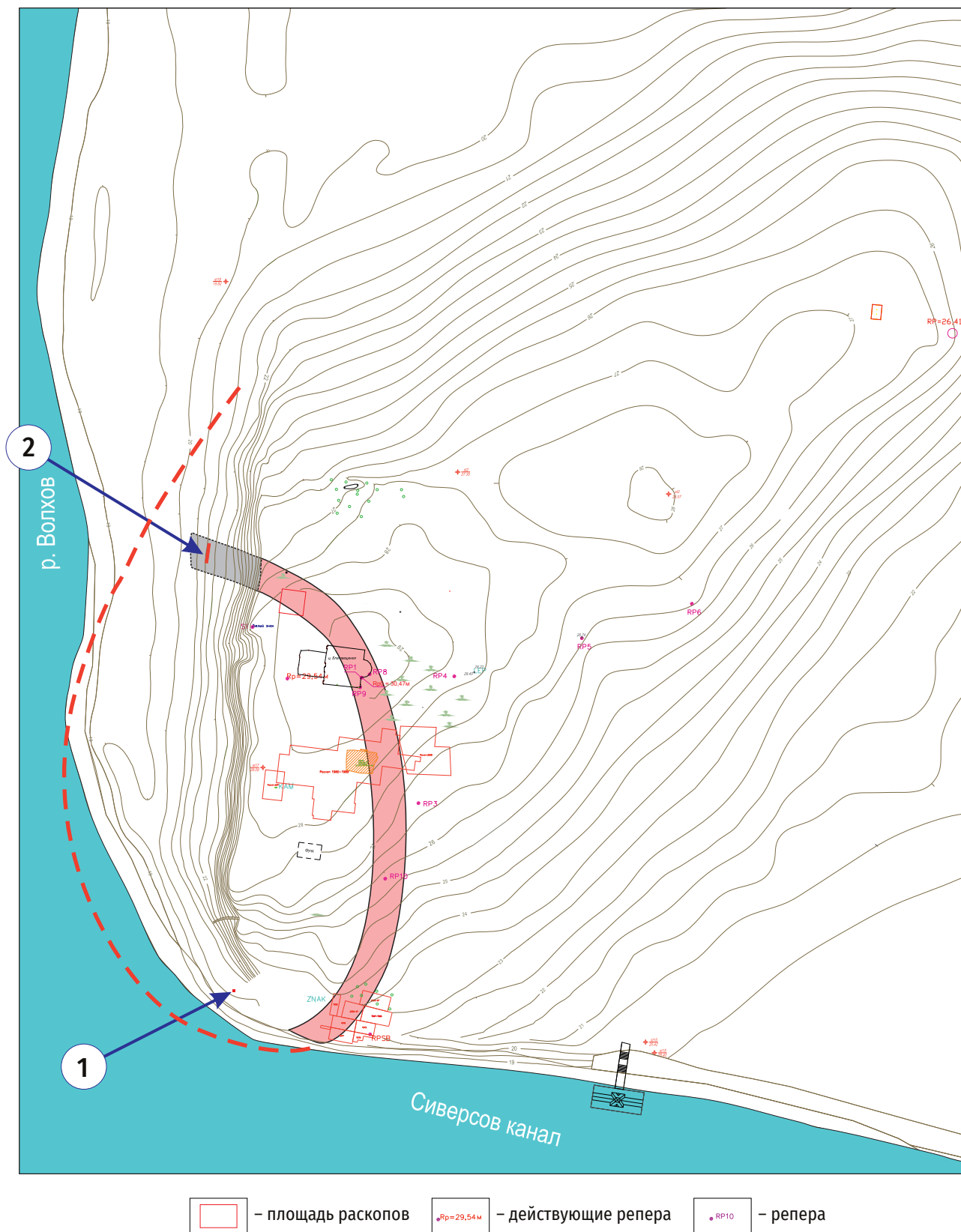
Перед возведением вала южный склон городищенского холма был подрезан на высоту около 1,5 м. В пойме Волхова перед образовавшимся эскарпом, возможно, был выкопан неглубокий ров¹²⁸. На оставшейся между рвом и эскарпом, покатой в сторону поймы поверхности были возведены как минимум три ряда деревянных конструкций (скорее всего, не менее четырех — как в северной части Городища). Внутренний ряд представлял собой трехстенные срубные клетки, открытые со стороны холма.

Длина их (т. е. длина их внешних стен) составляла до 4 м. Ширину клеток не везде удалось достоверно проследить, так как их торцевые бревна, упирающиеся в песчаный материковый склон, сохранились очень плохо. Похоже, снизу вверх ширина клеток увеличивалась, т. е. боковые бревна трехстенных срубов лежали на склоне холма, следуя его профилю.

Перед рядом трехстенных срубов с внешней стороны сохранились остатки второго ряда деревянных конструкций. Он сохранился хуже, так как его наружная, обращенная к югу, сторона оказалась на исследованном участке еще в древности сильно разрушена разливами Волхова. Предположительно внешняя часть деревянных укреплений может быть реконструирована как стена, срубленная из девятиметровых дубовых бревен. Два таких бревна (с вырубленными чашками для поперечных связей) в 2002 г. обнаружены в переотложенном положении в заполнении промоины на его внутреннем склоне. Большая стена удерживалась рядами поперечных стенок, врубленных со стороны холма. Прослежены следы 9–10 таких переборок, находившихся в 1–2 м друг от друга. Длина этих поперечных стенок составляла не менее 3 м. Таким образом, внешняя полоса деревянных конструкций представляла собой усложненный вариант конструкций внутреннего ряда. Это были, в сущности, такие же трехстенные срубы, открытые со стороны холма, но имевшие внутри несколько переборок. Следов каких-либо связей между конструкциями внешнего и внутреннего ряда проследить не удалось. После постройки клетки в обоих рядах, а также пространство между ними, строители заполнили песком.

Существовали, вероятно, и третий, и четвертый ряды городней. Но они оказались полностью размыты Волховом. Наиболее загадочными являются остатки дубовых сооружений, обнаруженные у подножия вала в переотложенном виде. Кладки из дубовых обрубков длиной 1,5 м, разделенные поперечными рядами кольев, дошли до нас в плохом состоянии. Дубовые бревнышки раскатились вниз по склону рва. Разделявшие их ряды кольев, первоначально, вероятно, находившиеся в вертикальном положении,

128 Вопрос о рве в пойме обсуждается отдельно.

Рис. 65. Рюриково Городище. Укрепления (предполагаемая линия вала IX в.) и план раскопов в пойме Волхова. Пунктиром обозначена часть холма, предположительно разрушенная рекой в X–XVIII вв.

Рис. 66. Падение уровня воды в Волхове осенью 2015 г. В начале октября 2015 г., по данным Новгородского «Водоканала» вода в Волхове упала до отметки 16,75 м БС, что близко к минимальному зафиксированному уровню Ильменя (16,50 м БС по Н. Н. Соколову) (Соколов 1926).

Иллюстрация дает приблизительное представление о том, как выглядел исток Волхова в VIII–IX вв.

Городище представляло собой холм посреди распаханной равнины, не затоплявшейся паводками. Весной у подножия городища оставался обширный незатопляемый пляж, который мог использоваться для погрузки и постройки кораблей. Меженный уровень воды в истоке Волхова в момент постройки вала составлял приблизительно 16,00 м БС.

Уровень подъема паводковых вод не превышал 19,00 м БС

упали и залежали в слое почти горизонтально. Все это, а также то обстоятельство, что между внешней бревенчатой стеной вала и рвом уже не оставалось пространства для каких-либо иных сооружений, говорит о том, что первоначально дубовые кладки могли находиться только в верхней части вала близ его края. Возможно, они являлись частью конструкции боевого хода, однако для окончательного определения их назначения данных пока недостаточно.

Общая высота деревоземляных сооружений, как удалось проследить, составляла не менее 4 м. Примерно учитывая объем грунта, обвалившегося в ров при размывах, а также при более поздних перепланировках, помня о том, что часть насыпи (судя по перекосившимся в направлении склона внутривальным срубам) сползла по краю холма, можно предположить, что высота древнего вала составляла не менее 5 м, а над площадкой городища он возвышался не менее чем на 1 м.

Фортификационные сооружения Рюрикова Городища приходят в запустение удивительно быстро. К этому привели особенности материка (рыхлый крупнозернистый песок) и неблагоприятные гидрологические условия (постоянные паводковые затопления мыса, следы которых зафиксированы в раскопе). Не удалось проследить следов каких-либо ремонтов или усовершенствований, столь обычных для древнерусских укреплений. Трудно предположить, что строители вала изначально не учли особенностей водного режима Ильменя и Волхова. По-видимому,

существенную роль в разрушении укреплений на мысу сыграли изменения уровня грунтовых и паводковых вод в регионе, связанные с нарастающим в конце 1 тыс. н. э. увлажнением климата.

Итак, вскоре после постройки оказывается разрушенной внешняя стена вала. Значительная часть его обрушивается, полностью заполняя ров, который теряет очертания и превращается в промоину. Не исключено, что в разрушении вала приняли участие не только силы стихии, но и люди, разобравшие бревна на наружной стене. Эти бревна, менее всего подверженные тлению, являлись единственной частью внутривальных конструкций, которая могла быть утилизирована в хозяйстве.

Наконец, над заплывшим рвом/промоиной у подножия развалин оборонительного вала были сооружены хлебные печи (известны по раскопкам 1970-х гг. и 2019 г.) (Носов 1990). Мощные деревоземляные сооружения в южной части мыса, полностью разрушенные, утрачивают всякое военное значение.

Находки из насыпи вала и из заполнения промоины у его подножия носят неброский характер. В массивной насыпи из красноватой супеси найдены лишь единичные фрагменты лепной раннесредневековой керамики, зато многочисленны кости животных. В слое, содержащем обрушившиеся дубовые кладки, обнаружена лишь одна заслуживающая внимания находка — стеклянная округлая мозаичная бусина, имеющая широкую датировку в рамках второй половины VIII — первой половины X в.

Более значительна коллекция находок из нижней части заполнения промоины, относящаяся ко времени начала разрушения сооружения. Здесь найдены пружинные ножницы с бронзовой инкрустацией, обломок накладки одностороннего гребня фризско-скандинавского типа, сердоликовая многогранная буса, синяя рубленая бисерина, фрагменты лепной керамики, среди которых выделяется сосуд, сохранившийся почти целиком. Упомянем предметы из органических материалов — весла от челноков, обрывки веревок, многочисленные донца от берестяных туесков, фрагменты различных деревянных поделок.

Начало разрушения укреплений логично было бы связать с естественным сроком службы деревянных конструкций, находящихся в контакте с рыхлым влажным песком (срок в 20 лет представляется в этом случае предельным). Время окончательного разрушения фортификационных сооружений дают нам дендрохронологические даты, полученные по срубам, окружавшим глинобитные печи, сооруженные над заплывшим рвом. Известны дендрохронологические даты по четырём сооружениям. Даты бревен древнейшей печи — 889, 896, 897, 905 гг. Вторая печь дала даты — 902, 904, 905, 906, 910, 911 гг. Третья — 900, 904, 905, 907 гг. Четвертая — 944, 947 гг. (Носов 1990: 53–58). Таким образом, наиболее раннее хозяйственное сооружение над заплывшим рвом было возведено после 905 г., видимо, во второй половине первого десятилетия X в.

В заполнении промоины не было найдено находок, однозначно принадлежащих IX в. Комплекс вещей (пружинные ножницы, две бусины и бисер, фрагмент гребня первой группы по типологии О. И. Давидан, лепная керамика) может указывать как на конец IX в., так и на X в. Наиболее правильным будет заключение, что разрушение укреплений происходит в конце IX в. и окончательно завершается около 905 г.

Здесь для нас, однако, важно то, что состояние инженерных сооружений на мысу Рюрикова Городища дает возможность реконструировать уровень воды в Волхове на момент строительства большого вала и в первое время после этого события. Раскопки показали, что вал в мысовой части городища был насыпан большей своей частью на пологом «пляже», сложенном крупнозернистым сыпучим песком. Погребенная почва под валом отсутствовала, что объясняется, вероятно, не столько близостью в то время воды, сколько тем, что дерн на рыхлом песке во время строительства был просто уничтожен сотнями ног строителей вала.

Высотные отметки дна рва/промоины лежат в диапазоне: –276 — (–311) см, т. е. в переводе на балтийскую систему высот: 17,66–17,31 м БС, т. е. примерно на 0,30–0,70 м ниже современного среднего уровня воды в Волхове, принятого за отметку 18 м БС¹²⁹. Вы-

сотные отметки вышеупомянутого «пляжа» укладываются в диапазон высот: –92 — (–150) см, т. е. в переводе на балтийскую систему высот: 19,50–18,90 м БС. Именно на последней отметке с внешней стороны рва/промоины зафиксировано пахотное поле.

В настоящее время территория вокруг городищенского холма заливается паводковыми водами как минимум до отметки 20 БС, причем вода на этой высоте стоит обычно до середины лета. Не вызывает сомнений, что вал IX в. был насыпан на краю пашни на участке берега, удаленном от воды, и не заливавшимся паводками. Возведение вала из песка (!) в затопляемой пойме было бы чистейшим безумием. Предположение о том, что древние «инженеры» не учли особенностей гидрологического режима истока Волхова, опровергается наличием в пойме пахотного поля на отметках примерно 18,90–21,50 м БС.

Из всего сказанного следует очень важный вывод: на момент строительства вала Рюрикова Городища паводковые воды Волхова не превышали отметок 18 м БС (что, конечно, не исключает возможности экстремальных наводнений, случающихся раз в несколько десятилетий). Это означает, что известные нам всем ежегодные грандиозные весенние разливы Волхова и Ильменя — явление более позднее. Когда же они начались?

На этот вопрос тоже дает ответ вал Рюрикова Городища. С внешней его стороны, как уже говорилось, хорошо заметны следы работы паводковых вод. Это гротообразные промоины, заполненные тонкослоистым аллювием с прослойками органики. Заполнение этих промоин происходило не сверху, за счет эрозии холма, а снизу — за счет подмыва его основания. Они свидетельствуют, что через какое-то время после возведения вала имела место череда разрушительных паводков, размывших укрепления. Стратиграфически эти промоины находятся примерно на уровне вышеупомянутых хлебных печей или чуть ниже их.

Таким образом, можно сделать вывод, что строительство вала Рюрикова Городища пришлось на период повышения увлажненности Ильмень-Волховского региона. Трансгрессия достигла подножия вала во второй половине IX в. Вряд ли можно представить трансгрессию как резко произошедшее устойчивое повышение уровня воды в Ильмене и Волхове. Дело в том, что жизнь в низменной мысовой части Рюрикова Городища на отметках около 20 м БС продолжалась и в X в. Скорее можно говорить о возрастании паводков, возможно — о большей их продолжительности. Причина этого явления складывалась из многих факторов, главными из которых было похолодание (удерживающее выпавший зимой снег) и повышение количества осадков.

Шурф на пляже (2003 г.) Для выяснения стратиграфии на оконечности мыса, образованного Волховом и Сиверсовым каналом под руководством

¹²⁹ Отсчет высот в раскопках 2002–2003 гг. велся от условного репера на берегу Сиверсова канала, установленного в 1994 г. (его абсолютная отметка – 20,42 м БС).

Е. Н. Носова нами был вскрыт один квадрат 2 × 2 м в 8 м к западу от внутривальных клетей, открытых в 2003 г. (рис. 65; 68). Здесь выходит к Волхову южный фас вала (рис. 65). Шурф, заложенный на небольшом возвышении останцового типа у обрыва берега в верхней части пляжа на высоте около 20 м БС, получил наименование «квадрат 106» (табл. 22).

Основная часть разреза (контексты 2–5) представлена озерно-аллювиальными отложениями с незначительным количеством органического вещества.

Литоология аналогична характеру материковых горизонтов под городнями и соответствует результатам машинного бурения городищенского холма 2012 г. (рис. 67). Контекст 5 соответствует выделенному по данным бурения в основании холма слою текучих супесей с галькой. Это позволяет сделать вывод о том, что останец в верхней части пляжа, на котором заложен шурф, является частью размытой паводками и, возможно, срытой при строительстве канала, краевой части городищенского холма.

Табл. 22. Рюриково Городище 2003 г. Стратиграфия разреза «шурф на пляже»

Контекст, №	Глубина, м	Литоология	Археологические находки
1	0–0,2	Темно-серая супесь, переотложенный культурный слой, оплывший по склону холма	Мелкие фрагменты разновременной гончарной керамики
2	0,2–1,4	Косослоистый мелкозернистый песок с прослойками крупнозернистого отсортированного песка	—
3	1,4–1,5	Горизонтальная прослойка красноватого аллювиального суглинка	—
4	1,5–2,6	Слоистый мелкозернистый песок	—
5	2,6– ...	Серый текучий крупнозернистый песок, аналогичный тому, который образует материковую поверхность под валом IX в.	—

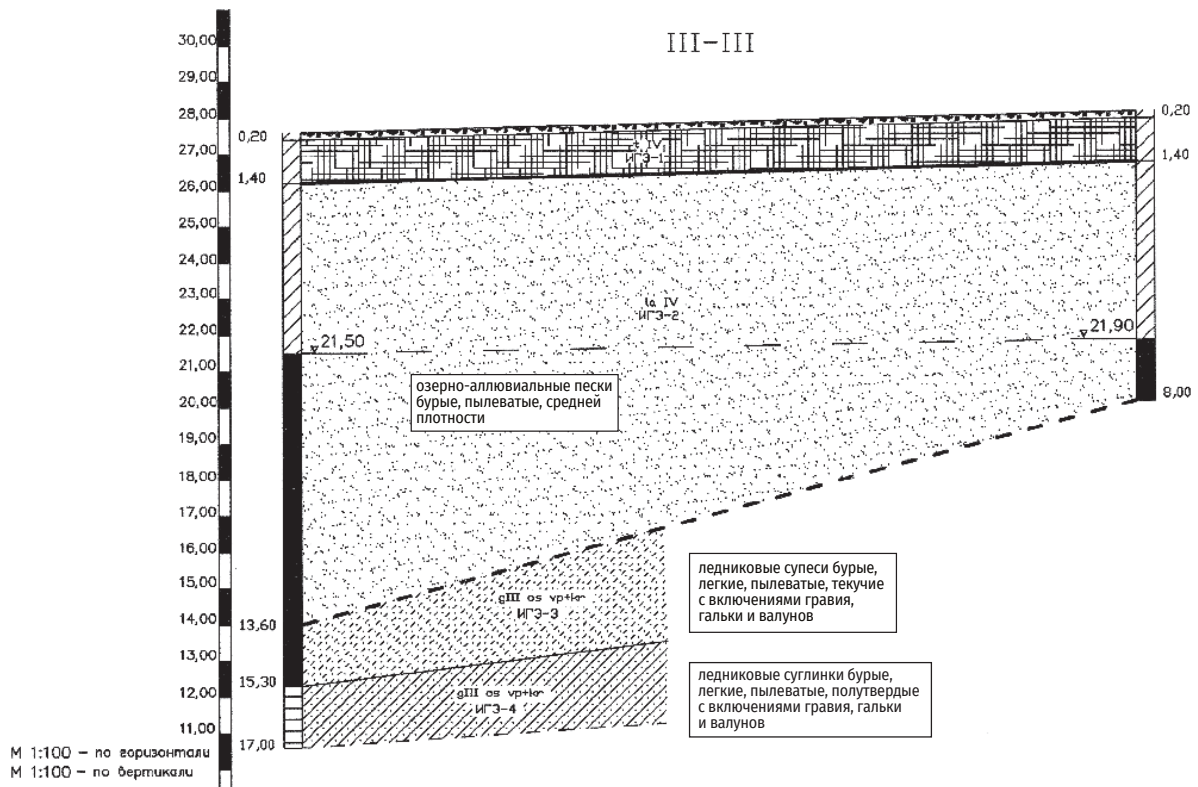

Рис. 67. Рюриково Городище. Геологическое строение городищенского холма по материалам бурения 2012 г. (Об инженерно-геологических изысканиях А-2012). Следует обратить внимание на то, что вал в южной части укреплений был поставлен не на моренных суглинках, а на текучей ледниковой супеси с галькой

Из этого следует, что линия укреплений не огибает городищенский холм со стороны Волхова. Об этом же говорит и направление внутривальных деревянных конструкций, которые в общем параллельны рву, а не следуют контуру современного холма в месте его поворота от Сиверсова канала вдоль Волхова. Все это подтверждает предположение, что значительная часть городищенского холма, обращенная к Волхову, размыта.

Траншея 2 (2016 г.) Траншея размерами 8 × 1 м была заложена в пойме Волхова у подножия городищенского холма в том месте, где северный фас вала выходит к реке (рис. 65; табл. 23). Траншея ориентирована параллельно урезу воды, лежит на отметке 21 м БС. От современного основания берегового обрыва траншея находится в 15 м к западу. Эта поверхность сформировалась не позднее конца XIX в. На фотографиях начала XX в. из архива ИИМК РАН рельеф места заложения траншеи выглядит так же, как и сейчас, а поверхность поймы занята деревенскими постройками, свидетельствующими о том, что паводки в этот период, если и подтапливали этот участок, то носили на данной отметке непродолжительный характер¹³⁰.

Слоистые супеси с большим количеством органики (рис. 69; 70), составляющие основную толщу разреза (0,20–1,82 м), судя по находкам (рис. 71), отложились в результате паводковых разливов Волхова в течение короткого времени и не ранее XVIII в. Скорость их формирования обусловили: повышение уровня реки на завершающем этапе малого ледникового периода (XIV–XIX вв.), усиление поемности (длительности и величины паводков) Волхова, усилившиеся склоновые процессы (оползни) и, возможно, возросшее антропогенное воздействие на вершину холма.

Основание разреза с отметки –1,82 м сложено озерно-аллювиальными супесями, содержащими крайне незначительное количество органического вещества, т. е. сформировавшимися в результате действия вод с низкой биологической продуктивностью (ледниковых или приледниковых). Это размытое основание древнего городищенского холма — те же отложения, которые зафиксированы в вышеописанном шурфе 2003 года.

Представляет большой интерес вопрос, почему в траншее не выявлены отложения эпохи неолита — РЖВ и Средневековья — ни пойменные, ни культурные? Ведь в мысовой части Рюрикова Городища и на селище Ситно накопление пойменных отложений поверх горизонта ладожской трансгрессии в VIII–IX вв. происходило достаточно интенсивно.

¹³⁰ Ориентиром для соотнесения траншеи со старой фотографией служит здание церковно-приходской школы, попавшее в пределы Благовещенского раскопа 2013–2016 гг.

Ответ следующий: мы не нашли древних пойменных отложений, потому что вскрытый участок не был поймой до XVIII в. Вплоть до этого времени приречное подножие городищенского холма располагалось на несколько десятков метров западнее, чем в XIX–XXI вв. Таким образом, найдено еще одно свидетельство интуитивной правоты Н. К. Рериха — западная часть холма (шириной не менее 20 м) размыта Волховом в период с X по XVIII вв.

Следы трансгрессии, разрушившей Рюриково Городище, описаны мною выше в разделах, посвященных изучению селища Ситно, Наволокского торфяника и стоянки Ямно. Эта трансгрессия фиксируется повсеместно на реках Центральной России (см. напр.: Сыроватко, Панин, Зарецкая 2017: 44).

Выводы по ГЛАВЕ 3

Озеро Ильмень стало северным центром формирования восточнославянской государственности благодаря двум обстоятельствам. Первое — наличие волховского пути в сторону Карелии, Приладожья и Прионежья с их неисчерпаемыми ресурсами пушнины. Второе — уникальная экологическая ниша Ильменской котловины, позволяющая в V–IX вв. н. э. концентрировать и защищать биологические ресурсы, необходимые многочисленному населению. Устаревшие представления о схожести природных условий второй половины I тыс. н. э. с современными мешают правильно оценить хозяйственный потенциал региона, хозяйственную специализацию древних социумов и восприятие селитебных структур, в частности, городищ. Яркий пример вышесказанного — из поля зрения археологов ускользнули поймы рек и озер, в настоящее время переувлажненные и поэтому выведенные из сельскохозяйственного оборота, но доступные для культивации и выпаса скота в Раннем Средневековье.

Широко известны оценки топографии раннесредневековых поселений, исходящие из современной гидрологической ситуации. Например, важнейшие городища Приильменья нередко оцениваются как частично (весной и летом) островные поселения. Это мнение неоднократно высказывалось в адрес Рюрикова Городища и городища Георгий (Орлов А-1958: 7; Франклин, Шепард 2000: 57; Носов, Горюнова, Плохов 2005: 135), Холопьяго Городка (Орлов А-1973: 16; Носов, Горюнова, Плохов 2005: 146). Данные представления играют существенную роль в концепции, отождествляющей Рюриково Городище с Хольмгардом скандинавских саг. К трактовке обозначения Хольмгард (Hólmgarðr) как «поселения/поселение в островной, затапливаемой паводком местности» обращались и обращаются многие историки, археологи и палеогеографы (Kleiber 1957: 216, 217; Мачинский 1984: 21;

Табл. 23. Рюриково Городище 2016 г. Стратиграфия траншеи 2

Контекст, №	Глубина, м	Литология	Археологические находки
1	0,00–0,20	Современный почвенный гумусовый горизонт	Осколки кирпича
2	0,20–1,80	Желто-серый мелкозернистый песчаный пойменный аллювий с многочисленными прослойками заиления и кирпичной крошкой	Большое число разновременной гончарной керамики и единичные фрагменты лепной средневековой посуды. Одиная лимоновидная пронизка синего стекла (IX–XI вв.), фрагмент вырезанного из листа и прокованного блюда из медного сплава, осколок фаянсовой помадной банки (XVIII–XIX вв.) (рис. 71)
3	1,80–1,82	Серая слоистая мелкозернистая супесь	Фрагменты древнерусской плинфы, брускового кирпича, а также фрагмент гончарной поливной керамики XVIII–XIX вв.
4	1,82– ... Ниже 18,70 м БС	Ярко-желтый мелкозернистый слоистый песок почти без включений органики, переходящий в крупнозернистый песок	—

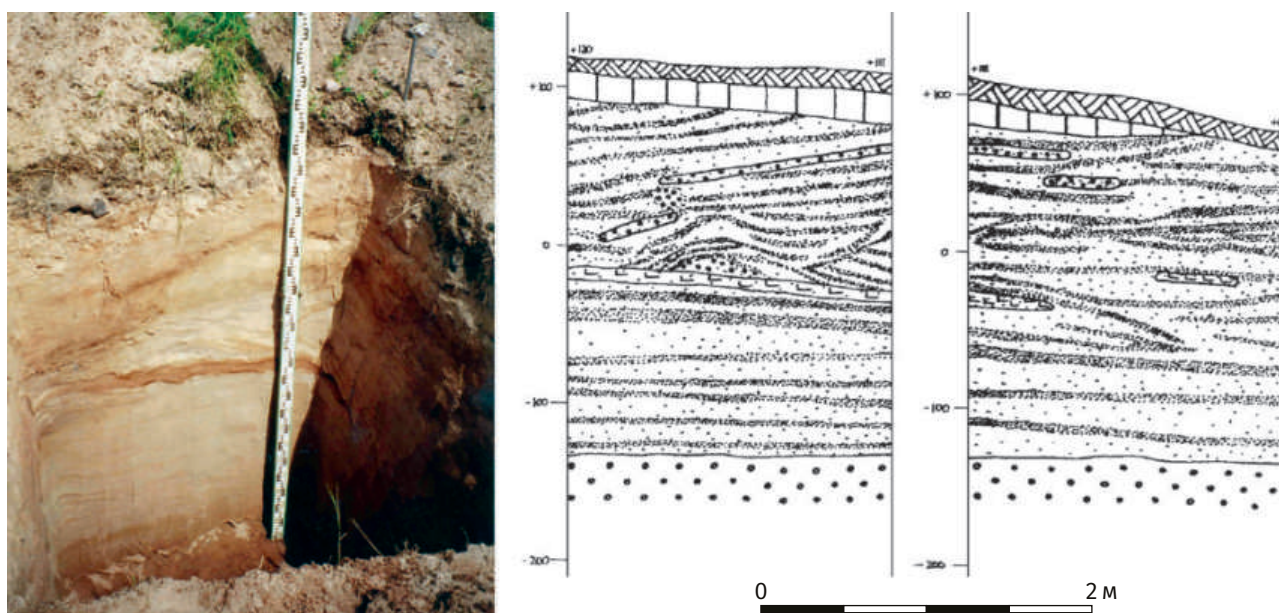

Рис. 68. Рюриково Городище 2003 г. Шурф на пляже

2009: 157; Древнерусские города 1987: 19; Носов 1990: 184; Древняя Русь 2000: 475; Васильева 2011: 218)¹³¹.

История Ладожско-Волховско-Ильменской водной системы отражает как проявления общеевропейских климатических трендов, так и уникальные географические события, которые не могут быть спроецированы на речную сеть в глубине континента. Области Русской равнины к югу от Ладожского озера во второй половине голоцена не испытывали характерного для Балтийского щита гляциоизостатического поднятия (его нулевая изобата локализуется на южном берегу

¹³¹ Лингвистическую критику концепции Б. Клейбера см. в работах Т. Н. Джаксон: Джаксон 1984: 141, 2012: 653 и др.

Ладоги), и динамика их увлажненности зависела от климатических трендов. Таким образом, сумма причин, влиявших на изменение уровня воды в озере Ильмень, менялась на протяжении субатлантики.

Представления о динамике увлажненности Ильменской озерной котловины строились на археологических работах Г. П. Гроздилова и Е. Н. Носова на Рюриковом Городище (Носов 1977: 13; 1990: 25–30), А. М. Микляева в верховьях Ловати (Микляев 1992) и на историко-географических трудах И. Ю. Анкудинова (Анкудинов 2006). По этим материалам наметилась картина двух регрессивных фаз (неолитической и раннесредневековой) и двух трансгрессивных (ЭРМ — РЖВ и позднесредневековой). Особняком стоит схема колебаний озера Ильмень за последние

Рис. 69. Рюриково Городище 2016 г. Траншея 2 в пойме.
1 – западная стенка. Вид с северо-востока.
2 – южная стенка. Вид с севера

3000 лет, выполненная географами Н. В. Васильевой и Д. Н. Субетто (Васильева 2013; Васильева и др. 2012). Наши исследования позволили существенно детализировать картину, привязав ее к высотным отметкам, к радиоуглеродным и археологическим датировкам. Это дает возможность предложить откорректированную версию динамики уровня озера Ильмень в субатлантическом периоде голоцена.

Загадочно, что, несмотря на климатические условия, благоприятные для ранних форм производящего хозяйства, с середины I тыс. до н. э. и вплоть до середины — третьей четверти I тыс. н. э. на Ильмене не ощущается концентрации земледельческих поселений. И это несмотря на присутствие неподалеку (в верховьях Мсты и Ловати) массивов населения КШК, ДДК и ДК. Что этому помешало? Отчасти этот факт объясняется поздним (около 2500 л. н.) освобождением Центрального Приильменья от вод ладожской трансгрессии. Потребовалось, вероятно, несколько столетий, чтобы на освободившихся землях сформировались привлекательные для человека ландшафты. Прорыв южного населения на берега Ильменя произошел около рубежа эр — пример этого являет Городок на Ловати/Верготи (Короткевич, Мазуркевич 1992: 71, 72).

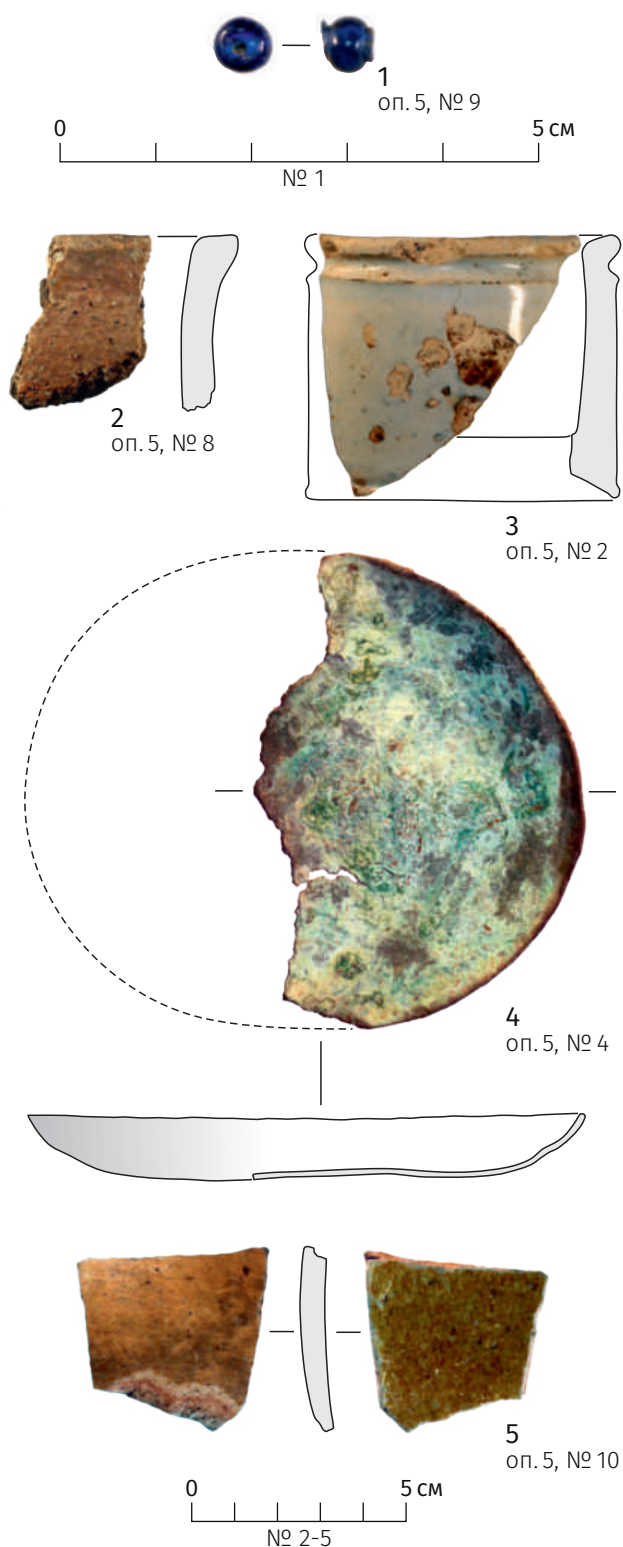
Представления о высотной отметке максимума ладожской трансгрессии на Ильмене дает стратиграфия четырех объектов: селище Ситно на Волхове, Рюриково Городище в его истоке, стоянка на Липенском холме в дельте Мсты, Наволокский торфяник в Восточном Приильменье. Падение русла Волхова в верхнем его течении составляет 0,01 м/км, что создает здесь условия, близкие к озерным (Экосистема озера Ильмень 1997: 18), и позволяет без высотных поправок сопоставлять все вышеупомянутые разрезы.

По данным наших полевых исследований, подъем воды в озере Ильмень, имевший место во II–I тыс. до н. э. в результате подпора Волхова водами Ладожского озера, достиг своих наивысших отметок между 20 и 21 м БС. Ладожская трансгрессия на Ильмене, как и полагал Д. Д. Квасов (Квасов 1975: 133), сопоставима по масштабам лишь с большим весенним паводком современности. Однако не следует забывать, что паводковые воды при среднем уровне воды в Ильмене на отметках 20–21 м БС должны были покрывать значительно бóльшие площади, чем покрывает современное половодье. Реконструируя территорию, недоступную для стабильного освоения, следует добавить еще 1–2 м за счет паводковых вод. Таким образом, земли, непригодные для освоения в Центральном Приильменье, в период максимума ладожской трансгрессии отсекаются отметкой 22 м БС как минимум и 24 м БС как максимум.

Для раннеславянской археологии значение имеет не сама трансгрессия, а ее финал, ознаменовавшийся резким спадом воды. При создавшемся

Рис. 71. Рюриково Городище 2016. Траншея 2 (в пойме Волхова). Находки. 1 – лимонитовидная пронизка VIII–XI вв.; 2 – фрагмент венчика лепного сосуда VIII–X вв.; 3 – фрагмент керамической помадной банки XVIII–XIX вв.; 4 – фрагмент бронзового блюда; 5 – фрагмент сосуда с зеленой поливой XVIII–XIX вв. 2, 3, 4 – аллювий с прослойками заиления; 1, 5 – серый аллювий с органическими включениями на нижней границе пойменного аллювия с прослойками заиления

во II–I тыс. до н. э. водном режиме на обширных заливаемых территориях Центрального Приильменья (в первую очередь в его восточной части) за несколько столетий отложился слой озерно-аллювиальных осадков, обладавших более высоким плодородием по сравнению с окружающими озерную котловину дерново-подзолистыми почвами на ледниковых отложениях. После образования Невы где-то в I тыс. до н. э. произошло резкое понижение уровня Ильменя и Волхова. От воды освободились значительные площади в котловине озера, где на озерном аллювии началось формирование пояса плодородных безвалунных почв, легких в обработке примитивными пахотными орудиями, и обширной области заливных лугов. После того, как ладожская трансгрессия перестала оказывать воздействие на обстановку в Ильменском регионе, динамика увлажненности всецело начала определяться изменениями климата, и лишь с развитого Средневековья, возможно, — антропогенными факторами (сведением лесов). К середине I тыс. н. э. вышеуказанный фактор в сочетании с отрицательной климатической динамикой увлажненности привел к тому, что уровень воды в озере опустился до отметки не более 16 м БС. В этот период Ильменские поймы обсыхают и зарастают лесом. О том, что в VII–IX вв. вода в Ильмене находилась на отметках, существенно более низких, чем средний современный уровень (18 м БС), говорит целый ряд объектов.

Средневековый «пограничный горизонт» как будто удается нащупать в разрезе Ямно. Здесь он имеет дату по дереву ВР: 1490 ± 40 (степень вероятности 2σ дает набор интервалов: 440AD (1.7%) 454AD; 478AD (2.6%) 496AD; 534AD (91.1%) 650AD). На селище Ситно в пойме Волхова на поверхности глинистых отложений ладожской трансгрессии торфонакопление, а затем — отложение аллювия на отметке 18,2 м БС определяется датой 1850 ± 90 ВР (Ле-11511) и интенсифицируется только с момента появления в обиходе керамики «ладожского типа», т. е. вряд ли ранее VII–VIII вв. Радиоуглеродные датировки этого периода по дереву, отобранные с Ситно из того же горизонта: 1250 ± 30 ; 1155 ± 24 ; 1090 ± 30 ВР. В верхнем слое Наволокского торфяника на отметках около 18 м БС под глинистым аллювием прослеживается горизонт погребенной древесины. Комбинированные датировки по дереву ВР: 1181 ± 30 ; 1003 ± 21 . «Пограничный горизонт» свидетельствует о периоде обсыхания торфяника и зарастании его лесом в VIII–IX вв. Леса этого времени могли существовать только при условии уровня озера не более 16 м БС. Как показали раскопки 2000–2003 гг. вала Рюрикова Городища, датирующегося IX в., он был насыпан на рыхлом песке пляжа на отметках около 19 м БС. При среднем размахе паводка на Ильмене 3 м меженный уровень озера должен был находиться на высотах порядка

16 м. Иначе строительство в пойме песчаного вала (даже с деревянными конструкциями) было бессмысленно — он сразу был бы подмыт и разрушен.

При таком межленном уровне озера для освоения оказываются доступны значительные площади в Восточном и Южном Приильменье, а также в Поозерье на берегу Ильменя. Сочетание луговых ландшафтов с участками широколиственных лесов обеспечивало высокую биологическую продуктивность Приильменской котловины и создавало уникальные условия для хозяйственной деятельности, не повторявшиеся более нигде на Северо-Западе России. Поймы открылись для пашенного земледелия. Именно они (в сочетании с легкими почвами на стыках моренных и озерно-ледниковых ландшафтов), а не сосновые боры в камовом рельефе являлись основой хозяйственного благополучия населения второй половины I тыс. н. э. Представления о роли в это время подсеки в сосновых борах (Конецкий, Самойлов 2000) сильно преувеличены. О распашке пойменных лугов в период не позднее середины IX в. свидетельствует пахотное поле в переувлажненной ныне пойме Волхова близ Рюрикова Городища (Носов, Плохов, Хвоцинская 2017: рис. 126), на котором были поставлены укрепления эпохи викингов.

Кроме пахотных угодий в распоряжении обитателей берегов озера Ильмень появились и огромные плодородные заливные луга, позволявшие содержать большое количество скота на компактной и легко контролируемой территории. *Большой частью, вероятно, пойменные угодья использовались именно для скотоводства.* Известно, что до появления кос, при наличии в хозяйстве только серпов, именно осоковые сенокосы на заливных лугах представляют наибольшую ценность (Pedersen, Widgren 2011: 50). Косы в Приильменье появляются только в VIII в. (клад на Холопьем Городке), до этого обитатели использовали лишь серпы (находки в Городке на Ловати/Верготи и в Городке на Маяте).

Озеро Ильмень прикрывало массив ценных пойменных угодий в Восточном и Южном Приильменье от вражеских набегов с запада и севера. Три эти фактора — наличие плодородных пахотных почв, идеальные пространства для содержания стад и природная защищенность угодий в случае войны, позволяли концентрировать в Приильменье значительные ресурсы.

Интересно, что древнейшие городища Приильменья — Городок на Ловати/Верготи; Городок на Маяте, Бронница, Рюриково Городище, Холопий Городок — расположены таким образом, что по дуге (с севера, востока и юга) охватывают это восточное пойменное пространство (рис. 72). Расположение городищ наводит

на мысль о том, что поймы и были главным богатством населения Центрального Приильменья, и что городки защищали в первую очередь пасшийся там скот. Речь идет о периоде с РЖВ до IX в. Центральное Приильменье, исходя из полученных в 2000-х гг. данных, видится не как огромный заливной луг, большую часть года недоступный для хозяйственного использования, а как внушительный массив плодородных аллювиальных почв, сравнительно недавно освободившихся от вод ладожской трансгрессии и доступных для культивации и выпаса скота, а также для заготовки древесины. Вышеупомянутые городища представляли собой не острова среди поймы, а холмы среди пахотных полей, выгонов и дубовых роц.

Вторая половина I тыс. н. э. прошла на фоне постепенного увлажнения и потепления климата, хотя и отмечаются непродолжительные возвратные явления. В схеме А. М. Микляева эта трансгрессия носила номер 8 (рис. 7). Трансгрессия озера Ильмень к концу I тыс. н. э. начала угрожать глубокими изменениями экосистеме озерной котловины и поставила перед ее обитателями серьезные задачи по перестройке хозяйства. В этот период в поймах фиксируется ряд выразительных экологических событий.

- В VIII–IX вв. в пойме Волхова на селище Ситно на отметках примерно 18 м БС идет процесс образования торфяника с прослойками аллювия.

- В конце IX — начале X в. разрушается разливами Волхова пойменная часть оборонительного вала Рюрикова Городища, и у его подножия в пойме на отметках 18–19 м БС начинается накопление аллювия.

- В IX–X вв. на отметках около 18,5 м БС гибнет подтопленный лес на Наволокском торфянике, и поверх него начинается накопление глинистых озерных отложений.

- В дальнейшем продолжающаяся трансгрессия прослеживается в виде аллювиального наноса на погребенном торфянике на участке 10 селища Ситно на отметках около 19,5 м БС. На селище Ситно отложения трансгрессии датируются раннегончарной керамикой и бусами временем не ранее второй половины X — XI в. (рис. 18; 19).

- В X–XII вв. начинается отложение озерных осадков в краевой части поселения VII–IX вв. на Липенском холме на отметке ок. 21 м БС.

Все свидетельствует о том, что трансгрессия к X в. привела уже к качественным изменениям в экологической ситуации и к новой географической реальности, которая и сопутствовала формированию древнерусской сети речных путей и перестройке системы земледельческих угодий вокруг Ильменя. С этого времени поймы перестают играть главную роль в хозяйстве населения Приильменья.

ГЛАВА 4. Центральное Приильменье — ключ к изучению славянской колонизации в Восточно-Балтийском регионе

Территориальное истребление, выражающееся в уничтожении населения, ergo сокращении территории и истреблении населения различными путями, характерно для борьбы двух близких по образу жизни и нуждающихся в территории этносов.

*С. М. Широкогоров. Этнос*¹³²

Русская историческая география XIX — начала XX в. видела движение славян в лесную зону Восточной Европы в VI–X вв. н. э. как земледельческую колонизацию малообжитых пространств, занятых кочующим финским и «литовским» населением, живущим охотой и рыболовством. Анализ этих представлений дан мной ранее (Еремеев, Дзюба 2010: 519, 520). Во второй половине XX в. под влиянием трудов археологов, палеоботаников и почвоведов эти представления коренным образом изменились в сторону признания за населением первой половины I тыс. н. э. земледельческой специализации, основанной на подсечном земледелии. Идея о подвижном дославянском населении, впрочем, сохраняла силу, ведь основание хозяйства исключительно на подсеке также подразумевает постоянные перемещения на неистощенные земли. Теперь исследователи реконструировали экспансию славян с юга в леса как движение «прогрессивных» земледельцев (практиковавших пашенное переложное земледелие) в среду более «примитивного» в хозяйственном отношении населения, живущего исключительно подсекой. Действительно, на памятниках, которые наиболее уверенно исследователи соотносят со славянами (в ареалах киевской, пражской, пеньковской культур), железные наральники известны (Горбаненко 2010: 48–50). При этом признавалось, что угодья, наиболее удобные для пахоты, в ландшафтном отношении отличались от угодий, где наибольший урожай давала подсека. В первом случае это были суглинистые моренные и аллювиальные почвы; во втором — супесчаные почвы ландшафтов водно-ледникового происхождения.

В обеих этих концепциях был важный общий пункт. И в том, и в другом случае пришельцы и туземцы, по мысли исследователей, размещались в различных экологических нишах. Таким образом, обосновывалась идея о длительной мирной конкуренции различных хозяйственных укладов, в которой естественным образом победу одержало более продуктивное пашенное земледелие, позволившее создавать устойчивую систему долговременных поселений.

Ассимиляция местного населения происходила постепенно на фоне усвоения им более продуктивной системы хозяйствования. Подобные научные представления наталкивались на две проблемы.

Во-первых, они не объясняли резкие изменения в материальной культуре, дважды менявшие культурно-исторический пейзаж Северо-Запада в I тыс. н. э. Первый раз это произошло во второй четверти I тыс. н. э. и было связано с гибелью культур РЖВ: дьяковской, днепро-двинской, культуры штрихованной керамики и среднетушемлинской. На их месте появились группы древностей, родственные киевской культуре Среднего Поднепровья. Второй раз еще более резкие изменения произошли в VIII в., когда прекратили свое существование банцеровская, тушемлинская и колочинская культуры, а КПДК пережила кризис, который поставил под вопрос ее участие в формировании древнерусской культуры IX–XI вв. Следует отметить, что и вышеупомянутые культуры раннего железного века и культуры эпохи переселения народов относятся к типу «городищенских» — для них характерно было массовое распространение небольших укрепленных поселков на природных возвышенностях и мысах. Волнообразные кризисные процессы, выразившиеся в происходивших раз за разом массовых запустениях городищ, весьма мало походили на результаты конкуренции различных хозяйственных укладов и больше напоминали результаты военно-политических событий.

Во-вторых, накапливались сведения о том, что ХКТ «городищенских» культур РЖВ базировались на пашенном земледелии. Хозяйство оставившего их населения, хоть, возможно, и имело значительный уклон в сторону скотоводства, лесных промыслов и охоты, тем не менее, в основе своей мало отличалось от хозяйства славян VI–VII вв.

Все эти обстоятельства привели нас к мысли, что отношения групп населения, проживавшего в I тыс. н. э. на днепровско-ильменском пространстве Русского Северо-Запада, следует рассматривать не в контексте конкуренции «прогрессивных» и «отсталых» хозяйственных укладов, а с иных позиций. Речь следует вести о последовательных сменах населения с близким хозяйственным укладом, происходивших

¹³² Широкогоров 2012 (1923): 108.

в первую очередь под влиянием демографического, военного и политического факторов. Объединяющим мотивом этих факторов, как мы видели в главе 2 в византийских источниках, является насилие. Таким образом, перед нами стоит задача реконструкции его форм применительно к эпохе и региональной специфике.

Последовательность смены культур I тыс. н. э. давно уже определена археологами. Их усилия теперь направлены на выявление связующих звеньев — поиск комплексов, содержащих, например, элементы ДК, КШК, ДДК, в различных их вариациях, и последующих, предположительно славянских, древностей. Комплексов таких катастрофически мало. Их поиск упирается в несовершенство раскопчной методики и превращается в малоперспективные блуждания в микростратиграфии поселений, где большей частью невозможно доказать синхронность находок. Поиски такого рода, в разной мере успешные, есть и в этой работе ниже.

Здесь же попробуем посмотреть на проблему шире. Теряясь в микростратиграфии, археологи упускают мысль: городище само по себе является закрытым комплексом совершенно особого рода. Рельеф лесной зоны содержит бесчисленное множество холмов и мысов, пригодных для обороны. Тем не менее, на протяжении столетий одни и те же участки рельефа выбирают для укреплений коллективы, между которыми, казалось бы, очень мало общего. Причина этого — отнюдь не этнокультурная преемственность коллективов (ее редко удается доказать). Гораздо более очевидно стремление утвердить свое присутствие в ключевой точке *мифического* пространства. Именно это постоянство делает городища воплощением идей доисторического насилия. Это те точки пространства, где насилие концентрируется и в метафизическом, и физическом смысле, воплощая как последнюю надежду на выживание, так и первоочередную цель нападения.

4.1. Доисторические городища в Центральном Приильменье (рис. 72)

Что такое *городище*? Исходным словом является славянское *город*, обозначавшее первоначально выделенный оградой участок ландшафта, а затем — собственно город в древнерусской трактовке (Срезневский 1893: 555; ЭССЯ 1980: 34, 35). В основе понятия лежит семантика пространства, изъятого из обычного мира, заключенного в магический круг. Такое пространство могло быть домом, военным укрытием или местом совершения ритуалов. Самым первым и знаменитым городищем в русской истории стал городок Кия на Дунае:

«... приде къ Дунаеви. И възлюби мѣсто. И срубѣ градокъ малъ, и хотяше състи с родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущи; еже и доньнѣ наречють дунайци городище Киевецъ» (ПВЛ 1996: 9, 10).

Собственно, ПВЛ дает наиболее распространенную трактовку термина. Сопоставляя это известие с бесчисленными топонимами *Городище* (на Руси древнейший из них близ Новгорода упомянут в Н1 под 1103 г.), ученые начали вслед за летописью рассматривать их как заброшенные родовые военно-административные центры. После повсеместных археологических раскопок они укрепились в мысли, что городища — это укрепленные укрытия для людей, скота и скарба на случай военной опасности.

Понадобилось много лет раскопок, чтобы снова в этом усомниться. Разумеется, военные функции крепостей IX–X вв. и более позднего времени ясны. Их назначение подтверждается письменными источниками. Иначе обстоят дела с древнейшими поселениями на высоких и труднодоступных холмах и мысах, которые появляются в лесной зоне Восточной Европы во II тыс. до н. э. и используются вплоть до эпохи переселения народов. Далеко не на всех из них удастся выявить деревоземляные или каменные фортификационные сооружения, соответствующие древнейшим этапам жизни (Виткунас, Забела 2017: 13). Вероятно, первые укрепления делались из завалов деревьев или каких-нибудь рогаток из дерева, не оставляющих следов в сухом культурном слое, если их не сжечь или не засыпать грунтом.

Известно мнение, что возникновение поселений на холмах и мысах связано не с войной, а с необходимостью охраны домашних животных от диких зверей или с какими-то ритуальными практиками (Шнирельман 1994: 36). Некоторые городки (без культурного слоя) могли быть построены специально для достижения тактических военных целей. Нет оснований отрицать использования в войнах дописьменного периода полевых укреплений, например, таких, какие открыты А. Е. Леонтьевым на городище Еськи (Леонтьев 2015) или таких, которые упоминались выше в разделе, посвященном историческим данным о славянской полевой фортификации. Где в таком случае нужно провести грань между этими «мирными» и «военными» городками? Будет ли эта грань хронологической? Или городки разного назначения сосуществовали? Ответы можно попробовать дать для некоторых городищ Центрального Приильменья.

Следы поселений ЭРМ и РЖВ выявлены на городках повсюду, где шли раскопки. Обычно это единичные находки в раннесредневековых слоях и отдельные радиоуглеродные датировки (табл. 24). Открытие комплексов, а тем более фортификаций этого времени — большая редкость.

Табл. 24. Основания для выделения городищ ЭРМ – РЖВ в Приильменской низменности

№	Объект	Тип городка	Основания для причисления памятника к ЭРМ – РЖВ					Планировка городища
			Находки	Керамика	Наличие комплексов	Даты ¹⁴ С	Наличие могильника	
1	Городок на Шелони	Мыс						
2	Загородищи	Мыс						
3	Крутец	Холм						
4	Городцы	Холм						
5	Подгощи	Мыс (?)						
6	Георгий	Мыс						
7	Холопий Городок	Холм						
8	Рюриково Городище	Холм						
9	Бронница	Холм						
10	Городок на Маяте	Мыс						
11	Сельцо I	Холм						
12	Городок на Ловати/Верготи	Холм						
13	Княжая Гора	Холм						
14	Шелгуново	Мыс						

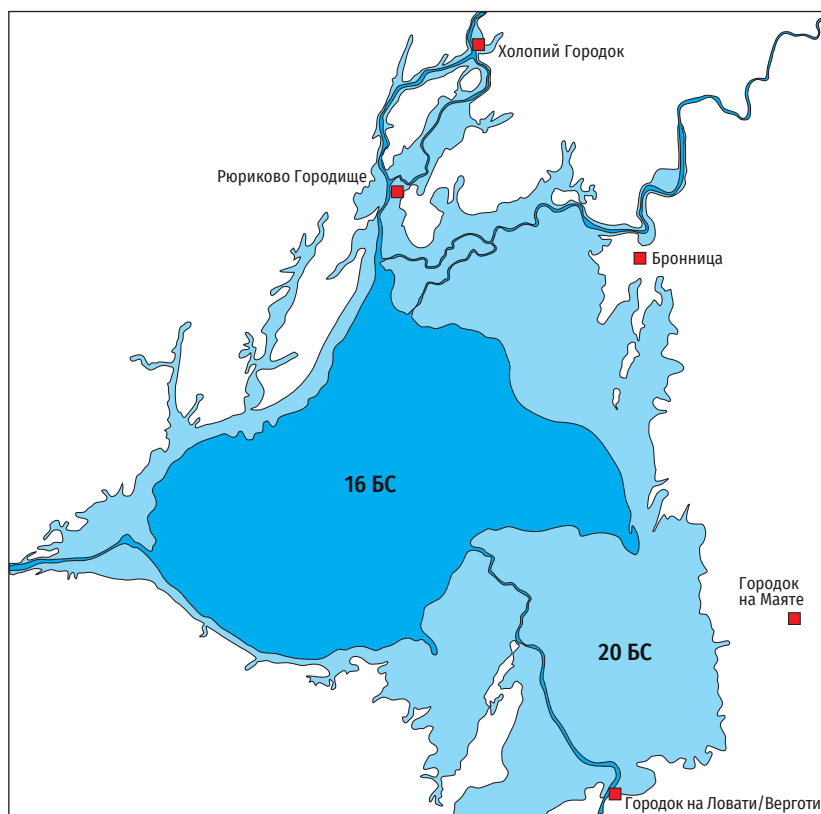

Рис. 72. Древнейшие городища в Приильменской котловине и предполагаемые меженные границы озера в период максимума ладожской трансгрессии (20 м BC) и в VII–IX вв. (16 м BC)

Подробные описания приильменских городищ представлены в Приложении 1. Перечислю кратко данные о древнейших находках.

Городок на Шелони. Из раскопок С. Н. Орлова происходит бронзовый топор с закраинами, относящийся к середине II тыс. до н. э. (Юшкова 2010а: 274).

Загорбдищи. В Новгородском музее хранится каменный сверленный топор (рис. 73; 74: 1), найденный местным жителем в ур. «Красный Вал» (НИАМ/18 А/94). Зачистки культурного слоя производились С. Н. Орловым в 1969 г. Найдены пережеженные камни, глиняная обмазка, фрагменты лепной керамики, обломок узколезвийного железного серпа (Орлов 1969: 41). Городище предварительно датировано С. Н. Орловым ранним железным веком, хотя сохранившийся в НГОМЗ керамический материал датируется второй половиной I тыс. н. э. К нему я еще вернусь ниже. К городищу примыкает селище, при обследовании которого найдена лепная керамика, датированная РЖВ.

Погляздово-Крутец. Городище «Городок» располагается на левом берегу р. Колошка на холме подтреугольной формы с крутыми склонами (рис. 75; 76). Подъемный материал — керамика, отнесенная к РЖВ (Миронова А-1981).

Горбдцы. Городище расположено на правом берегу р. Псижа на возвышенном окончании моренной гряды. Представляет собой округлый в плане холм, высотой с напольной стороны около 5 м (рис. 77). С северо-запада холм круто обрывается к реке. С запада подходы к городищу защищены заболоченной поймой впадающего в Псижу ручья. Площадка городища размерами около 25 × 50 м вытянута с востока на запад. Культурный слой не зафиксирован (Миронова А-1981). Укрепления городища состоят из эскарпа, охватывающего холм со всех сторон, кроме примыкающего к речному обрыву участка. С северо-восточной стороны в эскарпе имеется разрыв, вероятно, указывающий на место расположения древнего въезда на площадку. Ниже вышеописанного эскарпа располагается еще одна терраса, тоже напоминающая эскарп (по ее восточной части проходит шоссе), но уверенности в принадлежности ее к системе укреплений быть не может. Таким образом, Горбдцы имеют архаичную холмовую планировку и по типу укреплений больше всего напоминают Бронницкое городище.

Подбџици. Данные об этом объекте расплывчаты. На левом берегу р. Векши имеется урочище «Городок». В начале XX в. при земляных работах в с. Подгощи найдены были костяк, сверленный топор и каменное «ядро», скорее всего, камень-терочник (Отчет 1912: 168–169; Александров 1913; Юшкова 2011: рис. 4: 5). Т. е. здесь находился грунтовый могильник, подобный Бронницкому.

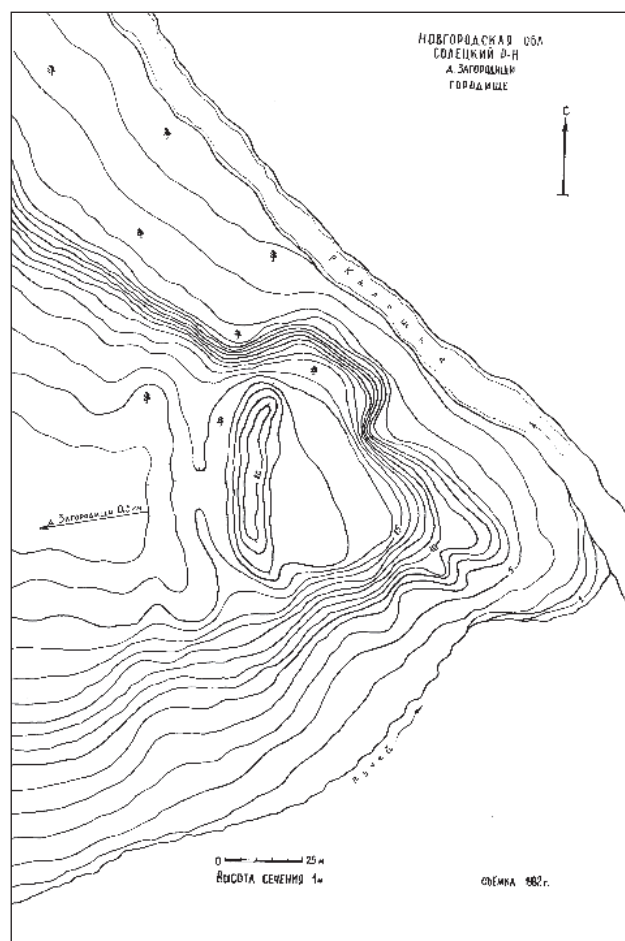
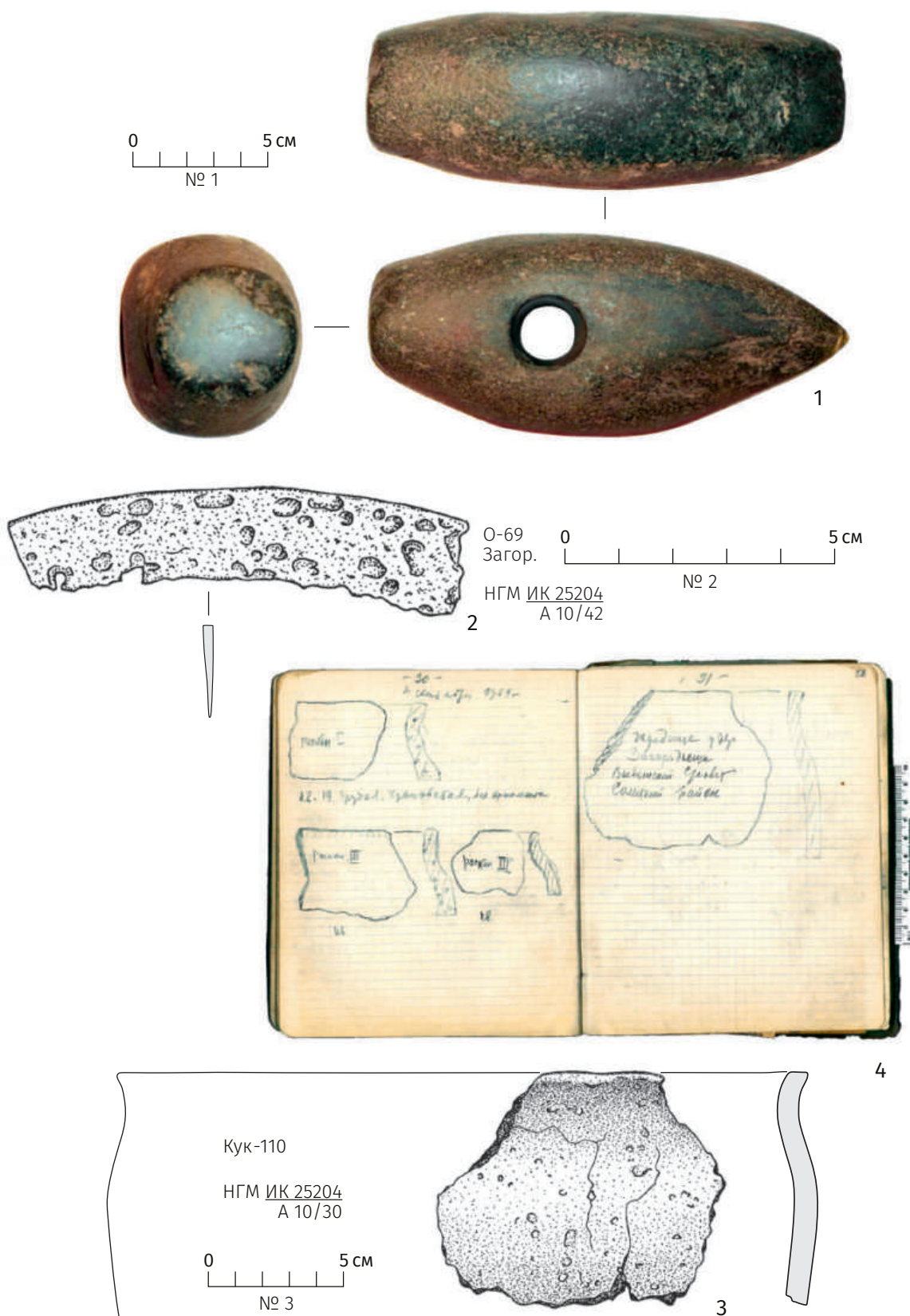

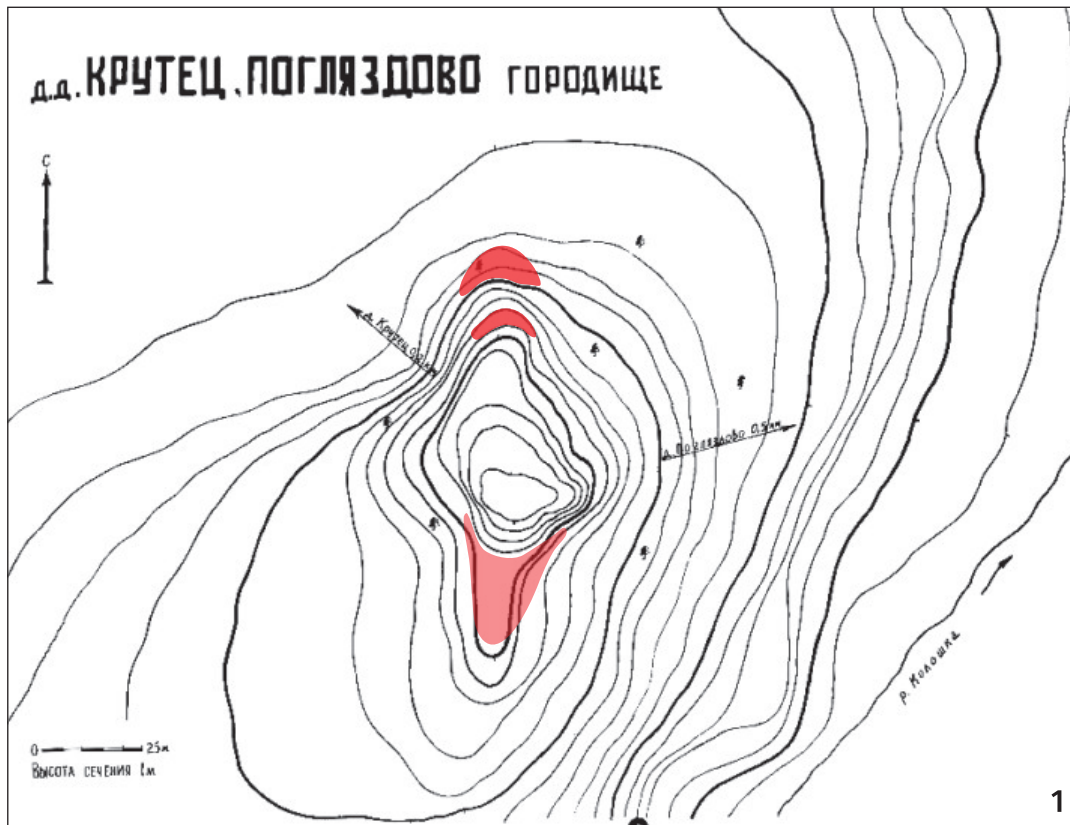
Рис. 73. Городище Загорбдищи

С. Н. Орлов, обследовавший урочище в 1966 г., нашел городище в 1 км к югу от деревни Подгощи. Высота холма над поймой Векши — 3–4 м, овальная площадка имела размеры 100 × 40 м. С. Н. Орлов отметил, что карьер уже уничтожил ров городища (Паспорт 1966). В 2015 г. мне удалось отыскать место, описанное С. Н. Орловым, расположенное на мысу в заболоченной пойме реки (такой мыс здесь один). Оказалось, что городище полностью уничтожено карьером. Датировка памятника осталась неясной.

Георгий. В культурном слое в качестве нестратифицированной примеси встречались фрагменты лепной керамики с сетчатой поверхностью и штриховкой (Орлов 1984: 72; Носов 1991: 18; 1997: 207; Носов, Плохов 2002: 167; Юшкова 2011: 186). Известны также находки кремневого скребка с площадки (Орлов А-1979: 8), обломка шлифованного сланцевого орудия изо рва (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 138) и фрагмент сланцевого тесла (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 137). О существовании на этом месте поселения в ЭРМ говорит одна из радиоуглеродных датировок, полученная из траншеи: 2350±70 ВР (Ле-3936) (Попов, Зайцева 1994: 182).

Рис. 74. Городище Загородищи. Находки разных лет. 1 – каменный топор (случайная находка); 2, 3 – фрагмент железного серпа и лепного сосуда из раскопок С. Н. Орлова в 1969 г. Фрагмент сосуда идентифицирован в фондах НГОМЗ по зарисовке в полевом дневнике С. Н. Орлова – 4

Рис. 75. Городище Крутец-Погляздово. 1 – план В. Г. Мироновой (Миронова А-1981) с пояснением И. И. Еремеева о расположении террас концевых эскарпов (обозначены заливкой). 2 – вид городища с северо-запада. Хорошо видна северная система эскарпов. Фото 1981 г. (Паспорт А-1981)

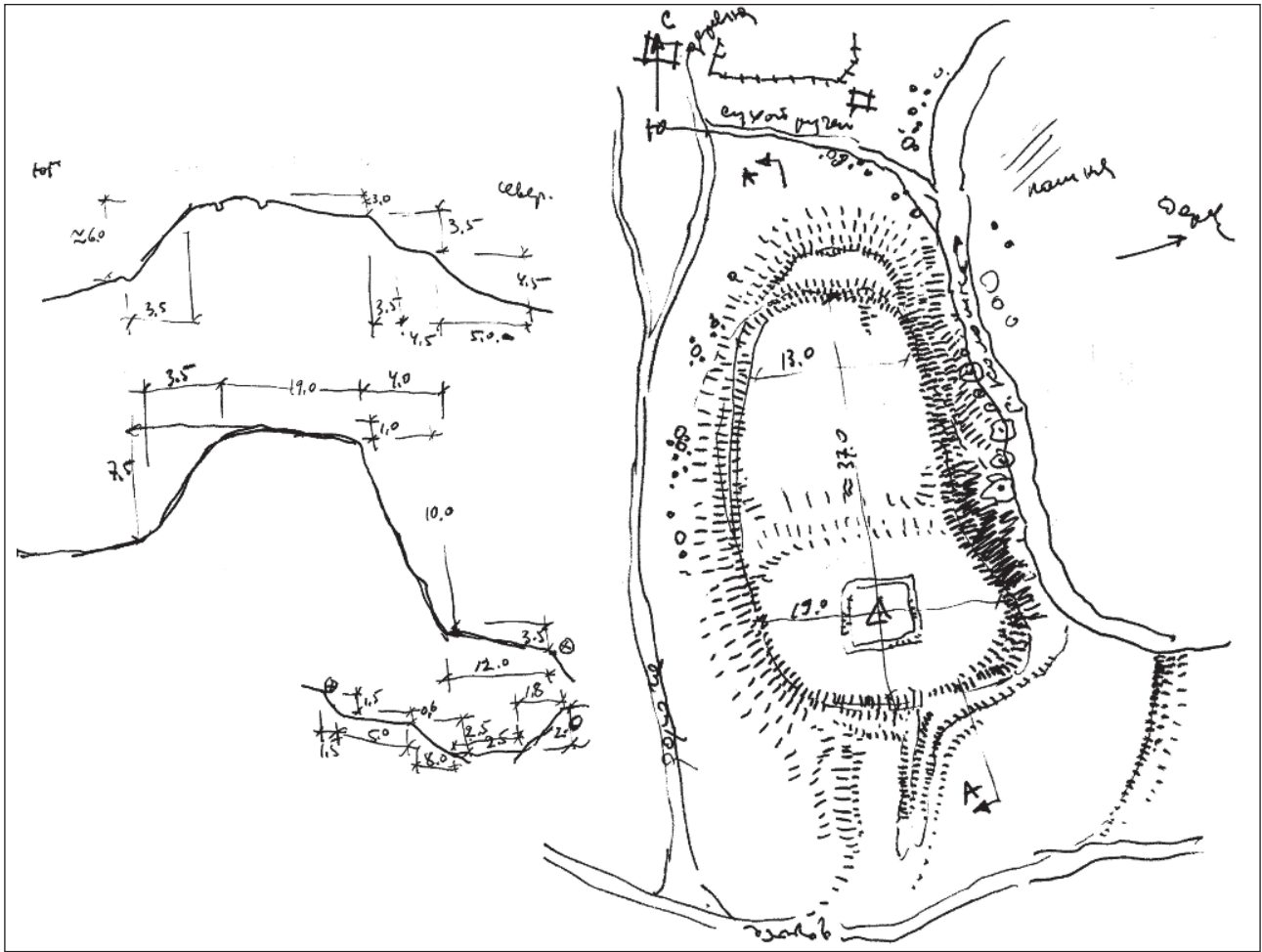

Рис. 76. Городище Крутец-Погляздово. Глазомерный план и обмеры С. Н. Орлова (Паспорт 1968)

В 1991 г. в одном из материковых углублений раннесредневекового времени была найдена фибула III–IV вв., имеющая многочисленные аналогии на памятниках черняховской культуры (Носов 2002: 74–75; Носов, Плохов 2002: 167–168; Носов, Горюнова, Плохов 2005: 137). Можно не сомневаться, что на месте городища в I тыс. до н. э., а затем в начале I тыс. н. э. существовало поселение, культурный слой которого был распахан в Раннем Средневековье и не сохранился. Неясным остается вопрос, было ли это городище? Поскольку края холма сильно подрезаны при сооружении вала и рва в IX в., ответить на этот вопрос пока не представляется возможным. В раскоп 1993 г., исследовавший край холма под валом, не попали сооружения, похожие на укрепления, но удалось зафиксировать большие западины аморфной формы, запаханые по краям, заполненные слабогумусированным песком. Находок в них не было. Таким образом, обнаружение на городище сооружений РЖВ представляется вполне возможным.

Холопий Городок. В раскопках разных лет неоднократно фиксировались керамические материалы РЖВ (Носов, Плохов 1989: рис. 1; 1997: 132; Юшкова

2011, А-2007). Датировка древнейшего поселения на холме определяется общей датировкой памятников волховского типа, выделенных М. А. Юшковой, — с конца II тыс. до н. э. до третьей четверти I тыс. до н. э. (Юшкова 2011: 63). Найденные здесь кремневые орудия и шлифованное долото допускают и более раннюю датировку.

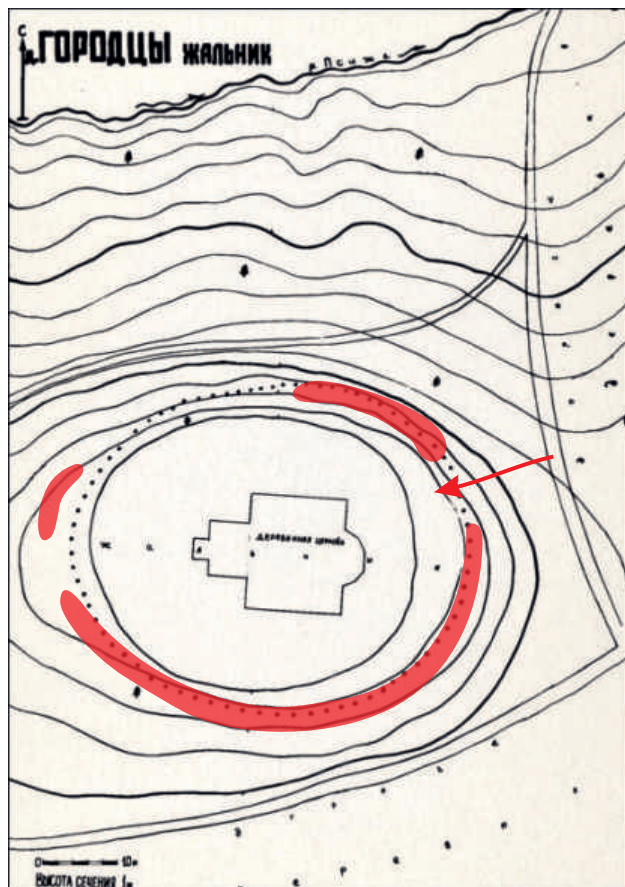
Рюриково Городище. В раскопках Е. Н. Носова на площадке неоднократно фиксировалась керамика так называемого волховского типа раннего железного века (Плохов 1987; Юшкова 2011, 2011а). С ней относятся находки в слое шлифованного тесла и каменного проушного топора (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 65, табл. 8: 3). В раскопе 2006 г. в центральной части Городища на внешней бровке рва, сооруженного в IX в. (видимо, на месте более ранней естественной ложбины) Е. Н. Носову удалось зафиксировать материковую яму с развалами двух сосудов ЭРМ (Носов, Плохов, Хвошинская 2017: 36, 68, рис. 4). Сосуд, сохранившийся целиком, представляет, видимо, более примитивное исполнение того же типа емкости, которая найдена на участке № 10 селища Ситно и на селище Прость (рис. 28), и относится к той же эпохе.

На Благовещенском раскопе в северной части холма на краю площадки под раннесредневековым культурным слоем и пахотным горизонтом зафиксирована материковая яма с карбонизированным основанием мощного столба, возможно, от ограды примитивного укрепления. Культурный слой этого времени был распахан в VIII–IX в. н. э. По столбу получены две радиоуглеродные датировки — 2650 ± 25 и 2900 ± 60 ВР (Ле-11423), по которым построена комбинированная дата, компактно укладываемая в интервал 900–800 ВС. Эта датировка является древнейшей для укреплений приильменских городищ. Она коррелирует с самой ранней датировкой, полученной для предматерикового культурного слоя площадки городища: 2870 ± 40 ВР (Ле-3332), 1120–970 лет до н. э. с вероятностью 1 σ (Попов, Зайцева 1994: 179; Носов, Горюнова, Плохов 2005: 65; Юшкова 2011: 184).

Бронница. В 1908 г. в карьерах у восточного и юго-восточного подножия Бронницкой горы крестьянами были найдены каменные орудия (три топора и тесло) и человеческие кости. Первым на место прибыл секретарь Губернского статистического комитета В. А. Подобедов, описавший в общих чертах разрушенный могильник (Подобедов А-1908; Подобедов 1909). Позднее сюда по заданию Археологической комиссии выехал А. А. Спицын, но застал объект уже совершенно уничтоженным (Отчет 1912: 168–169; Отчеты 1913: 165; Брюсов, Зимина 1966: табл. 2–4; Эпоха бронзы 1987: 60, 63).

В 2013–2014 гг. городище раскапывалось мною. В раннесредневековом культурном слое найдено значительное количество мелких фрагментов лепной керамики ЭРМ и РЖВ, кремневые орудия и обломок каменного топора. С древнейшими периодами жизни на городище связаны три фрагмента одноразовых глиняных форм для отливки круглых в сечении браслетов или гривен с гладкой поверхностью (рис. 178: 6; 181: 2; 213: 1). Формы изготовлены из отмученной глины без примеси дресвы. Литье происходило по восковой модели. На ровной твердой поверхности (обычно на доске) мастер лепил глиняное кольцо, на которое укладывал модель и обмазывал ее слоями глины, наращивая кольцо вверх. Сверху могла накладываться вторая доска, тогда в сечении литейная формочка приобретала прямоугольную форму с вогнутыми боками (такие предметы известны на городищах Анашкино в Верхнем Подвинье и Брикули в Латвийском Подвинье). Найденные в Броннице фрагменты нижней части таких кольцевидных форм были изготовлены на доске и имели в основании в разрезе трапецию. На нижней плоскости одного кольца хорошо сохранились отпечатки древесных волокон.

Кольцевидные (трубчатые) глиняные формы для отливки гривен и браслетов по восковой модели

1

2

Рис. 77. Городище Городцы на р. Псижа (Волотовский р-н, Новгородская обл.). Красной заливкой отмечены участки, на которых прослеживается искусственная террасированность (эскарп?). Эскарпы нанесены на план И. И. Еремеевым по результатам осмотра в октябре 2017 г. 1 – план жальника-городка (Миронова А-1981); 2 – немецкая фотография военного времени (вид с юго-востока)

хорошо известны в Восточной и Центральной Европе на памятниках рубежа ЭРМ и РЖВ. Многочисленные находки (обычно с городищ) тянутся широкой полосой от Беломорья и Карелии (Косменко 1996: рис. 63: 7–9; Манюхин 1996: 234, рис. 58: 9; Суворов 2007: 126, рис. 99) через Прибалтику и Белоруссию в Польшу (Шноре 1959: таб. I, II; Мельниковская 1967: 128; Поболь 1971: рис. 21: 6; 1983: рис. 56: 3; Vasks 1994: XV tabula; Егорейченко 2004: 292, 2006: таб. 39; Лошенко 2011: 332, рис. 90: 8–10, рис. 91: 4, 5, 7–9, 12, 13; Лошенко, Барцева 1995: рис. 1: 8–10) и преимущественно датируются в пределах второй-третьей четверти I тыс. до н. э. Ближайший к Ильменю регион, где изготовление и использование гладких литых колец имело широкое распространение, — ареал днепро-двинской культуры (Поболь 1983: рис. 56: 3; Шмидт 1992: 118–119). Можно отметить находку таких формочек на городище Осыно (Третьяков А-1972: рис. 40), где они, видимо, соотносятся с текстильной керамикой.

Сузить датировку помогают находки на хорошо изученных памятниках в ареале ДК (Дьяково городище) и в ареале ДДК (городище Анашкино). На Дьяковом городище шесть обломков подобных форм происходят из погребенной почвы (слой Г) в раскопе 1981–1987 гг. (Кренке 2011: 43, 44, рис. 52: 8, 10–14). Слой датирован с применением комплексной методики второй четвертью I тыс. до н. э. (Кренке 2011: 139). В Анашкино несколько десятков фрагментов от аналогичных форм происходит из древнейших напластований городища, из нижнего слоя коричневого песка (Короткевич А-2011: л. 18, 46, рис. 75, 84)¹³³. Датировка древнейшего горизонта городища по радиоуглероду указывает на интервал VI–IV вв. до н. э. (Короткевич 2013: 179).

Итак, оптимальная датировка глиняных форм — вторая четверть I тыс. до н. э. Нужно помнить, что верхняя хронологическая граница рассматриваемых вещей и технологии весьма неопределенна. Браслеты и гривны с гладким стержнем были простейшим украшением, бытовавшим в Европе на протяжении позднего гальштата и латена (Мельниковская 1967: 76, 77). А. И. Дробушевский отмечает находки фрагментов подобных форм в Белорусском Поднепровье в напластованиях поселений зарубинецкого времени (Дробушевский 2016: 89, рис. 20: 10, см. также Поболь 1971: рис. 21: 6, 7). Речь идет, конечно, о многослойных памятниках. В любом случае, затруднительно поднять датировку таких изделий выше рубежа эр.

Текстильная керамика Бронницкого городища (рис. 169: 6, 8, 12, 13; 170: 3–5, 8, 15; 171: 3; 173: 8;

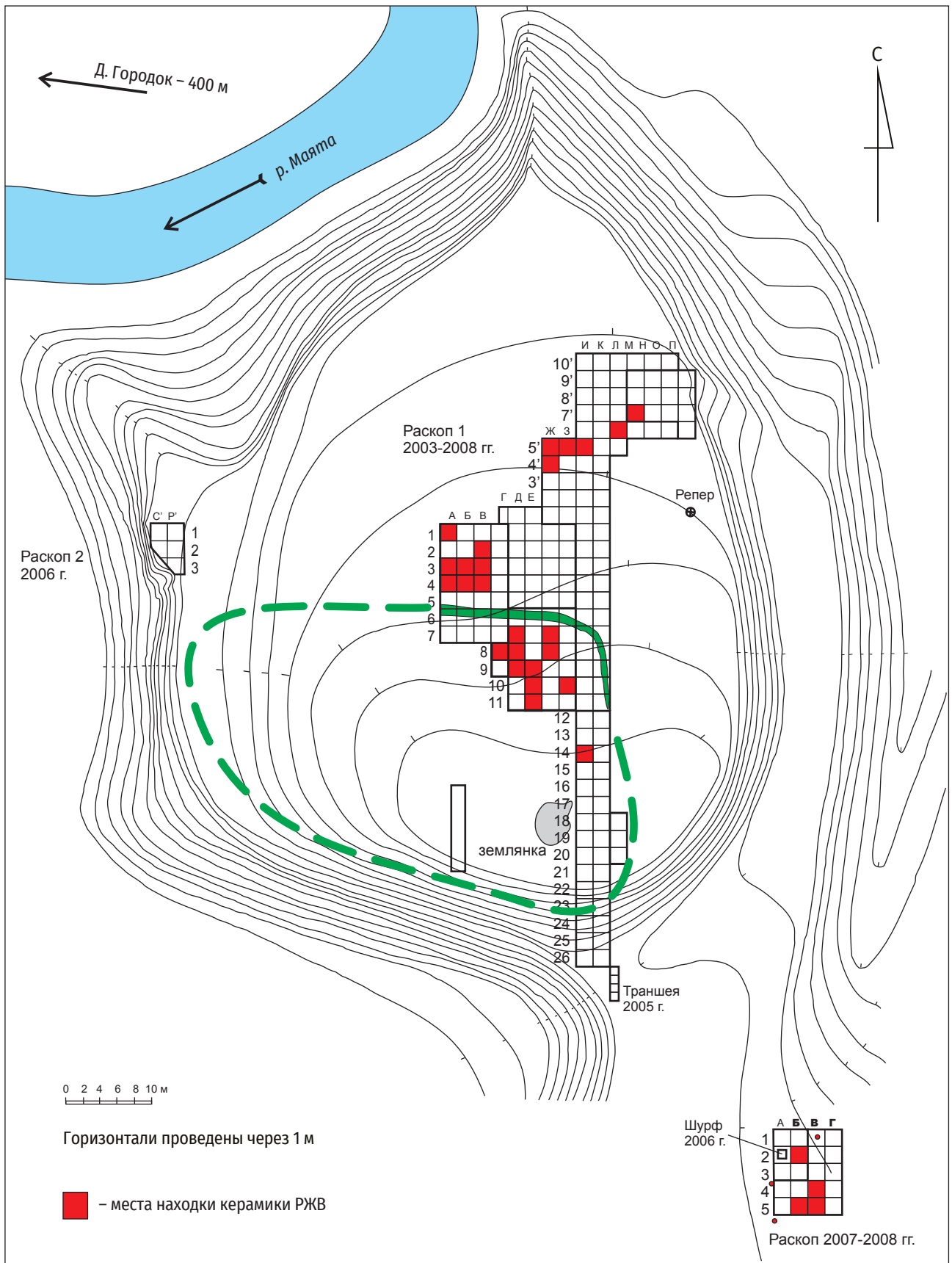
174: 3, 4, 6, 7, 10; и далее) представлена фрагментами с очень разнообразным набором оттисков, что характерно для дьяковских городищ (Сыроватко 2009: 106, 143). С древнейшими укреплениями на Бронницкой горе можно предположительно связать участок рва, открытый в раскопе 1 в 2013 г. (рис. 146). Вероятно, он отрезал небольшую, наиболее возвышенную часть городища. Глубина рва не превышала 1 м, но для древнейших укреплений РЖВ Европейской России эта ситуация вполне типична (Сыроватко 2009: 44–45). Возможно ров, как в Городке на Маяте, изначально предназначался для частокола (см. ниже). Впрочем, ни следов дерева, ни камней во рву зафиксировано не было.

Городок на Маяте. В материке найдены следы древнейших укреплений в виде частокольной канавки, огораживавшей возвышенную часть холма (Еремеев, Дзюба 2010: 61–65). Линия частокола прослежена на протяжении 28 м (рис. 78). Максимальная площадь, которую могли охватывать эти примитивные укрепления, составляет едва ли более 1500 м² (около 50 × 30 м). Еловые столбы местами забутованы бульжником (рис. 79). По карбонизированным основаниям бревен частокола получена серия из четырех радиоуглеродных датировок. Комбинированная дата указывает на период 520–390 ВС как на наиболее вероятное время постройки ограды. В разных местах на городище найдено несколько фрагментов керамики РЖВ. Выделяются сосуды, близкие ДДК, и керамика типа лууконсаари (рис. 80: 1, 2, 18, 19). Оснований для датировки этих материалов на памятнике не обнаружено, кроме следующего случая.

Среди керамических находок с селища выделяются три фрагмента необычного слабопрофилированного сосуда, обильно украшенного в верхней части тулова зигзагообразным штрихованным орнаментом в сочетании с тычками и защипами. Тулово горшка было сплошь орнаментировано рядами защипов (рис. 80: 3–7). Защипы на тулове сосуда можно встретить на памятниках ДК Верхнего Поволжья, где подобная орнаментация, возможно, распространяется под влиянием древностей типа среднего слоя Тушемли (Исланова 2008: 34, рис. 136). Однако, ввиду отсутствия заметных дьяковских элементов в культуре Городка на Маяте, верхневолжские параллели первых веков н. э. представляются второстепенными. К югу от Ильменя находки аналогичным образом орнаментированных сосудов на городище Полибино в верхнем течении Ловати (Станкевич 1960: 278, таб. LXII: 1, 2, 5; Лопатин, Фурасев 2007: рис. 41: 9) и на селище Узмень (Минасян 1979: рис. 3: 13) с большей вероятностью указывают на направление, по которому потомки носителей среднетушемлинских традиций вышли к берегам Ильменя.

¹³³ Хранятся в ОАВЕС ГЭ. Наиболее выразительные фрагменты: ГЭ 2915/375–382. Пользуюсь случаем выразить признательность Б. С. Короткевичу, ознакомившему меня с коллекцией из своих раскопок.

Рис. 78. Городище у д. Городок Парфинского района Новгородской области (Городок на Маяте). Места находок лепной керамики эпохи РЖВ и предполагаемая линия укреплений середины I тыс. до н. э.

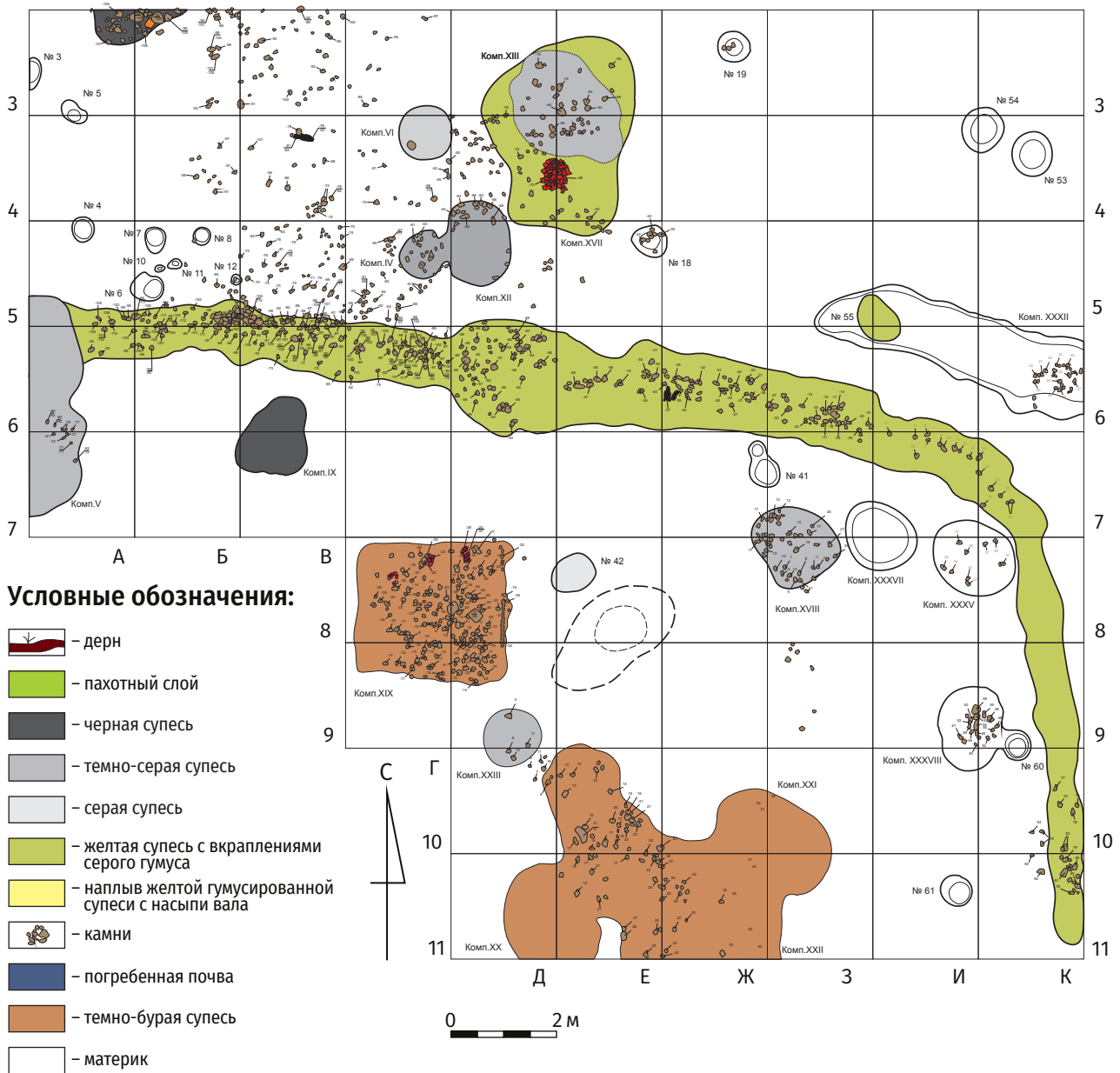

Рис. 79. Городок на Маяте. Раскоп 1 на площадке городища. Второй ярус горизонта камней

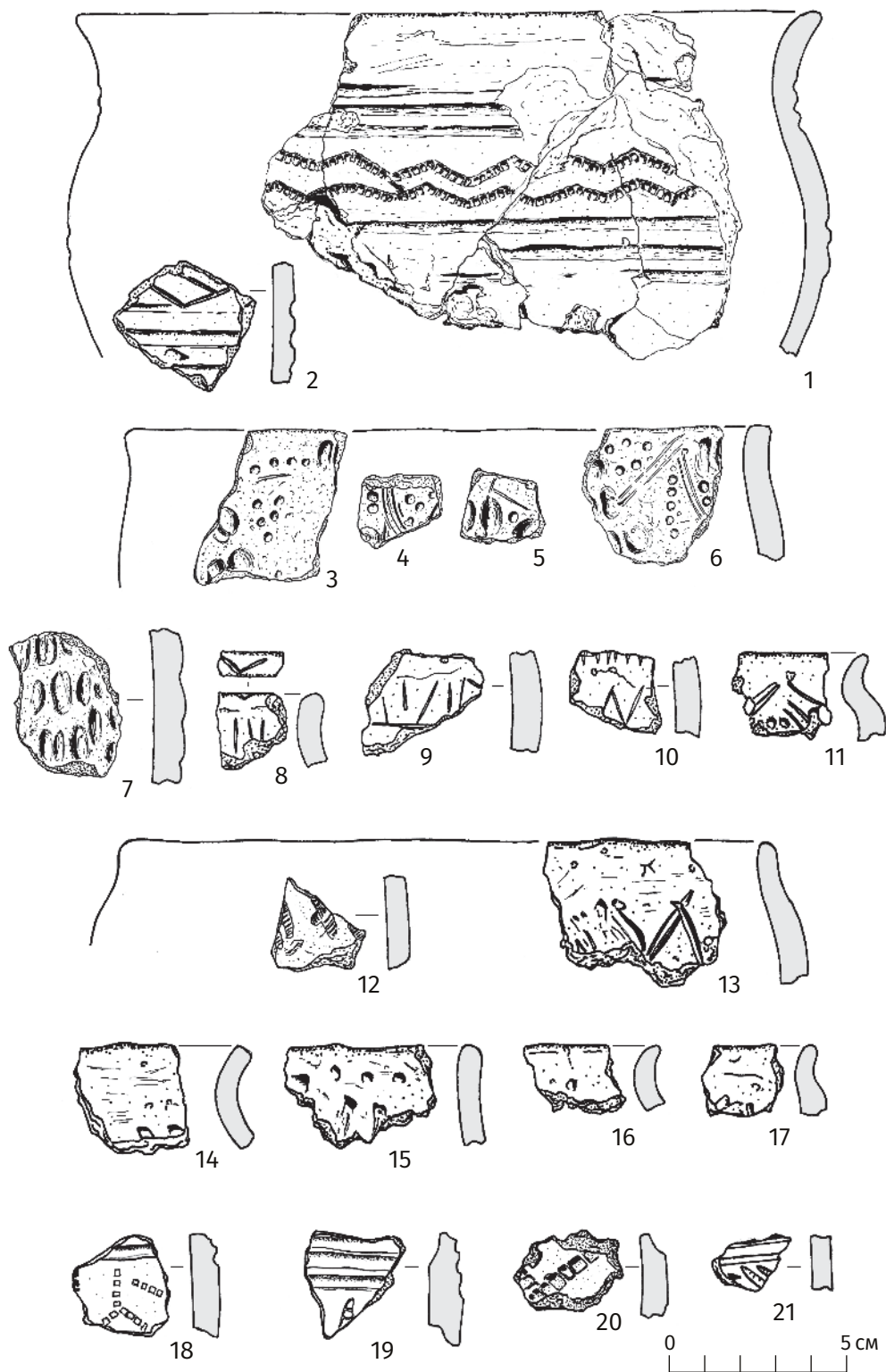
Характер использования городищенского холма в первые века н. э. остался до конца не выясненным. В его южной части под слоем укреплений второй половины V — VII в. н. э. более ранних напластований не прослежено. Из раскопа, прорезавшего вал, происходит лишь один фрагмент керамики РЖВ.

Сельцо I. В раскопках С. Н. Орлова и Е. Н. Носова встречена текстильная керамика, керамика волховского типа и типа лууконсаари (рис. 83: 5; Юшкова 2011: 195), что дает основания предположительно датировать древнейший слой поселения концом II тыс. до н. э. — третьей четвертью I тыс. до н. э. (рис. 81–83). Укрепления этого времени не найдены. Кольцевое укрепление краев городищенского холма С. Н. Орлов отнес к РЖВ. По уточненным данным,

раскопанные им деревянные фортификационные сооружения и вал датируются серединой — третьей четвертью I тыс. н. э. (Еремеев, Дзюба 2010: 125–127).

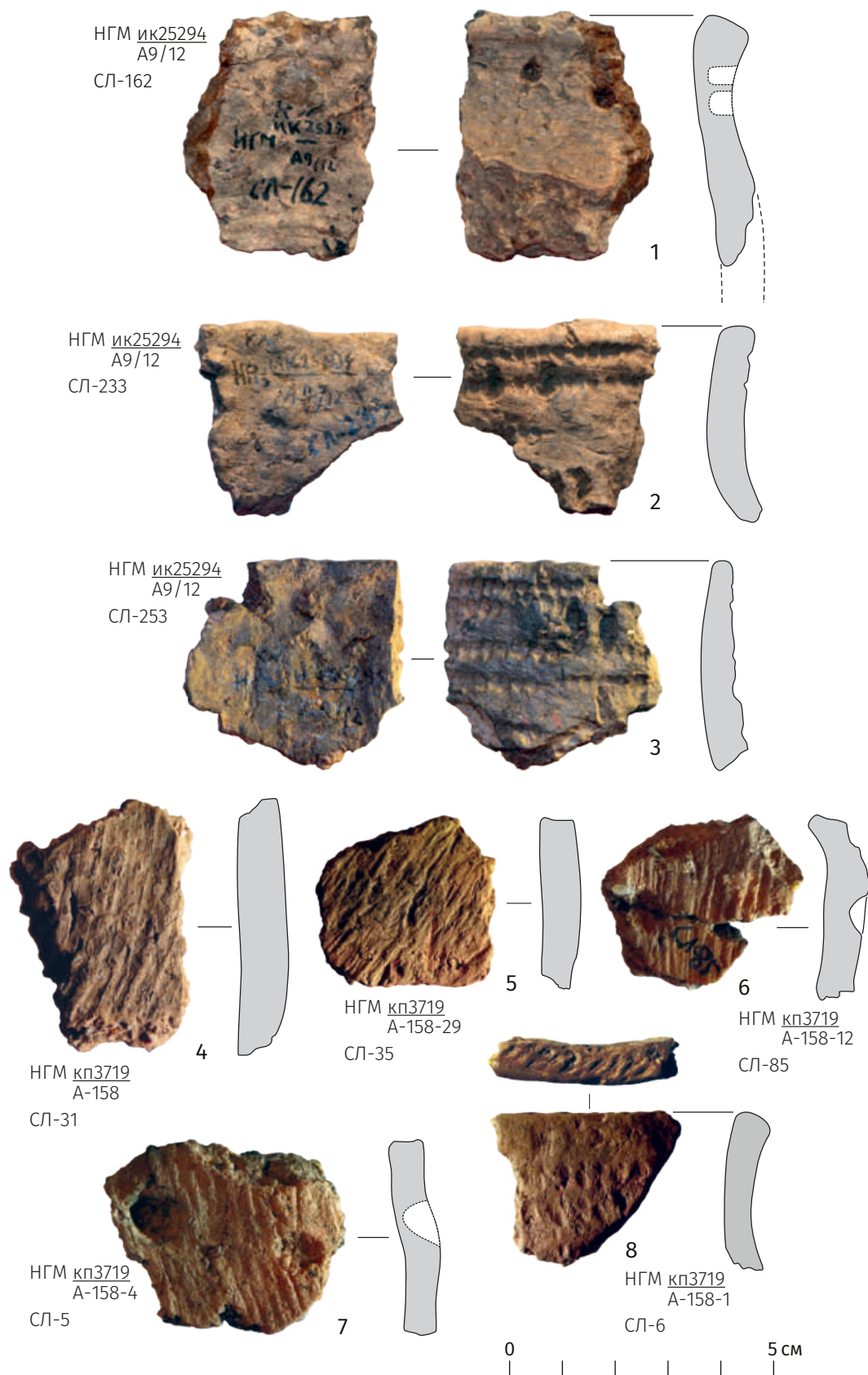
Городок на Ловати/Верготи. Городище расположено в дельте Ловати при слиянии Ловати и Пола (рис. 84; 85) и вытекающей из места слияния короткой протоке, носящей название Верготь¹³⁴. Городок исследовался С. Н. Орловым в 1959 и 1973 гг. (Орлов А-1958; Орлов А-1958а; Планы и профили А-1958–1973; Орлов 1962, 1984) (рис. 86–88). На склоне городища найден

¹³⁴ Этим объясняется применяемое нами двойное название, позволяющее отличать Городок на Ловати/Верготи от Городка на Ловати в Великолукском районе Псковской области, исследованного Я. В. Станкевич и В. М. Горюновой.

Рис. 80. Городок на Маяте. Лепная керамика РЖВ. 1 – городище, яма № 45; 2 – городище, кв. Г-8; 3 – селище, комплекс I, пласт 1; 4 – селище, кв. Б-5; 5 – селище, кв. В-4; 6 – селище, кв. Б-2; 7 – селище, кв. В-5; 8 – городище, кв. З-5'; 9 – городище, кв. И-5'; 10 – городище, кв. Ж-4'; 11 – городище, кв. Д-8; 12 – городище, кв. Ж-5'; 13 – городище, кв. Е-11; 14 – городище, кв. З-10; 15 – городище, кв. Е-9; 16 – городище, кв. Д-9; 17 – городище, комп. XIX, пл. 1; 18 – городище, кв. Б-3; 19 – городище, кв. В-2; 20 – городище, кв. Б-6, заполнение частокольной канавы; 21 – городище, кв. И-14

Рис. 81. Городище Сельцо I. Лепная керамика древнейшего периода обитания. Раскопки С. Н. Орлова. 1–3 – 1968 год; 4–8 – 1984 год

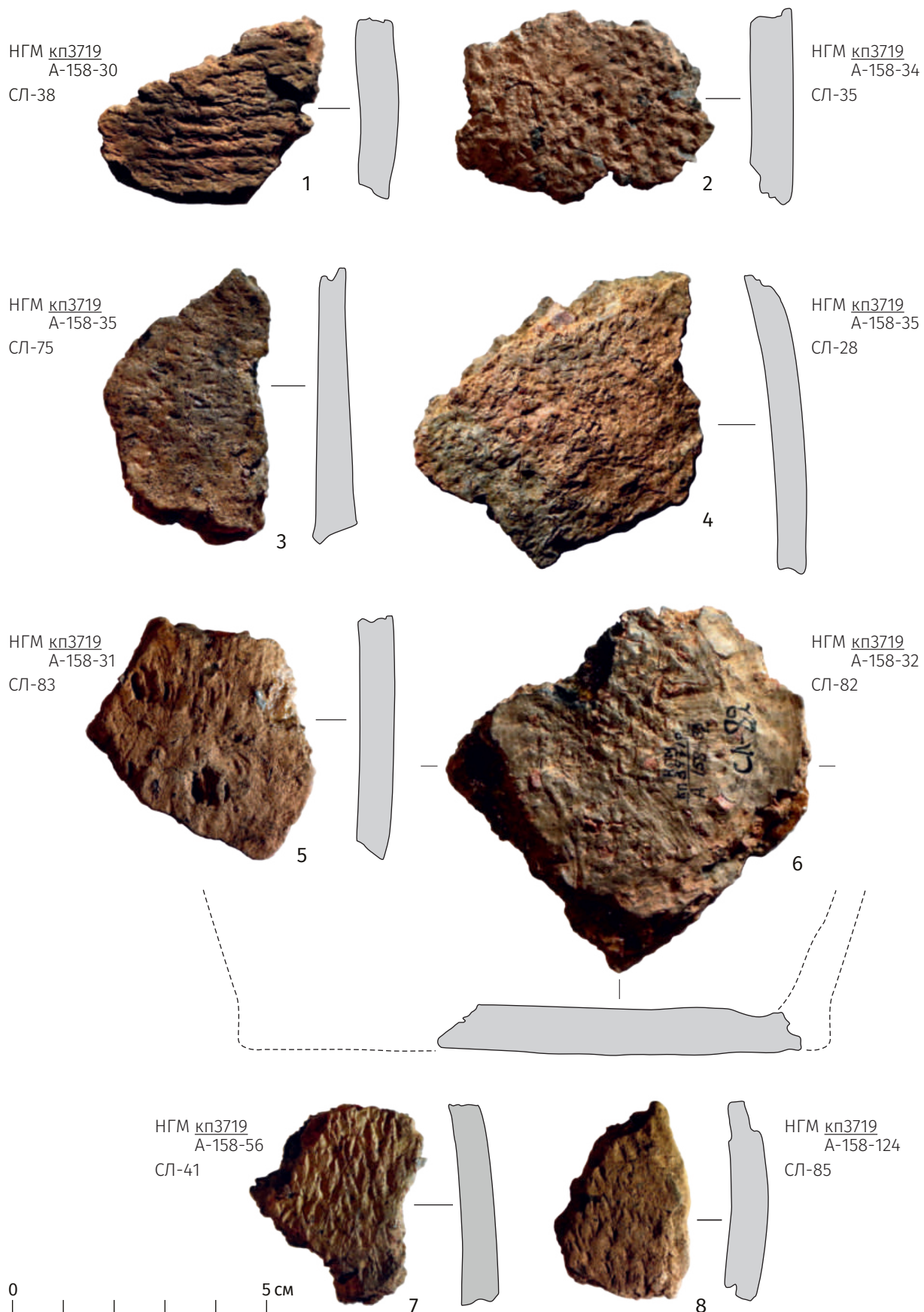
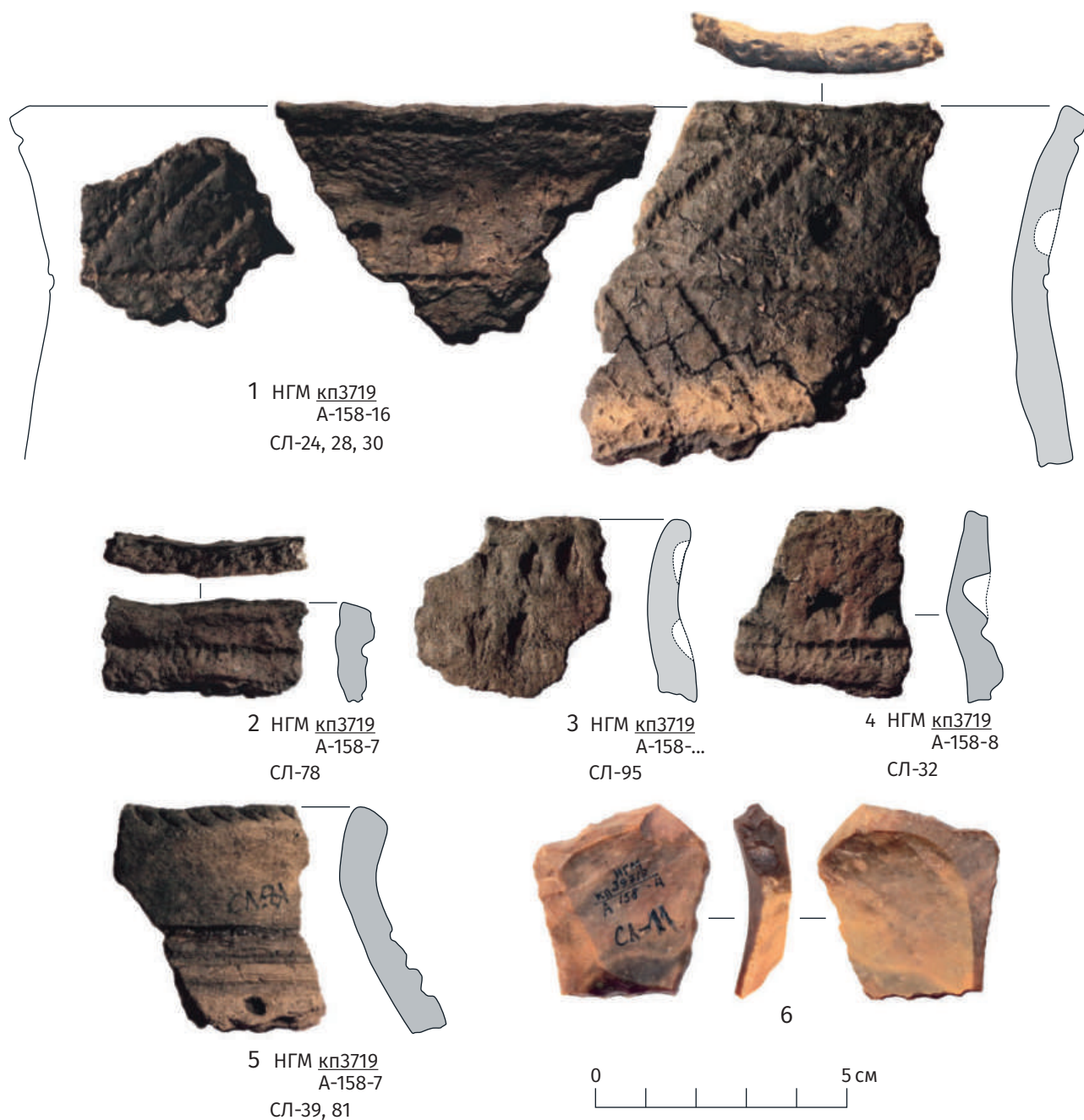

Рис. 82. Городище Сельцо I. Образцы текстильной керамики. Раскопки С. Н. Орлова. 1984 год

Рис. 83. Городище Сельцо I. Находки из древнейших напластований. Раскопки С. Н. Орлова. 1984 год. 1–5 – лепная керамика; 6 – кремневый скребок

кремневый наконечник стрелы (Орлов 1962: 45), что дает основания предполагать наличие на холме слоя ЭРМ. Керамический комплекс из Городка на Ловати/Верготи нельзя разложить по контекстам раскопа. Рассматривая лепную керамику целиком, можно выделить четыре группы:

1. Текстильная керамика. Вся она имеет в тесте примесь дресвы (рис. 89; 90);

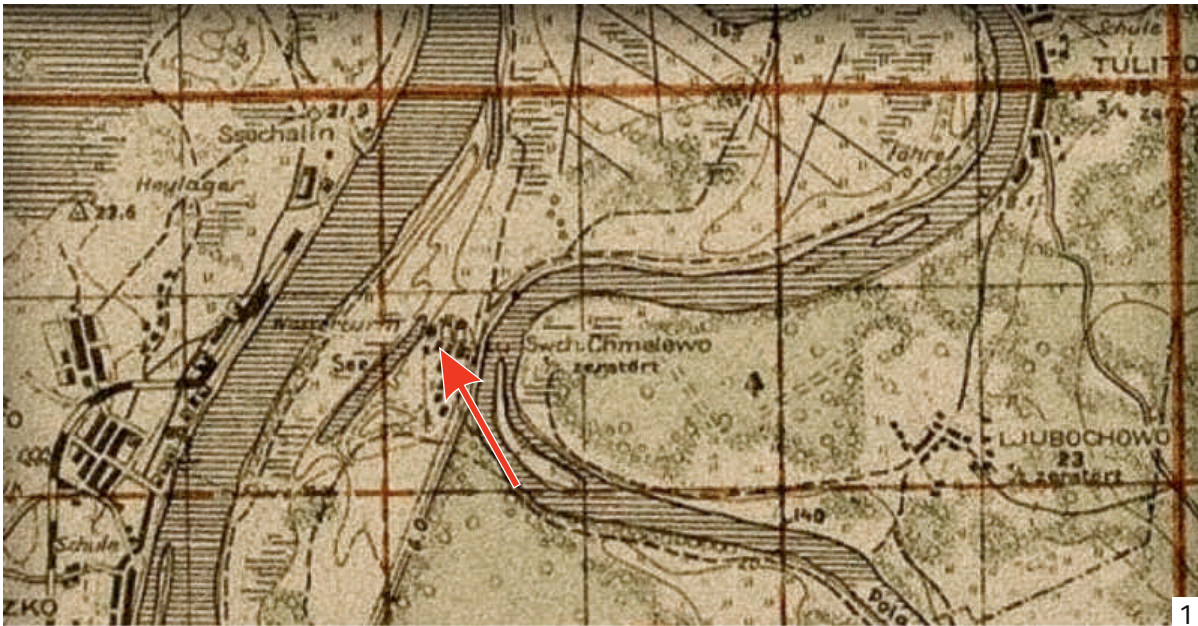
2. Штрихованная керамика (рис. 91);

3. Гладкостенная керамика, близкая посуде городищ Днепро-Двинского региона, что уже отмечалось исследователями (Орлов 1962, 1984; Короткевич,

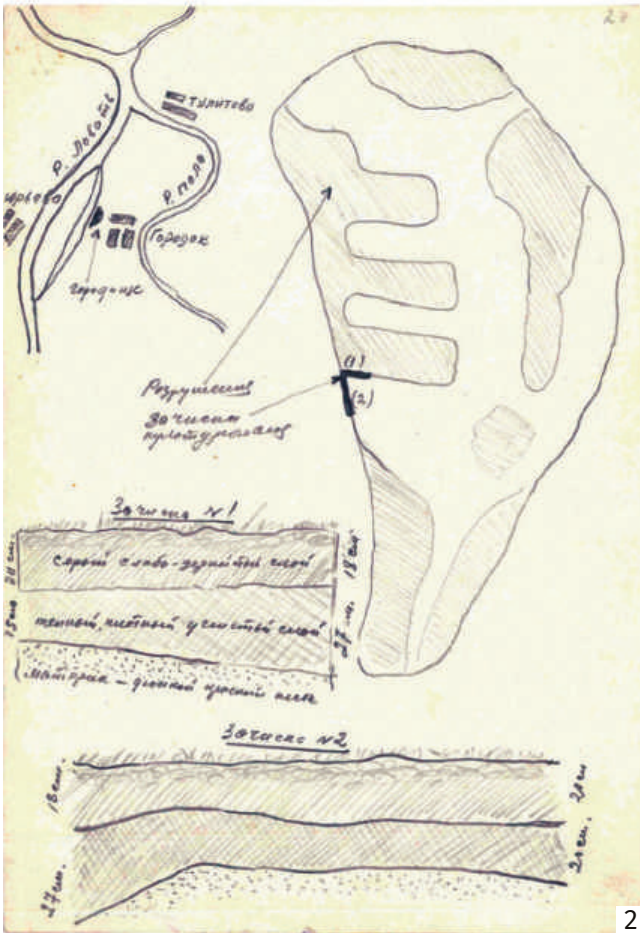
Мазуркевич 1992: 72; Юшкова 2011). Посуда отличается неровной поверхностью и сравнительно тонкими стенками (рис. 92–95);

4. Лепная неорнаментированная толстостенная керамика (рис. 96), среди которой выделяется фрагменты слабопрофилированных сосудов (рис. 96: 2, 5). Часть фрагментов имеет неупорядоченную неглубокую тычковую орнаментацию среза венчика, напоминающую оттиски на текстильной керамике (рис. 96: 2). Подобная посуда встречается на позднедьяковских памятниках, в частности — в Верхнем Помостье (Буров 2003: рис. 43: 19–27).

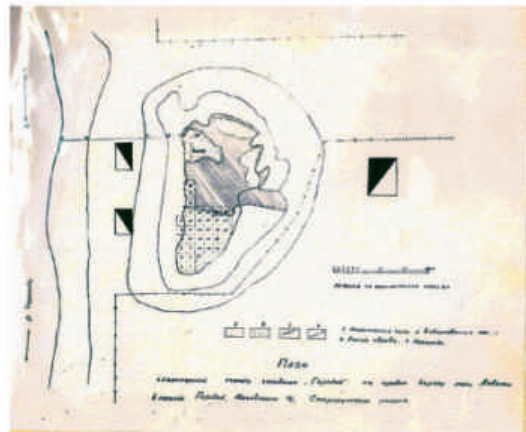

1

2

19. Рис. 22 - План глазомерной съемки остатков городища "Городок" на реке Ловать, Старорусского района, Брянского а/с, у дер. Городок. 1958 г.

3

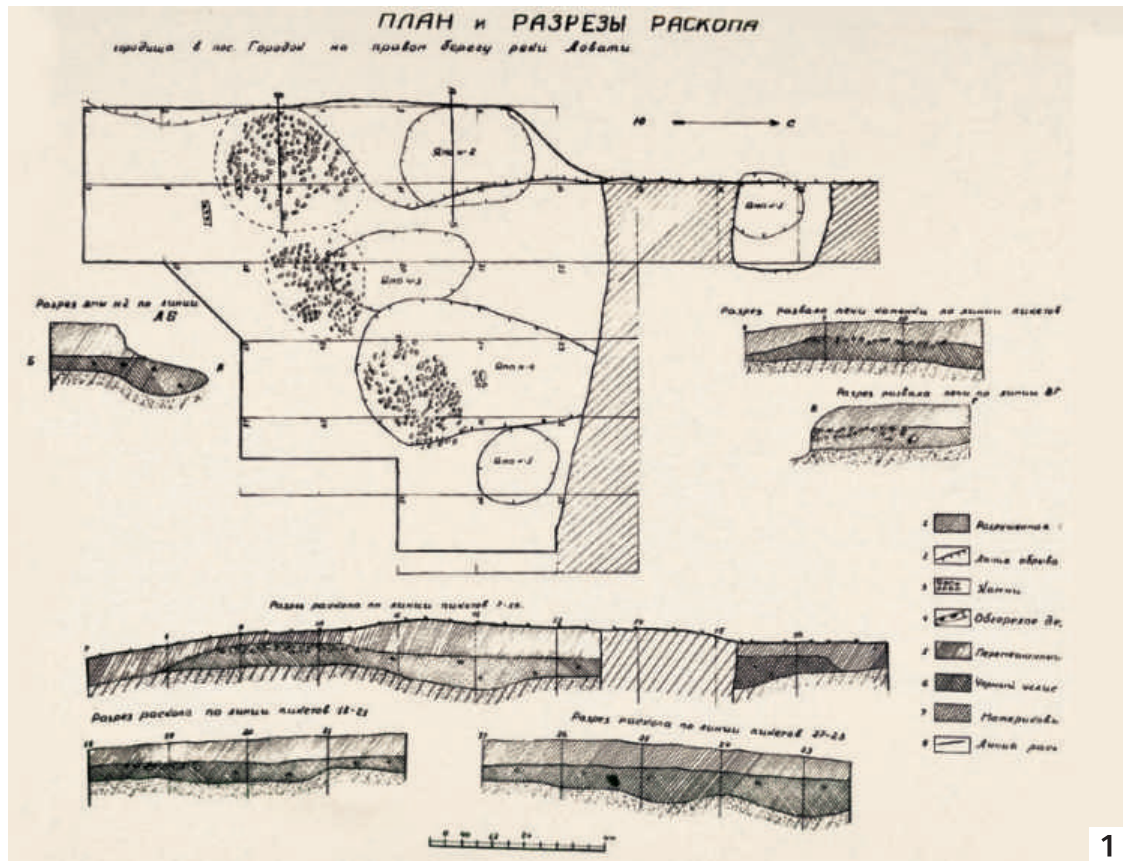
4

Рис. 84. Городище Городок на Ловати/Верготи при слиянии рек Пола и Ловати на правом берегу р. Черенки (старица р. Ловать) 1 – городище на крупномасштабной немецкой карте 1940-х гг.; 2 – самый ранний план городища, составленный в 1950-е гг. (Аксенов, рукопись; ОПИ НГОМЗ КП 46565, л. 27); 3 – план глазомерной съемки остатков городища Городок на реке Ловать (Орлов А-1958); 4 – развалы печей-каменок в «длинном доме» на краю площадки (Орлов А-1958)

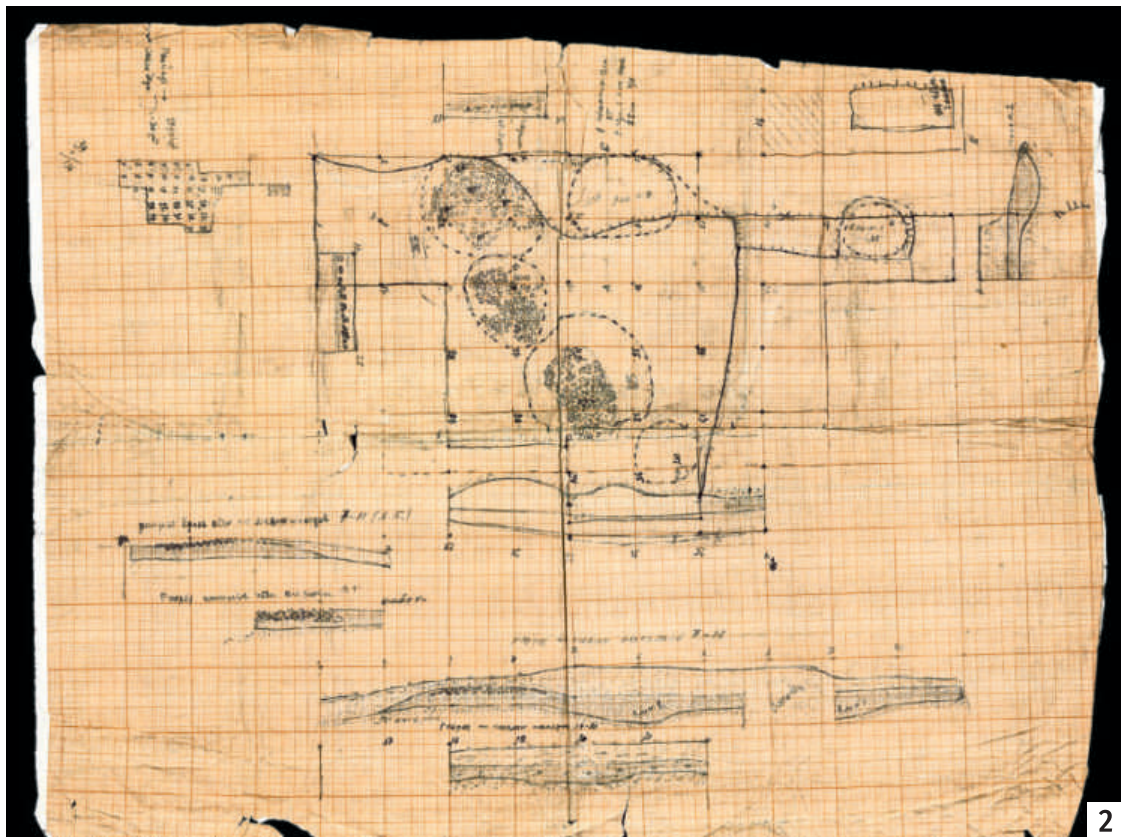

Рис. 85. Городок на Ловати/Верготи в 1960-х гг. Фотографии С. Н. Орлова (ОПИ НГОМЗ, КП 38136-1800; КП 38136-1802).
1 – вид с северо-запада; 2 – вид с запада

1

2

Рис. 86. Городок на Ловати/Верготи. Следы длинной постройки по краю площадки городища в раскопе С. Н. Орлова. 1 – чертеж из полевого отчета (Орлов А-1958); 2 – полевая миллиметровка (ОПИ НГОМЗ, КП-38136-2800, л. 1).

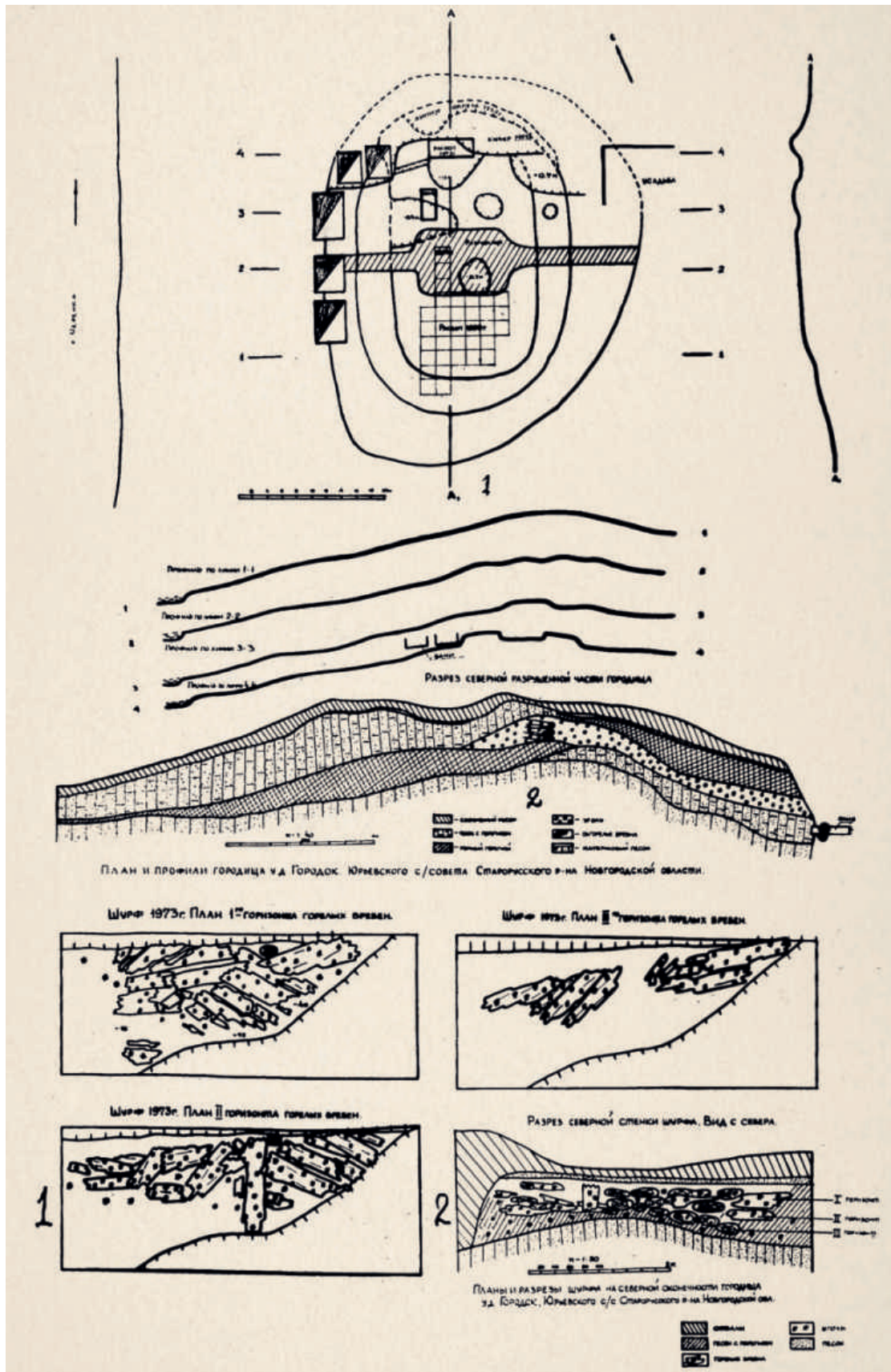
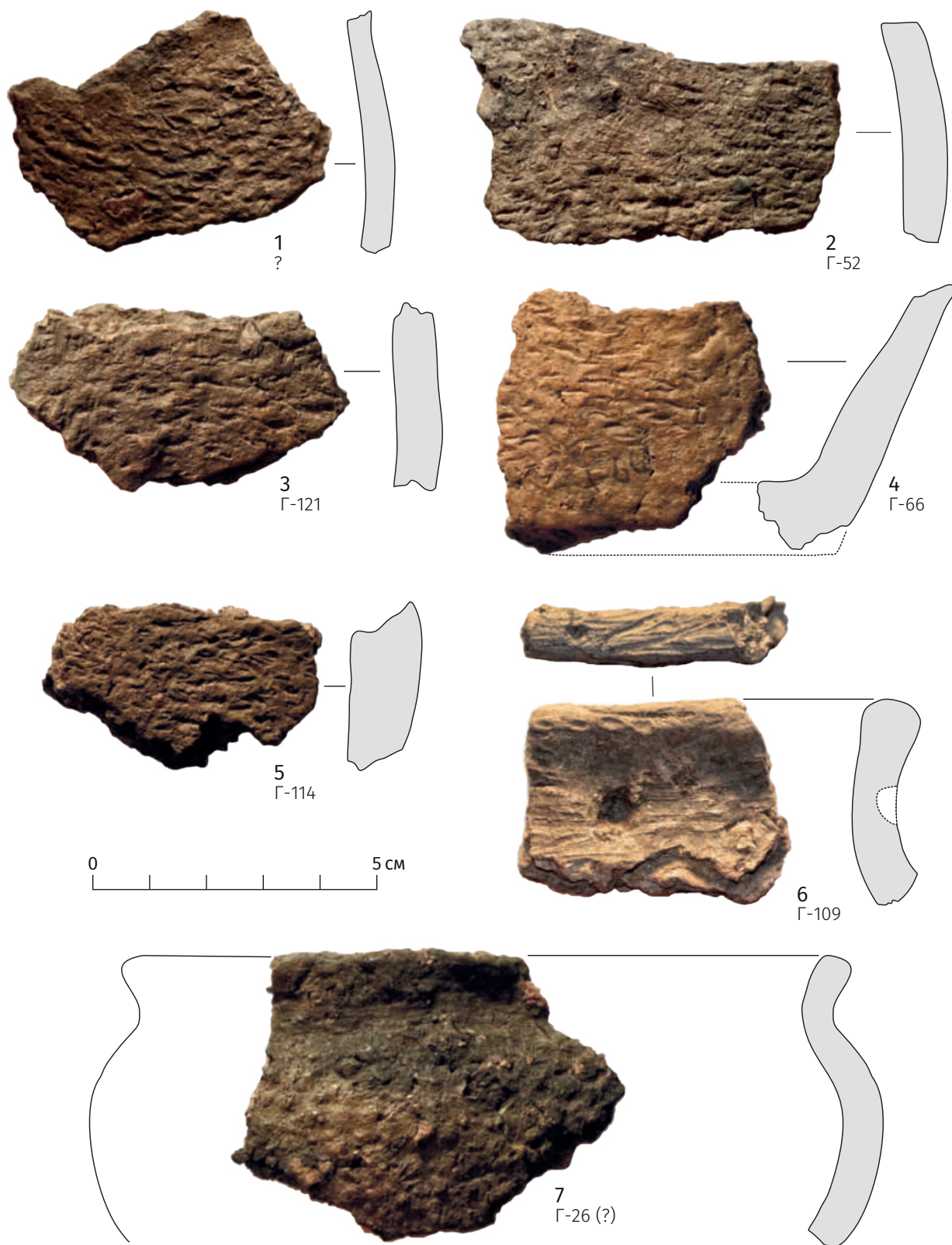

Рис. 88. Городище Городок на Ловати/Верготи 1973 г. Раскопки С. Н. Орлова (А-1973). Разрез северной части городища; план и разрезы шурфа 1973 года

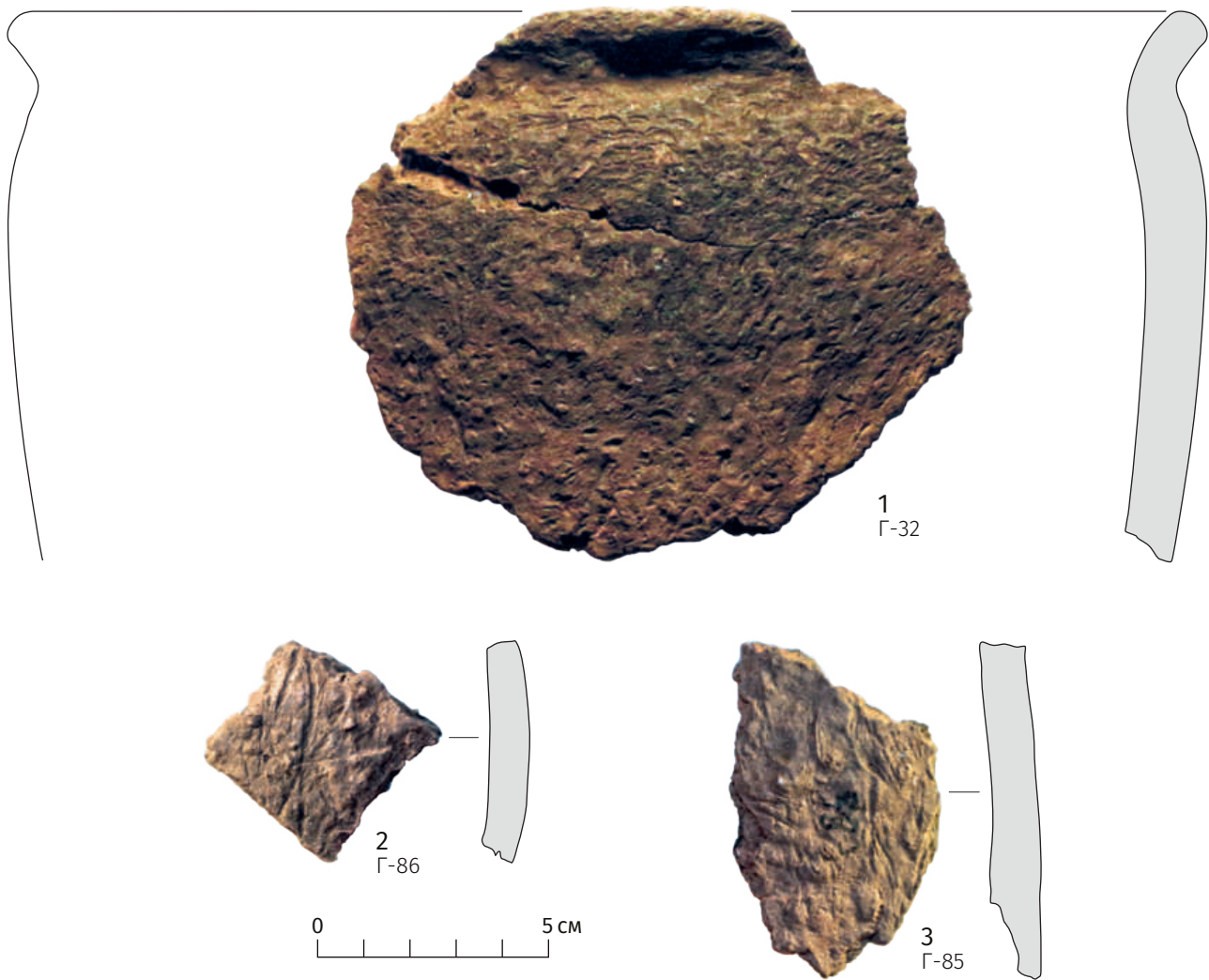

Рис. 89. Городок на Ловати/Верготи 1958 г. Раскопки С. Н. Орлова. Лепная текстильная керамика

Надо полагать, материалы городища отражают процесс проникновения в местную культуру, связанную с текстильной керамикой, керамических традиций ДДК из Верхнего Подвинья. Этот днепро-двин-

ский керамический комплекс представлен в материалах Городка на Ловати/Верготи наиболее отчетливо. Это продвижение южного населения, судя по присутствию слабопрофилированной толстостенной

Рис. 90. Городок на Ловати/Верготи 1958 г. Раскопки С. Н. Орлова. Лепная текстильная керамика

посуды, случилось достаточно поздно — во второй четверти I тыс. н. э., когда ДДК вступила во взаимодействие с древностями типа Заозерье, для которых характерна именно такая слабопрофилированная керамика. Впрочем, имеет она параллели и на позднедьяковских городищах. На ближайшем к Ильменю подробно исследованном позднедьяковском городище Варварина Гора в верховьях Мсты эта керамика хорошо представлена и датирована автором раскопок II–V вв. н. э. (Буров 2003: рис. 39, 40). Еще один памятник, к которому отсылает нас слабопрофилированная керамика Городка на Ловати/Верготи, — поселение второй четверти I тыс. н. э. Дубок 1 на оз. Селигер (Исланова 2020: 215).

Княжая Гора. В раскопках С. Н. Орлова на площадке городища на материке выявлены фрагменты лепной керамики РЖВ (с ямочным орнаментом, штрихованной и сетчатой) и кремневые отщепы (Орлов 1984: 78; Юшкова 2011: 223; Торопов 2013: 108). Комплексы и укрепления этого времени на городище неизвестны.

Показательна корреляция радиоуглеродных датировок ранних индикаторов земледелия и древнейших укреплений Приильменья. Датировки получены для древнейших фортификационных (?) сооружений Городка на Маяте и Рюрикова Городища (**рис. 97**). В первом случае калиброванная дата укладывается в интервал 520–390 BC (1σ); во втором — 900–800 BC (2σ). Речь идет, таким образом, о первой половине I тыс. до н. э., что соотносится с третьим земледельческим этапом в Приильменье по Л. Кёнигсену (**табл. 25**). Первые городища строились земледельческим населением.

Особенностью приильменских городищ РЖВ является слабо выраженный культурный слой, что связано с немногочисленностью туземцев во второй половине I тыс. до н. э. — I вв. н. э. Группы, насчитывавшие по несколько десятков или сотен человек, были разделены пространствами в несколько дней ходьбы. Формирование устойчивой системы укрепленных поселений в Приильменской низине следует связывать

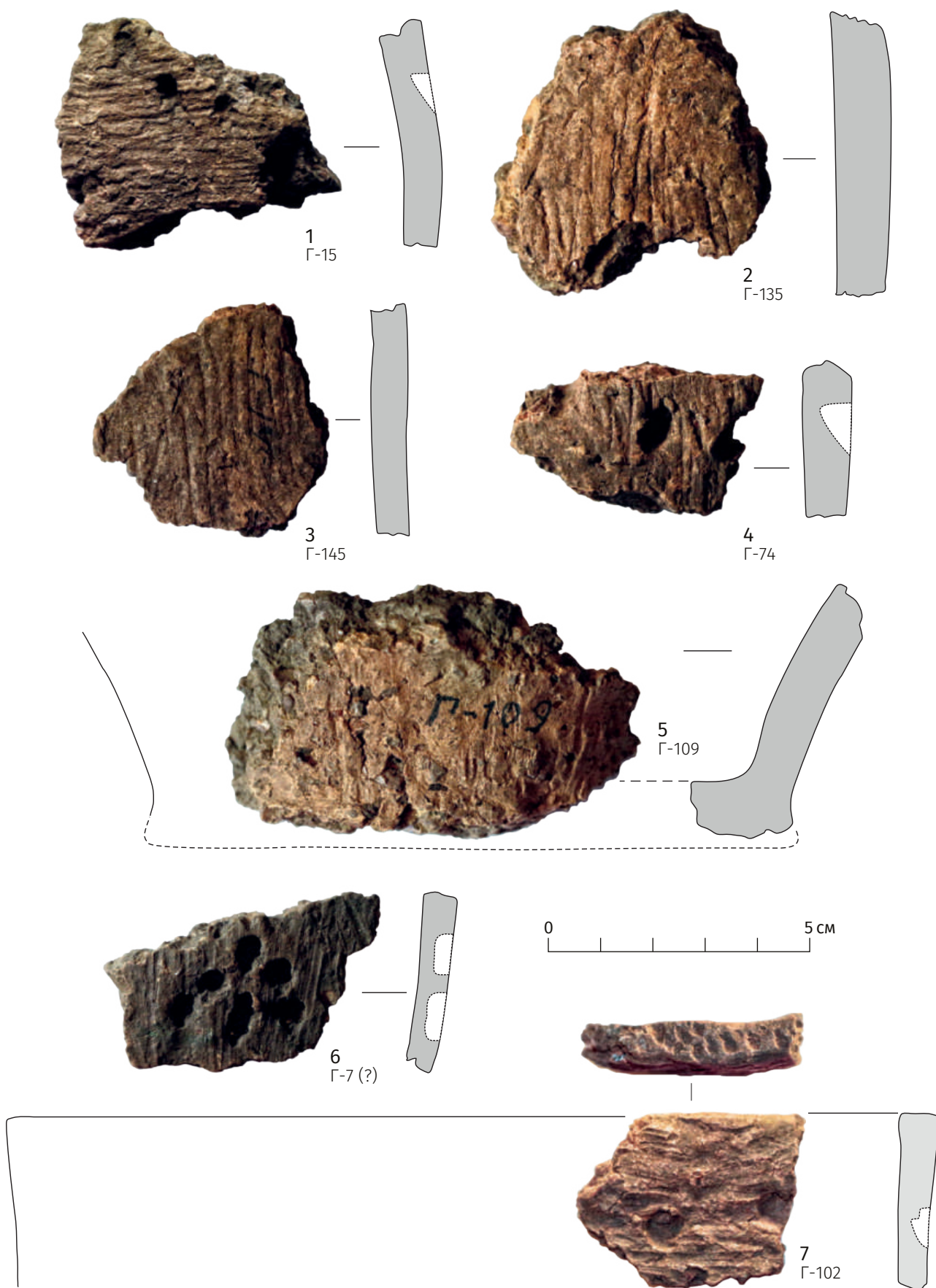
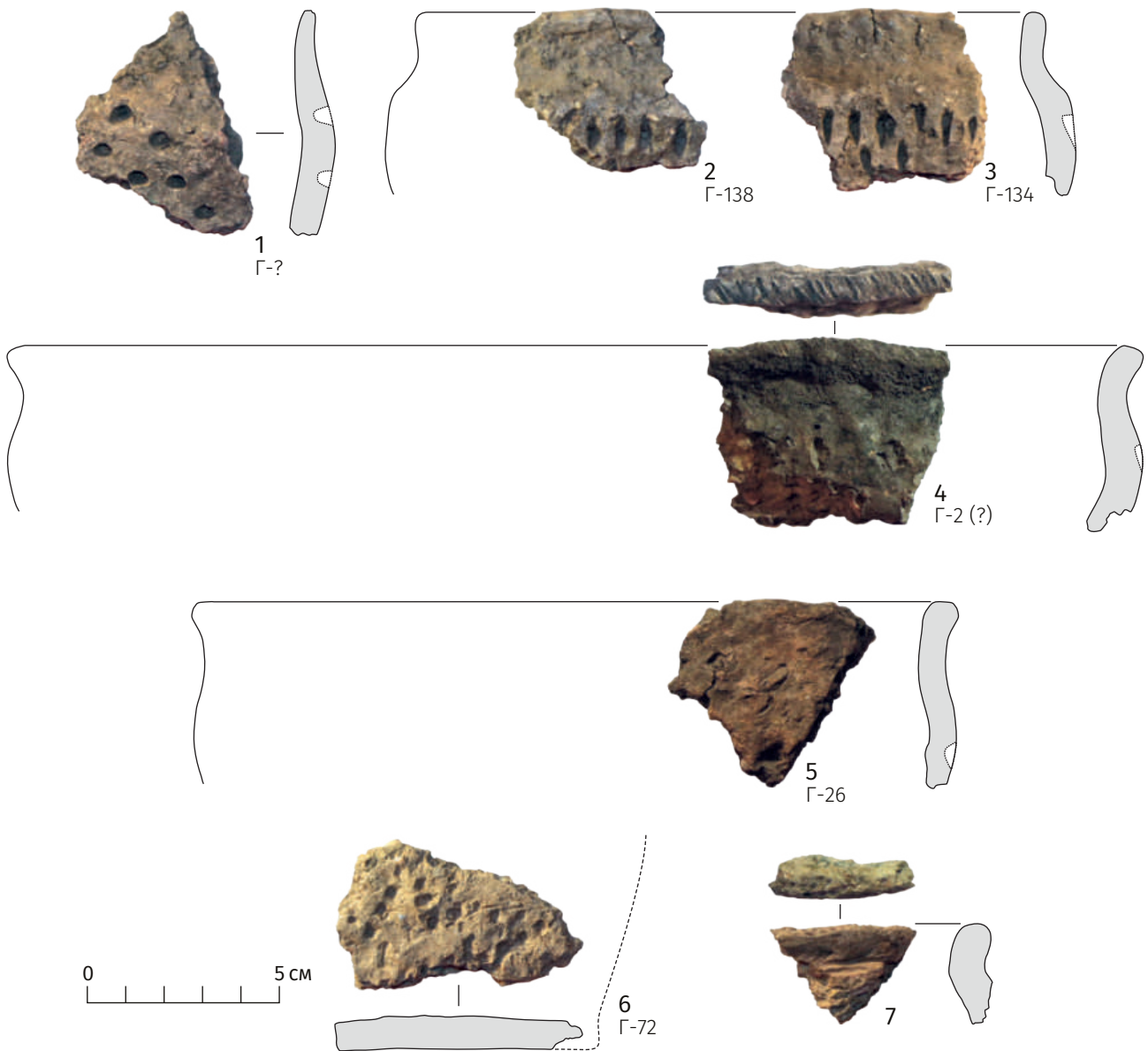

Рис. 91. Городок на Ловати/Верготи 1958 г. Раскопки С. Н. Орлова. Лепная штрихованная керамика

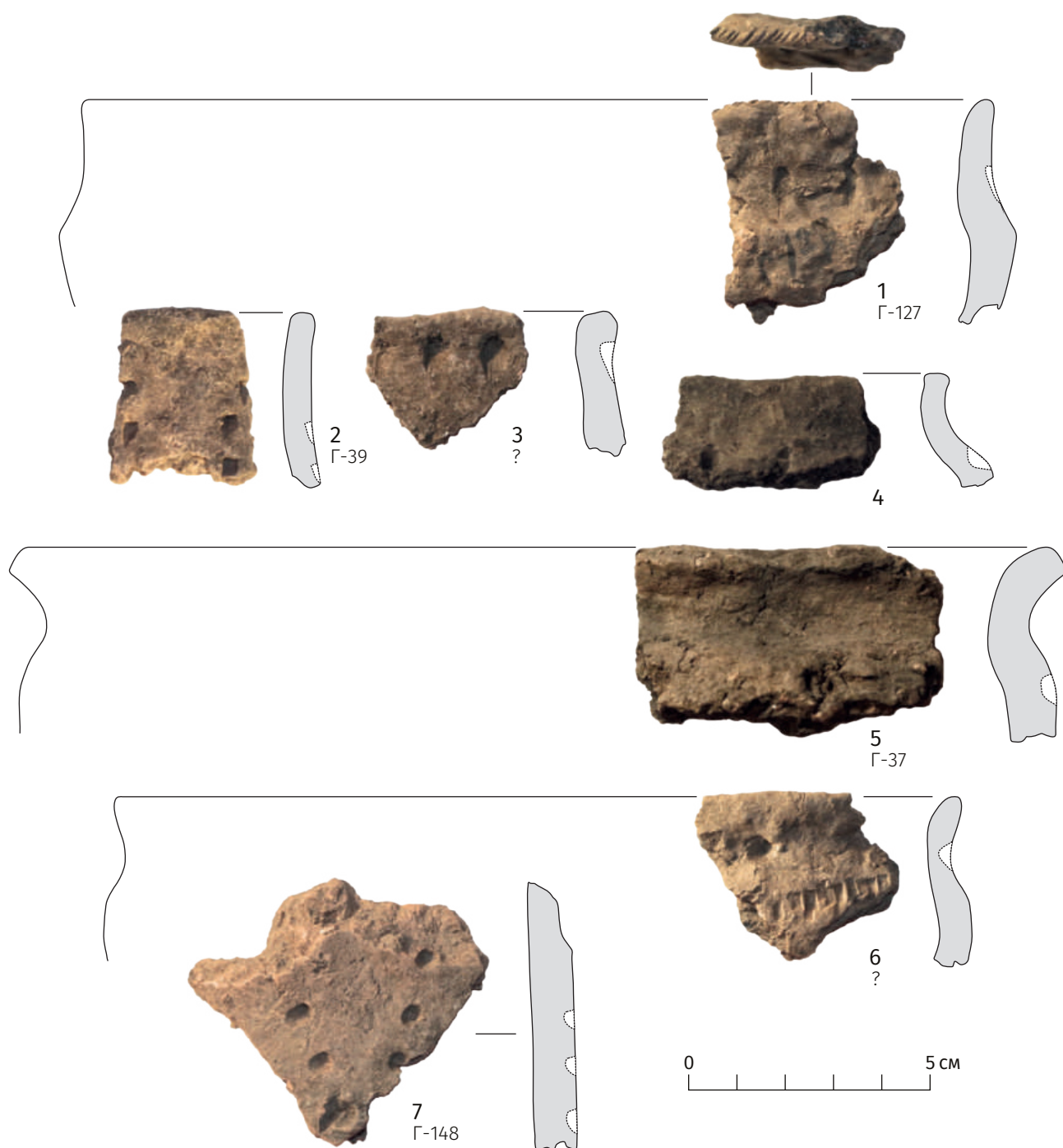
Рис. 92. Городок на Ловати/Верготи 1958 г. Раскопки С. Н. Орлова. Лепная орнаментированная керамика

с древностями круга текстильной керамики в ее позднем варианте (керамика с примесью дресвы в тесте, отличная от ранней текстильной керамики, известной на стоянках в Липно и в Большом Аркажском заливе, **рис. 51: 1–8**). Древности с текстильной керамикой занимают, как известно, огромные пространства от Среднего Поволжья до Восточной Швеции (Патрушев 2016). Общую датировку текстильной керамики исследователи определяют по-разному, в диапазоне с XXIV в. до н. э. до IV в. н. э. или даже до третьей четверти I тыс. н. э. (Розенфельдт 1974: 152, 153; Крийска, Лавенто 2007: 246; Лавенто, Патрушев 2015: 167; Патрушев 2016: 194). Хронологические шкалы по регионам сильно разнятся. Датировка этих древностей в Поволжье пока возможна только по немногочисленным радиоуглеродным данным, да и то полученным пре-

имущественно для памятников, сопредельных Поволховью. Датировки из близлежащих регионов текстильной керамики укладываются в период с 3595 ± 150 (Тимофеев 1993: 32) до 2600 ± 80 ВР (Юшкова 2011: 41; 2015: 309). АМС-даты, полученные в Финляндии, по мнению М. А. Юшковой, делают для Поволховья наиболее вероятным интервал: середина — вторая половина II тыс. до н. э. (Юшкова 2011: 42, 45).

К востоку от озера Ильмень текстильная керамика присутствует на памятниках бассейна Мологи и Чагоды, датируемых рубежом эр (Башенькин 1999; Башенькин, Васенина 2004: 21). А. Н. Башенькин считает, что текстильная (сетчатая, по его терминологии) керамика здесь исчезает к III в. н. э. (Башенькин 1997). На позднедьяковском городище Варварина Гора в Верхнем Помостье (датировано автором

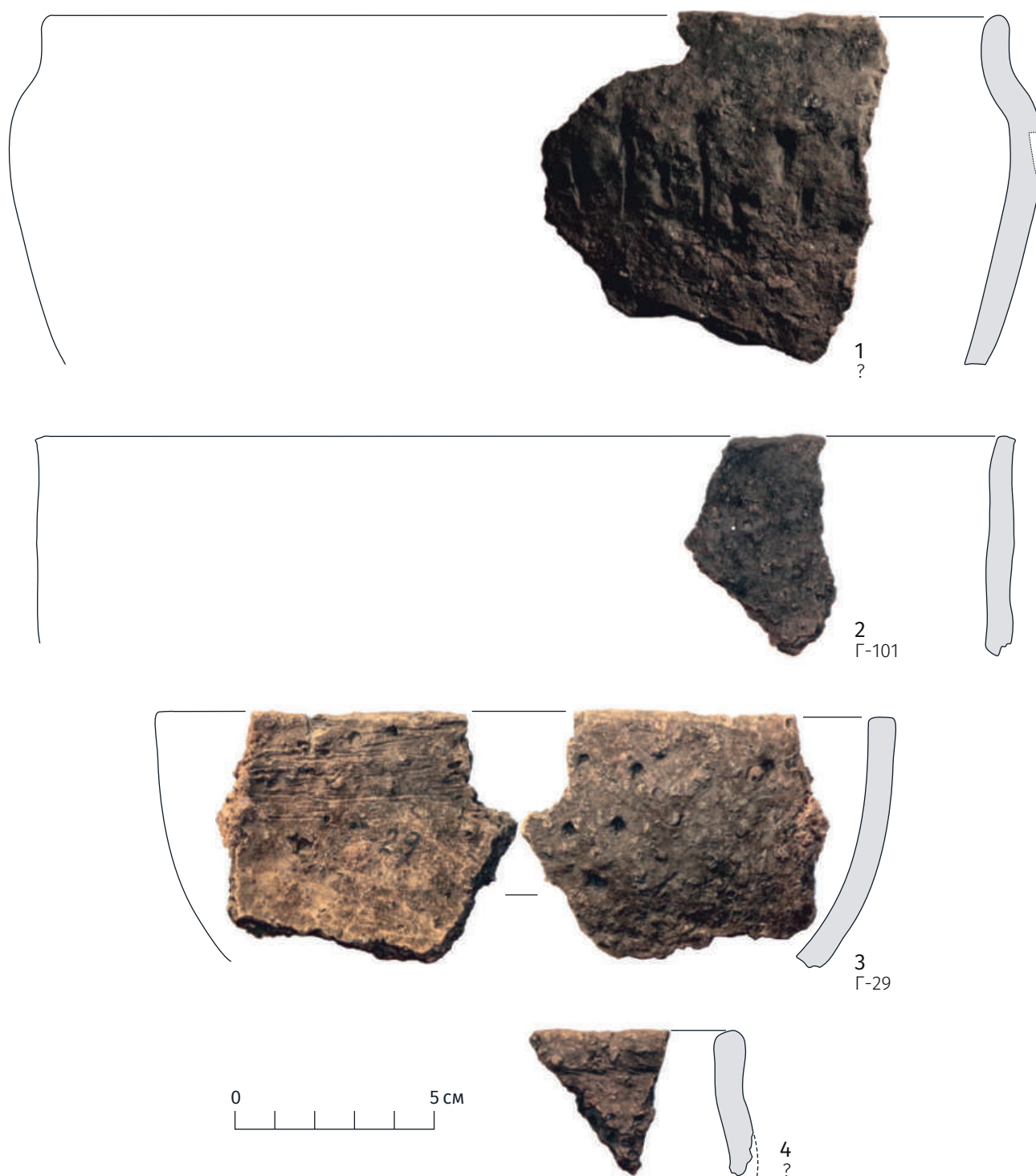

Рис. 93. Городок на Ловати/Верготи 1958 г. Раскопки С. Н. Орлова. Лепная гладкостенная орнаментированная керамика

раскопок I–V вв. н. э.), детальным образом исследованном и опубликованном, такой посуды уже нет (Бузов 2003: 20). По поводу времени выхода из обихода текстильной керамики в дьяковском ареале у археологов отсутствует единое мнение. Ранее считалось, что это происходит не позднее III в. н. э. (Розенфельдт 1974: 187; Исланова 2007: 310). Все же, по-видимому, от региона к региону внутри дьяковского ареала продолжительность этой традиции различна. В последнее время исследователи выделяют

в ДК группу поздней профилированной текстильной керамики, появляющейся около рубежа эр и бытующей до III–IV вв. (Лопатина, Тавлинцева 2017: 365) или даже до V в. (Сыроватко 2009: 24, 122, 123).

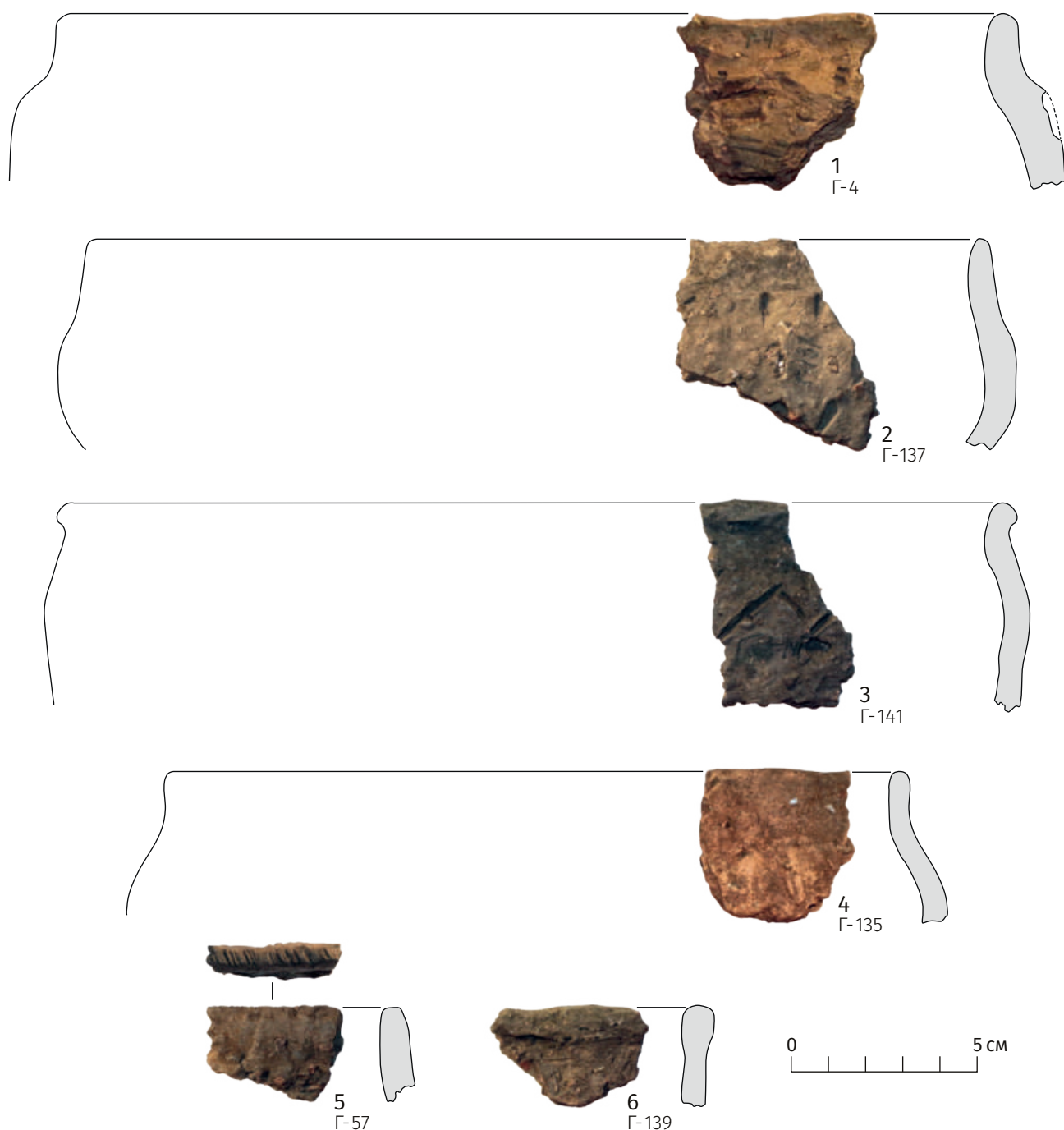
В Юго-Восточной Прибалтике время бытования текстильной керамики исследователи поднимают до середины I тыс. н. э. Особого внимания заслуживают ее поздние (вторая четверть I тыс. н. э.) датировки на поселениях Юго-Восточной Эстонии (Аун 1992: 24; Лаул 1997: 403), а также в могильниках на

Рис. 94. Городок на Ловати/Верготи 1958. Раскопки С. Н. Орлова. Лепная керамика (днепро-двинской культуры?)

этой территории (Schmiedehelm, Laul 1970: joon. 3: 4). В. Ланг полагает, что текстильная керамика полностью исчезает в Эстонии к середине V в. н. э. (Lang 2007: 135). Поселение с текстильной (сетчатой) керамикой на Псковском городище, погибло, по мнению С. В. Белецкого, во второй половине IV — первой половине V в. (Белецкий 1980: 15; 1996: 56).

Интересны данные о текстильной керамике во II–VI вв. н. э. (верхняя граница интервала дискуссии) в Северной и Восточной Латвии (Васкс 1991: 87–90, 106–108, 117–118), в том числе на той территории, которая станет впоследствии латгальско-кривичским пограничьем. Наиболее важны здесь поселения Кивты (Шноре, Цимермане 1966) и Нукши (Нукшинский

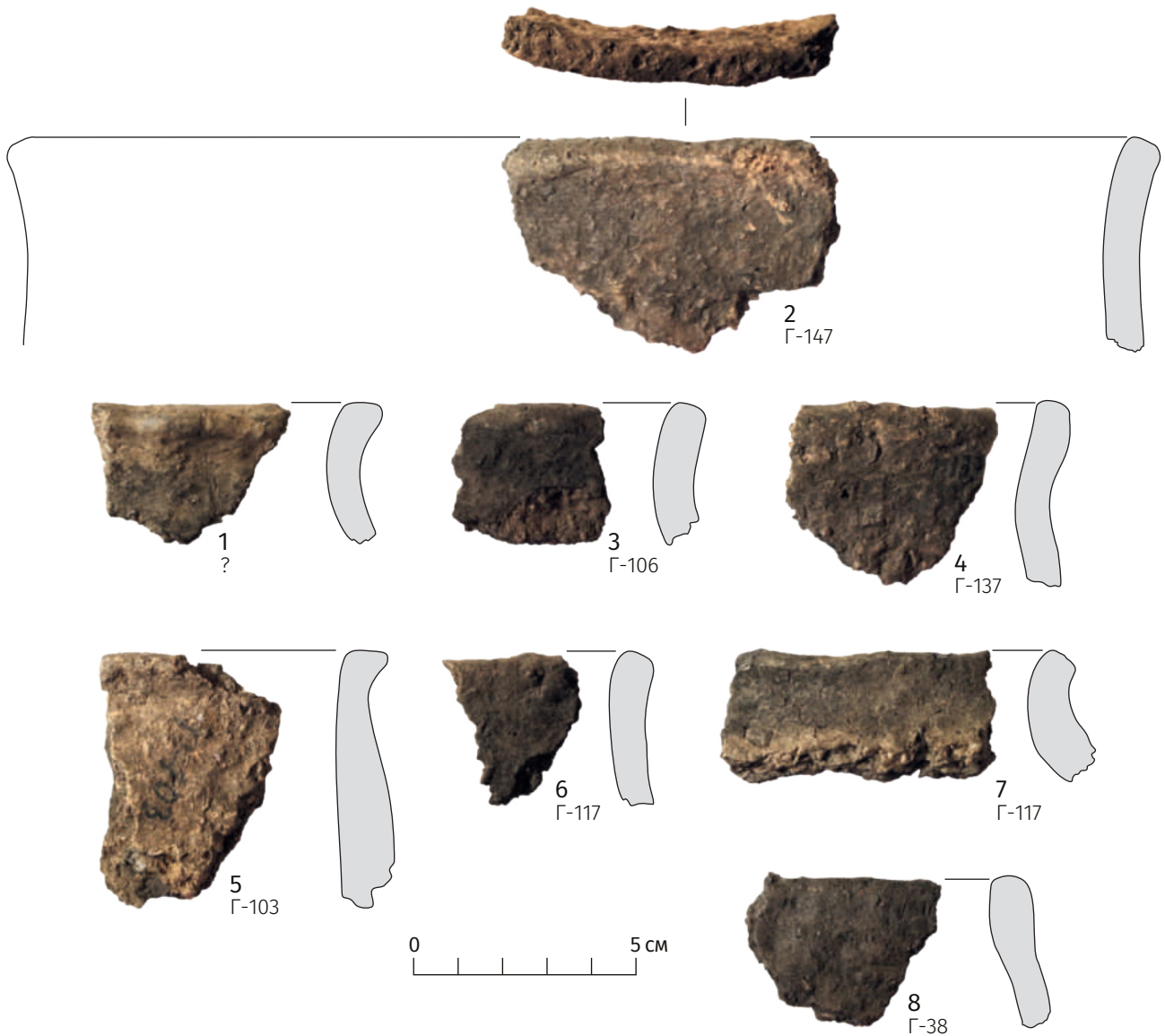
Рис. 95. Городок на Ловати/Верготи 1958 г. Раскопки С. Н. Орлова. Лепная керамика днепро-двинской культуры

могильник 1957: табл. XXV; Васкс 1991: 158, 159) в бассейне р. Великой. В обоих случаях культурные слои перекрыты латгальскими грунтовыми могильниками, т. е. наблюдается, как будто, смена населения около середины I тыс. н. э. Ареал этой поздней текстильной керамики, похоже, имеет четкую восточную границу, примерно совпадающую с пограничьем ареалов латгальских могильников и КДК. Об этом можно судить по отсутствию текстильной керамики на поселениях второй — третьей четверти I тыс. н. э. на Полоте (По-

лоцкое городище, селище Ермошино), и на городищах этого времени в районе Освейского озера (Урагово) (Шут 1966; 1967: 414).

Известно мнение, что до первой четверти I тыс. н. э. территория поздней текстильной керамики была единой, охватывая все пространство между дьяковским ареалом (включавшим Валдай и Верхневолжье: Исланова 2004: 77) и Прибалтикой, а население, использовавшее такую посуду, следует связывать с прибалтийскими финнами — чудью (Лаул 1997: 402). Похоже,

Рис. 96. Городок на Ловати/Верготи 1958 г. Раскопки С. Н. Орлова. Лепная гладкостенная керамика позднедьяковского типа

во второй четверти I тыс. н. э. островок текстильной керамической традиции уцелел только к западу (Юго-Восточная Эстония и Латгалия) от территории, занятой памятниками, сформировавшимися на основе киевской культуры (КПДК и родственные ей древности). То, что в отдельных регионах текстильная керамика «доживает» до времени распространения древностей киевского круга, дает в перспективе возможность закрыть хронологическую лауну между двумя этими группами древностей.

Присутствие на ряде городищ штрихованной керамики (Городок на Ловати/Верготи) и керамики, близкой ДДК (Городок на Маяте, Городок на Ловати/Верготи), говорит о периодических проникновениях южного населения в Приильменскую низину уже в РЖВ (Орлов 1962; Короткевич, Мазуркевич 2002; Еремеев, Дзюба 2010: рис. 38: 9–17). Единствен-

ным памятником, который дает нам представительную выборку керамики РЖВ, является Городок на Ловати/Верготи, исследованный С. Н. Орловым. Судя по материалам его раскопок, в первых веках н. э. на городище обитало население, изготавливавшее преимущественно грубую керамику с примесью дресвы, выступающей на поверхность. Именно эта особенность — неровная поверхность — позволяет отделить посуду РЖВ от лепной гладкостенной средневековой керамики. Керамический комплекс сочетает в себе элементы позднедьяковской керамической традиции, днепродвинские элементы и слабопрофилированную керамику, которую предположительно можно связать с древностями круга Заозерье (рис. 96: 2, 5).

Взаимодействие ДДК с древностями круга Заозерье впервые отмечено в бассейне Западной Двины

А. Г. Фурасьевым и Н. В. Лопатиным. Упомяну два памятника в среднем течении Ловати, где это взаимодействие также заметно. Это городище Крюки, где мною была исследована постройка с очагом, по которому получена датировка: 1840±30 ВР (Ле-6714). Калибровка дала интервал 80–240 гг. н. э. Наряду с керамикой, типичной для КПДК, в постройке найдены фрагменты с насечкой по венчику и обломок сосуда с вогнутым венчиком, типичным для ДДК (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 228). Более выразительно взаимодействие традиций РЖВ с древностями эпохи переселения народов представлены на городище Токолово под Великими Луками. Здесь в двух комплексах сосуществуют керамические формы, характерные для памятников типа Заозерье или КПДК (рис. 98: 2–4, 8, 10); сосуды, типичные для памятников типа среднего слоя Тушемли (причем в ряде случаев — со штрихованной поверхностью (рис. 98: 9, 11), и фрагменты сосуда с вогнутым венчиком, т. е. формы, характерной для ДДК (рис. 98: 1, 6).

Возвращаясь к Городку на Ловати/Вергоги, можно предположить, что и здесь слабопрофилированная керамика входит в один комплекс с днепродвинскими элементами, т. е. культурный слой этого городища формировался в период взаимодействия ДДК с древностями типа Заозерья или менее вероятно — позднедыковскими. Отсюда такие формы *поздней* текстильной посуды, как слабопрофилированная толсто-стенная керамика с орнаментацией среза венчика в виде оттисков, напоминающих текстильные отпечатки (рис. 96: 2) и S-видные формы с текстильной поверхностью (рис. 90: 1).

Итак, уже в эпоху раннего металла прослеживается интерес населения к труднодоступным возвышенным урочищам. Система городищ сложилась в Приильменской низине позже — на рубеже ЭРМ и РЖВ. Городища оберегали ресурсы, от которых зависело выживание групп, — общинные запасы продовольствия длительного хранения, в первую очередь зерновые. Появление городищ вызвано распространением в Приильменье земледельческих общин, ибо для них, в отличие от коллективов, живущих охотой, утрата запасов зерна означала голодную смерть. Городища являются, таким образом, очагами начального земледельческого освоения региона. Необходимость защищать запасы, видимо, отражает аспекты социальной жизни, связанные с ростом межгруппового насилия и агрессии. Повсеместное присутствие материалов РЖВ на городищах Приильменья VI–VIII вв. указывает на то, что последние возникали в результате целенаправленных акций по взятию под контроль уже известных ключевых локусов.

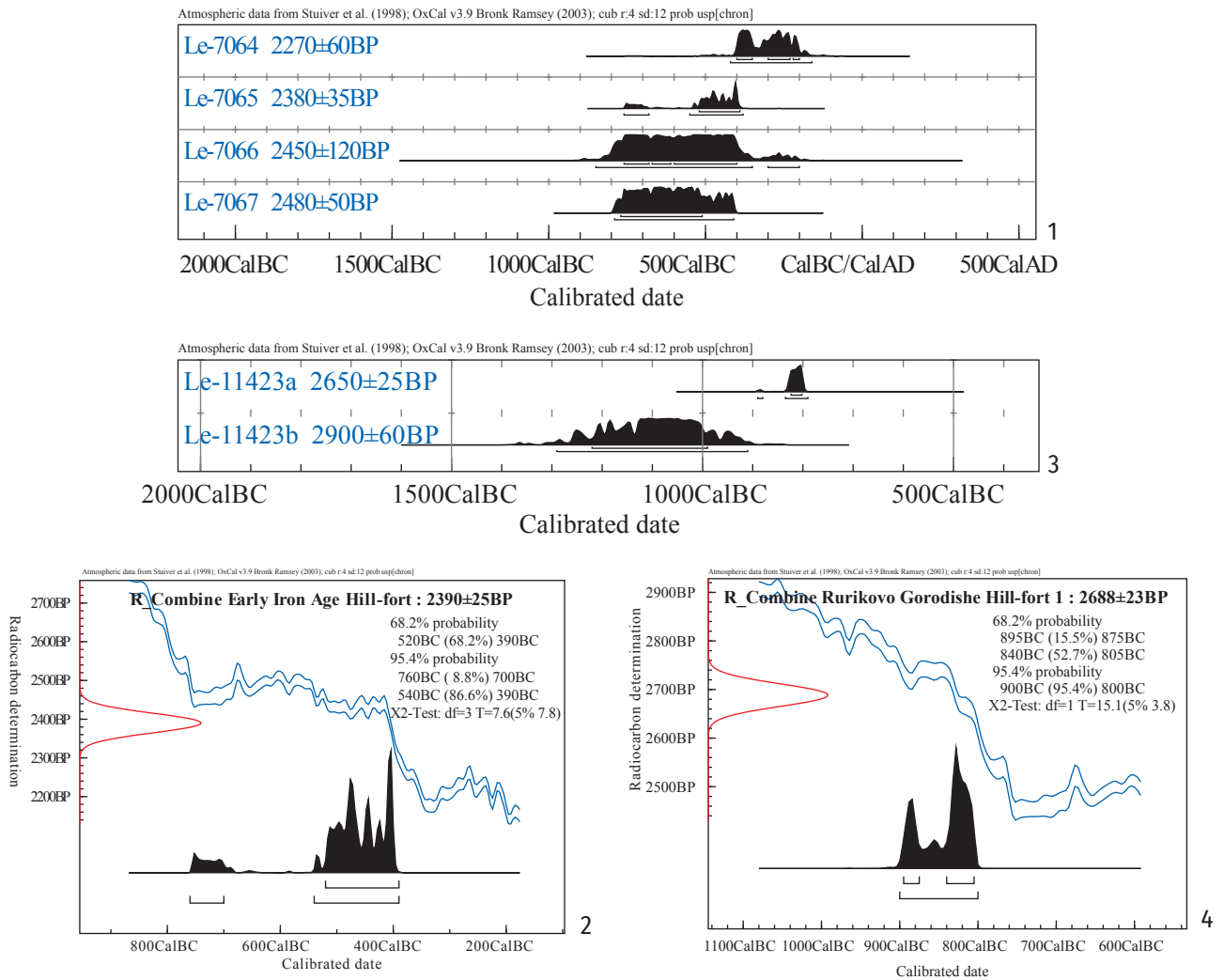
4.2. Городища VI–VIII вв. н. э. в Приильменье и славянское расселение

Баварский географ («*Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii*») содержит описание той части славянского мира, которая в первой половине IX в. находилась в политическом поле зрения каролингской империи. Основу описания составляет перечень народов с указанием количества принадлежащих им административных единиц (*civitas, urbs*). Исследователи, переводя эти латинские термины как *город, грод, burg, stronghold, defended center* и т. п., в основном, сходятся на том, что речь идет об укрепленных центрах сосредоточения власти (Назаренко 1993: 15; Barford 2001: 7; Rossignol 2011: 77–88)¹³⁵. В пользу такой трактовки говорят и комментарии самого автора рукописи, который указывает на принадлежность городов князьям (*duces*) и отмечает, что многочисленным (то есть сильным в военном отношении) народам нет надобности иметь *civitates*. Прослеживается и другая закономерность: чем многочисленнее народ, тем больше у него городов. Наконец, есть в перечне и указание на *особо укрепленные города (urbibus munitissimis)*. Франкские придворные анналы, рисуя военную экспедицию Карла Великого за Эльбу, сообщают о пребывании вождя славян-вильцев Драговита в *civitas* (*Annales quae dicuntur Einhardi*, a. 789: 85).

Связь *civitas* с властью и военной силой в представлении автора *Descriptio civitatum* вполне увязывается с археологическими реалиями — хорошо изученными западнославянскими «городами» — городищами, системы которых составляли военный и политический каркас племенных территорий. В жизни восточных славян во второй половине I тыс. н. э. укрепленные поселения играли сходную роль. Недаром в Н1 понятия политического главенства и основания города уравниваются: «и начаша владѣти сами собѣ и города ставити» (ПСРЛ, т. III. 2000: 106). Укрепления не только концентрировали власть, контролировали ресурсные зоны и коммуникации, но служили хранилищами припасов и военными убежищами для земледельческих округ.

Но городища не всегда составляют часть селитебной структуры. Некоторые укрепления могли иметь тактическое значение в войнах (Vencl 1983: 308, 315; 1984: 128; Виткунас, Забела 2017: 9). Вопрос о таких укреплениях, возводившихся во время боевых действий, применительно к восточноевропейским городищам ставится редко. Обычно считается, что традиция постройки «маршевых лагерей — прерогатива организованных имперских армий, а не

¹³⁵ Существует концепция, объясняющая *civitates* пограничных с империей регионов как области или бурговые округа (*burgwards, stronghold-districts*) (Херрман 1988: 163; Rossignol 2011: 73, 74, там литература).

Рис. 97. Радиоуглеродные датировки древнейших оборонительных (?) сооружений городищ Приильменья. 1, 2 – Городок на Маяте. Датировки карбонизированной древесины из частокольной канавки в центре площадки (1 – таблица калиброванных интервалов; 2 – полученная по ним комбинированная дата). 3, 4 – Рюриково Городище. Датировки опорного столба на краю площадки (3 – таблица калиброванных интервалов; 4 – полученная по ним комбинированная дата)

полчищ варваров. Между тем, по письменным источникам известно, что варвары (как славяне, так и норманны) тоже строили в походах полевые лагеря для обороны, содержания пленных и хранения награбленного. Иногда их удается зафиксировать археологически (Леонтьев 2015). Вопрос о наличии таких фортификаций в Приильменье и Поволховье весьма сложен. Нельзя исключить, что к ним относятся подковообразные укрепления, защищавшие низменные участки побережья (большой вал Рюрикова Городища, городище Георгий и Сергов Городок в Поозерье). Эти городища возникли в IX в. и принадлежат по типу к укрепленным корабельным стоянкам, распространившимся в эпоху викингов. О них мы поговорим позже.

Центральное Приильменье является ключевым регионом для понимания динамики культурных

трансформаций середины — второй половины I тыс. н. э. в области славянского «клина». Картирование средневековых памятников близ Ильменя (Еремеев, Дзюба 2010) позволило выделить здесь семь археологических микрорегионов (рис. 100). Речь может идти о территориях малых племен или летописных «родов», управлявшихся старейшинами и военными вождями. Городища (по 1–2 в каждом из них) составляют скелет этой системы расселения. Именно к этим микрорегионам мы должны обратиться в первую очередь в поисках славянских древностей, руководствуясь известной формулировкой ПВЛ: «Словѣни же сѣдоша около озера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ и сѣдлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ» (ПВЛ 1996: 8). В этом разделе работы нас будут интересовать городища третьей четверти I тыс. н. э.: Городок на Маяте, Сельцо I, Бронница,

Табл. 25. Корреляция радиоуглеродных данных о первых оборонительных сооружениях на холмах (1) и древнейших следах культивации злаков в Приильменской низине (2)

1. Древнейшие датировки городищ		Земледельческие этапы (Königsson, Possnert, Hammar 1997)
Рюриково Городище (культурный слой)	2870±40 ВР (Ле-3332)	3
Рюриково Городище (фортификация?)	2650 ± 25 ВР (Ле-11423) 2900 ± 60 ВР (Ле-11423)	3
Городок на Маяте (фортификация)	2270±60 ВР (Ле-7064) 2380±35 ВР (Ле-7065) 2450±120 ВР (Ле-7066) 2480± 50 ВР (Ле-7067)	3
2. Датировки земледельческих этапов на пойменных и болотных разрезах		
Наволоч	2680±100 ВР (Ле -6999)	3
Ямно	1380±100 ВР (Ле-10831)	4
Выползово	1010±25 ВР (Ле-7585)	4
Ситно	1850±90 ВР (Ле-11511); 1250±30 ВР (Ле-11512)	4
Радбелик	4480±80 ВР (Ua-4639); 3915±60 ВР (Ua-10607)	1
	3695±60 ВР (Ua-10610); 3630±85 ВР (Ua-3794)	2
	2300±75 ВР (Ua-3793)	3
	1515±70 ВР (Ua-10506)	4

Городок на Шелони, Княжая Гора (рис. 102–105). Тяготеющие к городкам сельские округа пока очень плохо изучены. Наличие на городищах Шеглуново и Городок на Ловати/Верготи слоев этого времени также нельзя исключать. Наконец, в группе ранних городищ нами будет рассмотрена Белая – памятник, расположенный в ближайшей Новгородской округе, но принадлежащий бассейну р. Луги.

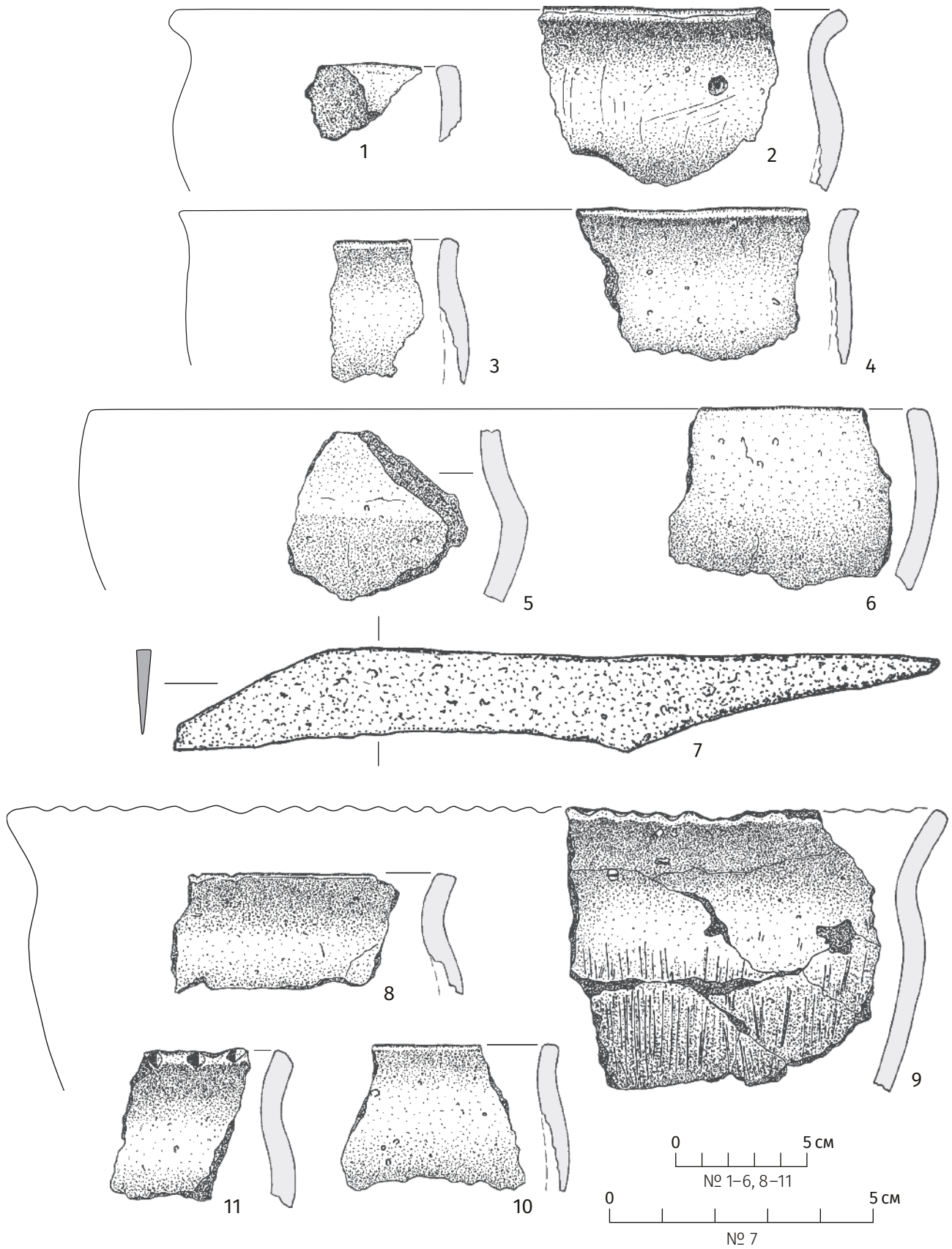
4.2.1. Городок на Маяте

Городище расположено на камовом холме, на левом берегу р. Маята при устье ручья. Высота холма с напольной стороны составляет 5 м. Над рекой городище возвышается на 15 м. Площадка округлая, размерами 85×75 м, имеет сильный наклон к реке (рис. 108). В северо-восточный склон холма врезана дорога, ведущая к броду через Маяту и далее в д. Городок, где располагается средневековое селище. От этой дороги отходит въезд на площадку городища шириной около 3 м. Мощность его культурного слоя — 0,30–0,60 м. С городищем связано два селища: одно на противоположном берегу реки на территории д. Городок, второе — у подножия вала. В 2003–2008 гг. на городище было разбито четыре раскопа (общая площадь — 768 м²). Еще 80 м² раскопано на селище

у подножия городища. Материалы раскопок памятника полностью опубликованы (Еремеев, Дзюба 2010), что избавляет меня от подробных описаний культурного слоя. На городище выделено три этапа жизни.

Городок на Маяте 1 (конец V — VI в.). Поселение изначально возникло как укрепление. На пологом склоне холма был сооружен двухступенчатый эскарп (рис. 109). Высота первой ступени от подножия холма составила около 1,5 м, ширина — примерно 4 м. Высота второй ступени — 1 м. Песок, выбранный при сооружении эскарпа, был использован для возведения небольшого (чуть выше 1 м) вала, шириной около 5 м. Между валом и краем эскарпа была оставлена ровная площадка — берма шириной 4 м.

После оборудования эскарпа по линии вала были установлены вертикальные столбы-стояки, к которым на высоте около 1,5 м от поверхности почвы крепились горизонтальные бревна (рис. 110). Под прямым углом к ним, видимо, на той же высоте, устанавливались бревна длиной около 3 м, косо выступавшие за внешнюю плоскость стены и нижними концами упирившиеся в поверхность бермы. Таким образом, создавался ряд контрфорсов, не позволявших стене опрокинуться наружу. После этого на бревна контрфорсы были настланы плахи, создавшие в нижней

Рис. 98. Городище Токолово 1998 г. 1–7 – находки из заполнения постройки 5; 8–10 – находки из заполнения постройки 9. 11 – фрагмент сосуда из культурного слоя. 7 – железо, остальное лепная керамика

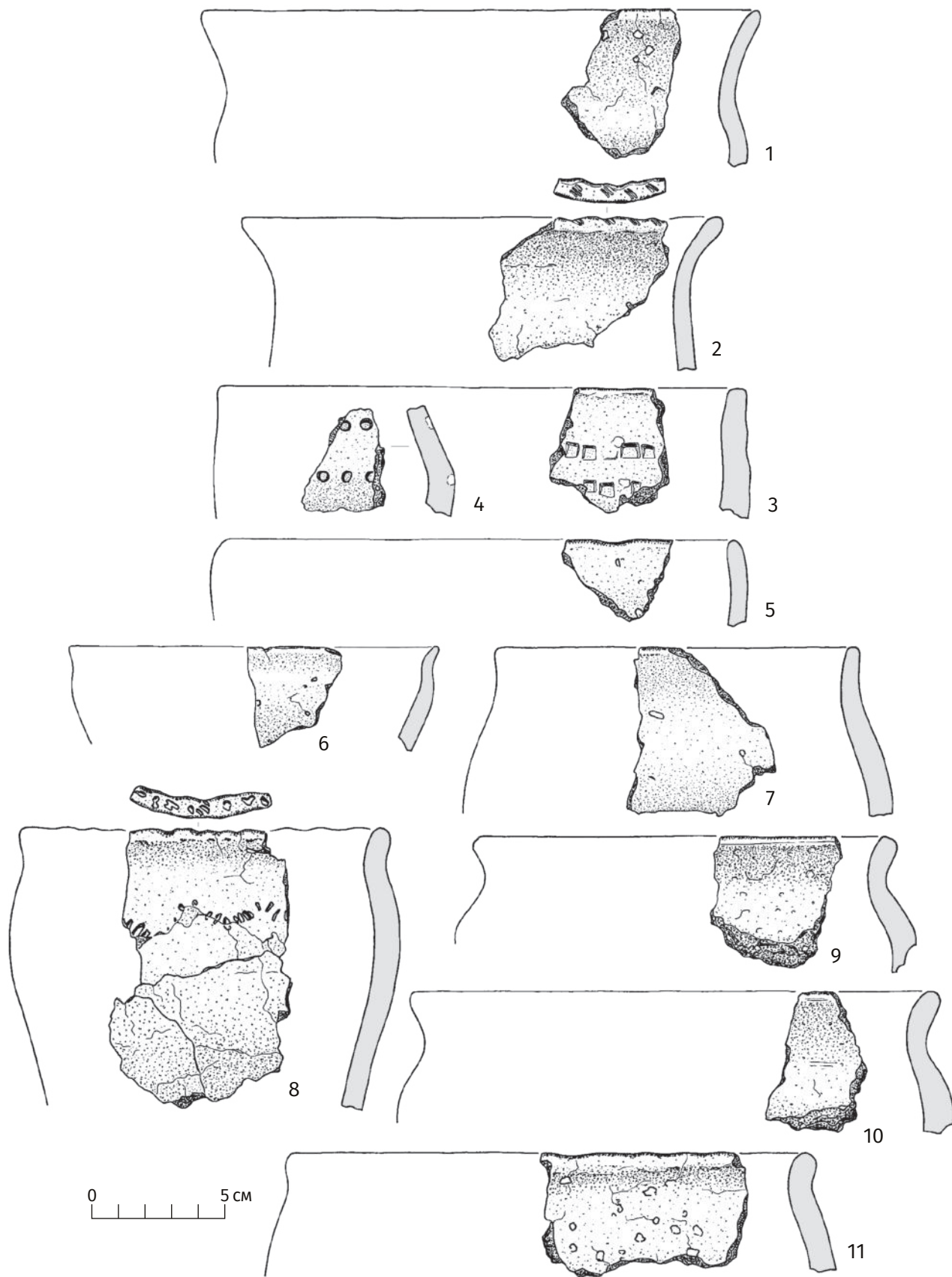

Рис. 99. Городище Велье. Лепная керамика из раскопок С. Н. Орлова

части стены сплошной косой настил, частично закрывавший берму. На высоте 1–1,5 м (от поверхности вала) над косым настилом начиналась вертикальная стена, состоявшая из мощных обтесанных плах, крепившихся к столбам-стоякам. Высота стены (ок. 2,5 м) подразумевает наличие приподнятого боевого хода, к которому, возможно, относятся зафиксированные с внутренней части стены столбовые ямы.

У основания нижнего эскарпа удалось проследить шедшую вдоль подножия холма частокольную (?) канавку шириной около 1 м и глубиной не менее полуметра. На площадке городища вдоль оборонительной стены, приблизительно в 2 м от нее, располагалась постройка, от которой сохранились многочисленные столбовые ямы и очажные камни. Внутри нее отмечено значительное скопление фрагментов лепной керамики (рис. 112; 113). В пределах постройки расчищен плотный каменный наброс (до трех слоев булыжника). Видимо, наброс является одновременно и запасом строительного материала, и отвалом от постоянной перекладки очагов или печей-каменок, и запасом метательного оружия (о подобных объектах см.: Третьяков, Шмидт 1963: 65; Митрофанов 1978: 18, 19, 89). Наиболее мощный слой камней (до 8 горизонтов) был расчищен в понижении в квадратах И-12, И-13. Понижение получило название «Комплекс XVI».

Въезд на городище читается на краю площадки в виде пологой выемки в материковом песке, заполненной бурой гумусированной супесью. В створе этой выемки, в 6 м от края холма расчищены две округлые ямы (№ 46, 47), предназначавшиеся для оснований двух мощных (диаметром около 0,30–0,40 м) столбов, видимо, воротного проема (рис. 114). Ширина его составляет 1,5 м. С линией оборонительной стены связано еще несколько столбовых ям (№ 48, 49). На более поздних этапах жизни на городище прямо по бывшей линии столбовой стены было возведено несколько построек: сначала, вероятно, в VII в., — «полуземлянка» (комплекс XXIV), а затем — несколько хозяйственных ям (комплексы XXIV-1, XXIV-2, XXV, XXVI). Одна из них попала почти точно в воротный проем (комплекс XXIV-1), что вполне определенно подтверждает тот факт, что ворота относятся к укреплениям более раннего времени.

Итак, холм в излучине реки с напольной стороны был укреплен двойным эскарпом, над которым по невысокому валу была поставлена стена из горизонтально уложенных плах, крепившихся к врытым в вал и/или материковую почву столбам (рис. 111). Общая высота укреплений с напольной стороны составляла ок. 6,5–7 м, из которых 3 м приходилось на систему эскарпов на склоне и ок. 3,5 м — на деревоземляные оборонительные сооружения. Со стороны речного обрыва укрепления, видимо, отсутствовали.

Сложно реконструировать постройку, примыкавшую к укреплениям с внутренней стороны. На городищах тушемлинской и банцеровской культур и на более ранних позднедьяковских городищах столбовая постройка часто располагается по всему периметру площадки. Площадка Городка на Маяте слишком велика для такой конструкции. Возможно, постройка находилась только с напольной стороны, создавая дополнительную линию укреплений. В случае, если постройка была все же кольцевой, как это указано на реконструкции, она должна была занимать не всю площадку, а лишь центральную ее часть.

Судя по следам пожара и находкам деформированных наконечников стрел (рис. 113), ранние укрепления городища были разрушены и частично сожжены в результате вражеского нападения. При этом, если кольцевая постройка сгорела дотла (от нее остались лишь отдельные головни), то находившаяся от нее на некотором удалении оборонительная стена частично сохранилась.

Датировка укреплений со стеной и эскарпами основывается на двух группах источников: радиоуглеродных датировках, полученных по древесине из оборонительной стены, и на вещевом инвентаре с керамикой из культурного слоя, связанного с периодом функционирования ранних укреплений (из каменного наброса). Наиболее надежны датировки оборонительной стены (рис. 117).

Всего это семь радиоуглеродных датировок, позволяющих в совокупности отнести первоначальный городок к V–VI вв. Допуская единовременность постройки укреплений из свежих деревьев, срубленных разом, можно попробовать использовать комбинированную дату: 1601 ± 11 ВР. После калибровки (2б) она дает достаточно узкий интервал — 410–540 гг. н. э.

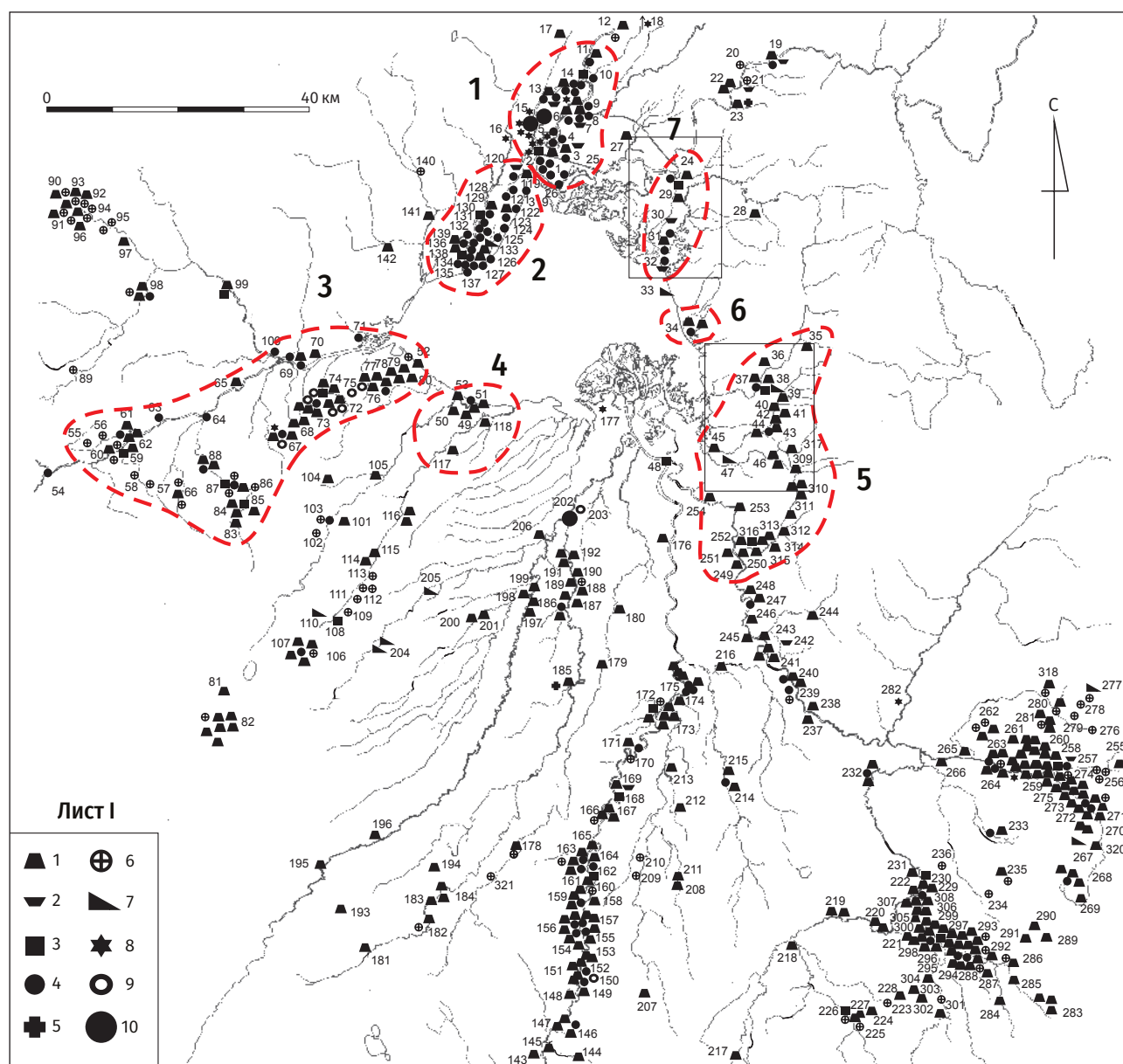
Одна из семи радиоуглеродных датировок — 1820 ± 25 ВР, после калибровки (2б) образовавшая два интервала: 120–260 гг. н. э. и 300–320 гг. н. э. (Ле-7592), лежит за пределами диапазона, очерченного остальными шестью интервалами. Она явно нереальна. Если мы отбросим этот образец и будем ориентироваться лишь на компактно лежащие шесть интервалов, то построенная по ним комбинированная дата 1550 ± 12 ВР после калибровки (2б) еще более сузится и омолодится, — 430–560 гг. н. э. Образцы отбирались из очень плохо сохранившихся мощных плах облицовки стены и включали не только внешние годичные кольца, но и сердцевину старых деревьев, поэтому следует ориентироваться на верхнюю границу полученного диапазона.

Последней датировке не противоречит керамический комплекс из культурного слоя, примыкающего к древнейшим укреплениям со стороны площадки. Комплекс включает грубую слабопрофилированную хозяйственную керамику и фрагменты столового реберчатого лощеного сосуда (рис. 112; 113).

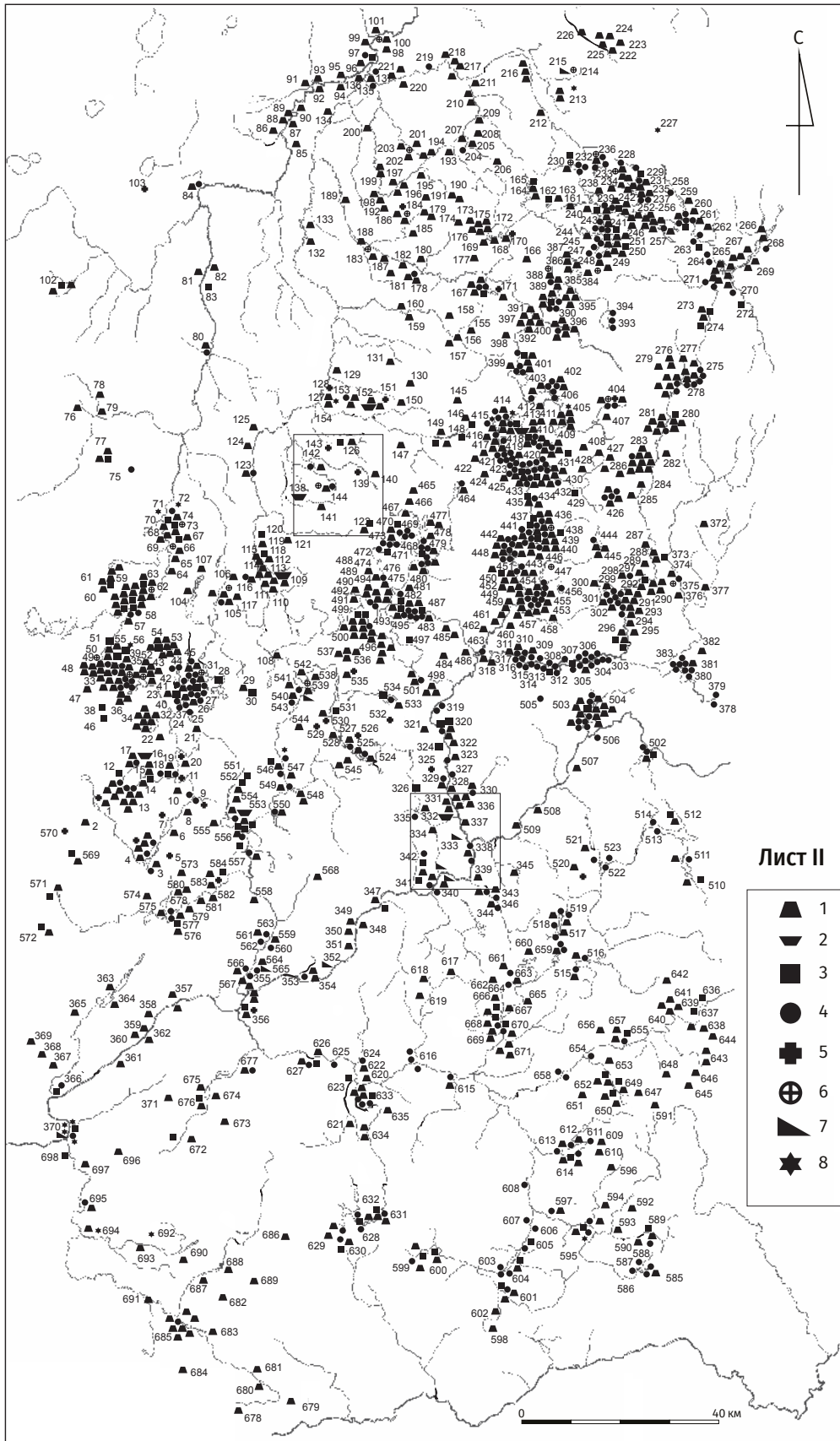
Бытовой инвентарь из каменного наброса и культурного слоя, отложившегося близ низкого раннего вала, скуден. В кв. К-14 найдено два фрагмента кольцевидной бусины из бесцветного прозрачного стекла с широким цилиндрическим отверстием (рис. 128: 8). Подобные бусы известны в черняховских древностях IV в. н. э. (Гопкало 2008: 23, 24). Точные хронологические рамки их бытования ввиду простоты формы определить сложно. Из кв. И-12 происходит перекрученная железная пластина, напоминающая оковку рукояти какого-то орудия. В кв. К-13 было

обнаружено железное шило. Более определенно о датировке каменного наброса говорит уже упоминавшийся нами выше набор наконечников стрел. Все они относятся к разным типам.

1. Подтреугольный черешковый наконечник со слабо выраженным ребром жесткости (рис. 113: 8). Перо вытянуто, края его прямые. Один из самых простых и распространенных типов стрел, использовавшихся на протяжении всего I тыс. н. э. (близок к типу 46 по А. Ф. Медведеву). Характерным архаичным элементом является форма черешка, раскованного

Рис. 100. Центральное и Южное Приильменье. Сводная карта археологических памятников второй половины I – первой половины II тыс. н. э. В Приильменской низине выделены и пронумерованы археологические микрорегионы VIII–X вв. *Условные обозначения:* 1 – курганы; 2 – грунтовые могильники; 3 – городища; 4 – селища; 5 – каменные кресты; 6 – жальники; 7 – культовые камни; 8 – клады; 9 – каменные круги; 10 – культурные слои крупных городов. Расшифровку нумерации памятников см.: Еремеев, Дзюба 2010: Приложение 1

Рис. 101. Верхнее Подвинье и Двинско-Ловатское междуречье. Сводная карта археологических памятников второй половины I – первой половины II тыс.н.э.
 Условные обозначения: 1 – курганы; 2 – грунтовые могильники; 3 – городища; 4 – селища; 5 – каменные кресты; 6 – жальники; 7 – культовые камни; 8 – клады. Расшифровку нумерации памятников см. Еремеев, Дзюба 2010: Приложение 1

Схема расположения исследуемых контрольных участков:

- 1 — Бронницкий;
- 2 — Парфинский;
- 3 — Назимовский;
- 4 — Межский

Условные обозначения:

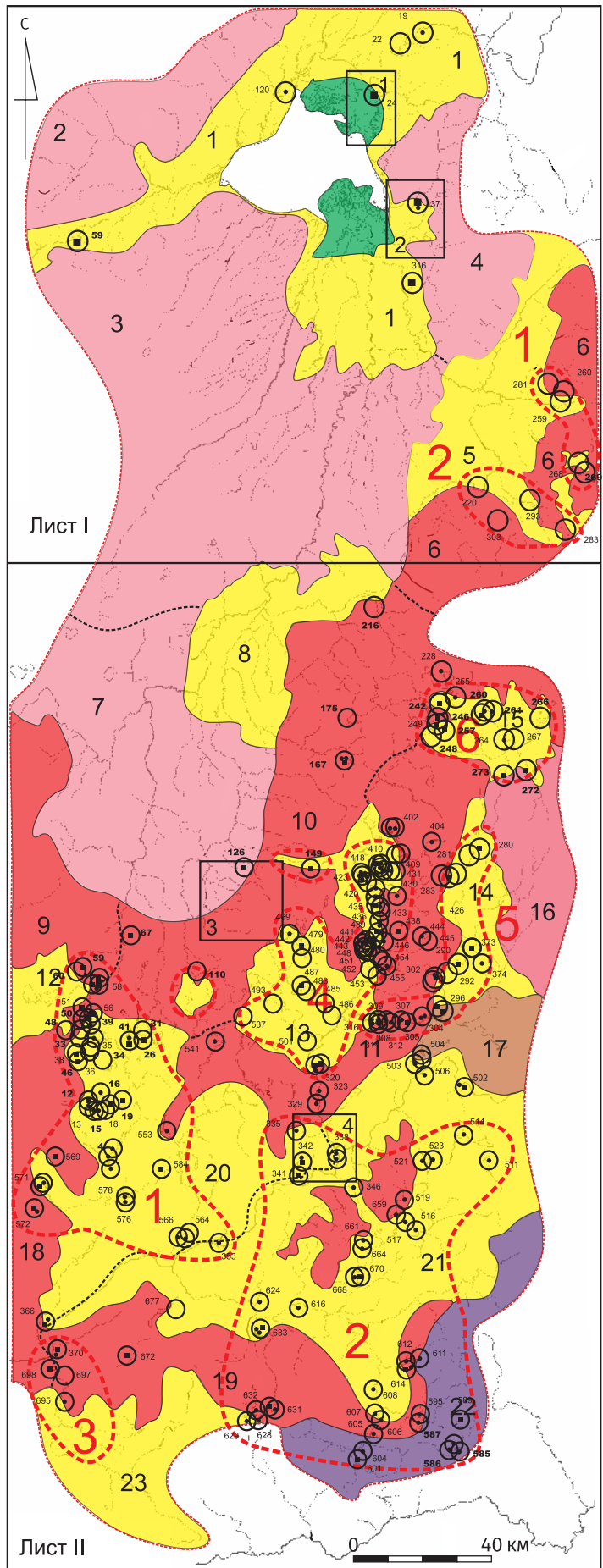
- — границы рассматриваемой области
- — районы с преобладанием озерно-ледникового рельефа
- — районы с преобладанием аллювиального рельефа
- — районы с преобладанием моренных равнин валдайского оледенения
- — районы с преобладанием холмисто-моренного рельефа валдайского оледенения
- — озерно-ледниковые заболоченные равнины
- — районы с преобладанием моренного рельефа московского оледенения
- — условные границы сходных по происхождению районов
- — контрольные участки
- — номера природных районов
- — археологические области
- — городища, существовавшие в V–VIII вв.
- — селища, существовавшие в III–VIII вв.
- — земли, теоретически освоенные в III–VIII вв. (пятикилометровые ресурсные зоны), выделенные по поселениям
- — земли, теоретически освоенные в V–VIII вв. (пятикилометровые ресурсные зоны), выделенные по могильникам КПДК

Природные районы:

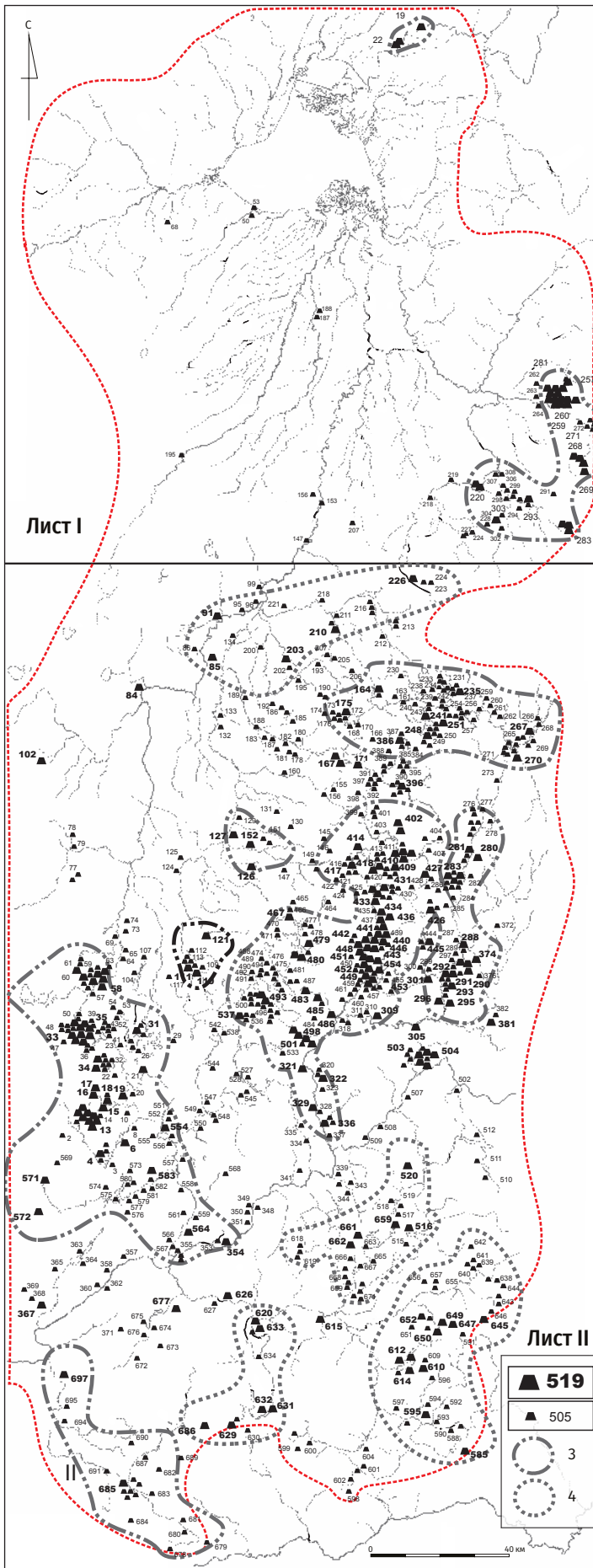
- 1 — Ильменский
- 2 — Уторгошский
- 3 — Ловатско-Полистовский
- 4 — Лычковский
- 5 — Демянский
- 6 — Валдайский
- 7 — Локнянский
- 8 — Холмский
- 9 — Бежаницкий
- 10 — Великолуцкий
- 11 — Усмынско-Ильинский
- 12 — Невельский
- 13 — Жижичко-Торопецкий
- 14 — Западновдвинский
- 15 — Верхнедвинский
- 16 — Нелидовский
- 17 — Межский
- 18 — Городокский
- 19 — Витебский
- 20 — Суражский
- 21 — Касплянский
- 22 — Смоленский
- 23 — Лучосский

Археологические области:

- Лист I
- 1 — Демянская
  - 2 — Маревская
- Лист II
- 1 — Невельско-Суражская
  - 2 — Касплянская
  - 3 — Лучосская
  - 4 — Жижичко-Торопецкая
  - 5 — Западновдвинская
  - 6 — Верхнедвинская

Рис. 102. Центральное и южное Приильменье, Верхнее Подвине. Природные районы и система расселения в третьей четверти I тыс. н. э.

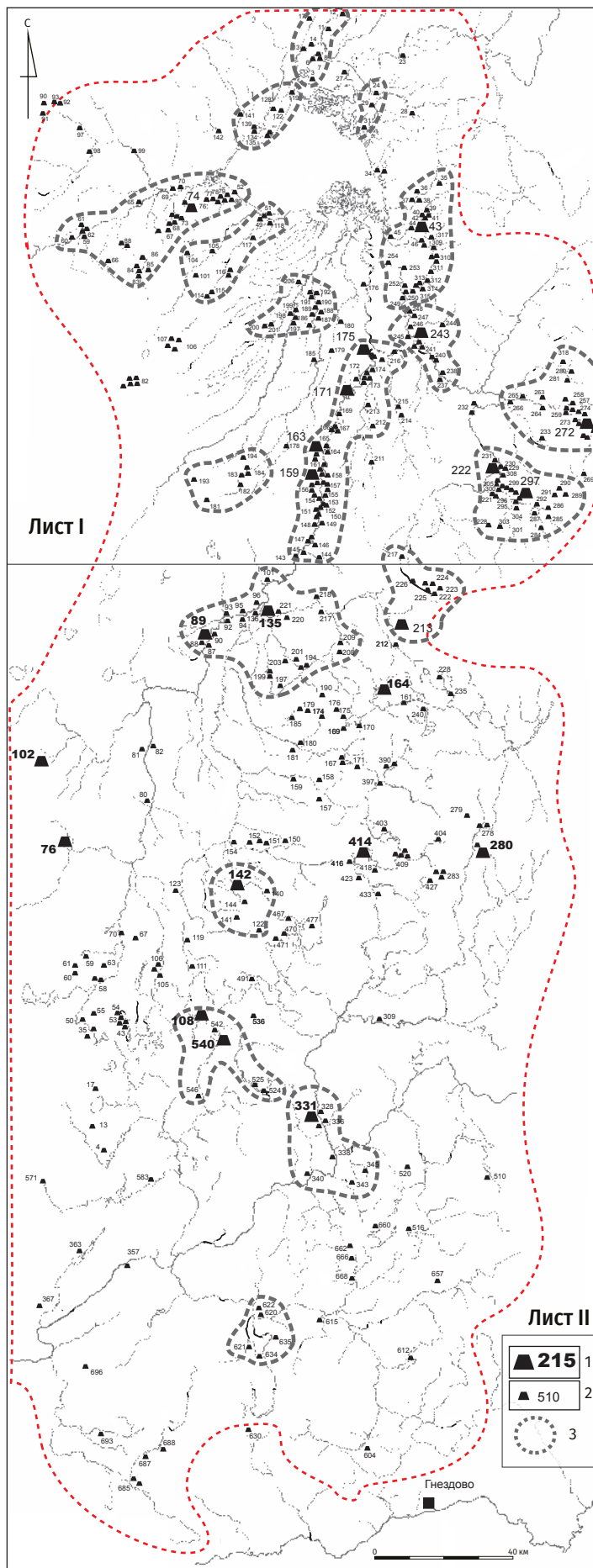
в плоскости, перпендикулярной плоскости пера. Аналогии в значительных количествах известны на позднедьяковских памятниках (Третьяков 1941: рис. 33: 2, 7) и на ранне-средневековых поселениях Ильмень-Волховского региона VIII–X вв. (Рябинин 2003: 219; Розанова и др. 2008: рис. 2: 5). Такими же стрелами около середины I тыс. н. э. пользовались обитатели Верхнего Поволжья (Максимов, Розанова 1998: 371, рис. 1: 14) и население КПДК в Помостье (Исланова 2006: рис. 115: 2). Ближайшая в географическом отношении находка аналогичной стрелы происходит с селища Березка в нижнем течении р. Холова. Селище связано с сопкой, но содержит и материалы третьей четверти I тыс. н. э. (Петунов 2010).

2. Наконечник подтреугольной формы с ребром жесткости, близкий по форме предыдущему (рис. 113: 10). Черешок раскован в плоскости, перпендикулярной перу.

3. Плоский (без ребра жесткости) подтреугольный, асимметричный наконечник из тонкой (чуть больше 1 мм толщиной) железной пластинки (рис. 113: 11). Перо погнуто, черешок обломан. Стрелы, вырезанные из тонких пластин металла, характерны для дьяковского вооружения и в целом для РЖВ. В Верхнем Подвинье похожие стрелы встречаются на памятниках первой половины I тыс. н. э. (Шадыра 2004: мал. 6: 5).

4. Наконечник подтреугольной формы со слабовыраженным ребром и тремя шипами на каждом плечике. Черешок раскован в плоскости, перпендикулярной перу (рис. 113: 9). Наконечник редкого типа может служить хронологическим репером при датировке набора вооружения из-под вала, и только с его помощью можно проверить обоснованность радиоуглеродных датировок. Аналогичный наконечник (без контекста) происходит с городища Березняки (Третьяков 1941: рис. 33). Территориально ближайшая подобная находка

Рис. 103. Центральное и Южное Приильменье и Верхнее Подвинье. Могильники с длинными и удлиненными курганами в контексте курганных древностей второй половины I тыс. н.э. Условные обозначения: 1 — могильники с длинными курганами; 2 — могильники с невысокими (до 3 м высоты) полусферическими насыпями без каменных конструкций; 3 — регионы, образованные поселениями с длинными курганами в середине — третьей четверти I тыс. н.э.; 4 — регионы, образованные поселениями с длинными курганами в VIII–IX вв. Расшифровку нумерации памятников см. Еремеев, Дзюба 2010: Приложение 1

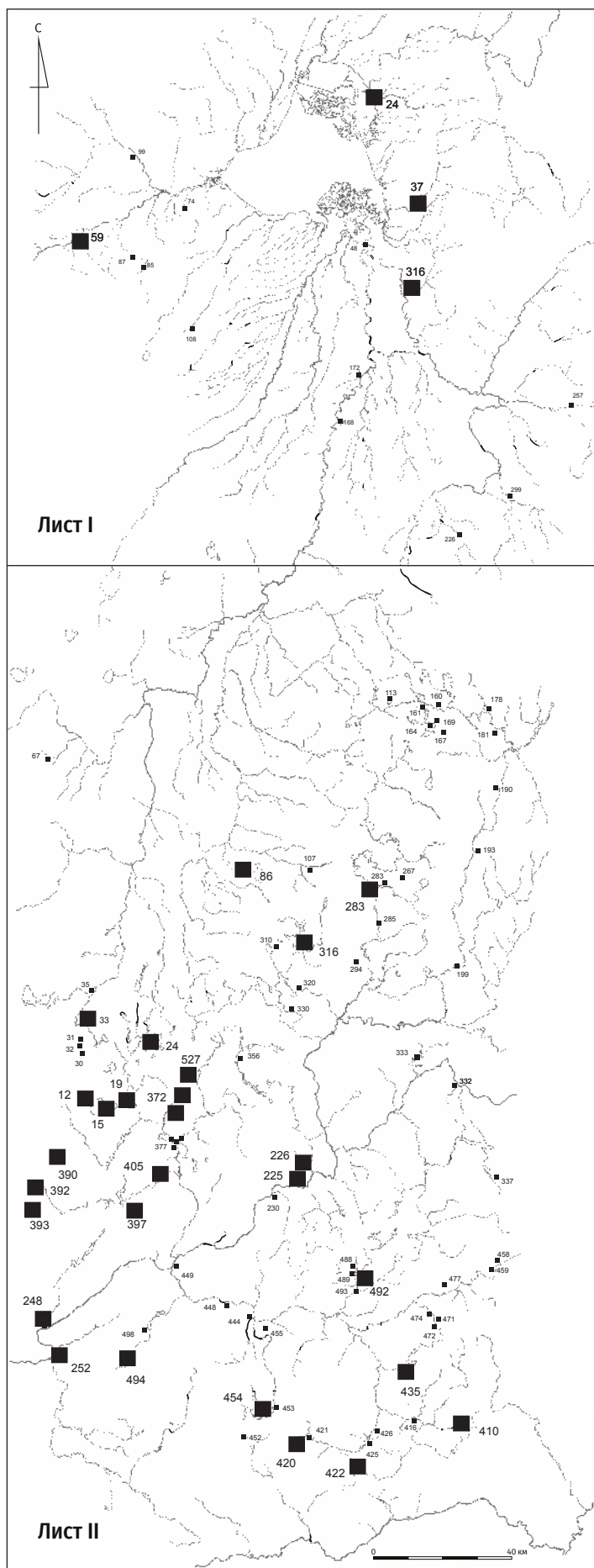
происходит из могильника КПДК Рышево в низовьях Мсты (погребение 5 кургана № 2). В погребении № 4 из того же кургана найдена пряжка, датирующаяся по крымским аналогиям второй половиной V — первой половиной VI в. (Орлов А-1977: 27; Засецкая 1993: 25, таб. 3: 46). Неподалеку от Рышева известна еще одна такая стрела. Она происходит из трупосожжения КПДК в могильнике Каменка в междуречье рек Мста и Вишера. Наконечник найден в погребении 2 кургана 3 в комплексе с небольшим стамесковидным кресалом. Наконечник, фрагмент подобной стрелы встречен в переотложенном слое на селище КПДК Засобье в среднем течении р. Луга (Михайлова 2010: рис. 10: 1). В качестве аналогий следует указать на набор стрел с поселения Тудозеро-V в юго-восточном Прионежье. В слое, относящемся, видимо, к первой четверти I тыс. н. э., здесь найден набор из четырех наконечников: двушипного дьяковского типа; двух наконечников с черешками, раскованными перпендикулярно перу, близких по форме наконечникам 1 и 4 из Городка на Маяте; и наконечника с таким же черешком и шипом на середине пера (Иванищев 2005: рис. 5: 1–4).

Вещевой инвентарь и керамика не дают оснований для недоверия к радиоуглеродной хронологии набранной оборонительной стены, датировка которой укладывается в период с середины V до середины VI в. н. э. Это подтверждает и материал из насыпи вала, перекрывшего первоначальную стену. Он будет обсуждаться в следующем разделе.

Городок на Маяте 2 (первая половина VII в.). В этот период в Юго-Восточном Приильменье происходят какие-то военные потрясения. В результате, на месте первого городка строится мощная деревоземляная крепость. Старые укрепления были полностью засыпаны новым валом, который полукольцом охватывал площадку городища с востока и юга. Ширина его по основанию составляла около 20 м. Ров сильно заплыл, и его параметры трудно определить. Каркас вала составляют накаты из бревен и колотых плах, уложенные попеременно вдоль и поперек его про-

Рис. 104. Центральное и Южное Приильменье, Верхнее Подвинье. Микрорегионы, образованные поселениями с сопками. *Условные обозначения:* 1 – курганы высотой 3 и более метров; 2 – могильники с курганами высотой 3 и более метров, насчитывающие более трех высоких насыпей; 3 – микрорегионы с сопками. Расшифровку нумерации памятников см. Еремеев, Дзюба 2010: Приложение 1

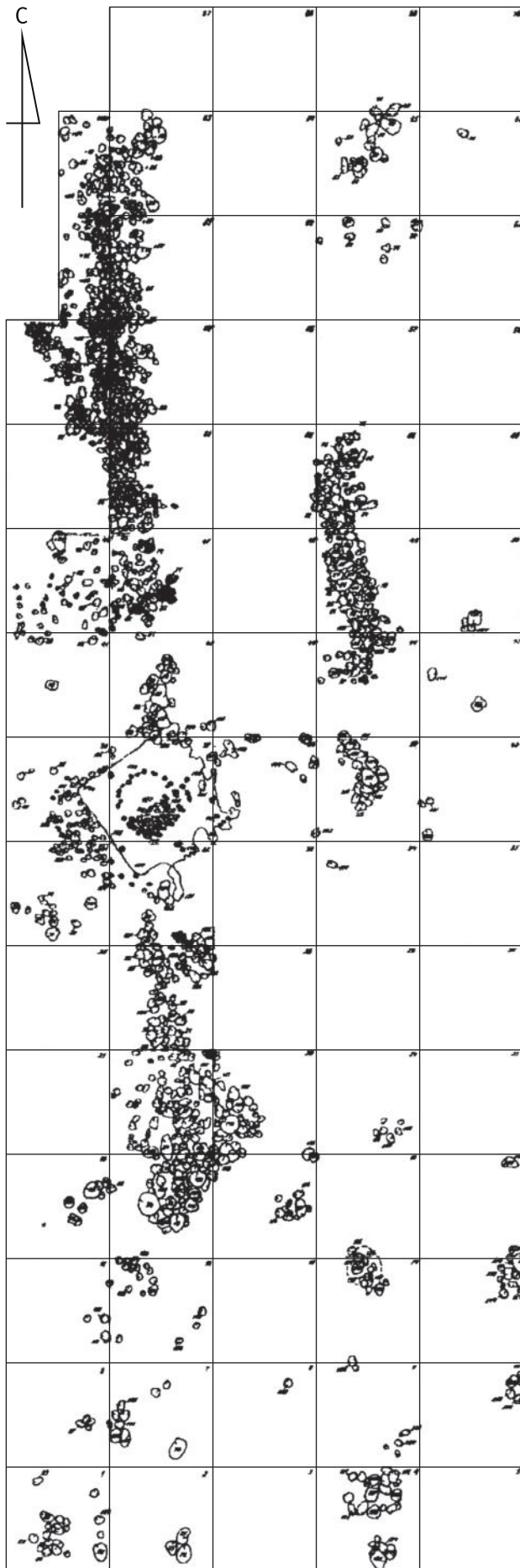
дольной оси (рис. 115). Удалось проследить, что вся толща насыпана в один прием. При этом мы насчитали шесть бревенчатых накатов, настланных в два яруса по три слоя бревен в каждом. Ярусы были разделены между собой песчаной прослойкой толщиной около полуметра. Существовал, по крайней мере, еще один, верхний ярус. Его остатки в плане удалось зафиксировать почти на современной поверхности, сразу под слоем распашки. Навалы сложены из молодых березовых, ольховых и осиновых стволов. Среди цельных бревен попадаются плахи. Некоторые колоты надвое; есть стволы, расколотые на четверти. Несмотря на то, что бревна подверглись естественной карбонизации, древесина хорошо сохранила текстуру и даже следы топора. На многих бревнах уцелела кора и ветви. Попадались среди бревен и отдельные ветки.

Изначальная реконструируемая высота вала от подножия холма составляла около 7 м, от поверхности, на которой была сооружена предыдущая крепость, — около 4 м. Слои бревен, колотых плах и веток были изначально уложены в вал, т. е. являются не остатками сменяющих друг друга построек или укреплений, а внутривальными накатами, удерживающими насыпь от расползания. Это предположение было проверено с помощью радиоуглеродного датирования. Были сопоставлены датировки двух накатов. Из второго (нижнего) яруса дерева проанализированы два бревна. Первое из них (два образца — кора и внешние годовичные кольца) дало комбинированную дату 1549 ± 28 ВР, что после калибровки (2 σ) составило интервал 420–600 гг. н. э. Второе (пять образцов по 6 годовичных колец тридцатилетнего дерева) дало комбинированную дату 1518 ± 18 ВР. При калибровке (2 σ) она дает интервал 430–620 гг. н. э. Две датировки второго бревна, оказываются древнее дат первоначальной стены: 1690 ± 50 ВР (Ле-7471) и 1680 ± 50 ВР (Ле-7473). Кроме того, эти образцы

Условные обозначения:

- 59 — городища с материалами V–VIII вв. н.э.
- 294 — городища, использование которых в V–VIII вв. н.э. не исключено

Рис. 105. Центральное и Южное Приильменье, Верхнее Подвинье. Городища эпохи переселения народов. Расшифровку нумерации памятников см. Еремеев, Дзюба 2010: Приложение 1

более молодых годовичных колец получили дату, значительно более древнюю, чем образцы из сердцевины бревна.

Сомнительные датировки можно попробовать отбросить. Если оставить три компактно лежащих интервала: 1450 ± 25 ВР (Ле-7472), 1465 ± 60 ВР (Ле-7474) и 1480 ± 50 ВР (Ле-7475), то комбинированная дата по ним составит 1457 ± 21 ВР. При ее калибровке (2б) календарный интервал сократится до 540–650 гг. н. э.

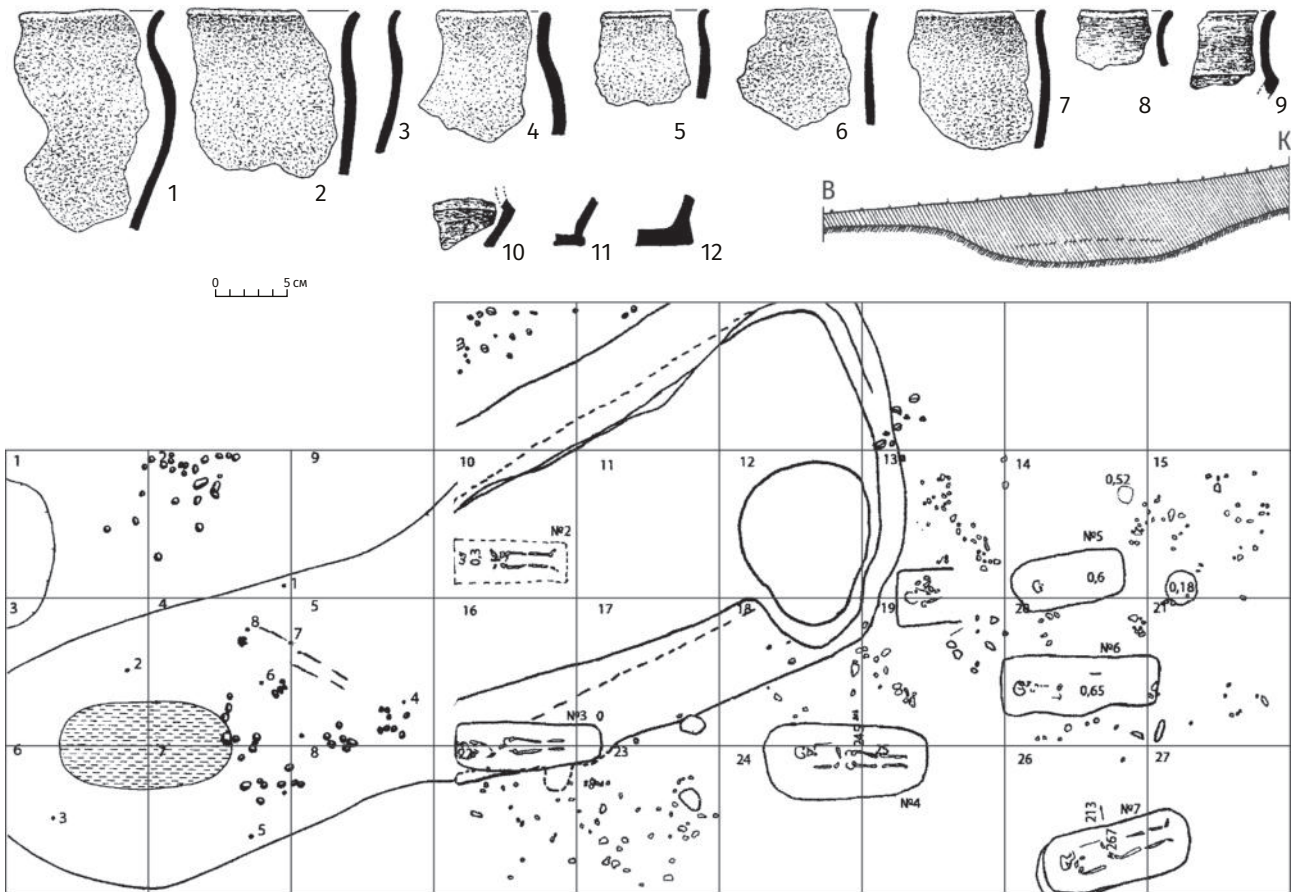
Нужно учитывать также, что две из трех оставленных датировок получены по годовичным кольцам из центра древесного ствола. Образцы из первого (верхнего) наката отбирались с отдельных бревен. При отборе мы стремились снимать внешние годовичные кольца. Это позволяет утверждать, что полученные датировки ближе к реальности, чем, скажем, датировки, сделанные по плахам первоначальной стены. Аккуратно уложенные бревна составляют единую конструкцию и, вероятно, срублены одновременно, что позволяет использовать комбинированную дату для их характеристики.

Всего получено четыре отдельные даты, одна из которых, выбивающаяся из общего ряда, представляется нереальной, поскольку оказывается древнее дат первоначальной стены (Ле-7070– 1650 ± 30 ВР). Комбинированная дата, полученная с учетом этой погрешности, 1502 ± 14 ВР при калибровке (2б) дает интервал 535–620 гг. н. э. Остальные три образца дают компактную группу датировок. Комбинированная дата без учета сомнительного образца: 1459 ± 16 ВР. После калибровки (2б) она дает более определенный интервал для времени сооружения первого (верхнего) яруса внутривальных конструкций: 555–645 гг. н. э.

Таким образом, радиоуглеродный анализ не дает оснований считать два слоя древесных остатков, обнаруженных внутри большого вала, разновременными и не противоречит предположению об их одновременном сооружении.

Итак, в раскопе, вскрывшем центральную часть вала, бревна были уложены в два яруса (разделены песчаной прослойкой) по три наката в каждом. На участке, исследованном ближе к площадке, обнаружилось, что бревна лежат всего в один ярус. Под верхним поперечным накатом здесь обнаружился второй, лежащий вдоль оси вала на отметках 139–162 см. В квадратах линий 18–20 он смыкается с первым накатом второго яруса внутривальных сооружений. В квадратах К-14, И-15, И-16, К-16, И-17, К-17 после снятия неглубокого слоя сравнительно чистого песка на отметках от 99 см до 151 см на поверхность сразу же выступили бревна, лежащие грудой вдоль оси

Рис. 106. Линейные набросы очажных камней в пласте 3 селища Микольцы (Зверуго, Медведев 2003). Следы длинных домов?

Рис. 107. Длинный дом на селище Микулино (план и разрез) и керамика из его заполнения (Шмидт 2014). 1–7, 11, 12 – фрагменты лепных гладкостенных сосудов; 8–10 – фрагменты лощеных сосудов

вала и повторяющие своим направлением его изгиб. Пространство между этими бревнами было местами заполнено желтой супесью, а местами — серой супесью с золой и мелкими угольками. Удалось проследить, что здесь лежат преимущественно еловые бревна, в то время как для строительства внутривальных накатов применялась ольха, береза, осина — одним словом, окружавшее поселок сорное мелколесье, оказавшееся под рукой у строителей. На некоторых бревнах (кажется, только еловых) сохранились разной формы чашки-врубki. Часть бревен лежала на двух массивных подкладках, уложенных перпендикулярно направлению вала.

Взгляд на эту конструкцию в ходе ее исследования несколько раз менялся. В какой-то момент нам показалось, что мы раскапываем остатки столбовой постройки, шедшей по периметру вала, а массивные чурбаки, на которых лежат бревна, — это остатки столбов-стоячков. Однако против этого говорило несколько наблюдений:

- Среди бревен найдено всего несколько мелких обломков керамики, попавших туда, скорее всего, из культурного слоя при насыпке большого вала. Находок, определенно говорящих о жизнедеятельности, среди бревен не обнаружено.

- От культурного слоя с очажными камнями развал еловых бревен отделен прослойкой песка.

- В квадратах линий 15–16 в районе развала еловых бревен ни разу не удалось проследить столбовые ямы, впущенные с того горизонта, на котором они лежат.

- Ни в одной из материковых столбовых ям в квадратах линий 14–16 не зафиксировано следов столбов, в то время как карбонизированные еловые бревна отличаются прекрасной сохранностью. Это наводит на мысль о том, что все найденные здесь столбовые ямы значительно древнее накатов и связаны лишь с первоначальной конструкцией V–VI вв.

- Несмотря на то, что на концах нескольких еловых бревен найдены чашки-врубki, каких-либо связей между бревнами или скоплений фрагментов с «чашками» не зафиксировано, т. е. нет оснований говорить о том, что в данном случае перед нами остатки постройки, а не пример вторичного использования элементов разобранных жилищ. Окончательный вывод стал возможен после того, как по еловым стволам была получена серия радиоуглеродных датировок. Всего проанализированы внешние годовые кольца девяти бревен, давшие узкий диапазон интервалов (рис. 117) без серьезных отклонений.

Как свидетельствует проведенный О. А. Тарабардиной дендрохронологический анализ еловых бревен, они принадлежат достаточно узкому хронологическому периоду (Тарабардина 2010: 160). О том же самом говорит и стратиграфия напластований. Все это делает возможным использование комбинированных дат на основе полученной по ^{14}C серии датировок. *Комбинированная дата 1406 ± 9 BP после калибровки (26) указывает на интервал 615–662 гг. н. э.*

Таким образом, развал еловых бревен не может быть связан с первоначальным укреплением — он синхронен внутривальным накатам. По-видимому, еловые бревна являются остатками конструкции, которая крепила внутреннюю часть большого вала от оползания в сторону площадки городища.

Что представляли собой в момент строительства большого вала руины более раннего городка? Опорные столбы ранней стены рухнули в сторону площадки городища (**рис. 110**). Плахи, из которых она была набрана, рассыпались. Опорные столбы выгнили внутри, плахи облицовки превратились в прослойки углистого тлена толщиной около 1 см. Тем не менее, сохранность дерева в остатках стены говорит о том, что на момент сооружения вала первоначальные укрепления, хотя и в руинированном виде, еще стояли на холме.

Датировка большого вала строится на несколько иных основаниях, чем датировка первоначальной крепости. Дело в том, что участков культурного слоя, чья синхронность большому валу подтверждалась бы стратиграфически, исследовано не было. Поэтому, датируя большой вал, мы можем исходить преимущественно из анализа двух групп источников: радиоуглеродные датировки, полученные по дереву из внутривальных конструкций; находки из насыпи вала, возможно, утерянные его строителями. Учитывая то обстоятельство, что большой вал насыпан вскоре после гибели городка с наборной стеной, с некоторой осторожностью можно использовать для датировки более поздних укреплений еще две группы источников: находки из насыпи вала, попавшие туда из более раннего культурного слоя; собственно датировки, полученные для раннего культурного слоя. При использовании последних двух групп источников необходимо считаться с некоторой поправкой на срок до 20–30 лет (максимальное время, которое могли простоять руины деревянной стены).

Суммируя приведенные выше группы радиоуглеродных датировок (всего 20) по развалу еловых бревен, первому и второму накатам, можно с достаточной долей уверенности предположить, что большой вал с деревянными конструкциями был возведен в первой половине VII в.

Делая этот вывод, мы ориентируемся, в первую очередь, на серию из девяти самых молодых датиро-

вок, полученных по еловым бревнам. Нужно подчеркнуть, что на анализ бралась внешняя часть стволов. Кроме того, мы знаем, что в вал были уложены молодые деревья (определения О. А. Тарабардиной). Поэтому есть основания считать, что полученные даты в комплексе объективно отражают время порубки деревьев.

При этом у нас есть дополнительные основания ограничить верхние рамки хронологического диапазона серединой VII в. Дело в том, что по группе еловых бревен был выполнен дендрохронологический анализ. Построенную кривую не удалось совместить со старолadoжской кривой, берущей начало в 612 г. О. А. Тарабардиной было высказано предположение, что бревна Городка на Маяте не предоставляют исследователям возможность построить график, обеспечивающий надежное (около 30 лет минимум) перекрытие с эталонным старолadoжским образцом из-за их ранней датировки (не моложе середины VII в.).

Всего две вещи, найденные в насыпи вала, можно связать с его строителями: костяной наконечник стрелы (**рис. 128: 3**) и бронзовую пряжку (**рис. 128: 4**). Найденный в чистом песке (подчеркнем — не в линзе переотложенного культурного слоя) наконечник стрелы относится к категории охотничьего оружия. Он имеет длинный черешок и притупленное подтреугольное перо. Наконечник орнаментирован: в нижней части пера прорезаны линии, создающие зрительную иллюзию двушипного оружия. Костяные черешковые наконечники стрел во второй половине I тыс. н. э. повсеместно использовались в лесной зоне Восточной Европы в качестве охотничьего оружия. В той или иной степени похожие вещи найдены, например, в Старой Ладого в слоях IX–X вв. (Кирпичников, Сарабьянов 2003: 60) и на Любшанском городище (Рябинин 2003: 187). Ближайшая аналогия известна нам на памятнике, синхронном Городку на Маяте. Аналогичная стрела с маленьким треугольным пером и длинным черешком найдена в Оршанском Поднепровье на городище Кисели (Левко, Колосовский 2003: рис. 6: 7). В насыпи вала на поверхности одного из бревенчатых внутривальных накатов найдена миниатюрная (обувная?) бронзовая литая трапециевидная бесщитковая пряжка (**рис. 128: 4**). Вещица имеет широкий круг аналогий и датируется временем с IV в. н. э. по IX в. н. э. (подробнее об этих пряжках на Северо-Западе см. Еремеев, Дзюба 2010: 84–86; Еремеев 2015: 441–443).

Из насыпи вала происходит довольно много фрагментов гладкостенной лепной керамики (**рис. 116**). Большинство из них, несомненно, попало туда из культурного слоя. Особенно интересны обломки реберчатой лощеной миски высокого качества (**рис. 116: 1**). Из вала происходит также еще один

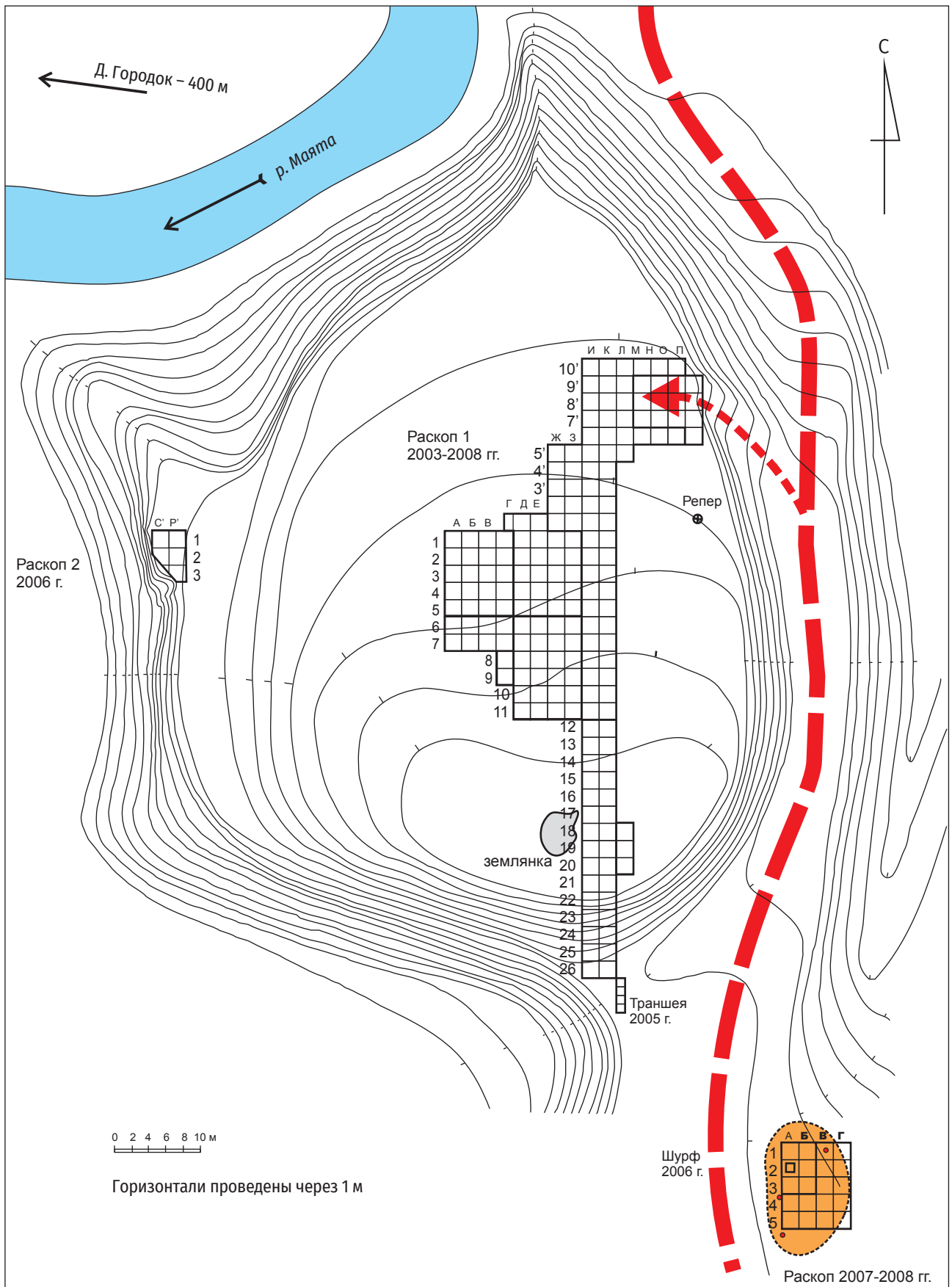
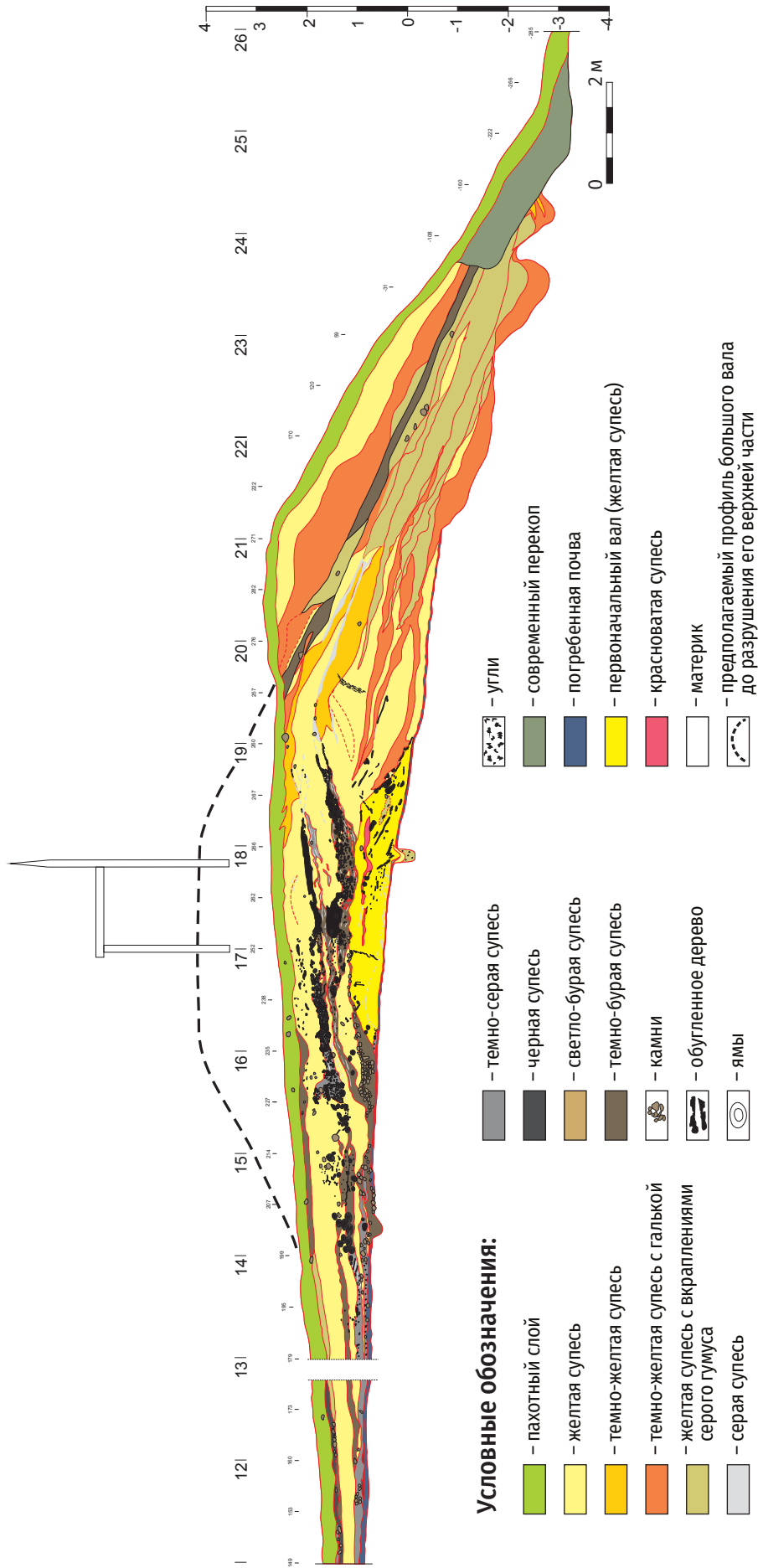
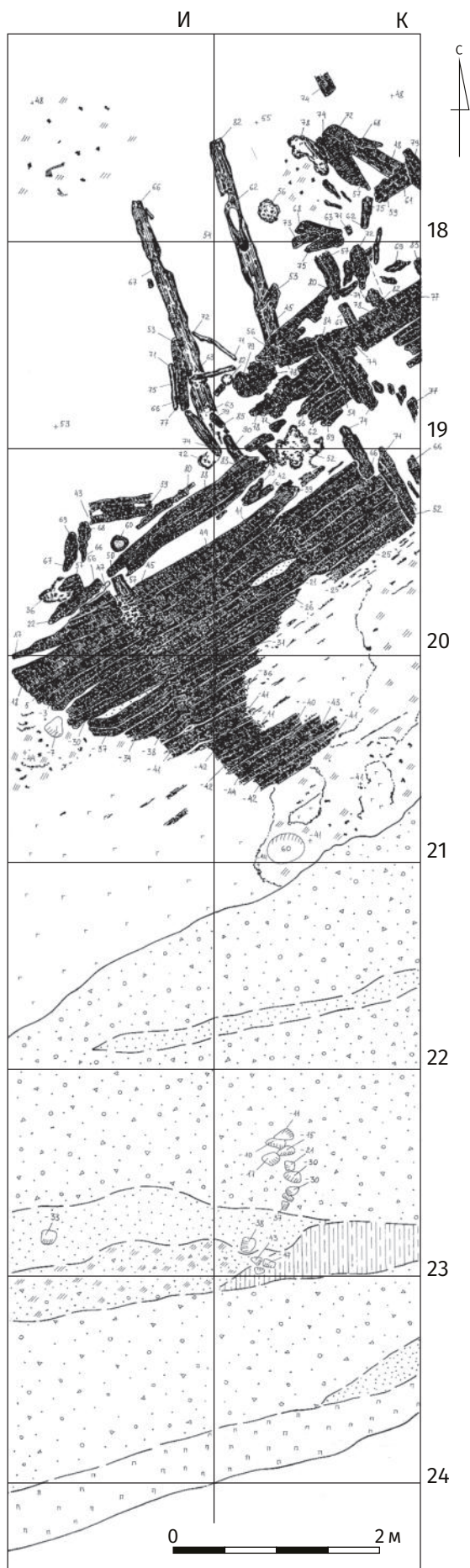

Рис. 108. Городок на Маяте. Сводный план раскопов 2003-2008 гг.

Рис. 109. Городок на Маяте. Разрез восточной стенки раскопа на валу городища и реконструкция пропорций оборонительных сооружений времени функционирования большого вала VI–VII вв. н.э.

мелкий фрагмент лощеного сосуда. Несколько фрагментов одного грубого сосуда найдено в слое гумусированной супеси, отмечающей внешний скат большого вала, перекрытый в древности отвалом с его скрытой вершины (рис. 116: 14а-б).

Итак, данные радиоуглеродного анализа позволяют предположить, что строительство мощных укреплений произошло в первой половине VII в. Результаты изучения форм лепной керамики и датировка находок не противоречат этому выводу. Получается, что моменты строительства первоначальной небольшой крепости с эскарпами и большого вала разделяет отрезок времени приблизительно в 100 лет (рис. 117). Конечно, вряд ли первоначальная крепость простояла так долго в боевом состоянии. Вероятно, время службы укреплений составило несколько десятков лет, а остальное время они существовали в полуразрушенном виде.

Строительная техника новой крепости имеет с ранней традицией мало общего. И дело здесь не только в наличии вала и технике его возведения. Новые фортификационные сооружения не могли быть построены усилиями небольшого родового коллектива. Для того чтобы вырубить тысячи деревьев, насыпать семиметровый вал, необходимы были сотни рабочих рук. То есть постройка подобной крепости может расцениваться уже как качественный этап в политической истории Приильменья. Можно было бы связать их с приходом на Ильмень нового многочисленного, хорошо организованного населения, принесшего с собой значительную военную напряженность и новую технику фортификационного строительства. Но нельзя исключать и другую версию событий: местное население под влиянием каких-то исключительных обстоятельств консолидировалось и возвело укрепления в старом административном центре. В любом случае речь должна идти о масштабном военном противостоянии, причем кратковременном (вал Городка на Маяте, похоже, не подновлялся после постройки).

Реконструировать укрепления второго периода значительно сложнее, чем первоначальный городок (рис. 118). Максимальная реконструируемая высота вала составляла около 7 м, а ширина — 20 м. Примерно на треть своей высоты в центральной части вал был укреплен бревенчатыми накатами, служившими фундаментом для какого-то шедшего по его гребню деревянного сооружения. Облик последнего является загадкой.

Гребень вала, как мы увидим ниже, был в древности срыт и не сохранил следов надвальных сооружений.

Рис. 110. Городок на Маяте 2006 г. Прорезка вала. Оборонительная стена в основании вала. Квадраты 22–25 на уровне 50 см. Полевой чертеж

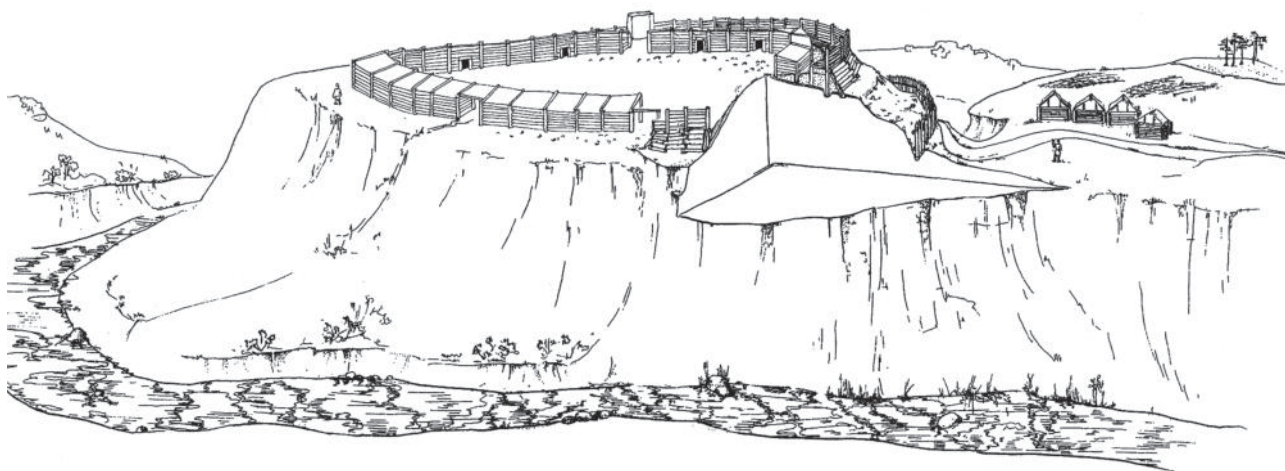

Рис. 111. Городок на Маяте. Реконструкция первоначального укрепления (V–VI вв. н.э.). Вид с запада. Рисунок Д. С. Тугановой

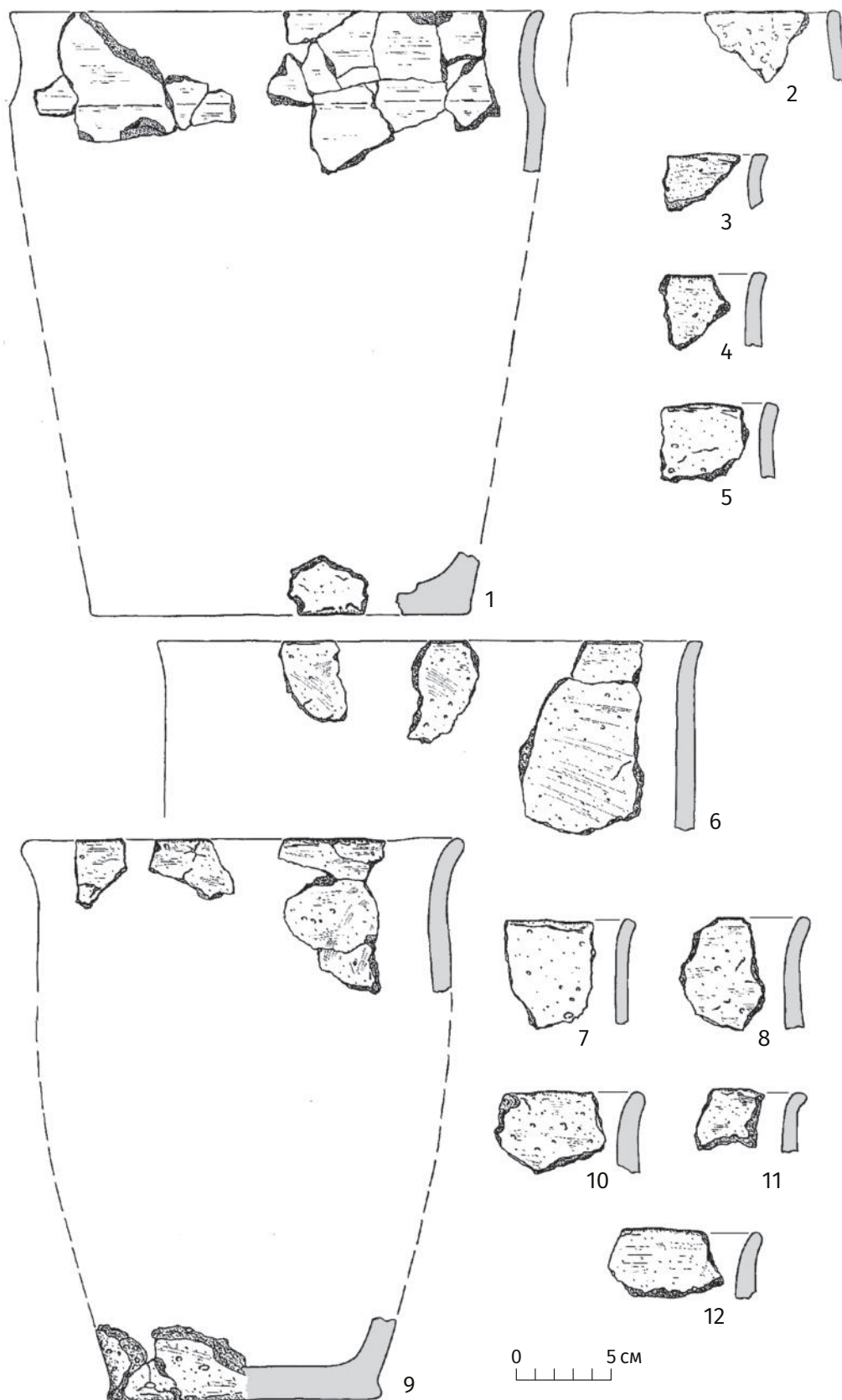
Общая высота второго укрепления составляла не менее 10 м (если принять предполагаемую минимальную высоту деревянных конструкций на валу за 3 м). О характере наземных оборонительных конструкций второго этапа мы могли бы судить по раскопу близ въезда на городище. Но здесь были найдены следы только одной столбовой стены.

Дерево из укреплений Городка на Маяте позволяет высказать некоторые соображения относительно ландшафтов, в которых жили обитатели поселения. Состав древесных пород из внутривальных накатов в ходе исследований Городка на Маяте анализировался дважды. Впервые эта работа была проделана И. Ю. Дымской по отношению к плохо сохранившейся древесине из первого (верхнего) яруса внутривальных сооружений. В лабораторных условиях было проанализировано восемь образцов древесины из раскопок 2004 г. Выяснилось, что древесина шести образцов имеет анатомическое строение, характерное для березы (*p. Betula*). Два образца принадлежат осине (*p. Populus*). Позднее, когда в 2005–2006 гг. исследовался нижний ярус внутривальных сооружений, преобладание березы стало заметно невооруженным глазом, поскольку бревна великолепно сохранили кору. Хорошая сохранность древесины нижнего яруса позволяла уже в поле предположительно выделять не только березовые, но и еловые бревна. Лабораторные исследования бревен из нижнего яруса внутривальных конструкций связаны с циклом дендрохронологических определений, выполненных в лаборатории археологического центра НГОМЗ.

О. А. Тарабардиной было отобрано 20 образцов наиболее крупных бревен, породу которых определили Э. К. Кубло и Л. В. Кокуца. Оказалось, что 16 образцов принадлежит ели, 3 — березе и 1 — осине. Напомним, что еловые бревна концентрировались с внутренней стороны вала, а имевшиеся на них чаш-

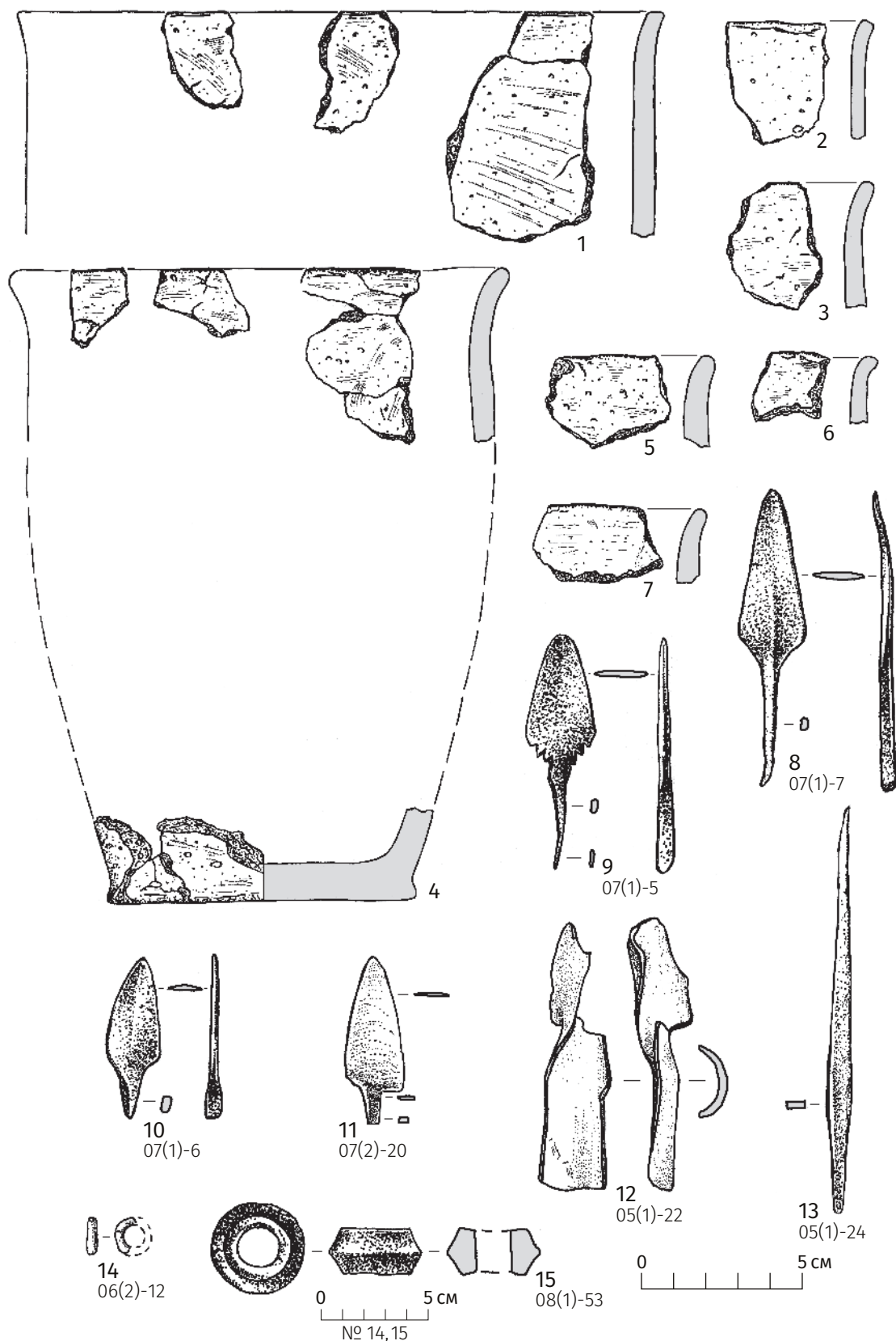
ки-врубki говорят, возможно, об их вторичном использовании. Истинный состав растительности в окрестностях поселений отражают внутривальные наматы, сложенные из молодых деревьев и кустов, нарубленных в непосредственной близости от места строительства. Здесь преобладает береза в сочетании с осинкой и ольхой. Такой характер лесной растительности говорит о том, что в первой половине VII в. ландшафт микрорегиона был уже в значительной степени преобразован земледельческой деятельностью. Мелколиственные леса с преобладанием березы типичны для поздних стадий постагрикультурных восстановительных сукцессий. Где-то в некотором отдалении, произрастали еловые и елово-широколиственные леса. Принимая во внимание то, что возраст изученных образцов погребенного дерева варьируется от 22 до 70 лет, можно предположить, что часть ближайших окрестностей памятника была занята зарастающими сельскохозяйственными угодьями (для послепожарного восстановления характерно абсолютное доминирование березы и сосны) приблизительно 50-летней давности.

Реконструируемый характер растительности в окрестностях Городка на Маяте в первой половине VII в. хорошо увязывается с диаграммой по Наволокскому торфянику, отражающей ситуацию в Восточном Приильменье (рис. 59). На диаграмме последнее резкое увеличение в составе лесной растительности доли березы начинается с отметки 0,50–0,55 м. Эта тенденция на разрезе определяется во времени двумя радиоуглеродными датировками. Первая, полученная по фрагменту древесины с глубины 0,54 м (Le-6720, 1890±40 ВР), дала после калибровки (1σ) три интервала: 60–140 гг. н. э. (49,1%), 150–180 гг. н. э. (10,3%) и 190–220 гг. н. э. (8,8%). При пороге вероятности 2σ интервал составляет 20–240 гг. н. э. Вторая дата, полученная по торфу с глубины 0,49–0,51 м

Рис. 112. Городок на Маяте. Лепная керамика из культурного слоя, синхронного ранним оборонительным сооружениям V–VI вв. н.э. 1 – лощеная; 2-12 – груболепная. 1 – сосуд из комплекса XVI (отдельные его фрагменты найдены под валом в кв. К-12, К-13 и в насыпи вала в кв. 21–25); 2 – кв. К-12, слой под валом; 3 – кв. И-12, пятый ярус горизонта камней; 4 – кв. И-17, слой под валом; 5 – кв. К-16, слой под валом; 6–8, 12 – кв. К-15, 1–2 ярусы горизонта камней; 9–11 – кв. К-16, 1–2 ярусы горизонта камней

Рис. 113. Городок на Маяте. Находки из культурного слоя, синхронного ранним оборонительным сооружениям V–VI вв. н.э. 1–6 – лепная керамика; 8–11 – железные наконечники стрел, 12, 13 – предметы из железа, 14 – фрагмент бусины бесцветного стекла; 15 – чернolощеное глиняное пряслице

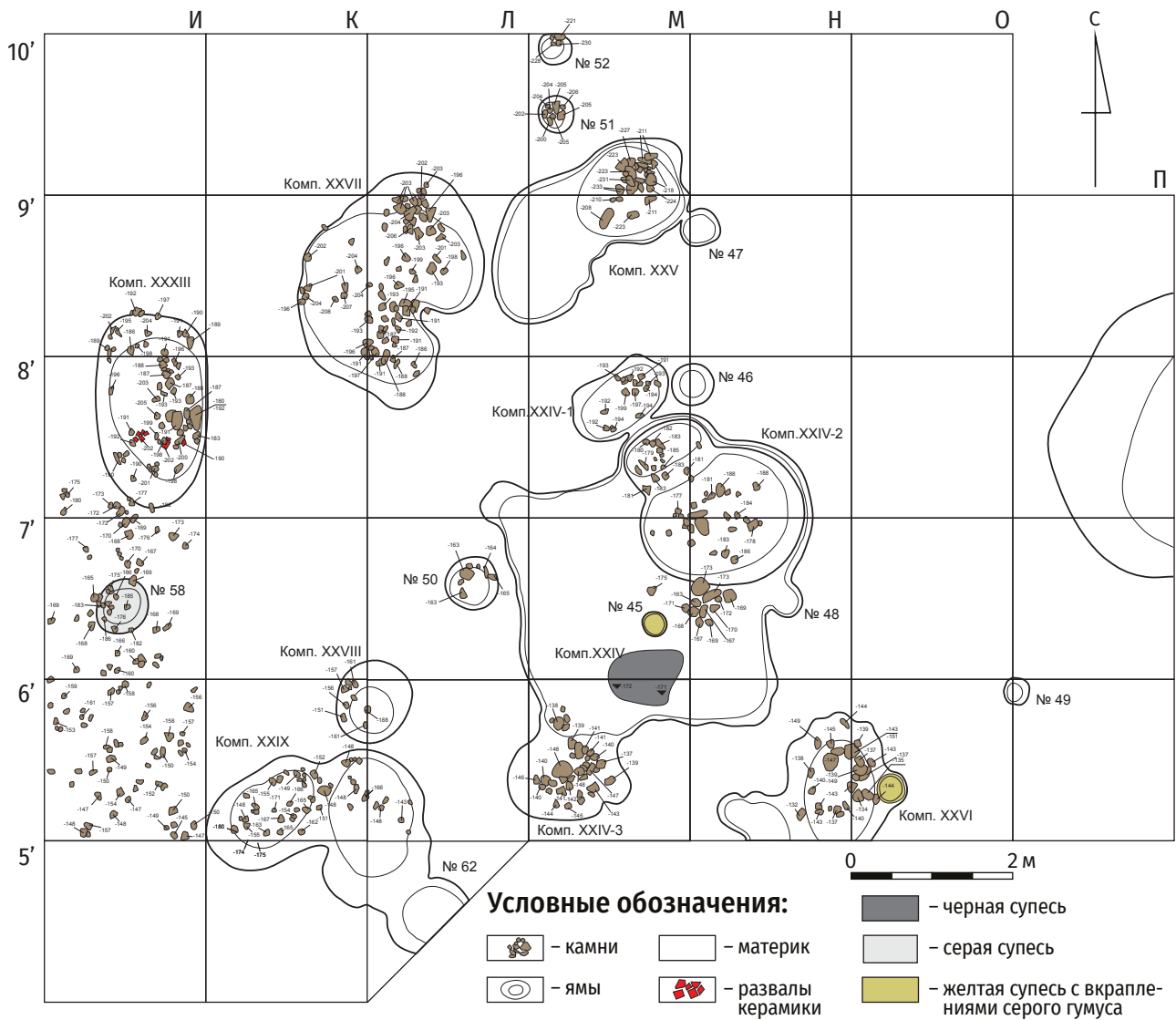
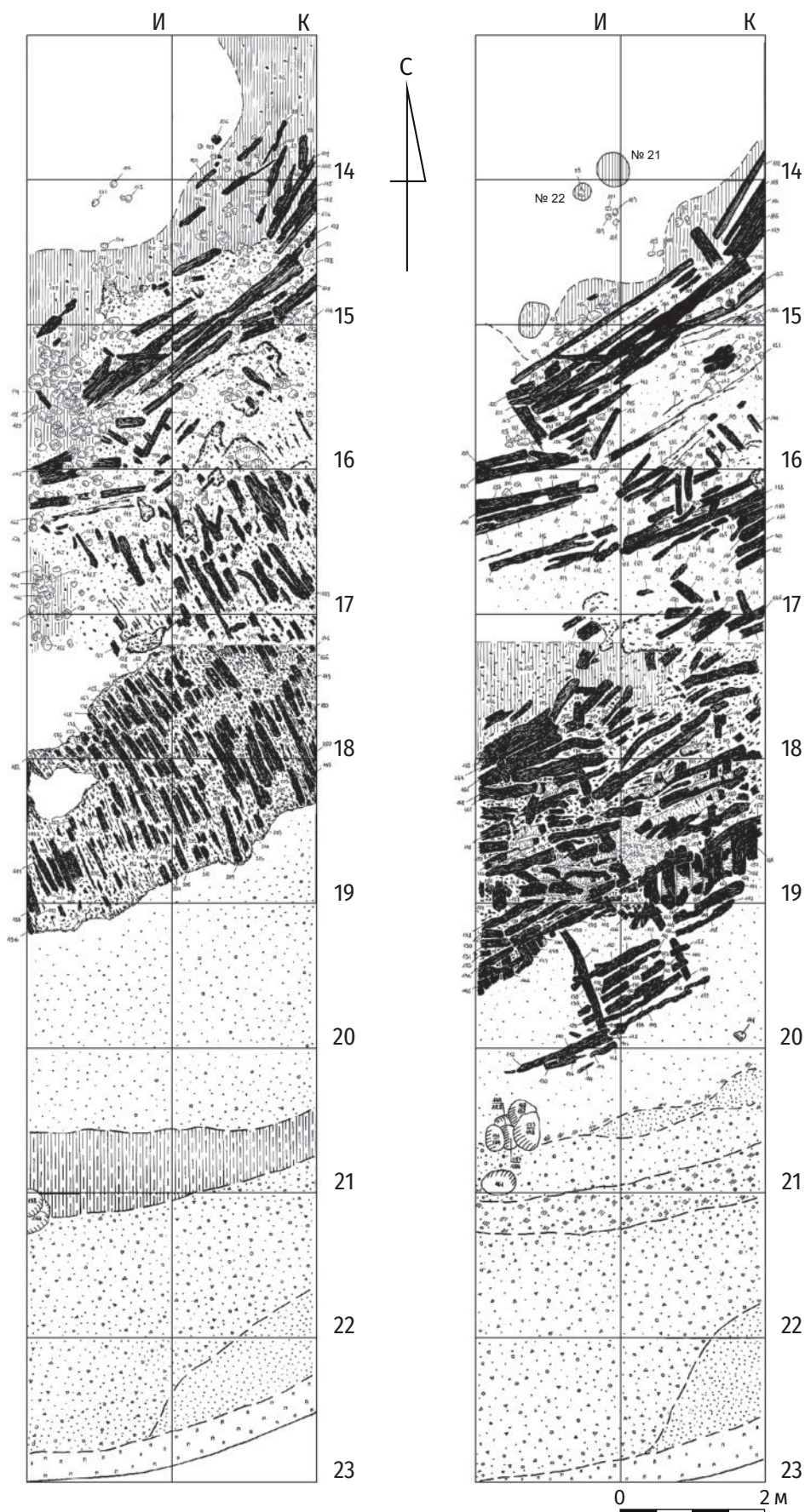

Рис. 114. Городок на Маяте 2007-2008 гг. Раскоп у въезда на городище. Камни в заполнении комплексов

(Ле-7001, 1600±90 ВР), после калибровки (1б) дала два интервала: 340–370 гг. н. э. (4,6%) и 380–570 гг. н. э. (63,6%). При калибровке с допуском 2б интервал расширяется: 250–650 гг. н. э. Своего пика на наволокской диаграмме кривая березы достигает на отметке 0,40 м. С отметки 0,34 м по фрагменту древесины получена дата 1420±70 ВР (Ле-6719). При калибровке она дает интервал 540–680 гг. н. э. (1б). Значения вероятности в пределах 2б образуют два интервала: 430–730 гг. н. э. (92,0%) и 740–780 гг. н. э. (3,4%). Пик кривой березы приблизительно соотносится со временем формирования леса, пошедшего на постройку большого вала Городка на Маяте. На диаграмме по торфянику в пойме р. Ларинка увеличение кривой березы наблюдается с высотной отметки 0,55–0,56 м. Для периода, непосредственно предшествовавшего увеличению доли пыльцы березы в спектрах, с глубины

0,57–0,60 м получена дата 1750±70 ВР (Ле-7580), давшая после калибровки интервал 210–400 гг. н. э. (1б) или 120–430 гг. н. э. (2б). С этого уровня и до верхнего горизонта практически во всех спектрах присутствует пыльца ив (*Salix* sp.), которые также характерны для зарастающих открытых пространств.

Селище. Открытое поселение располагается у южного подножия городищенского холма вдоль ручья. В 2007–2008 гг. здесь был заложен раскоп площадью 80 м² (рис. 108). Мощность культурного слоя под современной пахотой достигает 0,50 м. Ниже пахотного слоя залегает гумусный горизонт, содержащий как керамику V–VII вв. (сильно измельченную), так и фрагменты лепной посуды и бисер последней четверти I тыс. н. э. Еще ниже в присклоновом понижении рельефа залегает темно-серый культурный слой с обломками лепной посуды, исключительно V–VII вв. (рис. 119: 9–11), в том числе — фрагменты почти

Рис. 115. Городок на Маяте 2004–2006 гг. Прорезка вала. Слева – план третьего наката первого яруса внутривальных сооружений. Справа – поверхность первого наката второго яруса внутривальных конструкций (квадраты линий 18–20); третий (продольный) накат первого яруса (квадраты линий 15–17)

полностью реконструируемого сосуда (рис. 119: 12), близкого типу 4 в по типологии Н. В. Лопатина (Лопатин, Фурасев 2007). Важно указать, что в темно-сером культурном слое в квадратах А-5, Б-5 найдено четыре мелких обломка лощеных сосудов, что позволяет синхронизировать этот слой селища с напластованиями городища, относящимися к середине V — началу VI в. Из слоя происходят также железная овальная пряжка, железная подковообразная фибула из круглого в сечении дрота с закрученными концами и серп с загнутой пяткой группы II-1 по Р. С. Минасяну. В раскопе исследован один комплекс, предположительно связанный с постройкой.

Комплекс I представлял собой западину размерами приблизительно $3,6 \times 1,8$ м и глубиной 0,10–0,20 м. В одном ее конце располагалась столбовая (?) яма диаметром 0,60 м, в другом — округлый котлован размерами $1,40 \times 1,70$ м и глубиной около 0,50 м. Заполнение котлована составляет светло-серая супесь с большим количеством камней. Только лишь их наличием да более рыхлой структурой оно и отличалось от материковой породы. Данное обстоятельство, а также то, что контуры ямы не прослеживались в вышележащем культурном слое, позволяет предположить, что комплекс I принадлежит к начальному этапу жизни на поселении. Это хозяйственная яма, в которую оплыл развал очага или печи-каменки.

В заполнении комплекса найдено 315 фрагментов лепной керамики. Их значительная часть принадлежит крупному лепному горшку со сглаженным S-видным профилем (рис. 119: 1), лежавшему на дне ямы под развалом камней. Второй сосуд (рис. 119: 2), фрагменты которого связаны с комплексом I, близок к группе 3 по используемой нами классификации. В первом пласте заполнения ямы найден фрагмент венчика лепного сосуда с защипами (рис. 119: 3–7). Всего в раскопе найдено пять обломков этого горшка, но все остальные — в культурном слое вне контекста. Описание этого сосуда дано выше в разделе, посвященном находкам РЖВ. В комплексе I найден также железный нож со слабо намеченным переходом к черенку от спинки и лезвия. Раскопки на селище показали, что оно существовало, по крайней мере, с момента постройки первого городища (с наборной стеной) вплоть до первой половины X в.

Постройки V–VII вв. н. э. на городище. Здесь изучено восемь сооружений указанного времени (не считая остатков кольцевой (?) постройки, располагавшейся близ оборонительных сооружений). Пять из них относятся к жилищам срубной конструкции с квадратной, углубленной в землю центральной частью (рис. 114; 120). Остальные представляют собой округлые ямы различных размеров.

Комплекс VII. Основу комплекса составляет врезанная в пологий склон прямоугольная матери-

ковая яма размерами $3 \times 2,6$ м с вертикальными стенами и плоским дном (рис. 121: 1). Можно предположить, что размеры ее изначально были близки к квадрату со стороной 3 м. Бортами яма ориентирована по сторонам света. Максимальная ее глубина составляет 0,42 м. Сверху котлован был перекрыт слоем черной супеси с камнями мощностью до 0,20 м, связанным, видимо, с неоднократно фиксировавшимся на разных участках площадки слоем пожара первой половины X в. Под этим слоем залегал горизонт темно-серой супеси с камнями, относящийся ко времени функционирования сооружения. Мощность этого горизонта достигала 0,30 м.

Вдоль северной, восточной и южной стен котлована прослежены следы деревянной облицовки. В юго-восточном углу зафиксированы следы разобранной еще в древности печи-каменки. За счет длительного использования постройки в древности края котлована сильно оплыли. С восточной и северной сторон квадратной ямы образовались две полого опускающиеся в нее полукруглые западины. Та из них, что расположена с восточной стороны котлована, сформировалась, вероятно, в результате хозяйственной деятельности близ печи. Западина с северной стороны, напротив отопительного устройства, отмечает вход в постройку. Расположение западин вокруг котлована указывает на то, что стены постройки располагались от него на некотором расстоянии. На дне котлована расчищены три столбовые ямы. В заполнении их найдено несколько фрагментов лепной керамики.

Комплекс VII можно реконструировать как срубную постройку размерами примерно 4×4 м, ориентированную стенами по сторонам света. В центре постройки находилось углубление размерами 3×3 м, стенки которого были облицованы деревом. Судя по отсутствию в углах столбовых ям и по положению обугленных плашек этой облицовки, она, возможно, представляла собой невысокий (в 2–3 венца?) сруб, рубленный «в лапу». В углублении, в юго-восточном углу, располагалась печь-каменка. Вход в жилище был устроен напротив печи с северной стороны. Керамика из котлована сделана исключительно вручную. Выделяется развал придонной части лепного сосуда. В центральной и восточной части котлована на уровне 1–3 пластов удалось собрать фрагменты еще одного лепного сосуда (рис. 123: 1).

Трудно решить, какие из оказавшихся в заполнении находок относятся ко времени бытования постройки, а какие попали в заброшенный котлован позже. Наименее вероятна связь с постройкой двух желтых бисерин. В IX — начале X в. на городище было рассыпано огромное количество желтого бисера, который за счет кротовин насыщает всю толщу напластований. В тех жилых постройках, которые соответствуют

времени его бытования, он встречается в очень большом количестве. Глиняная четырнадцатигранная бусина, найденная на полу, скорее всего, относится к постройке (рис. 123: 14). Отметим, что такая же бусина найдена в другой «полуземлянке» — в комплексе XIX. Более или менее надежно с постройкой связываются только обломки лепного сосуда с крутым плечиком и коротким венчиком (рис. 123: 1), основная часть которых найдена на овальной «приступке» над отопительным устройством в квадрате Е-1. Такая керамика для населения Северо-Запада второй — третьей четверти I тыс. н. э. не свойственна. По нашей классификации сосуд относится к группе 1.1 и более характерен для последней четверти I тыс. н. э. До настоящего времени самая ранняя находка (в контексте, допускающем датировку) похожего сосуда на озере Ильмень связана с постройкой VIII в. (?), раскопанной на поселении Прость (Носов, Плохов 2002: рис. 6: 1). В нашем случае, однако, связь сосуда с постройкой сомнений почти не вызывает: кроме вышеупомянутой «приступки» его фрагменты найдены в нескольких местах в нижней части заполнения котлована VII. Следует обратить внимание на находки профилированных сосудов в могильнике КПДК Обрыни (курган 2) и на селище Юрьевская Горка (V–VIII вв.) (Исланова 1997: рис. 37). Очевидно, профилированная керамика в бассейне Ильменя появляется еще в третьей четверти I тыс. н. э.

По обноске стен комплекса VII получены 3 радиоуглеродные датировки (рис. 123). Полученная по ним комбинированная дата 1681 ± 23 BP дает при калибровке 260–280 гг. н. э. (10,9%) и 320–430 гг. н. э. (84,5%), т. е. указывает на время, предшествовавшее сооружению первых укреплений. Такая датировка кажется нам малореальной; постройка, скорее всего, связана с периодом второй половины V – VII в., причем, исходя из находки профилированного сосуда группы 1.1, ближе к концу этого интервала. Столь ранние даты и их большой разброс объясняется, вероятно, малыми объемами образцов и тем фактом, что для них были отобраны фрагменты сердцевины древесных плах. Следует также учитывать, что образцы находились в культурном слое на небольшой глубине.

Комплекс XVI. Располагается в южной части площадки. Представляет собой яму неправильных очертаний размером $2,2 \times 2,4$ м, глубиной около 0,4 м, с пологими стенками и округлым дном. В заполнении ямы содержалось огромное количество камней, большей частью необожженных, несколько фрагментов грубой лепной керамики и развал лепного лощеного сосуда с ребром и высоким, слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 112: 1). Помимо керамики отсюда происходит перекрученная железная пластина (рис. 113: 12). Единое целое с комплексом составля-

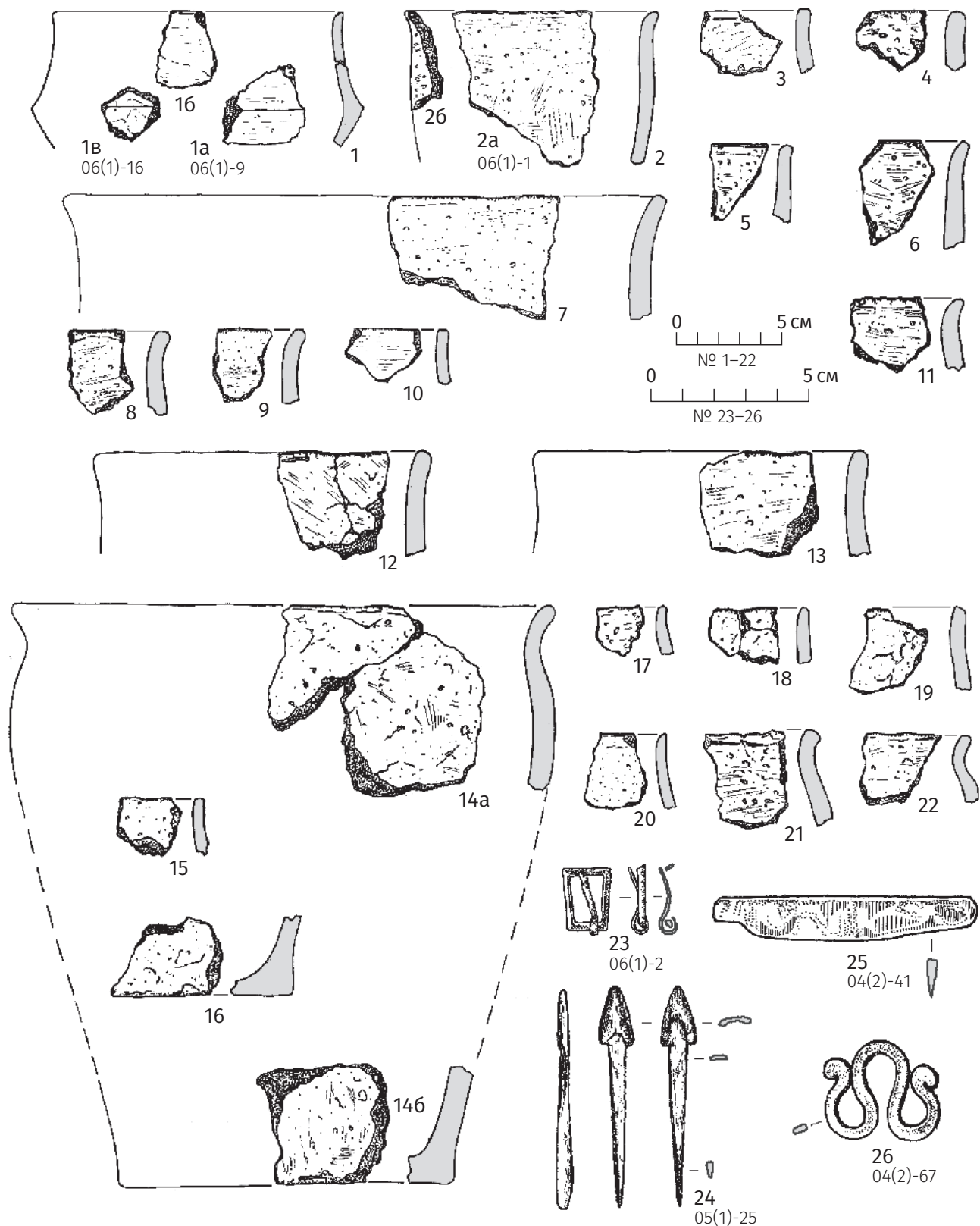
ла находившаяся в его пределах яма № 17. Диаметр ямы около 0,7 м, глубина до 0,6 м. Стенки вертикальные, дно округлое. В заполнении ямы № 17 (желтая супесь с включениями серого гумуса) найдено около 40 фрагментов лепной посуды. Яма определенно предназначалась для столба.

Назначение комплекса XVI неясно. Существенным кажется его стратиграфическое положение, которое помогает определить находки в комплексе и рядом с ним фрагментов вышеупомянутого лощеного сосуда. Как удалось установить, внутренняя граница большого вала проходит примерно по линии И, вплотную к комплексу XVI. Несколько фрагментов лощеного сосуда, значительная часть развала которого найдена в комплексе, попали в культурный слой под этот вал, что указывает на то, что он был разбит на данном участке до начала возведения Городка на Маяте 2. Это обстоятельство имеет большое значение для установления относительной хронологии напластований городища. Комплекс XVI следует датировать второй половиной V — началом VII в. н. э. Он оказывается одним из немногих сооружений, несомненно, относящихся ко времени до возведения большого вала с деревоземляным каркасом.

Комплекс XVII. Яма расплывчатых очертаний, размерами $3,4 \times 2,2$ м (рис. 120). Глубина ок. 0,4 м. Яма была заполнена желтой супесью с примесью серого гумуса. В южной части ямы расчищена груда камней. Из заполнения происходит несколько мелких обломков чернолощеного реберчатого сосуда и более крупные фрагменты лепного плоскодонного сосуда. В верхней части заполнения на границе с горизонтом камней обнаружен развал большого слабопрофилированного лепного горшка (рис. 124: 3).

Комплекс XVII связан с одной из древнейших построек на городище — ее котлован успел полностью заплывть грунтом еще в третьей четверти I тыс. н. э. Это второе (после комплекса XVI) сооружение на площадке, которое синхронизируется с первым городищем, укрепленным наборной столбовой стеной. Комплекс важен для понимания относительной хронологии памятника. Дело в том, что развал слабопрофилированного сосуда оказался рассыпанным по совершенно горизонтальной поверхности заполнения ямы. Комплекс XVII, в отличие от «полуземлянок» VII, XIX и XXII, заплыв очень слабо гумусированным слоем, отличным от темно-бурого или темно-серого заполнения жилых «полуземлянок». По-видимому, он был вырыт задолго до их постройки, а значит, и чернолощенная керамика высокого качества относится к более раннему времени, чем они. Предполагаемая дата комплекса — вторая половина V — начало VII в.

Комплекс XIX. Яма имеет прямоугольную форму и ориентирована бортами по сторонам света (рис. 120).

Рис. 116. Городок на Маяте. Лепная керамика и находки из насыпи вала (1-24) культурного слоя у его подножия (25) и ямы на его поверхности (26); 1, 10 – лощеная керамика; 2-9, 11-22 – груболепная керамика; 23 – пряжка из медного сплава; 24 – костяной наконечник стрелы; 25 – железный нож; 26 – железная подвеска

Atmospheric data from Stuiver et al. 1998 ; OxCal v3.9 Bronk Ramsey 2003 ; cub r:4 sd:12 prob usp[chron]

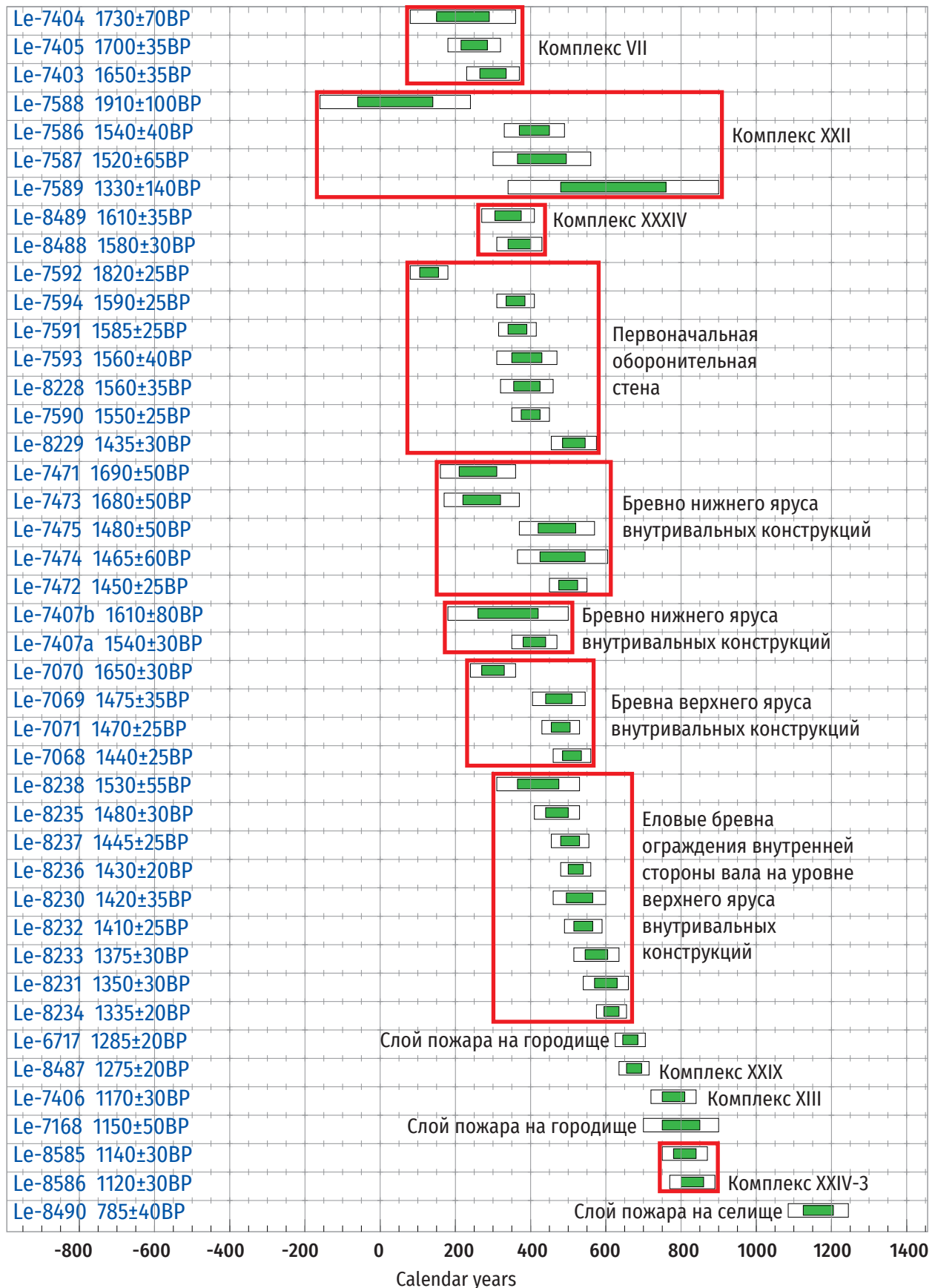

Рис. 117. Городок на Маяте. Сводная таблица радиоуглеродных дат, полученных по строительным комплексам фортификационных сооружений, жилым постройкам и культурным напластованиям

Размеры примерно $2,8 \times 3,0$ м. Глубина от поверхности материка составляет около 0,3 м. Вдоль края ямы удалось проследить узкую полосу темно-серого гумуса — следы деревянной облицовки стен.

В яме, преимущественно в ее южной части, лежало много колотых и обожженных камней от печи-каменки. В заполнении комплекса найдено 70 фрагментов лепной керамики, железное пластинчатое кресало и три глиняных бусины — две сферических и кубическая. В верхней части заполнения комплекса найдены обломки двух значительных по размерам сосудов (рис. 124: 1, 2). Несомненно, связано с постройкой пластинчатое кресало с ушком, лежавшее между вышеупомянутой полосой гумуса (облицовкой) и земляной стенкой (рис. 126: 4). Мы имеем здесь дело с прямоугольной «полуземлянкой», полностью аналогичной комплексу VII, располагавшемуся по соседству. По аналогии с ним комплекс XIX следует датировать серединой — третьей четвертью I тыс. н. э. Дополнительным (хотя и не бесспорным) элементом синхронизации двух этих построек являются находки на полу миниатюрных глиняных вырезанных ножом четырнадцатигранных бусин (рис. 123: 14 и рис. 126: 1).

Комплекс XXII. Исследован частично. Он представляет собой прямоугольную площадку шириной 3 м, врезанную в склон на глубину около 0,2 м. Так же, как и две другие «полуземлянки» (комплексы VII и XIX), комплекс XXII ориентирован бортами по сторонам света. С северо-западной стороны к прямоугольному основанию сооружения примыкает мелкое корытообразное углубление — вход в постройку. Заполнение котлована состояло из темно-бурой супеси с камнями. В юго-западном углу площадки устьем на север стояла печь-каменка (рис. 120). На дне западины лежали обугленные древесные пла-

хи — остатки пола и облицовки стен котлована. Вход находился в северо-западном углу постройки напротив печи. На полу найдено глиняное биконическое пряслице, лощеное, с широким отверстием (рис. 126: 5), и 54 фрагмента лепной керамики, в том числе фрагмент тонкостенного реберчатого сосуда, изготовленного более тщательно, чем обычная хозяйственная посуда (рис. 124: 7).

Большое количество обугленного древесного тлена в постройке позволило выполнить четыре радиоуглеродные датировки, давшие очень большой разброс интервалов. Комбинированная дата, полученная по ним, — 1564 ± 31 BP — образует при калибровке (2σ) интервал 420–600 гг. н. э. Следует, однако, обратить внимание на то, что одна дата сильно выбивается из общей, достаточно согласованной картины. Речь идет об образце Ле-7588 (1910 ± 100 BP), давшем после калибровки (2σ) интервал 200–400 гг. н. э. — время задолго до постройки первоначальной оборонительной стены (что маловероятно).

По трем оставшимся образцам, анализ которых дает нам внутренне непротиворечивую группу, мы получаем комбинированную дату 1459 ± 16 BP, что при калибровке (2σ) дает календарную дату — 555–645 гг. н. э.

Комплекс XXIV. Прямоугольный котлован размерами приблизительно 3×3 м, ориентированный стенами по сторонам света (рис. 114). Глубина котлована 0,2–0,3 м. Отопительное устройство разобрано, сохранился лишь развал обожженных камней в юго-восточной части котлована. Верхняя часть заполнения толщиной 0,6–0,15 м образована темно-серой супесью и является культурным слоем IX — начала X в. Основную массу заполнения составляет прослойка темно-бурой супеси мощностью около 0,2 м. Такой характер грунта на городище характерен для заполнения комплексов середины —

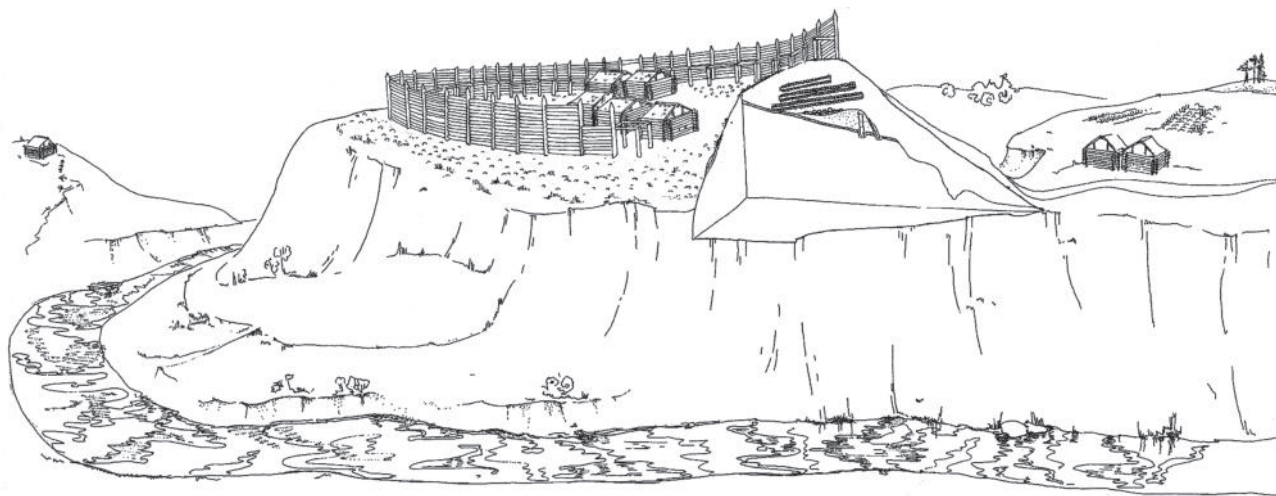

Рис. 118. Городок на Маяте. Реконструкция укрепления с большим валом (VII в.н.э.). Вид с запада. Рисунок Д. С. Тугановой

третьей четверти I тыс. н. э. На дне постройки удалось проследить тонкую (2–4 см) прослойку черной супеси, отмечающую поверхность пола. Комплекс имеет сложное строение. Его северо-восточная часть в IX — начале X в. оказалась прорезана более поздней сдвоенной ямой, составные части которой получили название XXIV-1 и XXIV-2. Юго-западный угол квадратного котлована поврежден еще одной поздней ямой — комплексом XXIV-3. Датировка «полуземлянки» серединой — третьей четвертью I тыс. н. э. может быть предложена на основании стратиграфических соображений (она прорезана комплексами VIII — начала X в.) и сходства с другими аналогичными постройками, датированными находками развалов ранних сосудов и радиоуглеродным методом. Находок, которые можно было бы уверенно отнести ко времени функционирования постройки, сделано не было (возможно, это два фрагмента лощеных биконических пряслиц).

Комплекс XXVIII. Яма округлой формы размерами 0,9 × 1 м и глубиной до 0,17 м с плоским дном. Была заполнена бурой гумусированной супесью с примесью желтого песка. В заполнении найден 21 фрагмент лепной керамики. Более светлый, сравнительно с хозяйственными ямами, цвет заполнения, размеры и место расположения комплекса XXVIII (близ въезда на городище) позволяют предположить, что он является основанием для мощного столба воротных укреплений городища второй половины V — начала VII в.

Комплекс XXXIV. Прямоугольная горизонтальная площадка размерами приблизительно 3 × 3 м, врезанная в наклонную поверхность холма. Глубина врезки в южной части сооружения составила 0,29 м. Вдоль восточной стены котлована прослежены следы деревянной обноски в виде угольков и полос карбонизированного тлена. В северной части прямоугольной площадки, на дне ее, расчищена неглубокая столбовая яма. Верх заполнения комплекса XXXIV составляет прослойка бурой супеси мощностью до 15 см (видимо, культурный слой третьей четверти I тыс. н. э.), перекрытая слоем серой супеси, отложившимся в IX в. В заполнении котлована не найдено фрагментов керамических сосудов, за исключением пяти небольших обломков из столбовой ямы. Не было выявлено и следов отопительного сооружения. Вероятно, постройка, которая планировалась на этом месте, так и не была возведена. Строители выкопали котлован, соорудили деревянную обноску, но до строительства жилого сруба и обустройства печи дело не дошло. Котлован вскоре оказался засыпан и впоследствии запылен культурным слоем. Единственной находкой из нижней части котлована стала сферическая глиняная бусина.

Из «полуземлянки» удалось отобрать уголь для радиоуглеродного датирования. *Комбинированная дата 1593±23 BP по двум компактно лежащим интервалам после калибровки (2σ) составила отрезок времени 420–540 гг. н. э. (рис. 117).*

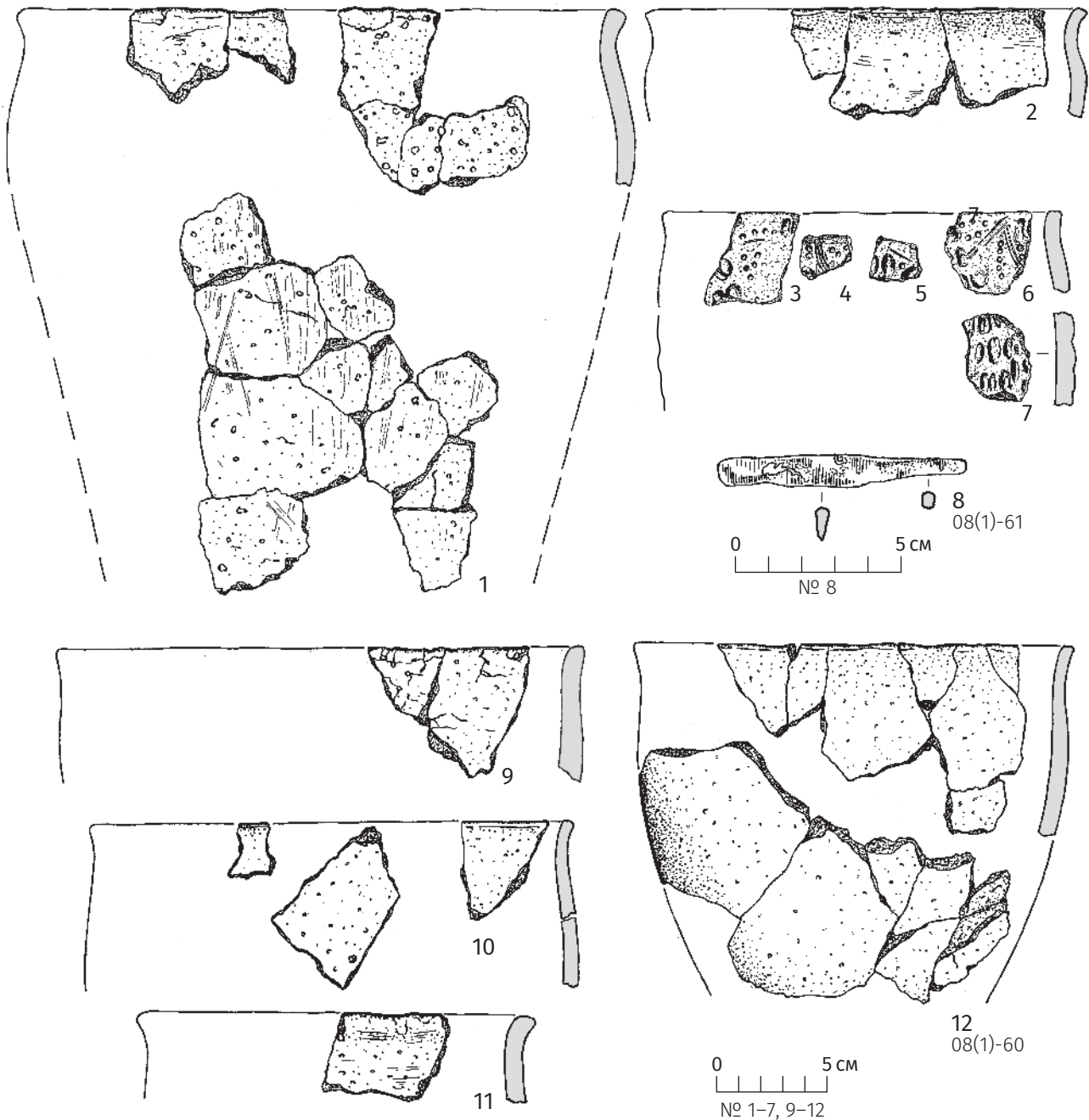
Установление времени использования «полуземлянок» Городка на Маяте возможно только по керамике и радиоуглеродным датировкам. «Полуземлянки», видимо, не могут быть древнее укреплений с наборной стеной, поскольку под укреплениями нет культурного слоя. Не вызывает сомнений, что постройки, как и система укреплений, датируются V–VII вв. Самый сложный вопрос: с каким из двух городков следует связать полуземлянки?

Ранние постройки Городка на Маяте мы называем «полуземлянками». Название это взято в кавычки не случайно. Во-первых, котлованы построек лишь незначительно впущены в пологий склон холма, поэтому назвать их полуземлянками в полном смысле слова нельзя. Во-вторых, даже малая семья не может жить в постройке размерами 3 × 3 м, на треть занятой отопительным устройством. Возможно, перед нами остатки наземных срубных построек с углубленной центральной частью. Тщательно отnivelированные квадратные углубления обозначают лишь хозяйственную зону близ печи. Подобный тип домостроительства имеет южные корни.

Постройки с квадратными котлованами размерами от 3 × 3 до 4 × 4 м и глубиной до 1 м в Восточной Европе бытуют в зарубинецкой культуре, наследуются киевской культурой и широко используются в культурах третьей четверти I тыс. н. э. лесостепной полосы и южной части лесной зоны Восточной Европы. Некоторые котлованы делались глубокими; но есть на юге и постройки, полы которых были впущены в материк всего на 0,10–0,30 м. Важно отметить, что в Смоленском Поднепровье в ареале тушемлинской культуры «полуземлянок» нет. В бассейне Ильменя постройки такого типа в середине — третьей четверти I тыс. н. э. известны только на Бронницком городище и на селище Юрьевская Горка (Исланова 1997: 42). Не исключено, что в результате дальнейших раскопок этот тип домостроительства обозначится в ареале КПДК к востоку от Ильменя, в частности в Помостье, более четко.

Не вполне понятна ситуация с углубленными домами, открытыми на селище Золотое Колено в Помостье. Здесь изучено пять квадратных построек размерами от 3,1 × 3,3 до 4,6 × 5,2 м, углубленных в землю на глубину от 0,05–0,12 до 0,50 м. В углах трех из них располагались печки-каменки (Носов, Плохов 1991: 120–122). Авторы публикации связывают все постройки с эпохой IX–X вв. Однако можно предположить, что датировка поселения значительно шире предложенного интервала. Присутствие на селище

Рис. 119. Городок на Маяте. Лепная керамика и нож с селища у подножия городища. 1–3, 8 – находки из заполнения комплекса I; 4–7 – фрагменты орнаментированного сосуда, часть которого зафиксирована в пласте 1 заполнения (3), найденные в культурном слое вокруг комплекса; 1–7 – глина; 8 – железо; 9–12 – керамика из культурного слоя

лепной слабопрофилированной керамики (Носов, Плохов 1991: рис. 11), группы ножей с прямой спинкой (Носов, Плохов 1991: рис. 4: 1–4, 6, 7), посоховидной булавки (Носов, Плохов 1991: рис. 5: 14) — все это в совокупности наводит на мысль о возможном наличии на Золотом Колене ранних напластований, относящихся к середине — третьей четверти I тыс. н. э. Таким образом, датировка этим временем некоторых построек, близких по своим характеристикам «полуземлянкам», представляется вполне вероятной.

Еще одно углубленное жилище известно на селище Съезжее, связанном с КПДК. В 1979 г. Е. Н. Носовым здесь открыта прямоугольная постройка размерами 4,1×5 м. В центре постройки находилась столбовая ямка, а в углу печка-каменка. Особенностью постройки являлась расположенная близ печи хозяйственная яма (Носов А-1979: 25, 26; Носов, Плохов 2016: рис. 13). Постройка была углублена в материк всего на 0,05–0,10 м, причем лишь одним своим краем. Вытянутая форма, малая глубина и хозяйственная

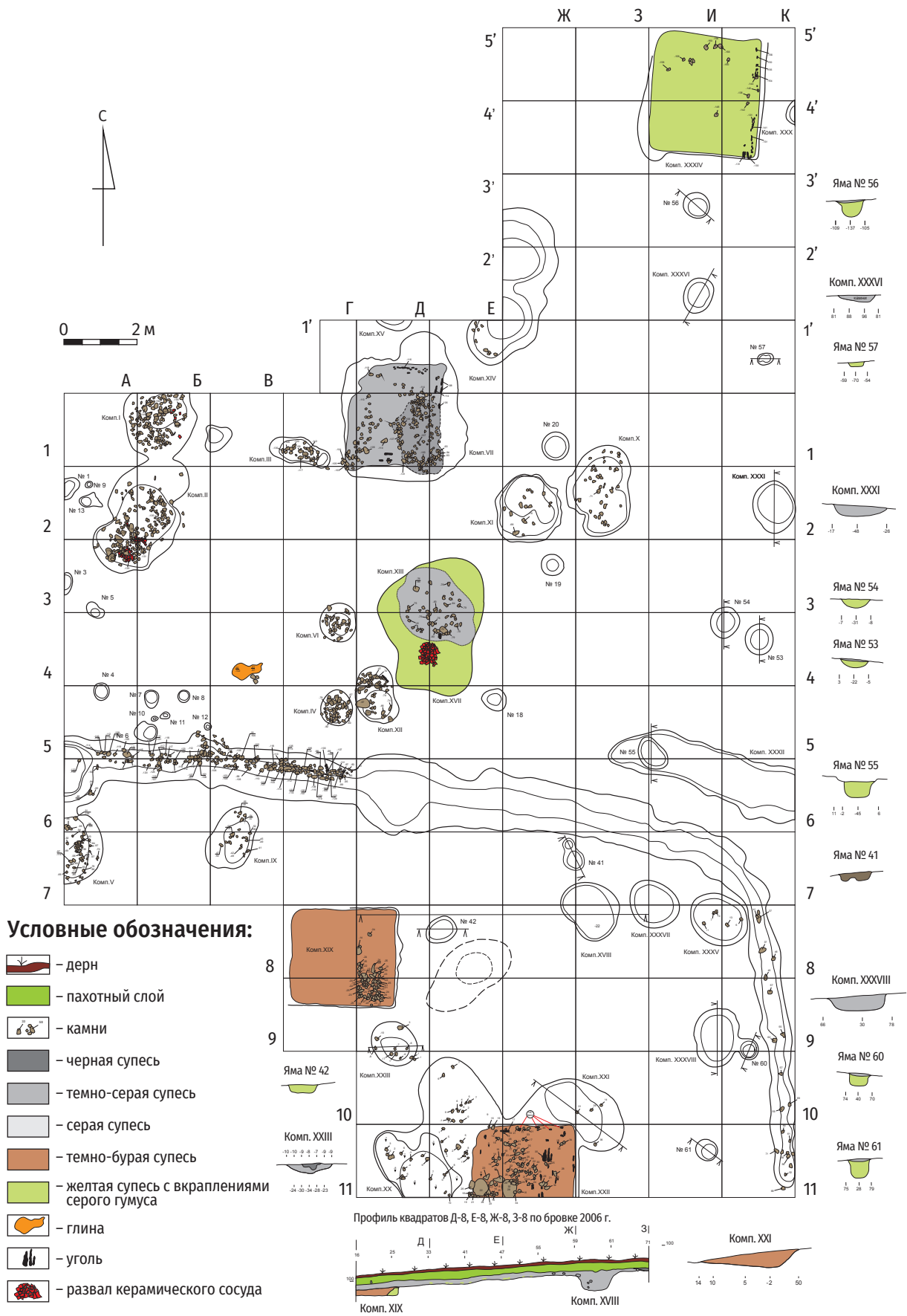

Рис. 120. Городок на Маяте. Раскоп 1 на площадке городища. Третий ярус горизонта камней

яма — все это указывает на несколько иную домостроительную традицию, и параллель с Городком на Маяте в данном случае должна быть признана весьма отдаленной.

На поселениях КПДК жилища были преимущественно наземными (столбовыми или срубными), в некоторых случаях — с углубленным подпольем овальной или неправильной формы. Таковы постройки в Помостье на селище Крюково (Орлов А-1971: рис. 39; Орлов А-1972: рис. 19; Мильков А-1989: рис. 47, 55), на Ловати на селище Жабино (Станкевич 1960: рис. 70), в бассейне Куньи на городище Крюки (Еремеев 2004: 31, 32). Наземными были постройки в ареале тушемлинской культуры в Псковско-Смоленском Подвинье. В качестве примеров можно привести поселения Узмень (Минасян 1979: 182, рис. 1) и Кислые (Шмидт 2003: 19). В то же время вопрос о наличии у населения КПДК углубленных квадратных построек типа «полуземлянок» нельзя считать окончательно решенным. В ареале длинных курганов сравнительно недалеко от Ильменя, на селище Кобыля Голова, известна слегка углубленная постройка, но она отличалась большими размерами (6×8 м) и, видимо, имела столбовую конструкцию (Орлов 1968: 164, 165, рис. 2; Орлов А-1966).

В настоящее время поиск регионов, где «полуземлянки» в середине — третьей четверти I тыс. н. э. хорошо известны, приводит нас на поселения, лежащие к западу от Верхнего Поднепровья и Псковско-Смоленского Подвинья, — в Центральную Белоруссию и Полоцко-Витебское Подвинье. «Полуземлянки» мы видим на таких хорошо известных памятниках, как Дедиловичи, Городище (Княгинино), Ревячка (Митрофанов 1978: рис. 34, 40, 45). Северная часть ареала распространения этого типа домостроительства заходит довольно далеко на север и северо-восток на правый берег Западной Двины. Подобные жилища известны тут на поселениях Ермошино (Лопатин, Фурасьев 2007: рис. 55), Лужесно (Штыхаў 2003: мал. 5), Старое Село.

Интересно, что в середине — третьей четверти I тыс. н. э. «полуземлянки» крайне редко встречаются на городищах, внутри оборонительных линий. Жабино, Городище (Княгинино), Демидовка, Тушемля, Никодимово, Колочин, Хотомель, Зимно, Хачки — все эти давно известные археологам укрепленные поселения были обустроены наземными длинными, шедшими по периметру стен домами, бывшими, видимо, в общинном пользовании. Два типа застройки площадки городка: кольцевые общинные дома и свободно расположенные «полуземлянки» отдельных семей, ни разу не зафиксированы вместе. Последние обычно располагались на неукрепленных селищах близ городищ (комплекс поселений Хотомель, Зимно, Городище (Княгинино), Лужесно).

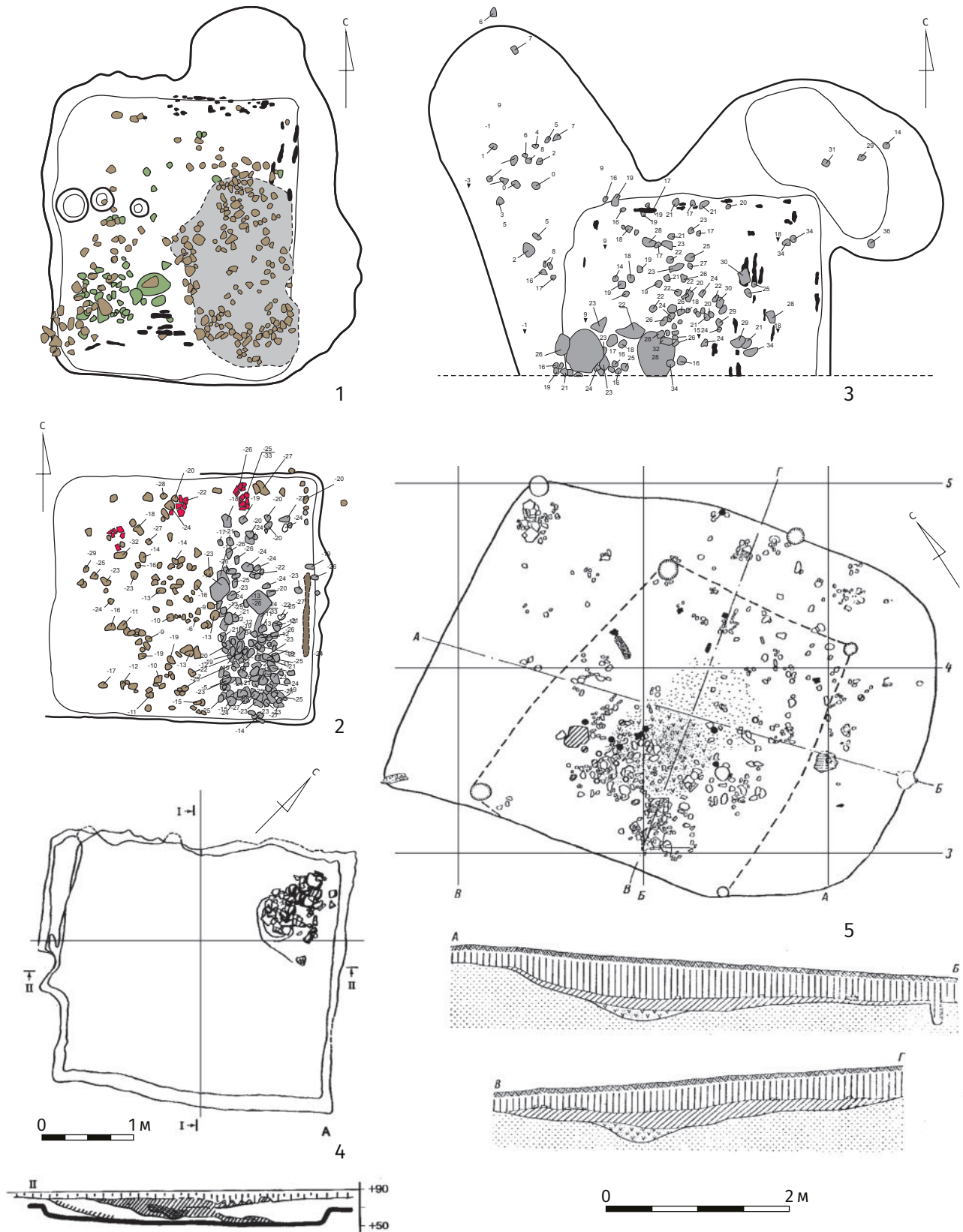
Тем не менее, в ареале раннеславянского расселения в некоторых случаях встречаются «полуземлянки» и на площадках городищ. Ближайший из них и поэтому наиболее интересный пример — Старое Село под Витебском (Подгурский 2007). Раскопки выявили здесь остатки трех жилищ, имевших подпрямоугольные котлованы, врезанные в наклонную материковую поверхность на 0,16–0,25 м. Размеры котлованов — 4,3×4,6 м; 3,08×3,6 м; третья постройка попала в раскоп частично. По находкам в постройках круглого проволочного височного кольца, браслета с расширенными концами, узколезвийного топора, витой гривны, овальной железной пряжки автор раскопок датировал их V–VII вв. (Подгурский 2007: 241). Отличительными особенностями построек из Старого Села было центральное расположение сложенного из камней отопительного устройства и наличие столбовых ям по периметру котлованов (Подгурский 2007: 240). Судя по этим архаичным деталям и наличию на городище керамики с расчесами типа Заозерье, «полуземлянки» Старого Села несколько старше аналогичных построек Городка на Маяте.

Второй пример расположения «полуземлянок» внутри укреплений — Псковское городище, где постройки с квадратным котлованом и печью-каменкой в углу располагались по периметру площадки (Белецкий 1996: 55). Размеры котлованов — 3×3,5 м, глубина 0,16–0,60 м. Вызывает, правда, сомнения столбовой характер построек. Столбовые ямки на реконструкции, предложенной С. В. Белецким, расположены слишком нерегулярно, чтобы установленные в них столбы могли служить опорой стенам жилищ (Белецкий 1980: рис. 5: 4). Скорее всего, последние были все-таки срубными. Хронология этого периода в истории Пскова (Псков Б по С. В. Белецкому) определяется серединой — третьей четвертью I тыс. н. э. (Белецкий 1996: 56). Характерную для периода керамику этот автор отнес к кругу древностей Тушемля — Колочин — псковские длинные курганы, отмечая также формы, имеющие параллели в пражской керамике (Белецкий 1980: 6, 11, 15; 1996: 55).

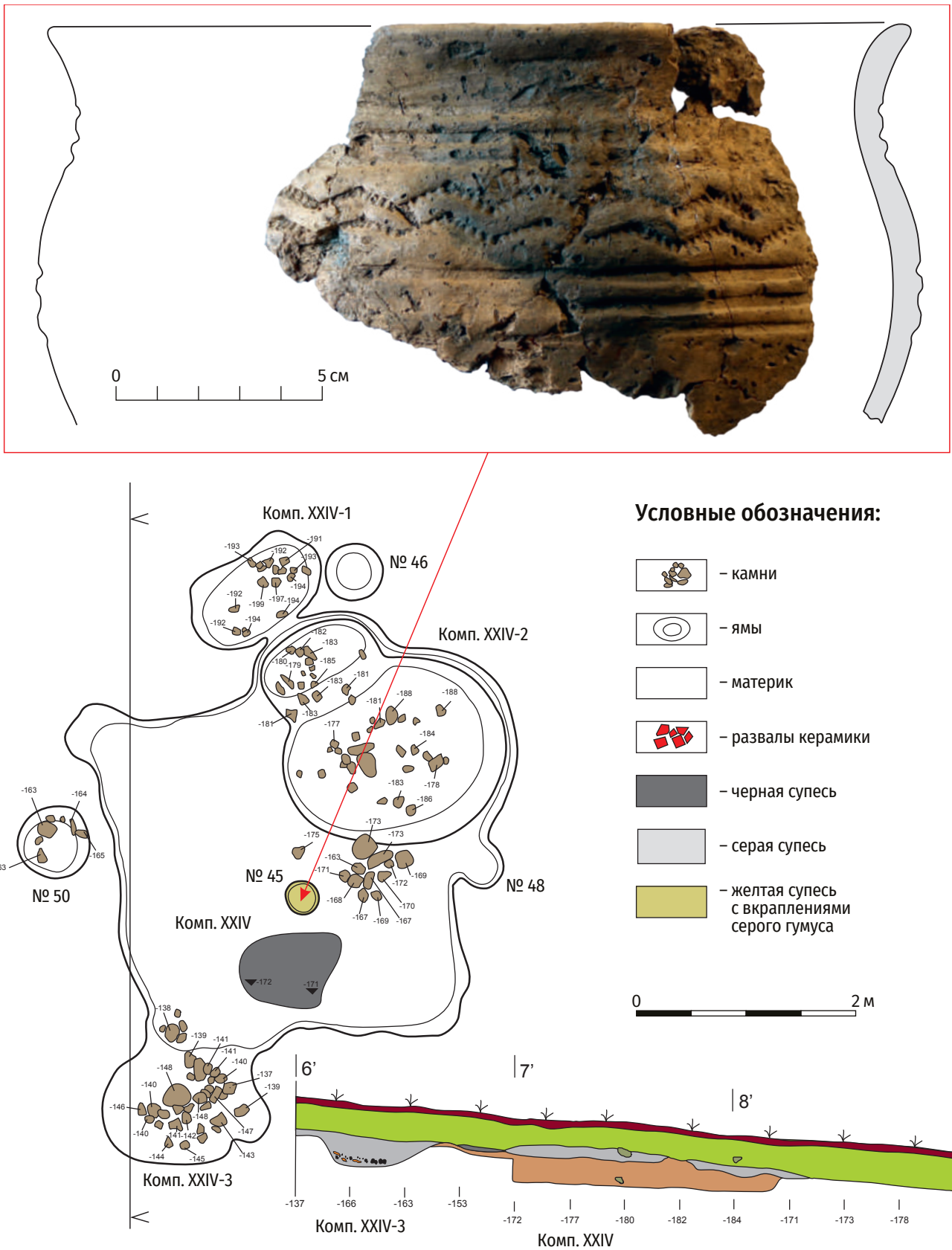
Остальные два известных нам случая обустройства площадки городищ «полуземлянками» лежат далеко к югу. Первый из них — городище пеньковской культуры Селиште (Приходнюк 1988: рис. 2: 1). Второй случай — полуземлянка на Старокиевской Горе (Кирилович 1982: рис. 12), которую с некоторой долей сомнения можно считать городищем пражской культуры.

Похоже, что индивидуальные жилища на площадках городков V–VII вв. были явлением экстраординарным и связаны с какими-то особыми историческими ситуациями и повышенными военными рисками. «Полуземлянки» Городка на Маяте сооружены,

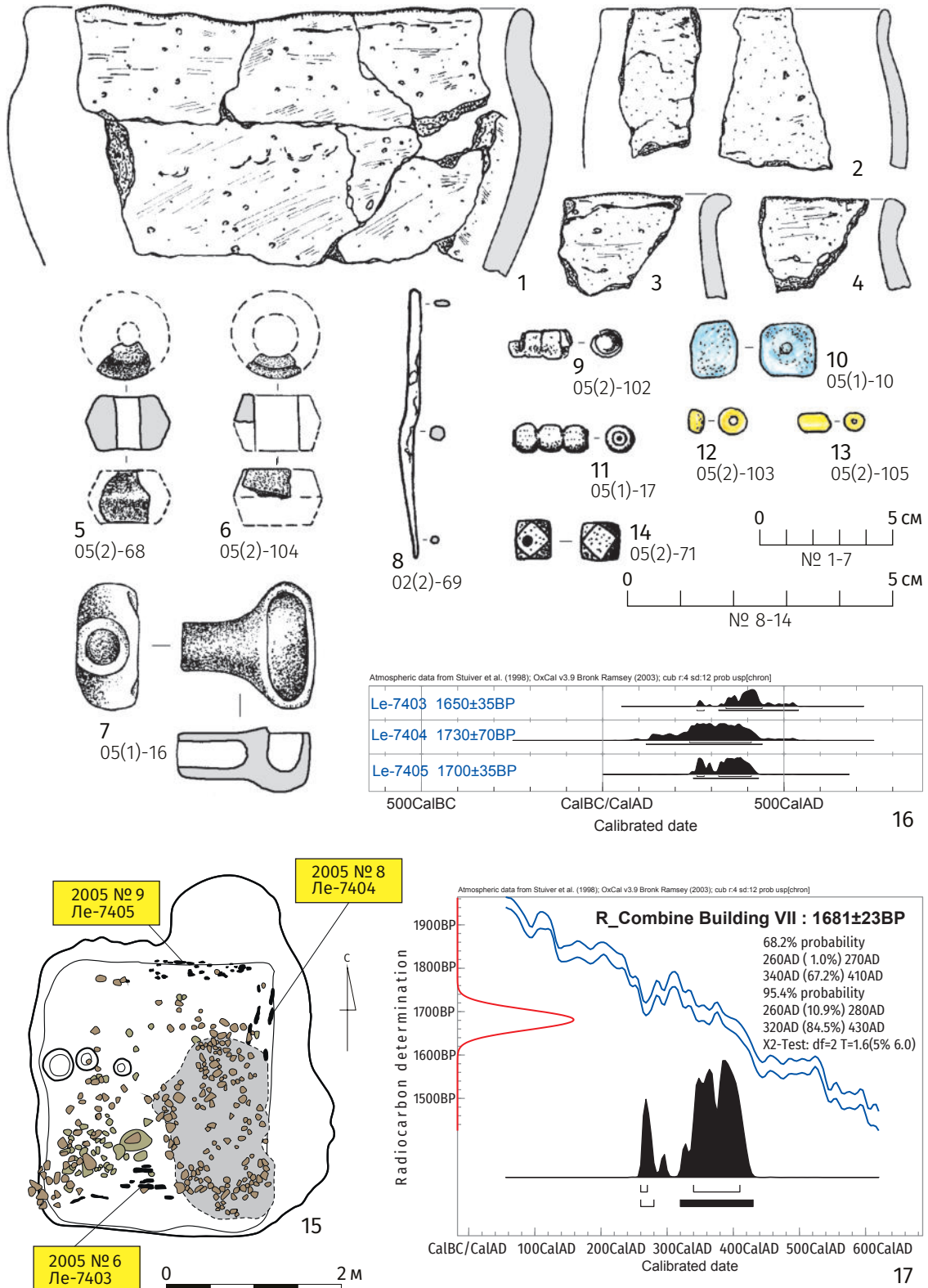

Рис. 121. Постройки середины-третьей четверти I тыс.н.э. с углубленной центральной частью в Приильменье, Половatzе и Полоцком Подвинье. 1–3 – Городок на Маяте, комплексы (соответственно) VII, XIX, XXII ; 4 – Ермошино, постройка 1, горизонт 2а (Лопатин, Фурасьев 2007); 5 – селище Жабино (Станкевич 1960: рис. 70)

Рис. 122. Городок на Маяте. Фрагменты сосуда типа лууконсаари из центральной столбовой ямы «полуземлянки» (комплекс XXIV)

Рис. 123. Городок на Маяте. Городище. Находки из постройки VII («полуземлянки»). 1–4 – лепная керамика (1 – пласт 1–3; 2–4 – пласт 1); 5, 6 – глиняные пряслица; 7 – глиняная льячка; 8 – железная игла; 9 – бронзовая спиральная пронизка; 10 – стеклянная бусина; 11 – золотостеклянная пронизка; 12, 13 – стеклянный бисер; 14 – глиняная бусина. Внизу план постройки VII с указанием мест отбора проб (15) и результаты радиоуглеродного датирования. 16 – таблица калиброванных интервалов; 17 – полученная по ним комбинированная дата

скорее всего, позднее первоначальной оборонительной стены и кольцевой столбовой постройки и синхронны большому валу, т. е. датируются первой половиной VII в. н. э.

Ранняя группа инвентаря. К находкам середины — третьей четверти I тыс. н. э. относятся, вероятно, ножи с прямой спинкой. Особенно характерен нож с прямым переходом черенка к выпуклой спинке, плавным уступом, идущим от черенка к лезвию и слегка загнутым наружу острым концом (**рис. 126: 11**). Нож относится к первой группе по Р. С. Минасяну (датирована им временем вплоть до XI в.) (Минасян 1980: 69). Автор не отделил подобные ножи от изделий, имеющих двойной, сверху и снизу, уступ при переходе от черенка к лезвию, отнеся их все к одной группе. Между тем, такие ножи, имеющие очевидную связь с традициями РЖВ, в массе своей выходят из обихода раньше, чем ножи с двумя уступами. Конечно, строго говоря, ножи с прямой или слегка выгнутой спинкой сами по себе не могут рассматриваться как надежный хронологический индикатор для третьей четверти I тыс. н. э. Укажем, например, на находку целой серии таких ножей в Старой Ладоге в связи с кузницей, функционировавшей в 750–770-х гг. (Рябинин 1994а: 40, рис. 20: 4–6), или на аналогичное изделие, найденное в «черной земле» Бирки. Но в нашем случае ясно, что ножи в Городке на Маяте попадали в слой и в V–VII вв.; и первыми претендентами на роль таких находок будут ножи с прямой спинкой.

Так же третьей четвертью I тыс. н. э., видимо, следует датировать серп группы II:1 по Р. С. Минасяну и фрагмент аналогичного изделия (**рис. 126: 9, 14**). Такие серпы широко известны в культурах этого времени (позднеладжовской, банцеровской, тушемлинской, колочинской, в КПДК). В IX–X вв. они вытесняются более совершенными орудиями с коленчатой рукояткой (Минасян 1978: 79–83).

Стратиграфически к ранней группе находок относится пластинчатое кресало с ушком, повернутым перпендикулярно ударной плоскости. Самая ранняя из известных нам находок происходит из жилища 4 в Абидне (Поболь, Ильютик 2002: рис. 51: 5). Следующая надежно датированная находка связана с производственным комплексом из нижнего горизонта Старой Ладogi (750-е — начало 770-х гг.) (Рябинин 1994а: рис. 24: 12). Два кресала найдены в Хотомеле в нестратифицированных отложениях (Кухаренко 1960: табл. 8: 25, 26). Хорошо известно, что изделия бытовали на Руси вплоть до X в.: они встречаются, например, в гнездовских курганах (Ширинский 1999: рис. 28).

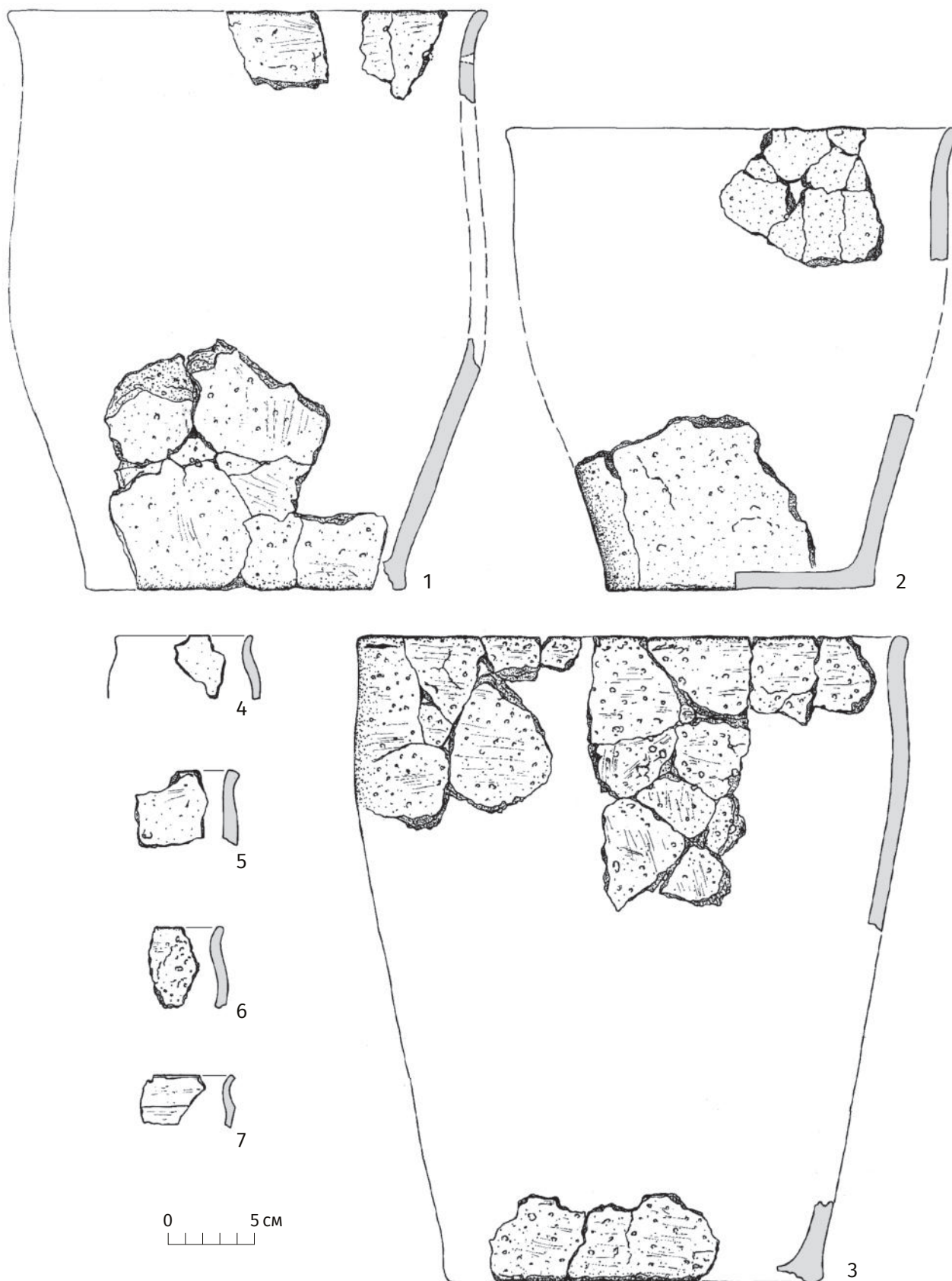
С селища происходит овальная железная пряжка с прогнутым язычком. Рамка пряжки, круглая в сечении, подграненая, имеет утолщение в передней части

(**рис. 126: 8**). Подобные пряжки встречаются на восточноевропейских памятниках с середины III в. н. э. вплоть до VII в. (Гороховский 1988: 42, 43; Малашев 2000: рис. 5: Б-2; рис. 6: Г1–2; рис. 13: Г7; Амброс 1989: 24, 25; Айбабин 1993: 208, рис. 2: 5, 6; Веймарн, Айбабин 1993: 179; Шмидт 2003: таб. 24: 19). В Юго-Восточном Приильменье полностью аналогичная пряжка известна в могильнике КПДК у д. Обрыни.

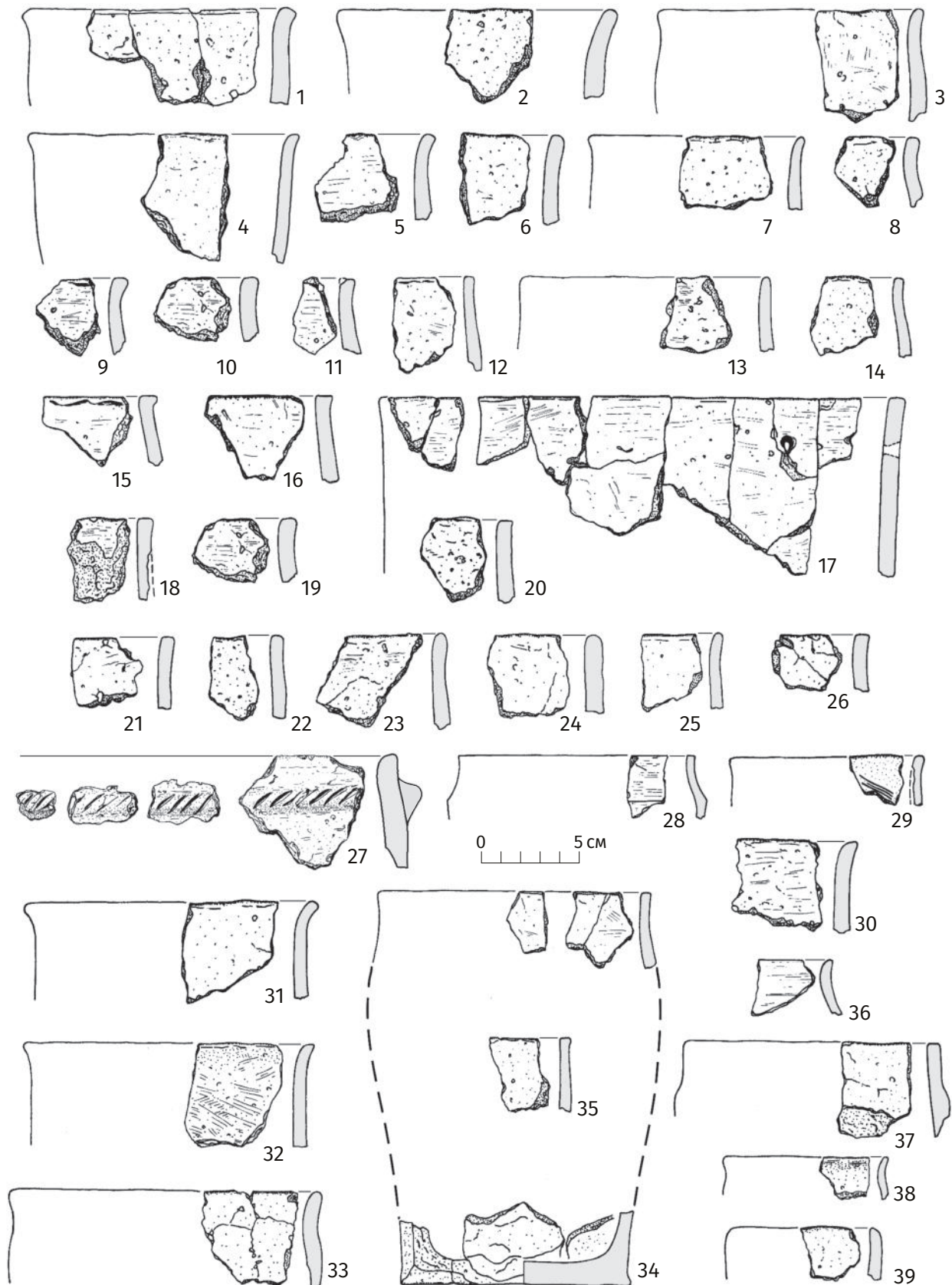
Среди изделий из бронзы к ранней группе следует отнести две вещи. Интересен небольшой обломок пластинчатого браслета или перстня со шнуровым орнаментом в виде рельефных валиков, покрытых косой насечкой (**рис. 126: 12**). Украшения этого круга представлены в древностях Эстонии (оградка VIII могильника в Ябара) I–VI вв. н. э. (Шмидехельм 1955: 86, рис. 19: 25) и юго-западной Финляндии (Kivikoski 1973: Abb. 127, 262, 268–269, 455, 467), где их датируют так же широко: от позднеримского времени до заключительного этапа эпохи переселения народов (550–800 гг. н. э.). Более отдаленную аналогию можно указать среди украшений позднедьяковского Щербинского городища (Дубынин 1974: 237; таб. XI: 1). Ближайшая в территориальном отношении находка фрагмента похожего браслета (правда, выполненная из серебра и по-иному орнаментированная) происходит из постройки на селище КПДК Кобылья Голова в низовьях Мсты (Орлов 1968: 165, рис. 4: 4).

Еще одно изделие из культурного слоя, уникальное для Приильменья, первоначально было мне непонятно. Речь идет о трубочке, свернутой из бронзового листа и увенчанной круглой бронзовой пластиной диаметром 2,4 см. К пластине было припаяно колпачковидное навершие одного с ней диаметра. Колпачок и пластина, на которую он был напаян, орнаментированы по кромке насечкой (**рис. 127: 1**). С нижней стороны втулки в ней вырезано прямоугольное отверстие. Поиск аналогий приводит к выводу, что перед нами — составное навершие (видимо, фрагментированное) питьевого рога. Ритоны с дисковидными навершиями, довольно разнообразными по форме, скрученными и спаянными из пластин медного сплава (**рис. 127: 2–10**), имели в Восточной Европе очень ограниченное распространение. Они представлены в древностях Литвы, где суммарно датируются V–VI вв. (Kazakevičius 1993; Simniškytė 1998: 209).

К ранней группе инвентаря следует отнести также крупную уплощенную полихромную бусину, найденную при промывке во втором ярусе горизонта камней квадрата Д-11 (**рис. 128: 7**). Стратиграфическое положение не позволяет с полной уверенностью датировать находку, хотя она и найдена в основании культурного слоя близ вала, т. е. формально, скорее, в ранних напластованиях. Бусина черного с желтоватыми разводами стекла украшена однорядным продольно-волнистым

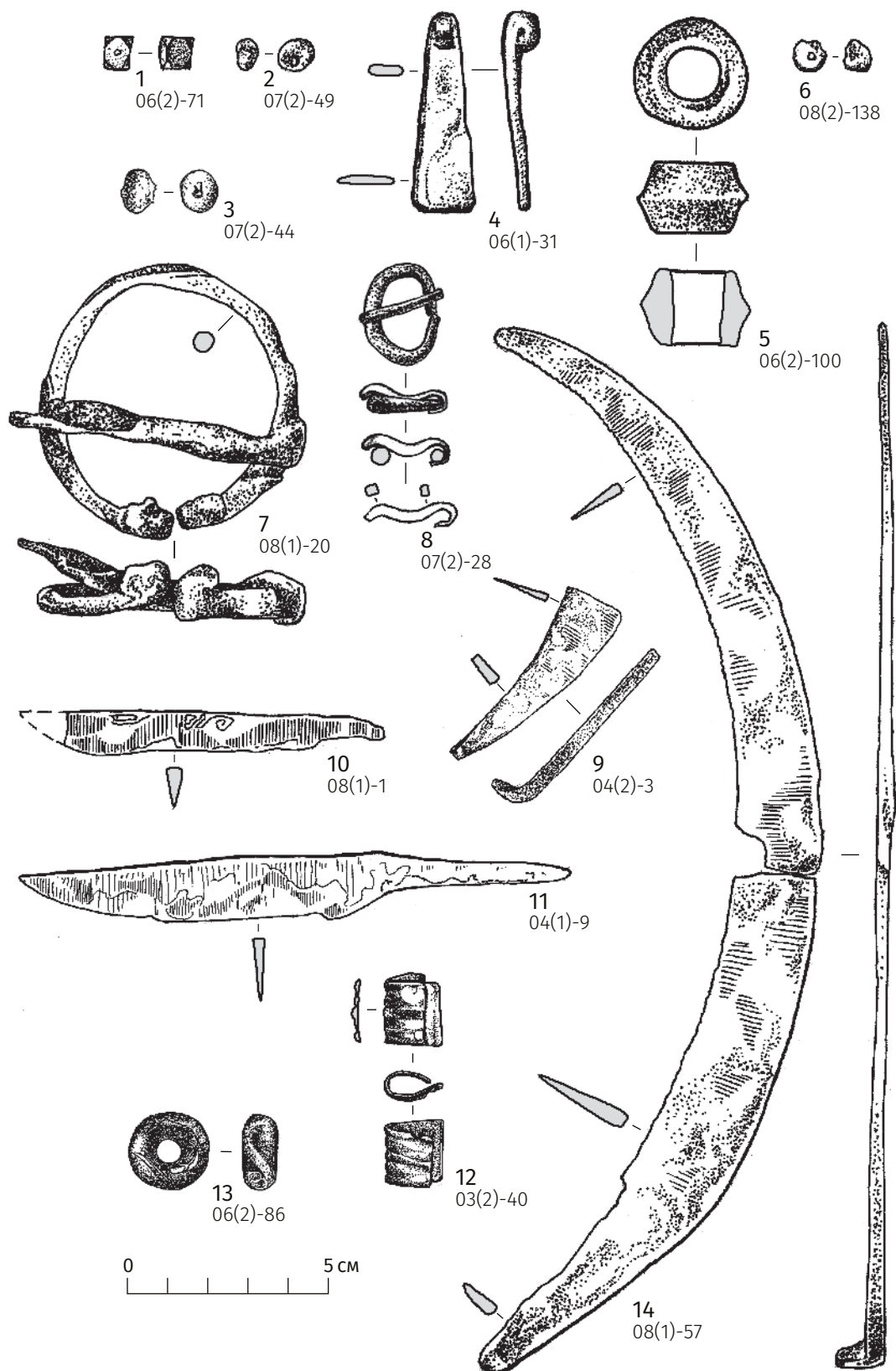

Рис. 124. Городок на Маяте. Лепная керамика из комплексов середины – третьей четверти I тыс. н. э. 1, 2 – комплекс XIX; 3 – развал с поверхности заполнения комплекса XVII; 4–7 – комплекс XXII

Рис. 125. Городок на Маяте. Лепная керамика из культурного слоя. 36 – фрагмент подлощеного сосуда. Остальная керамика груболепная

Рис. 126. Городок на Маяте. Находки из «полуземлянок» и культурного слоя селища (7, 8, 9) и городища (1–6, 10–15), предположительно связанные с третьей четвертью I тыс. н. э. 1–4 – комплекс XIX; 5 – комплекс XXII; 6 – комплекс XXXIV. Остальное из культурного слоя вне комплексов

орнаментом (волна многоцветная, доминирует желтый цвет) и сине-красно-желтыми глазками. На памятниках VIII–X вв. такие бусы мне не известны. Близкие по форме и орнаментации украшения были распространены в Западной Европе в меровингское время (Koch 1997: Taf. 8: 21).

Выразительную картину дает анализ пряслиц. Всего на городище и селище найдено 56 пряслиц и их фрагментов; еще одно изделие происходит из шурфа Е. Н. Носова 1974 г. В общей сложности пригодны для анализа 53 целых и фрагментированных пряслица. Самую большую группу (64%) образуют биконические пряслица со сравнительно широким (более широким или равным ширине поперечного сечения стенок) отверстием (34 экз.). Диаметр пряслиц больше их высоты. Боковые поверхности изделий ниже и выше ребра часто вогнуты. Значительная доля (56%) биконических пряслиц имеет лощение (19 экз.), что является ранним признаком, характерным для древностей второй — третьей четверти I тыс. н. э. (Терпиловский 1984: 33; Лопатин, Фурасев 2007: 55). Четкую стратиграфическую привязку к напластованиям V–VII вв. имеют два пряслица этой группы: одно происходит с пола «полуземлянки» XXII, а второе — из нижней части культурного слоя близ вала. Последнее из упомянутых изделий покрыто черным лощением высокого качества. В. Б. Перхавко выделил для междуречья Днепра и Немана два типа биконических пряслиц: низкие (соотношение высоты и диаметра 0,4–0,5) с широким отверстием и высокие (соотношение высоты и диаметра 0,6–0,8) с отверстием узким. Первые, по его мнению, свойственны древностям, восходящим по прямой линии к киевской культуре. Второй тип пряслиц характерен для пражских древностей (Перхавко 1979: 45, 46). На Северо-Западе эту же схему применяет И. В. Исланова при анализе находок с поселения Юрьевская Горка, отмечая преобладание здесь высоких пряслиц (Исланова 1997: 48–49). Фрагментированность большинства пряслиц из Городка на Маяте не позволяет делать точные подсчеты их пропорций. Можно лишь отметить, что ранние пряслица этого памятника не распадаются на две группы так четко, как это сформулировано в классификационной схеме В. Б. Перхавко. Значительную часть коллекции составляют «высокие» пряслица с относительно широким отверстием, т. е. формы, занимающие промежуточное положение между выделенными им группами. Но, наряду с этим, имеются и уплощенные формы. Особо следует отметить присутствие среди глиняных биконических пряслиц изделий с воронковидным основанием; такие пряслица, появляясь в позднезарубинецкое время, в середине I тыс. н. э. распространяются в лесной зоне в культурах Тушемли, Банцеровщины и КПДК. Остальные 19 пряслиц

являют разнородную картину и относятся, в основном, видимо, к последней четверти I тыс. н. э.

Особенности керамического комплекса и первые обитатели Городка на Маяте. Для понимания памятника важно разобраться с происхождением реберчатой лощеной керамики. Она известна в нижней части культурного слоя на селище, в культурном слое под большим валом, в его насыпи (во вторичном залегании), а также в двух комплексах на площадке городка (XVI и XVII). Один из них (комплекс XVI), как мы уже говорили выше, определенно относится ко времени до возведения большого вала. Появление на поселении лощеной керамики датируется, таким образом, второй половиной V — VI в. Ближайший памятник этого времени, на котором присутствует реберчатая лощеная керамика, — селище Крюково неподалеку от Боровичей, раскопанное С. Н. Орловым (Орлов А-1959; Орлов А-1971).

Можно предположительно выделить несколько направлений поиска истоков этой традиции и, соответственно, происхождения населения, принесшего ее в Ильменскую озерную котловину и в Помостье. Первое из них — юго-восточное. Лощеная керамика (в том числе и различные варианты реберчатых сосудов) с IV в. н. э. получает распространение в Волго-Окском междуречье и Верхнем Поволжье на позднедьяковских городищах (Розенфельдт 1974: 177). На позднедьяковских памятниках также встречаются (хотя достаточно редко) неорнаментированные слабопрофилированные сосуды, напоминающие кухонную керамику Городка на Маяте. Таким образом, возможно провести параллель с дьяковской керамикой. Натянутость такого сопоставления становится очевидна при обращении к массовому керамическому материалу. Действительно, лощеная посуда в позднедьяковской культуре представлена преимущественно сосудами с округлым плавным плечиком. В то же время определяющей формой грубой кухонной керамики на позднедьяковских городищах являются горшки с S-видным профилем и высоким отогнутым венчиком (тип 5 по И. Г. Розенфельдт), часто орнаментированные. Вот такой обычной позднедьяковской посуды в Городке на Маяте нет. Вероятно, если бы имело место проникновение в микрорегион населения из ареала ДК, то в керамическом наборе должны были быть так или иначе представлены бытовавшие там массовые формы, а не только самые редкие. Нам кажется, что в данном случае нет оснований рассматривать наш памятник как периферийное городище ДК.

Достоинны внимания параллели, прослеживающиеся в областях, которые лежат к западу от Ильменя, — на территории Эстонии, в частности, в юго-восточной ее части. Исследованные здесь могильники с каменными оградками II–V вв. н. э. дают весьма

представительную серию реберчатой лощеной столовой посуды, представленной как округлодонными мисками, так и плоскодонными горшками (Laul 2001: 271, joon 72, 73). Находят такую керамику и на городищах (Аун 1992: 18, 48). Пик распространения подобной посуды в области к западу от Чудского озера исследователи датируют IV–VIII вв. (Lang 1991: 65). Имеется подобная керамика и на поселениях КДК на восточном берегу Чудского озера, в бассейне Плюссы (Поселение Горка) (Попов А-2005: л. 9).

В эпоху переселения народов группы прибалтийско-финского населения, родственного племенам юго-восточной Эстонии, вероятно, присутствовали в районе Ильмена. Этот вопрос давно обсуждается в литературе в связи с известными исследованиями Б. В. Александрова в юго-западной части Ильменской озерной котловины (Alexandrov, Tallgren 1930; Кулешов 2005). Однако, приняв такое предположение, мы сталкиваемся с той же проблемой, что и в случае с дьяковским «следом». В слое Городка на Маяте отсутствует хозяйственная керамика, которая позволила бы уверенно провести параллель с памятниками Эстонии.

Другое направление поиска — южное. В Верхнем Поднепровье и Подвинье лощеная реберчатая керамика встречается на памятниках типа Демидовка–Заозерье, датируемых обычно IV–V вв. н. э., а также на поселениях типа городища Дедиловичи. На городище Демидовка лощеная керамика составляет 30%, причем 28% лощеной посуды представлено реберчатой керамикой, преимущественно мелкими сосудами и мисками (Шмидт 2003: 45, 46). Наиболее близки раннему Городку на Маяте керамические материалы городища Лукомль в Белорусском Подвинье. Здесь не только присутствует лощеная реберчатая керамика (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 348: 8). Массовый керамический материал раннего Лукомля, представленный преимущественно сосудами с цилиндрической верхней частью и слегка отогнутым венчиком (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 349: 1–5; 350), соответствует формам, наиболее распространенным в Городке на Маяте второй половины V–VII в. Правда, судя по находке фибулы с эмалью (Штыхов А-1971; Корзухина 1978: 84; рис 352а: 2), указанный керамический комплекс Лукомля может быть более ранним и датироваться второй четвертью I тыс. н. э., «смыкаясь» с материалами Городка на Маяте лишь на уровне верхней границы своего хронологического диапазона.

В керамическом наборе тушемлинской культуры лощеная столовая посуда и позднее продолжает присутствовать, хотя ее доля заметно снижается (Шмидт 2003: 45, 55). При этом основным типом хозяйственной посуды здесь являются слабопрофилированные неорнаментированные сосуды, в различной степени открытые в верхней части. В качестве примера при-

ведем комплекс керамики из постройки 2 в Дедиловичах, содержащий лощеный ребристый сосуд, и постройку 1 на селище Ермошино в истоках Полоты. В обоих случаях мы также встречаем характерное сочетание слабопрофилированных, открытых в верхней части сосудов с лощеной реберчатой миской. По постройке в Ермошино получена радиоуглеродная датировка, близкая датам с Городка на Маяте. Кухонная посуда памятников этого круга (в отличие от массовой посуды финальной стадии ДК) вполне сопоставима с керамикой Городка на Маяте (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 107–109; 111).

Возможно, именно движением на север населения, оставившего памятники типа Заозерье–Демидовка, объясняется присутствие реберчатой подлощенной посуды в керамическом комплексе культуры длинных курганов Помостья в середине — третьей четверти I тыс. н. э. Следует, например, обратить внимание на находки такой посуды на поселении Плёсо на оз. Крюково (Орлов А-1971: л. 21, рис. 40: 8, 10). Дополнительным аргументом в пользу южной версии служит находка в Городке на Маяте фрагмента сосуда с прямым венчиком и налипным валиком, украшенным косой насечкой (рис. 125: 27). Еще П. Н. Третьяков, отметив наличие таких сосудов на городищах Колочин и Хотомель, а также на ряде поселений Среднего Поднепровья, отнес их к элементам славянской культуры (Третьяков 1982: 71). Данный орнаментальный прием на Северо-Западе до сих пор был неизвестен исследователям.

Северная граница распространения керамики с подобным оформлением венчика проходит через область КТБ: от восточной части Днепро-Двинского междуречья через среднее течение Березины к Минской возвышенности (Заболонье под Велижем, Заозерье, Черкасово в Оршанском Поднепровье, Красная Зорька на Березине, Банцеровское и Строчицкое (на Менке) городища под Минском) (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 110). Н. В. Лопатин отмечает связь этой орнаментальной традиции с выделенной им культурной группой Кисели в Могилевско-Оршанском Поднепровье (Лопатин, Фурасев 2007: 100). В тушемлинских и банцеровских древностях так украшались, как правило, профилированные сосуды с высоким отогнутым венчиком, — чаще всего тип 4 по Н. В. Лопатину (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 110: 5–10). Но есть здесь и сосуды с прямым венчиком, орнаментированные подобным образом под самым его краем. Например, фрагмент такого изделия происходит из насыпи кургана № 29 в Заозерье (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 110: 4), куда он попал из более раннего культурного слоя поселения (Шмидт 2008: табл. 45: 5). Близкие аналогии сосуду из Городка на Маяте можно отыскать и дальше к югу и западу — в ареале колочинской, пражской и пеньковской культур (Ауліх 1972:

38; Русанова 1973: 11–12, табл. 27; Parczewski 1988: Tab. LXXXIII: 7; Приходнюк 1998: 33; Терпиловский 2004: 54, 209).

Любопытно, что в кургане № 9 (погребение № 1) могильника Плёсо VI близ Боровичей (раскопки С. Н. Орлова 1971 г.) найден лепной сосуд, видимо, подражающий подобной керамике (Орлов А-1971: л. 9, 10; рис. 15: 3). На тулово сосуда в верхней трети был нанесен орнамент в виде двух параллельных бороздок, создающих видимость рельефного валика, на который была нанесена косая насечка (**рисунок на обложке тома 1**). В погребении имелся и второй сосуд, баночной формы, типичный для КПДК. Могильник Плёсо VI обычен для КПДК и относится к третьей четверти I тыс. н. э. находка из Плёсо VI — единственная параллель сосуда с Городка на Маяте в Помостье.

Итак, похоже, возникновение слоя с лощеной керамикой Городка на Маяте связано с миграцией населения из области между Днепром, Двиной и Неманом, произошедшей около середины I тыс. н. э. Дату эту можно допустить, исходя из того, что керамика с расчесами, распространенная на этой территории в пределах III–V вв. н. э., на Ильмене неизвестна, за исключением единичного фрагмента из Городка на Маяте (**рис. 125: 29**). Возможно, у населения Поднепровья и Подвинья традиция «расчесывать» сосуды исчезает раньше, чем произошла миграция на север в Приильменье. То есть Городок на Маяте возникает, вероятно, позднее, чем классические памятники круга Заозерье (так и получается по радиоуглеродным датировкам). Следы этого населения прослеживаются в Приильменской низине не только в Городке на Маяте, но и на городище Сельцо I и, возможно, на селище Прость, где также представлена слабопрофилированная керамика.

Еще одним местом, где возможно выявление слоев середины — третьей четверти I тыс. н. э., является селище к северу от бывш. Сметанинской мызы. В архиве С. Н. Орлова имеется фрагмент слабопрофилированного лепного сосуда, происходящий с этого поселения (Орлов А-1950–1980-е, приложение: л. 115).

Столбовые укрепления Городка на Маяте в контексте фортификационных традиций Восточной Европы середины — третьей четверти I тыс. н. э. Как показал сделанный ранее обзор (Еремеев, Дзюба 2010: 65–158), холмовые (реже — мысовые) городки, сочетавшие эскарпы и наборные стены столбовой конструкции, в эпоху переселения народов и в Раннем Средневековье были распространены в разных культурах. Укрепления этого типа известны от Верхней Волги до среднего течения Вислы в ареалах позднедьяковской, тушемлинской, банцеровской и северных областях пражской культуры и далее к югу. Происхождение этой инженерной схемы восходит, по крайней мере, к рубежу эр, к фортификации бал-

тских и финских племен РЖВ лесной зоны Восточной Европы. Системы ступенчатых эскарпов, дополнявшихся валиками выброшенной из них земли (иногда исследователи называют их валами), хорошо изучены на городищах Белорусского Подвинья, например, на таких памятниках, как Абрамово, Барсуки (Шадыро 1985: рис. 6; 7).

Перекладная техника внутривальных конструкций в VII в. используется в области колочинской культурной общности. Попытки создания более или менее регулярного внутривального каркаса мы как будто прослеживаем на городищах Колочин и, возможно, Никодимово. В заключение следует, пожалуй, вспомнить и наблюдение тонкого исследователя раннеславянских древностей П. Н. Третьякова, указавшего на то, что городище Колочин (как и Хотомель, с которым он его сравнивал) стало явлением иного порядка, нежели родовые городки тушемлинской культуры Поднепровья, явлением, ближе стоящим к славянской и древнерусской культуре (Третьяков 1982: 71). То же самое можно сказать и про большой вал Городка на Маяте, перекрывший городок тушемлинского типа.

4.2.2. Городище Сельцо I

Городище расположено на р. Ларинка, правом притоке Полю (**рис. 129; 130**). Древнейшее укрепленное поселение, как уже отмечалось выше, относится к РЖВ (Орлов 1984: 79). Более поздние напластования городища Сельцо I синхронны Городку на Маяте и датируются серединой — третьей четвертью I тыс. н. э. Хронологическое сопоставление напластований этого времени Городка на Маяте с ранними фазами жизни городища Сельцо I стало возможно благодаря находкам на последнем фрагментов гладкостенной слабопрофилированной (**рис. 131: 1–8**), а также лощеной и подлощенной посуды (**рис. 131: 13, 14**; Орлов А-1971: рис. 40: 8, 10). В Сельце мы встречаем тот же набор керамики, который соотносится в Городке на Маяте с первоначальной оборонительной стеной. Кроме керамики, на городище Сельцо I найдены и другие предметы, которые могут быть отнесены к середине — третьей четверти I тыс. н. э.

Обратим внимание на набор наконечников стрел, среди которых присутствует удлинённый наконечник с плечиками и «расклеванным» черенком, сплюснутым поперек плоскости пера стрелы (**рис. 131**). Ланцетовидные наконечники с плечиками — характерный элемент вооружения второй — третьей четверти I тыс. н. э., известный на обширных пространствах европейской лесной зоны. Они встречаются на памятниках позднедьяковской культуры (Третьяков 1941: рис. 33: 3, 7; Смирнов 1974: 34; табл. II: 4), известны в древностях Финляндии позднеримского времени (III–IV вв. по Э. Кивикоски) (Kivikoski 1973:

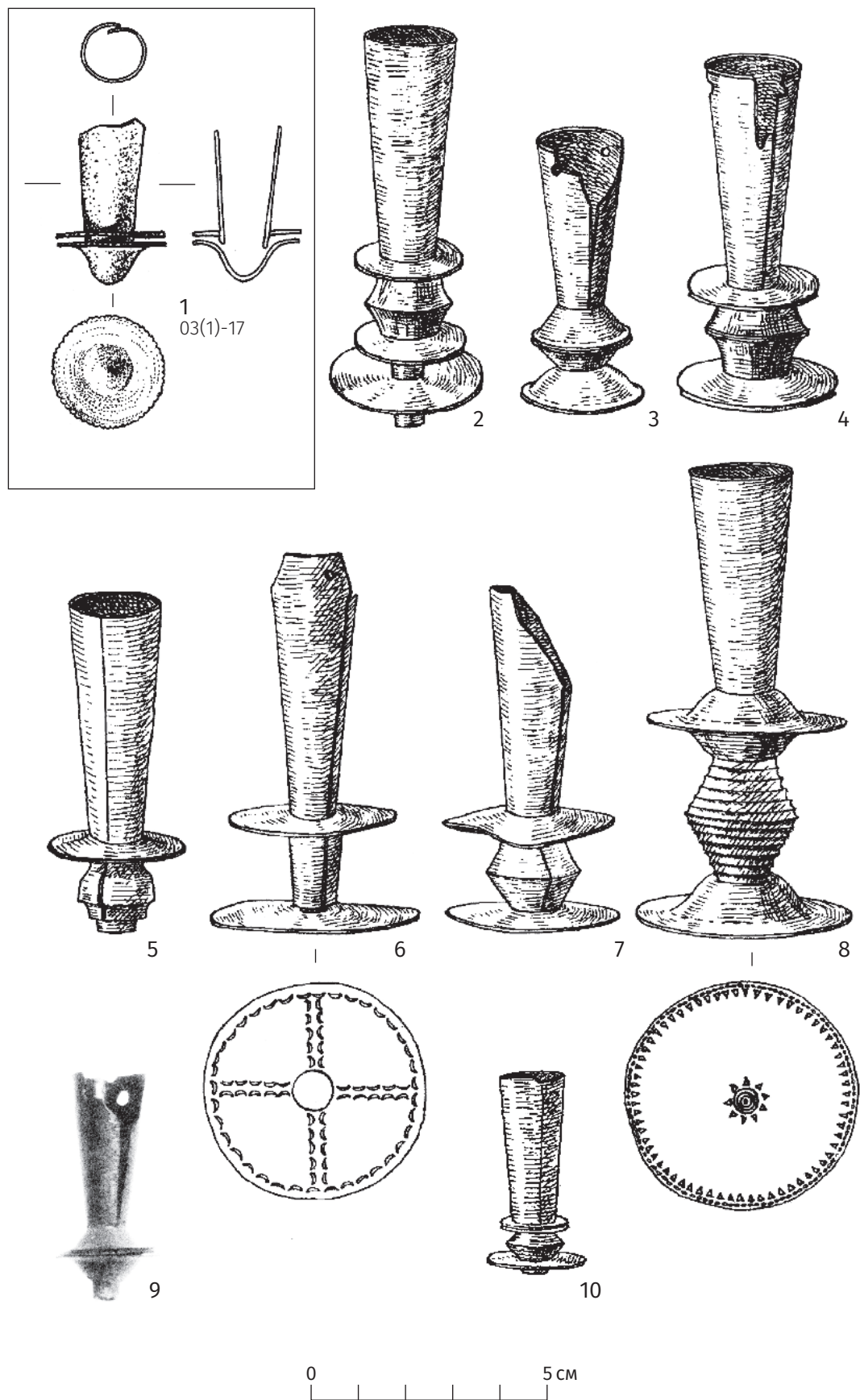
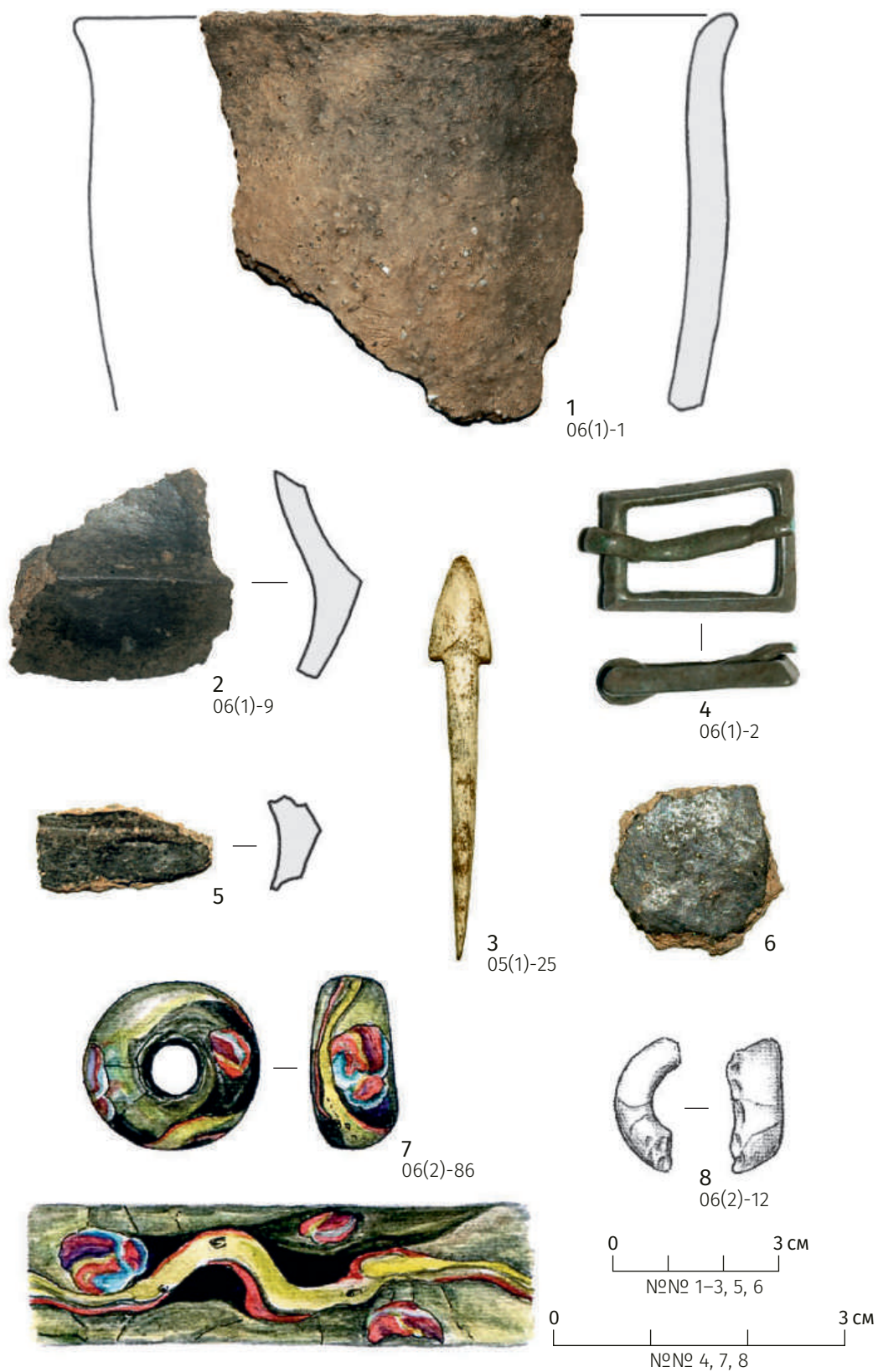

Рис. 127. Навершие питьевого рога из Городка на Маяте (1) и аналогии в восточнолитовских древностях (Simniškytė 1998)

Рис. 128. Городок на Маяте. Находки из большого вала (1–4), фрагменты сосуда из нижней части заполнения комплекса XVII (5, 6) и бусы второй половины V–VII вв. из культурного слоя (7, 8). 1 – глина (фрагмент груболепного сосуда); 2, 5, 6 – глина (фрагменты лепных чернлощенных сосудов); 3 – кость; 4 – бронза; 7, 8 – стекло (рисунки С. Л. Богаченко)

37, Abb. 158). Аналогичные наконечники в древностях Готланда Б. Нерман датирует периодом VII: 4, т. е. примерно 700–750 гг. (Nerman 1969: Taf. 257: 2074–2077). К востоку от Ильменя такой наконечник стрелы найден на селище Крюково, относящемся к КПДК (Орлов А-1971: рис. 41: 1).

Раскопки на городище Сельцо I проводились трижды: С. Н. Орловым в 1968 и 1984 гг. и Е. Н. Носовым в 1974 г. (рис. 129). Укрепления исследовались только С. Н. Орловым, поэтому на его материалах необходимо остановиться подробнее. Лаконичность полевой документации не позволяет детально анализировать стратиграфию памятника. В своих смежных раскопах 1968 и 1984 гг. С. Н. Орлов выделяет на краю площадки четыре горизонта (снизу вверх):

1. Серо-желтый предматериковый горизонт с «финно-угорской» (термин С. Н. Орлова) орнаментированной керамикой РЖВ. Речь идет о керамике со штрихованной (рис. 81: 4–7) и текстильной поверхностью (рис. 82), а также о посуде с ямочным и гребенчатым орнаментом (рис. 81: 2, 3; 83: 1). Последняя, как известно, после работ М. А. Юшковой получила наименование «керамика волховского типа».

2. Слой пожара с остатками бревенчатой стены, в котором тоже залегает «финно-угорская» керамика.

3. Слой «светло-желтого суглинка с перегноем», лишенный находок (мощность до 0,5 м).

4. Темно-серый перегной с большим количеством камней и развалами печей. В нем залегала лепная неорнаментированная керамика, которую С. Н. Орлов называет «славянской» (керамику середины — третьей четверти и конца I тыс. н. э. автор раскопок не различал). По находкам трех стрел с расклепанным черешком и стамесковидного орудия этот горизонт датируется серединой — третьей четвертью I тыс. н. э.

Слои 3 и 4 не перекрываются, а залегают по соседству, деля раскоп 1968/1984 гг. по его продольной оси на две примерно равные части. Из полевых описаний можно понять, что те укрепления вдоль края холма, которые удалось зафиксировать, создавались, как минимум, в два этапа. Сначала была построена стена из горизонтально уложенных длинных бревен (горизонт 2), удерживавшихся столбами-стояками. После гибели ее в пожаре на краю площадки был создан невысокий вал (горизонт 3). Поверх этого вала была, видимо, поставлена новая стена, остатки которой не сохранились. Так же, как и в Городке на Маяте, насыпь, шедшая в Сельце по северной кромке площадки, была не столько валом, сколько нивелирующей подсыпкой под основание стены и длинного дома. Как вдоль первой, так и вдоль второй стены по краю площадки шла длинная постройка с отдельными углубленными подпольями и очагами (или печами-каменками), располагавшимися в нескольких

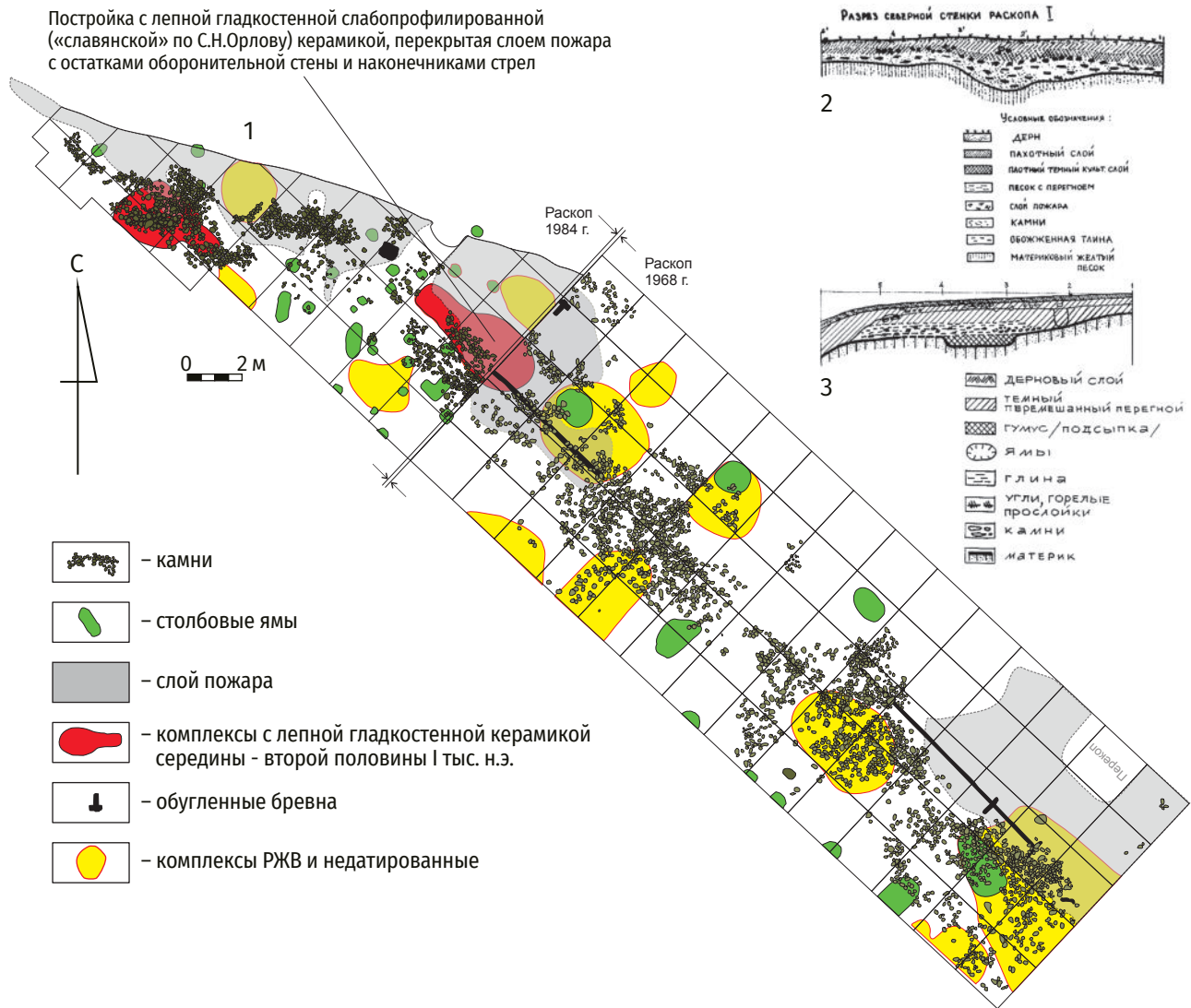

Рис. 129. Городище Сельцо I (съемка В. В. Милькова)

метрах друг от друга (горизонт 4). От постройки осталась полоса очажных камней, аналогичная той, которую мы наблюдали в Городке на Маяте.

Самым сложным является вопрос хронологии первоначальной стены. В отчетах С. Н. Орлов указывал, что в слое пожара, как и в предматериковом суглинке, залегала орнаментированная керамика РЖВ, на основании чего относил стену к «финно-угорскому» этапу жизни городка. Разрезы из полевого отчета в совокупности с описью находок дают, однако, иную картину. Судя по этой документации, в раскопе 1984 г. два комплекса с лепной гладкостенной «славянской» керамикой (С. Н. Орлов называет их «славянскими полуземлянками», хотя углубленные основания построек не были квадратными) перекрываются слоем пожара с развалом стены и подсыпкой, лежащей поверх него (рис. 130). В этой ситуации следует больше доверять чертежам, нежели оторванным от них выводам С. Н. Орлова, ведь ранняя керамика могла оказаться и в более позднем культурном слое. Профили же говорят, что оба этапа в постройке укреплений относятся к середине — второй половине I тыс. н. э.

Интересные результаты дала прорезка вала городища, сделанная С. Н. Орловым в 1968 г. Выяснилось, что вал сооружен в два приема. Сначала он имел высоту 2,5 и ширину около 9 м, поверхность его от-

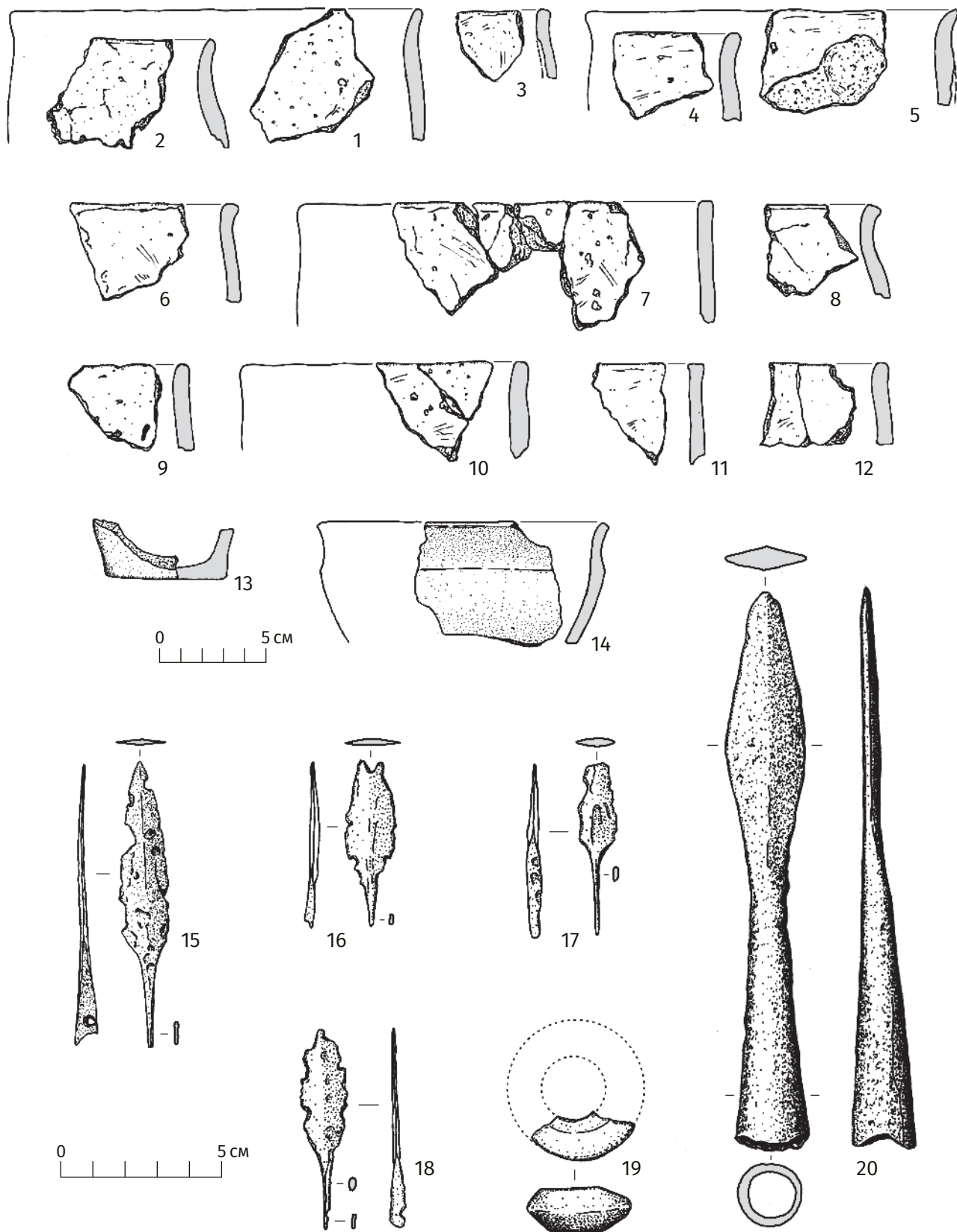

Рис. 130. Городище Сельцо I. Остатки оборонительных сооружений и кольцевой постройки. Раскоп С. Н. Орлова 1968, 1984 гг. 1 – сводный план; 2, 3 – разрезы культурного слоя на бровке городищенской площадки по границе раскопов 1968 и 1984 гг. (2 – разрез 1968 г., 3 – разрез 1984 г. (по С. Н. Орлову)

мечена гумусным слоем. Уже на первой стадии для его сооружения использовался культурный слой эпохи раннего железа. В более позднее время вал был досыпан, причем на этом этапе в насыпи появился слой угля и золы длиной 2,5 и толщиной 0,3 м. Этот второй, более мощный, с каким-то обугленным деревом внутри, вал оказался перекрыт слоем пожара. В нем найдена лепная гладкостенная керамика и уже упоминавшийся выше наконечник стрелы с плечиками. Сложно сказать, тот ли это пожар, что уничтожил стену, но, несомненно, вал в его окончательном виде (ширина 11,5 м, высота 4 м) создан не ранее середины I тыс. н. э.

Городище Сельцо I является уменьшенной копией Городка на Маяте (рис. 129). Совпадают планировка и ориентировка укреплений, расположение въезда. Создается впечатление, что судьбы обоих

городков связаны, а формирование системы укреплений на них развивалось в одном направлении. Укрепления городища Сельцо I следует датировать приблизительно тем же временем, что и Городок на Маяте, — V–VII вв. н. э. Отсутствие в Сельце квадратных «полуземлянок», характерных для раннего слоя Городка на Маяте, можно объяснить тем обстоятельством, что городище не предназначалось для постоянной жизни и использовалось преимущественно как убежище. В пользу этого говорит, в первую очередь, его миниатюрность. Городок на Маяте превосходит Сельцо I по площади более чем в два раза. Дальнейшая судьба городища Сельцо I также была схожей с судьбой Городка на Маяте. В IX в. здесь возникает поселение, просуществовавшее до начала X в. Правда, в отличие от последнего, на городище Сельцо I жили и в домонгольское время (Орлов 1984: 79).

Рис. 131. Городище Сельцо I. Раскопки С. Н. Орлова и Е. Н. Носова. Груболепная слабопрофилированная (1–12) и лощеная (13,14) лепная керамика. 15–18 – наконечники стрел; 19 – фрагмент глиняного пряслица; 20 – наконечник дротика

4.2.3. Бронницкое городище

Материалы раскопок Бронницкого городища прежде не публиковались, поэтому в описании я постараюсь раскрывать больше деталей. Находясь в дельте Мсты, обитатели Бронницы имели кратчайший доступ ко всей системе водных коммуникаций Новгородской земли. В этом отношении Бронница какое-то время могла конкурировать с соседним центром — Рюриковым Городищем в истоке Волхова. Не менее важна была сухопутная дорога, соединявшая Поволховье с внутренними областями Восточной Европы. В Броннице находился ключ к этой дороге — удобный перевоз через Мсту, крупнейшую водную преграду на этом пути. Ресурсный потенциал Бронницкого микрорегиона с его легкими аллювиальными почвами позволял кормить значительное земледельческое население.¹³⁶ Дополнительную устойчивость хозяйству добавляла близость Мстинской дельты с ее неисчерпаемыми рыбными и охотничьими ресурсами. Остается добавить, что по Мсте проходит граница южной тайги и подтайги (хвойно-широколиственных лесов). К югу от Бронницы, в дельте Мсты и по берегам Ильменя, располагались дубравы (кое-где уцелевшие доньне), а к северу от нее, за Мстой, начиналась область хвойных лесов. В древности для обитателя центральной части Восточноевропейской равнины район исток Волхова с дельтой Мсты был последним относительно крупным регионом, до которого в пути из варяг в греки его сопровождал привычный ландшафт¹³⁷. Все вышеизложенное выдвигает Бронницкий микрорегион на одно из первых мест в качестве опорного пункта антропогенного освоения Центрального Приильменья.

Сама природа обеспечивала военную защищенность Бронницкого микрорегиона. С запада и юга его окружало озеро Ильмень и труднодоступные дельтовые ландшафты рек Мсты и Ниши. К северу, в междуречье Мсты и Волхова, простирался большой незаселенный болотный массив. Такой же слабоосвоенный лесисто-болотный регион занимал восточный берег озера Ильмень к востоку и юго-востоку от Бронницы. В этом направлении первая значительная группировка населения появлялась только на реке Маята (рис. 100). Конечно, много населенных местностей на Северо-Западе лежит в окружении озер и болот, и описанные ландшафты сами по себе не имеют стратегического значения. Но Бронницкий регион имел особенность, выделяющую его в Приильменской низине. В самом узком месте перешейка

между реками Мста и Ниша, между двумя перевозами, находится уникальный природный объект — Бронницкая гора (рис. 132).

Огромный куполообразный холм посреди плоской равнины представлял идеальные условия для обороны. С него просматриваются на несколько километров как река Мста, так и окружающие ее поймы, поля и восточная часть озера Ильмень (рис. 61). Неожиданное нападение на обитателей Бронницкой горы было исключено. Высокие склоны затрудняли штурм, а родники на вершине позволяли длительное время содержать там людей и скот, т. е. выдерживать осаду. Наконец, в отличие от большинства приильменских городищ (Холопий Городок, Рюриково Городище, Георгий, Сергово), Бронницкая гора была недоступна для штурма с воды — она располагается на береговом плато в 600 м от старицы Мсты. Статусное значение Бронницкого холма для Приильменья также нельзя недооценивать. Визуальное господство над равниной поддерживало высокий статус занимавшей гору социальной группы, ее ведущую роль в мифическом пространстве и ритуальных практиках, придавало сакральный характер военной силе.

История изучения. Бронницкий археологический комплекс является одним из первых средневековых археологических памятников в России, ставших объектами целенаправленных научных исследований. В 1733 г. Бронницу посетили на своем пути в Сибирь профессор Академии наук Иоганн Георг Гмелин, Герхард Фридрих Миллер и Людовик Делиль де ла Кроер. Помимо осмотра Бронницкой горы, ученые предприняли раскопки одной из сопок, располагавшихся у ее подножия. Ход и результаты раскопок отражены в первом рапорте Камчатской экспедиции Сенату:

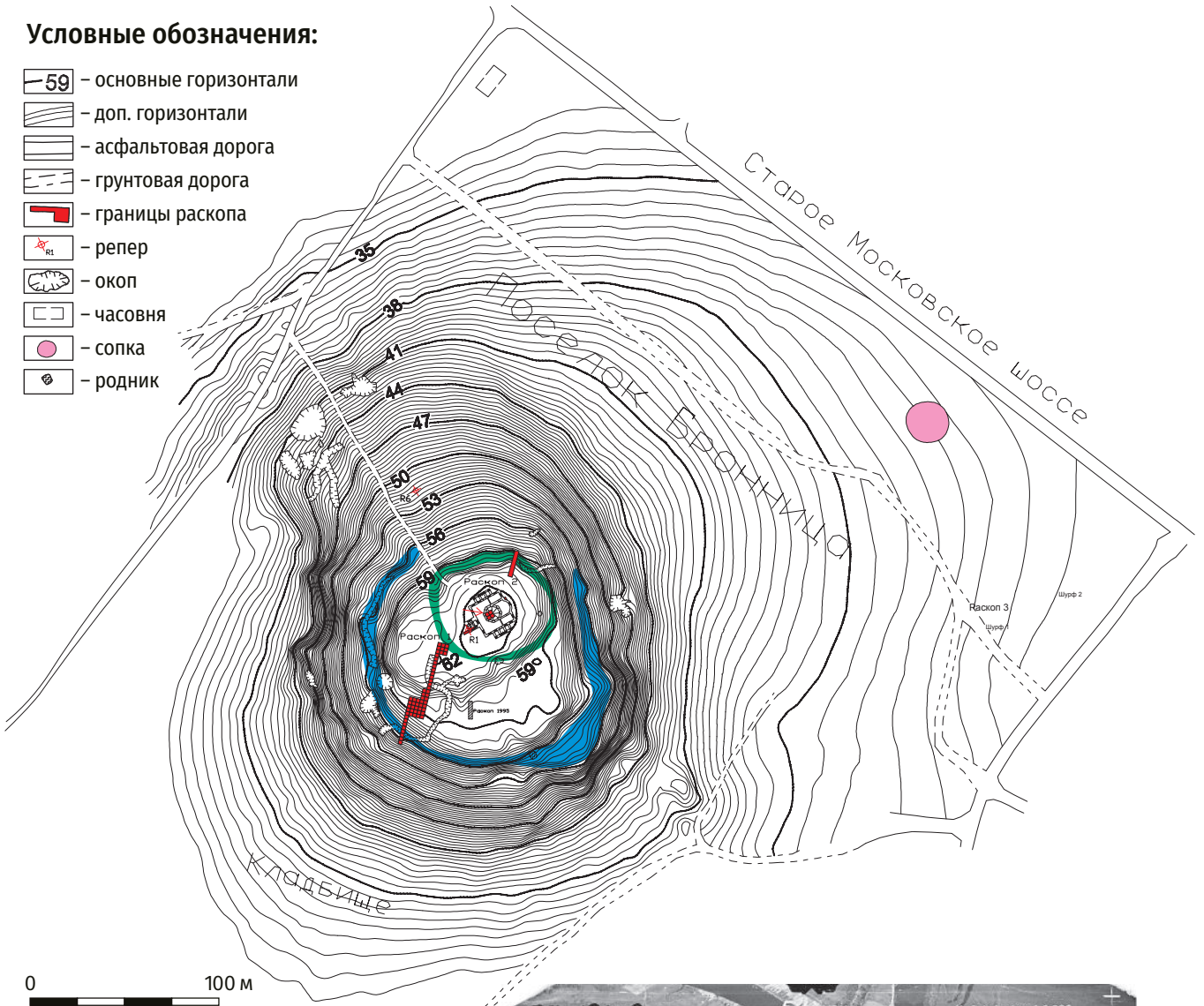
«А внизу сей горы, к востоку, находятся 2 небольшие пригорка, которые по всему виду не что иное, как тутошных древних языческих жителей кладбища мертвых суть: для того, что они имеющимся в Германии и в других землях таким пригоркам во всем подобны. [Далее доносится о первых неудачных попытках организовать раскопки на Бронницкой горе. — И. Е.] Мы ничего больше сделать не могли, как только то, что мы астрольбию высоту большой горы сняли, а пригорки по их высоте и округу землемерно цепью вымеряли, и все в проспекте срисовать велели, как сие при исторических наблюдениях видеть можно. Доктор Гмелин приметил у одного пригорка, что около онаго перед другими местами всяких трав гораздо больше находится. Особливо нашел он там много роз и лавенды травы, которой в тамошней стране нигде больше не примечено. А профессор де ла Кроер чинил там опять некоторые магнитные наблюдения, которые от него написаны и при сем приложены <... >

¹³⁶ Подробное описание природных условий Бронницкой гряды опубликовано (Еремеев, Дзюба 2010: 22–27).

¹³⁷ Самой северной точкой распространения хвойно-широколиственных лесов является, как известно, Грузинская впадина в Среднем Поволховье.

Условные обозначения:

- — основные горизонтали
- — доп. горизонтали
- — асфальтовая дорога
- — грунтовая дорога
- — границы раскопа
- — репер
- — окоп
- — часовня
- — сопка
- — родник

Горизонталы проведены через 0,3 м
Балтийская система высот

Рис. 132. Бронницкое городище 2014 г.
План памятника и схема размещения раскопов. Синей заливкой обозначен большой эскарп, зафиксированный по всему периметру холма. Зеленой заливкой отмечено предполагаемое укрепление вокруг наиболее возвышенной части холма. К северу от церкви это укрепление прослежено в виде эскарпа, а к юго-западу от нее (в раскопе 2013 г.) в виде небольшого рва. На врезке — междуречье рек Мсты и Ниши на немецком снимке 1942 г. Стрелкой отмечен Бронницкий холм

Живописец Беркган как проспект Новагорода, так и рисунок корсунских дверей вместе с собой привез. Он привез также и давно желанный указ от вице-губернатора новгородского к бронницкому ямскому управителю, чтоб он нам во всем, чего мы к освидетельствованию тамошней горы потребуем, помогал. Но он в ту пору назад еще не бывал. Чего ради призывали мы выборного, который работников также через долгое время хотя и не давал, но только для посылки к управителю в Новгород нарочного человека на одни сутки времени просил. Однакож, понеже мы его к тому очюнь принуждали, в 3 часу пополудни 20 человек работных людей привел, которые еще того ж дня оба пригорка копать начали.

В то время выкопаны были оные пригорки на полторы сажени в диаметре, да на полторы сажени в глубину. Но мы тогда ничего больше не нашли, как только в одном пригорке с северной стороны, на сажень глубины, несколько угля. И того ради хотели мы в следующие дни оную работу продолжать, чтоб нам до подошвы прокопать; также некоторую часть и большой горы с одной стороны разрыть и слои оные осмотреть. Но понеже от управителя из Новагорода о нашей работе может быть не весьма склонный ответ пришел, то мы от выборного никаких работников больше получить не могли. Чего ради намерились мы, все оставя, далее в путь ехать» (Материалы 1886: 388, 389).

Как видим, археологические исследования велись профессорами на вполне достойном для своего времени уровне. Помимо раскопок, были сделаны необходимые измерения и зарисована панорама археологических памятников — двух сопков и городища. Этот рисунок, сделанный предположительно художником Люрсениусом, вошел позднее в известный сборник гравюр «Собрание Российских и Сибирских городов» (рис. 424).

Первым из профессиональных археологов Бронницкую гору осмотрел, кажется, А. А. Спицын, сделав заключение о существовании на ней городища «Дьякова типа», которое «сильно спланировано для устройства церкви» (Отчеты 1913: 165). Выводы авторитетного ученого повлияли на дальнейшую судьбу памятника: вплоть до недавнего времени за ним закрепилась характеристика практически уничтоженного городка РЖВ. Небольшая коллекция из сборов А. А. Спицына: пять фрагментов лепной керамики и два «колотые камня» поступили в 1913 г. в Новгородский музей древностей, где и пропали в войну. А. А. Спицын осмотрел также окрестности городища, проехав в сторону Ильменя по Бронницкой гряде. В 3 верстах от городища он отметил полуразрушенную сопку, а в 5 верстах на небольшом холме — группу жалничных погребений. Что же касается самой Бронницкой горы, то она надолго вошла в науку как

самая северо-западная точка ареала распространения могильников фатьяновского круга.

В 1911 г. Бронницкое городище включено было в свод И. С. Романцева вместе с некоторыми погребальными памятниками микрорегиона — сопками у д. Глебово и в ур. Ямно (Романцев 1911: 57, 58). В 1920-е гг. разведки в Броннице провел Н. Н. Соколов. Хотя предметом его изысканий была геоморфология ильменской поймы, но в ходе буровых работ он обнаружил несколько неолитических (?) стоянок и опубликовал сведения об их расположении и стратиграфии. В частности, описана стоянка у д. Божонка на правом берегу Мсты напротив Бронницкого городища (Соколов 1926: 222). В середине 1950-х гг. Бронницкое городище было обследовано М. М. Аксеновым, зафиксировавшим в культурном слое фрагменты керамики РЖВ (Аксенов, рукопись). В 1982 г. раскопки в Броннице провел В. Я. Конецкий. Небольшой площадью (32 м²) был исследован грунтовый могильник, располагавшийся в 1 км к северо-востоку от села на левом берегу Глушицы. Найдено было 16 погребений, 17 отдельных черепов и множество переотложенных костей от разрушенных погребений. Несколько фрагментов найденной здесь гончарной керамики предположительно датированы XII–XIII вв. Все изученные захоронения отнесены автором раскопок к XVIII–XIX вв. (Конецкий А-1982: л. 10–17).

С. Н. Орлов также провел осмотр Бронницкого городища, подтвердив пессимистический взгляд А. А. Спицына на его сохранность. При постройке церкви в XIX в., как полагал С. Н. Орлов, площадка городища «планировалась». В «отвалах» исследователю удалось собрать фрагменты лепной керамики, покрытой штриховкой, а также с орнаментом в виде наколов и отпечатков ткани. Отмечено было также присутствие гончарной средневековой керамики (Орлов 1984: 73). Первый подробный план Бронницкого городища был снят Е. Н. Носовым в 1985 г. (Носов А-1985). Тогда же на городище была обнаружена лепная керамика, датированная концом I тыс. н. э., а на краю площадки — культурный слой мощностью до 0,7 м. Тем не менее, характеристика памятника, когда-то данная А. А. Спицыным, осталась в силе. В составленном по материалам разведки паспорте указывалось, что культурный слой на площадке городища полностью уничтожен и перемешан (Паспорт 1986).

Разведки в южной части бронницкой гряды у дд. Наволок и Войцы провел в 1990 г. автор. У д. Наволок было обнаружено большое селище с гончарной керамикой XI–XIII вв. и распаханная сопка (Еремеев 1995: 66). Тогда же было повторно обращено внимание на бронницкие сопки, совершенно забытые наукой. В 1995 г. А. В. Плохов заложил в южной части городища

траншею площадью 20 м² (рис. 132)¹³⁸. На большей части траншеи обнаружен только переотложенный огородный горизонт с единичными мелкими фрагментами лепной керамики и гончарной позднесредневековой посуды (Носов, Плохов А-1995: л. 11; Носов, Плохов, Янссон 1996: 31). Лишь в одном квадрате траншеи, примерно в 25 м от края площадки городка, под пахотой был зафиксирован участок культурного слоя, темно-коричневый гумус с камнями (Носов, Плохов А-1995: рис. 94). В 2003 г. автор начал палеогеографические исследования близ Наволокского археологического комплекса (Еремеев, Дзюба, Лисицына 2007), а в 2008 г. провел небольшие раскопки на селище у д. Наволок, причем впервые обнаружен был комплекс с лепной керамикой второй половины I тыс. н. э. (Еремеев, Дзюба 2010: 32).

Существенный вклад в исследование Бронницкого археологического комплекса внесла работа И. Ю. Анкудинова, опубликованная в 2005 г. Исследователь впервые ввел в оборот подробные топографические планы 1816 г. северной части Бронницкого микрорегиона с изображениями городища, одной из двух бронницких сопки и сопки в ур. Ямно, описанной А. А. Спицыным. Таким образом, у несохранившихся бронницких древностей появился твердый топографический контекст (Анкудинов 2005). Наконец, в 2013 и 2014 гг. были проведены полномасштабные раскопки Бронницкого городища.

Раскоп 1 (2013 г.) в центральной части площадки городища. Перед началом раскопок мощные антропогенные напластования выявило здесь бурение. По его результатам был разбит раскоп размерами 6×6 м, к которому позднее в южном направлении была прирезана траншея размерами 2×10 м. Общая исследованная площадь в центре городища, таким образом, составила 46 м². Траншея нужна была, чтобы понять, существовали ли в древности те две площадки городища, которые читаются в настоящее время? Ответ не замедлил себя ждать: вплоть до 1828–1830 гг. городище имело одну площадку, поверхность которой плавно понижалась в юго-восточном направлении (рис. 133). Перепад высот в пределах отрезка длиной около 50 м (северная стенка раскопа 1 — южный край площадки городища) составляет 2,64 м по поверхности материка.

О сооружении перед Введенской церковью плаца для воинских построений исследователям было известно давно (Пилявский 1959: 145). При этом никто не задумывался, каким образом был сооружен плац? Казалось, что самым простым способом его обустройства должна быть нивелировка вершины холма. Ока-

зывается, архитектор пошел другим путем и создал насыпную площадку, в которой чередуются утрамбованные слои плотного материкового суглинка и более рыхлого бурого суглинка (в некоторой своей части — культурного слоя), взятого, вероятно, со склонов горы (рис. 133–138; 139; 140). Толщина подсыпки составила от 0,75 м в шурфе 1 (2014 г.) возле колокольни храма до 1,87 м в южной части плаца в траншее, отходившей от раскопа 1.

Дальнейшее описание напластований и статистика керамического материала соответствует последовательности раскопок. При подсчете лепная керамика делилась на две группы. В первую группу отнесены фрагменты, имеющие неровности (штриховку, отпечатки грубой ткани и прочих пластичных материалов, ямки, шнуровой и «гусеничный» орнамент). Эта группа получила условное наименование: «фрагменты лепной керамики ЭРМ — РЖВ». Лепная гладкостенная керамика (предположительно второй — четвертой четверти I тыс. н. э.) выделялась во вторую группу.

Большинство обломков лепной посуды имеет небольшие размеры и относится к той или иной группе условно. Как известно, средневековая лепная посуда изготавливалась очень грубо. На небольшом фрагменте следы заглаживания порой неотличимы от штриховки, которой покрывались сосуды в РЖВ. «Гусеничный» орнамент хоть и редко, но встречается в VIII–X вв. При сомнениях в сортировке черепков, выбор делался в пользу первой группы. Субъективный количественный «перекосяк» в ее сторону несомненен. Поэтому к статистике лепной керамики следует относиться осторожно. Тем не менее, статистические подсчеты указывают на то, что наибольшей интенсивностью жизнь на городище отличалась в ЭРМ — РЖВ (рис. 165; 166).

Нивелирующая подсыпка плаца аракчеевского времени. Современный задернованный почвенный горизонт формируется на слое рыхлого бурого суглинка с битым кирпичом и мусором 1970-х гг., когда в церкви проводились реставрационные работы (Ядрышников 2009: 428). Здесь иногда попадались мелкие фрагменты лепной керамики (рис. 141–144). Обратили на себя внимание находка костяной проколки (?) (рис. 141: 7) и фрагмента кремневого нуклеуса (оп. 1, № 8), что говорит о том, что при создании на вершине холма нивелирующей подсыпки использовался культурный слой с периферийных участков городищенского холма.

Ниже залегает горизонт из чередующиеся слоев красноватого и бурого суглинка с включениями красной глины (рис. 139; 140) в которых встречаются прослойки переотложенного культурного слоя с разновременными фрагментами керамики (табл. 26).

¹³⁸ Полузасыпанную траншею 1993 г. нам удалось отыскать и привязать по тахеометру к новому плану городища в 2014 г. (рис. 132).

Табл. 26. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Массовые находки из подсыпки плаца

Лепная гладко-стенная керамика	Мелкие фрагменты лепной керамики	Лепная керамика со штриховкой	Лепная текстильная керамика	Гончарная керамика древнерусского времени	Гончарная белостенная керамика
16	22	1	1	2	1

Особого внимания заслуживает найденный в подсыпке плаца фрагмент гончарного сосуда с частым линейным орнаментом, заглаженным после нанесе-

ния (амфора?) (рис. 141: 6). Кроме фрагментов посуды из подсыпки плаца происходит кремневое орудие на пластине (оп. 2, № 31), два кремневых отщепа и фрагмент стенки глиняного ювелирного тигля (оп. 2, № 30). Раскопки не выявили следов подрезки площадки городища. Значит, слой (селище?) был и где-то за ее пределами — на склонах горы или у ее подножия.

Следует отметить находки в слое подсыпки человеческих останков. Надо полагать, при храме XVIII в. (а может быть и более раннем) существовали захоронения, разрушенные в начале XIX в.

Погребенный культурный слой. Его поверхность открылась на отметках -217– (-256). Это мелкодисперсная супесь, почти лишенная камней, фактически

Профиль ЮЗ части площадки городища на Бронницкой горе

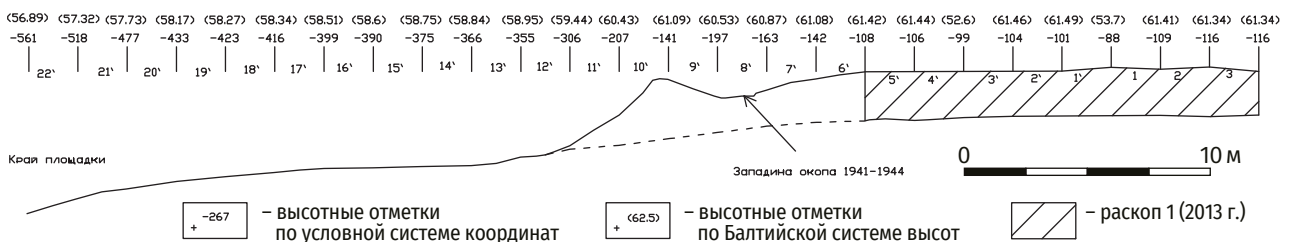

Рис. 133. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Внизу: соотношение раскопа 1 и «нижней» части площадки городища. Схема показывает позднее происхождение двухметрового уступа между «нижней» и «верхней» площадками. Линия нивелировочных отметок продолжает линию западной стенки раскопа до южного края площадки городища

Рис. 134. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Нивелировка поверхности 4-го пласта погребенного культурного слоя (раннесредневековый слой с лепной керамикой)

Рис. 135. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Первый ярус горизонта камней в комплексе I

Рис. 136. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Пласт 5 культурного слоя поселения. Второй ярус горизонта камней в комплексе I

Рис. 137. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Пласт 5 культурного слоя. Комплекс II на уровне пласта 2 заполнения

Рис. 138. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Нивелировка поверхности материка и расположение находок

утоптанная пыль, на месте постоянного скопления народа перед храмом в XVIII в. Поверхность слегка наклонная в направлении с северо-востока на юго-запад. Падение в пределах раскопа в центральной части площадки составляет 0,4 м (**рис. 140**).

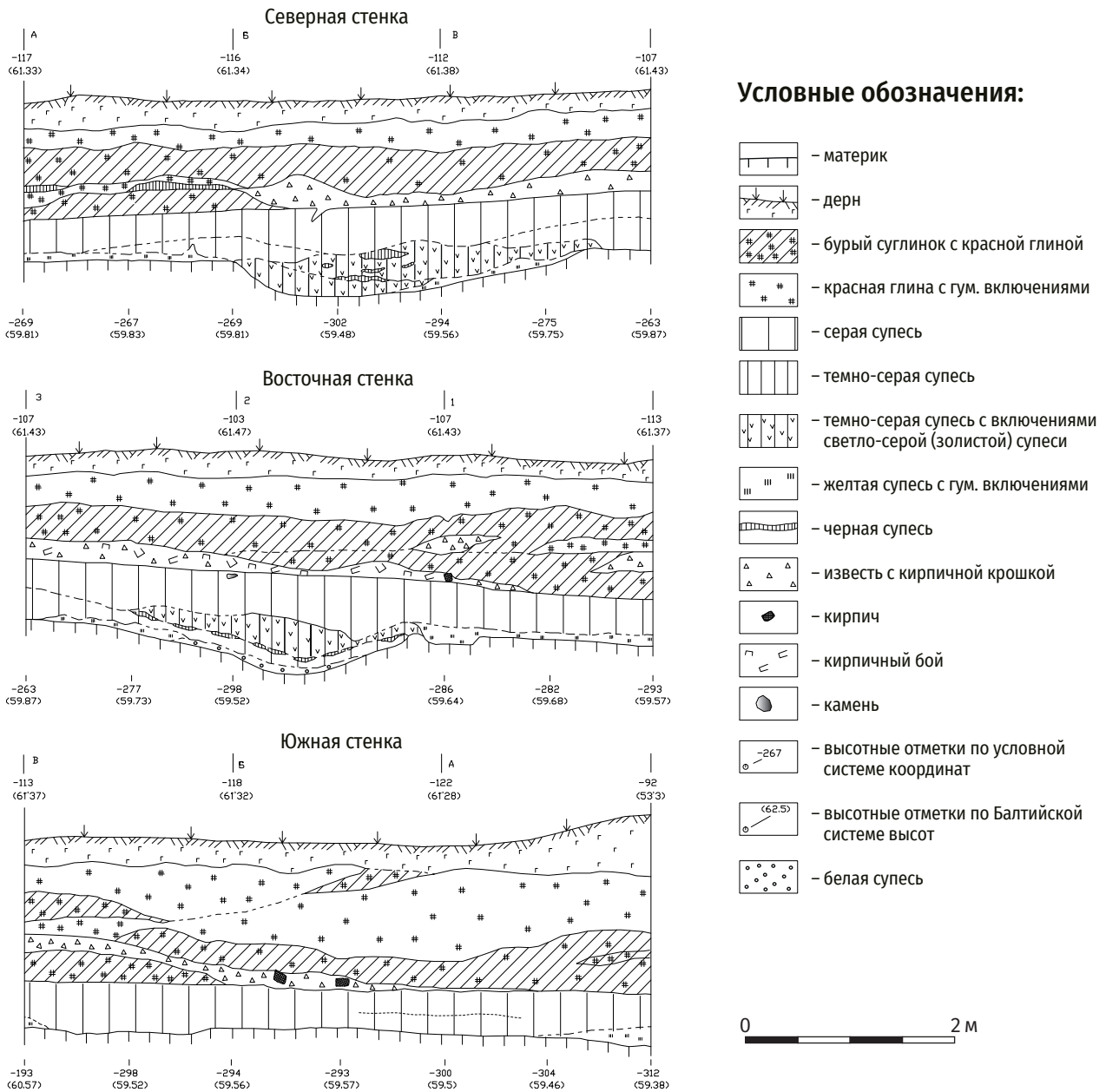
На поверхности погребенных культурных напластований в траншее (квадраты А-1' — А-5') зафиксирован слой битого кирпича и строительного раствора, мощность которого увеличивается в южном направлении (к краю плаца) с нескольких сантиметров до полуметра. Слой этот залегает неравномерно: в западной стенке траншеи он не прослеживается. В квадрате А-1' этот слой лежит на линзе извести мощностью до 0,25 м. Очевидно, оба этих слоя (извести и кирпича) связаны с перестройкой Введенской церкви, имевшей место в 1828–1830 гг., по проекту В. П. Стасова (Пилявский 1959: 145; Ядрышников 2009: 427).

Пласт 1. Раскопки культурного слоя велись пластами по 10 см. Серая мелкодисперсная супесь содержала обломки кирпичей, битое стекло, железные гвозди и обрезки кровельного железа. Перед нами, несомненно, следы строительства в 1770-х гг. первого каменного храма. Пласт следует датировать последней четвертью XVIII — первой четвертью XIX в. Дату определяет найденная на его поверхности медная денга Павла I (1798 г. чеканки) (оп. 1, № 10). К этому же времени, видимо, относится прямоугольная железная пряжка (оп. 1, № 11).

В пласте есть и средневековые находки: желтый рубленный бисер (оп. 2, №№ 8, 14), три фрагмента ювелирных тиглей (оп. 2, № 27, 33, 35), железный рыболовный крючок (оп. 2, № 12) и лепная гладкостенная керамика (**рис. 142: 1–7**). Встречаются отдельные фрагменты орнаментированных лепных сосудов, суммарно датирующихся ЭРМ — РЖВ (**табл. 27**).

Пласт 2. Характер слоя не меняется. По-прежнему попадают мелкие окатанные обломки лепной и гончарной керамики (**рис. 142: 8–19**). В квадрате В-3 найден фрагмент серебряного кованого дрота, восьмигранного сечения (оп. 2, № 1). Находка может быть предположительно датирована VIII–X в. (**рис. 212: 29**). К этому же времени относятся желтый бисер (оп. 2, № 2) и серебростеклянная пронизка (оп. 2, № 3). Широкую дату в пределах второй-четвертой четверти I тыс. н. э. имеет фрагмент сглаженно-четырнадцатигранной бусины синего стекла (оп. 2, № 18) (**рис. 212: 1**). К I тыс. н. э. относятся также несколько кусков и капель железного шлака (**табл. 28**).

Пласт 3. Культурный слой становится плотнее по составу, появляются вкрапления желтой материковой супеси. Исчезают гвозди, осколки стекла и кирпичей. Находки — фрагменты лепной и гончарной древнерусской керамики. Лепная керамика особенно многочисленна в квадратах линии В. В квадрате

Рис. 139. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Стенки северной части раскопа. В нижней части культурного слоя пунктиром выделен более плотный горизонт (раннесредневековый культурный слой)

В-3 культурный слой имеет темно-серый оттенок, и супесь содержит некоторое количество камней (большей частью побывавших в огне). В этом квадрате найдено наибольшее (по всему раскопу 1) количество фрагментов лепной керамики (**рис. 143**).

Из третьего пласта раскопа происходит фрагмент идрисидского дирхема (оп. 2, № 4 — Идрис ибн Идрис, 177 г. х. = 793/794 г. н. э.) (**рис. 212: 28**), обломок полихромной бусины (оп. 2, № 7) (**рис. 168: 5**), желтый и зеленый бисер, железная трубочка для трута с ушком (оп. 2, № 23) (**рис. 167: 6**), восьмерковидный цепедержатель из железной проволоки (оп. 2, № 26) (**рис. 167: 8**), каменный

оселок (оп. 1, № 13)¹³⁹. Найдено два куска железных шлаков (**табл. 29**). Все вместе дает картину, характерную для культуры Ильменского региона последней четверти I тыс. н. э.

Пласт 4. На этом уровне исчезают находки гончарной керамики (**табл. 30**). Остаются фрагменты разновременной лепной посуды, относящиеся как к ЭРМ и РЖВ, так и к Средневековью (**рис. 144**). В юго-западном углу квадрата А-5' определяются очертания ямы, заполненной темно-серой супесью (**рис. 134; 135**). Яма (комплекс IV) уходит за пределы

¹³⁹ Определение дирхема Вяч. С. Кулешова.

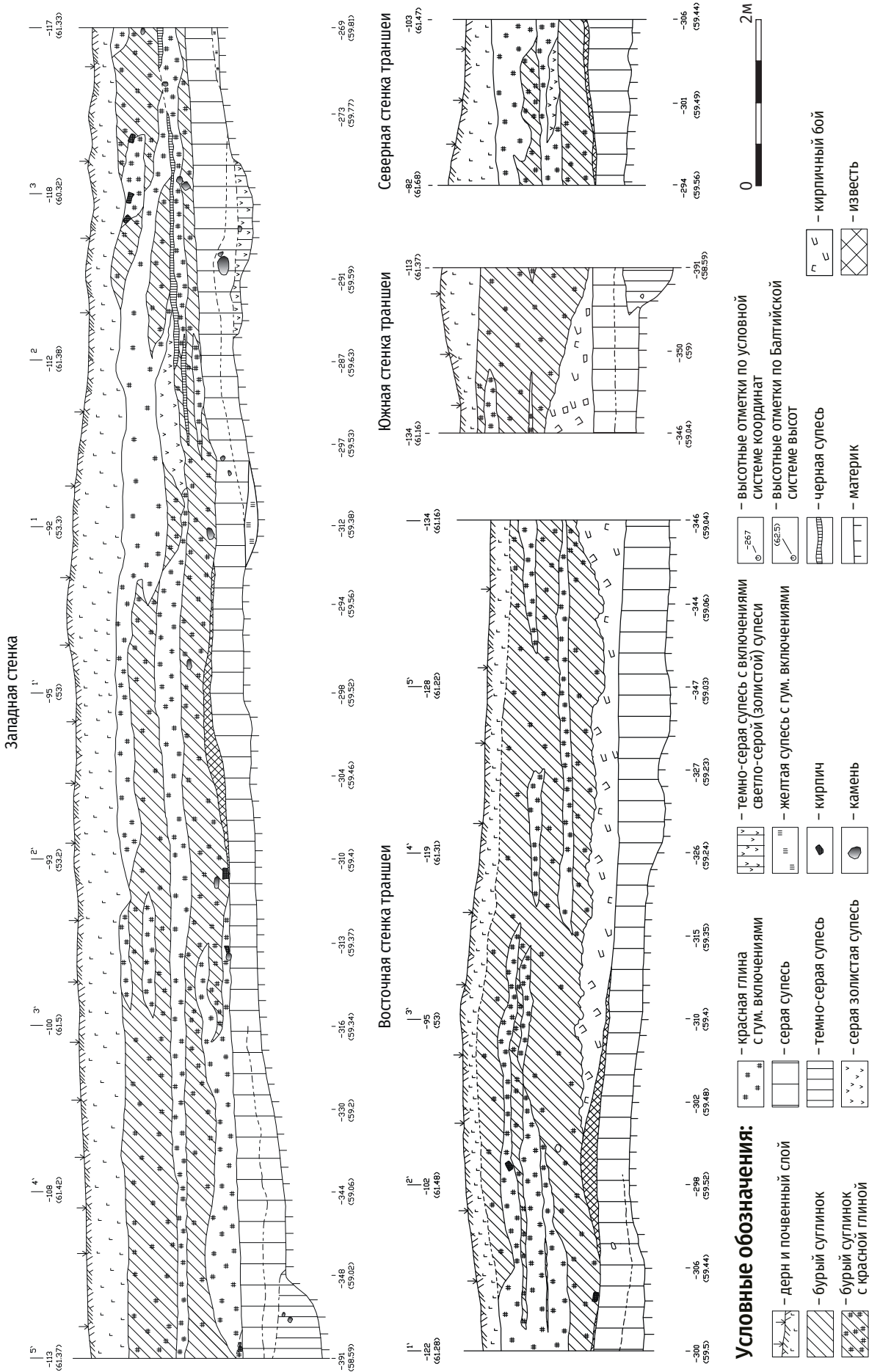
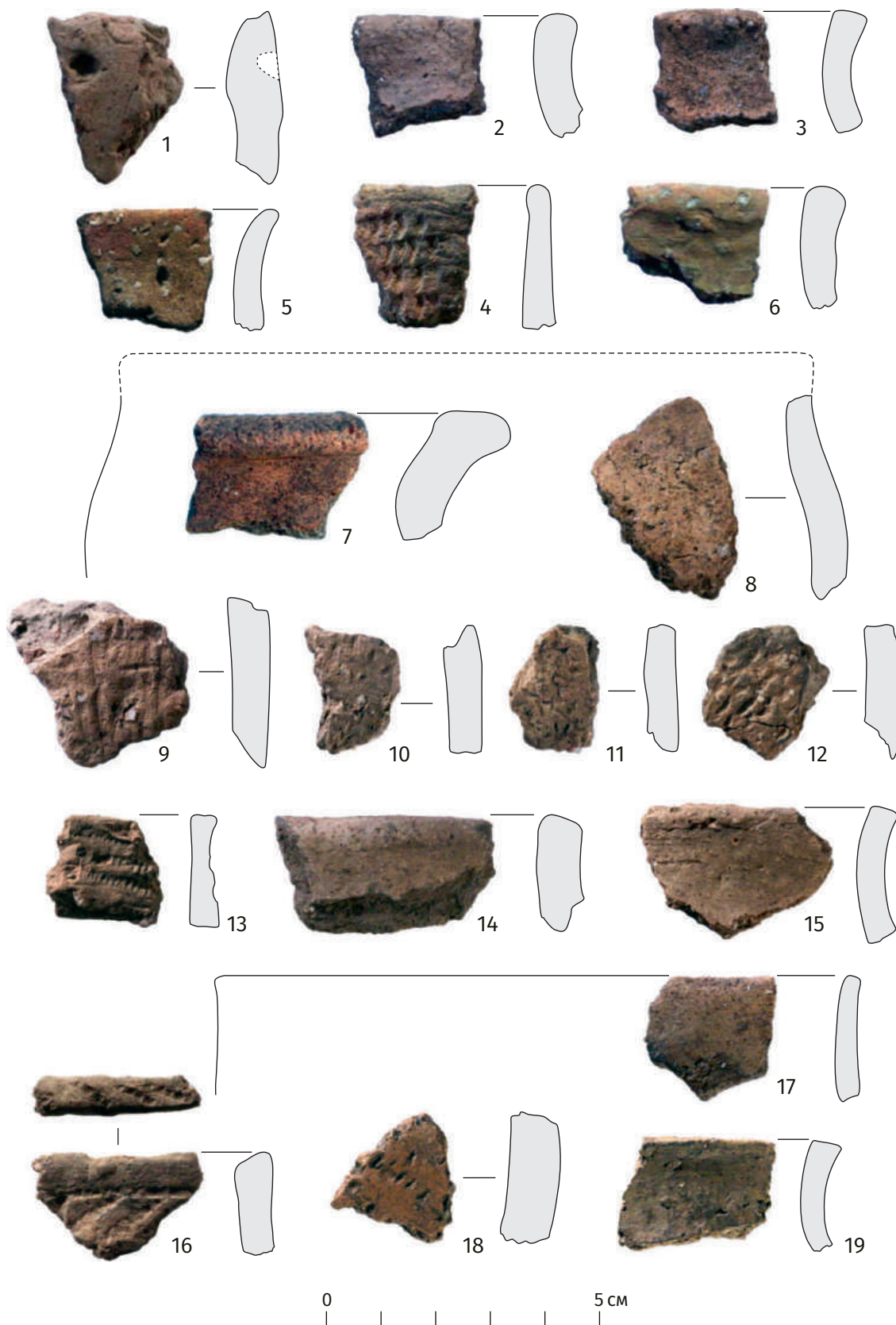

Рис. 140. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Стенки. В нижней части культурного слоя пунктиром выделен более плотный горизонт (раннесредневековый культурный слой)

Рис. 141. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Находки из нивелирующей подсыпки плаца.
 Фрагменты керамики: 1 – древнерусского гончарного сосуда; 2 – лепного сосуда, покрытого штриховкой; 3 – лепного гладкостенного сосуда с ямочным орнаментом под венчиком; 4 – лепного сосуда с текстильной поверхностью; 5 – лепного гладкостенного сосуда; 6 – фрагмент амфоры (?); 7 – кость лошади с обломанным окончанием (проколка?)

Рис. 142. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Находки из пласта 1 (1–7) и пласта 2 (8–19). 1–3 – кв. А-1; 4 – кв. Б-1; 5 – кв. В-3; 6 – кв. В-1; 7 – А-4; 1–6 – лепная керамика; 7 – гончарная керамика; 8–10 – кв. А-4; 11–12 – кв. А-5; 13–15 – кв. В-2; 16 – кв. Б-2; 17 – кв. А-1; 18 – кв. Б-1; 19 – кв. В-3. 8, 14, 15, 17, 19 – лепная гладкостенная керамика; 9 – лепная керамика со штриховкой; 10–12 – лепная текстильная керамика

Рис. 143. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Фрагменты разновременной лепной керамики из пласта 3. 1 – кв. А-4'; 2 – кв. А-2'; 3, 4 – кв. А-3; 5 – кв. А-5'; 6-9 – кв. А-5'; 10 – кв. А-1'; 11 – кв. Б-1; 12-13 – кв. А-2

раскопа. В квадрате В-3 проявляется верхняя часть комплекса I, описываемого ниже (табл. 33).

Пласт 5. На этом уровне проступили материковые западины: комплекс I и верхняя часть комплекса II (рис. 136). При зачистке материка найдена подвеска из подпрямоугольной пластины медного

сплава (оп. 1, № 23) (рис. 168: 17), железное шило (оп. 1, № 24) и кремневый скребок (оп. 1, № 25). Керамика преимущественно лепная гладкостенная (табл. 31, 32).

Комплекс I. Располагался в квадрате В-3 (рис. 145). Связанные с ним камни показались на поверхности

Рис. 144. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Лепная керамика из пласта 4 (1–14), погребенной почвы (15) и зачистки материка (16, 17); 1–4 – кв. А-1'; 5 – кв. Б-1; 6 – кв. А-3'; 7 – кв. А-2; 8, 9 – кв. В-2; 10, 11 – кв. А-5'; 12, 13 – кв. Б-3; 14 – кв. А-4'; 15 – кв. В-2; 16 – кв. А-5'; 17 – кв. ?

Табл. 27. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Массовые находки из культурного слоя. Пласт 1

Кв-т	Лепная керамика с орнаментом ЭРМ - РЖВ	Лепная штрихованная керамика	Лепная гладкостенная керамика	Мелкие фрагменты лепной керамики	Гончарная древнерусская керамика	Гончарная белостенная керамика	Кремневые отщепы
А-5 ^с	1 (с тычком)	—	7	5	—	—	1
А-4 ^с	—	—	5	5	1	1	2
А-3 ^с	2 (текстильная)	—	2	2	—	—	—
А-2 ^с	—	1	5	2	—	1	1
А-1 ^с	—	—	1	—	—	1	2
А-1	1 (с ямкой)	—	12	10	7	1	—
А-2	—	1	5	5	—	3	2
А-3	—	—	6	5	1	—	—
Б-1	3 (текстильная)	—	8	8	—	3	—
Б-2	—	—	3	2	—	—	—
Б-3	—	1	3	5	2	1	—
В-1	—	—	7	8	2	3	—
В-2	—	—	14	11	1	—	—
В-3	—	—	9	11	—	1	2
Всего	6	3	87	79	14	15	10

Табл. 28. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Массовые находки из культурного слоя. Пласт 2

Кв-т	Лепная керамика с орнаментом ЭРМ – РЖВ	Лепная штрихованная керамика	Лепная гладкостенная керамика	Мелкие фрагменты лепной керамики	Гончарная древнерусская керамика	Гончарная белостенная керамика	Кремневые отщепы
А-5 ^с	2 (текстильная)	—	4	7	—	—	—
А-4 ^с	1 (текстильная)	1	12	10	1	—	—
А-3 ^с	1 (оттиск шнура на палочке)	1	8	4	—	—	—
А-2 ^с	—	—	10	6	—	—	—
А-1 ^с	—	1	1	3	—	—	3
А-1	—	—	13	—	1	—	—
А-2	—	—	—	3	1	—	—
А-3	—	—	13	2	2	2	—
Б-1	2 (оттиск шнура на палочке)	—	3	—	—	—	—
Б-2	1 (оттиск шнура на палочке)	—	4	2	—	—	—
Б-3	—	—	4	2	—	—	1
В-1	—	—	—	—	—	—	—
В-2	1 (оттиск шнура на палочке)	—	21	11	1	—	—
В-3	—	—	17	8	1	—	—
Всего	7	3	110	58	7	2	4

Табл. 29. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Массовые находки из культурного слоя. Пласт 3

Кв-т	Лепная керамика с орнаментом ЭРМ – РЖВ	Лепная штрихованная керамика	Лепная гладкостенная керамика	Мелкие фрагменты лепной керамики	Гончарная древнерусская керамика	Гончарная белостенная керамика	Кремневые отщепы
А-5 ^г	1 (текстильная), 3 (тычки и оттиск шнура на палочке)	1	21	16	1	—	4
А-4 ^г	1 (оттиск шнура на палочке)	—	8	10	1	—	—
А-3 ^г	—	—	12	16	—	1	1
А-2 ^г	—	1	7	11	—	—	2
А-1 ^г	1 (ямки)	—	10	15	—	—	—
А-1	1 (текстильная)	1	6	6	1	—	3
А-2	1 (текстильная)	—	16	9	1	—	2
А-3	1 (текстильная), 1 (оттиск шнура на палочке)	—	9	2	1	—	1
Б-1	—	—	8	6	3	—	1
Б-2	1 (оттиск шнура на палочке)	—	16	28	—	2	—
Б-3	—	—	41	17	—	—	1
В-1	1 (текстильная)	2	18	17	2	—	—
В-2	—	—	31	15	2	—	—
В-3	2 (оттиск шнура на палочке)	—	16	38	—	—	3
Всего	14	5	219	206	12	3	18

Табл. 30. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Массовые находки из культурного слоя. Пласт 4

Кв-т	Лепная керамика с орнаментом ЭРМ – РЖВ	Лепная штрихованная керамика	Лепная гладкостенная керамика	Мелкие фрагменты лепной керамики	Кремневые отщепы
А-5 ^г	2 (текстильная)	1	10	—	1
А-4 ^г	1 (оттиск шнура на палочке)	—	4	—	—
А-3 ^г	3 (текстильная), 1 (с тычком)	—	10	1	—
А-2 ^г	—	—	3	—	—
А-1 ^г	1 (текстильная), 2 (оттиск шнура на палочке), 1 (насечка)	—	14	7	1
А-1	1 (с тычком)	—	5	9	—
А-2	—	—	6	2	—
А-3	—	—	3	6	—
Б-1	1 (оттиск шнура на палочке и тычок)	—	2	1	—
Б-2	—	—	10	7	—
Б-3	—	—	11	8	—
В-1	—	—	7	7	—
В-2	1 (текстильная), 1 (оттиск шнура на палочке)	—	13	10	—
В-3	—	—	9	8	—
Всего	14	1	107	66	2

Табл. 31. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Массовые находки из культурного слоя. Пласт 5

Кв-т	Лепная керамика с орнаментом ЭРМ – РЖВ	Лепная штрихованная керамика	Лепная гладкостенная керамика	Мелкие фрагменты лепной керамики	Кремневые отщепы
А–5 ^с	1 (оттиск шнура на палочке)	—	8	6	1
А–4 ^с	—	1	5	16	1
А–1	1 (с тычком)	—	—	—	—
А–2	—	—	1	—	—
Всего	2	1	14	22	2

Табл. 32. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Массовые находки с материка

Кв-т	Лепная керамика с орнаментом ЭРМ – РЖВ	Лепная штрихованная керамика	Лепная гладкостенная керамика	Мелкие фрагменты лепной керамики	Кремневые отщепы
А–5 ^с	1 (оттиск шнура на палочке)	—	—	—	—
А–4 ^с	—	—	5	2	—
А–3 ^с	1 (текстильная)	—	4	3	2
А–2 ^с	3 (оттиск шнура на палочке)	—	—	2	—
А–1	—	2	4	—	—
Б–1	—	—	1	—	—
Б–2	—	—	1	2	—
В–2	1 (оттиск шнура на палочке)	—	2	—	—
?	—	—	4	6	—
Всего	6	2	21	15	2

в пласте 3 раскопа, а пятно начало выделяться на уровне поверхности пласта 4 (рис. 135). Представляет собой линзу темно-серой супеси мощностью до 0,2 м, с обожженными и колотыми камнями (при разборке выделено два яруса горизонта камней). Ярус горизонта камней — условное понятие. При разборке слоя с камнями в какой-то момент верхние камни начинают препятствовать дальнейшей работе. Их фиксируют и снимают. При изучении комплекса I это делалось дважды. Первый ярус горизонта камней попал в пласт 4 раскопа (рис. 135). Второй лежал в пласте 5 раскопа и в пласте 1 заполнения комплекса I. Размеры линзы примерно 3 × 1 м. Она выбиралась как единый пласт (пласт 1). При разборке и просеивании комплекса I найдено довольно много предметов (табл. 33; рис. 150: 1; 151: 4, 5; 167: 3, 4; 168: 12–14).

Заполнение содержало значительное количество обломков лепной керамики, среди которых выделяются фрагменты нескольких сосудов: слабопрофилированных (рис. 147: 2, 2а; 148: 3, 5, 6) и одного реберчатого (рис. 147: 7).

При осмотре колотых и обожженных камней из комплекса выясняется, что многие из них имеют

затертую ровную поверхность. Возможно, некогда камни служили терочниками (в ЭРМ или РЖВ?), а в Раннем Средневековье были вторично использованы в очаге. Интерпретация комплекса I как очага для приготовления пищи не вызывает сомнений. Располагался ли он в постройке или находился на открытом воздухе, неясно. Датировка объекта — VIII–IX в. н. э.

Комплекс II. Расположен в квадратах Б-2, Б-3, В-3, В-3 (рис. 137; 138; 146). Представляет собой сегмент рва, предположительно окружавшего северо-восточную, наиболее возвышенную часть городищенского холма. Ширина рва — около 2,5 м, глубина — до 0,45 м. Заполнение — сильно переотложенная норами светло-серая супесь с вкраплениями серой и темно-серой супеси. В заполнении попадаются мелкие фрагменты лепной керамики, преимущественно гладкостенной (рис. 152: 1). Встречено несколько черепков от сосудов с текстильной поверхностью (рис. 152: 2, 4). На дне рва на уровне 3-го пласта заполнения проступает горизонт белесой золотистого цвета супеси со следами корневищ деревьев (погребенная почва). Заполнение комплекса выбиралось по пластам толщиной 0,1 м (табл. 34).

Стратиграфия заполнения комплекса II может быть наиболее полно описана по восточной стенке раскопа (описание снизу вверх):

0–10 см — на дне канавы лежит слой светло-серого, почти белого песка. От нижележащего материкового песка желтого цвета его отделяет слой ожелезнения;

10–20 см — слой серой супеси, сильно переотложенный животными-землероями;

20–22/23 см — прослойка черной углистой супеси, спускающаяся на дно ямы, за пределами которой она не сохранилась. Прослойка читается фрагментарно из-за сильного нарушения кротовинами;

23–45/50 см — серая супесь с включениями угольков и светло-серой золистой супеси (край комплекса I);

50–90 см — перекрывающий комплекс погребенный культурный слой: серая мелкодисперсная однородная супесь.

Стратиграфия рва в северной стенке раскопа читается хуже из-за кротовин. Здесь тоже просматриваются включения углистой супеси в центральной части углубления. На дне ямы также лежит 10–15-сантиметровый слой белесого песка с ортзандами в нижней его части. В верхней части заполнения рва в квадрате Б-3 читается размытый слой темно-серой супеси с включениями угольков — край комплекса I.

Вероятно, ров имел оборонительное назначение. Подобные незначительные по глубине сооружения известны на некоторых городищах РЖВ и третьей четверти I тыс. н. э. Датировка его пока неясна; очевидно лишь то, что к IX в. н. э. он уже полностью заплыл грунтом, на поверхности которого был обустроен очаг (комплекс I).

Комплекс III. Расположен в квадратах А-2 и А-3 (рис. 137). Материковая западина неясных очертаний с уплощенным дном глубиной 0,32 м. На дне залегает слой светло-серой золистой супеси толщиной 0,2 м.

Табл. 33. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Массовые находки из комплекса I

Лепная керамика с орнаментом ЭРМ – РЖВ	Лепная штрихованная керамика	Лепная гладкостенная керамика	Мелкие фрагменты лепной керамики	Индивидуальные находки
Пласт 1				
1 (с тычками), 1 (оттиск шнура на палочке)	1	30	8	Железное шило (оп. 1, № 16), клиновидный железный предмет (кузнечная заготовка?) (оп. 1, № 17), прокаленный в огне фрагмент шлифованного каменного топора/молота (оп. 2, № 5), три синие рубленные бисерины (оп. 2, № 6, 30, 49) и две желтые (оп. 2, № 15), полихромная продольно-полосатая пронизка (оп. 2, № 16), железный шлак (оп. 2, № 47), массивный каменный оселок неправильной формы (оп. 2, № 48)
Погребенная почва под комплексом I (поверхность комплекса II)				
1 (текстильная)	1	15	—	

Табл. 34. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Массовые находки из комплекса II

Лепная керамика с орнаментом ЭРМ– РЖВ	Лепная штрихованная керамика	Лепная гладкостенная керамика	Мелкие фрагменты лепной керамики	Кремневые отщепы
Пласт 1				
1 (текстильная), 1 (с тычком)	2	8	2	2
Пласт 2				
—	—	5	—	—
Пласт 3				
1 (текстильная)	—	2	5	—
Пласт 4 и зачистка материка				
—	—	6	—	1

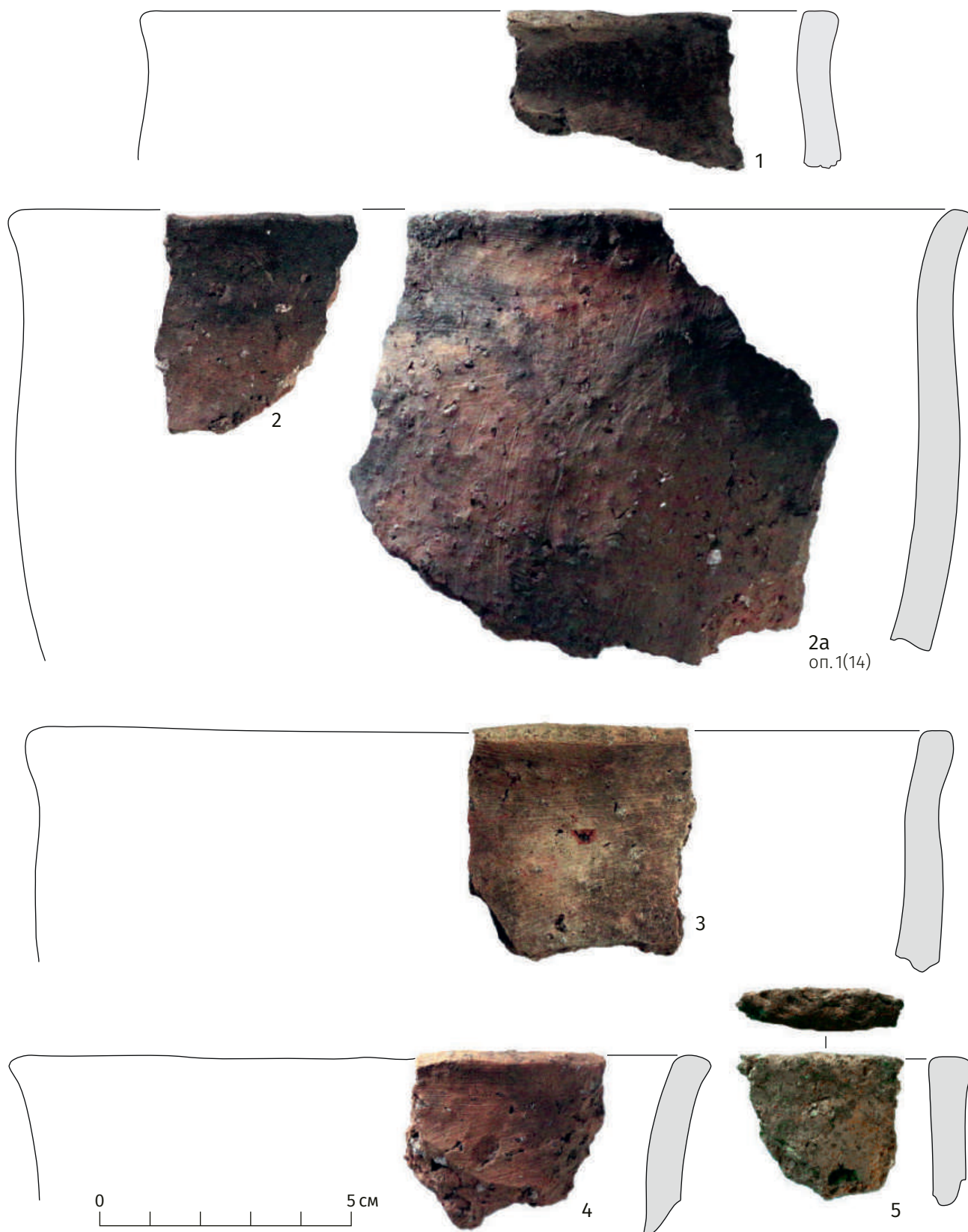

Рис. 145. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Комплекс I. Второй ярус горизонта камней. Вид с востока

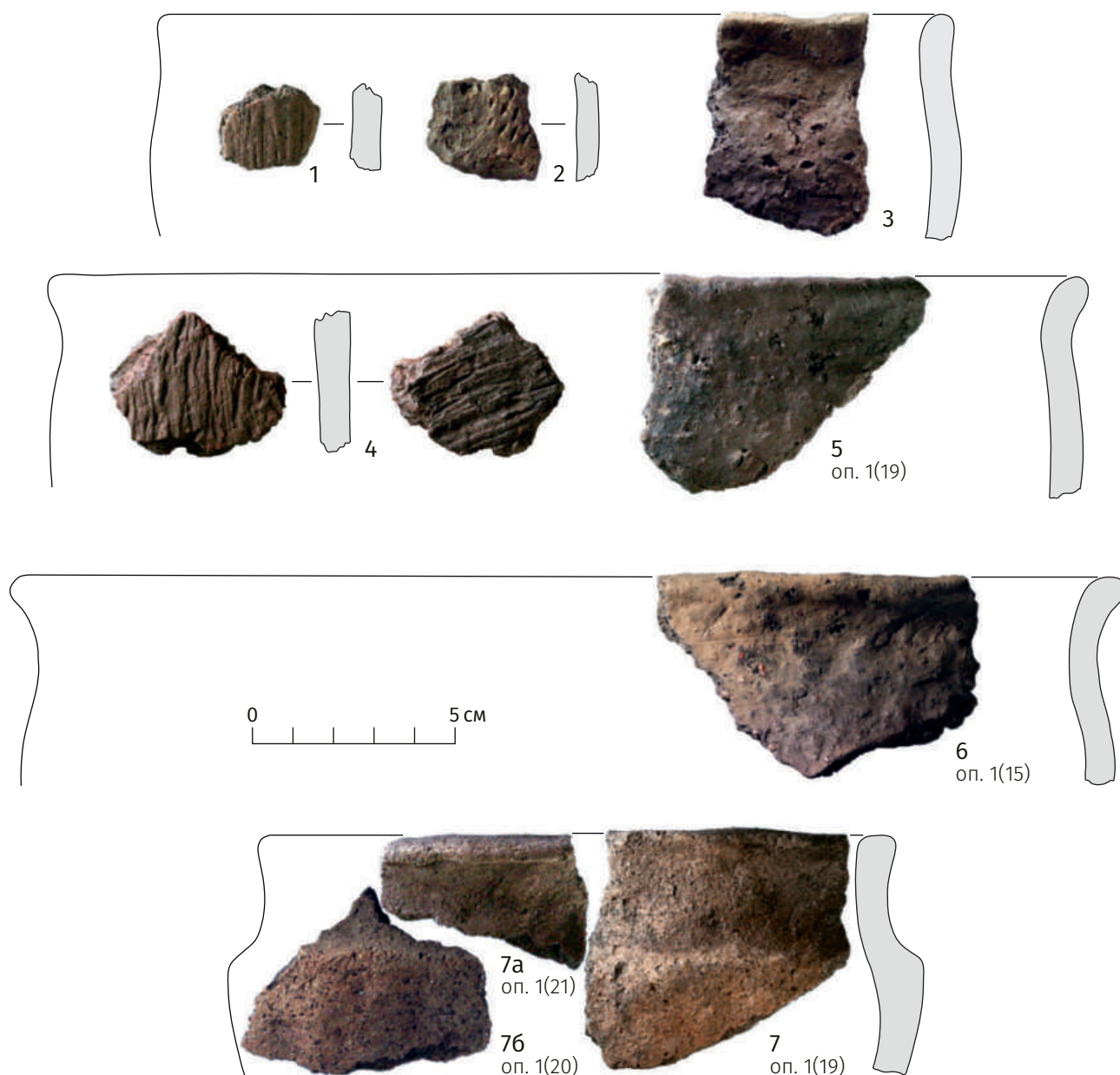

Рис. 146. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Зачистка материка в северной части раскопа. Вид с юго-запада

Рис. 147. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Пласт 3 (1-3) и 4 (4) и зачистка материка (5). Гладкостенная слабо профилированная лепная керамика. 1, 2 – кв. В-2; 2а – кв. В-3 (поверхность темно-серой углистой супеси в заполнении комплекса I); 3 – кв. Б-3; 4 – кв. В-2; 5 – кв. А-2'

Рис. 148. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Комплекс I. 1–3 – пласт 1; 4 – погребенная почва; 5 – пласт 1. 2 ярус горизонта камней; 6 – пласт 1. Углистое заполнение; 7–7б – поверхность погребенной почвы под 2 ярусом горизонта камней

Выше яма заполнена серой супесью с небольшим количеством камней. В заполнении найден кремневый скол, фрагмент лепного гладкостенного сосуда, а также мелкий неопределимый обломок лепного сосуда. Датировка неясна.

Комплекс IV. Расположен в юго-западном углу квадрата А-5' и большей частью уходит за пределы раскопа (рис. 137). Глубина ямы, впущенной примерно с уровня 4-го пласта культурного слоя, составляет не менее 0,6 м. Заполнение (темно-серая супесь) выбрано четырьмя пластами (пласт 1 – мелкий неопределимый обломок лепного сосуда; пласт 2 – три

фрагмента лепных гладкостенных сосудов; пласт 3 находок не содержал; пласт 4 – фрагмент лепного гладкостенного сосуда, фрагмент лепного сосуда с текстильной поверхностью и кремневый отщеп) (рис. 152: 5, 6). Яма средневековая, назначение не ясно.

Малое количество находок и отсутствие построек, наводит на мысль, что вскрыт второстепенный по значению участок поселения, находившийся между самым престижным участком городища (окруженным открытым нами ровиком) и жилой застройкой, располагавшейся ближе к краям площадки городища.

Раскоп 2 (2013 г.) на северном склоне городища. К северу от церкви, перпендикулярно направлению падения склона городищенского холма была заложена траншея размерами 2×14 м (рис. 132). Цель работ — получить представление о круглой в плане возвышенной площадке, на которой стоит бронницкая церковь. Установлено, что в южной своей части эта площадка насыпана в XIX в. А как обстоят дела к северу от храма?

Оказалось, что на вскрытом участке существуют два эскарпа с двумя террасами. На нижней террасе (квадраты А-5 и А-6) красный материковый суглинок, очень плотный и не поддающийся ни лопате, ни буру, залегает сразу же под тонким (около 0,2 м) почвенным слоем с современным мусором (рис. 155). Это говорит о том, что терраса служила элементом аракеевской ландшафтной архитектуры.

Более интересную картину дала верхняя терраса (в кв. А-1 и А-2), не прослеживавшаяся внешне. Выяснилось, что поверх нее на материке (в кв. А-1) лежит наклонный слой плотной переотложенной красноватой глины с камнями (рис. 155). Ниже его по склону (в кв. А-2 и А-3) залегает наплыв бурой супеси с крупными камнями и незначительным количеством фрагментов лепной керамики (рис. 152: 7). Слой бурой супеси частично перекрывает вышеупомянутую линзу красной глины. В верхней части слоя бурой супеси встречены в изобилии гвозди и осколки стекла. Таким образом, перед нами линза культурного слоя, верхняя часть которого датируется, очевидно, XVIII в., а точнее, временем постройки каменной Введенской церкви.

Под всеми этими отложениями оказалась ступенька высотой около 1 м и шириной около 5 м, вырезанная в плотной материковой глине. На этой ступеньке (это, несомненно, эскарп) отложился в древности слой светло-коричневого суглинка мощностью 0,1–0,2 м с отдельными камнями. Слой лежит под наплывом бурой супеси и частично уходит под линзу красной глины. Под наплывом культурного слоя в склоне обнаружилось две материковые ямы, уходящие в восточную стенку траншеи.

Комплекс I. Расположен в квадрате А-2 (рис. 154; 155). Представляет собой округлую яму (или, скорее, уступ в глинистом склоне) глубиной до 0,2 м, заполненную светло-коричневым суглинком с камнями. Находок в яме нет, но на краю ее под камнями в кв. А-1 найден фрагмент плечика лепного гладкостенного сосуда второй половины I тыс. н. э. (рис. 152: 8). Назначение комплекса непонятно.

Комплекс II. Расположен в квадратах А-2 и А-3, вырезан в плотной красной глине (рис. 154; 155). Имеет подпрямоугольную форму, вертикальные (с наплывом сверху) стенки и плоское дно. Нижняя

часть заполнения (на высоту около 0,3 м) имеет аллювиальную структуру, т. е. представляет собой пачку тонких чередующихся прослоек светло-серой белесой супеси, серого суглинка, красноватого суглинка различных оттенков. Верхняя часть ямы заполнена серо-голубой супесью с камнями.

Вероятно, слоистая часть заполнения, напоминающая ленточные глины, является результатом действия воды. Не может ли это быть часть пересохшего искусственного родника — колодца? В разное время на вершине горы существовало несколько родников, многочисленные упоминания о которых встречаются в литературе XVIII–XIX вв. Последний колодец близ церкви функционировал до конца 1920-х гг. (он изображен на картине, хранящейся в Бронницком краеведческом музее и подписанной 1926 г.). Как датируется яма — неясно, т. к. никаких находок в заполнении сделано не было.

Вывод по результатам раскопок на данном участке следующий. Верхний эскарп датируется второй половиной I тыс. н. э. по культурному слою с лепной гладкостенной керамикой, отложившемуся на его террасе. На краю террасы имела место какая-то хозяйственная деятельность, от которой осталось две ямы (комплексы I и II). Вскоре после сооружения этого эскарпа на его склон оказался сброшен или оплыл массив красной глины с камнями. В более позднее время все это продолжало заплывать культурным слоем с площадки.

Нижний эскарп не несет на себе оснований для датировки. Однако, учитывая то, что на гравюре по рисунку 1733 г. из собрания Сибирской экспедиции Академии наук с этой стороны горы изображены целых три эскарпа (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 13), он тоже имеет древнее происхождение. Похоже, в первой трети XIX в. одна из древних террас была расширена, выровнена и в этом виде дошла до наших дней.

Раскоп 1 (2014 г.) в юго-западной части городища. По нашему замыслу раскоп 1 (2013 г.) на следующий год должен был быть продолжен на юг. Так и было сделано, однако, между раскопами 2013 и 2014 гг. остались два не исследованных квадрата¹⁴⁰.

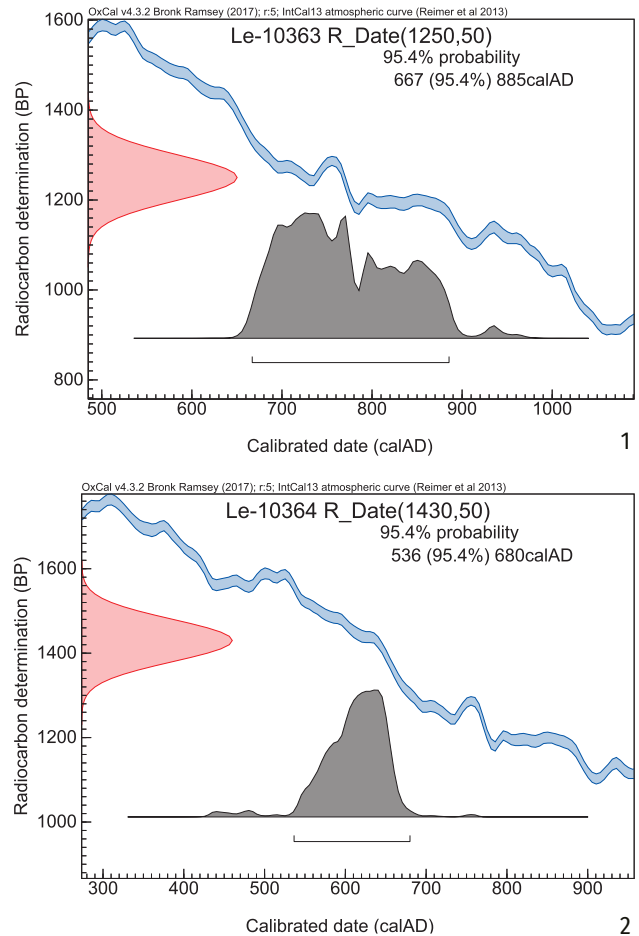
¹⁴⁰ При разбивке сетки квадратов в начале работ 2014 г. произошла досадная ошибка: между раскопами 2013 и 2014 гг. на плане был ошибочно помещен несуществующий (третий) квадрат. Когда это было замечено раскопки шли уже полным ходом. Чтобы не менять маркировку скопившихся многочисленных мешков с грунтом и пакетов с находками и пробами и не создавать путаницы, решено было сохранить получившуюся нумерацию и обойтись без линии квадратов с номером 8'. Таким образом, в нумерации квадратов по линии север-юг после квадратов линии 7' сразу следует линия 9'. Каких-либо серьезных неудобств это не создает, но о поправке следует помнить при работе с чертежами.

Для исследований в 2014 г. был выбран южный край площадки (рис. 132; 156), куда почти не распространяется подсыпка плаца начала XIX в. Участок имеет ровную поверхность, слегка покатую к югу. Площадь раскопа 1 в 2014 г. составила 170 м². Он может быть разделен на три участка. С севера в квадратах А-9'-А-14' и А'-11'-А'-14' раскоп пришелся на край плаца. Культурный слой здесь был законсервирован в 1820-х гг. строительным мусором. На центральной площади раскопа, представляющей собой квадрат размерами 10 × 10 м, верхняя часть культурного слоя (на глубину примерно около 0,30 м) оказалась переотложена огородами XIX-XX вв. Тут располагались основные исследованные объекты (квадраты линий 15'–19'). Южная часть раскопа представляла собой траншею шириной 2 м, спущенную вниз по склону холма (квадраты линий 20'–27').

Участок раскопа 1 под плацем. Исследования 2013 г. показали, что центральная часть городища в 1820-гг. была поднята подсыпкой грунта на высоту до 2 м. Ее правильная форма обеспечивалась уложенным по краю плаца «валом» из строительного мусора, образовавшегося при перестройке Введенской церкви. Этот «вал» из битого кирпича, кусков раствора и штукатурки, был прорезан нами на квадратах А-9'-А-14' и А'-11'-А'-14'. Его толщина достигала здесь мощности в 1,8 м (рис. 162; 163). Сверху битые кирпичи были перекрыты слоями серого гумуса и красноватой глины, на которых образовался слой рыхлой серой супеси, аналогичный огородному слою на краю площадки.

Непотревоженные культурные напластования на данном участке делились (весьма условно) на три горизонта. Верхнюю часть культурного слоя образовывал горизонт мелкодисперсной буроватой супеси, почти лишенной камней. Толщина горизонта — около 0,2 м. Это средневековый культурный слой, переотложенный в XVII — начале XIX в. при функционировании храмов. Ниже его залегал более плотный слой серой супеси, в которой попадались отдельные камни, в том числе побывавшие в очагах. Это средневековый культурный слой, сохранившийся в относительной неприкосновенности. Его толщина не превышает 0,20 м. Ниже, непосредственно на материке, залегал слой желто-серой супеси, представлявший собой смесь желтого материкового песка и культурного слоя. Толщина этого слоя довольно значительна — до 0,2 м. Материк представляет собой мелкий желтый песок с огромным количеством кротовин. В квадратах А-10' и А-11' в материке открыт комплекс X.

Комплекс X. Это уходящая в восточную стенку раскопа яма (рис. 158). В культурном слое контуры ее не прослеживались, т. е. она принадлежит к числу древнейших на городище. Длина западины в пределах раскопа — 1,50 м, ширина — 1,05 м, глубина —

Рис. 149. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Комплекс I. Радиоуглеродные датировки: 1 — углистая супесь с включениями мелких угольков из центральной части комплекса; 2 — мелкие угли из второго яруса горизонта камней

до 0,21 м. Стенки пологие, дно ровное. Заполнение — светло-бурая супесь. Камней в яме не было, за исключением крупного валуна, лежавшего в центральной ее части. В заполнении найдено три фрагмента лепной керамики, один из которых предположительно относится к РЖВ.

Центральная площадь раскопа 1. Этот ровный участок со слабым уклоном к югу имеет размеры 10 × 10 м. Он охватывает квадраты А-15'-19', А'-15'-19', Б'-15'-19', В'-15'-19', Г'-15'-19' (рис. 156–161).

Верхняя часть культурного слоя. На глубину примерно около 0,30 м культурный слой здесь переотложен огородами XIX-XX вв. Глубокие перекопы в культурном слое на данном участке отсутствовали. Лишь на границе квадратов Г'-15' и Г'-16' в стенке раскопа проступила большая яма, появившаяся, видимо, в середине — второй половине XIX в. Датировка определяется находкой в ней монеты, выбитой в 1840 г. (оп. 1, № 16), а также фрагментами поливной керамики и фарфора.

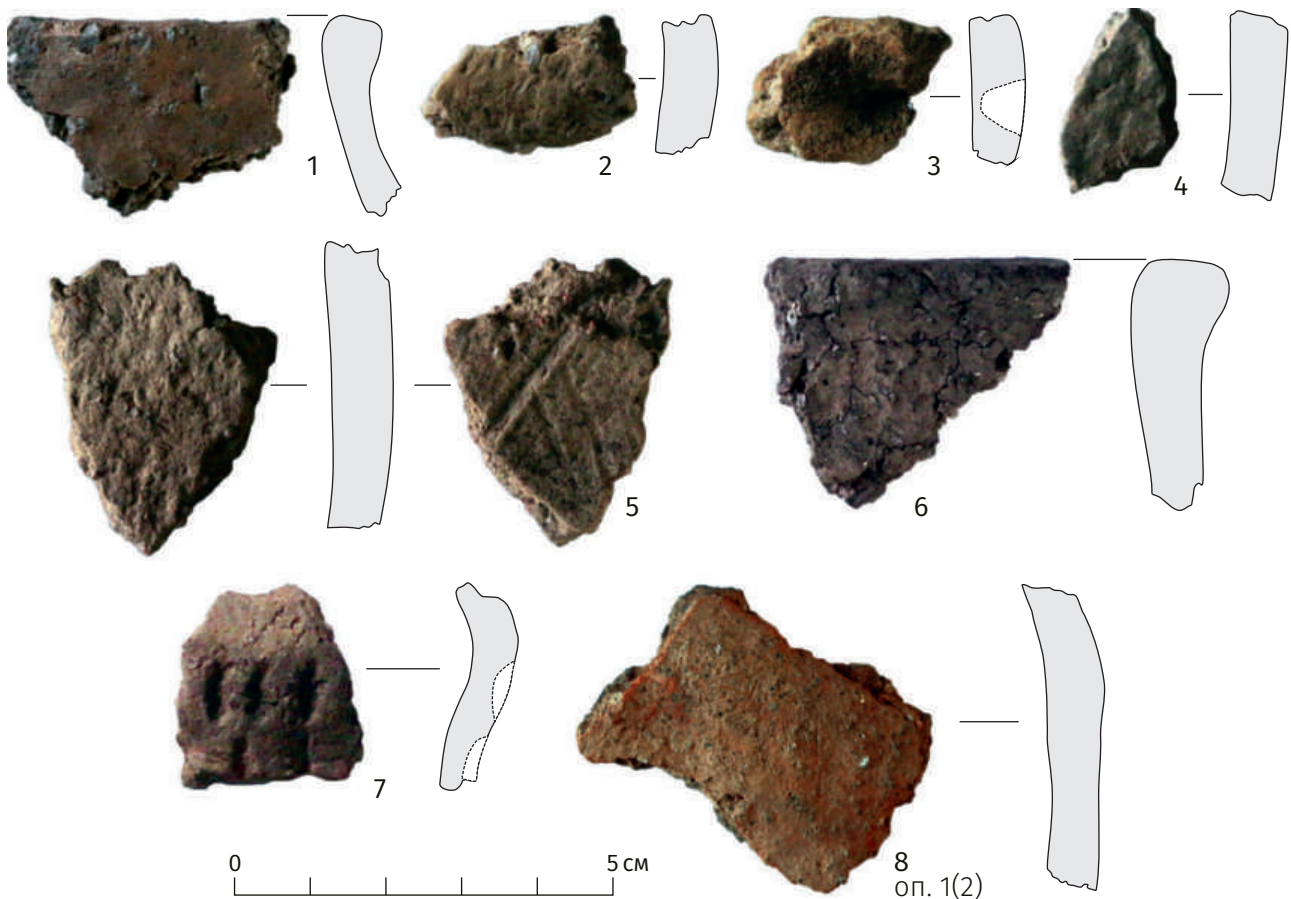

Рис. 150. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Находки, связанные с первоначальным освоением Бронницкого холма. 1 – фрагмент каменного полированного изделия (топора?). Комплекс I. 1 ярус горизонта камней; 2, 3 – орудия на пластинах; 4 – скребок; 5 – нуклеус. 2, 5 – слой подсыпки плаца; 3 – культурный слой, пласт 3, кв. А-5'; 4 – культурный слой, пласт 3, кв. А-1'

Рис. 151. Бронницкое городище 2014 г. Точильные камни из культурного слоя (1–3) и комплекса I (4, 5). 4 – кв. В-2. Поверхность комплекса I; 5 – комплекс I. Пласт 1

Рис. 152. Бронницкое городище 2013 г. Фрагменты керамики из комплексов на раскопе 1(1–6) и из раскопа 2 (7, 8). 1–4 – комплекс II; 5, 6 – комплекс IV; 7 – квадрат А-2, переотложенный слой. 1–3 – пласт 1; 4 – пласт 3; 8 – кв. А-1, серый суглинок под горизонтом камней (найден при разборке останцов под камнями). 1, 6, 8 – лепная гладкостенная керамика; 2, 4, – лепная текстильная керамика; 5 – лепная текстильная керамика со штриховкой на внутренней поверхности; 3 – лепная гладкостенная керамика с ямочным орнаментом

В огородном слое примерно в равной пропорции присутствуют измельченные фрагменты лепной керамики ЭРМ – РЖВ (фрагменты с гребенчатым и шнуровым орнаментом, текстильной (рис. 207: 1) и штрихованной поверхностью), лепная гладкостенная керамика (рис. 172: 1, 2) и гончарная гладкостенная керамика, предположительно средневековая (рис. 170; 171). Последнюю, за исключением позднесредневековой белоглиняной посуды, невозможно узко датировать. Фрагменты круговых сосудов домонгольского времени не выделяются, хотя в раскопе 2013 г. они присутствовали в незначительном количестве.

Наиболее интересными вещевыми находками являются: половинка арабо-сасанидской драхмы (оп. 2, № 1) (рис. 212: 27), обломок височного кольца (?) со спиральным завитком (оп. 2, № 3) (рис. 211: 2), обломок пятиугольной пряжки из белого металла (оп. 2, № 4) (рис. 211: 3), фрагмент бронзового накладного или процессионного (?) креста византийского рисунка (оп. 2, № 13) (рис. 211: 6). Эти вещи (кроме, вероятно, пряжки) связаны с раннесредневе-

ковым городищем и к описанию их я вернусь в разделе, посвященном находкам. Встречаются в пахотно-огородном слое и кремневые орудия: скребки (оп. 2, №№ 8, 12, 33, 36), наконечник стрелы (оп. 2, № 23), разнообразные отщепы (рис. 208; 209)¹⁴¹.

Под огородным слоем на глубине примерно 0,3 м была расчищена поверхность непо потревоженного культурного слоя, насыщенного колотыми и обожженными камнями, образовавшими обычный для раннесредневековых поселений «горизонт камней» (рис. 175; 220). Дальнейшая разборка культурных напластований велась пластами толщиной 0,10 м.

¹⁴¹ В переотложенном слое много находок позднейших эпох. Можно отметить монеты чеканки XX в., памятный бронзовый жетон «В память Великой войны» 1914–1916 гг. (оп. 2, № 15). Из позднейших находок наибольший интерес представляет фрагмент киотного (?) креста из медного сплава (оп. 2, № 5), датирующийся XVII–XVIII вв. (рис. 233: 1). Возможно, он связан с деревянным Иоанновским храмом, известным на Бронницкой горе по письменным и изобразительным источникам этого времени (Материалы 1886: 387).

Пласты были едиными для всей центральной части раскопа (пласты в заполнении комплексов соответствовали общей нумерации пластов для всего участка).

Пласт 1. Представлял собой обычный для приильменских городищ «горизонт камней» (рис. 156; 190). Основная масса колотых и обожженных булыжников лежала полосой через весь раскоп в направлении с юго-востока на северо-запад, примерно в 3 м от края площадки городища, вдоль нее. Еще одно скопление камней обозначилось в квадрате Г'-19' на бровке площадки. Культурный слой образован серой, местами буроватой, супесью. Серый цвет слоя указывает на присутствие частиц угля и золы, а бурый — на преобладание растительного гумуса (навоза и т. п.) или на большую примесь материкового песка. Разграничить бурый и серый слои можно очень условно. Границы оттенков прослеживаются только в бровках и совершенно неразличимы в плане. Тем не менее, подчеркнуть эту разницу, там, где она читается, кажется мне нелишним. Поэтому на чертежах раскопа в плане культурный слой обозначен однородной серой заливкой (рис. 156–161), а в профилях бровок сохранено деление на серый и бурый культурный слой (рис. 162). Напластования перемешаны кротовинами, вне материковых ям микростратиграфия отсутствует.

Подавляющее количество фрагментов керамики (65%) представлено посудой ЭРМ — РЖВ (рис. 173: 1–3, 5–12; 174: 1–4, 6–10; 175: 1–4, 6–9, 11, 12). Лепная гладкостенная керамика (рис. 172: 3–6; 173: 4; 174: 5; 175: 10) составляет 28%. Доля гончарной средневековой посуды не превышает 7% (рис. 165).

В квадрате Г'-18' на отметке –445 проступило круглое углистое пятно диаметром 0,8 м и толщиной до 0,1 м. В нем отмечено скопление мелких камней, частью обожженных. Находки в пятне отсутствуют. Это очаг или кострище, возможно, позднего происхождения. Уже в первом пласте обозначились темные гумусные пятна, соответствовавшие материковым комплексам, получившим номера V, VI, VII и VIII.

Пласт 2. За исключением поверхности материковых комплексов, культурный слой представляет собой серую или бурую супесь с примесью желтого материкового песка. Камни остаются только в заполнении комплексов, в квадрате Г'-19' и на границе квадратов Г'-17' и Г'-18' (рис. 156). На значительной части раскопа проступает желтый материковый песок. Очень заметно проступает темное заполнение комплексов VII и VIIa. Интересно, что обращенная к склону граница пятна темно-серого суглинка в заполнении комплексов лежит ровной линией, как бы маркируя некую стену (рис. 156–158).

По-прежнему численно преобладает керамика ЭРМ — РЖВ (рис. 176: 3–5, 7, 8, 11, 12; 177: 1–7, 9; 178; 207: 2), составляя 74% массового материала.

Лепная гладкостенная посуда (рис. 176: 2, 6; 177: 8) составляет 22% (рис. 165).

Пласт 3. На этом уровне повсюду, кроме трех квадратов под плацем (А-9', А-10', А-11') и материковых комплексов и ям, была зачищена поверхность материка (рис. 157). Культурные напластования продолжают в понижении комплекса VII, который и дает основную массу находок из пласта 3 (рис. 193; 194). Исключение составляет также квадрат Г'-19', где на краю площадки древняя поверхность сильно понижается.

Численно преобладают фрагменты сосудов ЭРМ — РЖВ (рис. 179: 1–5, 7–12; 180: 1–5, 7–9; 181: 1), составляющие 71% (рис. 176). Находки гладкостенной посуды (рис. 179: 6; 180: 6, 10) дают 28% массового материала.

Пласт 4. Включал в себя отдельные участки культурного слоя в понижениях древнего рельефа (рис. 157). Заполнение комплекса VII, начиная с этого пласта, вынесено в отдельную таблицу (табл. 37).

Пласты 5 и 6. Включали незначительные участки раскопа в понижениях материка (рис. 158), преимущественно с керамикой ЭРМ — РЖВ (рис. 181; 182).

Материковые комплексы и ямы. Комплекс V. Располагается в квадратах А-15' и А'-15' (рис. 156–161). Это округлая яма размерами 2,1×2,0 м, с выступом с западной стороны. Глубина от поверхности материка — 0,20 м. Стенки пологие, дно округлое. Заполнение — серая супесь с очажными камнями. На дне лежал слой мешаной серо-желтой супеси толщиной до 0,15 м. В центральной части западины находился большой валун с ровной затертой поверхностью, использовавшийся, по-видимому, как основание терочника. Распределение находок (рис. 183) в заполнении комплекса представлено в табл. 35.

Комплекс V представляет собой остатки хозяйственного или производственного сооружения позднего этапа существования городища, т. е. IX — начала X вв. Датировку определяют находки желтого бисера. Одна бисерина найдена под массивным камнем-терочником, т. е. наверняка в месте первоначального залегания.

Комплекс VI. Располагается в квадратах А-12', А'-12', А-13', А'-13' (рис. 156–161; 185–188). Представляет собой подпрямоугольное углубление со скругленными углами, врезанное в наклонную поверхность площадки на глубину до 0,25 м. Размеры углубления: 2,90 × 2,7 м. Дно плоское. Стенки имеют различный наклон — от пологого до почти вертикального — в северо-восточном углу котлована. Заполнение комплекса образует слой серой супеси мощностью до 0,38 м с колотыми и обожженными камнями. На дне комплекса VI лежит слой серо-желтой мешаной супеси толщиной до 0,1 м. Как это видно в бровке, прошедшей по линии 0 (ноль), построй-

Табл. 35. Бронницкое городище 2014 г. Распределение находок в заполнении комплекса V

Кв-т	Кон- текст	Фр-ты лепной керамики ЭРМ- РЖВ	Фр-ты лепной гладкостенной керамики	Находки
—	Пласт 1	1	3	
A'-15'	Пласт 1	7	17	Две бисерины рубленые желтого стекла (оп. 2, № 16), осколок стеклянного сосуда (?) прозрачно-зеленоватого стекла (оп. 2, № 17), бисерина рубленая зеленого стекла (оп. 2, № 18) (рис. 183: 7, 10, 8)
A'-15'	Пласт 1	8	3	
A'-15'	Пласт 2	—	9	Сосуда лепного миниатюрного фрагмент (оп. 2, № 58), валун-терочник (оп. 1, № 54) (рис. 183: 1)
A'-15'	Пласт 2	2	3	
—	Пласт 3	7	—	
A'-15'	Пласт 3	4	3	Бисерина рубленая желтого стекла (оп. 2, № 77) (рис. 183: 10)
A'-16'	Пласт 3	—	2	
Всего		29	40	

ка не относится к финальному периоду функционирования городища, поскольку линза серой супеси в заполнении комплекса перекрыта сверху более светлым культурным слоем (**рис. 162–170**). Сравнительно раннюю дату сооружения подтверждает как сам архаичный тип постройки, так и радиоуглеродная датировка, выполненная по углю из-под печки-каменки. Печь располагалась в северо-восточном углу котлована (**рис. 184**). До нас она дошла, уже будучи переотложенной, в виде бессистемной груды крупных обожженных валунов. Культурный слой под остатками печи-каменки имеет интенсивно окрашенный черный цвет, но не содержит крупных углей. Здесь выделяется еще один горизонт камней, имеющих небольшие размеры (**рис. 157**). Среди них удалось отыскать несколько угольков для радиоуглеродного анализа (образец № 5).

В центральной части материкового дна комплекса VI в квадрате A'-12' расчищена столбовая яма. Она начала читаться только на уровне материкового пятна, что говорит о прямом отношении к конструкции постройки (**рис. 184; 189**). Яма круглая в плане, диаметром 0,27 м и глубиной 0,22 м. Стенки вертикальные, дно округлое. Заполнение — однородная серая супесь без камней, более светлая, чем остальное заполнение постройки. Это, по-видимому, основание столба, поддерживавшего ее кровлю. Аналогичные столбовые ямы в центре котлованов зафиксированы ранее в постройках Городка на Маяте (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 90).

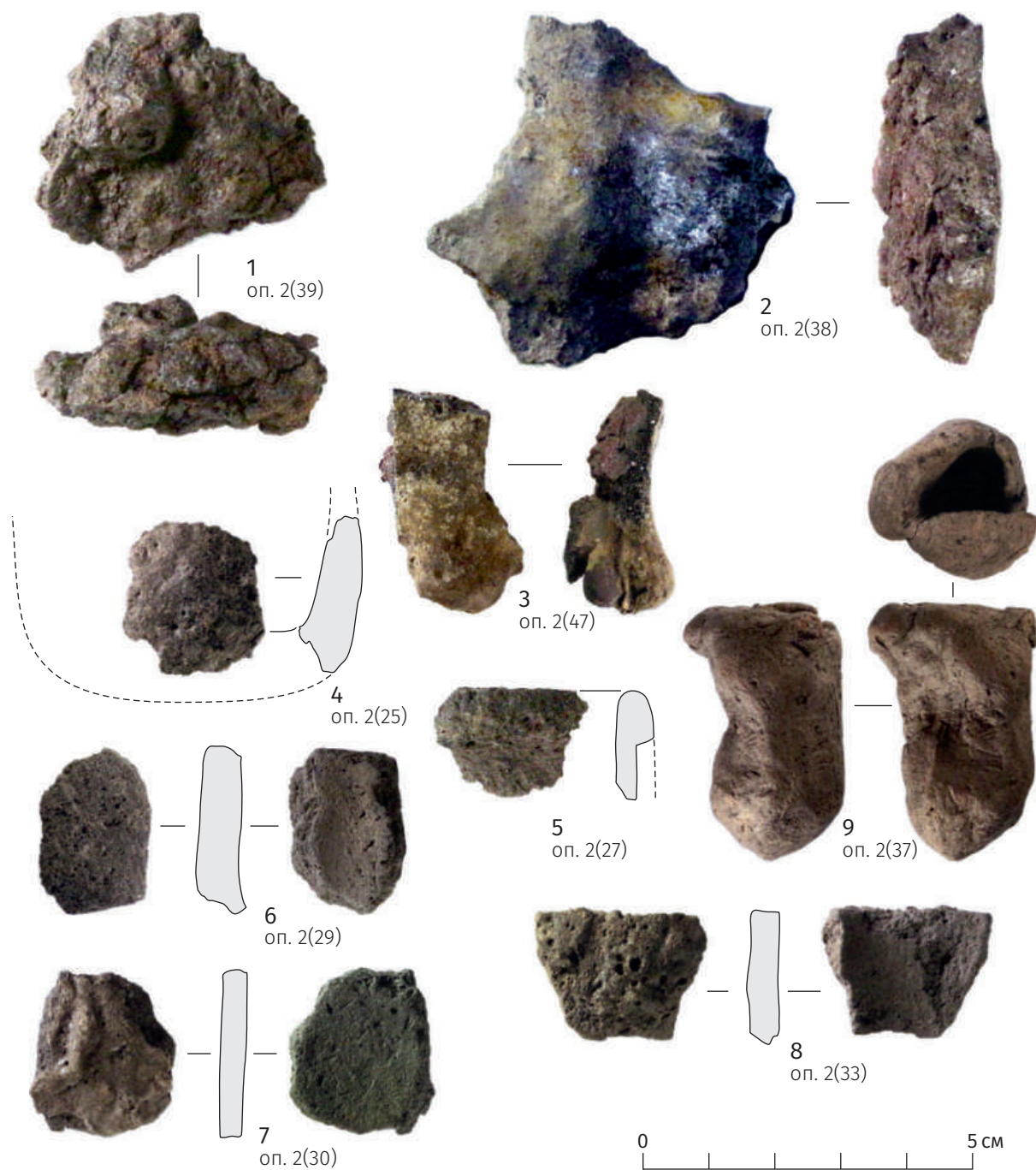
Любопытный объект обнаружен близ постройки, к югу от нее. Это скопление в один-два слоя мелких обломков известняковой плиты, образующее подобие вымостки размерами 1,4×0,5 м. «Вымостка» ориентирована по линии север-юг. Северный ее край примыкает к центральной части южной стенки комплекса VI (**рис. 156**). Стратиграфическое положение «вы-

мостки» в бровке (**рис. 162; 163**) свидетельствует о том, что куски известняка лежат в культурном слое на том самом уровне, который соответствует времени функционирования постройки с печью-каменкой. Не является ли скопление обломков известняка вымосткой перед входом в постройку?

Комплекс уверенно определяется как жилище. Наиболее вероятной датировкой исходя из радиоуглеродных данных (**рис. 189**) и находки фрагмента дирхема в печи-каменке представляется конец VIII в. Показательно отсутствие в заполнении котлована стеклянного бисера, что для построек IX–X вв. не характерно (**табл. 36**).

Комплекс VII. Находится в квадратах A'-17', A'-18', B'-16', B'-17', B'-18', B'-16', B'-17', B'-18', Г'-15', Г'-16', Г'-17' (**рис. 156–161; 193; 194**). Комплекс проступил в первом пласте культурного слоя в виде пятна серой супеси с колотыми и обожженными камнями. При расчистке выяснилось, что материковая западина состоит из двух одновременных ям. Та часть ямы, которая заполнена темно-серой супесью с большим количеством камней, является более поздней. Она начала читаться с самого верха непотревоженных культурных напластований. В бровке, проходящей по линии A' (**рис. 191**), удалось проследить, что эта часть сооружения была впущена в культурный слой с поверхности, находящейся где-то на уровне переотложенного огородами культурного слоя (**рис. 160**). В пласте 4 заполнения этой поздней ямы прослежено обугленное бревно или плаха длиной около 1,4 м, лежащее вдоль оси ямы в направлении юго-восток–северо-запад. Бревно разделено было на два радиоуглеродных образца (**рис. 195**).

На уровне пласта 7 в этой части ямы в квадрате B'-17' расчищено бессистемное скопление крупных валунов — остатки печи-каменки (**рис. 159; 192**;

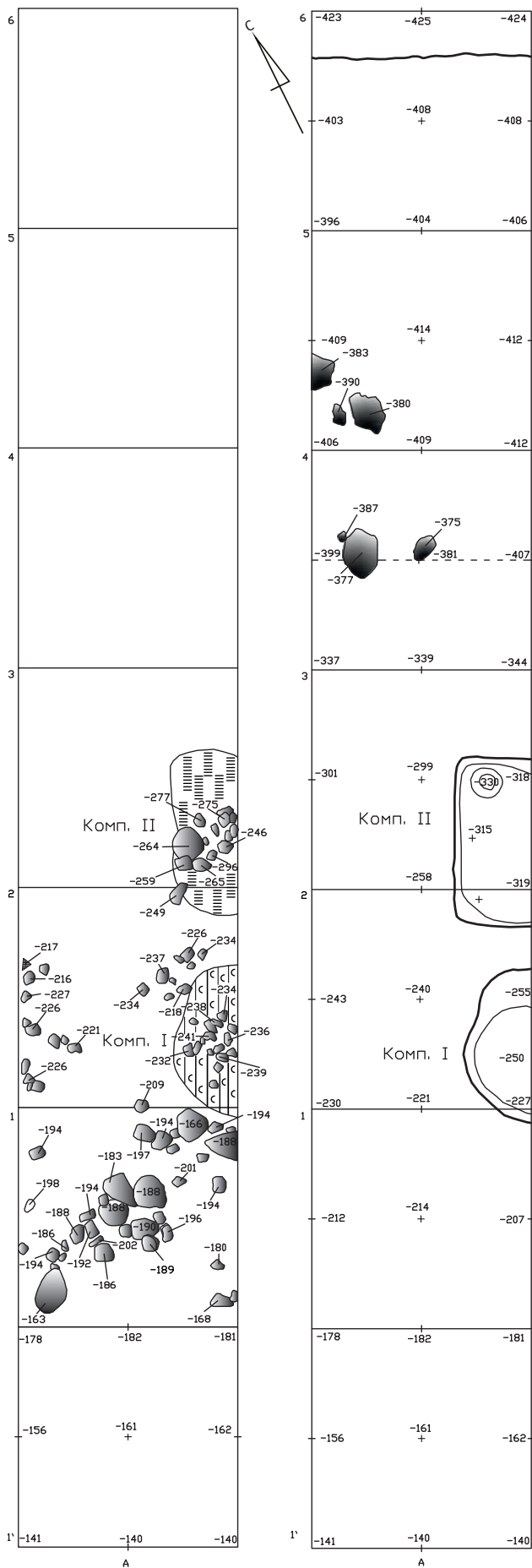

153. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Находки из культурного слоя и подсыпки плаца, связанные с железоделательным и ювелирным производством. 1 – кусок крицы; 2, 3 – фрагменты стенок металлургического горна; 4–8 – фрагменты керамических ювелирных тиглей; 9 – неиспользованный тигель (?). 1 – кв. Б-3, пласт 2.2 – кв. Б-2, пласт 23 – комплекс I, пласт 14 – кв. Б-3, пласт 25 – кв. А-4', пласт 16 – кв. В-2, пласт 47 – слой подсыпки плаца 8 – кв. А-3', пласт 19 – кв. А-3, пласт 2

196). Но находилась ли она первоначально в самой яме или рядом с ней, осталось неясным. Интенсивность черной окраски слоя и количество в нем угольков и в районе груды валунов повышается.

Более ранняя часть ямы (расположенная ближе к краю площадки городища) заполнена бурой супесью с линзами серо-желтой мешаной супеси. Под этим заполнением также находится линза темно-серой су-

песи, лежащая на дне и юго-западной стенке западины. На дне западины в пласте 10 расчищено углистое пятно, остатки еще одного бревна или плахи и отпечаток массивного бревна в глинистом дне ямы (**рис. 197**). Длина отпечатка — до 1,4 м, ширина — до 0,15 м. И бревно из пласта 10 и отпечаток имеют то же направление, что и остатки обугленного дерева в пласте 4. Все это создает впечатление существования короткой

бревенчатой стены или какой-то иной бревенчатой конструкции, установленной в середине ямы вдоль ее оси. Для суждения о назначении этой конструкции данных нет. Очевидно лишь то, что она испытывала значительную нагрузку, поскольку нижнее бревно вдавилось в плотный глинистый материковый грунт на 5–6 см.

Таким образом, постройка с углубленным подпольным (?) котлованом, по всей видимости, возобновлялась на этом месте два раза. В углублении существовала какая-то бревенчатая конструкция. Относится ли она к первому или ко второму периоду существования сооружения — неясно. Несмотря на то, что верхнее бревно, несомненно, лежит в позднем слое, оно могло попасть туда из более ранних напластований при рытье нового котлована. Печь, связанная с ранней постройкой, если и существовала, то до нас не дошла. Характерная деталь — небольшое количество керамики в заполнении комплекса, в частности, между валунами. Сооружение не производит впечатления жилого помещения.

Разборка заполнения комплекса VII велась по пластам, но по двум различным контекстам. Сначала было выбрано позднее темно-серое супесчаное заполнение северной части ямы (с переотложенной печью-каменкой). После этого была разобрана южная часть комплекса, для которой характерно желтовато-бурое заполнение. В результате получилась следующая картина. Постройка на позднем этапе датируется, очевидно, в пределах IX — первой половины X в. Об этом говорят находки бисера (табл. 37).

Комплекс VIIa. Материковая западина располагается в квадратах А-18', А-19' и А'-18', А'-19' (табл. 38; рис. 156–161; 198). Западина корытообразной формы с плоским дном и сравнительно крутыми стенками уходит в юго-восточный угол раскопа за его пределы. Максимальная глубина сооружения от поверхности материка составляет 0,63 м. Ширина материковой ямы 1,85 м.

Условные обозначения:

- — серо-голубая супесь
- — светло-коричневый суглинок
- — камень
- — высотные отметки по условной системе координат

Рис. 154. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 2. Горизонт камней (слева) и нивелировка поверхности материка

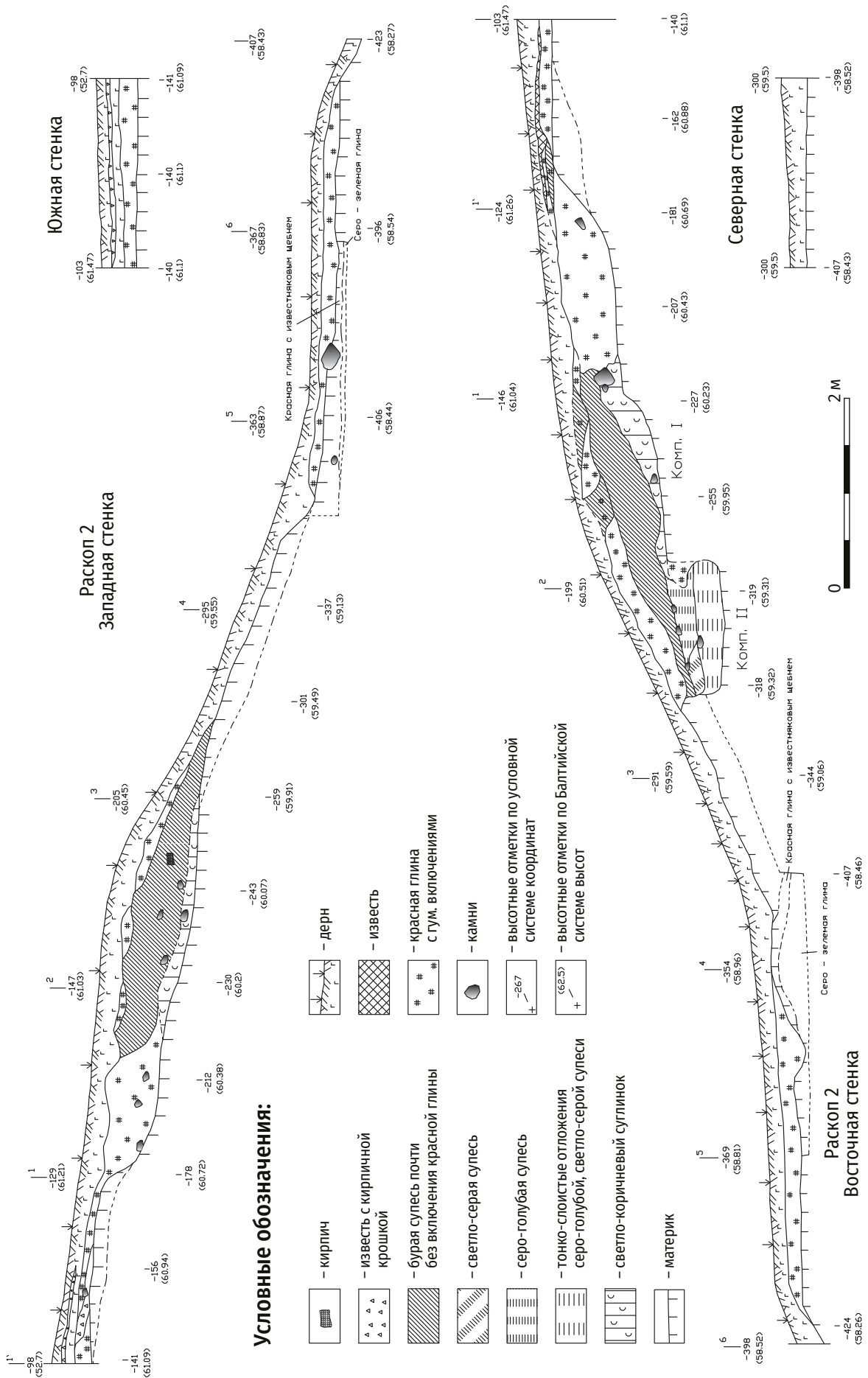
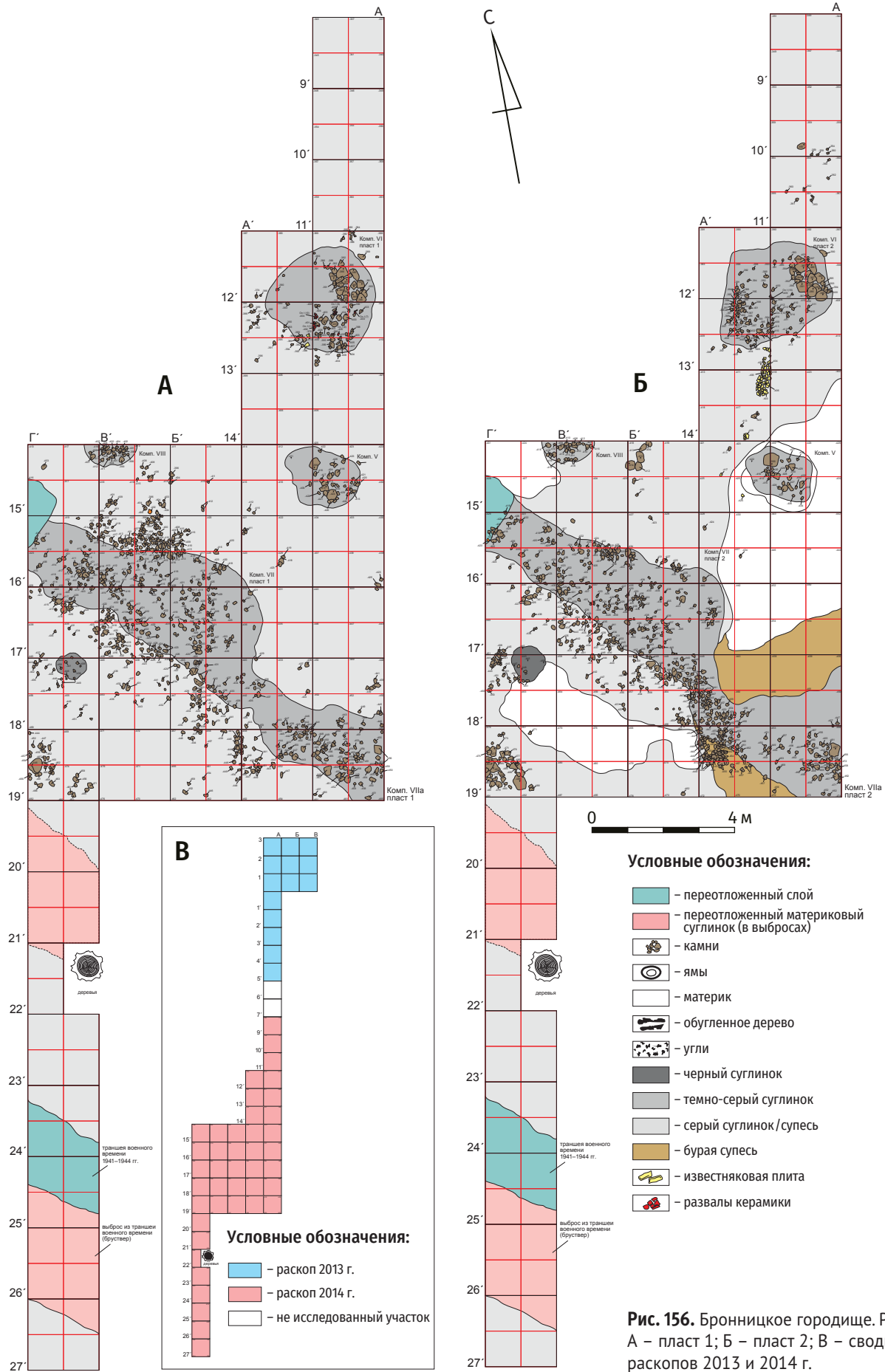

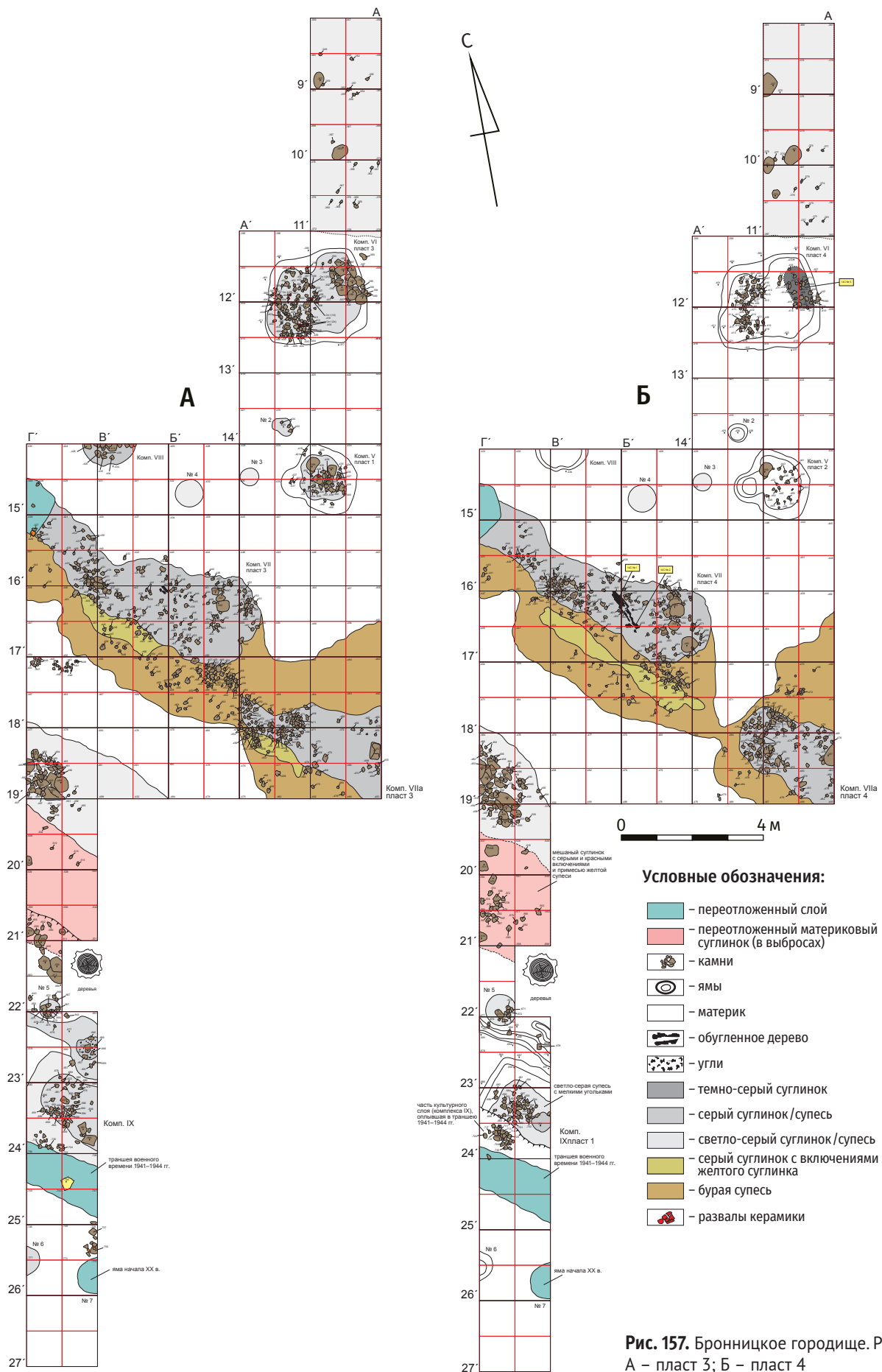
Рис. 155. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 2. Стенки

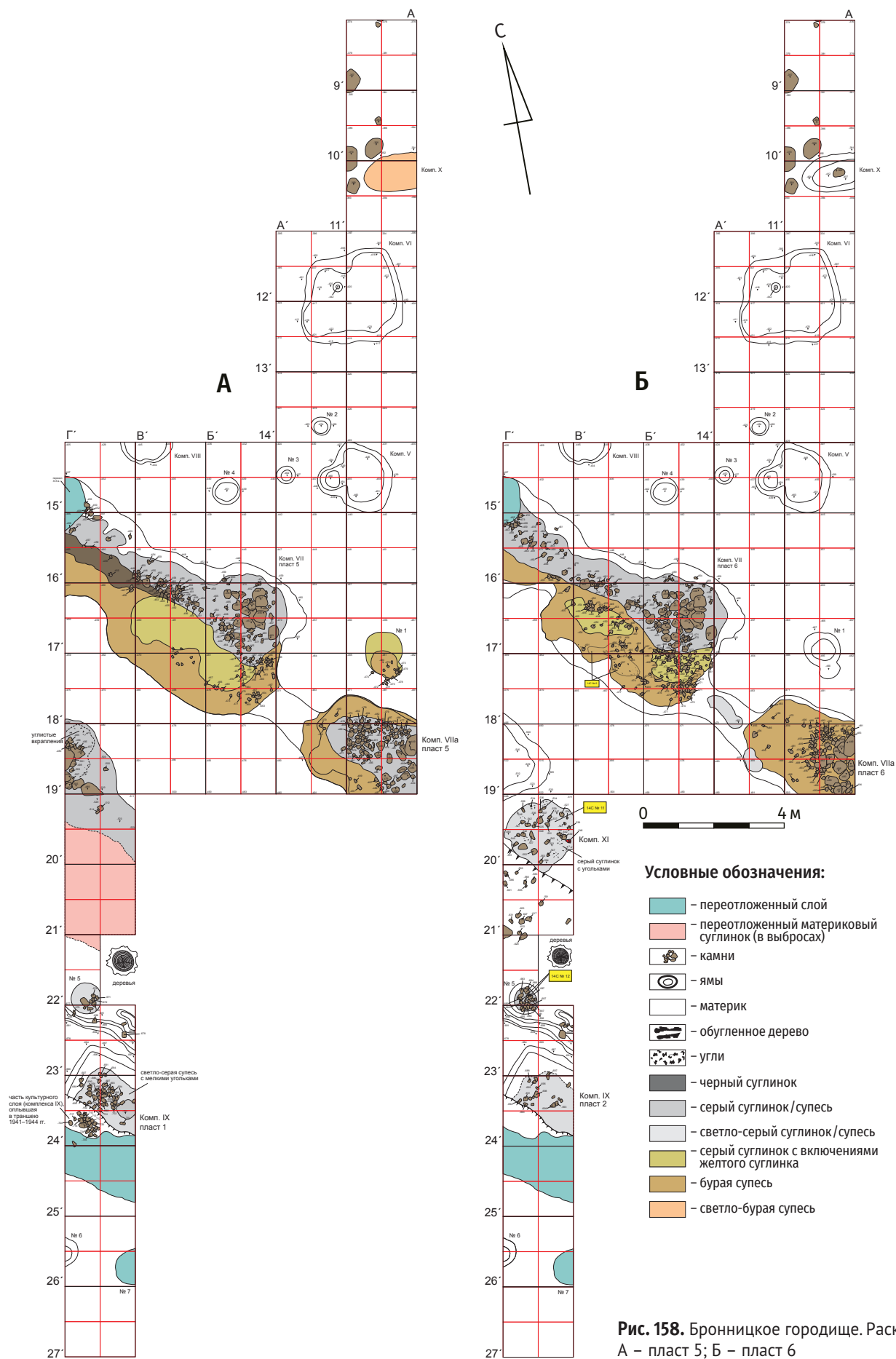
Табл. 36. Бронницкое городище 2014 г. Распределение находок в заполнении комплекса VI

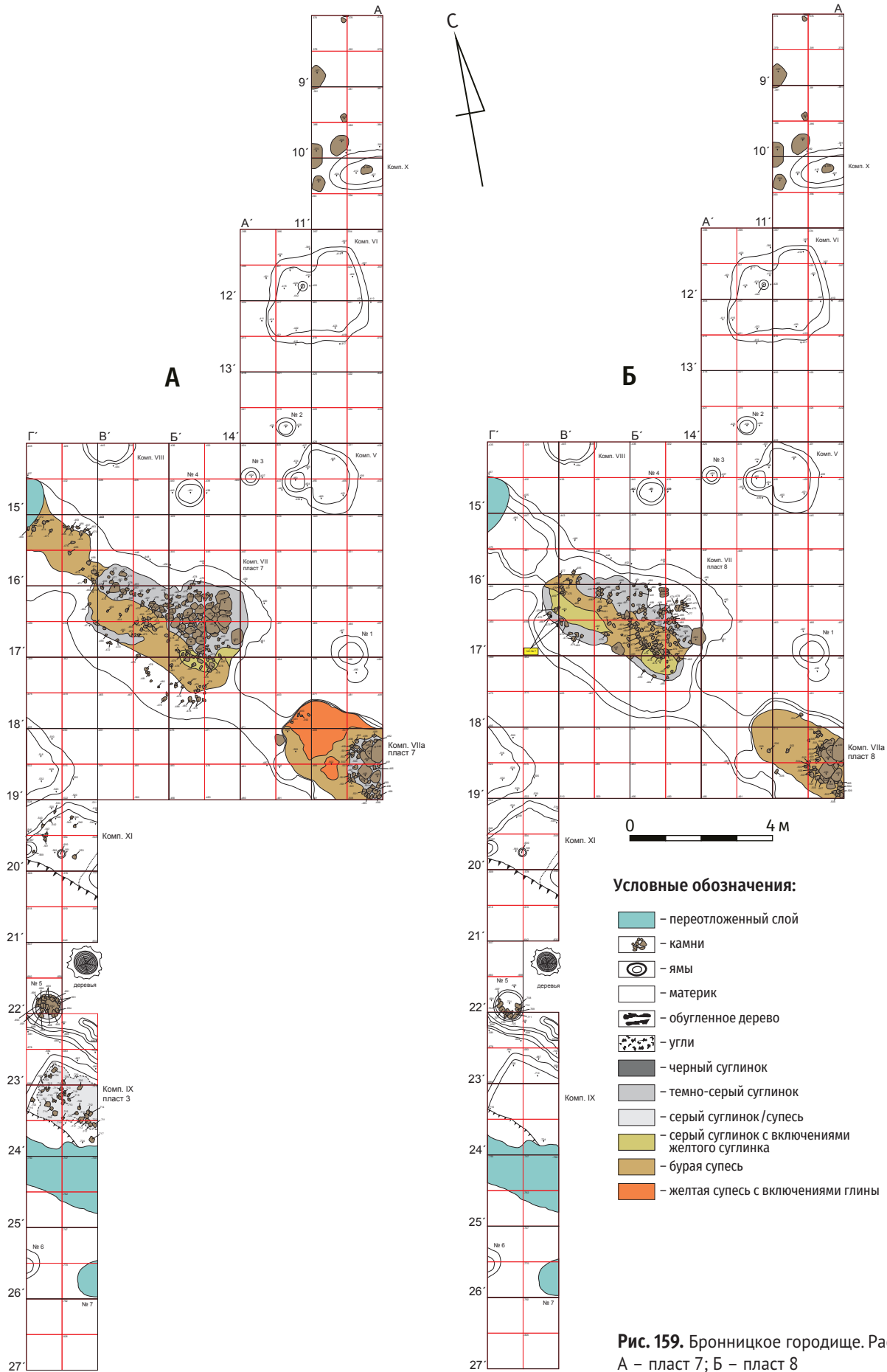
Кв-т	Контекст	Фр-ты лепной Керамики ЭРМ – РЖВ	Фр-ты лепной гладкостенной керамики	Находки
А ⁻ -13 ⁻	—	15	9	
А ⁻ -12 ⁻	Пласт 1	49	35	
А-12 ⁻	Пласт 1 между камней	—	—	Дирхема фрагмент (1/6 экз.). Аббасиды. Ал-Махди (775–785 гг.) или ал-Хади (785–786 гг.) (рис. 189)
А-13 ⁻	Пласт 1 между камней	20	17	
А-13 ⁻	Пласт 1	1	6	Льячки глиняной фрагмент (оп. 1, № 6) (рис. 213: 5) , развалы лепной гладкостенной керамики (оп. 1, № 7–11) (рис. 186; 187)
А ⁻ -13 ⁻	Пласт 1	6	6	
А-12 ⁻	Пласт 2	17	—	Развал лепной гладкостенной керамики (оп. 1, № 18) (рис. 188: 1)
А-13 ⁻	Пласт 2	16	3	
А ⁻ -12 ⁻	Пласт 2	4	—	
А ⁻ -13 ⁻	Пласт 2	2	4	
А-12 ⁻	Пласт 3	71	27	
А-13 ⁻	Пласт 3	11	10	
А ⁻ -12 ⁻	Пласт 3	48	29	Железная пластина с крюком на конце (оп. 1, № 23) (рис. 186: 3) , развалы лепной гладкостенной керамики (оп. 1, № 25, 26)
А ⁻ -13 ⁻	Пласт 3	34	22	Развал части лепного гладкостенного сосуда (оп. 1, № 24) (рис. 188, 1)
А-12 ⁻	Каменка	5	4	
А-12 ⁻	Под каменкой	—	5	Фрагмент венчика лепного ребристого сосуда (оп. 1, № 33) (рис. 188: 3) , фрагмент стенки лепного сосуда (оп. 1, № 35), лезвия железного ножа фрагмент (оп. 2, № 78) (рис. 186: 4)
А-12 ⁻	Пласт 4 под каменкой	17	11	
А ⁻ -12 ⁻	Пласт 4	2	7	
А ⁻ -13 ⁻	Пласт 4	3	13	
А ⁻ -12 ⁻	Зачистка дна	1	3	
А ⁻ -12 ⁻	Столбовая яма	2	—	
А ⁻ -13 ⁻	Зачистка дна	2	1	
Всего		326	212	

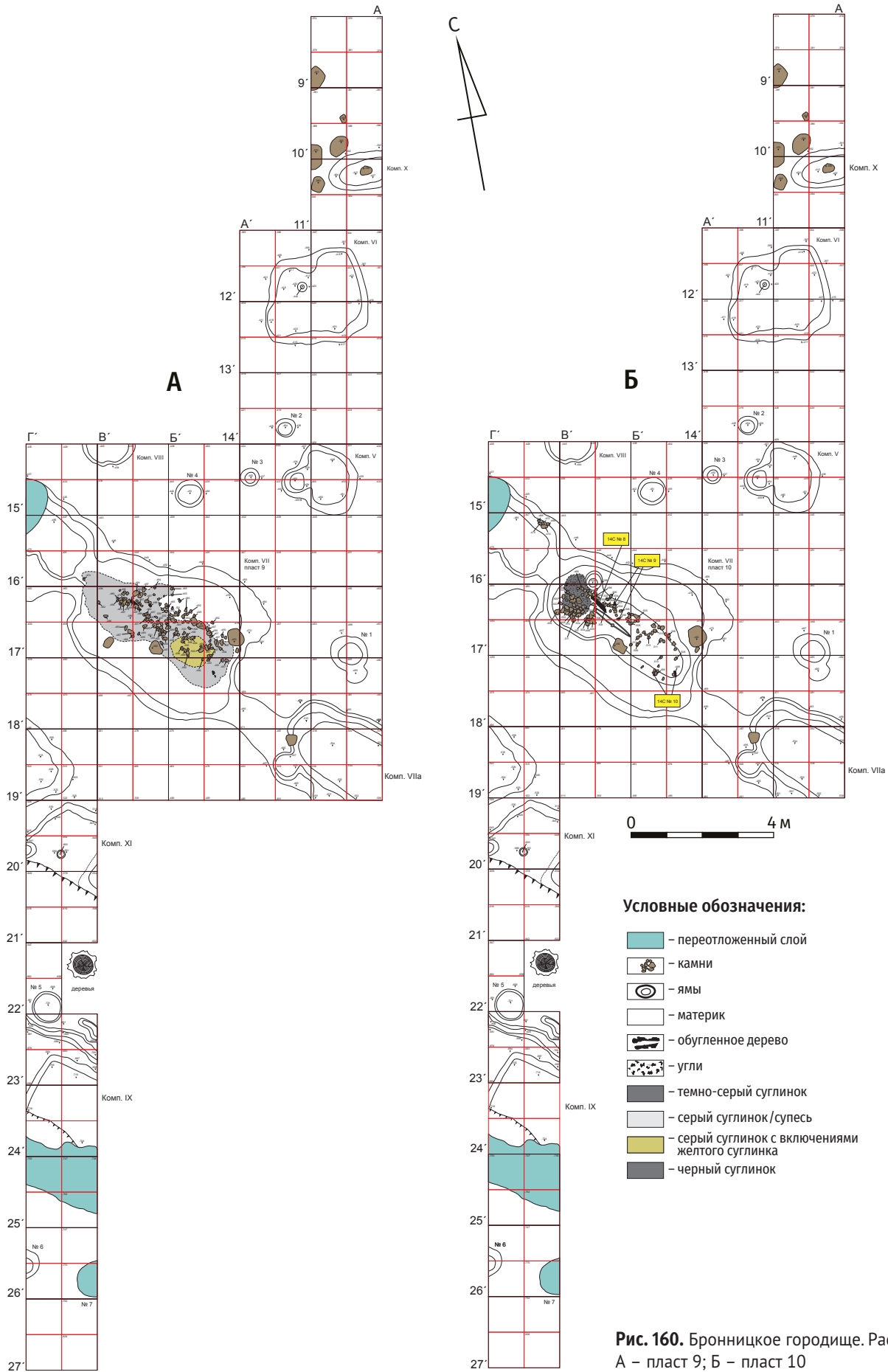

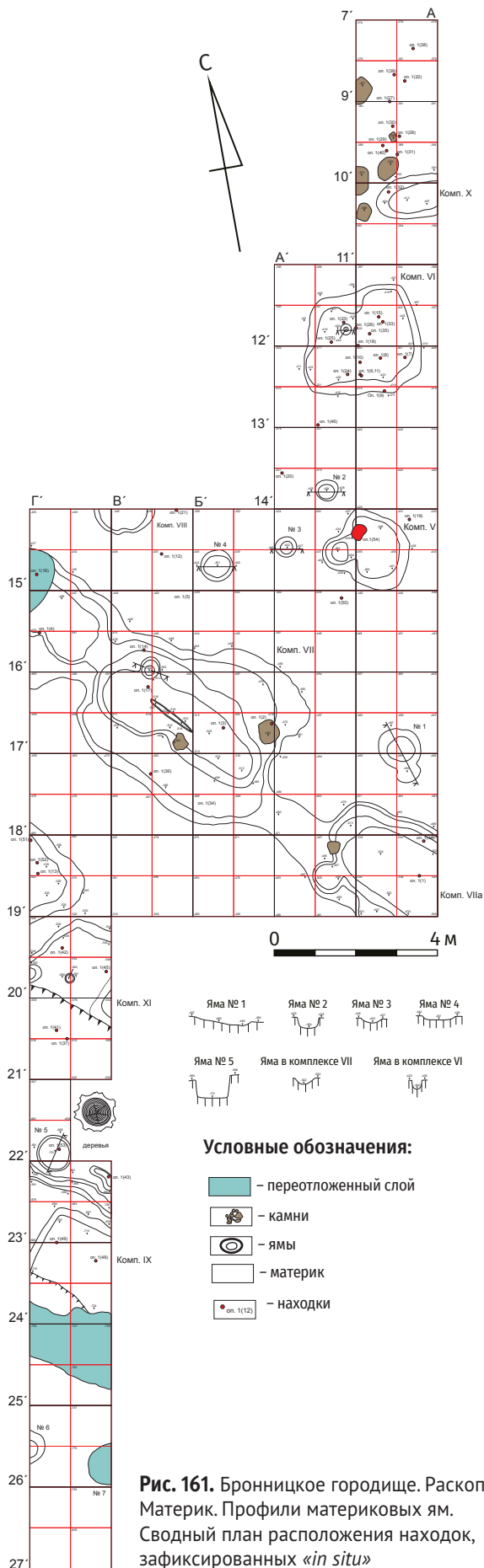

Рис. 161. Бронницкое городище. Раскоп 1. Материк. Профили материковых ям. Сводный план расположения находок, зафиксированных «in situ»

Комплекс VIIa, как и комплекс VII, состоит из двух одновременных однотипных сооружений, наслаивающихся одно на другое. Первоначальная западина имела заполнение из бурого гумусированного суглинка и переотложенного материкового суглинка с вкраплениями бурого гумуса и редкими камнями. Позднее в ту же яму было впущено новое углубление, заполнявшееся более темным слоем, менявшим в разных пластах свои оттенки от бурого до темно-серого. Здесь камней значительно больше. В верхнем ярусе с более темным заполнением была расчищена груда крупных обожженных валунов, уходящая в стенку раскопа. Очевидно, это остатки печи-каменки, таковой же, как и в позднем ярусе комплекса VII.

Между комплексами VIIa и VII в квадратах A'-18', A'-19' в материке удалось проследить неглубокую (не более 0,1 м глубиной) западину (рис. 161). Ширина ее — около 1 м. Заполнение состоит из бурой и серой супеси. Несомненно, это следы прохода, соединявшего две секции длинной постройки. Очевидно, комплексы VIIa и VII являются частью одного сооружения — длинного дома, окружавшего по периметру площадку городища и выполнявшего оборонительные функции.

Комплекс VIII. Расположен в квадратах B'-15' и Г'-15' (рис. 156–161). В раскоп попал лишь его край. Яма заполнена серой супесью, которая в верхней части западины, там, где концентрируются очажные камни, приобретает более темный оттенок (рис. 162; 163). В комплексе найдено 4 фрагмента лепной керамики. Судя по особенностям стратиграфии, яма примерно синхронна комплексу VI и относится к более раннему времени, чем поздняя часть комплекса VII.

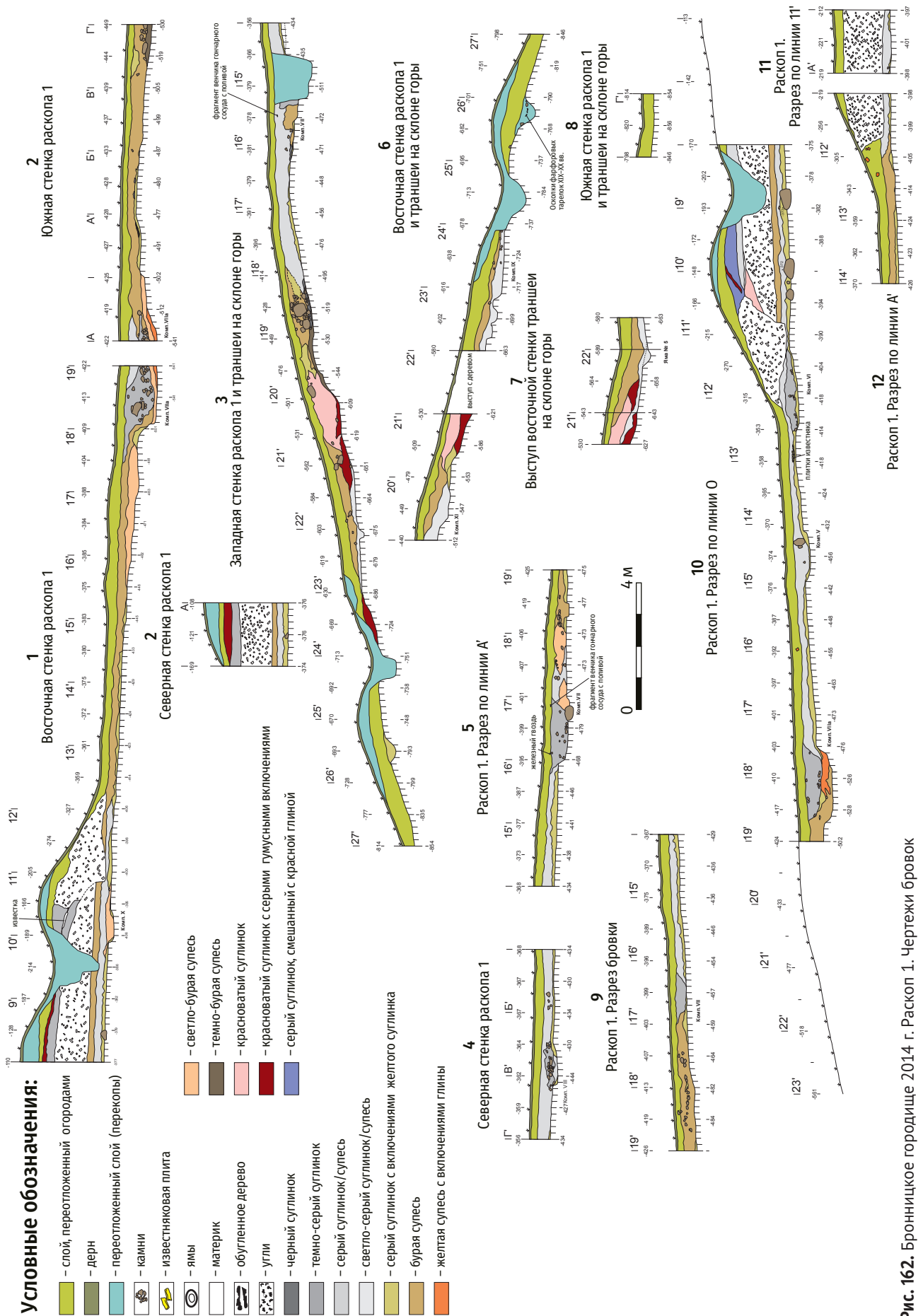
В центре раскопа расчищены четыре столбовые материковые ямы (рис. 161).

Яма № 1. Расположена в квадратах A'-17' и A'-18'. Западина нечетких очертаний размерами приблизительно 1×1,35 м. Глубина — до 0,10 м от поверхности материкового песка. Заполнение — светло-бурая супесь. Дно плоское, стенки пологие. В заполнении найдено 6 фрагментов лепной керамики, предположительно РЖВ.

Яма № 2. Расположена в квадрате A'-14'. Диаметр 0,56 м. Глубина до 0,19 от поверхности материка. Стенки вертикальные, дно уплощенное. Заполнение — серо-бурая супесь. В заполнении найдено 3 фрагмента лепной керамики, предположительно РЖВ.

Яма № 3. Расположена в квадрате A'-15'. Диаметр 0,54 м. Глубина до 0,12 м от поверхности материка. Стенки пологие, дно уплощенное. Заполнение — серо-бурая супесь. В заполнении найдено 3 фрагмента лепной керамики, предположительно РЖВ.

Яма № 4. Расположена в квадрате B'-15'. Диаметр 0,8 м. Глубина до 0,12 м от поверхности материка.

Рис. 163. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Бровки. 1 – разрез по линии А (восточная стенка раскопа 1); 2 – разрез по линии А'; 3 – разрез по линии 8'; 4 – разрез по линии 0 (ноль, линия начала отсчета координат); 5 – разрез по линии 11'; 6 – разрез по линии 0 (ноль, линия начала отсчета координат); 7 – разрез комплекса VIIa по линии А' после выборки заполнения; 8 – бровка-разрез квадратов линии А' (вид с востока); 9 – разрез по линии 14'; 10 – разрез по линии А'

Рис. 164. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Бровка 1. 1 – разрез по линии Г'; 2 – разрез по линии Г; 3 – разрез по линии Г' (западная стенка траншеи на склоне холма); 4–8 – разрез по линии В' с выступом в квадрате Г-22' (восточная стенка траншеи на склоне холма); 9 – разрез по линии 27' (южная стенка траншеи на склоне холма);

Табл. 37. Бронницкое городище 2013 г. Распределение находок в заполнении комплекса VII

Кв-т	Пласт/ контекст	Фр-ты лепной керамики ЭРМ – РЖВ	Фр-ты лепной гладкостенной керамики	Находки
А'-17	Пласт 2	3	—	
А'-18	Пласт 2	1	—	
В'-15	Пласт 2	2	—	
В'-16	Пласт 2	1	1	
А'-17	Пласт 3	1	2	
А'-17	Пласт 4	2	—	
Б'-16	Пласт 4	2	—	
Б'-17	Пласт 4	10	4	Бисерина рубленая (?) бирюзового стекла (оп. 2, № 28) (рис. 194: 8)
Б'-18	Пласт 4	1	—	
В'-16	Пласт 4	10	—	Железный шлак (оп. 1, № 14) (рис. 194: 1)
В'-17	Пласт 4	12	4	
Г'-16	Пласт 4	13	6	
Г'-17	Пласт 4	—	—	Бисерина рубленая желтого стекла (оп. 2, № 27) (рис. 194: 7),
Б'-17	Пласт 5	11	4	Бисерина рубленая желтого стекла (оп. 2, № 50), тигля ювелирного фрагмент (оп. 2, № 54) (рис. 194: 13, 5)
В'-16	Пласт 5	12	1	Предмет железный (оп. 2, № 30), бисерина рубленая синего стекла (оп. 2, № 46) (рис. 194: 6, 11)
В'-17	Пласт 5	5	3	Шлак литейный (?) (оп. 1, № 17) (рис. 194: 2)
Г'-16	Пласт 5	13	1	
Г'-17	Пласт 5	1	—	
Б'-17	Пласт 6	13	3	Бисерина рубленая синего стекла тройная (оп. 2, № 47) (рис. 194: 9)
Б'-17	Пласт 6 Желто-бурая супесь	—	1	
Б'-18	Пласт 6 Желто-бурая супесь	7	2	Проколка кремневая (оп. 1, № 34), бисерина рубленая желтого стекла (оп. 2, № 79) (рис. 194: 3, 15)
В'-16	Пласт 6	9	1	
В'-17	Пласт 6	7	2	Фрагмент венчика лепного реберчатого сосуда (оп. 1, № 36), бисерина рубленая желтого стекла (оп. 2, № 55), тигля ювелирного фрагмент (оп. 2, № 56) (рис. 194: 14, 4)
В'-17	Пласт 6 Желто-бурая супесь	1	—	
В'-18	Пласт 6 Желто-бурая супесь	1	—	
Г'-16	Пласт 6	14	—	
Б'-17	Пласт 7	—	1	
Б'-17	Пласт 7 Между камней	2	—	
Б'-18	Пласт 7 Желто-бурая супесь	7	—	

Кв-т	Пласт/ контекст	Фр-ты лепной керамики ЭРМ – РЖВ	Фр-ты лепной гладкостенной керамики	Находки
В'-16'	Пласт 7	14	3	
В'-17'	Пласт 7	6	—	
Г'-16'	Пласт 7	6	1	
Б'-16'	Пласт 8	1	—	
Б'-17'	Пласт 8	13	2	Бисерина рубленая синего стекла (оп. 2, № 51) (рис. 194: 12)
В'-16'	Пласт 8	1	4	
В'-17'	Пласт 8	2	—	
В'-17'	Пласт 8 Желто-бурая супесь	13	1	
Г'-17'	Пласт 8 Желто-бурая супесь	1	—	
Б'-17'	Пласт 9	3	1	
Б'-17'	Пласт 9 Желто-бурая супесь	1	—	
В'-17'	Пласт 9	4	1	
В'-17'	Пласт 9 Желто-бурая супесь	1	1	
Б'-17'	Пласт 10	5	—	
В'-16'	Пласт 10	—	1	
В'-16'	Пласт 10 под желто-бурой супесью	2	—	
В'-17'	Пласт 10	8	2	
В'-17'	Пласт 10 под желто-бурой супесью	—	1	
Г'-17'	Пласт 10	—	2	
В'-16'	Зачистка стенки котлована	2	—	
В'-17'	Пласт 8 зачистка стенки котлована	2	—	
Всего		246	56	

Стенки пологие, дно уплощенное. Заполнение — серо-бурая супесь. Находок нет.

Траншея на склоне городищенского холма. Часть раскопа 2014 г. представляла собой траншею шириной 2 м и длиной 16 м, отходящую в южном направлении по квадратам линии Г' (квадраты Г'-20', Г'-21', Г'-22', Г'-23', Г'-24', Г'-25', Г'-26', Г'-27'). В квадрате Г'-22' траншея сужалась до 1 м из-за большого дерева (рис. 156–162; 164). Вести раскопки на склоне пластами невозможно, поэтому мы перешли к выделению контекстов.

Контекст 1. Наплыв переотложенного культурного слоя. Верхнюю часть стратиграфической колонки на склоне холма образует слой бурого суглинка, толщиной до 0,5 м (рис. 162; 164). Это оплывший сверху культурный слой, перемешавшийся с выбросами из поздних перекопов. В квадратах Г'-20', Г'-21', Г'-22', Г'-23', Г'-24' он перекрывает сложную пачку раннесредневековых напластований. В квадратах же Г'-25', Г'-26', Г'-27' поздний наплыв бурого суглинка лежит прямо на глинистом материковом склоне. В слое бурого суглинка встречаются как еди-

Табл. 38. Распределение находок в заполнении комплекса VIIa

Кв-т	Пласт/ контекст	Фр-ты лепной керамики ЭРМ – РЖВ	Фр-ты лепной гладкостенной керамики	Находки
A-19'	Пласт 1*	1	1	Глиняное биконическое пряслице (оп. 1, № 1) (рис. 198: 8)
A'-18'	Пласт 3	2	4	Бусина стеклянная синяя оплавленная (оп. 2, № 65), бусина кольцевидная прозрачно-голубого стекла (оп. 2, № 67) (рис. 198: 11)
A'-19'	Пласт 3	2	2	
A'-19'	Пласт 4	—	2	
A'-19'	Пласт 5	2	2	
A-19'	Пласт 6	5	—	
A'-19'	Пласт 6	10	—	
A-19'	Пласт 7	2	1	
A'-19'	Пласт 7	2	1	
A-19'	Пласт 8	3	—	
A'-19'	Пласт 8	—	1	
A-19'	Пласт 9	—	1	Наконечник стрелы кремневый (оп. 2, № 80) (рис. 198: 9)
A'-19'	Пласт 9	2	1	
A'-19'	Столбовая (?) яма	—	1	
A-19'	Каменка	2	3	
A-19'	Зачистка материка	—	1	Пластина кремневая (оп. 1, № 44) (рис. 198: 10)
A-19'	—	4	3	
Всего		37	24	

* В набросе колотых и обожженных камней.

ничные фрагменты лепной гладкостенной керамики, так и обломки красноглиняной гончарной керамики с желто-зеленой поливой, а также осколки фарфора и обломки кирпичей. Есть и керамика РЖВ (**рис. 206: 1**). В квадрате Г'-26' в западной стенке прослежена яма, заполненная суглинистым гумусом с обломками кирпичей и фарфоровой посуды конца XIX — XX в., впущенная в материк почти с поверхности красной материковой глины. В вышележащем наплыве бурого суглинка эта яма не читается, а сам наплыв перекрыт бруствером окопа 1941–1943 гг. Очевидно, наплыв образовался в период с конца XIX в. до 1941 г. Закрытие храма в послереволюционные годы привело к активизации хозяйственной деятельности на холме, что вызвало эрозию и смыл почвы по склону.

Контекст 2. Окоп 1941–1943 гг. Наплыв смытого сверху культурного слоя в квадратах Г'-24' и Г'-25'

во время Великой Отечественной войны был прорезан окопом, опоясывающим холм (**рис. 164**). С южной стороны окопа лежит бруствер из красной материковой глины высотой до 0,40 м и шириной до 3,6 м. Часть земли при рытье окопа выброшена вверх по склону горы, и образовала линзу той же красной глины в квадрате Г'-24.

Контекст 3. Раннесредневековый культурный слой с остатками построек на склоне холма. На изображениях Бронницкой горы XVIII–XIX вв. можно видеть террасированность верхней части ее склонов (**рис. 423–428**). Самым простым объяснением этого обстоятельства я некогда считал наличие на склонах древних укреплений — эскарпов (Еремеев, Дзюба 2010: 32). Раскопки, однако, выявили более сложную картину (**табл. 39**).

Табл. 39. Находки в культурном слое на склоне холма

Кв-т	Контекст	Фр-ты лепной керамики ЭРМ – РЖВ	Фр-ты лепной гладкостенной керамики	Находки
Г'-20'	Мешаный слой под красной глиной	6	—	—
Г'-21'	Мешаный слой под красной глиной	20	20	Фрагмент стенки лепного сосуда (оп. 1, № 37), фрагмент венчика лепного сосуда (оп. 1, № 41) (рис. 200: 7)
Г'-22'	Мешаный слой под красной глиной	2	—	—
Г'-20'	Бурый суглинок (поверхность комплекса XI)	1	5	—
Г'-23'	Серая супесь/суглинок	1	9	—
Всего		30	34	

На уровне квадратов Г'-23' и Г'-24' на склоне холма действительно располагается площадка (**рис. 162; 164**). Она не строго горизонтальна, но образует на скате слегка наклонную террасу шириной около 8 м. Площадку покрывает культурный слой — серый суглинок с отдельными камнями. Мощность его вне материковых углублений не превышает 0,2 м.

В северной части этой террасы обнаружен комплекс IX — углубленный в материк котлован подпрямоугольной формы с плоским дном.

Комплекс IX. Располагается в квадратах Г'-23' и Г'-24' (**рис. 156–161**). Точные размеры сооружения трудно указать, т. к. края ямы уходят за пределы вскрытого участка, а южная ее часть уничтожена окопом. Но можно с большой долей уверенности утверждать, что перед нами остатки жилища того же типа, которое представлено на площадке городища комплексом VI. Об этом говорит прямой угол котлована, попавший в раскоп (**рис. 200**). Правда, в комплексе IX не выявлена печь-каменка, но многочисленные очажные камни (колотые и обожженные) и углистые вкрапления в суглинистом гумусированном заполнении убеждают, что в постройке имелось отопительное устройство (**табл. 40**).

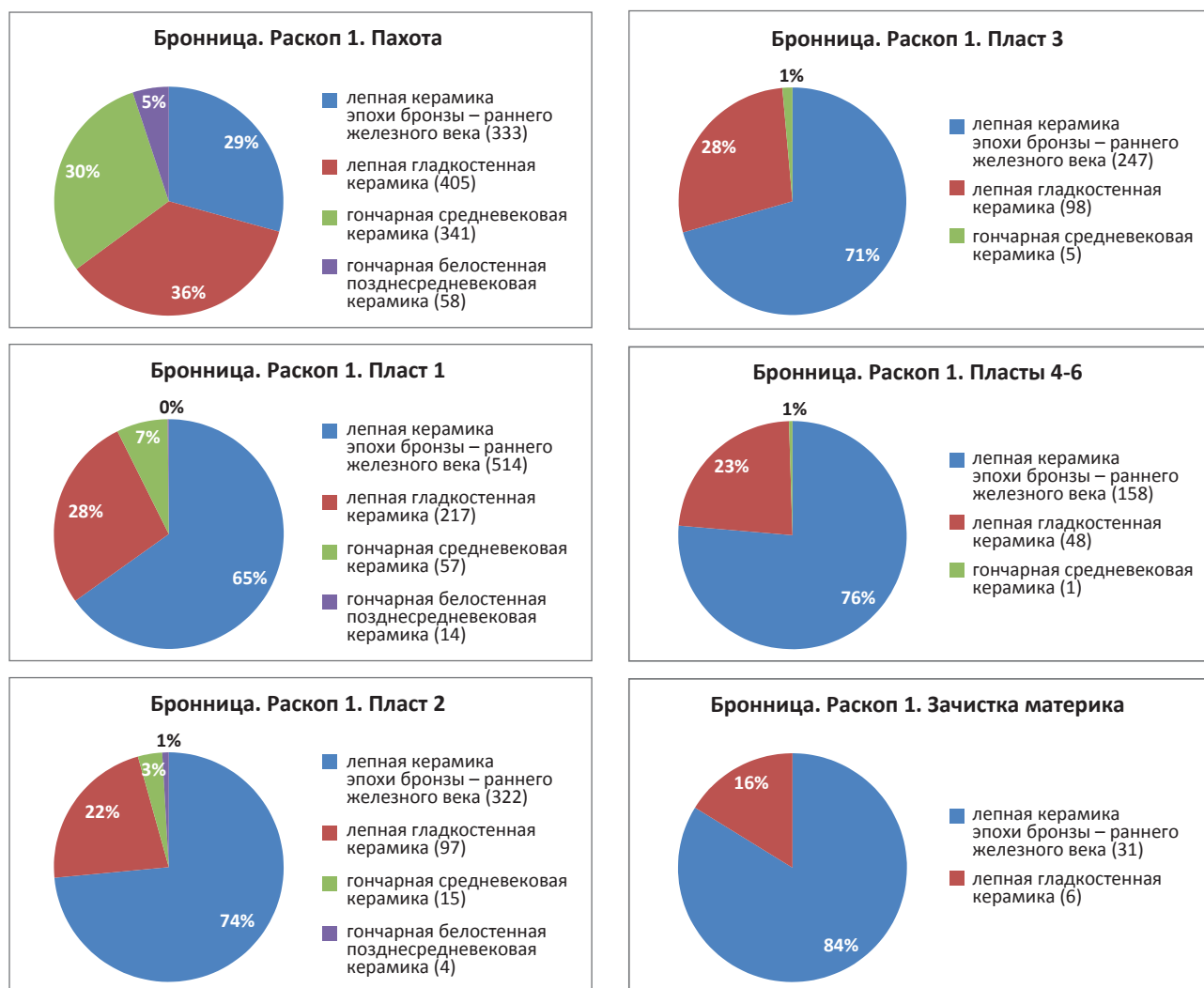
Котлован постройки вырезан в глинистом материке. Глубина его достигала 0,23 м. Стенки близки к вертикальным. Заполнение состояло из светло-серой супеси (ниже — суглинка) с мелкими угольками и большим количеством камней. В восточной части комплекса зафиксировано пятно более темного серого суглинка, в котором количество углей несколько больше, чем на остальной площади постройки (**рис. 157**). Чуть выше этого пятна лежало несколько особенно крупных валунов. Очевидно, здесь и находилось разобранное отопительное сооружение. В центральной части сооружения располагалась яма для основания столба, поддерживавшего крышу. Выше,

в месте перегиба холма от площадки к склону, открыты остатки комплекса XI, еще одной аналогичной постройки.

Комплекс XI, располагавшийся в квадратах Г'-20' и Г'-21' представлял собой площадку, врезанную в глинистый материковый склон холма (**рис. 158–161**). Края площадки находятся за пределами раскопа, но подпрямоугольная форма углубления устанавливается по одному углу, попавшему на вскрытый участок. Глубина котлована составляла 0,20–0,23 м. Стенки его близки к вертикальным. Заполнение образовано серым суглинком с мелкими угольками и множеством камней, которые, впрочем, не позволяли определить место расположения отопительного устройства (**рис. 158**).

В центральной части котлована в материке расположена столбовая яма с вертикальными стенками и плоским дном диаметром 0,25 м и глубиной до 0,4 м (**рис. 161**). Яма была заполнена светло-серым суглинком, в котором найден фрагмент лепной керамики, предположительно РЖВ. В заполнении комплекса (в пласте 2) найдено восемь фрагментов лепной керамики, из которых три предположительно относятся к РЖВ. В качестве индивидуальных находок в комплексе зафиксирован фрагмент венчика лепного сосуда (оп. 1, № 42) и развал придонной части лепного сосуда (оп. 1, № 45) (**рис. 202**). По всей вероятности, комплекс XI является остатками постройки того же типа, что и комплекс VI. Об этом говорит сходство размеров и формы котлована, столбовая ямка в центре. Радиоуглеродные датировки из обоих сооружений дают сходный хронологический диапазон (**рис. 201; 202**). Комплекс XI дошел до нас в поврежденном виде. Его южная часть оказалась нарушена эскарпом, образующим отдельный комплекс сооружений, — контекст 4.

Рис. 165. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Распределение массового материала в пахоте и пластах 1 и 2 культурного слоя (подсчет Т. С. Дорофеевой)

Рис. 166. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Распределение массового материала в культурном слое. Пласты 3–6 и предматерик (подсчет Т. С. Дорофеевой)

Табл. 40. Распределение массового материала и находок в заполнении комплекса IX

Кв-т	Пласт/контекст	Фр-ты лепной керамики ЭРМ – РЖВ	Фр-ты лепной гладкостенной керамики	Находки
Г-24	Пласт 1 верхняя часть комплекса	—	—	Фрагмент железного ножа с прямой спинкой (оп. 2, № 63) (рис. 201: 5)
Г-23	Пласт 2 в заполнении комплекса	—	2	Венчика лепного слабопрофилированного сосуда фрагмент (оп. 1, № 48) (рис. 201: 1)
Г-24	Пласт 2 в заполнении комплекса	—	3	Стенки лепного сосуда фрагмент (оп. 1, № 47) (рис. 201: 2)
Г-23	Зачистка дна котлована	—	8	Стенки лепного сосуда фрагмент (оп. 1, № 49) (рис. 201: 3)
Всего			13	

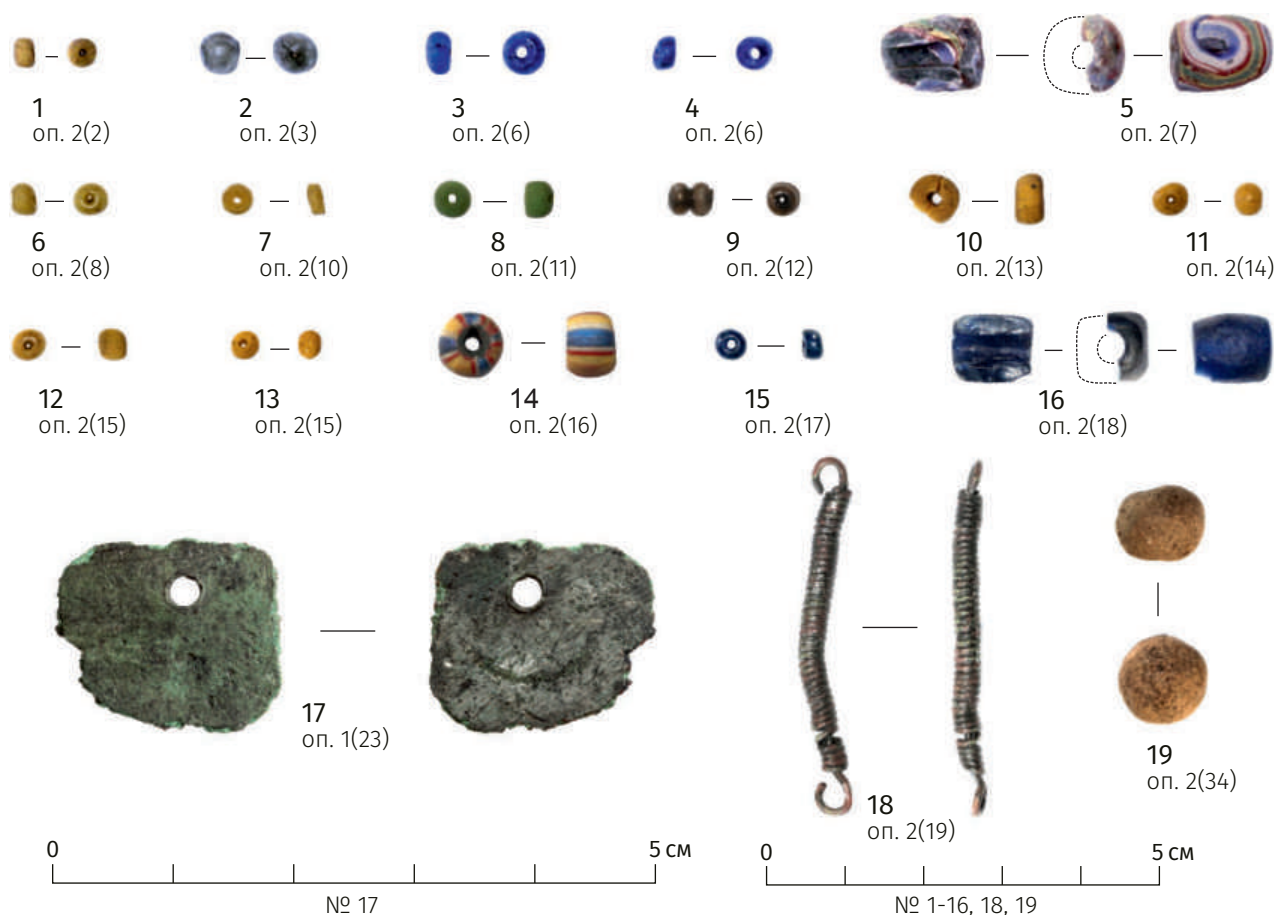

Рис. 167. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Предметы из железа из культурного слоя. Обведены находки из комплекса I. 1 – пряжка; 2, 5 – фрагменты рыболовных крючков; 4 – черенок орудия; 3 – фрагмент иглы от фибулы (?); 6 – фитильная трубочка; 7 – черенок ножа; 8 – деталь подвески (?); 9, 11 – фрагменты лезвий ножей; 10 – фрагмент шила; 12 – обломок пластины.

1 – кв. А-1, пласт 1; 2 – кв. В-2, пласт 1; 3, 4 – кв. В-3, комплекс I, пласт 1 (2 ярус горизонта камней); 5 – кв. А-3', пласт 2; 6 – кв. А-1', пласт 3; 7 – кв. А-4', поверхность материка; 8 – кв. А-2, пласт 3; 9 – кв. А-3', пласт 3; 10 – кв. Б-3, пласт 3; 11 – кв. А-5', пласт 4; 12 – кв. Б-3, пласт 1

Контекст 4. Оборонительные конструкции. Эскарп и остатки связанных с ним сооружений. Этот объект раскрыт в квадратах Г'-20', Г'-21', Г'-22' и Г'-23'. Эскарп представляет собой пологую ступеньку, вырезанную на краю площадки городища в плотной красной материковой глине (рис. 162; 164; 200). В высоту эскарп достигает 1,3 м при ширине около

4 м. Культурный слой здесь отсутствует. Но с юга эта ступенька переходит в площадку с культурным слоем, на которой располагался комплекс IX. Поэтому совокупная ширина площадки эскарпа получается значительно шире — около 8 м. То обстоятельство, что комплекс IX оказался на террасе эскарпа, породило предположение, что эта постройка могла быть

Рис. 168. Бронницкое городище 2013 г. Раскоп 1. Стекло́нные бусы и фрагменты украшений из культурного слоя. 1, 3, 4, 6–8, 10, 12, 13, 15 – рубленый бисер; 11 – бусинный бисер (с подпрямоугольным отверстием от стержня); 2 – серебробстеклянная пронизка; 9 – золотостеклянная пронизка; 5, 14 – полихромные бусы; 16 – кубическая со сглаженными углами бусина; 17 – подвеска (?) из медного сплава с полудой, украшенная гравировкой; 18 – фрагмент украшения из медного сплава; 19 – шарик из обожженной глины.
1 – кв. А-3, пласт 2; 2 – кв. В-2, пласт 2; 3, 4 – комплекс I, пласт 1. 1–2 ярусы горизонта камней; 5 – кв. А-4', пласт 3; 6 – кв. Б-2, пласт 1; 7 – кв. Б-3, пласт 3; 8, 9 – кв. В-3, пласт 3; 10 – кв. Б-3, пласт 3; 11 – кв. А-2', пласт 1; 12–14 – комплекс I, пласт 1; 15 – кв. А-2', пласт 3; 16 – кв. А-3', пласт 2; 17 – кв. В-1, зачистка поверхности материка; 18 – кв. А-5', пласт 1; 19 – кв. А-3', пласт 1

возведена после сооружения укрепления. Такая последовательность, впрочем, не логична с военной точки зрения — эскарп не мог быть застроен хижинами. Внимательное рассмотрение стратиграфии убеждает в том, что, по-видимому, эскарп расширил и сделал более крутой уже существовавшую здесь до него жилую террасу. При этом остатки более ранних синхронных построек постигла разная судьба: комплекс IX не был разрушен и «вписался» в площадку эскарпа, а комплекс XI ступенькой эскарпа оказался частично срезан.

Конструкция эскарпа осталась неясной. Дело в том, что грунт, срезанный при устройстве ступеньки, в самое короткое время оказался снова на ней, то есть прямо на материке. Это линза красной перетолженной глины с гумусными включениями и валунами лучше всего читается в западной стенке траншеи на склоне горы (рис. 162; 164). Под линзой

перетолженной материковой глины на склоне эскарпа не успел отложиться культурный слой. Эта стратиграфия связана с какими-то особенностями конструкции оборонительных сооружений, которые не могут быть поняты на материалах, полученных в узкой траншее. Можно было бы подумать, что эскарп поздний и носит временно-полевой характер (например, относится к Смутному Времени, когда в Броннице происходили скоротечные боевые действия). Но это предположение приходится оставить, так как линза перетолженной глины с гумусными включениями частично перекрыта культурным слоем с лепной гладкостенной керамикой (контекст 5, речь о котором пойдет ниже). Наплыв этого слоя хорошо виден в западной стенке траншеи в квадратах Г'-21', Г'-22' и Г'-23' (рис. 164). В восточной стенке траншеи в квадрате Г'-20' видно и то, что культурный слой с лепной керамикой наплывает на край

Рис. 169. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Керамика из пахотного слоя. 1 – кв. Б'-15'; 2 – кв. Б'-17'; 3-5 – кв. Б'-18'; 6 – кв. Б'-19'; 7 – кв. В'-17'; 8, 9 – кв. В'-19'; 10 – кв. Г'-16'; 11-13 – кв. Г'-17'; 14 – кв. Г'-18'

Рис. 170. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Лепная керамика из пахотного горизонта. 1 – кв. А-12'; 2, 3, 3а – кв. А-13'; 4–7 – кв. А-14'; 8, 9 – кв. А-15'; 2а, 10–12 – кв. А-16'; 13 – кв. А-17'; 14, 15 – кв. А-18'

глинистой линзы и сверху, со стороны площадки городища (рис. 164).

В чем смысл просто перекапывать глину на краю площадки и кидать ее обратно на получившуюся ступеньку? Надо полагать, массив глины, образовавшийся при строительстве эскарпа, все-таки не сразу сполз на него обратно. Какое-то непродолжительное время грунт находился выше, на краю площадки, возможно, держался на каких-то подпорках. Следы этих предполагаемых «подпорок» были обнаружены на террасе эскарпа в квадратах Г'-22' и Г'-23'. Перейдем к их описанию.

Яма № 5. Расположена на границе квадратов Г'-22' и Г'-23'. Диаметр — 0,92 м, глубина — 0,55 м. Дно ямы плоское, стенки вертикальные (рис. 157–161). Заполнение состояло из серого суглинка с очажными камнями (рис. 203; 204). Под крупным камнем, лежавшим в центральной части ямы, найден фрагмент лепного гладкостенного слабопрофилированного сосуда (рис. 205: 1). Уровень, с которого яма впущена в материк, находится на высоте не более 0,1–0,15 м от поверхности материка. В прослойке лежащего выше наплыва слоя с площадки яма не прослеживается. Она, очевидно, служила основанием для очень мощного столба. При этом, поскольку в нее попали очажные камни и фрагменты керамики, несомненно, она была вырыта после того, как этот участок склона был обжит. Иными словами, переотложенное заполнение ямы синхронно постройкам IX и XI, хотя сама столбовая яма относится к тому времени, когда они уже перестали функционировать.

Частокольная (?) канавка, идущая параллельно краю площадки, была расчищена на поверхности эскарпа между ямой № 5 и комплексом IX. Ширина канавки составляет от 0,30 до 0,60 м. Глубина — до 0,20 м (рис. 158–161). Заполнение — серый суглинок с отдельными камнями. В канавке найдено два фрагмента лепной керамики (рис. 206: 5, 6). Предположение о том, что канавка предназначалась для крепления в грунте концов бревен, проистекает из того, что дренажной она быть не могла — в ней отсутствует слоистая структура, характерная для водных отложений. Разумеется, из-за незначительной глубины канавка не могла удержать в вертикальном положении бревна частокол, а могла лишь зафиксировать их концы на плоскости эскарпа (рис. 204). Для несущих конструкций должны были предназначаться ямы наподобие ямы № 5. Остается сказать о последнем контексте, хронологически следующем за бронницкими фортификациями.

Контекст 5. Раннесредневековый культурный слой, перекрывающий эскарп. Как уже отмечалось, оборонительные сооружения перекрыты сверху оплывшими по склону культурными напластованиями с небольшим количеством фрагментов лепной

керамики. Эта линза бурой супеси мощностью до 0,4 м хорошо читается в бровках траншеи в квадратах Г'-21', Г'-22', Г'-23' (рис. 162; 164). Исходя из общей стратиграфии и хронологии памятника следует думать, что этот слой отложился в IX — первой половине X в. Каких-либо построек в данный период на склонах горы не существовало. Единственным интересным объектом этого времени является груда камней в квадратах Г'-19', Г'-20'. Камни обнаружались в раскопе уже при разборке пласта 1. Стратиграфически они относятся к более позднему времени, чем частично перекрытый ими комплекс XI и к более позднему времени, чем эскарп.

Раскоп 3 (2014 г.) в центральной части Введенской церкви. Раскоп площадью чуть менее 16 м² был заложен в западной части центральной ротонды храма, в том месте, где отсутствовал пол из известняковых плит (рис. 226). Плиты пола давно растащены местными жителями — отчасти для хозяйственных нужд, отчасти — в мародерских поисках захоронений и кладов. Грабительские ямы прослеживались в нескольких местах в раскопе, но, к счастью, ни одна из них не нанесла существенных повреждений культурному слою или фундаментам. Работы внутри Введенской церкви имели следующие цели:

- оценка степени повреждения культурного слоя и искажения внешнего облика городища при постройках и перестройках храмов. Эта информация необходима для реконструкций фортификационной структуры городища и его планировки;
- поиск следов средневекового культурного слоя в наиболее возвышенной (а значит — престижной) части городищенского холма. Именно здесь, казалось бы, можно ожидать размещения жилищ представителей социальной элиты и наиболее богатых находок;
- поиск следов древнейшего храма начала XVIII в., и, как знать, возможно, и более ранних культовых построек.

Ротонда была расчищена от строительного и бытового мусора, в результате чего обнажились уцелевшие плиты и кирпичная кладка основания алтарной части храма и амвона (рис. 226). По их краю прошла северная граница раскопа. Каменные ступени алтаря не сохранились. При этой первой расчистке найдено 3 фрагмента фарфоровой керамики XX в. На глубине примерно 0,15 м под слоем грунта, перемешанного со строительным мусором, обнаружилась ровная горизонтальная подсыпка из мелкозернистого желтого песка толщиной около 0,05–0,10 м — нивелирующая подушка, уложенная некогда под каменные плиты пола (рис. 224; 225). Ниже залегал горизонт подсыпки из чередующихся слоев супеси с суглинистыми вкраплениями и прослоек серой и бурой супеси. Мощность этого горизонта составляла от 0,46 до 0,56 м. Наиболее вероятно, что подсыпка

эта сделана в процессе строительства первого каменного храма 1770-х гг. Ниже лежал слой мешаного грунта с включениями извести и кирпичного боя. Мощность этого слоя на разных участках раскопа колебалась от 0,02 до 0,12 м. Это, несомненно, слой, связанный со строительством первого каменного храма (табл. 41).

Под строительным горизонтом открылась поверхность непо потревоженного культурного слоя. Несмотря на незначительные повреждения, причиненные грабительскими перекопами и какой-то столбовой ямой позднего периода (одно из оснований строительных лесов?) культурный слой имел прекрасную сохранность. На его поверхности в квадратах 3 и 4 отмечены две углистые линзы толщиной не более 0,03 м. Это следы какого-то огня, горевшего на этом месте незадолго до 1770 г. Культурный слой выше материковых ям был разделен в процессе раскопок на три десятисантиметровых пласта. Он представлял собой серую мелкодисперсную супесь, несколько различающуюся по оттенку в зависимости от близости к песчаному матерiku. И сам слой, и материк очень сильно изрыты кротовинами.

Пласт 1 культурного слоя. Серая супесь с небольшим количеством камней. Находки представлены единичными мелкими фрагментами разновременной лепной керамики (рис. 227: 1, 2). Для датировки этой части напластований важна находка свинцовой сферической пули калибром 12 мм, отлитой в двусторонней составной форме. Литник пули не был обрублен, что указывает, скорее всего, на то, что пуля была отлита тут же на горе (рис. 233: 4). Подобные боеприпасы, отливавшиеся в походных пулелейках, характерны для XVI — XVII вв. (Двуреченский 2008: 67, 68; Салмин 2011: рис. 1: 1). Думаю, не будет оплошностью, если мы свяжем эту находку с пребыванием на городище войска боярина Дмитрия Тимофеевича Трубецкого (табл. 42).

Пласт 2 культурного слоя. Чистая серая супесь. В квадрате 1 проступает изрытый кротовинами материк. На границе квадратов 1 и 2 начинает проступать более темное заполнение материкового комплекса I. Из пласта 2 происходит интересный набор нумизматических находок (рис. 233: 5–8): два медных новгородских пула конца XV — начала XVI, тверское пуло этого же времени и серебряная денга Ивана IV, датирующаяся 1547–1584 гг.¹⁴² Все эти находки, в сочетании с пулей из пласта 1 указывают на то, что верхняя часть культурного слоя, несмотря на его кажущуюся однородность с нижними раннесредневековыми слоями, переотложена в позднем средневековье. Преобладает в пласте керамика ЭРМ – РЖВ (рис. 227: 3–10) (табл. 43).

Пласт 3 культурного слоя. Серая супесь, смешанная с вкраплениями желтой материковой супеси с фрагментами лепной штрихованной керамики РЖВ (рис. 227: 11–13). Проступают контуры материковых ям — комплексов I и II (рис. 219) (табл. 44).

Некоторое количество находок дала также зачистка материка с его многочисленными неровностями (табл. 45).

Дальнейшее исследование культурных напластований осуществлялась по материковым комплексам.

Комплекс I. Располагался в квадратах 1, 2 и 4. Очертания ямы в рыхлом материковом песке неопределенные. Можно предположить, что яма первоначально имела прямоугольную форму. В квадрате 1 к северо-западу от печки-каменки в наклонной к югу поверхности материка, как будто, угадывается прямоугольный угол (рис. 223). Если это наблюдение верно, то комплекс I принадлежал постройке того же типа, что и комплекс VI раскопа 1 (подпрямоугольный котлован с каменкой в углу, врезанный в пологий склон).

Глубина западины от поверхности материка составляла на разных участках от 0,20 до 0,45 м. Материковое углубление попало в раскоп частично, поэтому судить о размерах постройки нельзя. Несомненно, что это жилая или хозяйственная постройка — в заполнении ямы зафиксировано скопление крупных колотых и обожженных камней — по всей видимости, остатки разобранной печки-каменки (рис. 220; 221; 226). Месту их скопления соответствует лежащее на материковом дне ямы пятно темно-серой углистой супеси размерами в поперечнике чуть больше 1 м (рис. 222). В этом пятне попадались отдельные мелкие угольки (табл. 46).

Заполнение ямы довольно значительное по объему (691 литр) было полностью подвергнуто флотационной обработке, т. е. из него выбрана была вся сохранившаяся (преимущественно карбонизированная) органика. Результаты оказались неожиданными — в образцах присутствовало огромное количество зерен сорных растений пустырей и совершенно не содержалось зерен культурных злаков. Из этого следует вывод, что раскопанный участок в раннем средневековье был полностью исключен из ареала хозяйственной деятельности.¹⁴³

¹⁴³ Данные о земледельческой деятельности обитателей городища, несмотря на специальные исследования, оказались скудными, несмотря на большую работу, проделанную коллективом под руководством Л. Ю. Шипилиной (ВИР РАН). Путем флотации в поле было обработано свыше 6 тысяч литров непо потревоженного культурного слоя из всех комплексов, связанных с жилищами. Отобрано и определено около 400 тысяч семян, позволяющих охарактеризовать природное окружение городища во второй половине I тыс. н. э. Публикация результатов этих

¹⁴² Определение П. Г. Гайдуква.

Датировка комплекса I определяется по находкам в нем наряду с обломками сосудов ЭРМ – РЖВ (рис. 228: 2–5) большого количества лепной гладкостенной керамики – второй половиной I тыс. н. э. (рис. 229–231). Может ли зеленая бисерина из паста 3 (рис. 230: 7) сузить датировку до IX–X вв.? Думается, вряд ли – архаичные элементы керамического набора скорее позволяют отнести его к VIII в.

Комплекс II. Находился в квадратах 3 и 4. Разрушен фундаментом ротонды, размеры определить невозможно. Глубина от поверхности материка составляет 0,17 м. Заполнение – светло-серая супесь (табл. 47).

Датировка и назначение комплекса неясны. Все более или менее крупные фрагменты керамики из комплекса относятся к ЭРМ или РЖВ (рис. 232). Но, разумеется, идентифицировать мелкие фрагменты можно только предположительно. Флотация культурного слоя из заполнения (66 литров) дала те же результаты, что и соответствующая обработка комплекса I.

Раскопки в ротонде церкви дали важный материал для реконструкции древнего рельефа. Они показали, что городищенский холм под постройками и подсыпками XVIII–XIX вв. полностью сохранил свою первоначальную форму. Уцелел и средневековый культурный слой. Что касается раннесредневековых археологических находок, то они не оправдали ожиданий. Вместо следов престижных построек, на материке было обнаружено самое заурядное со-

работ будет сделана отдельно. Надо, однако, указать, что количество зерен Cerealia в столь большом объеме проб оказалось ничтожно. Определено 1 зерно пшеницы (*Triticum aestivum*), 5 зерен пленчатого ячменя (*Hordeum vulgare subsp. distichon*) и 2 зерна ржи (*Secale cereale*). Остается сделать вывод, что хозяйственной деятельности на площадке городища практически не было. Это ставит под серьезное сомнение роль данного укрепленного поселения как места хранения пищевых запасов и, вообще, как рядового сельского поселения. Остается предположить, что пища на площадку городка доставлялась в готовом виде.

Семена культурных злаков из культурного слоя
Бронницкого городища

Виды культурных злаков	Количество зерен
виды <i>Triticum sp.</i>	3
из них <i>Triticum aestivum</i>	1
виды <i>Hordeum</i>	10
из них <i>Hordeum vulgare subsp. distichon</i>	5
виды <i>Avena</i>	2
<i>Secale cereale</i>	2
Всего	17

оружие. По всей видимости, жизнь на городище во второй половине I тыс. н. э. концентрировалась, все же, по периметру площадки – там, где располагалась большая кольцевая постройка.

Никаких следов деревянных храмов XV – середины XVIII вв. в раскопе не обнаружено. Выявленный раскопками и шурфовками рельеф местности позволяет предполагать, что Иоанновская «малая церковь», упомянутая участниками Сибирской экспедиции, П. С. Палласом и А. Н. Радищевым, находилась не на месте центральной части современного храма, а в районе его алтарной части. Именно там располагается самая высокая точка городищенского холма.¹⁴⁴

Шурф 1 (у колокольни Введенской церкви). Предназначался для определения степени сохранности культурного слоя в наиболее возвышенной части городищенского холма. Заложен справа от арки юго-западной стены колокольни перпендикулярно к ней (рис. 215). Размеры шурфа – 1 × 3 м, стратиграфия следующая:

¹⁴⁴ Изучение основания ротонды Введенской церкви не выявило следов ее перестройки в первой трети XIX в. В раскоп попала часть кладки фундамента, сложенного из валунов, пролитых известково-песчаным раствором и основания двух пилонов. Размеры валунов преимущественно 0,15–0,20 м в поперечнике; раствор сероватый, с мелким песком, прочный. Глубина фундаментного рва осталась неясной (не менее 0,30 м), поскольку ниже поверхности материка раскоп не опускался. Судя по разрезу комплекса II, заглупление в материк было очень незначительным. Основание северо-западного пилонна на высоту около 0,2 м от поверхности валунного фундамента образовано слоем кирпичного боя с известковой проливкой и уложенными на него в один ряд известняковыми плитами толщиной до 0,10 м. Выше пилон выведен из кирпича размерами 25 × 12 × 8; 2 × 12 × 9; 25 × 7 × (?) см. Основание юго-восточного пилонна выше валунной кладки выложено целиком из кирпича. Размеры кирпича 23,5 × 11 × 8; 24 × 12 × 8; 24 × 12 × 8,5; 26 × 8 × (?) см.

Единообразие кладок пилонов и стратиграфия прилегающих к ним культурных напластований говорят о том, что постройка 1770-х гг. на вскрытом участке полностью сохранилась. Основания пилонов, перекрытые грунтом, находятся в хорошем состоянии. Кладка, возвышающаяся над современной поверхностью, сохранилась хуже – одни углы пилонов разрушены, на других имеются сквозные трещины.

Изучение и графическое описание валунных кладок фундамента и нижней части кладок колонн, поддерживающих арки ротонды, произведены сотрудником института «Спецпроектреставрация» и Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН А. А. Липатовым и архитектором Д. С. Тугановым. Составленная ими полевая документация приложена к полевому отчету. При зачистке кладки найдено 7 фрагментов лепной керамики эпохи раннего металла – РЖВ и один фрагмент гладкостенной лепной керамики.

Табл. 41. Распределение находок в балластном слое раскопа 3

Кв-т	Фр-ты лепной керамики ЭРМ – РЖВ	Фр-ты лепной гладкостенной керамики	Фр-ты гончарной керамики	Фр-ты фарфоровой посуды	Находки
1	1	3	1	1	—
2	1	—	—	1	—
3	—	1	—	—	—
4	—	—	—	—	—
Всего	2	4	1	2	

Табл. 42. Распределение находок в пласте 1 культурного слоя раскопа 3

Кв-т	Фр-ты лепной керамики ЭРМ – РЖВ	Фр-ты лепной гладкостенной керамики	Фр-ты гончарной керамики	Фр-ты гончарной белоглиняной посуды	Находки
1	24	7	3	—	—
2	—	—	—	—	—
3	9	1	—	—	—
4	25	6	—	1	—
Всего	58	14	3	1	

Табл. 43. Распределение находок в пласте 2 культурного слоя раскопа 3

Кв-т	Фр-ты лепной керамики ЭРМ – РЖВ	Фр-ты лепной гладкостенной керамики	Фр-ты гончарной керамики	Фр-ты гончарной белоглиняной посуды	Находки
1	7	9	—	—	
2	23	7	2	—	
3	12	1	1	—	
4	7	7	—	—	
Всего	49	24	3		

Табл. 44. Распределение находок в пласте 3 культурного слоя раскопа 3

Кв-т	Фр-ты лепной керамики ЭРМ – РЖВ	Фр-ты лепной гладкостенной керамики	Фр-ты гончарной керамики	Фр-ты гончарной белоглиняной посуды	Находки
1	10	8	—	—	
2	22	32	2	—	
3	8	1	—	—	
4	14	5	—	—	
Всего	54	46	2		

Табл. 45. Распределение находок, полученных при зачистке материка

Кв-т	Фр-ты лепной керамики ЭРМ – РЖВ	Фр-ты лепной гладкостенной керамики	Фр-ты гончарной керамики	Фр-ты гончарной белоглиняной посуды	Находки
1	3	1	—	—	—
2	—	—	—	—	—
3	10	1	—	—	—
4	1	1	—	—	—
Всего	14	3			

Табл. 46. Распределение находок в заполнении комплекса I

Пласт	Кв-т	Фр-ты лепной керамики ЭРМ – РЖВ	Фр-ты лепной гладкостенной керамики	Находки
1	1	39	1	
	2	100	14	Кремень кресальный (оп. 1, № 3) (рис. 230: 9)
	2 (каменка)	—	5	
	3	—	—	
	4	1	—	
2	1	24	8	
	2	65	15	Фрагмент венчика лепного слабопрофилированного сосуда со слабо выраженным ребром (оп. 1, № 5) (рис. 229: 16)
	2 (каменка)	29	8	
	3	—	—	
	4	—	—	
3	1	43	7	Фрагмент венчика лепного реберчатого сосуда (оп. 1, № 6) (рис. 231: 1)
	1 (каменка)	—	4	
	2	69	26	Фрагмент придонной части лепного сосуда (оп. 1, № 7) (рис. 230: 6) , железный предмет (заостренная пластина) (оп. 1, № 10) (рис. 230: 10) , фрагмент стенки лепного орнаментированного сосуда (оп. 1, № 11) (рис. 228: 5) , бисерина рубленая зеленого стекла (оп. 2, № 8) (рис. 230: 7)
	3	—	—	
	4	—	—	
4	1	27	5	Фрагмент венчика лепного слабопрофилированного сосуда (оп. 1, № 8) (рис. 229: 1а) , фрагмент венчика лепного слабопрофилированного сосуда (оп. 1, № 9) (рис. 231: 4)
	2	24	5	
	2 (дно ямы)	17	2	
	4	—	—	
Всего		438	100	

Табл. 47. Распределение находок в заполнении комплекса II

Пласт	Кв-т	Фр-ты лепной керамики ЭРМ – РЖВ	Фр-ты лепной гладкостенной керамики	Находки
1	3	8	—	—
2	3	7	—	—
3	—	—	—	—
4	4	2	—	—
Всего		17	—	—

0–0,25 м — серая рыхлая супесь с кирпичной крошкой, известкой и мусором второй половины XX в. Это слой реставрации, произведенной в 1970-х годах. Находки представлены обрезками кровельного железа, осколками бутылочного и оконного стекла, гвоздями, фрагментами кузнецовской фарфоровой посуды рубежа XIX–XX вв.

В западной части шурфа в квадрате 3 под почвенным слоем зафиксирована прослойка красноватого суглинка с кирпичной крошкой. Надо полагать, это та же прослойка, которая зафиксирована в верхней части балластного слоя в центральной части площадки городища в 2013 году. Ниже в шурфе зафиксирована пачка слоев, лежащих наклонно от стены колокольни к западу. С такой структурой мы уже сталкивались при прорезке насыпи аракчеевского плаца в 2013 году. Очевидно, подсыпка плаца начиналась прямо от стен колокольни, находившейся на краю некоторой природной покатости.

0,25–0,50 м — битый кирпич, перемешанный с грунтом и кусками известкового раствора. Отсюда, из квадрата 1 происходит монета достоинством в 1 копейку, чеканенная в 1928 г. (оп. 2, № 20).

0,25–0,75 м — красноватая глина с обильной примесью строительного мусора. В квадрате 3 в этом слое расчищен крупный валун. В этом же слое в центральной части шурфа на отметке -90 – (-92) см была расчищена лежавшая перпендикулярно стене гранитная надгробная плита размерами 0,43 × 0,96 × 0,22 м¹⁴⁵.

¹⁴⁵ Блок имел гладко подтесанную лицевую сторону, боковые грани также были тщательно обтесаны. Обратная сторона плиты имела грубую подтеску, вдоль длинных граней имеется «полочка» шириной 4–5 см. После извлечения плиты из раскопа, оказалось, что на ее лицевой стороне, обращенной вниз, помещена эпитафия: «На сем месте погребено тело младенца Анны скончалась 1829 го жития было нам ле 6 гадо». В верхней части плиты выбито контурное изображение восьмиконечного креста с монограммой «IC XP». Под надписью в нижней части плиты помещено схематичное изображение человечка. Некоторые буквы не читаются, поскольку на поверхности плиты имеются перекрывающие надпись пятна штукатурки и побелки, говорящей о том, что могильная плита какое-то время использовалась в качестве строительного материала (была вмурована в стену?). Судьба

плита лежала на слое строительного мусора, примыкавшем к фундаменту колокольни. Слой этот, вероятно, следует связывать с перестройками рубежа 1820-х и 1830-х годов.

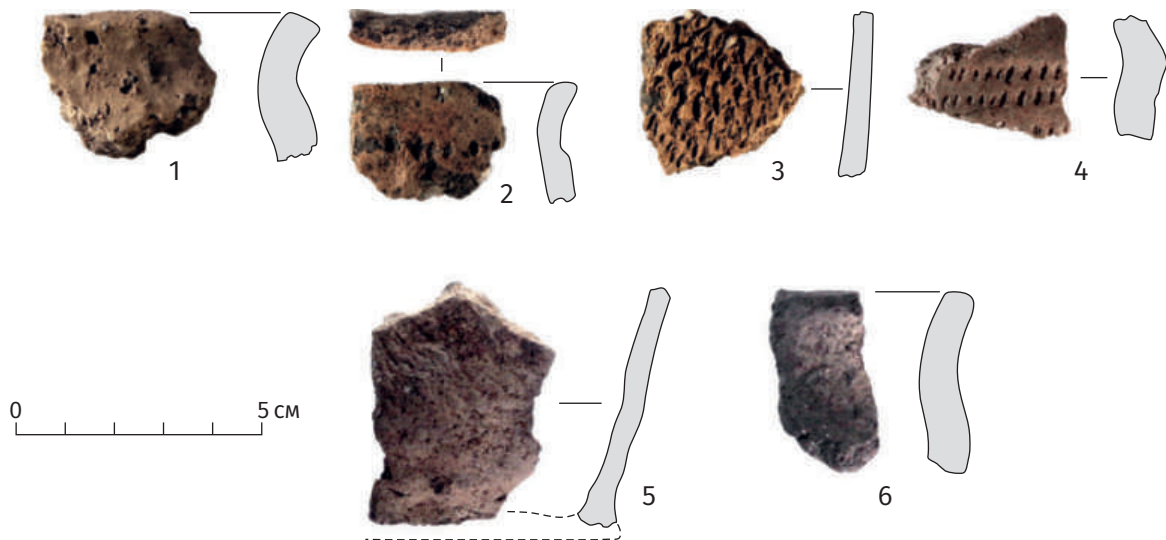
0,66–0,76/0,80 м — прослойка слоистой серо-красноватой супеси. Залегала почти горизонтально с небольшим уклоном к западу. Ее толщина 0,05–0,10 см. Эта прослойка синхронна строительству колокольни, поскольку «затекает» в фундаментную траншею.

0,70/0,80 м — 1,10 м — серая однородная мелко-дисперсная супесь (культурный слой). Мощность культурного слоя составляет от 0,20 до 0,65 м (рис. 215). Поверхность его ровная и утоптанная. Слой идентичен по структуре и цвету участкам уже исследованных средневековых напластований в раскопе 1 в центре городища (исследования 2013 года) и в раскопе 3. Верхняя часть культурного слоя сформировалась в начале XIX в. Отсюда происходит железный гвоздь с уплощенным стержнем (оп. 2, № 21). Из промывки культурного слоя в квадрате 3 происходит бронзовая литая пуговка с петельчатым ушком, возможно, средневекового времени (оп. 2, № 26) (рис. 216: 2). Массовый материал из культурного слоя представлен 19 фрагментами лепной керамики (рис. 216: 1) и двумя обломками гончарных сосудов, одновременных каменной церкви.

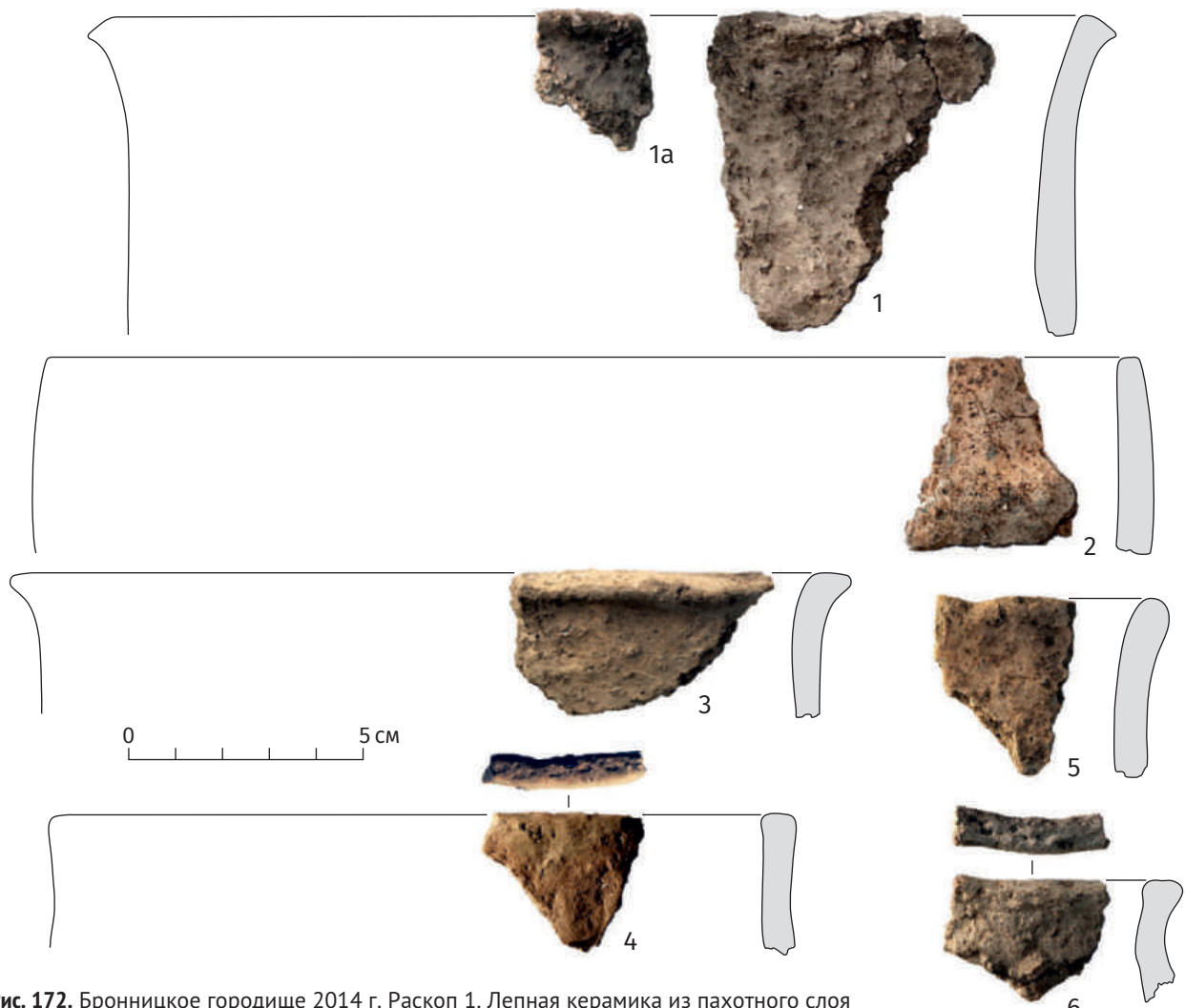
Поверхность материка здесь очень неровная. Нижняя часть культурного слоя образована прослойкой более светлой супеси, что связано, в основном, с деятельностью животных-землероев.¹⁴⁶

надгробия младенца Анны непонятна. Проще всего допустить, что плита переотложена в советский период. В таком случае, весь слой строительного мусора на глубину до 0,4 м следует относить к этому времени. Но следов перекопа в пачке слоев не прослежено. Могла ли при обустройстве плаца в начале 1830-х годов быть разорена свежая могила? Никаких следов погребения в шурфе обнаружено не было.

¹⁴⁶ В архитектурном отношении обследование фундаментной части колокольни дало тот же результат, что и раскопки в ротонде. Выяснилось, что фундаментная траншея имеет очень небольшую глубину (не больше 0,3 м от поверхности почвы XVIII в.) и на данном участке не

Рис. 171. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Лепная керамика из пахотного слоя.
1 – кв. А'-14'; 2-4 – кв. А'-16'; 6 – кв. А'-17'

Рис. 172. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Лепная керамика из пахотного слоя и пласта 1 культурного слоя. 1 – кв. А-16', пахота; 1а – кв. А-16', пласт 1; 2 – кв. А'-19', пахота; 3 – кв. А-12', пласт 1; 4 – кв. А-17', пласт 1; 5, 6 – кв. А'-13', пласт 1

Рис. 173. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Лепная керамика из культурного слоя. Пласт 1. 1 – кв. А-11'; 2 – кв. А-12'; 3, 4 – кв. А-13'; 5, 6 – кв. А-15'; 7–11 – кв. А-16', пласт 1; 12 – кв. А'-12', зачистка стенки

Шурф 2 (за апсидой Введенской церкви). Заложен к северу от апсиды храма в месте примыкания ее к стене (рис. 217). Задача этого шурфа заключалась в том, чтобы охарактеризовать сохранность культурных напластований в наиболее возвышенной части городищенского холма. В 2013 году неподалеку от этого места располагался раскоп 2, в котором был открыт эскарп и раннесредневековые сооружения на склоне холма. Но сохранился ли культурный слой в северо-восточной части площадки, оставалось неясно.

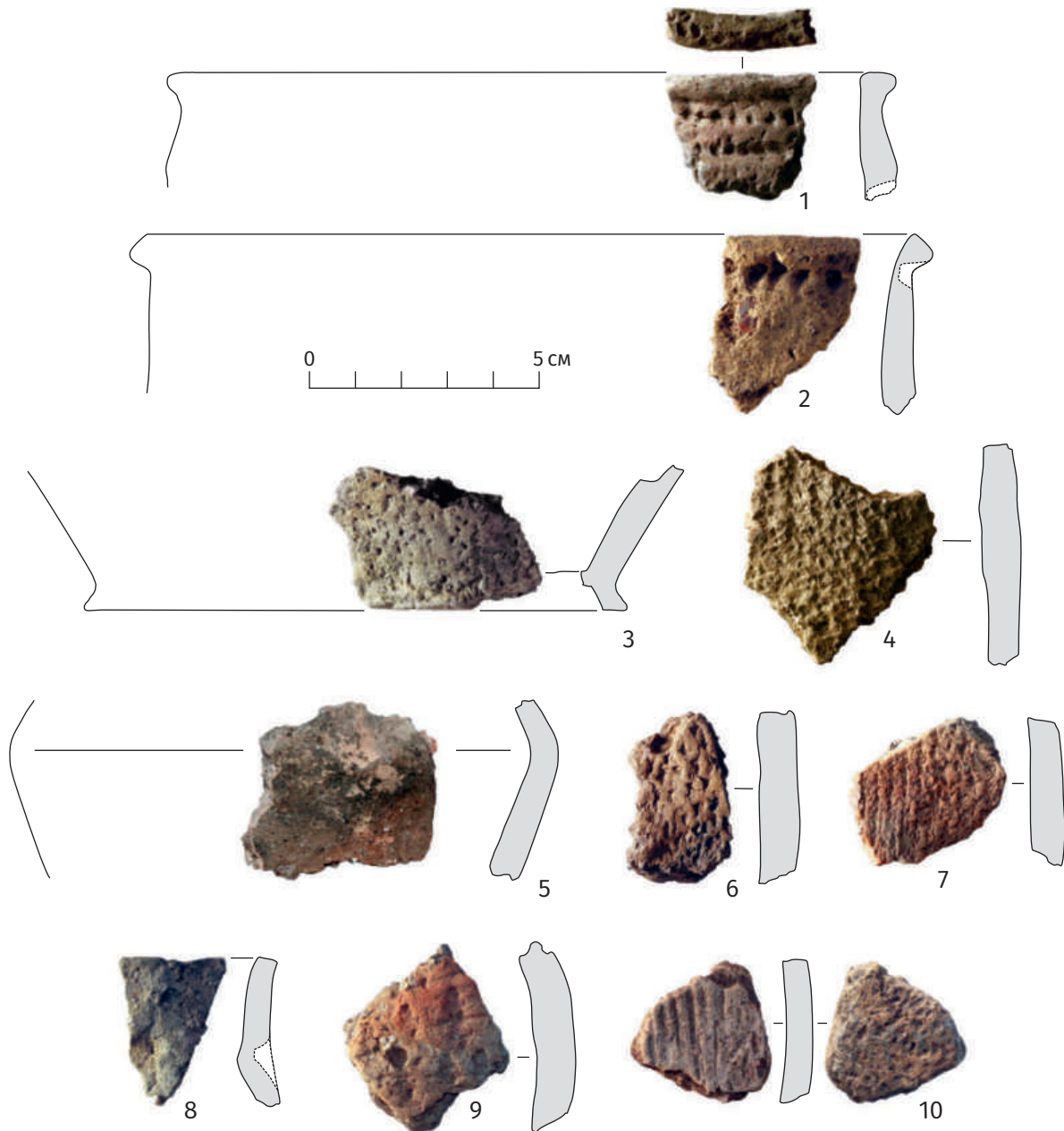
Размеры шурфа 1,4 × 1 м. Под слоем строительного мусора на глубине 0,2–0,3 м открылся участок га-

прорезает до материка культурный слой. Под валунным фундаментом уцелели раннесредневековые напластования мощностью до 0,25 м. Фундамент образован двумя рядами валунов размерами от 0,20 до 0,40 м в поперечнике с небольшим количеством кирпичного боя, пролитых известковым раствором. Лежащее выше кирпичное основание гранитного цоколя сложено в 4 ряда из кирпича размерами 25 × 11 × 7,5; 24 × 7 × (?); 25 × 8 × (?) см. Результаты шурфовки показывают, что колокольня принадлежит к храму постройки 1770-х гг. и нижняя ее часть в дальнейшем не реставрировалась.

лечного мощения, выполненного из камня в среднем 0,05–0,10 м в поперечнике. Вымостка предназначалась, очевидно, для отвода воды, стекавшей с апсиды каменного храма, т. е. относится к XVIII–XIX вв. В верхней части напластований найдено 9 фрагментов фарфоровой посуды, фрагменты белостенной и красноглиняной гончарной керамики и 3 обломка лепных гладкостенных сосудов.

Ниже мощения на глубину 0,15–0,20 м залегает слой бурого суглинка с вкраплениями темно-серого суглинка — более ранний культурный слой. Здесь найден обломок гончарного сосуда и (при зачистке материка) два фрагмента лепной керамики. Один из них, покрытый штриховкой, относится к РЖВ (рис. 218: 3).

После разборки слоя бурого суглинка в западной части шурфа на поверхности желтой материковой супеси обозначились контуры заполненной темно-серой супесью с углистыми включениями ямы, частично уничтоженной фундаментным рвом церкви. Яма имела пологие склоны и глубину до 0,16 м от поверхности материка. При выборке заполнения ямы было собрано 10 фрагментов лепной керамики (рис. 218: 1,

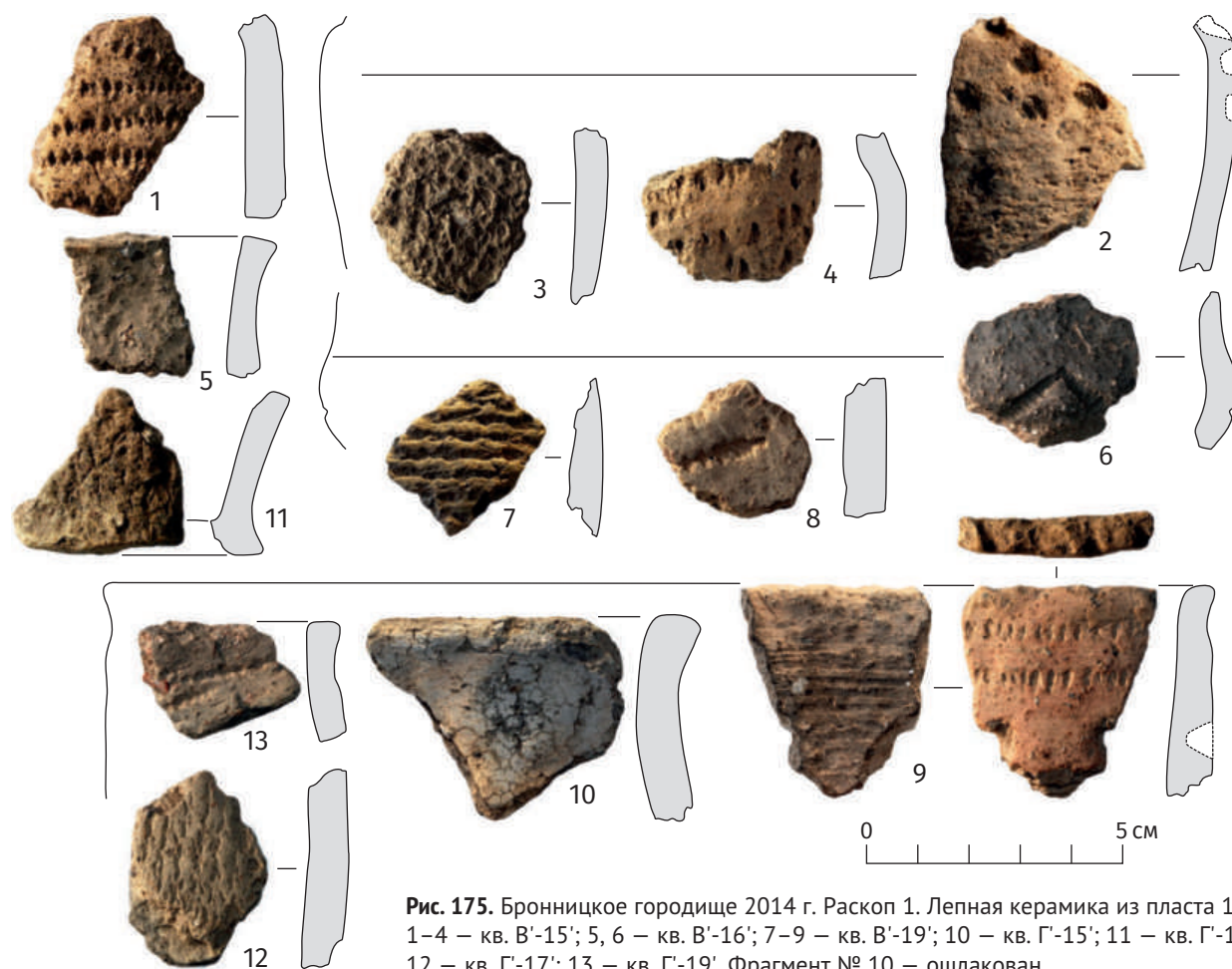

Рис. 174. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Лепная керамика из пласта 1 культурного слоя. 1 – кв. А'-17'; 2, 3 – кв. А'-14'; 4 – кв. А'-16'; 5 – кв. А'-17'; 6 – кв. А'-18'; 7 – кв. А'-19'; 8, 9 – кв. Б'-15'; 10 – кв. Б'-16'

2, 4–7). Среди них выделяются обломки двух реберчатых сосудов. Таким образом, шурф показал, что и на этом участке городища сохранились культурные напластования второй половины I тыс. н. э.¹⁴⁷

¹⁴⁷ Конструкция фундамента на вскрытом участке соответствовала уже имеющимся данным. Внешняя часть валунной кладки основания апсиды была уложена в неглубокий фундаментный ров с пологими стенками. Валунны были крупнее, чем на других исследованных участках фундамента. Их поперечник составлял от 0,30 до 0,50 м. Промежутки между валунами на вскрытом участке были заполнены красноватой глиной. Следы каких-либо перегородок отсутствовали.

Фортификация Бронницкой горы. Необычность ландшафтных условий определила и своеобразие оборонительной системы городища. Известные по различным собраниям многочисленные изображения XVIII–XIX вв., сделанные с разных ракурсов, все, так или иначе, показывают, что гора была укреплена системой эскарпов. Судя по старым рисункам, они не были кольцевыми, а в разных местах размывались на склонах горы. По изобразительным данным, эскарпов было три (Еремеев 2020: рис. 4–11). Имеется, однако, упоминание о четырех террасах на склоне. В последние два столетия гора получила столь сильные повреждения, что без специальных исслед-

Рис. 175. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Лепная керамика из пласта 1. 1–4 – кв. В'-15'; 5, 6 – кв. В'-16'; 7–9 – кв. В'-19'; 10 – кв. Г'-15'; 11 – кв. Г'-16'; 12 – кв. Г'-17'; 13 – кв. Г'-19'. Фрагмент № 10 – ошлакован

дований восстановить первоначальную систему эскарпов не представляется возможным. Сейчас можно предположительно говорить о трех оборонительных системах (двигаясь от центра горы к ее периферии (рис. 132).

1. Укрепление наиболее возвышенной части холма. С ним связан верхний эскарп раскопа 2 (2013 г.) и ровик в раскопе 1 (2013 г.). Связь этих укреплений достаточно формально определена нами по близости к центру площадки. Возможно, эти сооружения разновременны.

2. Нижняя терраса раскопа 2 (2013 г.). Надо полагать, эта рукотворная ступень составляет единое укрепление с большим эскарпом, хотя и располагается на более высоких высотных отметках.

3. Большой эскарп с широкой террасой, опоясывающий все городище, и размыкающийся на северном склоне. Как выяснилось, в третьей четверти I тыс. н. э., на террасе стояли жилища. В VIII–IX вв. он был подновлен. Этот эскарп выполнял, видимо, роль главной оборонительной линии. В неповрежденном виде он сохранился только на восточном склоне горы между раскопом 2 (2013 г.) и родником № 1. Терраса эскарпа имеет здесь в среднем 6 м в ширину, а высота достигает 4 м. Поверхность террасы на большей

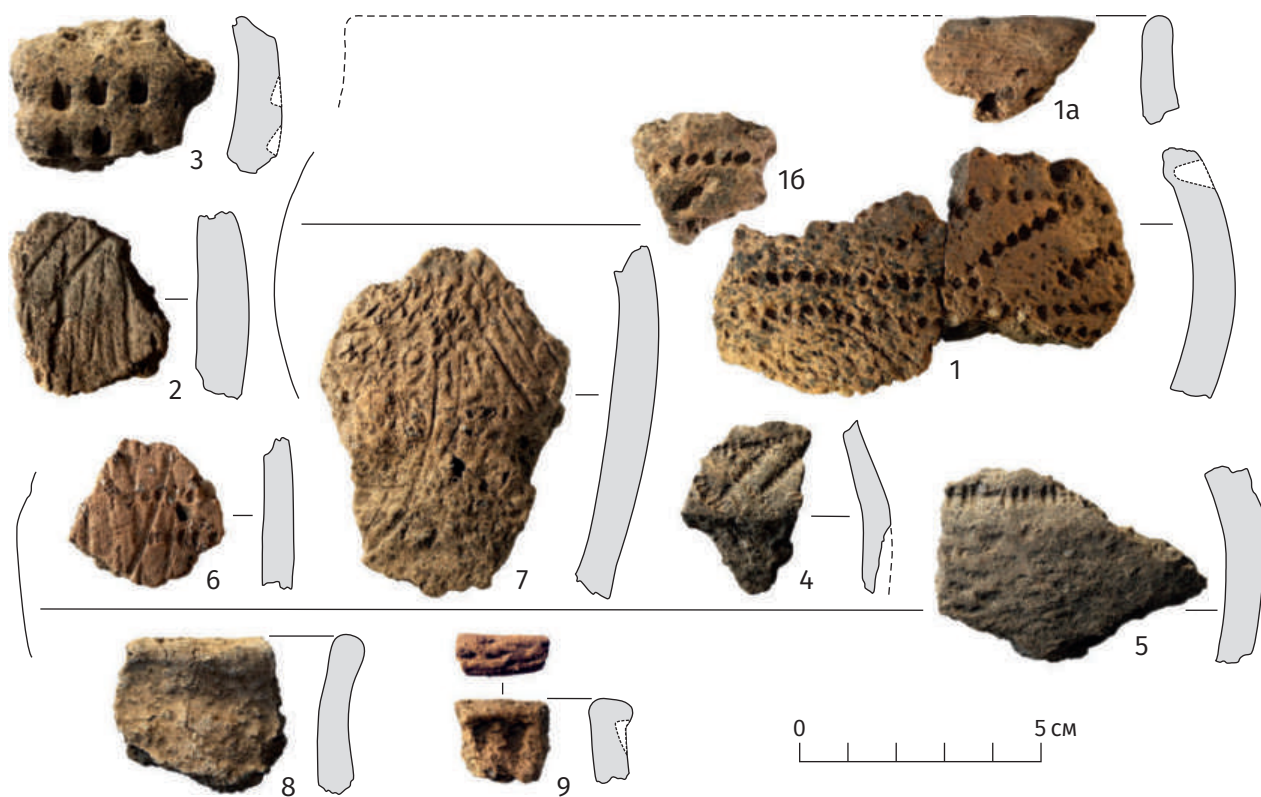
части не горизонтальная, а слегка наклонная, с перепадом высот до 1 м (возможно, за счет наплыва грунта с площадки городища). Родник № 1 представляет собой воронковидное углубление на южном склоне горы. Колодец был впущен с поверхности вышеупомянутого большого эскарпа. Диаметр воронки примерно 6 м. На глубине около 2 м воронка сужается до 1,5 м¹⁴⁸. В сырое время года в воронке стоит вода. К востоку от родника № 1 эскарп расширяется, образуя серповидную в плане площадку шириной до 20 м и длиной до 30 м. Поверхность ее почти горизонтальная. Фактически, это еще одна терраса, где возможно было возведение построек, жилых и хозяйственных. Площадка, безусловно, имеет древнее происхождение и является рукотворным элементом рельефа. Возможно, родник находился под защитой каких-то укреплений, для размещения которых и была вырезана в склоне эта терраса. В 4-х метрах к западу от родника уступ террасы прорезает тропинка, образовавшая заметную выемку в бровке площадки городища. Тропинка, вероятно, древняя — именно по ней удобнее всего спускаться к колодцу с площадки городища.

¹⁴⁸ Рельеф здесь сильно изменен кладоискательскими ямами.

Рис. 176. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Лепная керамика из пласта 2. 1 – кв. А-9'; 2 – кв. А-17'; 2а, 3–5 – кв. А-18'; 6 – кв. А-19'; 7, 8 – кв. А'-16'; 9 – кв. А'-17'; 10–12 – кв. А'-18'

Рис. 177. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Лепная керамика из пласта 2 (1–9) и пласта 3 (16). 1, 1а – кв. А-16'; 2 – кв. А'-12'; 3–5 – кв. А'-13'; 6 – кв. А'-14'; 7, 8 – кв. А'-15'; 9 – кв. А'-15'; 16 – кв. А'-19'. На фрагменте № 6 можно видеть гребенчатый оттиск, нанесенный поверх штриховки; на фрагменте № 7 – текстильные отпечатки поверх штриховки

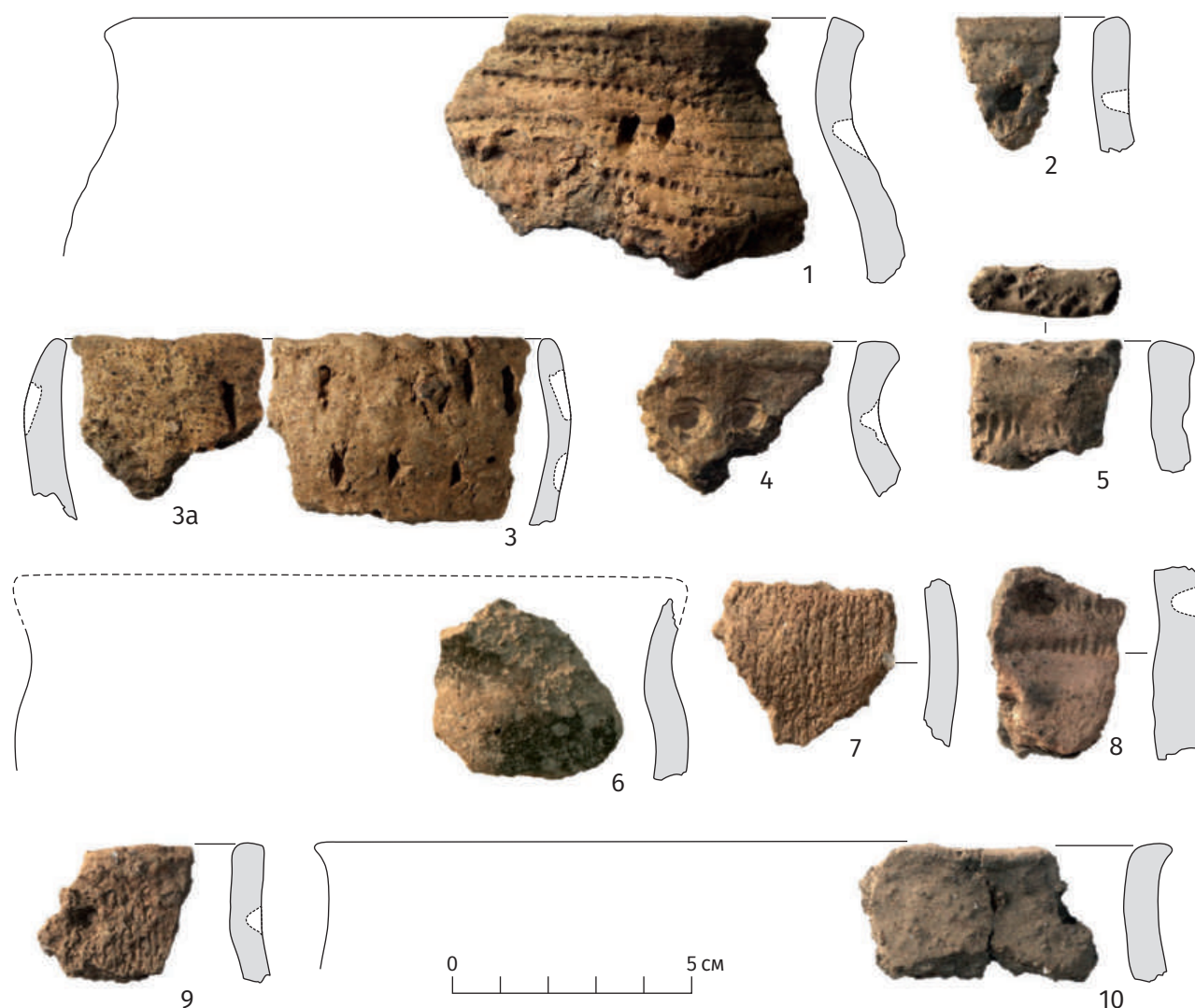
Рис. 178. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Находки из пласта 2. 1–5 — кв. Б'-15'; 6, 7 — кв. Б'-18'; 8 — кв. Б'-19'; 9, 10 — кв. В'-15'; 11 — кв. В'-18'; 12 — кв. Г'-19'. 6 — фрагмент глиняной формы для изготовления гривен (диаметром около 22 см и в поперечнике около 0,7 см); 7 — фрагмент венчика лепного сосуда с оттиском витого шнура

Рис. 179. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Лепная керамика из пласта 3. 1 – кв. А-9'; 2, 3 – кв. А-10'; 4 – кв. А-17'; 5, 6 – кв. А'-10'; 7 – кв. А'-12'; 8 – кв. А'-15'; 9, 10 – кв. А'-16'; 11 – кв. А'-18'; 12 – кв. А'-19'

Рис. 180. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Лепная керамика из пласта 3. 1–3а – кв. Б'-15'; 4, 5 – кв. Б'-17'; 6 – кв. Б'-18'; 7 – кв. Б'-19'; 8 – кв. В'-15'; 9 – кв. Г'-18'; 10 – кв. Б'-16

В северной части горы (между раскопом 2 и современным въездом) древний край площадки совпадает с краем аракчеевского плаца. Эскарп здесь особенно хорошо заметен, поскольку, видимо, был подправлен в первой половине XIX в. На его поверхности расположен родник № 2 (в настоящее время засыпан).

Что касается остальных неровностей, заметных на склонах ниже, о них трудно сказать что-то определенное из-за сильных повреждений основания горы. Судя по сдвинутым в кучи валунам, поверхность здесь выравнивалась тяжелой техникой в послевоенное время.

Параллели системе эскарпов среди раннеславянских укреплений более южных территорий представляется мне очевидными. Ближайшими аналогиями Бронницкому городищу, с его террасированными обжитыми склонами, является городище Дедиловичи и Соборная гора в Смоленске. Соседним памятни-

ком третьей четверти I тыс. н. э. со ступенчатой эскарпировкой площадки является Городок на Маяте.

Культурно-значимые находки с Бронницкого городища. Датировка городка третьей четвертью I тыс. н. э. определяется преимущественно сочетанием ранних типов лепной керамики (рис. 263–265) и радиоуглеродных датировок (рис. 234). Есть, однако, несколько находок, на которые необходимо обратить внимание.

Редкой находкой для Северо-Запада является фрагмент бронзового проволочного украшения с завитком, плотно закрученным в три оборота (рис. 211: 2). Это может быть височное кольцо или двуспиральная подвеска. Подобные украшения характерны для кладов «древностей антов» 1-й группы, датирующейся VII в. (Щеглова 1990: рис. 6: 1, 2; Гавритухин, Щеглова 1996: 53; Казанский 2014: 53–54). Серия височных колец с завитком встречена в Нижнем Поволжье на городище Любша (Рябинин 2003: 206)

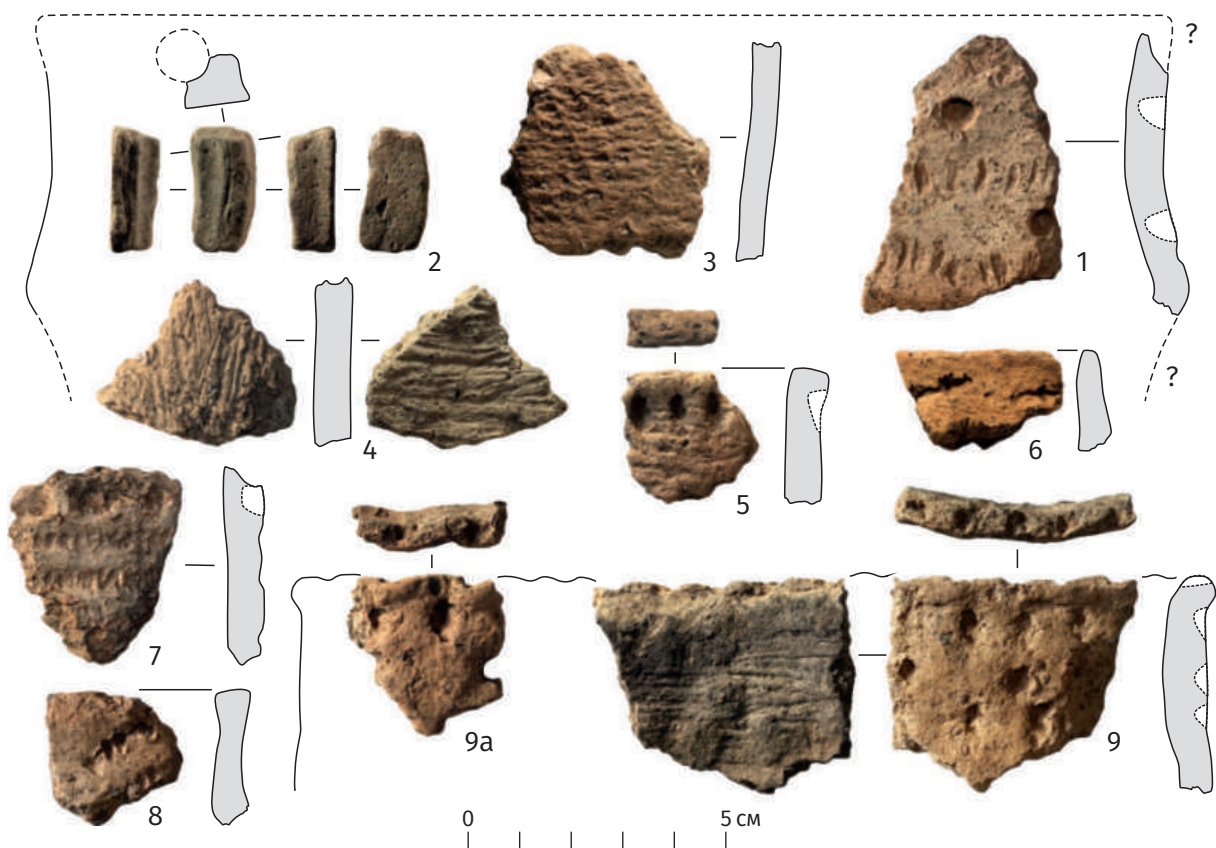

Рис. 181. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Находки из пласта 3 (1), 4 (2-9), 5 (9а). 1 – кв. В'-19'; 2, 3 – кв. А-9'; 4 – кв. А'-10'; 5 – кв. А-11'; 6 – кв. А-18'; 7 – кв. А-19'; 8 – кв. В'-18'; 9 – кв. В'-19'; 9а – кв. А'-18'

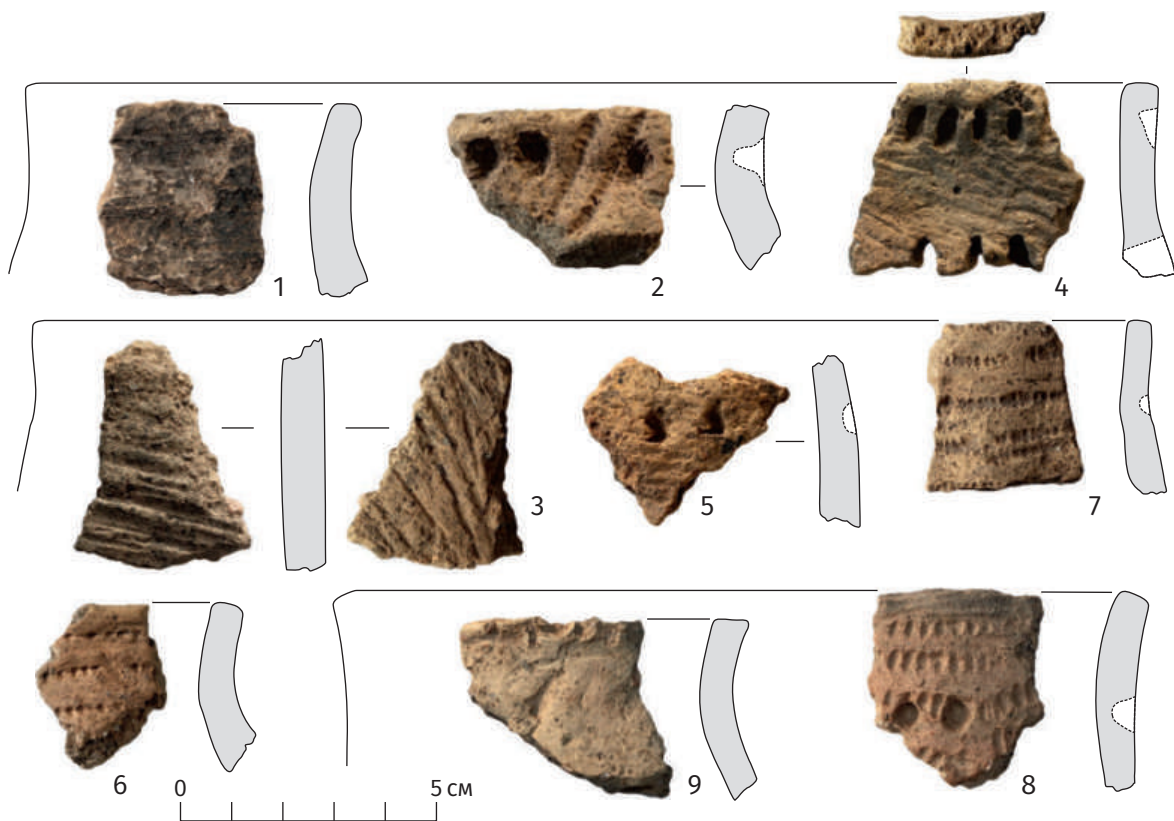
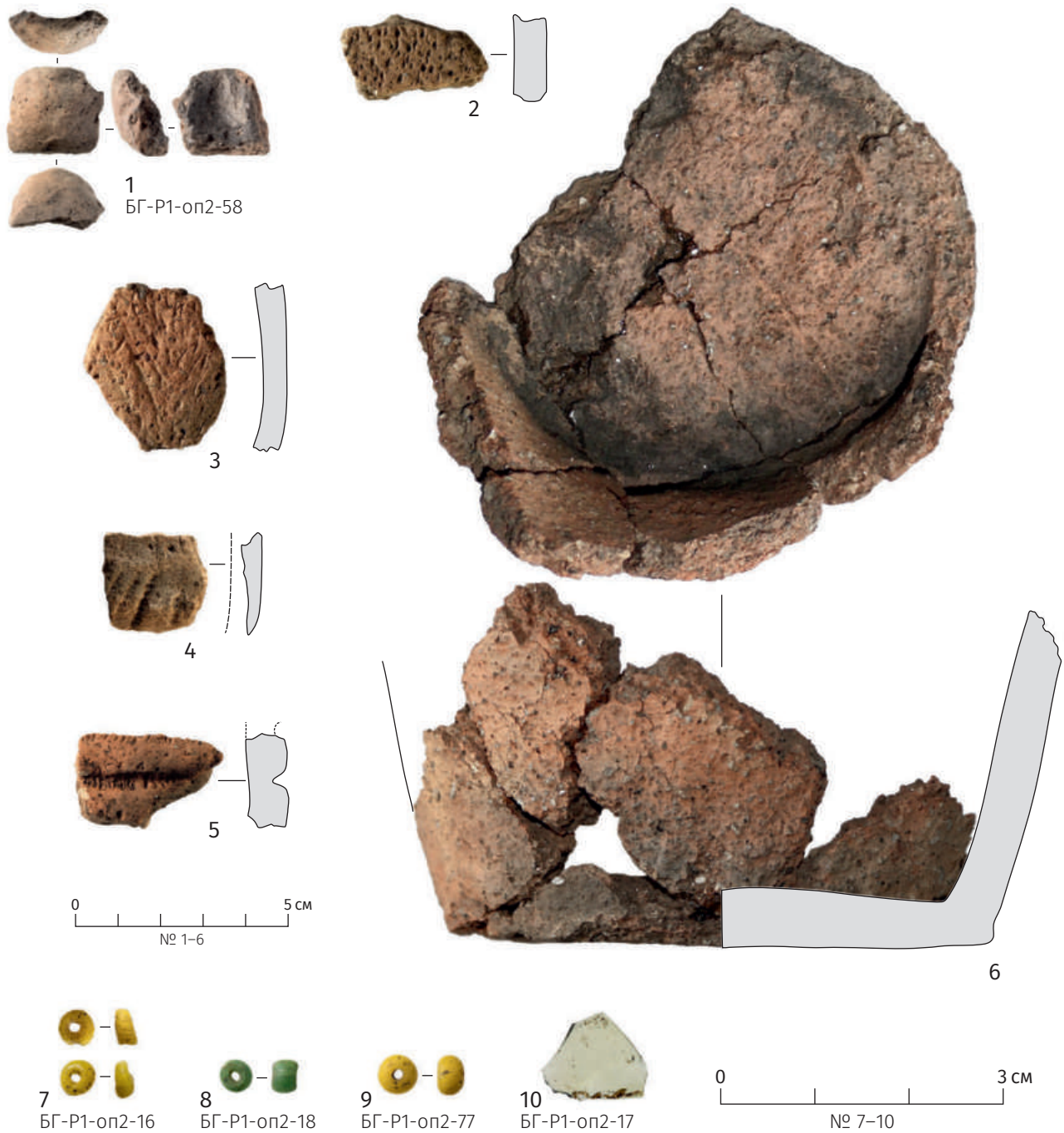

Рис. 182. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Лепная керамика из пласта 5 (1-8) и 6 (9). 1-3 – кв. А-10'; 4 – кв. А-11'; 5, 6 – кв. А-19'; 7 – кв. Г'-17'; 8 – кв. А'-18'; 9 – кв. А'-19'

Рис. 183. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Комплекс V. Находки из заполнения.

1–6 — глина; 7–10 — стекло. 1 — кв. А'-15', останец культурного слоя под точильным (?) камнем; 2–5 — кв. А'-15', пласт 1

в Старой Ладогe, где датируется IX в. (Кирпичников 2002: 247–248; Кирпичников, Сарабьянов 2013: 147–149). В Приильменье такие подвески есть на Рюриковом Городище (Носов, Плохов, Хвощинская 2017: ил. 13: 26) и на городище Княжая Гора (Орлов А-1976: рис. 16: 14). Дальше след уходит на юг в раннеславянские культуры Поднепровья. Впрочем, для бронницкой находки нельзя исключать и другие направления аналогий — очевидные подвески, характерные для древ-

ностей РЖВ на широкой территории (Исланова 2008: 21; Егорейченко 2016: 143) или булавки со спиральным завитком, известные в финском мире в первой половине-третьей четверти I тыс. н. э. (Башенькин, Васенина 204: рис. 6: 5, 6; 19: 1).

Подпрямоугольная подвеска из медного сплава найдена на материке в центральной части городка (рис. 211: 1). На фоне широко распространенных во второй половине I тыс. н. э. трапецевидных под-

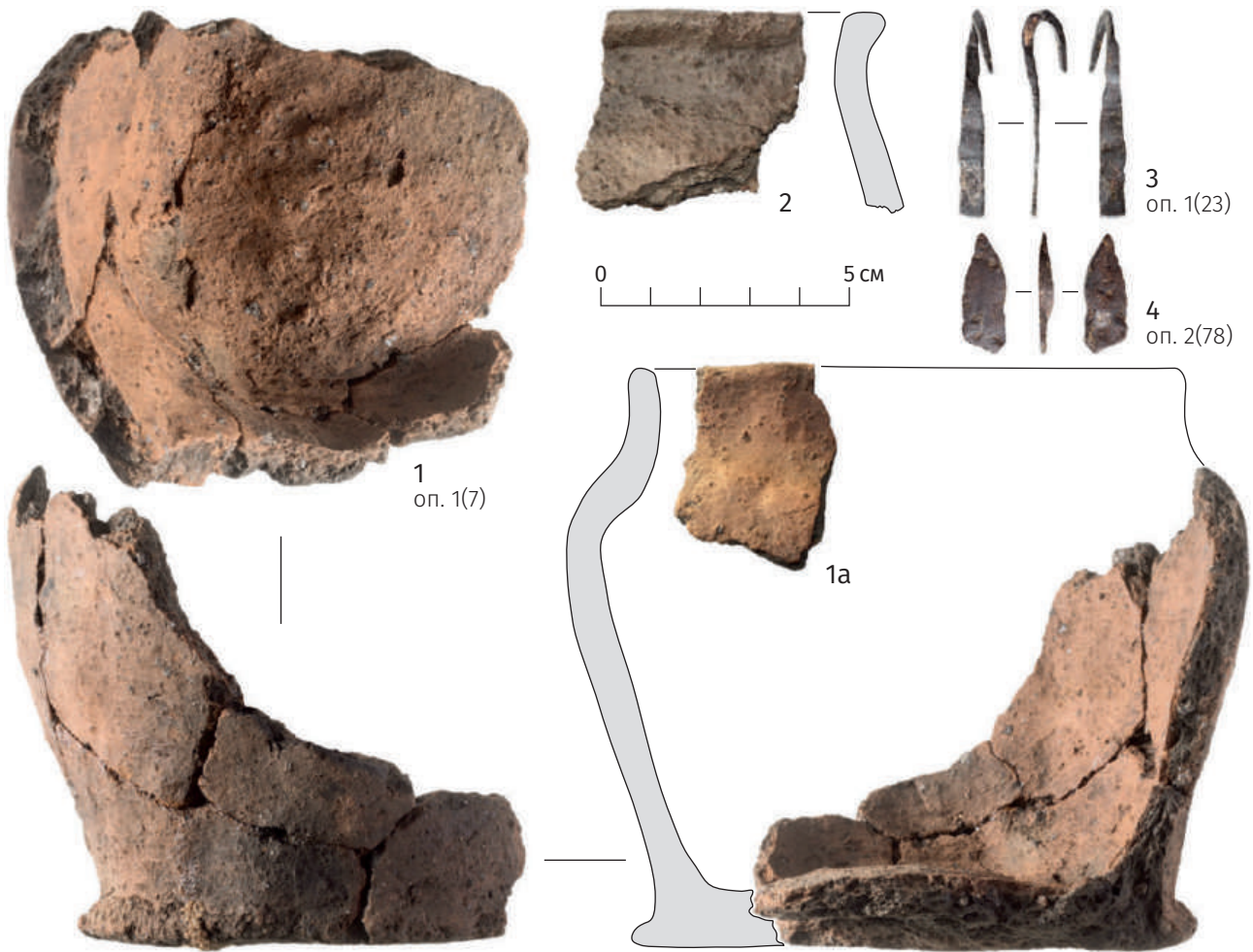
Рис. 185. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Комплекс VI. Лепная керамика РЖВ. 1 — кв. А-13', пласт 1; 2, 7, 8 — кв. А'-13', пласт 2; 3 — кв. А'-12', пласт 2; 4 — кв. А'-12', пласт 3; 5 — кв. А'-12', зачистка дна ямы; 6 — кв. А'-13', зачистка дна ямы; 9 — под каменкой

весок, это изделие представляет редкость. Подвески такой формы во второй половине I тыс. н. э. иногда использовались наряду с более распространенными трапециевидными украшениями. Аналогю можно указать в одной из материковых ям на городище Георгий (Носов, Плохов А-1990: л. 10, рис. 27: 7). Яма датируется, скорее всего, VIII–IX вв. Прямоугольная подвеска известна также на городище Курская Гора (Клубова А-1990: рис. 11: 6, 15). Подобные подвески встречаются в банцеровской культуре, например, на городище Кострица (Поболь 1983: рис. 65: 17) и Бураково (Шут 1966: рис. 6: 3) в Белорусском Подвинье, на городищах Клишино (Шадыро 2016: мал. 2: 13) и Бирули (Харытанович 2013: 309, мал. 1: 1). В более раннее время они широко известны в КШК (Гурин 2000: 34, рис. 11: 4–6; Егорейченко 2016: 142–143,

рис. 16: 26) и других культурах РЖВ в Поднепровье и на сопредельных территориях.

Посоховидная железная булавка (фрагмент) с массивным, прямоугольным в сечении стержнем и каплевидной головкой, найдена в пласте 1 культурного слоя раскопа на краю площадки (рис. 211: 9). В последней четверти I тыс. н. э. в словенско-кривичском регионе такие булавки неизвестны, но используются в балтских культурах в Нижнем Подвинье и прилегающих землях. Посоховидная булавка известна в комплексе из ладожской сопки 14-II, датирующейся VII–VIII в. К VI–VII вв. относят находку посоховидной булавки на Попадьинском селище в Верхнем Поволжье (Леонтьев 1996: 232; рис. 103: 1). Близкую датировку имеет булавка с городища Осечен из того же региона (Исланова, Мирецкий, Олейников

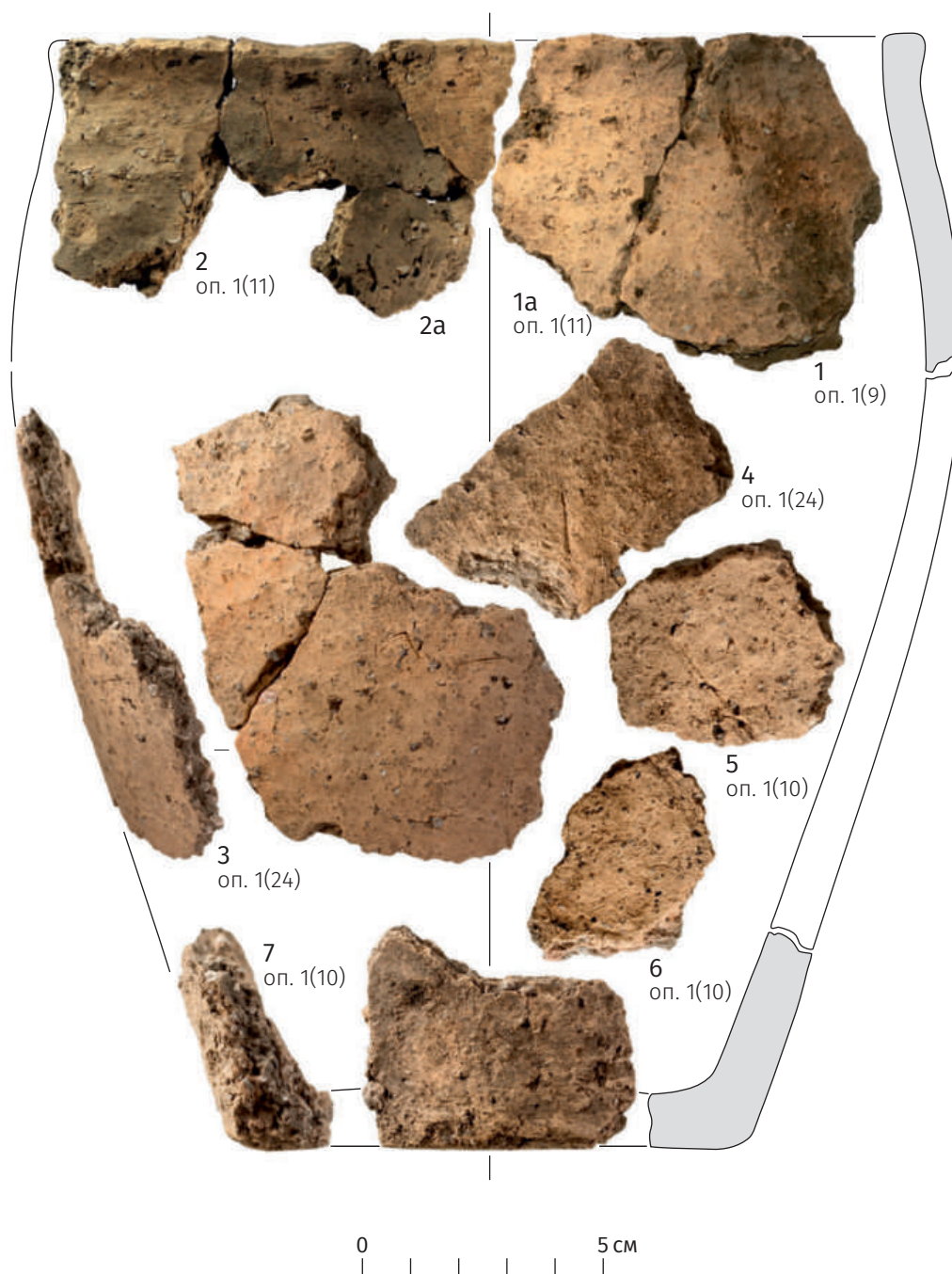

Рис. 186. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Комплекс VI. Лепная средневековая керамика и предметы из железа. 1, 1а — кв. А-13', пласт 1, темно-серая супесь; 2 — кв. А'-12', пласт 1; 3 — кв. А'-12', пласт 3; 4 — кв. А-12', культурный слой под каменной

2007: рис. 4: 9). Известны подобные вещи в пражской культуре (Гавритухин 2017: рис. 1: 5). находка есть на селище Золотое Колено (Носов, Плохов 1991: рис. 5: 14), где присутствует горизонт третьей четверти I тыс. н. э., сопоставимый с древностями Городка на Маяте (Еремеев, Дзюба 2010: 108), на селищах Фролы и Узмень, более ранних, но относящихся к тому же кругу древностей (Лопатин, Фурасев 2007: рис. 92: 2; 105: 1). От этих памятников тянется нить к киевской культуре, в которой посоховидные булавки занимают заметное место (Лопатин, Фурасев 2007: 60), а через нее — к культурам РЖВ на широкой территории (от ареала КШК до ареала ДК) (Шадыро 1985: 64). По форме головки бронницкая булавка близка предметам, массово известным в ДДК (Медведев 1995а: 160). Хронологические границы их бытования неясны. В древнерусское время железные булавки вновь появляются в славянизированных регионах в виде так называемых кудельных булавок (см. напр. рис. 389: 3).

Редкий тип железной булавки с головкой в виде загнутых внутрь волют найден в том же контексте — в пласте 1 культурного слоя (рис. 211: 8). Для Северо-Запада России эта булавка уникальна. Значительное количество подобных изделий найдено на городищах Занеманья (левобережья Немана) в Литве (Куликаускас 1970: 98, 99, рис. 4: 2–5), чья принадлежность определяется как ятвяжская (Финно-угры и балты 1987: табл. СХХХVII: 29). Предмет заставляет вспомнить еще об одной находке, указывающей на то же направление связей, — о бронзовом навершии ритона с Городка на Маяте. Впрочем, как и многие находки, булавка допускает различные толкования. Можно, например, упомянуть находку аналогичного предмета на поселении Биссендорф в округе Оснабрюка в Нижней Саксонии в контексте XI–XII вв. Авторы находки связывают ее происхождение с Верхнефранкско-Богемским регионом (Woltermann, Lau 2014: 436, Abb. 9: a).

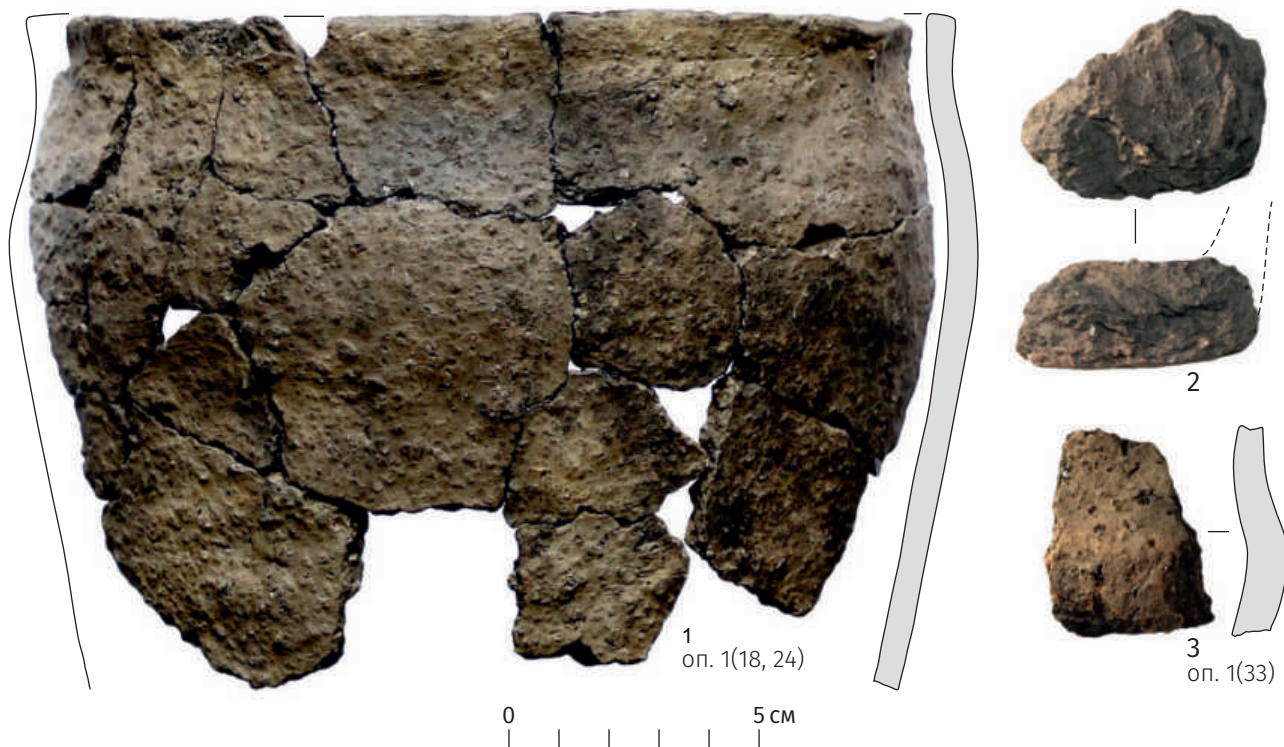

Рис. 187. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Комплекс VI. Заполнение ямы (темно-серая супесь). Развал лепного гладкостенного сосуда. 1, 1а, 2, 4 — кв. А-13', пласт 1; 2а — кв. А'-12', пласт 1; 3 — кв. А'-13', пласт 3; 5–7 — кв. А-13', пласт 1

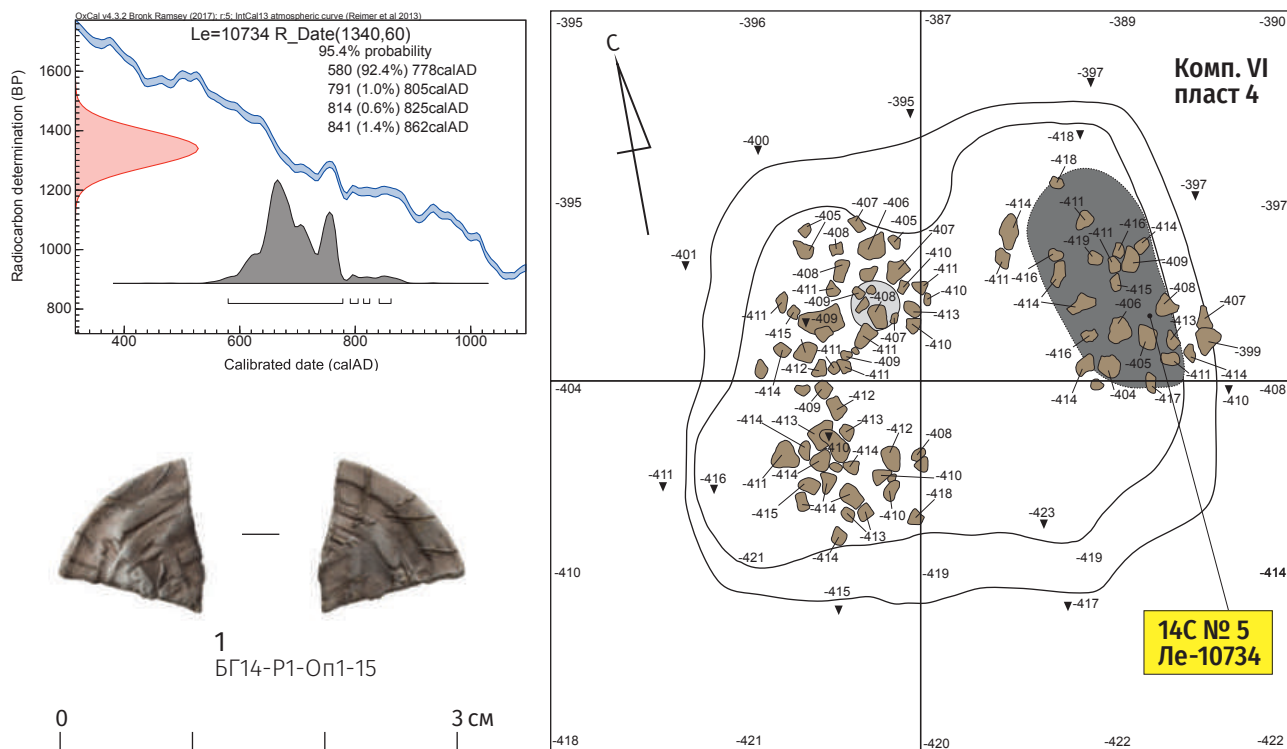
Бусы из культурного слоя Бронницы немногочисленны и невыразительны. К потенциально ранним (VII–IX вв.) относятся кубические бусины со сглаженными углами и гранями (или сглаженно-четырнадцатигранные). Одна изготовлена из темно-синего стекла (рис. 168: 16); другая — из прозрачно-голубого (рис. 212: 1).

Что касается сглаженно-четырнадцатигранной бусины из темно-синего стекла, в Броннице она мо-

жет относиться к третьей четверти I тыс. н. э., и даже к более раннему времени. Бусы эти широко распространяются в Европе в I–V вв. (Мастыкова 2009: 106–108). Неподалеку от Ильменя подобные бусы отмечены на селищах этого времени: Узмень (Лопатин, Фурасьев 2007: рис. 104: 1–3), Фролы (Лопатин, Фурасьев 2007: рис. 92: 7) и Каменная Лава в верховьях Ловати. Серия находок представлена в погребальных комплексах КПДК (Михайлова 2014: 110–113).

Рис. 188. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Комплекс VI. Лепная средневековая керамика из заполнения постройки. 1 – кв. А-12', пласт 2 (оп. 1-18), кв. А'-13', пласт 3 (оп. 1-24); 2 – кв. А-12', пласт 4, под каменкой; 3 – кв. А-12', под каменкой (оп. 1-33)

Рис. 189. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Комплекс VI. Датировка, полученная по углю из слоя черной супеси под развалом печи-каменки и фрагмент дирхема из нее. Аббасиды, ал-Махди (775-785) или ал-Хади (785-786)

Рис. 190. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Пласт 1 в западной части раскопа. Вид с юго-запада

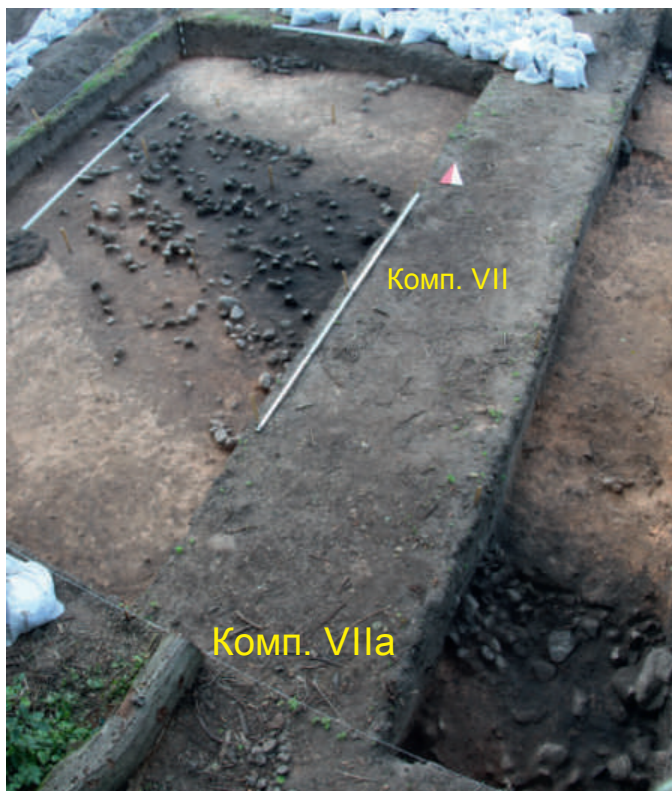

Рис.191. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Пласт 2 в западной части раскопа. Вид с юго-запада. Комплекс VIIa в процессе разбора пласта 5

Рис.192. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Вверху: пласт 6. Вид с юго-запада. Пласт разобран только в поздней части заполнения комплекса VII (в слое серой супеси). Соответствующие пласты в ранней части (в слое бурой супеси) разбирались позже отдельно (фото внизу)

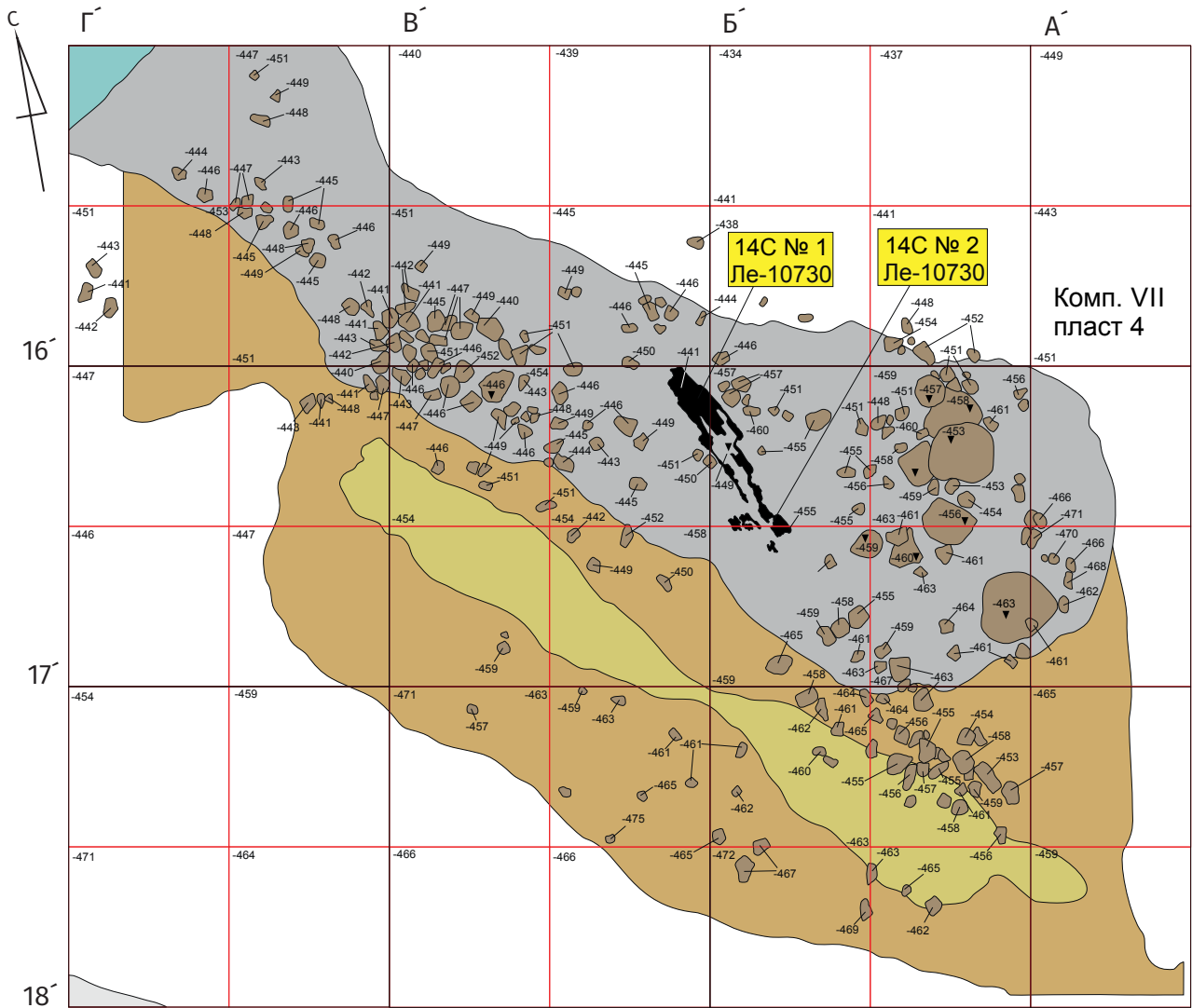

Рис. 193. Бронница 2014 г. Раскоп 1. Комплекс VII. Находки из заполнения. 1 – кв. А'-17', пласт 3; 2 – кв. Г'-16', пласт 4; 3 – кв. Б'-17', пласт 4; 4 – кв. Г'-16', пласт 5; 5 – кв. Г'-16', пласт 7; 6 – кв. В'-17', пласт 8, зачистка стенок ямы; 7–9 – кв. В'-17', пласт 8, желто-бурая супесь; 10 – кв. В'-17', пласт 9; 11–14 – кв. В'-17', пласт 10; 15 – кв. В'-17', желто-бурая супесь; 16 – кв. Г'-16', зачистка дна комплекса

Рис. 194. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Комплекс VII. Находки из заполнения.

Условные обозначения:

	– переотложенный слой		– темно-серый суглинок
	– камни		– серый суглинок с включениями желтого суглинка
	– обугленное дерево		– бурая супесь

0 2 м

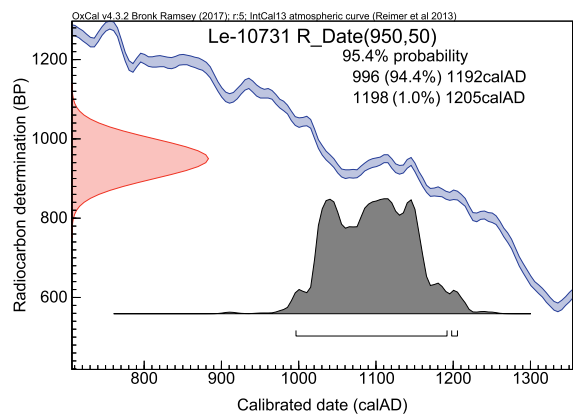
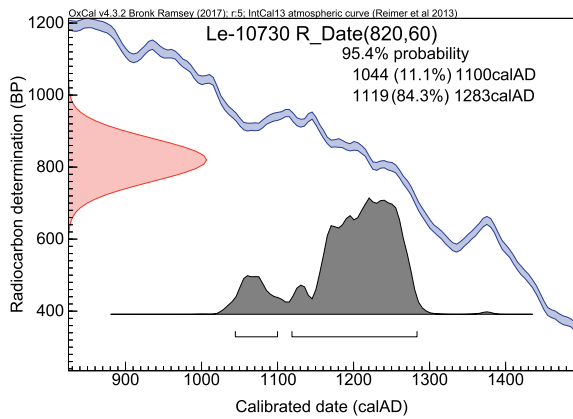
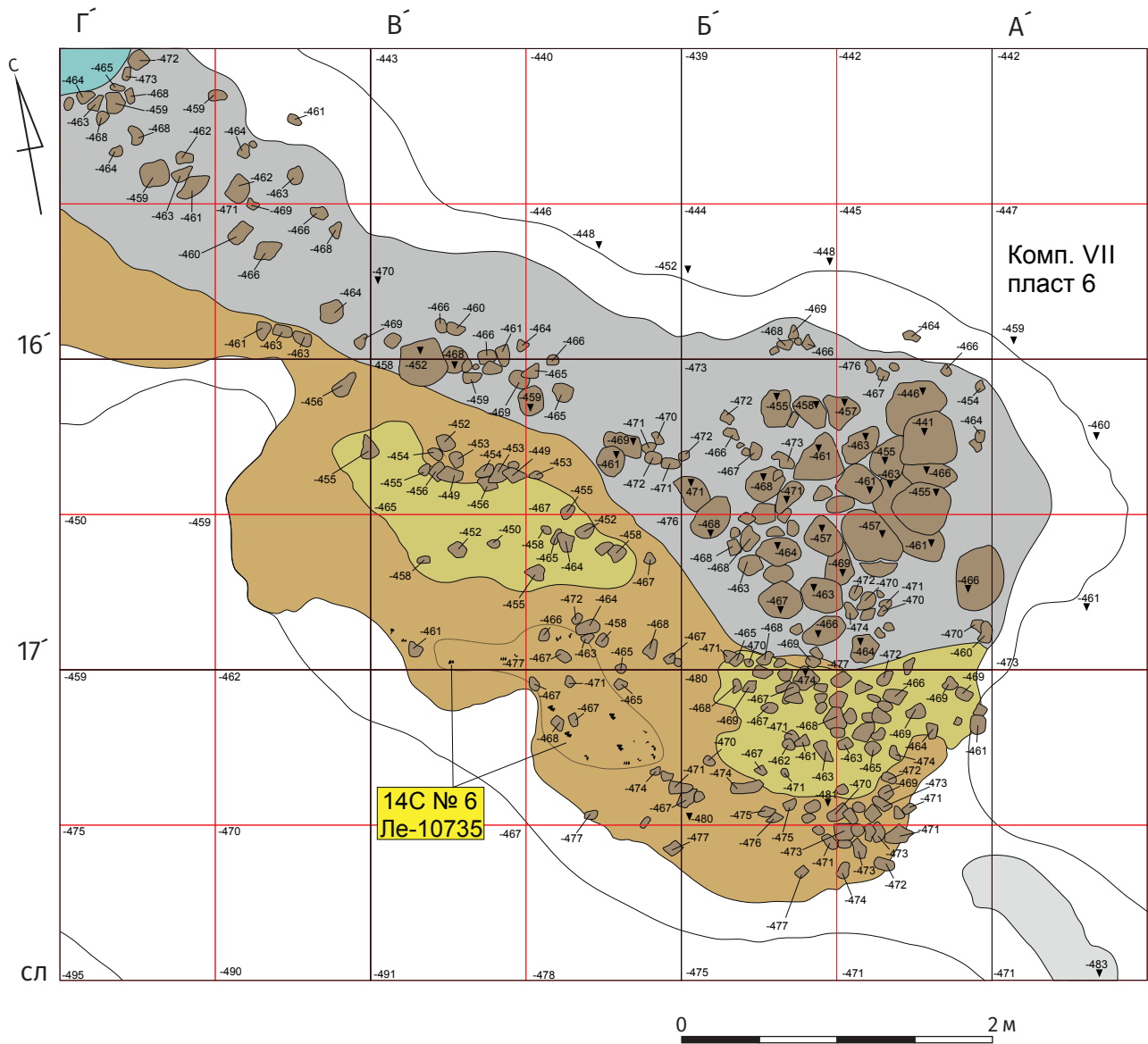

Рис. 195. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Пласт 4. Комплекс VII

Условные обозначения:

- - переотложенный слой
- - камни
- - ямы
- - угли
- - темно-серый суглинок
- - серый суглинок/супесь
- - бурая супесь
- - серый суглинок с включениями желтого суглинка

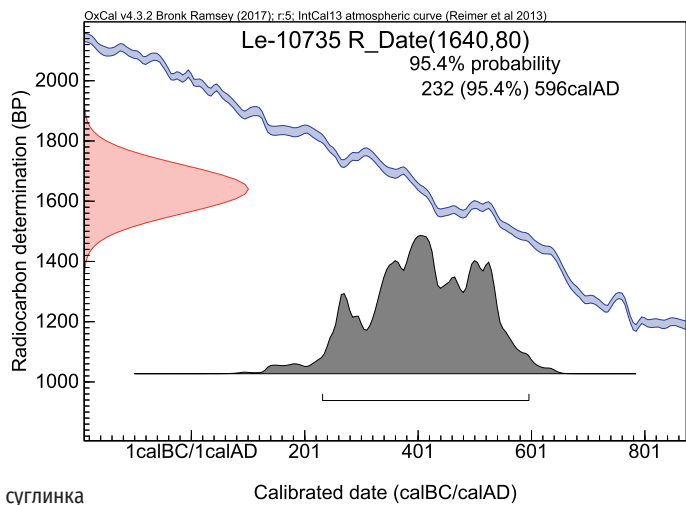

Рис. 196. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Пласт 6. Комплекс VII

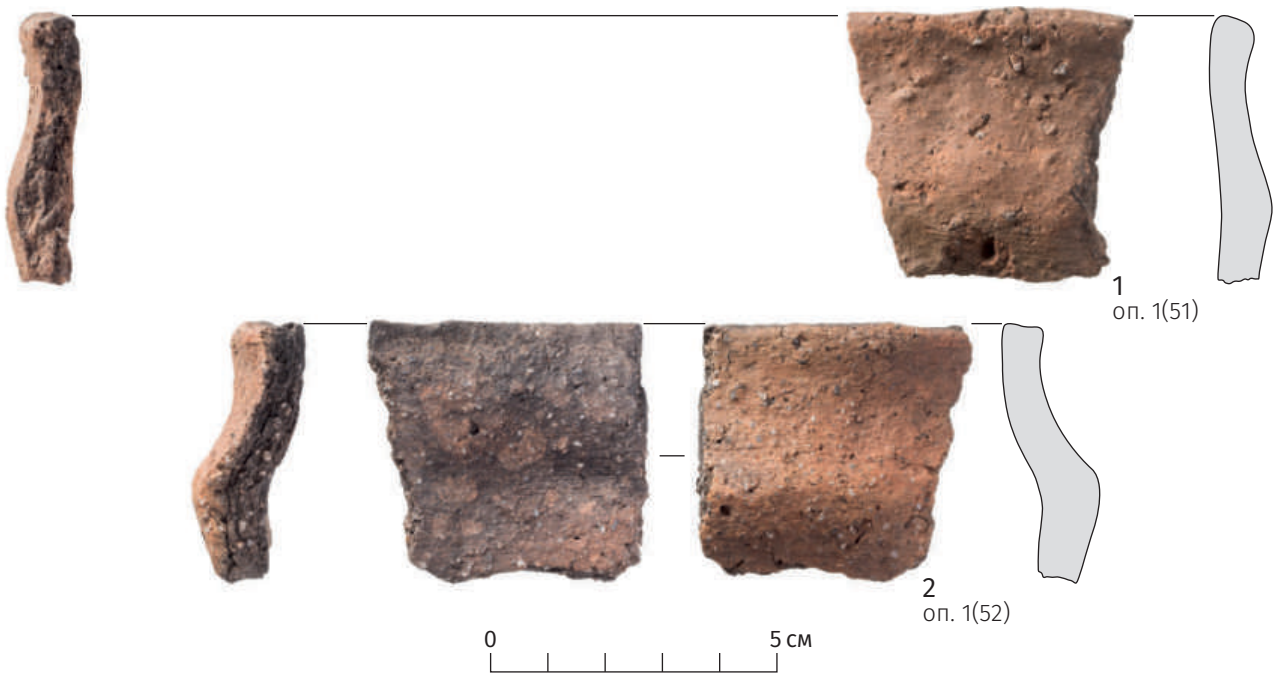

Рис. 198. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Комплекс VIIa. Находки в заполнении. 1 – кв. А'-18', пласт 3; 2 – кв. А'-19', пласт 5; 3 – кв. А'-19', пласт 9; 4, 5 – кв. А-19', под развалом печи-каменки; 6 – кв. А'-19', заполнение ямы; 7 – кв. А-19', заполнение ямы; 8 – кв. А-19', серая супесь в набросе очажных камней; 9 – кв. А-19', гумусированный песок в нижней части комплекса; 10 – кв. А-19', на поверхности материка; 11 – кв. А-18', пласт 3; 12 – кв. А-18', культурный слой, пласт 2. 1-8 – глина; 9, 10 – кремль; 11, 12 – стекло

Следует обратить внимание, что фрагмент № 5 из нижней части комплекса VIIa относится к тому же сосуду, что и фрагмент, найденный в ранней части заполнения комплекса VII (оп. 1, № 36). Это говорит о том, что комплексы одновременны, и представляли единую постройку

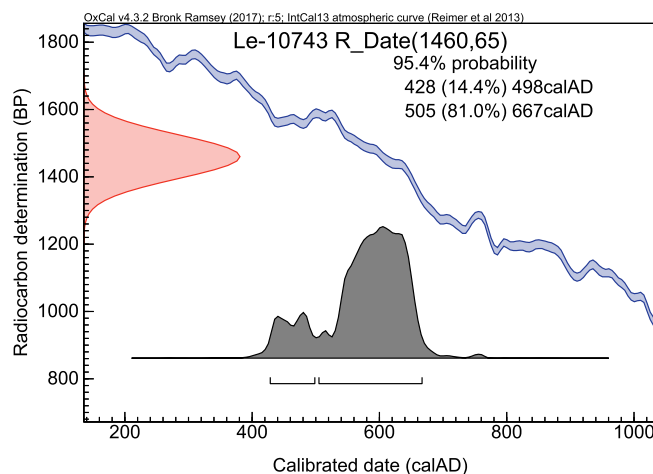
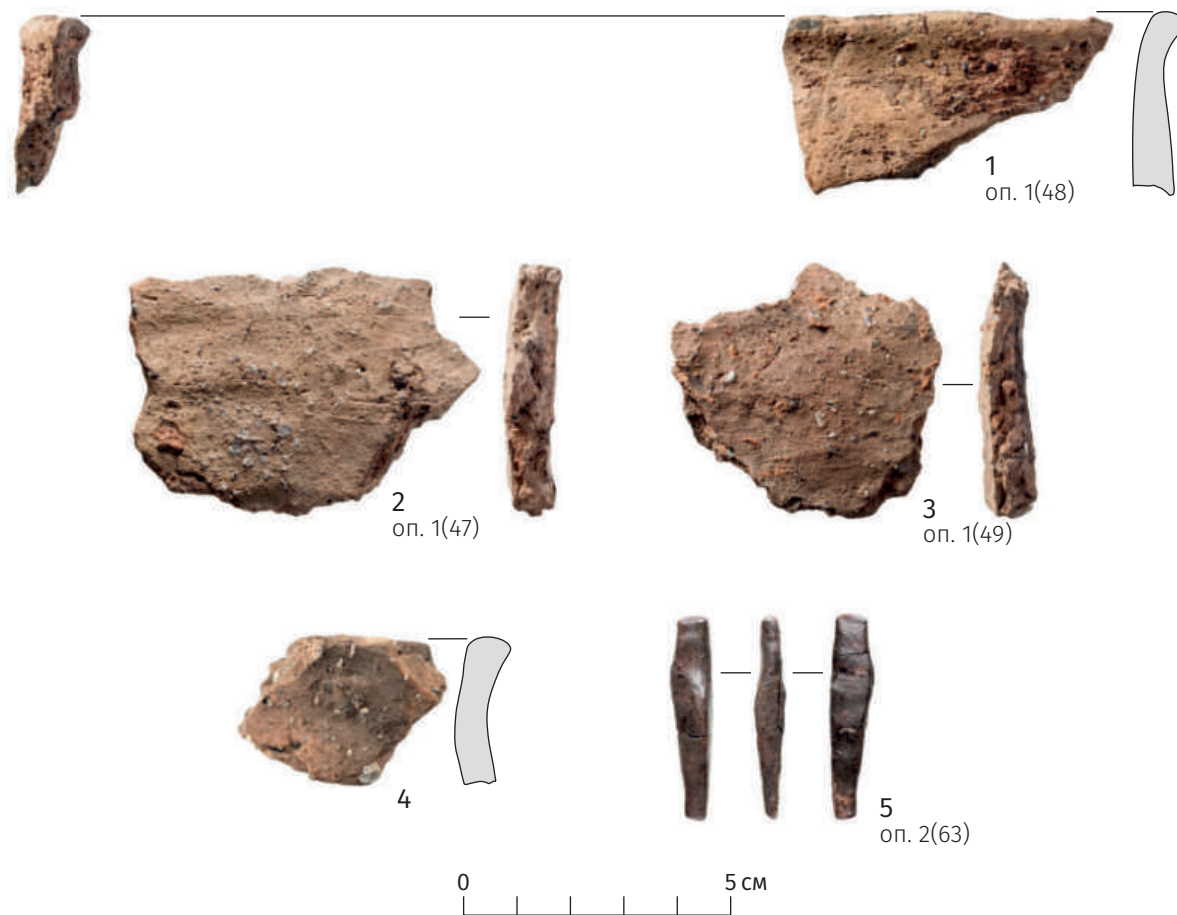

Рис. 199. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Фрагменты лепных гладкостенных сосудов из основания валунного наброса в кв. Г'-19'. 1 – зачистка материка под грудой очажных валунов; 2 – под останцом в основании груды очажных валунов

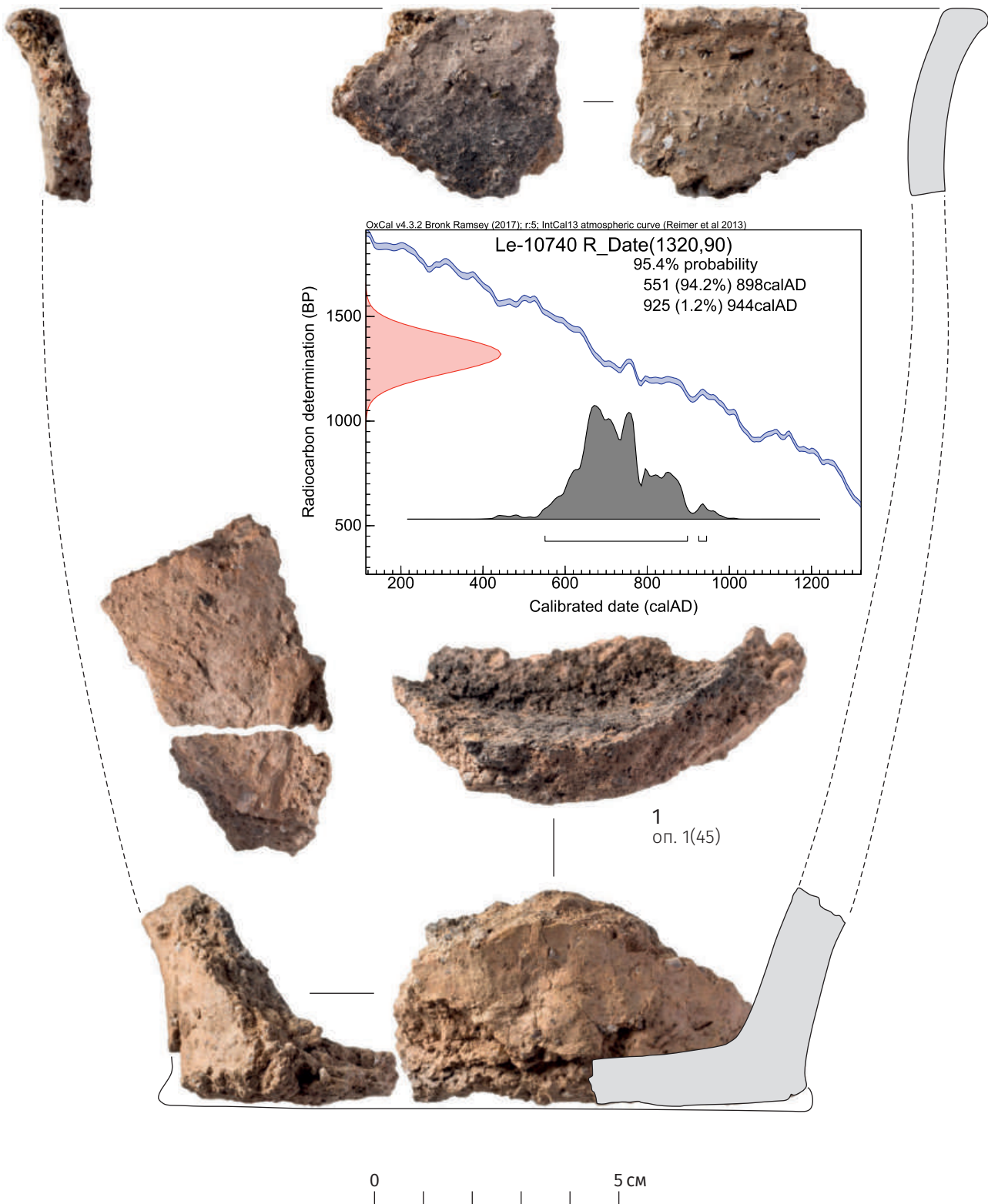

Рис. 200. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Комплекс IX после разборки заполнения и линзы красной глины. Вид с востока

Рис. 201. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Комплекс IX. Находки из заполнения постройки. Лепная гладкостенная керамика и фрагмент ножа с прямой спинкой. 1 — кв. Г'-23', пласт 2; 2 — кв. Г'-24', пласт 2; 3, 4 — кв. Г'-23', пол постройки; 5 — кв. Г'-24', серый суглинок с развалом камней (верхняя часть комплекса). Внизу — откалиброванная дата, полученная по совокупности отдельных мелких угольков, лежавших в слое светло-серого суглинка на полу постройки (пласт 2).

Внизу — откалиброванная дата, полученная по совокупности отдельных мелких угольков, лежавших в слое светло-серого суглинка на полу постройки (пласт 2)

Рис. 202. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Фрагменты развала лепного гладкостенного сосуда из пласта 1 комплекса XI. В центре — откалиброванная дата, полученная по совокупности разрозненных мелких угольков в слое серого суглинка на полу постройки (пласт 2)

Рис. 203. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Столбовая яма № 5 с каменной забутовкой на площадке эскарпа. Вид с запада

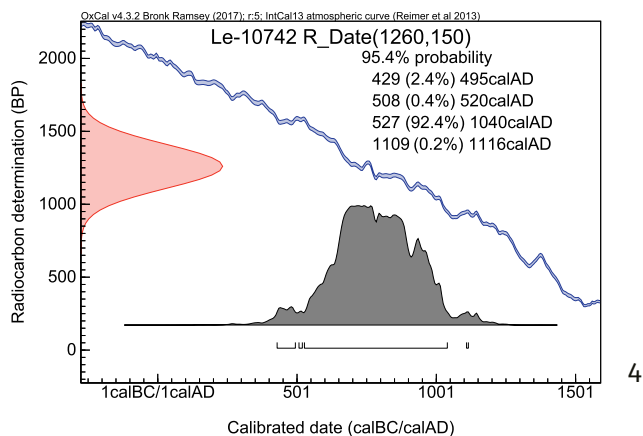
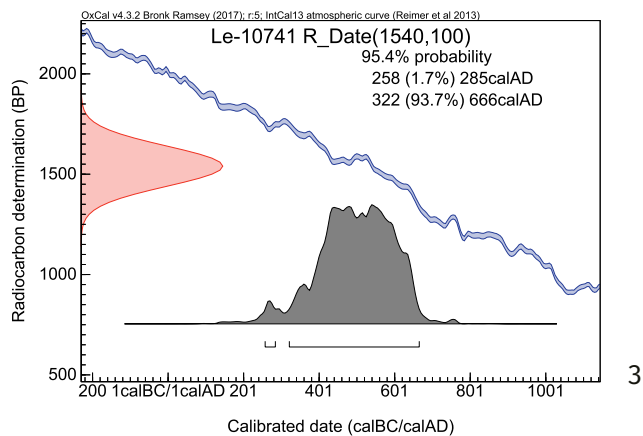

Рис. 204. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Следы сооружений на площадке эскарпа и рядом с ней. Столбовая яма № 5 с каменной забутовкой, частокольная (?) канавка и комплекс XI. Зачистка поверхности материка. Вид с севера. За плоским дном комплекса XI виден прорезавший его окоп военного времени

11 экземпляров найдено на поселении удомельского типа Юрьевская Горка (Исланова 1997: 44, рис. 76). Известны подобные бусы и в слоях финальных этапов ДК (Кренке 2011: рис. 17, 18). И. В. Исланова считает, что они выходят из употребления к середине VIII в. (Исланова 2006: 102). Единичные находки, однако, известны и позже (Михайлова 2014: 112, 113). Не вполне понятно, с каким временем связаны находки подобных бус на поселении в Гнёздове: то ли с подстилающими напластованиями тушемлинской культуры, то ли с доживанием бус до конца IX — X в. (Доброва 2018: 113, рис. 6: 8, 10, 11). Типологически близкие им бусы из прозрачно-голубого стекла известны на памятниках более поздних — VIII–IX вв. с выходом (хоть и не частым) в X в. (Доброва 2018: 113) Однако, как и их темно-синие аналоги, они начинают встречаться еще на дяковских городищах (Розенфельдт 1982: 61–63, рис. 14).

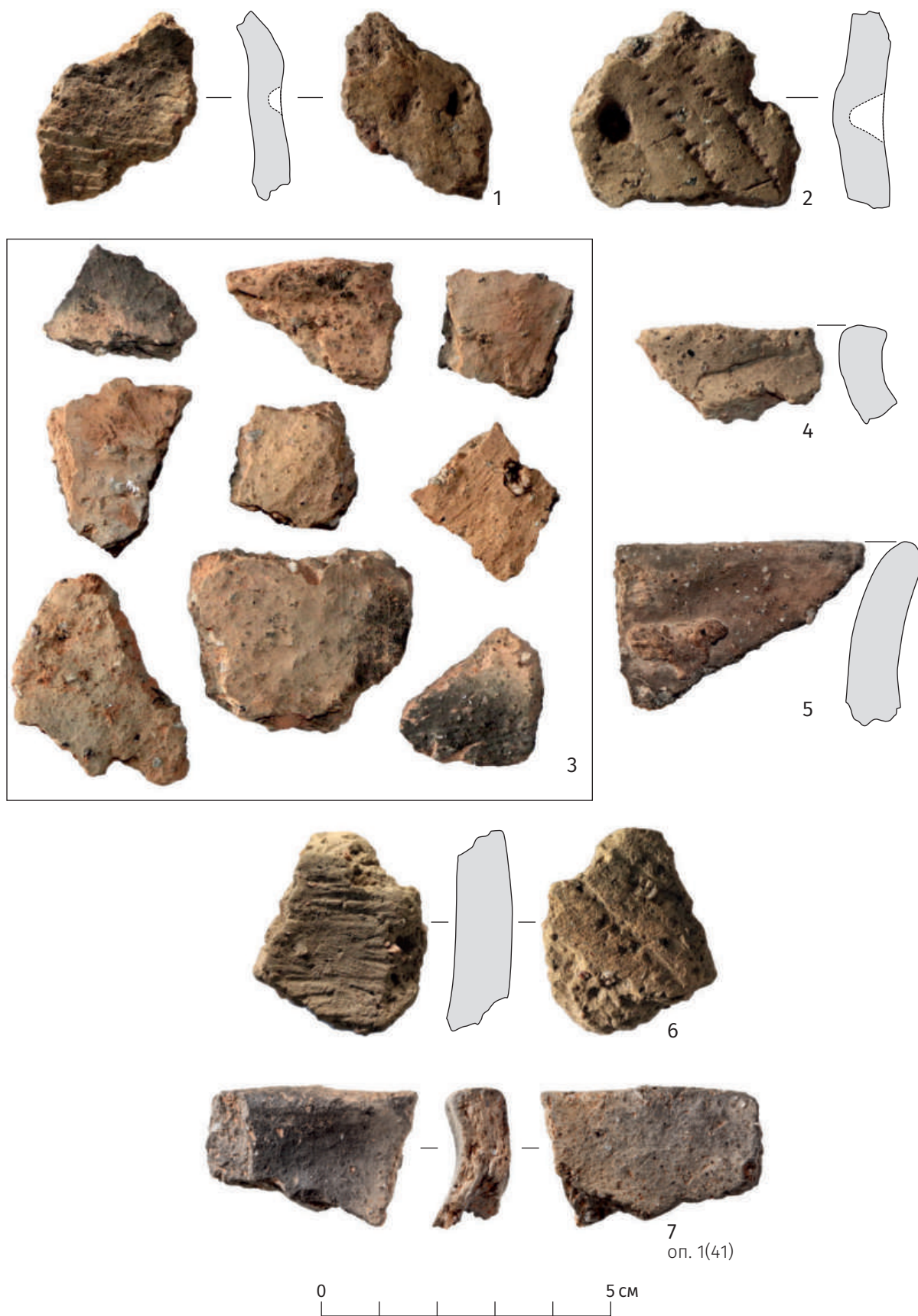
В Броннице встречены также три кольцевидные бусины синего стекла дисковидной формы с асимметричным отверстием (рис. 212: 2, 16, 22). Одна из них найдена в комплексе VIIa (пласт 3) (рис. 198: 11). Неясно, относится ли она к раннему или позднему периоду существования постройки. Такие бусы представляют тип украшений, широко известный в Восточной Европе уже во второй четверти I тыс. н. э. (Гопкало 2008: табл. 1). На Южном Урале Р. Р. Руслановой эти бусы (тип 1.3 A3) отнесены к украшениям «короткого диапазона бытования» и датированы V — началом VI в. (Русланова 2018: 39, 40, рис. 34). Трудно сказать, насколько дисковидная форма и асимметричность могут служить основаниями для синхронизации. Во всяком случае, бусы с подобными признаками представлены в КПДК (Михайлова 2014: 111). Серия из трех таких бус встречена на поселении КПДК Горка-10 на Плюссе — в регионе, где эта культура представлена, по мнению С. Г. Попова в наиболее чистом виде (Попов 2010: 375, рис. 5: 1, 3, 4). Бусы зафиксированы здесь в контексте древностей третьей четверти I тыс. н. э.

Комплекс с аналогичными бусинами и фрагментом пельтовидной лунницы из свинцово-оловянистого сплава из погребения 1 кургана 15 могильника Берёзно I опубликован Е. Р. Михайловой, которая датирует курган VI–VIII вв. (Михайлова 2010a: 50). Еще один комплекс с подобной бусиной происходит из погребения 7 могильника Съезжее (Мастыкова, Плохов 2010: 353, цв. ил. XV, А, 1). В комплекс входят также четырнадцатигранная синяя бусина и «крапчатые» бусы (Мастыкова, Плохов 2010: 350–353). Датировка комплекса, по мнению указанных авторов, определяется в рамках второй половины V — первой половины VI в. (Мастыкова, Плохов 2010: 350).

Рис. 205. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Лепная гладкостенная керамика из ямы № 5 (столбовая яма, заполненная серым суглинком с каменной забутовкой на террасе эскарпа). 1 – фрагмент венчика из-под большого очажного (обколотого) валуна; 2 – фрагмент стенки из заполнения. Радиоуглеродные датировки по углю из заполнения столбовой ямы: 3 – большой кусок угля из верхней части заполнения; 4 – разрозненные мелкие угольки среди каменной забутовки в нижней части заполнения

Рис. 206. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Находки из напластований на склоне холма. 1 — кв. Г'-20', бурая супесь; 2, 3, 7 — кв. Г'-21', мешаный слой на эскарпе под красной глиной; 4 — кв. Г'-22', мешаный слой на эскарпе под красной глиной; 5, 6 — кв. Г'-23', серая супесь в заполнении частокольной (?) канавки

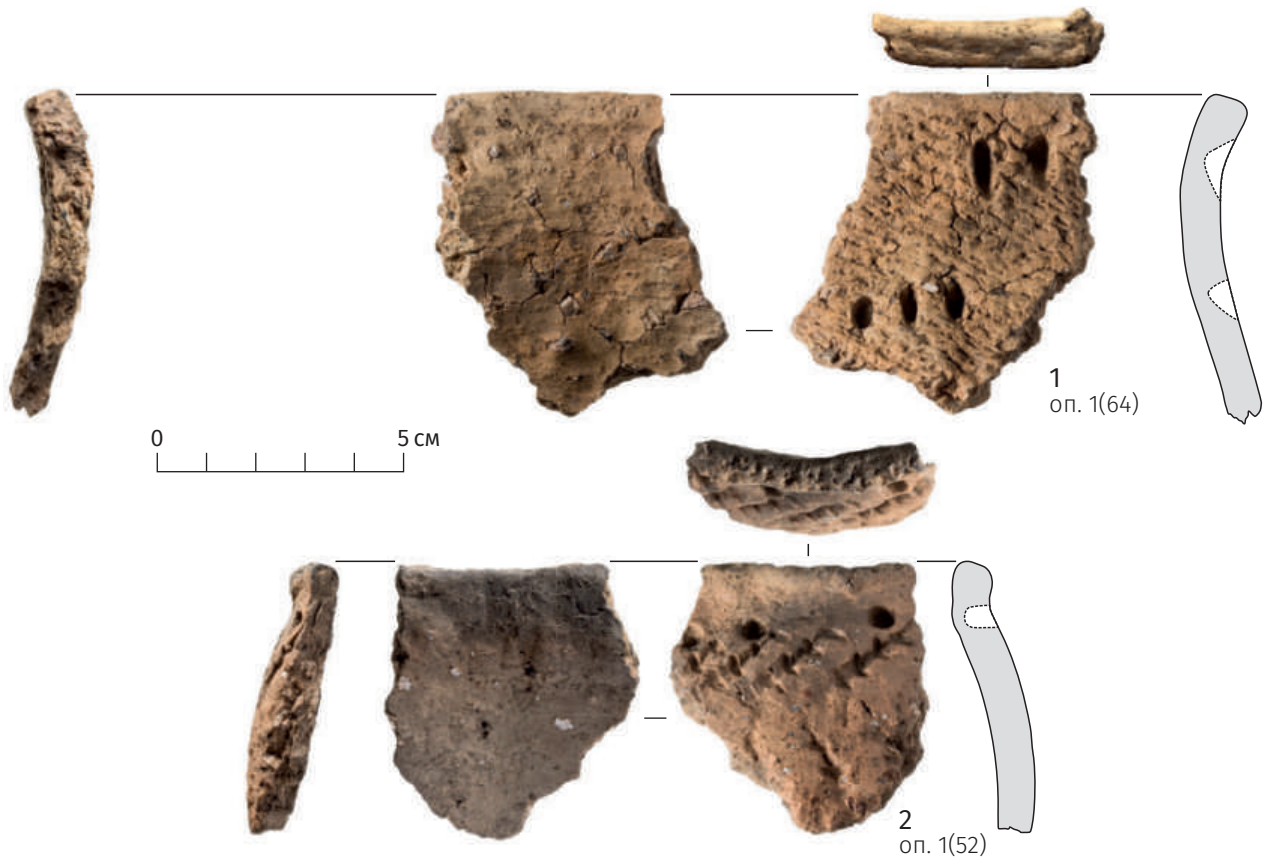

Рис. 207. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Орнаментированная лепная керамика. 1 – кв. А'-19', пахотный слой; 2 – кв. А'-17', пласт 2

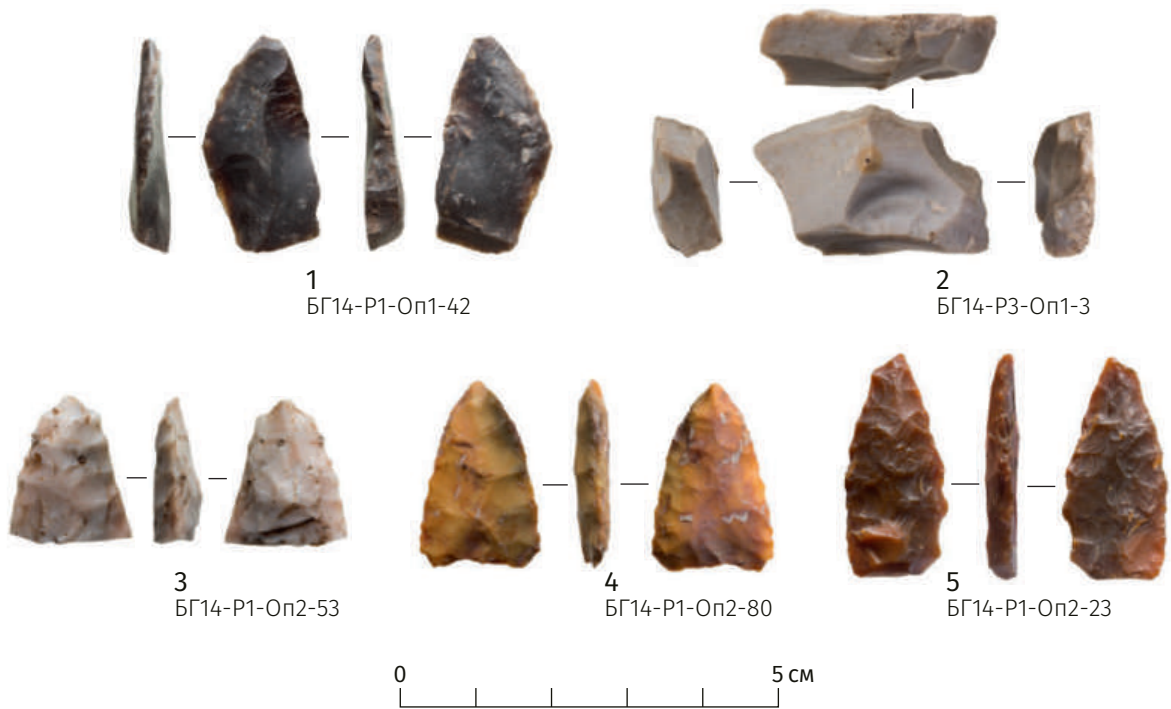

Рис. 208. Бронницкое городище 2014 г. Кремень

Рис. 209. Бронницкое городище 2014 г. Кремль

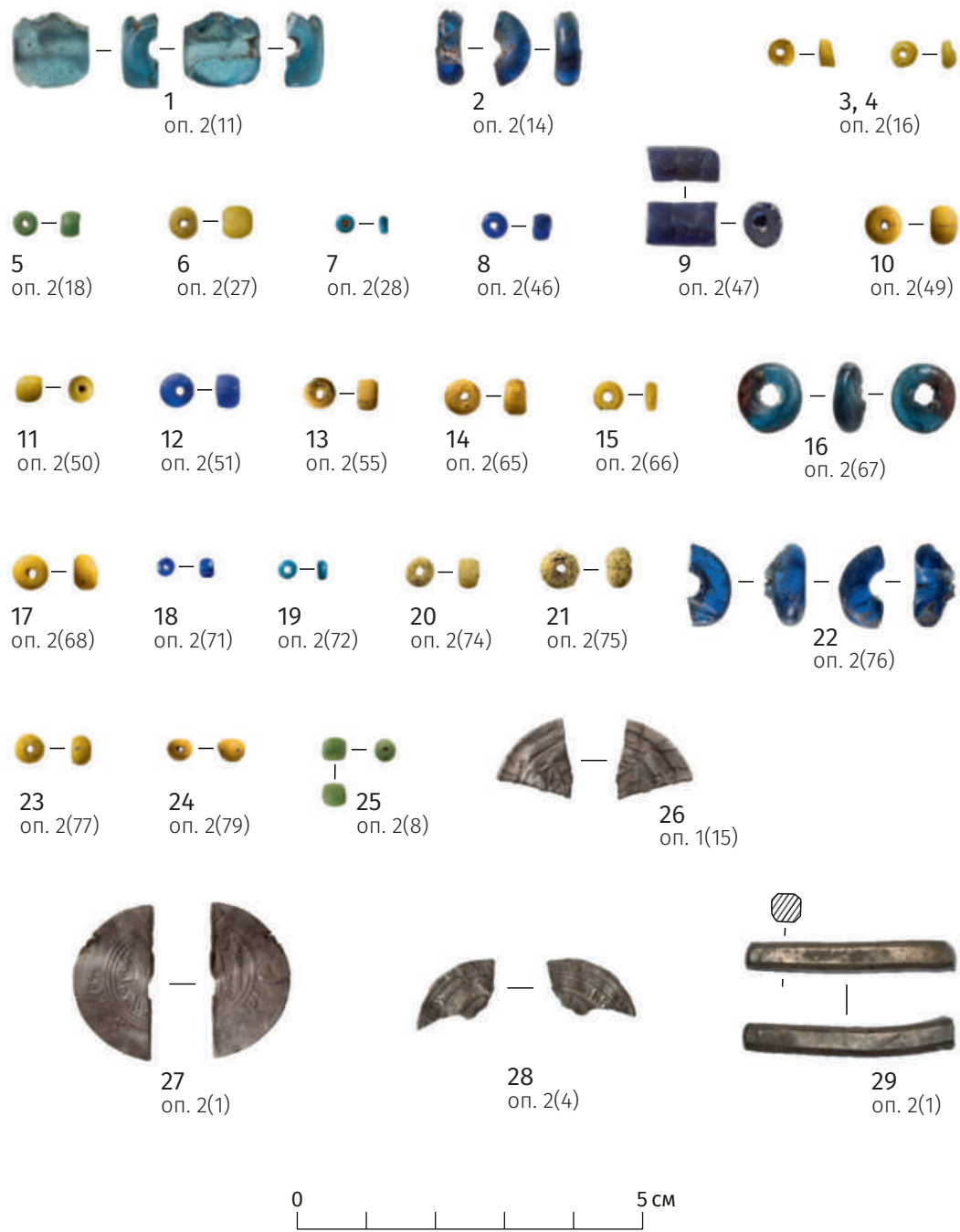

Рис. 210. Бронницкое городище 2014 г. Изделия из железа

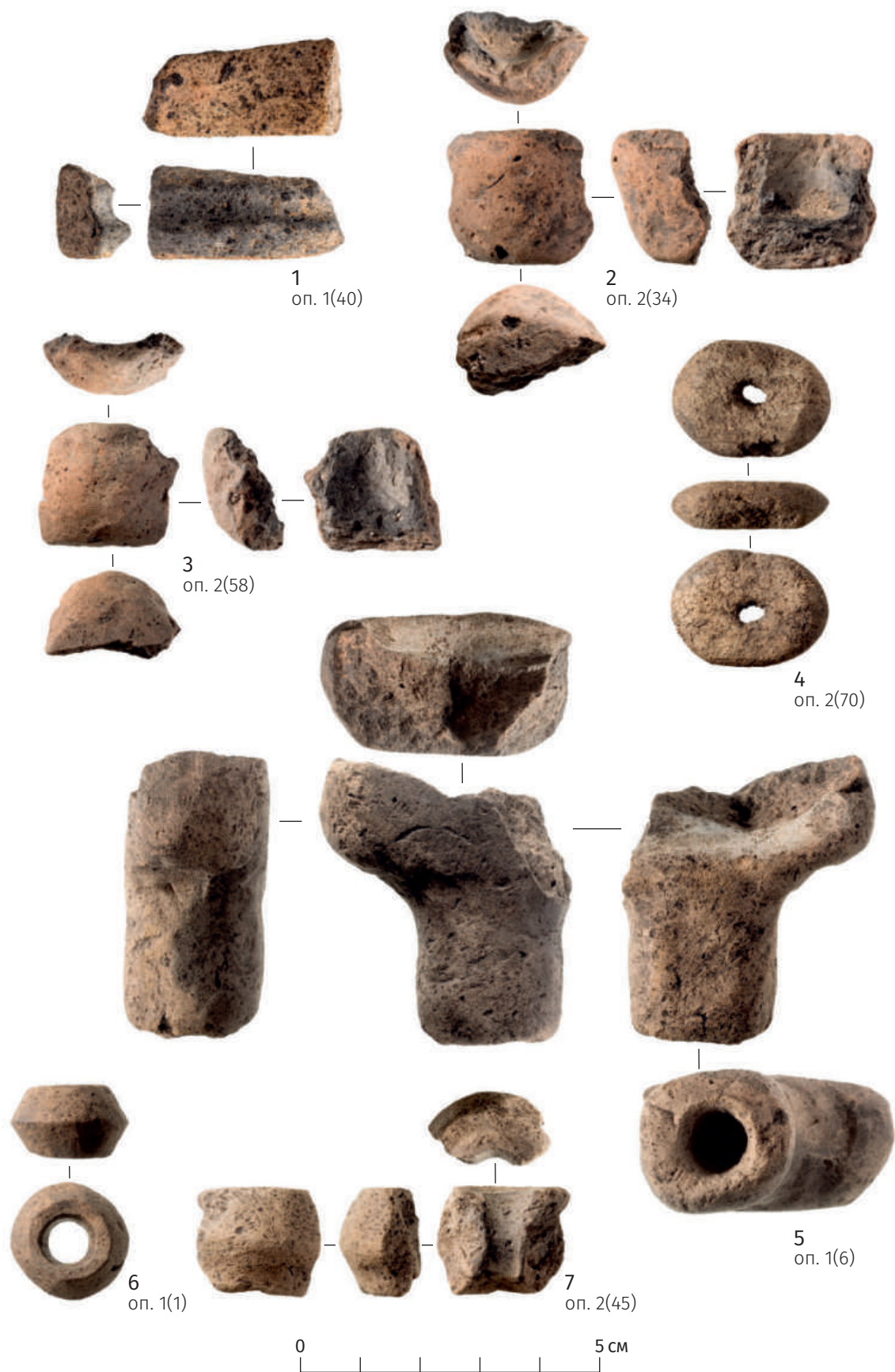

Рис. 211. Бронницкое городище 2014 г. Находки из раскопа 1. Изделия из цветного металла (1–6) и железа (7–11)

Рис. 212. Бронницкое городище. Стекланные бусы из раскопов 1 (1–24) и 3 (25) 2014 г. 26–29 – предметы из серебра из раскопа 1 2014 г. (26, 27) и раскопа 1 2013 г. (28, 29)

Рис. 213. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1. Изделия из глины. Фрагмент формы для отливки браслета или гривны (1); фрагменты льячек (2, 3, 5); бусина или грузило (?) (4); пряслица (6, 7). 1 — кв. А-19', серая супесь в набросе колотых камней (комплекс VIIa); 2 — кв. А'-14', пахотный слой; 3 — кв. А'-13', огородный слой

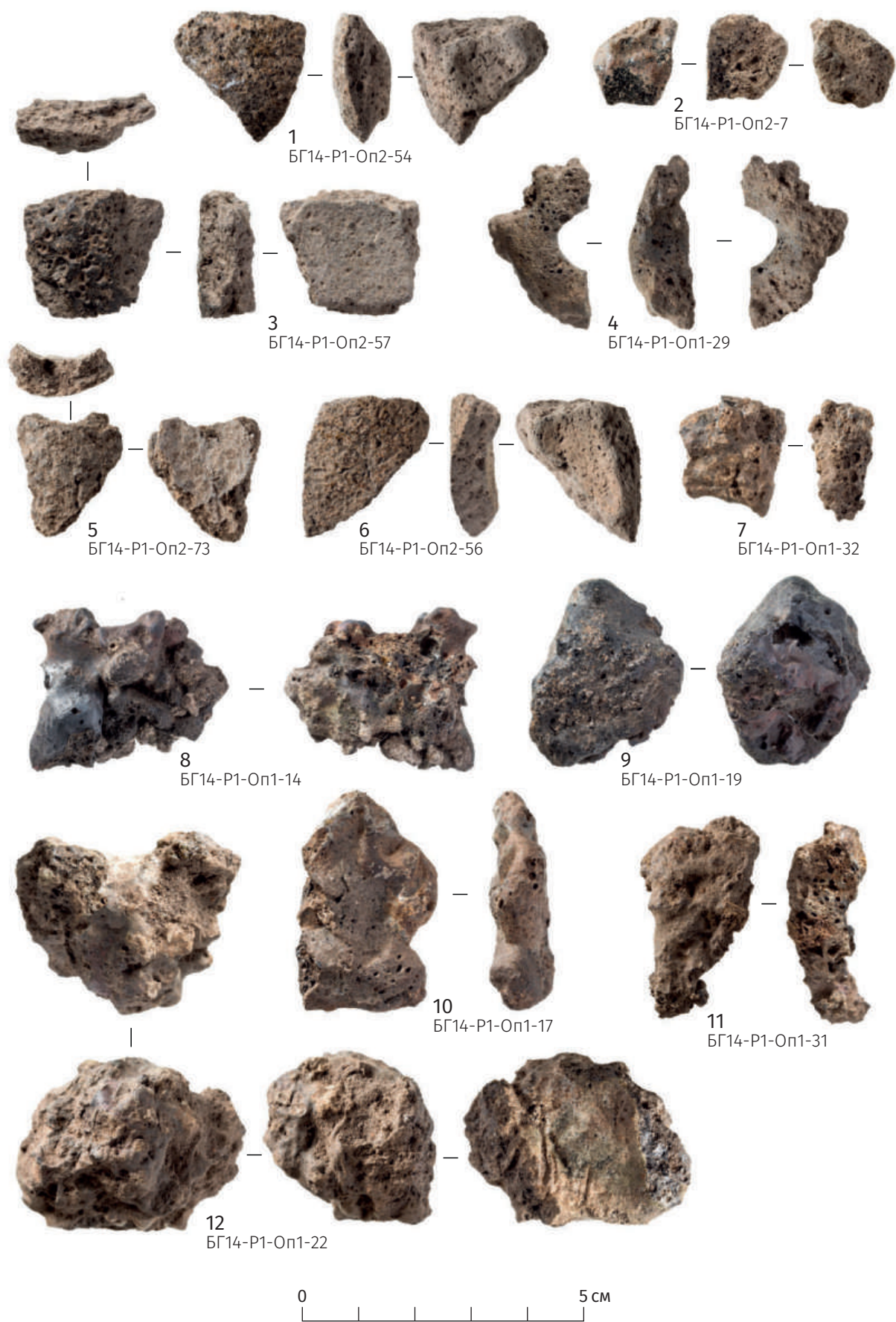

Рис. 214. Бронницкое городище 2014 г. Фрагменты глиняных тиглей (1–7) и конкреции железных шлаков (8–12)

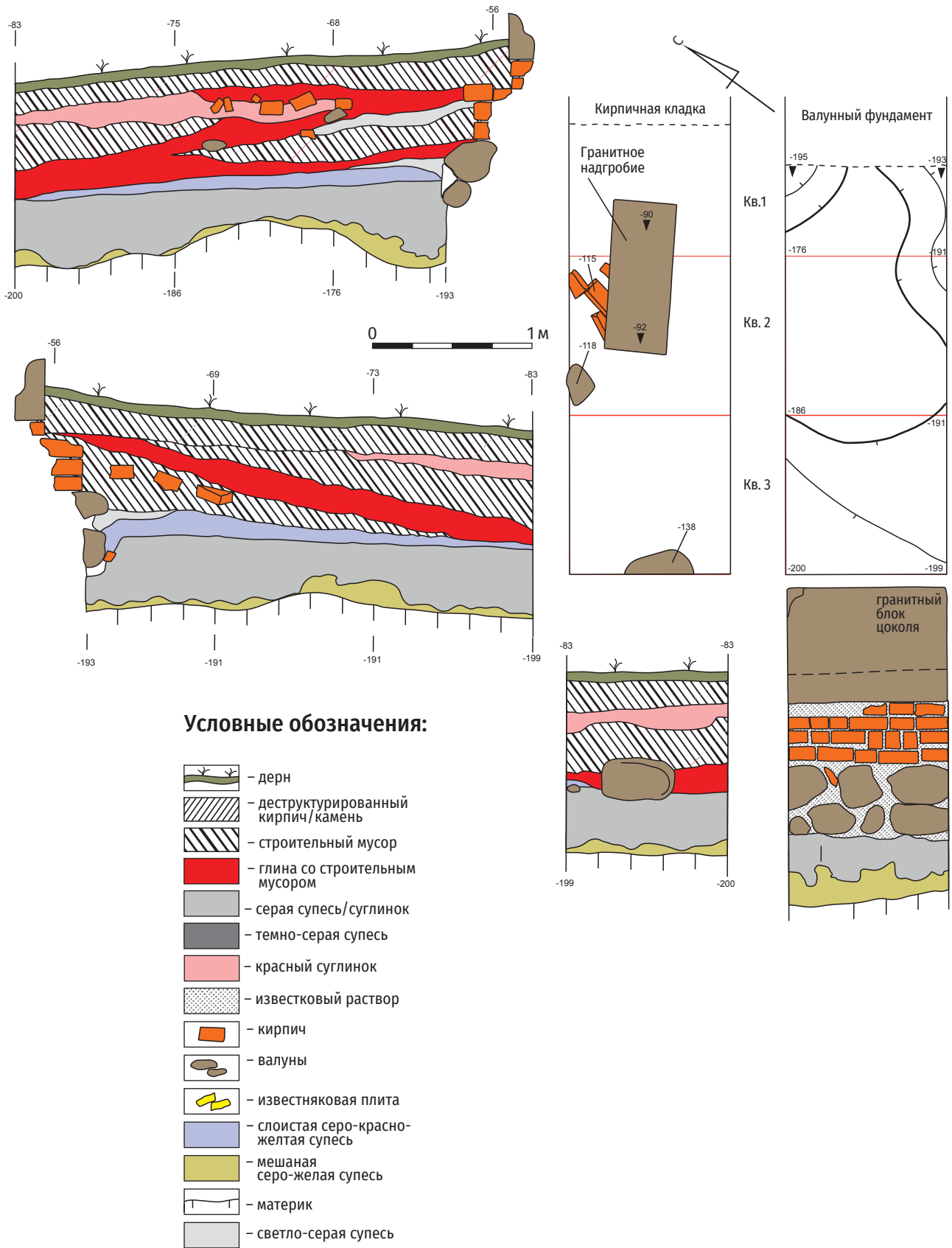

Рис. 215. Бронницкое городище 2014 г. Шурф 1 (у колокольни). Планы и профили стен

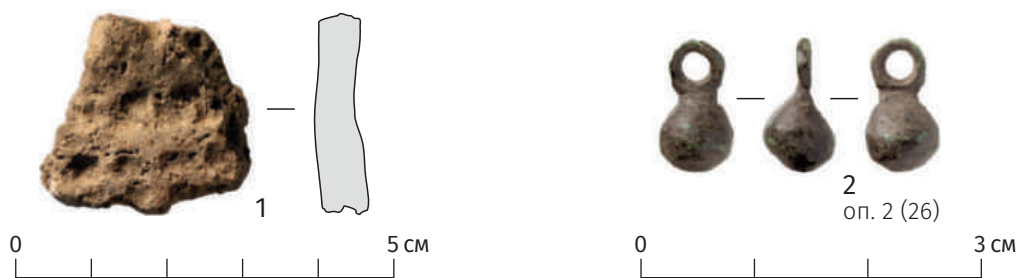

Рис. 216. Бронница 2014 г. Шурф 1. Находки из культурного слоя. 1 – фрагмент лепной керамики с гусеничным орнаментом (кв. 1); 2 – бронзовая пуговица (кв. 3)

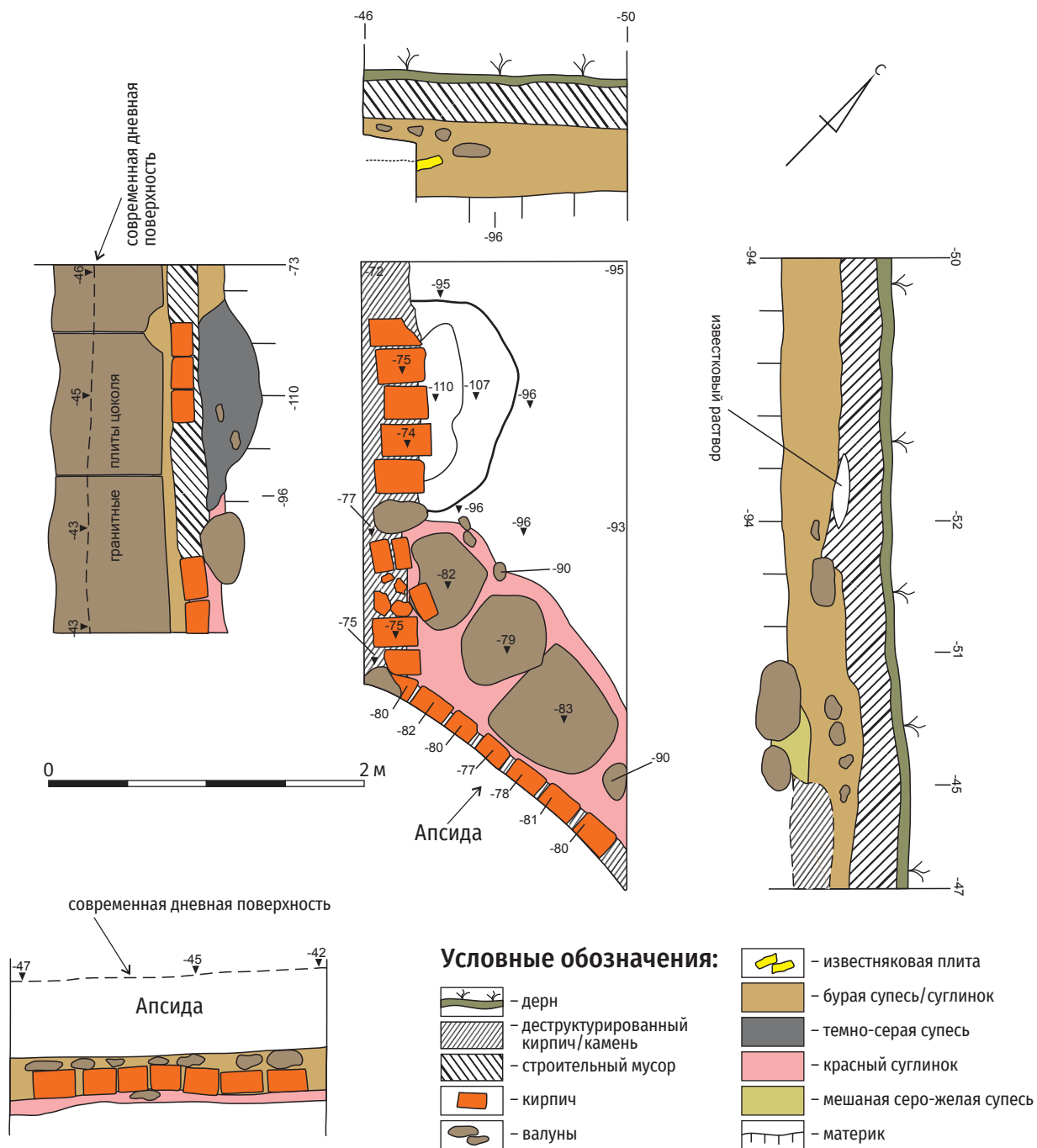

Рис. 217. Бронницкое городище 2014 г. Шурф 2 (за апсидой). Планы и профили стенок

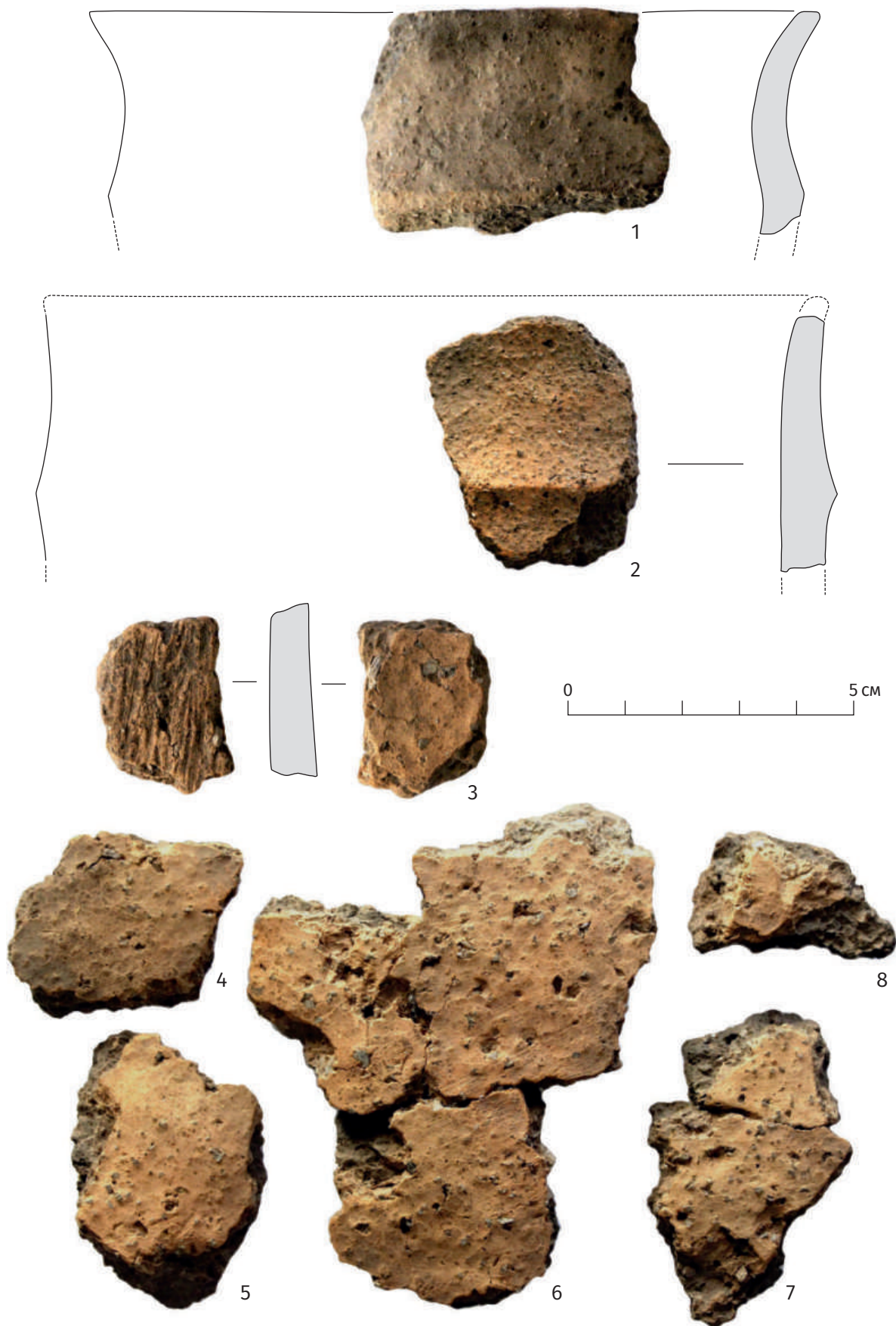

Рис. 218. Бронницкое городище 2014 г. Лепная керамика из шурфа 2. Зачистка поверхности материка в западине. 1, 2, 4–8 — фрагменты гладкостенных сосудов; 3 — фрагмент сосуда, покрытого штриховкой

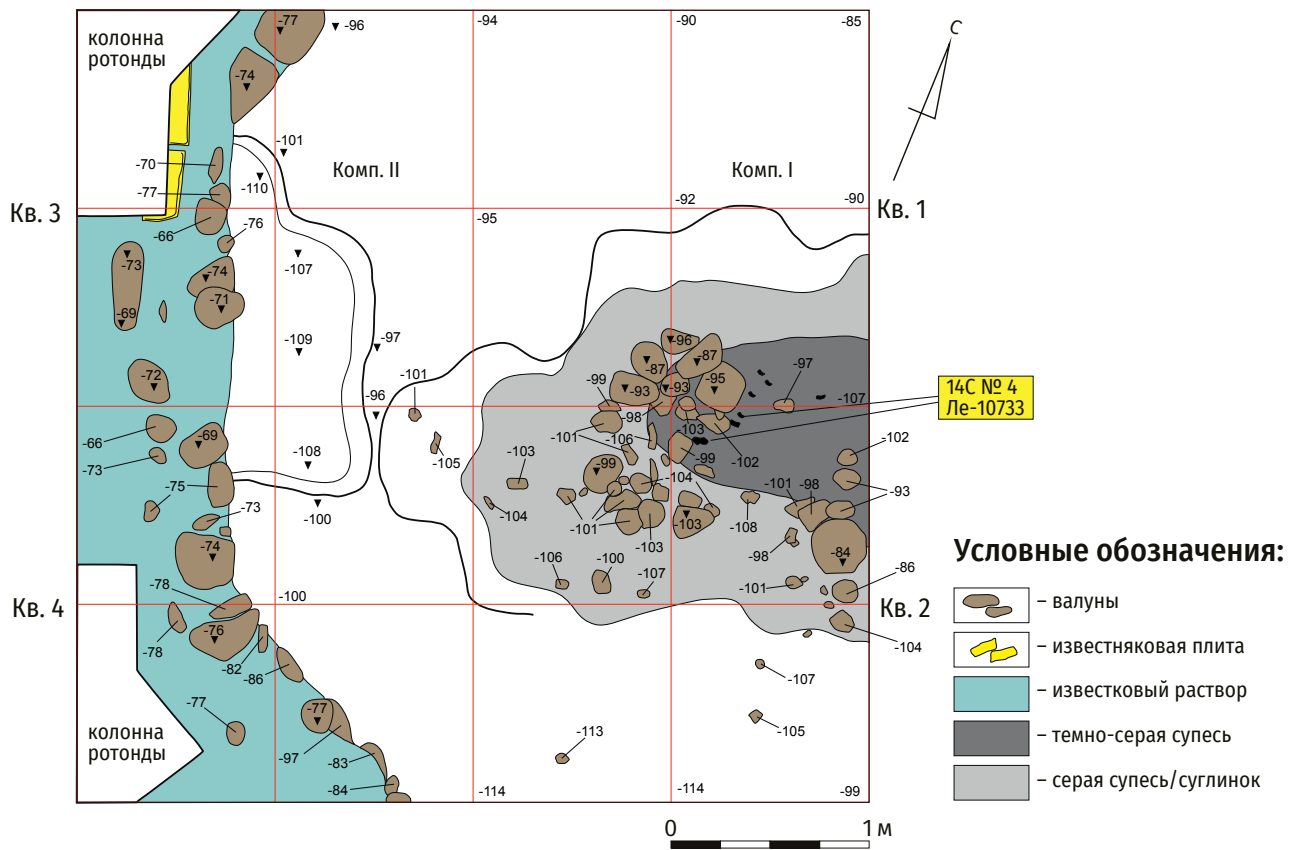

Рис. 220. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 3. Комплекс I, пласт 1

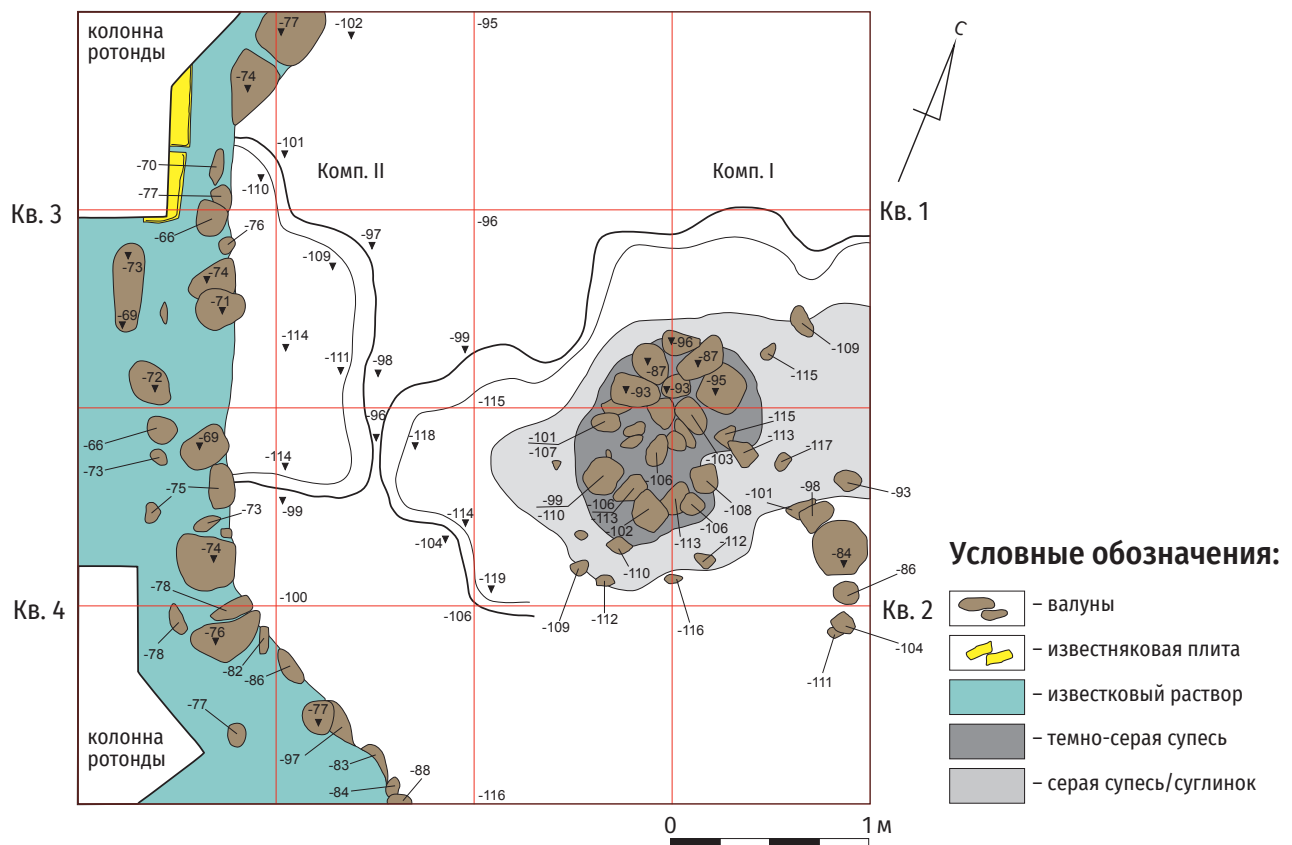

Рис. 221. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 3. Комплекс I, пласт 2

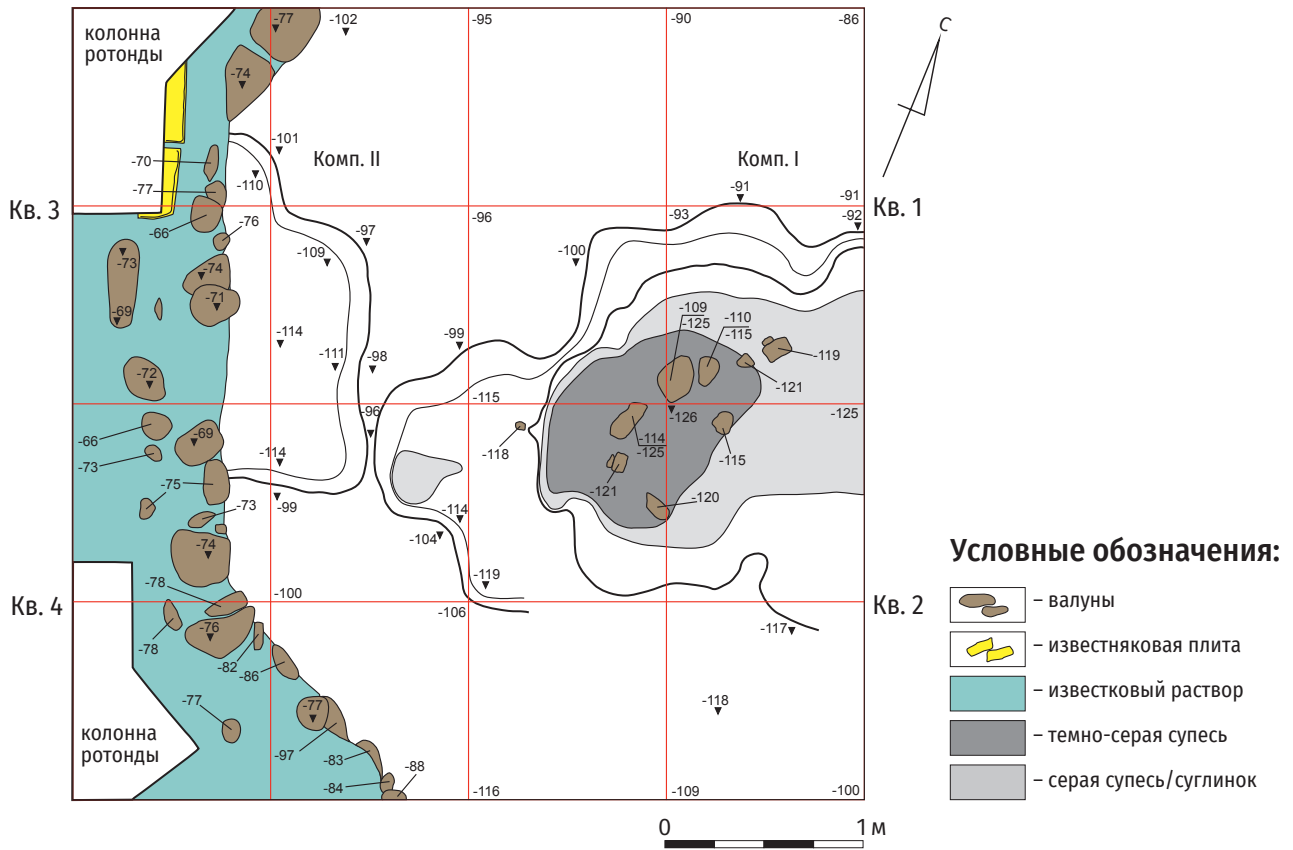

Рис. 222. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 3. Комплекс I, пласт 3

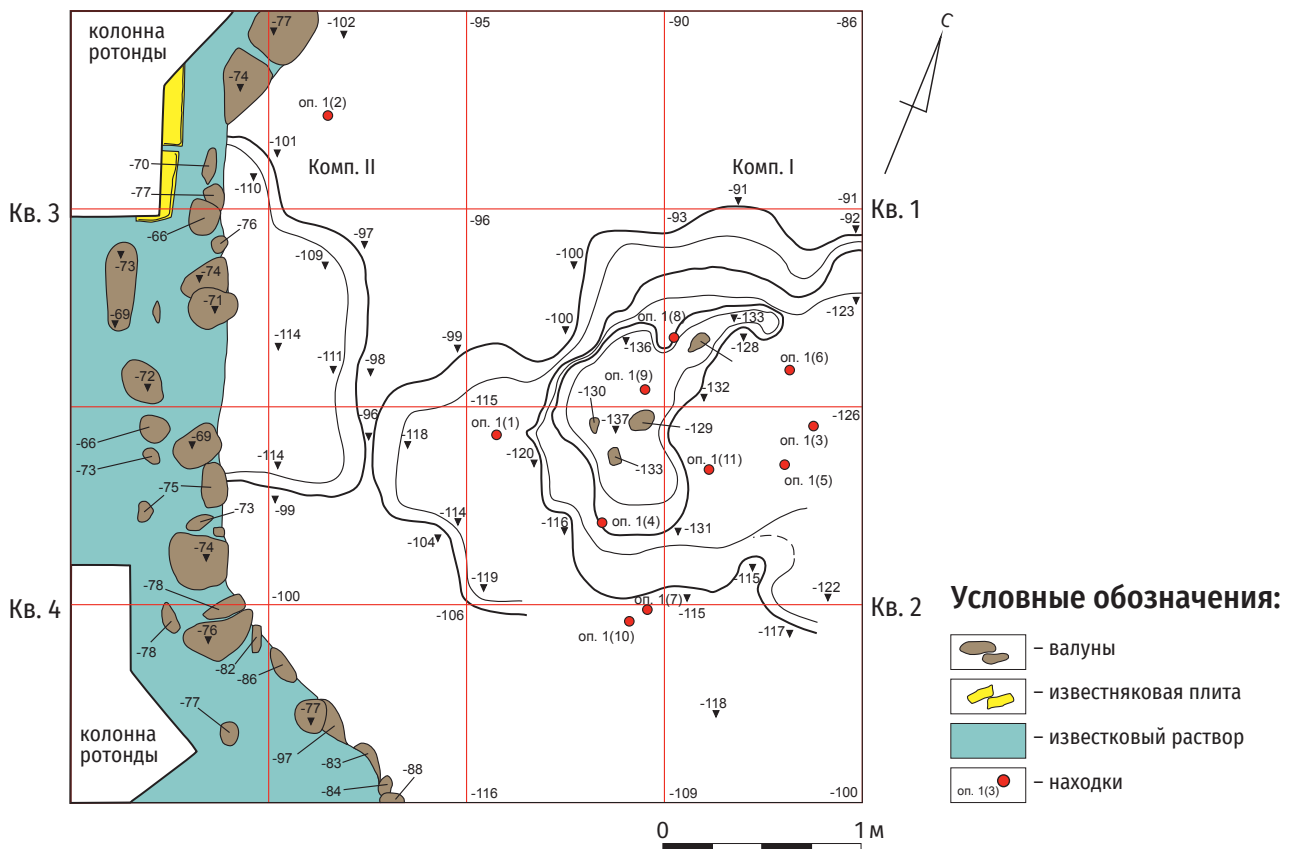

Рис. 223. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 3. Комплекс I, пласт 4. Поверхность материка и расположение находок, зафиксированных *in situ*

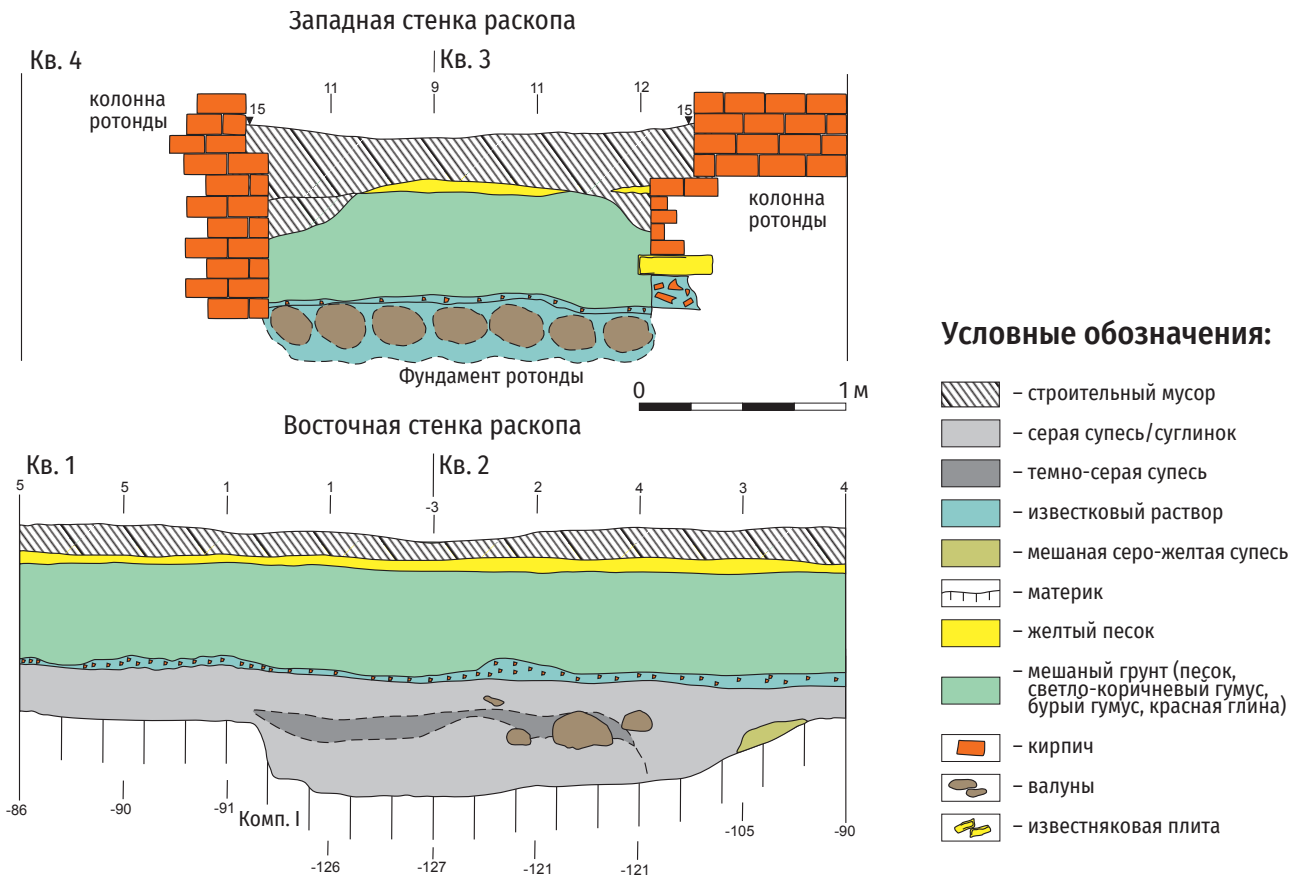

Рис. 224. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 3. Стенки раскопа

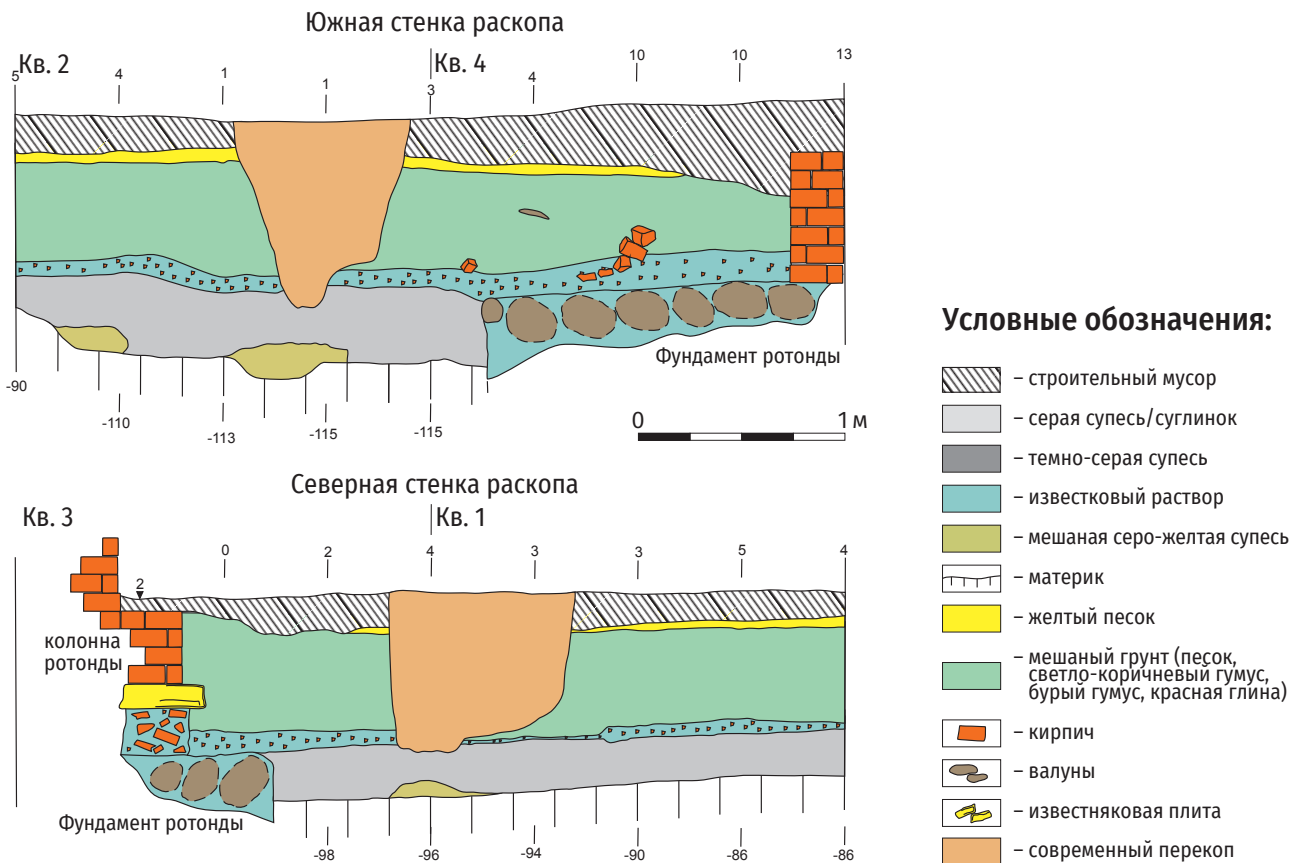

Рис. 225. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 3. Стенки раскопа

1

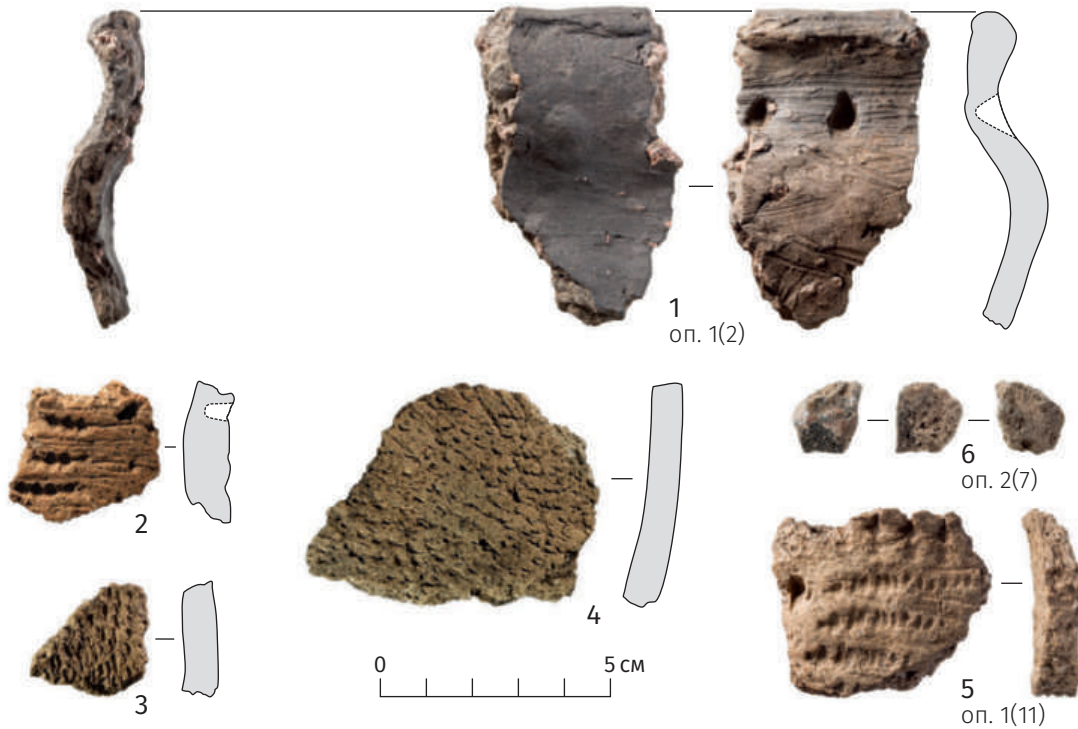
2

Рис. 226. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 3. Введенская церковь. Комплекс I. Пласт 2 заполнения.
1 – вид с юго-запада. 2 – вид с северо-востока

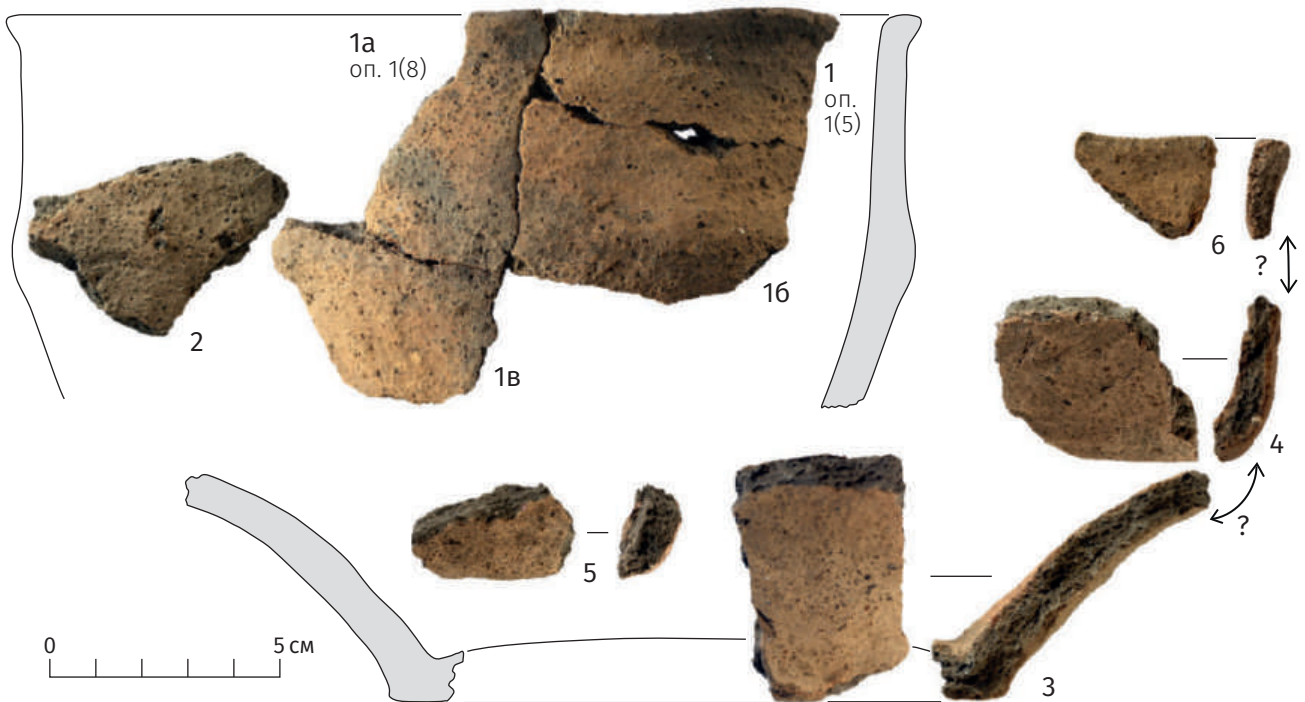

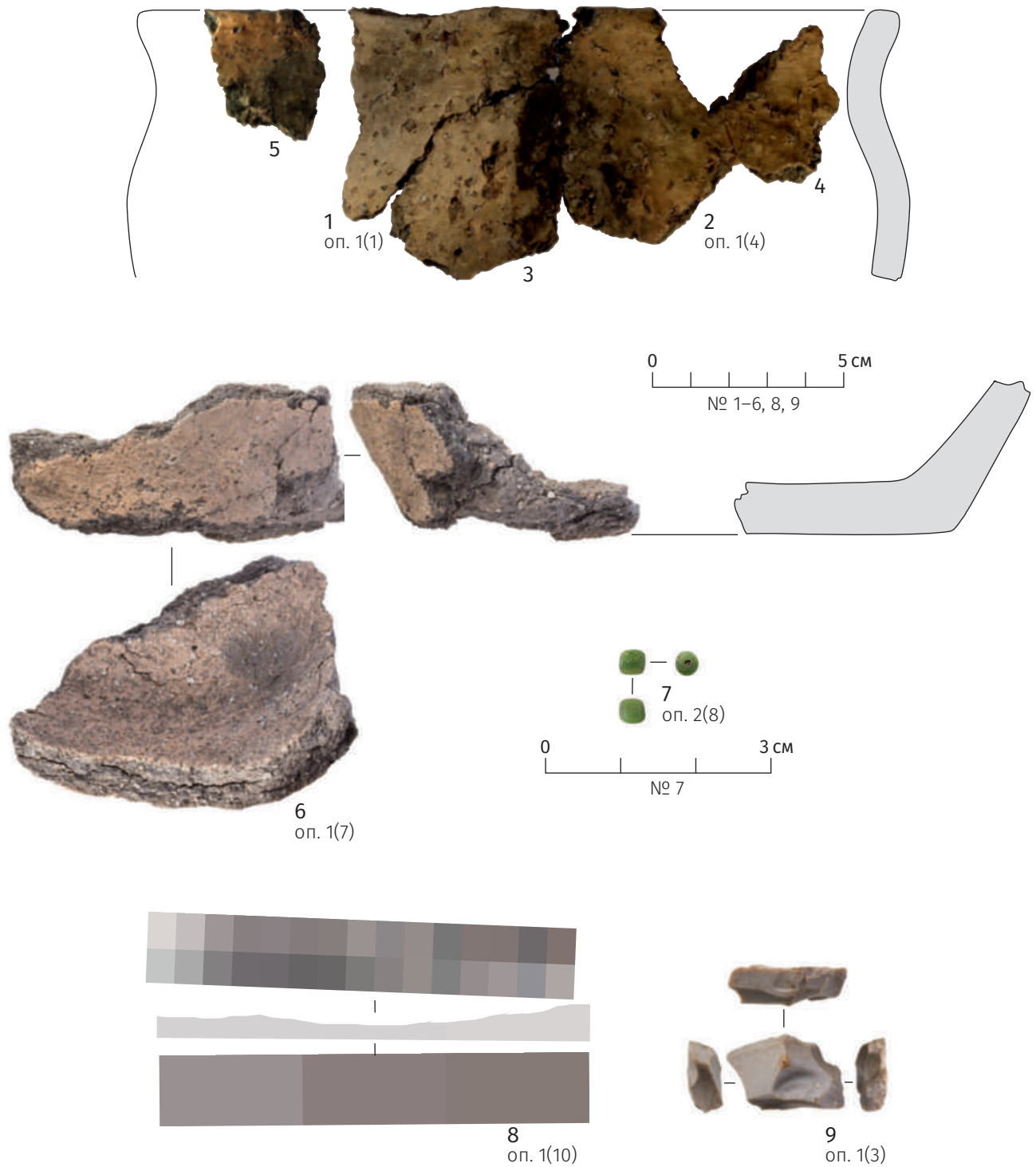
Рис. 227. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 3. Лепная керамика из культурного слоя. 1, 2 – кв. 4, пласт 1; 3, 4 – кв. 1, пласт 2; 5 – зачистка стенок раскопа; 6 – кв. 2, пласт 2; 7, 8 – кв. 3, пласт 2; 9, 10 – кв. 4, пласт 2; 11–13 – кв. 4, пласт 3

Рис. 228. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 3. 1, 6 – фрагмент лепного сосуда и обломок глиняного тигля, найденные при зачистке поверхности материка в кв. 3. 2–5 – фрагменты лепной керамики из заполнения комплекса 1. 2 – кв. 1, пласт 1; 3, 4 – кв. 2, пласт 1; 5 – кв. 2, пласт 3, на границе с материком

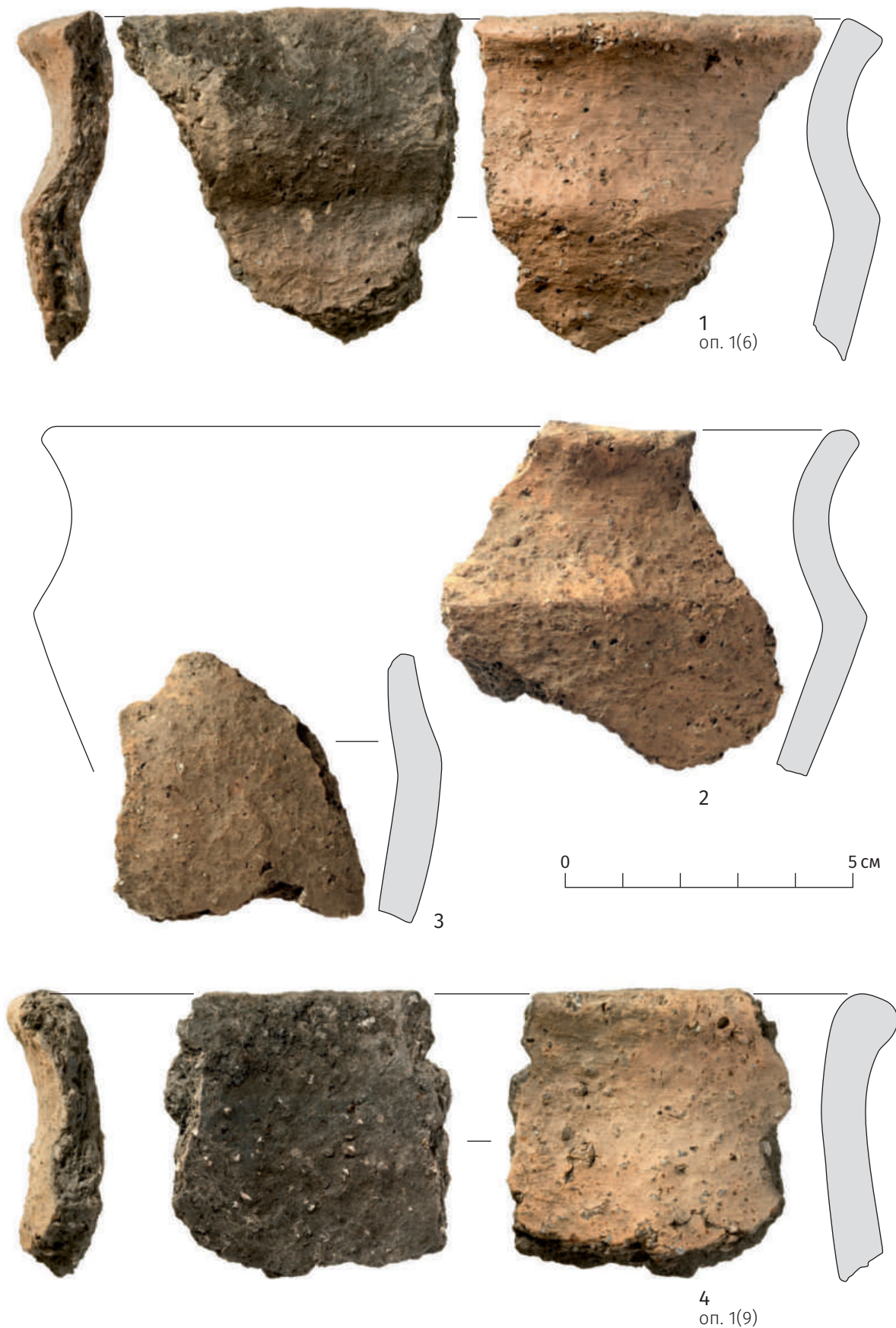

Рис. 229. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 3. Комплекс 1. Высококачественная лепная керамика из заполнения комплекса и вышележащего культурного слоя. Фрагменты биконического сосуда с ребром (1, 2) и фрагменты реберчатой миски (3, 4). Находки из комплекса 1: 1 – кв. 2, пласт 2; 1а – кв. 1, пласт 4, на границе с материком; 3 – кв. 1, пласт 3; 4, 6 – кв. 2, пласт 3, останцы под камнями; 5 – кв. 2, пласт 2, останцы под камнями развала печи-каменки. Находки из культурного слоя: 1б – кв. 2, пласт 2; 1в – кв. 2, пласт 3; 2 – кв. 1, пласт 3. Находка одного из фрагментов (1а: оп. 1, № 8) в нижней части заполнения комплекса под развалом печи-каменки свидетельствует о том, что сосуд был разбит на этом месте как минимум на начальном этапе функционирования постройки, а возможно – еще до ее появления

Рис. 230. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 3. Комплекс I. Находки. 1-6 — лепная керамика из заполнения комплекса и культурного слоя над ним; 7 — стеклянная бисерина; 8 — железная пластинка; 9 — кресальный кремьень. 1, 6 — кв. 2, пласт 3 в заполнении комплекса; 2 — кв. 2, пласт 2 в заполнении комплекса; 3 — кв. 2, пласт 1 в заполнении комплекса; 4, 5 — керамика из культурного слоя, кв. 2, пл. 2; 7 — кв. 2, пласт 3 (промывка); 8 — кв. 2, пласт 3, на материке; 9 — кв. 2, пласт 1

Рис. 231. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 3. Комплекс I. Лепная керамика из заполнения. 1 – кв. 1, пласт 3, на границе с материком; 2 – кв. 2, пласт 3; 3 – кв. 2, пласт 1; 4 – кв. 1, пласт 4. № 1 и № 2 возможно принадлежат одному сосуду

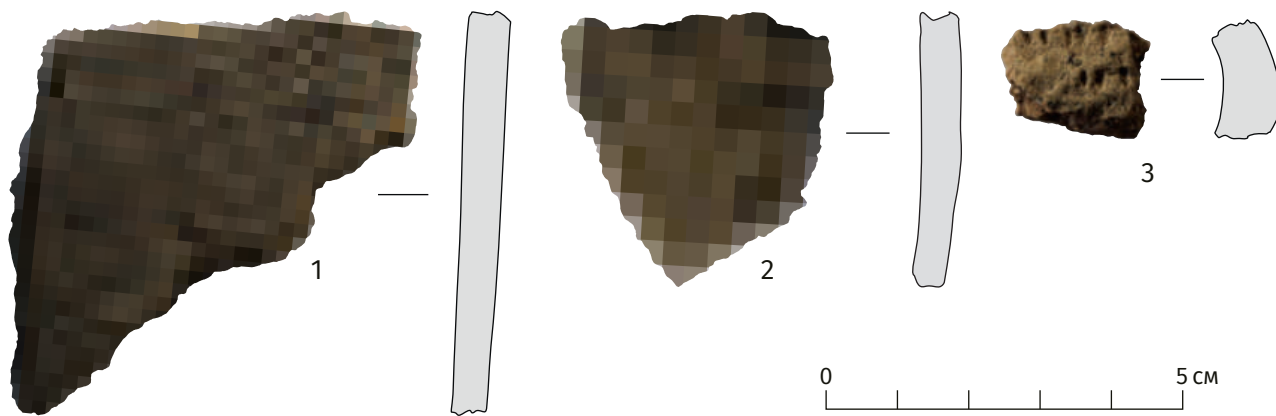

Рис. 232. Бронница 2014 г. Раскоп 3. Комплекс II. Фрагменты лепной керамики из заполнения.
1 – кв. 3, пласт 1; 2 – кв. 4, пл. 4

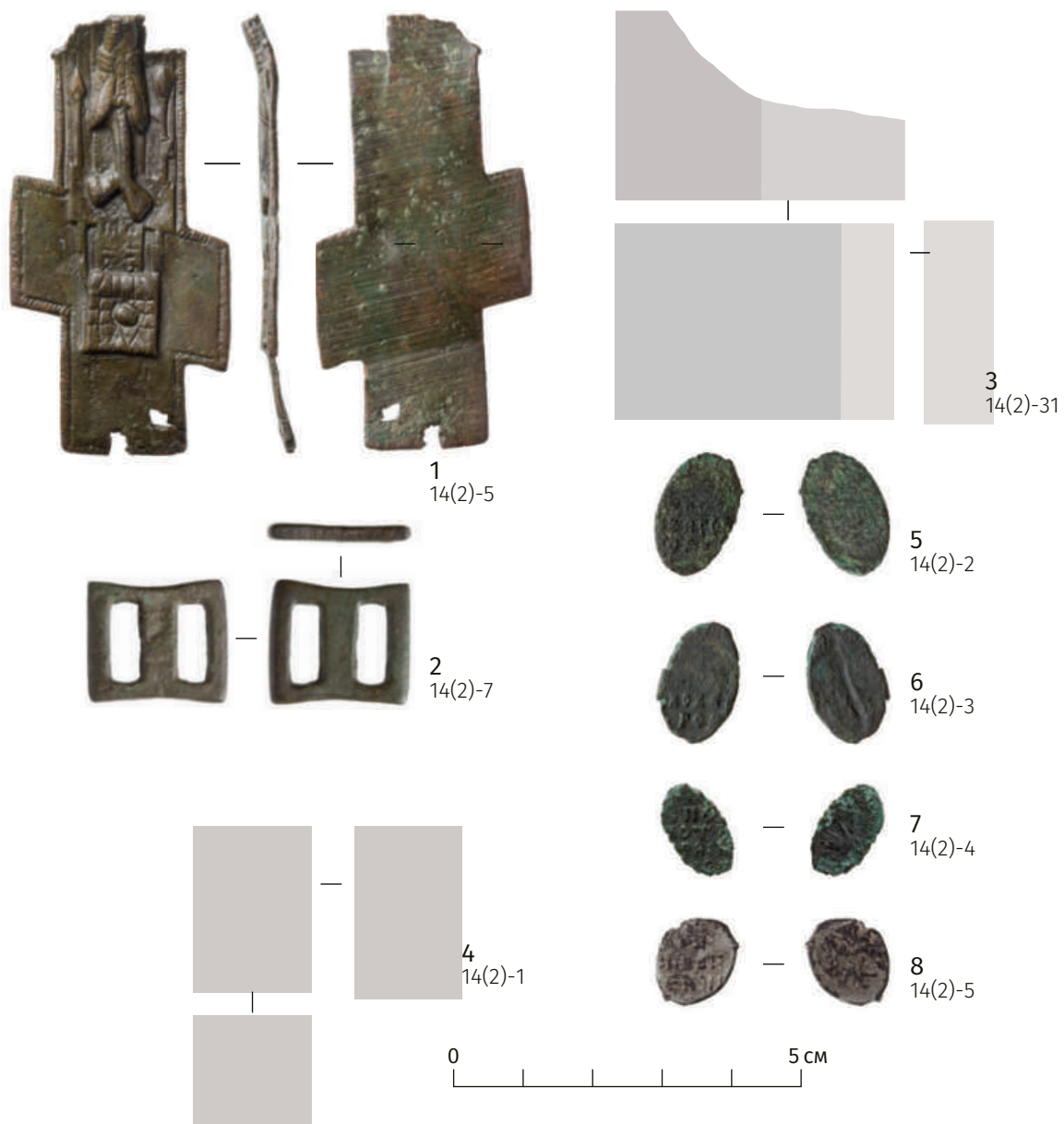

Рис. 233. Бронницкое городище 2014 г. Раскоп 1 (1-3) и 3 (4-8). Находки из культурного слоя

Рис. 234. Бронницкое городище. Сводная таблица радиоуглеродных дат

4.2.4. Городище Княжая Гора

Городище расположено в излучине правого берега р. Явонь на холме высотой до 35 м. Площадка имеет размеры 155 × 55 м, занимая около 0,6 га. Въезд на городище находится с северной стороны. Там же сохранился вал, время сооружения которого неясно. Склоны холма эскарпированы. К городищу примыкает открытое поселение.

В раннесредневековом культурном слое, датированном по находкам бус IX–X вв., выделяется примесь фрагментов лепной слабопрофилированной керамики, характерной для третьей четверти I тыс. н. э. (Торопов 2013: 109–110). Комплексы этого времени на городище не выделяются, что говорит о его использовании в этот период преимущественно как убежища. По своему типу Княжая Гора напоминает соседние городища Сельцо I и Городок на Маяте. По-видимому, эти укрепления имели единую историю.

4.2.5. Городок на Шелони

Городище располагается на правом берегу Шелони на мысу по правую руку при впадении в Шелонь р. Боровенки (рис. 235). Мыс имеет подпрямоугольную форму и размеры примерно 170 × 100 м. С напольной стороны городище защищено валом, местами сохранившимся на высоту около 3 м. С внешней стороны его прослеживается заплывший ров шириной до 10 м (рис. 236). Раскопки на городище производились С. Н. Орловым в 1969–1970 гг. (Орлов А-1969, А-1970, 1974; Плохов, Торопов 2013). Всего С. Н. Орловым вскрыто около 400 м² на четырех раскопах, а также заложено три шурфа и двумя траншеями прорезан вал (траншеи № 1–2) (рис. 237).

Наибольший интерес для анализа стратиграфии представляет раскоп I (1969 г.). Под пахотным слоем на юго-западном краю площадки здесь обнаружена подсыпка шириной до 4 м и толщиной до 1,5 м (ее первоначальные размеры невозможно разобрать из-за осыпей краев площадки). Подсыпка сделана из перемешанного с культурным слоем материкового песка. В некоторых местах с внешней стороны подсыпки сохранились остатки подпорной стенки из уложенных насухо известняковых плит (рис. 238). Большая часть плитняковой кладки обвалилась в реку, поэтому реконструировать ее параметры сложно. Очевидно, все вместе это составляло некий нивелирующий фундамент для оборонительной стены. Облицовка из плитки должна была удерживать на себе какую-то деревянную конструкцию.

Вал имел внутри рубленные городни, хорошо прослеживающиеся в разрезе. Он, как и каменно-земляной фундамент в мысовой части, был насыпан на более раннем культурном слое.

Все изученные укрепления, по наблюдениям С. Н. Орлова, перекрывают культурный слой с находками лепной и, значительно реже, гончарной керамики. Гончарная посуда, как будто, найдена в культурном слое под подсыпкой в раскопе I в краевой части мыса (Орлов 1974: 48), что говорит о датировке укреплений на краю мыса временем не ранее X в. Не понятно, синхронны ли эти укрепления валу. К анализу материалов IX–X вв. с городища я еще вернусь позднее. Пока важно отметить то, что говорит о наличии здесь раннего (как писал в 1974 г. С. Н. Орлов — «славянского») поселения. Действительно, в нижней части культурного слоя, под подсыпкой найдено значительное количество фрагментов лепной слабо-

Рис. 235. Городище у д. Городок на р. Шелонь. Вверху — вид с юга. Фото С. Н. Орлова; внизу — вид на устье р. Боровенки и мысовую часть городища (отмечена стрелкой)

профилированной керамики, аналогичной древнейшему керамическому комплексу Городка на Маяте (рис. 239: 1, 2, 6, 7). Из вещевых находок на раннюю датировку могут, на мой взгляд, претендовать четыре:

- втульчатый наконечник копья с ромбическим в сечении двушипным пламевидным наконечником, имеющим слабое сужение в середине пера, и прямоугольным в сечении черешком. По краю втулки пущен орнаментальный пояс (рис. 240: 1);

- копье асимметрично-листовидной формы (рис. 240: 2);

- наконечник втульчатого дротика с пером листовидной формы и выступом (ребром жесткости) в центральной части (рис. 241: 2)¹⁴⁹;

¹⁴⁹ Наконечник найден в 1970 г. при раскопках на краю площадки городища на глубине 0,15–0,20 м в «плотном темном перегное» между раскопами I и II. Указание на место находки и рисунок наконечника есть в полевом дневнике С. Н. Орлова за 1970 г. (Орлов А-1967-1970: 77).

- фрагментированный трехлопастной черешковый наконечник стрелы с цилиндрическим упором (рис. 240: 3).

А. В. Плохов и С. Е. Торопов, ссылаясь на известную сводку А. Н. Кирпичникова (тип VII), датируют двушипный наконечник IX — началом XI в. (Плохов, Торопов 2013: 267). Как известно, А. Н. Кирпичников не занимался вопросом хронологии подобных наконечников, лишь кратко отметив, что они бытуют в Западной Европе до VIII в., а на Руси — в IX–XI вв. (Кирпичников 1966: 17). Основанием для поздней датировки наконечника С. Н. Орлову, А. В. Плохову и С. Е. Торопову послужила находка его в одном слое с гончарной керамикой и другими поздними предметами. Вряд ли это может служить весомым аргументом при анализе результатов весьма небрежных раскопок С. Н. Орлова. Тем более что неподалеку в раскопе II в слое найден, например, бронзовый топор с закраинами (Орлов А-1969: 33, рис. 28: 5), датирующийся временем около 1500 г. до н. э. (Юшкова 2011: 51).

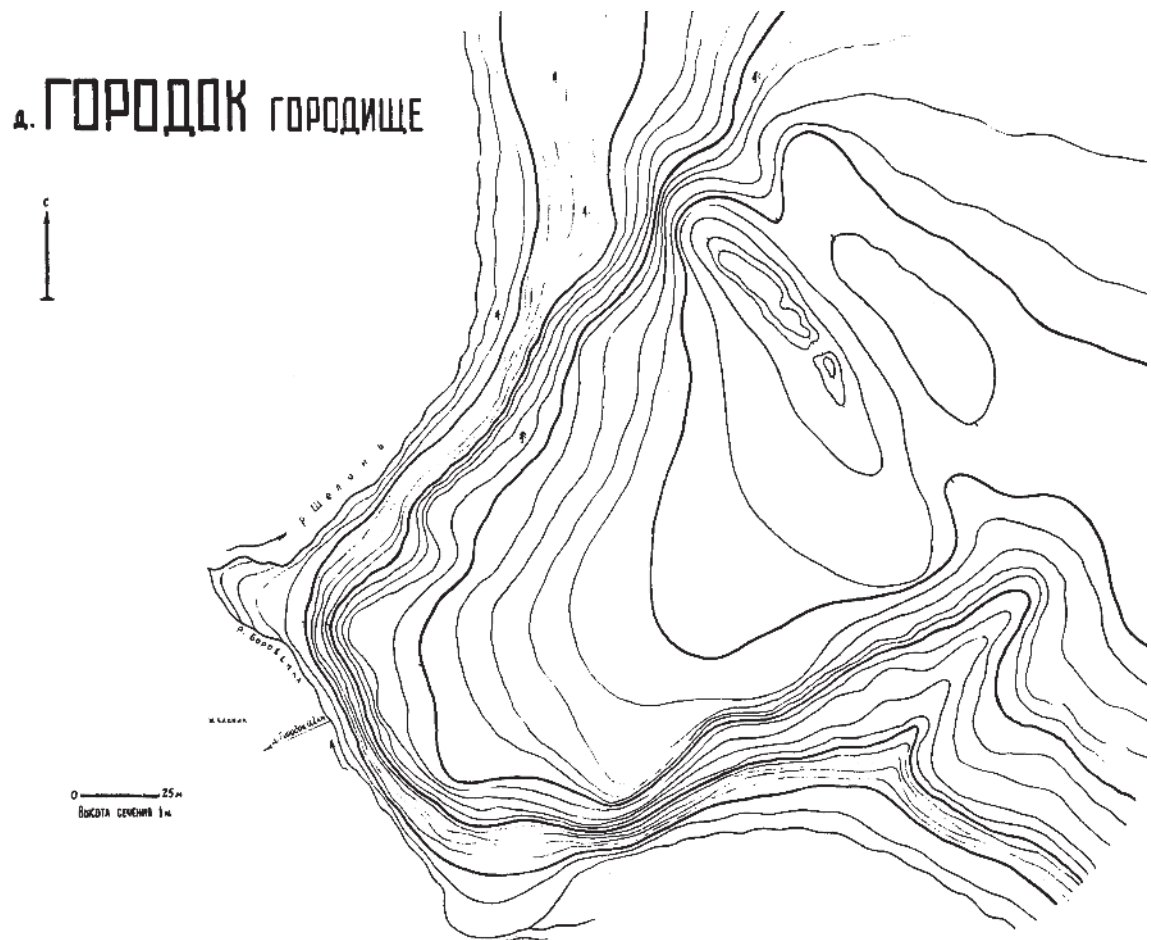

Рис. 236. Городище у д. Городок на р. Шелонь

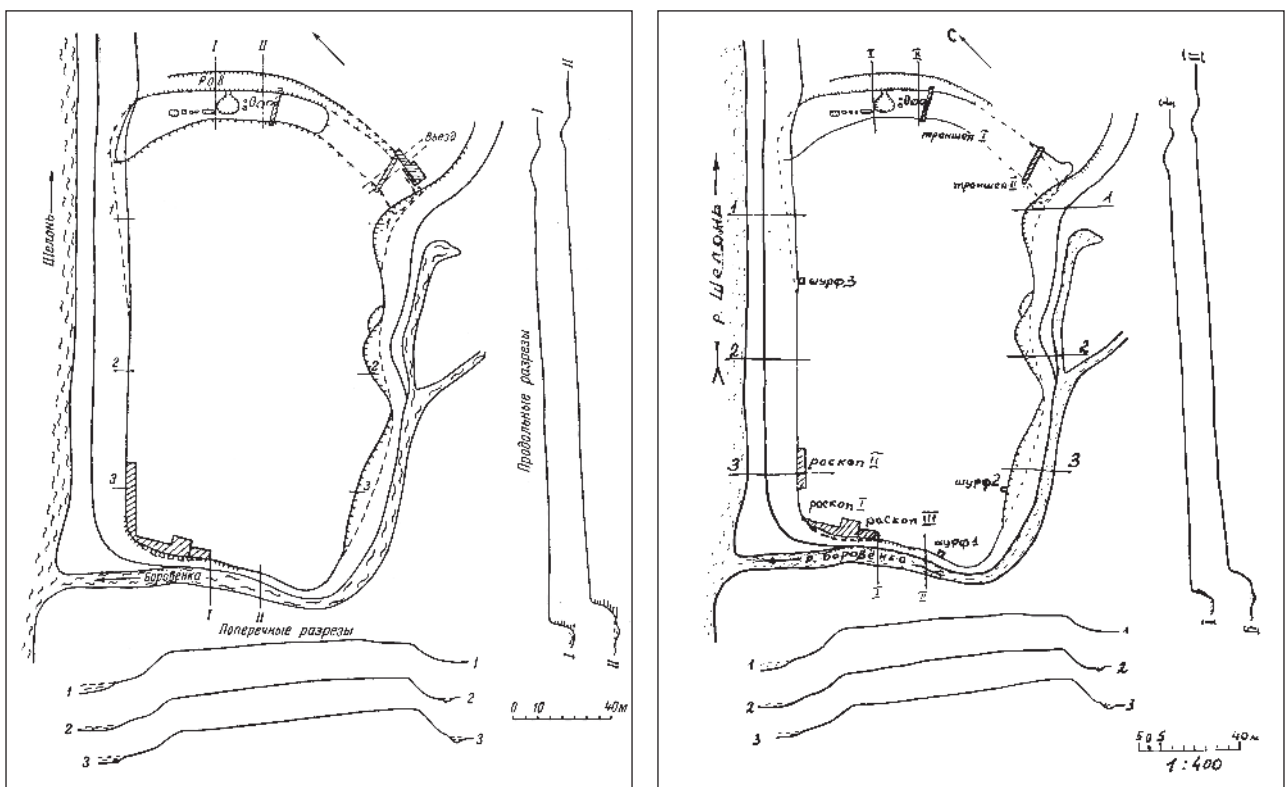

Рис. 237. Городище у д. Городок на р. Шелонь. Планы раскопов и шурфов С. Н. Орлова

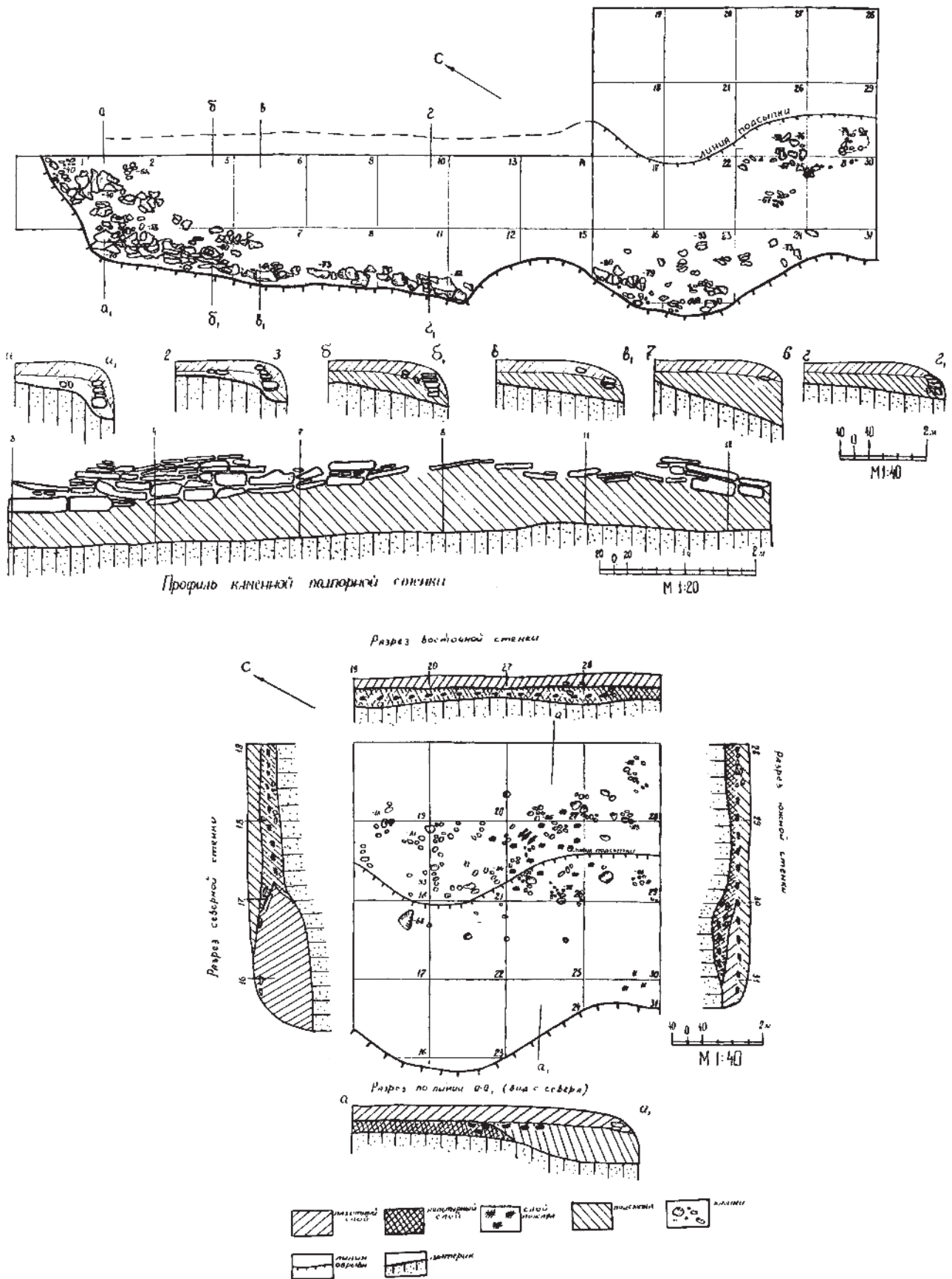

Рис. 238. Городок на Шелони 1969 г. Раскоп I (Орлов А-1969: рис. 19). Культурный слой с выбросами из печей-каменок, уходящий под подсыпку из переотложенных напластований более раннего времени. Подсыпка укреплена плитняковой кладкой

Напластования городка перемешаны, поэтому вряд ли указание полевого отчета на то, что какие-то вещи найдены «рядом», может с уверенностью быть принято как доказательство их синхронности.

На самом деле втульчатые копья/дротики с двушипными наконечниками использовались в Восточной Европе для войны и охоты на протяжении всего I тысячелетия. В КШК они датируются А. А. Егорейченко I в. до н. э. — I в. н. э. (Егорейченко 2016: 134). По мнению В. В. Седова, они распространяются в лесной полосе Восточной Европы с запада, где изначально бытуют в пшеворском ареале (Седов 1999: 107). Как бы ни было, в середине — третьей четверти I тыс. н. э. это оружие получает широчайшее распространение в лесной зоне от Финляндии до Волги. В восточной Литве это оружие попадает в курганные погребения (Казакиявичюс 1988: 56). Известна случайная находка аналогичного наконечника из Шебрина на Мухавце в верховьях Западного Буга (Сідаровіч 2005: 75, фото 3). К этому же или чуть более раннему времени относятся находки на городищах Белорус-

сии: Августово (Харитонович 2008: рис. 2: 2), Заговолино, Замошье (Шадыро 1985: рис. 37: 2–4; Шадыра 2006: табл. 1: 8), Малышки, Лабенщина, Банцеровщина (Медведев 1996: 30). Это оружие найдено в Демидовке (Шмидт 1995: 106, рис. 1: 3) и в колочинской культуре (Седин 2012: рис. 3: 5, 5: 2; Археологическое наследие Беларуси 2012: 52; Обломский 2016: рис. 28: 9, 11, 12, рис. 29: 1, 2), а также на позднедьяковских городищах (Латышева, Розенфельдт 1964: 88, рис. 31: 16; Крис 1970: 164; Смирнов 1974: 36, табл. II: 16; Розенфельдт 1982: 128–129, рис. 32), в частности, в Верхнем Поволжье (Исланова 2010: рис. 9: 6). Серия подобных дротиков, как известно, происходит из Чаплинского могильника; ближайшую аналогию дротику из Городка на Шелони демонстрирует там оружие из погребения № 189 (Поболь 1971: рис. 55: 1).

Значительное количество оружия такого типа найдено в финно-угорских могильниках Волго-Окского региона, где дротики суммарно датируются I тыс. н. э., выходя в XI в. (Циркин 1984: рис. 3). Известно это оружие и на ранних древнерусских памят-

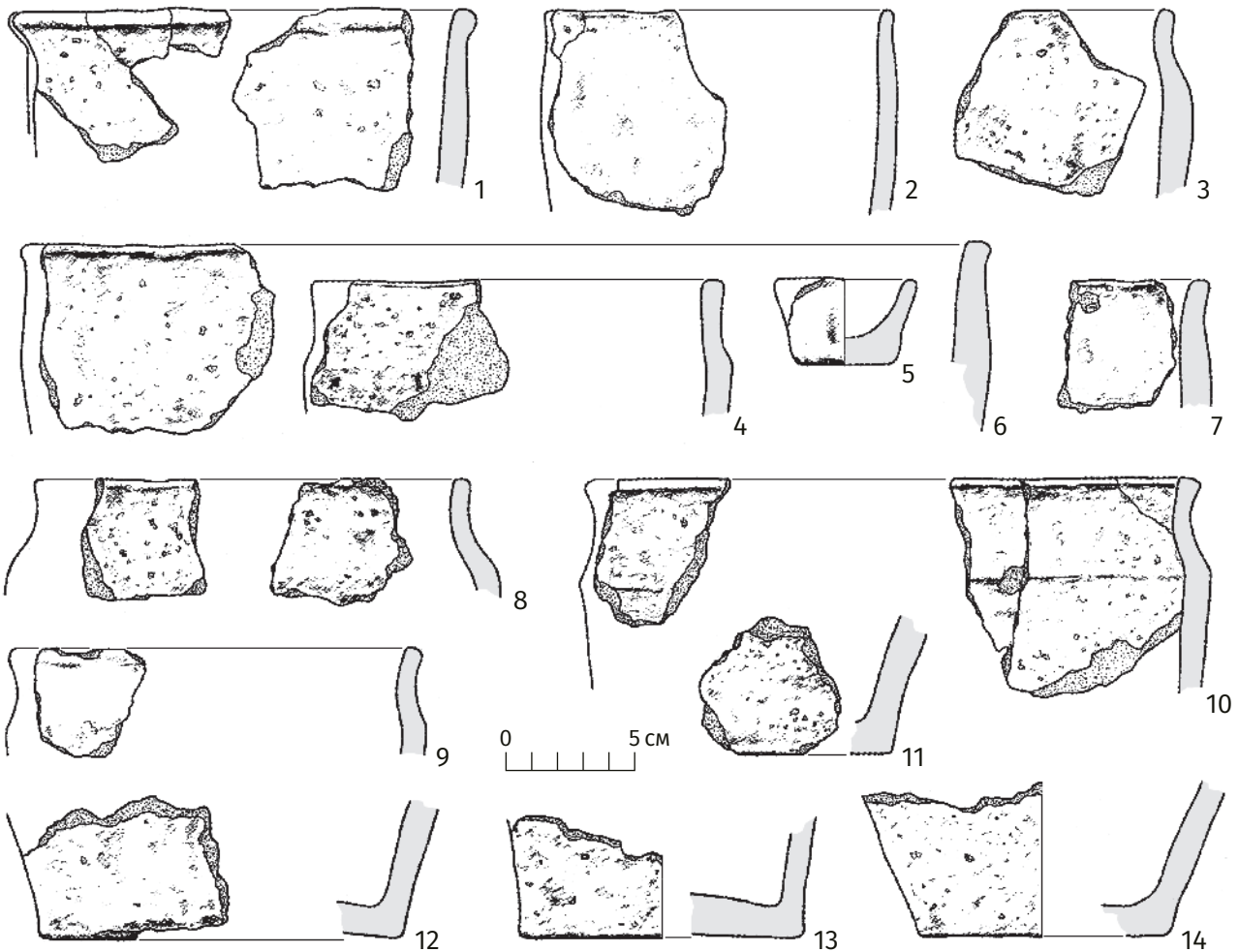

Рис. 239. Городок на Шелони 1969 г. Слабопрофилированная и реберчатая лепная керамика из раскопок С. Н. Орлова. Нижние слои раскопов I и II (Плохов, Торопов 2013: рис. 8).

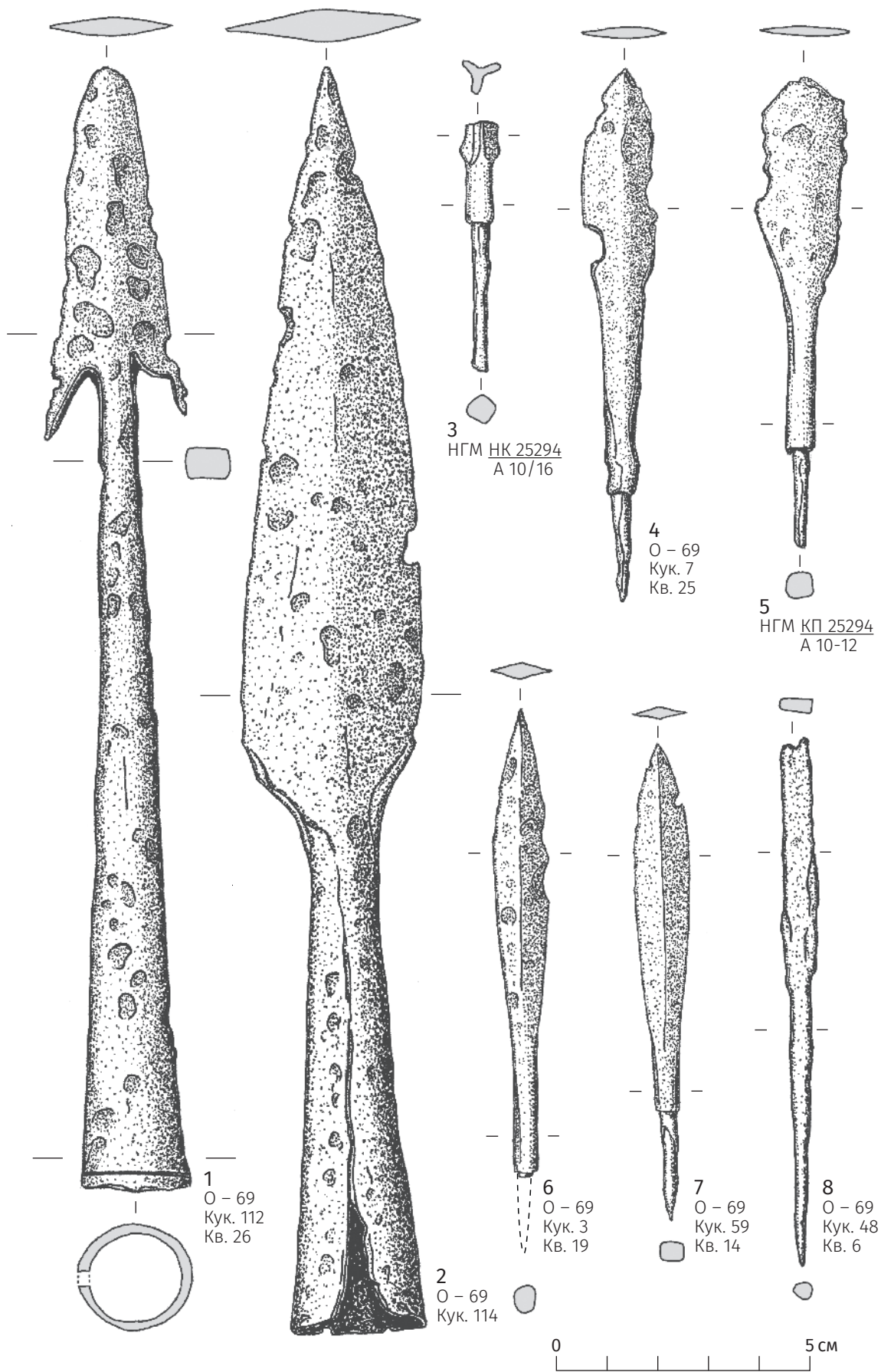

Рис. 240. Городок на Шелони. Оружие из раскопок С. Н. Орлова

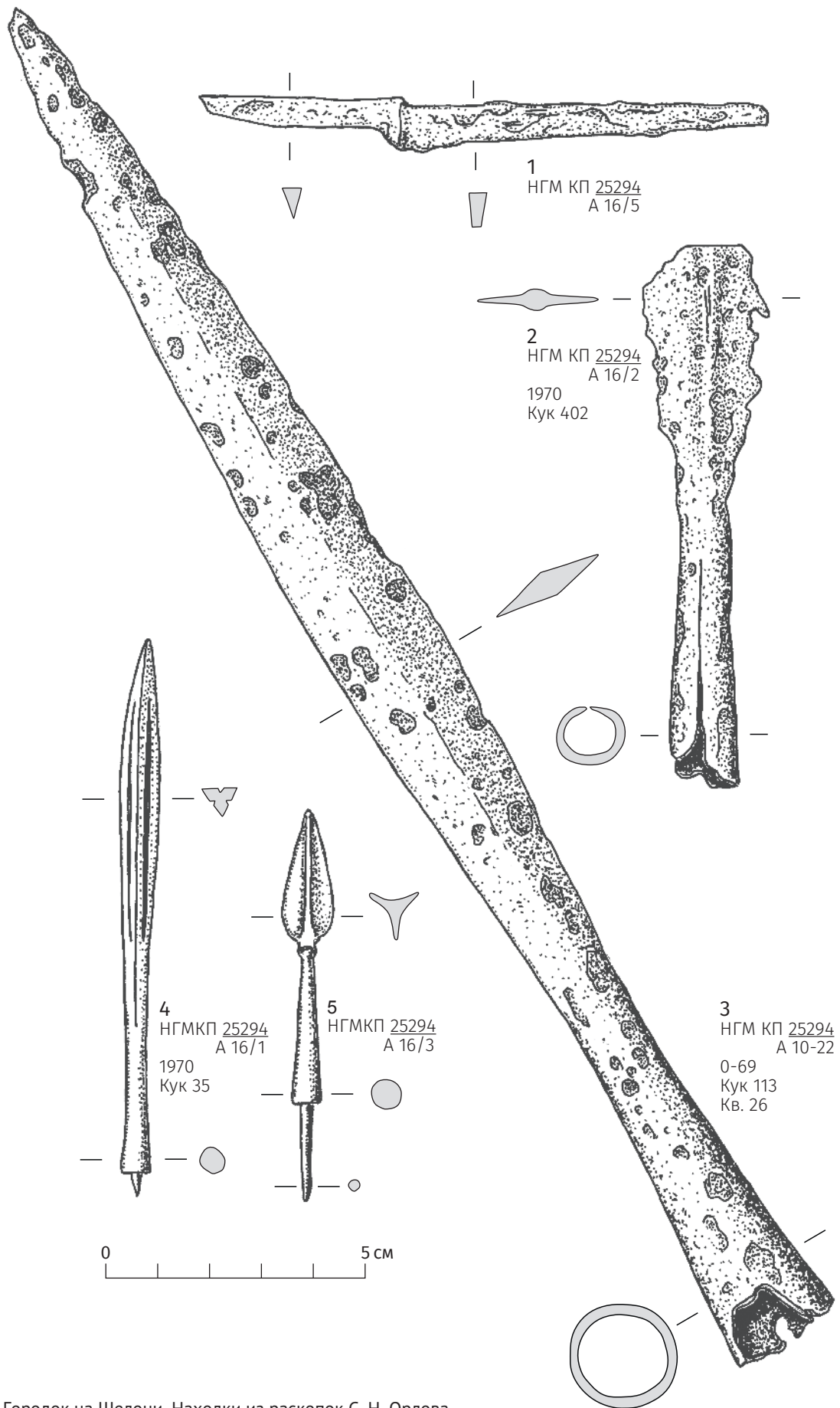

Рис. 241. Городок на Шелони. Находки из раскопок С. Н. Орлова

никах, например на Сарском городище (Эдинг 1928: рис. 12: 6; Леонтьев 1996: рис. 44: 4–6). Если рассматривать ближайшие в территориальном отношении находки, то это окажутся дротики третьей четверти I тыс. н. э. из длинного кургана 9 в Сууре-Рысна (Аун 1992: 131, рис. 53), из погребения 5 в грунтовом могильнике Юрьевская Горка (Исланова 1997: рис. 84: 2) и с городища Отмичи из слоя IV–VI вв. (Исланова 2008: рис. 60: 4; 196). Правда, в первых двух случаях это лишь обломки дротиков и не исключено, что они принадлежали к оружию черешкового типа. Из географически ближайших находок также следует упомянуть двушипные втульчатые дротики с городища Заговалино и селища Прудники в Белорусском Подвинье. Обе находки условно датированы V–VII вв. (Шадыра 2006: 57, табл. 15: 8, 9).

Второе, очень грубо сделанное, копьё асимметрично-листовидной формы, найденное в Городке на Шелони (рис. 240: 2) вместе с рассмотренным выше черешковым дротиком, тоже находит многочисленные параллели на белорусских городищах. Подобные наконечники известны, например, в верховьях Свислочи на городище Лабенщина (Митрофанов 1978: рис. 20: 1), на городище Оздятичи на Березине (Митрофанов 1978: рис. 196: 1), на городище Малышки в верховьях Вилии, причем оттуда же происходят обломки двух двушипных дротиков (Митрофанов 1978: рис. 22: 1, 2, 10). Возможно, следует обратить внимание на способ крепления наконечника к древку. Поскольку втулка копья не была заварена, она могла надежно крепиться к древку не гвоздем, а только какой-то внешней обмоткой. Такие примитивные копья с разомкнутой втулкой также известны на белорусских городищах Бураково (Шут 1966: рис. 6: 16) и Оздятичи (Митрофанов 1978: рис. 19: 2), в восточнолитовских курганах. Таким образом, возможной ранней датировке дротика эта находка не противоречит, хотя и датируется очень широко.

Что касается втульчатого дротика с листовидным пером и ребром жесткости, такое оружие также широко известно в древностях лесной зоны Восточной Европы; его датировка охватывает всю вторую половину I тыс. н. э. Можно обратить внимание на присутствие такого оружия в комплексе вооружения пражской и колочинской культур (Седин 2012: рис. 3: 4; Казанский 2015: рис. 4: 11; Обломский 2016: рис. 27: 5, 29: 7).

Особый интерес представляет фрагмент наконечника трехлопастной черешковой стрелы с упором (рис. 240: 3). Трехлопастные стрелы, связанные происхождением со степной воинской культурой гуннского времени (Засецкая 1994: 36–39), в середине — третьей четверти I тыс. н. э. периодически используются обитателями Восточной Европы, в частности

населением пражской и колочинской культур (Седин 2012: рис. 3: 11, 5: 9; Казанский 2015: 62–64), и спорадически попадают на Северо-Запад. Ближайшая такая находка происходит с городища V–VII вв. Осечен в Верхнем Поволжье (И. В. Исланова относит его к группе типа Подол), где наконечник обнаружен также вместе со втульчатым двушипным дротиком (Исланова, Мирецкий, Олейников 2007: рис. 4: 1). Еще одна трехлопастная черешковая стрела из Городка на Шелони с перехватом и коническим упором (рис. 241: 5) относится, скорее всего, к VIII–IX вв., когда трехлопастные стрелы фигурируют в салтовском и раннеболгарском воинском комплексе (Матвеева 1997: рис. 115).

Таким образом, комплекс вооружения Городка на Шелони, как будто, распадается на две группы: широко датирующуюся (листовидное копьё, двушипный дротик, листовидный дротик с ребром, трехлопастная стрела), похожую, например, на боевой комплекс городища Никодимово или городища Осечен; и позднюю группу (ланцетовидное копьё и ланцетовидные стрелы, поздний трехлопастной наконечник стрелы), обычную для эпохи викингов.

Полевая документация С. Н. Орлова содержит множество неувязок, как уже отмечалось (Плохов, Торопов 2013), и весьма ненадежна. Подчеркнем самые важные выводы, которые можно сделать из анализа коллекций раскопок, хранящихся в НГОМЗ.

На площадке городища имеются напластования со слабопрофилированной керамикой, датирующей третью четверть I тыс. н. э.

Как и на большинстве поселений Приильменья указанного времени (Прость, Бронница, Городок на Маяте, Сельцо I) эти напластования большей частью перемешаны с культурным слоем IX–XI вв.

Все известные в настоящее время в Приильменье неукрепленные поселения второй половины I тыс. н. э. тяготеют к пониженным участкам берегов водоемов, переходящим в поймы. Поселение на обрывистом береговом известняковом плато имело для древнего населения смысл только в том случае, если бы оно использовалось для обороны. Иначе говоря, можно не сомневаться, что уже в третьей четверти I тыс. н. э. на мысу Боровенки располагалось городище.

4.2.6. Городище Шелгуново

Городище расположено на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Ловать при устье ручья (рис. 242–244). Подтреугольная площадка с напольной стороны защищена оплывшим валом. Высота его над площадкой — 1,5–2 м. Размеры площадки: 70×35 м (Паспорт 1979). При осмотрах городища обнаружен культурный слой с лепной керамикой с примесью дресвы в тесте, предварительно отнесенной С. Н. Орловым к РЖВ (рис. 244: 1–5). С. Н. Орлов

ГОРОДИЩЕ
у д. Шелгуново

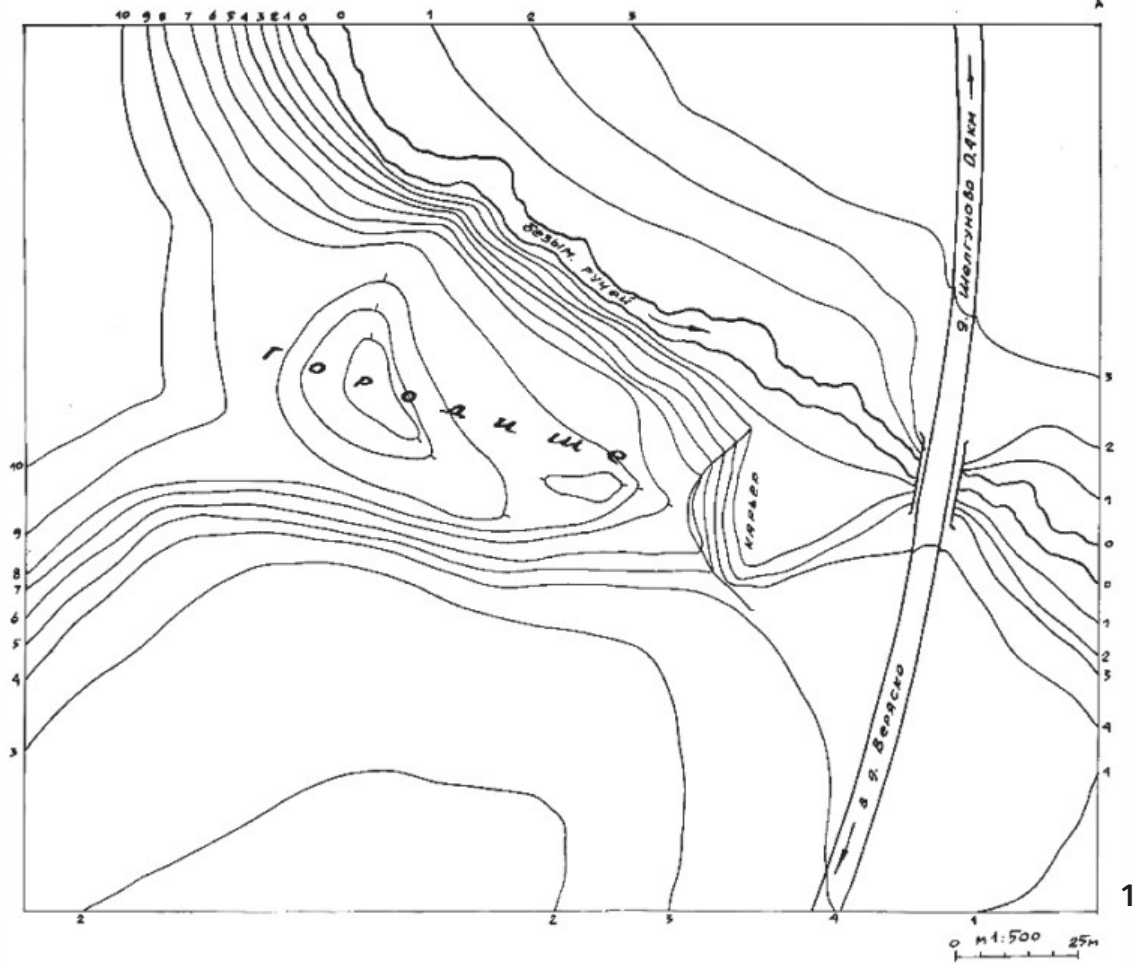

Рис. 242. Городище Шелгуново. 1 – план; 2 – вид с востока (Паспорт-1979)

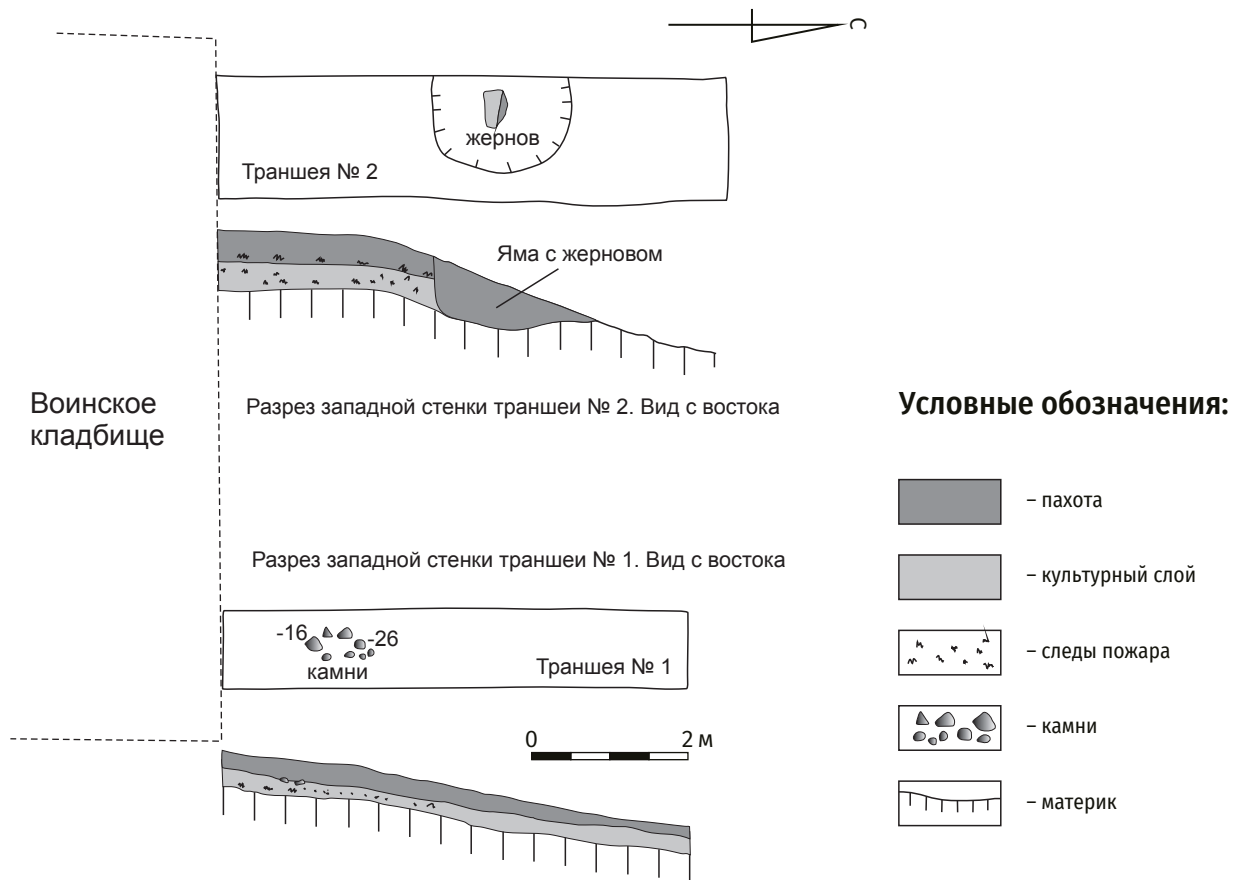
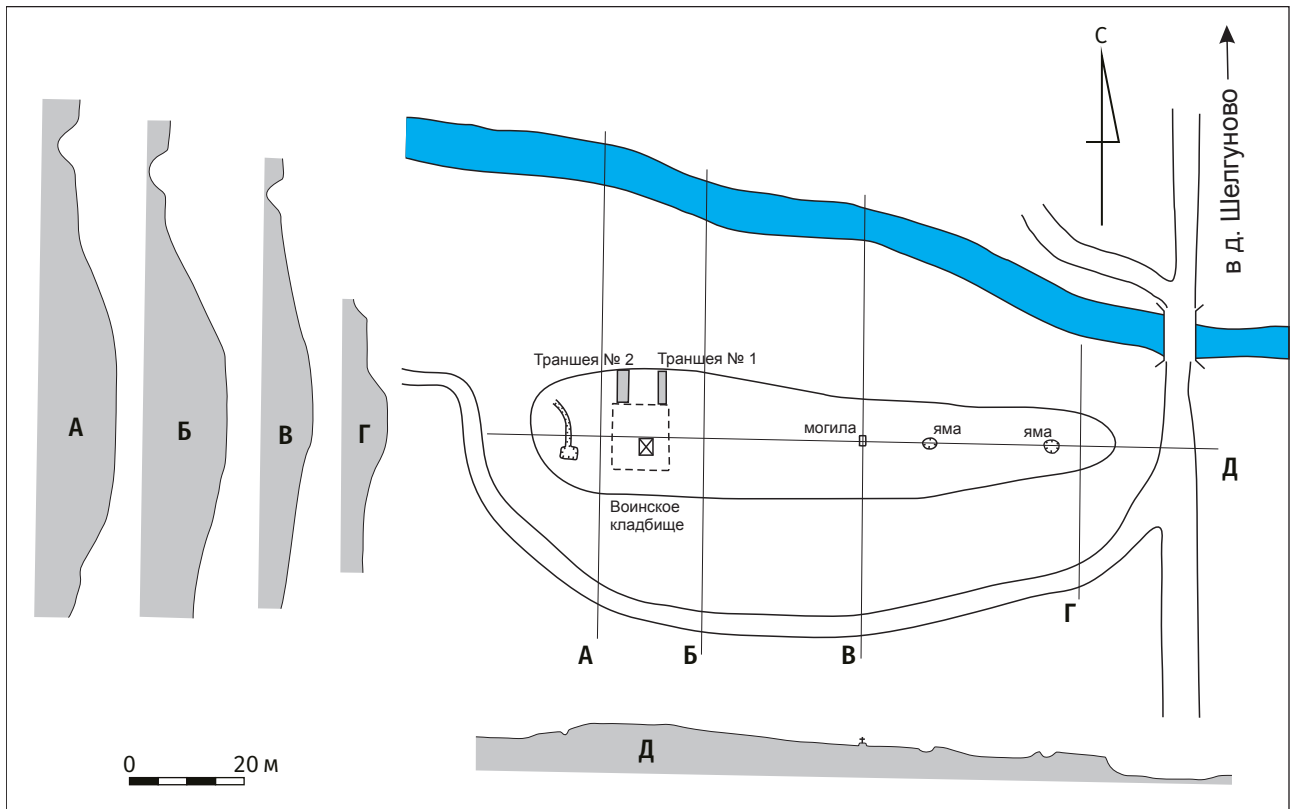
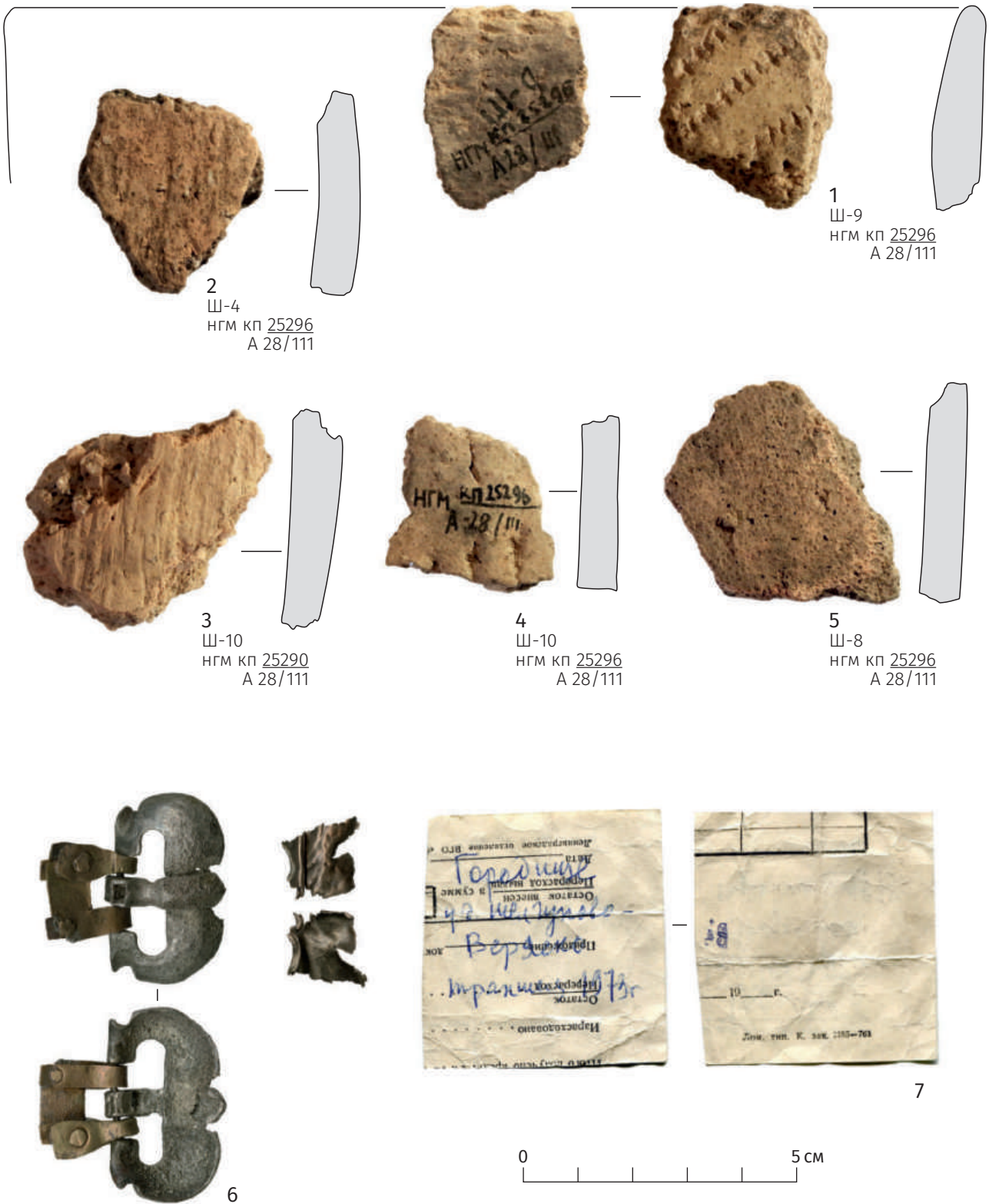

Рис. 243. Полевые чертежи городища Шелгуново и археологических траншей на нем. Архив С. Н. Орлова. Прорисовка И. И. Еремеева

Рис. 244. Городище Шелгуново 1973. 1–5 – лепная керамика из шурфов и зачисток С. Н. Орлова. 1–4 – фрагменты с примесью дровы в тесте (1 – венчик с ложноребенчатой орнаментацией; 2, 3 – фрагменты стенок с неглубокой штриховкой; 4 – фрагмент с ямочной орнаментацией); 5 – фрагмент лепного гладкостенного сосуда с примесью мелкого песка и измельченной органики в тесте; 6 – пряжка геральдического стиля (из траншеи 1973 года?). Раскопки С. Н. Орлова. НГОМЗ. Белый металл, сплав меди; 7 – паспорт (пряжки?), написанный рукою С. Н. Орлова (НГОМЗ). Лицевая и обратная сторона с рисунком предмета

заложил здесь в 1973 г. две траншеи (Археологические находки А-1973; Планы и чертежи А-1973) (рис. 243).

В фондах НГОМЗ хранится пряжка, возможно, найденная при земляных работах на городище в 1973 г. Находка происходит из депортированной части коллекции С. Н. Орлова, и единственным связанным с ней документом является рукописная этикетка с ее изображением и подписью, сделанной его рукой.

Пряжка и язычок отлиты из белого металла (низкопробное серебро?). Рамка пряжки В-образная, гладкая, полая с боковыми выступами в задней части. Язычок также полый, слегка расширяющийся на подтреугольном конце. В основании язычка находится утолщение с прямоугольной выемкой для стеклянной вставки (рис. 244: 6). С пряжкой высокого качества контрастирует небрежно изготовленная обойма, вырезанная из тонкого бронзового листа и скрепленная двумя заклепками, одна из которых поставлена при ремонте вещицы. Вместе с пряжкой находится маленький измятый кусок бронзового листа. Полюе В-образные пряжки относятся к кругу геральдической поясной гарнитуры эпохи переселения народов. Ареал их распространения очень обширен. Основания для датировок содержатся в могильниках Крыма и Поволжья, датируют их второй половиной VI–VII вв. (Гавритухин, Обломский 1996: 93; Айбабин, Хайрединова 2017: рис. 120, 122). Для византийских провинций к югу от Нижнего Дуная предлагается сходная датировка (Даскалов 2015). Различные модификации подобных пряжек на Северо-Западе встречаются в погребениях КПДК. Проанализировавшая этот материал Е. Р. Михайлова, датирует их также второй половиной VI — VII в. (Михайлова 2014: 35). Однако точных аналогий здесь, на севере, пряжке из Шелгуново нет.

4.2.7. Городище Белая¹⁵⁰

Данный памятник располагается вне Ильменского бассейна в верховьях р. Луги, и формально не входит в круг приильменских городищ. Тем не менее, открытые на нем материалы настолько органично дополняют общую панораму архаических раннеславянских городков Ильменской котловины, что пройти мимо них невозможно.

Городище расположено в ур. Лысая Гора в 0,5 км к северо-западу от деревни на левом берегу р. Гордянки на высоком камовом всхолмлении (рис. 245). Площадка городища подпрямоугольная, размерами 40 × 30 м. Образована эскарпировкой склонов естественного холма с запада, юга и востока. В результате подрезки был удален огромный объем грунта, и примерно на середине склона холма с юга и востока образовалась терраса шириной до 10 м. Над ней на юж-

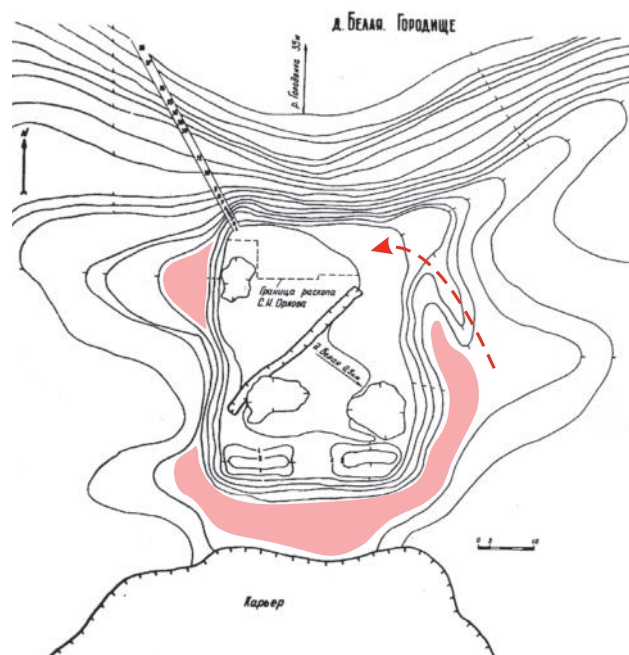

Рис. 245. Городище Белая (Белая Гора). План Г. Н. Пронина с дополнениями И. И. Еремеева (заливка). Заливкой указаны террасы эскарпов, стрелкой — предполагаемое направление въезда на площадку

ном краю площадки возведен вал, возвышающийся над последней на 1,5–2 м. Въезд на городище идет, видимо, по восточной террасе эскарпа к северо-восточному углу площадки. Мощность культурного слоя от 0,3 м до 1,6 м (по краям площадки). Городище впервые исследовано А. А. Спицыным в 1910 г. В 1973 г. раскопки в северной части городища произведены отрядом НГПИ под руководством В. В. Милькова (Мильков А-1973). Изучена площадь 462 м². Напластования городища разделены на три горизонта. Местонахождение коллекции не известно. В фондах НГОМЗ хранится всего 5 фрагментов лепной гладкостенной керамики из раскопок городища у д. Белая (КП 25296/А-28/105–106). Керамика может быть датирована второй половиной I тыс. н. э.

Как показали раскопки В. В. Милькова, характерной особенностью планиграфии городища являются подсыпки грунта по периметру площадки. На подсыпках была возведена длинная постройка, отапливавшаяся печами-каменками, от которых сохранились груды перегоревших булыжников, идущие цепочкой вдоль края площадки. Лучшее всего остатки длинной постройки видны в восточной части городища (рис. 246; 247). Здесь от нее, помимо очагов, сохранился развал карбонизированных бревен, идущий по краю площадки (Чертеж плана раскопок I и III А-1973). Не вполне ясно — остатки ли это самой постройки, или бревна, которые армировали подсыпку под нее. Постройка имела, скорее всего, столбовую конструкцию. Сооружение, возможно, погиб-

¹⁵⁰ В разных источниках городище носит название Белая Гора или Удрайское городище.

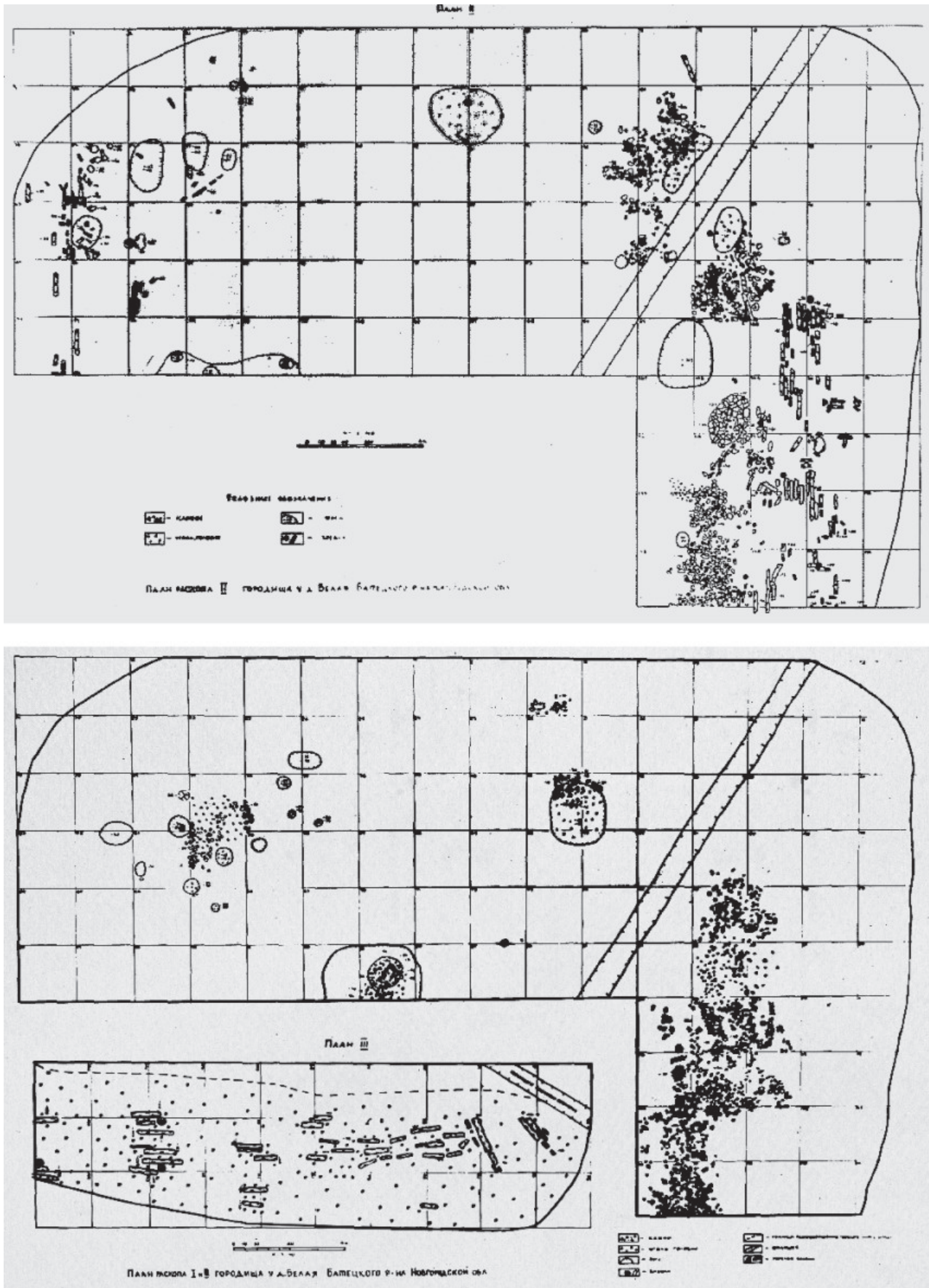

Рис. 246. Городище Белая (Белая Гора). Планы раскопа (Мильков А-1973)

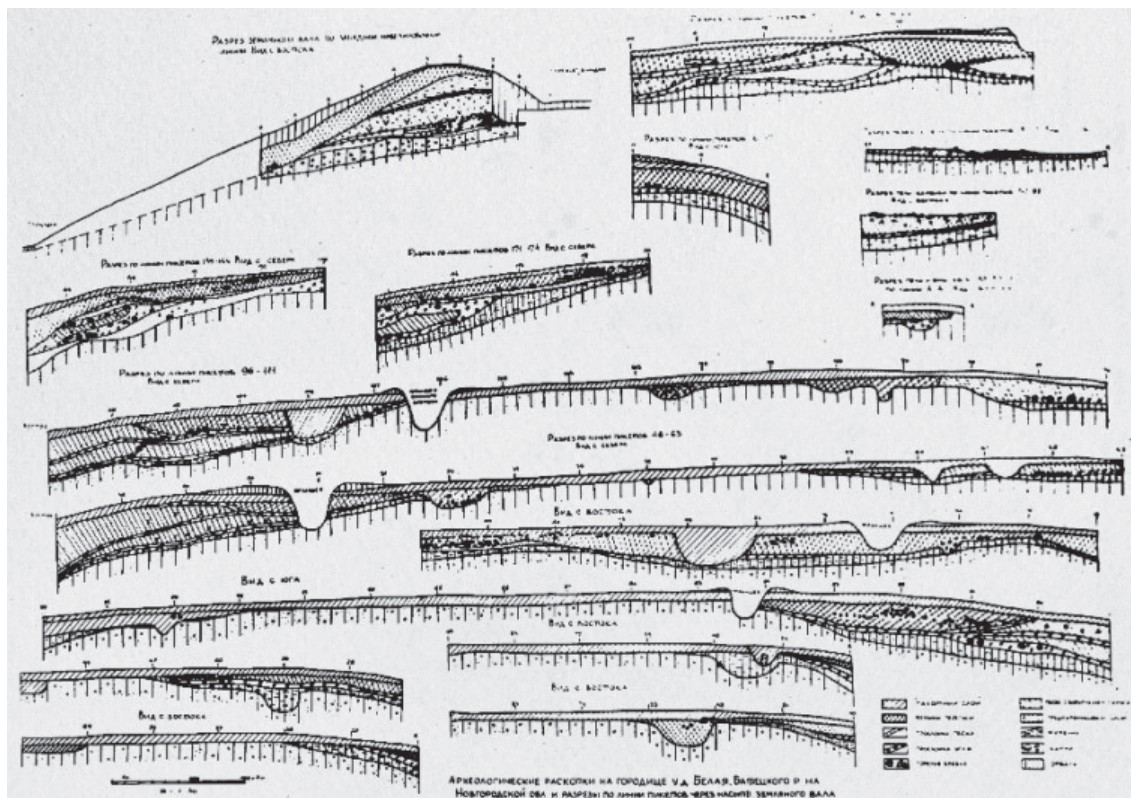

Рис. 247. Городище Белая (Белая Гора). Профили раскопа (Мильков А-1973)

ло в пожаре. Для горизонта характерна лепная неорнаментированная керамика баночных форм, или с прямыми, чуть отогнутыми наружу венчиками (Мильков А-1973: 9). Рисунок фрагмента одного из таких сосудов есть в архивных материалах С. Н. Орлова (рисунки археологических находок А-1973: БГ-2) (рис. 248: БГ-2).

Таким образом, на холме выявлена архаическая кольцевая оборонительная постройка. Картина, сходная с планировкой городищ Городок на Ловати/Верготи, Городок на Маяте, Сельцо I. Понятно, что Белая принадлежит к этой же группе памятников, хотя мы и не знаем к какому хронологическому отрезку внутри периода жизни последней (с первых веков н. э. до IX в.). Вроде бы, отсутствие длинного углубленного котлована (цепочки котлованов), характерного для Холопьяго Городка, Бронницы и Георгия, позволяет отнести Белую к более раннему времени, т. е. к VI — VII вв. Синхронизация длинной постройки городища Белая с Городком на Ловати/Верготи тоже исключается, поскольку, как отмечает В. В. Мильков, для длинной постройки характерна лепная неорнаментированная керамика (Мильков А-1973: л. 6).

Тем не менее, культурный слой РЖВ на городище тоже имеется. Он прослеживается на материке по краям площадки в виде слабогумусированной предметриковой прослойки и отдельных ям с аналогичным

заполнением. Какой-либо системы в расположении этих ям не прослежено. Горизонту соответствуют фрагменты лепной керамики, покрытой штриховкой (Мильков А-1973: 6) или несущей ямочную орнаментацию (Рисунки археологических находок А-1973: БГ-21, 23, 29) (рис. 248: БГ-21, БГ-29). С городища происходит также фрагмент каменного топора (рисунки археологических находок А-1973: БГ-31) (рис. 248: БГ-31).

К северо-западу от городища располагается селище, на котором В. В. Мильков зафиксировал находки лепной неорнаментированной керамики и кусков шлака (Мильков А-1973: 3). Близ городища возле дороги, ведущей к озеру, располагалась группа из уплотненных, округлых в плане курганов (не менее 4 насыпей, из которых в настоящее время сохранились 2). В 1973 г. один из курганов (диаметром 8 м, высотой 0,4 м) исследован В. В. Мильковым. В насыпи найдена «небольшая пястка кальцинированных костей» без сопроводительного инвентаря (Мильков А-1973: 3).

В верхней части напластований городища Белая наряду с лепной гладкостенной керамикой встречается гончарная керамика с линейным орнаментом (рис. 248: БГ-24). Датировочной находкой является железный ланцетовидный наконечник стрелы с упором (рисунки археологических находок А-1973: БГ-30) (рис. 248: БГ-30). Очевидно, в X в. городище использовалось как убежище.

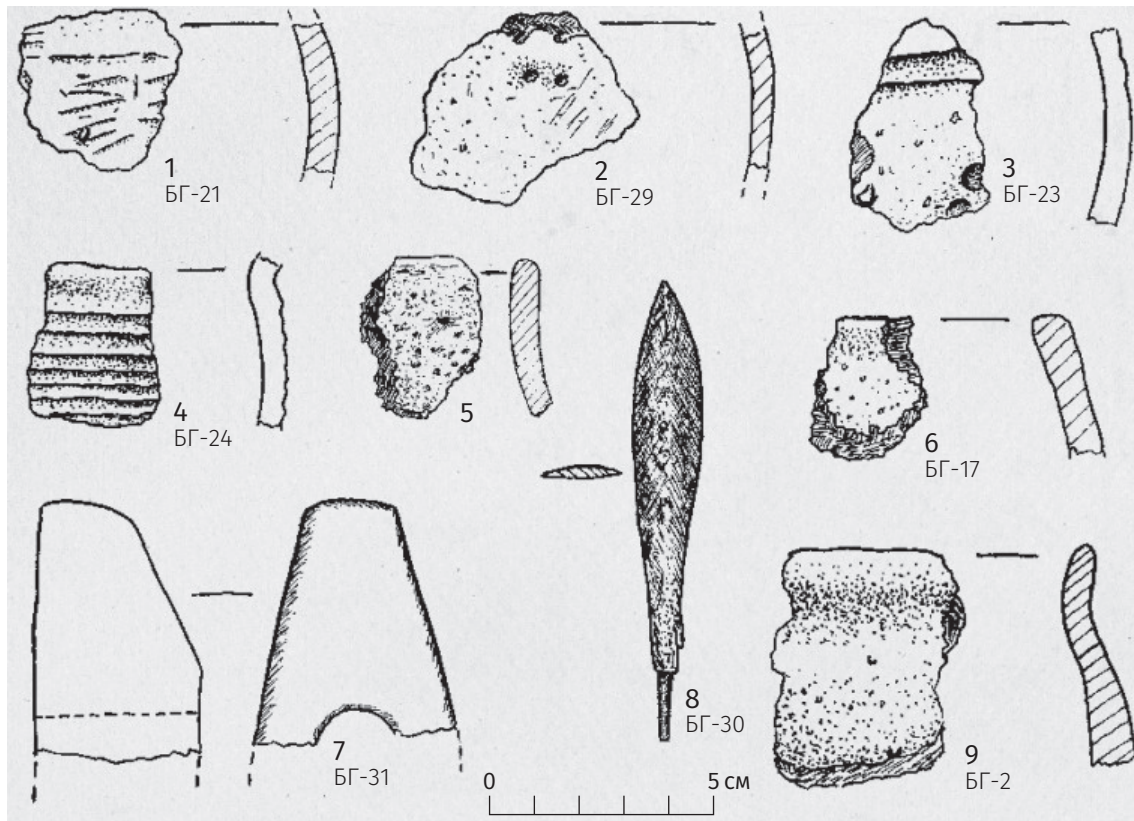

Рис. 248. Находки из раскопок городища Белая (Белая Гора) (ОПИ НГОМЗ, КП-38136-2628-1)

4.2.8. Формирование системы городищ в Центральном Приильменье в VI–VIII вв. н. э.: вопросы интерпретации

Взаимоотношения примитивных групп почти всегда враждебны. Пожалуй, самый радикальный пример — индейцы, у которых каждое племя считалось находящимся в состоянии войны с любым другим, если с ним не был заключен внятный договор. Но нельзя забывать, что на ранних стадиях культуры война есть едва ли не единственная форма, в которой вообще речь идет о соприкосновении с чужой группой. Покуда межтерриториальное торговое общение было неразвито, индивидуальные путешествия не известны, а духовная общность еще не выходила за границу группы, помимо войны не было никаких социологических взаимосвязей между различными группами. Здесь взаимоотношения элементов группы и примитивных групп между собой проявляются в совершенно противоположных формах. Внутри замкнутого круга вражда, как правило, означает прерывание взаимосвязей, отстраненность и избегание контактов; эти негативные явления сопровождают даже страстное взаимодействие открытой борьбы. Напротив, каждая

из групп в целом равнодушна к другой, покуда длится мир, и лишь во время войны они обретают друг для друга активную значимость. Поэтому одно и то же влечение к экспансии и действительности, которое внутри требует безусловного мира как основы сцепления интересов и взаимодействия, вовне может выступать как воинственная тенденция.

Г. Зиммель
Человек как враг¹⁵¹

Итак, в Центральном Приильменье в третьей четверти I тыс. н. э. возникает система небольших деревоземляных крепостей (рис. 72; 105; 249), отдельные элементы которой имеют подоснову в древностях первой трети I тыс. н. э. (Городок на Ловати/Верготи с «длинным домом»). Динамика связанных с городками неукрепленных поселений пока не поддается реконструкции. В рецензии на нашу книгу (Еремеев, Дзюба 2010) В. С. Нефёдов и А. А. Фролов предложили для выделенных мною в Центральном Приильменье микрорегионов термин «вождество» (калька с английского *chiefdom*) (Нефёдов, Фролов 2014: 495). Идея вождества как предгосударственной ступени развития

151 Зиммель 2015: 268.

Рис. 249. Центральное и южное Приильменье. Городища с выявленными материалами VII–VIII вв.н.э. и их контекст

социума, разработанная в научной литературе, несомненно, может быть здесь применена, вопрос — для какого времени?

Концепция вождества изначально принадлежит англо-американской научной традиции (Кревельд 2006, там литература), но давно используется в отечественной социальной антропологии (Васильев 1981; Першиц 1986; Крадин 1995; 2004; 2012; 2015; 2016; Тишков 2003: 78; Горский 2012). Вождество характеризуется как предгосударственное общество, в котором распределение избыточного продукта и ресурсов осуществляется элитой (как правило, военной), построенной по иерархическому принципу. При этом часть ресурсов ею присваивается. Представители верхушки не обладают абсолютной властью, деля ее как с нижестоящей знатью, так и с объединением свободных общинников. Вождества имеют следующие признаки:

1. Очаговая система расселения.

2. Наличие прибавочного продукта отражается в археологическом материале. Разумеется, если этим продуктом является зерно, пушнина или невольники, следы обнаружить непросто. Тогда фиксируется не сам избыточный продукт, а плоды его реализации в виде редких и дорогих импортных товаров.

3. Появление аристократии отражается вкладах, богатых жилищах и погребениях, в любых формах накопления ценностей в руках ограниченного количества лиц.

4. Наличие военной аристократии подразумевает следы дальних военных предприятий (Крадин 2012: 219, там литература).

Что из перечисленного можно видеть в Приильменье в третьей четверти I тыс., кроме первого пункта?

Пожалуй, ничего, что говорило бы о превращении ресурсов в богатства для элиты. В ареале КДК и КТБ также нет свидетельств о массовом поступлении туда престижных импортных изделий. Привозные вещи единичны (этому посвящен раздел 6.5) и не могут свидетельствовать об устойчивых торговых связях. Свидетельств концентрации богатства тоже не наблюдается. Кладов середины — третьей четверти I тыс. н. э. на интересующей нас территории нет. Они известны только южнее — в Поднепровье. Нет в Приильменском регионе захоронений элиты, отличающихся богатством инвентаря и/или трудоемкими надмогильными сооружениями. Нет и следов дальних военных походов, которые обычно выражаются в комплексах награбленных ценностей, не находящихся прямого применения в традиционной культуре. Ни на одном из городищ VI–VIII вв. не найдено построек, которые можно было бы рассматривать как жилища знати. Наоборот, характерной особенностью Ильменских городков являются длинные дома с рядами отопительных устройств на краю площадки, предназначенные для большого количества обитателей. Помимо жилья дома пригодны и для обороны. Булыжная обкладка очагов и печей-каменок, в большом количестве накапливавшаяся в домах, могла в любой момент быть использована как метательное оружие. Остатки таких домов изучены в Городке на Маяте, Сельце, Броннице, на Холмопьем Городке и Белой Горе. Платформа, скорее всего предназначенная для такого дома, читается в рельефе на городище Загородищи.

Подобная особенность застройки городков говорит о том, что они находились в общинном пользовании. Учитывая военную специфику объектов, логично

предположить, что сооружения принадлежали воинским братствам, или мужским союзам отдельных родов. Здесь, под охраной молодых воинов хранились святыни родовых кланов, оружие, продовольствие длительного хранения, т. е. общинное имущество и запасы, гарантировавшие выживание группы в кризисный период. Существование у славян мужских союзов и предназначенных для них больших укрепленных построек доказано В. Я. Проппом на материалах русских волшебных сказок и сравнительной этнографии (Пропп 2001). Городища являются, по сути, единственным археологическим феноменом восточнославянского ареала, полностью соответствующим «мужскому дому» индоевропейской, в частности славянской, мифологии. Это сопоставление уже было сделано (Шувалов 1991: 35, 36).

Все сведения о стратификации славянского общества VI–IX вв. относятся к западным и южным славянам (Горский 2012: 196–203). Но и там безусловное лидерство связано было преимущественно с войной (Крадин 2012: 218–219). Византийские и франкские источники VI–VII вв. называют несколько имен таких военных вождей: Давритас/Даврентий (Менандр Протектор), Ардагаст, Пирагаст, Мусокий (Феофилакт Симокатта). Более сложную политическую систему (судя по длительности ее существования) возглавлял Само. Многотысячные сложно организованные армии, союзы племен, дальние военные предприятия — все это позволяет говорить о начале формирования у славян института «вождества» со сложной иерархией и структурированной в соответствии с ней системой перераспределения ресурсов. Власть вождя поддерживалась дружиной — профессиональными воинами, среди которых по мере развития этого института, все большую долю занимали иноэтнические элементы, часто более лояльные к вождю, чем его соплеменники. Так было на юге и западе славянского мира. На западе частью этой системы были городища, в которых концентрировались богатства (дани и военная добыча), дружина, и, опираясь на которые, вожди осуществляли свои властные полномочия. Городища в этот период приобретают элитарный характер — в них сидят люди, способные принудить местное население к вложению сил в масштабное строительство (Barfod 2001: 131).

В лесах Восточной Европы дела обстояли иначе. Здесь в VI–VIII вв. не было противника, против которого требовалась бы мобилизация многотысячного ополчения, и не было богатств, которые позволяли бы поддерживать дружину из профессиональных воинов, не занятых сельским хозяйством. Роль военных вождей здесь, вероятно, ограничивалась активным периодом военных предприятий. В мирное время на первое место выходило общинное собрание, контролировавшееся представителями родовой верхуш-

ки, в западной социологии получившими обозначение *big men*. Вероятно, они выполняли и функции блюстителей языческих культов (центральное место в котором занимал культ предков), т. е. размежевание волхвов и князей, известное по летописям, — явление позднее, возникшее уже в христианскую эпоху.

Тем не менее, именно в лесном мире в VI–IX вв. мы видим огромное количество городищ. Очевидно, в эгалитарном обществе они служили общине (например, были местами собраний и местом хранения запасов, предназначенных для общего пользования). Исследователи давно отмечают, что значительная часть городищ лесной зоны в силу слабости укреплений не предназначена для ведения крупномасштабных войн (Кузьмин 2008: 51; Сыроватко 2009: 44–50; Еремеев, Дзюба 2010: 421). Война в таком обществе является видом ритуализированной деятельности молодых мужчин и часто привязана к годовому циклу. *Мифические* представления о таком неупорядоченном (по христианским представлениям) насилии имеются в ПВЛ, где после изгнания варягов «встал род на род» и роды эти стали «сами города рубити». На городищах собирались также воины в период подготовки набегов против соседей. Здесь же могла содержаться военная добыча, в первую очередь рабы и скот. И в том, и в другом случае длинные дома позволяли разместить большое количество людей на тот срок, который требовался для подготовки и завершения набега (включая необходимые ритуалы).

Городища можно рассматривать как места, где на основе мужских союзов в VI–VIII вв. формировался институт дружины, проявивший себя уже в IX в. в знаменитых походах руси на Византию. С образованием дружины и переориентацией на дальние походы в IX — начале X в. в Приильменье исчезают и архаические родовые городки.

Сколько было этих архаических городищ вокруг Ильменя и в истоке Волхова? Достоверно в настоящее время мы можем говорить о пяти: Бронница, Городок на Маяте, Сельцо I, Городок на Ловати/Вергоги, Городок на Шелони. Возможно, сюда же следует добавить шестое (Шелгуново), седьмое (Белая) и восьмое (Городцы на Псиже), которое типологически повторяет Бронницкое городище. Однако, кроме этого, есть еще городища, традиционно относимые к РЖВ. Основанием для этого служат единичные находки лепной керамики. Но какой именно черепок попадет на глаза археологу в осыпи или даже в шурфе — дело случайное. Достаточно вспомнить, что Бронница столет считалась городищем РЖВ, несмотря на многочисленные обследования и даже небольшие раскопки. Таких городищ мы знаем еще три: Сельцо II, Загородищи и Крутец. На городке Загородищи (рис. 73) найдена лепная керамика второй половины I тыс. н. э.

(рис. 74: 3, 4), а городище Крутец обладает характерной для третьей четверти I тыс. н. э. ступенчатой фортификацией (рис. 75; 76).

Продолжая считать, упомянем городища, не сохранившиеся до наших дней. Их два: Подгощи и Медведь. Далее следует упомянуть «городищенские» топонимы, находящиеся в раннесредневековом археологическом контексте. Городищ там не найдено, но учитывая примитивность раннесредневековой фортификации, их внешние признаки могли не сохраниться. Таких мест в Центральном Приильменье и в Верхнем Поволховье еще три. Это «Городок» на реке Колпинке в юго-восточном Приильменье. Окрестности бывшей деревни с таким названием и берега реки были обследованы мною в 2004–2005 гг. При этом выявлена ранее не известная сопка (Еремеев А-2004), что говорит о наличии здесь населения в Раннем Средневековье. Но городища найдено не было. Еще одно городище (уничтоженное береговыми осыпями?), возможно, существовало близ д. Коростыни на берегу оз. Ильмень. В начале XIX в. зафиксирован топоним «Городок» применительно к обрывистому участку берега к востоку от деревни (Озерецковский 1812: 534). Третья деревня Городок известна на Волхове в нескольких километрах ниже селища Ситно. При устье р. Городена, между дд. Городок и Вылеги имеется узкий мыс на берегу Волхова, весьма удобный для городища. К сожалению, место занято кладбищем и вести здесь раскопки нельзя. Напомню, что в д. Вылеги в 1882 г. найден один из древнейших кладов куфических монет в Поволховье (младшая из семи определенных монет выбита в 807 г.). Клад найден крестьянином деревни при копке канавы около бани (т. е., видимо, на берегу Волхова неподалеку от мыса) (Дело А-1882: л. 6). Наконец, следует напомнить, что городища Холопий Городок и Рюриково Городище содержат слои VIII в., т. е. вполне возможно захватывают и финал третьей четверти I тыс. н. э.

Таким образом, общее количество памятников, которые потенциально могут быть отнесены к третьей четверти I тыс. н. э., достигает семнадцати. Подчеркиваю, речь идет об общем количестве городищ, которые *могли* существовать вокруг Ильменя к концу третьей четверти I тыс. н. э. Три из них — Бронницкое Городище, Городок на Маяте и Городок на Шелони — по своим размерам и масштабу оборонительных сооружений явно превосходили нужды мелких родовых поселений. Трудозатраты, необходимые для строительства этих укреплений и поддержания их в боеспособном состоянии, свидетельствуют о том, что городища были связаны со значительными сельскими округами, сформировавшимися в середине VII — середине VIII вв.

Возникающая система городищ связана с притоком на Ильмень нового населения. Время его появ-

ления пока маркирует Городок на Маяте. Судя по данным радиоуглеродного анализа, укрепления здесь возникают на рубеже V–VI вв. н. э. Наиболее детально исследованные памятники (Городок на Маяте и Бронницкое городище) позволяют сближать их с банцеровской культурой, известной на территории Белоруссии. Об этом свидетельствует наличие построек с углубленной в землю подквадратной частью, особенности керамического комплекса и находки, указывающие на то, что в исходном ареале, из которого произошла миграция, население контактировало с летто-литовскими группами. Скорее всего, эти контакты имели место где-то в верховьях Немана. Именно там в руки будущих обитателей Приильменья могли попасть такие вещи, как ритон с составным бронзовым навершием (Городок на Маяте) или булава с сердцевидным двуспиральным завершением (Бронница).

Выявление этого направления связей обитателей приильменских городищ ожидаемо. Исследователи неоднократно обращали внимание на параллели в погребальном обряде и украшениях между восточно-литовскими древностями V–VII вв. и КПДК (Седов 1995: 217; Шадыра 1995: 204; 2006: 106; Конецкий 1997: 221; Лопатин, Фурасьев 2007а: 284; Казанский 2010: 95; Исланова 2019: 35; 2021: 152, 153; Михайлова 2021: 199). Родство же обитателей приильменских городищ с населением КПДК очевидно. Об этом говорит единство керамического комплекса и идентичность фортификационных традиций. Это единое население, часть которого усвоила курганный обряд, а часть — нет. Если бы при городищах были курганные могильники, соотнесение первых с КПДК не вызвало бы сомнений.

Выделенную в Приильменье систему городищ можно расценивать как провинцию большой культурно-исторической общности, которая охватывает ареалы КПДК, КТБ, колочинской культуры. Этот круг древностей («поздние культуры городищ») возникает около середины I тыс. н. э. на основе столь же обширной киевской культурно-исторической общности, включающей множество локальных культурных групп, различающихся в первую очередь оттенками керамических традиций. Население, оставившее этот «археологический след», очень близкое по типу хозяйства, материальной культуре, образу жизни, следует связывать с восточными славянами (Терпиловский 2002: 427). Иного археологического контекста для славян, известных по письменным источникам с начала VI в., в лесной зоне Восточной Европы не существует.

Городища как бы подковой охватывают озеро Ильмень, указывая на основную зону концентрации населения. Странно отсутствие ранних городищ в густонаселенном Ильменском Поозерье. Возможно, защитой для здешнего населения служила многочис-

ленность. Ресурсной базой для защищенного городищами региона были поймы озера Ильмень, находившегося в третьей четверти I тыс. н. э. в фазе регрессии. Границами региона служили, надо думать, водораздельные заболоченные леса на периферии Приильменской котловины. Вдоль крупных рек — Шелони, Ловати, Пола, Мсты — зона, контролировавшаяся этим населением, тянулась за пределы Центрального Приильменья.

Представляется, что в Приильменье в VII–VIII вв. возникают предпосылки для сложения территориально-политической структуры, которая может быть расценена как вождество, далекий предшественник Новгородской Руси. Можно ставить вопрос о зарождении здесь образования, стоявшего в одном ряду с «державой» Само (624 — ок. 660), союзом «семи родов» в Нижнем Подунавье (ок. 680) или теми политическими образованиями, которые по византийским источникам известны в VII в. в Македонии. Это образование можно представить себе как союз локальных группировок земледельческого населения, контролировавших отдельные микрорегионы внутри Центрального Приильменья и вдоль вышеупомянутых крупных рек. Маркерами этих группировок являются городища, часто расположенные гнездами. Между этой структурой и государством Рюрика лежит загадочное VIII столетие, когда традиции «поздних культур» городищ стремительно разрушаются, и на их месте возникает ряд новых культурно-исторических общностей, в дальнейшем (в X в.) уже прямо перерастающих в древнерусскую культуру.

Население это в Центральном Приильменье объединял, помимо материальной культуры, один элемент мировоззрения — неприятие курганного погребального обряда. Почему славяне на Ильмене не насыпали курганов? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, что отличало судьбу пришлого с юга населения на Ильмене от судьбы родственного ему пришлого (и в общем — оттуда же!) населения, занявшего ареал ранних длинных курганов. Ответ на этот вопрос, мне кажется, может быть дан. На Ильмене в середине I тыс. н. э. славяне не встретили консолидированного местного населения, в то время как в ареале длинных курганов мы наблюдаем целый ряд культур, доживающих до распространения там древностей типа Заозерья — киевской культуры. Взаимодействие киевских древностей с днепродвинскими и дьяковскими неоднократно отмечалось исследователями. Это подводит нас к мысли, что КПДК — продукт культурного взаимодействия нового населения и какой-то достаточно мощной, но неуловимой погребальной традиции предшествующей эпохи. И об этом мы поговорим в следующем разделе.

4.3. Культура длинных курганов как периферия Приильменского региона

Интересно отметить, что между основной массой движущегося этноса и его первыми эшелонами обычно происходят столкновения и создается сильная вражда, как между конкурирующими видами, и первый эшелон всегда бывает обречен на гибель.

С. М. Широкогоров.
Этнос¹⁵²

Географическое соответствие ареала КПДК и области расселения кривичей и словен по ПВЛ настолько очевидно, что идея о славянской принадлежности культуры давно завоевала господствующую позицию в науке (Спицын 1903; Третьяков 1941: 40; Чернягин 1941: 93; Седов 1974: 40). Длинные курганы часто раскапываются, разработана их хронология, созданы карты (Чернягин 1941; Седов 1974; Енуков 1990; Аун 1992; Михайлова 2014). Проблема заключается в том, что исследователи пришли к выводу: курганная традиция в ареале КПДК — независимое явление, не имеющее прообразов в других регионах (Седов 1990: 176).

КПДК характеризуется набором идей-мифологем, лежащих в основе погребальной традиции: сожжение тела; грунтовое погребение остатков кремации (в ямке или сосуде, в насыпи или в почве); понимание погребения как дома, а могильника — как поселения общины предков; создание над захоронением устойчивой к воздействию времени топографической доминанты (кургана на проезжем месте). Первые три идеи можно связать с грунтовыми могильниками различных вариантов киевской культуры, в Поднепровье и Белоруссии и через эту культуру с более ранними позднезарубинецкими древностями. Последняя идея в позднезарубинецких и киевских древностях не прослеживаются. Логично было бы объяснить ее появление влиянием местных традиций предшествующего времени, что требует обоснования.

4.3.1. Проблема археологически неуловимых погребальных практик раннего железного века и Средневековья

От всей тысячелетней истории культур РЖВ в рассматриваемой области (за исключением территорий малых прибалтийских стран) до археологов практически не дошло погребений. Коллективы РЖВ, несомненно, стояли уже на такой степени социального и религиозного развития, что им требовалось надежное средство для предохранения от потенциально вредоносных покойников. Что это был за неуловимый погребальный обряд? Ясно лишь три обстоятельства.

152 Широкогоров 2012 (1923): 118.

Во-первых, это был обряд с поверхностным размещением останков. Во-вторых, места захоронений выбирались вдали от поселений. В-третьих, долговечных сооружений из земли или камня при захоронениях не возводилось. Только сочетание перечисленных обстоятельств объясняет тот факт, что до сих пор не найдены археологами могильники ДДК и КШК. Неизвестны могильники в большей части ареала ДК, в том числе и в бассейне Ильменя.

Факт отсутствия визуализации могильников, закрепленной на поколения каким-то устойчивым к разрушению знаком, требует осмысления. Это можно было бы расценивать как свидетельство отсутствия устойчивого размежевания земельных угодий при какой-то примитивной форме ведения хозяйства. Но все данные говорят о развитии пашенного земледелия в лесной зоне с I тыс. до н. э., а наличие рощищ и пашен невозможно без устойчивых форм размежевания, среди которых могилы предков издавна являются первыми. Мне представляется, что могильники культур РЖВ все же имели обозначения на местности, но сделанные из недолговечного материала, скорее всего, дерева.

Обращение с телами усопших в культурах РЖВ, видимо, не было связано с кремацией. Кальцинированные кости хорошо сохраняются и не представляют интереса для зверей, поэтому костища были бы найдены. Предположение о захоронениях умерших в воде кажутся нам маловероятными по той же причине — болотные захоронения хорошо известны в Европе в РЖВ, и, если бы они широко бытовали на Северо-Западе, давно были бы найдены, как найдены многочисленные неолитические болотные поселения. Известные в Литве озерные захоронения сопровождаются обычными могильниками и относятся к XIII–XIV вв. (Урбанавичюс 1990: 199). Полное исчезновение останков можно объяснить лишь тем, что они рано или поздно оказывались на поверхности земли, что вело к их уничтожению. Какие варианты обряда мы можем предположить исходя из мифологических представлений народов Восточной Европы? И где мы можем почерпнуть информацию об этих представлениях?

Источники сводятся к фольклорным текстам. Ценность их зависит от времени записи. Особое значение имеют записи XII–XIII вв., однако, их толкование невозможно без помещения их в более поздний фольклорно-этнографический контекст. Поэтому эпос, волшебная сказка, мифологические рассказы более позднего времени (вплоть до начала XX в.) совершенно необходимы в такой работе. Крупнейший специалист по славянской погребальной обрядности, Д. К. Зеленин, не нашел у славянских народов в древности следов поверхностного погребения. Оставление на поверхности тел заложных покойников он склонен был рассматривать как позднее явление — «отсут-

ствие погребения» (Зеленин (1916) 1995: 124–126). Такое убеждение, очевидно, входило в противоречие с другим важным выводом: «к заложным покойникам у русских иногда применяются старые, языческие, способы погребения, в их переживаниях» (Зеленин (1916) 1995: 125). Подобными «переживаниями» ученый считал сожжения заложных, погребения на перекрестках дорог, в жилых помещениях, в воде, в «голубце». Нам предстоит проверить эти выводы.

4.3.2. Надземные погребения у народов лесной зоны Европейской России.

Идея размещения мертвых тел на деревьях или помостах широко распространена у народов Восточной Европы. У финно-угров Поволжья обряд зафиксирован этнографами не только в фольклорном, но и в живом виде (Гольмстен 1940). Отголоски же этой обрядности улавливаются, что особенно интересно, в фольклоре западных украинцев. В начале XX в. в Галиции записан мифологический рассказ о захоронении матерью в дупле вербы некрещеного ребенка с последующим превращением его во вредоносного хованца — заложного покойника (Зубрицкий 1909: 20, 21). Известен белорусский запрет на рубку скрипящего дерева, которая вынуждает заключенную в нем человеческую душу искать нового пристанища (Богданович 1895: 29, 30). Подобные примеры есть и в германской мифологии¹⁵³.

Интересный материал по нашей теме дает древнерусский перевод Хроники Иоанна Малалы — хронографический свод середины XIII в., сохранившийся в составе Виленского хронографа XVI в. (Истрин 1893: 358–360). Он содержит вставку, повествующую о некоем Совии, поймавшем волшебного вепря. Совий взял из него девять селезенки и отдал их детям «испечь». Узнав, что дети съели кушанье, расстроенный Совий сошел в ад через девятые ворота, указанные одним из сыновей. В результате не совсем ясной коллизии сын вскоре отправился на его поиски, и, найдя, похоронил в земле. Наутро, однако, восставший мертвец на вопрос: «покойно ли ему было», выразил свое неудовольствие: «червями бо изъеден и гады». После этого сын «сотвори ему вечерю и вложившему и во древо». Наутро мертвец вновь восстал с сетованиями на этот раз на комаров и пчел. Наконец, сын возложил отца на костер, «сотворив краду огнену велику и вреже и на огонь». Лишь на этот раз на утро отец выразил удовлетворение: «яко детищ в колыбели сладко спаш». Далее следует перечень племен, практикующих «поганский» обычай сожжения трупов (литва, ятвяги, пруссы, емь, либь и «многы языки»). Мифический сюжет о происхождении обряда трупосожжения неоднократно

¹⁵³ Д. К. Зеленин возводит эти представления к тотемическим культам (Зеленин 1937: 74).

но привлекал внимание историков, и признан западно-русской вставкой, относящейся к 1261 г. (Топоров 1987: 24–28; Петрухин 1995: 210, 211; Мифы народов мира 2003: 457, 458).

Глосса о Совии является древнейшим упоминанием о «древесном» захоронении у неславянского населения Восточно-Балтийского региона. Надо заметить, что не может быть уверенности, что мифический Совий был помещен именно в *растущее* дерево. Речь может идти о выдолбленной колоде; несомненно лишь нахождение этого *дерева* над земной твердью, в воздушной стихии. Противопоставление *правильного* (кремация) и *неправильного* (сохранение тела над землей) обрядов может говорить о том, что где-то по соседству с местом бытования этого мифа (а почитатели Совия поименованы вполне конкретно) некими *чужаками* практиковался именно *неправильный* обряд.

С мифом о Совии может быть сопоставлено известие ПВЛ о первом захоронении в 1015 г. убиенного князя Глеба, «повержену на брезѣ межѣ двѣма колодама» (ПВЛ 1996: 61). *Колоды* в данном случае обозначают, видимо, выдолбленные бревна, т. е. Глеб был *повержен* (брошен) на берегу в гробовище (Словарь древнерусского языка 1991: 242). В сущности, он был, словно *мифический* Совий, положен «во древо». Мы не можем знать всех обстоятельств дела, но нельзя не видеть в известии о первом месте упокоения Глеба отражения каких-то традиций поверхностного погребения. В *мифическом* сознании местного населения пришедший издалека Глеб, погибший насильственной смертью в насаде (корабле), был несомненным заложным покойником, представлению об опасности которого и соответствует выбрасывание тела на землю близ воды.

Более развернутое повествование о первом погребении Глеба содержит Летописец Переславля Суздальского. Оно подтверждает впечатление, полученное от известия ПВЛ.

«Убиену же Глебови и повержено на пусть месте межѣ двема кладма сосновыми, и привержен хвостом. <...> И лежащу ему мног (о) время... <...> И Ярославъ утеръ пота, побраа по брат (ь)и своеи, и съде в Киеве, и всю взя Русскую землю, и нач (а) искати мощи с (вя) тых м (у)ч (ени)къ, гдѣ положены быст (ь). <...>

О Глебѣ же не вѣдаху вси, толико вѣдаху, яко вѣ Смоленску убиен ест (ь). И тогда сказаша ему знамѣние велиа, ово свѣт и свѣща, ово аггели поаху глас (о)мѣ в пусть мѣстѣ при градѣ» (ПСРЛ, т. 41. 1995: 52).

Ценно указание на то, что положенный на берегу неподалеку от города (т. е. отнюдь не в безлюдных дебрях) труп заложен был хворостом. Ни один из могильников Смоленска — ни христианский, ни языче-

ский (надо полагать в то время функционировали и те и другие) — не принял трупа зарезанного князя. Летописец Переславля Суздальского создан в первой трети XIII в. (ПСРЛ, т. 41. 1995: IX; Творогов 1987: 234, 235; Письменные памятники 2003: 33–36). Текстологический вопрос о происхождении известий о подробностях захоронения Глеба, не встречающихся в других источниках, не может быть здесь рассмотрен. Неважно, лежит ли в их основе какое-то смоленское предание XI–XII вв., как думал П. В. Голубовский (Голубовский 1895: 246, 247). Существенна не истинность подробностей, а их интерпретация древнерусским автором, откуда родом он бы ни был. Интерпретация говорит, что «курган» из хвороста над поверхностным погребением можно было увидеть в Верхнем Поднепровье и в домонгольское время. Запомним этот вывод — к нему мы вернемся несколько ниже.

Д. К. Зеленин обратил внимание на предание о «воздушном» захоронении черепа заложного покойника, мифического ногайского завоевателя, у русского населения Курской губернии, которое приводит Р. Л. Марков. Череп якобы долгие годы находился при дороге в развилке «голубца» — ствола с разветвлением, покрытого двускатной кровлей (Марков 1911: 151, рис.). Эта тема позволяет перебросить мостик к волшебной сказке о жилище Бабы Яги с ее оградой из черепов, но здесь мы оказываемся на вовсе зыбкой почве. Некоторые исследователи видят указание на бытование «воздушного» обряда в известии ПВЛ о помещении славянами-язычниками урн с остатками кремаций «на столпе на путех». Остановимся, однако, на том, что следы бытования «воздушных» захоронений удастся проследить в фольклорном материале восточных славян и их соседей. В поисках истоков курганной обрядности этот вывод, однако, мало чем может нам пригодиться.

Главный вывод этого раздела — Д. К. Зеленин ошибся в датировке у восточных славян обычая оставления несожженных тел на поверхности земли. Обычай этот был известен в Древней Руси. Понятно и то, что обычай надземного труположения нельзя характеризовать как «отсутствие погребения», не впадая в диалектическое противоречие.

4.3.3. Дома мертвых и длинные курганы

Идею погребения как дома у разных народов воплощают разнообразные «избы мертвых». Их распространение зафиксировано в лесной полосе с РЖВ до этнографической современности. Особенно многочисленны свидетельства о них у финно-угорских народов. Возведения дома для мертвеца, возможно, связано с восходящей к охотничье-кочевой архаике традицией оставлять умершего в жилище, которое затем покидалось. Подобный обычай еще в XIX в. отмечен у обских угров (Зенько 1997: 108). У них же

зафиксированы мифологические рассказы о человеке, попавшем ночью на кладбище и не сразу отличившем его от обычного поселения (Зенько 1997: 109). Археологически «домики мертвых» многократно изучены (Хвощинская 2003). Они известны в ДК. Наиболее яркие образцы финских «домов мертвых», в которые ссыпались остатки трупосожжений, дают объекты, исследованные на Мологе: Куреваниха XVI-а, II–III вв. н. э. (Башенькин, Васенина 2006), Куреваниха XVI и Куреваниха XX (Башенькин 1996).

Вопрос о связи «домов мертвых» с курганной традицией имеет под собой серьезные основания, поскольку во многих курганах восточнославянского ареала известны прямоугольные сооружения, напоминающие в плане дома срубной конструкции. Внутрикурганые срубы встречаются в ранних длинных курганах и достаточно широко распространены в последней четверти I тыс. н. э. в Подвинье (могильники Речане, Торопец 2, Скрабы, Макеево, Акатово). Отдельные сходные сооружения есть и в центральных районах Новгородской земли (Лебедев 1974). Ближайшие параллели этой детали погребальной обрядности мы встречаем на славянских памятниках территорий, лежащих к югу и западу от Верхнего Подвинья и Верхнего Поднепровья (Завитневич 1894: 135; Русанова 1961, 1966, 1970; Ляпушкин 1968: 38; Бессарабова 1973).

Кроме того, надо учитывать, что в составе могильников КПДК и культуры смоленских длинных курганов (далее — КСДК) имеется большое количество курганов подпрямоугольной формы. Часть из них имела бревенчатую обноску, которую иногда удается проследить при археологических раскопках. Независимо от ее наличия достаточно очевиден факт, что прямоугольные насыпи моделируют срубный дом, в котором предстоит «жить» умершему. Пробразом таким курганам могли служить наземные «домики мертвых». Курганный могильник, таким образом, представлялся как «поселок мертвых». Следы этой погребальной традиции в славянском мифе этнологи видят в образе избушки Бабы Яги из русской волшебной сказки. Действительно, этот персонаж обладает несомненными признаками зловредного ходячего мертвеца («костяная нога» — нога трупа и т. д.) и его обиталище — в прямом смысле слова «изба смерти».

Идея о связи позднедьяковских «домов мертвых» и приладожских курганов (с очагом, делением на мужскую и женскую половину, иногда — со срубной окантовкой насыпи) была высказана В. А. Назаренко, отметившим в то же время значительный хронологический разрыв между позднедьяковскими древностями и приладожской курганной культурой, датировки которой не опускаются ниже середины IX в. (Назаренко 1997: 53, 55). Этот хронологический раз-

рыв, приходящийся на VI–IX вв., закрывают срубные доминины в КПДК.

Несмотря на то, что «дома мертвых» могли достигать значительных размеров, их нельзя считать единственной формой идеи погребения как топографической доминанты. Для продолжения темы нам нужно перейти к следующему разделу.

4.3.4. Погребения под кучами хвороста и длинные курганы

Гораздо меньше «домов мертвых» в археологической литературе обсуждается другой архаический обряд — захоронение на поверхности земли под грудой веток, предохранявших труп от зверей¹⁵⁴. Между тем, именно этот обряд ближе всего стоит к обряду возведения земляной насыпи коллективными усилиями. Итогом такого труда становился самый настоящий курган из спрессованных веток высотой до нескольких метров, существование которого могло растянуться на многие десятилетия или, при постоянном обновлении «насыпи», — на столетия¹⁵⁵. Захоронения под кучей хвороста и ритуальные «курганы» из ветвей известны во многих краях, в частности у народов Сибири. Красочные описания этого обычая у сибирских русских, относящиеся к 1860-м гг., оставлены партионным офицером А. А. Черкасовым:

«Ехали мы шагом друг за другом. Мусорин как вожак, конечно, впереди. Добравшись до одного большого и страшно крутого перевала, Лукьян направился объездом по чуть заметной тропе. <...> Подъехав к тому пункту, где начинался объезд, он приостановил коня, сорвал с лесинки ветку и бросил ее на большую кучу хвороста. Я совершенно машинально сделал то же самое, но тотчас спросил на ходу Мусорина:

— Это что тут за куча и для чего ты бросил на нее ветку?

— Это, барин, для *опаски!*..

— Для какой такой опаски?

— А это, видишь, заведено не нами, а нашими предками; должно полагать, по примеру бурят.

— Ну?

— Да, значит, обычай такой. Вишь, место-то тут опасное, вот и бросают ветки *хозяину*, чтоб заобрить; как бы просить милости о счастливом проезде.

— Какому хозяину?

¹⁵⁴ Забрасывание покойного ветвями мыслилось и как посмертное приношение.

¹⁵⁵ Этот обычай существовал также у германцев. В частности, в окрестностях Стокгольма до сих пор сохраняется как памятник археологии (!) груда ветвей на могиле, по преданию принадлежащей ведьме. Колдунья похоронена якобы на том месте, где была забита камнями жителями нескольких деревень. Разумеется, ветви постоянно обновляются.

— Да как какому? По-нашему хозяин везде — и в лесу, и в воде, и в горах!

— Фу, Лукьян! Какой же ты вздор мелешь, а еще умным человеком считаешься.

— А ты думаешь, что хозяина нет?

— Конечно, нет; везде один Бог!

— Бог-то Богом! Это верно; но люди сказывают, что есть и ён.

— Всякому вздору вы верите, Лукьянушко! Ведь это грех!

— А кто ее знает, может, и грех; да, вишь, барин! Грех тоже и отцов-то не слушать, а они учили нас этому.

— Чему? Ветки-то бросать?

— Да, вестимо, всему!

— То-то вы и набросали такую кучу!

— Ну, да спокон веку этак ведется, то как куча не будет!

— Но, а если кто не бросит?

— А не бросит, так худо живет! (т. е. бывает)» (Черкасов 1994: 235, 236).

Второй очерк того же автора, описывающий погребение найденных в тайге неопознанных тел, дополняет картину. Это, вероятно, единственное описание своеобразного погребального обряда, составленное его участником, талантливым литератором:

«Умывшись в холодной горной речушке и выпив по рюмке водки, мы совсем освежились и сели на ягодник.

— Ну что, барин, теперь поверишь старику, как я рассказывал тебе, сколько этих несчастных гибнет в тайге, а?

— Так разве я тебе не верил, дедушка?

— Вот то-то же и есть! Вот и подумай, как их хоронить всех станешь да объявлять полиции?..

— А то как же, по-твоему?..

— Да очень просто, прочитаешь молитву, покуришь ладаном или серой (древесной) да и закопаешь, где ловко, а нет — так и чащей забросаешь, либо на воду спустишь, вот как я раз нашел утопленника в реке, на куст водой посадило, с берега-то и не достанешь. Ну сходил к острожью, притащил длинную жердь да ею и спихал его на воду. <...>

— Ну, хорошо, дедушка! Так что же мы теперь будем делать? Неужели так их и бросим?

— Нет, барин! Зачем так? Это грех! А вот мы пойдем, нарубим побольше чащи да и закроем несчастных, чтобы тела их не валялись да чтобы зверь или ворон не трогал покойных <...>

Мы отправились к лошадям, отвязали топор, развели небольшой огонек, нарубили пропасть молодой поросли из мохнатых зеленых листвянок и стали забрасывать сначала издали тела усопших. А потом, когда тела были таким образом прикрыты, мы подошли ближе и натаскали целую кучу намогильной чащи, а затем придавили ее срубленными деревцами. Потом Кудрявцев достал из таившегося на его груди мешочка несколько кусочков росного ладана, принес две

горящие головешки из костра, положил между ними ладан, и, когда он задымился, старик снял шапку, набожно помолился на восток и, раздувая головешками, три раза обошел намогильную кучу и все время шептал про себя молитвы <...>

Покончив тризну, Кудрявцев срубил из сушины крест и поставил его в головах *несчастных*. Затем он снова покадил ладаном и сказал:

— Ну, барин, Господь не осудит нас за такое погребение!» (Черкасов 1994: 270–272).

А. А. Черкасов был уверен, что православное русское население позаимствовало этот обряд у аборигенов. Как увидим ниже, он заблуждался. В условиях таежной жизни лишь актуализировались *мифические* представления, отнюдь не чуждые славянскому населению Европы и Европейской России. Перечислим данные о подобных курганах из хвороста в восточноевропейской лесной зоне.

Первым источником по этой теме является включенное в хронику Эккехарда письмо Оттона Бамбергского (1102–1139) о своей миссионерской деятельности среди славян-лютичей, в котором Оттон наказывает язычникам хоронить своих умерших на кладбищах, а не в лесах и полях; в могилах, а не в неких «палках» (*fustes*):

«...ne sepeliant mortuos christianos inter paganos in silvis aut in campis, sed in cimiteriis, sicut mos est omnium christianorum; ne fustes ad sepulchra eorum ponant...» (Ekkehardi Uraugiensis chronica. A. D. 1125).

За долгие годы толкование наставления накопило богатую историографию. Первым из русских ученых на этот отрывок обратил внимание А. А. Котляревский, полагавший, что речь идет о ритуале сооружения над захоронением груды хвороста (Котляревский 1868: 94, 95). В доказательство своей версии он упомянул многочисленные этнографические свидетельства о подобной практике из разных мест славянского мира (Лужицы, Луковский уезд, Псковская и Вологодская губернии, Малороссия). Исследователь справедливо отметил, что запрещать обряд следовало только в том случае, если он был общераспространенной практикой. Это наиболее, на мой взгляд, удачное этнологическое объяснение, хотя есть и другие. А. Ф. Гильфердинг перевел текст Оттона как запрет «хоронить мертвых в лесах и на полях и складывать сучья у могил» (Гильфердинг (1874) 2013: 270). Смысл последнего действия он не объяснил.

Имеются толкования отрывка как описания ограды или некоего неясного в деталях обычая «ставить палки у могил» (перевод И. В. Дьяконова)¹⁵⁶. Объяс-

¹⁵⁶ http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Ekkehard_Uraugien-

нение имеет некоторое основание на фоне этнографической информации, например о зафиксированном в XX в. в Полесье обычае втыкать вокруг могил на Радуницу березовые прутья (Седакова 2004: 253), но тогда, все же, неясно, почему подобные, достаточно нейтральные, действия так активно отторгались христианским проповедником.

Л. Нидерле трактовал сюжет Оттона Бамбергского как обычай помещать на могилы «колья, либо доски, которые указываются уже в древне-баварском законе (Totenbretter), либо деревца, подобные тем, которыми тюрко-татарские кочевники иногда отмечали могилы» (Нидерле 1924: 119)¹⁵⁷. Исследователь также обратил внимание на южнобелорусский (полесский) обычай класть на могилы «целые стволы деревьев, очищенные от ветвей». В качестве параллели в германских традициях Л. Нидерле привел статью Баварской правды, составленной в VIII в., где говорится о накрывании могилы убитого человека каким-то бревном (Niederle 1911: 327). Статья гласит:

“Quia aliquotiens conspiciamus, cum cadaver humo inmissus fuerit et lignum insuper positum cinctis adstantibus ut requiratur dominus cadaveris, ut primus terram super eiciat, et si liber similiter filium aut fratrem, ne rei sint ceteri humatores: quod omnia a falsis indicibus fuerat aestimatum, non in verae legis veritate reperum” (Lex Baiuvariorum, XIX. 8).

«Так как мы часто наблюдаем, когда труп передается земле и сверху бревно положено, а все стоят кругом и ожидают, чтобы хозяин убитого человека первым бросил горсть земли, а если это свободный, то подобным образом сын или брат бросили горсть земли, для того чтобы остальные, присутствующие при похоронах, не были виноваты» (Данилова 1969: 282).

В более поздней работе Л. Нидерле отказался от прежнего расширенного толкования, оставив только параллель с полесским обычаем (Нидерле 1956: 218).

Вернемся, все же к точке зрения А. А. Котляревского. Думаю, это оправдано на фоне рассмотренного выше предания о захоронении в 1015 г. князя Глеба под кучей хвороста. Представляется, что погребения под грудями ветвей, служивших приношением и одновременно препятствовавших возвращению покойника в мир живых, — черта некогда широко распространенная и очень древняя, доиндоевропейская. В традиционной культуре славян этот обряд продолжал сохраняться на очень широкой территории вплоть до XX в. в отношении заложных покой-

sis/frameText17.htm. См. также этот фрагмент в переводе Жития Оттона Бамбергского авторства Эбона Михельсбергского (Жизнеописание Оттона Бамбергского 2021: 171).

¹⁵⁷ Totenbretter (доски мертвых – нем.) – доски с именами умерших, устанавливавшиеся возле дорог; старинная баварская традиция, дожившая до нашего времени.

ников (Зеленин 1917: 411; 1995: 69; Народная демонология Полесья 2012: 452). Д. К. Зеленин, вслед за А. А. Котляревским, фиксирует, между прочим, отголоски этого обряда в виде бросания ветвей на могилы и по отношению к самым настоящим курганам в ареале культуры длинных курганов в Верхнем Полесье и Подвинье (Зеленин (1916) 1995: 66–67).

Ключ к пониманию семантики этого бросания веток на курганы дает, в частности, цикл мифологических рассказов, записанных К. Завойко в Костромской губернии в начале XX в., и зафиксированные им ритуальные действия. Рассказ настолько выразителен, что его следует привести подробно.

«В Казани, говорит другая версия, Аннушка собрала большое войско, <...> и двинулась из Казани покорять русскую землю; ей хотелось всю Россию поканать; ей нужны были воды, нужны были реки, их течения. И пошла она вверх по Ветлуге реке, правым ее берегом, разоряя и сожигая встречающиеся на пути селения. В то время на Унже реке был город Макарьев и подле него Макарьевский монастырь, в котором жил преподобный отец Макарий. Услыхав о движении Татарки, которая хотела добраться и до монастыря и завладеть его богатствами, Преподобный Отец Макарий со своим войском выступил ей навстречу. Между Татаркой и Макарьем Преподобным произошла битва, и громадная сила Татарки одолела. Преподобный начал отступать по направлению к городу Макарьеву, а Татарка погналась за ним. <...>

Не доходя верст семи до города, Макарий преподобный своротил с дороги и сделал так, что по дороге, где он шел сзади него образовалось топучее болото; но Татарку это болото не остановило; себе и своему войску она привязала к ногам бревна и на них, вроде как на лыжах, прошла по болоту. Но Господь не допустил некрещеной Татарке поймать преподобного. О Макарий не допустил ее до себя; он слепоту напустил на нее и на ее силу; не дойдя до города Макарья версты четыре, она со своим войском ослепла, начала путаться, заблудилась и шлялась все пока, наконец издохла, а войско ее потом частью прибили, а часть оно потонуло или разбрелось. Нашли Татарку уже дохлой и зарыли ее на самой дороге, а в могилу ее, когда хоронили, все харькали да плевали.

Много зла Татарка сделала по Ветлуге, — зорила да жгла поселения; триста лет после нее Ветлуга пустила, — не могла оправиться от разорения. И за это окрестные жители заповедь сделали между собою, приказ их такой: кто бы ни шел мимо места погребения Татарки-Аннушки, кто бы ни ехал, — всяк должен палку либо сучек бросить Татарке на могилу. <...>

Могила расположена осередь дороги, промежду объездов, так что ее постоянно заезжают и она делается все менее заметной. Прежде, говорят, она была

хорошо заметна в виде крутой веретей, саженой 5 диаметре, а ныне плохо заметна, — все заезжают. На этом месте, обозначающемся в виде горочки небольшой, площадью около $\frac{1}{4}$ десятины, кроме Аннушки, говорят, много силы татарской легло, и она, эта сила, тут же зарыта. Близ могилы имеется до 3–4 десятков ям, как бы от обвалившихся могил. Ямы эти имеют продолговатую форму длиной около 6–9 аршин. Трудно, говорят, проехать мимо этого места, чтобы не заметить его — всегда на могиле либо куча хвороста нарастает, либо пепелище большое от кучи остается. Кто бы ни шел мимо могилы, каждый старается бросить на нее что-нибудь: кто палку, кто сучек сломит и бросит на могилу, кто щепочку либо пруттик поднимет с земли и бросит; на $1\frac{1}{2}$ версты, говорят, сучка здесь нигде нет, — все обломано и подобрано. <...>

Ежегодно из сучьев и прочего хлама образуются здесь валы, вышиною до $1\frac{1}{2}$ арш., а то вроде как копна или как стог вырастает. Когда стает снег и куча обсохнет, ее поджигают, и она сгорает, а если вырастет летом, то и летом поджигают (Завойко 1917: 28–32).

В рассказе о костромской Татарке мы видим целый ряд мифологических сюжетов, которые в Велюкороссии и на Русском Севере связаны с «чужим» народом и его чудесной гибелью. В зависимости от местности эти мифы относятся то к судьбе «чуди», то к участи «литвы»¹⁵⁸. Скорее всего, именно в связи с широко известными в Верхнем Подвинье мифологическими рассказами о «прохождении литвы» связан и упомянутый А. А. Котляревским и Д. К. Зелениным обычай крестьян Торопецкого уезда бросать ветви на курганы. Все это, на мой взгляд, несколько расширяет сложившееся представление о погребениях под ветвями как обряде, применяемом исключительно к своим заложным покойникам (т. е. к умершим неестественной смертью односельчанам). В мифических представлениях великороссов XIX — начала XX вв. обряд предстает шире — как способ отдания посмертных почестей «чужакам» с целью нейтрализации их вредоносных действий. Это в очередной раз заставляет нас вспомнить о погребении князя Глеба. Что касается периодического сжигания накопившихся ветвей, — это явление следует, по мнению Д. К. Зеленина считать редким и поздним (Зеленин 1917: 411), в чем он, вероятно, прав.

Тонкий исследователь русской мифологии, С. В. Максимов, в очерках о Белоруссии отметил связь

¹⁵⁸ Отождествление заложных покойников с инородцами было отмечено К. Д. Зелениным, но неправильно, на мой взгляд, им оценено. Исследователь полагал, что данный феномен имеет позднее христианское происхождение (Зеленин (1916): 109). Сейчас, напротив, представляется, что это один из древнейших элементов взаимодействия коллектива с «чужими».

этих сооружений с лесными водоразделами — волоками:

«Перед весной на таких волоках товары завозились на санях, а остаток зимы употреблялся на постройку судов из местных первобытных лесов, которые к тому же в старые времена были ничьими. Такие волока останавливали на себе особенное народное внимание, выражавшееся двумя характерными явлениями. Народное суеверие сумело эти места признать нечистыми и проклятыми, помещая тут могилы каких-либо лиходеев, злых богатырей и обязывая всякого прохожего и проезжего бросать сюда древесные ветви, камни, сено и все, что попадется под руку, и чем больше, тем лучше, до того, что место это становится возвышенным и сухим. Снимать и разбрасывать накиданное считается великим грехом» (Максимов 2018: 44).

Приведенные данные подводят нас к важному соображению. Размещение подобных «древесных курганов» на путях связано в мифическом сознании, по-видимому, не с путями как таковыми. Последние здесь важны постольку, поскольку они предоставляют возможность коллективного участия в совершении захоронения. Герои мифологических рассказов не отправляются в лес специально, чтобы принять участие в коллективном сокрытии могилы под ветвями, а делают это как бы проходя, проездом. Это заставляет нас вспомнить, например, о том, что новгородско-псковские сопки, по мифологическим представлениям XIX–XX вв., насыпаны шапками литвой, которая «шла». В мифическом сознании нового времени эта тема движения как бы призвана дать рациональное объяснение несомненно более архаичной идее захоронения, производящегося всеобщими усилиями. В представлении человека нового времени только движение является причиной коллективного характера погребально-ритуальной мистерии. Представляется, однако, что именно этот характер указывает на глубокую древность обряда, восходящего к тем временам, когда захоронение умершего было делом всей общины.

Любопытно, что устиление погребальной площадки ветвями хвойных деревьев трижды зафиксировано в волховских сопках. В сопке 10-III по нумерации В. П. Петренко отмечена грудка еловых веток, на которую был уложен погребальный инвентарь (Петренко 1994: 123). Гораздо более выразительная картина открыта в сопке 14-I. Здесь на погребальной площадке был устроен своеобразный «курган» из еловых деревьев, уложенных вершинами к ее центру (Петренко 1994: 56). Сопка 14-I — одна из древнейших ладожских сопки и единственный археологически зафиксированный на Руси случай «кургана из ветвей» или *fustes* Оттона Бамбергского (подробное описание сопки в Т. 2). Третий раз ветви отмечены над погребением 1 в насыпи кургана 11-I (Носов 1985: 149).

4.3.5. Формирование курганной обрядности с трупосожжением на территории «славянского клина»

Выше рассмотрены три варианта языческих похоронных обрядов с оставлением тела над землей, память о которых содержится в восточнославянской мифологии. Все они (оставление тела в/на дереве/колоде, в «избе смерти» или под грудой ветвей) объединены одним смыслом. Все они обнаруживают связь с заложным покойником, т. е. с преждевременно умершим человеком, либо уже перевоплотившимся в ходячего враждебного мертвеца, либо таящим такую опасность.

Напомню важный вывод Д. К. Зеленина: в область обращения с заложными покойниками переместились в христианскую эпоху элементы языческой погребальной обрядности (Зеленин (1916) 1995: 125). Более радикальная точка зрения — погребальная практика, связанная с заложными покойниками, является «сужением некогда общего для всех умерших обряда» (Седакова 2004: 257). Некоторые теоретические элементы для понимания модели этой замены можно найти в работе Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского «Роль дуальных моделей в динамике русской культуры», не замеченной археологами и недооцененной (Лотман, Успенский 1977). Авторы статьи на примере крещения Руси рассматривают механизм культурного разрыва в Восточной Европе. При этом отмечается «выворачивание наизнанку культурной модели» — явление, когда старая модель не только сохраняется, но и воспроизводится с переменной оценки (Лотман, Успенский 1977: 9–12). Так предки родового коллектива превратились во вредоносных заложных покойников¹⁵⁹. Принципиальный вопрос: когда это произошло? При крещении или раньше?

Процесс такой «маргинализации» языческого погребального обряда с позиций христианства, вероятно, отражен в знаменитом описании языческих захоронений в недатированной части ПВЛ:

«И аще кто умряше, творяху тризну надъ ним, и по семх творяху кладу велику, и възложашуть

и на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложашу в судину малу, и поставляху на столпъ на путех, еже творять вятичи и нынѣ. Си же творяху обячая кривичи и прочии погании, не въдуше закона Божия, но творяще сами собѣ законъ» (ПВЛ 1996: 11).

Конечно, не случайно это «на путех», подчеркивающее расположение языческих могил вне христианских кладбищ. Здесь уже угадывается будущая традиция захоронений заложных за кладбищенской оградой у проезжих дорог и распутий. Но не происходили ли подобные отторжения традиции и ранее? Не подобным ли образом курганный обряд с трупосожжением сменил более архаичные традиции, связанные с поверхностным оставлением трупов? Сложно доказать, что подобным образом в мифологии восточных славян (преобладающим погребальным обрядом которых в I тыс. н. э. была кремация) отразились погребальные традиции «иных языков», с которыми первые столкнулись задолго до христианизации. Но подобное предположение открывает некоторые перспективы для интерпретации феномена зарождения курганной обрядности.

Было ли крещение первым идеологическим потрясением лесной Восточной Европы в I тыс. н. э.? Безусловно — нет. Намек на предыдущие глубинные культурные катаклизмы содержит сама ПВЛ в рассказе о так называемой «языческой реформе» Владимира. Но куда более существенными кажутся изменения, связанные с распространением в Верхнем Поднепровье и севернее обряда кремации и курганной обрядности, произошедшие во второй четверти I тыс. н. э. Именно к этому времени следует относить «выворачивание наизнанку» представлений о смерти, т. е. вытеснение погребальной традиции, связанной с оставлением тела в лесу, из области коллективного погребения доброжелательных предков в область напряженных взаимоотношений коллектива с вредоносными заложными покойниками. Разумеется, манипуляции с покойниками — лишь небольшой сегмент капитальных сдвигов в духовной культуре населения лесной зоны, происходивших во второй — третьей четверти I тыс. н. э. в связи с формированием исторического славянства. К сожалению, это единственный доступный для археологического изучения аспект духовной культуры, оставляющий материальные следы.

Изложенные выше соображения не позволяют разделить точку зрения С. М. Толстой, что зафиксированные этнографией славянские мифические представления и ритуальные действия, связанные с заложными покойниками и защитой от них, есть результат обусловленного христианизацией перехода к трупоположению, т. е. являются очень поздними (начали складываться не ранее древнерусского вре-

¹⁵⁹ Аналогичный феномен «выворачивания культурной модели» известен в скандинавской культуре. В сагах, записанных в христианизированной Исландии в XIII в., часто фигурирует обычай погребения под грудой камней. Этот обряд связывается там с посмертной нейтрализацией заложных покойников — чужаков, берсерков, людей, умерших неестественной смертью и т. п. (Исландские саги 2004: 62). Но, как мы знаем, в VII–X вв. захоронение под грудой камней было частью престижного погребального обряда — такие груды выявлены почти во всех больших курганах Средней Швеции, которые рассматриваются в Главе 6.

мени) (Толстая 2004: 10). Мне представляется, что они, напротив, либо восходят к архаическим *мифическим* представлениям, предшествовавшим распространению у праславян обряда трупосожжения; либо (что более вероятно) начинают формироваться в период широкого расселения славян в Европе, т. е. ко времени около середины I тыс. н. э.¹⁶⁰ Именно тогда в лесах им повсеместно пришлось столкнуться с различными формами захоронений без применения очистительного пламени.

Таким образом, трансформация отношения к смерти и погребению, произошедшая около середины I тыс. н. э., имела на рассматриваемой нами территории этническую оценку. Дославянский погребальный обряд сохранялся еще столетиями, но приобрел отрицательный зеркальный характер, превратился в «анти-погребение». В таком виде он вошел в славянскую языческую культуру и благополучно пережил ее христианизацию. Надо заметить, что труды Д. К. Зеленина по славянской погребальной обрядности очень мало оценены археологами. Не получил развития и главный его тезис, представляющий огромный шаг вперед в этой области, — выделение у русских и их соседей двух групп покойников, к которым применяется *разный* погребальный обряд. Не подлежит ни малейшему сомнению, что это деление восходит к глубочайшей дохристианской древности. Деление умерших на две (возможно, больше) категории с *разным* погребальным обрядом хорошо объясняет один общеизвестный факт — *малое количество* курганов в ареалах КПДК и КСДК. Каждому археологу известны эти ситуации. Например, городище, созданное сотнями людей, живших на обширном селище явно не одно поколение, может сопровождаться всего несколькими курганами. Примеры подобной топографии являются правилом, а не исключением. Несомненно, в курганах хоронили не всегда и не всех членов коллектива.

Судя по характеру погребального инвентаря, курганный обряд использовался при погребении свободных полноправных общинников. Какие категории населения хоронились вне курганов? На этот вопрос невозможно дать исчерпывающий ответ. Из претендентов на захоронение в родовых курганных могильниках следует исключить зависимое население, чужаков и разного рода заложных покойников. «Критерии отбора» в последнюю группу нам сложно представить, поскольку они зависели от множества факторов как естественного характера (особенности телосложения, например), так и поведения человека при жизни, его судьбы, обстоятельств смерти и т. д.

¹⁶⁰ Об универсальном характере модели «правильных» и «неправильных» покойников и о ее глубокой древности см.: Морозов, Ткачук 2019: 13, 14.

В настоящее время понятно, что традиция длинных курганов не была принесена на Северо-Запад извне, а сложилась достаточно быстро в V–VI вв. сразу на огромной территории — от Причудья до бассейна Мологи. Через западную часть Днепро-Двинского междуречья полоса ранних курганов доходит до Оршанско-Могилевского Поднепровья. Позднее, в VIII–IX вв., длинные курганы становятся популярны на Смоленщине, а еще позднее, преимущественно в X в., — в Полоцкой земле. Описанные закономерности не абсолютны. Известны, например, находки третьей четверти I тыс. н. э. в курганах Верхнего Поднепровья и Полоцкой земли. На Полотчине известно и несколько курганных комплексов, которые можно отнести к VIII–IX вв. Все это выглядит как растянувшееся на полтысячелетия «блуждание» курганный погребальной традиции в довольно однородной этнокультурной среде. Курганный обряд почему-то охватывает то одну, то другую область «славянского клина», не коррелируя напрямую с бытовой культурой населения. Ясно разделяются два процесса: распространение земледельческого населения и распространение языческого мировоззрения, сочетающего в себе идею кремации с идеей насыпи, идеей «дома мертвых» и идеей лесного захоронения у дороги.

Формирование курганный традиции и ее распространение относятся именно ко второму феномену. Можно было бы, вероятно, предположить в качестве прообраза кривичских курганов погребальные насыпи степной и лесостепной зоны Восточной Европы, известные с эпохи бронзы. Проблема, однако, в том, что земледельческое население лесостепной зоны усваивает курганный обряд позже, чем население кривичского ареала. Ни киевская культура, ни предшествовавшие ей зарубинецкие древности курганов почти не знают.

При взгляде на карту распространения ранних длинных курганов бросается в глаза характерная форма их ареала — в виде перевернутой концами вверх подковы, охватывающей Приильменскую низину. «Подкова» совпадает с так называемым Озерным краем — полосой водно-ледниковых ландшафтов близ краевых участков конечно-моренного вала последнего оледенения (рис. 2)¹⁶¹. Приуроченность длинных курганов к этим ландшафтам подмечена исследователями давно (Микляев 1974; 1992: 50; Долуханов, Носов 1985: 20; Долуханов 2000: 190–193). Правильную интерпретацию этой ландшафтной приуроченности впервые дал А. М. Микляев. Он отметил, что поселения, с которыми связаны могильники КДК,

¹⁶¹ В таком узком понимании Озерный край охватывает пространство от Белого озера на востоке до Браславского поозерья и Чудского озера на западе, и от среднего течения Ловати до Смоленского поозерья на юге.

располагаются на берегах равнинных водоемов (рек и озер) с широкими поймами. Именно эти поймы (сильно обсохшие в результате раннесредневековой регрессии) и служили главной ресурсной базой населения КДК: в них пасли скот, а их легкие аллювиальные почвы легко обрабатывались без дорогостоящих железных орудий (Микляев 1992: 50, 57).

Стремление к духовному поиску заложено в природе человека. В жизни каждого народа случаются периоды, когда этот поиск перестает быть уделом немногих мудрецов и приобретает широкий социальный размах. Тогда складываются новые формы социального устройства и мировоззрения, выражающиеся в материальной культуре. Меняющиеся отношение к смерти, изменчивость участия мертвых в повседневной жизни, является капитальным фактором этой динамики (Арьес 1992). Примером тому в Средневековье служит распространение мировых религий — ислама и христианства и их разнообразных толкований. Но можно не сомневаться, что и до проникновения в европейскую лесную зону христианства подобные революционные изменения мировоззрения неоднократно имели место в жизни языческих народов. Примером тому служат, например, неоднократные изменения в погребальном обряде, отражающие изменение отношения к предкам, смерти и загробной жизни.

Духовный поиск неотделим от поиска идентичности и стремления манифестировать свою инаковость по отношению к окружающему миру. Распространение длинных курганов именно и отражает такую революционную смену мировоззрения, по каким-то причинам охватившую достаточно ограниченную территорию Озерного края. В чем заключается смысл нового мировоззрения, нам сложно представить. Но гипотетичный ответ на вопрос, почему именно на этой территории произошла революционная смена мировоззрения, не представляется невозможным.

Для этого нужно понять, что же, помимо курганного обряда, объединяет во второй половине I тыс. н. э. население Озерного края и выделяет его среди обитателей соседних регионов (Приильменя, между речья Западной Двины и Припяти, Верхнего Поднепровья и Верхнего Поволжья). Несомненно, область, в которой насыпались длинные курганы, была самой густозаселенной к северу от Западной Двины. Материальная культура всего этого огромного региона (того самого «славянского клина») в середине — третьей четверти I тыс. н. э. оказывается единой. Бытовая утварь, земледельческий инвентарь, керамика, жилища и фортификация — все это образует довольно однородный массив. Исследователи давно нашли этому объяснение в виде наличия у этих древностей

общей подосновы (Третьяков 1970: 53–61; Митрофанов 1978: 118–122; Белецкий 1979: 10; 1996: 40–43; Минасян 1979: 182–184; Носов 1982: 62–63; Лопатин, Фурасьев 1995: 136). В качестве последней выступает киевская культурно-историческая общность (Митрофанов 1978: 118; Лопатин, Фурасьев 2007: 104).

Ландшафтная приуроченность раннесредневековых памятников — к расширениям пойм — тоже единая для всего этого региона. Эта приуроченность могла принимать разные географические пространственные очертания. В Озерном крае — это поймы равнинных озер и соединяющих их речных протоков; на Ловати или Мсте — это пойменные луки, прекрасно описанные В. Я. Конечким, в Центральном Приильменье это пойма Ильменя, описанию которой посвящена глава 2 данной работы. При всех отличиях этих ландшафтов очевидно, что за их заселением во второй половине I тыс. н. э. стоит единый ХКТ. Получается, что ответ на вопрос, почему ареал длинных курганов в третьей четверти I тыс. н. э. принял свои «подковообразные» очертания, нужно искать не в материальной культуре или ландшафтной приуроченности памятников, а в их этнополитической географии.

Здесь мы снова наталкиваемся на загадку. Как давно подмечено исследователями, население КДК в третьей четверти I тыс. н. э. не тяготело к крупным речным путям, старалось держаться от них подальше¹⁶². Длинных курганов нет на Волхове, Нижней и Средней Ловати, на Верхнем Днепре. Их очень немного по берегам Западной Двины. Если более поздняя обрядность, связанная с сопками, несомненно, распространялась по рекам, то про длинные курганы такого сказать нельзя. Таким образом, какой-либо единой внутренней сети коммуникаций, которая бы объединяла огромный ареал КДК (в отличие, например, от сопок), в середине — третьей четверти I тыс. н. э. не существовало.

Еще одним довольно загадочным обстоятельством является то, что курганный обряд в ареале КДК (если рассматривать это явление в совокупности всех древностей, включая как псковско-новгородские, так и смоленско-полоцкие курганы) распространялся с севера на юг и юго-запад. Несмотря на то, что длинные курганы подковой охватили озеро Ильмень, несомненно, главный ресурсный резервуар и коммуникационный узел Северо-Запада, центр силы и власти, экспансия КДК оказалась направленной не на этот центр, а вовне его — на Полоцк и Смоленск. Если допустить, что КДК отражают некий самостоятельный этнокультурный организм, это выглядит парадоксально.

¹⁶² Впервые это наблюдение я услышал на лекциях В. А. Булкина в 1990-е в СПбГУ.

Еще недавно этот факт объяснялся археологами тем, что расселение кривичей в VIII–X вв. якобы шло с севера на юг, пока не достигло летописного ареала (т. е. Полоцкой земли и Верховьев Днепра). На севере же (т. е. в ареале КПДК) кривичи оказались в результате молниеносной миграции с запада в середине I тыс. н. э. Эта точка зрения сформулирована В. В. Седовым и подхвачена его последователями, особенно в Белоруссии (Седов 1999: 142–143; 2001: 47; Алексеев 2006: 28–29; Левко 2004: 36–37, рис. 1; Шадыра 2006: карта 9).

Логичнее допустить, что подкова представляет собой лишь внешнюю оболочку организма, сердце которого располагалось на озере Ильмень. Культура длинных курганов есть, по сути, только усложнение погребального обряда на определенной территории. По каким-то причинам люди, жившие близ сосновых боров и равнинных озер, обрели более сложное и глубокое представление о смерти, нежели их соплеменники, например, в Приильменской низине. Как свидетельствуют исторические данные, усложнение отношения к смерти в Средневековье, сопряженное с установлением сложных погребальных ритуалов, связано с кризисными периодами в развитии общества, когда возрастает трагическое осмысление смерти (Бессмертный 1991: 186). Это можно наблюдать и в современном обществе на примере строительства разного рода мемориалов. Нельзя ли область длинных курганов, являющуюся зоной такого повышенного внимания к смерти, где, в отличие от соседних территорий создаются сложные мемориальные комплексы, считать зоной какого-то кризиса? Какого?

Еще один немаловажный аспект в становлении курганного обряда — это переход от общинного поля погребений к могиле отдельного человека. Поля погребений, с грунтовыми захоронениями в небольших ямках не несут в себе идеи индивидуального монумента, даже, если ямки отмечались на поверхности какими-то недолговечными ориентирами (столбиками, посаженным деревом или еще чем-то в этом роде). Земляной же курган с ровиком создавал ориентир в ландшафте на много поколений вперед. Выбор в качестве мест захоронения светлых боров объяснялся именно идеей создания этого монумента. Курган должен быть виден в равнинном рельефе издали, существовать в определенной пронизанной светом и воздухом атмосфере, которая хорошо выражена псковской поговоркой: «В еловом бору — хоть давись, в сосновом бору — хоть молись»¹⁶³. В длинных

курганах мы, стало быть, видим зарождение той идеи, которая найдет спустя 200–300 лет предельное развитое воплощение в больших курганах — сопках.

«Длинные курганы» V–VII вв. стали первым археологически различимым похоронным обрядом железного века на территории «славянского клина». Необходимость передачи потомкам памяти об усопшем — вот то принципиально новое, что принесло с собой в леса Северо-Запада население КДК. Память эта существовала в виде каких-то устных преданий, которые кодировались в ландшафте и актуализировались в зависимости от обстоятельств и необходимости. Примеры этого мы видим потом в ПВЛ, ведущей свое повествование о древних правителях, опираясь на локализацию их реальных или легендарных могил.

Выше я уже говорил, что в Приильменской низине раннеславянское население не насыпало курганов. По материальной культуре оно ничем не отличалось от такого же населения Озерного края. Единой была лепная керамика, фортификация, бытовая инвентарь. В чем же была разница? *В Приильменской низине, в отличие от Озерного края, раннеславянское население в середине I тыс. н. э. почти не встретило местного населения.* Наше обращение к материалам городищ выявило очень мало древностей, которые могли бы предшествовать памятникам типа Городок на Маяте — Сельцо I — Бронница — Прость. Выше я уже указывал на то, что памятники первой половины I тыс. н. э., вокруг Ильменя крайне невыразительны и представлены единичными поселениями, в том числе одним информативным городищенским комплексом (Городок на Ловати/Верготи).

*Таким образом, к северу от Днепра курганный обряд у славян возник в середине I тыс. там, где они столкнулись с наиболее многочисленным и консолидированным инородческим населением*¹⁶⁴. Следы этого населения лучше всего проанализированы сейчас в области Волго-Балтийского водораздела (Исланова 2020 а). Вероятно, его погребальные традиции и дали толчок, который привел к трансформации грунтовых кладбищ с сожжениями в курганные могильники. Центральными элементами этих традиций мне видятся «дома мертвых» и поверхностные захоронения под грудями хвороста. В дальнейшем эти традиции оказались вытеснены в область обрядности, связанной с заложными покойниками. Это вытеснение произошло, очевидно, еще в дохристианскую (курганную) эпоху, но последние следы «докурганной» обрядности в мифе исчезли только в начале XX в.

¹⁶³ Поговорка записана автором в 2003 г. на ст. Назимово Куньинского района Псковской области при раскопках городища КПДК Крюки. По распространенному великорусскому поверью самоубийца-удавленник должен быть похоронен под елью (см. напр.: Зеленин (1916) 1995: 325).

¹⁶⁴ Возможно, здесь осело и немногочисленное дославянское население, вытесненное из Ильменской котловины.

Интересно, что к этому выводу был близок Б. А. Рыбаков. Он отметил, что курганный обряд у кривичей возникает в результате двух факторов: столкновения с неславянским населением и высокой мобильности переселенцев. Славянам часто приходилось менять места обитания, и чтобы не оставлять прах предков на поругание «чужакам», они стали укрывать его в курганах (Рыбаков 1987: 102–110). Конечно, во-первых, население КПДК было земледельческим, и курганные могильники связаны с поселениями землепашцев, а не с какими-то кочевьями. Во-вторых, языческая могила должна была не обезопасить покойников, но обезопасить *от покойников*. Наконец, осквернение могилы — феномен *мифический*, а не технический. Осквернить курган «чужаков» для *мифического* сознания не сложнее, чем подвергнуть поруганию любое другое захоронение. И все же в главном Б. А. Рыбаков был прав — курганный обряд кривичей возник в результате сочетания традиции грунтовых погребений с сожжениями с традициями надземных труположений неславянского населения, обитавшего к северу от Днепра.

Добавлю, что подобное «выворачивание наизнанку» погребальной обрядности, вытеснение ее смыслового ядра (поверхностных ингумаций) в маргинальную сферу «неправильной смерти», проще всего представить на фоне масштабного столкновения идентичностей, в основе которого лежит крупное социально-политическое событие. Вряд ли в качестве такого может быть признана некая «инфильтрация» или «ползучая колонизация». Примеры подобного превращения «правильных» мертвецов в «неправильных» в изобилии предоставляет нам этнология, и примеры эти обычно весьма драматичны и масштабны (Морозов, Ткачук 2019).

Таким образом, КПДК может быть рассмотрена как периферийный феномен раннеславянского культурно-исторического региона, сформировавшегося в середине — третьей четверти I тыс. н. э. вокруг озера Ильмень. Перед нами культура переселенцев, столкнувшаяся с наиболее стойкой местной традицией и переработавшая ее в нечто новое и до тех пор невиданное в Озерном крае. Сделав такой вывод, мы снова обратимся к этому предполагаемому центру славянского расселения, и посмотрим — что происходит в нем в последней четверти I тыс. н. э.

4.4. Расцвет и упадок приильменских городков в VIII – начале X в.

Следы накопления богатств, связанных с международной торговлей, в первую очередь арабское монетное серебро, начинают проследиваться на городищах с IX в. (может быть, с конца VIII в.). Монетные находки известны на Рюриковом Городище,

Холопьем Городке, Броннице, Георгии, Курской Горе. Городок на Шелони не дал пока монет, но там найдены детали весов, что не оставляет сомнений в том, что серебро у его обитателей имелось. Есть данные о находке арабской монеты (к сожалению, утраченной) на Княжьей Горе (Орлов А-1969: л. 13). Вместе с тем, IX в. н. э. стал и временем заката родовых городков в Приильменье. Наряду с городками отходила в прошлое и опиравшаяся на них система расселения. Ликвидация укреплений ограничила возможности локальных групп населения, говоря языком летописи, «володеть самим собою». Несомненно, за этим стояло перераспределение власти, вероятнее всего с ее централизацией. Нет ли прямой зависимости между основанием Новгорода во второй четверти X в. и упадком родовых городков? Не явилось ли их исчезновение результатом политической воли новгородской аристократии, утверждавшей свою власть в Приильменье?

Как показывает хронологически значимый (в первую очередь керамический) материал с городищ, эта зависимость не была прямой. Все городища прекратили свое существование до того, как в Приильменье появилась гончарная керамика. Ни в городке на Маяте, ни в Броннице, ни в Сельце, ни в Городке на Шелони нет раннегончарных форм, представленных в нижних напластованиях Новгорода и в культурном слое Рюрикова Городища, отложившемся *поверх* его разрушенных укреплений. Если искать причинно-следственную связь между возникновением Новгорода и гибелью городков, следует заключить, — Новгород не уничтожил городки, а скорее появился, потому что их уже не было.

4.4.1. Городок на Маяте

Неизвестно, сколько времени просуществовало городище с мощным валом, возведенное на берегу Маяты в первой половине VII в. Для выделения древностей VIII в. отсутствуют надежные индикаторы. Возможно, городище в это время было заброшено или использовалось как убежище, а жизнь и хозяйственная деятельность были сконцентрированы на открытых поселениях. В насыпи большого вала к югу от деревянных внутривальных конструкций, в профиле среди разных супесчаных прослоек, отражающих процесс возведения насыпи, читается ровная полоса темно-бурой супеси. На фоне прочих слоев она выделяется четкостью и прямизной (рис. 109). Строители, должно быть, приложили немало труда, выравнивая эту поверхность. К прослойке привязаны многочисленные камни. В ней найдено и значительное количество фрагментов лепной керамики, формы которой мы уже анализировали выше. Эта прослойка отмечает дневную поверхность вала крепости, возведенной над полуразрушенной первоначальной стеной.

Описанную поверхность с внешней стороны перекрывает мощный (толщиной около 2 м) горизонт супеси — скрытая вершина вала, сброшенная на его склон. Верхняя часть земляных укреплений городища была целенаправленно скрыта. Зная угол крутизны вала и объем сброшенного на склон грунта, можно предположить, что высота скрытой части вала достигала 1,5–2 м, а его общая высота (от основания холма) составляла около 7 м. Гипотеза о том, что такая работа была проделана для того, чтобы расширить жилое пространство на вершине холма, вряд ли удачна. Действительно, вокруг городища довольно места, удобного для жилья.

Когда произошло это преднамеренное уничтожение укреплений? В прослойке темно-бурой гумусированной супеси, отмечающей поверхность древнего вала, не было найдено фрагментов керамики «ладожского типа», датирующейся VIII–X вв., и в нашем случае — маркирующей поздний слой поселения. На скрытом участке вала образовалась ровная площадка, на которой отложился культурный слой с развалами камней. Слой этот содержал находки IX — начала X вв. — желтый бисер, профилированную лепную посуду. К этому же времени относится найденная на валу железная кованая бизсовидная подвеска. Важно отметить, что в квадратах линий 12 и 13 на край скрытого вала заходит и слой пожара, в котором в конце IX — начале X в. погребло городище. Таким образом, есть все основания считать, что вал городища был преднамеренно скрыт не позднее IX в.

Никаких следов укреплений IX — начала X в. при раскопках не найдено. На поверхности скрытого вала откладывается культурный слой; то есть это пространство оказывается включено в зону жилой застройки. Но наиболее наглядно ненужность укрепле-

ний видна на примере комплексов XXIV, XXV и XXVII. Прямо на въезде, перегородив его, в IX в. обитатели городка вырыли несколько больших хозяйственных ям (рис. 114). Очевидно, что никаких инженерных сооружений военного характера на этом месте уже не было.

Постройки VIII — начала X в. К этому времени относится 33 комплекса (I–VI, VIII–XV, XXVI–XXVII, XXIX–XXXIII, XXXV–XXXVIII). Некоторые из них (XVIII, XXXVI, XXXVIII) допускают и более раннюю дату. Все это неглубокие (не глубже 0,85 м) овальные или круглые в плане материковые ямы, в заполнении которых присутствуют очажные камни, не образующие скоплений, которые можно было бы принять за печи-каменки или очаги. Сооружения позднего периода жизни на городище обычны для поселений Северо-Запада России IX–X вв. Жилые постройки представляли собой, очевидно, срубы с неглубокими подпольными котлованами. Размеры этих овальных или округлых ям обычно не превышают в длину 4 м. В некоторых случаях котлован имел приступку-лаз. Если подполье было мелким, обитатели обходились и без приступки. О размерах построек трудно сказать что-либо определенное.

Поздняя группа инвентаря Городка на Маяте. Для хронологических определений важны монетные находки, небольшая группа привозных изделий и стеклянные бусы. Картину дополняют радиоуглеродные датировки. Монетные находки с городища укладываются в первый период обращения дирхемов в Восточной Европе, причем присутствуют и монеты, служащие качественным индикатором первого периода, — сасанидская драхма и дирхем, выбитый в Кордовском халифате (табл. 48).

Табл. 48. Нумизматические находки из раскопок городища «Городок на Маяте» (1–5 — определение И. Г. Добровольского, 6–8 — определение Вяч. С. Кулешова)

№	Династия	Правитель	Годы правления	Место чеканки	Время чеканки	Номинал	Сохранность
1	Аббасиды	ал—Мамун	813–833 гг.	—	—	дирхем	¼ экз.
2	—	—	—	—	VIII–IX вв.	дирхем	⅙ экз.
3	Сасаниды	—	—	—	VII в.	драхма	¼ экз.
4	Аббасиды	ар—Рашид	786–809 гг.	Мадина—ас—Салам	—	дирхем	½ экз.
5	Испахбады Табаристана	Умар ибн ал—Ала	770–779 гг.	—	—	½ драхмы	целый экз.
6	Аббасиды	ар—Рашид	786–809 гг.	ал—Мухаммадия	802 г. (?)	дирхем	¼ экз.
7	Умайады Испании	Хишам I	788–796 гг.	ал—Андалус	794/795 г. или 795/796 г.	дирхем	½ экз.
8	Аббасиды	ал—Мамун	813–833 гг.	—	815/816 г.	дирхем	¼ экз.

Учитывая хронологическое единство монетного комплекса, заманчиво предположить, что он выпал в культурный слой уже к первой половине IX в. Действительно, половинка выбитого в Испании умайадского дирхема конца VIII в. (монета № 7) оказалась в верхней части заполнения комплекса XXIX, датированного (2б) по радиоуглероду 680–780 гг. н. э. (Ле-8487). Стратиграфия, однако, не дает однозначной картины. В тех случаях, когда можно было проследить контекст нумизматических находок, оказалось, что они либо связаны с горизонтом уничтожившего городище пожара (монета № 5), либо лежат в первых пластах заполнения комплексов, им перекрытых, т. е. их принадлежность к горизонту пожара очень вероятна (монеты № 7, 8). Скорее всего, начав поступать на городище достаточно рано, монеты продолжали попадать сюда до самой его гибели.

Комплекс монетных находок дополняет обрубок серебряного четырехгранного дрота с сужающимся концом, напоминающий находку с Бронницкого городища. Подобные изделия в Восточной и Северной Европе часто находят в кладах IX–XI вв. Еще одно изделие из серебряного сплава происходит из комплекса V. Это литой массивный перстень, украшенный ромбическим щитком с четырьмя выступами. На щитке грубо процарапан крестовидный орнамент. Вещь уникальна, но ее форма явно воспроизводит очертания перстней со стеклянной вставкой, известных в салтовской культуре. Обитателям Приильменя и Поволховья салтовские перстни были хорошо знакомы (Носов 1990: 175). Литой бронзовый перстень, отдаленно напоминающий нашу находку, происходит из депаспортизованной части коллекции курганных раскопок В. И. Сизова в Смоленской губернии, возможно, из Ярцево (Нефёдов 1999: 109).

Важно отметить на городище группу предметов североевропейского облика. Одной из самых интересных находок является ажурное языковидное кресало. Находки подобных изделий очень редки, что, возможно, указывает на их бытование в относительно узких хронологических пределах. Всего, кроме кресала из Городка на Маяте, нам известно еще три таких находки: в Эстонии, в Старой Ладогe и в Бирке. В совокупности они датируются временем не позднее 800 г. (Tallgren 1925: 10–23, Abb. 39, 59; Рябинин 1994a: 26; рис. 20: 18; Arbman 1940: Taf. 145: 6; Hardh 1984: 157). Со скандинавским миром связаны найденный в Городке на Маяте ланцетовидный наконечник стрелы и фрагмент железного ушка от металлического котла. Не исключено, что скандинавскими орнаментальными традициями навеяна форма железной подковообразной фибулы с зооморфными (?) головками. Следует также отметить фрагмент изделия из тонкого железного четырехгранного дрота, сужающегося к краю и заканчивающегося, видимо, обло-

манной петлей. Изделие слишком тонкое и хрупкое, чтобы быть дужкой от ведра или котла. Похоже, это обломок железной шейной гривны. Наконец, к общеприбалтийским типам украшений мужского костюма IX–XI вв. принадлежат обломки двух орнаментированных бронзовых подковообразных фибул.

Может быть, к вещам прибалтийских типов следует отнести узкий бронзовый поясной наконечник, отделанный линейной поперечной гравировкой. Похожие наконечники (но по-иному орнаментированные), использовавшиеся в различных комбинациях в составе поясной гарнитуры (преимущественно украшавшие бахрому, крепившуюся к поясному ремню), известны в X–XI вв. в древностях племен, обитавших в низовьях Западной Двины (Нукшинский могильник 1957: табл. IV: 5; Mugurēvičs 1977: 138, tab. LIII: 3; Šnore 1987: 44, tab. VIII: 1; Zariņa 1988: att. 36). Оттуда подобные пояса попадают, в частности, на Готланд (Thunmark-Nylen 1995: Abb. 195b; 1998: Taf. 141). Есть, однако, и другое вероятное направление поиска аналогий этому изделию — в древностях середины — третьей четверти I тыс. н. э. Укажем на находку похожего наконечника (без орнамента) на городище Кисели под Оршей (Левко, Колосовский 2003: рис. 6). Правда, на городище Кисели также есть напластования X–XII в., поэтому датировка наконечника не вполне ясна: он может быть синхронен вышеупомянутым прибалтийским украшениям. Еще одна находка узкого поясного наконечника (правда, несколько по-иному орнаментированного) на этот раз, несомненно, относящаяся к третьей четверти I тыс. н. э., известна в погребении 2 кургана № 5 могильника Раха (Мошенской район Новгородской области). Могильник относится к КПДК (Пронин А-1980, рис. 21). Наконечник найден в комплексе с набором бляшек-скорлупок и с круглой умбоновидной бляшкой.

Из слоя пожара происходит оплавленный фрагмент массивного браслета. Он граненый, с чуть расширенными концами, украшенными поперечными насечками. Подобные изделия имеют широкую датировку, охватывающую всю вторую половину I тыс. н. э. Похожая находка есть на селище Прость (Носов, Ершевский, Плохов 1998: 31). Более отдаленная аналогия происходит из погребения 4 сопки IV (по нумерации В. П. Петренко) в ур. Победище близ Старой Ладогe (Петренко 1994: 129, рис. 44: 20). Погребение 4 относится к захоронениям у подножия сопки, которые суммарно датированы VIII–IX вв. (Петренко 1994: 89). Еще одна аналогия браслету происходит с поселения Золотое Колено на Мсте (Носов, Плохов 1991: рис. 5: 4).

К украшениям, распространенным в финно-угорском мире во второй половине I тыс. н. э., относится бронзовая подвеска в виде утиной лапки, к которой припаяно ушко из сложенной вдвое проволоки.

Бронзовый пластинчатый поясной крючок, украшенный чеканным орнаментом. На Западной Двине такие вещи найдены в Витебске (Бубенько 2004: рис. 76: 10) и Горянах (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 303: 2). Укажем на подобные изделия с городищ Новотроицкое (Ляпушкин 1958: рис. 11: 16) и Хитцы (Тітков, Сидоренко 2001: рис. 3: 7). В смоленских длинных курганах известны находки похожих изделий в погребении кургана № 2 могильника Колодня 1 (Шмидт 1983: 119; рис. 20: 5) и в Вязовеньке (курган 3) (Ляўданскі 1930б: табл. VII: 12). Ряд похожих вещей известен и на Северо-Западе: в Старой Ладогe (Тарасов 2001: рис. 1: g) и на селищах бассейна Мсты: Золотое Колено и Нестеровичи (Носов, Плохов 1991: рис. 5: 15; Конечкий 1991: рис. 6: 21).

Среди находок Городка на Маяте выделяется серия изделий, имеющих параллели в КСДК. К ним относится массивная железная бизовидная подвеска; орнаментированные пунсоном трапециевидные подвески, железная подвеска со спирально загнутыми концами. Полностью аналогичное изделие известно в депаспортизованной части курганной смоленской коллекции В. И. Сизова в ГИМе. Фрагмент железного проволочного украшения со спирально загнутым кольцом на Северо-Западе известен на селище Раха (Пронин А—1980: 29; рис. 6: 4). При селище Раха известны как сопка, так и могильник КПДК (о нем уже упоминалось выше); датировка находки остается неясной.

Любопытна находка в первом пласте комплекса ХХХІ. Перед нами оказалась прямоугольная пластинка из медного сплава с ровными, тщательно обработанными гранями (без каких-либо следов повреждений) размерами 2,5×1 см и толщиной 0,2 см. Ее лицевая сторона в длину украшена по краям рубчатými валиками, обратная сторона совершенно гладкая. Вероятно, изделие является моделью для производства металлических поясных накладок или нашивных бляшек; точнее, для изготовления глиняных литейных форм, которые, в свою очередь, могли использоваться как для прямой отливки украшений, так и для производства промежуточных восковых моделей.

Находки на поселениях Северо-Запада второй половины I тыс. н. э. металлических моделей для изготовления украшений являются большой редкостью (куда чаще встречаются каменные литейные формы). Наиболее близкой аналогией является изделие, найденное в одном из сооружений на селище у д. Городище на Сяси (Щеглова 2004: 269, рис. 2: 14). Следует также упомянуть о двух шаблонах для изготовления поясных (?) накладок с Любшанского городища в Нижнем Поволжье (Щеглова 2004: рис. 2: 1, 12). О. А. Щеглова показала, что подобные изделия могли применяться также для тиснения накладок

из тонкого серебряного листа с последующей заливкой свинцово-оловянистым сплавом. Еще одна находка бронзовой модели для изготовления поясных бляшек (но иного типа) известна на городище IX–X вв. Рокот в Днепро-Двинском междуречье (Нефёдов, Мурашева 2008: 102–103).

Остальные украшения из Городка на Маяте в этнокультурном и хронологическом отношении мало выразительны: одно целое и несколько фрагментированных проволочных височных колец, звенья витой из проволоки коленчатой цепочки, спиральный перстень, спиральные пронизки из треугольной и уплощенной в сечении проволоки, фрагмент браслета с овальными в сечении, уплощенными концами, застежка-пуговка от бронзовой шейной гривны.

Коллекция стеклянных бус Городка на Маяте насчитывает в общей сложности 572 экз. Из-за многочисленных нарушений культурного слоя корнями и кротовинами сложно разбить это собрание на хронологические горизонты, и его можно рассматривать лишь как единое целое, за исключением двух стеклянных бус середины — третьей четверти I тыс. н. э., а также глиняных бус. Большинство находок, 500 экз., составляет бисер (87% от общего количества стеклянных бус). По цветам бисер распределяется следующим образом: желтый — 349 экз. (69,8% от общего количества бисера); синий — 73 экз. (14,6%); зеленый — 62 экз. (12,4%); белый — 7 экз. (1,4%); голубой и бирюзовый — 6 экз. (1,2%); черный — 3 экз. (0,6%). Исследованиями З. А. Львовой, Е. Р. Рябиной и Е. Н. Носова установлено, что в Поволжье хронологическая динамика распространения бисера различных расцветок и качества подвержена определенным закономерностям. В Старой Ладогe период преобладания желтого бисера начинается не позднее середины IX в. и продолжается до X в., в течение которого постепенно начинает господствовать зеленый бисер (Рябинин 1982: 168, 169). На Рюриковом Городище желтый бисер доминирует изначально и в середине X в. уступает первенство зеленому (Носов 1990: 81). Учитывая преобладание в коллекции Городка на Маяте желтого бисера невысокого качества, следует датировать его второй половиной IX — первой половиной X в. Одна бусина, дисковидная, изготовлена из янтаря. Каменные бусы в коллекции отсутствуют. Остальной набор стеклянных украшений обычен для VIII — начала X в.

Предметы вооружения в Городке на Маяте немногочисленны. Помимо упомянутой ланцетовидной стрелы, это обломок наконечника копья. Трижды найдены обломки лезвий топоров. Одно из лезвий, узкое и заточенное полукругом, следует относить к боевому типу.

Две железные пластинки с крюками на концах, развернутыми в перпендикулярных плоскостях, найдены на городище. Возможно, это части составных

обручей, скреплявших стенки деревянных наборных кадок или ведер. Еще несколько таких изделий найдено во фрагментах. Эти изделия довольно часто встречаются в культурных слоях поселений культуры сопки IX–X вв. (Носов, Плохов 1991: рис. 4: 17; Исланова 1997: рис. 141).

Несколько раз в раскопках встречены подковообразные железные фибулы с закрученными концами, имеющие широкую дату. Из других находок отметим четыре рыболовных крючка, обломок косы-горбуши и серпа, фрагмент железного пинцета, несколько железных швейных игл. К массовым находкам относятся ножи, представленные на городище тремя типами: ножи с прямой спинкой (относятся, видимо, к напластованиям V–VII вв.); ножи с уступами при переходе от сравнительно короткого черенка к лезвию и спинке и ножами с длинным широким черенком, 4-й группы по Р. С. Минасяну. Наиболее массовыми находками являются железные шилья и их обломки. Периодические находки железных шлаков указывают на существование где-то в пределах площадки железоделательного комплекса. При этом на городище найдено довольно много кузнечных заготовок и отходов кузнечного производства. Дважды найдены заготовки клинков ножей.

Большую коллекцию пряслиц (53 экз.) достаточно сложно разделить на хронологические группы. Часть биконических глиняных пряслиц с широким отверстием относится к V–VII вв., и речь о них уже шла выше. Но подобные изделия могли бытовать и позднее. Отдельную группу (15% от общего числа) образуют каменные дисковидные пряслица (8 экз.). Два из них найдены в заполнении позднего комплекса XII, что позволяет датировать их IX — началом X в. К тому же периоду, вероятно, относятся фрагменты глиняных массивных плоских биконических пряслиц, а также два высоких биконических изделия с маленьким отверстием, одно из которых было найдено в развале камней в постройке IX — начала X в.

Для поздних построек и культурного слоя получена серия радиоуглеродных датировок. Два образца, отобранных из пятна пожара в центральной части площадки, дали даты 1285 ± 20 BP (Ле-6717) и 1150 ± 50 BP (Ле-7168). Оба образца взяты из лежавших вместе головней, скорее всего, от одной постройки. Комбинированная дата 1267 ± 19 BP при калибровке (2б) дает интервал 685–780 гг. н. э., что явно не соответствует времени гибели поселения, произошедшей не ранее середины IX в. Впрочем, правомерность использования комбинированной даты в данном случае находится под вопросом. Радиоуглеродная датировка (95,4% вероятность) комплекса XIII — 770–970 гг. н. э. (Ле-7406). Плаха со дна комплекса XXIX указывает на более компактный интервал (2б) — 680–780 гг. н. э. (Ле-8487). Самая молодая комбиниро-

ванная дата (2б) получена по двум образцам обугленных плах со дна комплекса XXIV-3–880–990 гг. н. э.

На сводной таблице радиоуглеродных датировок, полученных за все шесть лет раскопок на Маяте, хорошо прослеживается хронологический разрыв между группой дат из большого вала городища и группой дат из позднего культурного слоя (рис. 117), что следует понимать вполне определенно: большой вал и слой с арабскими монетами и стеклянными бусами принадлежат к разным историческим эпохам и напрямую не связаны между собой. Однако некоторые даты из позднего культурного слоя допускают наличие на городище напластований VIII в. Выделить комплексы этого времени по археологическому материалу пока не представляется возможным, а единственная находка, позволяющая «перебросить мостик» в восьмое столетие, — кресало скандинавского типа. Возможно, городище «оживает» на рубеже VIII–IX вв. Пожалуй, в этом случае единственный памятник начала эпохи викингов в Ильменской котловине, надежно сопоставимый с Городком на Маяте по времени, — Холопий Городок на Волхове.

Вершина вала, насыпанного в первой половине VII в., была к IX в. скрыта до уровня площадки. С исчезновением укреплений меняется тип домостроительства, только в формах грубой лепной керамики наблюдается, как будто, некоторая преемственность, да по-прежнему используются простые железные подковообразные фибулы. К заключительному этапу жизни городища относятся два могильника с сопками. С самим городком следует связывать сопку на левом берегу Маяты. Насыпь, раскопанная И. Завалишиным в имени на противоположном берегу, относится, вероятно, к правобережному селению. В конце IX или начале X в. (до появления в Приильменье гончарной керамики) поселение на городищенском холме гибнет в пожаре и больше не возрождается.

Керамический комплекс Городка на Маяте в VIII — начале X в. Коллекция лепной керамики последней четверти I тыс. н. э. из Городка на Маяте насчитывает 136 фрагментов, позволяющих восстановить профилировку верхней части сосудов (рис. 253–260), и всего один сосуд, целиком собранный из фрагментов (рис. 255: 1). В группу 1 в Городке на Маяте входят сосуды с коническим туловом, имеющим расширение в верхней трети, округлое плечико, четко выделенный венчик, диаметр которого меньше диаметра плечиков. Сосуды первой группы можно разделить на несколько вариантов.

Вариант 1. Сосуды с коротким прямым или слегка отогнутым венчиком (рис. 253; 254). К этому варианту можно отнести 32 фрагмента. Все они лишены орнаментации.

Вариант 2. Сосуды с S-видным профилем верхней части, с высоким отогнутым венчиком и округлым плечиком (рис. 255; 256). К этому варианту нами отнесен целый сосуд и 25 фрагментов. Фрагменты одного сосуда по срезу венчика и плечу несут орнаментацию в виде оттисков шнура, намотанного на щепку (рис. 256: 2).

Вариант 3. Сосуды с высоким прямым венчиком. Выделяются фрагменты семи неорнаментированных сосудов (рис. 257: 1–7).

Группа 2 объединяет округлобокие сосуды с S-видной профилировкой верхней части и максимальным расширением около середины тулова или чуть выше (рис. 257: 8, 9). В эту группу нами помещены два фрагмента, не имеющих орнамента.

Группа 3. Конические сосуды с высоким плечиком и сильно отогнутым венчиком, диаметр которого превышает диаметр плечиков или близок к нему (рис. 257: 10–12). Выделены фрагменты трех сосудов.

Группа 4. Реберчатые сосуды с высоким венчиком, так называемого ладожского типа (рис. 258–260). Вторая (после группы 1) по численности группа керамики: определен 61 фрагмент, в том числе развалы двух горшков. Несколько сосудов орнаментированы: насечкой по кромке венчика, ободками из пальцевых вдавлений по плечу, дважды отмечено использование ложноребенчатого штампа.

Группа 5. Сосуды со вздутым в верхней трети туловом и коротким, слабо намеченным венчиком, прямым или вогнутым внутрь. В эту группу выделено шесть фрагментов, в том числе обломок миниатюрного сосуда (рис. 257: 13–18).

Обитатели Городка на Маяте редко наносили орнамент на керамику. Нами учтено всего 14 орнаментированных фрагментов. Важно отметить находку на городище фрагмента лепной сковородки с отогнутым бортиком.

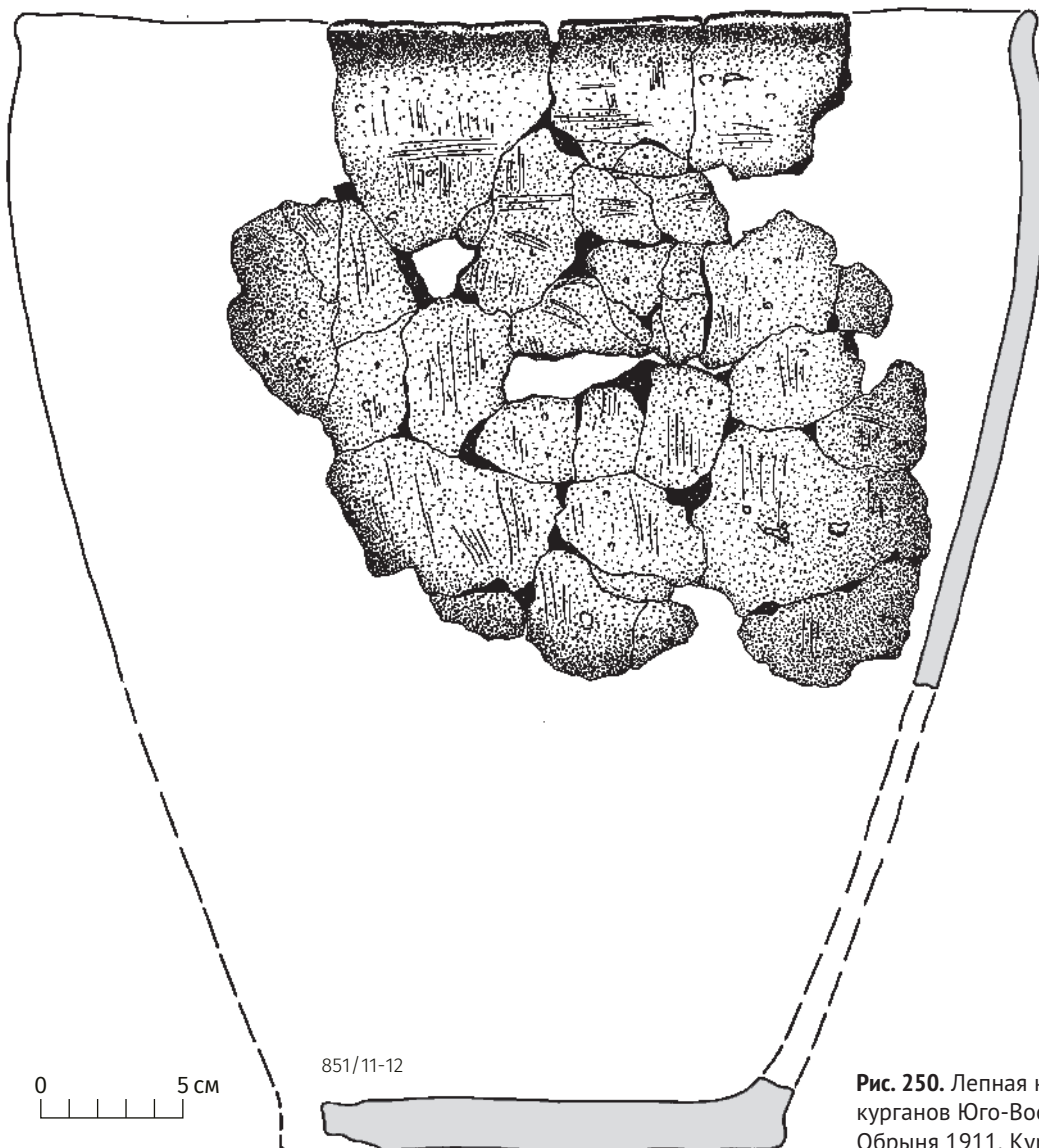
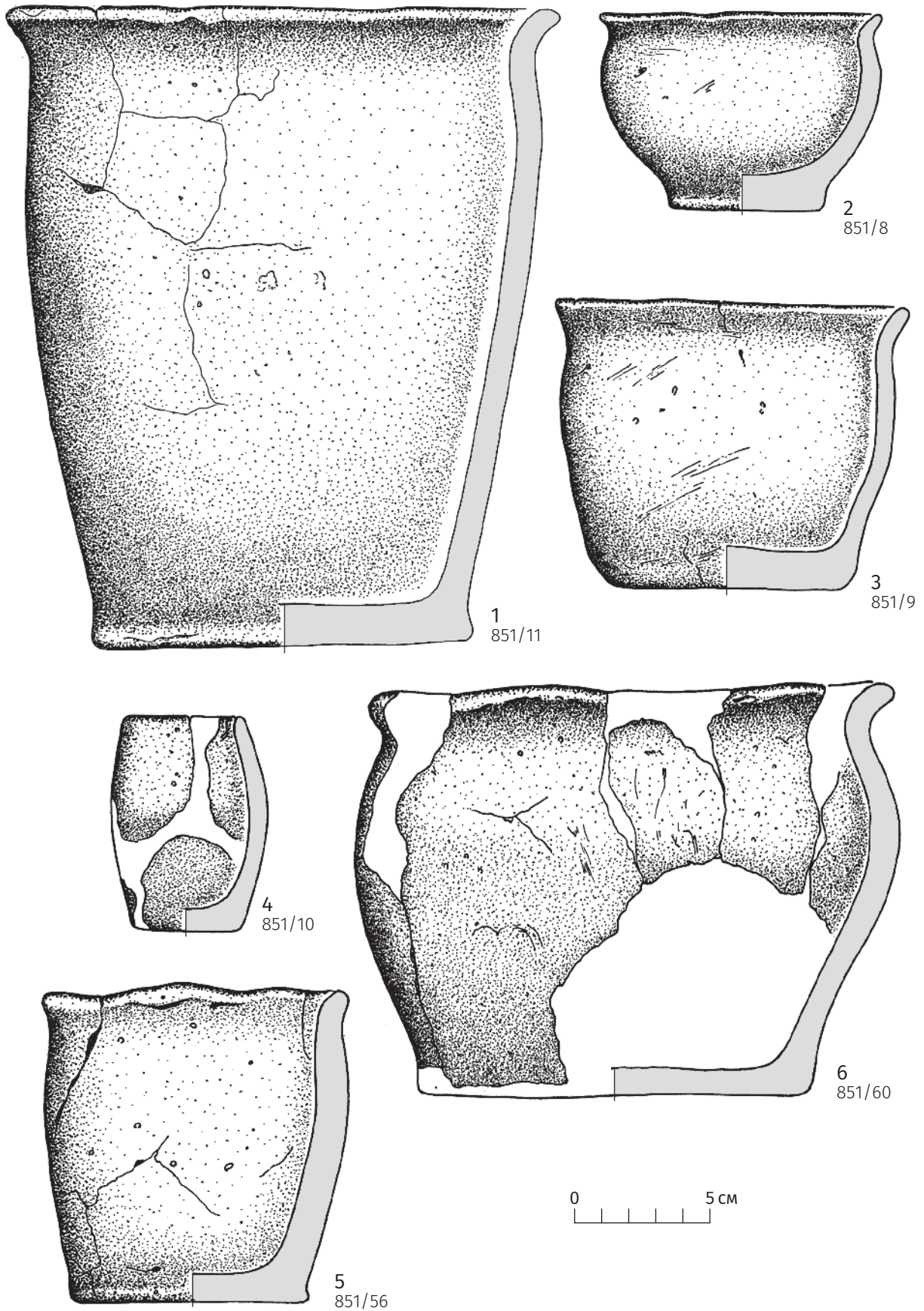
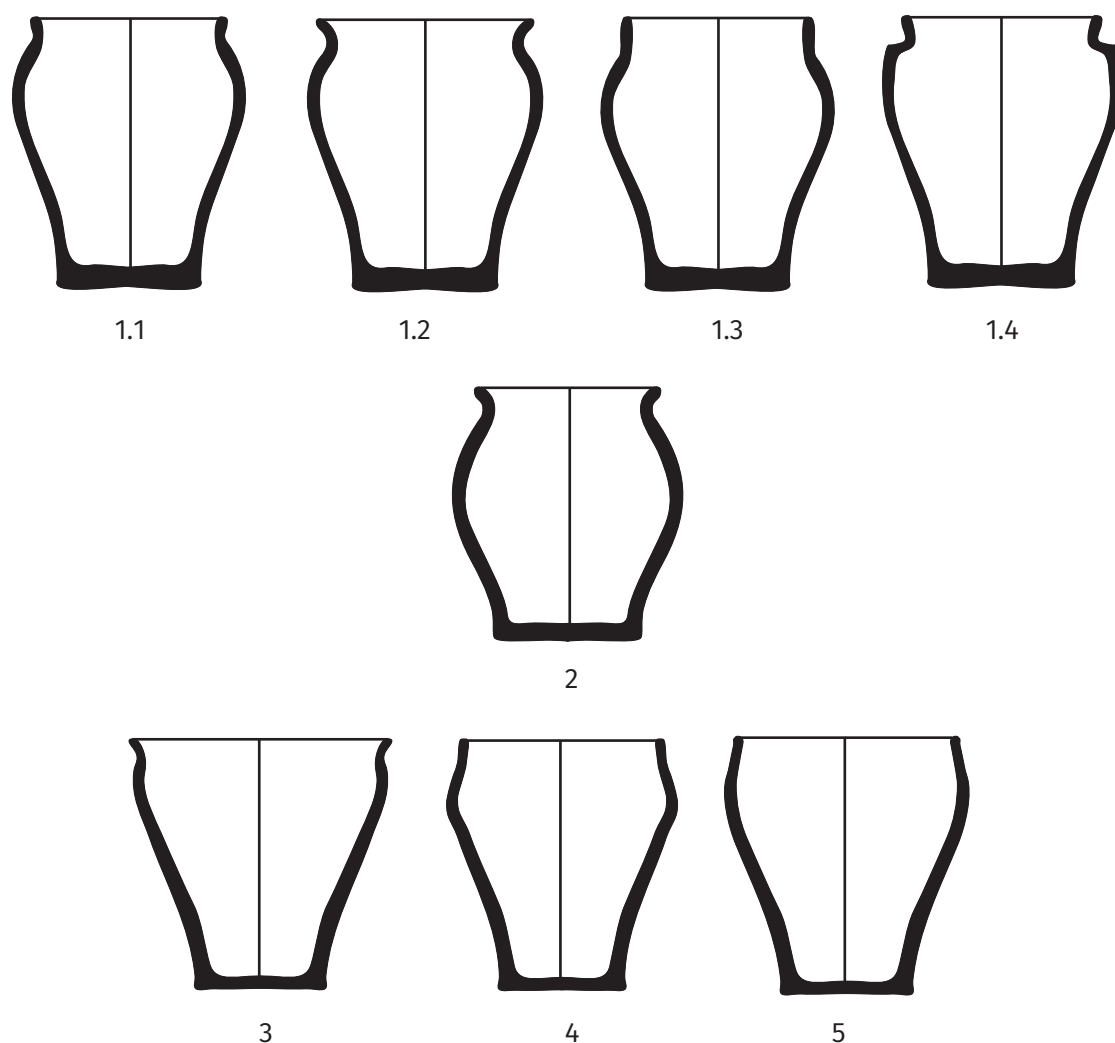

Рис. 250. Лепная керамика из длинных курганов Юго-Восточного Приильменя. Обрыня 1911. Курган

Рис. 251. Лепная керамика из длинных курганов Юго-Восточного Приильменя. 1 — Обрыня 1911. Курган 7. 2, 3 — Обрыня 1911. Курган 2. 4 — Обрыня 1911. Курган 2 (?). 5 — Липицы 1911. Курган 3, костр. I. 6 — Липицы 1911. Курган 7, костр. III

Рис. 252. Основные тенденции в формах груболепной посуды на поселениях Северо-Запада России и Северной Белоруссии в последней четверти I тыс. н.э. Первая цифра обозначает группу; вторая — вариант внутри группы

Вышеописанный керамический комплекс относится к IX — началу X в. Среди лепной керамики Городка на Маяте нет не только раннегончарной посуды, но и лепных форм, характерных преимущественно для X в. (например, сосудов группы 1 вариант 4 или лепных подражаний гончарным формам). Присутствие на городище материалов VIII столетия остается под вопросом.

Чтобы определить место набора посуды Городка на Маяте в системе керамических традиций своей эпохи, я попробовал провести сравнения в трех направлениях: южном и юго-западном (с керамикой Смоленско-Белорусского Подвинья и Гнёздова); северном (с керамикой поселений в истоках Волхова) и восточном (с опубликованной керамикой Помостья). Для этого была составлена серия графиков, отражающих количественное соотношение на разных памятниках выделенных мною групп керамики. Основой для количественных подсчетов послужили

керамические коллекции Городка на Маяте (использовано для подсчетов 137 фрагментов венчиков), Витебска (138 фрагментов), Хачёва (68 фрагментов), Лукомля (53 фрагмента), Горян (30 фрагментов), Полоцка (92 фрагмента), а также коллекция лепной керамики из раскопок И. И. Ляпушкина в Гнёздове (выбрано 127 венчиков сосудов), хранящаяся в Государственном Эрмитаже. При работе с керамическими комплексами Помостья использована опубликованная коллекция с поселения Бережок (128 фрагментов) (Исланова 1997: рис. 97–107). Вспомогательную роль при осмыслении этого материала может играть введенная в научный оборот небольшая часть коллекции из раскопок поселения Золотое Колено (Носов, Плохов 1991: рис. 7–12). По этой подборке керамических фрагментов нами также составлена диаграмма. Выводы о керамическом комплексе поселений истока Волхова базируются на полностью опубликованной коллекции лепной керамики из раскопок Холопьево

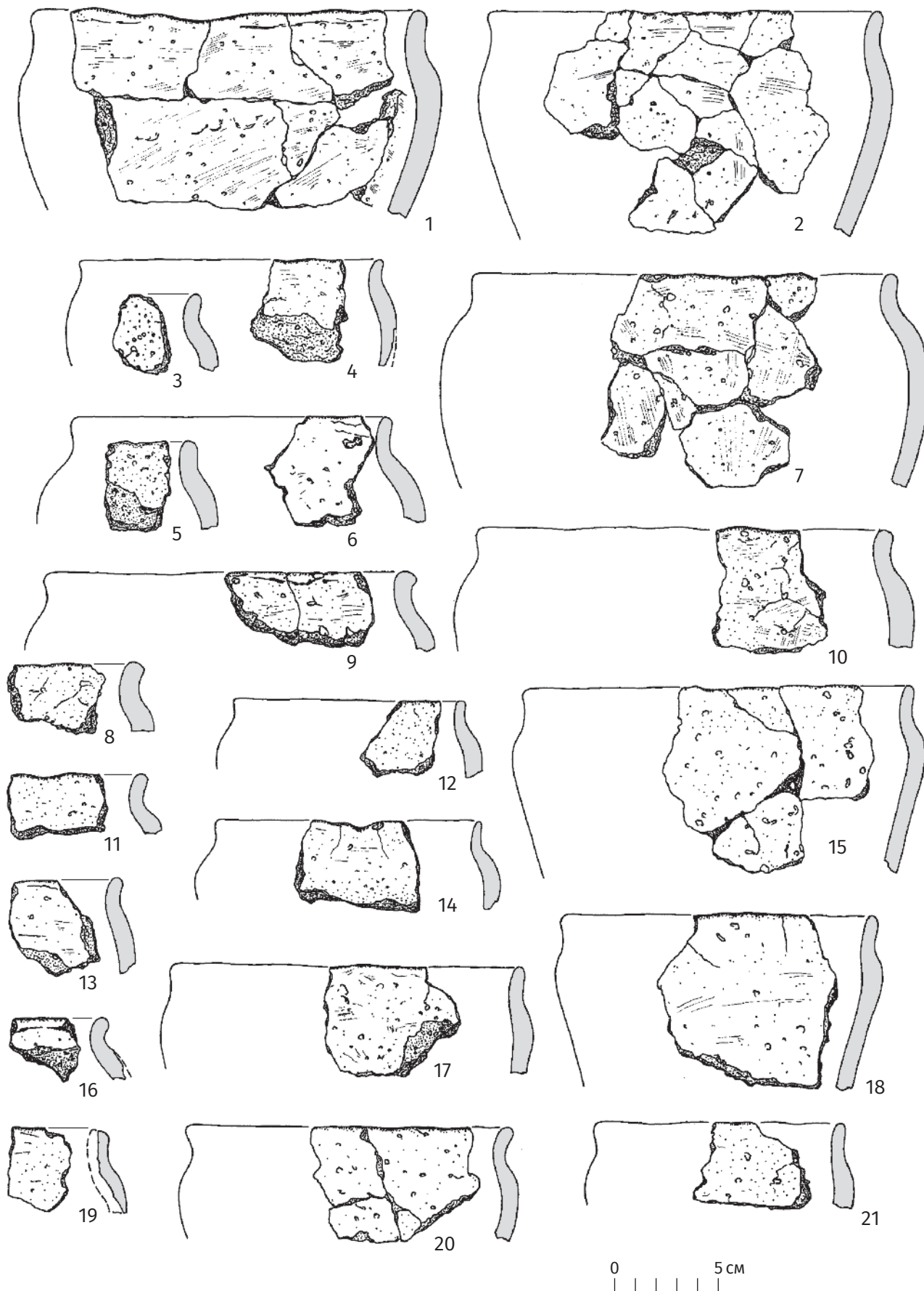

Рис. 253. Городок на Маяте. Лепная керамика группы 1, вариант 1

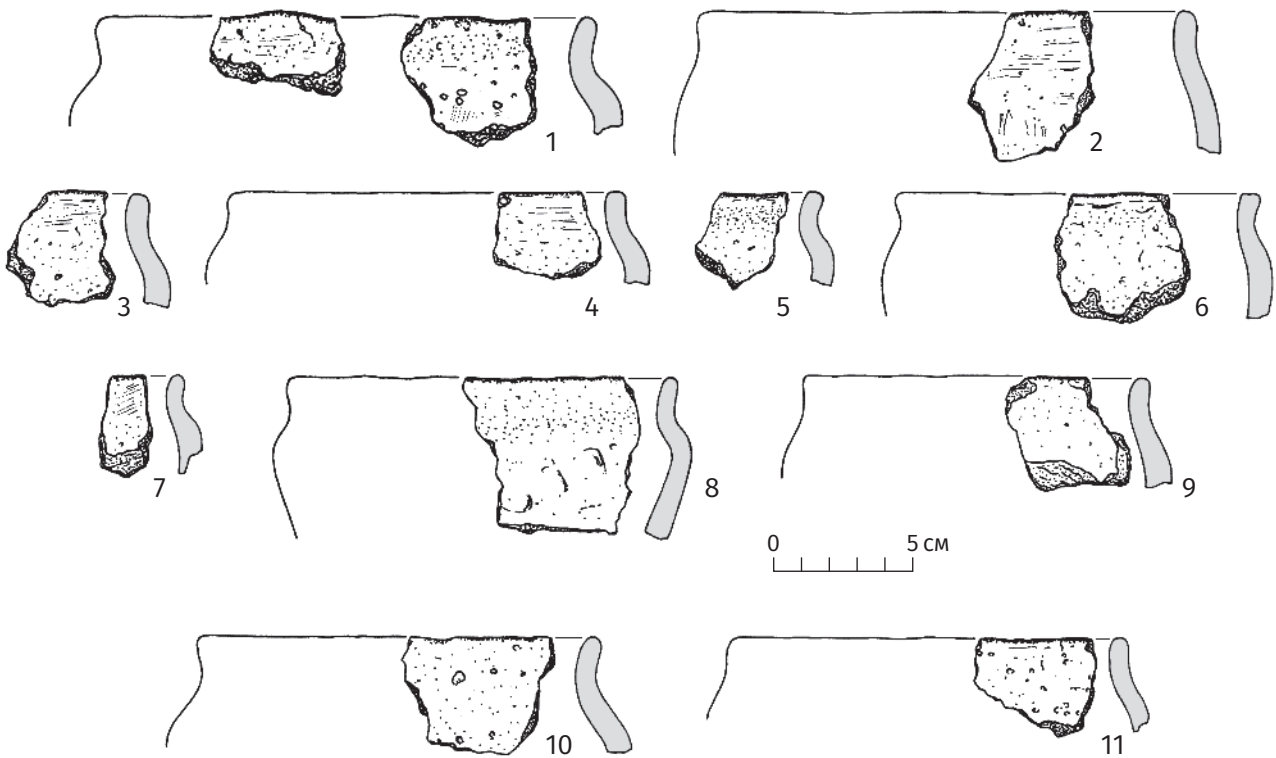

Рис. 254. Городок на Маяте. Лепная керамика группы 1, вариант 1

Городка (использовано 69 фрагментов венчиков) (Носов, Горюнова, Плохов 2005: табл. 177–185). Дополнительную информацию дала опубликованная небольшая часть коллекции лепной керамики Рюрикова Городища (преимущественно целые формы) (Носов, Горюнова, Плохов 2005: табл. 48–58).

В результате выясняется, что керамический комплекс Городка на Маяте, в отличие от посуды поселений Южного Поволжья, несет в себе заметные следы южных или юго-западных традиций, выражающихся в присутствии на графиках, наряду с «пиком», образованной керамикой «ладожского типа» (группа 4), второго «пики», связанного с сосудами группы 1. При этом соотношение сосудов различных вариантов внутри первой группы оказывается несколько иным, чем на юге. За счет большого количества сосудов группы 1 вариант 2 «пик» сосудов первой группы оказывается как бы более сглаженным, чем аналогичные «пики» на графиках поселений Подвинья (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 379, 380; Еремеев 2015: рис. 62).

Сопоставление посуды Городка на Маяте с керамикой Помостья (опубликованные материалы селища Бережок и керамика из нескольких комплексов на поселении Золотое Колено) демонстрирует большее сходство, чем в случае с керамикой Поволжья.

Это, видимо, следует расценивать как свидетельство некоторых общих тенденций в ходе заселения Восточного Приильменья и Помостья в последней четверти I тыс. н. э. Вероятно, и здесь, и там существенную роль при формировании керамических традиций сыграло население, продвинувшееся с юго-запада — с Западной Двины и из области верховьев Днепра. Но все же в Помостье южные традиции прослеживаются значительно слабее, чем на восточном берегу Ильменя. Например, анализ керамики селища Бережок показывает полное господство различных вариантов керамики группы 4 (как правило, это сосуды со сглаженным ребром).

Керамика со сглаженной S-видной профилировкой и слабопрофилированные цилиндро-конические формы с селища Бережок (тип VIIIб и IX по И. В. Ислановой), восходящие к древностям типа Юрьевская Горка, выведены нами при анализе за скобки (Исланова 1997: рис. 105: 8–12 и 106: 4, 5, 8) и не учитывались при построении графика. Их количество, судя по публикации, крайне незначительно — всего восемь фрагментов. Ту же картину дает поселение Золотое Колено. Слабопрофилированную керамику (Носов, Плохов 1990: рис. 11: 1, 2, 4–6, 8–11, 14–15), которая, видимо, образует здесь отдельный горизонт, обособленный в хронологическом отношении, я не рассматривал.

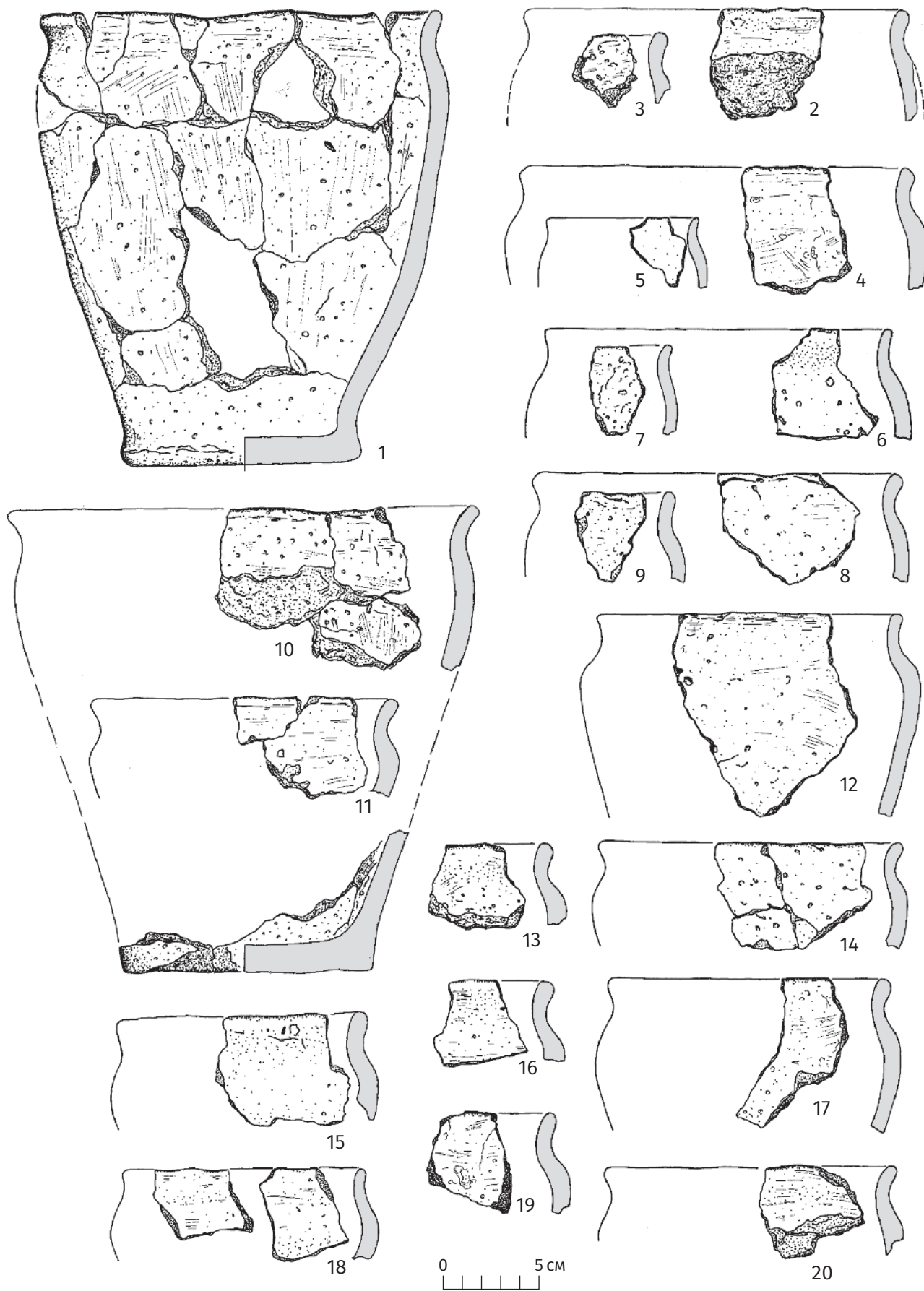

Рис. 255. Городок на Маяте. Лепная керамика группы 1, вариант 2

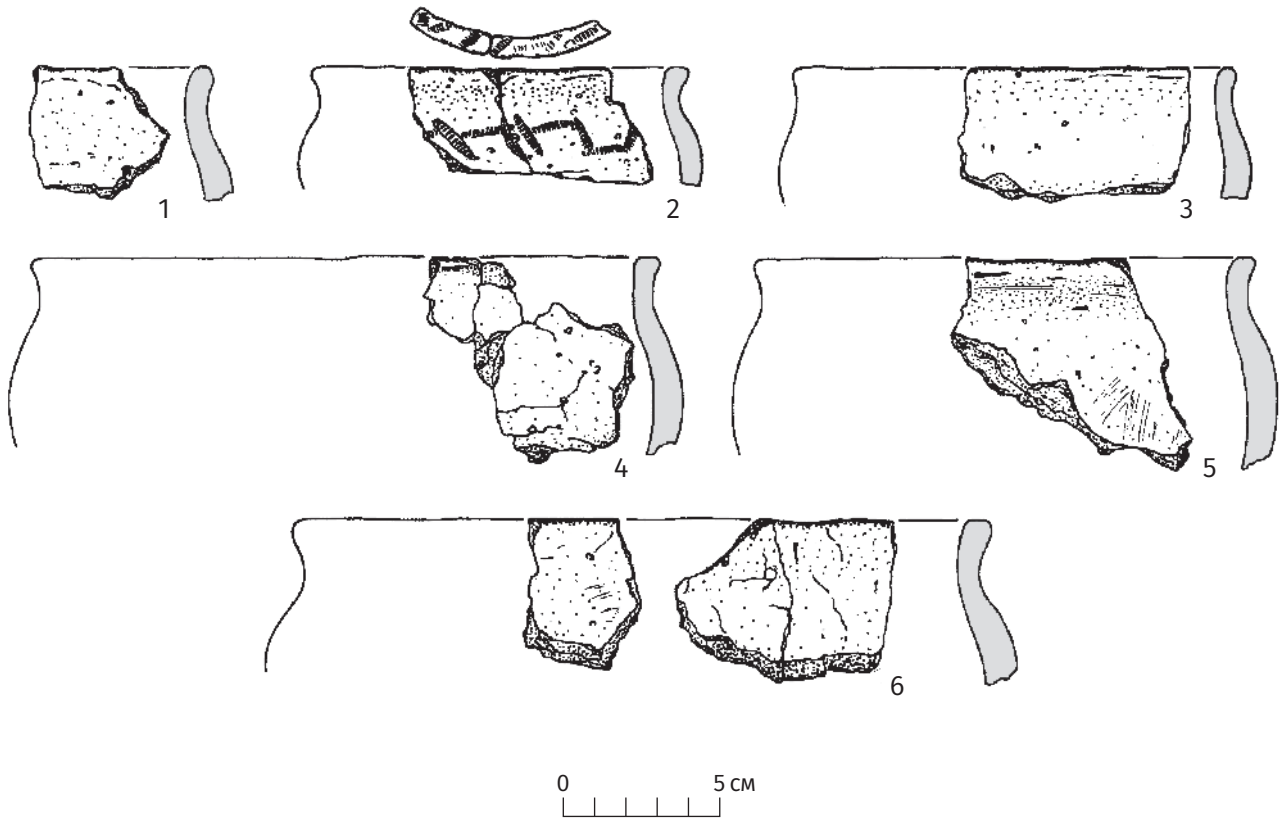

Рис. 256. Городок на Маяте. Лепная керамика группы 1, вариант 2

А. В. Плохов впервые отметил существование в Приильменье в последней четверти I тыс. н. э. двух керамических традиций — южной, связанной с Поднепровьем и Подвиньем и, возможно, более южными областями Восточной Европы, и северной, зародившейся, по его мнению, в Нижнем Поволжье в VIII в. (Плохов 1992: 123; 2002: 149). В нашем материале двум этим традициям соответствует керамика первой и четвертой групп. Судя по результатам наших исследований, южные традиции занимают в культурном пейзаже Центрального Приильменья значительно большее место, чем можно было предположить по материалам раскопанных ранее памятников — Холопьево Городка, Рюрикова Городища, городища Сельцо I и поселений Поозерья. Груболепная керамика 4-й группы появляется в Приильменье не ранее второй половины VII в. и не позднее середины VIII в. (верхнюю границу определяют находки этой керамики в ранних слоях Старой Ладogi).

4.4.2. Городище Сельцо I

Как уже отмечалось, городище Сельцо I однотипно с Городком на Маяте и близко ему по хронологии и культуре. Результаты раскопок не позволяют уверенно ответить на вопрос, имелись ли в VIII–X вв. на городище укрепления. Во всяком случае,

после сооружения в третьей четверти I тыс. н. э. кольцевой постройки следов более поздних сколько-нибудь масштабных фортификационных работ не выявлено.

Участок застройки VIII–X вв. вскрыт в раскопе Е. Н. Носова в 1974 г. (рис. 261). Раскрыты обычные для этого времени подпольные ямы округлых и подпрямоугольных очертаний и развалы печей-каменок. В материальной культуре городища прослеживается как будто некоторый воинский оттенок. Здесь найдены детали снаряжения воина и всадника: фрагмент удила, деталь шумящей плети, ледоходный шип (рис. 262: 11, 13, 14). Упомянутый выше наконечник дротика узко не датируется.

Керамический комплекс городища Сельцо I VIII — начала X в. характеризуется сочетанием реберчатой керамики группы 4 («ладожского типа») и керамики группы 1 (рис. 262: 1–6). Рядом с городищем расположен могильник с сопками Выползово, состоящий из двух очень крупных сопок, указывающих на высокий социальный статус обитателей этого места.

Судьба Сельца представляется сходной с судьбой Городка на Маяте. Хотя городище сохранилось как место концентрации силы и власти, оно, похоже, оказалось лишено реального военного потенциала — фортификационных сооружений.

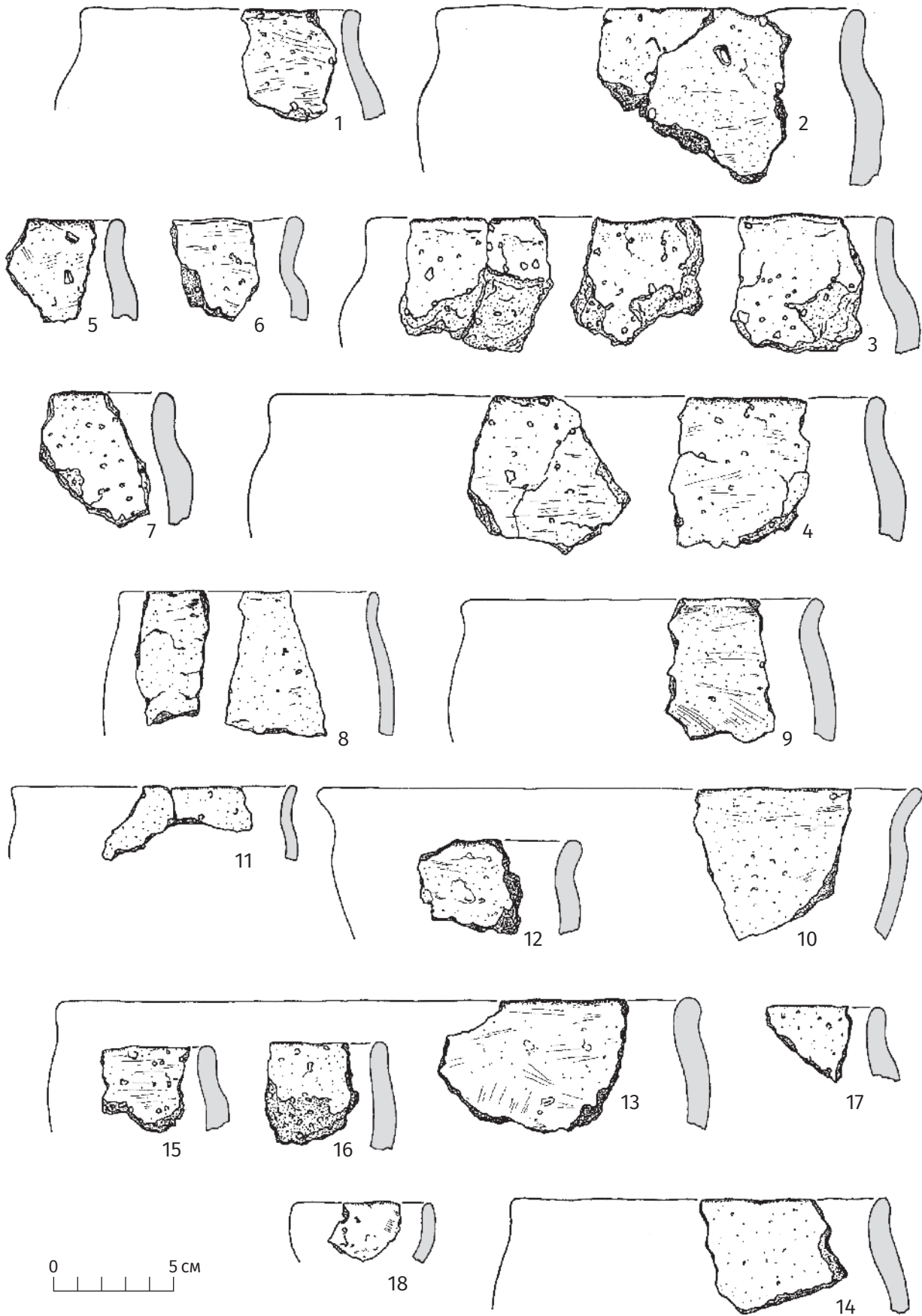

Рис. 257. Городок на Маяте. Лепная керамика. 1-7 — группа 1, вариант 3; 8, 9 — группа 2; 10-12 — группа 3; 13-18 — группа 5

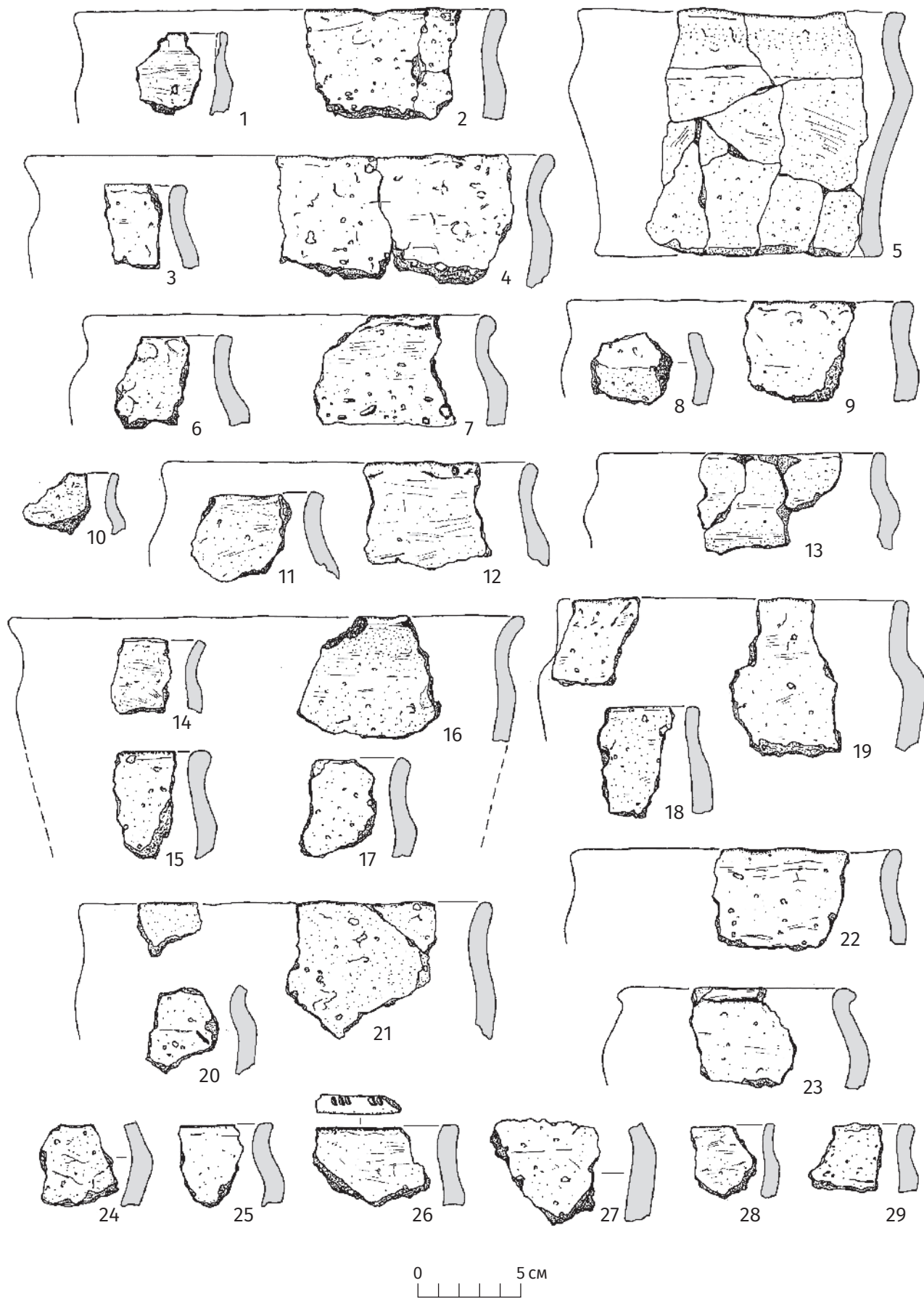

Рис. 258. Городок на Маяте. Лепная керамика группы 4

Рис. 259. Городок на Маяте. Лепная керамика группы 4

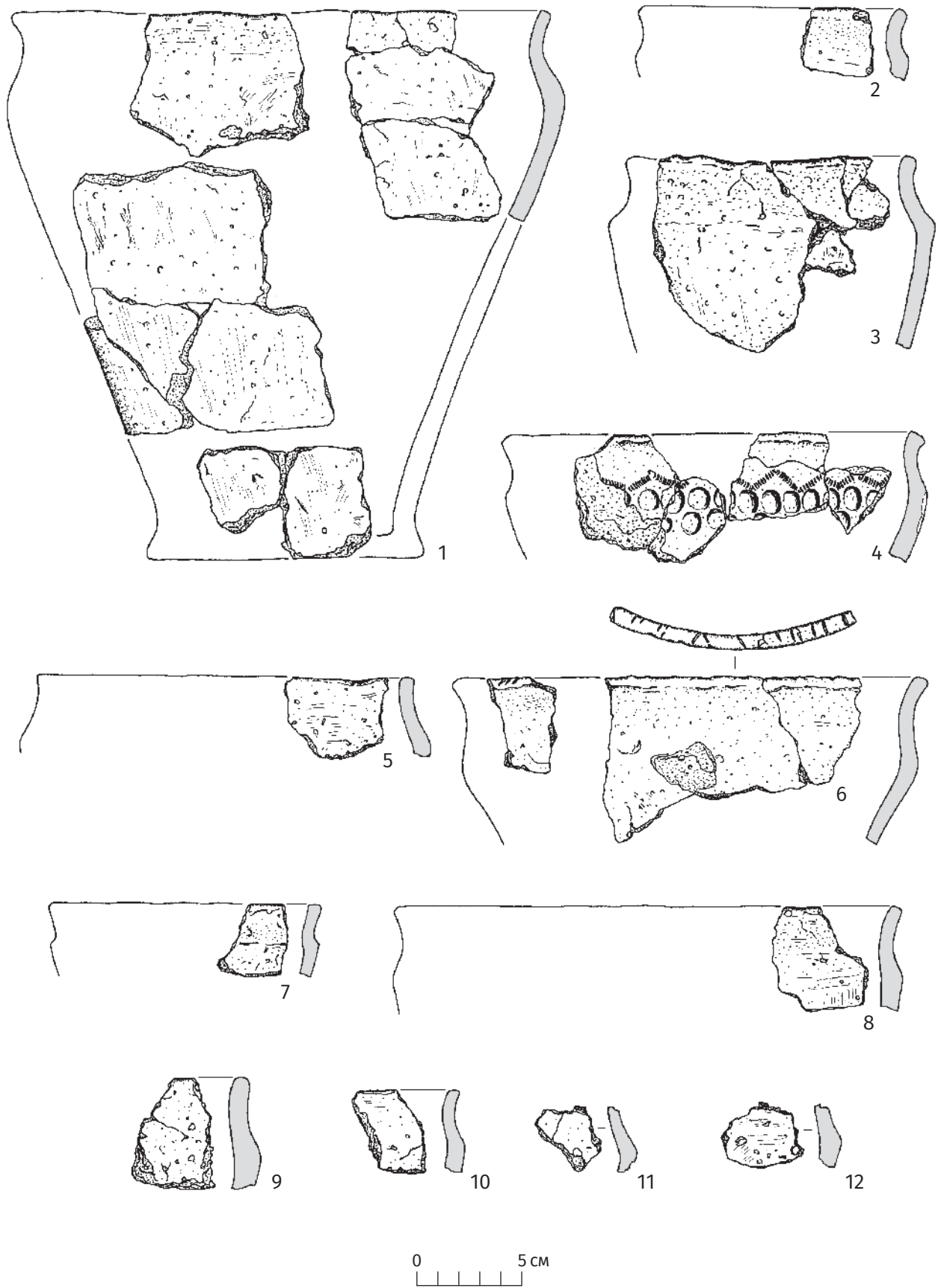

Рис. 260. Городок на Маяте. Лепная керамика группы 4

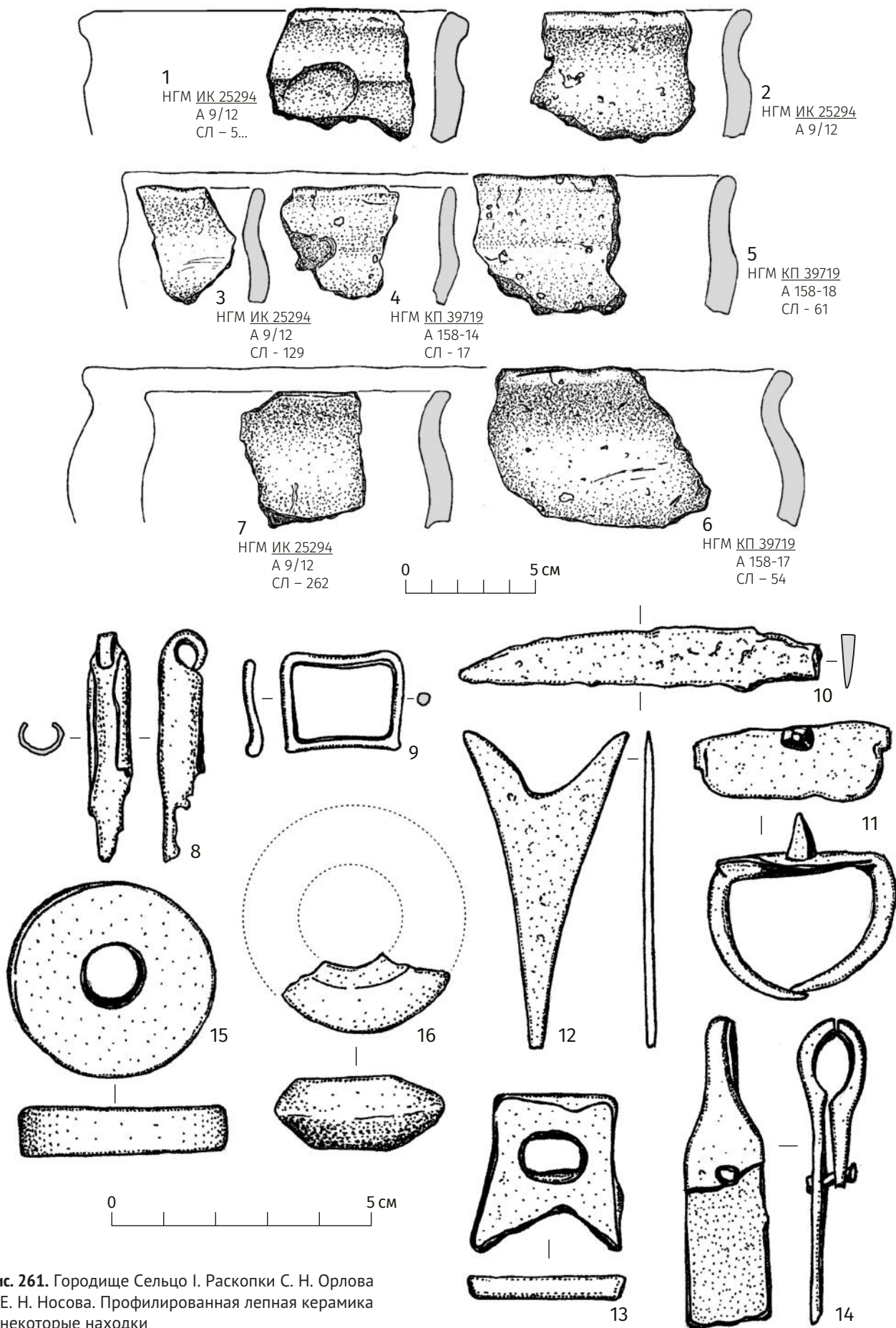

Рис. 261. Городище Сельцо I. Раскопки С. Н. Орлова и Е. Н. Носова. Профилированная лепная керамика и некоторые находки

глина являлась частью каких-то оборонительных сооружений, но как она могла использоваться, трудно сказать.

В любом случае, в последней четверти I тыс. н. э. главные оборонительные функции выполняла постройка, шедшая по краю холма. Она состояла из отдельных сегментов, отапливавшихся печами-каменками или очагами, сложенными из массивных валунов. В основании постройки находилась цепочка корытообразных подпольных ям (комплексы VII и VIIa). Ближайшей аналогией длинной постройке Бронницкого городища является длинная постройка Холопьевого Городка. Вряд ли постройку в Броннице можно считать жилой. На городищах третьей четверти I тыс. н. э. каменные выбросы из отопительных сооружений длинных жилых построек лежат обычно в несколько пластов; именно так обстояли дела в Городке на Маяте (Еремеев, Дзюба 2010: 66). Вокруг же комплексов VII и VIIa пережженных камней разбросано сравнительно немного. Да и находок керамики в них маловато для длительного использования (рис. 193; 194; 198).

Постройки Бронницкого городища VIII — начала X в. Жилища этого времени на площадке представлены как обычными овальными подпольными котлованами (комплекс I в раскопе 3 и комплекс V в раскопе 1), так и постройкой с подпрямоугольной углубленной в материк частью, печкой-каменкой и центральным столбом (комплекс VI в раскопе 1). Последнее обстоятельство очень важно для понимания преемственности в развитии культуры славян в Приильменье во второй половине I тыс. н. э., и к этому вопросу я вернусь ниже в специальном разделе.

Поздний комплекс инвентаря Бронницкого городища. Находки финального периода существования городища сравнительно невыразительны, как и сам культурный слой. Характерной чертой времени в Броннице являются круглопроволочные височные кольца: фрагмент и целое изделие с заходящими концами (рис. 211: 4, 5). Эти простые украшения типичны для поселений последней четверти I тыс. н. э. в Ильмень-Волховском регионе. Подобные простейшие украшения широко известны на синхронных памятниках: на поселении Курская Гора (Клубова А-1989: рис. 10: 11; Клубова А-1990: рис. 11: 10), городище Надбелье (Кузьмин А-1998: табл. 12), селище

Новые Дубовики (Кузьмин А-1998: табл. 20: 6), в раннем слое Рюрикова Городища 4 (см. ниже).

Все нумизматические находки (табл. 49) относятся к первому периоду обращения дирхема (рис. 212: 26–28). Единый комплекс с монетным серебром составляет обрубок четырехгранного серебряного дрота (рис. 212: 29). Кольца из подобного дрота, скрученные в браслеты и гривны, в эпоху викингов использовались наравне с монетой в качестве платежного средства и ювелирного сырья.

Удивляет малое количество пряслиц — 2 экз. (рис. 213: 6, 7). Это биконические глиняные изделия, характерные для широкого круга восточноевропейских древностей VIII–X вв.

О потенциально ранних типах бус из Бронницы говорилось выше. К группе бус последней четверти I тыс. н. э. относятся бисер и две полихромные бусины. Одна — продольно-полосатая желто-бело-сине-красная пронизка, обычная для памятников VIII–X вв. (рис. 168: 14). Вторая бусина (фрагмент) изготовлена из мозаичного поперечно проколотого стерженька (рис. 168: 5). Лимоновидные пронизки представлены серебростеклянным (рис. 168: 2) и золотостеклянным (рис. 168: 9) экземплярами, датировка которых охватывает практически все I тыс. н. э. Особенностью бусинного комплекса Бронницы является отсутствие простых одноцветных лимоновидных пронизок, являющихся обычно массовым материалом на памятниках X в. Возможно, это следует считать хронологическим признаком. Самой массовой находкой в Броннице является рубленный бисер. Преобладает желтый бисер (21 экз.). Представлен синий (7 экз.) и зеленый (3 экз.) бисер. Дважды встречены мелкие бирюзовые кольцевидные бисерины (рис. 212: 7, 19). Одна из них найдена в 4 пласте заполнения комплекса VII, что указывает на датировку этих бисерин второй половиной I тыс. н. э.

Керамический комплекс Бронницкого городища VIII — начала X в. Культурный слой городища не богат обломками керамики. Удалось составить представление о форме 43 лепных гладкостенных сосудов (рис. 263–268). При малочисленности находок и широкой хронологии памятника попытка детальной статистико-типологической обработки этого материала малоперспективна. Обобщенно рассматривая коллекцию, можно выделить три блока керамических

Табл. 49. Нумизматические находки из раскопок Бронницкого городища (определение Вяч. С. Кулешова)

№	Династия	Правитель	Годы правления	Время чеканки	номинал	Сохранность
1	Идрисиды	Идрис ибн Идрис	793–828 гг.	793/794 г.	дирхем	1/5 экз.
2	Аббасиды	ал-Махди или ал-Хади	(775–785 гг.) (785–786 гг.)	—	дирхем	1/6 экз.
3	Испахбады Табаристана	Саид ибн Даладж	—	—	драхма	1/2 экз.

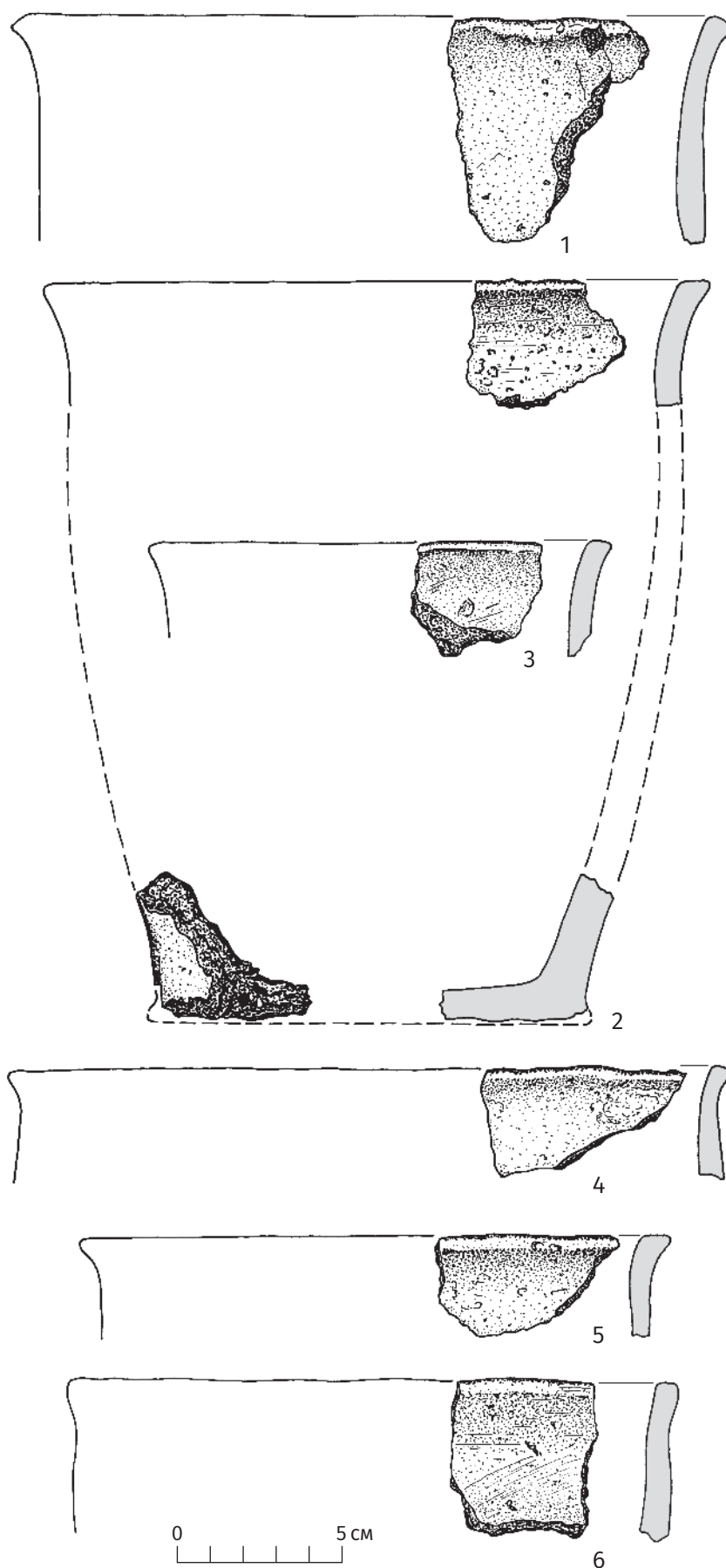

Рис. 263. Бронницкое городище. Слабопрофилированная керамика

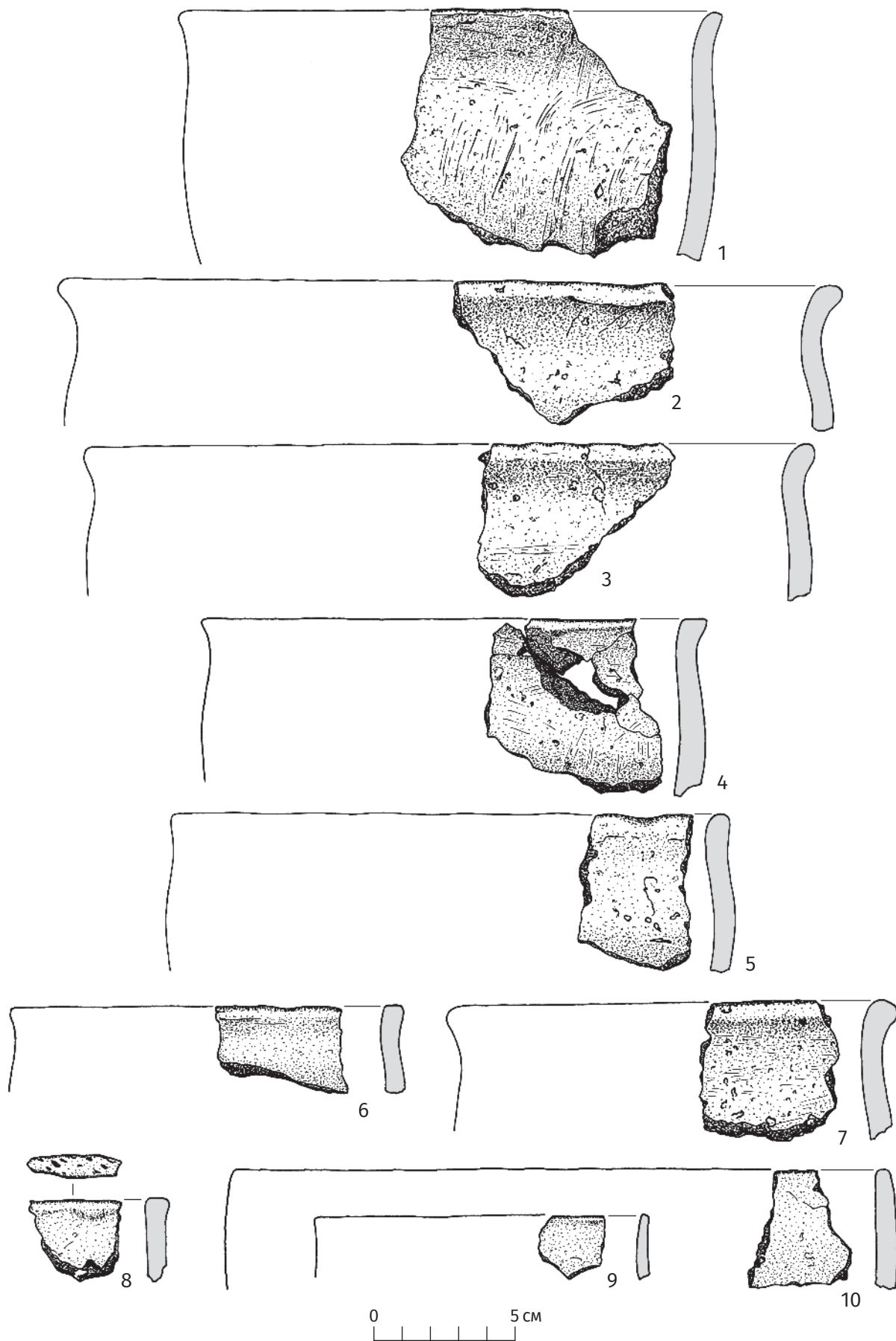

Рис. 264. Бронницкое городище. Слабопрофилированная керамика

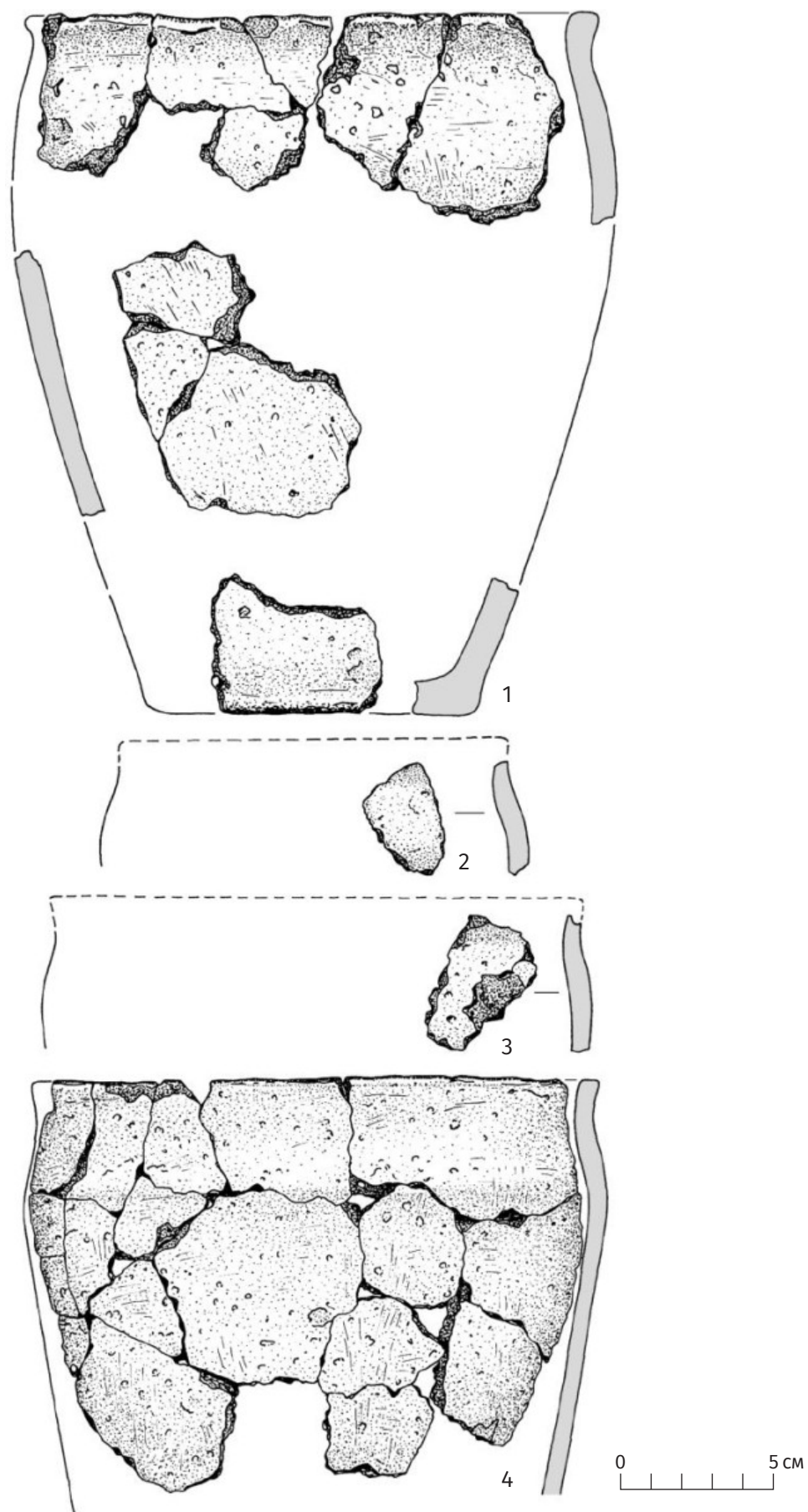

Рис. 265. Бронницкое городище. Лепная керамика

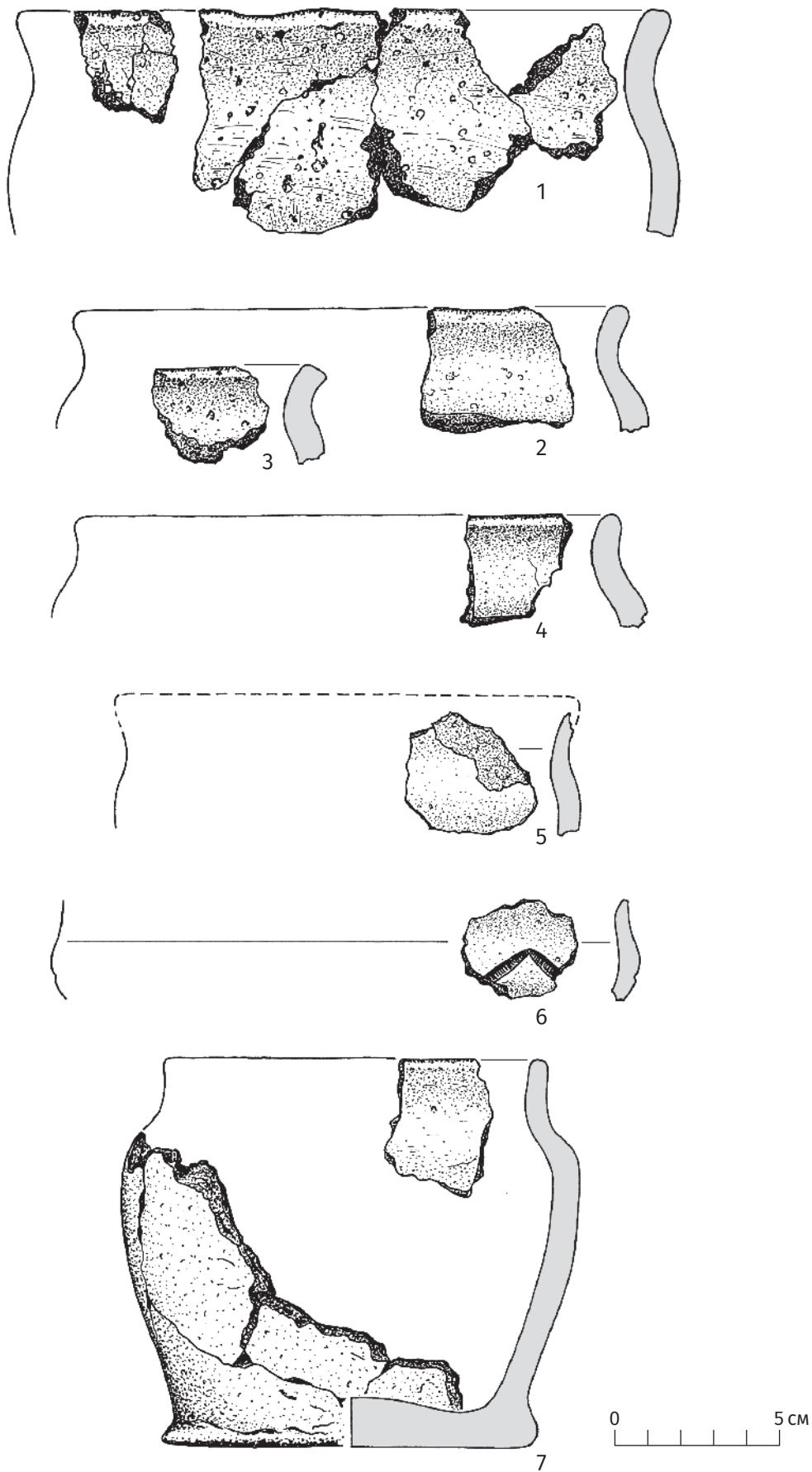

Рис. 266. Бронницкое городище. Лепная керамика

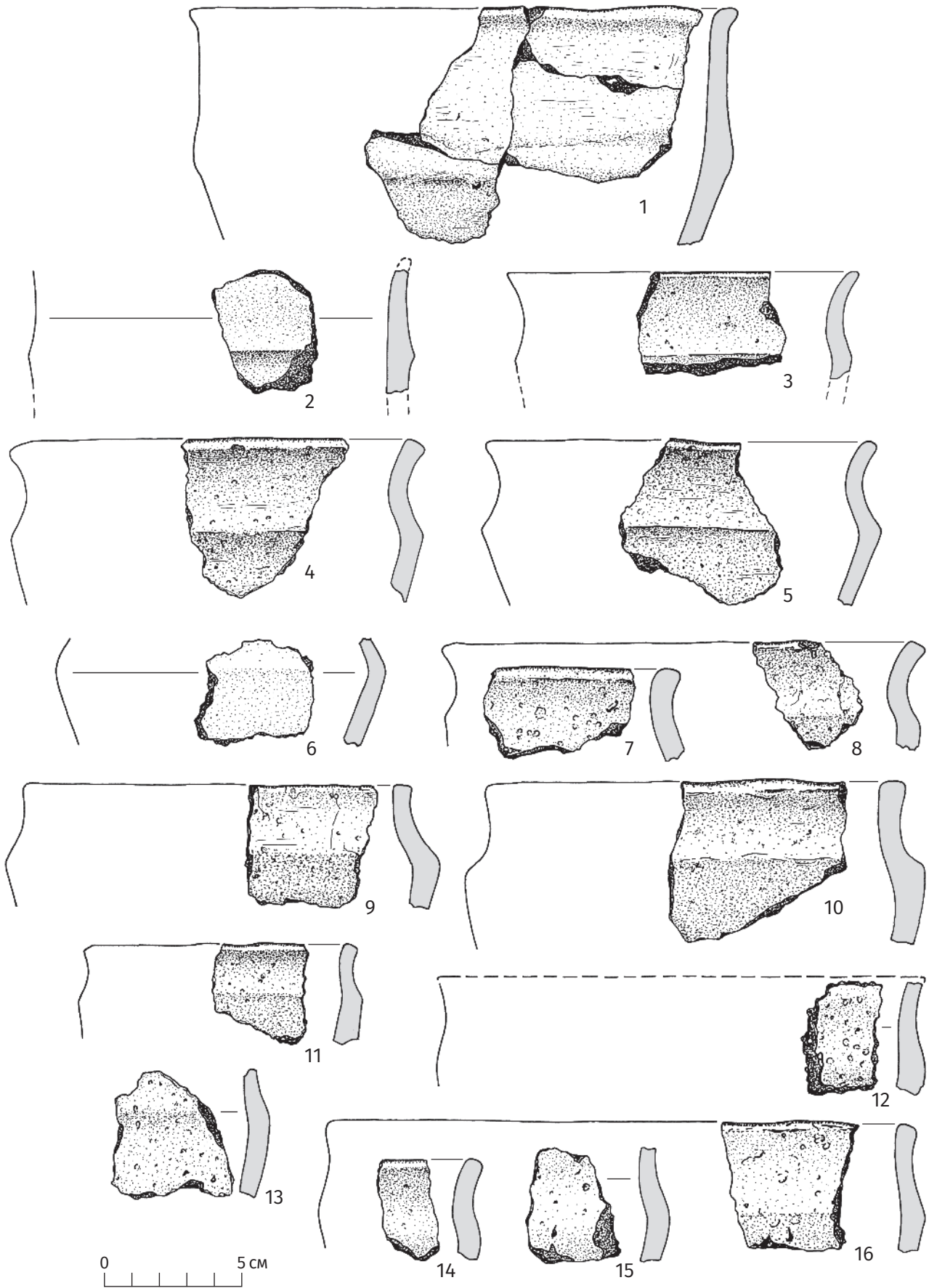

Рис. 267. Бронницкое городище. Лепная керамика

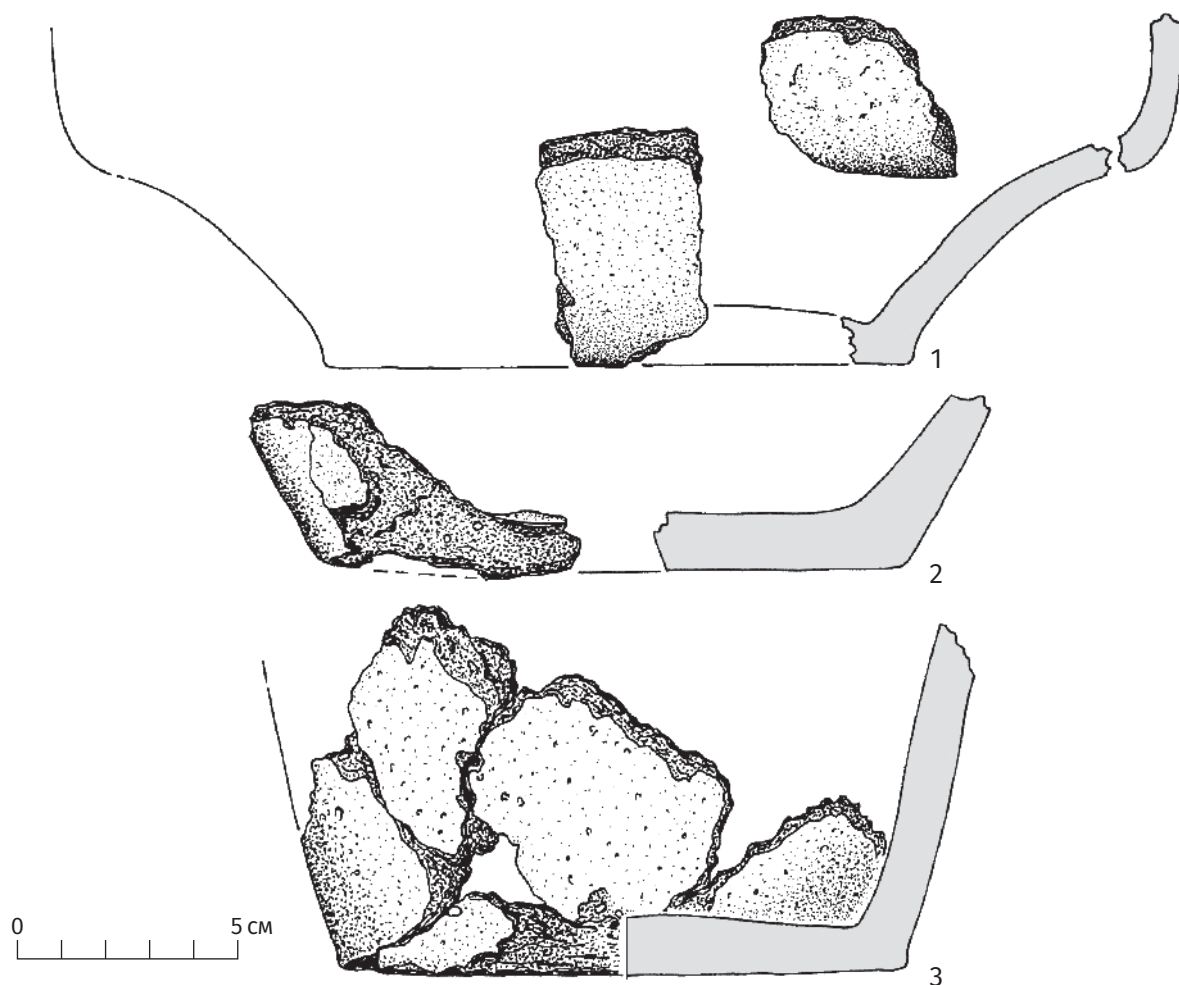

Рис. 268. Бронницкое городище. Лепная керамика

форм, которые соотносятся в ранней своей части с типологией Н. В. Лопатина (Лопатин, Фурасев 2007: рис. 11–13), а в поздней — с типологией, разработанной мною на материалах поселений Подвинья и Двинско-Ловатского междуречья (рис. 252).

Безусловно, часть фрагментов соотносится с ранней группой радиоуглеродных датировок и датируется третьей четвертью I тыс. н. э. Это представительная группа фрагментов слабопрофилированной и цилиндрической керамики, составляющей первый блок (рис. 263; 264). Второй блок образуют фрагменты сосудов сглаженной S-видной профилировки, близкой группе 1 по моей типологии (рис. 266). Третий блок составляет реберчатая керамика «ладожского типа» (группы 4 по моей типологии) (рис. 267). Сосуды этой группы достаточно разнообразны и, кажется, тоже частично относятся к третьей четверти I тыс. н. э. В первую очередь эту датировку я бы отнес к цилиндрическому сосуду с острым ребром и слабо отогнутым венчиком (рис. 267: 2).

Один сосуд с вогнутым венчиком относится к группе 5 (рис. 265: 1). Подобная керамика находит аналогии на городище Георгий, поселении Курская Гора (Клубова А-1992: рис. 8: 6), в КПДК в Юго-Вос-

точном Приильменье (рис. 250), на городище Княжая Гора (Орлов А-1980: табл. VI: 1) и южнее — в верховьях Ловати. Подобный сосуд входил в набор горшков из постройки 1 на селище Жабино (Станкевич 1960: рис. 72: 1); еще один аналогичный горшок найден в курганном могильнике Михайловское (Станкевич 1960: рис. 84: 3). Немногочисленные аналогии известны на памятниках удомельского типа в Помостье (Исланова 1997: 24, 25, рис. 36: 3), селище Хачево в Двинско-Ловатском междуречье (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 248: 1), в старолadoжских сопках (Петренко 1994: рис. 29: 1). В литературе принято сопоставлять сосуды подобных форм с керамикой типа Корчак (Исланова 1997: 25). В общем, южный вектор при поиске исходных регионов распространения такой керамики на Ильмене достаточно очевиден, хотя и нет оснований выводить его непосредственно из пражско-корчакского ареала южнее Припяти.

В целом, мы видим на Бронницком городище характерное для Приильменья сочетание южных керамических элементов (сосуды групп 1 и 5) с керамикой группы 4 («ладожского типа»). При этом подосновой выступает керамический комплекс близкий КДК и КТБ.

4.4.4. Холопий Городок

Городище и селище при нем (на селище вскрыто 136 м²) исследовались С. Н. Орловым в 1973 г. (Орлов А-1973), Е. Н. Носовым в 1980–1981 гг. на площади 256 м² (Носов, Плохов 1997, 2002; Носов, Горюнова, Плохов 2005) и М. А. Юшковой в 2006 г. на площади 76 м² (Юшкова 2009, 2011) (рис. 269). На краю площадки городища был вскрыт углубленный в материковый песок канавообразный подпольный котлован «длинного дома» шириной от 4 до 6,5 м. Котлован состоял из отдельных смыкающихся краями секций. Вдоль краев котлована параллельно кромке площадки городища зафиксированы обгорелые плашки — следы стен постройки, имевшей, очевидно, срубную конструкцию, поскольку достаточного количества столбовых ям в раскопах выявлено не было.

В заполнении котлована расчищено несколько скоплений перегорелых очажных камней, одно из которых в раскопе Е. Н. Носова отмечает место расположения печи-каменки. Датировка постройки определяется следующими факторами:

- находкой в нижней части заполнения исключительно лепной керамики (Носов, Плохов 1997: 135);
- датировкой известного клада металлических предметов, найденного в слое глины на краю котлована. В состав клада входили удила дунайского происхождения, датировка которых определяется по аналогиям в рамках позднеаварского периода (VIII — начало IX в.) (Носов, Плохов 1997: 141).

Особый интерес представляет клад куфических монет, найденный на селище у подножия городища в 1979 г. Удалось определить 24 монеты, младшая из которых выбита в 810–812 гг. (Фомин 1993: 14). ¼ дирхема найдена также в раскопе на городище (Носов, Плохов 1997: 143). Еще три дирхема происходят из раскопок М. А. Юшковой (табл. 50)¹⁶⁵. Все они относятся к первому периоду обращения дирхема.

Таким образом, городище и селище следует датировать VIII–IX вв. Система укреплений, состоящая из кольцевой или полукольцевой оборонительной постройки с углубленной частью, ставит Холопий городок в один ряд с Бронницким городищем.

Лепная керамика городища относится преимущественно к группе 4, «ладожскому типу» (Носов, Плохов 1997: 137). Выделяется группа фрагментов со сглаженно-S-видным профилем (Носов, Плохов 1997: рис. 7: 8; 8: 6, 8; 11: 7), которую можно сопоставить с посудой КПДК, а также с группой ранней керамики с поселений Прость, Городок на Маяте и Бронница.

4.4.5. Городище Георгий

Городище исследовалось С. Н. Орловым в 1958 и 1979 гг. (вскрыто около 200 м²), Е. Н. Носовым и А. В. Плоховым в 1989–1993 гг. (вскрыто около 450 м²). Сохранившаяся от размыва часть площадки городища исследована почти полностью (Романцев 1911; Орлов, Аксенов 1961; Носов 1991, 1997; 2002; 2012; Носов, Плохов 1992, 1993, 1994, 2002; Носов и др. 1994; Носов, Горюнова, Плохов 2005; Попов, Зайцева 1994). Раскопана также значительная часть культурного слоя под насыпью вала и в трех местах прорезан его останец. Высота площадки над поймой около 4,5 м. Подковообразный (?) вал, сильно поврежденный, сохранился на протяжении около 30 м (рис. 270). Современная ширина оплывшего сегмента вала около 12–15 м в основании. Высота неясна из-за сильных разрушений. В 1990–1993 гг. А. В. Плохову удалось проследить как минимум два этапа сооружения вала. С внешней его стороны и под ним находится естественный склон холма и ров (полностью заплывший), что в сумме дает глубину около 3 м от подножия вала.

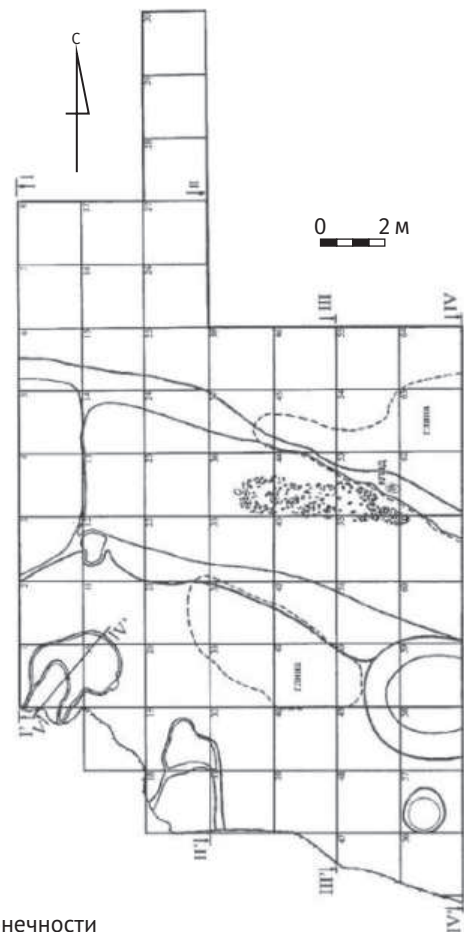
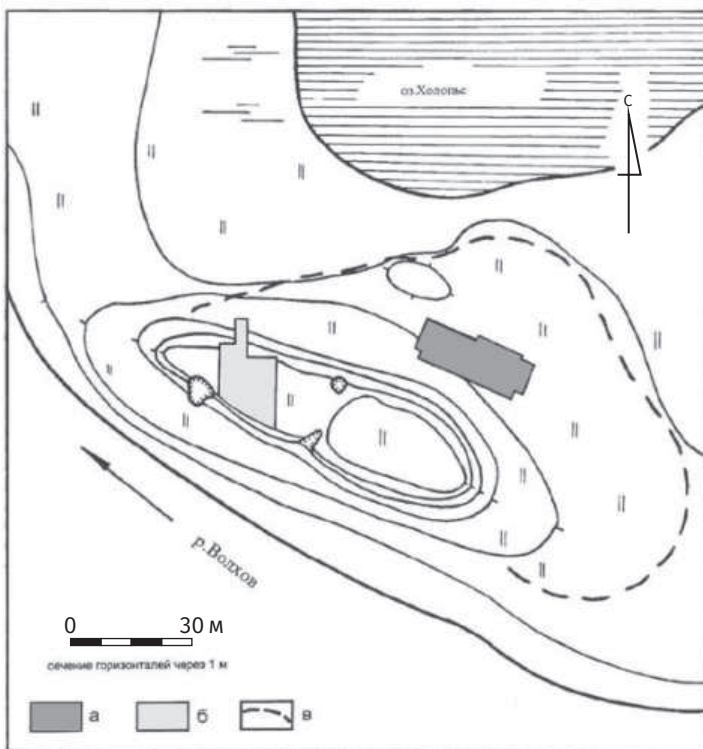
Раскопки 1990-х гг. показали, что первоначально на всхолмлении находилось пахотное поле, уничтожившее тонкий культурный слой РЖВ (Носов, Горюнова, Плохов 2005: рис. 20). Повсюду в материке прослеживаются пересекающиеся под прямым углом борозды, оставленные однозубым ралом. Показательно, что по периметру площадки городища под валом нигде нет напаша, характерной для присклоновых участков полей (как, например, на краю холма на Рюриковом Городище на Благовещенском раскопе). Это означает, что при строительстве укреплений Георгия холм был существенно подрезан. Датировка пашни определяется временем не позднее IX в. Из находок

Табл. 50. Нумизматические находки из раскопок Холопьяго Городка (определение Вяч. С. Кулешова)

№	Династия	Правитель	Место чеканки	Время чеканки	Номинал	Сохранность
1	Умайады	—	—	709–718 гг.	дирхем	3/16 экз.
2	Губернаторы Тудги	Халаф ибн ал—Муда	Тудга	792/793 г.	дирхем	1/4 экз.
3	подражание Аббасидам	Ал—Амин	Арминийа	810/811 г.	подражание дирхему	2/3 экз.

¹⁶⁵ Юшкова А-2006: л. 10, 11.

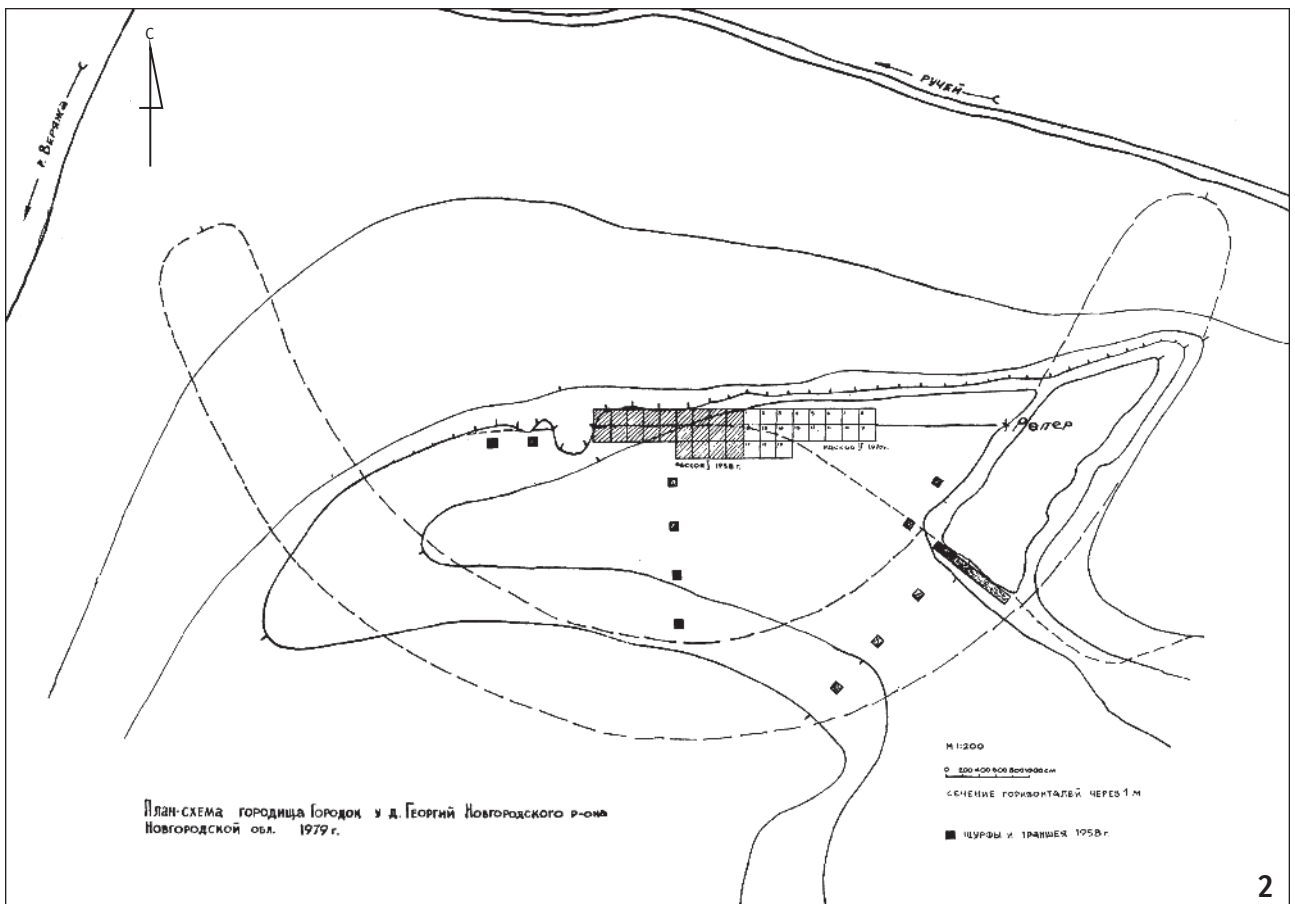

Рис. 269. Холопий Городок 2006 г. Раскоп М. А. Юшковой на западной оконечности городищенского холма. Расчищен котлован «длинного дома» — постройки, шедшей по краю холма. Вала городище не имеет. Вид с юго-запада. Фото И. И. Еремеева. Внизу слева: план городища по Е. Н. Носову. Внизу справа — план сегмента того же длинного дома в раскопе Е. Н. Носова

1

2

Рис. 270. Городище Георгий. Вид с Севера. 1 – фото С. Н. Орлова, 1958 г.
 2 – план городища с раскопами С. Н. Орлова 1958 и 1979 гг. (Орлов А-1979)

из-под вала следует отметить половинку бронзового пинцета с расширяющимися концами (Носов, Плохов 1993: 18), датировка которого на Северо-Западе охватывает V–X вв.¹⁶⁶

На пашне возникло поселение, от которого сохранился под валом культурный слой мощностью до 0,26 м. В нем найдены фрагменты лепной керамики и множество фрагментов обожженной глины от глинобитных печей (Орлов А-1958: 9, 10). Целые глинобитные печи расчищены как в раскопе С. Н. Орлова, так и в раскопе А. В. Плохова (Носов, Плохов А-1991: л. 2). В этот период появляется цепочка из разных по размеру и глубине корытообразных углублений с разделяющими их материковыми перемычками, отделявших площадку в центре возвышенности от ее краев (Носов, Плохов 1993: 44) (рис. 271). С внешней стороны этой «цепочки» также имеется культурный слой, но его насыщенность находками, в первую очередь фрагментами керамики, невелика. С цепочкой углублений связаны развалы печей-каменок, а по краям их местами прослежены карбонизированные бревна, лежавшие вдоль цепочки. Заполнение некоторых происходило постепенно, что отразилось в сложной стратиграфии отложений (Носов, Плохов 1993: 44). Некоторые ямы, наоборот, быстро заполнились песком. Важно, что в заполнении этих углублений найдена исключительно лепная керамика (Носов, Плохов 2002: 168).

Проблема заключается в хронологическом соотношении цепочки корытообразных углублений и вала. Е. Н. Носов и А. В. Плохов полагали, что грунт для последнего брался на площадке, в результате чего и образовалась выемка (Носов, Плохов 2002: 168; Носов, Горюнова, Плохов 2005: 138). Такая версия кажется сомнительной по двум причинам. Во-первых, канавка с внутренней стороны вала затрудняет доступ защитников к боевому ходу, подачу на вал метательных снарядов и прочего снаряжения, необходимого для отражения штурма. Во-вторых, самое главное: ширина пространства между цепочкой корытообразных материковых углублений и внешним рвом городка в юго-западной части площадки слишком узка (местами около 4 м) для размещения там вала с необходимой для его устойчивости бермой (рис. 271)¹⁶⁷. Получается, что вал и длинная постройка не могли существовать одновременно.

Мне представляется, что цепочку углублений можно расценивать как ряд подпольных котлованов, оставшихся от укрепления архаического типа — длин-

ного дома (или цепочки домов), выстроенного по периметру поселения. При этом вовсе не обязательно считать все котлованы этой цепочки синхронными — они могли сооружаться уже в ходе функционирования длинной постройки (или построек). Подобные подполья длинных домов исследованы и на других городищах Приильменья — на Холопьем Городке (Носов, Горюнова, Плохов 2005: табл. 172) и в Броннице (рис. 156–161). Более того, подобные сооружения известны на других городищах второй половины I тыс. н. э., давно ставших классикой славянской археологии: в Хотомеле и Хачках. Земляные укрепления Георгия, похоже, возникли позже длинного дома.

Возведению укреплений предшествовала в юго-восточной части поселения срубная наземная постройка, прослеженная на площади около 5,4×5,0 м (Носов, Плохов 2002: 167). Сооружение располагается под валом южнее канавообразного подполья «длинного дома». Стены постройки сохранились на высоту 2–3 венцов (0,34 м). Углы ее рублены «в лапу» и ориентированы по сторонам света. Внутри расчищены обгорелые бревна рухнувших стен и линза прокаленного песка, говорящие о том, что дом погиб в пожаре. К западу от постройки на том же уровне, что и она, обнаружено углистое пятно, отделявшее здесь культурный слой от насыпи вала. В постройке найдены единичные фрагменты лепной керамики и девять ромбических наконечников стрел. Причиной хорошей сохранности остатков сруба является то, что вскоре после пожара он оказался перекрыт валом. Подквадратная постройка, вероятно, древнее «длинного дома», поскольку трудно допустить, чтобы вблизи оборонительного сооружения с внешней его стороны было построено довольно массивное хозяйственное сооружение. Не мог ли быть фрагмент срубного сооружения частью самого «длинного дома»? Уверенный ответ на этот вопрос уже невозможен, но скорее всего он отрицателен, поскольку внутри сруба почти не было культурного слоя, а котлован «длинного дома» имеет сложную стратиграфию.

Вал первоначально имел небольшую ширину и с внешней стороны был окружен рвом или эскарпом, расширившим естественную ложбину. Впоследствии вал подсыпался (Носов, Плохов 1993: 18–19).

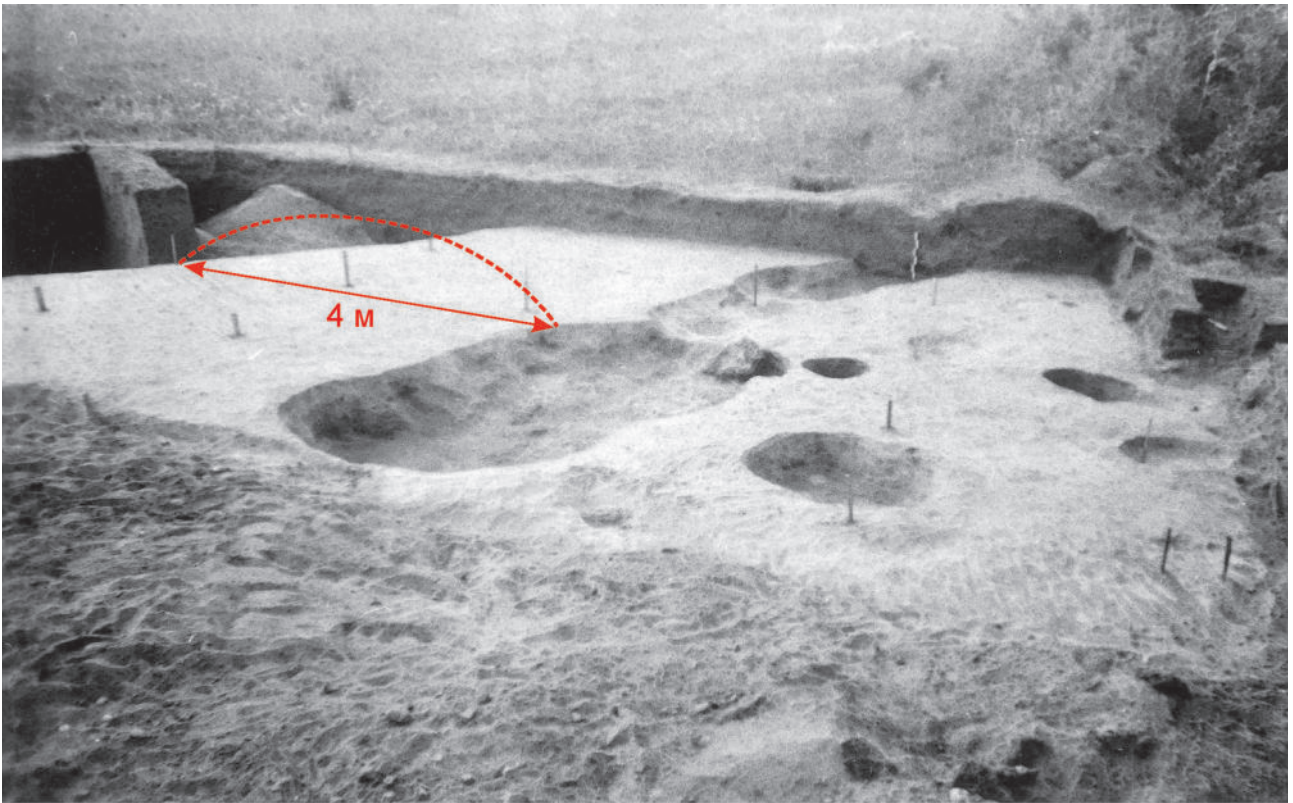
Таким образом, можно выделить следующие этапы существования раннесредневекового городка в мысовой части берегового всхолмления:

Георгий 1. Пахотное поле с располагавшимся неподалеку неукрепленным поселением (не позднее IX в.). Судя по находкам на поселении фибулы серии I по А. К. Амброзу, пинцета с расширенными концами, ножей с прямой спинкой (Орлов А-1958: рис. 9; Орлов А-1958а: 89), пахотное поле может относиться и ко второй — третьей четверти I тыс. н. э. После того, как поле было заброшено, на нем возникает

¹⁶⁶ Из полевого отчета следует, что пинцет найден в вале (Носов, Плохов А-1991: л. 3).

¹⁶⁷ Е. Н. Носов и А. В. Плохов полагают, что изначальная ширина вала составляла всего около 5 м (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 138).

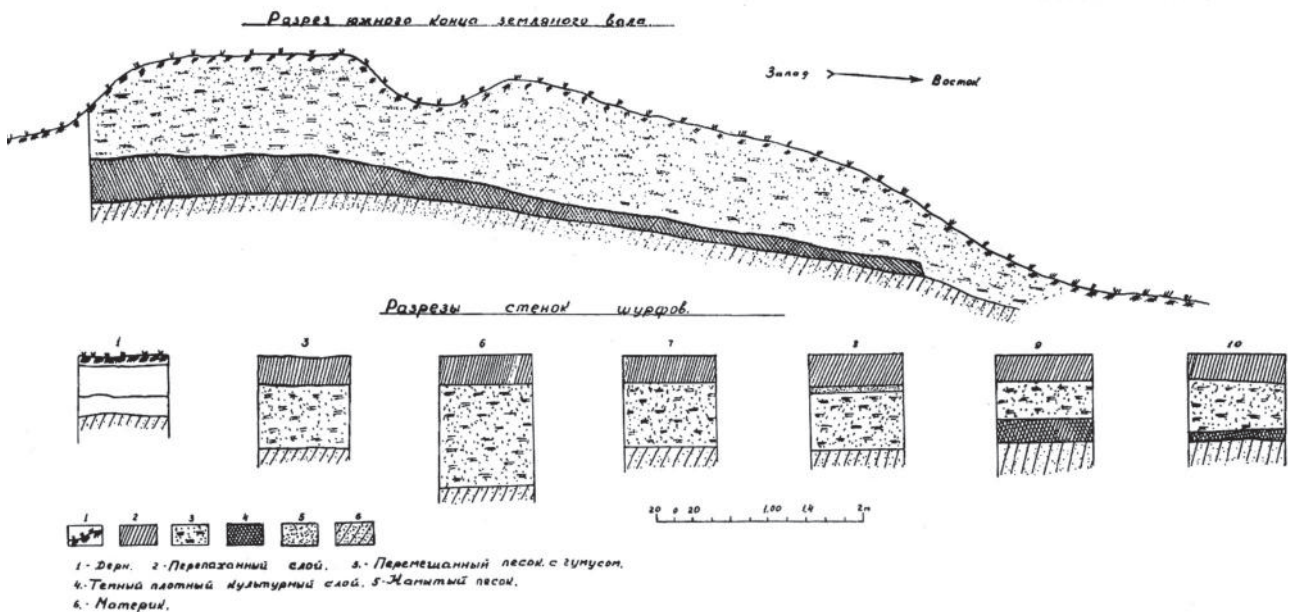
Рис. 271. Городище Георгий 1993 г. Раскопки А. В. Плохова. Котлован длинного дома и край площадки городка в юго-западной его части. Вид с северо-востока. Фото И. И. Еремеева.

Видно, что пространство между котлованом и краем площадки слишком узко (не шире 4 м) для размещения на нем сколько-нибудь мощного вала.

Таким образом, первоначальное укрепление, вероятно, состояло из эскарпа, длинной постройки и какого-то деревянного укрепления между ними, стоявшего на невысокой песчаной подсыпке. Вал был насыпан позднее поверх этого раннего укрепления.

Внизу — разрез вала в юго-восточной части городища (раскопки С. Н. Орлова, 1958 г.).

Культурный слой под насыпью вала (Орлов А-1958: рис. 14). Видно, что вал здесь в значительной своей части насыпан на склоне за пределами удобной для жизни площадки поселения

поселение, представленное вышеописанным сгоревшим срубом со стрелами. Вероятно, уже на этом этапе существовали глинобитные печи, поскольку, во-первых, прослежено, что их перекрывает пожар (Орлов А-1958: рис. 7), во-вторых, кусочки обожженной глины (печины?) найдены в слое под валом.

Георгий 2. Архаическое укрепление, основным оборонительным элементом которого являлся длинный дом (или цепочка таких домов) с канавообразными подпольными котлованами. Это укрепление с внешней стороны дополнялось эскарпом и, вероятно, какой-то стеной, расположенной на невысокой подсыпке между эскарпом и «длинным домом»¹⁶⁸. Укрепление существовало в интервале VIII–IX вв.

Георгий 3. Городок с подковообразным земляным валом высотой около 2 м и рвом (эскарпом), существующий в рамках IX в. (Носов, Плохов 1993: 19). Эти укрепления перекрыли ранний городок; они несколько раз подновлялись, и пришли в запустение в X в. (Носов, Плохов 1993: 19). С этим периодом жизни поселения можно, видимо, связать основной корпус находок эпохи викингов с площадки городища: фрагмент ладьевидного браслета, железные ножницы с бронзовой инкрустацией, бочонковидную весовую гиричку, фрагмент шумящей плети, стеклянные бусы и основную массу бисера. Датировка этого этапа определяется несколькими факторами: комплекс монетных находок из материковой ямы на площадке (см. табл. 51: № 1–3); преимущественно лепная керамика из напластований (Орлов А-1958: 17); находки в насыпи вала (Носов, Плохов 2002: 168) и в заполнении рва (Носов, Плохов А-1993: л. 13) исключительно лепной керамики. Имеется серия радиоуглеродных датировок, указывающих на X в. (Попов, Зайцева 1994: 173).

4.4.6. Сергов Городок

Укрепление имеет подковообразный вал и ров. Раскопки не производились, известно о находке фрагментов лепной керамики. Городище однотипно с Георгием (на этапе 3) и Рюриковым Городищем (на этапе 5, см. ниже) и относится, видимо, к D-образным крепостям эпохи викингов. Планировка укреплений позволяет синхронизировать его с двумя этими городищами.

4.4.7. Городок на Шелони

Как уже отмечалось, древнейшие напластования на площадке городища относятся к третьей четверти I тыс. н. э. Система фортификации этого времени неясна. Понятно лишь, что в последней четверти I тыс. н. э. поверх слоя пожара, насыщенного находками, строятся новые укрепления. В napольной части городища возводится вал со срубными городнями. В Приильменье в более раннее время (VIII–IX вв.) бытует, как мы видим другой, архаический, тип укреплений — кольцевые или полукольцевые оборонительные постройки («длинные дома») в сочетании с эскарпами. Срубные внутривальные конструкции впервые появляются в середине IX в. на Рюриковом Городище, что само по себе уже ставит эти два укрепления в один ряд. Однако в Городке на Шелони строители применили прием, ранее не известный в Приильменье.

В мысовой части по краю площадки была сделана подсыпка шириной не менее 4 м, а поверх поставлен каменный фундамент из плитняка, на который опиралась рубленая оборонительная постройка (рис. 238; 438; 439). Время постройки новых укреплений было определено автором раскопок XIII в. (Орлов А-1969: л. 38). Датировка пересмотрена А. В. Плоховым и С. Е. Тороповым, которые удревелили их до эпохи

Табл. 51. Нумизматические находки из раскопок городища Георгий (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 137). Определение И. Г. Добровольского

№	Династия	Время чеканки	Номинал	Сохранность
1	—	вт. пол. VII в.	драхма	1/3 экз.
2	Умайады	713/714 гг.	дирхем	1/4 экз.
3	Аббасиды	вт. пол. VIII – нач. IX в.	дирхем	1/4 экз.
4	—	—	дирхем	1/8 экз.

¹⁶⁸ Проследить стену не было возможности, т. к. уцелевшие части вала прорезались исследователями сразу до подошвы, а не по пластам. Там же, где вал копался пластами с горизонтальными зачистками (раскопы 1991–1993 гг.), на момент начала раскопок сохранялось лишь его незначительное по высоте основание.

викингов (Плохов, Торопов 2013: 277). Действительно, в раскопе I подсыпку с плитняковой стенкой перекрывает слой пожара, в котором найдены три ланцевидных наконечника стрел и фрагменты гончарной керамики (Орлов А-1969: л. 30). Находки указывают на то, что городище с плитняковой конструкцией было сожжено в X — начале XI в., т. е. каменные укрепления построены не позднее X в.

4.4.8. Проблемы стратиграфического членения раннего культурного слоя Рюрикова Городища и вытекающие из этого вопросы

За полвека изучения Рюрикова Городища в его истории было выявлено несколько культурно-хронологических периодов. Во II—I тыс. до н. э. на холме в истоке Волхова существовало довольно крупное поселение. Лепную орнаментированную керамику ЭРМ — РЖВ в переотложенном состоянии находят в раскопах в значительном количестве, что говорит о сравнительно высокой интенсивности жизни на холме. Около середины IX в. здесь была построена мощная деревоземляная крепость, пришедшая в запустение и сильно разрушившаяся уже к рубежу IX–X вв. Обнаружение и исследование этой крепости в 1989–2010 гг. стало одним из самых выдающихся открытий, сделанных Е. Н. Носовым.

Расцвет Городища приходится на X в. Укрепления этого времени пока не были обнаружены раскопками. Не исключено, что тогда в каком-то виде еще функционировала крепость IX в. Возможно, в X в. обитатели Городища не нуждались в фортификациях. Как бы там ни было, в X–XI вв. городищенские укрепления продолжали разрушаться и к началу XII в. полностью потеряли свои внешние очертания в рельефе. В планировке возникшей на их месте княжеской резиденции XII–XIII вв. ничто уже не напоминало о грозной крепости эпохи Рюрика и Олега Вещего. Ров ее был засыпан, вал частично сnivelирован, а поверх него в начале XII в. поставлены каменный храм, жилые и хозяйственные постройки. Такова общая культурно-хронологическая канва, построенная многолетними трудами Е. Н. Носова и его единомышленников (Носов 1990; Носов, Горюнова, Плохов 2005; Носов, Хвощинская, Медведева 2012; Носов, Плохов, Хвощинская 2017; Еремеев, Носов 2018; Носов, Хвощинская 2019).

Нетрудно заметить, что в истории Городища зияет огромный провал, приходящийся на РЖВ и Раннее Средневековье вплоть до IX в. Могло ли за эти столетия такое удобное для жизни место, как возвышенность в истоке Волхова, не привлекать население? Можно ли отыскать его материальные следы под более поздними культурными напластованиями и перепланировками холма? В 2013–2016 гг. удалось добыть новый материал, позволяющий несколько сузить этот разрыв сверху, удревнив историю Городища примерно на столетие или два. Ниже публикуются данные, обосновывающие этот вывод.

Благовещенский раскоп, работы на котором велись нами в 2013–2016 гг., был заложен в северной части Городища, к северо-западу от храма Благовеще-

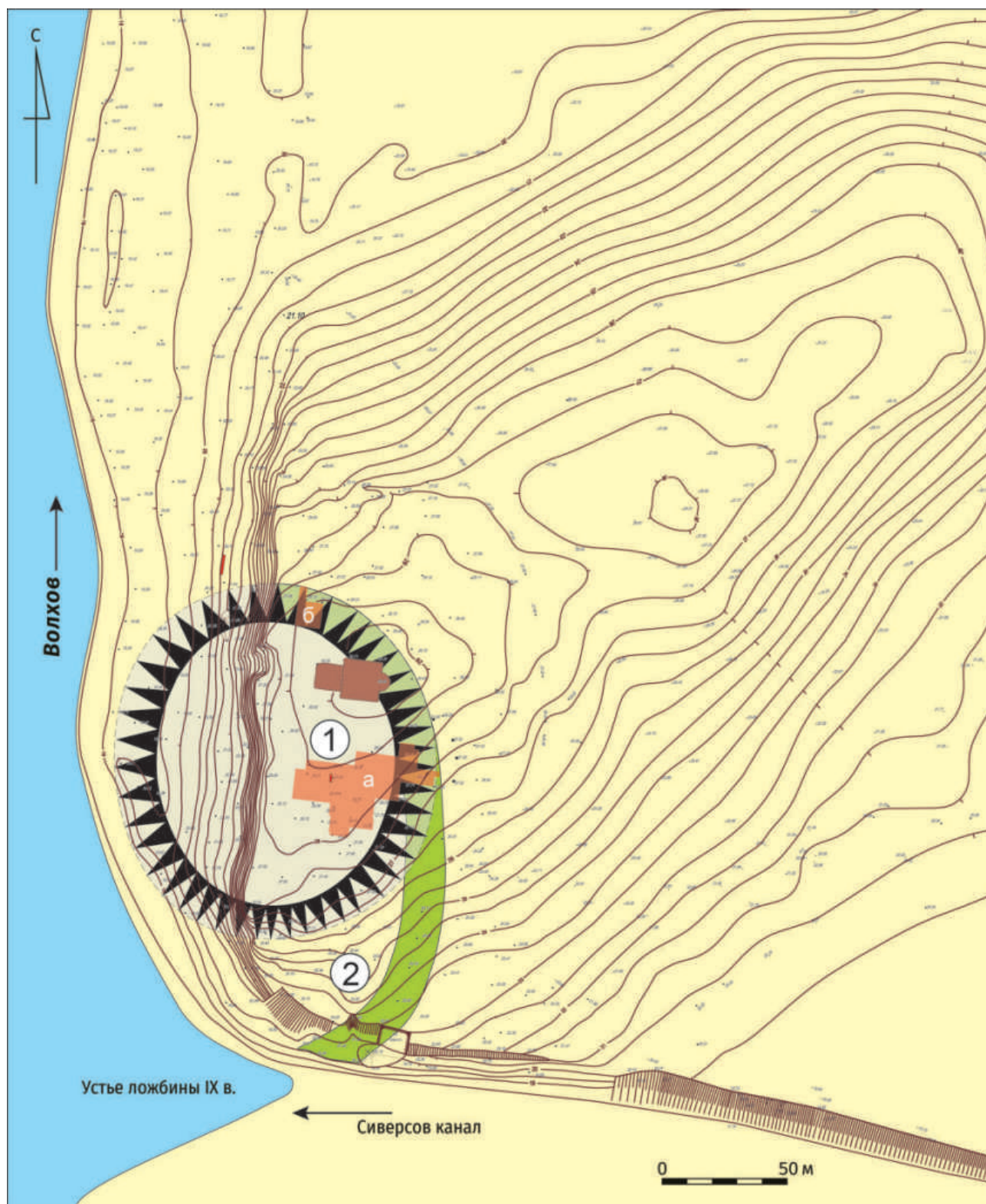
ния (рис. 272)¹⁶⁹. Использованная раскопная методика опиралась на два принципа. Первый — послойная разборка отложений пластами по 10 см с фиксацией каждого пласта; второй — полная промывка всего слоя, включая грунт из фортификационных сооружений (отчасти заполненных ранним культурным слоем). Таким образом, можно быть уверенным, что ни одна находка из изученных за четыре года 35 пластов не ускользнула от внимания. Площадь раскопа составила 118 м² (рис. 273). До материка по техническим причинам была доведена меньшая площадь — 54 м² (рис. 317)¹⁷⁰.

Сразу же выяснилось, что под напластованиями XII–XIX вв., в частности под развалом северной стены храма XII в., находится насыпь массивного вала, укрепленного срубными прямоугольными внутривальными секциями, сложенными «покоем» из колотых плах. Всего в теле вала удалось насчитать четыре ряда этих секций (рис. 274–300). Внутривальные трехстенные срубы были засыпаны песком. Внутренний ряд срубов был забутован дернинами, что предотвращало оползание вала на площадку городища (рис. 302–305; 308). Над культурным слоем IX–X вв. на площадке сохранившаяся часть вала возвышается примерно на 1,5 м (рис. 305). Высота его с напольной стороны достигает 5 м. Следует учитывать, что вершина вала была сnivelирована во время строительства храма Благовещения в начале XII в. Она долгое время не застраивалась, сохраняясь в виде ровной площадки, покрытой слабогумусированным культурным слоем (рис. 305). «Проектная» высота деревоземляного сооружения была, видимо, выше на 1–2 м как минимум. Ширина изученной части вала составила 15 м. Общая ширина его составляет здесь около 20 м. Проследить основание вала с напольной его стороны не удалось, поскольку оно уходит под современную деревенскую усадьбу. Осталось неясным также, как была выполнена облицовка вала снаружи. Дело в том, что эта его сторона оказалась разрушена осыпями уже в X–XI вв. (так датируется найденная в осыпях гончарная керамика (рис. 337; 338).

¹⁶⁹ Полевые исследования ИИМК РАН были впервые начаты здесь М. К. Каргером в 1934 г. и продолжены им же в 1960-е гг. В 1990-е гг. Е. Н. Носов провел шурфовку этой территории. В 2013 г. раскопки в северной части городища были возобновлены и продолжались ежегодно до 2016 г.

¹⁷⁰ Сужение площади объяснялось двумя причинами — техникой безопасности и необходимостью консервации участка, занятого рухнувшей лестничной башней храма XII в. Развал башни решено было оставить для специализированных археолого-архитектурных исследований.

Рис. 272. Реконструкция фортификационной планиграфии Рюрикова Городища в VIII–IX вв. культурно-хронологические этапы: 1 – Рюриково Городище 2 (холмовое городище); 2 – Рюриково Городище 5 (D-образное укрепление эпохи викингов). а – раскопы 1980-х гг.; б – Благовещенский раскоп 2013–2016 гг.

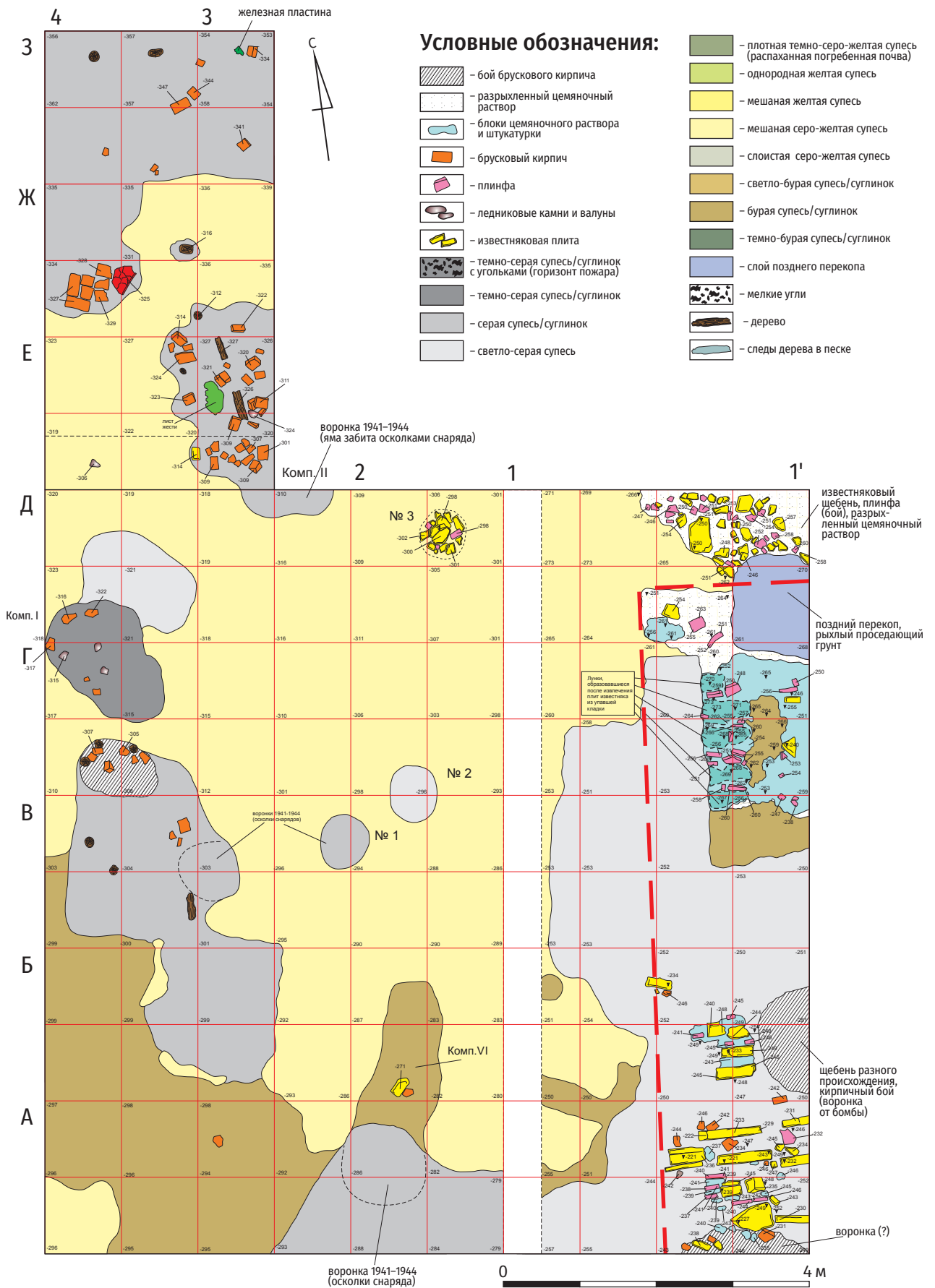

Рис. 273. Юриково Городище 2015–2016 гг. Благовещенский раскоп. Пласт 7 в западной части раскопа

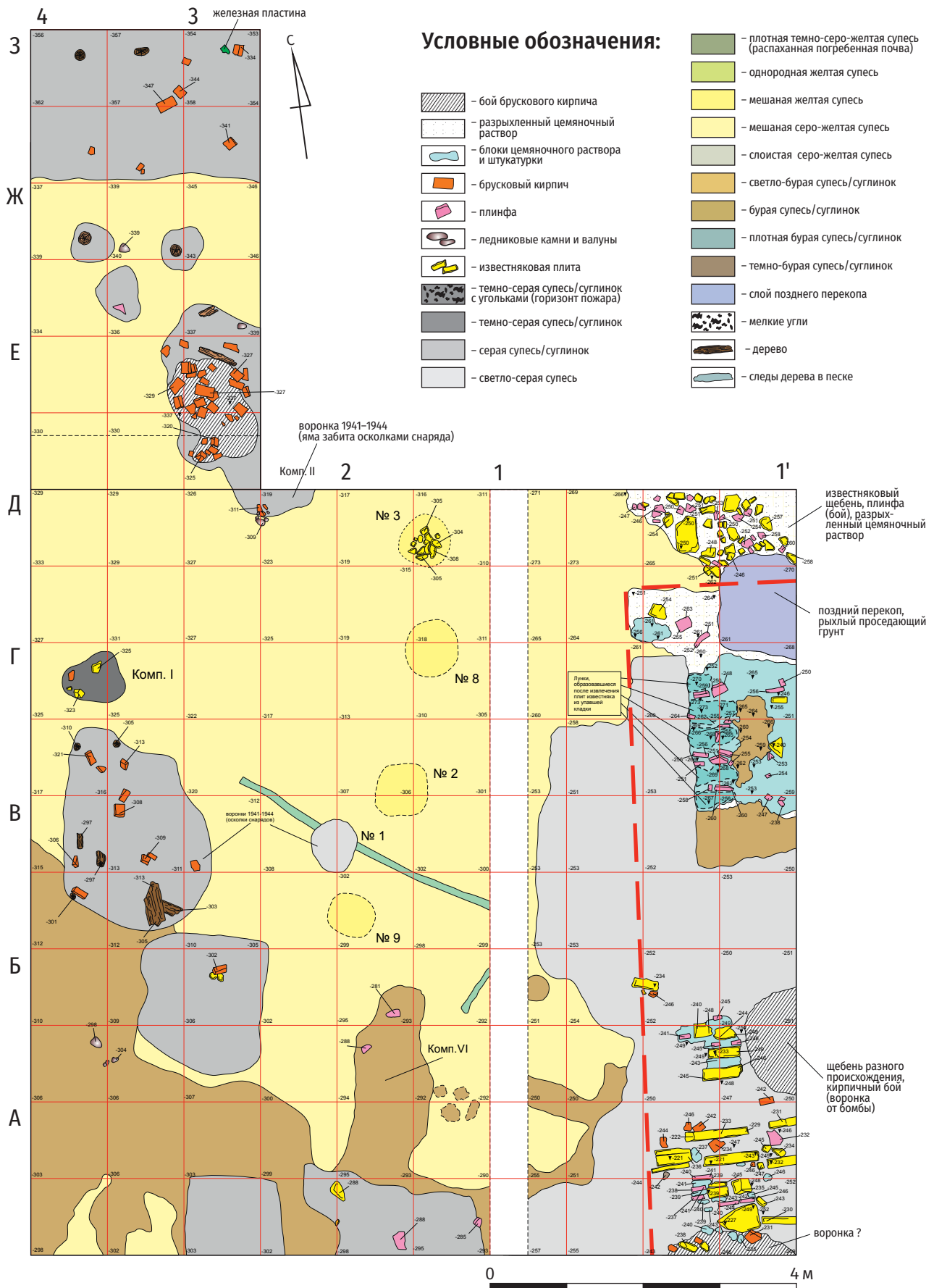

Рис. 274. Рюриково Городище 2015–2016 гг. Благовещенский раскоп. Пласт 8 в западной части раскопа

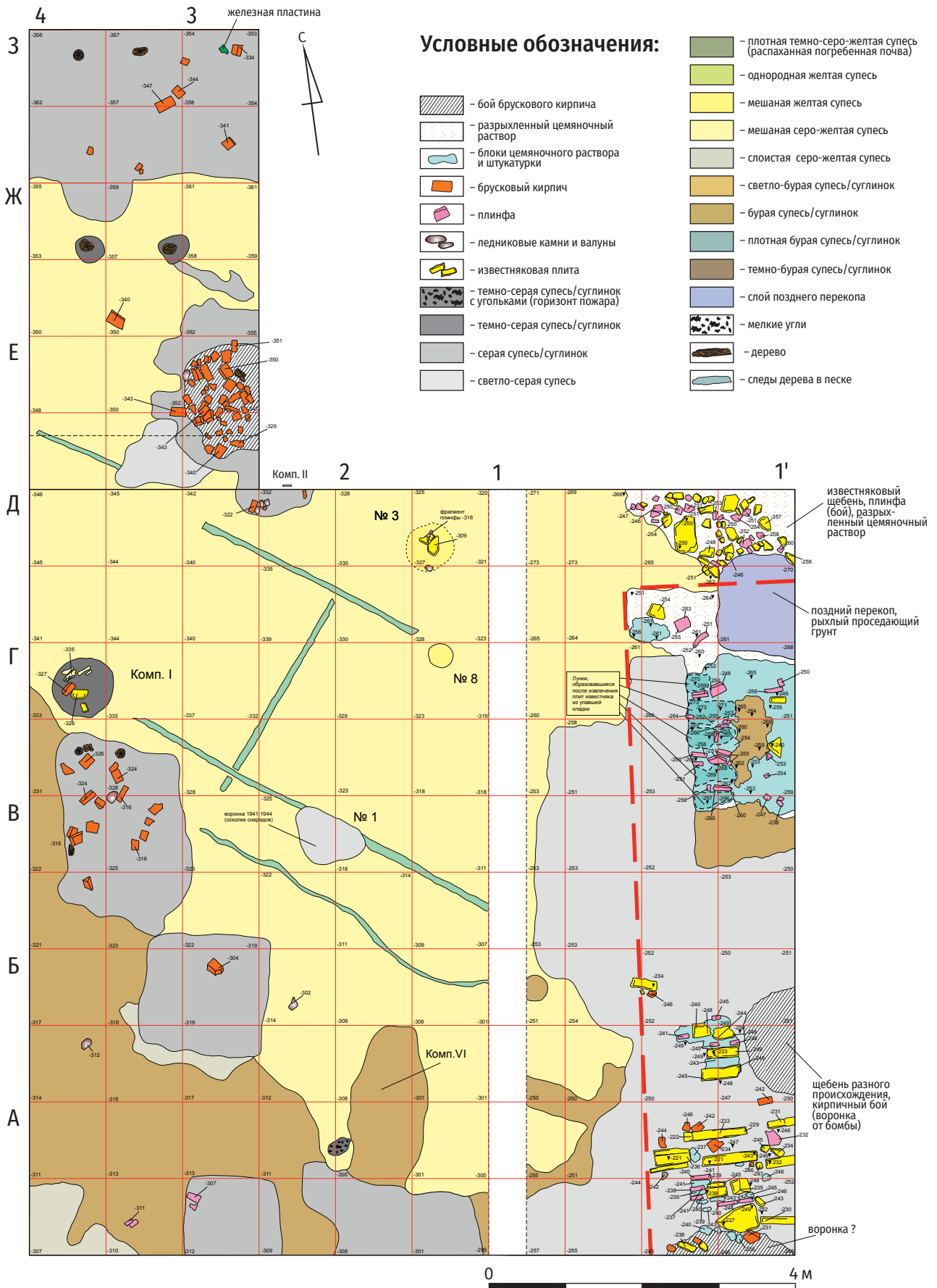

Рис. 275. Рюриково Городище 2015–2016 гг. Благовещенский раскоп. Пласт 9 в западной части раскопа

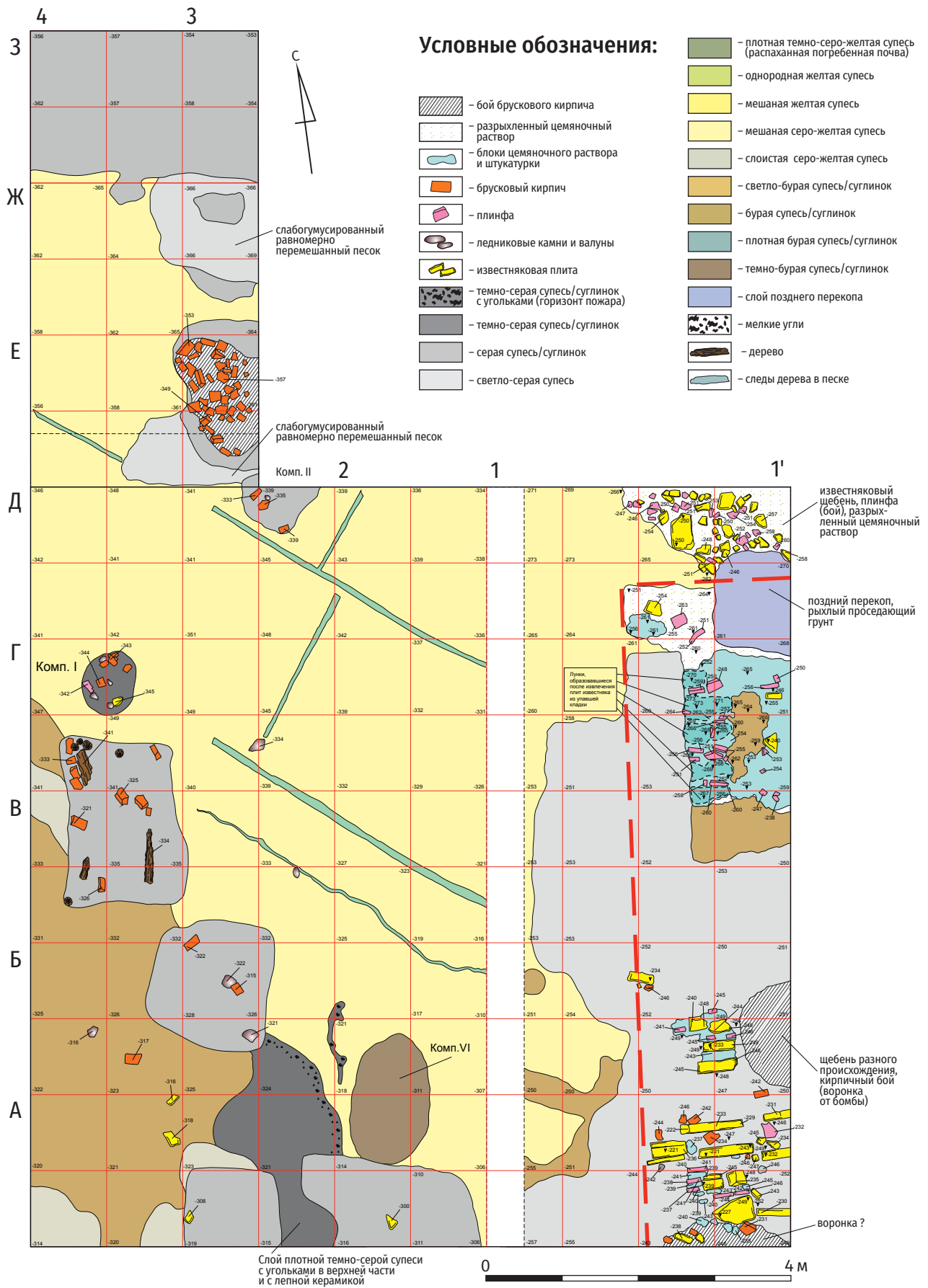

Рис. 276. Рюриково Городище 2015–2016 гг. Благовещенский раскоп. Пласт 10 в западной части раскопа

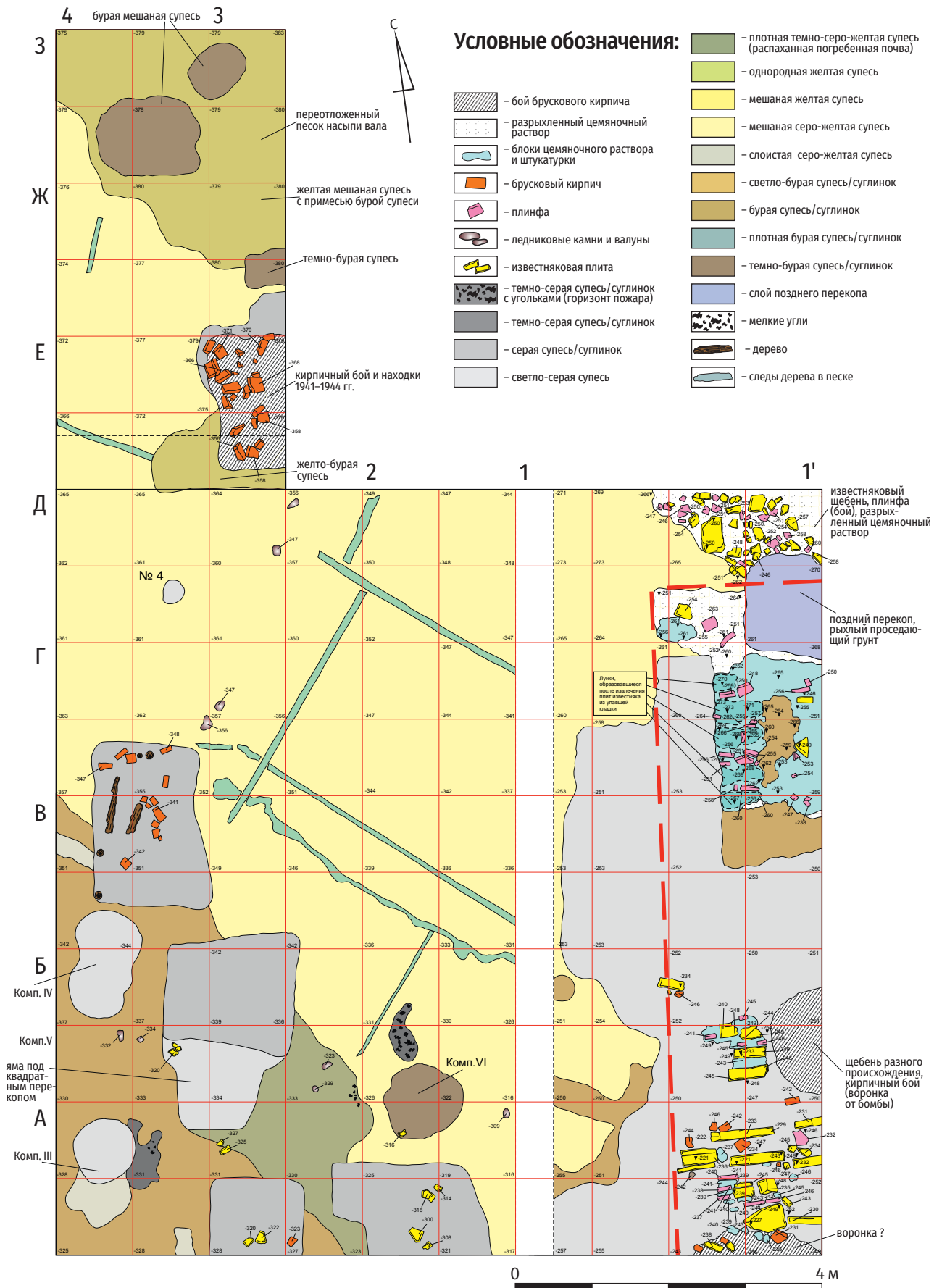

Рис. 277. Рюриково Городище 2015–2016 гг. Благовещенский раскоп. Пласт 11 в западной части раскопа

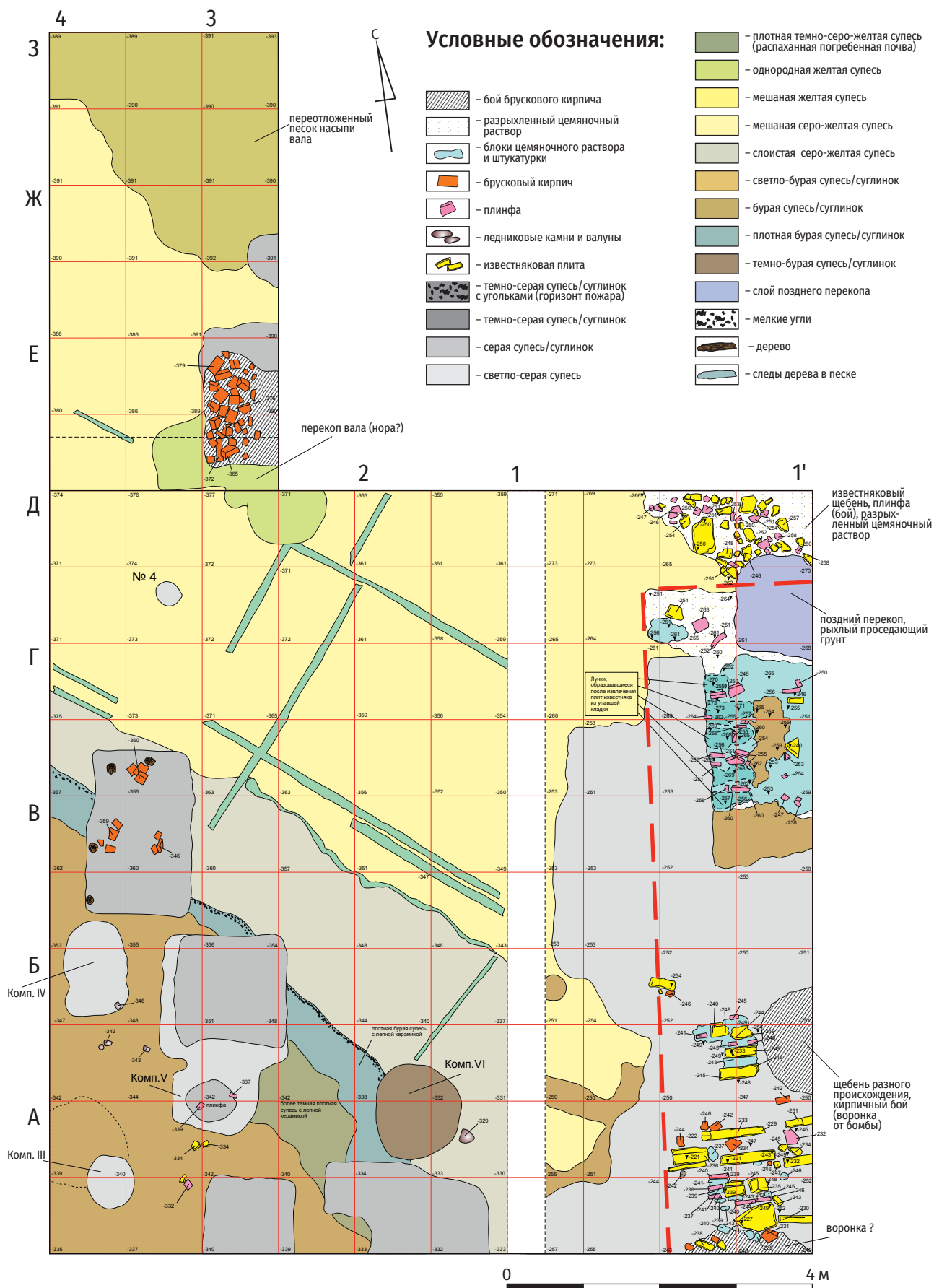

Рис. 278. Рюриково Городище 2015–2016 гг. Благовещенский раскоп. Пласт 12 в западной части раскопа

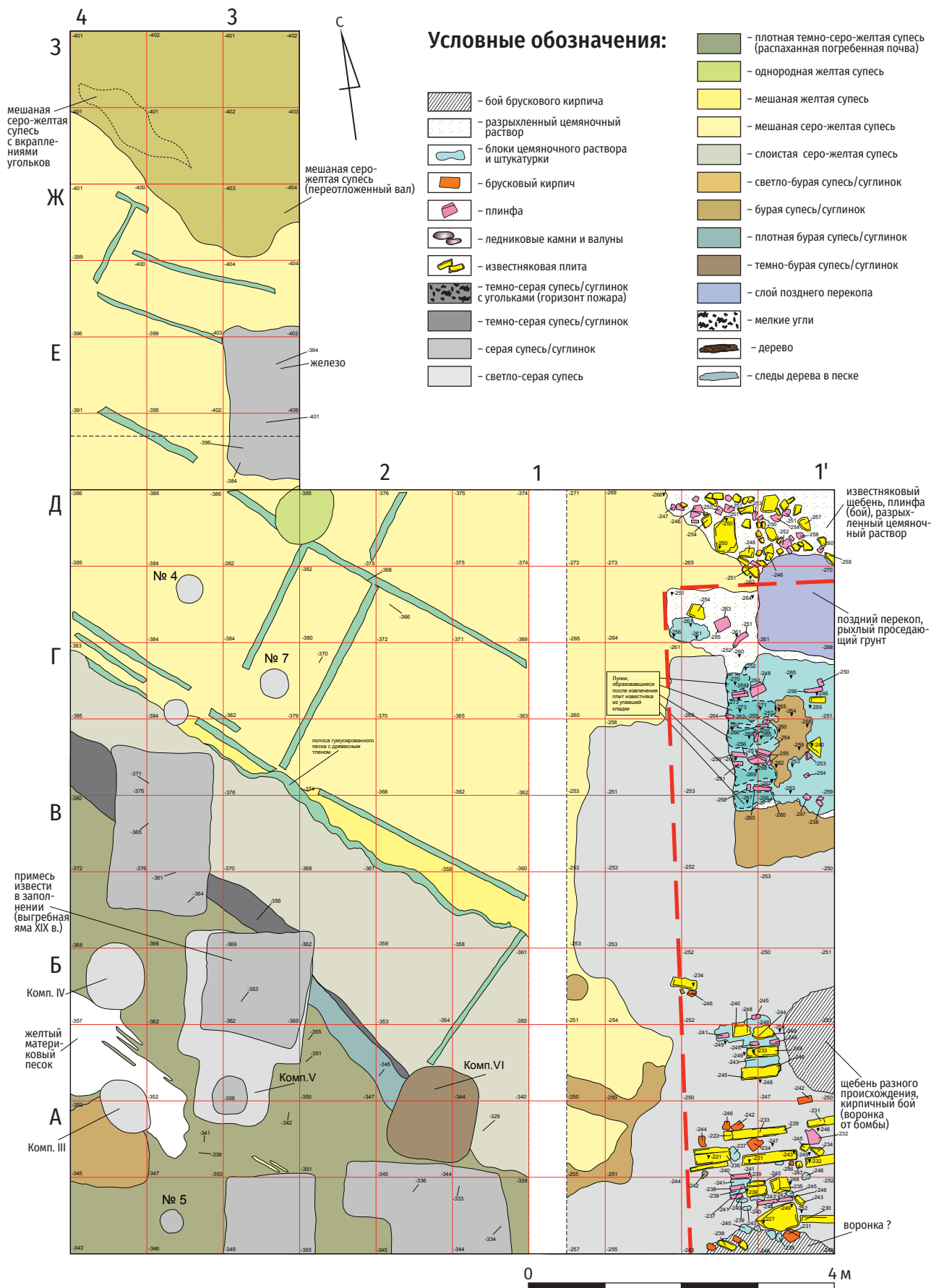

Рис. 279. Рюриково Городище 2015–2016 гг. Благовещенский раскоп. Пласт 13 в западной части раскопа

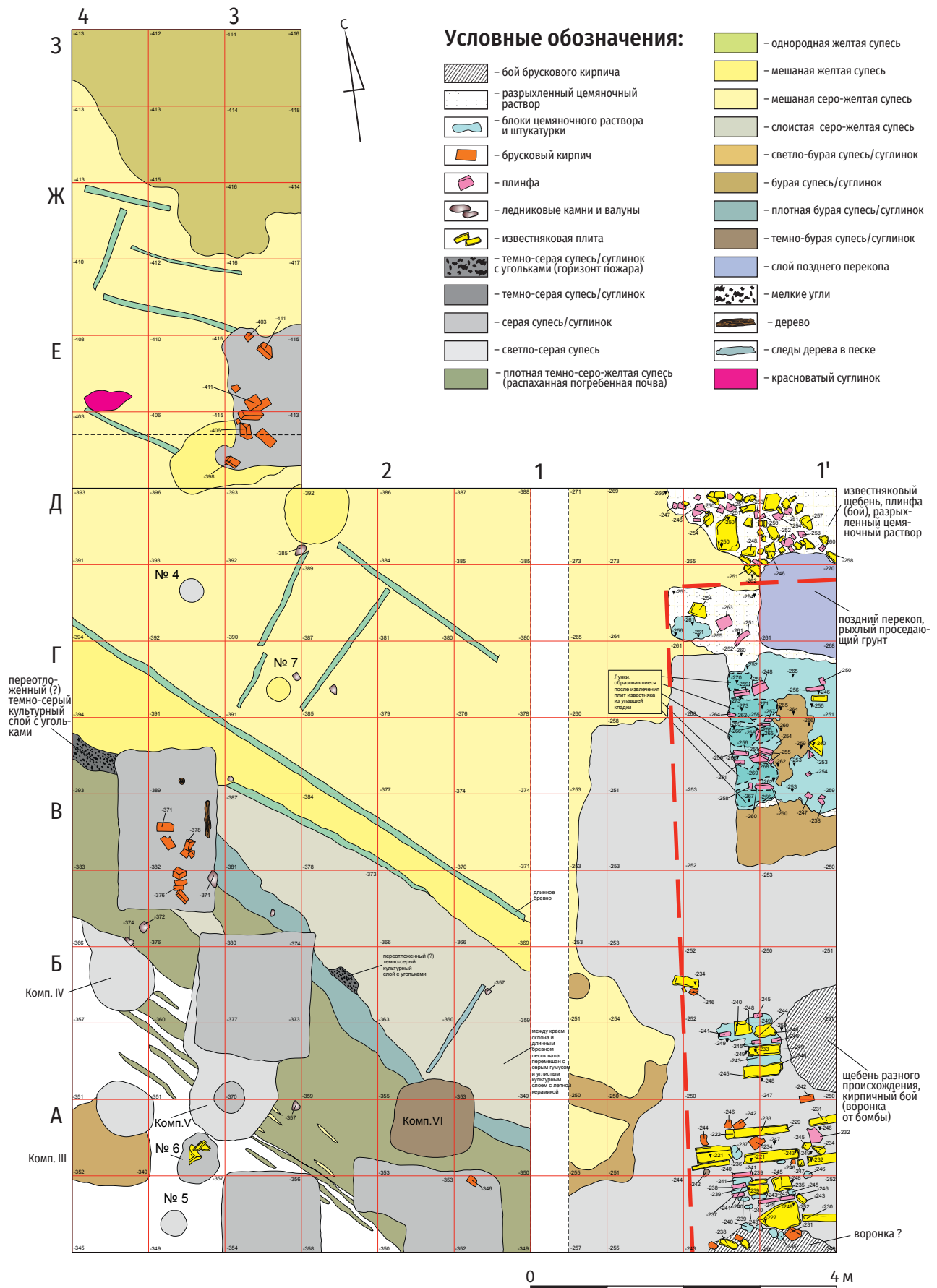

Рис. 280. Рюриково Городище 2015–2016 гг. Благовещенский раскоп. Пласт 14 в западной части раскопа

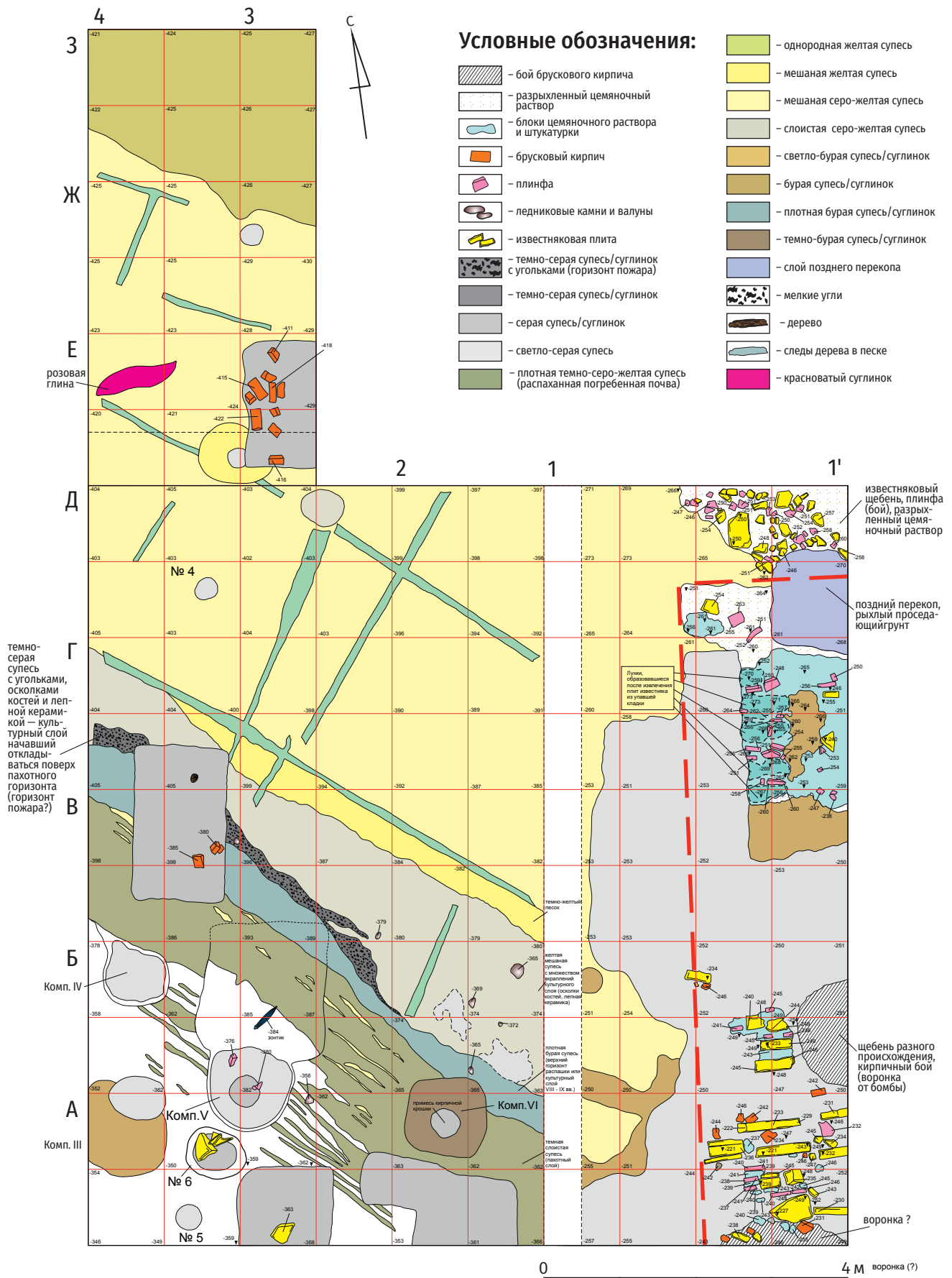

Рис. 281. Рюриково Городище 2015–2016 гг. Благовещенский раскоп. Пласт 15 в западной части раскопа

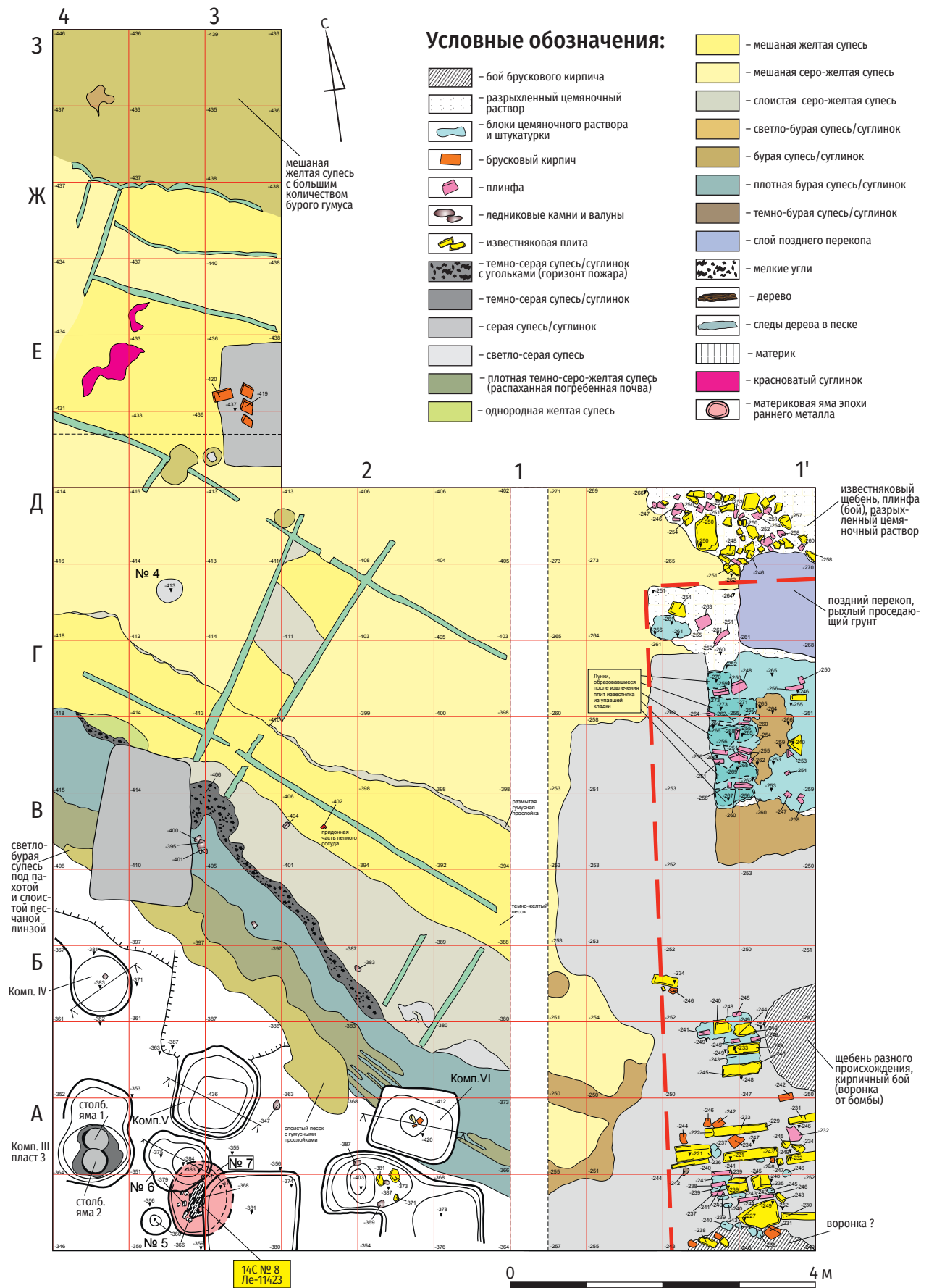

Рис. 282. Рюриково Городище 2015–2016 гг. Благовещенский раскоп. Пласт 16 в западной части раскопа. На отдельном фрагменте чертежа внизу – материковое дно комплекса III

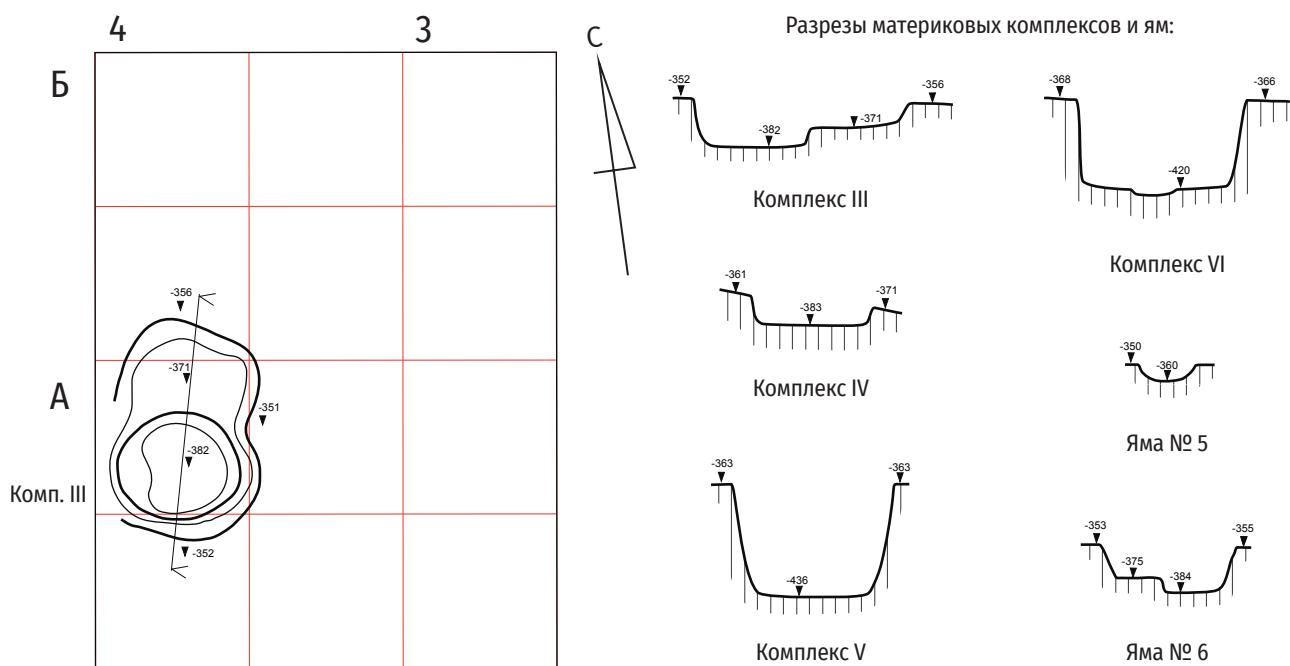

Рис. 282а. Рюриково Городище 2015–2016 гг. Благовещенский раскоп. Материковое дно комплекса III и профили материковых ям

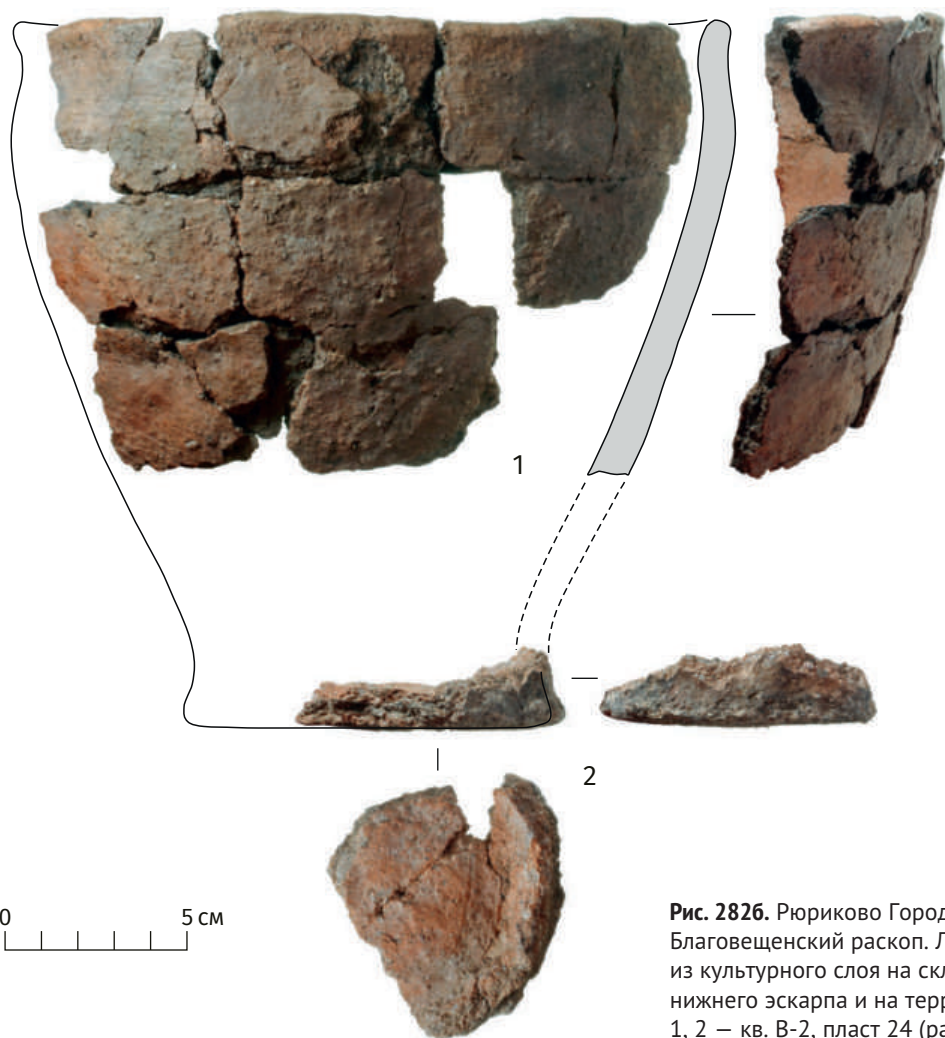

Рис. 282б. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Лепной сосуд из культурного слоя на склоне террасы нижнего эскарпа и на террасе. 1, 2 – кв. В-2, пласт 24 (развал 1) (рис. 290)

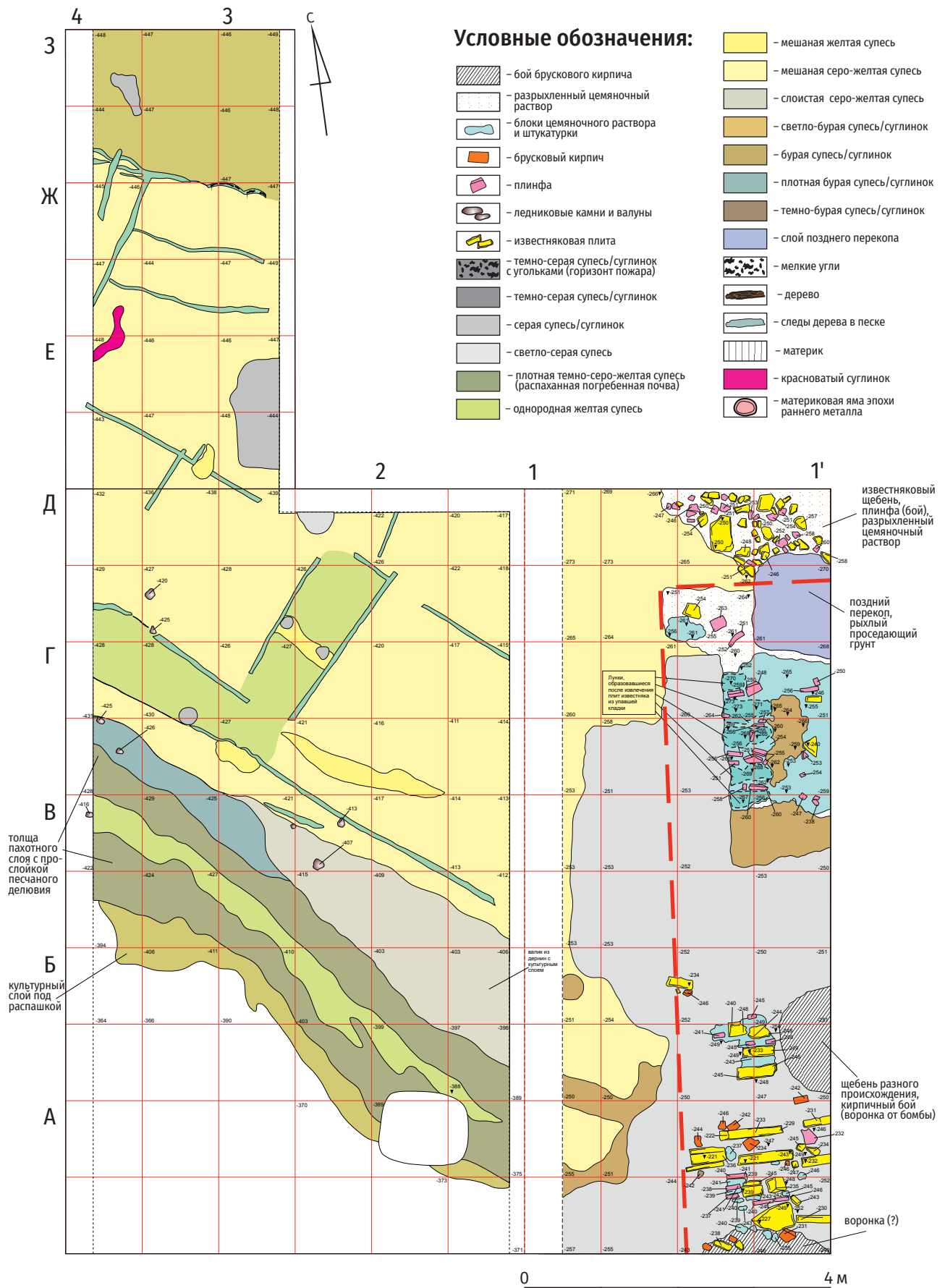

Рис. 283. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 17 в западной части раскопа

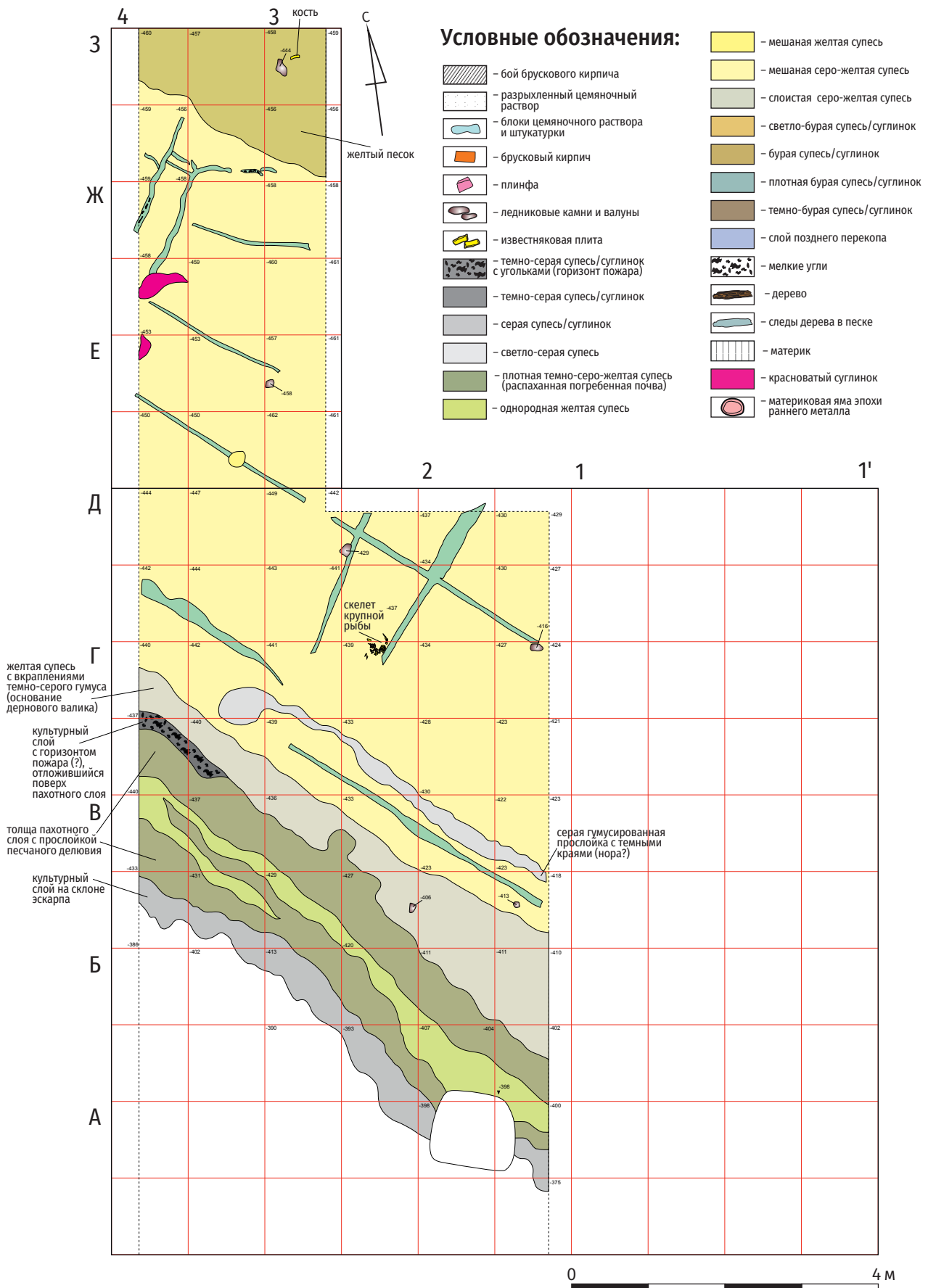

Рис. 284. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 18 в западной части раскопа

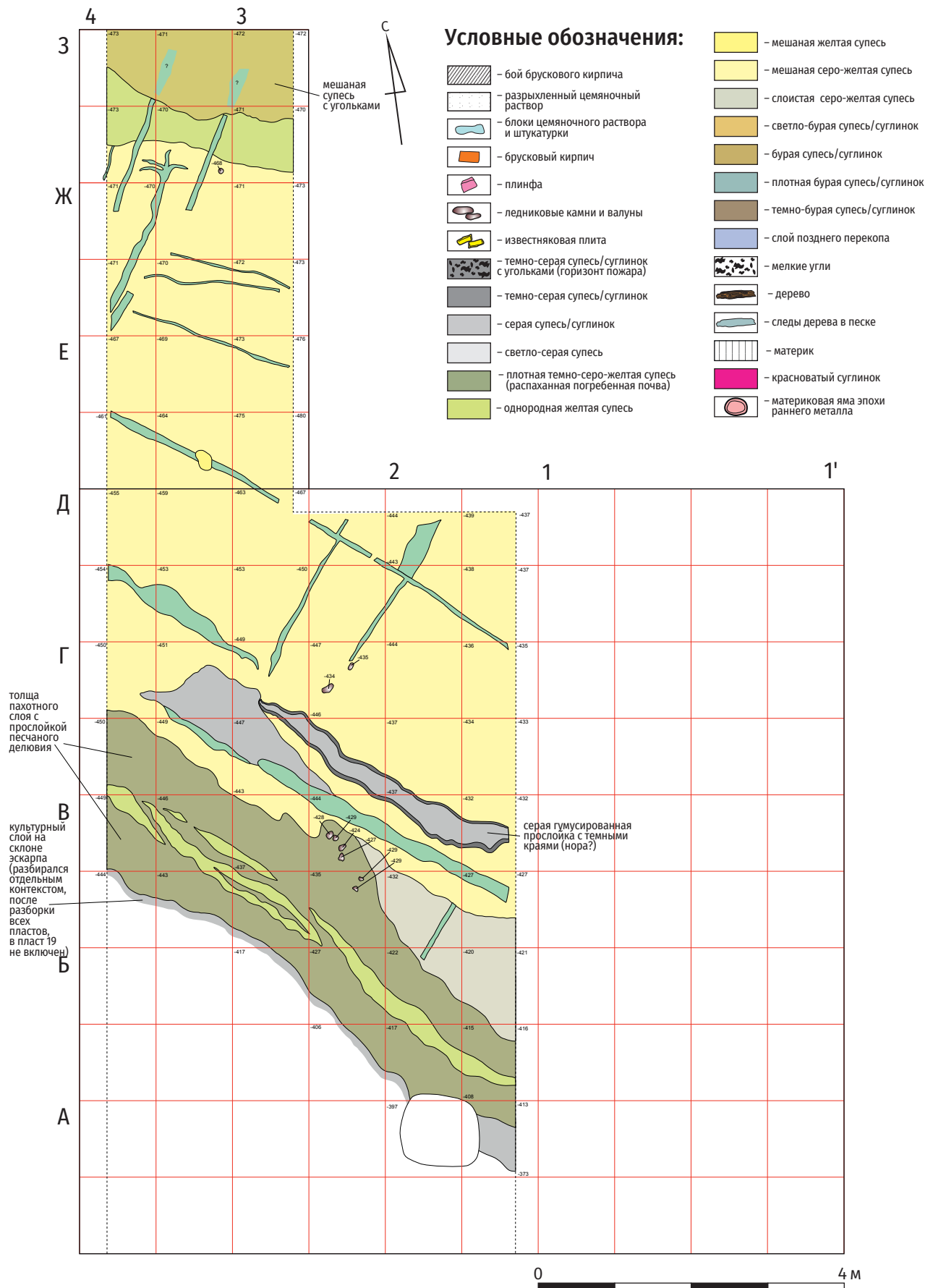

Рис. 285. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 19 в западной части раскопа

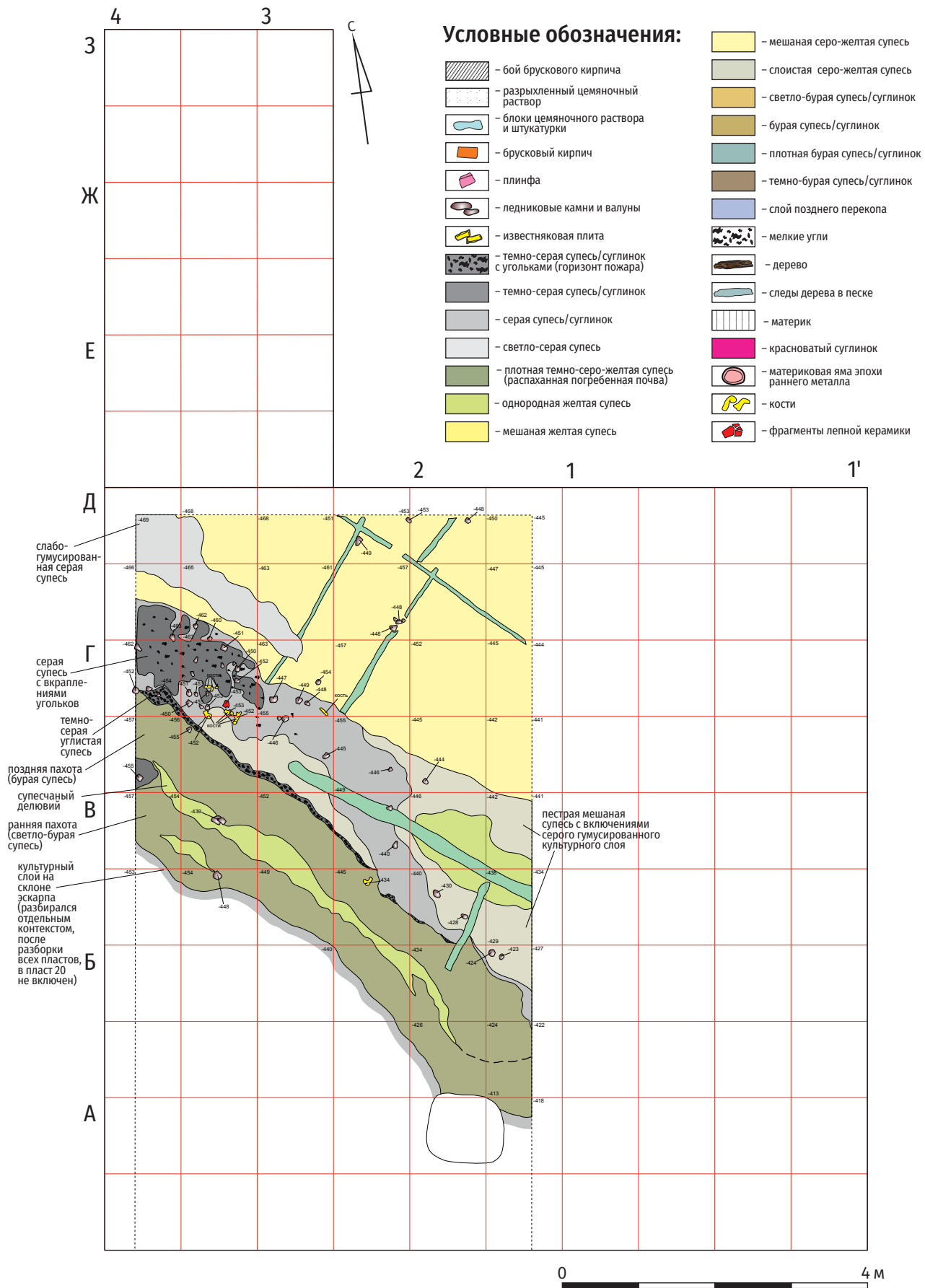

Рис. 286. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 20 в западной части раскопа

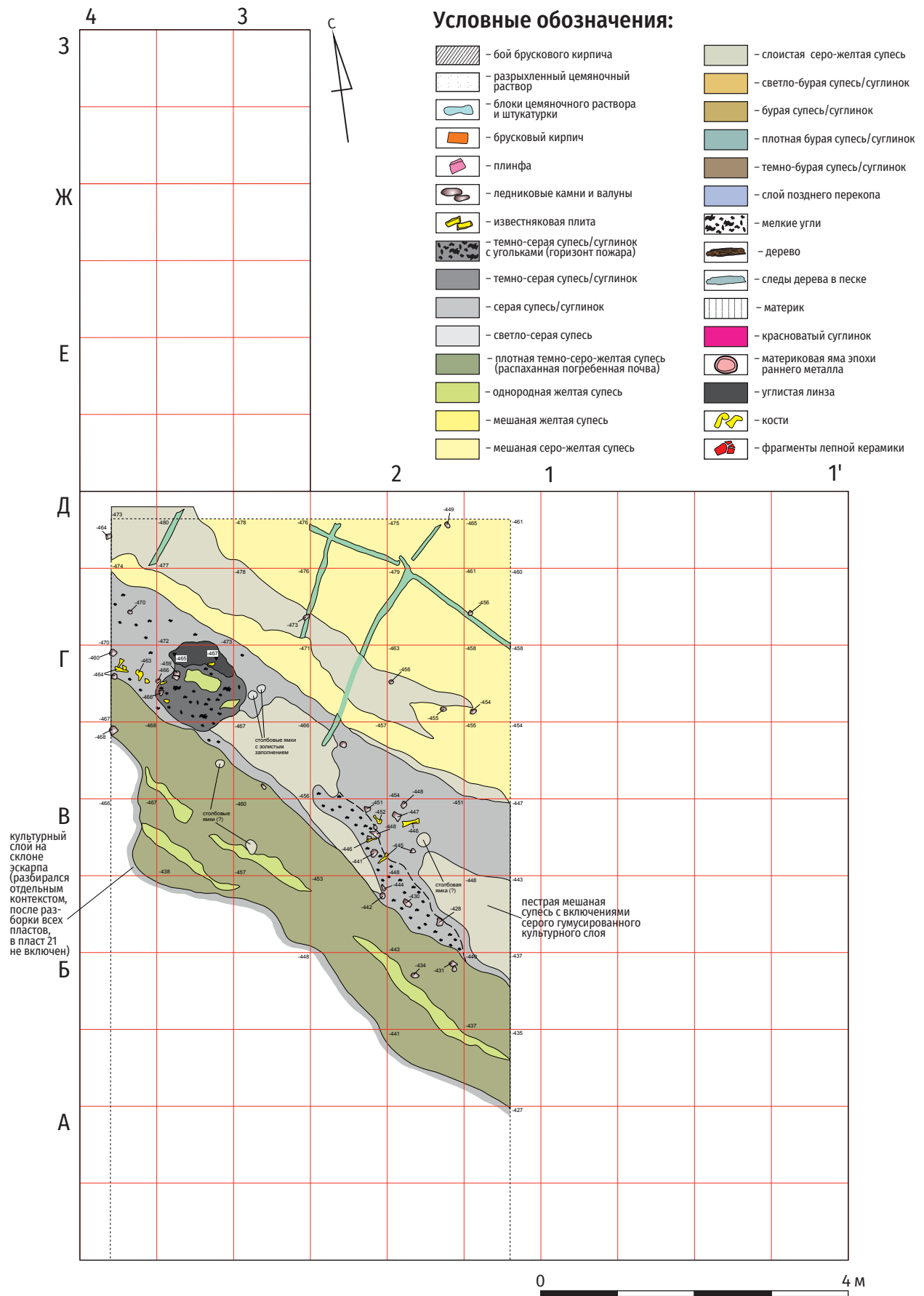

Рис. 287. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 21 в западной части раскопа

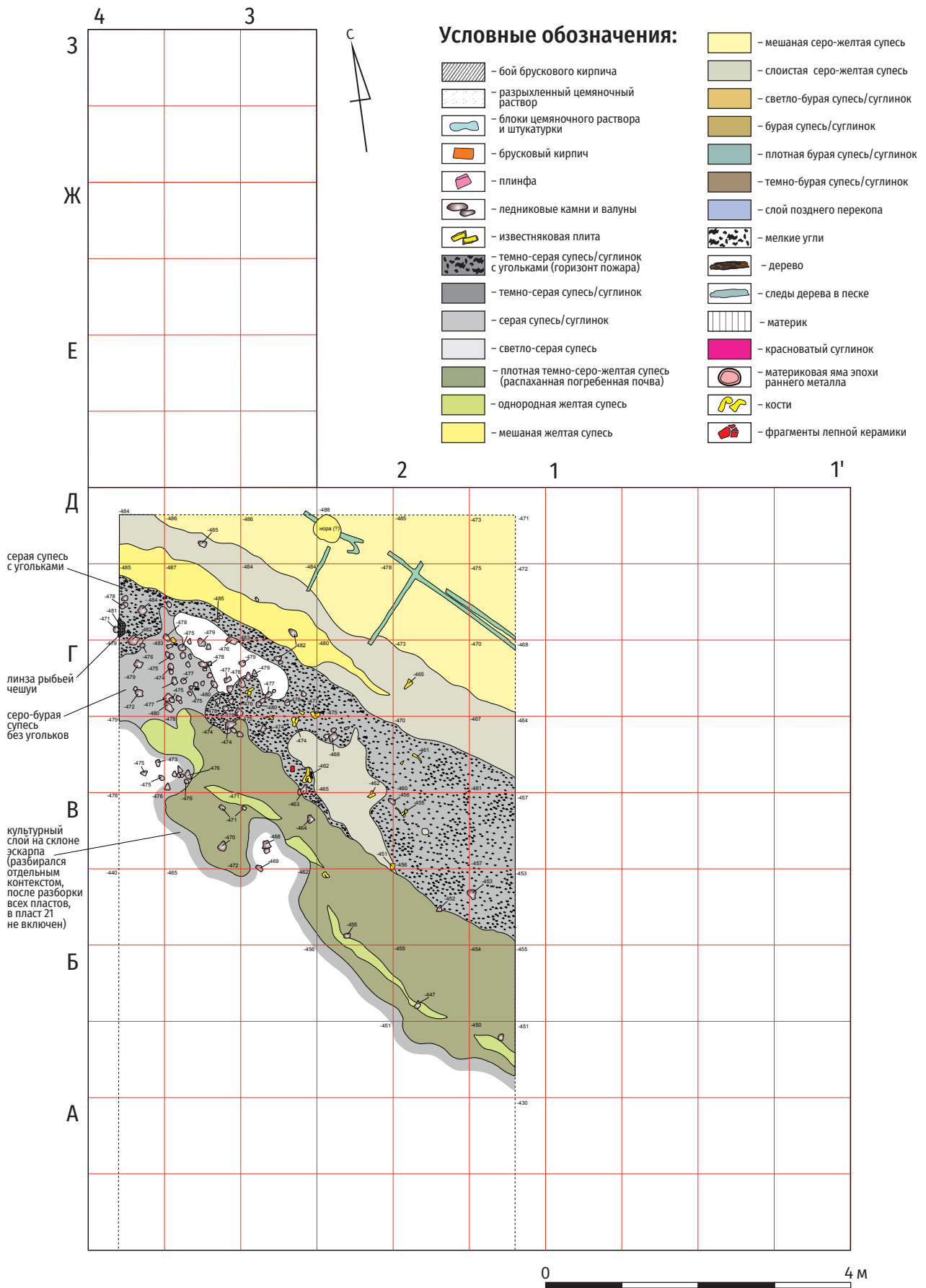

Рис. 288. Юриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 22 в западной части раскопа

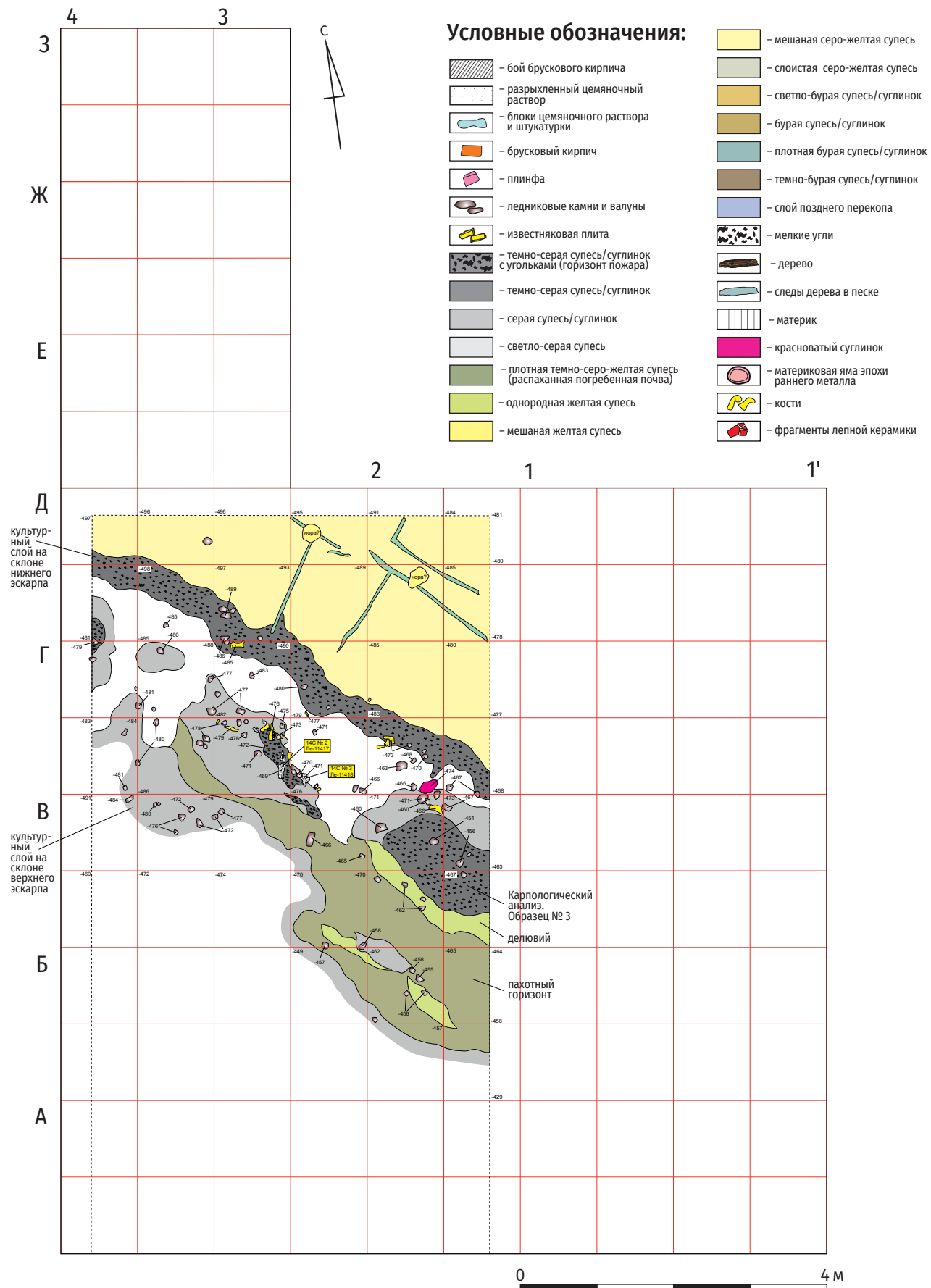

Рис. 289. Юриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 23 в западной части раскопа

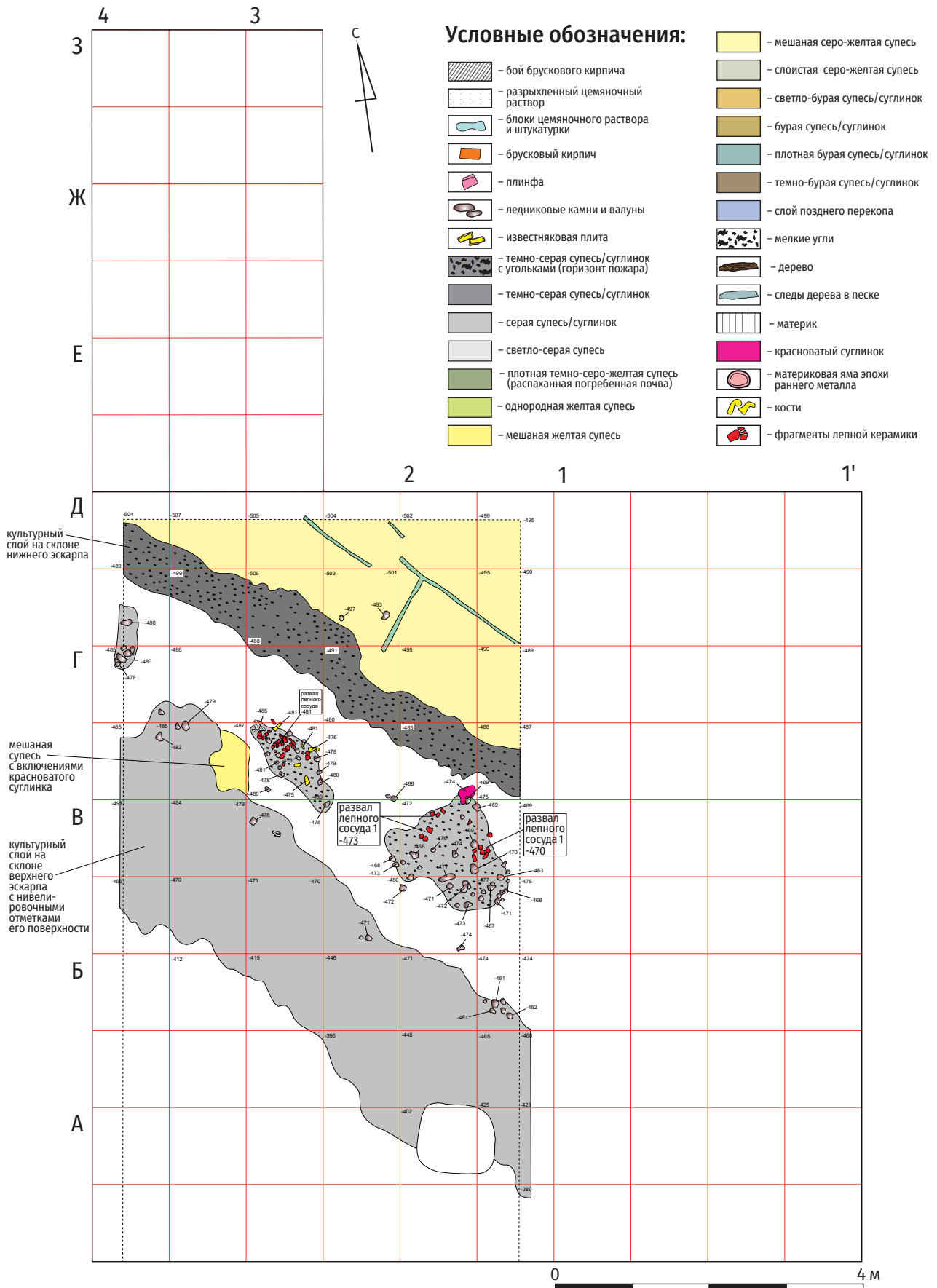

Рис. 290. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 24 в западной части раскопа. Реконструкции лепного горшка и миски, развал которых найден в кв. В-2 (развал 1), представлены на рис. 2826, 335: 1, 2

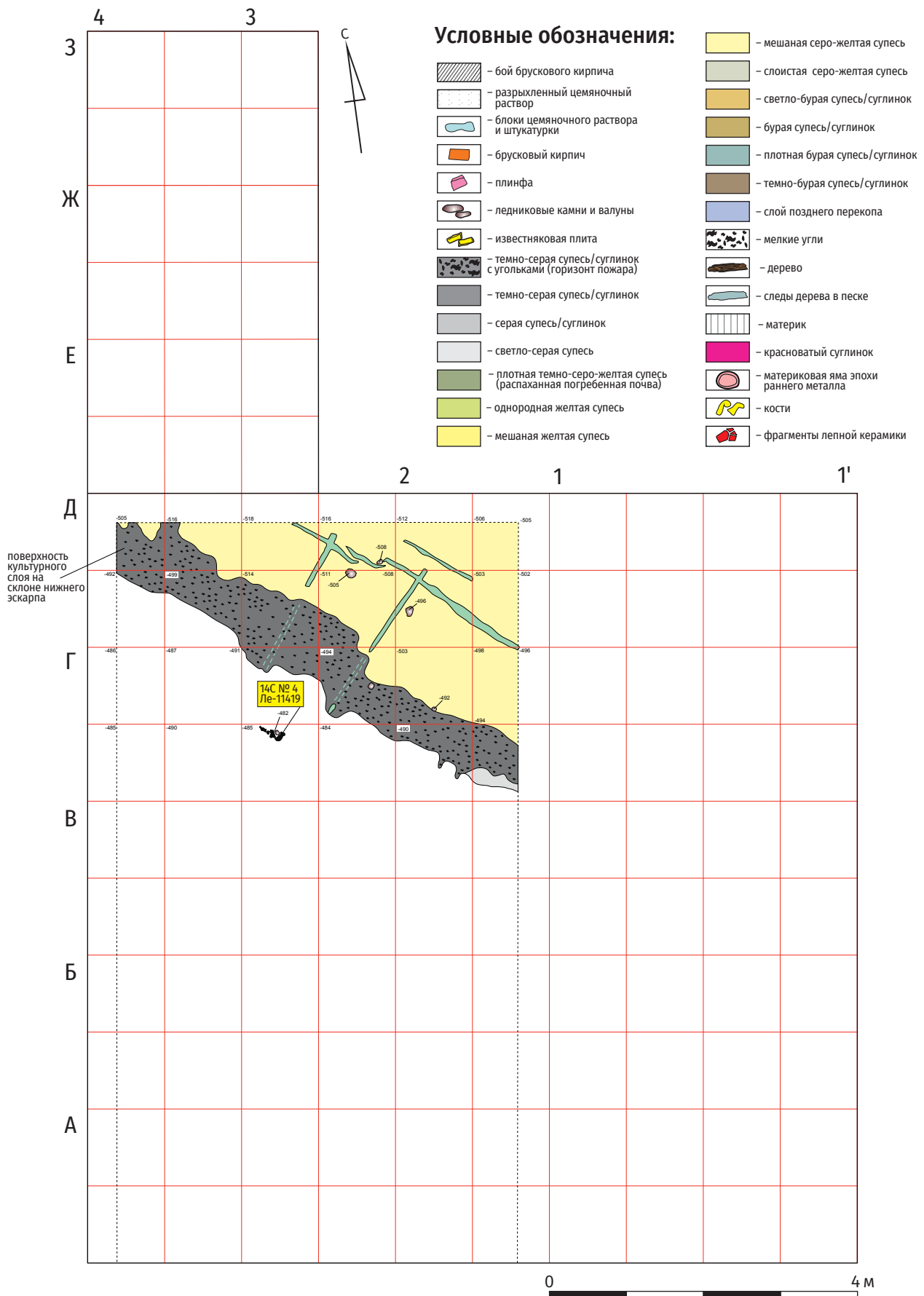

Рис. 291. Юриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 25 в западной части раскопа

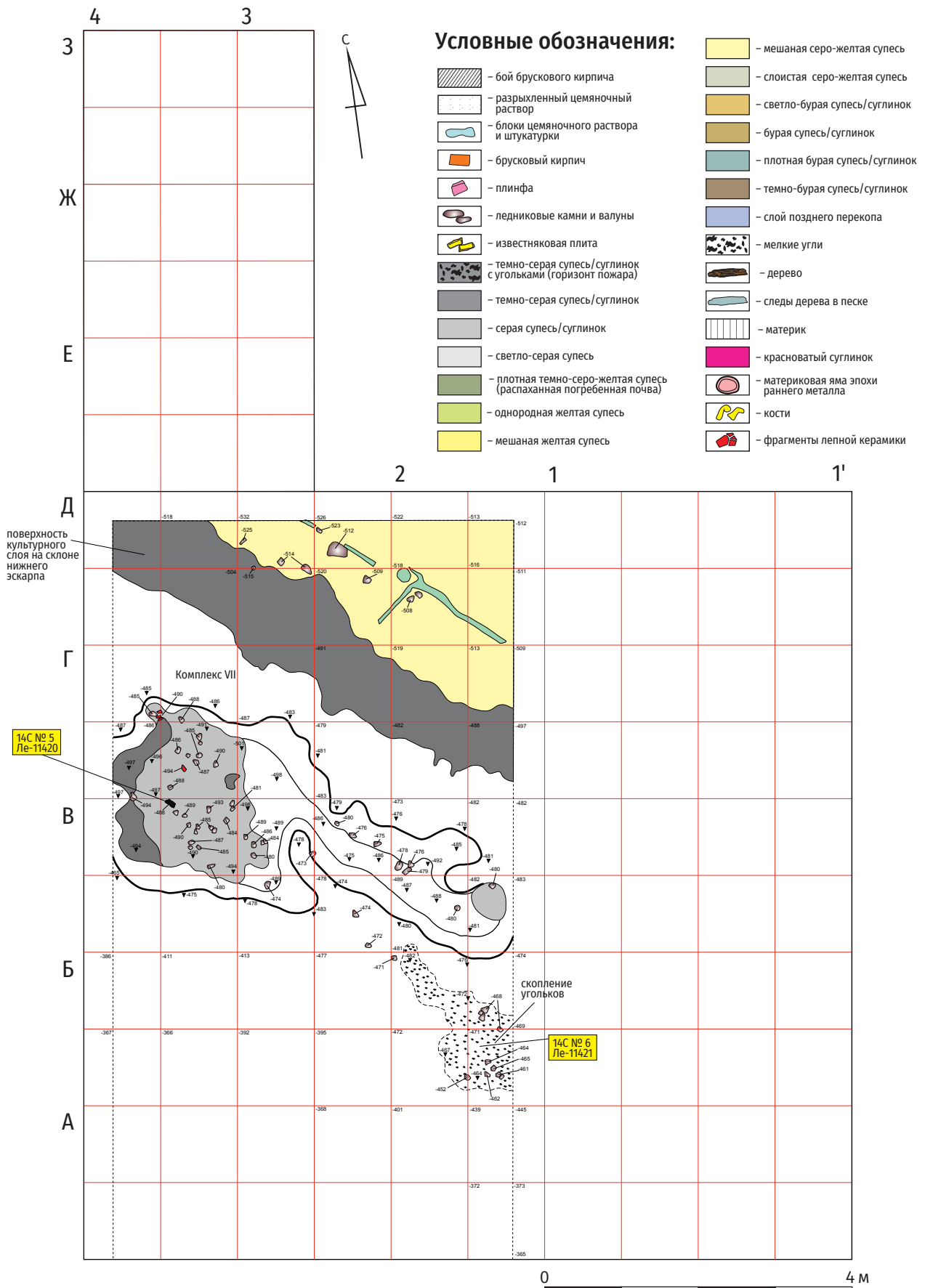

Рис. 292. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 26 в западной части раскопа. Комплекс VII показан на уровне культурного слоя на склоне нижнего эскарпа. Реконструкция лепного сосуда из комплекса VII представлена на рис. 321: 11 и рис. 336: 1

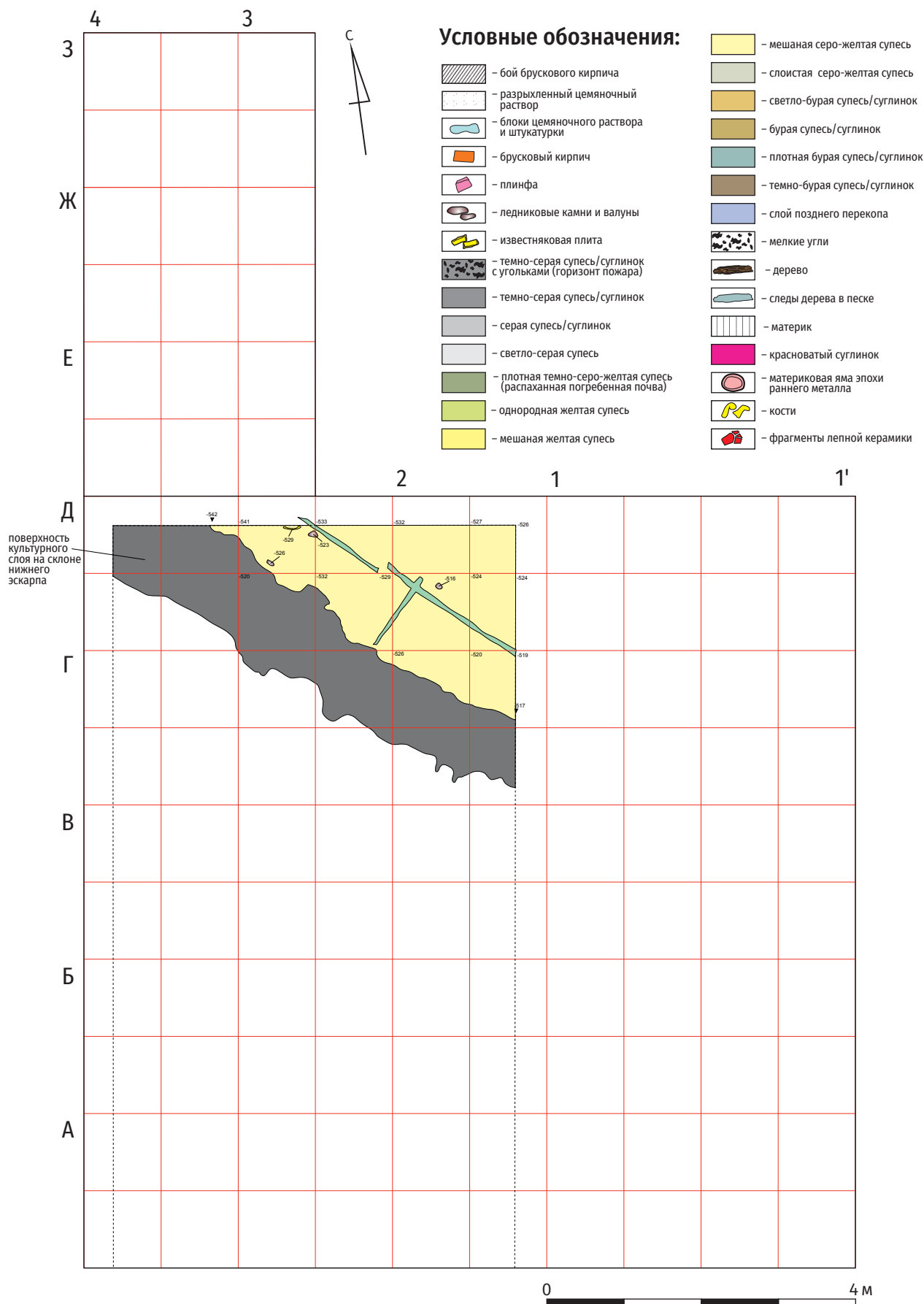

Рис. 293. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 27 в западной части раскопа

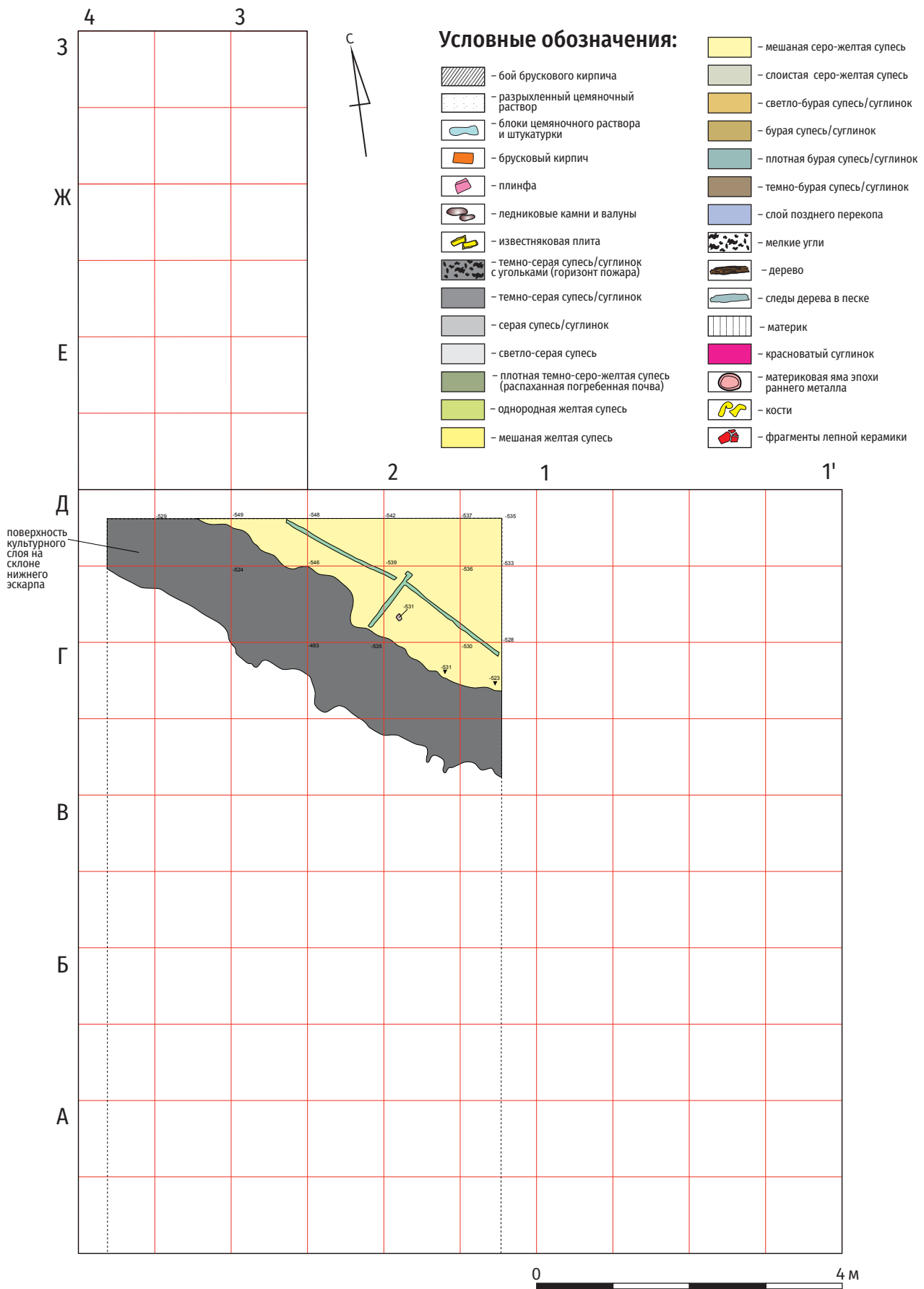

Рис. 294. Юриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 28 в западной части раскопа

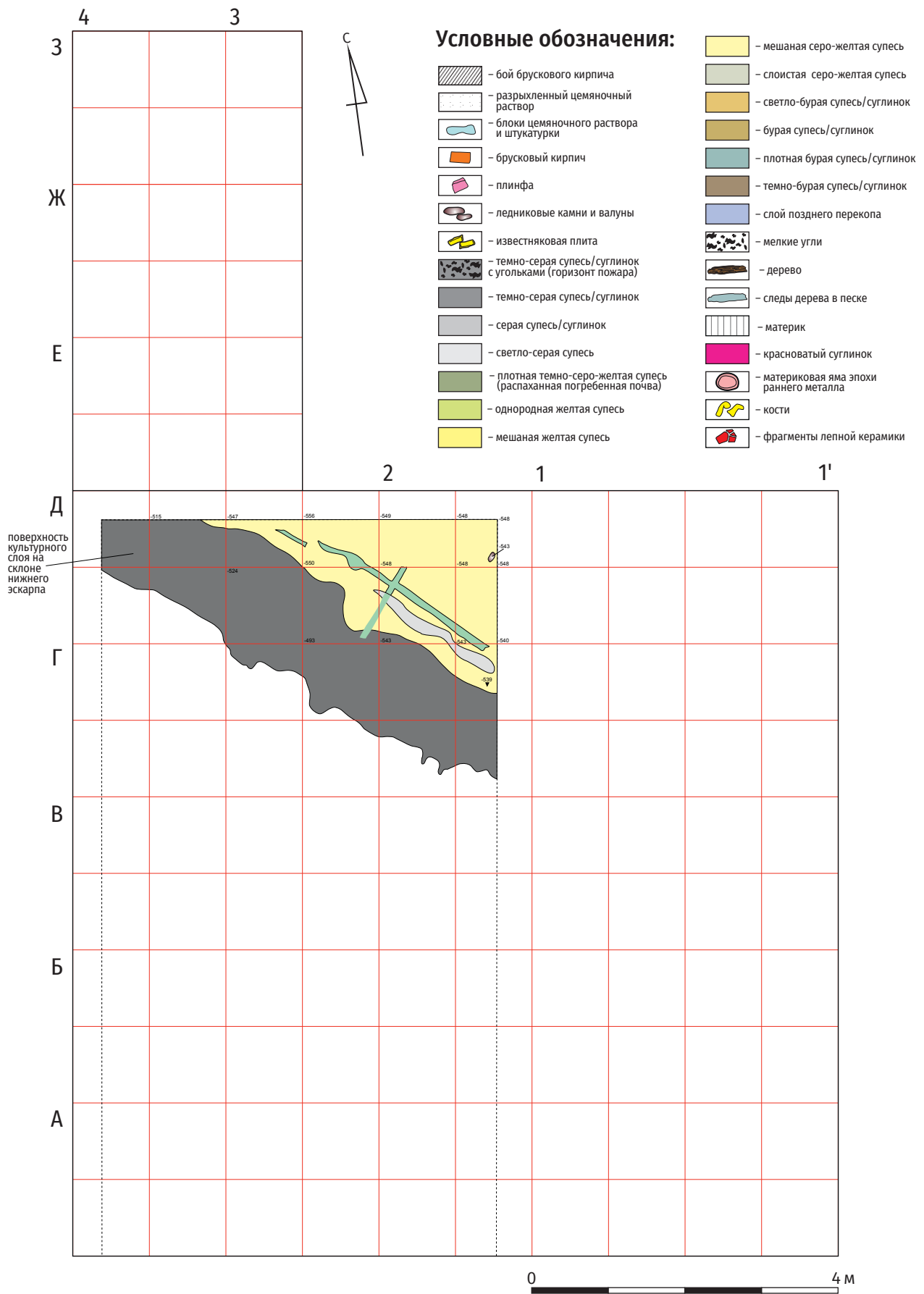

Рис. 295. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 29 в западной части раскопа

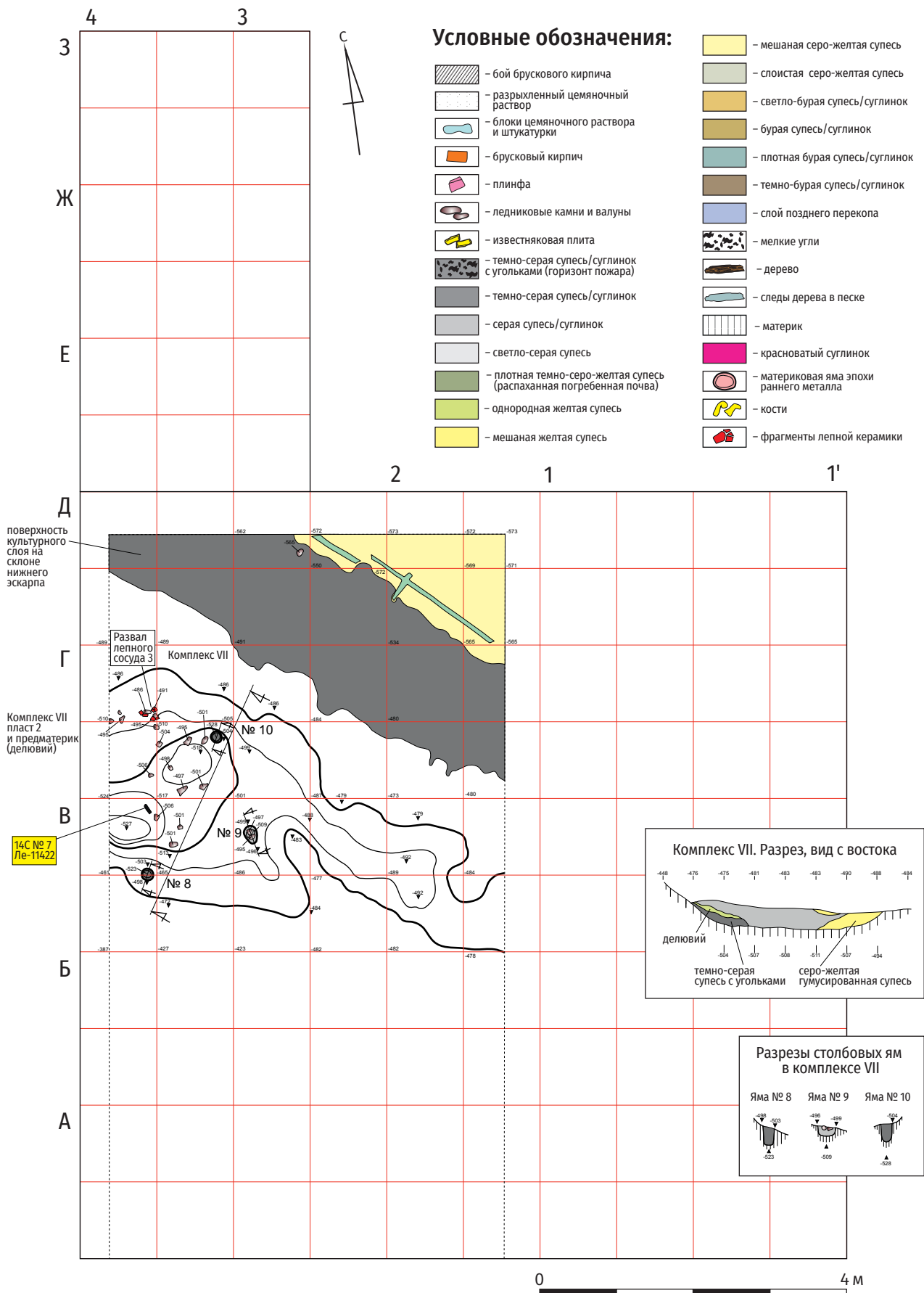

Рис. 296. Юриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 31 в западной части раскопа

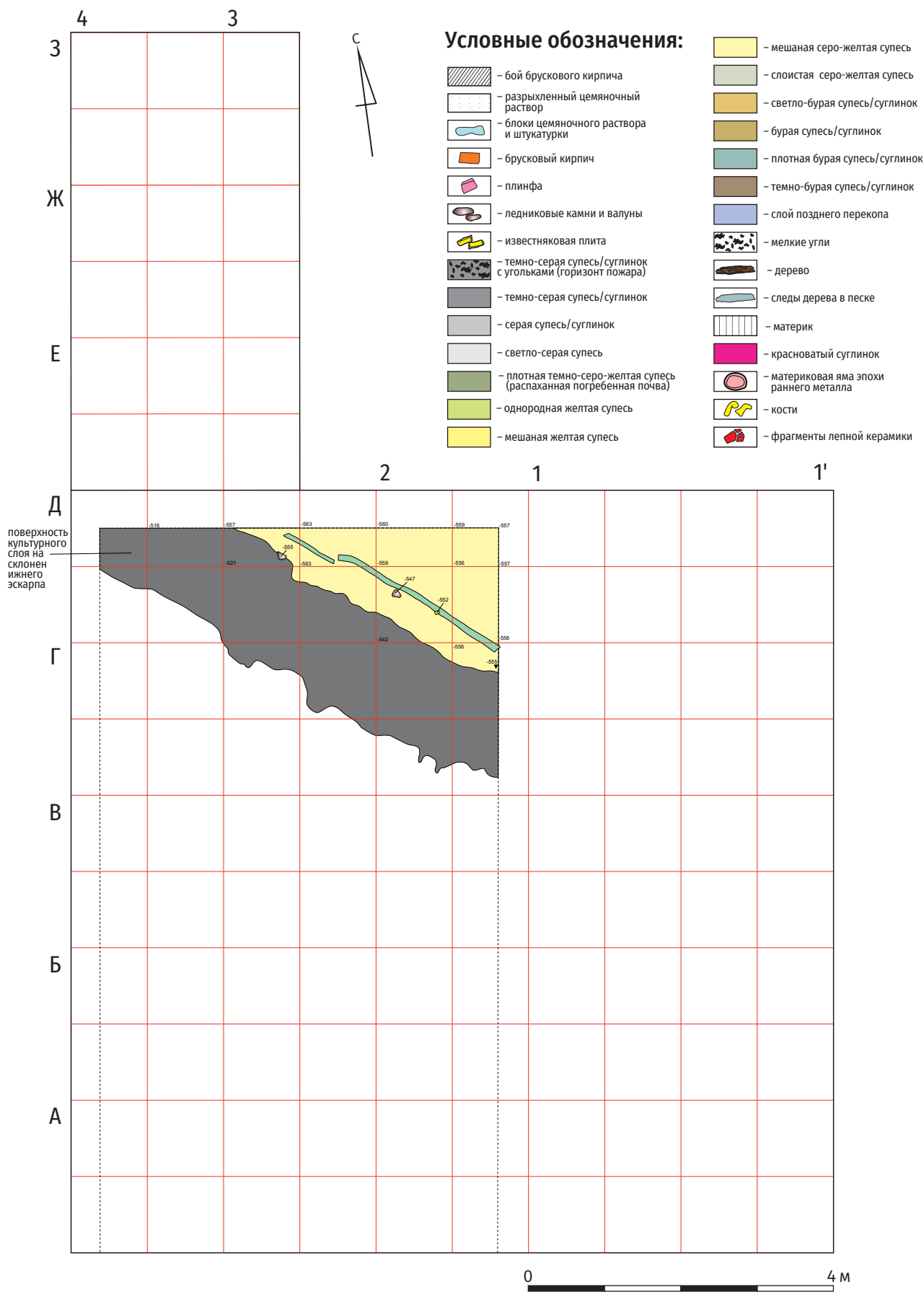

Рис. 297. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 30 в западной части раскопа

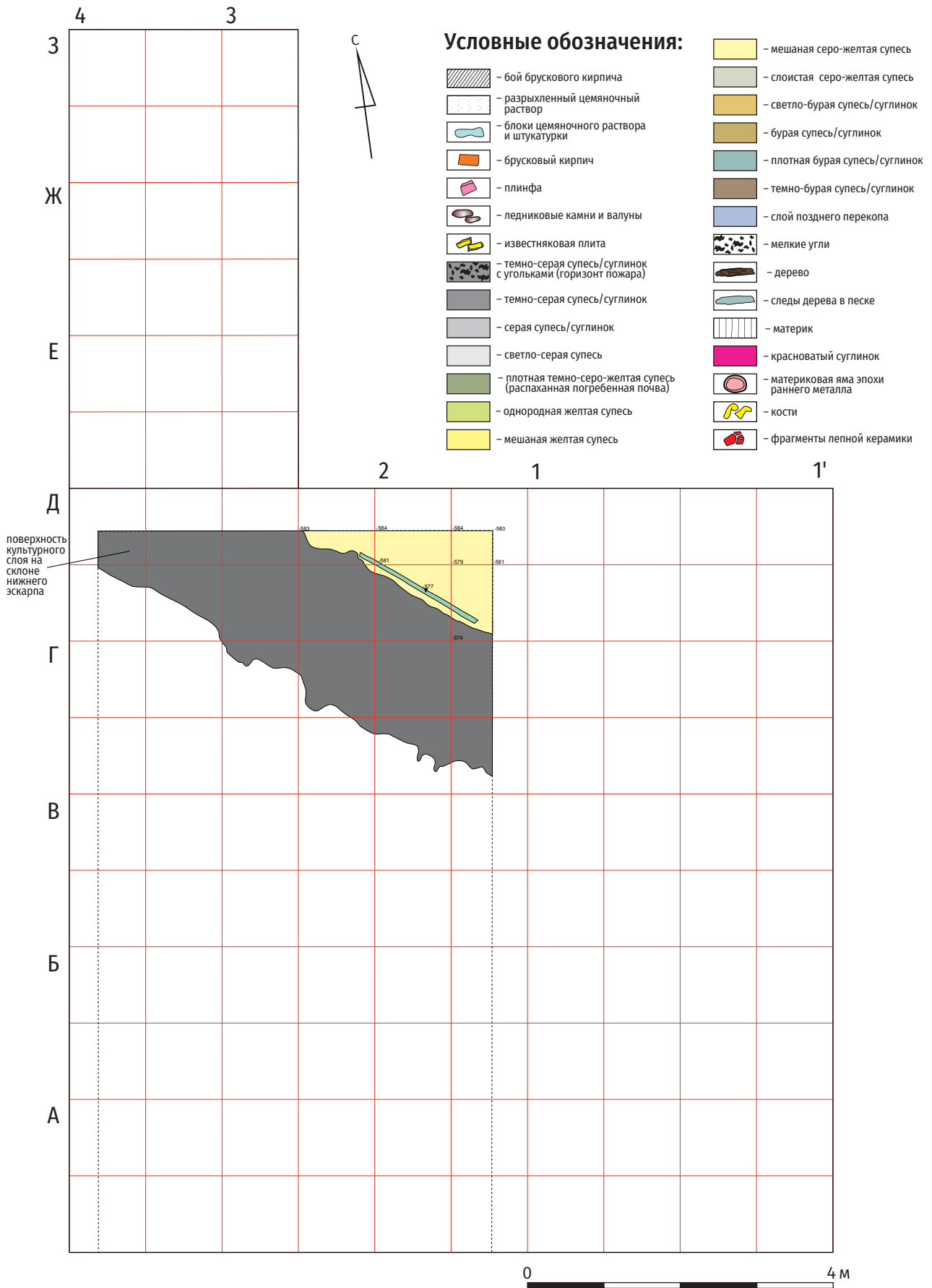

Рис. 298. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 32 в западной части раскопа

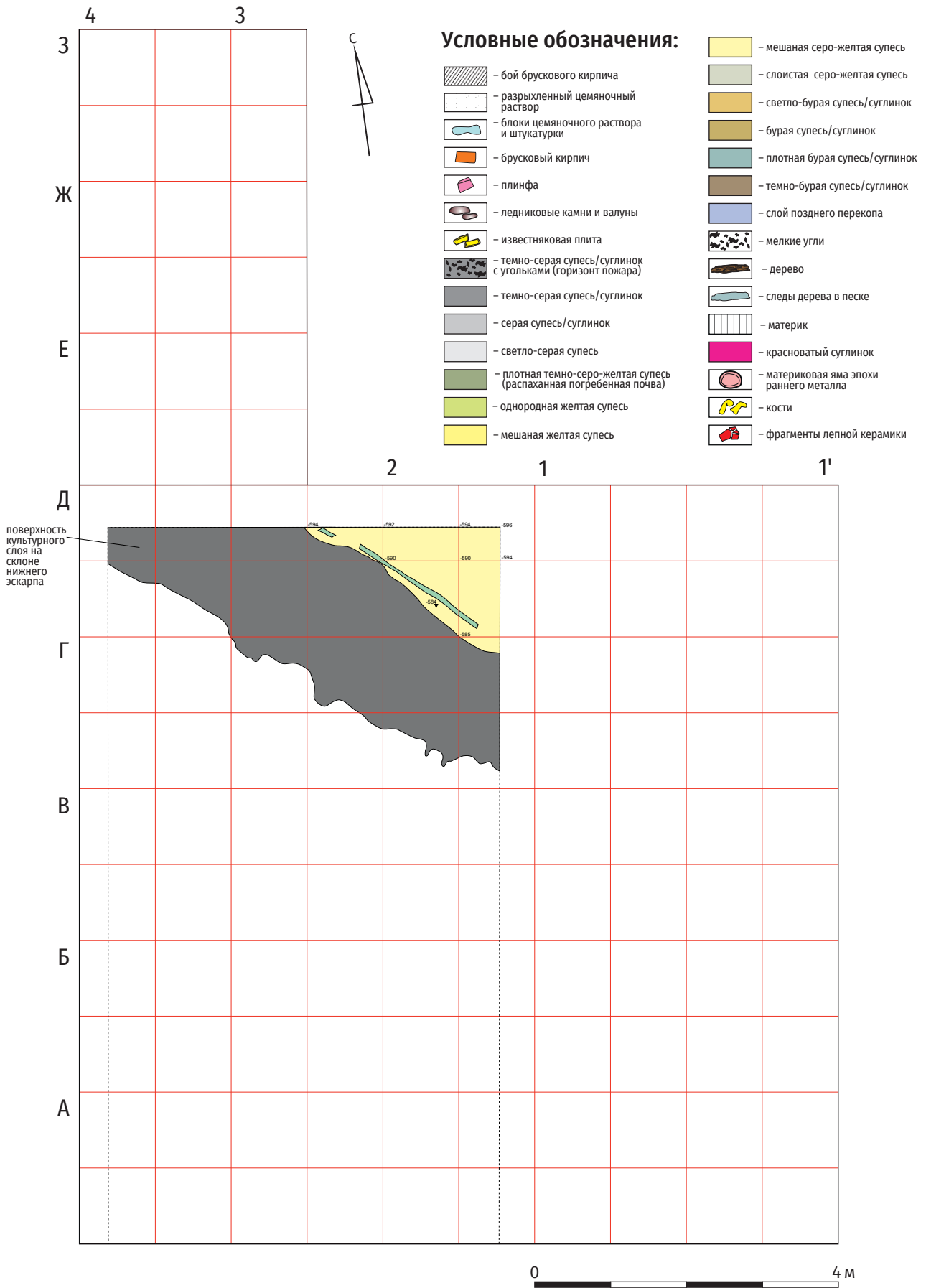
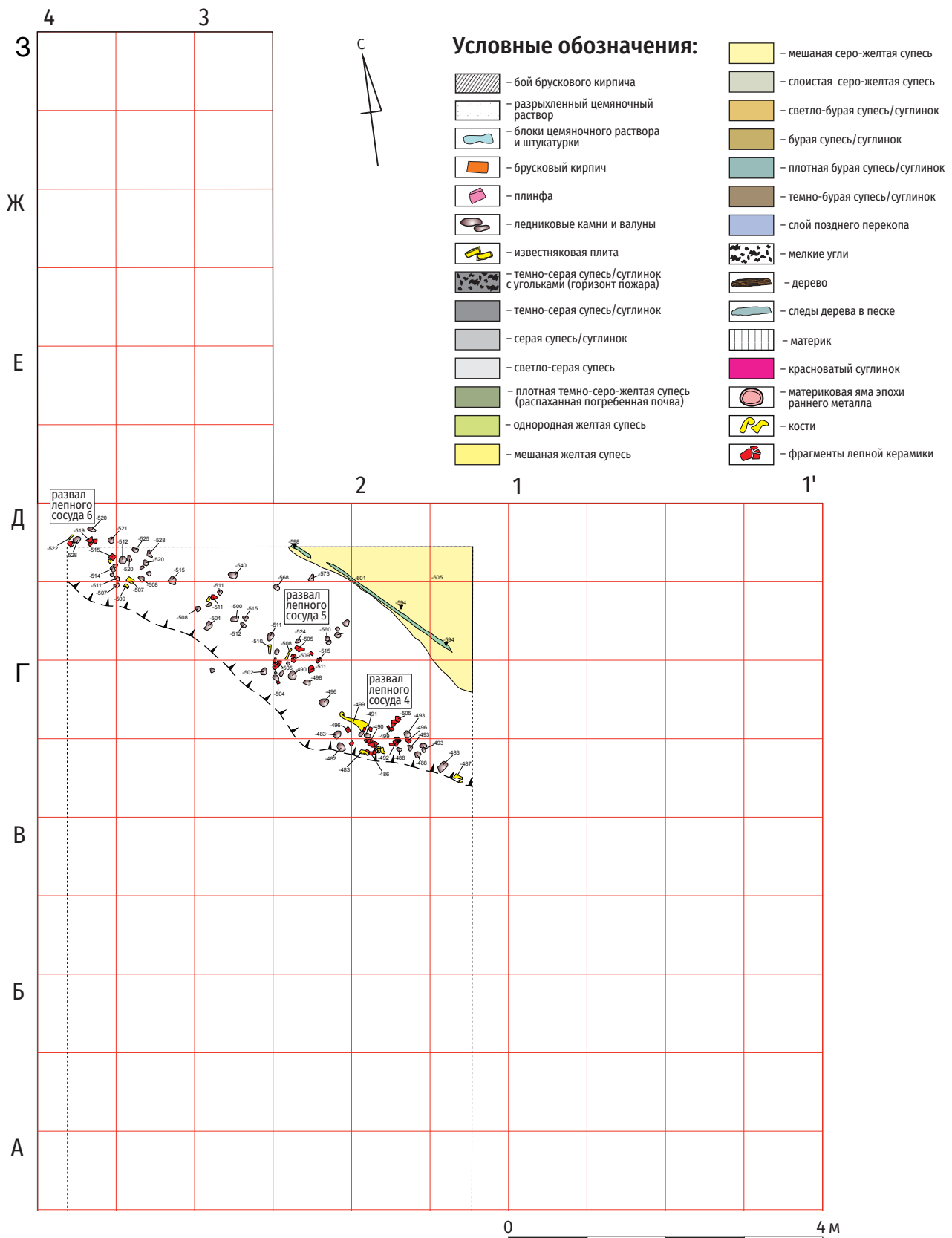

Рис. 299. Юриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 33 в западной части раскопа

Рис. 300. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 34 в западной части раскопа. Горизонт камней с развалами лепных сосудов в культурном слое на склоне нижнего эскарпа. Реконструкции лепных сосудов из развалов 4–6 представлены на **рис. 333–335**. Скопления керамических фрагментов, зафиксированные в поле как развалы (за исключением горшка и миски из развала 1 на **рис. 2826; 335: 1; 335: 2**) принадлежат разным сосудам и не позволяют собрать целых форм или сплошных профилей. Это говорит об активной жизнедеятельности, перемешавшей культурный слой на террасе

Ранее (в 2002–2003 гг.) вал с подобными конструкциями был открыт в южной части городищенского холма на краю поймы¹⁷¹. Правда, на юге вал оказался сильно поврежден с напольной стороны разливами Волхова (еще в IX–X вв.) и сохранил только два внутренних ряда трехстенных внутривальных секций. При этом ширина сохранившейся южной части вала составляет всего 4–8 м. Внешний фасад его там тоже не уцелел, но в переотложенном виде в намыве найдены были длинные бревна с врубками, позволявшие предположить, что вал имел бревенчатую срубную облицовку. Все это было, как теперь выясняется, слишком поспешно, расценено исследователями (в том числе и автором этой статьи) как конструкция из двух параллельных рядов срубов, внешний из которых образовывал бревенчатую стену (Носов и др. 2004: 18–19; Михайлов 2010: 308–315). На самом деле, как мы теперь понимаем, этих рядов было больше — не меньше четырех. Иначе конструкция и не устояла бы на песчаном склоне. Понять все это в настоящее время позволяет планиграфия Благовещенского раскопа.

Участок раскопа находился за пределами зоны разрушительного действия паводковых вод, поэтому укрепления сохранились здесь значительно лучше, чем в пойме на юге холма. Их датировка определяется многочисленными находками в заполнении клеток исключительно лепной керамики, а также двумя датируемыми предметами: гребнем скандинавского типа группы 1 а (по О. И. Давидан) и дирхе́мом, выбитым в конце VIII в.¹⁷² Все это вполне согласуется с датировками вала в южной части Городища, базирующимися на дендродатах хлебных печей, поставленных на слое разрушения укреплений. Дендродаты древнейшей из них приходятся на интервал 889–905 гг. (Носов 1990: 53). В последнее время здесь удалось получить дендродаты для дерева из слоя разрушения укреплений, относящиеся к 858–861 гг. (Хвощинская 2021: 119).

Итак, в Благовещенском раскопе было найдено место, где дуга вала IX в. выходит к современному берегу Волхова. Е. Н. Носов и Н. В. Хвощинская поспешили опубликовать информацию о том, что в Благовещенском раскопе открыт участок рва (Носов, Хвощинская 2019: 316, 317, 321, рис. 15). К сожалению, в этом принципиальном вопросе был сделан преждевременный вывод. В раскопе открыт участок склона холма, а не ров, что мы и попробуем показать ниже.

¹⁷¹ Раскопки его возобновлены Н. В. Хвощинской в 2018 г. и продолжаются до настоящего времени.

¹⁷² Аббасидские наместники Северной Африки, Йазид, Ифрикийя, 172 г. х. (788/789 г.). Определение Вяч. С. Кулешова. Гребень относится к группе 1 по О. А. Давидан, и находит параллели в культурных слоях Старой Ладogi и Гнёздова IX – первой половины X в. (Дементьева 2018: 101).

Для нашей темы наибольший интерес представляет картина, открывшаяся под вышеописанным валом. Оказалось, что под ним залегает культурный слой, падающий по склону холма. Слой содержит керамику (только лепную), кости животных, куски глиняной обмазки и очажные камни. Многочисленный керамический материал включает как реберчатые сосуды «ладожского типа», так и керамику с округлым плечиком, характерную для всего восточнославянского региона. Вещевой инвентарь маловыразителен. Наиболее интересен наконечник стрелы с ромбическим пером. Культурный слой под валом следует датировать VIII–IX вв., что подтверждается серией радиоуглеродных датировок (табл. 52).

Вышеописанный культурный слой, как выяснилось, лежит на пахотном горизонте, отложившемся в предшествующее время. Этот горизонт, по мере падения по склону, в пределах раскопа делится на три зоны: верхнюю, среднюю и нижнюю. Верхняя зона представлена равномерно перемешанным гумусированным супесчаным слоем, содержащим измельченную керамику ЭРМ, РЖВ, а также фрагменты лепной гладкостенной средневековой посуды. Это собственно пахотное поле. Пахотный слой лежит на материковой бровке холма. В материке здесь читаются многочисленные борозды, оставленные однострубым ралом (рис. 279–282; 306; 307). Все борозды направлены вдоль этой бровки, что говорит о том, что во время существования пахотного поля здесь был край холма (поперек которого, естественно, пахать было невозможно).

Это важная деталь, указывающая на то, что в момент существования пахотного поля рельеф материка здесь уже сформировался. Дело в том, что распашка в IX–X вв. обычно велась по двум направлениям под прямым углом¹⁷³. Уже в нескольких метрах от края холма — на материке под храмом Благовещения — она именно такова. В раскопе Вл. В. Седова 2016 г. открыт фрагмент того же пахотного поля, причем распашка там «перекрестная» (Кудрявцев, Андриенко 2017: 47–53; Кудрявцев, Андриенко 2019: ил. 5). Таково и поле, обнаруженное ранее Е. Н. Носовым

¹⁷³ Перекрестное расположение борозд является древнейшей формой распашки, установившейся в Балтийском регионе со времени появления пашенного земледелия около 800 г. до н. э. (Pedersen, Widgren 2011: 51), а в континентальной Европе и Англии — значительно ранее (Bowen 1963: 9). Раннесредневековая распашка однострубым ралом, где бы она не выявлялась на Северо-Западе, всегда «перекрестная» (см. напр.: Конецкий 1985: рис. 2; Рябинин А-2001: 7, рис. 16; Зозуля 2018: рис. 19; Андриенко, Шурев, Желтова 2021: 90), исключением являются случаи, когда пахотное поле расположено на перегибе рельефа. Кроме Рюрикова Городища такой участок изучен нами в шурфе 14 на селище Миронеге III, где пахота тоже велась по краю склона (Еремеев А-2020: рис. 137).

Табл. 52. Радиоуглеродные датировки, полученные из культурного слоя под насыпью вала на северном склоне Городищенского холма. Даты откалиброваны в программе OxCal v4.3.2

№ образца	Квадрат	Плост	Высотная отметка, см	Контекст	Характеристика образца	Индекс	Датировка, ВР	Откалиброванная дата BC и AD, 2σ
1	Г-3	22	-479	Желтая мешаная супесь под линзой серого супесчаного культурного слоя с угольками, осколками костей и обожженными камнями	Крупный кусок угля Координаты: 112 – 60 – (-469)	Ле-11416	1680±100	127 (95,4%) 581 calAD
2	Г-3	23	-469	Линза серого, с угольками, супесчаного культурного слоя (присутствует лепная керамика, обожженные камни и осколки костей животных)	Обугленная деревянная плаха	Ле-11417	1220±20	713 (14,3%) 744 calAD 765 (81,1%) 885 calAD
3	Г-3	23	-471	Линза серого, с угольками, супесчаного культурного слоя	Обугленная деревянная плаха	Ле-11418	1320±70	603 (95,4%) 881 calAD
4	Г-3	24	-482	Пятно серой супеси с угольками	Карбонизированная береста	Ле-11419	1130±35	777 (4,3%) 793 calAD 801 (91,1%) 989 calAD
5	В-4	—	-488	Комплекс VII. Верхняя часть заполнения комплекса (серая супесь с обожженными камнями)	Обугленная деревянная плаха	Ле-11420	1640±160	27 (0,4%) 40 calAD 48 (95,0%) 671 calAD
6	Б-2	—	-471	Углистое пятно на поверхности террасы верхнего эскарпа	Отдельные мелкие угольки с площади примерно 1×1 м	Ле-11421	1280±35	657 (92,1%) 778 calAD 792 (1,2%) 804 calAD 817 (0,4%) 822 calAD 842 (1,7%) 860 calAD
7	В-4	—	-513	Комплекс VII. Нижняя часть заполнения: предматериковый делювиальный слой	Обугленная деревянная плашка	Ле-11422	1100±160	647 (95,1%) 1225 calAD 1235 (0,3%) 1242 calAD
8	А-4	—	-136 – (-379)	Столбовая материковая яма № 7 под пахотным горизонтом	Обугленное основание массивного столба (образец разделен на две части, продатированные отдельно)	Ле-11423а Ле-11423	2650±25 2900±60	889 (1,1%) 882 calBC 843 (94,3%) 792 calBC 1260 (95,4%) 923 calBC
9	Граница квадратов Б-3 и В-3	—	-479 – (-475)	На материке в основании склона верхнего эскарпа (в месте перехода его в террасу). Палка запыла песком со склона эскарпа	Карбонизированная палка (до 5 см в поперечнике и 0,7 м длиной)	Ле-11424	1270±70	644 (93,9%) 897 calAD 926 (1,5%) 943 calAD

в южной части Городища (Носов, Плохов, Хвоцинская 2017: 218, 221, рис. 126). Похоже, что это одно и то же поле, некогда покрывавшее всю площадь холма и прилегающую к нему пойму.

Средняя зона пахотного горизонта на Благовещенском раскопе лежит несколько ниже по склону и представляет собой валик, сложенный напаханным грунтом. Перед нами характерная форма древнего агрогенного рельефа (англ. *positive lynchet*), которая в Европе служит предметом специальных комплексных исследований, по крайней мере, с 1960-х гг. (Bowen

1963: 3, 6, 15–19). Подобные формы антропогенного рельефа в виде длинных узких террас или валиков можно и сегодня наблюдать на присклоновых участках пашен¹⁷⁴. Валик на Городище состоит из той же супеси, что и пашня, но имеющей слоистую структуру. Прослойки относительно чистого песка в ней соответствуют, очевидно, последовательным стадиям распашки,

¹⁷⁴ В современном ландшафте, сформировавшемся, в основном, под воздействием тракторной вспашки, эти элементы рельефа выражены гораздо резче.

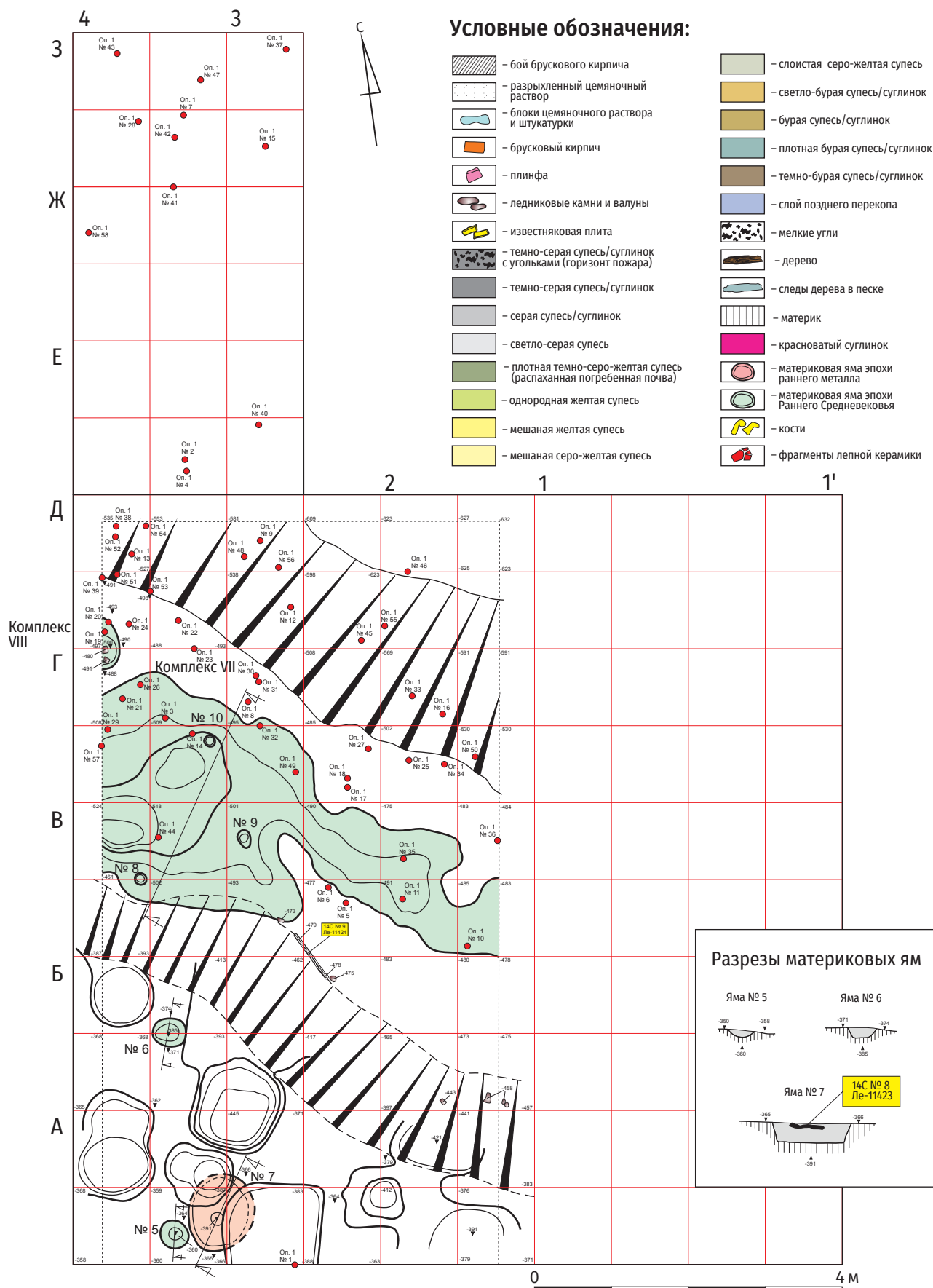

Рис. 301. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Поверхность материка в западной части раскопа. Зеленой заливкой показаны ямы, отнесенные к Раннему Средневековью, розовой – к эпохе раннего металла. На чертеж нанесены находки из Описи 1 (зафиксированные *in situ*)

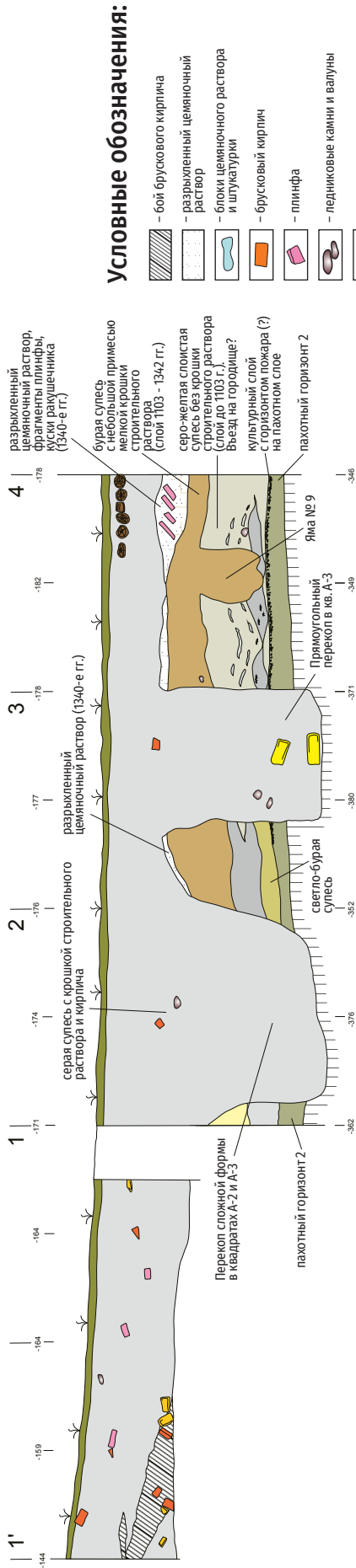

Рис. 302. Рюриково Городище 2015–2016 гг. Благовещенский раскоп. Южная стенка

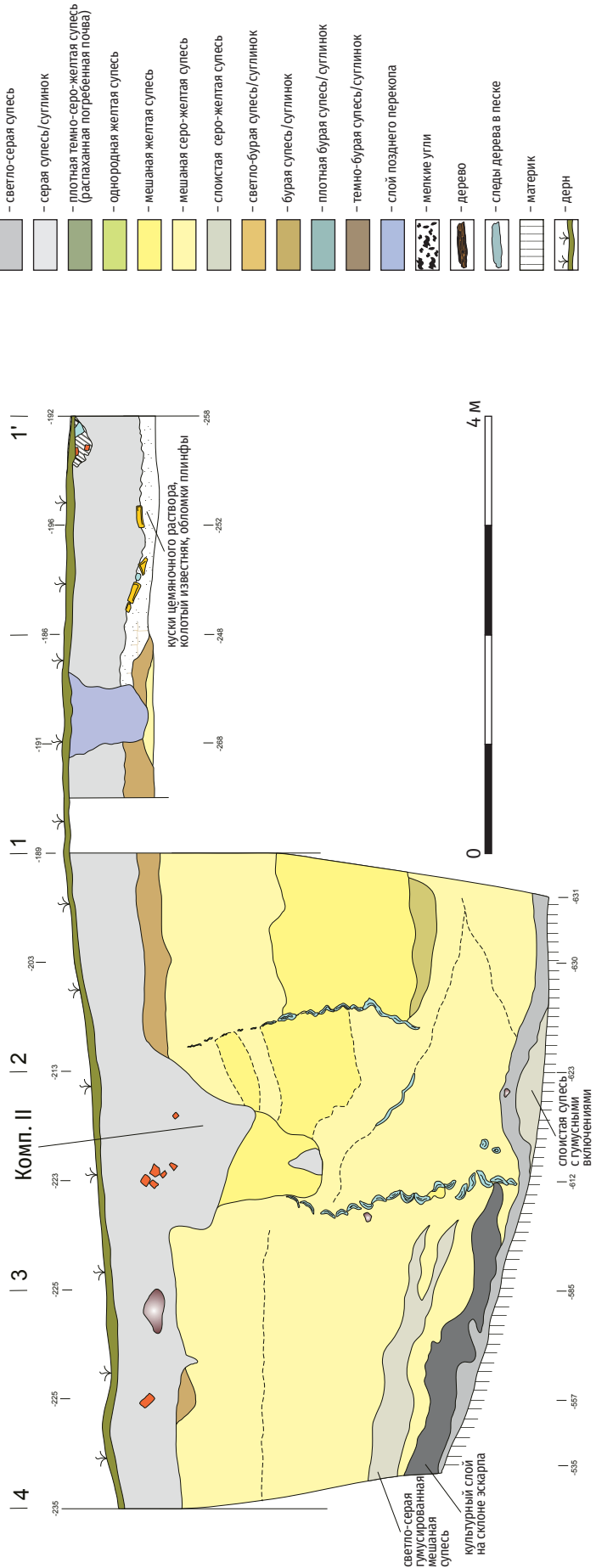

Рис. 303. Рюриково Городище 2015–2016 гг. Благовещенский раскоп. Северная стенка

Условные обозначения:

- бой брускового кирпича
- разрыленный цементный раствор
- блоки цементного раствора и штукатурки
- брусковый кирпич
- плинфа
- ледниковые камни и валуны
- известняковая плита
- темно-серая супесь/суглинок с угловками (горизонт пожара)
- темно-серая супесь/суглинок
- светло-серая супесь
- серая супесь/суглинок
- плотная темно-серо-желтая супесь (распаханная погребенная почва)
- однородная желтая супесь
- мешаная желтая супесь
- мешаная серо-желтая супесь
- слоистая серо-желтая супесь
- светло-бурая супесь/суглинок
- бурая супесь/суглинок
- плотная бурая супесь/суглинок
- темно-бурая супесь/суглинок
- слой позднего перекопа
- мелкие угли
- дерево
- слепы дерева в песке
- материк
- дерн

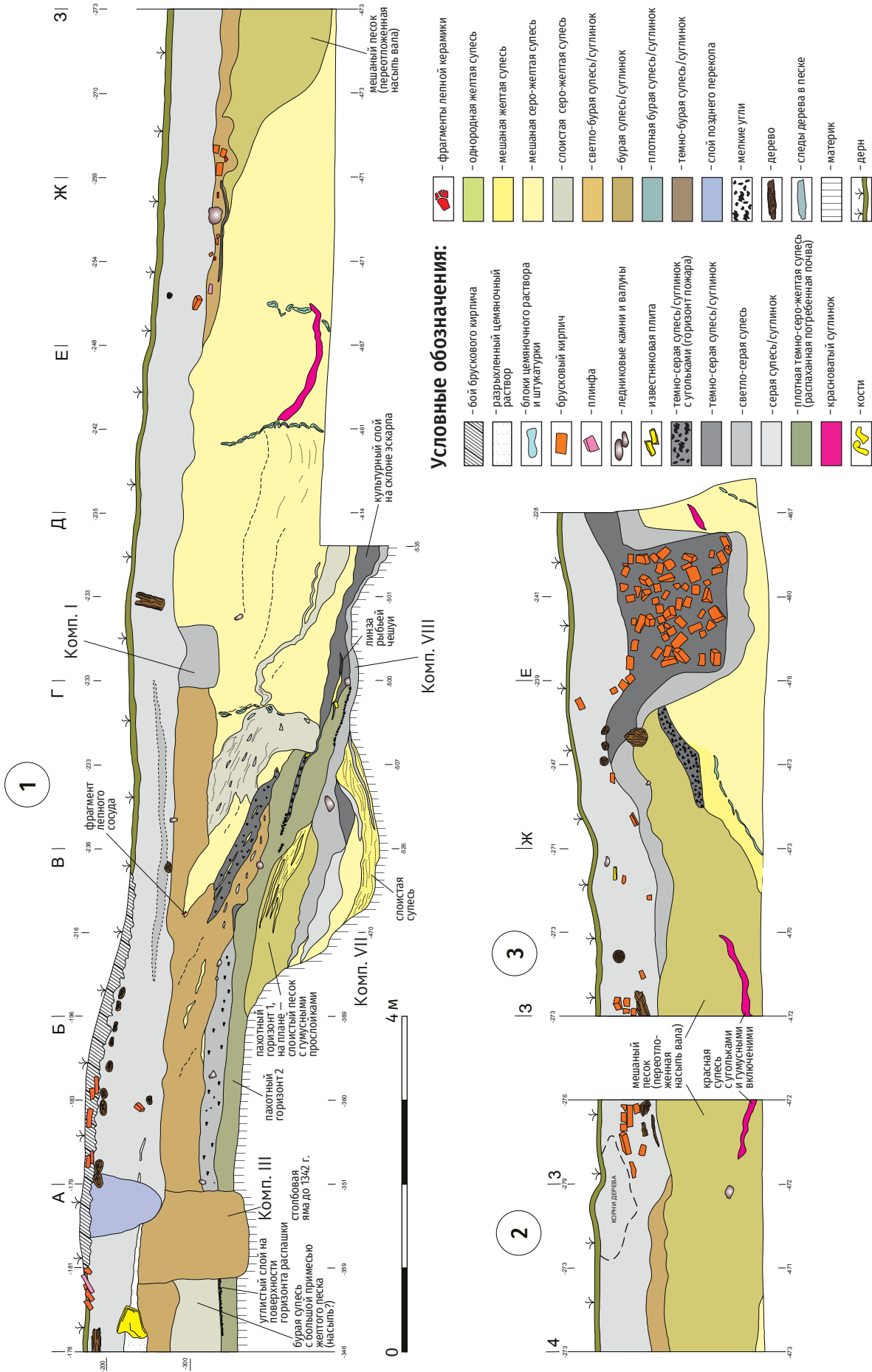

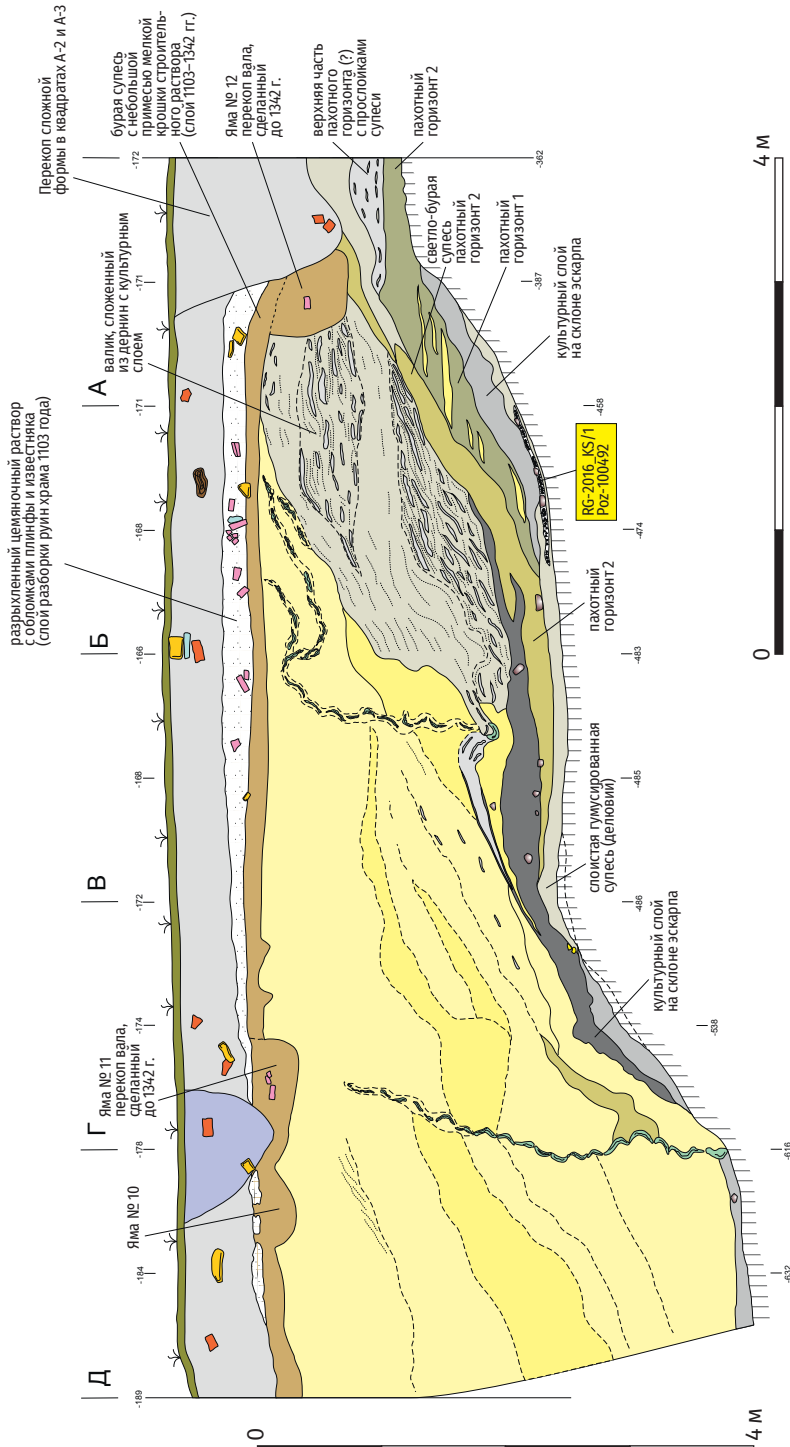

Рис. 304. Рюриково Городище 2015 – 2016 гг. Благовещенский раскоп. Стенки западной части раскопа (1) и северной прирезки к западной части раскопа (2-3)

Условные обозначения:

- – бой брускового кирпича
- – разрыхленный цементный раствор
- – блоки цементного раствора и штукатурки
- – брусковый кирпич
- – плинфа
- – ледниковые камни и валуны
- – известняковая плита
- – темно-серая супесь/суглинок с угольками (горизонт пожара)
- – темно-серая супесь/суглинок
- – светло-серая супесь
- – серая супесь/суглинок
- – плотная темно-серо-желтая супесь (расплавленная погребенная почва)
- – однородная желтая супесь
- – мешаная желтая супесь
- – мешаная серо-желтая супесь
- – слоистая серо-желтая супесь
- – светло-бурая супесь/суглинок
- – бурая супесь/суглинок
- – плотная бурая супесь/суглинок
- – темно-бурая супесь/суглинок
- – слой позднего перекопа
- – мелкие угли
- – дерево
- – следы дерева в песке
- – материк
- – дерн

Рис. 305. Рюриково Городище 2015–2016 гг. Благовещенский раскоп. Бровка в центре раскопа. Указано место отбора пробы угля для AMS-датирования (Я. Шнеевайс)

Рис. 306. Рюриково Городище 2015 г. Западная часть Благовещенского раскопа. Пласт 16. Вид с северо-запада

когда рало выше по склону год за годом вновь и вновь задевало материковый песок, выворачивая его на поверхность, после чего он смывался вниз дождями. Нижняя зона пахотного горизонта представляет собой делювиальный шлейф, распространяющийся вниз по склону еще на несколько метров. Он также состоит из гумусированной супеси и имеет слоистую структуру. Обрисованная картина свидетельствует о многолетней распашке данного участка предположительно в VIII–IX вв. Естественно, никаких укреплений в этот период на холме быть не могло. Поселение этого времени располагалось где-то поблизости.

Ниже пахотного горизонта в раскопе открылись сооружения и культурный слой предшествующего времени. Это и есть самое интересное на Благовещенском раскопе. Оказалось, что пахотный слой и вышеописанный культурный слой перекрывают собой две рукотворные ступеньки, вырезанные в материковом склоне холма (рис. 304; 305; 317). Верхняя ступенька имеет высоту около 1 м. После ее сооружения на склоне образовалась ровная терраса шириной около 4 м. На этой террасе открыто небольшое углубленное сооружение столбовой конструкции (комплекс VII). Назначение ступеньки практически не вызывает сомнений — перед нами эскарп древнего городища. На краю холма над эскарпом под распашкой расчищены три столбовые ямы (рис. 301, ямы № 5–7).

Одна из этих ям (№ 7), в которой находился столб, дала неожиданно раннюю радиоуглеродную датировку: 2650 ± 25 и 2900 ± 60 BP (Je-11423) (табл. 52). Очевидно, это остатки самых древних сооружений на краю холма, относящихся еще к ЭРМ. К эскарпу этот столб не имеет отношения. А вот две другие ямы вполне могут быть связаны с какой-то дополнявшей

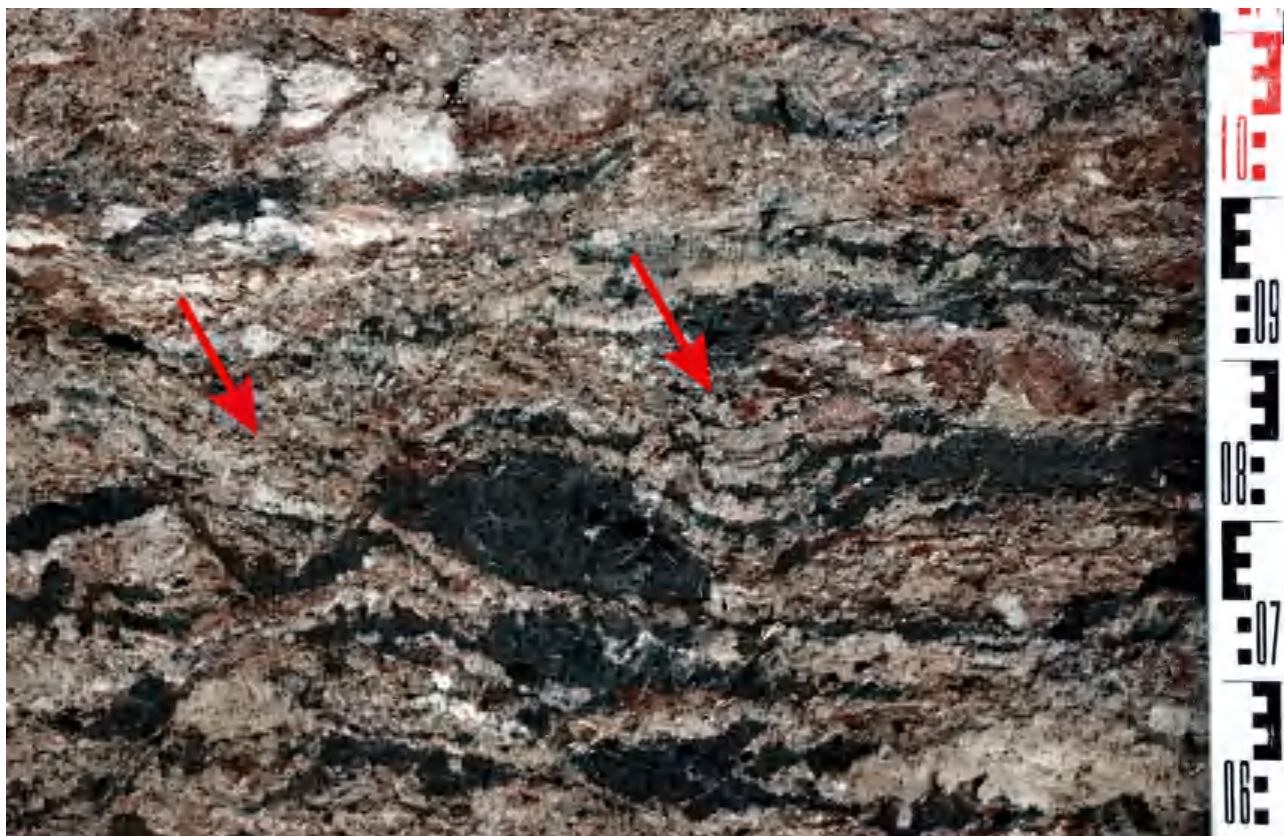

Рис. 307. Рюриково Городище 2015 г. Западная часть Благовещенского раскопа. Пласт 16. Следы пахотных борозд на материковом песке и поздние ямы-перекопы после выборки заполнения. В стенке ямы, в которой стоит полуметровая рейка, видна мощность пахотного горизонта на склоне холма — более 0,5 м. На культурном слое лежит сложенный из дерна (слоистый в разрезе) валик, который укреплял внутренний склон вала от расползания в сторону площадки городища. Вид с запада.

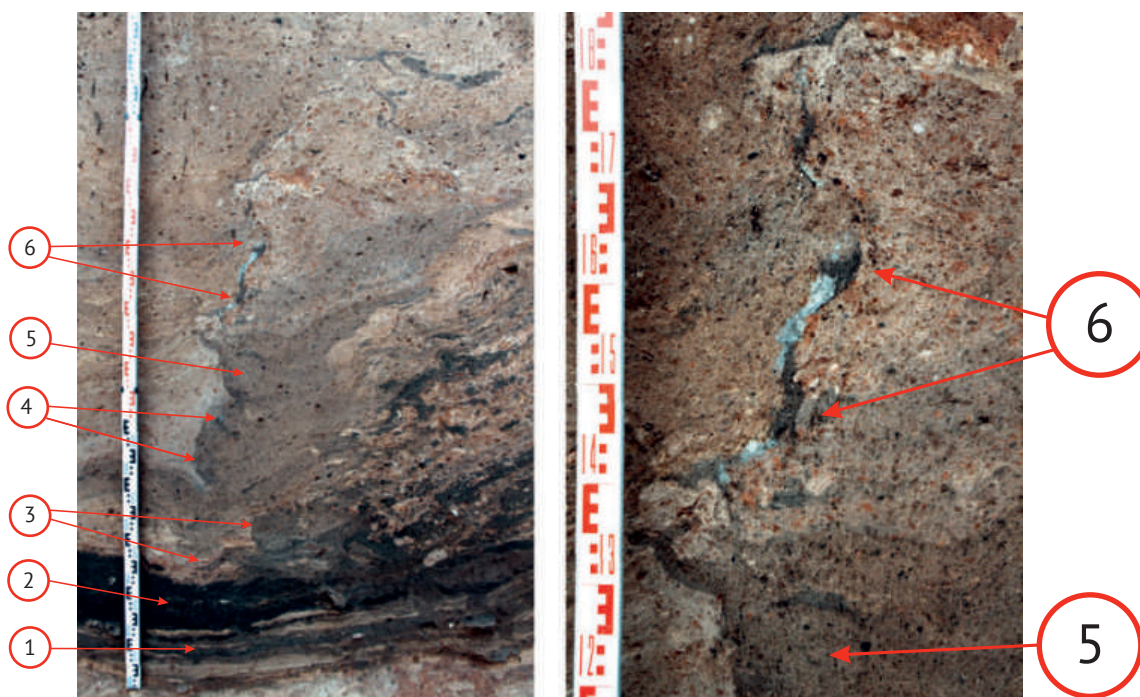
эскарп деревянной стеной. Рассматривая вопрос о стене, следует обратить внимание на одно обстоятельство. Радиоуглеродный анализ угля из культурного слоя на террасе эскарпа указывает на наличие здесь нескольких крупных головешек с очень ранними датировками: 1680 ± 100 BP (Je-11416) и 1640 ± 160 BP (Je-11420). Не являются ли они остатками этой ранней стены, рухнувшей на террасу?

На склоне эскарпа и на террасе (в частности, в столбовой постройке) отложился маломощный культурный слой, по своему составу резко отличающийся от вышележащего слоя с лепной керамикой. Здесь тоже встречаются обломки гладкостенной лепной посуды, но основная масса фрагментов имеет текстильную или штрихованную поверхность, или украшена ямками и отпечатками различных штампов (рис. 318; 319). Первоначально возникло предположение, что перед нами горизонт РЖВ. Однако радиоуглеродные датировки, связанные с этим слоем, указывали скорее на VI–IX вв. (табл. 52). К этому же времени может быть отнесен и единственный реконструирующийся лепной сосуд из постройки (комплекс VII) на террасе эскарпа (рис. 321: 11). Подобные конические сосуды с высоким S-видным венчиком присутствуют в Городке на Маяте, причем не только

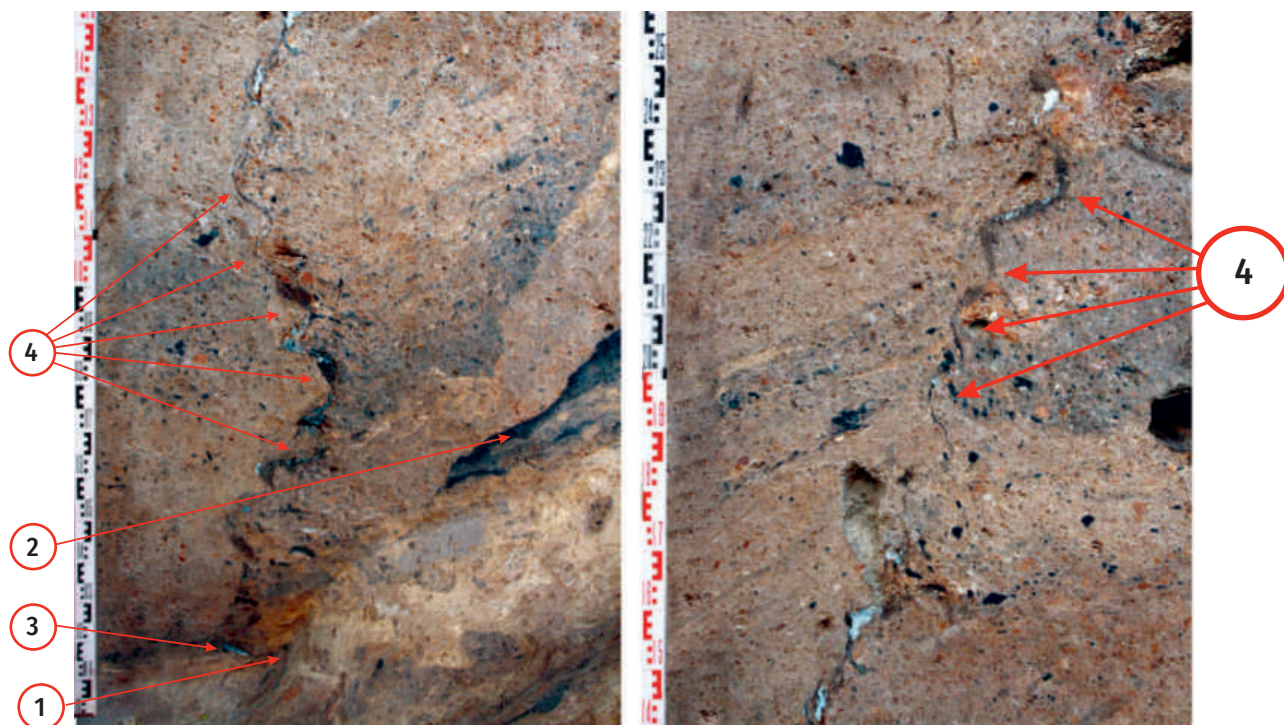

Рис. 308. Рюриково Городище 2015 г. Западная часть Благовещенского раскопа. Разрез дернового (?) валика в основании вала со стороны площадки городища. Стрелками обозначены следы ног строителей вала

Рис. 309. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Детали внешней стены первого (от площадки) ряда внутривальных клеток. Слева – общий вид; справа – детали крупным планом. Восточная стена раскопа, квадрат В-2. 1 – делювиальный шлейф пахотного горизонта; 2 – культурный слой; 3 – бревна, положенные в основание стены; 4, 6 – колотые плахи, из которых срублена клеть; 5 – целое бревно (?), уложенное в одну стену с плахами

Рис. 310. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Детали внешней стены второго (от площадки) ряда внутривальных клеток. Слева — общий вид; справа — детали крупным планом. Восточная стена раскопа, квадраты В-2, Г-2. 1 — подрезка склона, сделанная для установки нижней части клетки; 2 — подрезанная линза культурного слоя; 3 — плаха, положенная в основание стены; 4 — колотые плахи, из которых срублена клеть

в комплексах, широко датирующихся второй половиной I тыс. н. э., но и в хорошо документированном радиоуглеродным анализом контексте VII в. (Еремеев, Дзюба 2010: 175, 176, рис. 77: 1; 165).

Ниже рукотворной террасы с постройкой была открыта еще одна аналогичная терраса, уходящая за пределы раскопа. Таким образом, нам удалось установить, что попавший в границы раскопа склон холма имел ступенчатую эскарпировку, скорее всего военного предназначения. Описав культурные напластования Благовещенского раскопа в порядке их обнаружения, попробуем теперь очертить связанные с ними этапы жизни

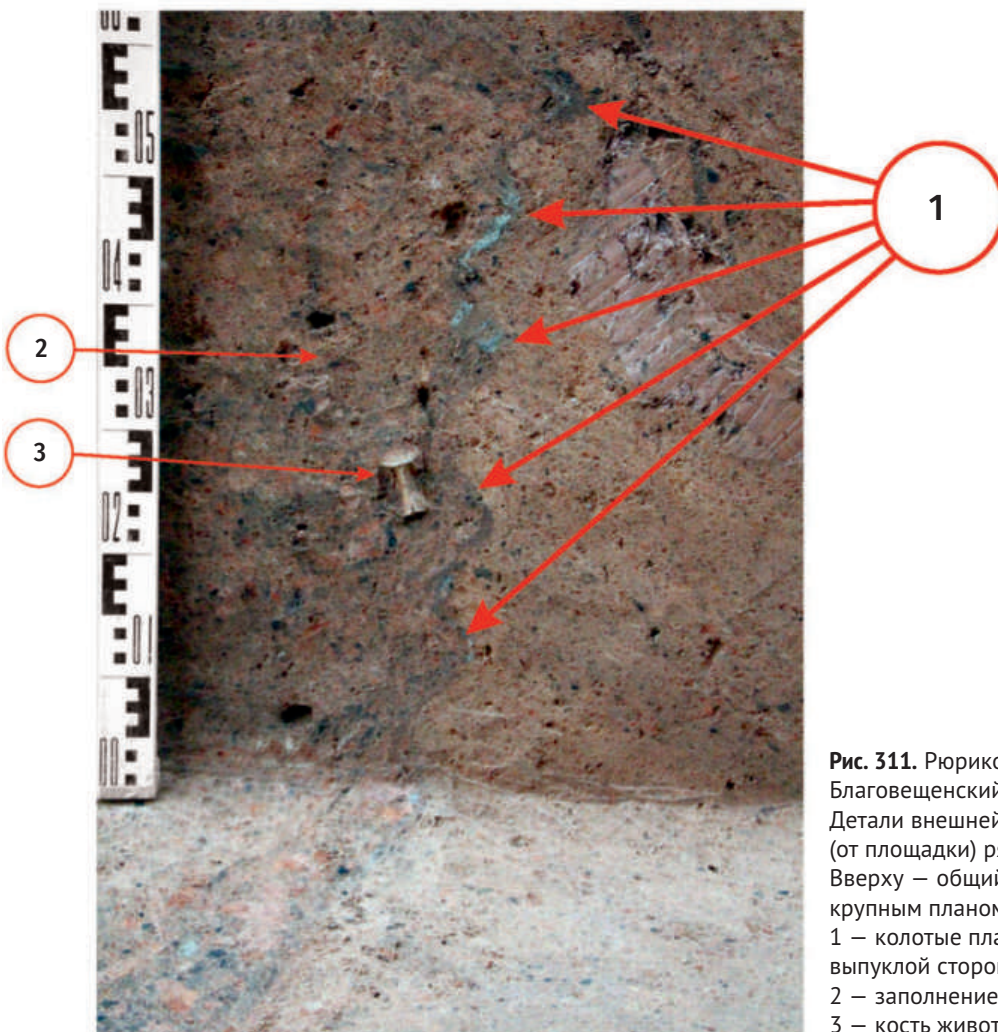
поселения в их хронологической последовательности (табл. 53). Речь идет именно об укрепленном поселении, поэтому неолитическая стоянка, следы которой фиксируются на Городище, в расчет не берется.

Рюриково Городище 1. Поселение ЭРМ — РЖВ, о планировке которого мы пока почти ничего не знаем. Материалы этого времени с Городища описаны М. А. Раззак (Юшковой), и к ее выводам сложно добавить что-то существенное (Юшкова 2011). Обнаружение нами мощного столба на краю холма наводит на мысль о том, что это поселение могло быть укреплено. Судя по многочисленным находкам

Табл. 53. Периодизация напластований центральной части Рюрикова Городища (выделены периоды достоверно укрепленных поселений)

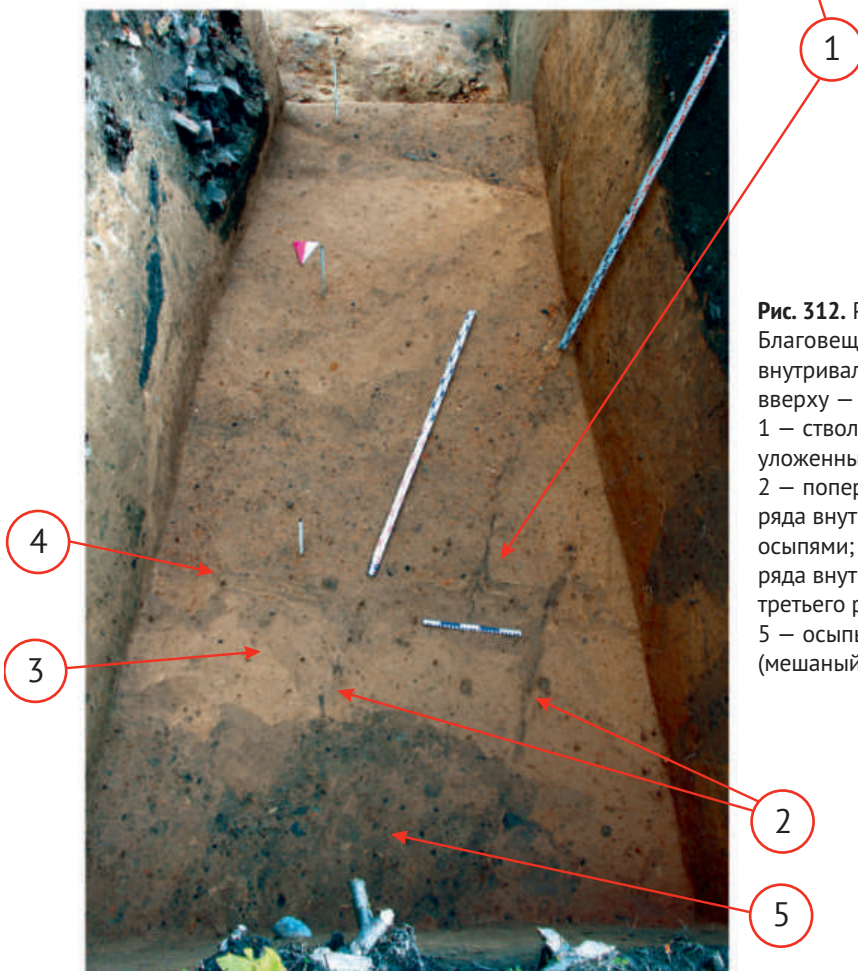
Этапы	Хронология	Культурное содержание
Рюриково Городище 1	1 половина I тыс. до н. э.	Городок (?) рубежа ЭРМ и РЖВ
?	?	?
Рюриково Городище 2	VII – начало IX в. н. э.	Холмовой городок, укрепленный системой эскарпов
Рюриково Городище 3	VIII – начало IX в. н. э.	Пахотное поле на месте городка, открытое поселение
Рюриково Городище 4	VIII – середина IX в. н. э.	Открытое (?) поселение
Рюриково Городище 5	середина IX в. н. э.	Крепость с валом, укрепленным срубными городнями
Рюриково Городище 6	X в. н. э.	Открытое (?) поселение на руинах укреплений IX в.

Рис. 311. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 19. Детали внешней стены второго (от площадки) ряда внутривальных клеток. Вверху – общий вид; внизу – детали крупным планом в квадрате E-4. 1 – колотые плахи сруба, уложенные выпуклой стороной наружу; 2 – заполнение клетки; 3 – кость животного

Рис. 312. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 19. Элементы внутривальных конструкций. Внизу — общий план, вверху — детали крупным планом.
1 — ствол дерева с корневой системой (?), уложенный комлем в напольную сторону;
2 — поперечные стенки четвертого внешнего (?) ряда внутривальных клеток, разрушенного осыпями; 3 — песчаное заполнение четвертого ряда внутривальных клеток; 4 — внешняя стена третьего ряда внутривальных клеток;
5 — осыпь с напольной стороны вала (мешаный гумусированный песок)

Рис. 313. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Пласт 22. Вид с северо-востока. Культурный слой на террасе эскарпа

Рис. 314. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Разборка комплекса VII (в нем оставлена бровка). Наплыв культурного слоя на склоне нижнего эскарпа пока не разбирается. Вид с востока

Рис. 315. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Восточная стенка раскопа. Вид с запада

Рис. 316. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Западная стенка. Вид с востока

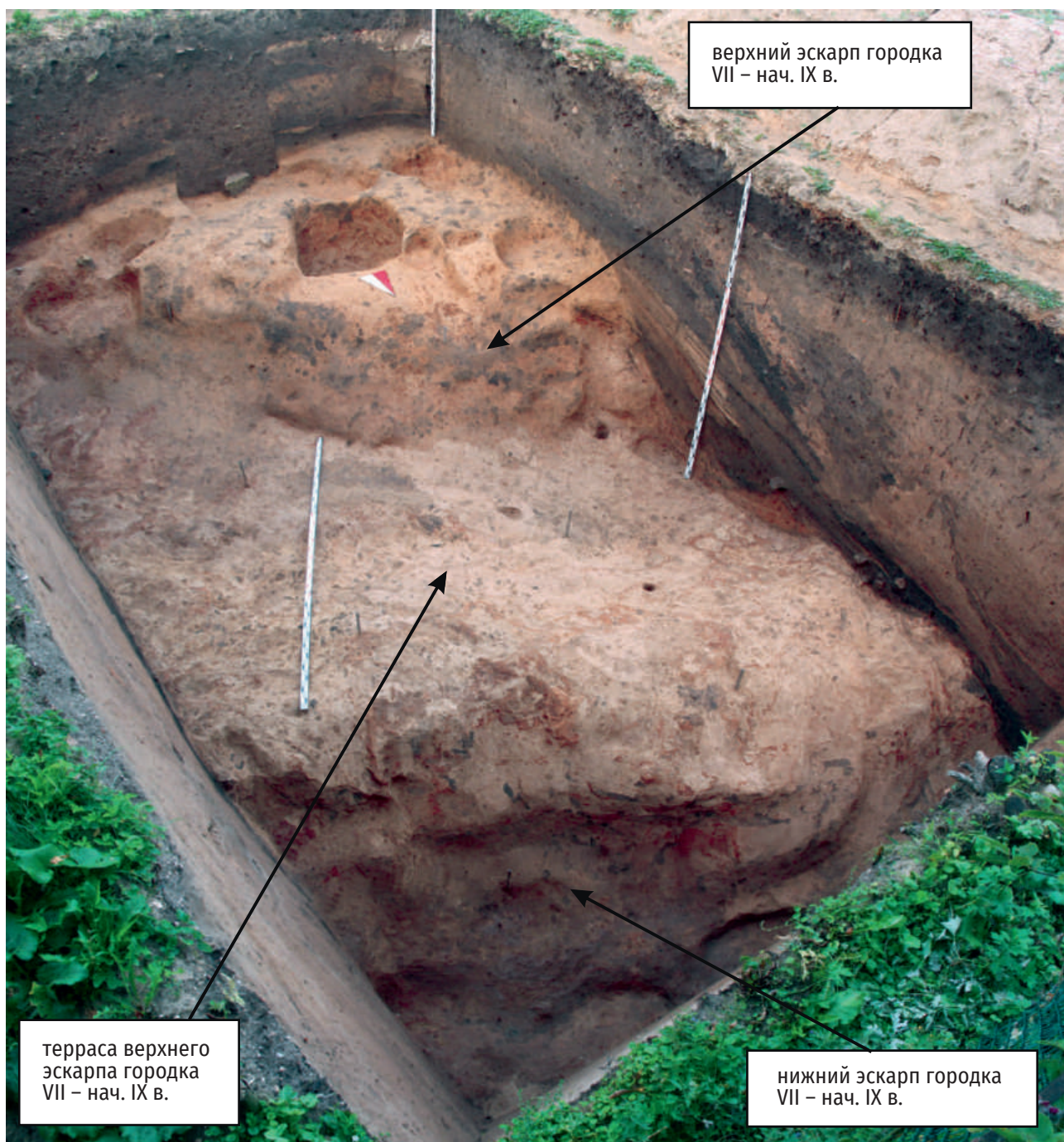
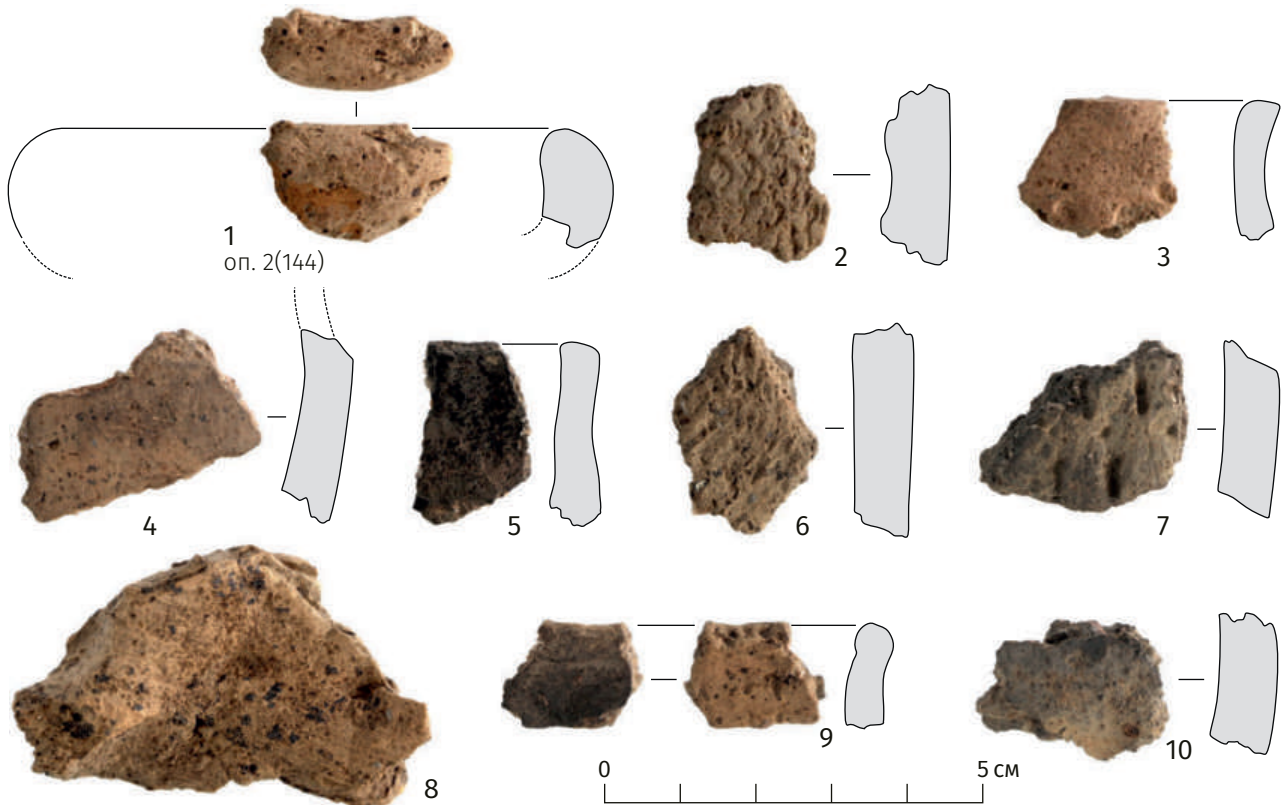

Рис. 317. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Зачистка поверхности материка. Вид с северо-востока

Рис. 318. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Фрагменты лепной керамики из культурного слоя на склоне верхнего эскарпа. 1, 7, 12, 14, 15 — текстильная керамика; 3–6, 13, 16–19 — фрагменты орнаментированной посуды; 8–11 — фрагменты гладкостенной керамики; 2 — фрагмент сосуда, покрытого штриховкой. 1–11 — кв. В-4; 12, 13 — кв. В-3; 14–19 — кв. Б-3

Рис. 319. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Фрагменты лепной керамики из культурного слоя на склоне верхнего эскарпа. 1 — фрагмент льячки (?); 2, 6 — фрагменты текстильной керамики; 3–7, 9 — фрагменты орнаментированной посуды; 4 — фрагмент плечика подлощенного сосуда; 5, 10 — фрагменты гладкостенных сосудов; 8 — кусок глиняной обмазки. 1– кв. Б-3; 2, 3 — кв. Г-4; 4–8 — кв. Б-2; 9, 10 — кв. А-2

орнаментированной керамики ЭРМ и РЖВ в нашем раскопе (рис. 318–320) и под храмом Благовещения, слой этого времени занимал всю возвышенную часть холма, но был переотложен раннесредневековой распашкой и хозяйственной деятельностью (Кудрявцев, Андриенко 2017: 52, рис. 10). Пока невозможно разделить ЭРМ и РЖВ не только на Городище, но и в Приильменье в целом — слишком незначителен материал второй половины I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. Со временем из этапа Рюриково Городище 1 выделится, видимо, некий памятник эпохи раннего железа (Рюриково Городище 1 а), но каким он будет, мы не можем пока представить.

Рюриково Городище 2. Городок холмового типа, укрепленный ступенчатыми эскарпами (рис. 315–317). Небольшая высота эскарпов не должна нас смущать. Интерпретация их как фортификационных сооружений зависит от объекта сравнения. Если на фоне огромного вала IX в. (не говоря уже о более поздней фортификации Новгорода) они выглядят довольно убого, то при сопоставлении их с укреплениями Восточной Европы раннего железного века (см., например: Шадыро 1985: рис. 6; 7) и третьей четверти I тыс. н. э. нетрудно убедиться в их типовом характере.

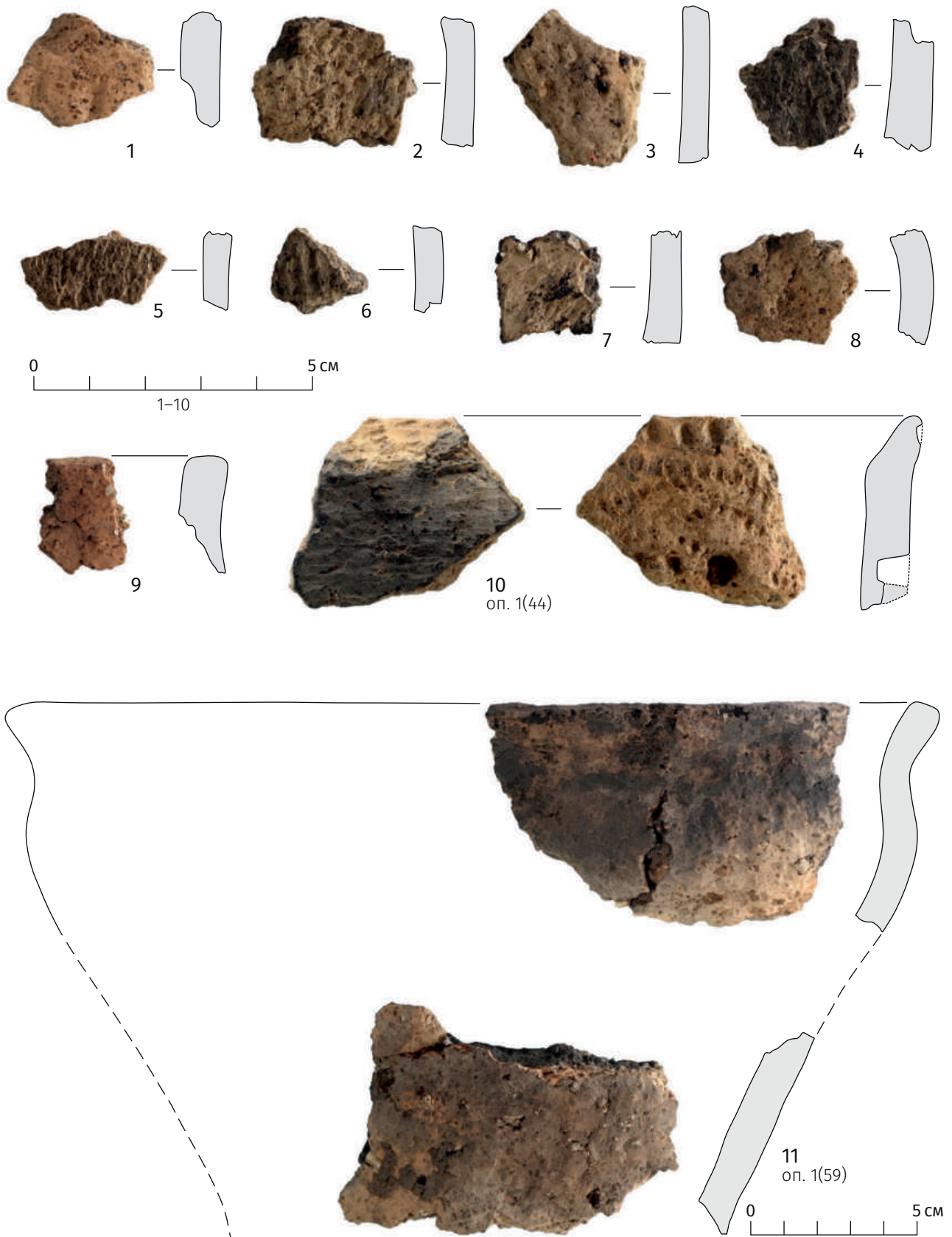
Подобная эскарпировка обнаружена, например, на таком известном раннеславянском памятнике,

как городище Хотомель (Еремеев 2010: 276–277). Ближайшими параллелями Рюрикова Городища 2 являются ступенчатые укрепления Городка на Маяте (V–VII вв.) и Бронницкого холма (VII–VIII вв.) в Восточном Приильменье. Вероятно, что-то подобное существовало в VIII в. и на Холопьем Городке (рис. 340). Наряду с последним, холмовое укрепление Рюрикова Городища 2, похоже, является на Ильмене одним из самых поздних памятников, выполненных в этой архаической фортификационной технике. Больше всего сходства можно обнаружить между Рюриковым Городищем 2 и Бронницей. Вплоть до такой детали, как углубленные постройки на террасах эскарпов (рис. 313; 314).

Время постройки городка Рюриково Городище 2 определяется серией радиоуглеродных датировок, полученных по углю, взятому из заполнения комплекса VII (постройки на террасе), а также с материковой поверхности верхнего эскарпа. Всего в Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН этих датировок получено четыре. Две по комплексу VII: 1640 ± 160 BP (Ле-11420) и 1100 ± 160 BP (Ле-11422); и две по культурному слою: 1270 ± 70 BP (Ле-11424) и 1280 ± 35 BP (Ле-11421). Последняя датировка выполнена по углестому пятну на материковом основании террасы верхнего эскарпа.

Рис. 320. Юриково Городище 2015 г. Благовещенский раскоп. Находки эпохи бронзы из культурного слоя под валом

Рис. 321. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Обломки разновременной лепной керамики из заполнения комплекса VII. 2, 3, 5-7 – текстильная керамика; 1, 8, 10 – фрагменты орнаментированной посуды; 9 – фрагмент гладкостенной керамики; 4 – фрагмент сосуда, покрытого штриховкой. 1-6, 9 – кв. В-4, комплекс VII, пласт 1; 7, 8 – кв. Г-4, комплекс VII, пласт 1; 10 – кв. В-4, комплекс VII, пласт 2; 11 – комплекс VII, пласт 1

Рис. 322. Рюриково Городище 2014–2016 гг. Благовещенский раскоп. Находки из заполнения городней, из культурного слоя близ вала (1–8) и с площадки первоначального городища (9)

Рис. 323. Рюриково Городище 2015–2016 гг. Благовещенский раскоп. Находки из засыпки городней и культурного слоя под валом

Рис. 324. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Находки из засыпки внутривальных клеток (1–5) и культурного слоя под валом (6–11). Дирхем: Аббасидские наместники Северной Африки, Йазид, Ифрикия, 172 г. х. (788/789 г.). Определение Вяч. С. Кулешова. Одна из двух половинок расколотой бусины найдена в засыпке клетки, другая — в культурном слое под валом

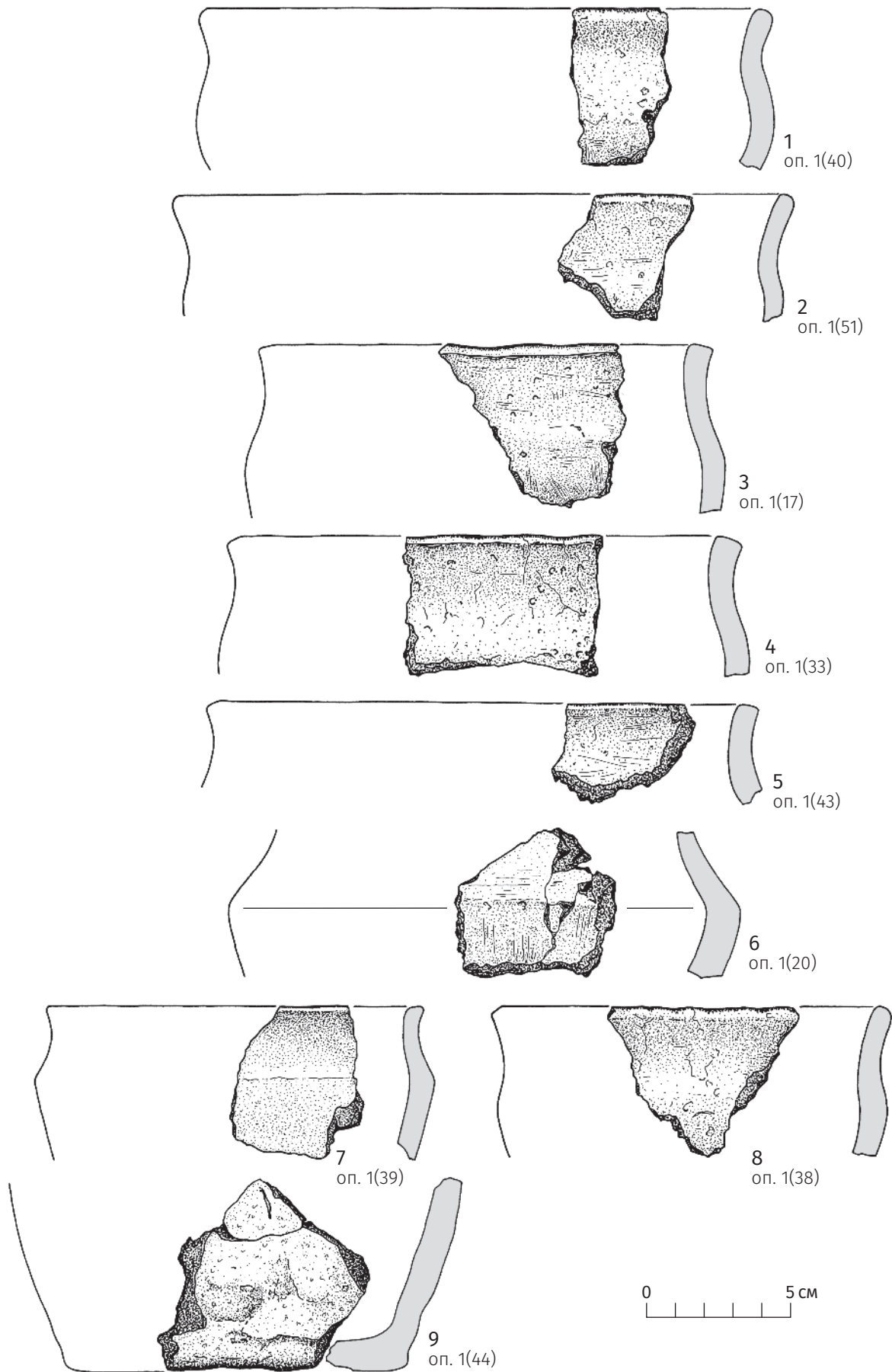
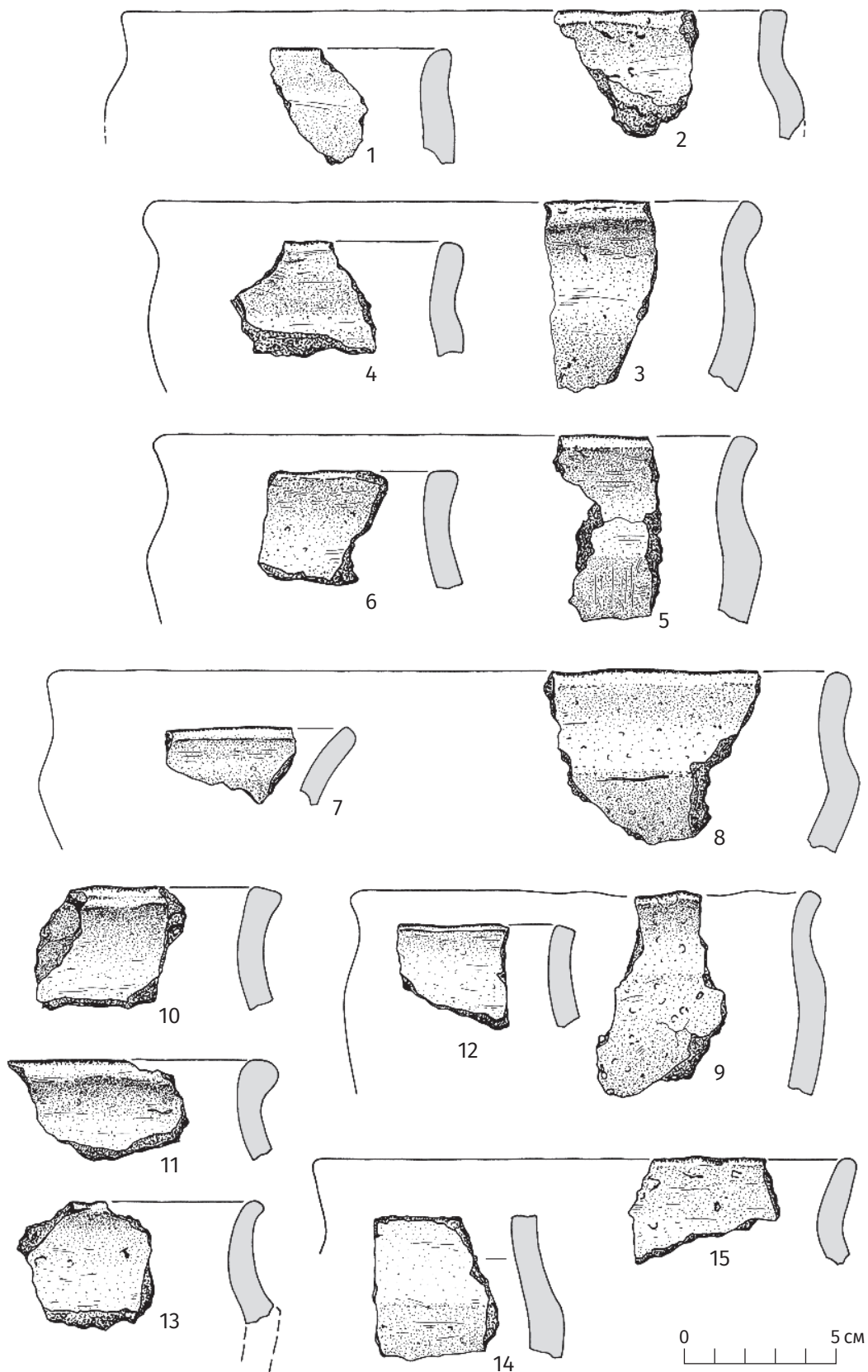
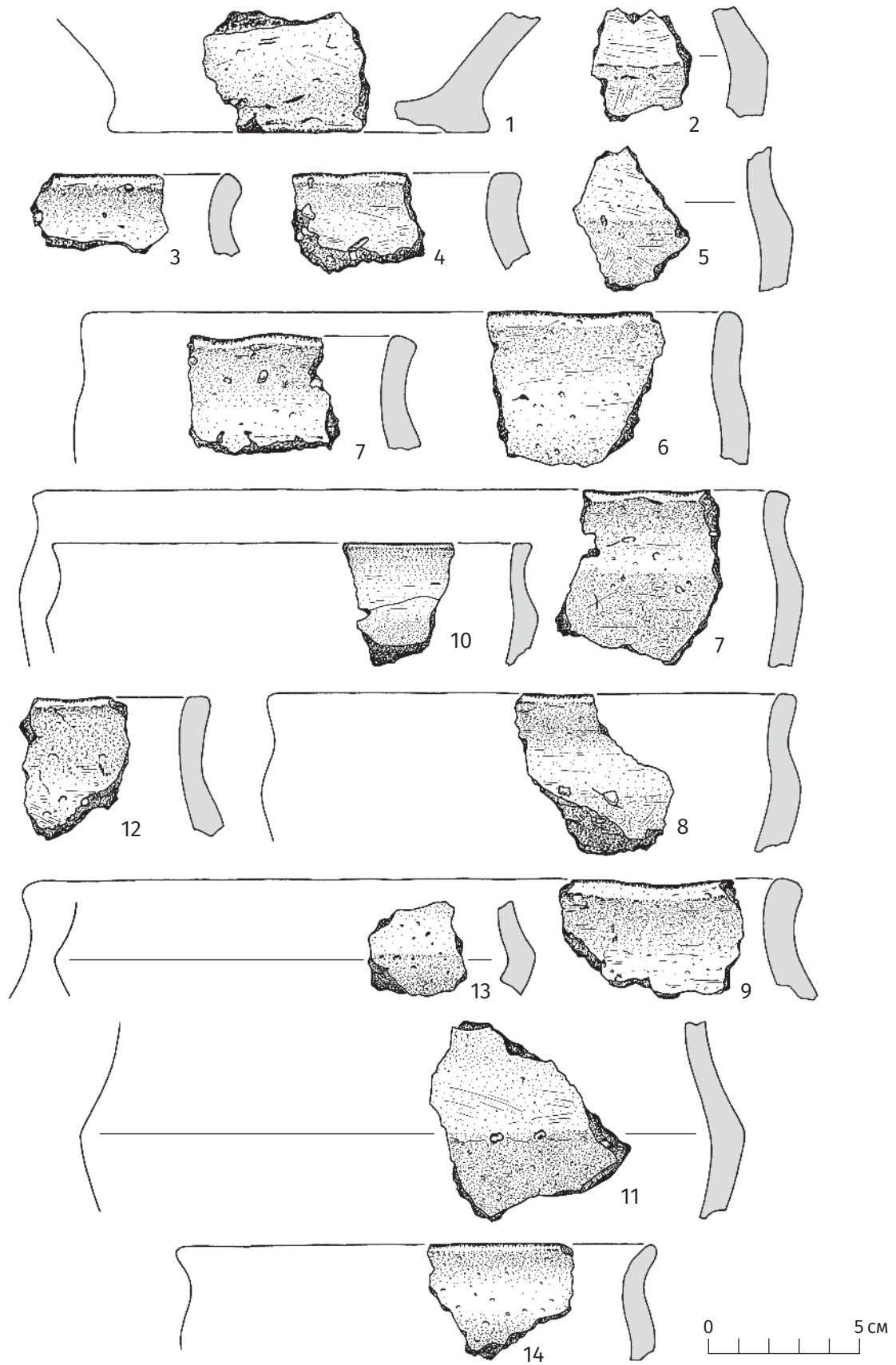

Рис. 325. Рюриково Городище 2015 г. Благовещенский раскоп. Лепная керамика из заполнения городней вала

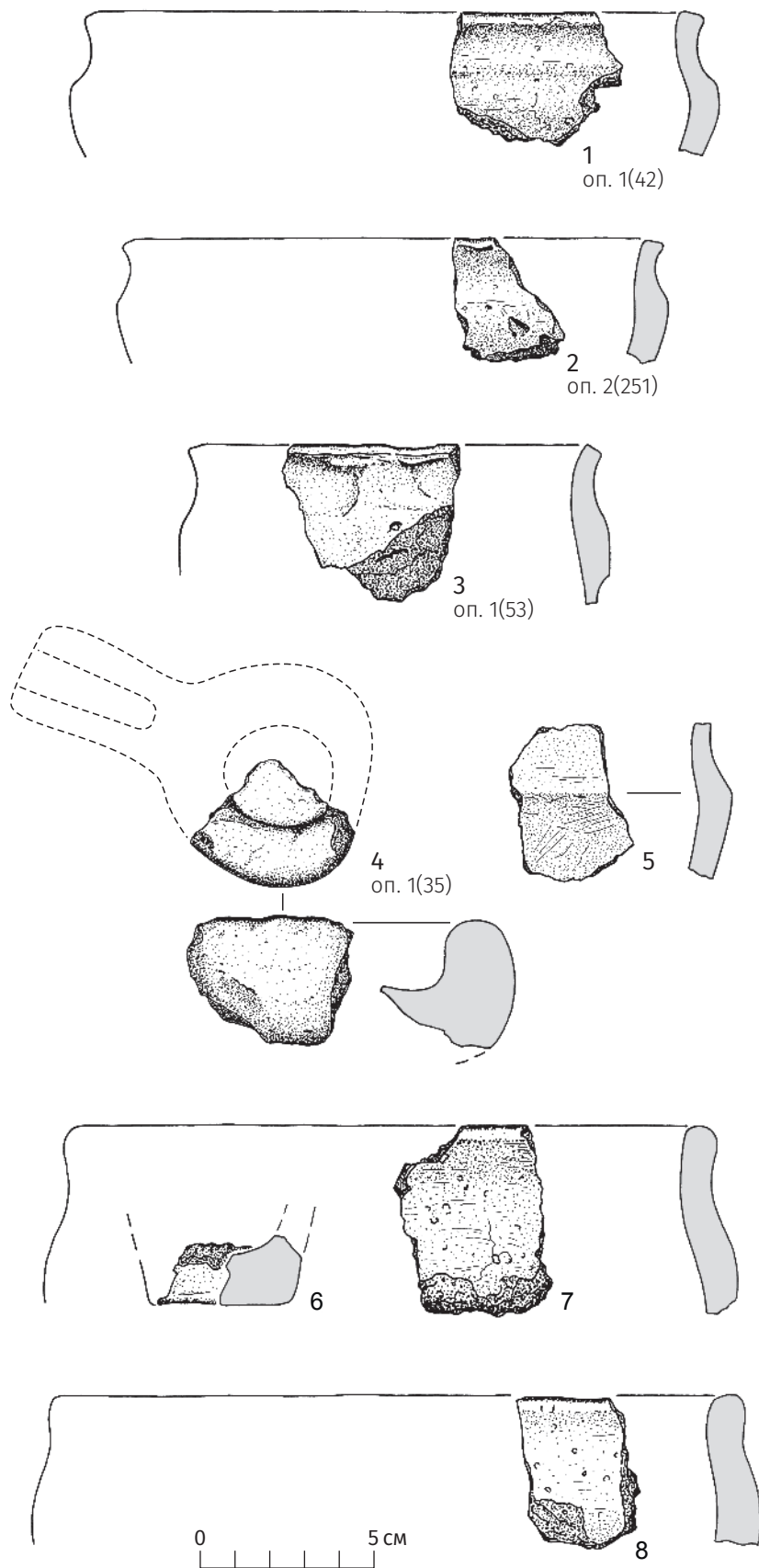

Рис. 326. Юриково Городище 2015 г. Благовещенский раскоп. Лепная керамика из заполнения городской вала. 1 – кв. Г-4, зачистка стенки; 2 – кв. Е-4, пласт 4; 3 – кв. А-4, пласт 6; 4, 6 – кв. Б-4, пласт 6; 5 – кв. Б-2, пласт 6; 7–9 – кв. В-3, пласт 7; 10 – кв. А-3, пласт 9; 11, 12 – кв. Б-3, пласт 9; 13, 14 – кв. В-4, пласт 10; 15 – кв. А-4, пласт 10

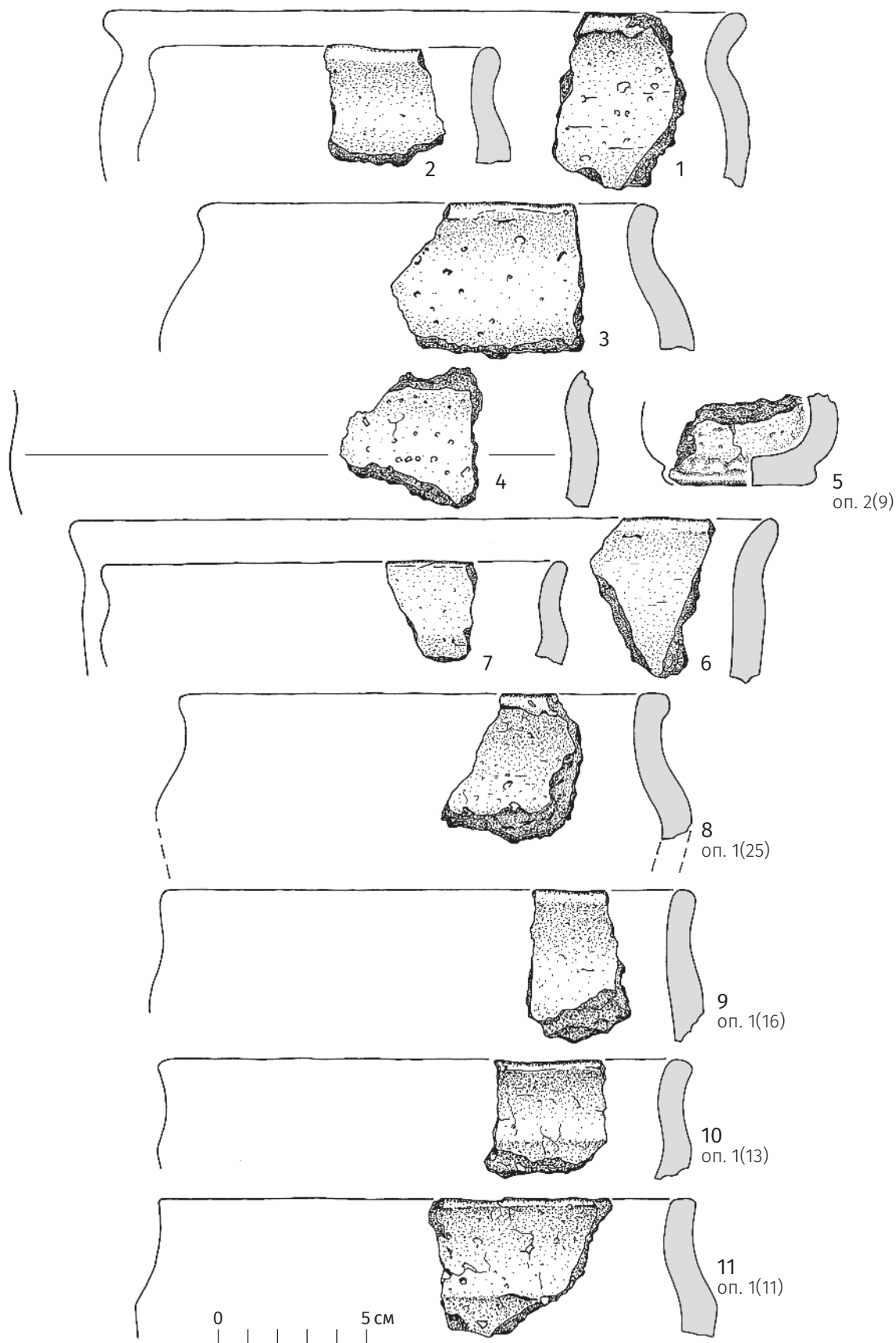

Рис. 327. Рюриково Городище 2015 г. (1–12) и 2016 г. (13, 14). Благовещенский раскоп. Лепная керамика из заполнения городней вала. 1 – кв. Г-4, пласт 11; 2 – кв. Б-3, пласт 11; 3 – кв. Б-2, пласт 11; 4 – кв. Б-3, пласт 12; 5, 6 – кв. Б-2, пласт 13; 7 – кв. В-2, пласт 13; 7, 8 – кв. В-3, пласт 14; 9 – кв. Б-2, пласт 14; 10, 11 – кв. Б-2, пласт 15; 12 – кв. В-3, пласт 15; 13, 14 – кв. Ж-3, пласт 11, заполнение городней четвертого (внешнего) ряда

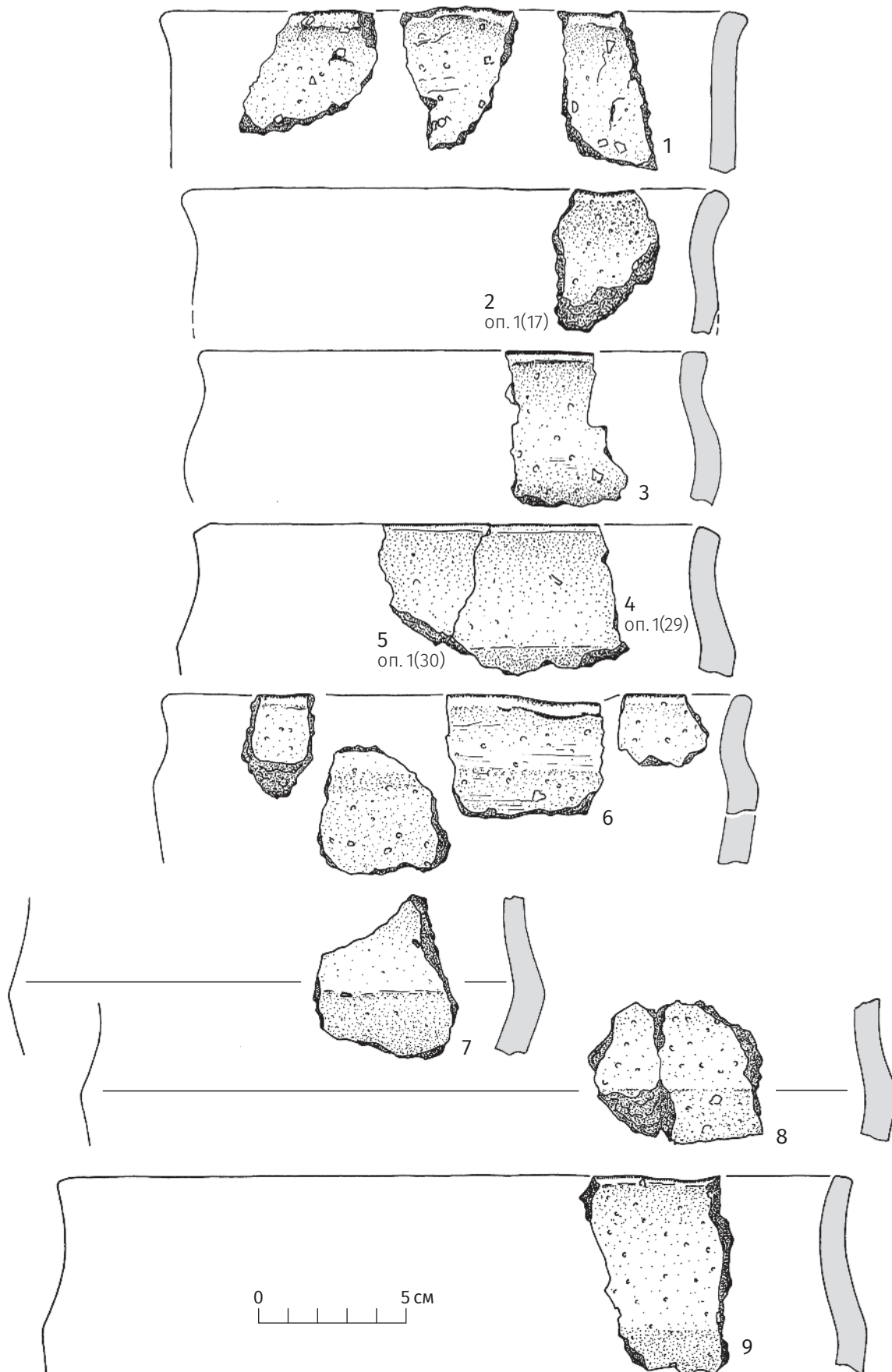

Рис. 328. Рюриково Городище 2015 г. Благовещенский раскоп. Лепная керамика (1–3, 5–8) и фрагмент керамической льячки (4) из культурного слоя под валом городища. 5 – кв. Г-4, пласт 16; 6 – кв. А-2; 7 – кв. В-4, пласт 16; 8 – кв. В-3, пласт 16

Рис. 329. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Лепная керамика из заполнения городской вала. 1 – кв. Д-2, пласт 22; 2 – кв. В-2, пласт 17; 3 – кв. Б-2, пласт 18; 4 – кв. Г-4, пласт 19; 5 – кв. В-3, пласт 18; 6 – кв. Г-3, пласт 24; 7 – кв. Д-4, пласт 23; 8 – кв. Г-2, пласт 22; 9 – кв. Г-2, пласт 21; 10 – кв. Д-4, пласт 20; 11 – кв. В-2, пласт 20

Рис. 330. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Лепная керамика из культурного слоя под валом. 1 — кв. Г-3, пласт 22, угольное пятно; 2 — кв. Г-3, пласт 21; 3 — кв. Б-3, пласт 17; 4 — кв. Г-4, пласт 22; 5 — кв. Г-3, пласт 22; 6 — кв. Г-4, пласт 21; 7 — кв. Г-4, пласт 20; 8 — кв. Г-4, пласт 20; 9 — кв. Г-4, пласт 21

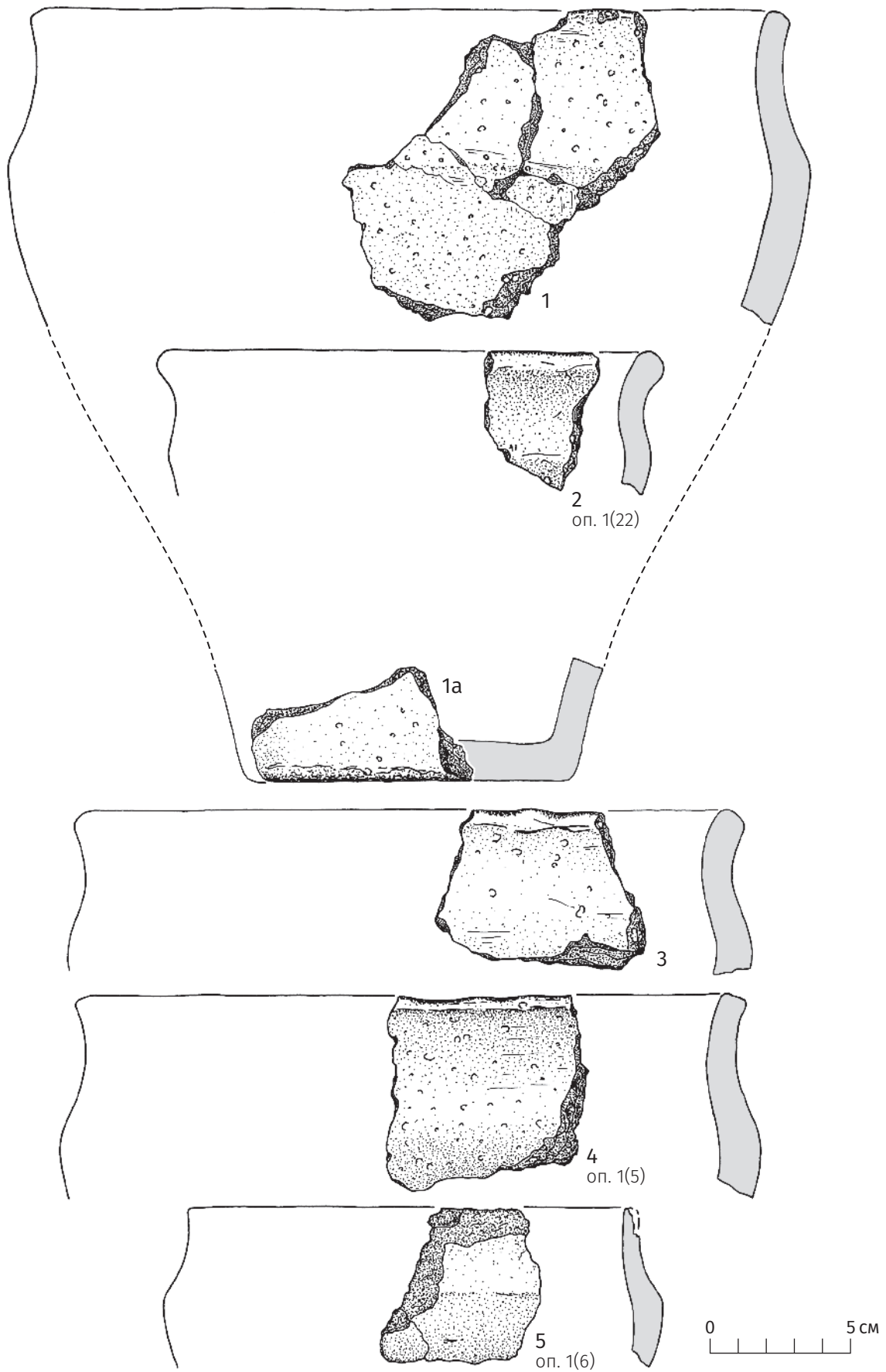
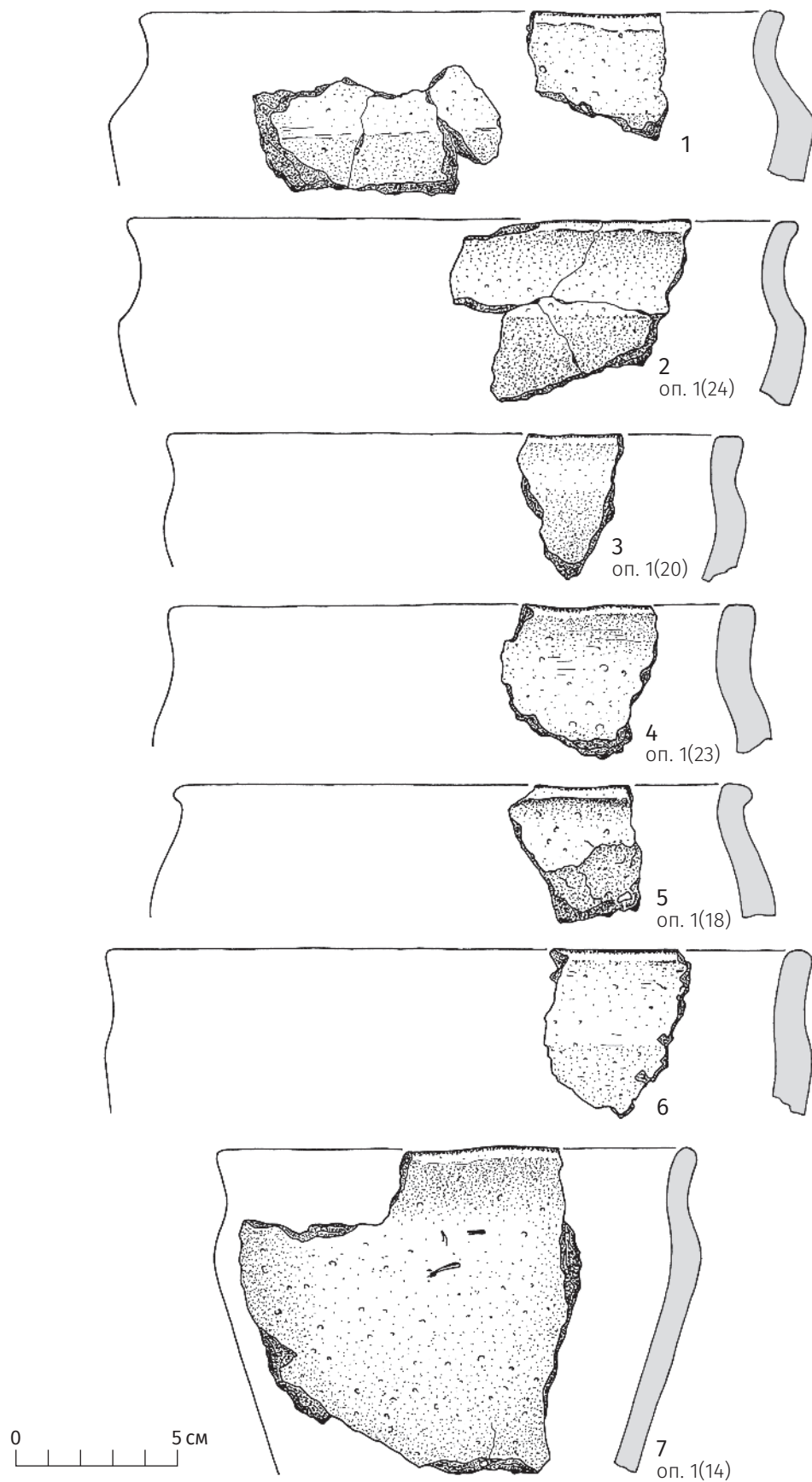
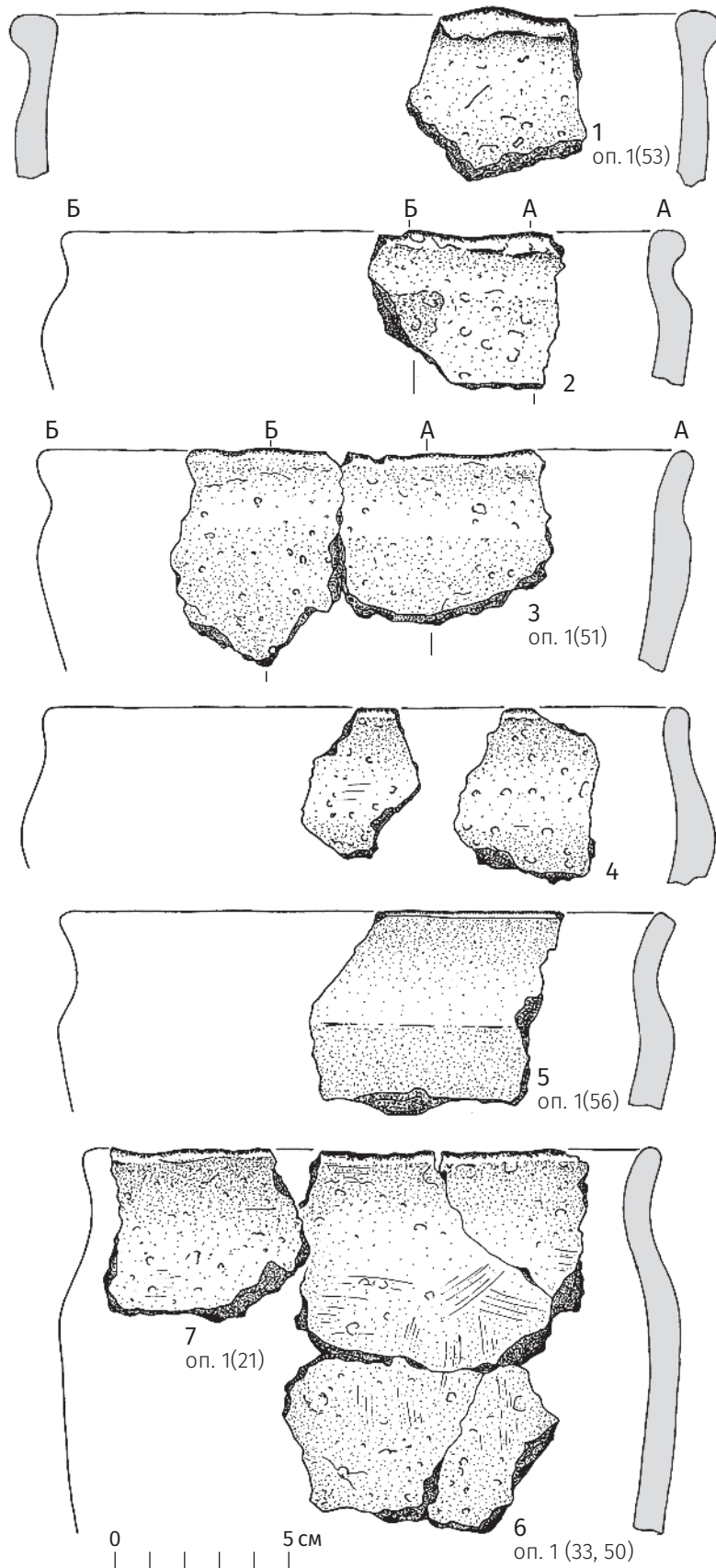

Рис. 331. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Лепная керамика из культурного слоя под валом. 1, 1а – кв. Г-3, пласт 24; 2 – кв. Д-4, пласт 22, углистое пятно; 3 – кв. Д-4, пласт 22; 4, 5 – кв. В-3, пласт 19 (в пахотном слое?)

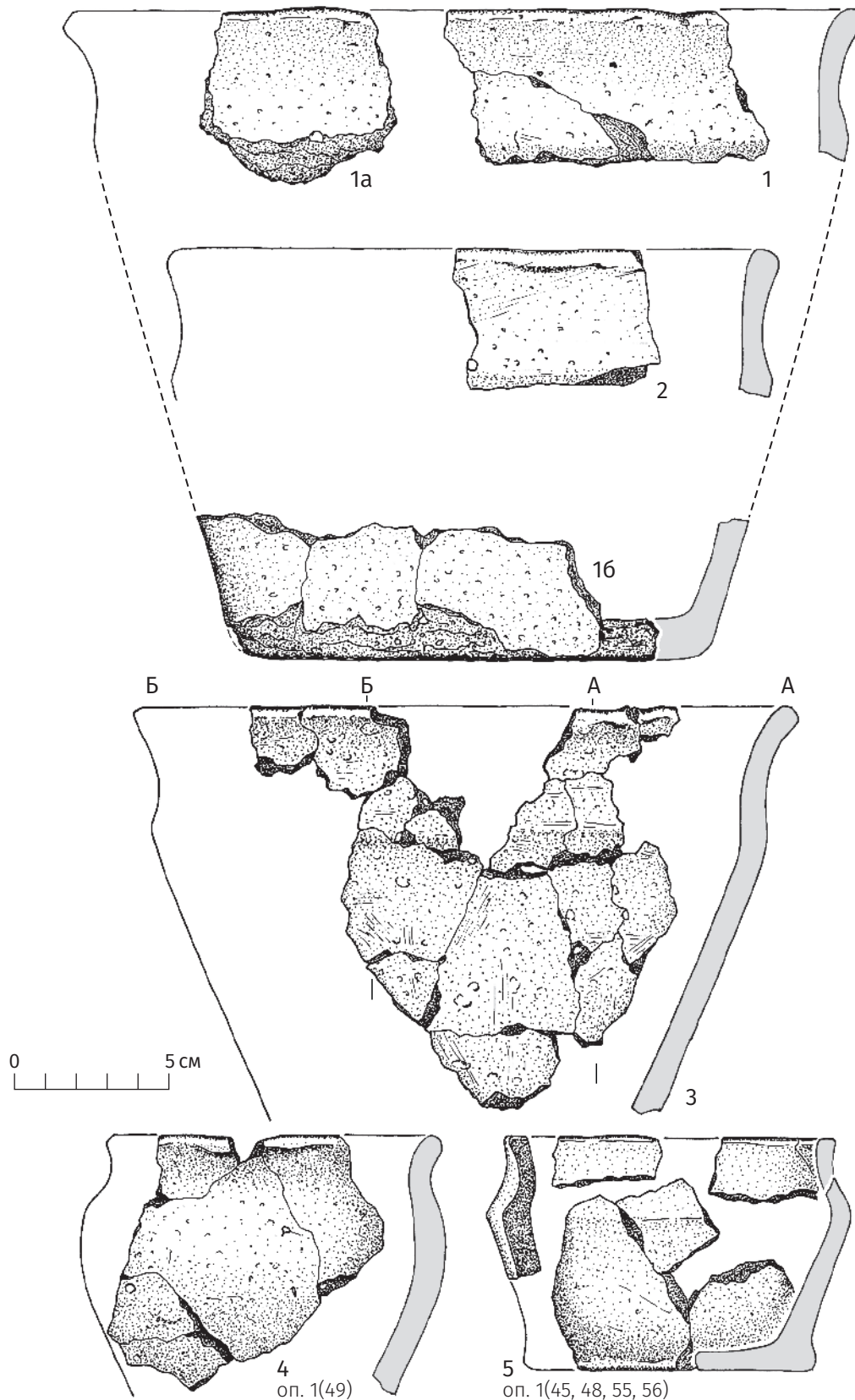

Рис. 332. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Лепная керамика из культурного слоя под валом.
1, 2 — кв. Д-4, пласт 22; 3 — кв. Д-4, пласт 21, углистое пятно; 4 — кв. Г-4, пласт 21, линза угля; 5 — кв. Г-3, пласт 21;
6 — кв. Г-3, пласт 23; 7 — кв. Г-4, пласт 20, между костей

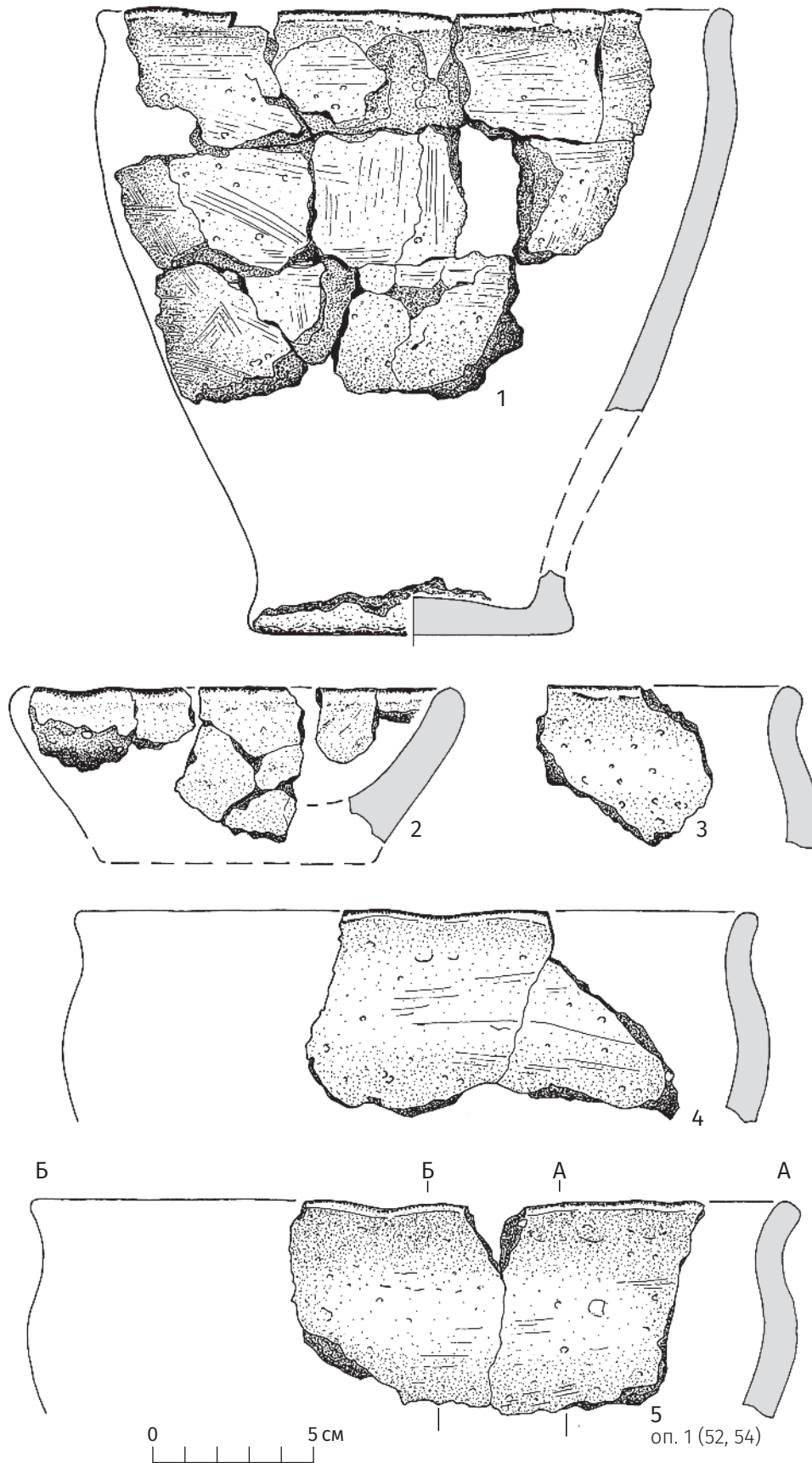

Рис. 333. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Лепная керамика из культурного слоя на склоне террасы нижнего эскарпа. 1 – кв. Д-4; 2 – кв. Г-2; 3 – кв. Д-4; 4 – кв. Д-2; 5 – кв. Д-3. 6 – фрагменты найдены в различных контекстах: кв. Г-2, пласт 23 (заполнение городней), кв. Г-2 (культурный слой на склоне террасы), кв. В-2, пласт 22 (культурный слой под валом), кв. Г-4, пласт 21 (культурный слой под валом)

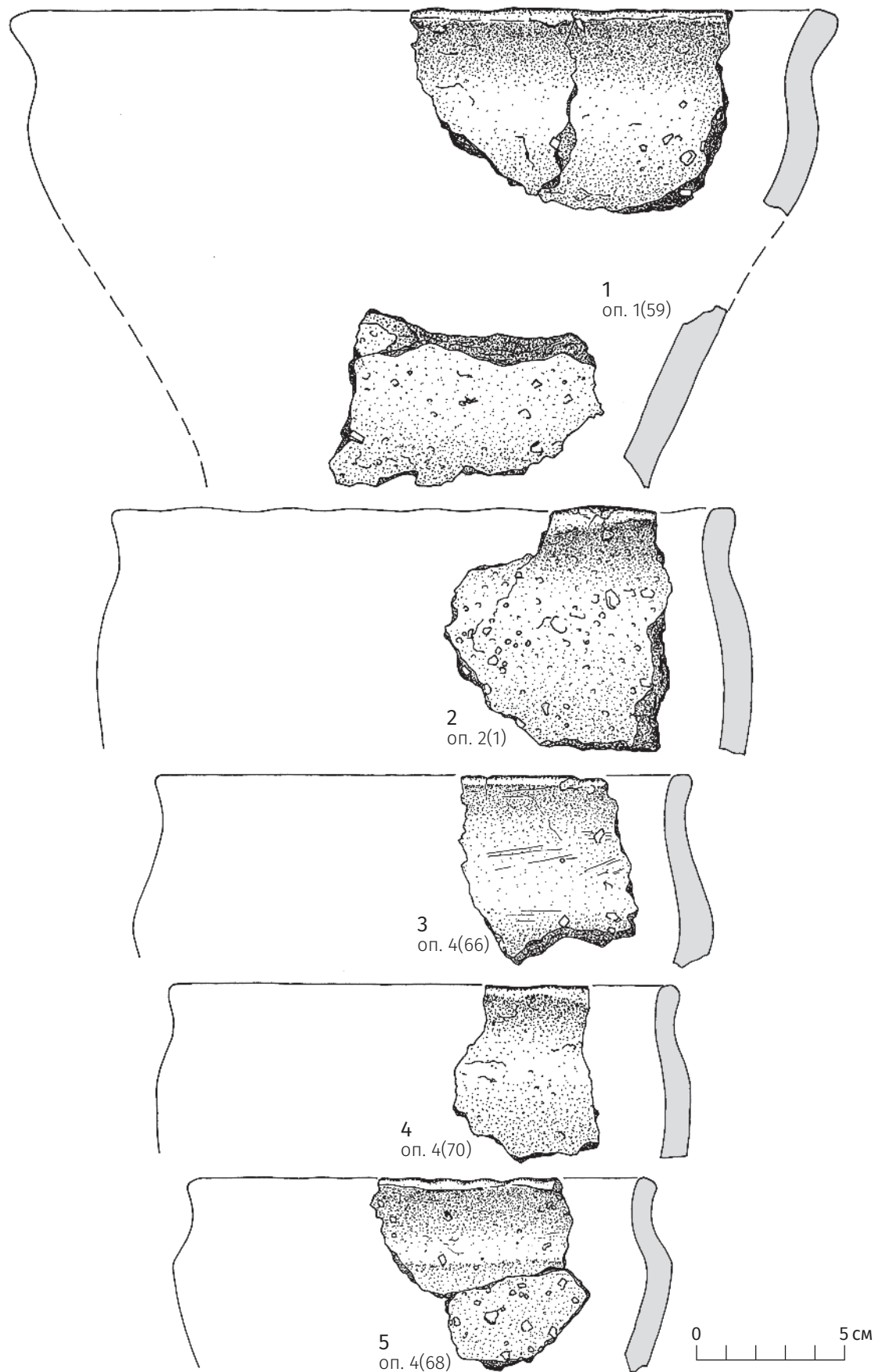

Рис. 334. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Лепная керамика из культурного слоя на склоне террасы нижнего эскарпа. 1 – кв. Г-2 (развал 4); 1а, 1б – кв. Г-3 (развал 5); 2 – кв. Д-4 (развал 6); 3 – кв. Г-3, пласт 24 (развал 2); 4 – кв. Г-3.5 – фрагменты развала найдены в различных контекстах: кв. Д-3, пласт 34 и 36 (заполнение городней); кв. Г-2, пласт 24 (заполнение городней), кв. Д-3 и Д-2 (культурный слой на склоне террасы); кв. Д-3, пласт 19 (заполнение городней), кв. Д-2, пласт 21 (заполнение городней), кв. В-2, пласт 20 (заполнение городней), кв. Г-2, пласт 26 (заполнение городней)

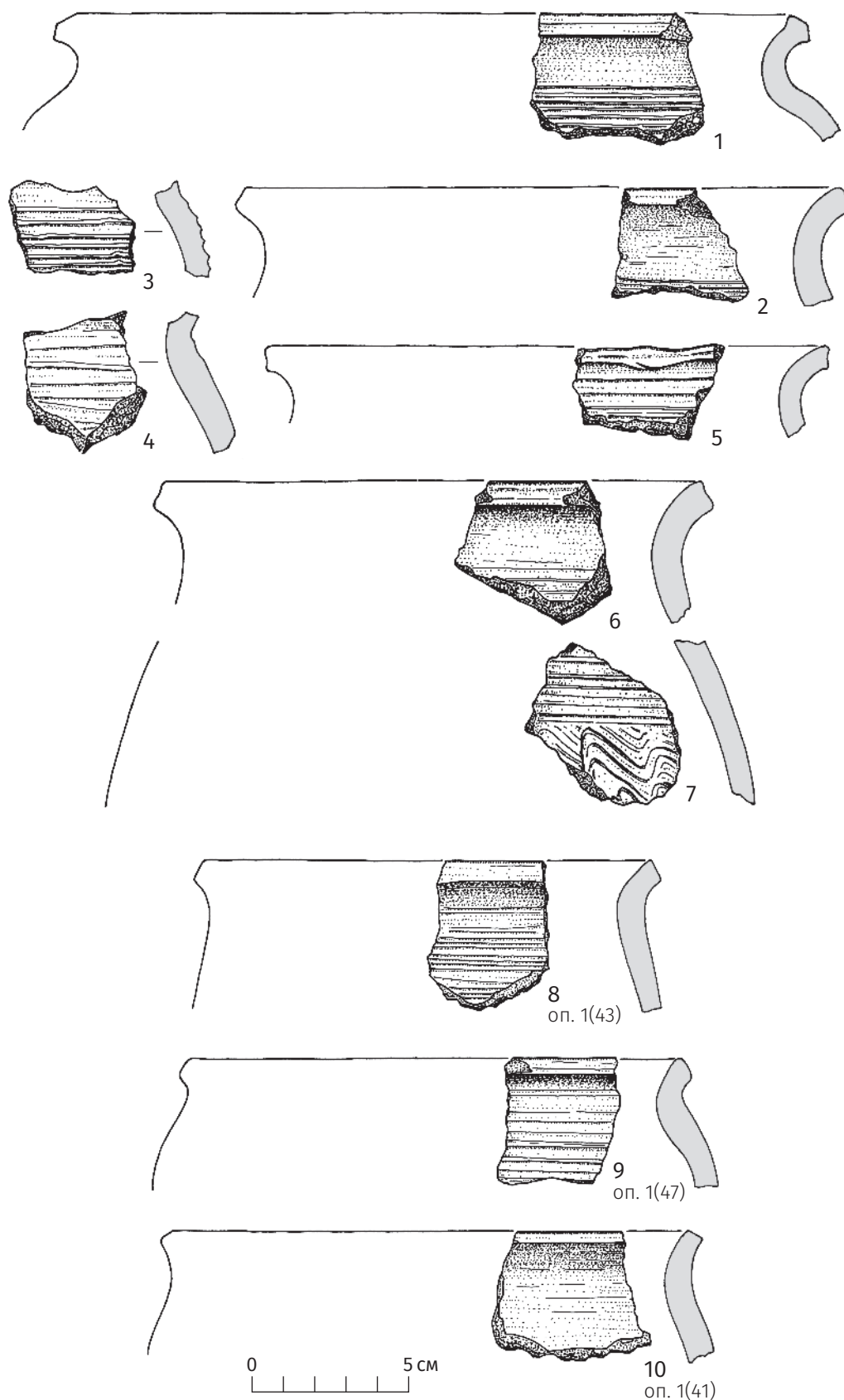

Рис. 335. Рюриково Городище 2016 г. Благовещенский раскоп. Лепная керамика из культурного слоя на склоне террасы нижнего эскарпа и натеррасе. 1, 2 – кв. В-2, пласт 24 (развал 1); 3–5 – кв. Д-4, культурный слой на склоне террасы (развал 6)

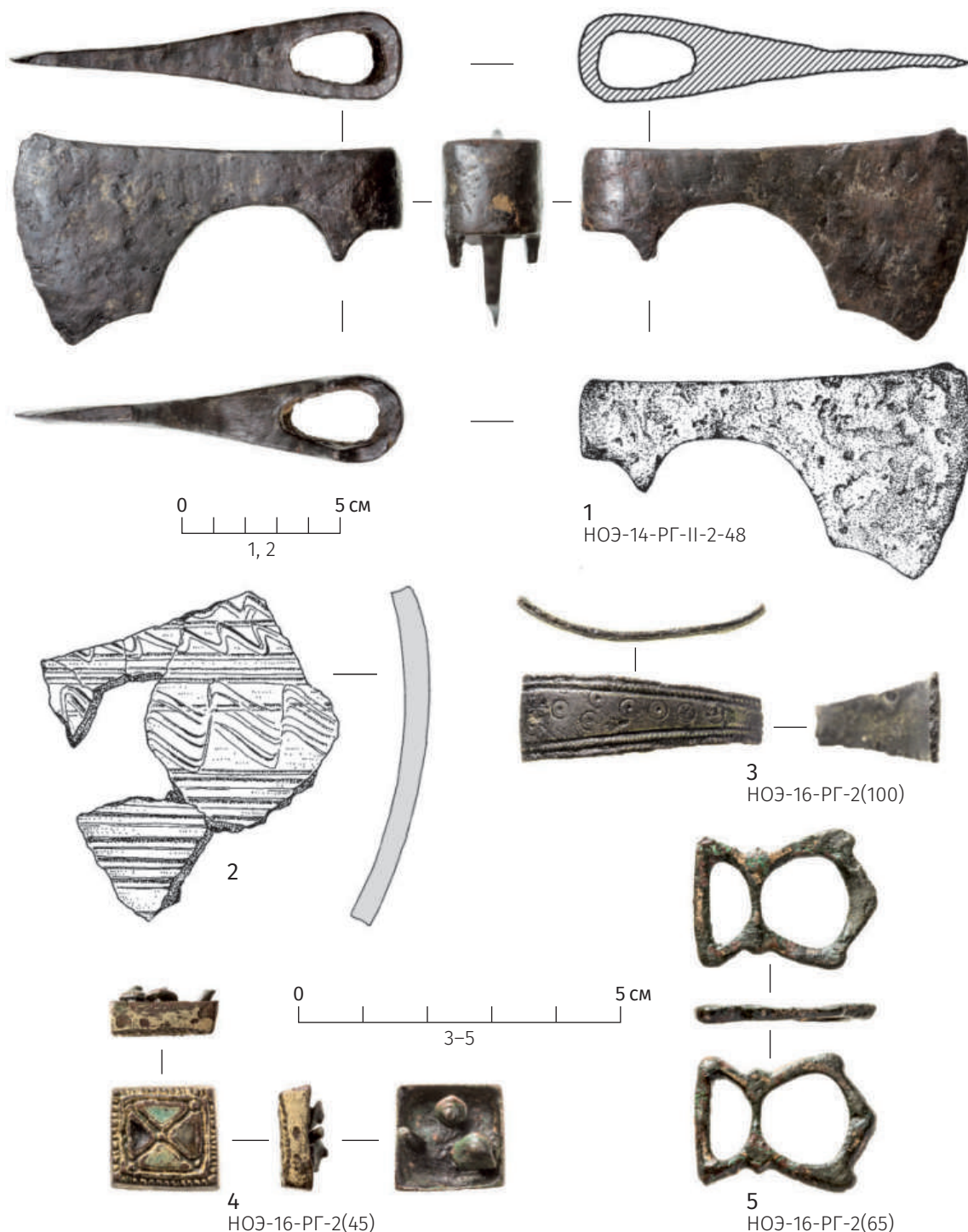

Рис. 336. Рюриково Городище 2016 г. Образцы лепной раннесредневековой посуды. 1, 2 – Благовещенский раскоп; 3–5 – траншея 1. 1 – комплекс VII, пласт 1; 2 – осыпь южной стенки раскопа; 3 – траншея 1, кв. 1, пласт 4; 4 – траншея 1, кв. 2, пл. 5; 5 – траншея 1, кв. 1, пл. 5

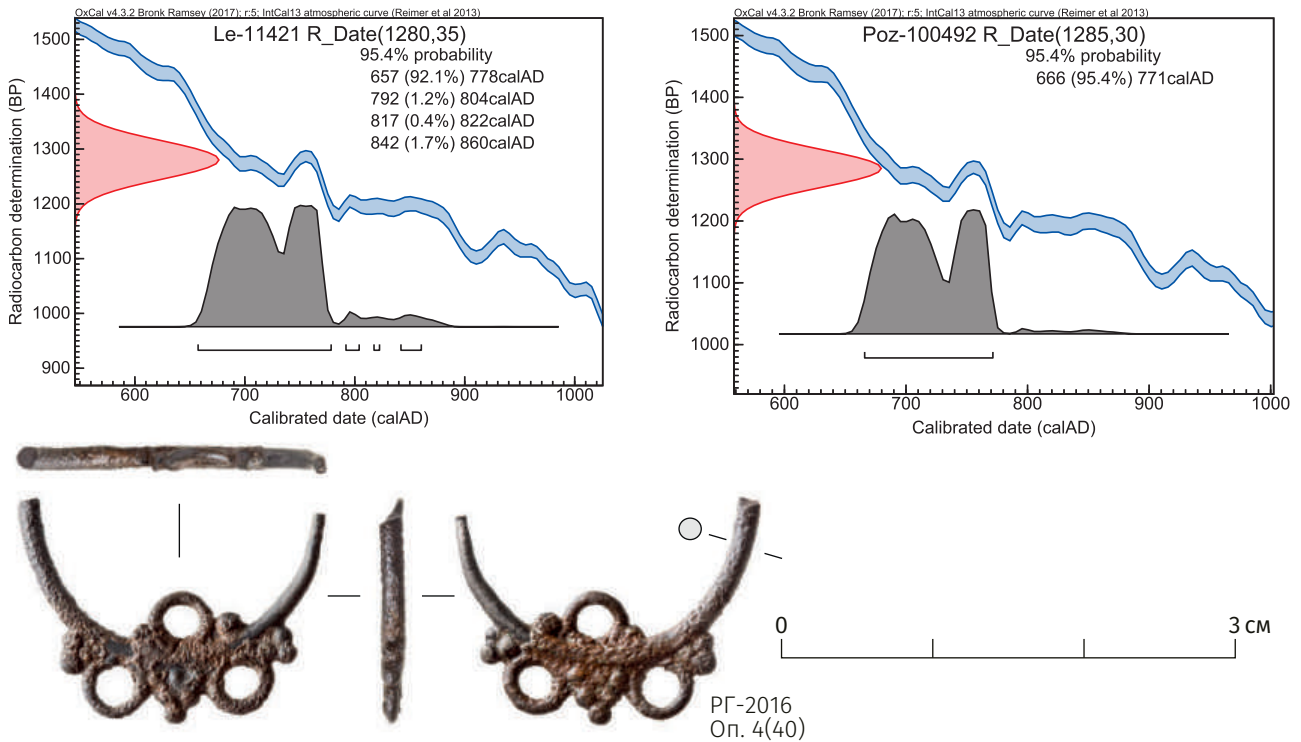

Рис. 337. Рюриково Городище 2015 (1) и 2016 (2–4). Благовещенский раскоп. Находки из осыпи внешней части вала и перекопов. 1 – кв. Д-3, пласт 12 (столбовая яма-перекоп); 2 – кв. 3–4, пласт 16 (осыпь вала); 3, 4 – кв. Ж-4, пласт 8 (осыпь); 5 – кв. А-4, пласт 11 (осыпь вала); 6 – кв. А-2 и Б-2, пласт 14 (яма, комплекс VI); 7 – кв. Д-3, пласт 14 (столбовая яма-перекоп); 8 – кв. 3–4, пласт 15 (переотложенная насыпь вала); 9 – кв. 3-4, пласт 17 (переотложенная насыпь вала); 10 – кв. 3–4, пласт 14 (мешаная желтая супесь на границе переотложенной и сохранившейся частей вала)

Рис. 338. Рюриково Городище 2014 (1), 2015 (2), 2016 (3–5). Благовещенский раскоп. Находки из слоя нивелировки большого вала. 1 – боевой топорик (кв. Д-3, пласт 4) (рис. А. И. Корниенко); 2 – фрагмент развала гончарного сосуда (кв. В-3, пласт 7); 3 – фрагмент пластинчатого браслета (кв. З-4, пласт 19); 4 – ременная (?) накладка (кв. З-3, пласт 5); 5 – пряжка (кв. З-4, пласт 4). 1 – железо; 2 – глина; 3, 5 – сплав меди; 4 – сплав меди, позолота, эмаль.

Пластинчатый браслет датируется XI–XIII вв. (Седова 1981: 103–110). Лировидную пряжку с четырьмя выступами на рамке по аналогиям на Руси и в Скандинавии следует датировать XI–XII вв. (Еремеев 2015: 463–465). Топорик типа С по Я. Петерсену (Petersen 1919: 39) или типа V по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966: рис. 6) имеет датировку в пределах VIII–XI вв. Четырехугольная золоченая накладка с двцветной выемчатой эмалью является второй находкой от уже известного на Городище богатого ремennого набора. Первая накладка из него, полностью аналогичная по размерам, стилю и технологии изготовления, но пятиугольная, была приобретена Новгородским музеем в 1995 г. (НГМ КП 39230, инв. № АЕ-120). Автор благодарен Т. Н. Патиной за указание на этот предмет. Сочетание пятиугольных и квадратных накладок характерно для восточноевропейской поясной гарнитуры IX–XII вв., а применение эмали указывает на финальное столетие этого интервала

Рис. 339. Рюриково Городище 2016. Благовещенский раскоп. Датировки кострища на террасе верхнего эскарпа. Справа — фрагмент серьги из траншеи 1 в центральной части площадки городища (сплав меди)

Еще одна дополнительная датировка получена из того же углистого пятна, из которого был взят образец Le-11421. Контрольный образец, отобранный Й. Шнеевайсом (рис. 305; 339), проанализирован в Познаньской радиоуглеродной лаборатории. AMS-датировка практически полностью совпала с обычной датой, полученной в ИИМКе: 1285 ± 30 BP (Poz-100492). После калибровки (2б) она дает интервал: 666–771 AD¹⁷⁵. Полагаю, что именно в пределах этого промежутка времени и следует с наибольшей вероятностью датировать Рюриково Городище 2. Конечно, радиоуглеродные датировки дают большой разброс, вроде бы допускающий и IX в. Но здесь в расчет следует взять другие соображения — единичное попадание в ранний слой (полностью промытый) бус и бисера¹⁷⁶. Конечно, вскрытая под валом площадь невелика, но ведь культурный слой для заполнения

¹⁷⁵ Результаты датирования любезно предоставлены мне доктором Йенсом Шнеевайсом (Leibniz Institut für Geschichte und Kultur des östlichen Europa).

¹⁷⁶ При раскопках заполнения внутривальных клеток найдена одна синяя бисерина и фрагмент бусины голубого прозрачного стекла. В культурном слое под валом найдена одна желтая бисерина и половинка бусины голубого прозрачного стекла (той же, что и в клетки). Здесь берутся только раскопки вала в 2015 и 2016 гг., когда планиграфия была ясна и попадание в промывку грунта из перекопов без специального учета было минимизировано.

городней вала брался на значительно более широкой площади. Как известно по раскопкам Старой Ладоги, IX в. — время, когда в Поволховье ввозится изрядное количество стеклянных бус. Трудно поверить, что они почти не попадали в это время на Городище, расположенное в ключевом месте Волховского пути.

Представляется важным ответить здесь на вопрос: почему следы этого раннего городка найдены на Рюриковом Городище только сейчас, хотя укрепления IX в. неоднократно становились предметом изучения в 1980-е и 2000-е гг.?

Что касается раскопа начала 2000-х гг. на северном берегу Сиверсова канала, ответ находится просто. Вал IX в. насыпан здесь на краю поймы в пониженной части холма. Очевидно, древнейшие укрепления находятся в более возвышенной части. Трассы линий обороны VII–VIII (?) и IX в. просто не совпадают. Вал эпохи викингов охватывает значительно бóльшую площадь, чем холмовое городище предшествующего времени (рис. 272).

Гораздо сложнее вопрос с интерпретацией результатов раскопок укреплений в центре площадки, опубликованных Е. Н. Носовым в двух монографиях 2005 и 2017 гг. Отмечу противоречивость выводов исследователя. Раскопками к юго-востоку от храма Благовещения исследован огромный ров (около 30 м шириной), но при этом, по мнению Е. Н. Носова, не обнаружено никаких следов наземных укреплений;

более того, для них в раскопе не оказалось даже места, ибо комплексы с лепной керамикой X в. со стороны площадки подходят к самому краю понижения. В результате, автор пришел к выводу, что ров дополняла «комбинация рубленых деревянных конструкций и палисада (тына), возведение которых могло быть быстрым и не столь трудоемким» (Носов, Плохов, Хвощинская 2017: 105, рис. 41; Носов, Хвощинская 2019: 316). Проблема, однако, в том, что и для них ведь нужно место!

Наверное, если бы вал не был открыт на двух других участках (на севере и юге холма), этому и можно было бы поискать иное объяснение, кроме несовершенства полевой методики. Но шанса найти такое объяснение у нас, похоже, нет. Об этой методике Е. Н. Носова, подразумевающей оборудование в раскопе многочисленных ступенек при отсутствии четких пластов, по которым шла бы разборка напластований, дают исчерпывающее представление фотографии раскопок рва из известных статей и книг (Носов 2007: 44; Носов, Плохов, Хвощинская 2017: ил. 21). Особенно не хватает ровных сплошных разрезов поперек западной части укреплений, исследовавшейся в 1989 г. Именно эти обстоятельства до сих пор мешают понять эту часть раскопа.

Полагаю, что выход из этого противоречия подсказывают результаты работ на Благовещенском раскопе 2013–2016 гг. Решение видится мне таким. Понижение, вскрытое раскопками Е. Н. Носова в 1980-х и 2000-х гг. к юго-востоку от храма Благовещения, изначально являлось естественной ложбиной, на западном склоне которой располагались укрепления раннего городка Рюриково Городище 2. Следы эскарпов на этом склоне можно, как будто, увидеть на опубликованных чертежах Е. Н. Носова 1989 г. (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 190, табл. 18).

В IX в. западный край этой ложбины был перекрыт валом (его-то Е. Н. Носов и Н. В. Хвощинская и приняли за часть заполнения рва, за слой его засыпки), а восточный край — подработан и превращен в ров. Внутривальные конструкции в 1980-х и 2000-х гг. в западной части ложбины не удалось проследить в плане, но они довольно уверенно определяются в профилях западного края ложбины на чертежах Е. Н. Носова 1989 г. (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 190, табл. 18)¹⁷⁷.

Методика раскопок совершенствуется непрерывно, и критика, обращенная из наших дней в тридцатилетнее прошлое, недорого стоит. Но сложно двигаться вперед, не называя несовершенство методики своим именем. Разумеется, опознать заполнение отдельных клетей на старых чертежах мы можем только сейчас, когда уже хорошо знаем, как выглядят еле

заметные следы дерева в песке Городища. Для того, чтобы получить такую возможность, потребовались годы работ на северном берегу Сиверсова канала (2000–2003) и четыре полевых сезона на Благовещенском раскопе с послойной разборкой вала пластинами по 10 см. Сейчас выявление еле заметных следов древесного тлена в песке — обычная практика при раскопках Городища¹⁷⁸.

Где же, все-таки, размещались в центральной части Городища «потерявшиеся» надземные укрепления? Место им находится, как мне представляется, на вершине предполагаемого вала, перекрывшего западный край ложбины. Вершина эта была скрыта и сброшена в ров, законсервировав в нем слой X в., исследованный в 2005–2010 гг. и прекрасно описанный Е. Н. Носовым и его соавторами (Носов, Плохов, Хвощинская 2017: 99–102).

Обратившись к укреплениям второй половины IX в., мы несколько забежали вперед, и нужно вернуться ненадолго к предполагаемому холмовому городку Рюриково Городище 2. Нужно добавить, что вышеизложенная идея холмового городища превращается в полноценную рабочую гипотезу только в том случае, если будет установлено, что значительная часть холма разрушена в более позднее время разливами Волхова (рис. 272). Некоторые достижения в этой области, как будто, имеются. Специальные исследования в Ильмень-Волховской пойме показали, что уровень воды в области истока Волхова в VII–IX вв. был значительно ниже уровня X–XI вв. и современного (Еремеев 2018: 55; Еремеев и др. 2019: 44). Траншея в пойме на самом Рюриковом Городище, заложенная в 2016 г., подтвердила то, что в Средневековье холм простирался значительно далее к западу, чем в наши дни (Еремеев, Носов 2018: 56)¹⁷⁹. Полученные данные указывают на то, что размыв городищенского холма начался в X в. и продолжался с различной интенсивностью на протяжении всего II тыс. н. э.

Добавлю, что соотнести Рюриково Городище 2 с какими-то сооружениями или участками слоя на площадке городища — не представляется пока возможным. Это можно будет сделать только в результате новых раскопок. Следует, однако, пристальнее всмотреться в старые коллекции, которые порой содержат материалы, характерные для третьей четверти I тыс. н. э., например, блоковидное кресало (Носов 1990: 78,

178 Григорьева О. В.; Полигаев В. Л.; Хвощинская Н. В. Раскопки рва на Рюриковом Городище летом 2019 г. экспедицией Е. Н. Носова (Институт истории материальной культуры РАН, кафедра археологии СПбГУ, «Актуальная Археология»): доклад на Первом международном петербургском историческом форуме 31.10.2019 г.

179 Описание этих работ приведено в разделе, посвященном палеогеографическим обстановкам на Рюриковом Городище (раздел 3.5.2.2).

177 Еще лучше секции городней видны на чертежах из соответствующего полевого отчета.

рис. 33: 6) или фрагменты архаичного вида слабопрофилированной лепной керамики (Носов, Горюнова, Плохов 2005: табл. 54: 226).

Рюриково Городище 3. В этот период холмовой городок теряет свое военное значение, а его центральная часть распаивается. Локализация поселения этого времени — одна из интереснейших задач в будущем исследовании Городища. Распашка продолжалась довольно длительное время, много лет, в течение которых над бывшими эскарпами успели сформироваться специфические аграрные формы рельефа, описанные выше.

Датировка периода может быть предположительно определена в рамках VIII–IX вв. Хронологию пашни еще только предстоит «зажать» между датировками культурных слоев. Но это — дело будущего. Если сомнений в синхронности пашен на Благовещенском раскопе и в раскопе Вл. В. Седова 2016 г. под храмом Благовещения практически нет, то сопоставление их с пашней на северном берегу Сиверсова канала требует дополнительных доказательств¹⁸⁰.

Рюриково Городище 4. Отсчет этого этапа ведется с того момента, когда на пахотном поле вновь начинает откладываться культурный слой с исключительно лепной гладкостенной керамикой (рис. 313). Холм снова обживается, хотя следов укреплений на этом этапе не зафиксировано. Возможно, перемещение на данный участок поселения связано с истощением пашни, а не с необходимостью обеспечивать оборону.

Датировку этого поселения можно определить в тех же приблизительных границах, что и предыдущий этап, естественно, с некоторым омоложением. Из культурного слоя отобрано четыре образца: 1680±100 ВР (Ле-11416), 1320±70 ВР (Ле-11418), 1220±20 ВР (Ле-11417), 1130±35 ВР (Ле-11419).

На площадке городища выделить этот период во всей его полноте (с постройками, вещевым и керамическим комплексом) пока не получается. Возможно, с ним соотносятся две литейные формочки для изготовления украшений из свинцово-оловянистых сплавов. Обе были найдены в пределах предполагаемой площадки холмового городка (Носов, Плохов, Хвоцинская 2017: 144, рис. 63: 1; Кудрявцев, Андриенко 2017: 49, 50, рис. 7). Особенно интересна формочка из раскопок Вл. В. Седова, на которой вырезан негатив украшения сложной конфигурации, сочетающей треугольную подвеску, имеющую широкое основание, с четырьмя колечками. Формочка допускает широкую датировку: в пределах VII — начала X в. (Щеглова 2009: 55–61). Потенциально это одна из самых ранних средневековых находок на Рюриковом Городище. Правда, ее находчики пришли к выводу, что исследованный

ими «участок Городища стал заселяться несколько позднее — во второй четверти X в.» (Кудрявцев, Андриенко 2017: 52). Но полагаю, что публикуемая здесь стратиграфическая колонка проясняет картину и ставит находку в более свойственный ей культурно-хронологический контекст VII–IX вв.

Рюриково Городище 5. На холме в этот период возводится подковообразный вал со срубными субструкциями (рис. 309–312). Ширина вала достигала 20 м при высоте не менее 5 м. В северной и северо-восточной части холма вал располагается на склоне и перекрывает архаические ступенчатые укрепления Рюрикова Городища 2. Что касается южной части этих архаических укреплений, то, возможно, их следы в виде уступа высотой около 1 м можно в наши дни видеть на площадке, окруженной валом (рис. 272). На этом уступе поставлена сейчас смотровая площадка для туристов (рис. 66).

Сложным является вопрос о конфигурации рва, примыкавшего к валу с напольной стороны. Этот ров прослежен в центральном раскопе 2005–2010 гг. (с напольной стороны в него заплывает слой X в.) (Носов, Плохов, Хвоцинская 2017: 84). В раскопе на берегу Сиверсова канала у подножия останца вала была изучена промоина, первоначально принятая за ров (Носов и др. 2004: 19). Сейчас, после работ на Благовещенском раскопе, стало понятно, что рвом она быть не может. Дело в том, что в останце вала, примыкающем к промоине, зафиксировано всего два ряда внутривальных городней. Между тем, теперь мы знаем (об этом сказано выше), что городни располагались в основании вала как минимум в четыре ряда. Значит, недостающие два ряда в южной части Городища разрушены разливами Волхова. Но если мы гипотетически «пристроим» к двум зафиксированным на юге рядам городней еще два предполагаемых, но размытых, то для рва в раскопе просто не останется места. Реконструированный таким образом вал полностью перекроет принятую за ров промоину. Кроме того, надо учитывать еще одну деталь — волховская пойма сложена тяжелой аллювиальной глиной. В заполнении клетей же преобладает песок (поэтому дерево и сохраняется здесь так плохо). Это косвенное соображение тоже указывает на то, что рва в пойме не было. Вероятно, он начинался выше, там, где преобладал песчаный грунт.

Не вышли мы на ров и на Благовещенском раскопе. Если он здесь и был, то располагался значительно севернее места исследований. Таким образом, остается пока предполагать, что укрепления Рюрикова Городища 5 состояли из сплошного подковообразного вала и только на отдельных направлениях (или даже на одном направлении?) дополнялись рвом.

Этот вал был сооружен на склонах холма и частично на склоне ложбины, разделявшей два соседних

¹⁸⁰ На это указал А. В. Плохов во время обсуждения данного текста на заседании Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН.

холма. Расположение валов на склонах — прием довольно распространенный в фортификации Северо-Запада, начиная с самых ранних ее этапов. Примером подобного инженерного решения в Приильменье можно назвать, например, вал Городка на Маяте, датирующийся VII в. (Еремеев, Дзюба 2010: 77, рис. 53).

Масштабные укрепления эпохи викингов на Рюриковом Городище датируются, очевидно, временем около середины IX в. (Хвощинская 2021: 119). Существенной проблемой для их интерпретации является то, что синхронные им комплексы на площадке Городища выделить пока не удалось. Изученные здесь постройки с лепной керамикой образуют единый блок для этапов Рюриково Городище 5 и Рюриково Городище 6. Разрушение вала началось, судя по датировкам знаменитых хлебных печей, около рубежа IX и X вв.

С Рюриковым Городищем 5 можно связать несколько архаичных скандинавских находок, относящихся к ранней эпохе викингов — к первой половине IX в., например, две фибулы типа Вальста, одна из которых была найдена на Городище, а вторая — неподалеку от него на дне Волхова (Янссон 1999: 24).

Рюриково Городище 6. Как ни парадоксально, расцвет городища в X в. приходится на период разрушения его укреплений. Пытались ли с этим бороться, не ясно. Возможно, с попыткой реконструкции и подновления вала связаны своеобразные «поленницы», разделенные рядами кольев, зафиксированные с внешней стороны вала на северном берегу Сиверсова канала (Носов, Хвощинская, Медведева 2012: 40, 41). Как бы там ни было, все данные говорят о том, что огромный вал продолжал разрушаться, а ров — заплывать и застраиваться хозяйственными сооружениями. Этот этап жизни Городища, классика эпохи викингов Восточной Европы, наиболее хорошо изучен и представлен в многочисленных публикациях Е. Н. Носова.

Итак, описав в тексте круг, мы вернулись к начальным тезисам этого раздела. Дальнейшие этапы истории Городища — загадочный XI в. и второй взлет славы Городища, связанный с историей княжеской резиденции XII–XIII вв. — в материалах Благовещенского раскопа представлены мало. В наши задачи их рассмотрение не входит.

Результаты раскопок фортификаций Городища 2000–2003 гг. когда-то привели автора этой работы к выводу о том, что укрепления IX в. построены на необжитом месте (Еремеев, Дзюба 2010: 407). Выяснилось, что этот вывод справедлив только для небольшого мысового участка Городища. В целом сейчас от этой гипотезы следует решительно отказаться. Хотя детали и хронология ранних этапов еще не раз будут уточняться, теперь можно уверенно говорить, что наиболее высокая часть холма была обжита до строи-

тельства вала в течение долгих десятилетий. Был и период запустения (если считать таковым распахку).

Главным итогом работ 2013–2016 гг. стало, пожалуй, выделение Рюрикова Городища 2 — перекрытого распахкой небольшого городка, очевидно, связанного с одним из периодов начальной славянской колонизации Приильменья (впрочем, кажется, не самым древним). Этот факт позволяет еще раз задуматься о времени появления славянского топонима *городище* в истоке Волхова — проблеме, которой Е. Н. Носов посвятил отдельную работу.

Название *городище*, как известно, означает опустевший городок, заброшенное фортификационное сооружение (Срезневский 1893: 555; ЭССЯ 1980: 34, 35; Носов 2017: 116). Е. Н. Носов предположил (основанием для этого послужили, в частности, результаты, полученные на Благовещенском раскопе) наличие на Городище поселения с названием *Холмъгород* (славянского городка), которое в IX в. сменило укрепление Рюрика (подковообразный вал с городнями), получившее имя *Новгород* (Носов 2017: 119, 120) Скандинавский топоним *Hólmgarðr* был, по его мнению, порожден этим городищенским *Холмъгородом*.

Гипотеза Е. Н. Носова, однако, не учитывает того, что, по полученным в 2013–2016 гг. данным, первый славянский городок надолго запустел, похоже, не дожив до Рюрика. Поэтому есть некоторые основания полагать, что слово *городище* было впервые произнесено обитателями поселения Рюриково Городище 3 в VIII — начале IX в. Предлагаю читателю вообразить следующую сцену.

— Где хозяин-то? — спрашивал проезжий гость у деревенской бабы, сидящей возле дома где-нибудь на берегу Волхова.

— Вон — пашет на городище, — отвечала баба, махнув рукой на вершину холма, где еще виднелись заплывшие эскарпы.

Последние археологические данные указывают на то, что расселение в Приильменье первых поселенцев из области Верхнего Поднепровья и Днепро-Неманского междуречья, которых можно соотносить со славянами, относится еще к V–VI вв. (Еремеев, Дзюба 2010: 518; Лопатин 2017: 151, 152). Вероятно, не будет большой натяжкой предположение о том, что этот разговор VIII–IX вв. происходил на одном из диалектов праславянского языка. Не тогда ли холм в истоке Волхова и получил свое название? Если Городище получило имя задолго до эпохи Рюрика, то поиски *Холмъгорода*, очевидно, снова должны вернуть нас к гипотезе В. Л. Янина о *Холмгороде* на Славне на Торговой стороне Новгорода (Янин 1982: 83, 86, 87). Но существовал ли вообще этот загадочный Холмгород, не отразившийся с полной ясностью в славянской топонимике истока Волхова? Окончательного ответа на эти вопросы пока нет.

4.4.9. Городище Яжелбицы 1

Все городища, о которых шла речь выше, относятся к холмовому или мысовому типу, известному с РЖВ, и представляют собой достаточно традиционные сооружения для укрытия небольших групп людей. В книге о Полоцкой земле я попытался выделить принципиально другой тип укреплений второй половины I тыс. н. э. — большие городища, предназначавшиеся для укрытия жителей обширных земледельческих округ. Одним из примеров таких городищ, исследовавшихся раскопками, является Друцк (Еремеев 2015: 45), вторым, видимо, Соборная Гора в Смоленске (Кренке, Ершов, Раева 2020).

В 2020 г. такое городище было обследовано мною в Приильменье, в бассейне Мсты. Яжелбицы 1 отличаются огромными для Новгородчины размерами, их площадь — 2,6 га (**рис. 343**). Городище защищено валом, переходящим в своей центральной части в эскарп (**рис. 341; 342**). Общая длина линии укреплений — 200 м, длина оборонительного периметра (включая вал) площадки городища составляет около 800 м. Фактически это не городище, а целое укрепленное плато, очень напоминающее Торшбурген на Готланде. Характерной особенностью Яжелбицкого городища является рукотворный пруд в центральной части, служивший, видимо, резервуаром при содержании в укрытии скота.

При шурфовке площадки найдено углубленное жилище с печью-каменкой и лепной керамикой в заполнении (**рис. 344: 1–4; 346: 1**). Керамика относится предположительно к VIII–X вв. Конечно, подобное городище не могло быть построено только жителями одного поселения. Перед нами, безусловно, укрепление, предназначавшееся для укрытия людей и скота обширной земледельческой округи, возможно, целого племени. Об облике материальной культуры этого населения дает представление расположенное неподалеку и исследованное нами в 2020 г. селище Миронегии III, датирующееся VII–IX вв. (**рис. 344–347**). Селище расположено при одной из крупнейших групп сопков в Новгородской земле, и вряд ли можно сомневаться, что его обитатели тоже принимали участие в постройке Яжелбицкого городища. Селище демонстрирует керамический комплекс очень близкий с одной стороны Бронницкому городищу и Городку на Маяте, с другой стороны — древностям Удомельского типа.

Единственной аналогией городищу Яжелбицы 1 к северу от Западной Двины является городище Подоржевка на Бежаницкой возвышенности. С очень большой долей условности можно сопоставить Яжелбицы 1 с Бронницей (их сближают не столько размеры, сколько наличие на вершинах источников воды, позволяющих укрывать стада скота). Допускаю, что

объекты типа Яжелбицы 1, можно выделить в отдельную группу платообразных городищ-убежищ, указывающую на нереализованный потенциал племенной эгалитарной социальной организации в области градообразования. По крайней мере, к югу от Западной Двины мы видим перерастание подобных центров в древнерусские города (уже упоминавшиеся Друцк и Смоленск). Следует подчеркнуть, что на фоне Яжелбиц и Рюриково Городище уже не кажется невообразимо-масштабным строительным проектом. К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

4.5. Проблема культурных трансформаций VIII в. в Днепровско-Ильменском коридоре

Древности Ильмень-Волховского региона VII в. (и, вероятно, предшествующих 100–150 лет) на таких памятниках, как Городок на Маяте, городища Сельцо I и Городок на Шелони, а также на Бронницком городище и на селище Прость проступают достаточно отчетливо. Проблему для изучения представляет переход от этой группы древностей к памятникам IX–X вв. Камнем преткновения на этом пути представляется VIII в., а символически — 753 г. — древнейшая порубочная дата на Земляном Городище Старой Ладogi. Переходную эпоху можно представить в виде таблицы (**табл. 54**).

Как видим, на VIII в. (возможно, с включением конца VII в.) приходится настоящая культурная революция, природу которой нам нужно попробовать выяснить.

4.5.1. Разрыв в фортификационных традициях

Как мы видели выше, ранние городки представляли собой достаточно слабые в военном отношении укрепления, где основными элементами были эскарпы, дополненные длинными постройками по периметру площадки. Эта традиция проникает в Ильмень-Волховский регион с юга (из Подвинья?) в римское время (Городок на Ловати/Вергоги), продолжается в VI в. (Городок на Маяте 1 и Сельцо I). В VIII в. такие городки продолжают по-прежнему функционировать (Бронница, Холопий Городок, Рюриково Городище 2). Эту традицию дополняет практика возведения валов, армированных накатами из дерева (Городок на Ловати/Вергоги, Городок на Маяте, возможно, Сельцо I).

Разрыв знаменуют три новые традиции, совершенно порывающие с предыдущей эпохой. Первую олицетворяет Рюриково Городище 5 с его мощным деревоземляным валом, опирающимся на срубный каркас. Ничего подобного ранее не было известно в пределах Днепровско-Ильменского коридора.

Табл. 54. Факторы культурных трансформаций VIII–IX вв. в землях к северу от Днепра

Область культуры	Традиции V–VIII вв.	Новации	Время археологической фиксации новаций
Фортификация	1. Эскарпы, дополненные длинными оборонительными постройками; 2. Прimitивные перекладные внутривальные конструкции; 3. Нет связи с корабельными стоянками	1. Деревоземляные валы срубной конструкции; 2. Валы с каменной облицовкой; 3. D-образные укрепления, открытые к большой воде	Середина IX в.
		4. Платообразные племенные городища-убежища	?
Коммуникации	Сухопутные дороги в борах и зимники	Сплавное речное судоходство	IX в.
Земледелие	Ячмень, пшеница	Рожь	IX в.
	Деревянные пахотные орудия	Пахотные орудия с железными наконечниками	VIII в.
Погребальные традиции	Бескурганые захоронения	Большие курганы (сопки)	VIII в.
	КПДК	КСДК	VIII в.
Керамические традиции	Керамические традиции киевской культуры в сочетании с местными особенностями	Керамика группы 4 (ладожский тип) массово	VIII в.
		Керамика групп 1 и 5 (керамика КСДК) массово	VIII в.

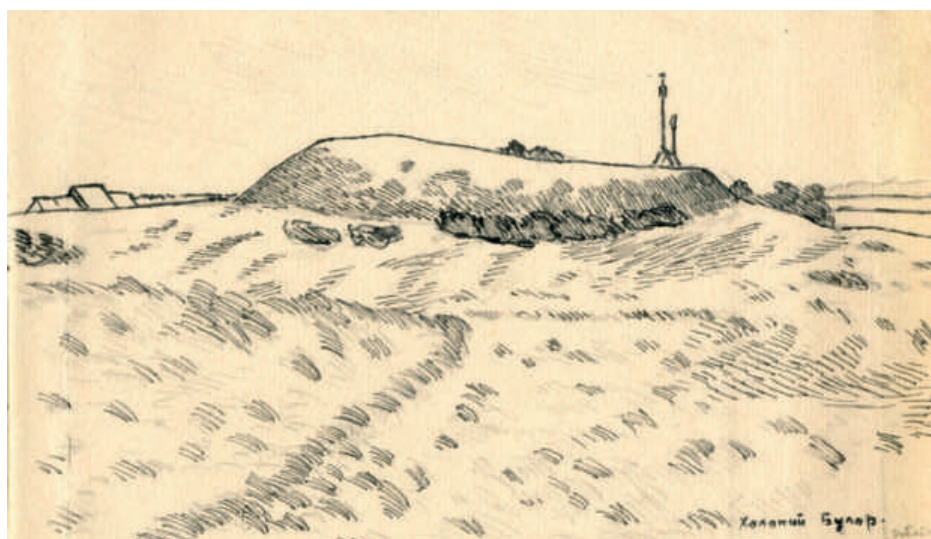

Рис. 340. Холопий Городок в 1929 г. Рисунок Н. Н. Чернягина. Слева виден двухступенчатый эскарп, укрепляющий пониженную часть холма. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2. 1929. № 122. Л. 48

Рис. 341. Городище Яжелбицы 1. Вид западной оконечности вала с его торца. Вид с запада

Рис. 342. Городище Яжелбицы 1. Вид центральной части вала в месте его перехода в эскарп. Вид с востока

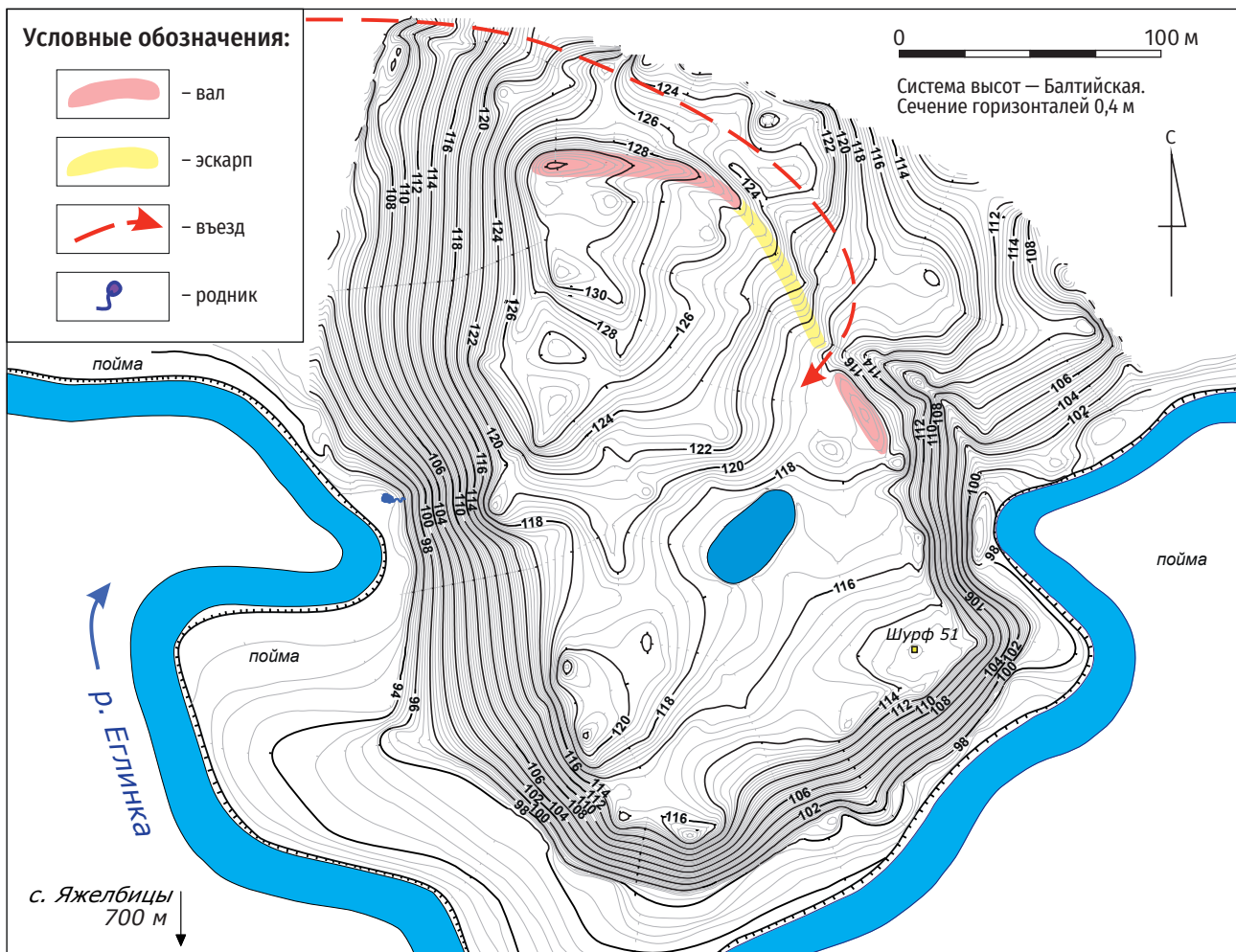

Рис. 343. Городище Яжелбицы 1. Тахеометрическая съемка 2020 г.

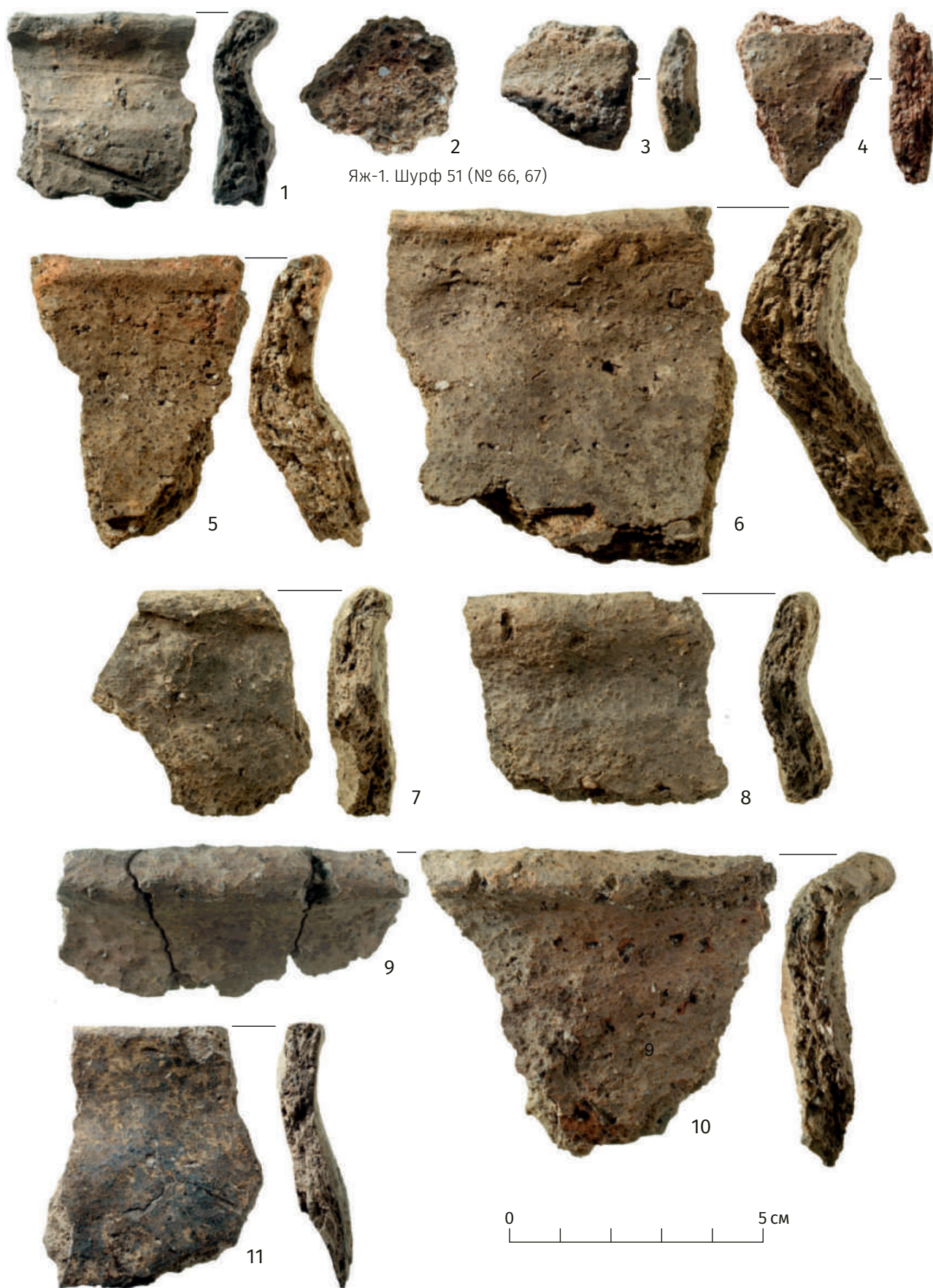

Рис. 344. Керамика из постройки с печью-каменкой на городище Яжелбицы 1 (1-4) и лепная керамика с селища Миронегы III (9-11)

Рис. 345. Лепная керамика (1–7) и железный нож (8) с селища Миронегги III

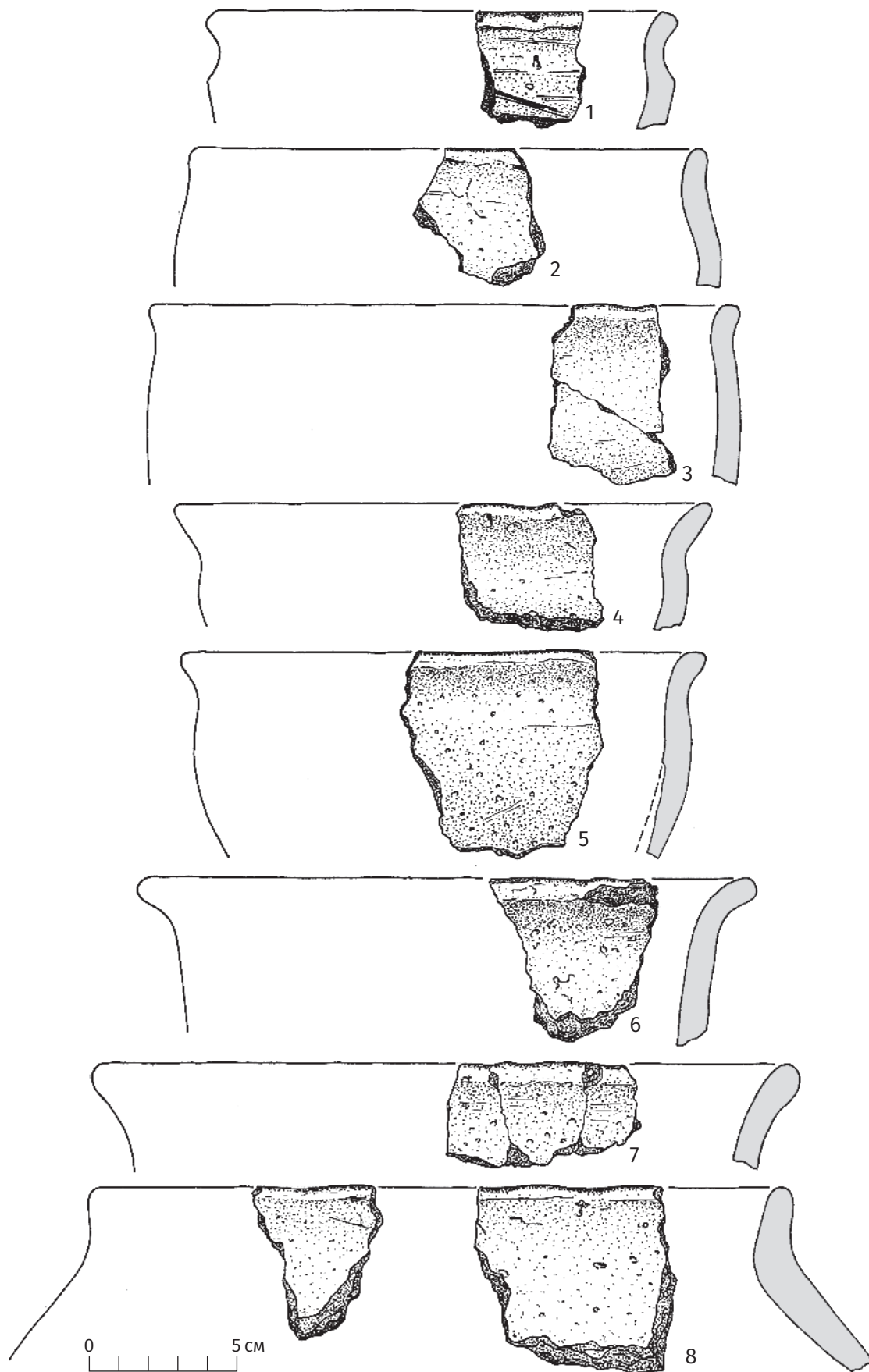

Рис. 346. Керамика из постройки с печью-каменкой на городище Яжелбицы 1 (1) и лепная керамика с селища Миронегы III (2–8)

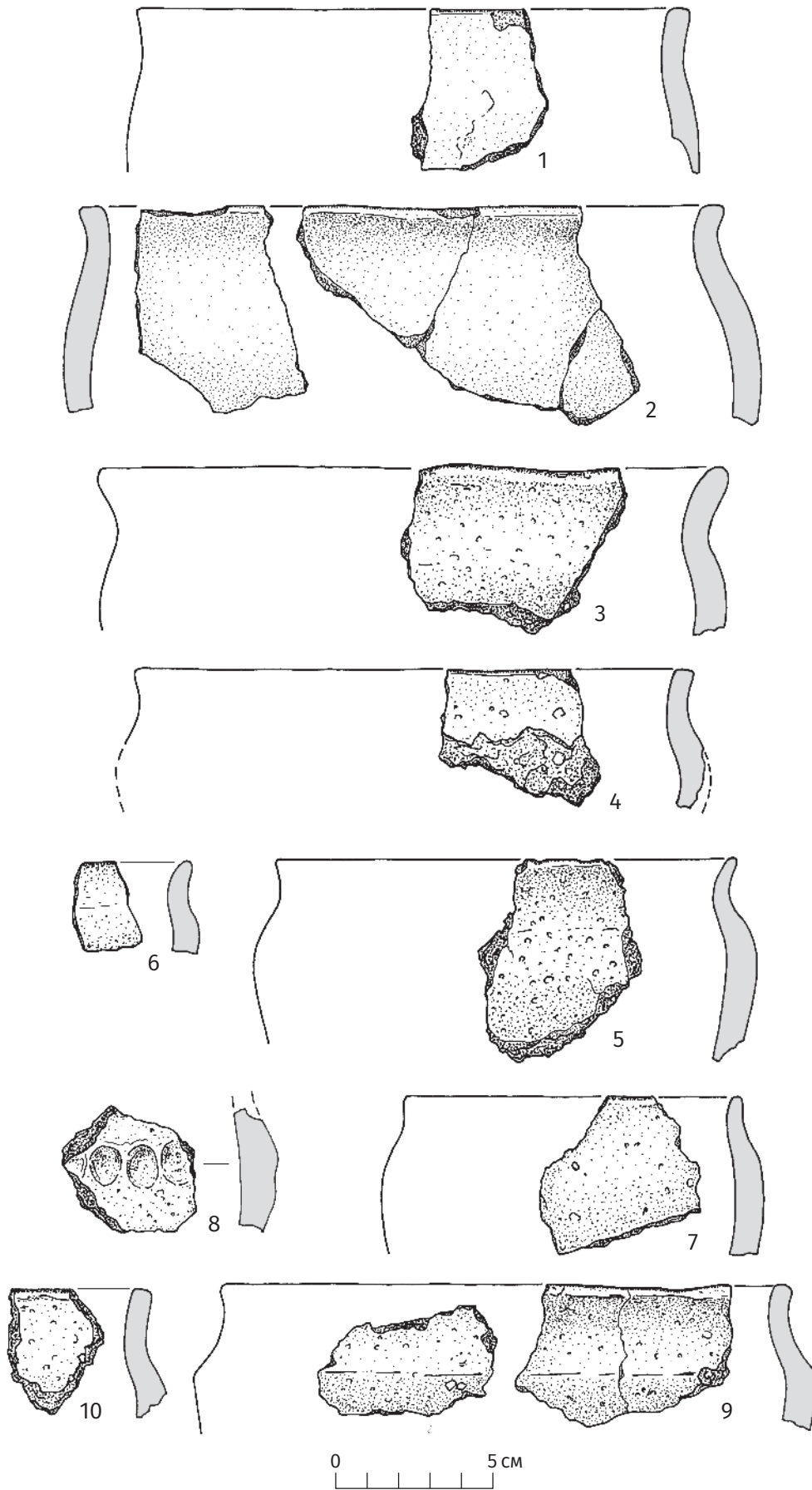

Рис. 347. Лепная керамика с селища Миронегии III. 1, 2 – лощеная; 3–10 – гладкостенная

Возможно, однако, что истоки фортификации Рюрикова Городища отчасти следует видеть в славянских платообразных убежищах Северо-Запада (Яжелбицы 1, Подоржевка, Друцк, Соборная Гора в Смоленске). Вторая фортификационная новация представлена городищами с каменной облицовкой укреплений (Любша и Городок на Шелони). Появление их относится к IX в. Для лесной зоны Восточной Европы они тоже были совершеннейшим нововведением. Третий фактор — появление D-образных укреплений, открытых к большой воде и предназначенных для защиты корабельных стоянок в поймах (Рюриково Городище 5, Георгий 2, Сергов Городок). Появление такой планировки связано с изменением в характере коммуникаций, ибо на первое место в перевозке грузов вышел большой плоскодонный речной корабль.

Особняком стоит проблема платообразных племенных городищ типа Яжелбицы 1, Подоржевка, Друцк, Соборная Гора в Смоленске. Некоторые данные говорят о том, что они появляются еще в третьей четверти I тыс. н. э. В любом случае, основное время их использования явно приходится на VIII–IX вв.

4.5.2. Трансформация системы коммуникаций.

Как было показано выше (в главе 3), рубеж IX–X вв. ознаменовался заметным ростом увлажненности речных долин и озерных котловин Северо-Запада. Эти изменения, повлиявшие на характер хозяйственного использования пойм и подорвавшие пойменное земледелие, имели и еще один аспект. Изменился характер коммуникаций. Реки и ручьи всегда служили основными путями сообщения. Вдоль них от селения к селению прокладывались тропы, превращавшиеся в дороги. А в холода реки и сами становились дорогами — зимниками. Разумеется, лодки-однодревки и плоты плавали по рекам с неолита. Однако, вплоть до IX в. у нас нет данных о регулярном судоходстве на Северо-Западе. Такие данные впервые предоставляет нам культурный слой Старой Ладogi, сохранивший остатки крупных плоскодонных речных судов, построенных специально для перевозки грузов (Сорокин 1997: 82, 83). По сравнению с архаичной технологией однодревок это был огромный технологический рывок, заложивший основы средневековой экономики Руси.

Использование таких кораблей стало возможным благодаря увеличению размаха волховских паводков, которые теперь позволяли проходить пороги. Это относится, разумеется, и ко всем остальным рекам Северо-Запада, изобилующим порогами и мелями.

4.5.3. Трансформация земледелия

Наиболее существенной новацией в этой области является переход к возделыванию ржи, неприхотливой культуры, хорошо чувствующей себя в климати-

ческих условиях Северо-Запада, на его бедных почвах. Культивация ржи сделала северное земледелие более стабильным и обеспечивала устойчивый демографический рост населения. Как показывают исследования по всей Европе, в Раннем Средневековье процесс распространения ржи происходил одновременно во всем Балтийском регионе. Связывать эти изменения с миграциями нет оснований.

Иначе обстоят дела с другим нововведением — металлическими наконечниками пахотных орудий. Деревянное рало известно на Северо-Западе с неолита. Пока посевные угодья имели ограниченные площади, а в оборот были введены самые легкие и плодородные пойменные земли и участки на стыках моренных и озерно-ледниковых ландшафтов, необходимости в железных пахотных орудиях не возникало.

С постепенным затоплением пойм в IX–X вв. земледельческие угодья поднимались все выше, сначала на коренные берега водоемов, а затем — на завалуненные моренные почвы водоразделов. Для их обработки теперь требовались орудия с металлическими наконечниками. Существенную роль играл и численный рост земледельческого населения, требовавший освоения новых земельных угодий.

4.5.4. Разрыв в погребальных традициях

Раннее Средневековье ознаменовано почти повсеместным переходом к курганному обряду погребения. Уникальным для славянского мира раннесредневековым феноменом является массовое распространение больших курганов — сопок. Это явление будет рассмотрено в специальном разделе. В Верхнем Поднепровье и междуречье Припяти, Днепра, Немана и Западной Двины происходит переход к курганной обрядности, в результате чего формируется КСДК. Большие курганы здесь тоже известны, но сравнительно редко. В то же время на территориях, занятых КПДК, изменения имеют более плавный характер. В целом ряде регионов КПДК (преимущественно в северной части ареала) сохраняет некоторые свои черты и в IX–X вв., перерастая в древнерусскую культуру XI в. (Штыхаў 1992: 126–136; Михайлова 2014: 215–220; 228–230; Исланова 2018: 245).

4.5.5. Изменения в формах керамики

Как показали исследования селища Прость и Городка на Маяте, керамический комплекс V–VII вв. Ильмень-Волховского региона близок комплексу КТБ и КПДК. То есть в V–VII вв. керамическая традиция для всего Днепровско-Ильменского коридора была единой. Примерно в VIII в. происходит разрыв традиции, протекающий по-разному на севере и юге этого коридора. В Поволховье в VIII в. облик керамического комплекса теперь определяет керамика «ла-

дожского типа» (группа 4). Это биконическая посуда с ребром (рис. 252: 4), в различной степени сглаженным, но всегда хорошо читающимся. Правда керамика группы 4 в VIII–X вв. на севере преобладает не везде. Местами заметную роль играет керамика группы 1, например, в Городке на Маяте (Еремеев, Дзюба 2010: 224) и на городище Сельцо I.

Керамику групп 4 и 1 находят в новгородских сопках. Датировка их традиционно синхронизируется с датировкой КСДК — в рамках второй половины VIII — X в. В пределах «славянского клина» сопки, датирующиеся VIII в., известны только в Старой Ладогге. Основное же время распространения их, так же, как и КСДК, относится ко второй половине IX — X вв. Разумеется, в силу этого обстоятельства в сопках мы тоже не найдем следов взаимодействия керамического комплекса, состоящего из керамики групп 1 и 4 с керамикой круга культур КТБ и КПДК. Искать эти следы, так же, как и на юге, следует на поселениях. В Верхнем Поднепровье, Подвинье, Верхнем Половatie, Верхнем Поволжье и на некоторых сопредельных территориях (на летописной кривичской территории) этот разрыв лучше всего заметен по керамическому погребальному инвентарю, сопровождающему захоронения КПДК и сменяющей ее КСДК. Известно, что каждой из этих культур соответствуют определенный керамический набор, особенно стандартный для поздних длинных курганов (КСДК). Основу этого позднего набора составляют сосуды группы 1 (рис. 252: 1.1–1.4) по используемой мною типологии (Енуков 1990; Еремеев, Дзюба 2010). Они резко отличаются от различных вариантов биконической и слабопрофилированной посуды, характерной для ранних длинных курганов (КПДК) и других близких им древностей (КТБ, колочинской культуры). Типология керамики для этого раннего круга древностей разработана Н. В. Лопатиным (Лопатин, Фурасев 2007).

На юге керамический комплекс с преобладанием посуды группы 1 так же резко отделяет древности последней четверти I тыс. н. э. от древностей третьей четверти, как это делает на севере керамика группы 4. Мы практически не знаем в курганных комплексах Днепровско-Ильменского коридора примеров совместного нахождения этих ранних типов посуды и керамики группы 1 (Еремеев, Дзюба 2010: 421).¹⁸¹ Это и создает впечатление резкого разрыва традиции, позволяющего ставить вопрос об изменениях в составе населения.

¹⁸¹ Известны и исключения; одно из них опубликовано Н. А. Плавинским. В кургане 26/14 могильника Новоселки на Мядельщине в погребении встречены фрагменты двух сосудов: слабопрофилированного горшка, типичного для КПДК и сосуда группы 1 (Плавинский 2017: 146, мал. 126: 1, 2). Еще одним примером такого исключения является могильник КПДК Обрыня в Юго-Восточном Приильменье (рис. 251).

4.5.6. Поиск комплексов, отражающих трансформацию керамических традиций VIII в.

Начать следует с того, что датировка вышеупомянутого разрыва привязана ко времени формирования КСДК, которое определяется около середины VIII в. (Нефёдов 2000: 197; Шмидт 2012: 60–61). Проблема здесь кроется в хронологии самих курганов. Учитывая незначительное количество курганных погребений, датирующихся VIII в., есть основания полагать, что этот обряд в Верхнем Поднепровье, Подвинье и на соседних территориях получил широкое распространение только в IX в., а на западнокривичских землях даже в X в. (Енуков 1990: 122–126). Данные наблюдения, разумеется, не исключают того, что в некоторых микрорегионах КСДК курганные захоронения, наоборот, появляются уже в третьей четверти I тыс. н. э., причем не только в Подвинье (Штыхаў 1992: 21–40; Плавинский 2017: 33–41, 137–151), но и в Поднепровье (Левко 2016: 297–304). Одним словом, освоение курганной обрядности кривичами шло малопонятными пока волнами, растянулось на период V–X вв. и было далеко не повсеместным.

Из этого следует важный вывод: курганные комплексы КСДК, не демонстрирующие взаимодействия двух керамических традиций, не обязательно должны убеждать нас в том, что этого взаимодействия в VIII или даже в начале IX в. вовсе не было. Они могут свидетельствовать лишь о том, что в своем основном массиве КСДК — довольно позднее явление, относящееся преимущественно к X в., в меньшей степени к IX в. и лишь в незначительной своей части к VIII в. В этом случае следы взаимодействия тушемлинско-банцеровско-колочинских традиций и КПДК с традициями КСДК следует искать не в погребальных комплексах (их там будет очень мало), а в комплексах на поселениях, датирующихся VII–VIII вв. (возможно, началом IX в.). Именно поселения должны показать, действительно ли КТБ и КСДК не имеют точек соприкосновения?

Такой подход оправдан в силу двух обстоятельств. Во-первых, в кривичском культурно-историческом пространстве известно значительное количество поселений, содержащих материалы третьей и четвертой четверти I тыс. н. э., возле которых вовсе не зафиксированы курганы, или же они явно поздние (X–XII вв.). Во-вторых, целый ряд городищ третьей четверти перерастает в укрепленные центры IX–X вв., а те в свою очередь — в древнерусские города (Еремеев 2015: 55–59). Это наводит на мысль об определенной преемственности. Таким образом, для изучения разрыва на юге в нашем распоряжении оказывается довольно большой массив поселений. Попробуем отыскать комплексы VII–VIII вв., где две традиции

пересекались бы. При этом мне, правда, не удастся удержаться в пределах очерченного Днепровско-Ильменского коридора и придется несколько отклониться в сторону Белоруссии.

4.5.6.1. Лукомль

Ключевым памятником в центре кривичского региона является Лукомль. Здесь, как и повсюду на псковско-смоленско-белорусских городищах, культурный разрыв рубежа третьей и четвертой четвертей I тыс. н. э., выраженный в смене форм лепной керамики, очень заметен. На селище к северу от городища, «не более чем в 100 метрах от замка» (Штыхов А-1969: 26), на материке в основании культурного слоя мощностью 1,2 м была сделана уникальная находка — крупные фрагменты двух сосудов. Один — профилированный с коротким венчиком, характерный для VIII–X вв., другой — цилиндрикоконический с отогнутым венчиком (тип 2, по Н. В. Лопатину, характерный более для второй, нежели для третьей четверти I тыс. н. э.) (рис. 348: 1, 2). Как отмечает автор раскопок, «два из них находились один в другом» в пласте 5 квадрата 10 (Штыхов А-1969: 26, 28; 1978: 48). Здесь же найдено характерное для третьей четверти I тыс. н. э. глиняное биконическое пряслице (рис. 348: 3) с волгнутыми плоскостями (Штыхов А-1969: 26).

Благодаря сохранившимся в полевом отчете рисункам профилей сосудов, полевым инвентарным номерам и любезной помощи Г. В. Штыхова, разбиравшего вместе со мной коллекцию в хранении ИИ НАНБ, вышеупомянутые фрагменты удалось отыскать и зарисовать. Очевидно, перед нами действительно любопытный пример хронологического совпадения двух различных керамических традиций, указывающий на то, что профилированная керамика появляется в Днепро-Двинском пространстве еще в третьей четверти I тыс. н. э., а возможно, и ранее. Интригует и то, что в этом же квадрате на материке зафиксированы фрагменты кальцинированных костей, а сам материк был прокален (Штыхов А-1969: 27).

4.5.6.2. Селище Городище

Последовательный сторонник гипотезы о преемственном развитии культур Белорусского Подвигия Г. В. Штыхов указывает на примеры нахождения в одном комплексе «славянской» (так этот автор называет профилированную керамику группы 1) и туземной керамики в раскопках А. Г. Митрофанова в бассейне Вилии (Городище, Ревячка) (Штыхов 2000: 210). Селище Городище исследовалось А. Г. Митрофановым (Митрофанов 1966, 1969, 1978). Основным источником по памятнику являются полевые отчеты, хранящиеся в Архиве ИИ НАНБ (Митрофанов А-1964–1970; А-1972, А-1973). На селище А. Г. Митрофановым исследован ряд углубленных в землю пря-

моугольных оснований построек с печами-каменками (рис. 349: 1). Керамические наборы из построек опубликованы. Несмотря на схематичные изображения фрагментов, не вызывает сомнений, что керамика банцеровской культуры на поселении составляет один комплекс с некоторыми образцами посуды группы 1 (рис. 350) (Митрофанов 1978: рис. 49–53).

А. Г. Митрофанов считал селище однослойным (Митрофанов А-1967: 13). Однако при знакомстве с отчетами становится ясно, что это не так. Наряду с находками третьей четверти I тыс. н. э. (слабопрофилированная лепная посуда, характерные серпы, шпоры, стамесковидные наконечники, фрагмент браслета с расширяющимися концами, многочисленные пряслица с широким отверстием) на селище встречены и предметы древнерусского времени. В первую очередь это раннегончарная керамика X–XI вв. Автор раскопок неоднократно фиксирует в полевых отчетах керамику с «волнистым узором» (Митрофанов А-1966: рис. 13; Митрофанов А-1967: 19; Митрофанов 1966: рис. 7: 2; Митрофанов 1969: рис. 5: 3). К древнерусскому времени относится булава с подвижным кольцом (Митрофанов 1969: рис. 4: 7). Некоторые фрагменты гончарных сосудов оказались в ранних полуземлячных жилищах (Митрофанов 1978: рис. 52: 23, 27). Это следует расценивать, как свидетельство того, что в некоторые постройки «затекал» и слой древнерусского времени, к которому и может относиться часть профилированной лепной керамики группы 1. Имеются и другие находки, которые могут относиться к IX–X вв. Это трапециевидная подвеска с пунсонным точечным орнаментом по нижнему краю (рис. 349: 8), фрагмент серебряной гривны (рис. 349: 2) и обрубки серебряного дрота (рис. 349: 6, 7) (мы уже видели обрубки серебряных гривен на городищах в Городке на Маяте и в Броннице), нож с волкотообразным навершием (рис. 349: 12), фрагмент бронзового височного кольца с заходящими концами (рис. 349: 9), характерного для КСДК (Митрофанов А-1970: рис. 16: 7), железная бизсоевидная подвеска (рис. 349: 11).

Основу керамического набора селища Городище составляют сосуды с отогнутым венчиком и округлым плечиком, т. е. керамика группы 1. Именно она связана с большинством построек-полуземлянок, имевших углубленную в землю нижнюю часть. Датировка поселения с полуземлячными постройками определяется в рамках VII–VIII вв. Поселение продолжало существовать и далее — в IX–X вв.

4.5.6.3. Селище Красный Ручей

В 1988 г. Е. Н. Носов и А. В. Плохов обнаружили на селище на берегу Западной Двины комплекс находок, включавший развал слабопрофилированного лепного сосуда (рис. 351). В комплекс входил ладье-

видный браслет скандинавского типа, датирующийся, скорее всего, IX в. (Носов, Плохов 1994а). Комплекс указывает на то, что носители традиции слабопрофилированной керамики на этой территории продолжали изготавливать посуду характерных для третьей четверти I тыс. форм вплоть до появления скандинавов.

4.5.6.4. Городок на Маяте

Вопрос о культурном разрыве, приходящемся на VIII в., уже ставился мною на материалах этого памятника. Основанием для этого послужили следы разрушения вала городища, сооруженного, по данным серийного радиоуглеродного анализа, в первой половине VII в. Грунт с верхушки вала перекрыл культурный слой на его склоне. Ни в слое под валом, ни в этом погребенном слое на его склоне не было керамики «ладожского типа», что позволило отнести уничтожение укреплений ко времени до широкого распространения в Приильменье этого типа посуды, т. е. к периоду не позднее VIII в. Разумеется, данное предположение должно быть далее проверено.

Здесь нужно обратить внимание на два комплекса, имеющих отношение к проблеме преемственности керамических традиций, характерных для третьей четверти I тыс. н. э. и последней четверти I тыс. н. э. Уже описанный мною выше комплекс VII по данным радиоуглеродного анализа является одним из древнейших на городище (рис. 123). Датировки обноски трех его стен в совокупности указывают на V в. В его заполнении встречены фрагменты сосуда типа 1 вместе с фрагментом слабопрофилированного сосуда.

Интерес представляет также комплекс XXVII. По внешнему виду (корытообразная материковая яма) он соотносится с постройками, характерными для VIII–X вв. (рис. 353). В заполнении комплекса развал реберчатого сосуда «ладожского типа» (рис. 352: 1) сочетается с фрагментами слабопрофилированного сосуда (рис. 352: 4). В верхней части заполнения найден фрагмент дирхема (ал-Мамун, 815/816 г.).

Еще один материковый комплекс такого же облика, по-видимому, относящийся к VIII в., носит номер XXIX (рис. 354). По углистой плахе в нижней части его заполнения получена дата 1275 ± 20 (Ле-8487), дающая при калибровке интервал 680–780 гг. (2б). В верхней части заполнения комплекса найдена половинка умайадского дирхема (Хишам I, 794/795 или 795/796 г.). Из ямы происходит развал богато орнаментированного сосуда четвертой группы (рис. 354: 1).

4.5.6.5. Бронницкое городище

Наибольший интерес для нашей темы представляют комплексы I, VI и VII. В комплексе I зафиксировано совместное залегание как фрагментов слабопрофилированного цилиндрикоконического сосуда (рис. 147: 2, 2а; 264: 1), совершенно аналогичного

сосуду, обнаруженному в культурном слое под валом Городка на Маяте (рис. 128: 1), так и фрагментов сосуда с ребром, близкого керамике группы 4 (рис. 148: 7–7б; 267: 10). Как показал серийный радиоуглеродный анализ, культурный слой под валом Городка на Маяте датируется V–VII вв. (Еремеев, Дзюба 2010). Время бытования комплекса I Бронницкого городища определяют две датировки: 1430 ± 50 BP (Ле-10364) и 1250 ± 50 BP (Ле-10363). Похоже, что где-то на рубеже третьей и четвертой четвертей I тыс. н. э. на Броннице сосуществовали два типа керамики, характерные для двух разных эпох.

Интересную информацию дает древнейшая часть длинного дома на краю площадки городища (комплекс VII). Датировки дома: 1640 ± 80 (Ле-10735), 1610 ± 70 (Ле-10738) и 1450 ± 100 (Ле-10739). В заполнении древнейшей части постройки найден фрагмент сосуда группы 4 – реберчатого горшка с широким горлом (рис. 193: 15; 267: 8).

Самым поздним из этих трех комплексов является, вероятно, постройка VI. Она представляет собой врезанную в склон площадку подпрямоугольной формы со столбовой ямой в центре. В постройке зафиксирован развал печки-каменки. Таким образом, комплекс VI аналогичен ранним постройкам Городка на Маяте, датирующимся третьей четвертью I тыс. н. э. Комплекс содержит развал сосуда группы 4 со сглаженным ребром (рис. 188: 1; 265: 4), развал профилированного сосуда группы 1 (рис. 186: 1; 266: 7) и развал еще одного горшка (рис. 187; 265: 1), напоминающего пражскую керамику или посуду, распространенную на памятниках удомельского типа третьей четверти I тыс. н. э. Постройка имеет радиоуглеродную датировку по углю из-под печи-каменки: 1340 ± 60 (Ле-10734), указывающую на VII–VIII вв. Среди камней печки найден фрагмент дирхема Ал-Махди (775–785) или ал-Хади (785–786). Таким образом, есть основания относить комплекс к концу VIII в. Он указывает на то, что не только керамика, но и тип домостроительства в Центральном Приильменье сохранял преемственность с середины I тыс. н. э. до времени начала поступления арабского монетного серебра.

4.5.6.6. Селище Прость

Делать выводы о материальной культуре поселения можно только по публикации одного комплекса, впрочем, весьма примечательного (рис. 356). Постройка, введенная в научный оборот, представляет собой углубленную овальную яму размерами $3,3 \times 5,1$ м со столбовой ямой и входом-приступкой с севера. Все это напоминает вышеописанные полуземлянки Городка на Маяте и Бронницы, но уверенно проводить параллель затруднительно. В заполнении постройки

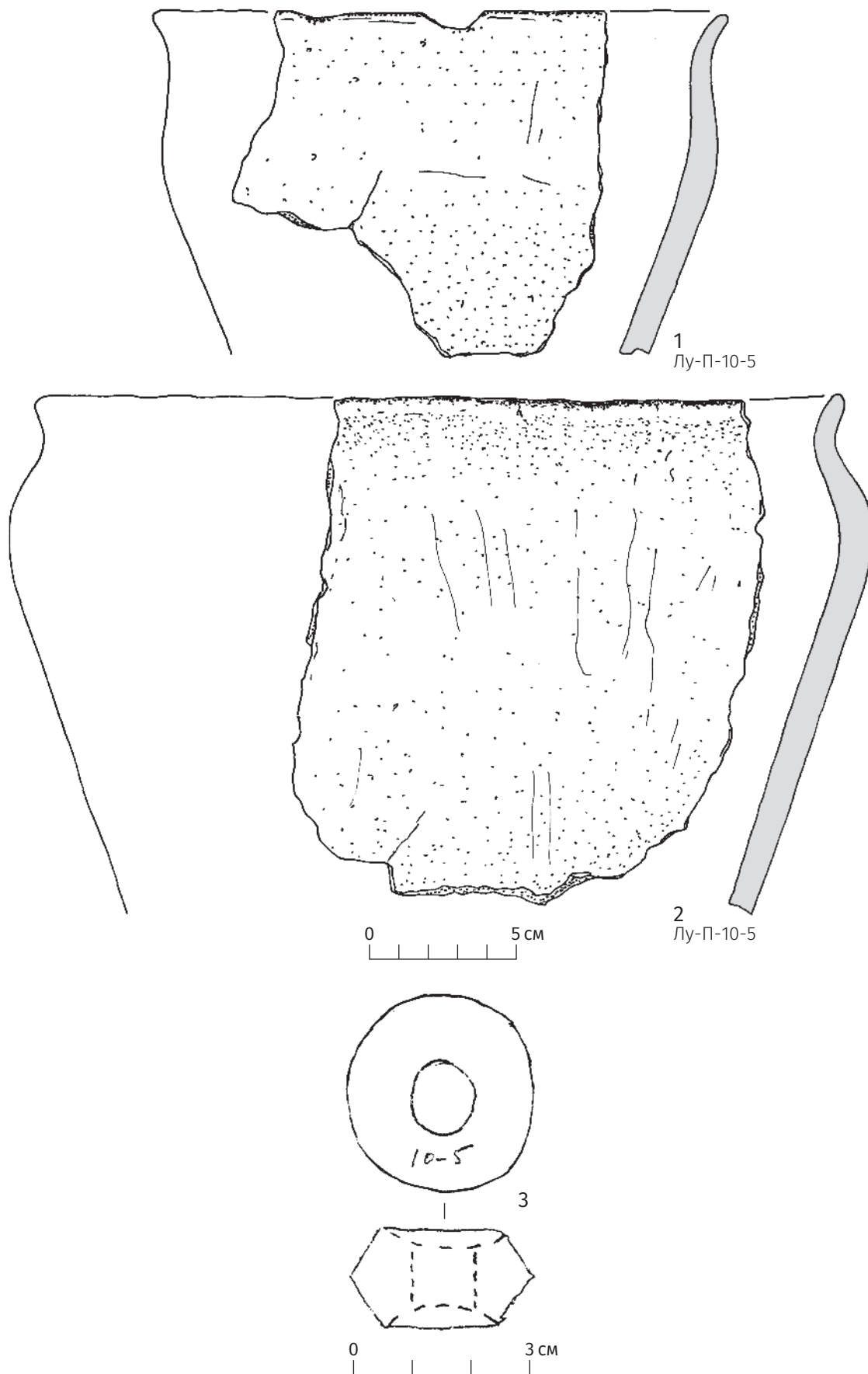
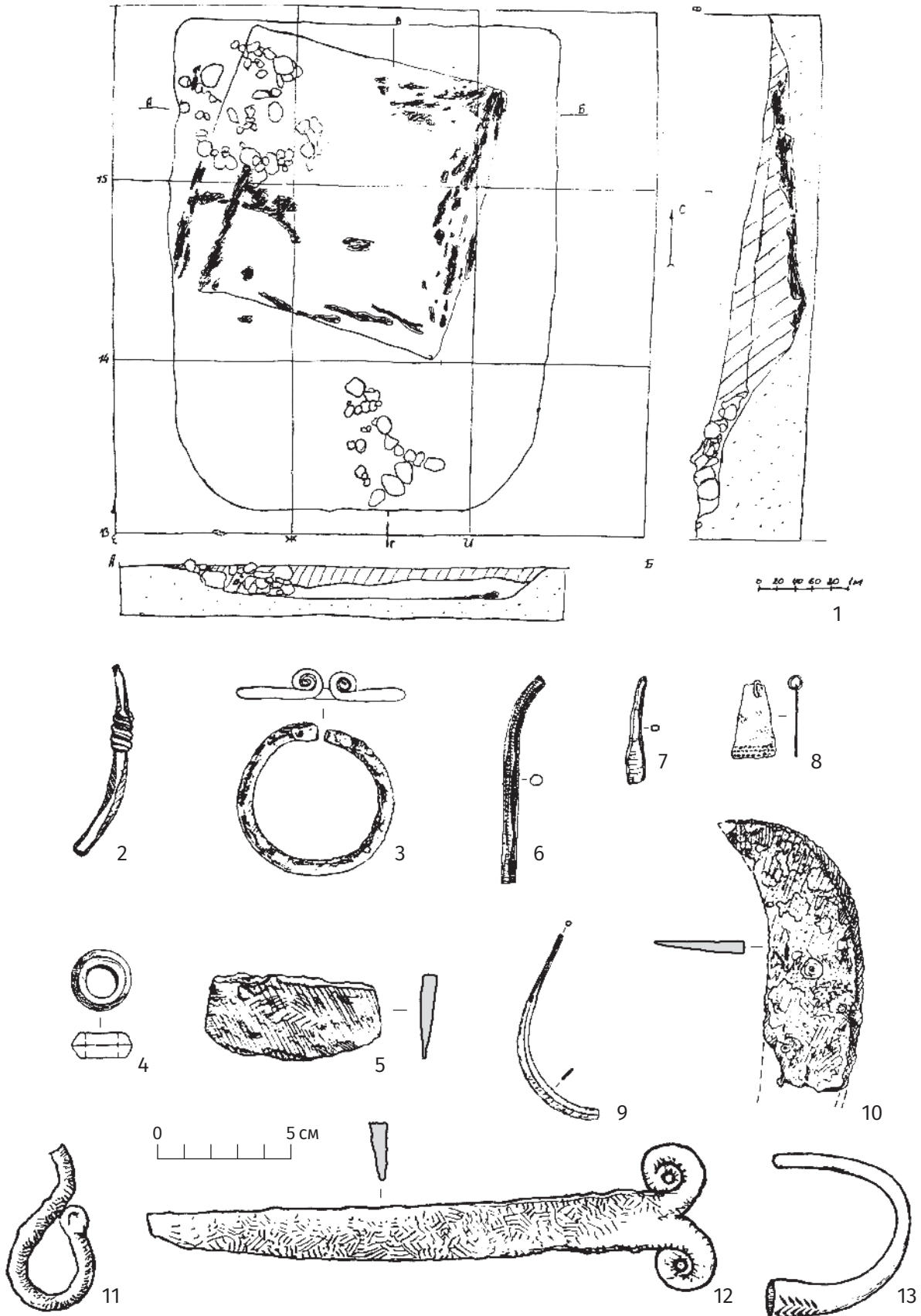

Рис. 348. Лукомль. Селище у подножия городища (правобережное). Находки из пятого пласта квадрата 10 (раскопки Г. В. Штыхова 1969 г.). 1, 2 — фрагменты лепных сосудов; 3 — глиняное пряслице (Штыхов А-1969)

Рис. 349. Городище Городище (Княгинино). 1 – постройка 26 и 26а. 2–5 – находки из постройки 26 (2 – фрагмент серебряной гривны, 3 – железная фибула, 4 – глиняное пряслице, 5 – фрагмент лезвия железного топора). 6–13 – датирующие находки (6, 7 – фрагменты серебряного дрота; 8, 9, 13 – бронзовые украшения; 11 – фрагмент железной подвески, 12 – железный нож). 1–5 – по Митрофанов А-1969; 6–10 – по Митрофанов А-1970; 11–13 – по Митрофанов А-1968

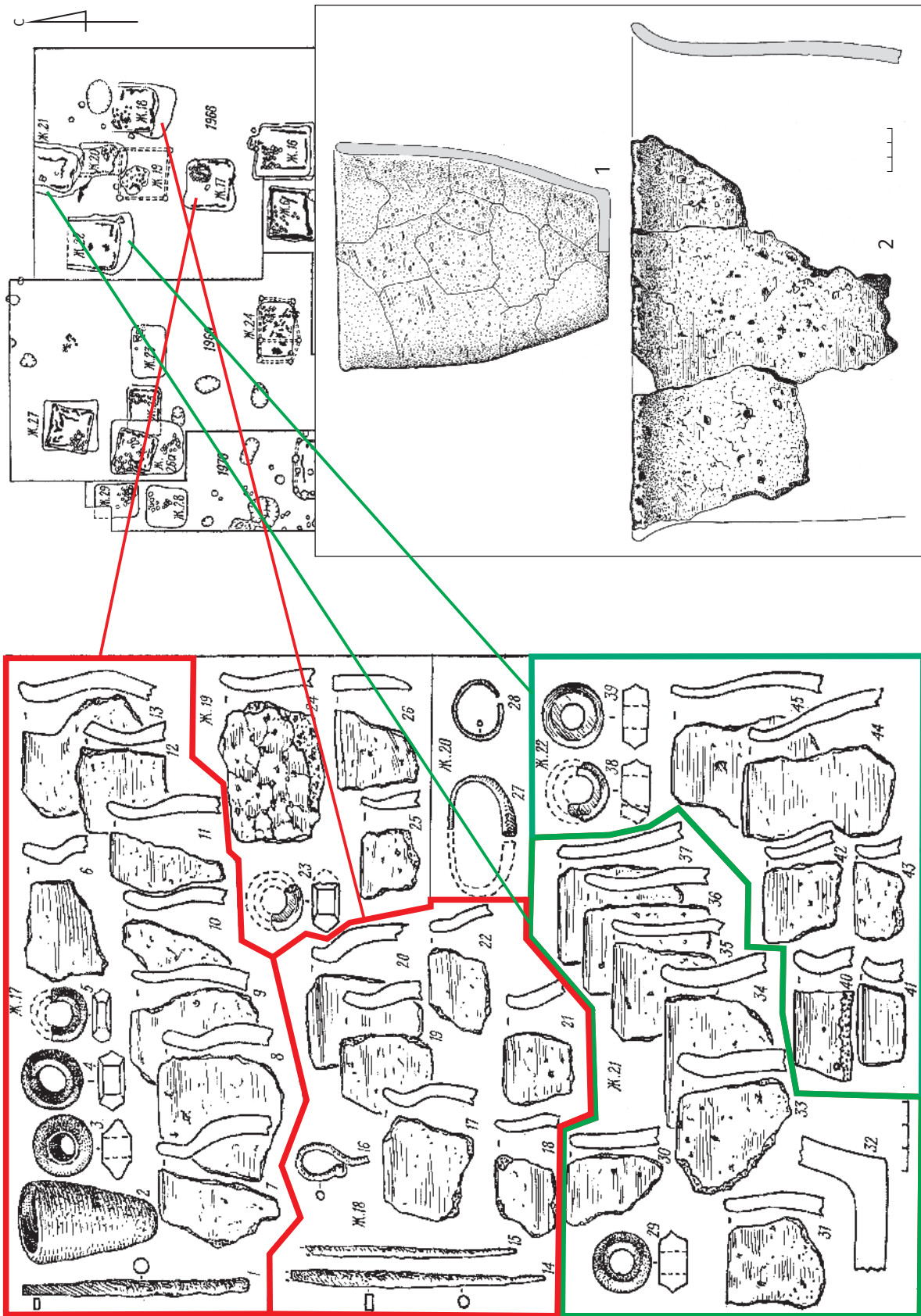

Рис. 350. Городище (Княгинино). Комплексы находок из жилищ и планировка поселения (Митрофанов 1978). Справа: слабопрофилированная керамика с селища. 1 — жилище 22 (по Митрофанов 1978; рис. 47: 2); 2 — сосуд из раскопок 1965-1967 гг. (по Митрофанов 1969; рис. 5: 1)

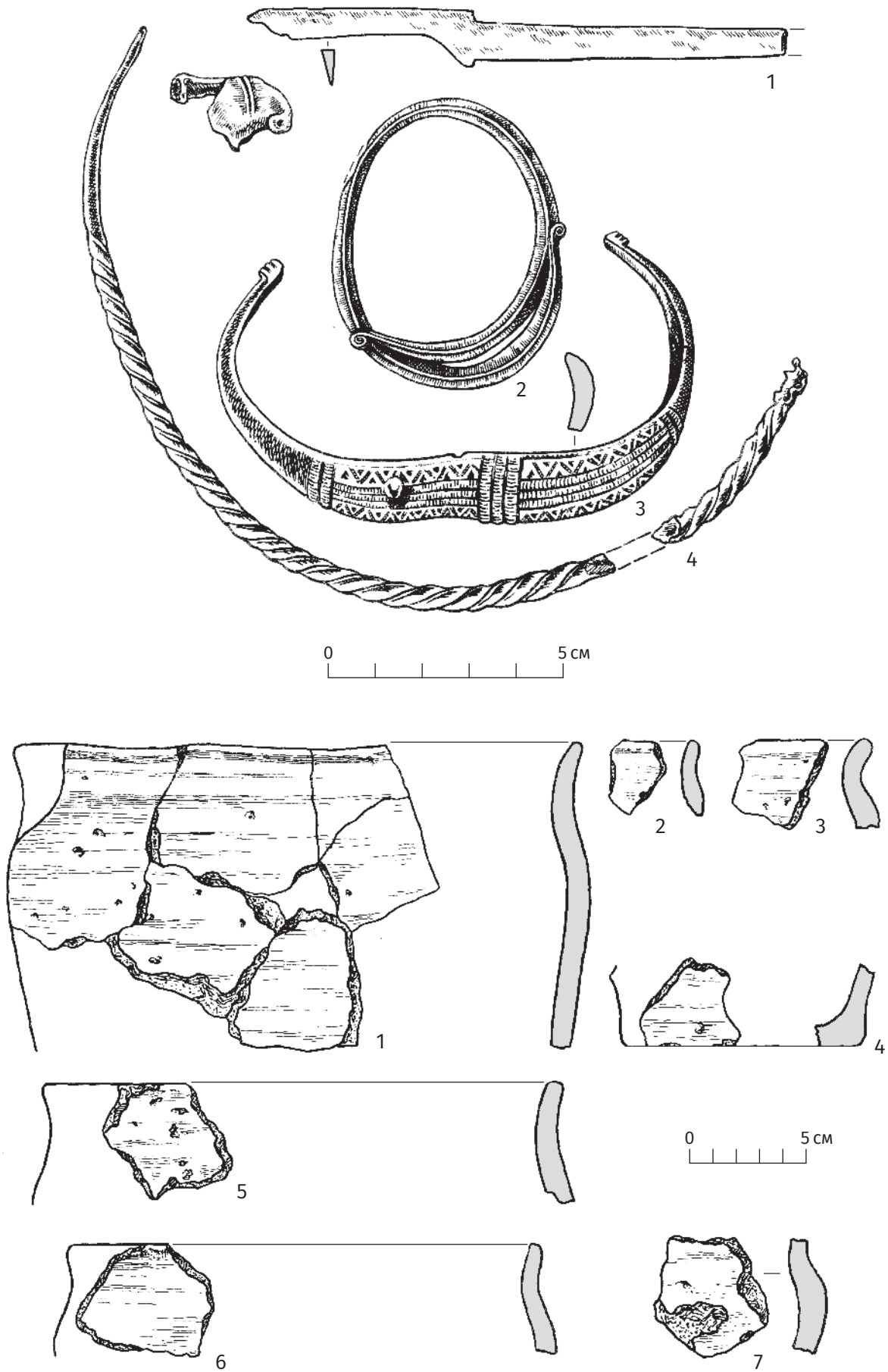
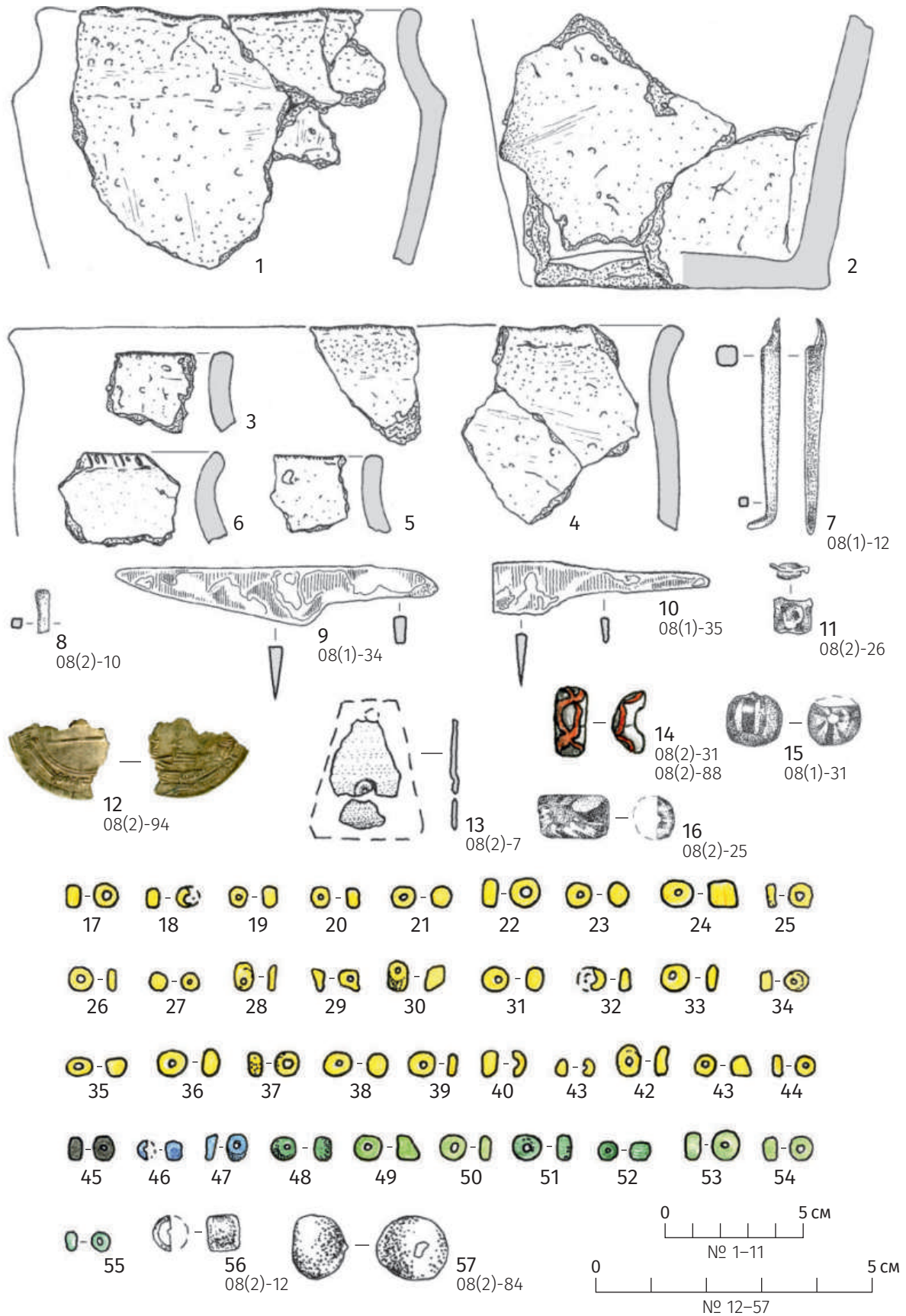
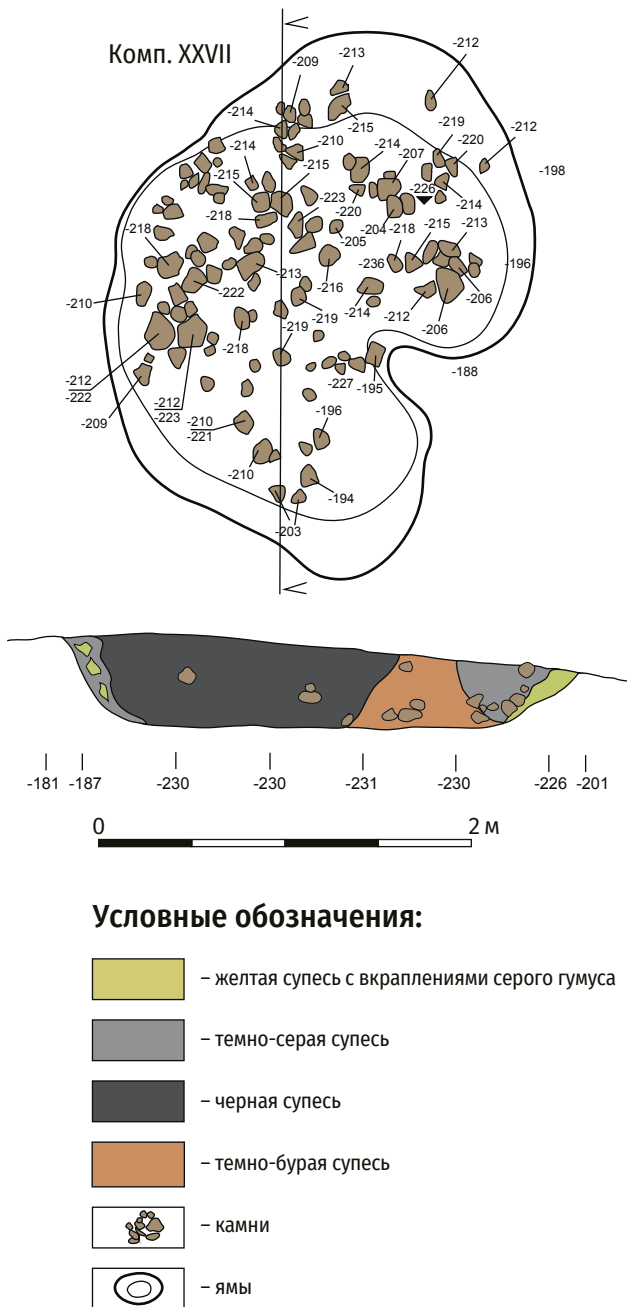

Рис. 351. Комплекс находок с поселения Красный Ручей (Носов, Плохов 1994а)

Рис. 352. Гордодк на Маяте. Находки из заполнения комплекса XXVII. 1–6 — лепная керамика (1, 2 — пл. 4; 3, 4 — пл. 2; 5, 6 — пл. 1); 7–11 — предметы из железа; 12 — фрагмент серебряного дирхема; 13 — бронзовая трапециевидная подвеска; 14–16 — полихромные стеклянные бусы; 17–55 — стеклянный бисер; 56 — фрагмент золотостеклянной пронизки; 57 — глиняная бусина

Рис. 353. Городок на Маяте. Комплекс XXVII

наряду с керамикой группы 4 (рис. 356: 1, 2, 5, 10, 14, 15) присутствуют фрагменты слабопрофилированной посуды (рис. 356: 9, 13) и фрагменты сосудов с высоким S-видным сглаженным профилем (рис. 356: 3, 4). Инвентарь из заполнения постройки позволил Е.Н. Носову и А.В. Плохову датировать сооружение VIII в. (Носов, Плохов 2002: 174; Носов, Горюнова, Плохов 2005: 143). Пожалуй, нельзя было исключить из диапазона и IX в., если бы не радиоуглеродная датировка по углю из заполнения (Ле-5524): 1330 ± 25 BP. После калибровки (2σ) интервал составил: 651 (59,5%) 705 AD, 738 (35,9%) 775 AD.

4.5.6.7. Рюриково Городище 2–4

Раскопки на Благовещенском раскопе 2013–2016 гг. дали возможность охарактеризовать материальную культуру поселения, относящуюся ко времени до постройки большого вала, т. е. до середины IX в. Стратиграфически разделить материал Рюрикова Городища 2 (VII–VIII вв.) и Рюрикова Городища 4 (VIII–IX вв.), к сожалению, затруднительно. Поселение Рюриково Городище 3 пока не найдено, и представлено в раскопе только пахотным горизонтом. Поэтому нам приходится оперировать единым блоком раннего материала, который механически делится на две части, а именно: комплекс находок из насыпи вала, частично сложенного из раннего культурного слоя, и комплекс находок из непотревоженного культурного слоя под валом.

С ранним поселением можно связать несколько находок вооружения. В насыпи вала, сложенной из культурного слоя, в пласте 6 квадрата Г-2 найден фрагмент узколезвийного боевого топорика с изогнутым, опущенным вниз лезвием (рис. 322: 1). Подобная форма боевой части не характерна для топориков лесной зоны и более присуща оружию всаднических культур, в частности аварской. От аваров топорики с подобной боевой частью попадают к славянам и бытуют у них длительное время (Казанский 2015: рис. 6: 7; Радичевич 2015: рис. 10: 16; Rejholcová 1995: tab. XXXII: 8). В Восточной Европе такое оружие известно в салтово-маяцкой культуре (Владимиров 2015: рис. 1: 1–3) и в болгарских древностях VIII–IX вв. (Казаков 1992: рис. 19: 37).

Из культурного слоя под насыпью вала происходит ромбовидный наконечник стрелы с черешком без упора (рис. 324: 8). В третьей четверти I тыс. н. э. наконечники этого типа известны на городище Зимно (Казанский 2015: рис. 11: 11–16). В VIII–X вв. данный тип наконечников распространен от Гомельского Поднепровья (Енуков 1990: рис. 68: 9) до Старой Ладogi, где стрелы оказались в самом раннем горизонте середины VIII в. (Рябинин 1995: рис. 1: 7). Видимо, до распространения скандинавских ланцетовидных наконечников это был основной тип оружия населения Северо-Запада, поскольку известен повсеместно на городищах (Рябинин А-1999: рис. 49: 3; Рябинин А-2000: рис. 284; Рябинин А-2001: рис. 9; Рябинин 2003: 219; Носов и др. 2005: табл. 161: 1–3; Михайлова 2014: рис. 38: 2, 3). Несколько подобных наконечников найдено В.В. Седовым на месте храма Благовещения рядом с раскопанным нами участком (Кудрявцев, Андриенко 2019: ил. 9: 1–4).

Особенно интересен железный крючок от колчанной портупей с широкой прямоугольной петлей, выкованный из подквадратного в сечении дрота (рис. 333: 2). Он найден при просеивании слоя

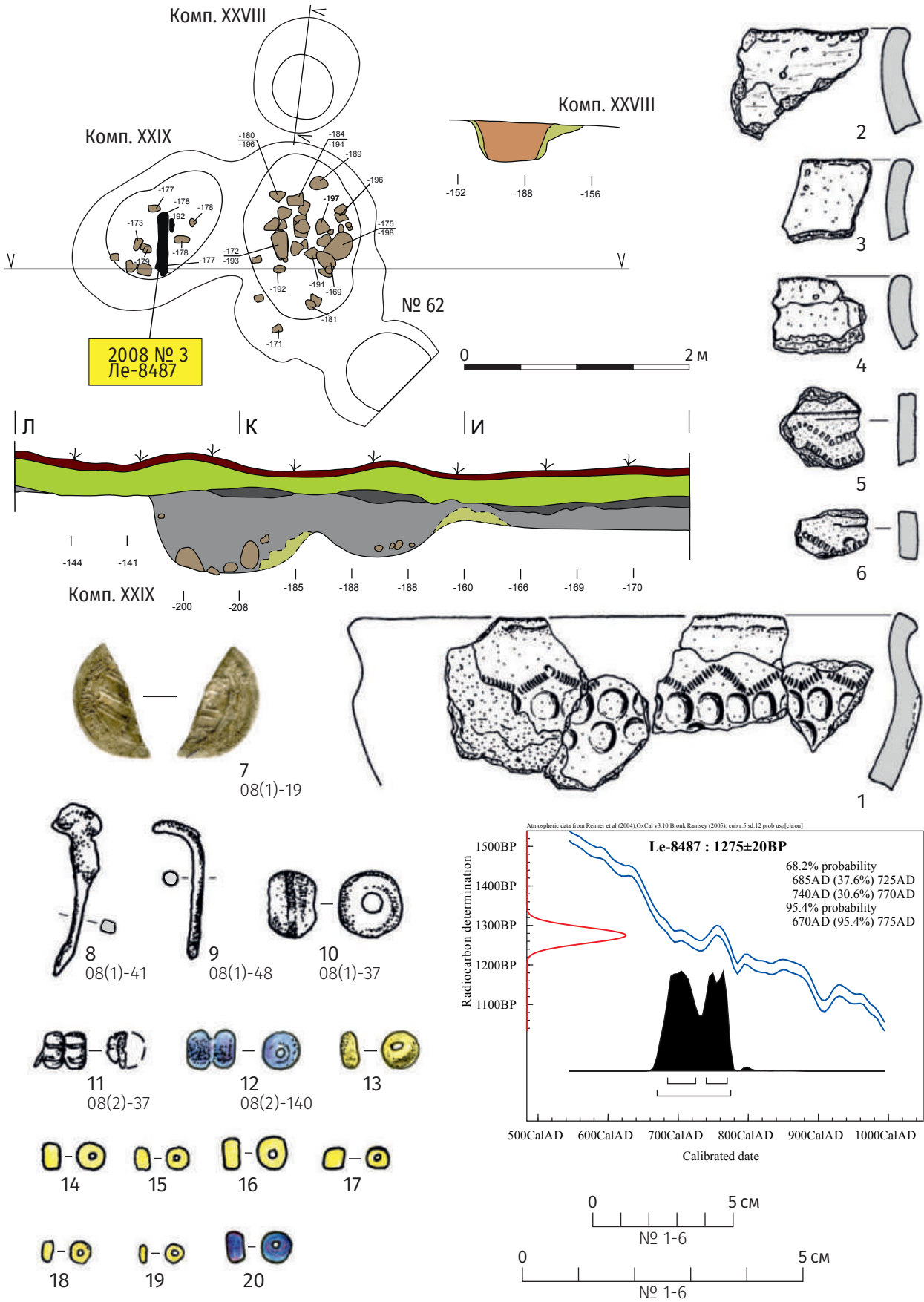

Рис. 354. Городок на Маяте. Комплекс XXIX и находки из его заполнения. 1–6 – лепная керамика; 7 – серебряный дирхем; 8, 9 – предметы из железа; 10–20 – стеклянные бусы и бисер

Рис. 355. Серебро из раскопок Городка на Маяте

из пласта 5 квадрата А-4 в том месте, где внутренний склон вала оплывает на площадку. Подобные крючки являются принадлежностью воина-всадника и относятся к вооружению степных народов¹⁸². Находки их встречаются в погребениях северопричерноморских кочевников со второй половины VII в. (Комар, Кубышев, Орлов 2005: 331, рис. 39: 10). Верхняя их датировка в Северном Причерноморье определяется первой половиной X в. (Криганов 2012: 47, рис. 17: 6). Похожие крючки отмечены в раннеболгарских могильниках Среднего Поволжья второй половины VII — первой половины VIII в. (Матвеева 1997: рис. 115: 9; Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998: 119, рис. 26: 21–25; Матвеева, Богачев 2000: табл. 8: 14), а в более позднее время — в болгарских (Казаков 1992: рис. 5: 5) и салтовских древностях (Плетнева 1989: 71, рис. 33). Оттуда эта деталь вооружения проникает к поволжским финнам, у которых продолжают бытовать до X в. Известный воинский комплекс с франкским мечом из Шокшинского могильника (погребение № 281) второй половины X — начала XI в. сопровождался аналогичным крючком (Шитов 1990: табл. IV: 11). На юге Европы подобное снаряжение в последней трети VI — начале VII в. бытует у аваров (Dobos 2015: 80, fig. 11: 10); от них оно заимствуется соседними

¹⁸² Форма рамки колчанных крючков изменяется от прямоугольной до подтреугольной, принимая самые разные очертания. Имеют ли они какое-то хронологическое значение, сказать сложно, слишком многое здесь зависело от вкуса и умения кузнеца.

народами — германцами и славянами. Крючки известны в лангобардских некрополях и в раннеславянских могильниках на территории Румынии (Казанский 2015: 54, 77, 78, рис. 6: 9, 10; Станчу 2015: рис. 21: 6). Наконеч, подобные крючки (изготовленные из бронзы) встречаются в раннесредневековом Херсонесе. Картина получается довольно расплывчатая, как в культурном, так и в хронологическом отношении. Тем не менее, колчаный крючок, принадлежавший пришлому воину-всаднику, не противоречит предложенной нами хронологии древнейших этапов Рюрикова Городища 2–4.

В валу со стороны площадки в переотложенном слое сделано две находки: фрагмент дирхема (рис. 322: 3) и поясная накладка (рис. 322: 6). Накладка в виде узкого оттянутого вниз щитка с круглыми выступами по краям (иногда используют термин «серповидная») принадлежит к широко распространенному в степных культурах IX–X вв. типу (Мажитов 1981: рис. 15: 12, рис. 30: 7, рис. 32: г; Казаков 1992: рис. 20: 52, рис. 102: 85; Круглов 2016: 194). Более интересна трапециевидная подвеска с двумя рядами прессованных точек по нижнему краю (рис. 322: 4). Хотя она тоже происходит из переотложенного в новейшее время участка вала в кв. Г-4, но ее попадание в насыпь обусловлено локализацией квадрата — в центре вала. Подобные украшения, широко распространенные в лесной зоне, неоднократно становились предметом анализа, в целом возводящего их к дунайским традициям VI–VII вв. (Казанский 2020: 264, 265). Данная подвеска по аналогиям вряд ли может быть датирована позднее IX в. Еще одна миниатюрная трапециевидная подвеска, гладкая, найдена в культурном слое под валом (рис. 324: 9). Распространение и датировка этих украшений чрезвычайно широки.

С ранним поселением на Благовещенском раскопе связаны три височных кольца. Перстнеобразное височное кольцо с завитком из круглой в сечении бронзовой проволоки найдено в кв. Б-4 в пласте 9 в насыпи вала, которая сложена здесь из дернин, включающих ранние культурные напластования (рис. 322: 8). Датировка этих изделий, считающихся одним из ведущих кривичских украшений, укладывается в VII–X вв. (Казанский 2020: 263). Второе кольцо, простое перстнеобразное, происходит из культурного слоя на краю эскарпа Рюриково Городища 2 (рис. 324: 10).

Наиболее интересно третье кольцо (рис. 322: 7). Оно не тянутое из проволоки, а литое, причем имеет цельнолитую с ним мелкую бусину. Подобные височные кольца (с двумя, реже одной бусиной) совершенно не характерны для лесной зоны Восточной Европы, но распространены в Византии (Davidson 1952: pl. 108: 2009), откуда широко заимствуются юго-западными

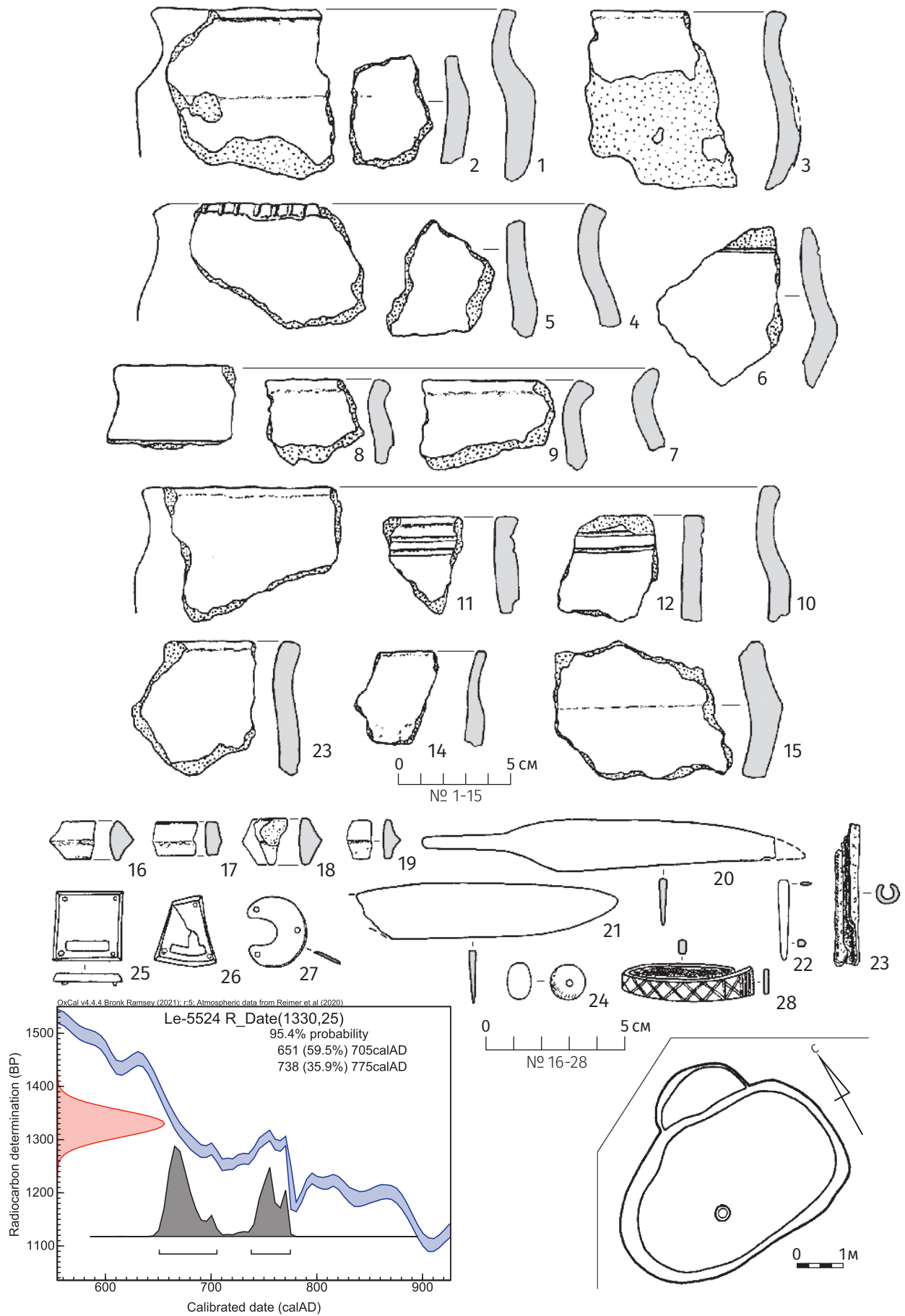

Рис. 356. Комплекс на селище Прость (Носов, Горюнова, Плохов 2005: табл. 165, 166) и радиоуглеродная датировка, полученная по углю из его заполнения

славянами на Балканах и в Подунавье (Polík 1948: Tab. XLIX: 8; Tab. L: 2; Tab. LXIII: 19, 20; Tab. LXVII: 11, 13–15; Rejholcová 1995: tab. XXXVIII: 1–6; L: hrob 292: 4; LXVII: 1, 2; CXIX: 4, 5; Bikić 2010: Sl. 31: 8). Часто подобные кольца служили основой для изготовления составных височных украшений, включавших различные подвески-балясины (Рябцева 2010).

Находка заставляет вспомнить о другом височном кольце (или сереге), найденном на площадке реконструированного мною раннего городища близ церкви Благовещения в траншее 2016 г. (рис. 322: 9). Кольцо из траншеи тоже уникально для Северо-Запада. По типологии P. Langó оно ближе всего стоит к типу 1 а, распространенному на территории современной Греции и Турции, где датируется в пределах IX–X вв. (Davidson 1952: 253, 254, fig. 56, pl. 107: 2038, 2040; Langó 2010: 373, 392, fig 2: 1a; Pülz 2020: 45t, Taf. 13: s 22), и в Южной Италии, где датировки древнее — VIII–IX вв. (Langó 2010: 391, fig 8: 2–5). Более отдаленные параллели имеются на Балканах в VIII–IX вв. (Sokol 2016: 144, 147).

Заслуживает внимания фрагмент ремешка накладки, в которой уцелели два штифта для крепления. Вещь найдена в насыпи вала, там, где она сложена с использованием культурного слоя, в квадрате Б-3, в пласте 7. К одному из штифтов приклепано ушко для вторичного использования фрагмента в качестве подвески. Накладка (изначально ажурная) изображала какого-то зверя, от которого сохранилось только туловище, покрытое стилизованной чешуей (рис. 322: 5). Очевидно, это было изделие в зверином стиле, но каком? Отметим, что подобное орнаментальное решение не характерно для Скандинавии и ближе аварскому или салтовскому искусству.

Из деталей поясной гарнитуры к культурному слою под валом относится небольшая прямоугольная пряжка из ковanej железной проволоки квадратного сечения с бронзовым язычком (рис. 324: 11). Прямоугольные небольшие пряжки имеют широкое распространение, известны как в КПДК (Михайлова 2014: 44), так и в КСДК (Енуков 1990: 66).

Из примечательных находок, сделанных в насыпке внутривальных клетей, следует остановиться на половинке дирхема (Аббасидские наместники Северной Африки, Йазид, Ифрикия, 172 г. х. (788/789 г.) (рис. 324: 1) и одностороннем гребне типа 1 а по О.И. Давидан¹⁸³. Подобные гребни относятся к раннему типу и датируются в основном VIII–IX вв. (рис. 324: 3). В этом же контексте найдена внутренняя пластина еще одного гребня скандинавского типа (рис. 324: 2). Если целый гребень мог быть утерян строителями вала, то фрагмент происходит, скорее всего, из раннего культурного слоя.

Прочие предметы из насыпи вала: ушко из медного сплава от металлического котла (рис. 323: 1); шайба и головка от железной заклепки (рис. 323: 4, 5); целая «ладейная» заклепка (рис. 323: 6); фрагмент ножа (рис. 323: 2, 3); железный пробой (рис. 323: 9); фрагмент керамического тигля (рис. 323: 10). Ушко котла, конечно, как и заклепки, не принадлежит славянской культуре. Следует, пожалуй, обратить внимание на находки на Любшанском городище в слое VIII–X вв. деталей котлов, которые П. А. Миляев связывает с норманнскими влияниями (Миляев 2017: 235). Культура приготовления пищи Любши и Рюрикова Городища 2–4, видимо, имела много общего. Отмечу, что, помимо Скандинавии, металлические котлы, как атрибуты кочевого быта, были в ходу и в некоторых регионах Восточной Европы, например, в Волжской Булгарии, откуда распространились в соседние регионы (Ахмедов 2016: 461).

Характерной находкой является миниатюрная глиняная втульчатая льячка (рис. 324: 7) из культурного слоя под валом. Ложка льячки настолько мала, что вмещает буквально каплю металлического сплава, а глина рыхлая и легко расслаивающаяся. Нет сомнений, что льячка предназначалась для отливки миниатюрных украшений из свинцово-оловянистого сплава. Формочки для отливки этих украшений происходят с площадки Рюрикова Городища 2–4 (по предлагаемой мною реконструкции его площадки) из раскопок Е. Н. Носова (Носов, Плохов, Хвошинская 2017: рис. 63: 1) и В. В. Седова (Кудрявцев, Андриенко 2017: рис. 7; Кудрявцев, Андриенко 2019: ил. 7).

Стеклянные бусы очень немногочисленны. В насыпи вала в пласте 12 квадрата Д-3 найдена одинарная синяя лимоновидная пронизка (рис. 323: 11). Два фрагмента еще одной бусины (прозрачно-голубой сглаженно-кубической) найдены в насыпке городней и в культурном слое под валом (рис. 324: 5, 6).

Большой интерес представляет коллекция керамики из культурного слоя под валом (вся она лепная), которая укладывается в хронологический интервал вторая половина VII — первая половина IX в. Фрагменты, позволяющие судить о форме верхней части сосуда, собраны здесь в количестве 79 экз. (рис. 325–335; 336: 1, 2). По составу теста все это обычная гладкостенная лепная керамика с примесью дресвы, характерная для Северо-Запада. Большинство фрагментов (47 экз.) представляет собой керамику группы 4 по нашей типологии («ладожского типа») с более или менее сглаженным ребром (рис. 325: 2–8; 326: 5, 8, 9, 13, 14; 327: 2, 5, 7, 8, 10, 11, 13; 328: 1–3, 5; 329: 7, 8, 10, 11; 330: 5–9; 331: 1, 2, 4, 5; 332: 1, 2, 6, 7; 333: 2, 3, 5–7; 334: 1–3, 5).

Второе место по численности (19 экз.) занимают фрагменты посуды типа 1.2 — сосуды с S-видным профилем верхней части и достаточно высоким

183 Определение дирхема Вяч. С. Кулешова.

венчиком (рис. 325: 1; 326: 3; 327: 14; 328: 7; 329: 1–4; 330: 3; 331: 3; 332: 3, 4; 333: 4; 334: 4; 335: 3–5; 336: 1, 2).

Керамика группы 1.1, характерная для КСДК, найдена в очень незначительном (3 экз.) количестве (рис. 326: 2, 4; 328: 8).

Заметны (8 экз.) разные варианты слабопрофилированной керамики, близкой керамике КПДК (рис. 326: 1; 327: 6; 329: 4, 6; 9; 330: 1–4; 333: 1), в том числе фрагменты двух цилиндрических в верхней части сосудов с отогнутым венчиком (рис. 330: 1–3; 333: 1). Такая керамика, видимо, восходит к традициям третьей четверти I тыс. н. э., представленным на таких памятниках, как Городок на Маяте, Бронница и Прость.

Следует также отметить присутствие (2 экз.) сосудов типа 5 с округлым плечиком и слабо выделенным венчиком (рис. 332: 5; 335: 1). Один из них, собравшийся достаточно полно (рис. 335: 1), демонстрирует, на мой взгляд, близость керамике пражского типа и имеет ближайшие параллели в кургане 7 в Обрыне (рис. 250) и в квадратной полуземлянке VI на Бронницком городище (рис. 265: 1) и на городище Георгий в раскопках С. Н. Орлова. Все вместе это не что иное, как образцы лепной посуды, послужившие И. В. Ислановой основанием для выделения группы памятников удомельского типа.

Набор лепной керамики Рюрикова Городища X в. практически полностью состоит из посуды группы 4, включая лишь единичные фрагменты группы 1. Керамический комплекс Рюрикова Городища 2–4 показывает заметное отличие, позволяя наметить, в каком направлении в конце VII — первой половине IX в. шло развитие керамического комплекса приильменских городищ. Очевидно, в указанный промежуток времени реберчатая керамика постепенно вытесняет как архаичные типы слабопрофилированной посуды, так и керамику групп 1 и 5. Пожалуй, следует отметить близость керамического комплекса Рюрикова Городища 2–4 керамике Любшанского городища в Нижнем Поволжье, для которой тоже характерно сочетание реберчатых форм с небольшим количеством архаичной слабопрофилированной посуды (Сениченкова 2010: 72–74).

Как нетрудно заметить, набор находок из слоя Рюрикова Городища 2–4 указывает на связи со степным миром (позднеаварским или раннесалтовским — неясно). Размышляя об этом, нельзя не обратить внимание на находки на Городище двух трехлопастных наконечников стрел (Носов, Плохов, Хвощинская 2017: рис. 9: 2, 10: 24), скорее всего связанных с периодами 2–4, т. е. VII — первой половиной IX в. Также вероятно, что контакты со скандинавами начались уже на этих этапах (бронзовое ушко котла (?), ладейные заклепки, фрагмент одностороннего наборного гребня).

4.5.6.8. Селище Ситно

В этом разделе дается расширенное описание памятника, так как он пока не введен в научный оборот. Селище, считающееся одним из самых крупных на берегах Волхова (рис. 357), частично раскопано нами в 2016 г. (общая ситуация описана выше в разделе 3.5.1.1.).

В возвышенной части поселения под пахотным слоем на участках 3–12 зафиксирован культурный слой — прослойка плотной серой супеси в разной степени насыщенной углистыми частицами (рис. 358). Под ней в некоторых местах желтый материковый песок приобрел серый оттенок за счет вмывания в него сажи. В зависимости от этой примеси цвет прослойки плотной серой супеси колеблется — от светло-серого до темно-серого, почти черного цвета (на участке 6). Мощность этого горизонта составляет от нескольких сантиметров до 0,3 м. Особенностью выявленного непотревоженного культурного слоя является отсутствие в нем очажных камней, а также разного рода углистых, глинистых, песчаных линз, характерных обычно для жилого слоя. Лишь на отдельных участках попадаются бессистемные и очень «жидкие» скопления обожженных камней, как правило, мелких. Открытый нами слой вообще очень однороден, с плавными переходами цветов, равномерно перемешанный. Обращает на себя внимание также то, что вся керамика в нем (как лепная, так и гончарная древнерусская) представлена очень мелкими, чаще всего окатанными фрагментами (рис. 377–382; 378; 397–405). Развалы сосудов отсутствуют и фрагменты, за редким исключением, невозможно подобрать один к другому. Единичны (несмотря на полную промывку сохранившегося под распашкой культурного слоя) такие массовые находки, как пряслица и ножи.

Достаточно немногочисленны в культурном слое такие характерные находки, как стеклянные бусы и бисер (рис. 396). Их найдено всего 28 экз. (3 экз. в слое *in situ* и 25 экз. в промывке). Наконец, в основании культурного слоя весьма немногочисленны материковые ямы, которые однозначно могли бы трактоваться как следы раннесредневековых хозяйственных и жилых построек. Все это наводит на мысль, что открытый в раскопе культурный слой связан не столько с функционированием жилья, сколько с какой-то хозяйственной и производственной деятельностью, которая с одной стороны обусловила интенсивное перемешивание почвенного слоя и фрагментацию лежавших в нем обломков глиняной посуды, а с другой — насыщение его сажой и частицами угля. Безусловно, жилая зона находилась где-то поблизости, но в пределы вскрытой раскопками территории она не попала. Скорее всего, следы средневековых усадеб следует искать в возвышенной части поселения к югу от раскопанного нами участка.

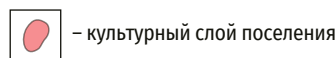
Несмотря на значительную вскрытую площадь, керамический материал оказался весьма скромным (рис. 377–399). На поселении исследовано всего шесть комплексов (II, IV, XIV, XXIX, XXXI, XXXIX) с лепной керамикой, которые могли быть связаны с раннесредневековыми постройками. Все это небольшие углубления, заполненные колотыми и обожженными камнями и содержащие следы огня. Во всех найдена лепная керамика VIII — X в. Все их можно связывать с очагами. Среди них выделяется комплекс XXXI на участке 7 (рис. 369). Это сравнительно глубокая яма (при разборке выделено 4 пласта по 10 см толщиной), в заполнении которой встречено большое количество обломков лепной посуды. Возможно, она связана с жилой постройкой. Следы мостков (?) древнерусского времени обнаружены на участке 9 на кромке надпойменной террасы. Это концентрация столбовых ям, часть из которых была расположена попарно (комплексы XX–XXV) (рис. 34; 358). В заполнении этих ям найдены фрагменты гончарной керамики X–XI вв.

Комплекс II. Представляет собой скопление обожженных и колотых камней на границе квадратов Д-7 и Д-8 (рис. 360). Камни залегают в линзе серой супеси мощностью 0,1–0,2 м. Размеры линзы примерно 1,5 × 0,8 м, ориентирована она по линии северо-запад — юго-восток. Линза лежит в мелком (не глубже 0,1 м) углублении материка. Комплекс разобран двумя пластами по 10 см. Найдено 22 фрагмента лепной керамики. Выделяется несколько обломков крупного слабопрофилированного сосуда, верхнюю часть которого удалось реконструировать (рис. 360: 1). Архаичная форма сосуда может свидетельствовать о датировке этого участка культурного слоя третьей четвертью I тыс. н. э. Это, возможно, древнейший средневековый комплекс на исследованной части поселения.

Комплекс IV. Располагался в квадрате В-4 (рис. 361). Углубление неправильно-округлых очертаний с неровным дном и пологими стенками. Размеры линзы заполнения — 1,5 × 1,6 м. Глубина — 0,18 от поверхности материка. Углубление заполнено жирной сажистой супесью с отдельными мелкими угольками и плотно лежащими колотыми, обожженными и закопченными камнями. Найдено 54 фрагмента лепной гладкостенной керамики (рис. 362) и 3 древнерусских гончарных фрагмента. Комплекс был разобран двумя пластами (по горизонтам камней). В пласте 1 попадались гончарные древнерусские фрагменты (оп. 2, № 636). Они явно попали в комплекс в связи с его повреждением, о чем говорит и найденный тут же обломок фарфорового блюдца XIX–XX вв. Полученная

Условные обозначения:

0 450 м

Рис. 357. Селище Ситно. Современная топографическая ситуация

очень молодая радиоуглеродная датировка (рис. 361) тоже говорит, видимо, о повреждении слоя. В пласте 2 (нижнем) встречена исключительно лепная керамика (оп. 2, № 637). Интерпретация комплекса — очаг, скорее всего располагавшийся внутри жилой или хозяйственной постройки. Датировка — VIII–X вв.

Комплекс XIV. Материковое углубление округлой в плане формы в квадрате К-8 (рис. 363; 364). Диаметр углубления — около 1,5 м. В разрезе яма имеет воронковидный профиль и глубину около 0,25 м. Заполнение ямы выбрано двумя пластами. Стратиграфия:

0–0,10 — пласт 1. Темно-серая супесь с большим количеством углистых частиц, с обожженными и колотыми камнями. Среди них найдено большое количество фрагментов лепной керамики (оп. 2, № 644).

0,10–0,25 — пласт 2. Бурая супесь без камней. Находки — фрагменты лепной керамики (оп. 2, № 646).

В заполнении комплекса найдено 49 фрагментов лепной гладкостенной керамики (большой частью сильно измельченных). Исключение составляет обломок гончарного белостенного сосуда из пласта 2,

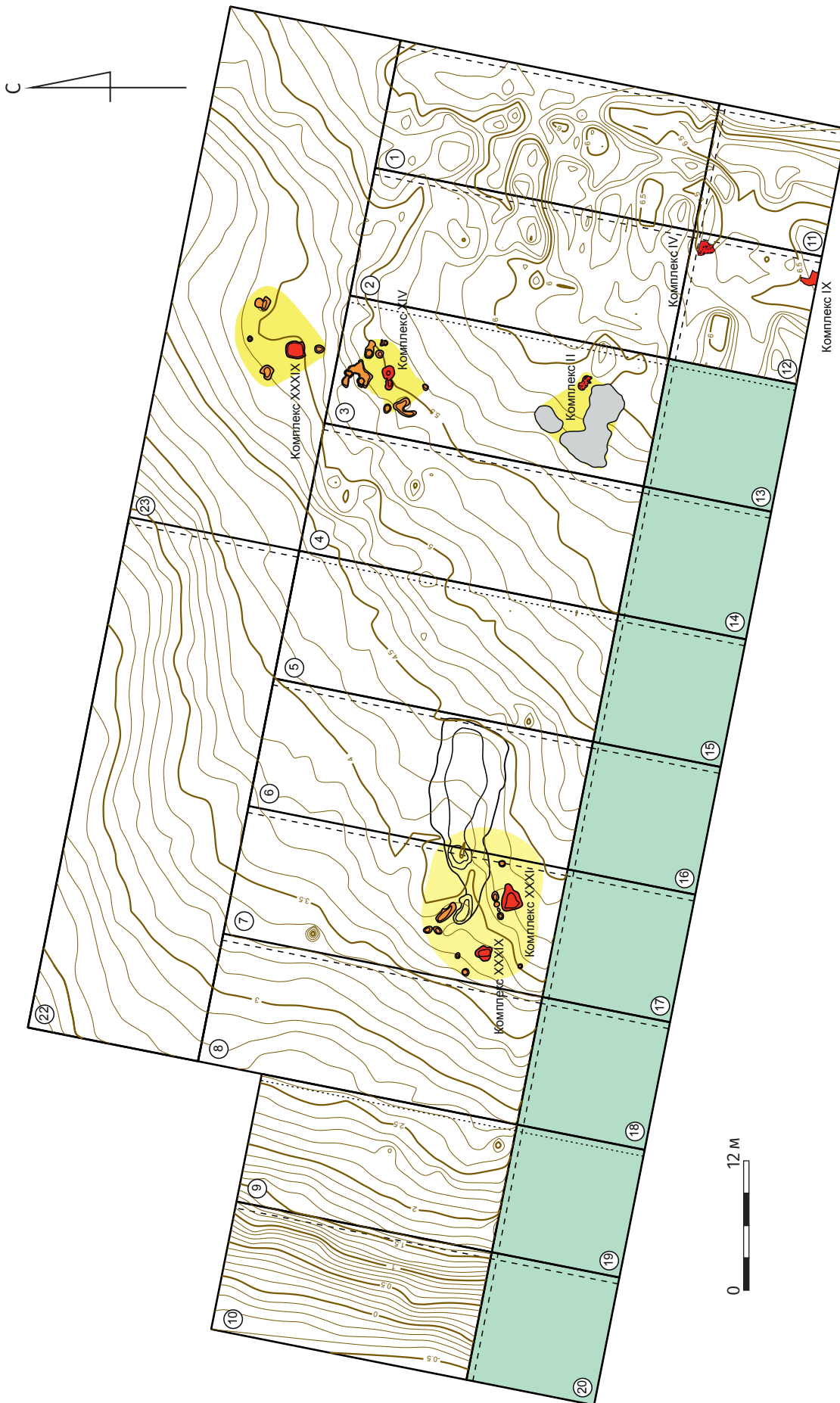
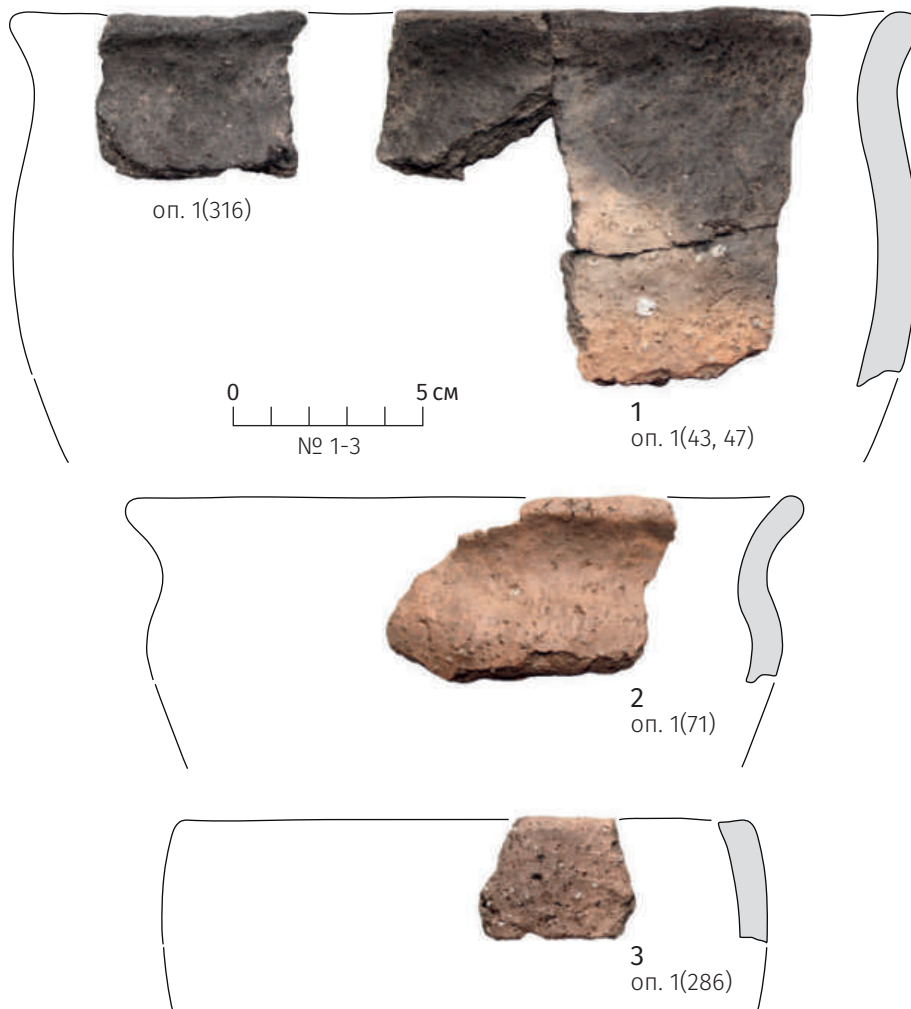
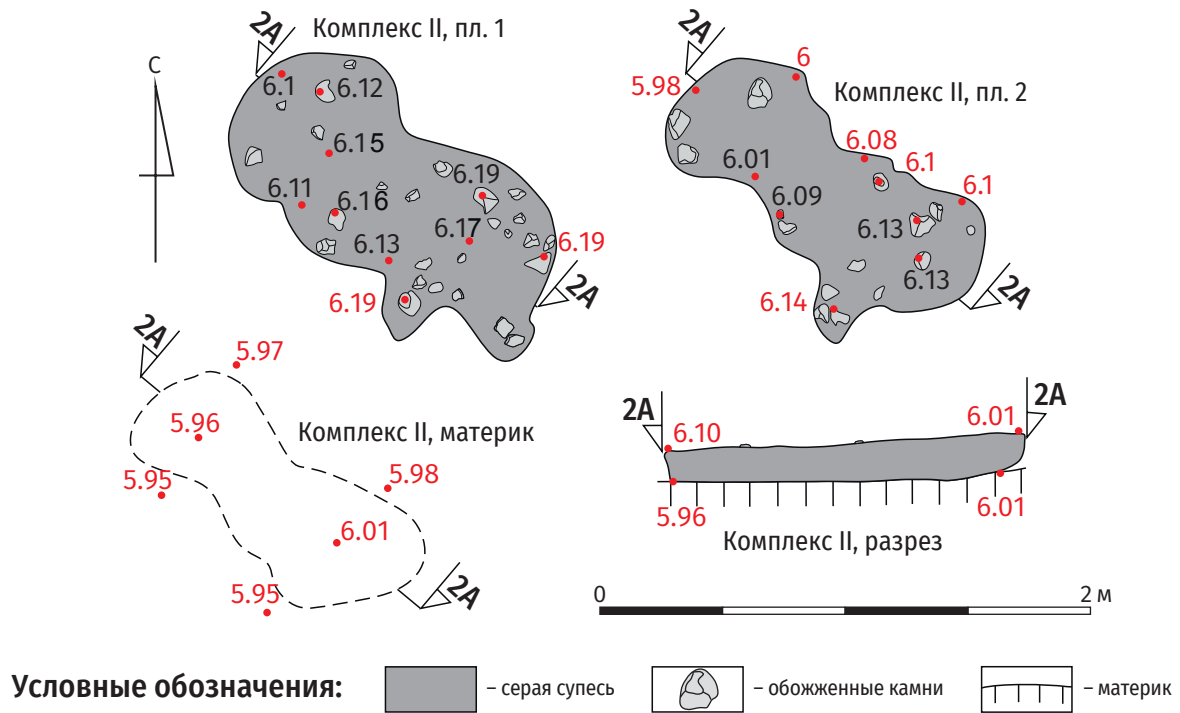
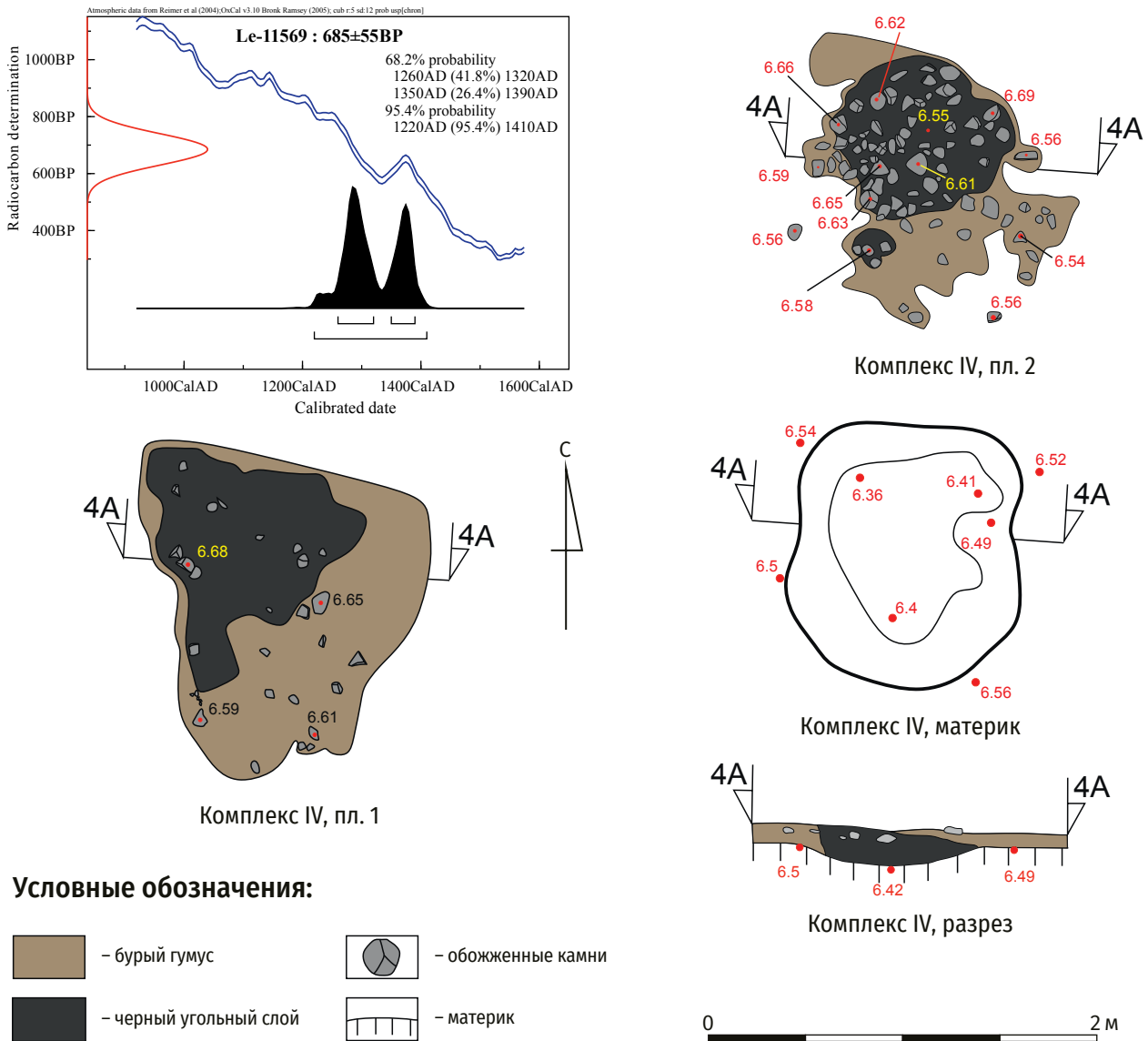

Рис. 359. Селище Ситно 2016 г. Высотный план поверхности материка. Сечение горизонталей 0,1 м. Система высот условная. Красной заливкой отмечены материковые комплексы, желтой – зоны раннесредневековой хозяйственной активности (постройки?)

Рис. 360. Селище Ситно 2016 г. Комплекс II. Фрагменты лепной керамики, связанные с комплексом II (1 – комплекс II, кв. Д-8, пахота, кв. Е-6, материковые пятна; 2 – кв. Д-7, пахота; 3 – кв. Д-7, материковая западина)

Рис. 361. Селище Ситно 2016 г. Комплекс IV. Планы и профиль. Радиоуглеродная дата получена по мелким уголькам из углистой линзы заполнения

явно попавший туда случайно через кротовину. Среди обломков лепной посуды обращают на себя внимание часть бортика сковородки и фрагмент донца миниатюрного лепного сосудика. Помимо фрагментов лепной керамики в заполнении комплекса XIV найдено также несколько кусочков обожженной глиняной обмазки с отпечатками травы и 4 мелких осколка кальцинированных костей (следы трапезы). Комплекс XIV, несомненно, представляет собой остатки очага для приготовления пищи. Очевидно, он был в использовании довольно длительное время, поскольку содержит измельченные обломки сковородки и не менее 4-х сосудов, различающихся по форме венчика и составу теста.

Комплекс XXIX. Располагался в квадрате Д-21. Представляет собой углистую линзу около 1,2 м в

поперечнике, в которой в беспорядке набросаны колотые и обожженные камни (рис. 365; 366). Среди них залегает значительное количество обломков лепной посуды (оп. 2, № 653). Найдено также фрагмент костяного полусферического изделия с отверстием (пряслица?) (оп. 1, № 674) (рис. 367: 3). Из линзы удалось отобрать разрозненные угольки на радиоуглеродный анализ (см. Приложение 2). Найдено также несколько мелких кальцинированных осколков костей (следы приготовления и употребления пищи). В 1-м пласте 9 фрагментов лепных сосудов зафиксировано *in situ* (оп. 1, № 666, 672, 673, 685–689, 700) (рис. 367: 4–6). Во 2-м пласте зафиксировано 2 фрагмента (оп. 1, № 720, 721) и совершенно расшлюившийся развал придонной части лепного сосуда (оп. 1, № 716) (рис. 366). Еще 20 лепных фрагментов взято

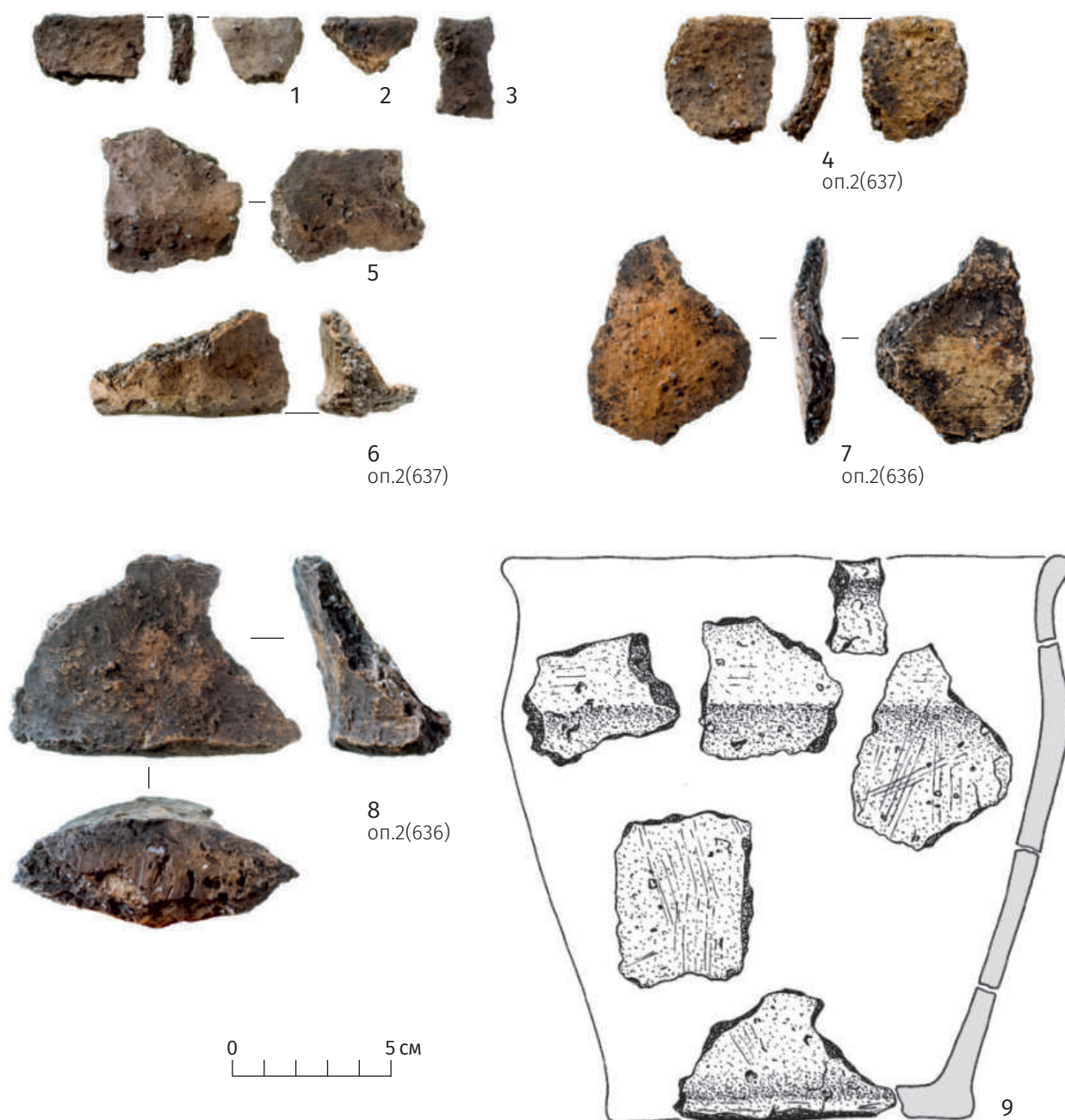

Рис. 362. Селище Ситно 2016 г. Лепная керамика из заполнения комплекса IV. Фрагменты и реконструкция сосуда

как массовый материал. Линза лежит в материковом углублении диаметром около 1,5 м. Глубина — 0,24 м. Стенки пологие, дно уплощенное. Комплекс связан с очагом, датирующимся, судя по керамике, VIII–X вв.

Комплекс XXXI. Располагался на стыке участков Д-19 и Д-20 (рис. 368). Яма была частично перекрыта вышеописанным пятном культурного слоя (там, где он сохранился от распашки). Материковая западина имеет вытянуто-подтреугольную форму, ориентированную вершиной на восток (рис. 369). Размеры: 2,5 × 1,9 м. Глубина от поверхности материка — 0,37 м. Стенки ямы пологие, дно округлое. Заполнение — серая супесь с мелкими угольками и обожженными

камнями. В нижней части материковой западины залегает линза (мощностью около 0,07–0,10 м) более темной серой супеси с угольками. Спуск в углубление находился с северной стороны, где стенка более полого и в материковом песке читается несколько неровностей, заполненных гумусированной супесью (где материковый песок перемешан). Стратиграфия центральной части ямы:

0–0,25 м — серая супесь

0,25–0,35 м — серая супесь с примесью угольков.

Эта линза спускается по стенкам ямы.

Яма выбрана четырьмя пластами. В каждом во множестве встречены камни и обломки лепной ке-

Рис. 363. Селище Ситно 2016 г. Участок 3. Комплекс XIV. Пласт 1. Окружающие комплекс столбовые (?) ямки выбраны до материка. Вид с севера. Столбовые ямы вокруг очага, видимо, связаны с какой-то легкой хозяйственной постройкой или навесом. Желтым контуром выделены предполагаемые очертания постройки

рамики. Изредка попадались мелкие осколки кальцинированных костей, связанные с приготовлением пищи и трапезами. Большая часть керамики найдена при разборке комплекса и зафиксирована *in situ*. Вся она — лепная. По пластам она распадается следующим образом:

Пласт 1: 48 фрагментов (оп. 1, № 690–699, 791–715, 717, 719, 780–795, 834, 836, 838, 841, 842).

Пласт 2: 28 фрагментов (оп. 1, № 723–727, 730–737, 739, 740, 742, 743, 797–807).

Пласт 3: 37 фрагментов (оп. 1, № 744–759, 761–763, 766, 808–817, 820–825).

Пласт 4: 17 фрагментов (оп. 1, № 768–779, 827–830, 833).

Кроме того, 60 фрагментов лепной гладкостенной керамики происходят из промывки заполнения (оп. 2, № 655–664).

Помимо керамики (рис. 370) из ямы происходит несколько других находок (рис. 371):

Пласт 1: Капля оплавленного стекла (?) (оп. 1, № 719) (рис. 371: 3); кремневый скол (оп. 1, № 796) (рис. 373: 5).

Пласт 2: Точильный камень (оп. 1, № 764) (рис. 371: 1).

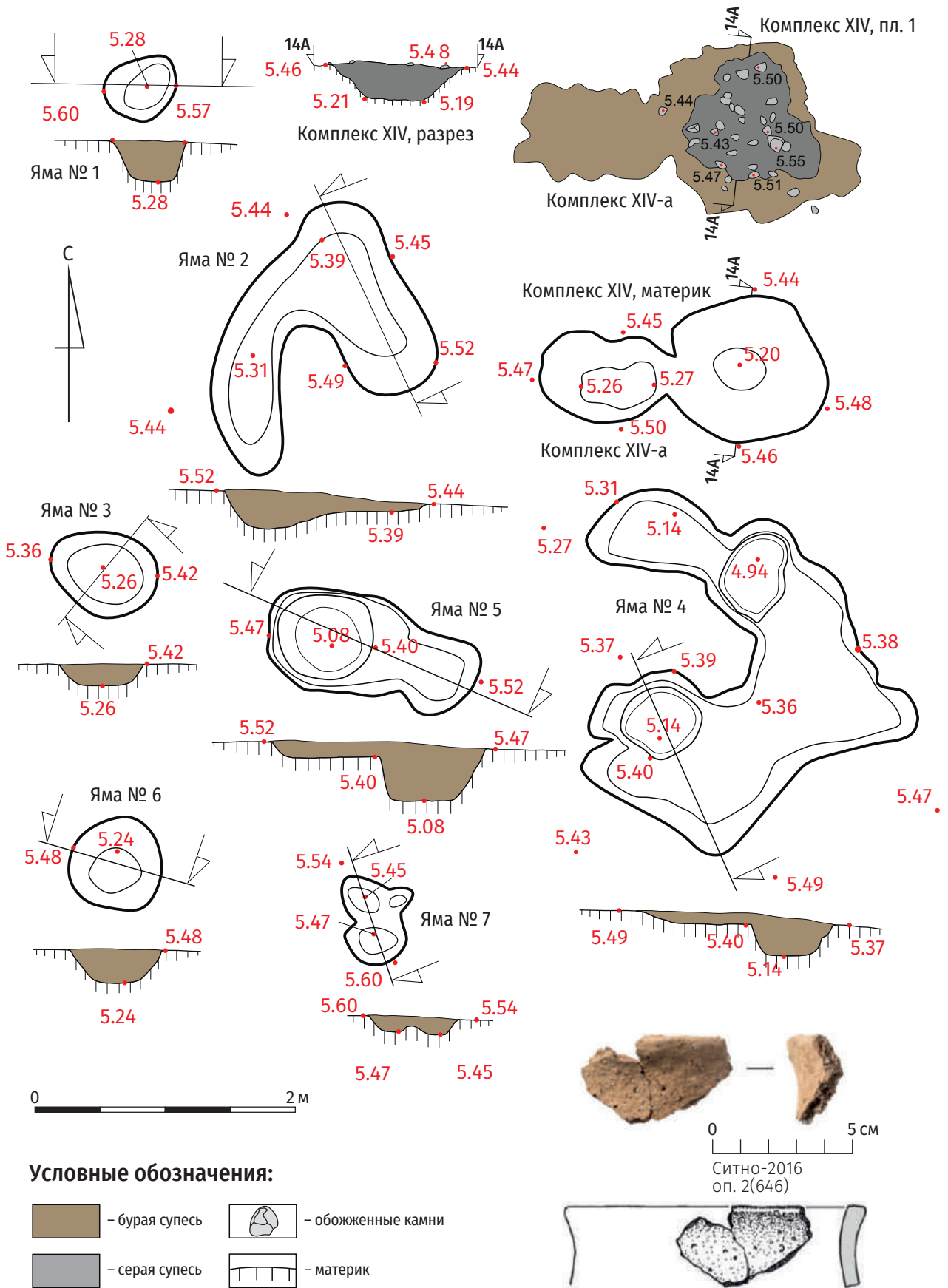
Пласт 3: Кресальный кремль (оп. 1, № 819) (рис. 371: 4).

Пласт 4: Фрагмент шлифовального камня (оп. 1, № 770) (рис. 371: 2).

Датировка комплекса, помимо радиоуглеродных дат (рис. 369), определяется по характерным реберчатым формам лепной гладкостенной керамики: VIII–X вв. (рис. 370: 1–3). Возможно, это подпольная яма жилой постройки. Нужно отметить, что в заполнении комплекса XXXI найдены фрагменты того же лепного гладкостенного сосуда, обломки которого встречены в комплексе XXIX (рис. 370: 6–8). Таким образом, перед нами, очевидно, следы единого комплекса сооружений.

Комплекс XXXIX. Располагается в квадрате М-13 (рис. 372). Западина неправильной формы с вертикальными стенками и плоским дном. Размеры ее: 1,6 × 1,8 м. Глубина — до 0,20 м. Заполнение — серая гумусированная супесь с отдельными камнями, сильно пережженными. В центральной части заполнения комплекса — углистая линза, из которой удалось отобрать несколько угольков для радиоуглеродного анализа (см. Приложение 2) (рис. 373). В комплексе найдено несколько фрагментов крупного лепного

Рис. 364. Селище Ситно 2016 г. Участок 3. Комплекс XIV, окружающие его материковые ямы и фрагмент венчика лепного сосуда, найденный в пласте 2 заполнения комплекса XIV

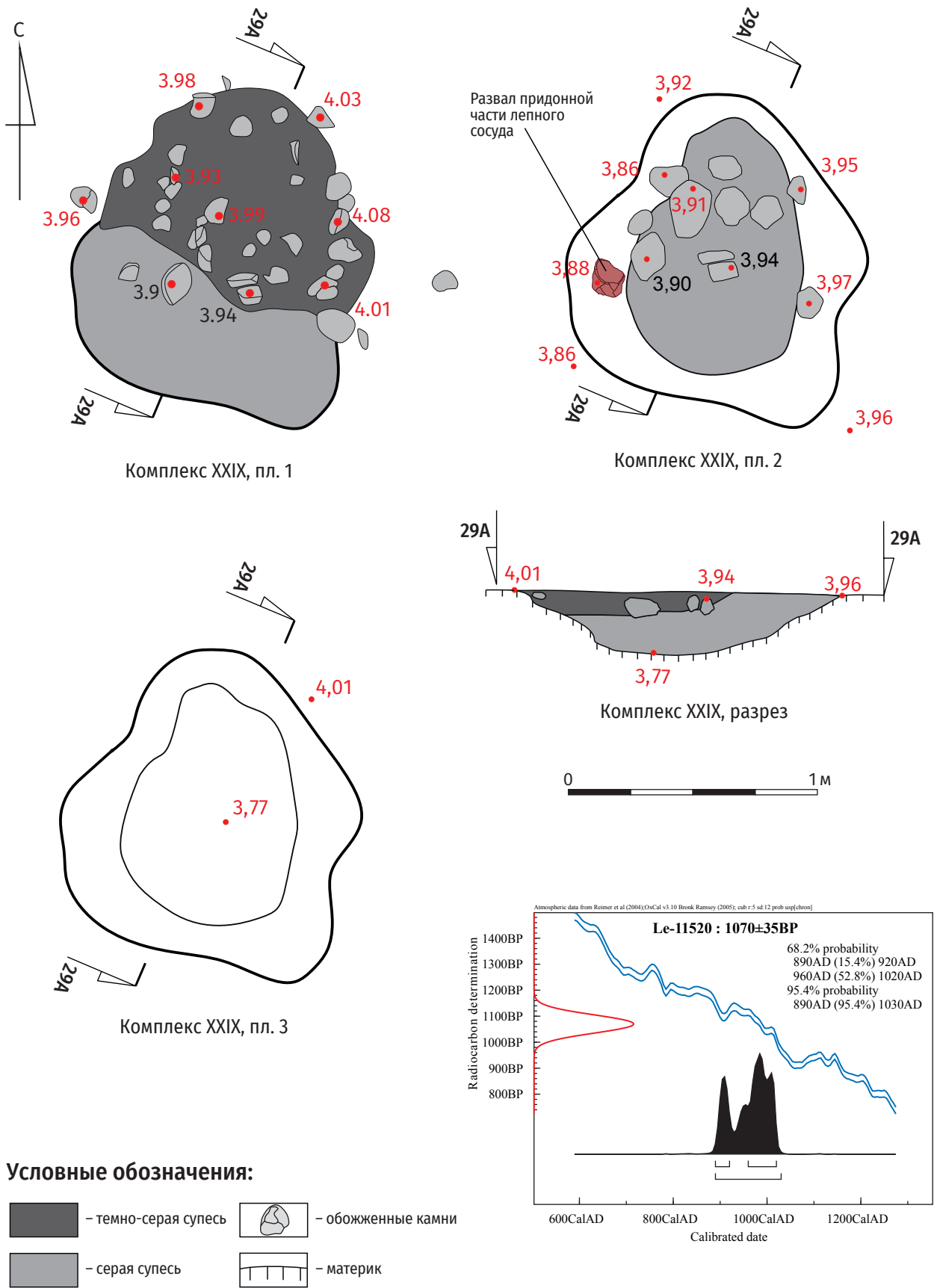
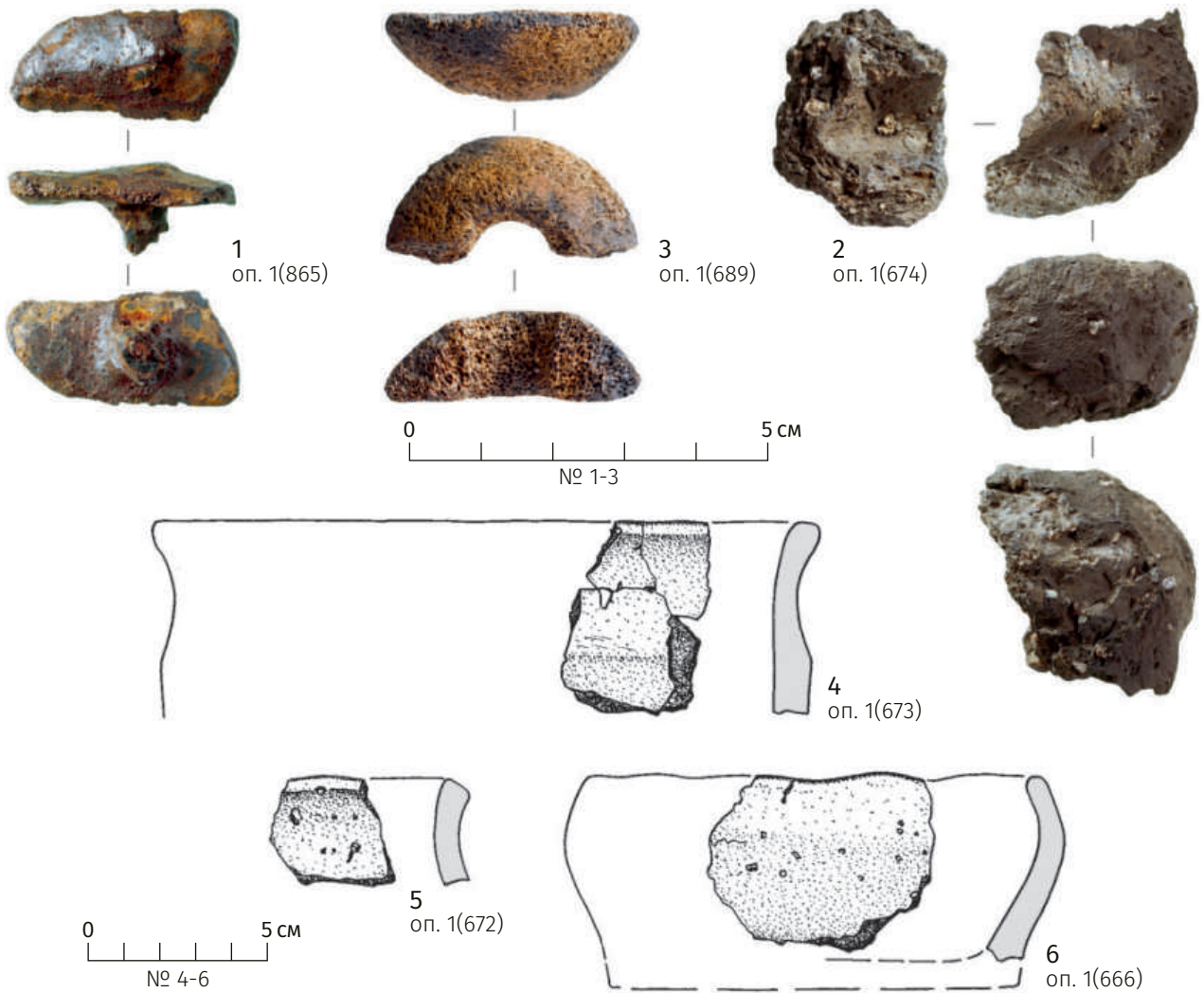

Рис. 365. Селище Ситно 2016 г. Участок 7. Комплекс XXIX. Планы пластов и радиоуглеродная датировка, полученная по отдельным уголькам из заполнения комплекса

Рис. 366. Селище Ситно 2016 г. Комплекс XXIX. 1 — зачистка материкового пятна. Камни в пласте 1. Вид с юга.
2 — развал придонной части лепного сосуда в пласте 2. Вид с юга

Рис. 367. Селище Ситно 2016 г. Находки из комплекса XXIX. 1 — фрагмент железной заклепки; 2 — фрагмент глиняной льячки; 3 — фрагмент костяного пряслица; 4–6 — лепная керамика

горшка со сглаженным ребром — сосуда «ладожского типа» (оп. 1, № 986–989). Горшок имел следы нагара по краю венчика (рис. 374: 1). Еще два фрагмента лепных стенок принадлежали другому сосуду (оп. 1, № 977, 978). Комплекс XXXIX, очевидно, связан с очагом. Рядом с очажком расчищено несколько ям, предположительно столбовых.

Общие замечания по хронологии селища Ситно.

Древнейшие этапы освоения представлены единичными фрагментами лепной керамики, поверхность которой покрыта так называемыми «текстильными» отпечатками (рис. 379–382). Выделяются два типа «текстильной» орнаментации. Какая-то часть этой посуды относится к ЭРМ, так же, как и предметы из камня (рис. 375; 383; 385). Учитывая то, что текстильная керамика бытует в Прибалтике до середины I тыс. н. э., весьма вероятно, что часть такой посуды на селище Ситно также датируется эпохой переселения народов. Сюда же можно отнести и фрагмен-

ты лепной посуды с накольчатой орнаментацией (рис. 377). По составу теста (при визуальном осмотре), качеству обжига эта керамика не отличается от средневековой лепной гладкостенной посуды. В качестве отощителя в тесте так же использовалась крупная дресва. Датировка этих фрагментов может быть пока определена в рамках второй половины I тыс. до н. э. — первых веков н. э.

Четкой закономерности в распределении фрагментов керамики ЭРМ и РЖВ по площади раскопа не отмечается, количество их ограничено несколькими десятками. Возможно, центральная часть поселения этого времени располагалась где-то за пределами вскрытого раскопом участка холма. Единственный комплекс этого периода — комплекс XVII в квадрате Г-25. Единично в культурном слое селища встречается также штрихованная керамика (рис. 378). Наиболее интересной находкой, которую можно предположительно отнести к поселению РЖВ,

Рис. 368. Селище Ситно 2016 г. Участок 7. Комплекс XXXI. Пласт 4 в южной части комплекса. Вид с юга

является миниатюрная стеклянная ромбическая плоская пронизка с двумя параллельными отверстиями (оп. 2, № 35). Наличие двух отверстий, продельанных с боков пронизки, наводят на мысль, что первоначально такие изделия предназначались для нашивания на какие-то элементы одежды (рис. 396: 16). Украшение изготовлено из заглушенного голубого стекла (стекло свинцовое — глушитель Sn, краситель Cu, имеется небольшая примесь Zn)¹⁸⁴. Обработка поверхности и сверление отверстий осуществлялись холодным способом. Вероятно, изделие имитирует каменные бусы. Бусы такой формы в большом количестве встречаются в Северном Причерноморье со второй половины VI — V в. до н. э. (тип 37 по Е. М. Алексеевой), где их изготовляли из гагата. Наиболее популярными они становятся в I — II вв. н. э. (Алексеева 1978: 15, 16, табл. 22: 30, 31). Украшения этого типа бытуют в Крыму до второй половины III в. н. э. (Храпунов 1994: 532). Редкое для Поволжья украшение свидетельствует, возможно, о каких-то связях с далеким Причерноморьем задолго до формирования знаменитого пути из варяг в греки. Впрочем, возможно и другое толкование этой уникальной находки. Аналогичная бусина из сердолика (только более крупных размеров) найдена при раскопках лагеря викингов Фюркат в Ютландии

¹⁸⁴ Химический состав стекла определен С. В. Хавриным (Государственный Эрмитаж).

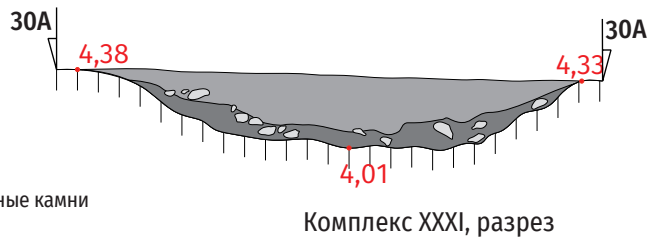
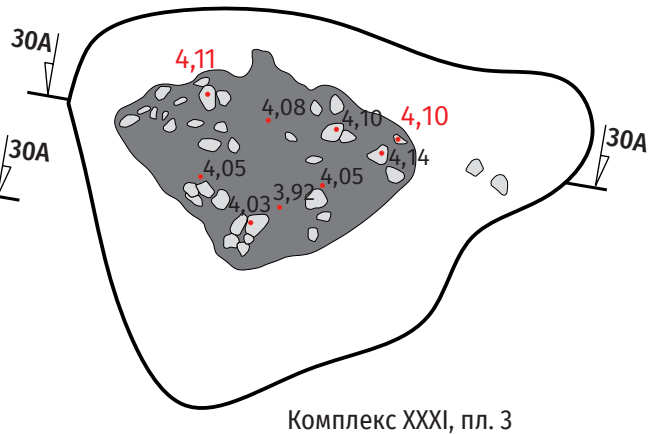
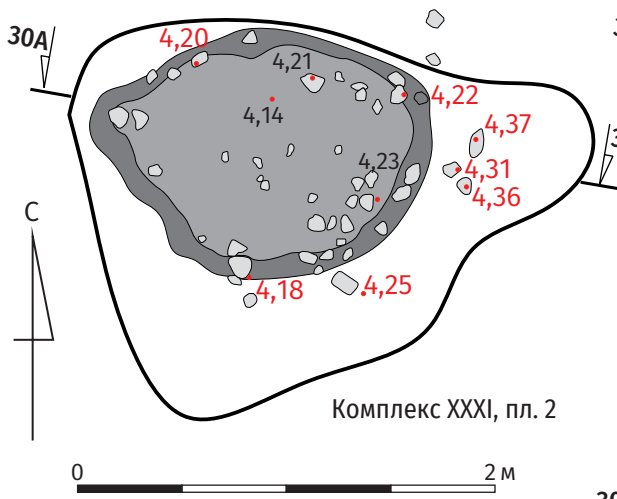
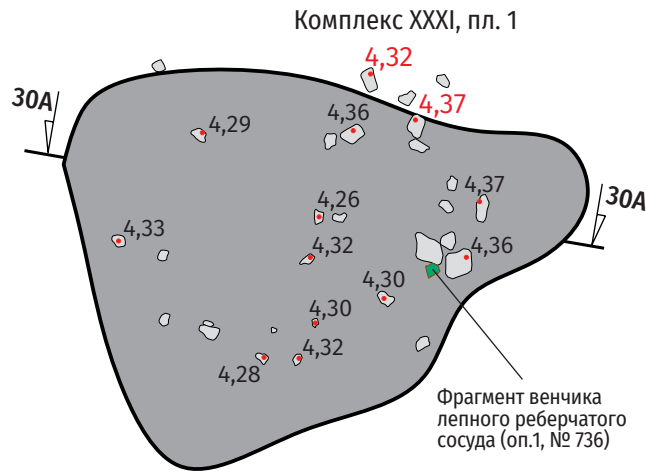
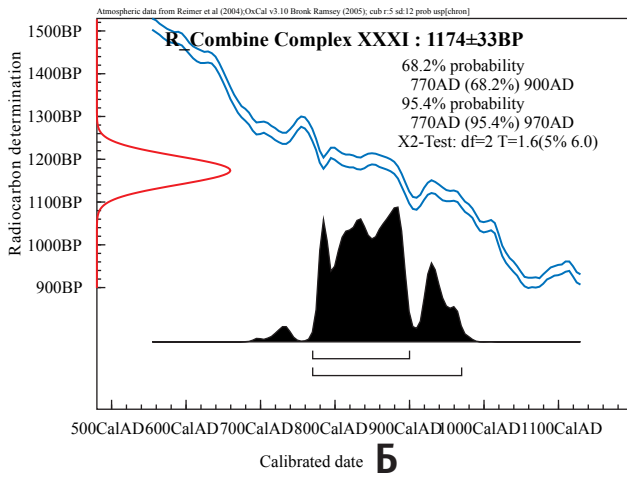
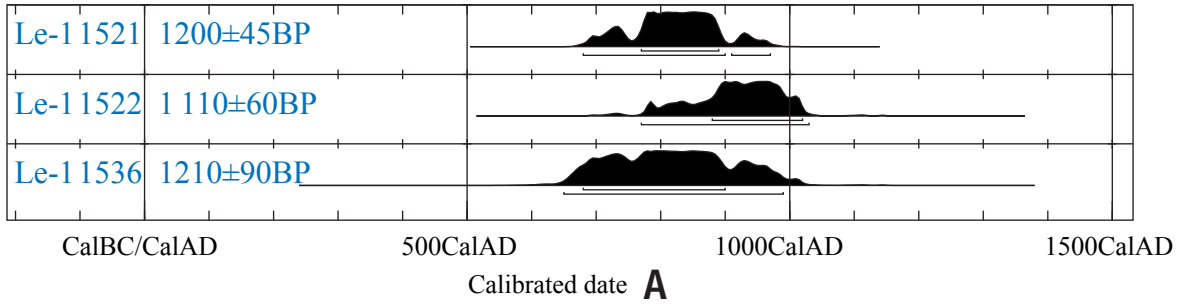
(Roesdal 1979; 666). Э. Роэсдаль отмечает, что бусина уникальна для датских памятников и причисляет ее к импортным изделиям. Датировка находки определяется предполагаемой хронологией крепости: вторая половина X — начало XI в. Перенос этой датировки на бусину из Ситно, вероятно, более реалистичен¹⁸⁵.

Среди лепной керамики, найденной при разборке культурного слоя, выделяется группа фрагментов, как будто, не характерных для Поволжья в IX–X вв. Речь идет о слабопрофилированном сосуде (рис. 397: 3; 400: 7; 401: 2, 3), сосудах с S-видной профилировкой (рис. 400: 3), с вогнутым венчиком (рис. 400: 2) и о сосудах с цилиндрической верхней частью и отогнутым венчиком (рис. 400: 2; 401: 1). Сюда же можно отнести фрагменты лепных сковородок со слабо намеченным бортиком (рис. 400: 9) и с бортиком более выраженным (рис. 401: 4, 5)¹⁸⁶. Впечатление определенного культурно-хронологического единства этих находок усугубляется тем, что значительная часть их происходит из одного участка раскопа близ комплекса II. Весь этот материал, собранный вместе,

¹⁸⁵ Это заключение подтверждается и находкой аналогичной пронизки из темно-синего стекла в ярусе 24 Неревского раскопа (НГОМЗ. Н-54. 28/838. Яр. 24. №1566). За указание на эту находку я благодарен А. М. Гриневу.

¹⁸⁶ Подобные лепные «блюдца» могут также интерпретироваться как фрагменты ювелирных тиглей-купелей (Григорьева 2017).

Atmospheric data from Reimer et al (2004);OxCal v3.10 Bronk Ramsey (2005); cub r:5 sd:12 prob usp[chron]

Условные обозначения:

- серая супесь
- серая супесь с угольками
- обожженные камни
- материк

Рис. 369. Селище Ситно 2016 г. Участок 7. Комплекс XXXI. Планы, разрез и радиоуглеродные датировки, полученные по углям из заполнения. А – сводная таблица дат; Б – комбинированная дата

производит впечатление достаточно архаичного керамического комплекса, близкого КПДК или (в Приильменье) древностям типа Бронницкого городища или Городка на Маяте (в Верхнем Помостье их называют древностями удомельского типа). Перед нами еще один пример нахождения слабопрофилированной керамики в контексте древностей, которые принято относить к VIII–X вв.

Еще одним архаичным элементом являются небольшие ножи с прямой спинкой. На поселении их найдено 3 экз. (оп. 1, № 478; оп. 1, № 535; оп. 2, № 10) (рис. 391: 1–3). Время наибольшего распространения таких ножей падает на вторую — третью четверть I тыс. н. э., хотя продолжают они использоваться и в IX в. Все это наводит на мысль, что где-то близ раскопанного участка находится поселение VI–VIII вв. Из бронзовых предметов к этому времени можно предположительно отнести широко датирующийся пластинчатый перстень (оп. 1, № 266), найденный близ того же комплекса II (рис. 395: 6), и миниатюрную трапециевидную подвеску (оп. 1, № 246) (рис. 395: 5). Впрочем, они могут относиться и к следующему этапу в жизни поселения.

На селище исследованы пойменные отложения мощностью около 2 м, лежащие на серо-голубом глинистом аллювии, связанном с ладожской трансгрессией. Близ границы этого слоя в нижних отложениях пойменного торфяника найдены следы человеческой деятельности: щепы, обрубленные ветви (рис. 393; 394), обожженные камни и несколько фрагментов лепной гладкостенной керамики, среди которых имеется обломок лепного реберчатого сосуда «ладожского типа» (рис. 18: 1; 400: 1). Серия дат, полученная по нижней части торфяника, уже анализировалась выше. Стратиграфический и хронологический контекст для находки этого фрагмента определяется датой 1850±90 BP (Ле-11511). Конечно, вряд ли он относится к римскому времени, но и к последней четверти I тыс. н. э. на фоне этой датировки его отнести затруднительно. Резоннее отнести его к одному комплексу со слабопрофилированной керамикой (рис. 400: 6) и датировать широко — второй–третьей четвертью I тыс. н. э.

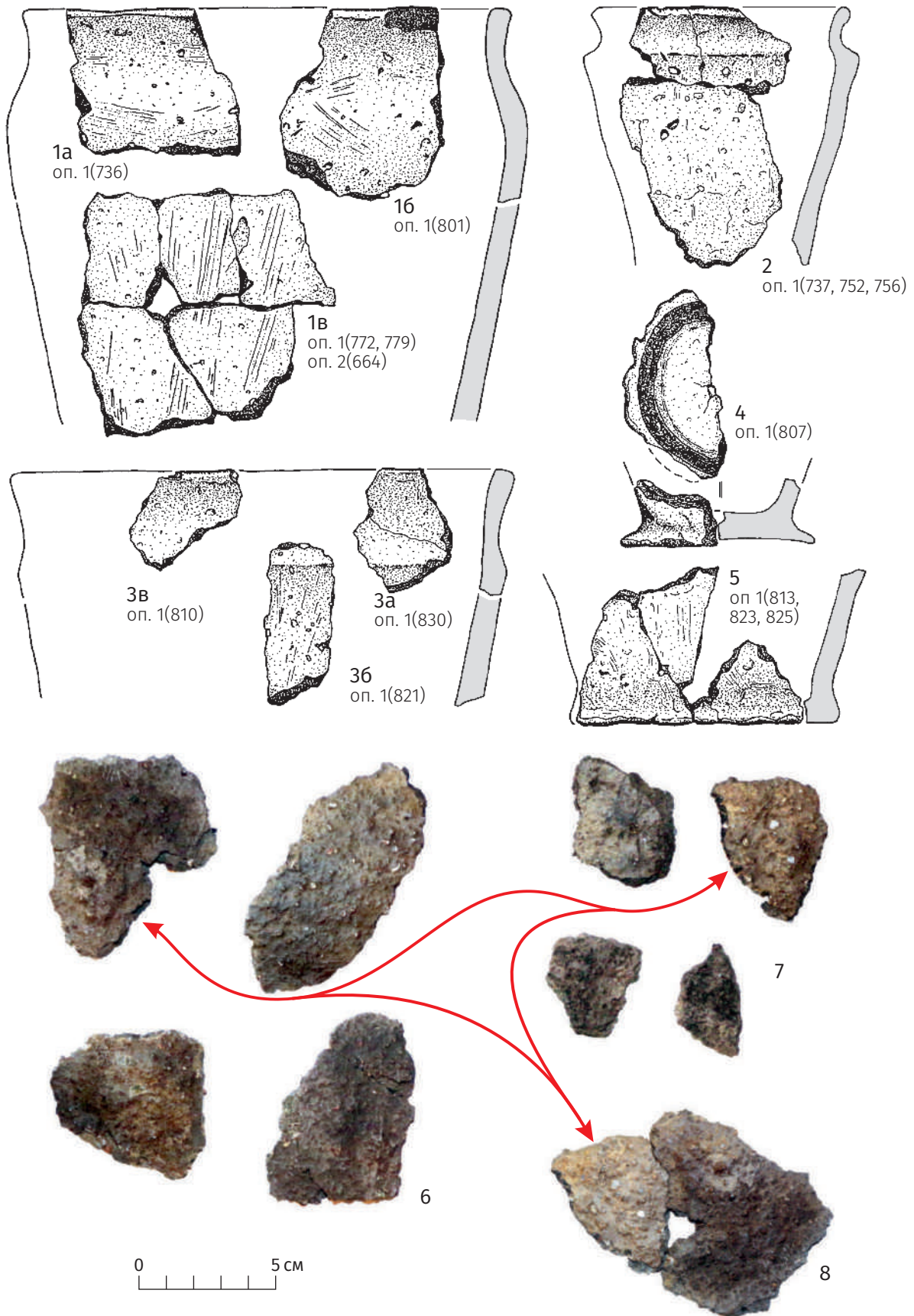
Раннесредневековое селище. VIII–X вв. представлены на поселении лепной и раннегончарной керамикой (рис. 387; 402–405). Материал из сохранившегося под пашней пятна культурного слоя сильно измельчен и количество фрагментов венчиков, позволяющих реконструировать форму сосуда, очень невелико. Значительно лучше сохранились фрагменты керамики в присклоновых отложениях участка 10, а также в заполнении материковых комплексов XXIX, XXXI и XXXIX. Насколько можно понять, основу керамического комплекса поселения этого времени составляла лепная реберчатая керамика «ладожского типа»

(рис. 376: 6; 402). В этом отношении селище Ситно не отличалось от соседнего Холопьево Городка. Сосуды имеют рыхлую структуру и слабый обжиг, легко расслаиваются. В качестве отошителя использовалась некалиброванная дресва. Поверхность сосудов бугристая, с выступающими зернами дресвы. На участке 10 в культурном слое под аллювием найден фрагмент плоскодонного лепного сосуда (оп. 1, № 892), на нижней стороне донца которого отпечатались плетение циновки, изготовленной из плоских стеблей какого-то растения (тростника или тонких побегов ивы?) (рис. 376: 3). Отмечу наличие в коллекции фрагмента лепного сосуда на поддоне (рис. 398: 4) — черта, единично отмеченная в Старой Ладобе, на Холопьем Городке и селище Васильевское. В.М. Горюнова считает возможным связывать эту редкую форму лепной керамики Поволжья и Помостья с западнославянскими (поморскими) традициями (Горюнова 2010).

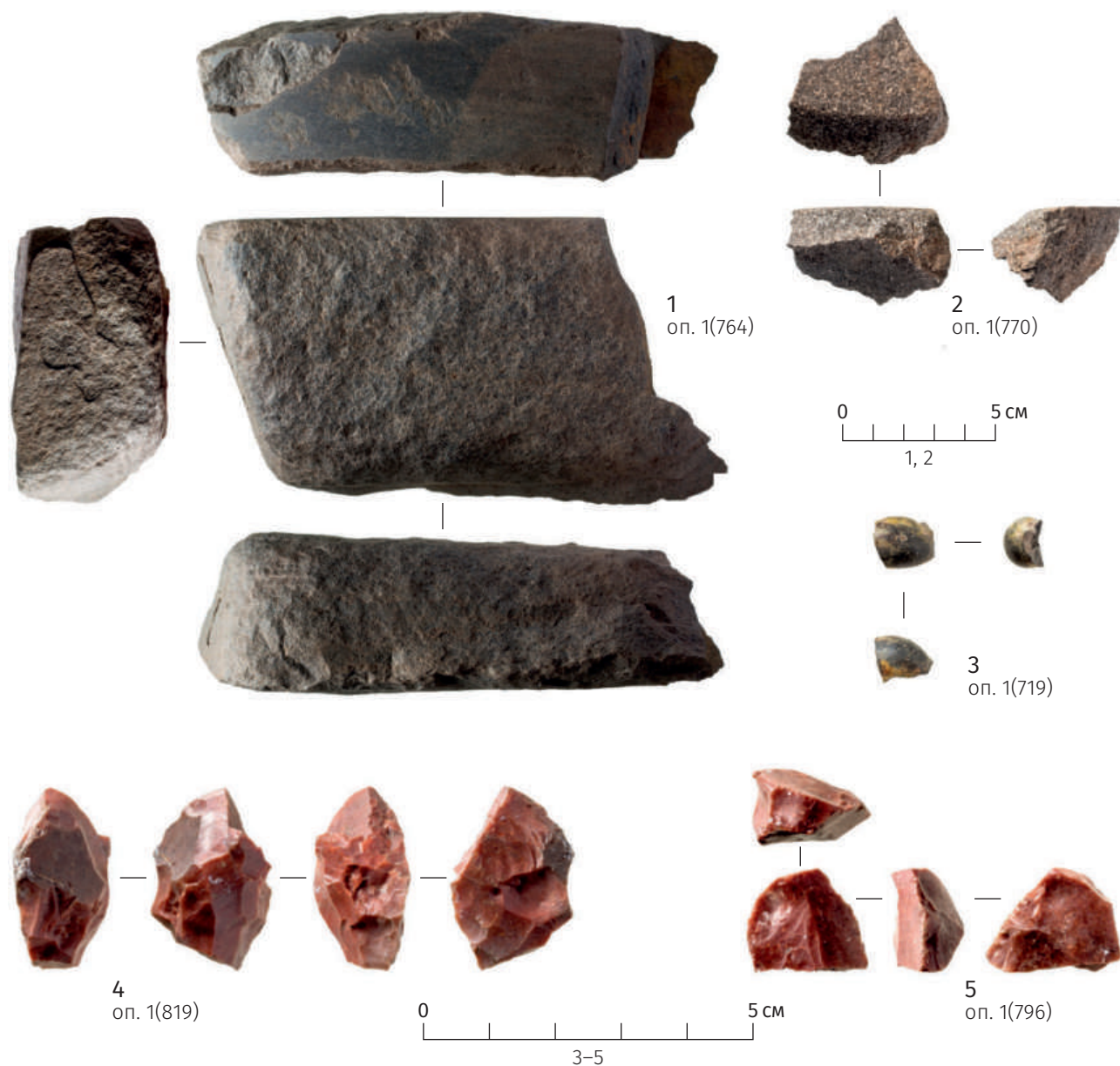
О комплексе раннегончарной керамики судить довольно сложно из-за измельченности материала. Видимо, основу его составляли сосуды с S-видным профилем венчика, украшенные линейным и волнистым, реже ложноребенчатым и крестовидным орнаментом (рис. 376: 4, 5; 387; 405). Датировка этого этапа в истории поселения определяется небольшой коллекцией стеклянных бус и парой бус из иного материала (одной каменной и одной глиняной) (рис. 396), полученных при разборке и промывке культурного слоя:

1. Бусина желтая зонная прозрачного стекла (оп. 1, № 565).
2. Бусина стеклянная оплавленная (оп. 1, № 719).
3. Бусина сердоликовая цилиндрическая обожженная (оп. 1, № 859).
4. Бусины черного стекла с белой полосой фрагмент (оп. 1, № 918).
5. Бисерина рубленая желтая (оп. 2, № 12).
6. Бисерина рубленая синяя (оп. 2, № 13).
7. Пронизка лимоновидная двухчастная золотостеклянная (оп. 2, № 14).
8. Бисерина круглая синяя (оп. 2, № 15).
9. Пронизка лимоновидная двухчастная синяя (оп. 2, № 16).
10. Пронизка лимоновидная двухчастная желтая (фрагмент), оп. 2, № 19. 11. Бисерина круглая зеленая (фрагмент) (оп. 2, № 20).
12. Пронизка лимоновидная синяя (фрагмент) (оп. 2, № 27).
13. Бусина глиняная (о. 2, № 28).
14. Бисерина рубленая синяя (оп. 2, № 31).
15. Пронизка лимоновидная двухчастная синяя (оп. 2, № 32).
16. Пронизки лимоновидной желтой фрагмент (оп. 2, № 38).
17. Бисерина рубленая желтая (оп. 2, № 39).

Рис. 370. Селище Ситно 2016 г. 1–5 – лепная керамика из заполнения комплекса XXXI; 6 – фрагменты груболепного сосуда из комплекса XXIX; 7 – фрагменты того же сосуда из комплекса XXXI. 8 – подобранные один к другому фрагменты из комплексов XXIX и XXXI. Подбирающиеся фрагменты свидетельствуют о синхронности комплексов, принадлежавших одной жилой постройке или небольшой усадьбе

Рис. 371. Ситно 2016 г. Комплекс XXXI. Находки из заполнения. 1, 2 — фрагменты камней-терочников; 3 — капля железного шлака; 4, 5 — отщепы кремня (кресального?)

18. Мозаичной полихромной бусины фрагмент (оп. 2, № 40).

19. Бисерина рубленая желтая (оп. 2, № 41).

20. Бусины рифленой зеленого стекла фрагмент (оп. 2, № 45).

21. Бисерина кольцевидная бирюзового прозрачного стекла (оп. 2, № 46).

22. Бисерина рубленая желтая (оп. 2, № 48).

23. Бисерина рубленая желтая (оп. 2, № 52).

24. Бисерина рубленая синяя (оп. 2, № 53).

25. Бусина сферическая синего прозрачного стекла (оп. 2, № 55).

26. Бусины кубической формы со сглаженными углами голубого прозрачного стекла фрагмент (оп. 2, № 56).

27. Бисерина рубленая зеленая (оп. 2, № 67).

28. Бисерина рубленая синяя (оп. 2, № 68).

29. Бисерина рубленая желтая (оп. 2, № 93).

30. Бисерина рубленая желтая (оп. 2, № 108).

Хронология вышеперечисленного набора бус укладывается в период VIII — XI вв., за исключением бусинного (оп. 2, № 20) и кольцевидного (оп. 2, № 17) бисера, крупной зонной (оп. 1, № 565) и рифленой (оп. 2, № 45) бусин, которые относятся, скорее всего, уже к древнерусскому времени. Вероятно, к XI — XII вв. относится синяя двухчастная пронизка, изготовленная методом навивки на стержень (оп. 1, № 520) (рис. 396: 2).

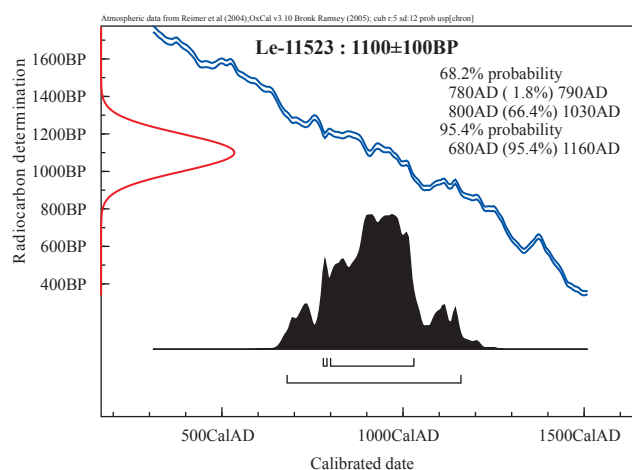
Несколько бус образует раннюю группу: мозаичная полихромная (оп. 2, № 40) и сглаженно-куби-

Рис. 372. Селище Ситно 2016 г. Участок 21. Комплекс XXXIX. 1 — на уровне материкового пятна (вид с юга); 2 — в разрезе (вид с запада)

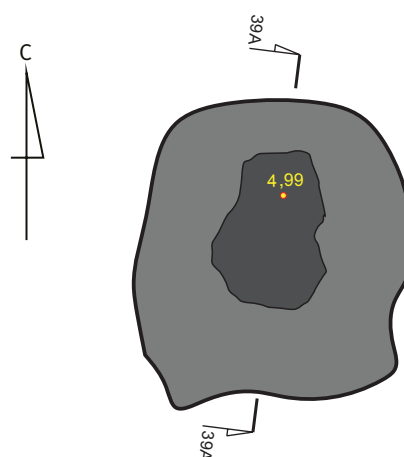

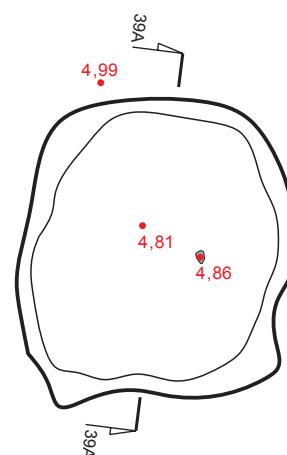
Условные обозначения:

- — темно-серая супесь
- — серая супесь
- — материк

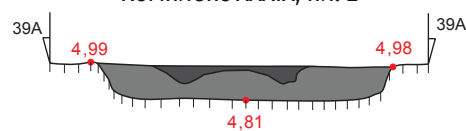
0 2 м

Комплекс XXXIX, пл. 1

Комплекс XXXIX, пл. 2

Комплекс XXXIX, разрез

Рис. 373. Селище Ситно 2016 г. Участок 21. Комплекс XXXIX и радиоуглеродная дата, полученная по углям из заполнения

ческая (оп. 2, № 56). Их датировка может быть сужена до VIII–X вв. (рис. 396: 20, 30). Следует отметить, что по составу набор бус очень беден. Это может свидетельствовать как о том, что исследованный нами участок находится в стороне от жилой застройки, где бусы обычно и терялись, так и о том, что поселение имело особую специфику (например, промысловую) и его слой сам по себе слабо насыщен женскими украшениями. Из других находок, относящихся к этому времени, можно указать на несколько железных ножей и железную заклепку (рис. 391).

К VIII–X вв. следует отнести небольшие линзы углистой супеси и очажных камней в неглубоких материковых углублениях (комплексы IV, IX, XIV, XXIX, XXXI, XXXIX). Объекты связаны, видимо, с какими-то недолговечными хозяйственными постройками или даже вовсе были открытыми очагами. Единственным исключением является комплекс XXXI, который можно сопоставить с жилой постройкой. Характерной особенностью культурного слоя селища Ситно, отли-

чающего его от синхронных поселений Поволжья и Приильменья, является почти полное отсутствие так называемого «горизонта камней» — слоя пережженных ледиковых булыжников, который образуется в культурных напластованиях в результате постоянной необходимости перебирать и подновлять печки-каменки. «Горизонты камней» известны на всех памятниках, где исследовался непо потревоженный культурный слой: Холопий Городок, Рюриково Городище, Бронница, Городок на Маяте, Сельцо I. На селище Ситно незначительное по площади скопление камней обнаружено лишь в одном месте на участке 10. Отсутствие «горизонта камней» говорит о том, что на поселении использовались не печки-каменки, а какой-то другой тип отопительного сооружения. Пролить свет на этот вопрос помогла тщательная переборка и промывка культурного слоя, выявившая в напластованиях большое количество обломков обожженной глины от глинобитных печей.

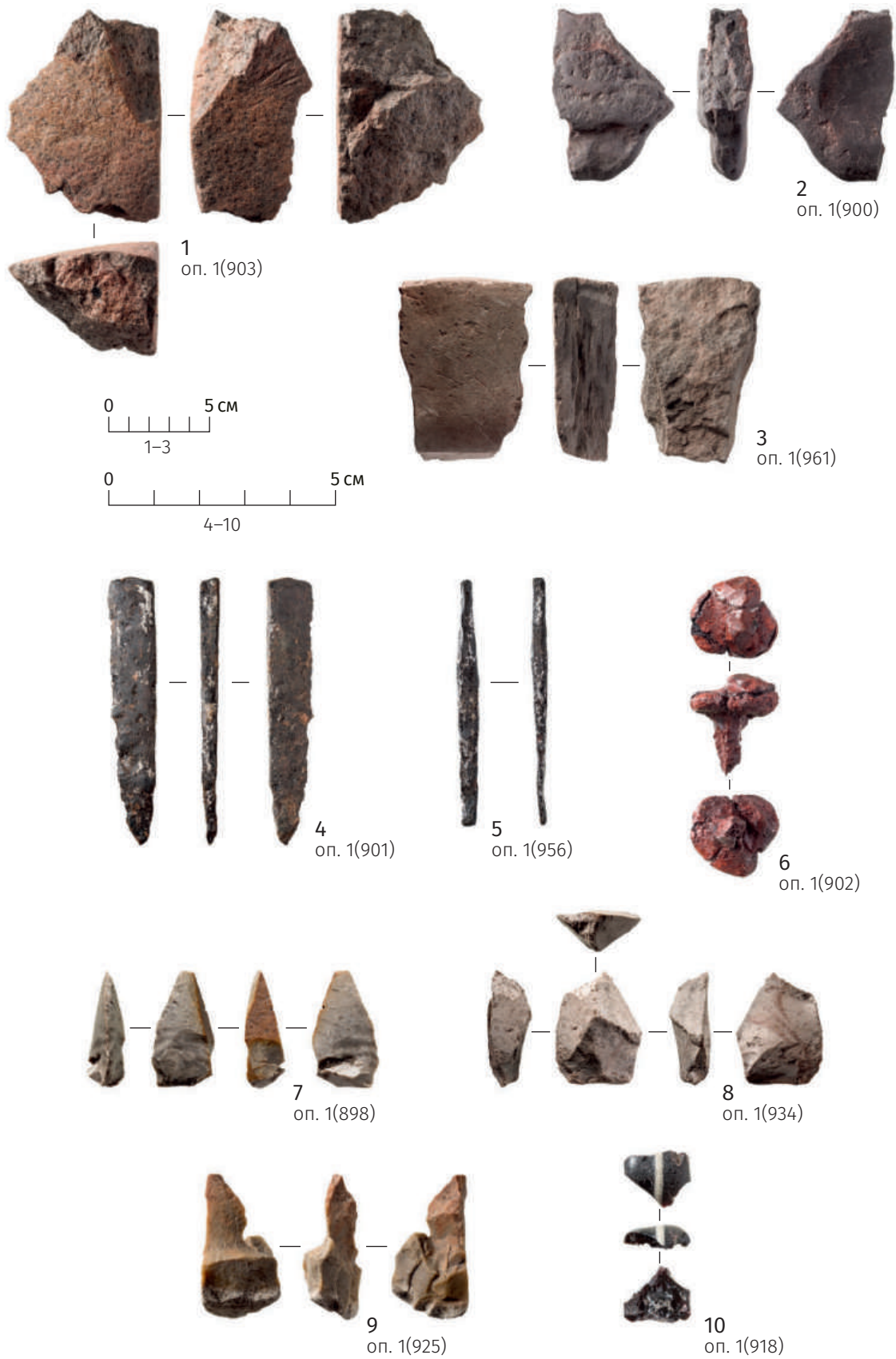

Рис. 374. Селище Ситно 2016 г. Лепная керамика из заполнения комплекса XXXIX

Древнерусское поселение XI–XV вв. Материалы этого периода в значительном количестве встречаются по всей площади раскопа (рис. 389; 390; 392). В первую очередь — это мелкие фрагменты гончарной керамики форм, характерных для XI–XIII вв. К древнерусскому поселению, возможно, следует отнести кудельную «посоховидную» булавку (иногда их называют спицами) с тордированной шейкой (рис. 389: 3), служившую для крепления кудели к прялке. Такие булавки в большом количестве известны в культурных слоях древнерусских городов, в том числе и Новгорода (Колчин, Рыбина 1982: рис. 33; Гайдуков 1992: 95, рис. 66: 6–17). Датировка этих предметов очень широка — от домонгольского времени до позднего средневековья. На Русском Севере такие булавки использовались еще в начале XX в.

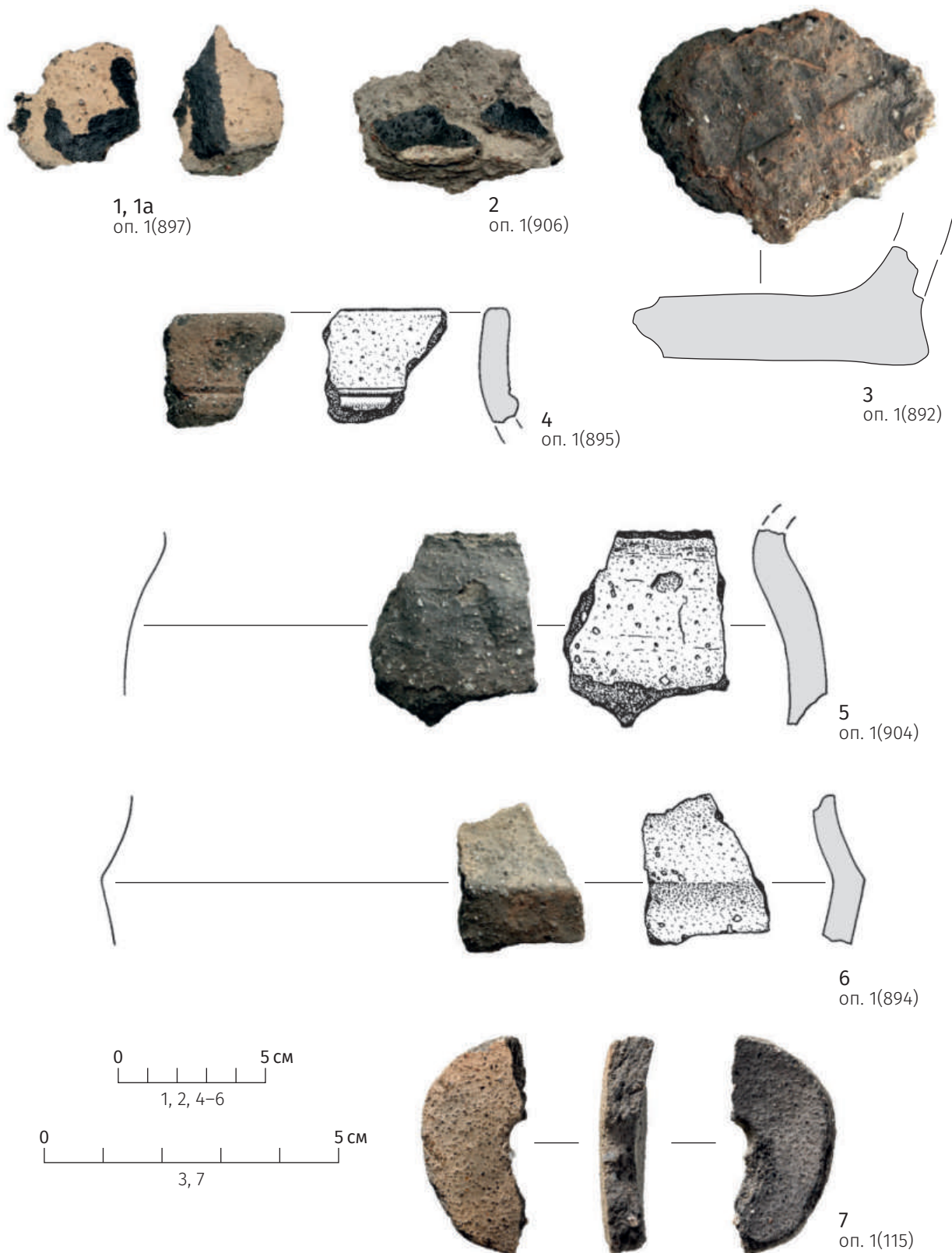
Отметим три фрагмента глиняных биконических пряслиц (рис. 386: 1–3), обломок шиферного пряслица (оп. 1, № 131) (рис. 384: 5). Бусы, датирующиеся древнерусским временем, я уже упоминал выше. Находки предметов из медного сплава немногочисленны, например, ременная бляшка из медного спла-

ва (оп. 1, № 145) (рис. 395: 4). По многочисленным аналогиям может быть датирована X–XI вв. Упомяну сферический бубенчик с тройным пояском и линейной прорезью (оп. 1, № 51) (рис. 395: 1). По новгородским материалам он датируется в интервале 1076–1299 гг. (Лесман 1990: 61). Сюда же относится литая пуговица с плоским ушком и перехватом (оп. 1, № 78) (рис. 395: 2). Находка обычна для древнерусских памятников IX–XI вв. К древнерусскому времени относится также нательный крестик из медного сплава (рис. 395: 8). Весь керамический материал XI–XIII вв. измельчен еще сильнее, чем фрагменты лепной посуды предшествующего времени. Ни одного материкового комплекса древнерусского времени на изученном участке зафиксировано не было. Все это говорит о том, что мы исследуем периферию поселения, а центр его находится несколько к югу от раскопа на вершине холма. Своеобразным комплексом указанного периода можно считать пятно культурного слоя, занимающее южную часть раскопа на участках 4–7, а также на участке 10.

Рис. 375. Селище Ситно 2016 г. Участок 10. Находки из культурного слоя под аллювием. 1-3 – фрагменты точильных камней; 2 – фрагмент ступы (?); 4 – обломок лезвия ножа; 5 – шило; 6 – гвоздик; 7-9 – отщепы; 10 – фрагмент бусины. 1-3 – камень; 4-6 – железо; 7-9 – кремний; 10 – стекло

Рис. 376. Селище Ситно 2016 г. Фрагменты керамики из культурного слоя под аллювием на участке 10. 1, 2 – фрагменты лепной керамики со следами черной плотной массы (дегтя?) на внешней (1) и внутренней стороне. 3 – фрагмент донца лепного сосуда с отпечатком лыковой циновки. 4, 5 – фрагменты раннегончарной керамики. 6 – фрагмент лепного биконического сосуда. 7 – обломок пряслица, выточенного из фрагмента гончарного сосуда

Рис. 377. Селище Ситно 2016 г. Лепная гладкостенная орнаментированная керамика

Рис. 378. Селище Ситно 2016 г. Лепная керамика с поверхностью, покрытой штриховкой

Рис. 379. Селище Ситно 2016 г. Лепная керамика с текстильной поверхностью

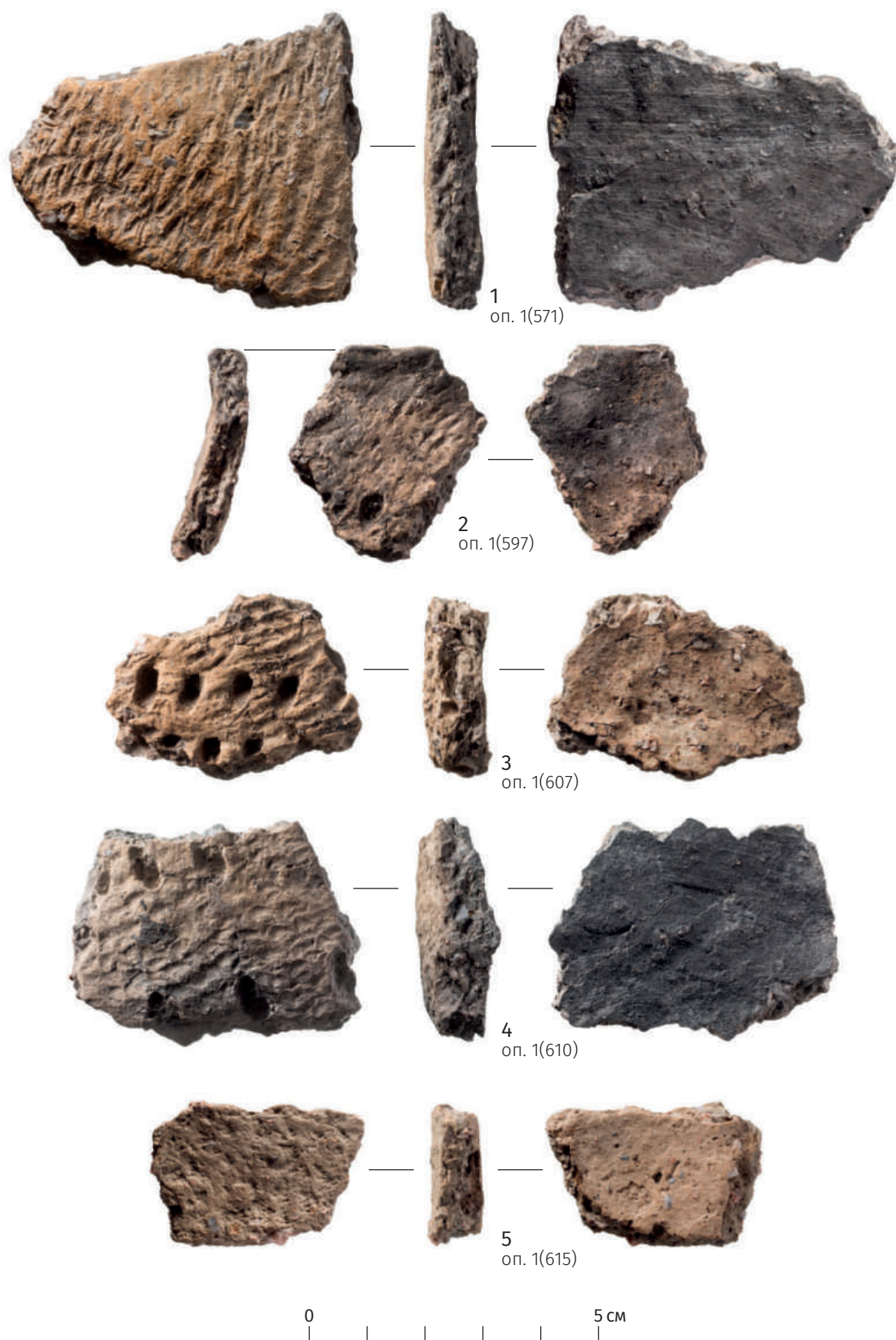

Рис. 380. Селище Ситно 2016 г. Лепная керамика с текстильной поверхностью

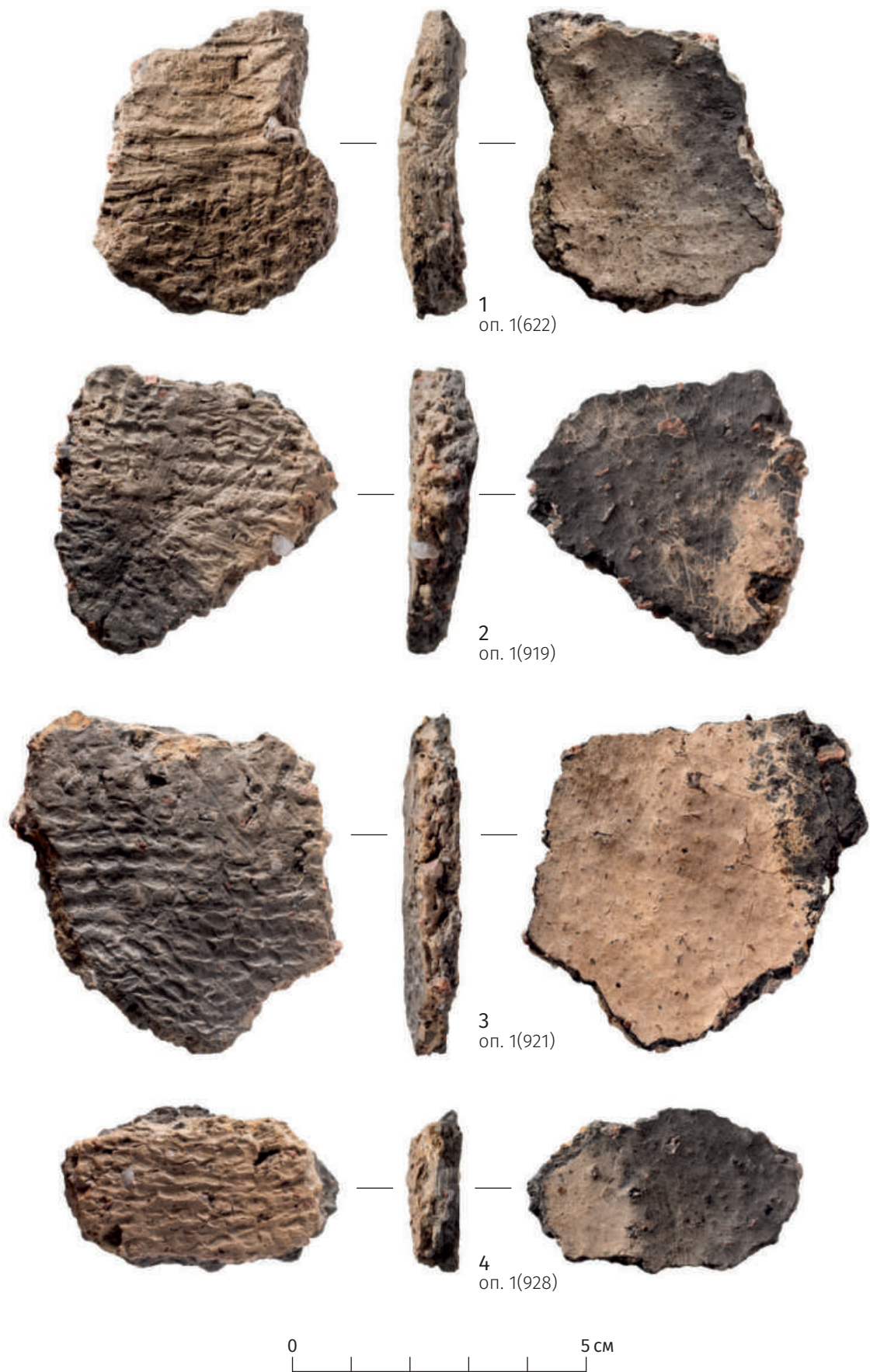

Рис. 381. Селище Ситно 2016 г. Лепная керамика с текстильной поверхностью

Рис. 382. Селище Ситно 2016 г. Лепная керамика с текстильной поверхностью

Рис. 383. Селище Ситно 2016 г. Предметы из камня. 1 — терочник; 2 — ступа (?); 3–5 — оселки

Рис. 384. Селище Ситно 2016 г. Предметы из камня. 1–4, 6 – фрагменты точильных камней; 5 – фрагмент пряслица

Рис. 385. Селище Ситно 2016 г. Предметы из камня (1–4) и кремня (6–8). 1 – грузило; 2 – проколка (?); 3–5 – фрагменты шлифованных орудий; 6–8 – отщепы

Рис. 386. Селище Ситно 2016 г. Изделия из глины. 1–3 – пряслица; 4 – грузило для сети; 5, 6 – фрагменты поделок; 7–9 – фрагменты льячек; 10 – фрагмент тигля

Рис. 387. Селище Ситно 2016 г. Раннегончарная керамика

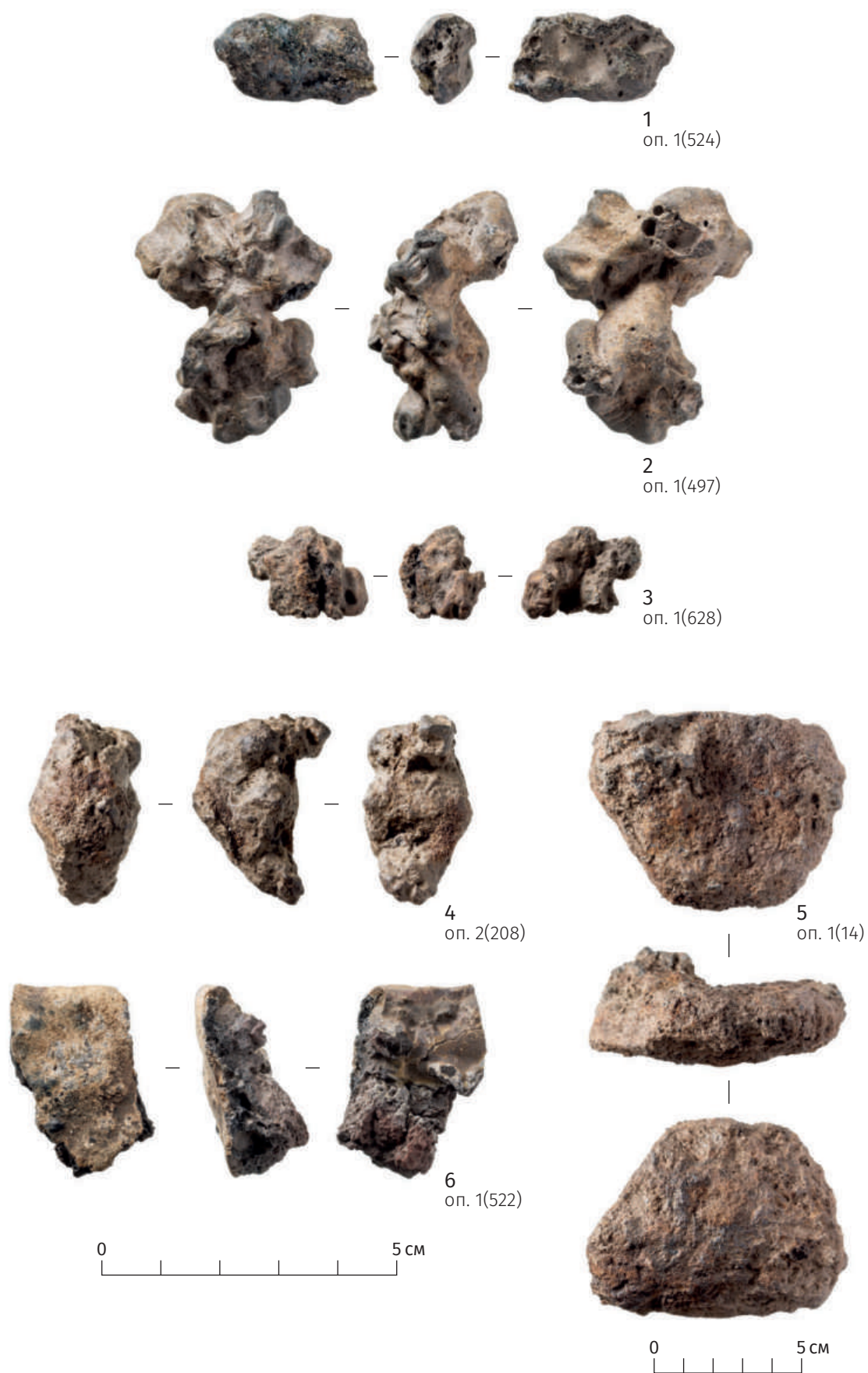

Рис. 388. Селище Ситно 2016 г. Железные шлаки (1–5) и фрагмент глинобитного горна (?) (6)

Рис. 389. Селище Ситно 2016 г. Изделия из железа. 1, 2 — ластовые скобы; 3 — булавка; 4–6 — детали пряжек; 7 — пробой; 8 — обойма; 9 — замок; 10, 11 — фрагменты скоб

Рис. 390. Селище Ситно 2016 г. Изделия из железа. 1 – гвоздь; 2, 4 – пробои; 3 – скоба; 6, 8 – предметы неизвестного назначения; 7 – фрагмент дужки котла

Рис. 391. Селище Ситно 2016 г. Изделия из железа. 1–11 – ножи и их фрагменты; 12–14 – шилья; 15 – предмет неизвестного назначения

Рис. 392. Селище Ситно 2016 г. Изделия из железа. 1–4 – детали подвесов; 5 – фрагмент заклепки; 6 – фрагмент ключа (?); 7 – фрагмент гвоздя

Рис. 393. Селище Ситно 2016 г. Предметы из дерева. 1 — кол; 2, 3 — обрубки дерева со следами затесов топором; 4 — берестяной поплавок

Рис. 394. Селище Ситно 2016 г. Предметы из дерева. 1 – деталь кадки; 2, 5 – обрубки со следами затесов топором; 3 – лодочная скамейка (?); 4 – поплавок

Рис. 395. Селище Ситно 2016 г. Предметы из бронзы. 1 — бубенчик; 2 — пуговица; 3 — поясная накладка; 4 — пластинка; 5 — фрагмент перстня; 6 — трапециевидная подвеска; 7 — фрагмент украшения; 8 — нательный крест; 9 — заклепка; 10 — фрагмент пряжки (?)

Рис. 396. Селище Ситно 2016 г. Бусы. 3 – сердолик; 13 – глина; остальное – стекло. 6 – кусок стекла со следами обработки

Рис. 397. Селище Ситно 2016 г. Лепная гладкостенная керамика

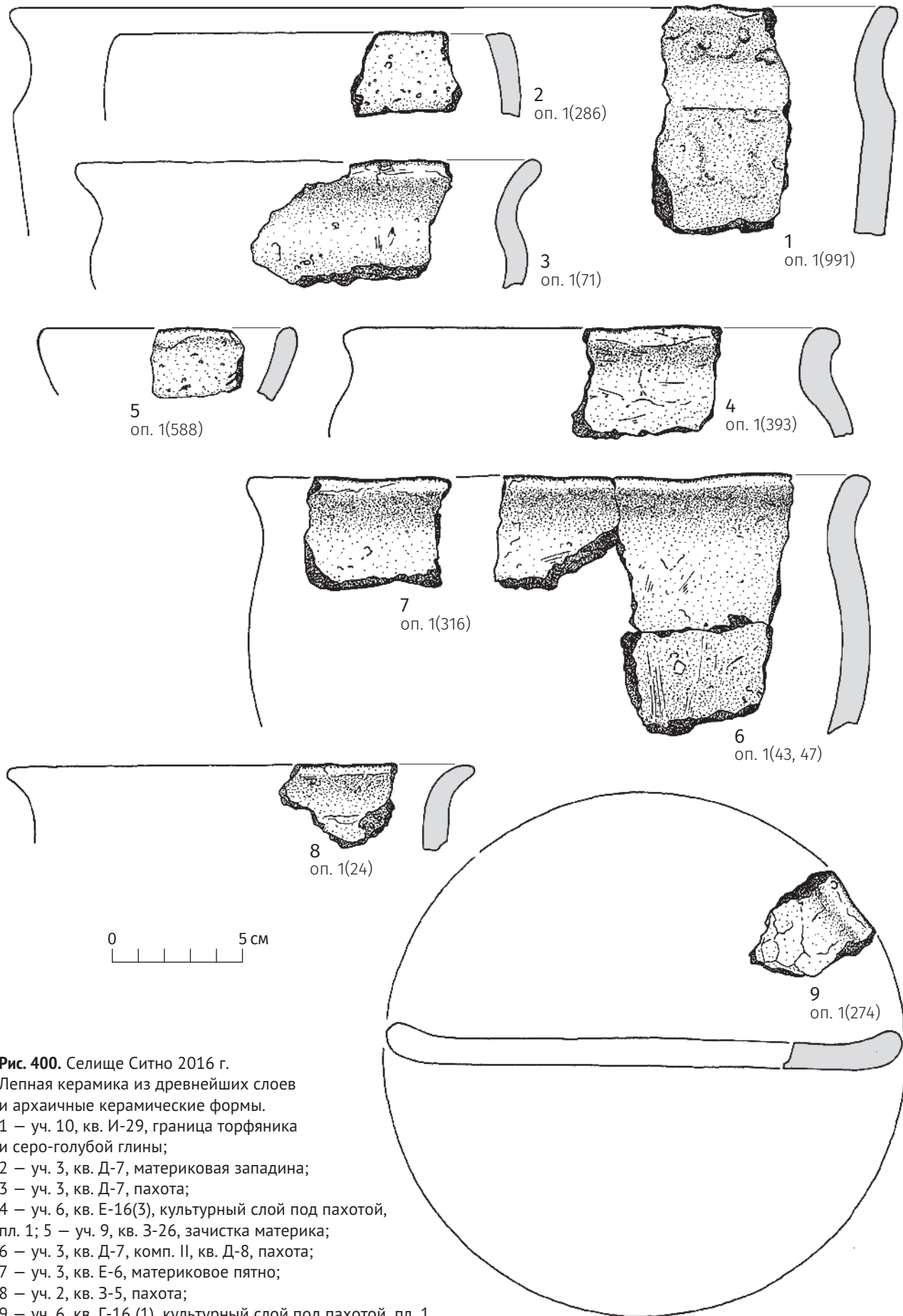
Рис. 398. Селище Ситно 2016 г. Лепная гладкостенная керамика

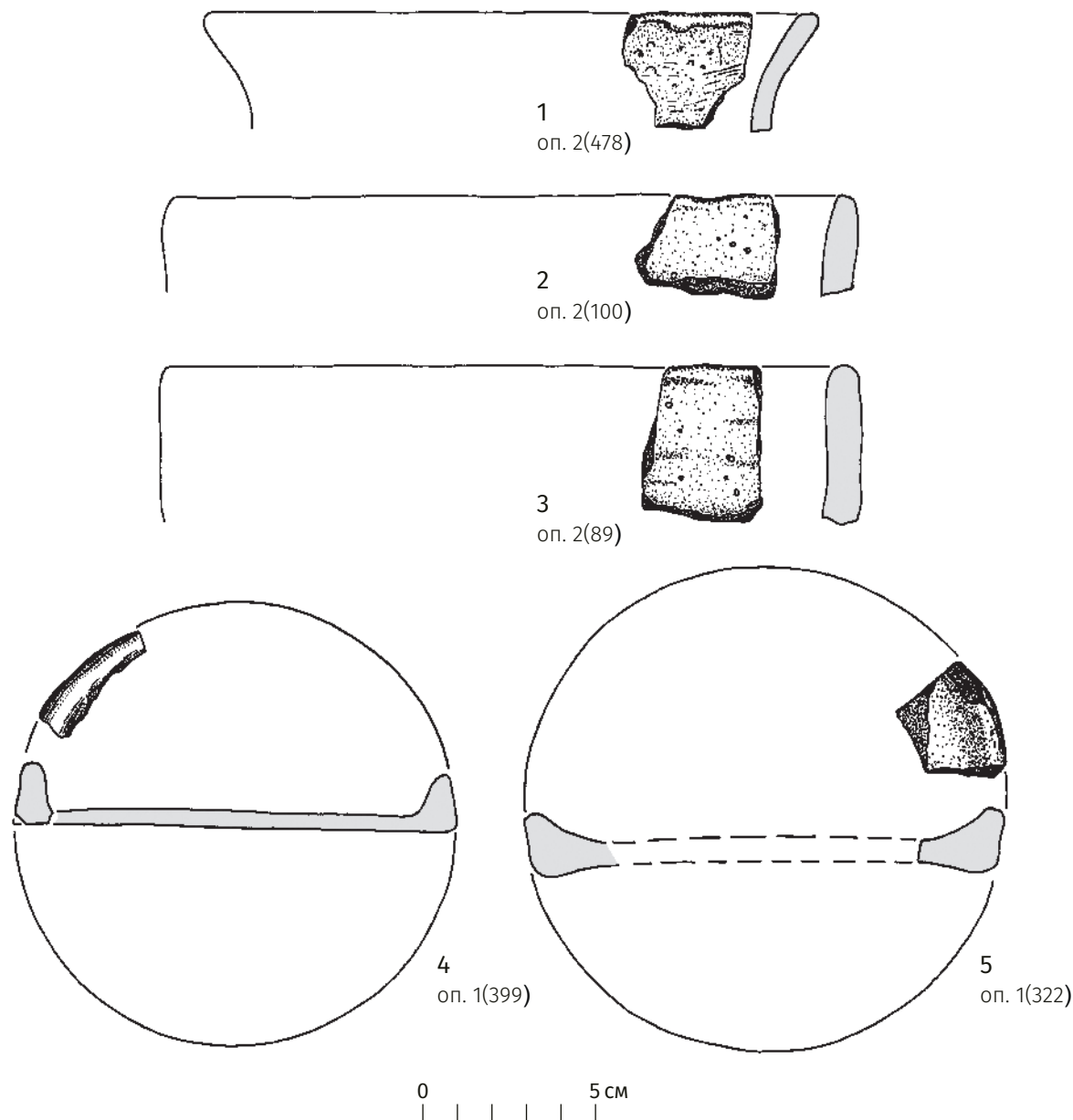

Рис. 399. Селище Ситно 2016 г. Лепная гладкостенная керамика

Рис. 400. Селище Ситно 2016 г.
 Лепная керамика из древнейших слоев и архаичные керамические формы.
 1 – уч. 10, кв. И-29, граница торфяника и серо-голубой глины;
 2 – уч. 3, кв. Д-7, материковая западина;
 3 – уч. 3, кв. Д-7, пахота;
 4 – уч. 6, кв. Е-16(3), культурный слой под пахотой, пл. 1; 5 – уч. 9, кв. З-26, зачистка материка;
 6 – уч. 3, кв. Д-7, комп. II, кв. Д-8, пахота;
 7 – уч. 3, кв. Е-6, материковое пятно;
 8 – уч. 2, кв. З-5, пахота;
 9 – уч. 6, кв. Г-16 (1), культурный слой под пахотой, пл. 1

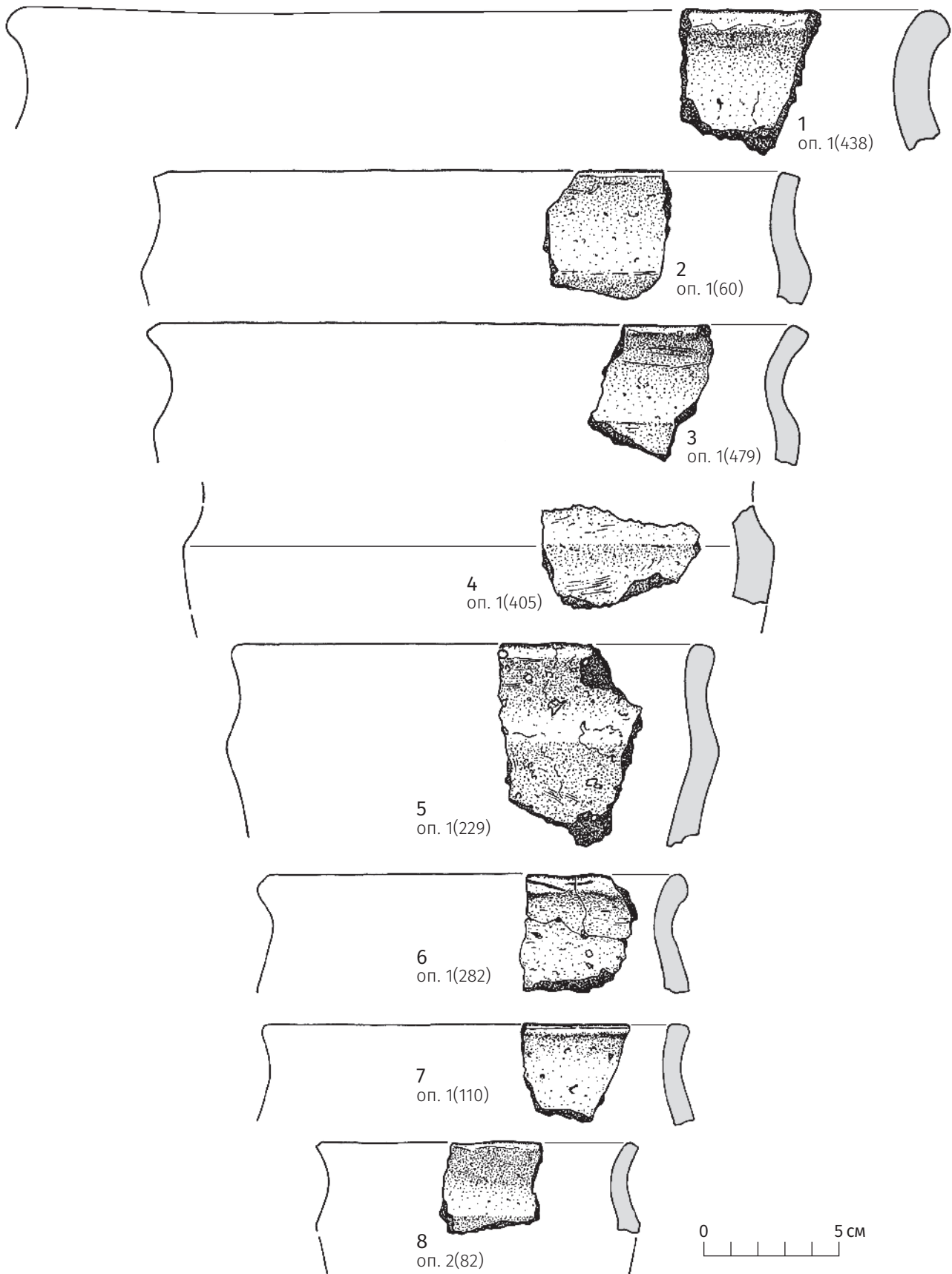

Рис. 401. Селище Ситно 2016 г. Лепная керамика. 1 – уч. 5, кв. Д-17(4), культурный слой под пахотой, пл. 1; 2 – уч. 9, кв. И-27, пахота; 3 – уч. 6, кв. Ж-16(3), культурный слой под пахотой, пл. 1; 4 – уч. 5, кв. Г-14, культурный слой под пахотой, пл. 1; 5 – уч. 3, кв. Е-7, материковая западина

Культурный слой селища Ситно необычен. Наличие довольно мощных напластований с лепной и раннегончарной керамикой, насыщенных сажей и углистыми частицами, но в то же время лишенных ярких находок и не связанных с жилой и хозяйственной застройкой, подразумевает осуществление на раскопанном участке, примыкающем к волховской пойме, какой-то специфической производственной деятельности. Вряд ли это было кузнечное производство, хотя его незначительные следы имеются (рис. 388). Эта деятельность, возможно, была связана с огнем и деревообработкой. О первом говорит темное пятно слоя, о последней свидетельству-

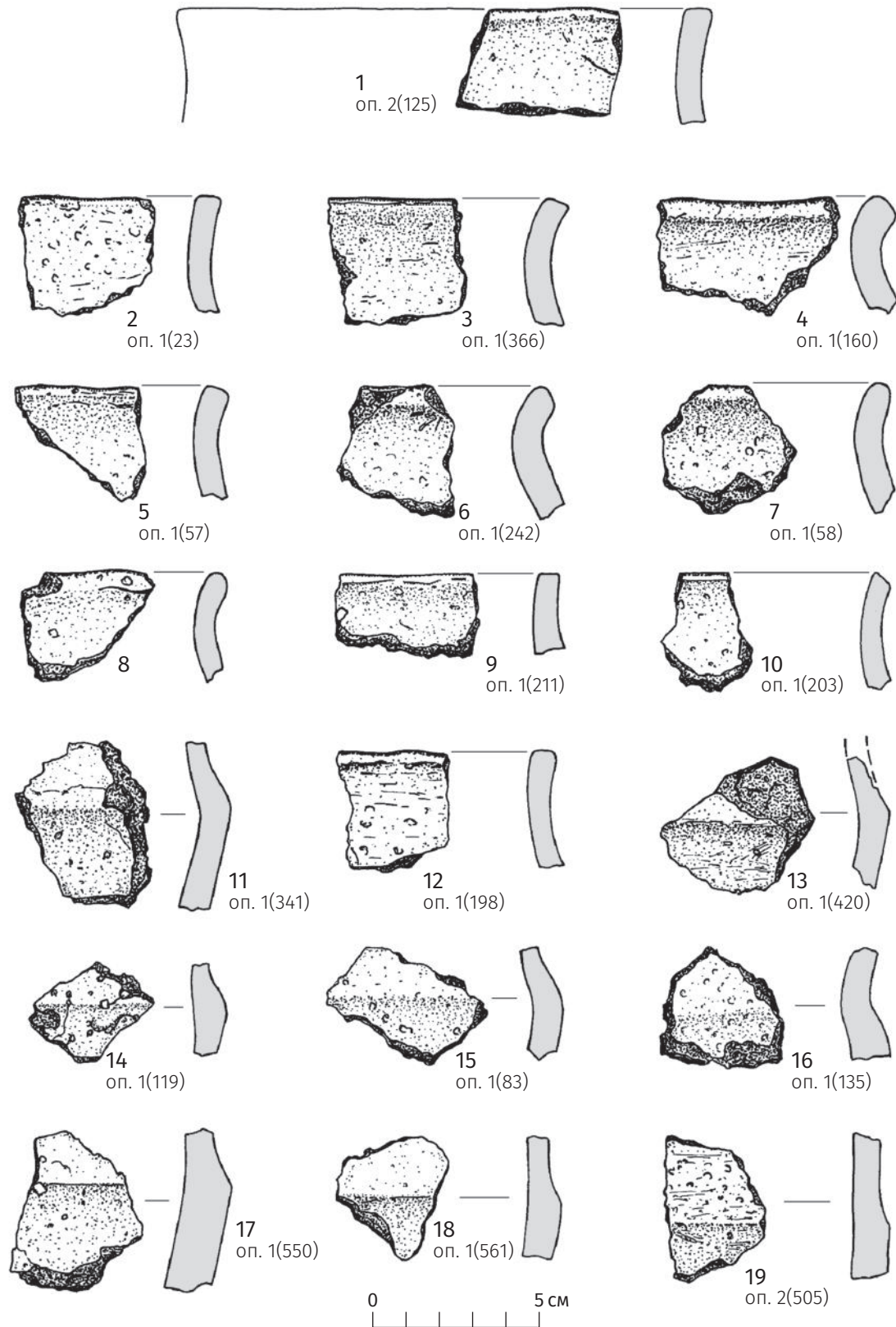
ет слой щепы и обрубленных веток в краевой части пойменного торфяника у подножия селищенского холма (рис. 393; 394). Такие следы в культурном слое могло оставить, например, речное судостроение. Огонь нужен был как для изготовления однодревок (для выдалбливания/выжигания, распаривания и «разведения» древесных стволов), так и для смоления судов (Сорокин 1997: 88).

Следует вспомнить концепцию В.Л. Янина о коломлянах, промышленявших в XIII в. сплавом леса по Волхову. Сплав леса и речное судостроение, как известно, тесно связаны между собой. На реках Восточной Европы центры, где зимой формировались гонки (плоты,

Рис. 402. Селище Ситно 2016 г. Лепная керамика. 1 – кв. Д-15 (2), культурный слой под пахотой, пл. 1; 2 – уч. 3, кв. 3-9, пахота; 3 – кв. Г-15 (3), зачистка материка; 4 – кв. Г-14, культурный слой под пахотой, пл. 1; 5 – уч. 12, кв. А-4, комп. IX; 6 – уч. 3, кв. Л-8, зачистка пятен; 7 – уч. 9, кв. Г-27, культурный слой под пахотой; 8 – уч. 6, кв. Д-16 (2), культурный слой под пахотой, пл. 1

Рис. 403. Селище Ситно 2016 г. Лепная керамика. 1 — уч. 7, кв. Г-19, пахота; 2 — уч. 2, кв. Д-6, пахота; 3 — уч. 4, кв. Л-11, заполнение оврага; 4 — уч. 12, кв. В-4, зачистка материковых пятен; 5 — уч. 4, кв. З-12, пахота; 6 — уч. 6, кв. Е-18, культурный слой под пахотой; 7 — уч. 1, кв. Б-3, пахота; 8 — ?; 9 — уч. 2, кв. Г-4, комп. IV (6); 10 — уч. 4, кв. К-12, зачистка материковых пятен; 11 — уч. 7, кв. Е-19, пахота; 12 — уч. 7, кв. Г-19, пахота; 13 — уч. 5, кв. Е-13 (1), культурный слой под пахотой, пл. 1; 14 — уч. 8, кв. Г-24, пахота; 15 — уч. 3, кв. Д-8, пахота; 16 — уч. 6, кв. Д-17, пахота; 17 — уч. 6, кв. Г-27, пахота; 18 — уч. 9, кв. Е-27, пахота; 19 — уч. 6, кв. Д-16 (2), культурный слой под пахотой, пл. 1

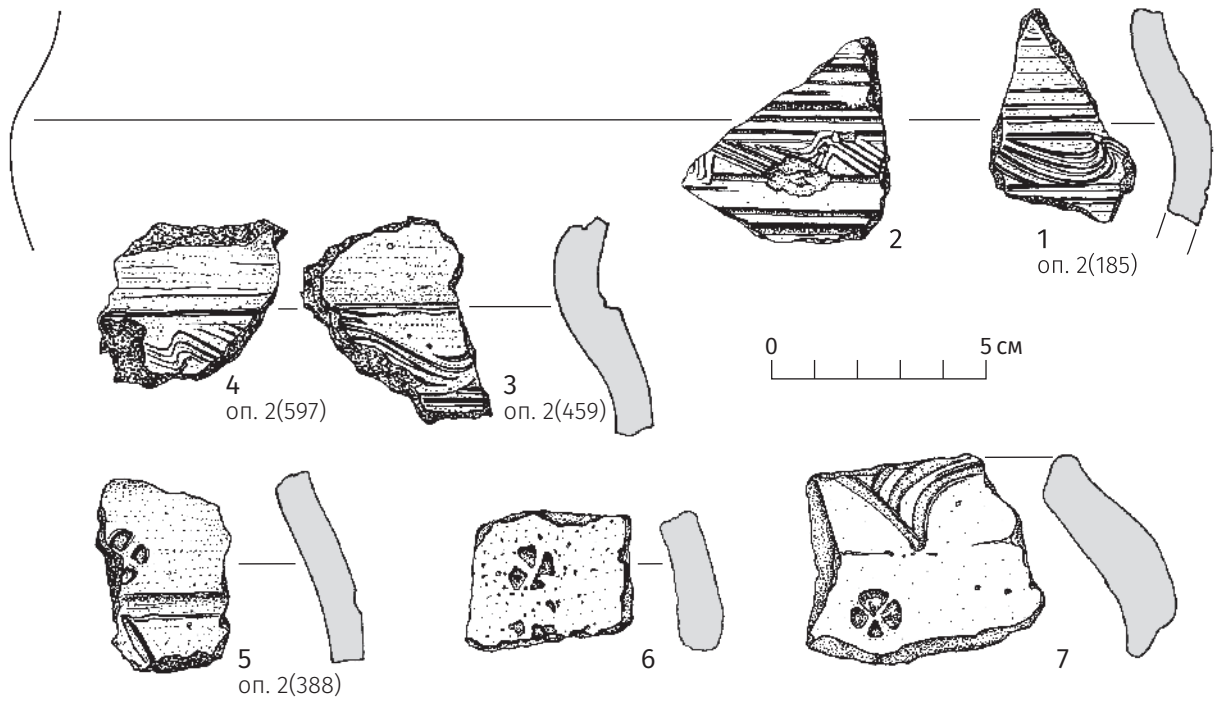

Рис. 404. Селище Ситно 2016 г. Раннегончарная керамика. Образцы орнаментации

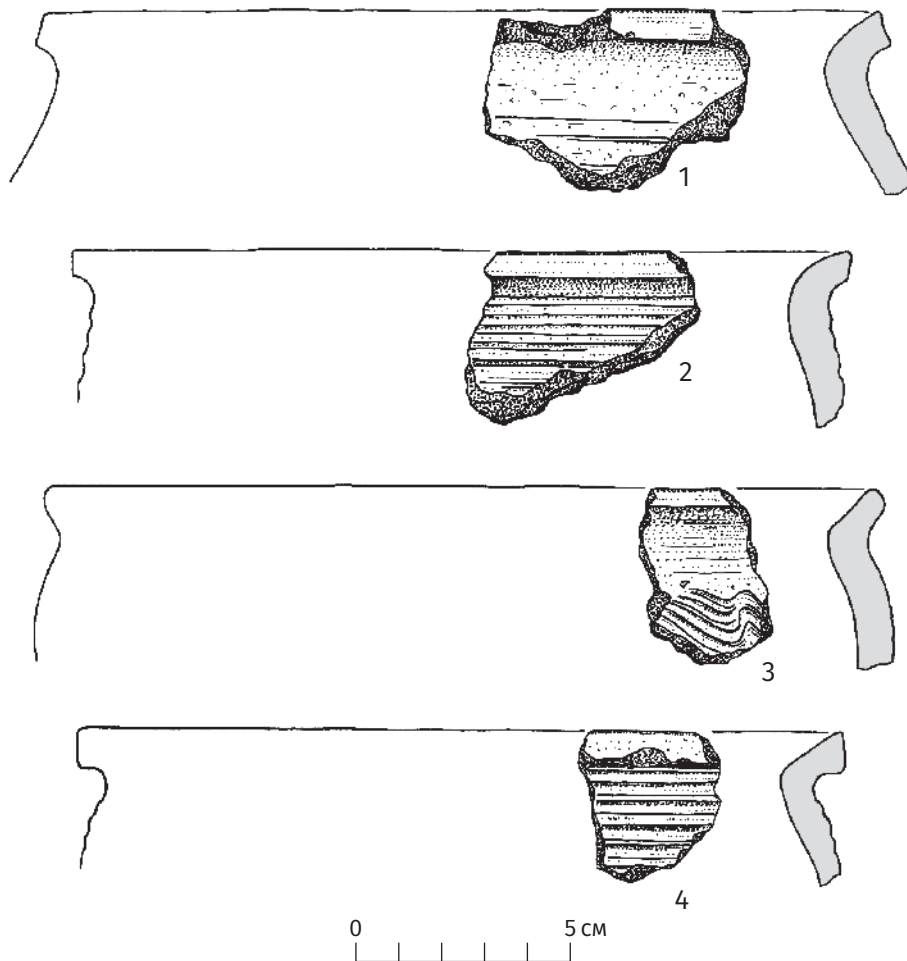

Рис. 405. Селище Ситно 2016 г. Раннегончарная керамика

обустроенные для дальней торговли лесом), обычно являлись и центрами, где изготавливались для весеннего сплава речные лоды. Вполне возможно, что перед нами одно из поселений новгородских словен, промышлявших подобным образом в X–XIII вв. Здесь следует обратить особое внимание на топографию селища Ситно, которое приурочено к пойменному озеру с протокой, связывающей его с Волховом. Пойменный водоем представлял удобную гавань для судов, готовящихся к спуску на большую воду. Возможно, следует обратить внимание на концентрацию столбовых ям на краю надпойменной террасы Волхова. Если это следы мостков или каких-то причальных конструкций, то они, несомненно, приспособлены к функционированию именно в половодье.

4.5.6.9. Селище Миронегии III

Археологический комплекс Миронегии расположен возле одноименной деревни Валдайского района Новгородской области в бассейне р. Гремячей (правый приток р. Полометь) (рис. 3). Центр комплекса составляет группа сопки Миронегии I, насчитывающая 15 погребальных насыпей на правом берегу р. Гремячая¹⁸⁷. Сопки вытянуты по гряде, идущей в направлении запад-восток, вдоль дороги, огибающей холм, на котором стоит деревня. Здешние сопки известны в науке с XVIII в. По-видимому, именно их изображение, выполненное художником Готфридом Гейслером, попало в знаменитое описание путешествия академика П.-С. Палласа, опубликованное в Лейпциге в 1799 г. (Pallas 1799). Информация о курганной группе публиковалась в трудах И. С. Романцева, Н. Н. Черныгина, В. В. Седова (Романцев 1911: 28; Черныгин 1941: 127; Седов 1970: 40). В 1893 г. эта группа сопки обозначена князем П. А. Путятиним как группа под литерой Б (Дело А-1893). В 100 м югу от сопки на склоне правого берега р. Гремячая В. В. Мильковым зафиксировано два участка культурного слоя с лепной керамикой (селища Миронегии I и Миронегии II). В сущности, это одно селище, культурный слой на котором залегает пятнами.

На левом берегу р. Гремячая, на краю камовой возвышенности располагается курганная группа Миронегии II, насчитывающая шесть курганов, насыпанных цепью. В 1893 г. князь П. А. Путятин раскопал в Миронегии два кургана (Отчет ИАК за 1893 г. 1895: 17, 18; Седов 1970: 40; Императорская археологическая комиссия 2009: 869; Приложение 2009: 44). В архиве ИИМК РАН хранится дневник раскопок с чертежами и полевая опись (Дело А-1893). Из приложенного к отчету плана следует, что раскопки производились в курганной группе Миронегии II, план которой

был нами снят в 2020 г. П. А. Путятин обозначил группу литерой А.

Курган 1. Расположен в северо-восточной части группы А, в 100 саж. от д. Миронегии. Курган имел конусообразную форму. Высота насыпи 5 саж. и $\frac{1}{4}$ ар. Диаметр насыпи 9 саж. Окружность 30 саж. Насыпь раскопана широкой траншеей, направленной с севера на юг. Погребение не обнаружено. В переотложенном кладоискателями слое П. А. Путятиним были найдены фрагменты лепного сосуда (Дело А-1893: л. 8).

Курган 2, расположенный в западной части группы, был исследован полностью. Курган полусферический, высотой 1 саж. и 1,5 ар. Окружность основания 12 саж. 2 вер. «На расстоянии аршина от поверхности земли неравномерный черноватый слой с примесью углей и в нем три кострища а, в, с с изломанными неопределимыми осколками животных и птичьих костей. Впечатление тризны» (Дело 1893: л. 16). В юго-западной части кургана в том же слое обнаружено скопление несожженных человеческих костей. Осталось неясным, вторичное ли это захоронение или какое-то жертвенное погребение.

Курганная группа Миронегии II несет в себе как черты классического могильника культуры сопки, так и элементы, более близкие КДК. Такое же впечатление оставляет и курган 2, раскопанный в 1893 г. По топографии, внутренней структуре и размерам он находится ближе к насыпям КДК. Следует также обратить внимание на то, что в составе данной группы, согласно плану 1893 г., находился валообразный курган, изогнутый в плане. Датировка могильника определяется в пределах второй половины I тыс. н. э.

Осмотр нами в 2020 г. окрестностей курганной группы выявил поблизости от нее поселение с мощным культурным слоем VIII–X в., которому было дано название Миронегии III (Еремеев А-2020). Район селища и могильника представляет собой вкрапление озерно-ледникового рельефа в конечно-моренный ландшафт. Археологический памятник расположен на трех камовых холмах на левом берегу р. Гремячей. Река имеет здесь достаточно широкую (до 500 м) пойму, на которой местами выделяются старые прирусловые валы, высотой не более 1 м, поросшие со снами. Местность удобна для ранних форм земледелия и скотоводства, и характерна для древностей второй-третьей четверти I тыс. н. э.

На селище заложено 7 шурфов, в 5 из которых зафиксирован культурный слой и находки (собрано 355 фрагментов лепной керамики). Мощность культурного слоя до 1,2 м. В возвышенной части поселения в небольшом количестве найден древнерусский керамический материал XI–XIII вв. Ранний культурный слой поселения характеризуется сочетанием сосудов группы 1.2 (рис. 347: 3–7) по нашей типологии, с различными вариациями слабопрофилированных сосу-

¹⁸⁷ По данным И. С. Романцева, в начале XX в. здесь насчитывалось 20 сопки (Романцев 1911: 28).

дов типа 4 по Н. В. Лопатину (рис. 346: 2–7) и единичными реберчатými формами (рис. 347: 9). Особо нужно обратить внимание на присутствие лощеной керамики (рис. 344: 11; 345: 1), напоминающей позднедьяковскую, и фрагмент подлощенного фрагмента венчика типа лууконсаари (рис. 345: 6). На селище найден нож с прямой спинкой (рис. 345: 8) и фрагмент втулки железного наральника, причем последний — в культурном слое с лепной керамикой, в котором зафиксированы следы распашки однозубым ралом (Еремеев А-2020: рис. 137). По совокупности данных поселение предварительно датировано V–VIII вв.

Некоторые промежуточные выводы. По-видимому, взаимодействие керамических традиций, входящих к киевской культуре, и традиций, представленных тремя группами поздней посуды — керамикой групп 1, 4 и 5, происходило на достаточно продолжительном отрезке времени, значительно выходящем за рамки VIII в. Как реберчатая посуда «ладожского типа», так и керамика групп 1 и 5 появляется в составе керамического комплекса поселений Северо-Запада еще в третьей четверти I тыс. н. э. *Накапливающиеся материалы поселений, в отличие от погребальных комплексов из сопок и смоленских длинных курганов, начинают постепенно заполнять ту пропасть VIII в., которая ранее казалась непреодолимой и вела к концепции позднего (в IX–X вв.) славянского освоения Северо-Запада.*

4.6. Происхождение лепной керамики группы 4 («ладожского типа»)

Ключевой проблемой в изучении славянского расселения на Северо-Западе является происхождение груболепной гладкостенной керамики «ладожского типа» (группы 4 по нашей типологии). Реберчатая посуда «ладожского типа» впервые описана Я. В. Станкевич на материалах Земляного городища Старой Ладogi (Станкевич 1950, 1951). В дальнейшем к проблеме происхождения этой керамической традиции обращались многие исследователи (Седов 1970: 24–26; Смирнова 1976: 6; 1978: 165–167; Плохов 1992: 120, 121; 2002; 2009; Исланова 1997: 62, 63, 113; 2006: 114; Носов 1990: 164; Кузьмин 2001: 68; Сениченкова 2010, 2011, 2013; Конецкий, Патина 2017), но убедительного решения вопроса пока не найдено. Попытки провести параллели между лепной керамикой «ладожского типа» и реберчатой посудой Польского Поморья (Вилинбахов 1962: 263; Седов 1970: 24; Смирнова 1978: 167) давно признаны бесперспективными (Носов 1990: 164). В последней своей работе не упоминал о западнославянских параллелях и В. В. Седов (Седов 2007: 81). Немногочисленная реберчатая керамика, известная в Швеции и на Аландах (Петренко, Шитова 1985: 188; Давидан 1994: 165), вполне объясняется деятельностью невольников

из восточнославянских земель (Плохов 2002: 151–154). Таким образом, речь идет о восточноевропейском феномене. Изложу свое видение вопроса, не претендуя на закрытие проблемы.

Я. В. Станкевич и Т. Б. Сениченкова выделили несколько вариантов реберчатой керамики, различающихся по степени профилировки и пропорциям сосудов. Поскольку в этой работе дается общий взгляд на проблему, все варианты реберчатой посуды объединены мною в одну (четвертую) группу. Керамика четвертой группы преобладает на поселениях Поволховья и Приильменья и Верхнего Полужья. По мере удаления от названных территорий процент этой керамики в комплексах поселений убывает (хотя и неравномерно в разных направлениях). Так, в керамическом комплексе Пскова, Полоцка, Витебска, Усвят, Гнёздова керамика «ладожского типа» присутствует, но в качестве малосущественной примеси (за исключением Полоцка, где она несколько более заметна). Таким образом, лепная посуда «ладожского типа» является главным культурным маркером населения центрального, Ильмень-Волховского ядра Северной Руси. Эта посуда как массовая основа керамического комплекса впервые фиксируется в нижних горизонтах Старой Ладogi в середине VIII в. Очевидно, что от трактовки обстоятельств возникновения этой традиции зависит понимание процессов славянизации Новгородского края. Чтобы определиться в этом вопросе, нужно понять, где в Восточной Европе бытовала керамика четвертой группы до VIII в.?

Считается, что в V–VII вв. в лесной зоне Восточной Европы нет региона, где реберчатая керамика занимала бы в керамическом комплексе ведущее место. Этот факт привел А. В. Плохова к мысли, что традиция сформировалась в Поволховье и Центральном Приильменье в первой половине VIII в. Так ли это? И. В. Исланова в качестве прототипа «ладожской керамики» выделила реберчатую посуду в древностях третьей четверти I тыс. н. э. Удомельского типа (Исланова 2017: 83) и типа Подол в истоках Волги (Исланова 2016: 162). Однако ввиду неясной верхней датировки этих древностей (наверное включающих VIII в., что И. В. Исланова признает (2007: 309)) это не снимает вопрос. Нужно присмотреться и к другим регионам, где искомые керамические формы существуют, так сказать, на втором плане. Стоит нам перенестись в верховья Западной Двины, а также в междуречье Западной Двины, Днепра и Немана, как мы увидим во второй четверти I тыс. н. э. сразу несколько параллельно существующих традиций изготовления реберчатой керамики.

Традиция 1. Наиболее древняя, представлена реберчатой керамикой КШК. По мнению белорусских исследователей, в III–V вв. население КШК в Центральной и Западной Белоруссии активно взаимо-

действует с носителями киевской культуры, и видимо, ими ассимилируется. Эта точка зрения проводится в работах А. М. Медведева, преимущественно на материалах Белорусского Понеманья (Медведев 1996; Мядзведзеў 1999). В финальный период КШК ее реберчатая керамика утрачивает главный элемент своеобразия — штриховку, становясь идентичной керамике «ладожского типа». Любопытны немногочисленные гладкостенные реберчатые черепки, украшенные расчесами, составляющими характерную особенность киевской культуры и ее северного варианта — древностей типа Заозерье (рис. 406: 9). В материальной культуре Новгородского региона третьей четверти I тыс. н. э. присутствует ряд элементов, указывающих на связи с восточно-литовскими древностями. Представляется очень вероятным, что в сложении КПДК и в формировании группы ранних приильменских городищ приняло участие некоторое количество выходцев с верховьев Немана. С ними на Северо-Запад в V в. могла проникнуть и традиция реберчатой гладкостенной керамики поздней КШК.

Традиция 2. Наряду с гладкостенной реберчатой керамикой и в КШК, и в древностях киевской культуры распространена реберчатая лощеная керамика. Формы этой, очевидно, парадной столовой посуды очень разнообразны: от небольших сосудов и мисок до крупных горшков (рис. 407; 417: 1–5). Лощеная реберчатая керамика продолжает бытовать и в третьей четверти I тыс. н. э. в КТБ, составляя, обычно, небольшой процент на поселениях. На севере, в Приильменье, Помостье и Причудье, лощеная реберчатая керамика присутствует на ряде памятников третьей четверти I тыс. н. э.: в Городке на Маяте, на городище Сельцо I, на городище Курская Гора, на селище Крюково (Орлов А-1959: рис. 4: 1–3; Орлов А-1971: рис. 40: 8, 10; Орлов А-1972: л. 15) (рис. 408). Аналогичную картину — сочетание слабопрофилированной и реберчатой подлощенной столовой посуды мы видим в бассейне Плюссы на поселении Горка (Попов А-2005: л. 9, рис. 386).

Традиция 3. Изготовление лощеной посуды требовало особых навыков, и было доступно не всем. Поэтому повсеместно возникали подражания лощеным сосудам. Некоторые из них, действительно, обладали сравнительно повышенным качеством (более мелкие откалиброванные примеси, лучше промешанное тесто, более тщательно заглаженная поверхность, равномерный обжиг), многие же отличались от обычной кухонной посуды только формой. Так постепенно формировалась традиция реберчатой гладкостенной керамики группы 4.

На поселениях третьей четверти I тыс. н. э. такая керамика встречается повсеместно, но в очень небольшом количестве (Бураково, Узмень, Дедиловичи,

Лужесно, Орляки, Лукомль, Красное, Никольцы) (рис. 409; 411; 414–416; 417: 4, 5; 418). Имеются, однако, и исключения из этого правила. Например, гладкостенная реберчатая керамика хорошо представлена на городище и селище Бураково в междуречье Западной Двины и Ловати (рис. 409); своеобразие этого комплекса уже отмечалось (Лопатин, Фурасьев 2007: 122). Бураково показывает пример локального возникновения традиции керамики «ладожского типа» из совокупности традиций 1 и 2. Единичными образцами керамика группы 4 представлена в псковских длинных курганах. В одном комплексе с пластинчатой обоймицей и 14 круглыми бронзовыми бляшками-скорлупками подобный сосуд найден в кургане № 1 могильника Мартиново (Бежаницкий р-н Псковской области) (Михайлов А-1980: рис. 11).

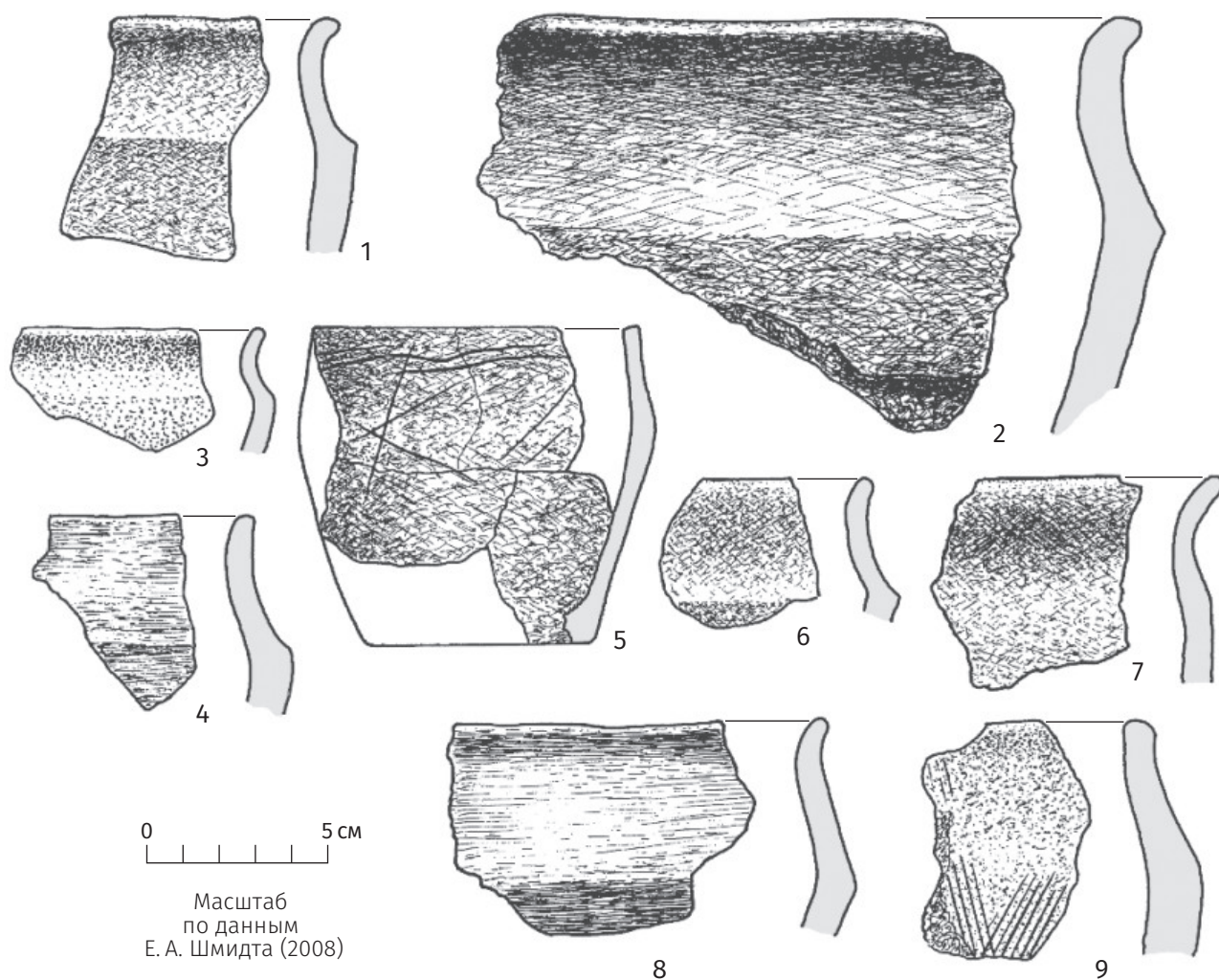
Традиция 4. Несколько более популярными, чем реберчатая лощеная и гладкостенная керамика 4 группы на пространстве между Днепром, Неманом и Западной Двиной во второй четверти I тыс. н. э. были биконические и цилиндрические сосуды с приостренным валиком (рис. 412). Как отметил А. Г. Фурасьев, в верхнем слое Демидовки они составляют около 25% керамики, в Узмене до 10% (Фурасьев 1997: 33). В третьей четверти I тыс. н. э. количество находок этой посуды заметно снижается, но она продолжает встречаться и распространяется далеко на север — в ареале псковских длинных курганов, где некоторые образцы датируются второй половиной VII — первой половиной VIII в. (Лопатин, Попов 2016: 336, рис. 7: 5). Присутствие этой керамики на Бронницком городище (рис. 218: 2) следует расценивать как участие традиции в генезисе посуды «ладожского типа» на Ильмене.

Традиция 5. В древностях типа Абидни и Тайманово и затем в колочинской культуре получили широкое распространение высокие биконические гладкостенные горшки с раструбообразной верхней частью. В Верхнем Подвинье и Двинско-Ловатском междуречье подобные сосуды известны на городище Казиново, на поселении Фролы и в длинных курганах Западнодвинского левобережья (Городище, Новоселки) (рис. 410).

Традиция 6. Высокие биконические горшки со сглаженным ребром, более закрытых форм, нежели широко распространенные в колочинских древностях, известны на поселениях северной периферии пражской культуры в левобережном Белорусском Полесье (Вяргей, Трымер 2003) (рис. 419).

На фоне достаточно слабого распространения керамики «ладожского типа» за пределами Ильмень-Волховского бассейна в VIII–X вв. выделяется один весьма своеобразный памятник, где процент реберчатой посуды необычайно велик: это Городище на Ясельде в Полесье (рис. 421; 422). Как и городище

Рис. 406. Лепная реберчатая керамика из культурного слоя селища Заозерья, найденная при раскопках курганов (Шмидт 2008). 1 — курган № 49; 2 — курган № 50; 3, 4 — курган № 52; 5 — курган № 62; 6, 7 — курган № 63; 8, 9 — курган № 66

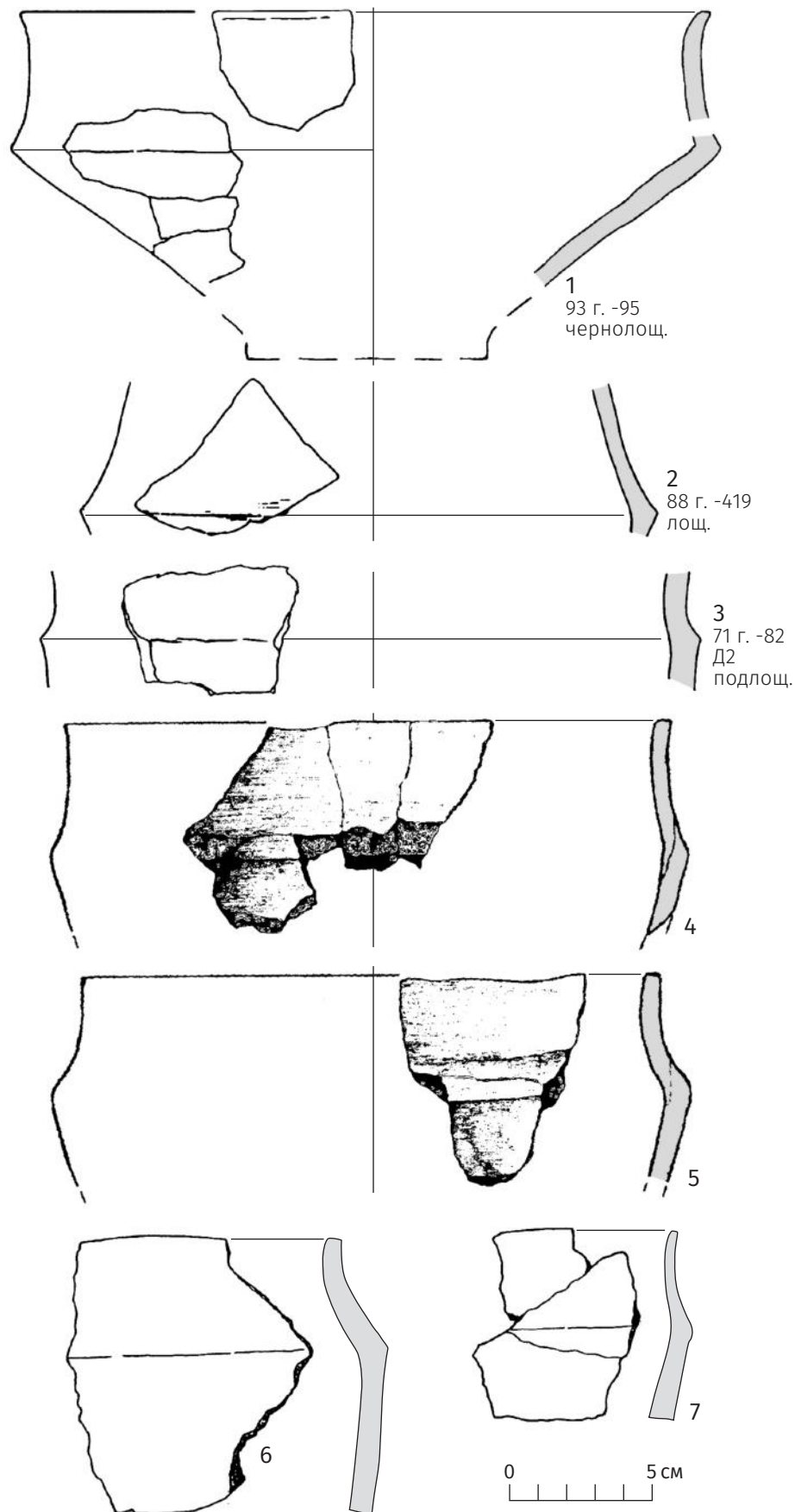
Бураково, Городище на Ясельде показывает (только на более позднем материале), что на периферии распространения вышеописанных пяти традиций могли возникать и другие микрорегионы, где посуда «ладожского типа» становилась по каким-то причинам особо популярной. На Ясельде роль в этом сыграла, возможно, пражская традиция 6. Едва ли можно объяснить очаги распространения реберчатой посуды между Ильменем и Припятью расселением выходцев из Северной Руси. Очевидно, в VIII в. предпосылки для внедрения в керамический комплекс груболепной реберчатой керамики существовали на огромной территории, но реализованы были в различных регионах в разной степени.

Подведем итог. Во второй четверти I тыс. н. э. между Неманом, Днепром и Западной Двиной и на левых притоках Припяти фиксируется несколько устойчивых традиций изготовления лепной посуды с ребром. Эти

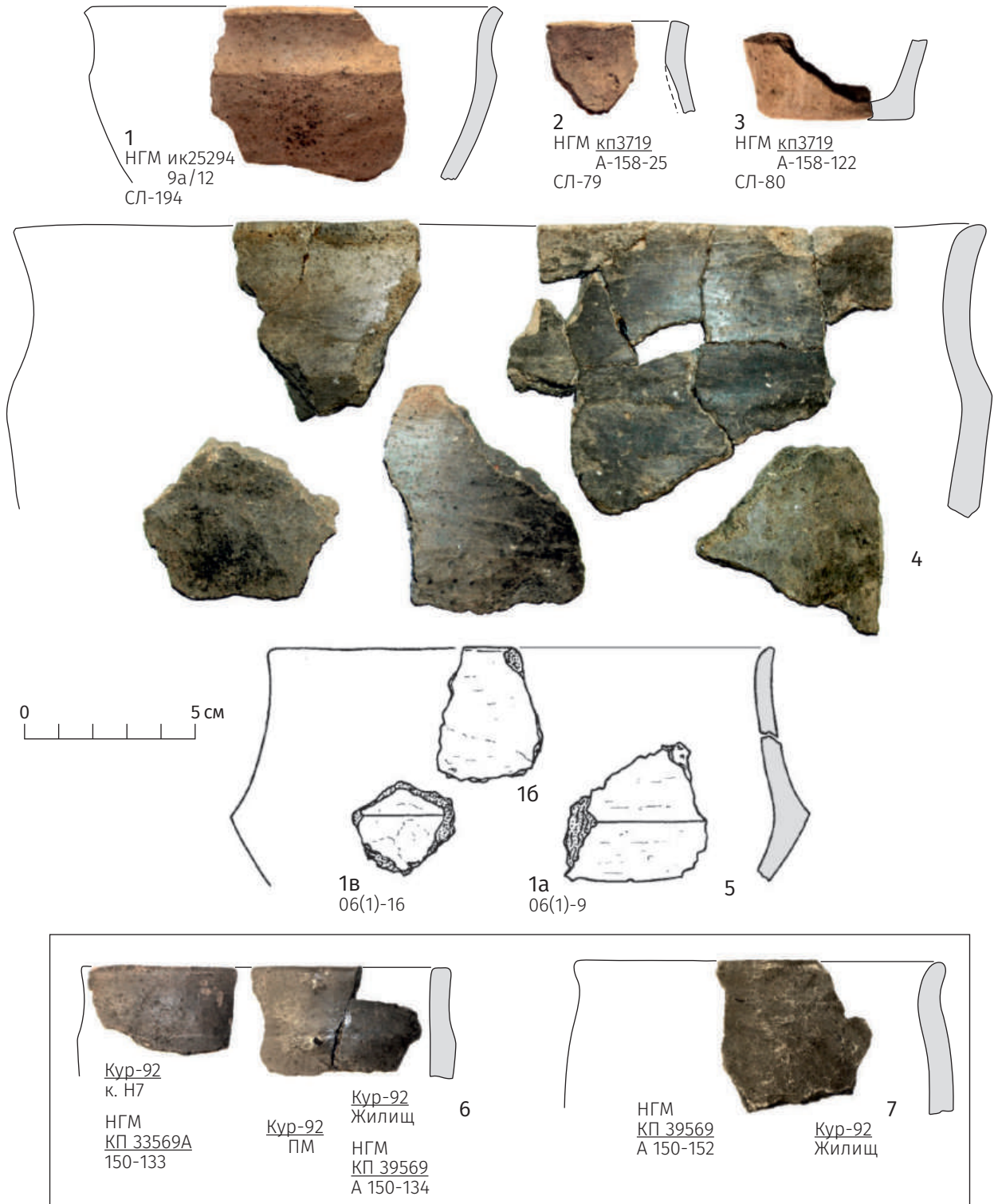
традиции переплетаются и сосуществуют в одних и тех же микрорегионах, создавая почву для появления керамики «ладожского типа». Уже около середины I тыс. н. э. появляются поселения, где эта керамика начинает играть заметную роль (городище и селище Бураково). В последней четверти I тыс. н. э. на месте бытования вышеописанных разнородных традиций возникает единая традиция керамики «ладожского типа». Она не получает здесь широкого распространения, в отличие от Новгородского региона. Тем не менее, она присутствует повсюду (рис. 420), где проводились раскопки (Лукомль, Витебск, Горяне, Усвяты, Городок на Ловати, Гнёздово). Наиболее заметное место реберчатая керамика занимает в керамическом комплексе Полоцка и Городища на Ясельде.

Поскольку обычай изготовления керамики «ладожского типа» уходит корнями в древности Днепровско-Двинско-Неманского междуречья, становление

Рис. 407. Лощеная и подлощенная реберчатая керамика с поселений Подвинья и Днепро-Двинского междуречья. 1 – селище Ермошино, постройка 1 (Лопатин, Фурасьев 2007); 2, 3 – селище Узмень (Лопатин, Фурасьев 2007); 4, 5 – городище Лепель-3 (Харітановіч 2011); 6, 7 – селище Микулино (Шмидт 2014)

Рис. 408. Лепная лощеная керамика на городищах Центрального Приильменья. 1–3 – Городище Сельцо I. Раскопки С. Н. Орлова (1 – 1968 г.; 2, 3 – 1984 г.); 4, 5 – Городок на Маяте; 6, 7 – лощеный и заглаженный фрагменты из жилища, открытом на селище Курская Гора в 1992 г.

этой традиции в Новгородской земле вряд ли следует связывать с Поволховьем, где до сих пор не обнаружено памятников древнее VII в. (Рюриково Городище 2). Надо полагать, что керамика «ладожского типа» вырабатывалась и завоевывала позиции в керамическом ком-

плексе славянского населения южнее — скорее всего в Центральном Приильменье. Именно там открыты памятники, которые можно связать с выходцами из указанного региона на юге (Городок на Маяте, Бронница, Сельцо I, Городок на Шелони, Прость).

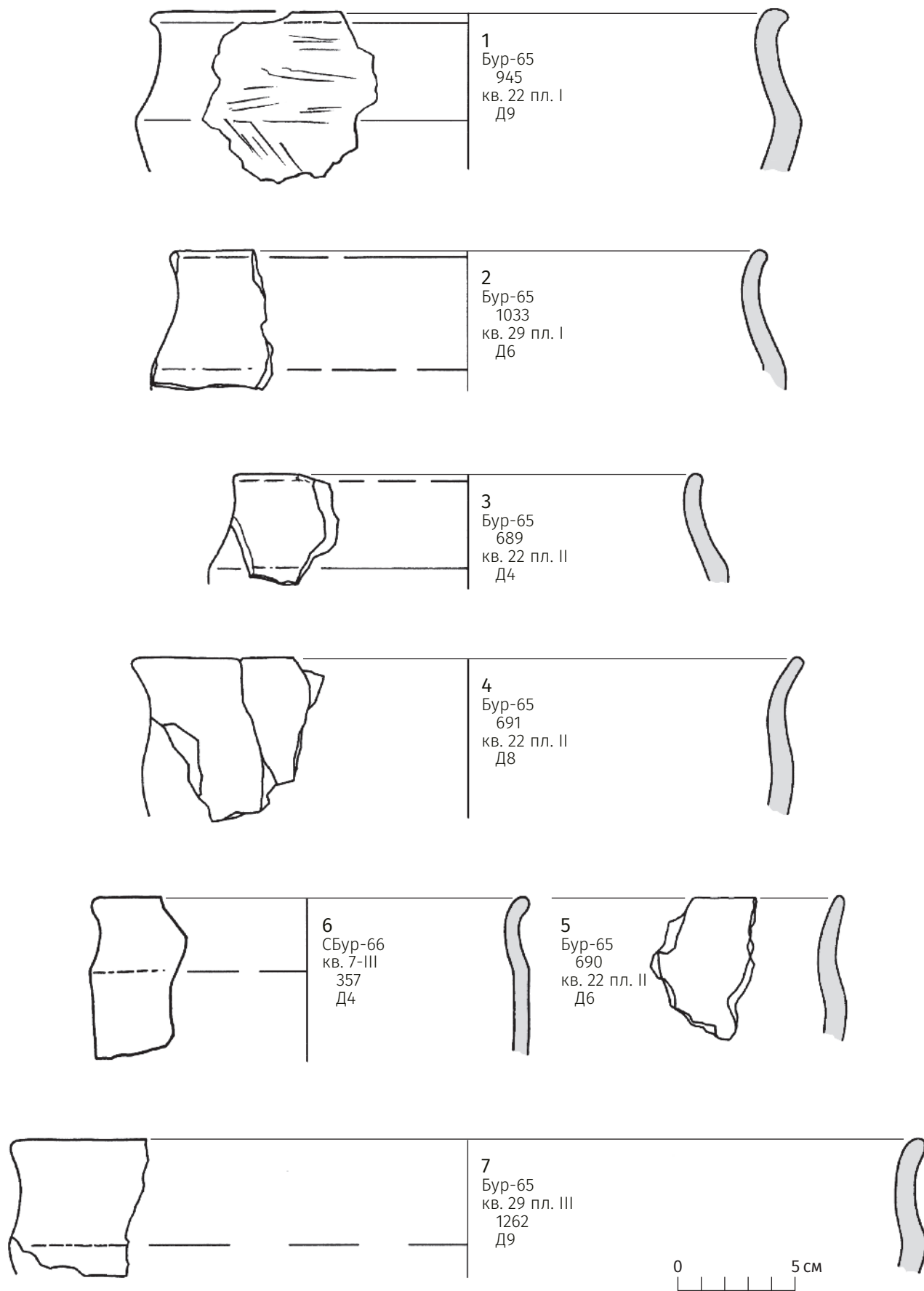
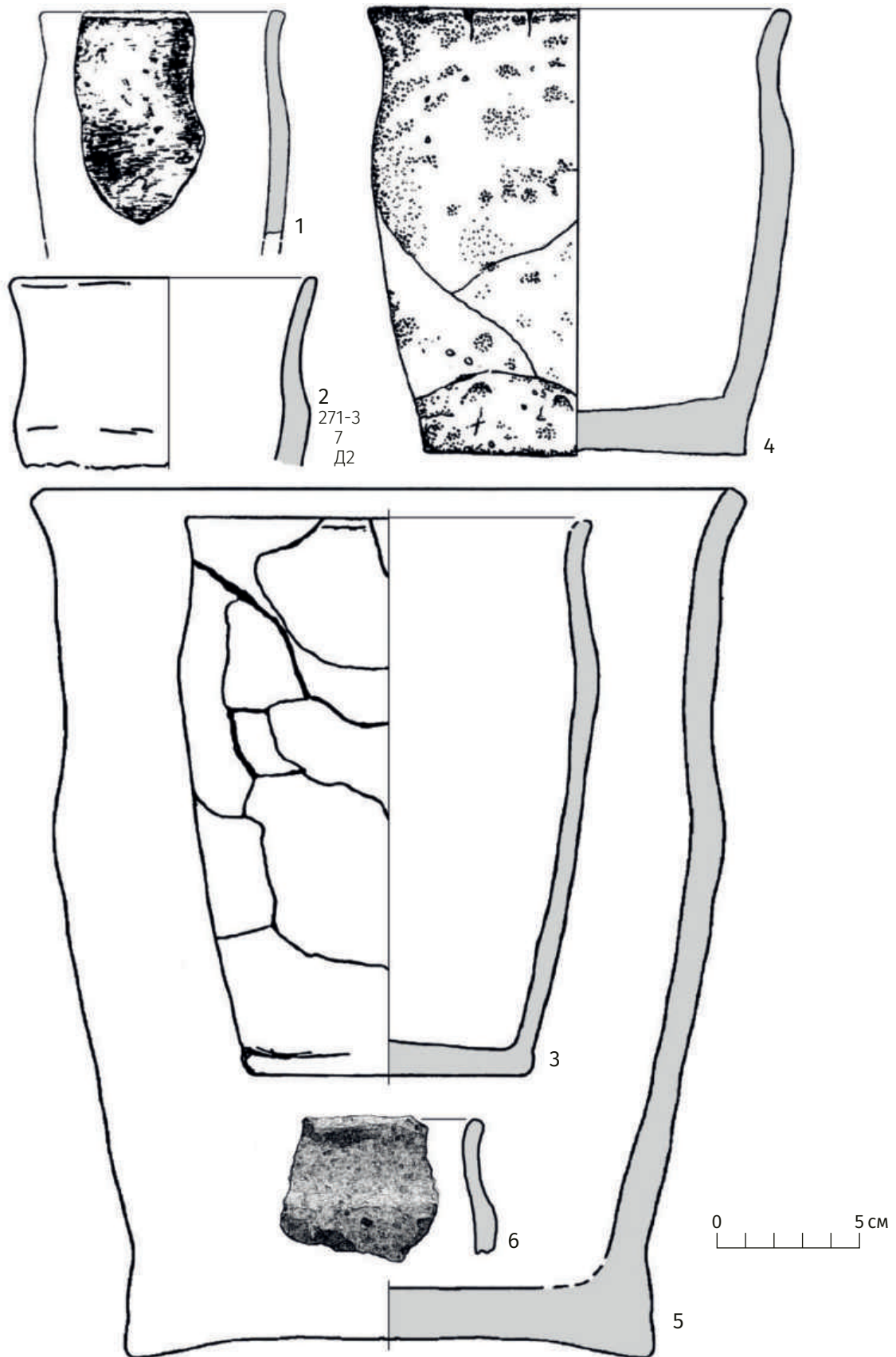

Рис. 409. Бураково. Реберчатая керамика с городища (1–5) и селища (6, 7) (Лопатин, Фурасьев 2007)

Рис. 410. Биконические реберчатые лепные сосуды из Псковско-Белорусского Подвинья и Двинско-Ловатского междуречья. 1 – Казиново, городище (Колосовский, Штыхов 2005); 2 – Мосты, мастерская (Лопатин, Фурасьев 2007); 3 – Фролы, погр. 8 (Лопатин, Фурасьев 2007); 4 – Городище, погр. 1 (Плавинский 2017); 5 – Новоселки, курган 35/23 (Плавинский 2017); 6 – Жабино, городище (Станкевич 1960: рис. 68: 1)

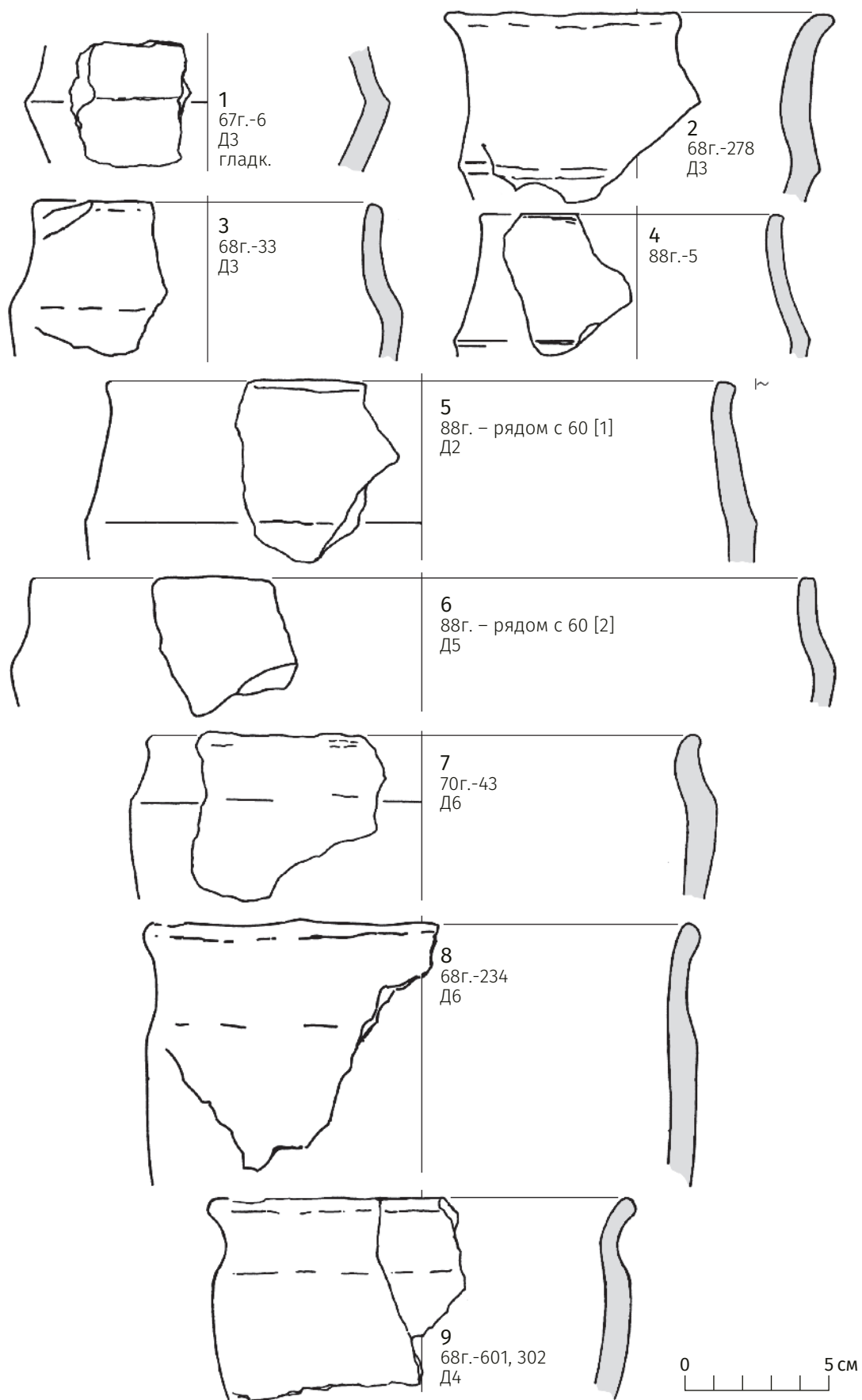

Рис. 411. Реберчатые лепные сосуды с селища Узмень (Лопатин, Фурасьев 2007)

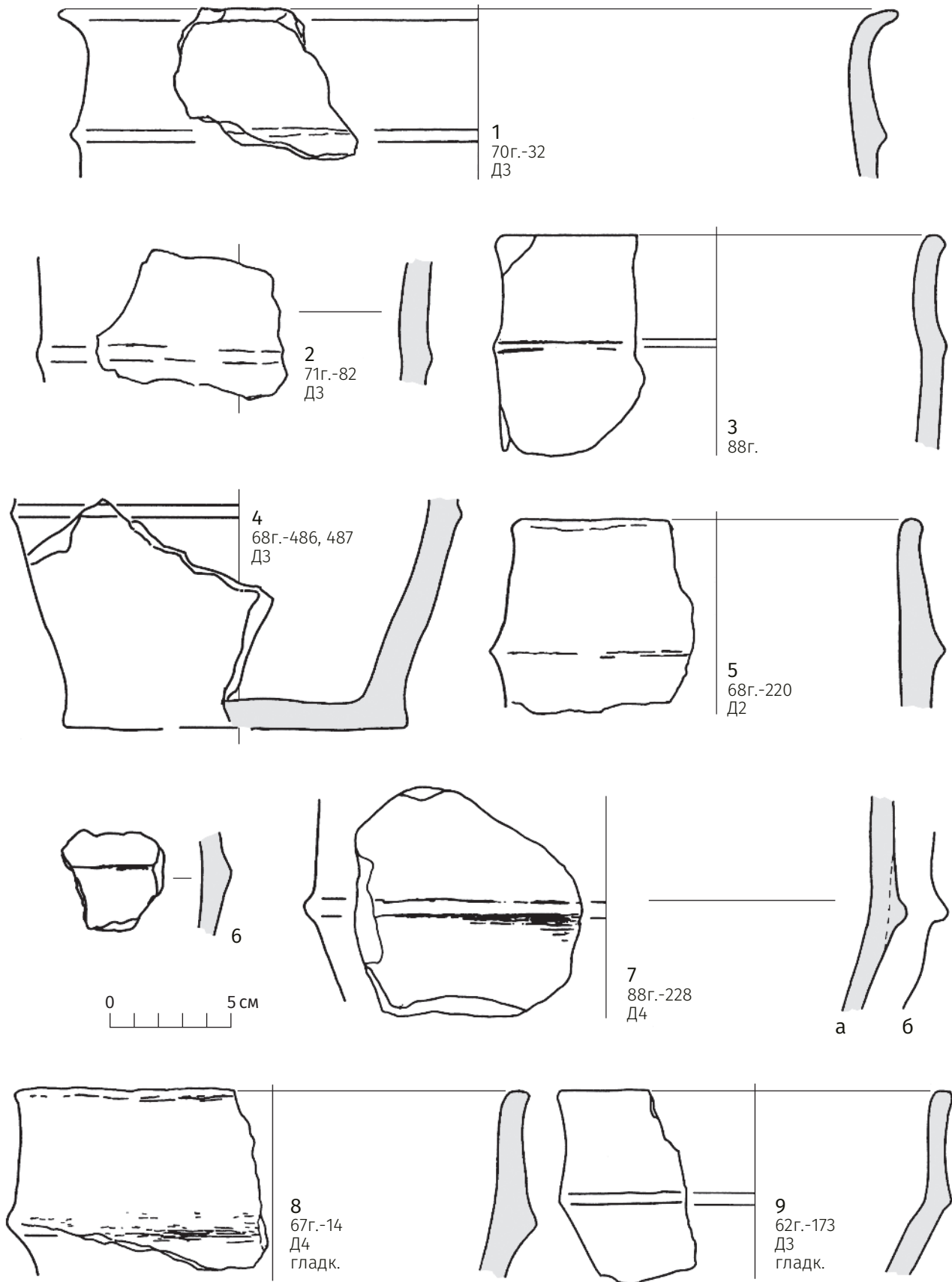
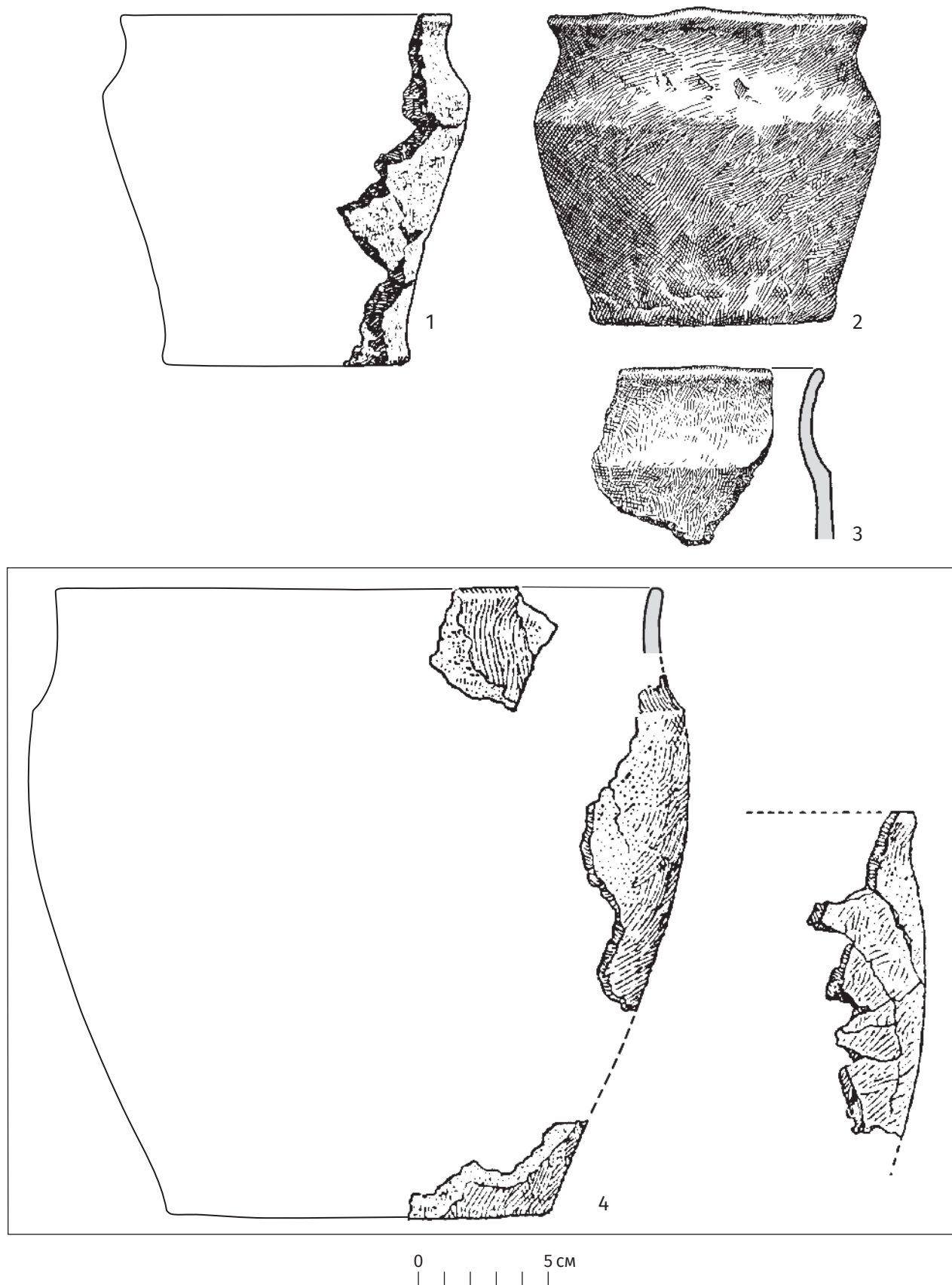

Рис. 412. Лепные сосуды с выступающим острым ребром на перегибе тулова 1–8 – селище Узмень (Лопатин, Фурасьев 2007); 9 – Дедиловичи, постройка 2 (Лопатин, Медведев 2002)

Рис. 413. Реберчатая лепная керамика из смоленских длинных курганов. 1 — Рудня, курган № 1 (Ляўданскі 1930а); 2 — Вязовенька, курган № 3 (Ляўданскі 1930б); 3 — Вязовенька, курган № 2 (Ляўданскі 1930б); 4 — Старое Село, лесная группа, курган № 1 (Ляўданскі 1930). Один из немногих комплексов КСДК, в которых слабопрофилированный и реберчатый сосуды зафиксированы вместе

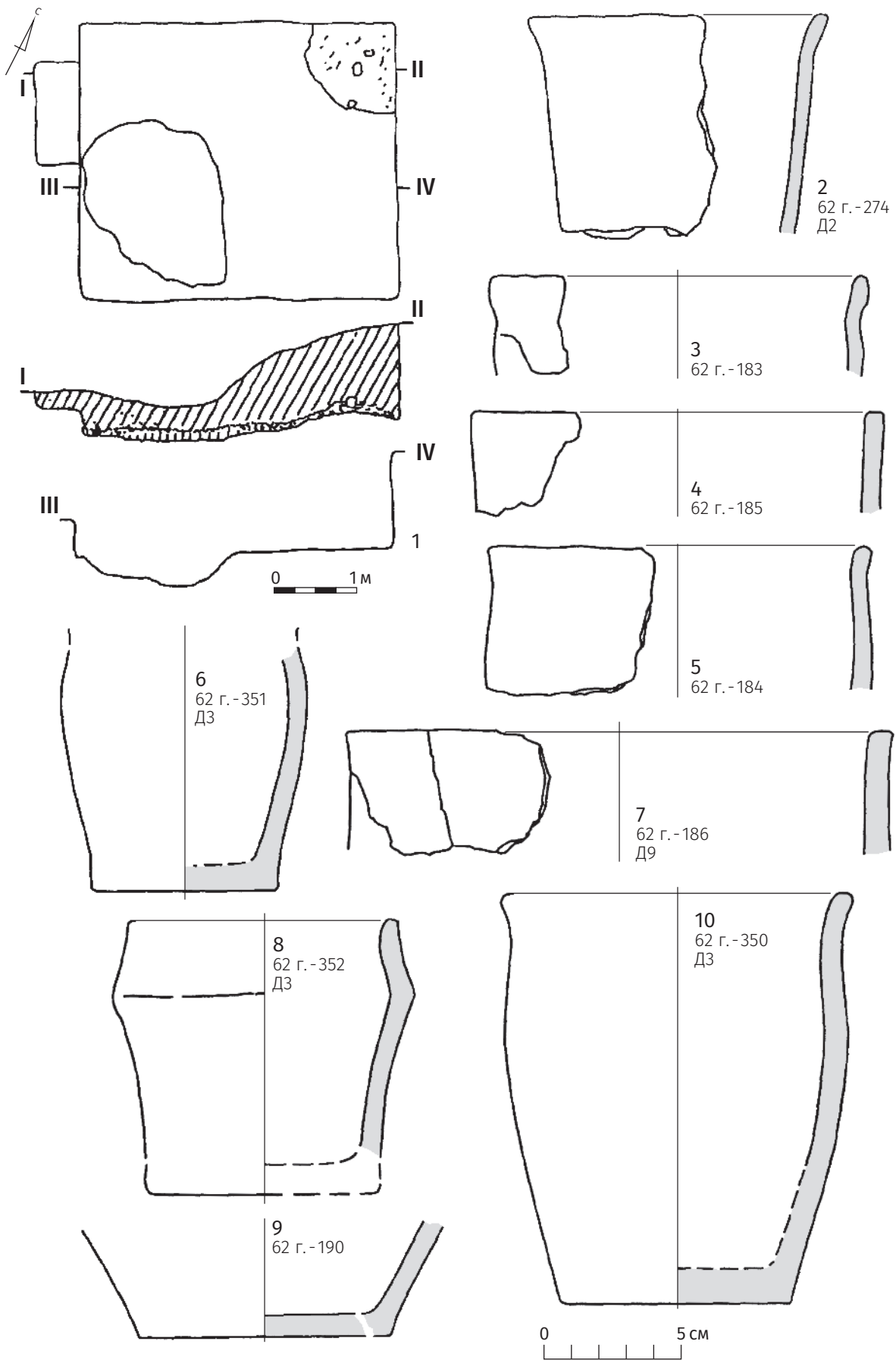

Рис. 414. Дедиловичи. Керамический комплекс из постройки 5 (Лопатин, Медведев 2002)

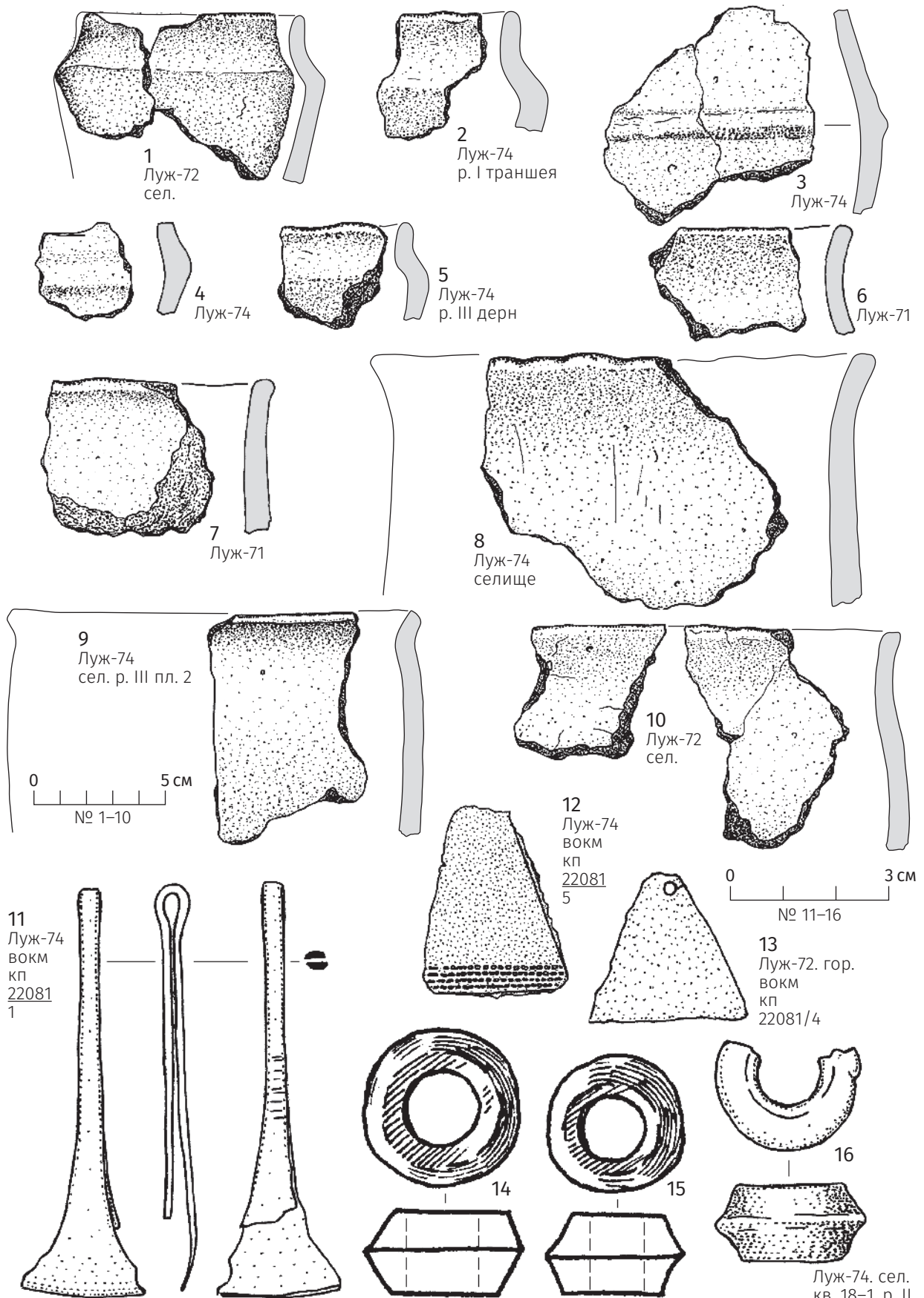
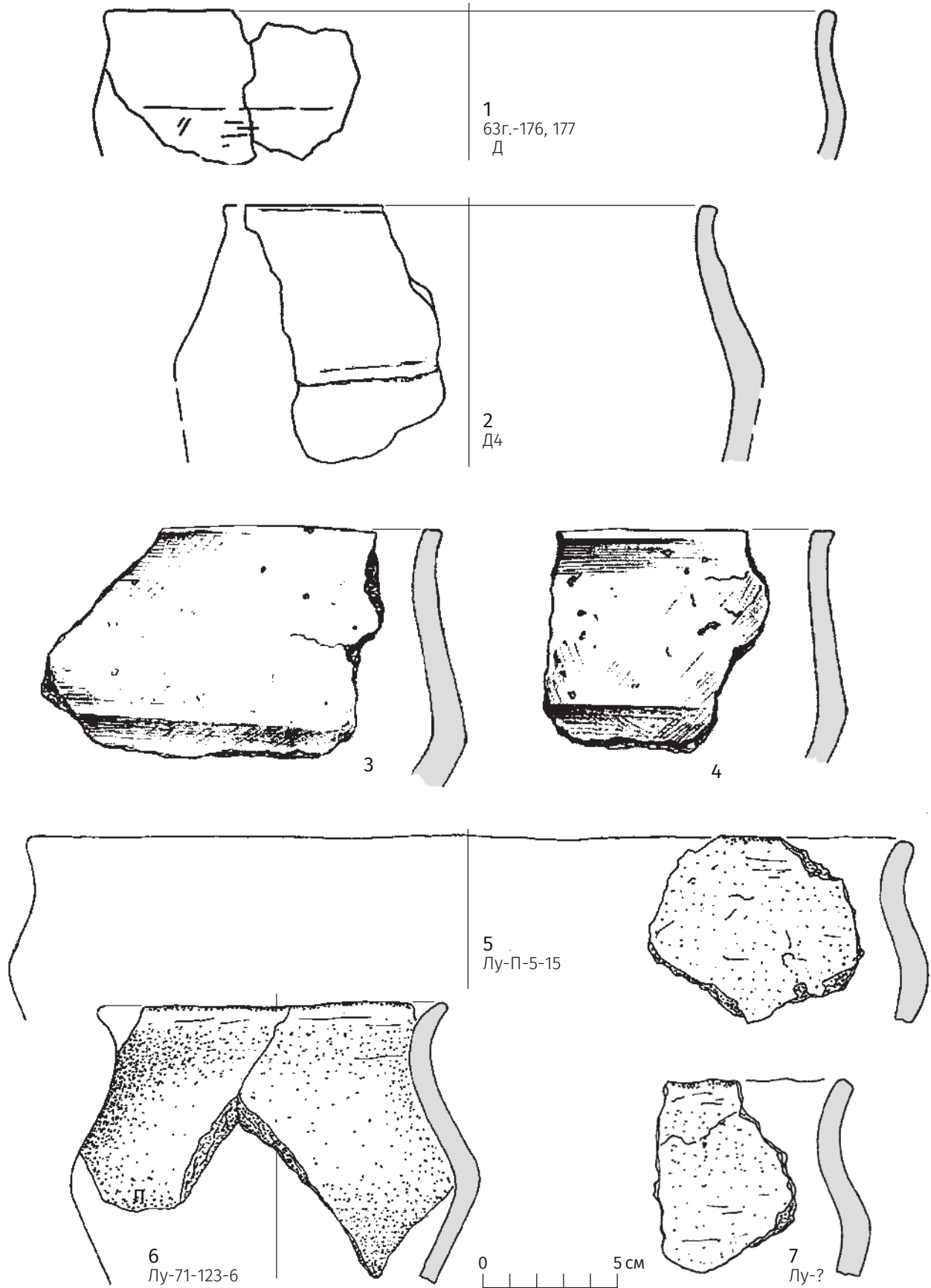
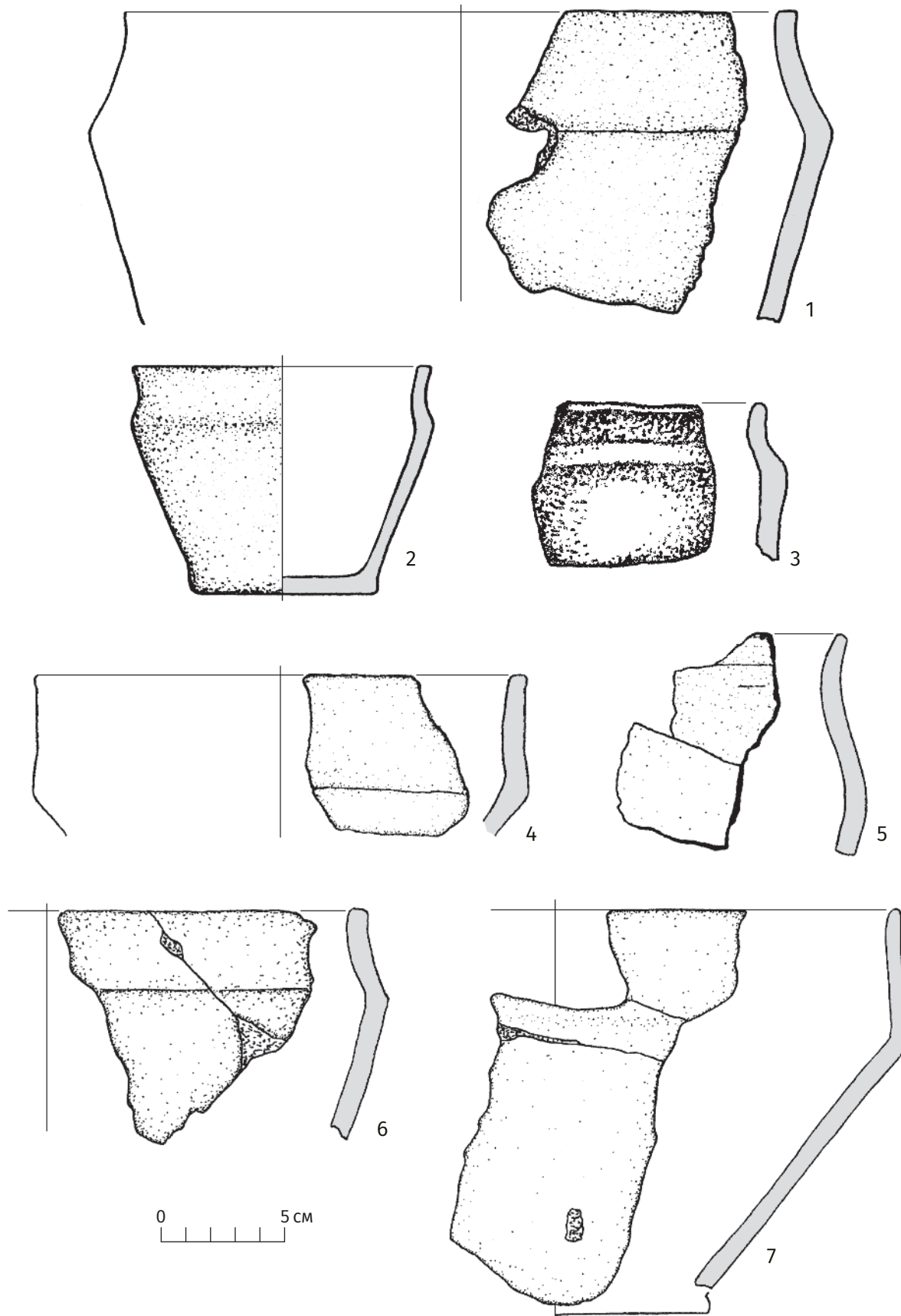

Рис. 415. Городище и селище Лужесно. Реберчатая (1, 2) и биконическая (3, 4) лепная керамика в общем контексте керамического комплекса и находок

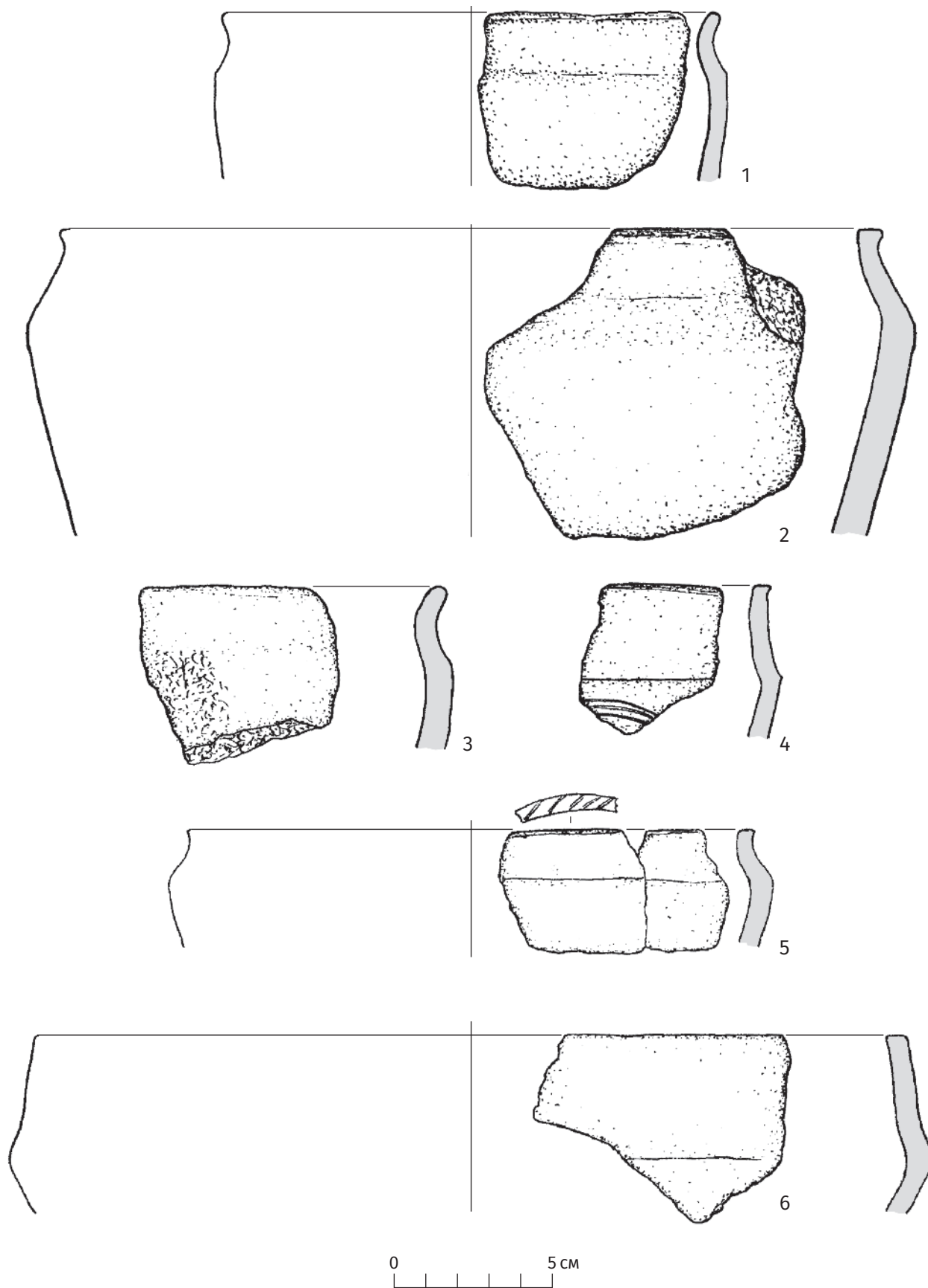

Рис. 416. Реберчатые лепные гладкостенные сосуды на памятниках второй-третьей четверти I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье. 1 – Дедиловичи (Лопатин, Медведев 2002); 2 – Орляки (Фурасьев 2002); 3, 4 – Клишино (Шадыра, Махнач 2009); 5–7 – Лукомль

Рис. 417. Реберчатая лощеная (1–5) и гладкостенная (6, 7) керамика на западной периферии банцеровской культуры и на поселениях позднего этапа культуры штрихованной керамики в Верхнем Понеманье. 1–3 – Медведев 1996; 4 – Зверуго, Медведев 2006; 5 – Плавінскі, Сцяпанав 2019; 6, 7 – Медведев 2003; 1 – Кашеличи; 2 – Горани; 3 – Засвирь; 4 – Никольцы; 5 – Кастыки; 6, 7 – Красное

Рис. 418. Реберчатая гладкостенная керамика на западной периферии банцеровской культуры в Верхнем Понеманье. Селище Никольцы (1–4 – Зверуго, Медведев 2003а; 5, 6 – Зверуго, Медведев 2003)

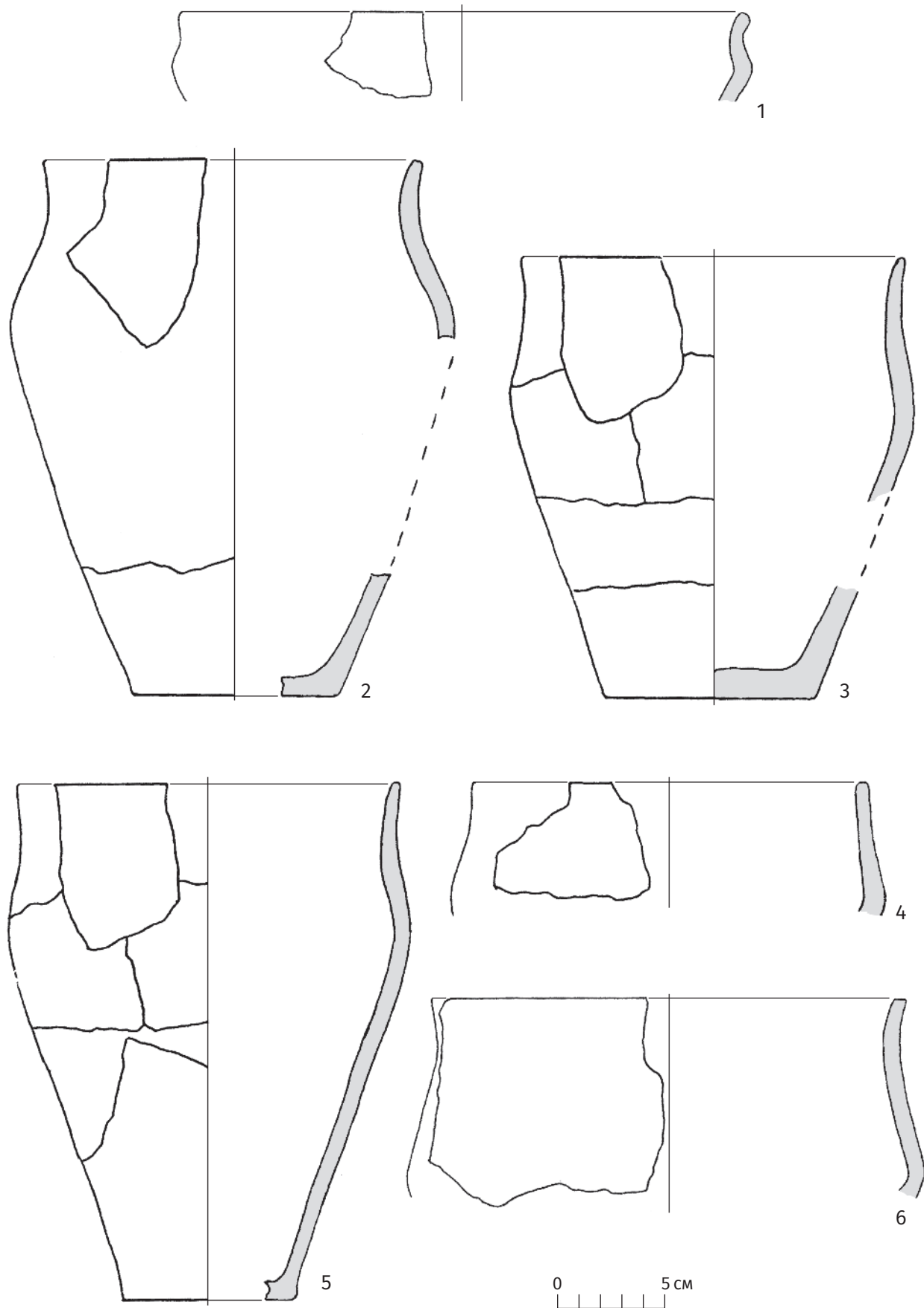

Рис. 419. Лепная керамика со сглаженным ребром с поселения Петриков-2 (Вяргей, Трымер 2003)

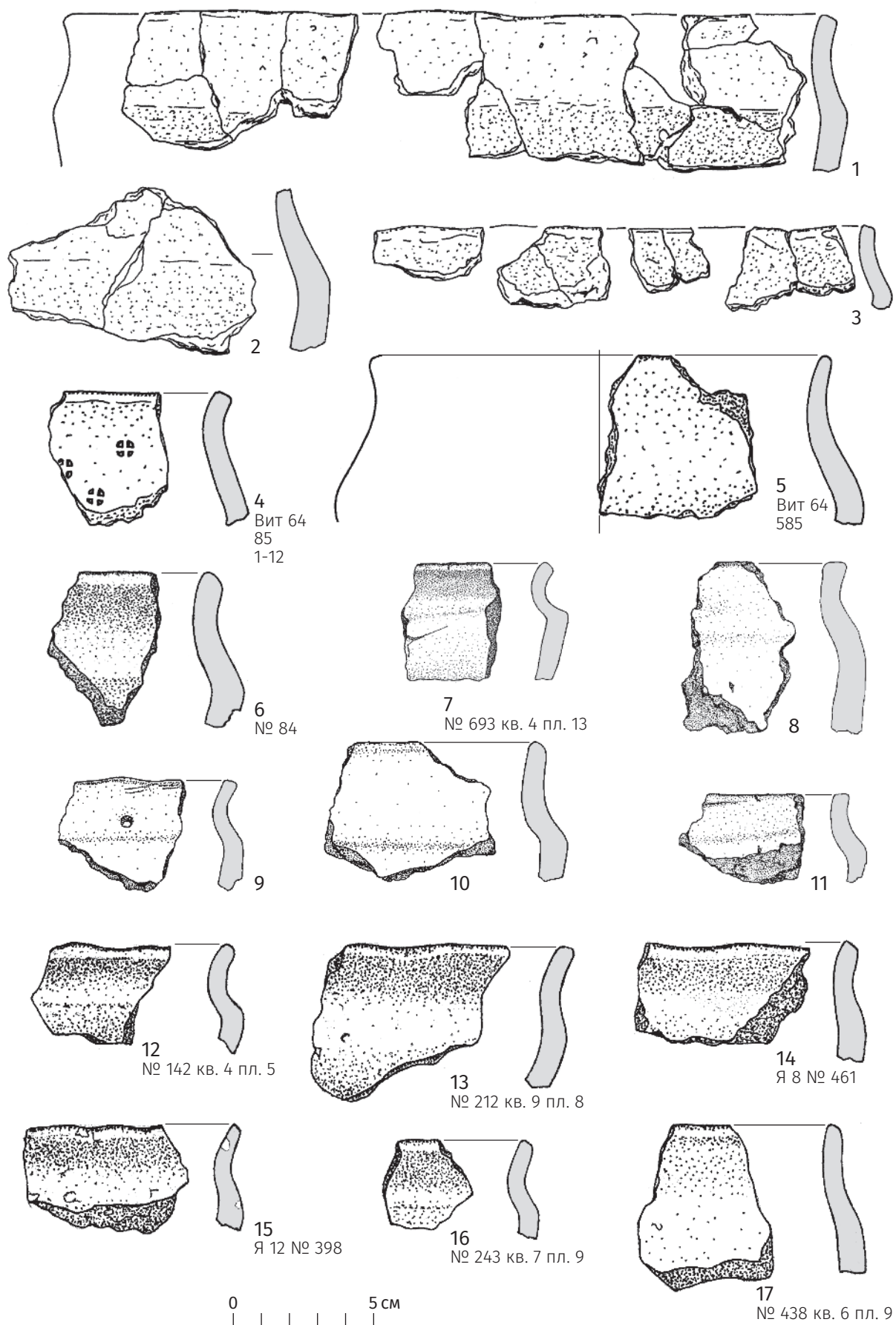

Рис. 420. Реберчатая керамика на поселениях Подвинья IX–X вв. 1–3 – Горяне; 4, 5 – Витебск; 6–17 – Полоцк

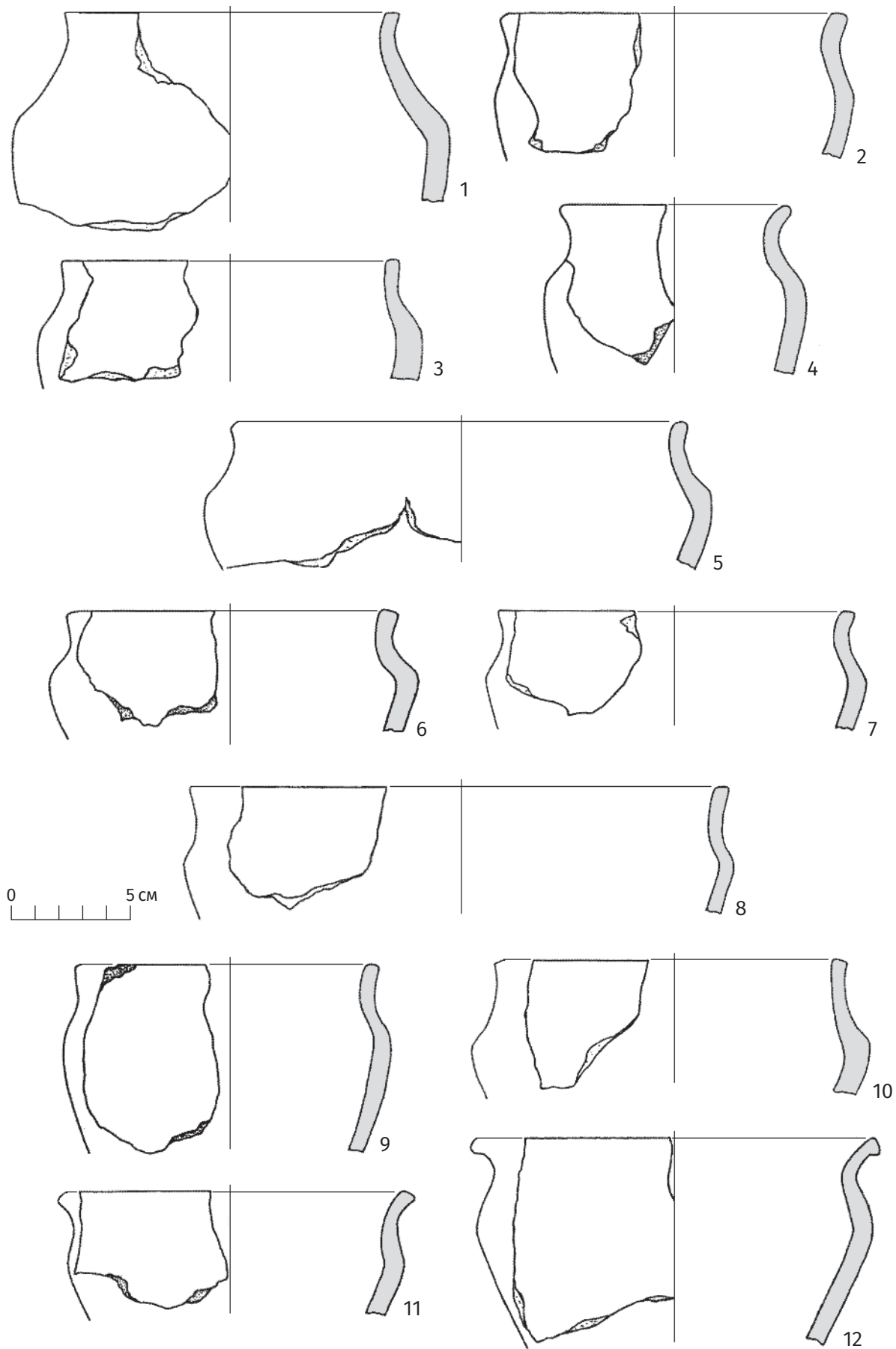

Рис. 421. Реберчатая лепная керамика Городища на Ясельде (Юу, Вяргей 2012)

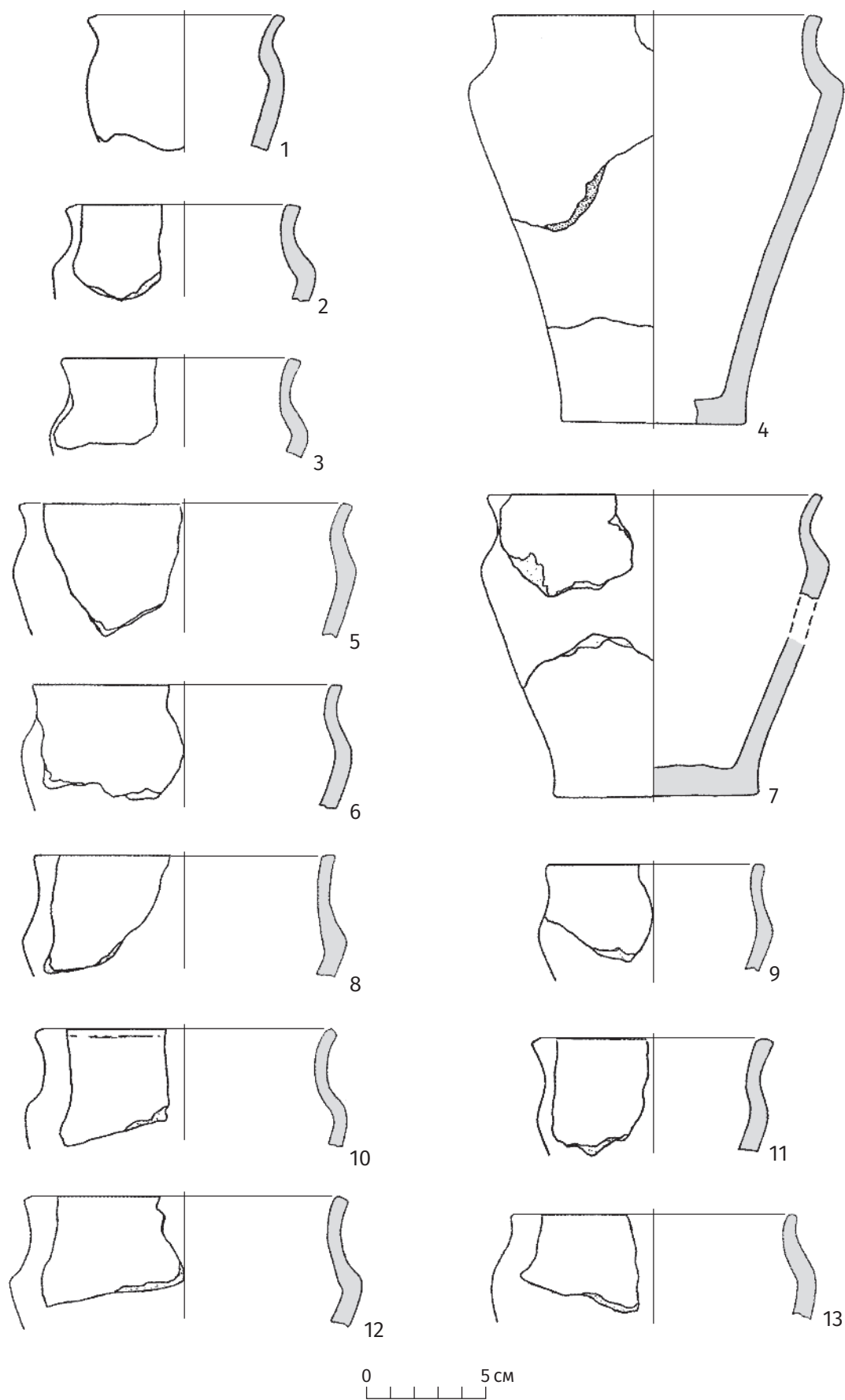

Рис. 422. Реберчатая лепная керамика Городища на Ясельде (Юй, Вяргей 2012)

4.7. О польско-поморской концепции славянизации Северо-Запада России

Мысль о приходе раннесредневековых славян в пределы нашей страны с Запада пользовалась значительной популярностью на том этапе развития науки, когда фактические данные о древних славянах черпались преимущественно из филологических материалов, точно не определяемых по времени и плохо локализуемых на географической карте.

П.Н. Третьяков.

По следам древних славянских племен¹⁸⁸

В основе западнославянской версии заселения Приильменья лежит эшелонированная система взглядов, изложенная в обобщающих трудах А. А. Зализняка, С. Л. Николаева, В. Л. Янина, увязанных с фундаментальными работами В. В. Седова 1970–2000-х гг.¹⁸⁹ Хотя сейчас хорошо видны слабые места в археологической аргументации этих авторов, опровергнутые, например, работами Н. В. Лопатина 1990–2000-х гг. (см. также: Curta 2004: 126), все равно критическое рассмотрение идеи западнославянской колонизации Приильменья требует огромной работы. Критика лингвистов, совершающих экскурсии в археологию, дается археологу легко. Неправомерность «отождествления диалектов с керамикой» (об этом, например: Николаев 1994: 35) сейчас очевидна. Совсем иначе обстоят дела, когда археологи делают заключения, основываясь на выводах лингвистики, дополняя их археологической аргументацией. Последнюю можно критиковать, но, вспахав этот верхний слой, археолог неизбежно разобьется о скалу недоступного ему во всей полноте языковедческого анализа. В ожидании грядущего синтеза наук на новом уровне, попробуем сформулировать некоторые вопросы к лингвистам.

Гипотеза о западнославянском происхождении новгородских словен и кривичей увязана в историографии с варяжской проблемой. Но прежде, чем спор о происхождении руси и варягов приобрел известное ожесточение в советское время, мало кому из историков приходило на ум выводить новгородцев из области низовьев Эльбы и Вислы¹⁹⁰. История двух ветвей славянства — восточной и западной в историографии традиционно разделялась. Несмотря на то, что взгля-

ды исследователей на прародину и хронологию миграций славян могли расходиться, по поводу географии финального их выдвигания к Ильменю господствовало относительное единодушие — это движение происходило из той или иной области междуречья Днепра и Вислы через Верхнее Поднепровье, т. е. скорее с юга на север, чем с запада на восток (Соловьев 1959: 93; Ключевский 1923: 125–127; Середонин 1916: 124, 137–141; Спицын 1922: 7; Пресняков 1993: 272; Довнар-Запольский 2011: 22, 23; Любавский 1996: 86; Мавродин 1945: 80–81; Филин 2010: 147, 158, 159; Udolph 1981: 331, Karte 2). Ведущую роль этому движению с юга отводил и А. А. Шахматов, хотя в его представлениях, основанных на данных лингвистики, южная колонизационная волна где-то в Озерном крае столкнулась в начале IX в. с «ляшской» и увлекла ее на север (Шахматов 1915: 318, 325, 329; 1919: 39, 42)¹⁹¹. В рассуждениях А. А. Шахматова таился уже зародыш «западнославянской» концепции основания Новгорода. Впрочем, воззрения А. А. Шахматова на процессы колонизации отличались большой сложностью. За ним следовал А. А. Спицын (взгляды его на вопрос тоже были очень неустойчивы), писавший о привислянском или поморском происхождении кривичей (Спицын 1917: 18). Эти представления о западнославянской («ляшской») колонизации Европейской России подпитывались известным пассажем ПВЛ о радимичах и вятичах.

Особое направление мысли выделилось позднее. Оно возникло на волне послевоенного автохтонизма и сначала казалось многим современникам необоснованным и недолговременным его порождением. Возникла идея, что в ареал славянской «прародины» следует включать Верхнее Поднепровье и некоторые сопредельные территории (Третьяков 1953: 83–86). В дальнейшем постепенно накапливался археологический материал, подтверждающий взгляды П. Н. Третьякова, хотя, конечно, с коррективами (многие поправки внес он сам в финальных трудах). Таким образом, все больше исследователей начали склоняться к мысли о возможности поиска славянской прародины (или ее части) в круге «городищенских» культур междуречья Немана, Днепра и Западной Двины и на сопредельных территориях (Вернер 1972: 114; Godłowski 1979: 22; 2000: 124, 125; Третьяков 1982: 56, 69, 88–91; Шукин 1987: 115; 1989: 59–62; Мачинский 1989: 129; Лебедев 1989: 114; Шувалов 1991: 32; Лопатин 1997: 174, 175; Терпиловский 2002: 421, 424, 425, 428; 2004: 93; Терпиловский 1994: 77).

¹⁹¹ О взглядах А. А. Шахматова заставляет вспомнить также концепция Ю. Удольфа, намечающего два колонизационных потока, смешавшихся в Озерном крае: один по линии Орша — Ильмень, второй — по направлению Динабург — Гдов (Udolph 1981: 332).

¹⁸⁸ Третьяков 1982: 23.

¹⁸⁹ См. доклад В. В. Седова с комментариями В. Л. Янина (Седов 2003).

¹⁹⁰ Наиболее известным сторонником западнославянской концепции был В. Б. Вилинбахов, взгляды которого не пользовались популярностью (Вилинбахов 1962, там литература).

4.7.1. «Западнославянское» происхождение новгородцев и варяжский спор

По мере изучения Новгорода, наряду с «днепровской» концепцией, к концу 1980-х гг. стало чаще звучать предположение о «западнославянском», точнее южнобалтийском, происхождении новгородцев. Аргументы начал суммировать, как известно, В. Б. Вилинбахов (1962). Основой для новых выводов послужили исследования языка берестяных грамот. Выяснилось, что существенные отличия древненовгородского (или севернокривичского, поскольку во Пскове ситуация схожая) диалекта (в первую очередь в нем отсутствуют следы второй палатализации — смягчения заднеязычных согласных перед гласными переднего ряда) от других восточнославянских говоров позволяют напрямую возводить его к праславянской эпохе (Зализняк 1986: 111–117, 217, 218; 1988: 97–99; 1993: 195–197; 1995: 36, 37). Появился, как будто аргумент против гипотезы о миграции славян в Приильменье с юга, из южной части междуречья Днепра и Вислы.

Древненовгородский диалект находит близкие параллели в западнославянских (лехитских) диалектах на современной территории Северной Польши (Зализняк 1988: 99; Николаев 1990: 62; Янин 2007: 207). Факт, установленный А. А. Зализняком, можно было расценивать как свидетельство длительной изоляции славян псковского региона (части кривичей?) и каких-то групп словен новгородских от основного восточнославянского массива. Надо отметить, что А. А. Зализняк был очень осторожен в исторических объяснениях открытого им феномена, стремясь не выходить за рамки лингвистики (Зализняк 2004: 154). Категоричный историко-археологический вывод из наблюдений А. А. Зализняка был сделан именно археологом В. Л. Яниным: «искать исходный пункт движения славян, получивших имена «кривичей» и «новгородских словен», на земли будущих Пскова и Новгорода следует в областях, прилегающих с юга к Балтике» (Янин 2004: 79). Движение словен и кривичей на Ильмень, по мнению В. Л. Янина, происходило под воздействием «немецкой экспансии» через области Пруссии (Янин 2003: 80; 2004: 24).

Гипотеза прочно вошла в археологию, но в довольно неопределенном виде. Тезисные утверждения о появлении в Приильменье в VIII в. славян из Польского Поморья можно отыскать в трудах Е. Н. Носова (Носов 1988: 38). С. В. Белецкий в том же стиле связывает со славянским Поморьем обитателей Труворова Городища VIII–IX вв. (Белецкий 1996: 77). В работах Р. В. Терпиловского, наряду с продуманными концепциями славянского культурогенеза в лесостепной и в южной части лесной зоны (с опорой на тщательно проработанный археологический материал), идея западнославянской миграции как основы древнерус-

ской культуры на Северо-Западе присутствует в тезисном виде вовсе без ссылок на какие-либо источники, как аксиома (Терпиловский 2002: 429). Западнославянская колонизация долгое время не рассматривалась в историографии в прямой связи с варяжской дискуссией. Между тем, эта идея напрямую смыкается с комплексом гипотез о западнославянском происхождении Рюрика. Именно этим исследовательским направлением и востребована сейчас польско-поморская концепция славянизации Северо-Запада (Фомин 2005: 453; 2013: 53).

Как бы то ни было, дело оставалось за малым — за определением «исходного пункта» в западнославянском мире, где должны найтись событийные причины миграции, параллели домостроительству, фортификации, керамике, украшениям и орудиям, погребальному обряду ильменских славян. И чтобы не бежать впереди «лингвистического паровоза», этих последних еще требовалось отыскать.

4.7.2. Отсутствие исторических причин для славянской миграции из Польского Поморья на восток в VIII–IX вв.

Как менялась северо-западная граница славянского мира? Палеоботанические исследования указывают на снижение земледельческой активности в междуречье Эльбы и Одера и в ряде соседних регионов в третьей четверти I тыс. н. э. (Wiethold 1998: 195, Abb. 2; Dulnicz 2001: 206; Brather 2004: 318; Willroth 2011: 9; Шнеевайс 2017: 270; Jans et al. 2018). На этой территории поселения, которые можно связывать со славянами, продвигнувшимися, как полагают, двумя потоками — вниз по Эльбе и через Польшу (Godtowski 2000: гус. 15; Udolph 2016: 224), представлены в археологическом материале только со второй половины VII в. Считается, что в предшествующем V — первой половине VII в. большинство германского населения уходит из междуречья, но устойчивая славянская система расселения еще отсутствует (Dulnicz 2001: 207; Brather 2004: 318; Шнеевайс 2009: 247; 2017: 270; 2019: 53–54).

В междуречье Одера и Эльбы со славянами связывают древности пражского и суковского типа, имеющие много общих черт (Goßler, Kinkeldey 2011; Glaß, Goßler, Kinkeldey 2013). Первые славянские городища тут возникают, видимо, около рубежа VII и VIII вв. (Brather 2004: fig. 2; Jöns 2006: 118). VIII в. здесь представляется как период относительно спокойного расселения славян в западном и северо-западном направлении, где только в конце указанного столетия они входят в соприкосновение с франками, что находит отражение в письменных источниках (Доннерт 1988).

Надо полагать, что хронология выхода славян к Балтике (VII в.) одина для обоих берегов Одера. Славянские древности области Нижнего Повисленья

и Польского Поморья также представлены древностями типа Суков-Дзедзицы, причисляемыми к локальным вариантам пражской культуры (Русанова 1976: 138–152; Parczewski 1988; Гавритухин 2009: 15; Messal, Rogalski 2012: 89) и, действительно, обнаруживают целый ряд параллелей с древностями VII–IX вв. словенско-кривичского региона в керамике и в домостроительстве (Лебедев 2005: 436; Dulnicz 2001; Messal, Rogalski 2012: 94, 95).

Сложно ответить на вопрос о возможных миграциях на восток из этих областей современной Польши. Дело в том, что в VII–IX вв. они были одной из самых спокойных земель славянского мира, совершенно не тревожимых наиболее опасными внешними врагами — франками, саксами, аварами и пр. Исключение могли составлять разве что конфликты с балтами и походы викингов IX в., о которых в этом регионе мало что известно. Поэтому внешний толчок для миграции отсюда не очевиден. А как же археологическая аргументация?

4.7.3. Домостроительство — глинобитные печи

Гипотеза о наличии культурных связей приильменских словен с балтийскими славянами была острожно поддержана Е. Н. Носовым. Аргументация сводилась к указанию на параллели хлебным печам Рюрикова Городища в Гданьске и Щецине (Носов 1990: 164). Вряд ли это наблюдение можно признать убедительным. При внимательном обзоре селищ и городищ между Днепром и Ладогой на многих из них обнаруживаются остатки глинобитно-бульжных отопительных устройств для приготовления пищи. Проблема лишь в том, что при плохой сохранности напластований (обычно это сухой культурный слой) и в силу пластичности глины эти сооружения предстают в раскопах в виде глинистых линз с комками обожженной глины и включениями бульжников, а то и в виде измельченных кусочков обожженной глины.

Множество глинобитных печей открыто на Изборском городище (Седов 2007: 59–67). Глинобитные печи известны на Псковском городище (Белецкий 1980: 10) и на городище Камно в VIII–X вв. (Белецкий 1996: 49; Плоткин А-1973: л. 7; Закурина А-2011: л. 38–39), в Старой Ладого в слое X в. (Петренко А-1977: л. 8–9, рис. 26), на городище Надбелье (Кузьмин 2000: 96) и в Ильменском Поозерье на городище Георгий (Орлов А-1958: рис. 7), на нескольких участках селища Прость (Орлов А-1961: рис. 26, 27; Орлов А-1979: л. 2, 3, рис. 3). Глинобитная печь обнаружена в верхнем слое городища Сельцо I, на краю его площадки (Орлов А-1984: л. 4, рис. 8). Слой датируется VIII — началом X в. Остатки глинобитного отопительного сооружения («округлое пятно зольно-углистой массы с обожженной глиной») предположительно открыты С. Н. Орловым

в предматериковом слое городища Княжая Гора (Орлов А-1977: л. 21, рис. 15). Лепная керамика, найденная в этом сооружении, относится к группе 1 и датируется VIII–X вв. (Орлов А-1977: рис. 32: 1).

Далее к югу глинобитные печи в наземных постройках открыты в Верхнем Подвинье на селищах Заозерье (Шмидт А-1983: л. 12, 13, рис. 10; Шмидт 2008: 97, 105, табл. 59) и Горяне (Еремеев, Дзюба 2010: 344). Датировка печей из Заозерья не вполне понятна, поскольку они найдены в культурном слое, содержащем, помимо материалов позднеимского времени, как тушемлинскую керамику, так и керамику КСДК. На других поселениях V–VII вв. (в КПДК и КТБ) глинобитные печи не встречаются, что позволяет и печи из Заозерья датировать VIII–IX вв. В Горянах глинобитные печи датированы VIII–IX вв. наиболее основательно — серией стеклянных бус и радиоуглеродных датировок. Здесь же, на западной Двине, глинобитная печь VIII–X вв. открыта на городище Кордон (Левко и др. 2019: фото 76). Упомяну об открытии глинобитной печи на селище Зазоны в Браславском Поозерье (Егорейченко 2011). Глинобитная печь XII в. исследована в 2019 г. в детинце Усвята, а следы более ранней подобной печи открыты на посаде в слое X–XI вв. (Еремеев 2015: 304). Часть перечисленных печей связана с жилыми постройками, а часть (в Горянах и, вероятно, в Усвятах) — скорее всего, с хозяйственными, очень небольшими по размерам. На многих памятниках (Георгий, Сельцо I, Усвят) трудно определить характер помещения, в котором находились печи.

Как видим, традиция использования глинобитных печей в VIII–X вв. охватывает весь кривичский ареал, сохраняясь и в древнерусское время. Если она и была привнесена на Северо-Запад извне, то южная версия — из Белорусско-Смоленского Поднепровья и Подвинья — выглядит более убедительно, чем западная. Об этом говорит сводная карта, локализирующая основной ареал этих печей на славянских поселениях в Среднем Поднепровье, на правых притоках Припяти и к югу и юго-западу от них вплоть до левобережья нижнего Дуная и верховьев Эльбы (Симонова 2008: 46–50, рис. 11). Добавлю, что в последней работе, посвященной печам Рюрикова Городища, Е. Н. Носов уже не упоминает о западнославянской версии, отмечая простоту и широкое распространение глинобитных печей у разных восточноевропейских народов (Носов, Хвоцинская 2019: 129).

4.7.4. Фортификация — перекладные деревоземляные конструкции

Перекладные внутривальные конструкции Городца на Луге, возможно, Пскова исследователи одно время пытались объяснить западнославянскими заимствованиями (Лебедев 1977: 117; Белецкий 1980: 13). После раскопок Городка на Маяте (рис. 115) стало по-

нятно, что в Приильменье деревянные внутривальные накатывались самое позднее с первой половины VII в. Возможно, аналогичные конструкции, открытые С. Н. Орловым в Городке на Ловати/Верготи (рис. 88), относятся к позднедьяковскому времени. Все это, в совокупности с параллелями укрепления Городка на Маяте в колочинской культуре (Еремеев, Дзюба 2010: 154–158), убеждает в том, что перекладная техника фортификационного строительства имела в Восточной Европе свои корни.

4.7.5. Керамическое производство — раннегончарные формы с запада

Наиболее результативным оказался поиск западнославянских параллелей в керамических традициях Новгородской земли. Параллели между западными славянами и «новгородцами» отыскивались в раннегончарных комплексах (Горюнова 2007, 2011). Однако эти параллели на Ильмене не опускаются ниже начала X в. (Горюнова 2007: 49–66, 84). Селитебные же структуры вокруг озера возникают значительно ранее этого времени, и гончарная керамика западнославянских типов распространяется в уже сложившейся культурной среде. Несомненно, некоторые традиции гончарства принесли на Ильмень выходцы с запада в первые десятилетия X в., но ничто не говорит о массовой миграции, которая могла переломить уже сложившуюся языковую ситуацию (Горюнова 2011: 236). Новации можно объяснить перемещениями сравнительно немногочисленных ремесленников.

4.7.6. Вопрос об «изоляции» северных славян и некоторые выводы

Концепция А. А. Зализняка, адаптированная к историко-археологическим реалиям В. Л. Яниным и В. В. Седовым, оставляет археолога в недоумении: когда и где возможна была в Восточной Европе изоляция такого значительного, расселившегося по крайней мере от Новгорода до Пскова, массива славянского населения? Кривичи среди летописных славян занимали самое значительное географическое пространство. Где следует провести грань между северными кривичами, носителями древненовгородского диалекта, и кривичами, которых ПВЛ локализует на Верхней Волге, Двине и Верхнем Днепре? Ведь нет же у нас сопоставимых с Новгородом древних данных для понимания того, на каком диалекте в XI в. (т. е. еще с дописьменной эпохи) изъяснялись жители Полоцка, Минска, Друцка, Витебска, Усвята, Смоленска, Торопца. Правда, существует мнение, что древненовгородский диалект является частью занимавшего весь летописный ареал кривичей «диалектно раздробленного кривичского племенного языка». Последний восстанавливается путем выделения архаизмов в современном языке с опорой на сопоставление их с особенностями языка ранних берестяных

грамот (Николаев 1994: 25). В таком случае сама постановка вопроса об «изоляции» теряет смысл. Письменные источники рисуют картину компактного размещения славянских племен в окружении инородцев (рис. 6). Об «изоляции» кривичей и словен там, где их размещают письменные источники, речи быть не может, — напротив, Верхнее Поволжье, Подвинье и Верхнее Поднепровье образуют центральный геополитический перекресток Восточной Европы.

В пределах очерченного славянского мира — от Эльбы до Ильменя сложно найти «изолятор» для такой крупной группы славяноязычного населения как словене и кривичи. Эту сложность хорошо иллюстрируют противоречия концепции В. В. Седова. Исследователь помещает выходцев с запада, славян-кривичей, в финноязычное окружение в область к северу от Западной Двины, «изолирует» их с юга поясом балтского населения, а затем реконструирует направленную с севера на юг кривичскую колонизацию (Седов 1999: 142–143; 2001: 47). Опираясь на научный авторитет исследователя, этой процедуре подвергли кривичей Л. В. Алексеев (Алексеев 2006: 28–29) и ряд белорусских археологов (Левко 2004: 36–37, рис. 1; Шадыра 2006: карта 9). Концепция служила, очевидно, одной цели — привести археологические данные в соответствие с лингвистическими изысканиями А. А. Зализняка (Curt 2004: 126). Сейчас идея «перелета» кривичей полностью отошла в область историографии (Лопатин, Фурсев 2007). Древности начального этапа славянизации Восточно-Балтийского региона связываются с кругом памятников, сформировавшихся на основе киевской культурно-исторической общности. В бассейне Балтийского моря, в верховьях Немана, Западной Двины и рек южной части бассейна Ильменя они появляются не позднее конца второй четверти I тыс. н. э. Широкое распространение их в Восточно-Балтийском регионе следует относить к V–VII вв. н. э.

Может быть, решение историко-лингвистического ребуса А. А. Зализняка следует искать в разработке применительно к данному случаю понятия «изоляция», и обособленность раннеславянских обитателей той области, которая послужила основой для последующего возвышения Новгорода, должна восприниматься не в географическом понимании, а в каком-то ином, например, культурно-политическом?

Открытие древненовгородского диалекта и основанные на нем лингвистические исследования позволяют пока сделать три вывода в области археологии славянских передвижений. Подчеркиваю, что они сформулированы на археологическом материале, таким образом, чтобы не противоречить выводам лингвистов.

- Заселение Новгородско-Псковского региона славянами (коль скоро мы относим его ко второй половине I тыс. н. э.) не связано с дальними миграциями больших масс населения ни из южной части славянского ареала, ни из части западной.

• Если смотреть с берегов Ильменя на юг, область, откуда произошла миграция (или миграции), образовавшая «славянский клин» к северу от Западной Двины, может быть ограничена с юга ареалом реконструируемых кривичских диалектов (см.: Николаев 1990: 55; 1994: 25), т. е. примерно северными границами бассейна Припяти и поречьем Верхнего Днепра.

• Близость кривичских диалектов с лехитскими, будучи сопоставлена с археологическими данными, свидетельствует скорее о существовании в праславянскую эпоху единого ареала, из которого и произошло заселение Восточной Германии, Северной Польши и Приильменя, нежели о миграции из Польши на Ильмень.

4.8. Геополитический треугольник в истоке Волхова — дельте Мсты. Детали исторической панорамы

Расы и народности сменяются, как сменяются и руководящие государства (и нации) в зависимости от того технического завоевания, особенно в путях сообщения, которое дало им возможность выдвинуться.

С. М. Широкогоров.
Этнос¹⁹²

Сложившаяся вокруг озера Ильмень в V–VII вв. система городищ образует опорный каркас для прилегающих к озеру земледельческо-скотоводческих микрорегионов. Существовала ли иерархия между этими городищами? Стратегическое положение, мощность укреплений, толщина культурного слоя — сомнительные критерии сравнения. Например, городище Сельцо I имеет насыщенный культурный слой, но небольшие размеры и слабую фортификацию. Городок на Маяте имеет мощную оборонительную систему, но его стратегическое положение непонятно. В этом отношении оно проигрывает небольшому городищу Шелгуново, расположенному на Ловати, и т. д. Продуктивнее оценивать иерархию городищ не по отдельности, а по группам, связанным с микрорегионами. Тогда на первое место в предполагаемой иерархии выдвигаются три соседствующие укрепления, занимающие ключевое положение и связанные дорогами: Бронницкое городище (рис. 423), Рюриково Городище и Холопий Городок. Эти городки контролируют важнейший стратегический узел Приильменя — переход с Волхова на Мсту в районе Мстинской дельты. Для понимания системы коммуникаций в этом микрорегионе проанализируем письменные источники. Если положение Рюрикова Городища и его выгоды известны, то Бронницкий перевоз требует отдельного рассмотрения. Источники о нем делятся на четыре группы.

Во-первых, это летописи. Первые известия о Броннице и дельте Мсты содержат Н1 (ПСРЛ, т. III. 2000),

Новгородская четвертая летопись (далее — Н4) (ПСРЛ, т. IV, ч. 1) и Московский свод 1479 г. (ПСРЛ, т. XXV. 2004). Важным источником для XVI в. являются Новгородские — вторая и третья (далее — Н2 и Н3) летописи (НЛ 1879). В Смутное время и в период шведской оккупации Новгорода Бронница сыграла заметную роль в военной истории России. Объем русских и западноевропейских источников, связанных с этим периодом, очень велик. Для наших целей достаточно привлечения опубликованных данных. С русской стороны историю Бронницы в Смутное время раскрывает «Новый летописец» (ПСРЛ, т. XIV. 2000). Взгляд из противоположного лагеря представлен трудом шведского историка Юхана Видекинда (первая публикация в Стокгольме в 1671 г.), дающего поэтапное описание сражения за Бронницу весной и летом 1614 г. (Видекинд 2000).

Вторую группу составляют позднесредневековые кадастровые и административно-финансовые документы, связанные с землевладением в Обонежской и Деревской пятинах Новгорода. Земли на Правобережье Мсты относились к Обонежской пятине и включали территории погоста Петровского на Холыне и Пречистенского Боженского погоста. Информацию о них содержит писцовая книга Обонежской пятины Нагорной половины 1582–1583 гг. (Писцовая книга 1850). Нам особенно интересен один более ранний документ — духовная Орины Колмову монастырю (Корецкий 1969: № 3).

Бронницкий микрорегион на Левобережье Мсты включает территории Бронницкого и Холынского погостов и западную часть Наволоцкого погоста Деревской пятины (Фролов, Пиотух 2008а: л. 11, 12). Описание земель близ Мстинской дельты на левобережье реки содержит писцовая книга Деревской пятины 1495–1496 гг. (НПК 1862). Информацию по системе расселения в области низовьев Мсты и по истории бронницких храмов можно извлечь из книги записи Софийской пошрины 1576–1577 гг. (Приходная книга 2011).

Третью группу образуют позднесредневековые документы, упоминающие перевоз, Бронницкую гору, сухопутные и водные коммуникации региона, — стратегические объекты, интересовавшие как соглядатаев, собиравших военно-географическую информацию о России, так и вполне доброжелательных путешественников. Это записки Акселя Гюлленстьерне 1602 г. (Путешествие 1911), Иоганна Брамбах 1603 г. (Проезжая по Московии 1991), записки Сигизмунда Герберштейна о событиях 1517 г. (Герберштейн 1988), донесение Иоганна де Родеса 10 июля 1650 г. (Состояние России 1914); дневники Павла Алеппского 1655 г. (Павел Алеппский 1898), Франциска Гундулича 1655 г. (Путешествие 1869), Яна Стрейса 1668 (Стрейс 1935), Иоганна Арнольда фон Бранда 1673 г. (Великий Новгород 2005), записки и зарисовки Адама Олеария

¹⁹² Широкогоров 2012 (1923): 111, 112.

1634 г. (Олеарий 2003) и Августина Мейерберга 1661 г. (Путешествие в Московию 1874; Альбом Мейерберга 1903); дневник и чертеж Эрика Пальмквиста 1674 г. (Заметки о России 2012), Информативность их различна — от коротких упоминаний одного из этапов пути (Гюлленстьерне, Брамбах, Герберштейн, Иоганн де Родес, Мейерберг, Гундулич, Стрейс, Бранд) до развернутых описаний местности (Олеарий, Павел Алеппский, Пальмквист).

В четвертую группу можно объединить разнообразные записки путешественников XVIII — начала XIX вв., стоящие уже на рубеже научно-исследовательской историографии. Сюда относится дневник Фридриха Берхгольца 1723 г. (Дневник 1902), рапорт профессоров Сибирской экспедиции Академии наук Сенату 1733 г. (Материалы 1886), дневник П. С. Палласа 1768 г. (Паллас 1809), географические записки Н. Я. Озерецковского (Озерецковский 1812), памфлет А. Н. Радищева, написанный в форме путевого дневника (Радищев 1938). Ценным источником являются рисунки путешественников XVII–XIX вв.

4.8.1. Бронницкий перевоз в эпоху новгородской независимости

Село Бронница на дороге, ведущей из Новгорода в центральные области Руси, впервые упоминается в 1268 году в Н1:

«Того же лета приѣха князь Ярославъ в Новъгородъ, и нача жалити: «мужи мои и братья моя и ваша побита; а вы розъратилися с Нѣмци», на Жирослава Давыдовича и на Михаила Мишинича и на Юрья Сбыславича, хотя их лишити волости. Новгородци же сташа за них; князь же хотѣ из города ѣхати. Новгородци же кланяхуся ему: «княже, тѣмъ гнѣва отдаи, а от нас не ѣзди»; еще бо не добръ ся бяху умирили с Нѣмци. Князь же того не послуша и поѣха проче. И послаша владыку с вятшими мужи с молбою, и въспятиша и с Бронници» (ПСРЛ, т. III. 2000: 87, 88).

Летописи, повествующие о походе на Новгород Дмитрия Ивановича Донского в 6894/1386 г., называют еще несколько пунктов близ этой дороги в окрестностях Бронницы:

Н1	Н4
«Тои же зимы приходи князь великий Дмитрии ратью к Новугороду с братом своимъ съ княземъ Володимером, держа гнѣвъ про волжанъ	«Тои же зимы, в Филиповъ постъ, предъ Рождествомъ Христовымъ, князь великий Дмитрии Ивановичъ събра вои многи <...> поидѣ ратью к Новугороду, а волости Новгородцкии воююще и жгоуще, дръжа гнѣвъ на Новъгородъ про Волжанъ и про княщины. И Новгородци послаша противу князя посла Иева Обакоуновича и Ивана Александровича

Н1	Н4
на Новъгород, и стоя въ Ямнехъ» (ПСРЛ, т. III. 2000: 380)	с челобітиемъ о миру; и онѣ приѣхаша безъ миру, а князь, не дошедъ Новугорода за 30 верстъ, ста на полѣ. <...> И потомъ бысть переполохъ великъ Новугороду: на 4 день по Рождествѣ Христовѣ, в понедѣльникъ, по объѣдхъ промчеса въсть: стоить ти князь Дмитрии на Жилотугъ; и Новгородци вси, доспѣвъ, выѣхаша къ Жилотоугоу, <...> но Низовце[въ] не бѣше на Жилотоугъ. <...> А на Понедѣлии и Ніколиньский монастырь княжи пожгли, и по инымъ мѣстамъ, <...> И преждереченнии Новгородцкии послы ѣхавъ на Понедѣлье, и докончали миръ на всеи старине с вѣликимъ княземъ, <...> А за винныя люди за Волжаны, кто в поуть ходилъ и за кимъ княжьчины залегли, Новгородци вземше с полати оу святѣи Софѣи 3 000 рублевъ, и послаша князю въ Ямна <...> (ПСРЛ, т. IV, ч. 1: 2000: 344–347).

Населенный пункт Ямно Наволоцкого погоста располагался на Бронницкой гряде по дороге на Наволок в 2 км к югу от Бронницкой горы в междуречье Мсты и Ниши (Фролов, Пиотух 2008а: 173). Только из этого Ямна низовское войско могло одним дневным броском неожиданно достигнуть Жилотуга, чего так опасались новгородцы. Не исключено, что в летописи упоминается не населенный пункт, а расположенное там же озеро Ямно (о нем много сказано в палеогеографическом разделе нашей работы). Здесь лежит обширная возвышенная равнина, полого спускающаяся к р. Ниша, удобная для размещения того огромного войска, которое привел к Новгороду Дмитрий Донской. Понеделье же располагалось на левом притоке Ниши — речке Понедельке в 5 км к юго-востоку от средневековой деревни Ямно.

Роль Бронницкого микрорегиона как военно-стратегического и коммуникационного узла на южных подступах к Новгороду раскрывается в источниках, освещающих поход Ивана III на Новгород в 1477 г. Именно на Бронницу выдвигается на заключительной стадии похода ударная сила московского войска, нависая и над Новгородом, и над другим стратегическим пунктом — Новгородским Городищем:

«Да с того же стану с Палина отпустил князь великий воевод своих под Новгород, Городища и монастыри и отнимати, что бы не пожгли, а велѣл поити къ Бронничю князю Данилу Холмскому с Переславци же да с Костромичи, да князю Ивану Стризь с Володимерци, да Федору Давыдовичю с Коломничи, да Григорью и Ива-

ну Микитичем съ Дмитровци и Кашинци, да князю Семену Ряполовскому с Суздальци и съ Юрьевци, а велъл имъ стоати на Бронничи, а ждати вѣсти от себя, и иным своим воеводамъ у озера у Ильмеря на Возвадѣ и на Ужинѣ, тако же вѣсти ожидаа» (ПСРЛ, т. XXV. 2004: 313).

Как известно, простояв у Бронницкого перевоза несколько дней, московское войско нанесло решающий удар с «бронницкого плацдарма» в нескольких направлениях и выполнило все поставленные задачи:

«И того же дни в понедѣльник послал князь велики в Новгород воевод своих Городища, да и монастыреи отнимати, от Броннича прямо велъл поити к городу воеводам своим, князю Данилу Дмитриевичу да Федору Давыдовичу да князю Ивану Васильевичу Стризь да Григорью и Иоану Никитичем, с полкы своими. На другую сторону города къ Юрьеву манастырю и Аркажу манастырю велъл ити воеводамъ, князю Семену Ряполовскому, князю Александру Оболенскому, князю Борису Оболенскому, Василью Сабурову, с полкы, да Семену Сабурову съ матери своее съ людми великие княгыни Марьи, да брата своего князя Андрѣя Меньшого, да Елизару Гусеву съ княземъ его полком. И тѣ всѣ воеводы шли с полкы своими чрес Илмерь езеру по леду, а пришли всѣ воеводы, и тоа и другыя страны, одинаа ноши с понедѣльника на овторник и отняли Городищо и манастыры всѣ под городом» (ПСРЛ, т. XXV. 2004: 314, 315).

Для понимания роли Бронницкого микрорегиона в истории Новгорода представляет интерес состав крупных местных землевладельцев. Земли близ перевоза издавна принадлежали роду Мишиничей-Онцифоровичей — одному из самых влиятельных боярских кланов Неревского конца. Сохранилось завещание Орины, правнучки Юрия Онцифоровича, в котором она отписывает родовые владения на Броннице «в веки» Колмову манастырю. Датировка документа определяется широко — 1450–1480-е гг. (Янин 1991: 229–231):

«Во имя отца и сына и святого духа се яз, раба божия Орина, списа сие рукописание при своем животе. А приказываю в дом святей Троицы и святей Богородицы на Колмово, где живет отец мой и мати моя и род мой. А даю землю на Лопи, на Сыроли, и на Каньели, и на Сосари лешие сельца, а тех сел землю и воду и ловища и пожни все без вывета. А другую землю волость даю на Паше и на Та (й)бале землю и воды и ловища и пожни тех сел (и) леси и на Веряжи, и на островке, и на Любоеже, и на Броннице. А тех сел всех землю и воды и пожни и ловища и лишие земли без вывета даю в дом святей Троицы и святей Богородицы на память роду моему и мне по владенью прадеда моего Юрья Анцифоровича и по деда моего владенью и отца моего и по моему владенью даю сю землю и в веки. А на то послух отец мой духовной поп Сава святых

чюдотворец Козьмы и Домьяна. А хто се рукописание мое преступит, и яз сужуся с ним пред богом в день страшнаго суда божия» (Корецкий 1969: 285, № 3).

Новгородские писцовые книги фиксируют «на Броннице» владения трех новгородских монастырей. Какими-то земельными участками, как мы уже знаем, с третьей четверти XV в. владел по завещанию Орины Колмов манастырь. В.И. Корецкий обратил внимание, что в завещании речь идет о владениях Мишиничей только в Обонежской пятине, т. е. на мстинском правобережье (Корецкий 1969: 281). Именно здесь фиксирует владения Колмова манастыря выпись из писцовой книги Обонежской пятины 1495–1496 гг.: «Да в Пречистенском Боженском погосте Колмовского манастыря деревня на Броннице против перевоза» (цит. по: Корецкий 1969: 281).

Дополнительная локализация содержится в писцовой книге Обонежской пятины Нагорной половины 1582–1583 гг.:

«Погость Пречистенской Боженской на рекъ на Мсть, а церковь за рѣкою за Мстою в Деревской пятинѣ <...> В вѣ немъ на Обонежской половинѣ села и деревни и починки и пустоши манастырскіе вотчины: Юрьева манастыря (пус.) что была деревня Чирикова... И всего деревня живущая, да 13 пустошей <...> Да Юрьева жь манастыря вотчина, взято къ Государеву къ дворцовому селу Хонѣлы: селцо Новоселище (дер.) Костива, (дер.) Митрохново <...>

Колмова манастыря вотчина (пус.) на Бронничъ противъ перевоза, словеть Волхово; пашни перелогомъ 40 чети въ полѣ, въ дву потому жь, съна 300 копень, 4 обжи» (Писцовая книга 1850: 116–117).

Антониеву манастырю, согласно писцовой книге Деревской пятины 1495–1496 гг., принадлежало само сельцо Броннице на левом берегу Мсты, напротив владений Колмовского манастыря. Сельцо локализуется по расположению Введенской церкви, точное местоположение которой восстанавливается с высокой долей вероятности (об этом речь пойдет ниже, в разделе, посвященном бронницким храмам).

Земли близ перевоза (выше по течению Мсты) в Пречистенском Боженском погосте принадлежали Юрьеву манастырю. Упоминание об этом владении находится в Н2 под 1552 г.:

«В льто 7000 пя [т]десять девятого, [мѣ]сяца августа в 25 день, вторникъ, в па [о]бедехъ, згорѣло Юрьева манастыря волость Боженка, да церковь чюдотворецъ Никола згорѣлъ, а ис церкви вынесли двѣ иконы да двери царскіи, а иные иконы вси поднелись и книги, а посадъ весь згорѣлъ, а [на] гумнахъ весь хлѣбъ згорѣлъ, а сталося одно гумно с х [л]ѣбомъ Патрѣкиеву, да осто [л] двор манастырскій, не згорѣлъ, при архимандрите Ларионе Юрьевскомъ и при священникъ при Патрекии» (НЛ 1879: 82).

Еще одним землевладельцем в Бронницком погосте, был Спасский Нередицкий монастырь. Таким образом, близ перевоза концентрировались с одной стороны владения родовой аристократии древнейшей части Новгорода — Неревского конца, с другой — земли трех старейших новгородских монастырей — Юрьева, Антониева и Нередицкого, находившихся в ктиторских отношениях с княжеским родом. В составе Бронницкого погоста писцовой книгой Деревской пятины 1495–1496 гг. и картографическими материалами XVIII в. фиксируется и топоним, указывающий на прямую связь с княжескими владениями, — Княжичи (Фролов, Пиотух 2008а: л. 12).

4.8.2. Позднесредневековая история Бронницкого региона

Ключевое расположение Бронницы на путях определяло и ее военную роль как плацдарма, способного заблокировать сообщение Новгорода с Русью. В случае военной угрозы (как, например, в 1537 г.) предотвращение его захвата неприятелем превращалось для города в первоочередную задачу:

«В лето 7045, на весни, князь Андрѣй Ивановичь, и з женою и з детми, изъ во [т]чины и [с] Старици ходилъ в Новгородскую землю, а хотелъ Новгородъ засѣсти, а стоялъ в Яжлобичахъ. И владыко Новгородской Мокарей, и намѣсники, и вси Новгородци его в Новгородъ не пустили, а встрѣчу его посылали изъ Новгорода воеводу и дворецкого Ивана Никитина Бутурлина, с многими людми и с пушками; а стоялъ Иванъ с норядом на Броничи» (НЛ 1879: 69).

Существенную роль Броннице пришлось сыграть в судьбе Новгорода в период Русской Смуты. Впервые значение Бронницы в этих событиях проявилось во время похода из Тушина на Новгород в 1609 г. отряда полковника Корнозитского. Новгородцы собирались выставить заслон против приближающегося неприятеля, и тем самым решить две задачи: избежать прорыва его к Новгороду, и не допустить создания в Броннице военной базы для разорения городской округи. В этом известии примечательно само признание важности бронницкой позиции:

«Приде вѣсть ко князь Михаилу Васильевичу, что исъ Тушина идетъ подъ Новъ городъ полковникъ Корнозитцкой со многими людми Литовскими и Рускими воры. Князь Михайло жъ Васильевичъ нача строити рать и послати хотя противъ ихъ на Бронницы» (ПСРЛ, т. XIV. 2000: 85).

Как известно, смута в Новгороде помешала организовать сопротивление отряду второго Лжедмитрия. Полковник Корнозитский все-таки прорвался к городу и встал близ него лагерем, но не в Броннице, а в Ху-

тынском монастыре, что, кстати, свидетельствует о том, что рать Тушинского вора двигалась на Новгород от Бронницы северной дорогой (об этом чуть ниже).

В следующий раз Бронница оказалась в центре военных событий во время штурма Новгорода шведами в 1611 г. Сюда, под защиту Мсты, предводитель ополчения В.И. Бутурлин вывел свои войска с частью новгородских дворян после захвата города отрядом Якоба Деллагарди. Отсюда же В.И. Бутурлин вступил с ним в новые переговоры, прежде чем окончательно отступить от Новгорода:

«Послыша же въ тѣ поры, какъ начаша същи стражи по городу и по дворамъ, той же Василей Бутурлинъ съ ратными людми, на Торговой сторонѣ выграбивъ лавки и дворы, поиде изъ города вонъ, против Нѣмец же ниhto не противляшеса <...> Василья жъ Бутурлина весь животь сыскаша и послаша къ нему на Бронницы. Онъ же въ тѣ поры стоялъ на Бронницахъ» (ПСРЛ, т. XIV. 2000: 114).

С именем В.И. Бутурлина связана и самая знаменитая бронницкая военная эпопея весны — лета 1614 г., закончившаяся для него трагически: во время отступления от Бронницы Бутурлин скончался (Седов 1993: 126). «Новый летописец» посвящает этому несчастливому походу отдельную главу:

«**О походе воеводъ подъ Новъ городъ и о отходъ.** Царь государь и великий князь Михайло Федоровичъ всеа Русии поговорилъ со всѣми бояры послати подъ Великий Новъ городъ боярина князь Дмитрея Тимофѣевича Трубецкого да окольничево князь Данила Ивановича Мезецкого со мною ратью; да къ нимъ же посла въ прибавку Василья Ивановича Бутурлина. Они же придоша въ Торжокъ. Бяше же у нихъ въ рати нестроение великое и грабежъ отъ казаковъ и ото всякихъ людей; и туто зимоваху. На весну же придоша подъ Новъ городъ и сташа на Бронницахъ. Мѣсто же тутъ негодно бяше и тѣсно. Острожокъ же поставиша за Мстою за рѣкою. Придоша же изъ Нова города Яковъ Пунтусовъ съ Нѣмецкими людми и ихъ осадиша и тѣсноту имъ учиниша великую: многихъ людей побиваху изъ наряду. Такую убо здѣлаху тѣсноту, что изъ ямы въ яму не даша перейти, и гладу бывшу велию. И отъ такія великия тѣсноты не можаху стояти, поидоша въ отходъ. И на отходъ многихъ Рускихъ людей побива; едва и сами воеводы отойдоша пѣши. Острожокъ же, который былъ за Мстою рѣкою, взяша за крестнымъ цѣлованьемъ и всѣхъ побива. Приде жъ Яковъ въ Новъ городъ, ноипаче начаша тѣсноту Рускимъ людмъ дѣлати» (ПСРЛ, т. XIV. 2000: 132).

Рать одного из предводителей ополчения, князя Трубецкого, двинувшаяся в Новгород из Москвы осенью 1613 г., имела пестрый состав, низкую боеспособность и отличалась пристрастием к грабежу. В Новгородской земле войско, особенно казаки, вело

себя как на вражеской территории. Значительная его часть существовала в виде мелких отрядов, то распавшихся, то вновь объединявшихся (Станиславский 1990: 104, 105). Войско подошло к Броннице в апреле 1614 г. и, остановившись под прикрытием мстинского полководья, начало готовиться к удару на Новгород. Общую численность ратных людей, собравшегося под командованием Трубецкого, Видекинд оценивает в 8000 человек (Видекинд 2000: 309, 314).

Известие «Нового летописца» дает довольно полное представление о том, как был организован военный лагерь Трубецкого. Согласно этому источнику, он состоял из двух опорных пунктов: какого-то небольшого *tête de pont* и основного лагеря. Передовое укрепление — «острожек» — поставлено было на правом берегу Мсты («за Мстою») для прикрытия перевоза через реку. Возможно, какая-то часть московского войска стояла в Ямне. Предположение происходит из сложного для понимания отрывка: «Такую убо здѣлаху тѣсноту, что изъ ямы въ яму не даша перейти» (см. выше). Видекинд, как увидим ниже, пишет об одном укреплении на «этом» берегу Мсты и о двух укреплениях «на той стороне». Основной лагерь располагался в некоем «тесном месте». Местом это, несомненно, была Бронницкая гора. На широкой равнине большое количество людей и коней только здесь и могло стесниться настолько, чтобы потерять возможность к сопротивлению.

Создается впечатление, что Трубецкой оказался неспособен организовать свое недисциплинированное войско на масштабные саперные работы по постройке нового укрепленного лагеря и попросту загнал основной отряд в городище тысячелетней давности на Бронницком холме. Правда, какие-то не вполне ясные описания укреплений у подножия Бронницкой горы приводит, как увидим ниже, Эрик Пальмквист. Но в любом случае, с удаленной от перевоза горы совершенно невозможно было организовать поддержку «острожку» за Мстой, что и привело, в конечном счете, к гибели всех или значительной части его защитников. Топографию и хронологию трехмесячного сражения за Бронницу позволяет представить опубликованное в Стокгольме спустя 67 лет подробное его описание, выполненное шведским королевским историографом Юханом Видекиндом:

«Тем временем Трубецкой приблизился к Бронницам, в 3 милях от Новгорода, с тысячей человек и собирался построить там укрепление, а так как на лошадях к ним подойти было невозможно, то господин Якоб приказал составить вместе столько лодок, чтобы можно было перейти через реку. Он приказал также послать в Новгород полумортиры и длинные пушки и на тех же судах доставить большие орудия. <...>

Трубецкой, однако, хотел только задержать шведов красивыми словами, пока сам не укрепит в Бронницах и других местах. <...>

Как раз тогда были изготовлены ладьи, на которые господин Якоб собирался посадить воинов с пушками, чтобы напасть на русских, укрепившихся в Бронницах. Для этого он затребовал подкрепление в тысячу человек из числа только что прибывших из Швеции.

Дело в том, что русские в Бронницах увеличили свои силы до 5 тысяч человек, а кроме того, много их собралось в Старой Русе и из разных других мест в окрестности. Против них были посланы Менихгофен и Коброн, которые возвели шанцы на расстоянии мушкетного выстрела перед их укреплением.

Король, который в апреле прибыл в Або и узнал от встреченного им в Тавастгузе Эверта Горна о том, как храбро держатся шведские воины, послал им милостивое письмо, где увещевал держаться мужественно и сообщал, что вскоре ожидает прибытия из Швеции новых подкреплений и необходимых материалов. И шведы действительно приложили все усилия. В июне Коброн овладел укреплением неприятеля на этой стороне реки, изрубил 400 бояр и казаков и открыл путь для подвоза к своему лагерю. Кроме того, через реку был переброшен мост, так что Коброн и Менихгофен могли помогать друг другу и тем успешнее держать под угрозой два укрепления, возведенные русскими на той стороне реки. <...>

<Далее сообщается о принятии на шведскую службу в Новгороде 600 польских запорожских казаков> Они были посланы к Бронницам на помощь Коброну. 200 польских казаков, побывавших однажды у господина Якоба, служили верно и вскоре напали на одно укрепление и уничтожили там русских 20 июня. <...>

Засевшие в Бронницах 8 тысяч человек были так напуганы Менихгофеном и Коброном, особенно гарнизоны двух укреплений по ту сторону реки, что многого сделать не могли.

Поэтому, как только господин Якоб получил прибывшие с Филиппом Шедингом и камергером Бу Верниксоном провиант и деньги, он, не дожидаясь прибытия затребованной тысячи человек, явился в Бронницы, чтобы поднять дух офицеров и войска и побудить их напасть на неприятеля. Это и было сделано уже 14 июля, причем так храбро, что защитники самого большого неприятельского укрепления вынуждены были ночью спасаться бегством. Наши преследовали их в лесу, рассеяли по различным дорогам, часть прикончили, часть захватили в плен. Пленные не были уверены, что даже самому Трубецкому, их полковнику, удалось унести ноги живым.

Когда русские во втором укреплении на этой стороне реки услышали такое, им пришлось сдаться нашим, а за то, что они держались там так упорно, господин Якоб приказал зарубить 400 простых солдат, а знатнейших из бояр взял в плен» (Видекинд 2000: 315–321).

Труд Видекинда написан, как считается, с привлечением самых достоверных документальных источников (Хорошкевич, Плигузов, Коваленко 2000: 542). Отступление московской рати от Бронницы имело беспорядочный характер; войско «разбрелось розно» и фактически перестало существовать (Станиславский 1990: 117).

Пальмквист, посетивший Бронницу в 1674 г., через три года после публикации книги Юхана Видекинда, по пути из Новгорода в Москву, оставил описание поля сражения:

«Зимой едешь из Новгорода почти сразу через речку Волховец, оставляя справа большое озеро Ильмень и Липнинский монастырь. Затем пересекаешь множество небольших речек, которые впадают в реку Мсту. Потом едешь до самой Мсты, переехав которую на другом берегу, прибываешь к большому селу, которое называется Бронницы, от которого до Новгорода 20 верст или 4 мили.

NB. Летом сюда этим путем не проехать из-за множества болот и топких мест, поэтому едут по озеру Ильмень и реке Мсте, которая в трех верстах от города тремя рукавами впадает в упомянутое озеро Ильмень. А длина пути до упомянутых Бронниц составляет 30 верст, или 6 миль. Близ Бронниц и другого близлежащего села Кривого Колена впадает в реку Мсту другая широкая река под названием Глушица. **Поблизости на высоком холме старое укрепление, где, как говорят, полководец Якоб Делагарди сражался с занимавшим его русским генералом Трубецким и выбил его оттуда. Этот холм расположен на очень красивом, большом и совершенно ровном поле, на котором все еще видны остатки вала и его фоссебрея¹⁹³. На этом холме имеются два колодезя, один из которых был отравлен; и теперь русские поставили здесь в память этого деревянную часовню.**

Из Бронниц едешь несколько верст через красивые пашни, затем сплошь лесом и затем через реку Ниша и маленькую речку Понеделька» (Заметки о России 2012: 182, 183).

Сложно представить, что за укрепления хорошо знакомой ему планировки (по-видимому, выполненные по правилам европейского инженерного искусства), видел Эрик Пальмквист на поле у подножия Бронницкой горы. Возможно, это были остатки осадных шанцев пехоты Эверта Горна. Записки Паль-

¹⁹³ Авторы, издавшие дневник Пальмквиста, приводят следующее толкование термина *faussebraye*: «Тип фортификационного сооружения, дополнительный нижний вал, находящийся между рвом и главным крепостным валом. Служила позицией для обороны водяного рва фронтальным ружейным огнем» (Заметки о России 2012: 337).

мквиста позволяют нам перейти к следующей теме нашего обзора — к истории бронницких храмов. Но, прежде чем мы это сделаем, следует упомянуть еще об одном, последнем, военном эпизоде в истории Бронницы. В 1650-м г. в Новгороде вспыхнули волнения. На подавление их ранней весной того же года выступил отряд под предводительством князя И. Н. Хованского. Лагерь его был разбит в Броннице.

4.8.3. Бронницкое городище в письменных и изобразительных источниках XV–XIX вв.

Древнейшая Введенская церковь в Броннице. Первое упоминание деревянной Введенской церкви в Броннице содержится в описании Бронницкого погоста писцовою книги Деревской пятины 1495–1496 гг.:

«Въ Бронничскомъ погостѣ деревни монастырьскіе. Деревни Пречистые Онтонова монастыря. Селцо Броннице: а въ немъ церковь Введеніе Пречистые» (НПК 1862: 445).

В той же книге в составе деревень Бронницкого погоста, принадлежавших Антониеву монастырю, упомянута деревня «Под Городищем» с тремя дворами, пахотными землями и покосами (НПК 1862: 446). Городищем, под которым располагалась деревня, в равнинном ландшафте междуречья Ниши и Мсты могла быть только Бронницкая гора. Из сопоставления двух этих известий следует вывод, что Введенская церковь XV в. располагалась не на городище, а в некотором отдалении от него, как и селцо Броннице¹⁹⁴.

Следующее по времени упоминание Введенской церкви в письменных источниках относится к последней трети XVI в. Это приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/1577 гг.:

«З Бронници у веденского попа Мелентея взяти подъезда и за десятину по грамоте рубль московский. Взято по старине подъезда 3 гривны з денгою, то и за куницу. Денги платил сам поп генваря в 29 день. Взято» (Приходная книга 2011: 22).

Адам Олеарий, проследовавший через Бронницу осенью 1634 г., описывает это следующим образом:

«Мы оставались в Новгороде в бездействии четверо суток и в последнее число июля, к вечеру отправились дальше до Бронниц водою, так как из-за болотистой, топкой местности невозможно было ехать сушею.

1 августа, когда мы в Бронницах у реки перенесли наши вещи на берег, в эту местность явились и русские

¹⁹⁴ Это подтверждает и такой источник, как карта Бронницкого яма XVII в.

в процессии для водосвятия, в следующем порядке. Сначала шли двое мужчин; они несли на длинных шестах: один крест, в четырех концах которого были изображены евангелисты, другой — древней живописи картину, обвешанную белым платком; за ним шел священник в богослужебной ризе, неся обеими руками деревянный крест длиною в пядень; он шел вместе с мальчиком, несшим за ним книгу. Далее следовали крестьяне с женами и детьми. Все взрослые несли в руках по горящей восковой свече, а позади шел причетник, держа в руках более десяти восковых свеч, скрученных вместе и горевших. Когда священник пошел и почитал с добрых полчаса на берегу, он взял скрученные восковые свечи и ткнул их в воду; тогда и все остальные погасили свои свечи. Потом священник трижды погрузил крест в воду и дал воде с него стечь в сосуд. Такая вода считается самою святою. Когда это случилось, женщины схватили своих детей, малых и больших, в сорочках и без них, и трижды окунули их в воду; а некоторые взрослые сами бросились в нее. Наконец, они и лошадей привели, чтобы напоить их столь святою и целительною водою. После всего этого они все опять вернулись в церковь, где приняли благословение; оттуда слышались такой шум и такие крики молодых и старых людей, точно в простых банях или корчмах, либо шинках.

После обеда в 4 часа мы сели на лошадей, а вещи наши и утварь послали вперед на 50 подводках» (Олеарий 2003: 40, 41).

Описание Адама Олеария свидетельствует о том, что церковь в Броннице находилась в то время возле воды, где и расположились путешественники со своим товаром. Только оттуда (и никоим образом не с горы) они могли слышать доносившиеся из храма голоса. Об этом же свидетельствует и гравюра, помещенная Олеарием в свой труд. На ней изображена срубная культовая постройка, расположенная на берегу реки в равнинной местности. Очевидно, это и есть Введенская церковь и первоначальное ее место.

Храм XVII–XIX вв. на Бронницкой горе. Когда же появилась церковь (или часовня) на Бронницкой горе и каково было ее посвящение? Если верить Эрику Пальмквисту, оставившему первое о ней упоминание в 1674 г., часовня поставлена в память о событиях 1614 г. Возможно, имеются и изображения этой церкви. На известной гравюре А. М. Шухина, выполненной по рисунку 1733 г., виден стоящий на вершине небольшой приземистый однокупольный храм (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 13, 14). Хотя авторы, писавшие до 1768 г., называют постройку «часовней» или «малой церковью», размеры ее вполне внушительны и сопоставимы с вершиной горы (рис. 424). В сентябрьском

Рис. 423. Бронницкое городище на плане 1818 г.

1733 г. рапорте профессоров Сибирской экспедиции Академии наук Сенату храм описывается так:

«Как мы на другой день потом, то есть августа 19 числа, в Бронницы приехали, то осмотрели мы сперва тамошнюю гору, которую нам освидетельствовать в Петербурге советовано было. Мы нашли оную весьма примечания достойную. Она стоит одна и около ея больше никаких гор нет. Видом она почти кругла и вся ровна, однакож вверху плоска и от севера к полудню нечто наклонна. Наверху оная, с северной стороны, стоит часовня, в имя Иоанна Крестителя построенная; с южной стороны есть колодезь, в котором и летом всегда вода бывает, но от набросанных во оный камней только на одну сажень глубины имеет. Земля от недалеко текущей Мсты по малу вверх подымается. С северной стороны к Бронницам есть способный всход, а подле онаго снизу до самого веру лежит множество больших камней» (Материалы 1886: 387).

Итак, деревянный храм на Бронницкой горе появился не позднее 1674 г. и был посвящен Иоанну Предтече¹⁹⁵.

В 1730-е гг. В. Н. Татищев начал работу над рукописью «Российского исторического лексикона». В Академию наук она была представлена в июле 1745 г., но напечатана была в исправленном и дополненном виде спустя почти полвека. Рукопись заключала и раздел про Бронницу:

¹⁹⁵ Престольный праздник в Броннице был посвящен рождению Иоанна Предтечи, отмечался 24 июня по старому стилю (Озерецковский 1812: 521).

Рис. 424. Бронницкое городище с северо-востока. Гравюра А. М. Шухина, выполненная в 1760 г. по рисунку 1733 г. художника И. В. Люрсениуса (?)

«Бронницы, село ямское на Мсте, по левую сторону от Новаграда, летом 38, зимою 20 верст, от почты <...> Близ онаго села есть великий холм, на котором древняя земляная крепостца, и ключ текущий. Новгородцы о нем сказуют, что у Геродота описанная война скифских господ с холопами тут была, и для того называют Холопье городище, но более вероятно, что тут был славный по гистории норвежский город Колмогард, куда Короли Северные на молитву ходили» (Татищев 1793: 195).

В. Н. Татищев, несмотря на путаницу в городищах (он перенес на Бронницу предание о «холопьем войне», связанное с Холопьем Городком на Волхове), сумел уловить и подчеркнуть две главные вещи. Во-первых, он правильно понял ключевую геостратегическую роль Бронницкого городища в Нижнем Помостье (хотя и предложил спорную ее интерпретацию). Во-вторых, его идея о наличии здесь «капища», связанного с источником, представляется не лишённой оснований. Сведения о почитании местным населением бронницких источников находятся у такого заслуживающего доверия автора, как П. С. Паллас. Отдаленные воспоминания об их особых свойствах можно до сих пор слышать в местных мифологических рассказах о рыбе, будто бы выпущенной в один из источников и позже выловленной в Ильмене.

Следующее описание Бронницкой горы оставил нам известный ботаник П. С. Паллас, проезжая мимо Бронницы в 1768 г.:

«Июня 25 числа приехали мы в Бронницкий ям, где находится перевоз через реку Мсту. Сия река весьма изобильна рыбою, и не редко в ней ловят вкусных из Ильменя озера верх идущих лососей малого рода. Здесь пробыл я несколько часов по причине находящегося в югозападной стороне деревни на ровном поле круглаго, крутаго и примечания достойного холма, Бронницкая гора называемого, о котором рассказывают много повестей, кои здесь внести покажется излишним. С сего холма можно видеть близ лежащее Ильмень озеро и обширную страну. На верхней части онаго примечания достойны по своему положению два небольшие ключа, из коих только один снабден обрубом и ветхою крышкою; напротив того другой на подобие малой манною травкою и болотником с зарослой лужи находится на самой вершине при деревянной часовне. Устроенный колодезь имеет свое положение на уступе южной стороны горы, и не глубже он шести фунтов. Воде его приписывают мужики целительную силу; но в нем так как и во многих других у простаго народа славных ключах, только чистая простая вода» (Паллас 1809: 7, 8).

Надо полагать, именно над целительным ключом была впервые возведена часовня. Этим и объясняется ее посвящение Иоанну Крестителю. Эту маленькую постройку незадолго, видимо, до екатерининского строительства повидал А. Н. Радищев. Его описание Бронницкой горы скопировано из «Российского Лексикона» В. Н. Татищева (рукопись последнего

была представлена в Академию наук еще в 1745 г.) и снабжено лишь небольшим уточнением про наличие церкви:

«Между тем как в кибитке моей лошадей переменяли, я захотел посетить высокую гору, близ Бронниц находящуюся, на которой, сказывают, в древние времена, до пришествия, думаю, славян, стоял храм, славившийся тогда издаваемыми в оном прорицаниями, для слышания коих многие северные владельцы прихаживали. На том месте, повествуют, где ныне стоит село Бронницы, стоял известный в северной древней истории город Холмоград. Ныне же на месте славного древнего капища построена малая церковь» (Радищев 1938: 267).

Идеи В. Н. Татищева о Холмогарде нашли воплощение и в нескольких других изданиях, вышедших в печати до публикации труда А. Н. Радищева. Одна из них — «Путешествие Ея Императорского Величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году»:

«Древний городъ Холмогардъ, во многихъ лѣтописяхъ упоминаемый, находился на лѣвой сторонѣ сея рѣки, въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ поселенъ бронницкой ямъ. Стоящей близъ его возвышенной курганъ, на которомъ нынѣ построена каменная церковь, во времена идолослуженія въ толикой былъ славъ по оракуламъ издаваемымъ въ капищъ бывшемъ на той горѣ, что многіе сѣверные Короли для вопрошенія его пріезжали» (Путешествие 1786: 132).

Когда «Путешествие из Петербурга в Москву» было опубликовано (1790), на горе уже высился эффектный каменный храм с пятью главами и колокольной (рис. 425; 426). В книге же автор упоминает лишь «малую церковь», что служит определенным хронологическим индикатором даты посещения Бронницкой горы А. Н. Радищевым.

Первая каменная церковь на Бронницкой горе была построена в 1770-х гг. Большой новый храм объединил три местных традиции: содержал память о древнейшей Введенской церкви; сохранял посвящение, связанное с почитаемым источником, и приобрел новое значение — в связи с функциями главного имперского тракта. Новый храм имел три придела — Введения Богородицы во храм, Иоанна Предтечи и Святой великомученицы Екатерины. Предание гласит, что церковь построена по личному распоряжению Екатерины Второй (Подобедов 1909: 28). В 1828–1832 гг. церковь была перестроена под руководством В. П. Стасова. Храм в обновленном виде представлен в альбоме «Путешествие по России П. П. Свинына» (рис. 427), а вид его после окончательной перестройки дошел до нас на картине 1920-х гг.

из Бронницкого музея (рис. 428). К юго-западу от храма был обустроен насыпной плац, законсервировавший исследованный нами в 2013–2014 гг. культурный слой. Технические особенности этого сооружения описывались мною выше.

4.8.4. Исток Волхова и дельта Мсты как узел средневековых коммуникаций

Многочисленные свидетельства путешественников позволяют составить представление о функционировании Бронницкого узла коммуникаций. Узел этот образовывали Мстинский речной путь и начинавшаяся в Броннице сухопутная дорога на юго-восток, к верховьям Волги и далее вглубь Руси. Впрочем, эта двойственность была мнимой. Фактически речь может идти об одном и том же пути. Дорога на Москву через Торжок была лишь спрямленным вариантом более древнего, восходящего к VIII в., Мстинского пути, и воспринималась так уже в Средневековье. По крайней мере, в первой половине XV в. мы имеем об этом прямое свидетельство в «Хождении на Флорентийский собор»:

«В лѣто 6945 поѣхал митрополит Сидоръ с Москвы на Рожество святыа Богородици, приѣхал въ Тверь на Воздвижение честнаго креста¹⁹⁶. А с ним владыка Авраамий Суждальский. И вѣстрѣтилъ его князь Борис Твѣрьский с своими бояры с великою честью, а владыка Илия съ кресты, съ всѣми священники, и весь народ града того. А былъ въ Твѣри 9 дней. А выѣхал в неделю и ночевал въ Савинѣ пустынѣ. А от Москвы до Твѣри 200 верст без 20. А от Твѣри до Торъжку 60 версть, а от Торъжку до Волочка 70 версть. А от Волочка пошел рекою Мъстою в лодѣ к Великому Новгороду, а кони берегом. А от Волочка рѣкою до Новгорода триста верст» (Хождение 1999: 464).

Вряд ли кони шли по кромке берега — это неудобно. Скорее всего, они просто посланы были сухим путем.

Здесь же, в Броннице, по-видимому, в Средневековье начинался и путь на юг, выводивший в район Старой Руссы и далее вдоль рек Южного Приильмения — в Верхнее Поднепровье. В предыдущей работе я сделал попытку набросать контуры этого пути, начало функционирования которого следует относить ко времени не позднее VII в., в Восточном Приильмении (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 329). Сеть больших дорог на восточном берегу озера Ильмень к юго-востоку от Мсты сохраняется неизменной с глубокой древности. Судя по географическим и археологическим данным, эта сеть определялась четырьмя путями:

196 14 сентября 1437 г.

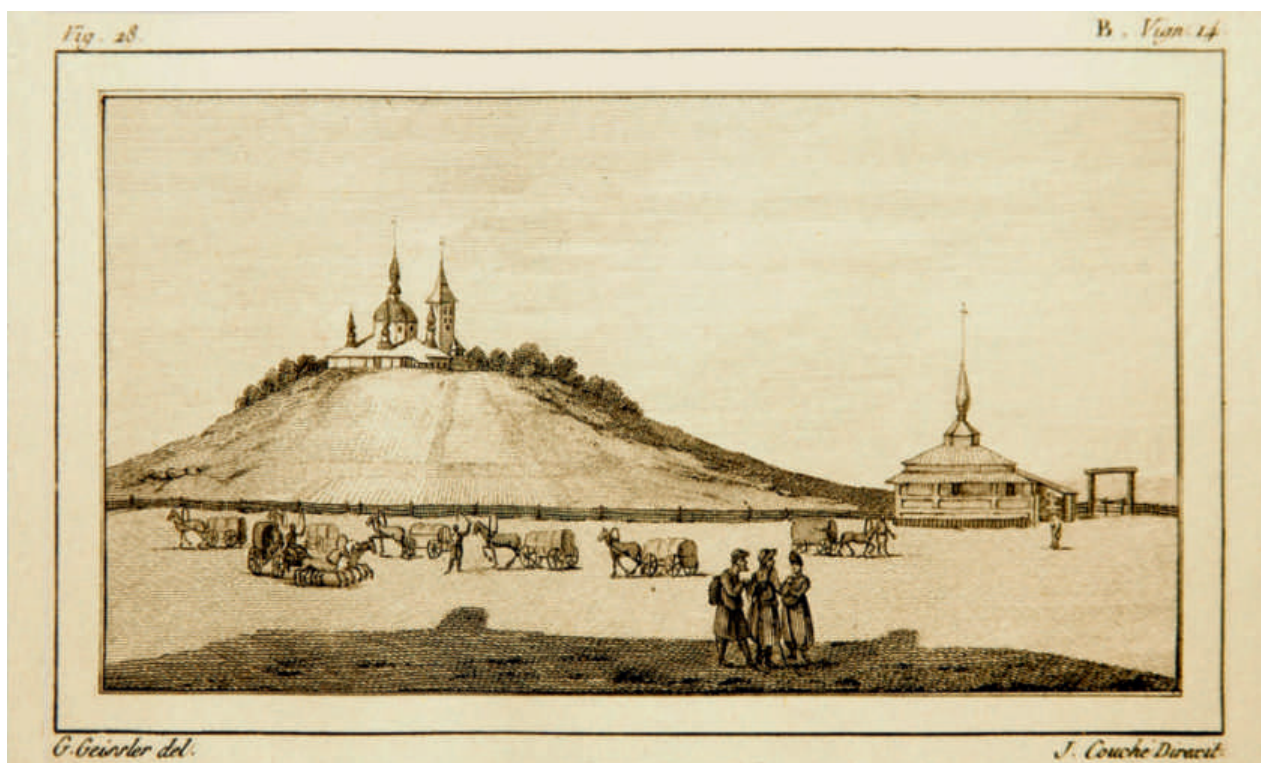

Рис. 425. Бронницкий участок. Бронницкое городище с севера. Гравюра Г. Гейслера по рисунку 1794 г.

Рис. 426. Бронницкий участок. Бронницкое городище с юго-востока. Акварель неизвестного художника начала XIX в.

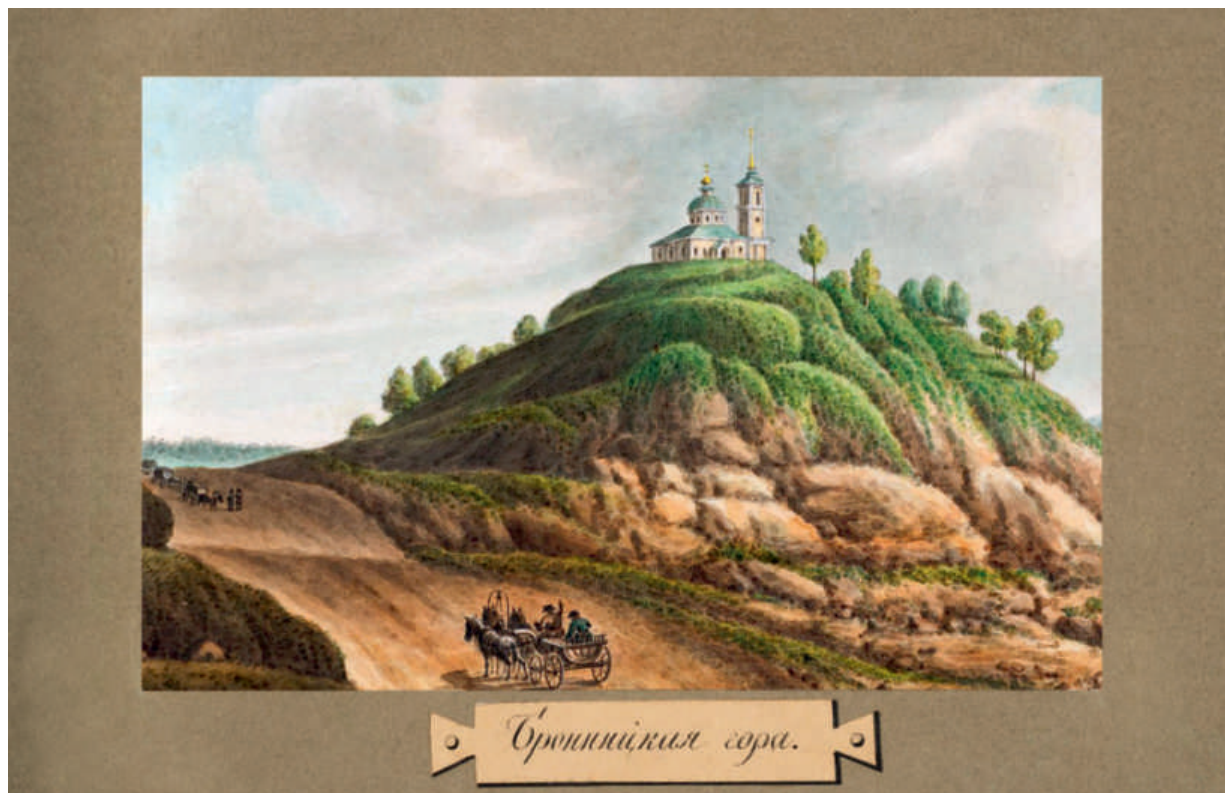

Рис. 427. Бронницкое городище с севера. Рисунок из альбома «Путешествия по России П. П. Свиньина». 1820-е гг. ГИМ, отдел изобразительных материалов. И VII 1303/63

Рис. 428. Бронницкая гора в 1920-е гг. Картина из собрания Бронницкого краеведческого музея

- Московской дорогой, шедшей по линии деревень Бронница — Эстьяны — Дорожно — Зайцево;

- дорогой, шедшей с Полы вдоль реки Ларинки, затем по водоразделу через деревню Ростани до Лажинского погоста. Дорога эта имела и более короткий водораздельный вариант — через д. Навелье. Именно через Навелье ехал в 1805 г. вокруг Ильменя академик Озерецковский (Озерецковский 1812: 509). В Лажинах путь разветвлялся. Восточное его ответвление шло на север вдоль реки Маята и выводило на Московскую дорогу в деревне Подлитовье;

- Западное ответвление шло по восточному берегу до д. Гостцы. Здесь путь снова разветвлялся. Восточный его вариант позволял через Понеделье выехать на Московскую дорогу в Дорожно. Этот путь описан академиком Озерецковским (Озерецковский 1812: 513);

- Западное ответвление вело от Гостцов к острову Войцы и далее прямо в Бронницу. Этот путь можно было использовать только при низком стоянии воды в Ильмене.

Помимо торгового и административного пути Мста выполняла еще одну важнейшую функцию — по ней происходила издавна транспортировка строительного леса в Новгородский регион. Другие реки Приильменья для этого не подходили — с Ловати или Шелони неповоротливые гонки трудно было переправить через капризное озеро Ильмень, а по Волхову лес приходилось бы гнать против течения¹⁹⁷. Древнейшие элементы гонков — плотов, соединенных вместе, чтобы лес не разметало волной, — известны уже во второй половине IX в. на Рюриковом Городище (Носов 1990: 49). Вероятно, с этого времени лесосплав в Приильменье стал постоянным промыслом.

Но откуда и каким бы образом путники ни прибывали в дельту Мсты — лесными ли дорогами вдоль восточного берега Ильменя с юга или юго-востока, или сплавлялись на лодьях или гонках по Мсте, в Броннице их ждала остановка перед последним и не самым легким участком пути до Новгорода. Об особенностях преодоления этого участка водой дает представление, например, путевой журнал торгово-промышленного каравана, спускавшегося по Мсте в мае 1752 г.:

¹⁹⁷ В. Л. Янин, анализируя «Устав Ярослава о мостех» XIII в., предположил, что взвод леса имел место на Волхове уже в то время. Аргументом служит такое явление, как кратковременное замедление течения реки, вызванное весенним подпором вод в Среднем Поволховье. Надо заметить, что это происходит редко, и, судя по летописям, воспринималось древними новгородцами как недоброе чудо. Лишь в этом качестве можно допустить и прибытие гонков в Новгород с низа реки. В остальном, идея взвода леса противоречит всей многовековой общероссийской практике лесного промысла и вряд ли может быть принята.

«Воскресенье, 10-е. Поутру был мороз немалый и ветр. А казенная коломенка и с нею 8 судов от берегу в путь отвалили рано, как свет стал начинаться.

Того ж числа после обеден ниже деревни Прилуки на пример с полверсты за немалым ветром на правой руке к берегу пристали. Где стояли на пример часа с 4. И по затихлости оной погоды паки в путь отвалили.

Того ж числа к берегу на левой руке под ямом Бронницами пред захождением солнца за великим ветром пристали ночевать. На 11 число в ночи погода была тихая и студеная.

Мая 11, понедельник. Поутру пред восхождением солнца в путь отвалили благополучно.

Того ж числа около полдень, не доплыв до озера Илменя на пример верст с 5, за великим ветром, со временем шел дождь и небольшой град, на правой руке пристали благополучно и стояли до самого вечера, где и ночевали.

Вторник, 12-е. Поутру стояли на пример часа с 3. По затихлости немного погоды отвалили благополучно. И отплыв от того места, где ночевали, на пример версты с 4, пристали по правой руке. И при том усмотрено, что стоит близ озера Илменя за великою погодою казенного каравану судов немало. Где и ночевали благополучно.

Мая 13-е, среда. С утра до вечера погода была пасмурная, и был ветр немалый. И за тою погодою в путь отваливать было никак невозможно.

Четверток, 14-е. Поутру перед восхождением солнца хотя ветр и был — токмо по озеру Илменью, куда судам ход бывает попутный. И для того показано передним судам чрез озеро Илмень с Божиею помощью отваливать. Которые, також и казенная коломенка позади всех, отвалили благополучно.

Того ж числа около полдень весь казенный караван, а казенная коломенка позади всех, в Новгород прибыли. И усмотрено, что удобного для пристани казенного каравану за множеством с дубовыми лесами и купецких судов места нет. И по необходимости за великою погодою в реке Малом Волховом почти уже ниже Новгорода к берегу на левой руке в ряд судна в 3 и в 4 пристали благополучно» (Корепанов 2013: 63, 64).

Сухопутные дороги (дорога?) через мстинскую дельту и болота Мстинско-Волховского междуречья были проходимы не во всякое время года и сильно зависели от погоды. Поэтому путь из Новгорода до Бронницы состоятельные путешественники, отправлявшиеся на Русь в теплое время года, часто предпочитали проделывать на кораблях. Именно так начало свой путь из Новгорода датское посольство, сопровождавшее герцога Ханса — несостоявшегося зятя Бориса Годунова. Путь из Новгорода до Бронницы занял у датчан день — 31 августа 1602 г. Дальше в Москву посольство двигалось уже сухим путем (Путешествие

1911: 10). Так же быстро проделало тот же путь и шведское посольство, встреченное 4 июня 1664 г., в устье Мсты Николаасом Витсенем, плывшем в обратном направлении (Великий Новгород 2005: 130).

Помимо возможности быстро доплыть из Новгорода до начала сухопутного пути на Москву, существовал еще один водный путь, описанный Мейербергом. Пятого мая 1661 г. выйдя на лодках из Новгорода, он проплыл мимо дельты Мсты и, войдя в устье Ниши, высадился в Понедельском монастыре, откуда продолжил путь по сухопутной дороге (Путешествие в Московию 1874: 52). Такой вариант пути был возможен только на пике половодья, поскольку Ниша в своем устье значительно уступает Мсте, не говоря уже о ее притоке — речке Понедельке, на которой стоял монастырь.

Путешественники, въезжавшие в Новгород с Руси, также предпочитали проделать ближайшую к городу часть дороги водой. Корабельный маршрут проходил мимо Николы на Липне. Именно здесь в начале июня 1572 г. новгородское духовенство встречало приехавшего из Москвы архиепископа Леониды (НЛ 1879: 112, 148). В грамоте Лжедмитрия 1606 г. упоминается «Никольский монастырь на московской на большой дороге над озером над Ильменем, а пришли к тому монастырю дорога зимняя и судовая» (цит. по Макарий 1860: 522).

В конце июня 1650 г. на кораблях от Бронницы до Рюрикова Городища без остановок (очевидно, за один день) проплыл со своим обозом Иоганн де Родес. В донесении королеве Христине из Ниеншанца 10 июля 1650 г. он сообщает:

«Я выбрался из Москвы 13 июня и имел с собою для своего сопровождения за “пристава” дворянина Юрия Минича Копнина (Jurgen Minetz Copein), (стрелецкого) “сотника” со 100 “стрельцами” за конвой и “толмача”, которые доставили меня сушей до Бронницы (Bronitz). Во время дороги, вследствие большой опасности от огня, я не хотел располагаться ни в одном селении, но расставлял всегда на поле в круг военный обоз, и сам помещался с деньгами посередине, а вокруг военного обоза приказывал ставить караульных. В Бронницах я остановился на два дня (ein Paar tage) и послал моего слугу с письмом в Новгород к “воеводе” и потребовал, чтобы он позаботился проводить меня в полной безопасности и доставить меня через границу. Он послал мне на другой день 5 больших дощаников (Bothen) и потребовал, чтобы я поехал от Бронниц водой (по Ильменю на Волхов), на что я согласился. Шелк и деньги были нагружены на дощаники, и я отправился на них на остров по названию Городище (Groditscha), поблизости Новгорода. Там “воевода” приказал сказать мне, что он хотел бы на следующий день встретить меня (в Новгороде),

но я покорно поблагодарил его и приказал ему сказать, что мне нечего терять времени в городе, и что он должен меня теперь дальше отправить. Тогда он приказал в свою очередь сказать мне, что он не может отпустить меня раньше, чем не даст знать о моем прибытии Их Превосходительству господину генерал-губернатору Карлу Мернеру и не получит от него ответа, намерен ли он принять меня. Так как на это потребовалось бы дней 8 или 10, то я приказал известить “воеводу”, что если он намерен так долго задерживать меня там, на месте, которому я не могу доверять, и на котором угрожает мне со стороны всего простонародья лишение жизни, то я буду принужден бросить все, а сам отсюда удалиться, а если из-за этого произойдет какая-нибудь беда, то он будет за это в ответе, так как казна пока еще принадлежит Их Цар. В-ству. Но он приказал немедленно сказать мне на это, что меня отпустит. На это я сейчас же выслал сюда (в Ниен) моего слугу, чтобы конвой от Их Превосх. господина генерал-губернатора встретил меня на границах Вашего Кор. В-ства у Лавы (Larwa), куда я прибыл водой 6-го этого месяца (июля) и нашел назначенный для меня Их Превосх. господином генерал-губернатором конвой и, кроме того, здешнего ландфогта» (Состояние России 1914: 39–41).

8 июня 1655 г. в составе московского посольства Фердинанда III за день проделал водный путь от Бронницы до Юрьева монастыря Франциск Гундулич (Путешествие 1869: 158). Ганзейское посольство затратило на это всего полдня — 23 июня 1603 г.:

«23 (июня) прибыли на ям Бронницы (6 миль), где остались для ночлега. По дороге между двумя этими ямами (Зайцево и Бронницы — И. Е.) было множество длинных мостов¹⁹⁸.

24 рано утром, пересев на судно, плыли до самого Великого Новгорода, сделав всего 5 миль водой, и потом проехали 7 миль сухопутьем.

Прибыв в 3 часа пополудни в Великий Новгород, мы в нем оставались с 24 по 30 июня (Великий Новгород 2005: 74).

Делегация Антиохийского патриарха Макария, по причине плохой погоды, преодолела этот путь на корабле за два дня — в 20-х числах августа 1655 г.:

«Вставши во вторник утром, мы проехали 35 верст по неопишимо трудным дорогам, по грязи, топя, под дождем, через леса и по бесчисленным деревянным мостам. В среду проехали 27 или 30 верст, всю дорогу по новым мостам. Когда мы переехали на лодках через реку по имени Ниша, нас и встретили шестеро архи-

198 Автор дневника имеет в виду дорожные гати.

мандритов от новгородского митрополита. <...> Затем нас привезли к берегу реки, называемой Мста, которая течет из большого озера по имени также Мста. <...> Нас посадили на великолепное судно, присланное от митрополита и воеводы Новгорода, а наших спутников на другое, проплыли на веслах до вечера 5 верст и, высадив нас на берег, поместили в шатре. Митрополит, имея в виду наши потребности на эту ночь, прислал нам лодку, нагруженную рыбой, хлебом и бочонками с напитками. <...> Во всю эту ночь шел проливной дождь с сильным ветром и не дал нам вкусить сладкого сна.

С раннего утра проплыли с нами 12 верст и привезли нас к весьма древнему каменному монастырю во имя святителя Николая, находящемуся на острове, который окружен реками и озером. Затем, проплыв еще немного, вошли в озеро по имени Волхово — удивление! Мы приехали по большой реке, которая вытекает из большого озера и впадает в еще большее. В длину и ширину оно имеет 40 верст и по своей огромной величине, округленности сильному волнению походит на море. Но оно не везде глубоко: в нем есть короткие мели, на которых наши суда останавливались; при этом стрельцы и гребцы сходили, чтобы сдвинуть их на глубокое место. Вдали показался Новгород. <...> Наше путешествие по этому прекрасному и огромному озеру продолжалось на три версты. <...> Мы подъехали к большому монастырю, во имя Святого Георгия, отстоящему от города на три версты» (Павел Алеппский 1898: 67, 68).

Новгородский Хронограф датирует прибытие корабля Макария в Новгород 24 августа (Тихомиров 1979: 297). Обратный путь от Новгорода до Бронницы патриарх со своими спутниками также проделал на судне, но на этот раз ему повезло. Погода стояла хорошая, и на плавание потрачена была всего половина дня (Павел Алеппский 1898: 86). Так же добирался до Новгорода со стороны Москвы и Николаас Витсен — 4 июня 1665 г. Конечным пунктом его путешествия в истоке Волхова стало Рюриково Городище:

«На озере мы встретили шведского посланника на пути его в Москву, со свитой в 94 человека. Они и мы шли по озеру своей дорогой и только приветствовали друг друга трубным звуком, без всякого обращения: русские все так устроили, что мы не могли поговорить. Это озеро довольно широкое, необозримо взгляду.

К вечеру мы прибыли к городу и остановились в трех верстах от места, где находится Благовещенский монастырь, на горе Городище. <...> Из-за наводнения это место превратилось теперь в остров; русские говорили, что такого наводнения здесь не было 20 лет; кругом все поля и леса лежали глубоко в воде, все монастыри и церкви казались островами» (Великий Новгород 2005: 131).

Характерно, что оба судоходных маршрута — по Мсте мимо Липенского холма и по Нише мимо Наволока до Понедельского монастыря — были отмечены тремя храмами, посвященными Святому Николаю — покровителю торговли и защитнику от бурь и кораблекрушений. Кроме храма Николы на Липне, известного с 1292 г. (ПСРЛ, т. III. 2000: 327), это был храм Николы Чудотворца на погосте в Наволоке, впервые упомянутый в приходной книге новгородского Дома Святой Софии 1576/1577 г. (Приходная книга 2011: 25), и церковь Николы с Понеделья из монастыря, также впервые упомянутая в том же источнике (Приходная книга 2011: 25).

Разумеется, выбор пути от Новгорода до Бронницы зависел и от благосостояния, и социального статуса путешественников. Большинство пользовалось водораздельной дорогой, проложенной по болотам междуречья Волхова и Мсты. «Выпись из Новгородских изгонных книг», датирующаяся 1703 г., но восходящая, вероятно, к источникам конца XVI — начала XVII в. (Голубцов 1950: 285), указывает на две дороги, шедшие из Новгорода к Броннице:

«От Великого Новагорода до Бронницы летним путем 30 в., а зимним путем 20 в., от Бронницы до Заецкого 30 в.» (Голубцов 1950: 294).

При удачных погодных условиях можно было достигнуть Бронницы из Новгорода за один день. Так описывает этот путь Ян Стрейс 8 ноября 1668 г.:

«8 ноября, после того как мы хорошо отдохнули в Новгороде и внимательно его осмотрели, мы продолжали путешествие на лошадях и санях и прибыли после обеда в деревню Бронницы (*Brunnitz*), где заночевали и переменили лошадей. В этот день снег растаял на солнце, и мы снова пересели в повозки, которые нам тотчас предоставили; ночью погрузились и на рассвете продолжали свое путешествие. Вечером приехали в деревню Медная (*Miedna*); дорога была скверной и трудной, так что изнурила наших лошадей» (Стрейс 1935: 149).

Так же, за один день, добрался из Новгорода до Бронницы на санях в ноябре 1673 г. Иоганн Брад, упомянувший о множестве «опасных, покрытых глубоким снегом проток и озер» на пути (Великий Новгород 2005: 146).

Санним путем 10 декабря 1671 г. проделал путь от Новгорода до Бронницы митрополит Питирим:

«По указу великого государя Преосвященный Питирим, митрополит Великого Новаграда и Великих Лук, поезде к Москве декабря в 10 день, и проводиша его за град с великою честью боярин и воевода князь

Василей Григорьевич Ромодановский и дьяки, и головы стрелецкие, и гости, и всегородной староста, и начальные люди града, и множество народа Великого Новаграда до реки до Жилотка. А власти, архимандриты и игумены и строители, те проводиша его до села до Бронницы со мноюю честию» (Тихомиров 1979: 317).

Реконструкция трассы этой дороги является одной из самых интересных задач исторической географии древнего Новгорода. Единственным документом, позволяющим представить направление дороги, является план Эрика Пальмквиста (Записки о России 2012: л. 9). Чертеж был приложен к отчету посольства Густава Оксеншерны 1673–1674 гг., но датируется, по всей видимости, временем шведской оккупации Новгорода 1611–1617 гг. и московско-шведской войны (Янин 1999: 20). Как мы видели выше, дорога на Бронницу в этот период приобрела жизненно важное значение для шведов, поэтому есть основания полагать, что ее изображение правильное.

На плане показан путь (подпись на нем гласит: “*Wägen till Muskow*”), ведущий через Жилотуг/Левощню, обозначенную как Волховец (*Wolchowits Ström*) (значительно выше места ее слияния с современным Волховцом) и затем поворачивающий вверх по Волховцу, вдоль его правого берега. Здесь план Пальмквиста заканчивается, но изображенного отрезка достаточно, чтобы проследить примерное направление всей дороги. Она, очевидно, выводила через Ситицкий монастырь в деревни Кунино и Сельцо, находившееся на краю болота Примша. Дальнейший путь в Бронницу предполагал передвижение по этому болоту на протяжении 6 км, а далее — движение по низкому заболоченному лесу на протяжении еще 9 км. Древнейшим косвенным указанием на существование этой вполне обустроенной и тогда — явно круглогодичной дороги (в той части ее, которая отражена на плане Пальмквиста) является упоминание о Жилотужском мосте в Н1:

«В лето 6846. Бысть вода велика в Волховѣ, яко же не бысть бывала николи же, по велицѣ дни на 3 недѣли въ среду, и снесе великого мосту 10 городень; тогда и Жилотужьскыи мостъ снесе и створися зла много» (ПСРЛ, т. III. 2000: 348).

Надо полагать, именно Жилотужский мост как важнейший стратегический пункт между Новгородом и Бронницей и попал на план, созданный шведскими военными в оккупированном Новгороде. Есть, впрочем, и более раннее (тоже косвенное) летописное известие, связанное с дорогой, ведущей от Новгорода к Броннице через Жилотуг. Это известие о походе Ярослава на Новгород 1270 г.:

«В лето 6778 <...> Новгородци же поставиша острогъ около города по обѣ сторонѣ, а товаръ въвозиша в город. **И пригониша сторожеви Ярославли без мала до Городища**, и выидоша всѣ град въ оружьи от мала и до велика къ Городищу, **и стояша 2 дни пѣши за Жилотугомъ, а коневницѣ за Городищемъ**. То увѣдавъ, Ярославъ поиде об ону сторону к Русь» (ПСРЛ, т. III. 2000: 320).

Смысл действий новгородцев очевиден — не дать войскам Ярослава захватить холмы в волховской пойме (и возможно, уже существовавший Жилотужский мост) и тем создать плацдарм для накопления войск вблизи Новгорода. Все эти действия, разумеется, имели смысл только в теплое время года. Держать войско два дня в холодной продуваемой пойме без топлива для костров никто бы стал, да и не простояли бы так новгородцы вблизи своих домов на морозе. Таким образом, мы видим, что в 1270 г. на южной дороге между Бронницей и Новгородом возможны были как маневры конных отрядов, так и передвижения пеших ратей.

В сентябре 1484 г. из Москвы на поставление в Новгород проехал ставленник великого князя Ивана Васильевича архиепископ Сергей. По рассказам новгородцев, ехал он «от Москвы ко гражданам яко пленным им» на коне по той самой дороге мимо Сквородского монастыря (НЛ 1879: 310), по которой за 14 лет до того прошли на Городище конные рати Ивана III. Здесь с ним якобы и случилось приключение, приведшее его к безумию и болезни. С судьбой Сергея связано было в Новгороде множество рассказов и слухов, но к информации о московской дороге, проходившей в бытность его архиепископом мимо Сквородского холма, следует отнестись со вниманием.

20–22 октября 1568 г. в Новгород из Москвы через Бронницу, Кунино и Жилотужский (очевидно) мост прибыл Иван IV с царевичем:

«В лета 7076-го, мѣсяца октября 20 день, в понедѣльник, архиепископъ Пиминъ ѣздилъ встрѣчати царя и государя ве [ли]каго князя Ивана Васильевича да его сына царевича болшаго Ивана Ивановича [ча] на Бронничю, съ врхимандритомъ и игумены, и били челом государю его царевичю сыну образы, и столь былъ на Броничи у государя на владыку и на игуменовъ. Да того же мѣсяца октября 22 <...> приѣхалъ царь <...> в Великий Новгородъ в 4 часу дни; и встречалъ архиепископъ Пиминъ <...> на Ильинской улицы <...> А князь велики начевалъ ѣдучи в Броничехъ, на Кунине, к Новугороду. <...> Да того же лета, мѣсяца августа в 31 день, вторник, 2 часу дни, поѣхалъ владыко Пиминъ из Великого [Нов]города к Москвѣ и начевалъ на Брониче; и игумены Новгородцкыи все, с образы, в тѣ поры на Брониче были и владыку проводили, и того же дни на Брониче у владыкы игумены хл [ѣ]ба ѣли» (НЛ 1879: 97, 98).

Существовала и еще одна (северная) дорога из Бронницы в Новгород. Она вела через верховья р. Мшаги и р. Вишеру в Хутынский монастырь (значительная часть этой трассы в наши дни совпадает с направлением Вишерского канала, прорытого в 1826–1836 гг.). Этим путем, еще санным, в марте 1723 г. двигался кортеж голштинского герцога Карла Фридриха:

«13-го мы поднялись очень рано утром и, переехав в Бронницах через реку Мсту (покрытую еще с обеих сторон льдом, который прорубили только для прохода больших судов), остановились на ночь в 10 верстах от Новгорода; следовательно, проехали в этот день всего 27 верст. Дорога была отвратительная по причине кругляков (бревенчатых настилов. — И. Е.) и ям. Мы должны были и еще раз переправляться через какую-то реку (Вишеру. — И. Е.), на которой, впрочем, был плавучий мост. Причина, почему герцог не доехал до Новгорода и остался здесь в Хутынском монастыре,

была та, что он узнал, что гораздо ближе будет, не заезжая туда, отправиться водою прямо в Бризду (Brizda). <...> Архиепископ Новгородский, который уже дня за два просил о чести видеть герцога у себя в Новгороде, прислал оттуда свою барку, чтоб перевезти на ней его высочество через широкую реку, отделяющую нас от Хутынского монастыря (Дневник 2000; Великий Новгород 2005: 176, 177).

Мы видим, таким образом, что единственным достоинством этой второй дороги была возможность несколько срезать расстояние по пути в Ладогу, обойдя Новгород. В него же добираться так было неудобно — путь удлинялся на 10 км; необходимо было преодолевать еще две крупные реки — Вишеру и Волховец — и ночевать где-то на берегах последнего. Всю совокупность данных о путешествиях между Новгородом и Бронницей можно представить в виде следующей таблицы (табл. 55).

Таблица 55. Сезонные особенности сообщения между Новгородом и Бронницей в XIII–XVIII вв.

№ п/п	Месяц (время года)	Год	Транспорт	Характер путешествия и персоналии	Промежуточные пункты, указывающие на северную или южную дорогу
1	8 ноября	1668	В санях	Ян Стрейс	
2	24 ноября	1477	На конях и пешком	Воеводы Ивана III «с полки своими»	
3	Ноябрь	1673	В санях	Иоганн Брад	
4	2 декабря	1674	В санях	Эрик Пальмквист	Жилотуг
5	10 декабря	1671	В санях	Митрополит Питирим	Жилотуг
6	6 января	1570	На конях и пешком	Иван IV с полками	Городище
7	Март	1723	В санях	герцог Карл Фридрих	
8	8 апреля	1517	В санях	Сигизмунд Герберштейн	
9	5 мая	1661	На корабле	Мейерберг	
10	Конец мая	1572	На корабле (?)	Архиепископ Леонид	Никола на Липне
11	4 июня	1664	На корабле	Николаас Витсен	
12	4 июня	1664	На корабле	Шведское посольство	
13	8 июня	1655	На корабле	Посольство Фердинанда III, Франциск Гундулич	Юрьев монастырь
14	23 июня	1603	На корабле	Ганзейское посольство	
15	Конец июня	1650	На корабле	Иоганн де Родес	
16	16 июля	1611	На конях и пешком	В. И. Бутурлин с войском	?
17	Конец августа	1655	На корабле	Патриарх Макарий	
18	31 августа	1602	На корабле	Герцог Ханс	
19	Сентябрь	1484	На конях	Архиепископ Сергей	
20	Конец сентября	1437	На корабле	Митрополит Сидор	
21	22 октября	1568	На конях (?)	Иван IV с царевичем Иваном Ивановичем	Кунино, Ильинская улица в Новгороде
22	Теплое время года	1270	На конях	сторожевые заставы князя Ярослава Ярославича	Городище

4.8.5. Уникальная находка с Бронницкого городища и ее исторический контекст

Венгры, паля церкви, убивали священников перед алтарями, безнаказанно истребляли или уводили в плен клир и народ. Тогда язычники также ломали кресты, издеваясь над ними; следы этого буйства сохранились вплоть до нашего времени.

Адам Бременский.

Деяния архиепископов Гамбургской церкви¹⁹⁹

В 2014 г. при просеивании пахотного слоя над подпольем длинного дома (комплекс VII), шедшего по периметру площадки городища сделана была необычная находка. Она происходит из квадрата В`-17`и, по-видимому, связана с комплексом VII; но определить точнее, с каким из его этапов, затруднительно, поскольку слои его заполнения в этом квадрате залегают не горизонтально, и к нижней границе пахотного горизонта выходит как нижний горизонт заполнения, так и верхний (**рис. 430**). Перед нами оказалась часть массивного литого изделия, завершавшегося трапециевидной лопастью с односторонним декором (**рис. 431–434**). Предмет отлит из свинцово-оловянистой латуни. Медь — основа, цинк — около 8–10%, олово — 3–4%, свинец — 3–5%, железо — менее 1%, мышьяк — следы, сурьма — следы, серебро — следы, висмут (?). Металл желтого (золотистого) цвета, следы золочения не выявлены²⁰⁰.

Лицевая поверхность фрагмента носит следы полировки и украшена циркульным орнаментом. Трапециевидная деталь первоначально имела по углам удлинённые выступы — «слезки». Край «трапеции» был обломан (это видно по обрывающимся фрагментам циркульной орнаментации) и одна из «слезок», очевидно, утрачена. В центральной части лопасти размещается еще один округлый выступ, также покрытый циркульным орнаментом. Он также завершается «слезкой». Таким образом, выделяется три орнаментальных мотива: трехчастное оформление завершения трапециевидного предмета; использование «слезок» в угловых точках композиции; циркульный орнамент.

Мы видим фрагмент какого-то предмета, не относящегося к разряду ювелирных украшений и не принадлежавшего к кругу раннесредневековых древностей лесной полосы Восточной Европы. Ни в славянских древностях (с их нехваткой цветного металла), ни в финно-угорских (включая обильное ювелирным и культовым литьем Прикамье), ни в литовских

мы не найдем предметов, которые сочетали бы подобные элементы. Нет ничего похожего и в культуре восточноевропейских степняков второй половины I тыс. н. э. Разумеется, циркульная орнаментация имеет повсеместное распространение, но вот такие орнаментальные элементы, как «слезки» в угловых частях композиций во всех этих культурах не известны, не говоря уже о сочетании этих элементов на одном предмете.

Аналогии следует искать за пределами «варварских» культур Восточной Европы. В первую очередь, на ум приходит Рим и Византия. Трапециевидные ручки имели, например, некоторые металлические ковши (trulla) V–VII вв. (Cruikshank Dodd 1961: 80, 81; Age of spirituality 1979: 136, 137). Такие вещи известны в России, в частности ковш из Перми (491–518), или из Перещепинского клада (582–602 гг.) (Cruikshank Dodd 52, 53, 118, 119; Залеская 2006: 55, 61, 62). Использование «слезок» для декорации ручек таких ковшей зафиксировано в VII в. в произведениях византийского прикладного искусства. Подобным образом украшена трапециевидная ручка серебряного ковша из клада Кратигос, датирующегося 613–629/630 г. (Everyday Life 2002: 221, 222)²⁰¹. В римское время в Европе известны и ковши с трехчастным завершением трапециевидных ручек, правда, весьма далекие по форме от нашей находки (Geake 1997: 115, fig. 5.23).

Изделие, которому принадлежал найденный фрагмент, значительно проще представить себе в виде христианского символа — креста (определить какая именно, правая, левая или верхняя его лопасть, пока затруднительно, но об этом чуть ниже). Кресты со «слезками» (разного назначения), покрытые упорядоченным или хаотичным циркульным орнаментом (вероятно, возникшим в данном случае как стилизованное изображение драгоценных камней), во множестве представлены среди раннесредневековых христианских древностей Византии (анalogии см., например: Тотев 2012, 2012а; Пескова, Строкова 2012: рис. 24: 1). Наверное, нельзя полностью отрицать и возможности западноевропейского происхождения бронницкой находки, хотя это менее вероятно. Кресты, орнаментированные циркульным орнаментом, известны и в христианском искусстве остготов и лангобардов VII в. (Шулте-Умберг 2018: 277).

Скорее всего, перед нами фрагмент креста процессионного или запрестольного (**рис. 435: 1**). Но возможно и другое его назначение. Крупные металлические кресты широко использовались в Византии

¹⁹⁹ Adam Bremensis, Gesta. I. 53 (55); Немецкие анналы 2012: 327.

²⁰⁰ Металлографический анализ выполнен С. В. Хавриным (Государственный Эрмитаж).

²⁰¹ Хранится в Византийском и христианском музее в Афинах. Клад, помимо ковша, ложек, подсвечника и монетной части, содержал серебряный дискос. Поэтому, вероятно, форма ручки ковша не случайно напоминает лопасть христианского креста, как его часто изображали в VII в. Комплекс мог представлять собой набор церковной утвари.

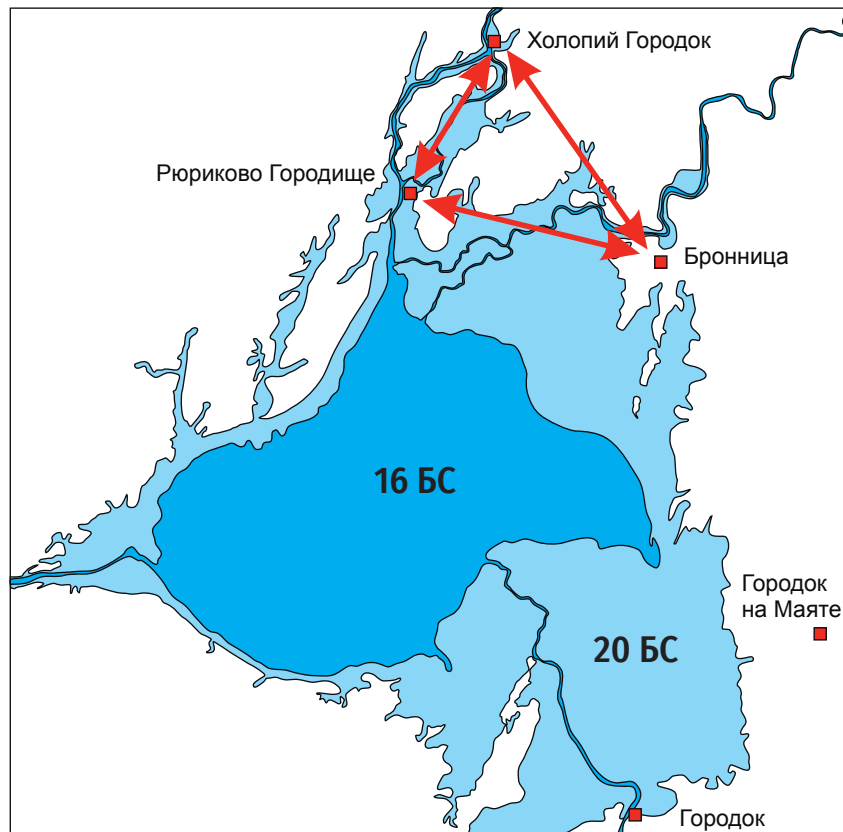

Рис. 429. Древнейшие городища в Приильменской котловине. Схематичное изображение системы коммуникаций и пунктов контроля над ними на переходе из Волхова на Мсту

Рис. 430. Бронницкое городище 2014 г. Место находки фрагмента процессионного (?) креста над комплексом VII. Контуры комплекса, обозначившиеся после разборки пахоты и верхней части сохранившегося под ней культурного слоя

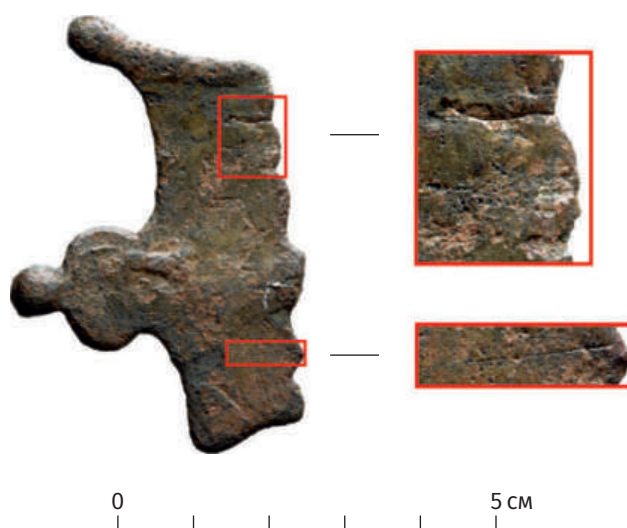

Рис. 431. Фрагмент процессионного креста с Бронницкого городища

в качестве самых разнообразных элементов церковной утвари. Подвесной светильник (лампадофор) с такой деталью, датирующийся VI–VII вв., представлен в византийской коллекции Metropolitan Museum of Art (*Age of spirituality* 1979: 621). В Средиземноморье в VI–VII вв. были распространены подвесные масляные лампы с крестом, украшенным слезками и циркульным орнаментом (*Everyday Life* 2002: 295). К VI в. относится хранящаяся в Эрмитаже масляная лампа на треножнике, увенчанном массивным крестом, найденная в Керчи в склепе № 152 (Залеская 2006: 126). Крест мог быть элементом хороса, венчать киворий в храме или украшать какой-то иной элемент храмового интерьера.

Интересны две детали. Во-первых, неровности литья на оборотной стороне изделия наводят на мысль, что она не предназначалась для обозрения. Это затрудняет интерпретацию находки как части изделия, предназначавшегося для процессий. Во-вторых, края лопасти креста как будто слегка вогнуты. Это, конечно, могло произойти и случайно, тем более что фрагмент невелик. Но все же возникает впечатление, что крест мог накладываться на какую-то выпуклую (цилиндрическую?) поверхность большого диаметра. Следует обратить внимание еще на одну традицию, представленную в интерьерах византийских храмов, — на металлические кресты, крепившиеся к каменным архитектурным элементам базилик. Для этого на поверхности камня вырезался углубленный контур креста и в его границах выдалбливались отверстия для деревянных пробок, в которые загонялись гвозди или шпеньки, прочно удерживавшие крест, например на каменной основе. До наших времен такие кресты не дошли *in situ*, известны лишь их следы на колоннах.

Рис. 432. Фрагмент процессионного креста с Бронницкого городища. Следы вторичной разметки на обратной стороне изделия

Самый известный пример существования такого креста можно указать в базилике Рождества Христова в Вифлееме, построенной в период правления Юстиниана Великого (527–565). Здесь на колонну был помещен крест с расширяющимися от средокрестия лопастями. Форма креста не противоречит датировке его временем, близким к постройке второго вифлеемского храма. Следы такого же, как в Вифлееме, накладного креста в наши дни можно видеть на одной из мраморных колонн в Салониках, принадлежавшей неустановленной базилике. Колонна с вырезанным на ней углублением для креста, крепившегося при помощи дюбеля в средокрестии, в настоящее время стоит рядом с «источником нимф» возле храма Святой Софии (**рис. 435: 3**).

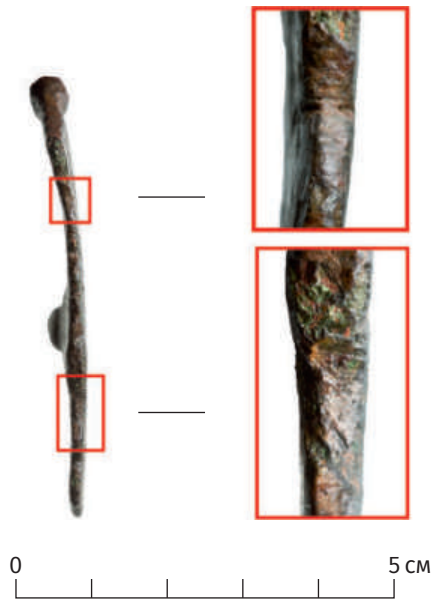
Редкой особенностью бронницкого креста является наличие центрального выступа между «слезками», имеющего округлую форму и завершающегося еще одной «слезкой». Три «слезки» должны были, вероятно, символизировать сияние, исходящее от святыни. Тройные лучи, исходящие от лопастей креста, известны в раннесредневековом византийском искусстве, например, в мозаике арки алтаря храма Святой Софии в Салониках (конец VIII в.). Есть множество примеров, где крест имеет подобное завершение.

- Наиболее близкая аналогия, на мой взгляд, представлена в коптском архитектурном декоре VI–VII вв. (Neurgon 1958: pl. 37: 2) (**рис. 435: 2**).

- Нательные кресты подобной схемы, предположительно датирующиеся VII в. (*Everyday Life* 2002: 499) (**рис. 435: 5**).

- Центральные выступы, в том числе и близкой (подтреугольной) формы, встречаются также и на

Рис. 433. Фрагмент процессионного креста с Бронницкого городища. Следы обработки места слома напильником с целью получения зубцов

Рис. 434. Фрагмент процессионного креста с Бронницкого городища. Следы вторичной обработки напильником на лицевой поверхности изделия

больших процессионных и запрестольных крестах. Таков, например, знаменитый ювелирный шедевр — крест Победы из Овьедо в Испании, датирующийся 908 г. (Priego 1990: 17).

- Можно, наконец, указать на изображение креста с трехчастным завершением боковых лопастей и сплошной точечной орнаментацией на серебряном потире XI–XII вв. из Херсонеса (Византия. Сакральная среда 2017).

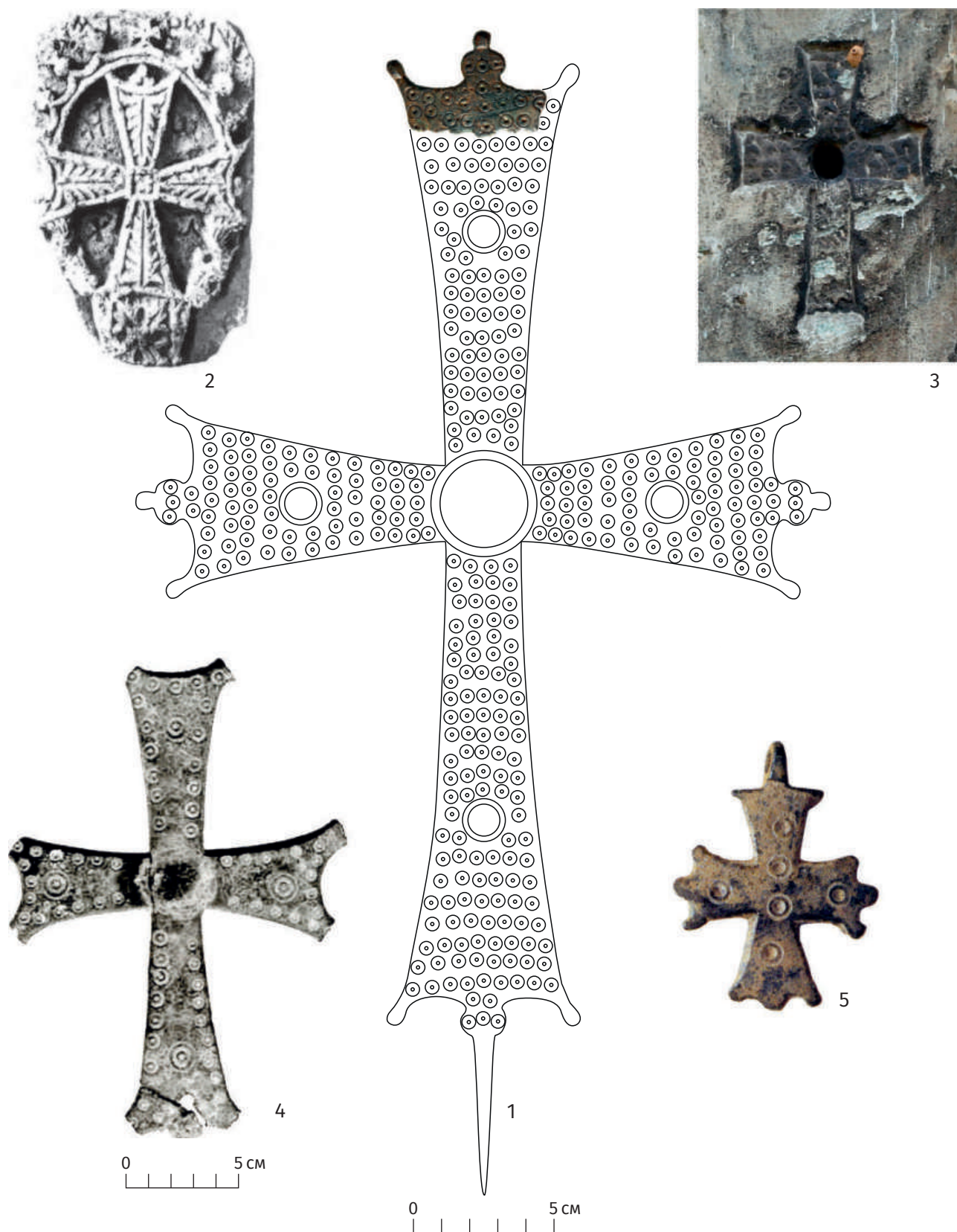
Реконструировать размеры бронницкого креста по аналогиям сложно, поскольку раннесредневековые процессионные византийские кресты, не говоря о прочей церковной утвари и предметах интерьера, очень разнообразны по форме и размерам. Исходя из массивности фрагмента, найденного на городище, можно лишь предположить, что целое изделие имело размеры не менее 170×240 мм. Такими обычно и изображаются на многочисленных миниатюрах (например, в Сирийском Евангелии VII в.) раннесредневековые процессионные кресты. Таковы были накладные кресты на колонны базилик из Вифлеема и Салоник.

Что касается датировки бронницкого креста, то ее следует признать чрезвычайно широкой. Использование выносных крестов в разного рода религиозных шествиях в Византии начинается не позднее начала V в. (Романов 2003: 68, 69). Древнейший из сохранившихся византийских выносных крестов датируется эпохой Юстиниана (Щедрина 2003: 60) или шире — VI в. (Ivanov 2019: 52). Первые изображения крестов такого типа в прикладном искусстве и на книжных миниатюрах, как уже отмечалось выше, также отно-

сятся к VI (Толстой, Кондаков 1891: 174; Залеская 2006) и VII вв. (Everyday Life 2002: 499; Сирийское евангелие). Трудно удержаться от замечания, что по стилю и массивности изделия из Бронницы его следует отнести скорее к третьей четверти I тыс. н. э. Это предположение будет выглядеть менее сомнительно, если мы, например, вспомним о находке клада серебряного лома в виде исковерканной византийской чаши в устье реки Эмайыги в Западном Причудье. Чаша датируется V–VI вв. (Казанский 2010: 330; 2010а: 74, 75). Неподалеку найдена еще одна аналогичная чаша (Аун 1992: 142). Словом, известно, что византийские изделия каким-то образом достигали Северо-Запада России уже в середине I тыс. н. э.

Однако, некоторые, более отдаленные, аналогии бронницкому кресту датируются X–XI вв. Разумеется, накладные, процессионные и запрестольные кресты сохранялись в храмах при жизни многих поколений, и их облик многократно воспроизводился мастерами. Поэтому пока (исходя из датировки слоя Бронницкого городища, жизнь на котором прекращается до распространения в Приильменье гончарной керамики, т. е. до середины X в.) следует принять для предмета широкую дату: VI — первая половина X в.

Датировка находки языческим временем подтверждается как контекстом памятника, так и информацией, читающейся на самом фрагменте креста. Чрезвычайный интерес представляют следы вторичного использования обломка церковной утвари.

Рис. 435. Бронницкое городище. Реконструкция процессионного (?) креста (1) (оп. 2, № 13) и материалы к ней. 2, 3, 5 — без масштаба. 2 — крест с трехчастным завершением на коптской стеле (Neurjon 1958: pl. XXXVII: 2); 3 — след крепления к колонне металлического креста. Салоники, колонна неизвестной базилики близ храма Святой Софии. Фото И. И. Еремеева. 4 — бронзовый процессионный крест из Болгарии, украшенный циркульным орнаментом, X в. (Тотев 2012а); 5 — нательный крест из медного сплава из Афинского музея византийского и христианского искусства, VII в. (Everyday life 2002: 499)

Последний владелец фрагмента, на мой взгляд, приложил немало усилий для того, чтобы выпилить из него нечто, отвечавшее его представлениям о языческом амулете.

На обратную сторону обломка была нанесена разметка в виде ряда насечек (рис. 432), по которым грубым напильником были не искусно вырезаны подтреугольные зубцы (рис. 433). Всего получилось шесть зубцов. Место слома края лопасти (на котором находилась одна из «слезок») обработано напильником таким образом, что получился ровная закругленная грань. Следы напильника можно заметить и на лицевой поверхности фрагмента поверх орнамента (рис. 434).

Все эти действия следует, на наш взгляд, интерпретировать как попытку изготовить из фрагмента креста амулет в виде гребня. Бронзовые расчески-амулеты (для практического применения они, за редким исключением, непригодны) бытовали в Балтийском регионе в VIII–X вв., в первую очередь в среде прибалтийско-финского населения. Ближайшим известным мне памятником, где найдена такая вещь, является городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии (Шмидехельм 1959: табл. IX: 8). Известны они в разных вариантах и в Финляндии (Skatter ur Finlands konst och kultur 1967: 98; Kivikoski 1973: Taf. 89: 789, 790). Позднее, уже в домонгольское время, бронзовые гребни-амулеты получают широкое распространение в древнерусской культуре, преимущественно в тех областях Древней Руси, которые соприкасаются, так или иначе, с финским миром. Конечно, не исключено то, что из бронницкой металлической пластины пытались сделать какое-то орудие, например, для обработки шкур.

Находка христианской церковной реликвии в совершенно языческом контексте приильменского городища является ценным свидетельством о ранних контактах Северной Руси с Византией и вызывает в памяти знаменитые летописные описания первых грабительских набегов руси на Византию и Константинополь.

Крест мог происходить из разоренного храма, находившегося где-то в зоне военной активности русов: в Крыму, в Болгарии в окрестностях Константинополя или на малоазийском побережье Черного моря. Впрочем, есть и другая версия. Как известно, первые сообщения о крещении русов относятся ко времени сразу после их похода на Константинополь в 860 г. В языческом Киеве в 945 г., согласно ПВЛ, стояла уже соборная церковь Св. Ильи, в которой клялась соблюдать «ряд» с Византией приобщившаяся к христианству часть Игоревой дружины. Еще один храм, посвященный Св. Николаю, согласно тому же источнику, поставила Ольга на могиле Ас-

кольда. Таким образом, есть веские основания полагать, что литургические предметы во второй половине IX — первой половине X в. ввозились на Русь не только в качестве трофеев, но и для использования по своему прямому назначению. Археологическим воплощением этих данных является древнейшая находка креста-энколпиона из Старой Ладogi, датирующаяся периодом между 900 и 924 гг. (Пескова 2002: 32). Дальнейшая судьба литургических предметов в языческой стране могла складываться самым непредсказуемым образом.

Разумеется, можно допустить прозаическое путешествие на север уже «обезличенного» куска металла в сумке ремесленника-ювелира или торговца ювелирным сырьем²⁰². Использование византийской бронзы как ювелирного сырья действительно зафиксировано на Северо-Западе в X в. Укажем на разрубленный ювелиром (совершенно как дирхем) византийский фоллис последней четверти IX — третьей четверти X в., найденный на ремесленном поселении в Усвятах (Еремеев 2015: рис. 446: 1). Несколько медных византийских монет (которые не могли иметь ценности за пределами Империи) найдено неподалеку от Бронницы на Рюриковом Городище (Носов, Хвощинская, Медведева 2012: 59). Возможно, в качестве контекста бронницкого креста следует рассматривать находки на Ильмене и в истоке Волхова византийских монет императора Феофила (829–842 гг.), известных на Рюриковом Городище (5 экз.), близ Хутынского монастыря (1 экз.) и в с. Подгощи (Шевцов 2017: 143–144).

Находки раннесредневековых процессионных крестов в Восточной Европе известны в значительном количестве, но датируются X–XI вв. Большинство их связано с византийским Херсонесом (Византия. Сакральная среда 2017). Известны предметы из Киева (Пекарська, Павлова 2004; Пескова, Строкова 2012: 160–180), Волжской Булгарии. Известна случайная находка фрагмента креста из Старицы в верховьях Волги. Большинство предметов имеет провинциально-византийское происхождение (Павлова 1998).

4.8.6. Рюриково Городище 5 и приильменские городки

Около середины IX в. в Приильменье возникает новое по конструкции и грандиозное по трудозатратам инженерное сооружение — деревоземляной вал со срубным каркасом — Рюриково Городище 5. Надо уточнить, что внешний облик деревоземляных укреплений до сих пор не ясен, поэтому мне кажется

²⁰² Надо отметить, что находки обломков процессионных крестов на территории собственно византийских провинций тоже встречаются (Пескова, Строкова 2012: 50, 156, 157).

разумным употреблять термин «вал». Оборонительные сооружения охватили площадь не менее 1–1,2 га (Носов и др. 2007: 22; Хвощинская 2021: 109). И. Янссон подчеркнул, что планировка поселения имеет сугубо восточнославянские черты:

«And when we turn to the structure of the site and the buildings, the Eastern European character is very marked. A deep moat (and no doubt also a rampart, although not yet traced) *surrounded* (курсив мой. — И. Е.) the central and probably earliest part of the settlement, which makes Rjurikovo Gorodišče conform to a widespread model in Eastern Europe but differ from Birka, Hedeby and other Scandinavian sites which had no central, inhabited fortress» (Jansson 1997: 36).

Идея была поддержана Е. Н. Носовым:

«Топографическая структура Рюрикова Городища сугубо восточноевропейская и отличная от скандинавской модели <...> Поселение имело двухчастную структуру и состояло из укрепленной *площадки на вершине* (курсив мой. — И. Е.) холма и примыкавшей к ней неукрепленной части, которая располагалась как по гребню возвышенности, так и на самом низменном мысу» (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 30).

Исследования последнего десятилетия внесли в эти представления очень существенные коррективы. В настоящее время нет оснований предполагать, что ров и вал *около* центральную часть поселения. Раскопки не выявили поворота укреплений вокруг холма со стороны Волхова; наоборот, они говорят о том, что укреплена была не только площадка, но и часть поймы у подножия всхолмления. На северном берегу Сиверсова канала древний вал и ров ориентированы в направлении с северо-востока на юго-запад. Укрепления огибают край холма, слегка его подрезая, выходят на песчаный пляж и сближаются здесь с берегом Волхова под углом примерно 45°. Это позволяет предположить, что изначально укрепления не окольцовывали городищенский холм со стороны реки (никаких намеков на его поворот вдоль Волхова к северу в раскопках не найдено), а захватывая изрядный участок поймы (шириной 40–50 м и протяженностью около 100 м), упирались своим южным концом прямо в урез воды. Как показали материалы Благовещенского раскопа, в северной части городища ситуация аналогична. Укрепления Рюрикова Городища 5, видимо, имели серповидную, или, как пишут западные археологи о подобных укреплениях, D-образную форму, и охватывали не только часть вершины холма, но и часть его пойменного подножия, обращенного к Волхову (Носов, Хвощинская 2019а: ил. 1). Размещение южного фланга линии

укреплений в пойме Волхова, как будто, придавало им оттенок временности. Действительно, как следует из стратиграфии раскопа 2001–2003 гг., мощные укрепления сразу же начали размываться паводками и очень быстро, уже к рубежу IX/X вв., пришли в негодность (Носов и др. 2003: 20–21; Носов 2007: 35; Хвощинская 2021: 118).

Все эти характеристики в совокупности ставят укрепленное поселение в истоке Волхова в исключительное положение по отношению к приильменским городкам предшествующей эпохи — таким, как Холлопий Городок, Сельцо I или Городок на Маяте или более раннее укрепление Рюрикова Городища 2. Социальная сущность Рюрикова Городища 5 явно иная, чем у них. Е. Н. Носов, характеризуя укрепления, открытые в 2000–2003 гг., отметил целый ряд необычных элементов, высказав остроумную трактовку предназначения фортификаций на северном берегу Сиверсова канала:

«В прямом смысле обычным оборонительным валом это сооружение назвать нельзя, прежде всего потому, что оно стало возводиться не по краю более высокой части холма, что было бы вполне естественным, а от самого его подножия, тем самым поднимая данный участок, в первую очередь, до уровня площадки, а не над ней. Вместе с тем, очевидность грандиозности проведенных в древности работ не оставляет сомнений в той значительной роли, которую придавали данному сооружению жители поселения. На мой взгляд, строители конструкции поставили перед собой двойную, а до некоторой степени и тройную задачу. Во-первых, несомненно, была усилена оборона поселения — вместо пологого склона появилась мощная деревянная стена высотой не менее 4 м. Во-вторых, оказалась увеличенной площадь цитадели. В-третьих, описанная конструкция служила и как гидротехническая защита холма. Последний факт нельзя недооценивать, и он связан с сугубо природными особенностями истока Волхова и Ильменя» (Носов 2007: 34).

С оценкой конструкций в южной части холма, как не только фортификационного, но и гидротехнического сооружения, нельзя не согласиться. Но нам представляется, что к вышеперечисленным задачам, стоявшим перед древними строителями, следует добавить четвертую. Городищенский холм достаточно обширен, по площади он в несколько раз превосходит участок, огороженный в IX в.; на нем можно свободно разместить три городища, подобных первоначальному укреплению (Носов 1990: рис. 4). Остается неясным, зачем создателям крепости необходимо было оберегать от паводков именно юго-западный край холма, рискуя быстро лишиться плодов своего труда (что, собственно, вскоре и произошло)? Для

защиты возвышенной жилой зоны городища от разливов Волхова достаточно было перенести фортификационные сооружения на несколько десятков метров к северо-востоку. Разумеется, это увеличило бы объем земляных работ, но при тех без преувеличения гигантских трудозатратах, которые были вложены в укрепления, эта задача вовсе не представляется непосильной.

Тем не менее, вал был возведен на самом низком участке, в пойме на берегу Волхова. Ответ, на наш взгляд, может быть следующим. В защите от разрушительных ильменских паводков нуждался не только сам городищенский холм, но и участок поймы, располагавшийся в IX в. у западного его подножия. В защите нуждались, видимо, располагавшиеся здесь корабельная стоянка, пристань и, возможно, какие-то портовые постройки (Еремеев, Дзюба 2010: 409). Хотя срубные укрепления обычны для Древней Руси, но подобная планировка очень мало напоминает восточнославянские городки IX в.²⁰³

Рюриково Городище 5 имеет все черты резиденции варяжского конунга с его дружиной. Не встречающаяся нигде более на Северо-Западе концентрация изделий скандинавского (в основном среднешведского) происхождения преимущественно второй половины IX–X в., большое количество предметов, связанных с костюмом мужчины-воина, — все характеризует поселение именно с этой стороны (Янссон 1999: 19, 37; Хвошинская 1999: 49; Duczko 2004: 105; Носов 2007: 28, 30). Скандинавские черты в культуре поселения Рюриково Городище 5 проступают изначально. Вещи североевропейского облика найдены уже в заполнении рва на северном берегу Сиверсова канала. Находки у подножия деревоземляных конструкций обломка гребня скандинавского типа (тип 1 по О.И. Давидан) и пружинных ножниц с бронзовой инкрустацией (Носов и др. 2003: 2) вполне определенно указывают на «норманнскую вуаль» в повседневном обиходе самых первых обитателей D-образного укрепления.

Важен вопрос о хронологическом соотношении крепости IX в. и посада. Предположение об *одновременном* возникновении крепости и открытого поселения в пойме в настоящий момент остается недоказанным. Культурный слой известен на обширной площади, примыкающей к городищу с востока, юго-востока и юга. Наиболее ранний участок этого слоя, древнейшая часть посада, должна была бы находиться в прибрежной зоне — там, где удобнее все-

го спускаться к воде. О времени возникновения поселения на пойменной части мыса мы сейчас можем судить по материалам раскопок на южном берегу Сиверсова канала. Древнейшая дендродата с этого участка относится к 900 г. (Носов 1990: 47). Под лагой, по спилу с которой получена дата, залегает здесь слой коричневого гумуса мощностью 0,18–0,25 м, что, вероятно, указывает на то, что этот участок был заселен в «последние десятилетия IX в.» (Носов 1990: 47).

Дендродаты, лежащие близ рубежа IX/X вв., получены для мысовой части Городища не единожды. Проблема в том, что на северном берегу Сиверсова канала зафиксированная мощность культурного слоя под хлебными печами, относящимися к тому же времени, что и постройка в пойме (даты рубки бревен ранней печи лежат в интервале 889–905 гг.), даже в раскопе 1977–1979 гг. достигала 1,5 м (Носов 1990: 54). В реальности слой под печами на этом участке гораздо мощнее: раскопки 1977–1978 гг., как выяснилось при последующих исследованиях, далеко не достигли материкового дна рва, которое было раскрыто только в 2003 г. (Носов 2007: 32, 34). Разумеется, печи были возведены на поверхности ополыни расплывшегося вала, который разрушался быстрее, чем накапливался слой на поверхности поймы. Но все же исходя из соотношения мощности слоя под двумя синхронными постройками — хлебной печью и постройкой на южном берегу канала (примерно 1: 10) есть основания сомневаться в том, что эти отложения накапливались в течение одного и того же времени. Напротив, создается впечатление, что крепость возникает несколько раньше, чем посад, что не противоречит предположению Е. Н. Носова о том, что участок поймы был заселен в «последние десятилетия IX в.».

Если мы будем рассматривать D-образные укрепления в контексте речного ландшафта, нам следует признать, что в восточнославянском мире середины IX в. — в Поднепровье, Белоруссии, на Западной Двине и Верхней Волге, т. е. там, где мы находим параллели материальной культуре населения Приильменья, — ничего подобного укреплениям Рюрикова Городища 5 нет. Весьма спорной представляется нам аналогия между Рюриковым Городищем и крепостью на Старокиевской Горе (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 29; Носов 2007: 35). Слишком уж мало общего в топографии и планировке между киевским мысовым городищем на высоком плато коренного берега и подковообразным укреплением в Волховской пойме. Более близка последнему западнославянская фортификация IX–X вв.

Многочисленные аналогии D-образным укреплениям, возведенным на низких речных берегах, можно отыскать между Вислой и Эльбой (см., например: Muller, Muller-Mučić 1983). Нужно, однако, заметить, что в керамике, украшениях, бытовом инвентаре

²⁰³ В то же время сооружение валов на склонах городищенских холмов было, в общем, довольно частым приемом еще в РЖВ. В более позднее время так строился, например, вал городища Монастырек (западного), датирующийся VIII–X вв. (Петрашенко 1985: 73, рис. 4).

каких-либо определенных следов связей Приильменья с миром западных славян в IX в. проследить не удастся. В археологическом материале эти связи становятся хорошо заметны лишь позднее, начиная с X столетия.

В поисках аналогий городищу в истоке Волхова следует, возможно, обратиться к укреплениям, формы которых вырабатывались в североευропейском мире в процессе норманнской экспансии. Как известно, в тесно связанной с Русью, и в частности, с Рюриковым Городищем, Центральной Швеции в VI–IX вв. городков не строили (Янссон 2009: 209). В некоторых случаях сочетание рельефа и планировки усадеб наводит на мысль о том, что строители закладывали в них некие оборонительные функции. Такова, например, королевская усадьба IX в. в Форнситуне (Старой Сигтуне), где большие дома расположены дугообразно по периметру мысового всхолмления, образуя подобие укрепленной линии, впрочем, открытой с напольной стороны (Allerstav et al. 1991: fig. 16). Настоящие долговременные укрепления в Центральной Швеции в эпоху викингов не возводились. Исключение составляет «Борг» Бирки, выстроенный на рубеже VIII/IX вв., и ее более поздний городской вал, датировка которого дискуссионна (Янссон 2009: 214). «Борг» представляет собой обведенную валом гранитную скалу, тем самым продолжая традиции скандинавской фортификации первой половины I тыс. н. э. Сравнить его с Рюриковым Городищем сложно. В Южной Скандинавии ситуация иная. Тут изучены круглые фортеции, так называемые геометрические крепости или «треллеборги»²⁰⁴. Крепости, находящиеся в Сконе, датируются X в. (Svanberg, Soderberg 1999: 32; Jacobsson 2003: 216). Дендрохронологическое изучение датских «треллеборгов» указывает время около 980 г. (Янссон 2009: 209). Прообразом Рюрикова Городища 5 они быть не могли.

Более интересны для нас укрепления, которые строились викингами за пределами своей родины в ходе набегов и миграций. Особенно интересна Англия, где норманнам удалось осесть надолго. В письменных источниках неоднократно упоминается о строительстве здесь викингами фортификационных сооружений начиная со второй половины IX в. Самое известное из них и наиболее изученное — крепость в Рэптоне, построенная в 873–874 гг. Лагерь представлял собой простой D-образный вал и ров, незамкнутые со стороны реки. Два аналогичных укрепления, чья принадлежность викингам наиболее веро-

ятна, — Уимблингтон и Шиллингтон находятся на границе Области датского права (Dyer 1972: 226; Richards 1991: 23; Hadley 2006: 13). Еще один пример подобной планировки дает известное прибрежное укрепление в Аннагассане (Linn Duachail) в Ирландии, отождествляемое исследователями со стоянкой норманнов, основанной в 841 г. (Meulemeester, O. Conor 2007: 323).

Несколько позже большие полукольцевые укрепления, примыкающие к воде, подразумевающие топографическое единство корабельной стоянки и жилой застройки, распространяются в Северной Европе повсеместно. Именно подобным образом спланированы укрепления англо-саксонского Ипствича, датского Хедебю, городской вал шведской Бирки, вал Вестергарна на о. Готланд и оборонительные линии некоторых других торговых центров. Вот контекст, в котором следует рассматривать укрепления Рюрикова Городища с их подковообразным валом, открытым в сторону большой воды, с включенным в огороженное пространство участком пойменной береговой черты, необходимым для защиты кораблей, вытасненных на берег для зимовки. При этом нужно подчеркнуть, что речь идет только об инженерной стороне дела. Разумеется, региональные причины, вызвавшие к жизни Городище и вышеупомянутые укрепления, были различны. Кроме того, Рюриково Городище оказывается в этом ряду одним из самых ранних оборонительных сооружений.

Итак, возникновение Рюрикова Городища 5 было результатом воздействия на приильменскую сельскую округу некоей внешней военной силы. Не вырастая из городищенских традиций VII — начала IX в., она скорее вторгается в нее достаточно инородным образованием. Несколько позже (?), чем Рюриково Городище 5, строятся два городка в Поозерье — Георгий и, вероятно, однотипное с ним укрепление у д. Сергово. Судя по раскопкам городища Георгий, это были открытые с воды довольно простые D-образные оборонительные сооружения того же типа, что и Рюриково Городище 5, но значительно меньше последнего по размерам. Интересно, что Георгий возникает на руинах сожженного поселения — под его валом найден слой пожара и расчищены остатки сгоревшей срубной постройки (сохранилось несколько распавшихся нижних венцов) с рассыпанными в ней наконечниками стрел (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 137). Эта деталь и сравнительно поздняя дата Георгия наводят на мысль о том, что городища Поозерья, как и Рюриково Городище 5, — явление вторичное и внешнее по отношению к системе расселения V–IX вв. Они отражают появление (и совсем не мирное) какой-то экстрарегиональной силы.

Иначе обстоят дела с Холопым Городком. Сравнительно ранняя дата поселения маркирована кладом куфических монет, одним из самых ранних в Повол-

²⁰⁴ Традиция «треллеборгов» восходит, видимо, с одной стороны к кольцевым укреплениям, сооружавшимся в IX в. на северных границах каролингского мира для защиты населения от набегов викингов (Willemsen 2004: 149; Meulemeester, O. Conor 2007: 318, 319), с другой — к западнославянским «рингфортам» нижнего течения Эльбы и Шлезвига.

ховье (младшая монета выбита в 812 г.). В отличие от Рюрикова Городища 5 и городищ Поозерья, Холопий Городок, хоть и расположен в том же ландшафте, что и они, вовсе не похож на укрепленную корабельную стоянку. Вала здесь не было, и роль оборонительной линии выполняла выстроенная на вершине холма кольцевая (или полукольцевая?) постройка, прослеженная в раскопках Е. Н. Носова (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 148, 149) и М. А. Юшковой (Юшкова А-2006). Это роднит Холопий Городок с родовыми городками Восточной Европы середины — третьей четверти I тыс. н. э., подробно рассмотренными нами выше в разделе 2.2.4. На Холопьем Городке нет находок V–VII вв., но его существование уже в VIII в. представляется очень вероятным. Впрочем, при его датировке следует учитывать полное преобладание на памятнике лепной реберчатой керамики «ладожского типа», что едва ли было возможно, если бы здесь имелись отложения «доладожского» времени.

Что касается городков Восточного Приильменья, то в IX в. они вновь обживаются, но (судя по раскопкам на Маяте) масштабных фортификационных работ на них не производится. И, наконец, с возникновением Новгорода около середины X в. укрепления всех приильменских городищ приходят в негодность. Давно уже обвалились мощные валы Рюрикова Городища 5. Прекращается жизнь на городищах Сельцо I и Городок на Маяте. По-видимому, недолго просуществовало и городище Георгий.

Итак, история фортификационного строительства в Ильменской котловине в середине — второй половине I тыс. н. э. указывает, по крайней мере, на три «инженерные школы», сменяющие друг друга на протяжении четырех столетий.

- Городки с эскарпами, деревянными стенами и кольцевыми (?) постройками V–VII вв. — Городок на Маяте, Сельцо I, Бронница (?). Типологически к этой же группе относится и Холопий Городок, хотя он не древнее VIII в.

- Городки, укрепленные с напольной стороны мощными валами, содержащими решетчатый каркас, VII в. — Городок на Маяте, Сельцо I (?)

- D-образные укрепления, полностью (Георгий, Сергово) или частично (Рюриково Городище) состоявшие из земляных валов со срубным внутренним каркасом или без деревянных конструкций, вторая половина IX — начало X в.

- Укрепления, облицованные плитняком, выполняющим скорее репрезентативные, нежели военные функции (Городок на Шелони). Заметим, что вал городка на Шелони имеет срубные городни, что сближает его с Рюриковым Городищем.

Если же подходить к материалу более обобщенно, то можно заключить, что все приильменские городища делятся на две группы. **Первую из них** образу-

ют городища-убежища в традиционном для Восточной Европы смысле — укрепления на холмах, предназначенные для укрытия людей, скота и домашнего скарба (Бронницы, Сельцо I, Городок на Маяте, Холопий Городок, Рюриково Городище 2). До начала эпохи викингов именно эта необходимость заставляла людей возводить городки на холмах, высоких мысах коренного берега, а также среди болотистых труднопроходимых участков местности. Городки железного века вплоть до IX столетия демонстрируют поразительное разнообразие фортификационных приемов. Но есть у них общая черта — ни в один из них нельзя было проникнуть с воды, всплыть на корабле или лодке.

Вторая группа городищ имеет очень мало общего с этими традиционными убежищами и по своей планировке представляет фактически укрепленные корабельные стоянки (Рюриково Городище 5, Георгий, Сергово). В IX в. бурное развитие морской и речной торговли выдвинуло в определенной социальной среде (в частности, у людей, назвавших себя «русь») на первый план новую ценность — корабль. Грозная эпоха викингов на Балтике и в Северной Европе диктовала и новые требования к фортификационному искусству — защита портовых сооружений, верфей и просто корабельных стоянок от внезапных нападений. И на западе — в Англии и Ирландии, и в самой Скандинавии, и в западославянских землях эта задача решалась одинаково: путем строительства подковообразных укреплений, охватывавших более или менее протяженный участок побережья крупного водоема, пригодный для строительства причалов или просто для вытаскивания на берег судов для зимовки. Этот прием использовался и отрядами викингов (в Рэптоне и Аннагассане), и теми, кто страдал от их набегов — жителями крупных торговых поселений (в Бирке, Хедебю и Вестергарне), и западными славянами. Появляется такой тип укрепления и в Северной Руси. Едва ли имеет смысл искать истоки этой фортификационной практики в каком-либо одном регионе — речь идет о характерном признаке целой эпохи в североевропейской истории. Ко второй группе примыкает и Городок на Шелони, в котором срубная техника строительства вала сочетается с традицией использования плитняковых конструкций.

Выводы по ГЛАВЕ 4

Площадь «славянского клина» (занятого в VI–X вв. кривичами и словенцами) — примерно 300 000 км², т. е. по размерам территория сопоставима с Италией или Германией. В литературе сложилось представление о древнейшем населении этой области, как об огромном «народе» или «племени», называемом некогда *чудью*. Представить этнополитическую структуру

этого дославянского населения можно, обратившись к анализу поздней (XII–XIII вв.) средневековой этнокультурной обстановки в низовьях Волховско-Невского и Западнотонкого путей. В первом случае это группы води, ижоры и карелы, не объединенные никакой общей идентичностью или политической идеей, помимо власти Новгорода. Во втором — латгалы, селы, земгалы, ливы и курши, за власть над которыми борются шведы, немцы и Полоцк. И здесь, и там мы видим этнические группы, занимающие небольшие территории в несколько десятков тысяч или просто несколько тысяч квадратных километров. До середины I тыс. н. э. область будущего «славянского клина» представляла собой столь же пеструю агломерацию небольших группировок прибалтийско-финского и балтского населения. Крайне немногочисленные финские обитатели Приильменской низины, несмотря на выгодное положение с точки зрения контроля над коммуникациями и природными ресурсами, обладали низкой языковой лояльностью и позволили себе к X в. полностью раствориться среди славянских переселенцев, находившихся на сходном с ними уровне хозяйственной культуры. Причем уже на памятниках VI–VII вв. следы финнов не выделяются.

Система расселения РЖВ/Раннего Средневековья в Восточно-Балтийском регионе не может быть изучена во всей своей полноте из-за того, что большинство неукрепленных поселений уничтожено хозяйственной деятельностью или до сих пор не найдено. Фактически для исследований доступен только «опорный каркас» территории в виде его основных элементов — укрепленных центров/городков и путей сообщения (ввиду их многовековой стабильности). Концепция «опорного каркаса» разработана в середине XX в. советскими географами под влиянием немецкой экономической географии и ее «теории центральных мест». Суть концепции сводится к тому, что экономические/культурные центры (в современной жизни это города) и коммуникации (т. е. узловые и линейные элементы культурного ландшафта) образуют остов, который придает определенную форму освоенной территории (Максаковский 1997: 163, 166; Лаппо 1997: 113–125). Изучение «опорного каркаса» позволяет генерализовать проблемы и может многое сказать об экономической и политической организации общества. Разумеется, точкой отсчета для реконструкций в нашем случае должно быть понимание того, что такое городище.

Первые городища в окрестностях озера Ильмень (Городок на Маяте, Бронница, Рюриково Городище 1) возникают еще в первой половине I тыс. до н. э. В РЖВ «опорный каркас» в виде укрепленных мест в Центральном Приильменье уже сложился. Керамический материал с городищ и селищ позволяет гово-

рить о Приильменской низине в РЖВ как о провинции ДК с элементами ДДК. Ни эпоха переселения народов, ни Раннее Средневековье не добавили к этому «каркасу» существенных элементов. К Раннему Средневековью предположительно относится основание лишь Сергова Городка. Судя по тому, что расположение городищ не изменялось, стабильной оставалась и система путей сообщения. Несмотря на вышесказанное, культурные слои РЖВ выражены на всех городищах (кроме Городка на Ловати/Верготи) очень слабо. Городища с многослойными напластованиями, подобных тем, которые известны в традиционном ареале ДК и ДДК, в Приильменье нет²⁰⁵. Здесь картина славянского расселения выглядит значительно проще, чем, например, в Верхневолжье и на Валдае, где славянам пришлось столкнуться с многочисленным туземным населением (Исланова 2007: 314, 315).

Древнейшие славянские городища в Приильменской низине возникают на местах старых городков на протяжении VI–VII вв. (возможно, некоторые с конца V в.). Это холмовые городища (Городок на Маяте, Сельцо I, возможно Княжая Гора, позднее — Рюриково Городище 2, Бронница и, возможно, Шелгуново), близкие по типу фортификации укреплениям тушемлинско-банцеровской и колочинской культурно-исторических общностей. Особняком стоит большое мысовое городище Городок на Шелони, также дающее материалы третьей четверти I тыс. н. э. В этот период вокруг Ильменя прослеживается система микрорегионов, занятых оседлым земледельческим населением. Каждый из микрорегионов опирается на одно/два/три городища.

Для этого периода есть основания считать городища местами обитания племенных мужских союзов, живших в длинных домах, открытых на многих городках. Военные, в частности оборонительные, функции городков это предположение не умаляет. Обилие укрепленных поселений говорит о значительном уровне агрессии в обществе, т. к. каждое из них, в сущности, представляло собой инструмент нападения в той же мере, в какой и инструмент обороны. Городки являлись опорными пунктами для сбора воинов, а их строительство и поддержание в боеготовности —

205 Нельзя исключать, что это обстоятельство связано с тем, что расцвет ДК/ДДК пришелся на период, когда берега озера Ильмень были еще неудобны для ведения хозяйства после падения уровня воды ладожской трансгрессии. Отметим, что А. И. Сакса реконструирует резкие изменения в системе расселения в Северо-Западном Приладожье в конце I тыс. до н. э., связывая это с последствиями катастрофического снижения уровня воды в Ладожском озере (Сакса 2010: 41). Возможно, на Ильмене около рубежа эр наблюдалось что-то в этом роде и дьяковское население проникало в Ильменскую котловину в ограниченном количестве.

средством мобилизации. Будет, вероятно, правильно вспомнить положение Клаузевица, поддержанное антропологом Жираром, о значении обороны как важной составляющей агрессии. Как заметил этот автор: «Обороняющийся, таким образом, сразу и начинается, и заканчивает войну. Природа его укреплений, его вооруженных сил, а также его командования определяет и то, каким будет наступление» (Жирар 2019: 35). Полагаю, что судить об этом «наступлении», т. е. о славянской колонизации Приильменья, следует по крупным городищам, таким как Городок на Шелони или Бронница, принадлежавшим крупным коллективам, стремившимся контролировать узлы коммуникаций.

Вместе с тем, расселение здесь носит вполне определенный раннеземледельческий характер. Сопоставление археологической карты с данными ландшафтного картирования показывает, что цепочка раннесредневековых поселений в Восточном Приильменье (в том числе и два городища V–VII вв. — Городок на Маяте и Сельцо I) довольно точно следует по границе озерно-ледниковых и моренных ландшафтов (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 27, 28). Это говорит о том, что ресурсные зоны поселений были, видимо, ориентированы на использование идущей по этой границе полосы абрадированной (размытой) морены, почвы которой представляют особую ценность для раннего пашенного земледелия ввиду легкого механического состава и сравнительно высокого плодородия. Геоботаническая карта прекрасно демонстрирует, что и в настоящее время сельскохозяйственные угодья в регионе идут преимущественно по той же ландшафтной границе. Выбранный пример дает нам ключ к пониманию факторов, определивших рисунок сети поселений в юго-восточной части Приильменской низины во второй половине V — VII в. Южное население, появившееся на Ильмене, при выборе мест для поселения и для строительства административных центров (Сельцо I, Городок на Маяте) отдавало предпочтение участкам с легкими и плодородными почвами. Хотя для других археологических микро-регионов вокруг Ильменя у нас и нет столь детальных карт, но в целом их география также говорит о земледельческом характере колонизации, о стремлении занять в первую очередь плодородные и, что не менее важно, легкие в обработке почвы.

В VIII–IX вв. на Ильмене распространение получают два новых типа лепной посуды: керамика группы 1 и керамика группы 4. В единичных случаях можно проследить и доживание керамических форм, характерных для третьей четверти I тыс. н. э. до IX в. Некоторые другие традиции, известные нам по третьей четверти I тыс. н. э., имеют продолжение, по крайней мере, до конца VIII в. К числу таких традиций относятся архаичный тип домостроительства

(углубленные подквадратные постройки с печью-каменкой в углу) и фортификация. Исследования 2010-х гг. (особенно Бронницкого городища) позволяют смягчить высказанное мною ранее мнение о возможной радикальной смене населения на Северо-Западе в VIII в. (Еремеев, Дзюба 2010: 524). В VIII–IX вв. жизнь на приильменских городищах продолжается и усложняется. Это усложнение силовой составляющей селитебной структуры проходит через два этапа.

Сначала мы по-прежнему видим укрепления архаического типа, в основе которых лежит длинный дом (кольцевой или полукольцевой), стоящий по краю площадки городища. Таковы укрепления VIII–IX вв. Бронницкого городища, городища Георгий и Холопьево Городка. Эта архаическая традиция все еще находится в русле фортификационных навыков третьей четверти I тыс. н. э. Люди, обитавшие на городищах, несомненно, участвовали в контроле над потоком арабского серебра, начавшего поступать на Балтику, т. е. над пушной торговлей Русского Севера. Это видно по находкам монет (Холопий Городок, Бронница, Городок на Маяте, Княжая Гора, Георгий). Все монетные находки с городищ укладываются в первый период обращения дирхема (не позднее первой трети IX в.). Эти же люди были связаны и с древнейшими контактами Севера с Византией. Об этом говорит уникальная находка фрагмента византийского накладного или процессионного (?) креста VI–IX вв. с Бронницкого городища. О связях городищ с регионом аварского влияния в Юго-Восточной Европе, возможно, свидетельствуют находка удил с Холопьево Городка, а также вышеописанный комплекс находок Рюрикова Городища 2–4. При всем этом земледельческая оседлость обитателей городищ не вызывает никаких сомнений.

Вероятно, с конца VIII в. начинается кристаллизация вождеств; на городищах на основе мужских союзов начинает формироваться дружина и складываться родовая аристократия. Позднее рядом с городищами появляются сопки (Бронница, Городок на Маяте, Сельцо I). В Приильменье можно выделить три таких предполагаемых вождества. Самая мощная система включала в себя три однотипных укрепления — Холопий Городок, Рюриково Городище 2 и Бронницу. Три этих укрепления держали под контролем сухопутные и водные пути между Волховом и Мстой, где существовал важный перевалочный и остановочный пункт в Броннице. Такими же остановочными пунктами были Холопий Городок и Рюриково Городище, точнее то архаическое холмовое укрепление, которое предшествовало на этом месте варяго-русской крепости второй половины девятого столетия. Таким образом, предшественником Новгорода является не «старый город» в единственном

числе, а система городищ, контролировавшая в VIII — первой половине IX в. один из ключевых участков Волжского пути — переход с Волхова на Мсту через ее дельту и заболоченное и труднопроходимое междуречье Волховско-Мстинское междуречье.

Еще одна, более простая территориальная организация в V–VII вв. оказывается в Восточном и Юго-Восточном Приильменье (Городок на Маяте и Сельцо I). Наконец, по-видимому, нечто подобное возникло и вокруг Городка на Шелони в Юго-Западном Приильменье.

Не позднее середины IX в. происходит второй этап усложнения — появляется мощная D-образная крепость (Рюриково Городище 5), где происходит концентрация монетного серебра (количество находок в культурном слое Рюрикова Городища многократно превосходит монетные находки со всех городищ вместе взятых). Там же выпадают и находки, связанные с Византией (фоллисы IX в.). Крепость на Рюриковом Городище не единственная в своем роде. В одном ряду с ней стоят укрепления сходной планировки в Поозерье: Георгий, вал которого насыпается поверх первоначальных укреплений, и Сергов Городок. Именно с момента основания D-образной

крепости на Рюриковом Городище существенную роль в Приильменье начинают играть скандинавы.

В конце IX — первой половине X в. система городищ в Центральном Приильменье прекращает существование. Мы не можем пока ни указать точную дату этого, ни ответить на вопрос, было ли это угасание единомоментным или растянулось на годы или даже десятилетия. В упадок пришли как локальные центры (Георгий, Городок на Шелони, Сельцо I, Городок на Маяте, Бронница, Холопий Городок), так и огромная фортификационная система на Рюриковом Городище.

Во второй четверти X в. возникает Новгород. Заманчивая гипотеза о подавлении новым политическим центром старых племенных локальных центров сейчас не может быть обоснована. Больше похоже, что угасание локальных городищ укладывается в хронологический промежуток между основанием D-образной крепости на Рюриковом Городище и возникновением Новгорода. Надо полагать, что не Новгород, а его предшественник на Рюриковом Городище стал той политической и экономической силой, которая привела к централизации власти в Приильменье и запустению локальных центров власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ТОМУ 1. Характеристика славянской колонизации Днепровско-Ильменского коридора на основании комплексных исследований

О смысле и среде этноисторического исследования. Результаты проделанной работы не могут быть изложены в виде жесткой схемы, а представляют собой скорее «набор возможностей» по П. Фейерабенду. Есть только один способ подвести этот итог — указать на цель и перспективы дальнейшего движения.

Для понимания прошлого нам не дано иного инструмента, кроме опыта проживаемой жизни. Историк, работая над своей темой, располагает между двумя философскими полюсами. С одной стороны, исследование должно открывать некое актуальное знание. Последнее не бывает лишь фактическим, но несет понятную и признанную этическую ценность. С другой стороны, ученый должен отдавать себе отчет в специфике изучаемой эпохи, в невозможности прямой проекции на нее современных ему политических, социальных, этических понятий и концептов, и, главное, — в невозможности основания на этих понятиях методик исследования.

Историк постоянно находится в состоянии конфликта двух вышеназванных концептов. Без этого драматизма исследование теряет социальную актуальность, превращаясь в каталог находок или документов. Очевидно, это осознание драматизма и поиск своего места между полюсами следует начинать с вопроса о том, что служит предметом истории и движущей силой интереса к ней. Предметом являются *события прошлого или минувшего*. Оставим пока *существование* и сосредоточимся на *минувшем*.

Историческое исследование не может быть целиком обращено в минувшее, и/или отзываться лишь в настоящем. Непременное условие его актуальности — некая устремленность в будущее. Причина этого положения вещей в том, что историческое чувство сформировалось в эпоху господства *мифического* сознания, в котором минувшего и настоящего по отдельности не существовало. Бытие было закольцовано в вечном круговращении поколений. Минувшее обретало форму *судьбы* и полностью детерминировало настоящее и будущее. Знание прошлого определяло жизненную стратегию в настоящем.

Для понимания этого положения достаточно вслушаться в русское отглагольное существительное

минувшее (бел. *мінулае*, укр. *минушина*), которое содержит в себе два значения — движение и некую отстраненность субъекта от этого движения. Бытие словно *проходит* мимо, *минует* нас. Отстраненность от этого движения, стабильность (можно сказать, бессмертие души) наблюдателя, подразумевает возможность новой встречи с *минувшим*. На этой возможности/неизбежности и построен вполне практический для *мифического* сознания интерес к *прошлому*. Обращенный к нему сегмент сознания изначально подчинен законам мифа. *Мифично* не только *минувшее*, но и сам интерес к нему, *мифична* область сознания, в которой работает историк. Итак, центральным понятием нашей работы, ее средой и методическим ключом является миф.

Исследование ранних этапов восточнославянского этногенеза, охватывающего вторую половину I тыс. н. э., мы начали с теории этнической идентичности или этничности. Дискурс в этой области определяется взаимодействием двух концептов — примордиального (субстанциального) и конструктивистского (инструменталистского) подходов к этничности. На самом деле, субстанциальному концепту противостоит не конструктивизм, а теория элит. Оттенки исследовательской мысли, бьющейся внутри этой дихотомии бесконечны и рассмотрение их в рамках нашей задачи излишне. Отмечу главное. Взаимодействие концептов связано с ожесточенной идеологической борьбой, в центре которой стоит европейская история XX в. Точкой, на которой балансируют весы теории идентичности, является европейский тоталитаризм. В обывательском сознании субстанциальный подход склоняет чашу весов в его сторону (вспомним происхождение и использование нем. *Volks substance*), конструктивистский же — напротив, утяжеляет ее в сторону либеральных ценностей.

Этот взгляд не имеет ничего общего ни с наукой, ни с философией и является элементом или продуктом политтехнологий. В реальности, как я попытался показать, и теории «крови и почвы», связанные с субстанциальным концептом, и теории «новой аристократии», связанные с конструктивистским пониманием идентичности, в этическом поле совершенно равноценны, т. к. имеют общую основу в социал-

дарвинизме. Новые шаги в понимании процесса этногенеза возможны только в сторону выхода из этой дихотомии. Это значит движение в сторону отказа от социал-дарвинизма и прямой проекции теории естественного отбора на социально-политические и культурные процессы. Для отечественной науки это значит и отказ от марксистского понимания истории.

Точкой, на которой нам следует остановиться в этом обратном движении, является, на мой взгляд, философия мифологии Фридриха Вильгельма Йозефа фон Шеллинга. Но, бросая взгляд через пропасть XX в., мы видим несколько концепций, на которые можно и нужно опереться, прежде чем мы, двигаясь по шкале времени, достигаем года публикации «Философии мифологии» Шеллинга (1856). Это «Диалектика мифа» Алексей Федоровича Лосева, теория жертвы Рене Жирара и концепция осевого времени Карла Ясперса. Особого внимания заслуживает идея Ясперса о том, что осевое время славян и германцев относится к периоду их христианизации, т. е. для славян — к периоду VI — XI вв. Поскольку я должен говорить здесь кратко, проще всего прибегнуть к образу.

То, что не смог выразить ни один историк (не говоря уже об археологах); то, что смог нащупать теолог и антрополог (Жирар); то, что смог сформулировать и обосновать философ (Ясперс), в одной гениальной фразе выразил писатель — Томас Манн. В небольшом эссе «Phantasie über Goethe (фантазия о Гёте)», написанном в 1948 г., Манн, говоря о языческих и христианских элементах мировоззрения Ницше и своего героя, Гёте, пишет: “Aber so wenig dessen leidenschaftliche Verfolgung der christlichen Moral den asketischen Zug verleugnet, so wenig spricht Goethes vielberufenes Heidentum gegen seine univerleugbare Bestimmtheit durch die am tiefsten greifende Revolution, oder richtiger: Mutation, die das menschliche Gewissen und Weltgefühl erfahren hat” (Mann 1955: 703)²⁰⁶. В этой формулировке, продуманной на руинах нацистской Германии, и отсылающей нас к немецкой натурфилософии, тоже присутствует биологизация исторического процесса, но иного рода, чем социал-дарвинизм с его приматом закона джунглей. Представление об осевом времени как о мутации (*Mutation*) сознания ставит нас перед пониманием двух вещей. Во-первых, все без исключения исторические источники о славянах являются произведениями этого мутировавшего сознания (и в первую очередь ПВЛ). Во-вторых, мы смотрим на эти источники с позиций того же самого сознания; современный исследователь является его продуктом. Для того чтобы приблизиться к понима-

нию «доосевой» идентичности, следует каким-то образом перешагнуть через эту мутацию. Это значит только одно — уход в миф, причем не так как в него уходит фольклорист, а через предметный мир эпохи, доступный археологии. Эта идея является центральной для теоретической части работы.

Некогда О. Шпенглер писал об искажении перспектив, возникающем при «создании» истории (того, что он называет «фантом всемирная история»), в которой «отдельный ландшафт выборочно принимается за естественное средоточие некоей исторической системы» (Шпенглер 1998: 145). В начальной русской истории это элитарный «ландшафт» русского государства IX — начала X в. или «империи Рюрика», построенный историками на основе ретроспективных трудов летописцев второй половины XI — начала XII в. Несоизмеримо более глубокий эгалитарный «ландшафт» восточнославянской стихии, создавший основу этого государственно-генеалогического мифа, представляется гораздо более значительным по временному и географическому охвату, а также по историческому содержанию, как бы ни были красочны летописи и византийские источники, повествующие о руси.

Колонизация языческая и христианская. Концепции ранней восточнославянской колонизации и связанных с ней этнокультурных процессов традиционно несут в себе фундаментальную недооценку коренных изменений в сознании населения Восточной Европы, вызванных христианизацией и, понимая вещи шире, приобщением его к тому отрезку европейского миропонимания, которое Карл Ясперс называл «осевым временем», Рене Жирар — эпохой «отказа от магически-гонительской казуальности», а Курт Хьюбнер — ломкой «наивного» отношения к мифу (Ясперс 1991: 29, 54; Жирар 2010: 320; Хьюбнер 1994: 317; 2001: 11–12). С распространением христианства на Руси уже около середины XI в., наряду с традиционными семиотическими системами коллективной памяти (язык, ритуал и миф), появляется новый фактор формирования идентичности — летописный и богослужебный текст. На отношениях «чужой — свой» отражалось постепенное разрушение христианством рабовладельческого уклада, что на ранних этапах этого процесса, вероятно, выражалось в отказе от массовых практик охоты на людей, которая применительно к руси и славянам IX в. описана восточными авторами²⁰⁷.

Откуда исследователями берутся модели, использующиеся (или подсознательно воспроизводящиеся)

²⁰⁶ «...его образ мыслей определен этим глубочайшим переворотом (tiefsten greifende Revolution) или, точнее говоря, мутацией (Mutation) из всех, какие когда-либо пережили человеческое сознание и мироощущение» (перевод Е. Г. Эткинда).

²⁰⁷ Конечно, процесс этот шел неравномерно и медленно. Например, в Великом княжестве Литовском продажа христианами пленников-единоверцев в мусульманский Крым практиковалась еще в XVII в.

для реконструкции колониционных процессов V–X вв.? В качестве примера расселения, сопровождавшегося интенсивной метисацией славянского и аборигенного населения, историки часто приводят колонизацию Русского Севера (XII–XIV вв.) и особенно хорошо освещенное письменными источниками русское освоение Западной Сибири (XVI–XVII вв.). Следует помнить, что и в том, и в другом случае мы видим колонизацию, совершаемую христианизированным населением в условиях, когда у народа-завоевателя (и отчасти — у аборигенов) давно и необратимо подорвано языческое мировосприятие, в частности архаические табу в отношении «чужих». «В Древней Руси не было русских людей без религии», — это емкое изречение, принадлежащее крупнейшему отечественному этнографу, часто забывается (Зеленин 1994: 162). Несомненно, именно особенности христианского колониционного движения обусловили по периметру «славянского клина» в Восточно-Балтийском регионе с конца XI в. до XX в. удивительную стабильность исторического бытия неславянских народов, на которую обратил внимание еще Д. К. Зеленин (Зеленин 1991: 34). Гуманизация сознания под влиянием христианства углублялась от поколения к поколению. Разумеется, не следует полагать, что она полностью определяла характер межэтнических отношений в первые века славянского обращения (вспомним хотя бы историю взаимоотношений языческой Пруссии и Польши при Болеславе Храбром). Тем не менее, очевидна ложность аналогий между колониционными процессами эпохи переселения народов и Раннего Средневековья, с одной стороны, и Позднего Средневековья — с другой. Христианизация лишь на первых порах ограничила этнокультурное смешение славян с «иными языцами», но в дальнейшем существенно облегчила и ускорила ассимиляционные процессы, устанавливая новые каналы межэтнических связей²⁰⁸.

Иначе, видимо, обстояли дела внутри рассмотренного нами «славянского клина» в I тыс. н. э. Вряд ли стоит проецировать христианскую колонизацию на реалии древней языческой экспансии. Ни русскими историко-географами начала XX в., ни историками советского времени, ни современной историей эта мысль не принималась за методологическую основу, отчасти из-за неразвитости этнологического знания (до конца XX в.), отчасти, по причине идеологической скованности. Действительно, С. М. Середонин без колебаний сопоставлял строгановскую колонизацию Сибири с раннеславянским расселением в верховьях Западной Двины (Середонин 1916: 155). К источникам XVI в. при реконструкции раннеславянского рас-

селения апеллировал и М. К. Любавский (Любавский 1996: 116–117). В те же годы А. А. Спицын высказал удивительную гипотезу о разноэтничности новгородских городских концов, приписывая их принадлежность пяти разным летописным племенам: славянам, чуди-эстам, води, кореле и веси (Спицын 1917: 23). На фантастической с точки зрения этнологии концепции, вслед за ним обосновали свою теорию полиэтничности Новгорода В. Л. Янин и М. Х. Алешковский, выдвинувшие идею о существовании на соседних холмах трех разноэтничных языческих сельских поселений с их последующим слиянием в город (Янин, Алешковский 1971; идея присутствует и в сравнительно недавних работах: Янин 2004: 24; Горский 2012: 204). Это стало возможным, поскольку в представлениях В. Л. Янина «проникновение славянских племен» на Ильмень «не привело к столкновению с аборигенным населением» (Янин 2007: 206). Ничего удивительного, что и исследователи Ладоги VIII–X вв. видели ее население в виде полиэтничного конгломерата, весьма напоминавшего продукты современных политехнологий. Подобная точка зрения присутствует и в обзорных работах. П. М. Барфорд, например, пишет о длительной инфильтрации мелких групп и сравнивает славянское колониционное расселение с прожилками в голубом сыре (like the growth of the veins in blue cheese) (Barford 2001: 46).

Между тем, восточнославянская этничность/идентичность языческой эпохи и древнерусская славянская идентичность, одним из центральных элементов которой было христианство, — два разных мира. Восстановление первого (если только это возможно) — дело далекого будущего, когда этнолингвистика, археология и социальная антропология окажутся в состоянии создать цельную картину. Пока же восточнославянское язычество (за единичными исключениями) известно только по комплексу ритуально-мифических представлений, вытесненных на периферию религиозного сознания, в центре которого прочно располагается христианское учение. Разобобщенное изучение этих периферийных мифических представлений породило в сознании ученых образ «аморфного» славянского язычества, системы, лишенной ясной иерархии ценностей и четко очерченного пантеона богов (об этом см.: Токарев 2012: 9). Отсюда термин «двоеверие», которым многие этнографы и историки определяют духовный мир восточных славян эпохи Средневековья.

Средневековые источники ясно дают понять, что на месте христианского учения в духовной культуре восточных славян стояло нечто им побежденное и уничтоженное, а не оттесненное на периферию сознания, нечто составлявшее суть язычества, что определяло смысл жизни и смерти и было вопросом жизни и смерти для коллектива и человека

²⁰⁸ О чуждости идей этноконфессиональной экспансии древнерусской книжной традиции см.: Лаушкин 2019: 126, 248.

(именно в такой последовательности). Без этого духовного стержня невозможно объяснить ни стоявшие огромных усилий целых славяний балканские походы в третьей четверти I тыс. н. э., ни военные предприятия Игоря и Святослава, ни многочисленные человеческие жертвоприношения в разных частях славянского мира, о которых говорит множество источников. Невозможно объяснить и некоторые широко распространенные унифицированные языческие археологические феномены, например городища и длинные курганы, а позже — сопки. Это древняя реальность мешает решить проблему славянской колонизации Северо-Запада в русле конструктивистской парадигмы.

Представления о роли личности в мире, о «чужих» и «своих», о «враге» и «друге», о судьбе и цели жизненного пути (точнее — о его направлении, поскольку в представлении древнего человека этот путь закольцован), — все эти элементы сознания должны были располагаться именно в том духовном центре, которое, победив (а не оттеснив их) заняло христианство. Победа эта в общих чертах завершилась уже в середине — второй половине XI в., когда митрополит Иларион создал свое «Слово о Законе и Благодати» (Прохоров 2010: 99), в трех главнейших городах Руси были воздвигнуты каменные храмы Святой Софии и началось боярское храмовое и монастырское строительство (Мусин 2016а: 38–45), прославились первые русские святые и радикально изменился погребальный обряд (Мусин 2002: 6, 12, 216–222). К тому времени, когда на Руси появилось летописание, никто уже не помнил даже о событийной стороне христианизации восточных славян и о первых миссионерах. То немногое, что нам известно о варягах-мучениках и подвигах Ольги и Владимира Святого, — лишь слабый отзвук событий. Решающая победа над лесным восточнославянским язычеством уничтожила представления о его содержании. Они смутно угадываются в византийских источниках VI–VII вв. и в отдельных мифологических сюжетах летописей: о «зверинском» образе жизни славян, в легендах о мести Ольги, походах Святослава, сватовстве Владимира и его идолопоклонстве и пр. Но эти фрагменты смыслов не дают возможности реконструировать славянское язычество VI–X вв. Похоже, это было не то аморфное, растворенное в природе мировоззрение, которое рисуется как один из компонентов «двоеверия», а что гораздо более грозное, в чем антитеза «чужой» — «свой» имела достаточно кровавое воплощение.

Таким образом, истоки этничности следует искать в дохристианском мифе, а ее материальное воплощение, доступное для эмпирического изучения, — в ритуале, каким он видится в памятниках археологии, наиболее насыщенных сакральными смыслами.

В нашем случае в качестве таких памятников выбраны городища и погребальный обряд.

Разные типы колонизации и конфигурация «славянского клина». Представления ПВЛ о бытии восточноевропейских славян определяются некоторым количеством выполняемых ими действий. Они расселяются (захватывают новые земли), воюют, возводят укрепления («рубят города») и «сами собой владеют». Последняя функция образует некий спектр внутри- и внешнеполитических действий, точный состав которого не может быть определен. Весьма удачно для европейских народов эпохи переселения народов суть происходящего определил Карл Шмитт, используя термин «соединение порядка и локализации» (Шмитт 2008: 69). Очевидно, на первом месте стоят размежевание земельных угодий (неизбежное при любом колонизационном движении) как внутри группы, так и по отношению к соседям, организация религиозных культов, заключение союзов и т. д. Важность раздела земли обуславливает интерес ПВЛ к теме размежевания народов в Библии.

Как происходило это размежевание в Восточно-Балтийском регионе? В ПВЛ до нас дошли только отдельные его элементы в виде реки Судомы и, видимо, горы Судомы на Новгородско-Полоцком Пограничье, упомянутые в 1021 г.; Усвята на том же пограничье; городка Друцка (и реки Друти?) на границе Полоцких и Киевских владений в 1092 г. (Еремеев 2015: 14, 129) и т. п. О размежевании на уровне небольших родов или сельских общин мы знаем гораздо больше благодаря археологическим источникам. Зримыми образами освоения ландшафта на этом уровне во второй половине I тыс. в Восточно-Балтийском регионе становятся две доминанты — курган и городище.

Область средневекового расселения славян в Восточно-Балтийском регионе обладала особенностью — она имела сравнительно четкую и устойчивую границу на западе, северо-западе и размытую границу на северо-востоке, востоке. Мне представляется, что причина этого кроется в разных культурно-хронологических моделях колонизации на разных ее этапах. Древнейшая модель, предположительно V–X вв., относится к языческой («доосевой» по К. Ясперсу) эпохе, когда миграция в лесной зоне была в значительной степени связана с истреблением и изгнанием предшествующего населения. Надо, конечно, понимать, что под словом «население» здесь имеются в виду взрослые мужчины как охранители традиции. Эта модель колонизации уже в VI–VIII вв. создала сравнительно монолитную материальную культуру внутри «славянского клина». Культурный пейзаж разнообразили только различные варианты погребальной обрядности, одним из которых стала КПДК. Восточная граница раннесредневекового славянского расселения

формировалась в XI–XIII вв. и позже, когда славянское движение приобрело иной характер.

Византийские и латинские источники о характере и причинах славянских переселений VI–VIII вв. Письменные источники указывают на военный характер славянской колонизации на Балканах, имевший определенную этапность и явные черты организованности. Если расселение славян к северу от Днепра, начавшееся в V в. (судя по распространению памятников типа Фролы — Туричино — Узмень), еще предшествовало балканской экспансии, то движения VI–VIII вв. происходили на фоне совершенствования славянами военной и социальной организации в Южной Европе. Представляется, что полученные там военные навыки и элементы военной организации не могли не распространиться в однородной культурной и языковой среде вплоть до северо-западных областей славянского мира. В любом случае, южная модель колонизации, единственная доступная для понимания по письменным источникам, рисует весьма жестокие, основанные на социально и технически совершенном насилии, механизмы раннеславянских миграций.

Что касается внешних причин, которые могли вызвать масштабное перемещение славян на северо-восток, то мы как будто не видим их в источниках до 780-х гг., когда под натиском франков начинается гигантская затяжная гуманитарная катастрофа на землях Аварского каганата. Вполне возможно, что ряд южных элементов в культуре Белоруссии и Северо-Запада — свинцово-оловянистые украшения, элементы всаднической культуры, некоторые типы бронзовых украшений КСДК (Нефёдов 2000: 194, 195) и культуры Луки-Райковецкой (Касюк 2020: 226, 227) — связан с миграциями каких-то небольших групп из аварской зоны влияния в конце VIII в. Выявить эти группы по формам керамики или по домостроительству невозможно, поскольку пражские древности Подунавья по этим параметрам (за исключением таких факторов, как посуда 4-й группы в России и ранняя гончарная керамика в Подунавье) в ряде случаев буквально неотличимы от культуры поселений Белоруссии, Приильменья и Поволховья VII–VIII вв. (см., например: Poulík 1948; Bekić 2016: fig. 38, 42; Pavlovič et al 2021; сводные таблицы керамики: Русанова 1976: рис. 73: 1–6; Станчу 2015: рис. 19, 20; Фусек 2015)²⁰⁹.

Несмотря на вышесказанное, основной метрополией для славянского заселения Северо-Запада в V–VIII вв. представляется междуречье Днепра,

²⁰⁹ На юге раньше появляется гончарная керамика, но по типам она тоже часто аналогична раннегончарным формам северо-западных областей Руси. Выявление южнославянских раннегончарных традиций на Руси — большая нерешенная проблема. О ее важности недавно писал М. М. Казанский (Казанский 2020: 267).

Немана и Западной Двины, т. е. территория современной Белоруссии. «Дунайский миф» русской летописи отчасти имеет литературное происхождение, отчасти связан с моравскими влияниями на раннюю культуру Руси конца IX — начала X в. К реалиям славянской колонизации Северо-Запада, в основном завершившейся к IX в., он не имеет отношения.

Языческая колонизация и раннее земледелие. Представления о Северной Руси IX–X вв. как о гигантском аморфном резервуаре природных и человеческих ресурсов (прежде всего невольников), на которую как бы наложена кем-то извне сеть коммуникаций с узловыми пунктами (центрами военной силы или интернациональными торжищами), за которые борются вооруженные военно-торговые кланы скандинавского происхождения, — вот образ, поддерживающийся в древнерусской медиевистике последними десятилетиями новейших движений исторической мысли (Franklin, Shepard 1996; Noonan 1998; Кальмер 1999; Франклин, Шепард 2000; Duczko 2004; Волков 2009; Толочко 2015; Мусин 2017). Отчасти концепция восходит к трудам Г. С. Лебедева с его «Русью Рюрика», государством, простиравшимся от Старой Ладogi до Полоцка (Лебедев 1994: 150; 1999: 297–298; 2005: 532; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 287; Свердлов 2003: 177). Данный дискурс нуждается в серьезной корректировке, связанной с более глубокой характеристикой процессов, происходивших внутри «резервуара».

Появление этнонима *славяне/словене* в Восточно-Балтийском регионе следует связывать с периодом масштабной экспансии, когда на место названий пришедших в движение локальных групп ставится общее наименование, позволяющее в экстремальных условиях переселения и бесконечных военных стычек производить деление на «своих» и «чужих». На севере так назывались группы дреговичей, кривичей и, возможно, радимичей, продвигавшихся вглубь населенной преимущественно прибалтийско-финским населением территории — на север, за Западную Двину в сторону озера Ильмень. Освоение новых земель в зоне рискованного земледелия, в лесах, возможно было только в условиях стабильной жизни сельских общин. Сведение векового леса с помощью узколезвийных топоров и очистка угодий от моренных валунов требовали огромных затрат времени и сил, попросту невозможных в условиях миграций. Предположение о том, что они могли происходить *одновременно* с поднятием новин, сомнительно. Масштабная средневековая миграция земледельческого населения в условиях Восточно-Балтийского региона имела шансы на успех преимущественно в случае, если занимались окультуренные земли, опираясь на которые можно было в дальнейшем расширять рощисты.

Окультуренные земли, возделывавшиеся уже многими поколениями, во второй половине I тыс. н. э., несомненно, были огромной ценностью, а владение ими — вопросом жизни и смерти. Это означает, что любое переселение в рассматриваемом регионе с момента распространения здесь пашенного земледелия могло основываться преимущественно на насильственном захвате земельных угодий. Население, поколениями расчищавшее пахотные участки, в случае вытеснения его в леса обречено было на гибель. Ожесточенное сопротивление — единственное, что ему оставалось. Таким образом, в наших географических условиях миграция оказывается практически равносильна тому, что в современном обществе носит название геноцида. Колонизацию следует представлять как ряд столкновений за земельные угодья, площадь и конфигурация которых определяли масштаб столкновений.

Цель колонизации. Языческая колонизация, осуществляемая населением, создающим систему городищ, независимо от его социальной структуры, должна иметь перед собой цель — некую землю обетованную. Совокупность летописных, археологических и историко-географических данных, образование по периметру озерной котловины сети микрорегионов, структурированной городищами, позволяет предположить, что этой целью для славян было озеро Ильмень. Не случайно для автора ПВЛ имело значение то, что словене поселились именно на озере (хотя их стольный город лежит на берегах Волхова). Ильмень представлял собой образ, объединявший совокупность благ и ресурсов, значение которых со временем менялось. Если в V–VIII вв. воплощением земли обетованной служили ильменские поймы и дельты, напоминавшие поймы Припяти и Днепра, то в конце VIII–IX вв. все большую значимость приобретает функция озера как узла торговых коммуникаций. В значительной степени этот процесс был обусловлен природными изменениями — постепенным подтоплением пойм, которое к концу IX в. начало приобретать катастрофический для прежнего хозяйства характер.

Мобильность и идентичность. Выдающийся лингвист А. М. Селищев признал обусловленную развитыми коммуникациями мобильность населения («связи отдельных родственных групп») важнейшим фактором сохранения славянского языкового единства, фактором не менее важным, чем компактность проживания, т. е. само наличие прародины (Селищев 1951: 109). Мобильность ранних славян традиционно недооценивается. Речь о ней заходит преимущественно в контексте экстенсивных форм земледелия, будто бы им присущих. Между тем распространение военных новаций (фортификация, всадническая культура в VII в.) и технологических навыков (изготовление гончарной керамики и свинцово-оловянис-

тых украшений в VII–IX вв.), а также длительное время поддерживавшееся языковое единство указывают на высокую информационную проницаемость славянского мира. На этом фоне отразившиеся в ПВЛ поздние представления о соответствующей славянскому миру единой идентичности не представляются невероятными и для более раннего времени, тем более что миф об общности происхождения известен и по другим, более ранним источникам.

Революция мифического сознания и славянская колонизация. Следуя не потерявшей актуальности идее Ф. Шеллинга о рождении этноса как рождении нового мифа, должно сделать вывод о том, что славянизация Северо-Запада в I тыс. н. э. в археологическом материале прослеживается по двум взаимосвязанным явлениям: появлению в области к северу от Днепра трупосожжений (в первую очередь грунтовых могильников типа Акатово — Узмень — Фролы — Заполье 2 — Земляное Городище Ладоги — Съезжее) и курганного обряда (КПДК)²¹⁰. Надо полагать, стоящие за этим глобальные сдвиги в мировоззрении связаны с формированием этнической группы, получившей имя *кривичи*. Действительно, они не известны письменным источникам VII–XII вв. за пределами Руси (в отличие от *дреговичей* и *славян/словен*). Там, где редкое туземное население было быстро уничтожено или вытеснено (важнейшие из этих регионов — Приильменская котловина и Поволховье), курганный обряд не получил распространения вплоть до появления сопки. Там же, где славяне столкнулись с более многочисленным туземным населением (области ареалов КШК ДДК и ДК к северу от Днепра, а также мощинские древности на северном своем пределе), очень быстро сложилась курганная культура, впитавшая в себя какие-то формы местных архаических погребальных ритуалов (предполагавшие помещение останков в «домики мертвых», «курганы» из ветвей и т. п.). Возможно, в ходе своеобразной религиозной революции более ранние местные традиции обращения с несожженными телами умерших оказались вытеснены в область атрибутов «неправильной смерти» и сыграли роль в формировании восточнославянского комплекса ритуалов обращения с «заложными покойниками», впервые отмеченного Сказанием о Борисе и Глебе. Впрочем, этот интереснейший вопрос требует специального рассмотрения в рамках всего славянского мира.

Расселение славян вокруг озера Ильмень. В качестве раннеславянских древностей в Восточно-Балтийском регионе следует рассматривать трудно дифференцируемые тушемлинскую, банцеровскую культуры и КПДК (Лопатин 2017 а), а также выделяемые И. В. Ислановой в отдельные группы памятники

²¹⁰ О самых северных могильниках этого типа см: Платонова 2021.

VI–VII вв. типа Юрьевская Горка (Удомельский тип) и типа Подол в Верхневолжье (Исланова 2014, 2016). Касаясь двух последних групп (как и множества других памятников, расположенных чересполосно с КПДК и КСДК, но без курганов или с сопками), отмечу, что их резкая дифференциация от КПДК, характерная для трудов И. В. Ислановой, представляется не вполне обоснованной. Сходство их с Городком на Маяте, отмеченное И. В. Ислановой (Исланова 2016: 163), и с Бронницей мне кажется очевидным. В нашей работе таким памятником, близким Юрьевской Горке или Подолу, причем с пражскими элементами в керамическом комплексе и с сопками неподалеку, является селище Миронегии III. Несомненно, славянами оставлены памятники пражской культуры Белоруссии, обнаруживающие много общего с поселениями Приильменья VII–VIII вв.

Мы можем лишь выделить сейчас основное направление миграции — дреговичско-кривичское. Понятны общие хронологические рамки миграции — конец V — VIII в. По-видимому, в начале и конце этого периода имел место особенно интенсивный приток мигрантов, что и создает впечатление «двух волн» расселения. Хронологию и направление движения отдельных мигрирующих групп мы пока представить не можем.

В общем, городища и селища середины — третьей четверти I тыс. н. э. в Центральном Приильменье предстают локальным вариантом КТБ с элементами керамического комплекса, напоминающими пражскую лепную посуду (сосуды групп 1.1, 1.2 и 5). Эти элементы, видимо, не были привнесены из ареала пражской культуры (или близких к этому ареалу областей) отдельно, а существовали в керамическом комплексе раннеславянского населения Приильменья с момента его появления в этом регионе. Подосновой приильменских древностей в той или иной степени, по-видимому, являются памятники киевской культуры типа Заозерье, выделенные в 1990-е гг. в Белоруссии, Подвинье и Верхнем Поднепровье (Лопатин 2004; 2018: 293; Лопатин, Фурасьев 2007, 2007а).

О позднем завершении славянизации Приильменья по сравнению с территорией, лежавшей к югу от Западной Двины, свидетельствует зафиксированная ПВЛ приуроченность к нему этнонима *славяне/словене*. Освоение его носителями берегов озера Ильмень происходило преимущественно в VI–VII вв. н. э. (слои городищ Городок на Маяте и Сельцо I, Бронница и селище Прость), хотя проникновение отдельных групп началось ранее. Пока следы этого проникновения читаются только в Городке на Ловати/Верготи и в Городке на Маяте. На раннем этапе городки выступают как созданные обществом эгалитарного типа родовые укрепления, центры мужских союзов, в которых создавались предпосылки для вызревания

дружинной культуры. В VIII в., видимо, продолжается проникновение населения в Приильменье из тех же регионов, что и в VI–VII вв.

Приильменье накануне призвания варягов. В конце VIII — начале IX в. в бассейне озера Ильмень возникает более сложная социально-политическая структура, которая может быть охарактеризована как вождество²¹¹. Прослеживаются первые следы социальной стратификации и иерархия городищ. Территория, контролировавшаяся этим протогосударственным образованием, охватывала, видимо, помимо берегов озера, какие-то отрезки нижних течений впадавших в него крупных рек — Ловати, Пола, Шелони, Мсты и др. Археологическими проявлениями вождества на Ильмене служат три культурных явления.

1) Системы городков, образующих определенную иерархию в зависимости от их размеров и стратегического положения. Вероятно, городки контролировались региональными вождями, господствовавшими над своими провинциями. Параллельно существуют и большие племенные укрепления, предназначенные для укрытия населения целых округ (Яжелбицы 1, возможно, Городок на Шелони).

2) Появление на городищах и в сопках следов всаднического сословия (дорогие детали конского снаряжения в сопке 10-III в Поволжье, клад с инкрустированными стеклом удилами на Холопьем Городке, колчаный крюк на Рюриковом Городище 5, детали шумящих плетей на городищах Сельцо I и Георгий). Возможно, к этому периоду относятся трехлопастные стрелы с городищ (Городок на Шелони, Рюриково Городище 2–4).

3) Могильники языческой аристократии с большими курганами — сопками. Часть этих могильников связана с городками (Бронница, Городок на Маяте, Сельцо I).

4) Следы дальней торговли и концентрации богатства в виде находок арабских серебряных монет и рубленых серебряных дров на городищах и вкладах, а также в виде стеклянных бус, использовавшихся как примитивная форма денег. Эти богатства концентрировались на городках в виде дани, часть которой передавалась вождю «наверх» или хранилась там как принадлежащая ему в специальных помещениях — длинных домах, восходивших своей конструкцией к предшествующей эпохе VI–VII вв., вероятно, к большим мужским домам. К следам дальних походов можно отнести фрагмент византийского процессионного креста с Бронницкого городища. Концентрация богатства вела к политической централизации,

²¹¹ В обобщенном виде к этой идее пришел А. А. Горский на сравнительном материале всего славянского ареала VI–IX вв. (Горский 2012: 204–206).

установлению властной иерархии, в конце концов, к гибели системы городков.

Приильменские городки делятся на три территориальные группы: Юго-Западное Приильменье (Городок на Шелони, Загородье); Восточное Приильменье (Городок на Маяте, Сельцо I); Северное Приильменье (Холопий Городок, Рюриково Городище 2–4, Бронница). Таким образом, в качестве политического и экономического центра в Приильменье выступает не один какой-то «старый город» или земледельческая округа, а система городищ, расположенных вокруг озера с его богатейшими природными ресурсами.

Исток Волхова и дельта Мсты. Ведущее положение в этой системе занимали три городища, контролировавшие треугольник водных и сухопутных путей с Волхова на Мсту: Холопий Городок — Рюриково Городище 4 — Бронница (рис. 429). Возвышение этого региона в конце VIII в. оказалось связано с новым фактором — установлением Волжского пути, по которому налаживается транзитная меховая торговля Восточно-Балтийского региона с исламским миром. Пушная торговля Востока с миром южной тайги началась, как известно, еще в скифо-сарматское время, активизировалась в VI–VII вв. н. э. и продолжалась в VIII–IX вв. Первоначально в качестве узлового региона в меховой торговле выступало Прикамье. Единственным крупным политическим образованием, располагавшимся на границе восточноевропейской тайги в конце VIII — начале IX в., оказалось вождество в Центральном Приильменье, сумевшее переориентировать часть торговых путей с Русского Севера, с Прикамья на озеро Ильмень. Изменения в социально-политической структуре восточнославянского общества в бассейне озера Ильмень, позволявшие ему наиболее эффективно концентрировать в своих руках ресурсы южной тайги — от Чудского до Онежского озера, выдвинули его на первое место в Восточно-Балтийском регионе и обусловили, в конечном счете, образование Северорусского государства — Новгородской земли.

Довольно сложно для VIII — начала IX в. отдать предпочтение Рюрикову Городищу 4 или Броннице в качестве центра приильменских славян. С одной стороны, Бронница была, несомненно, более внушительным укреплением, и здесь известны сопки, — возможно, захоронения племенной аристократии. С другой стороны, стратегическое положение Рюрикова Городища было более выгодным. Холопий Городок был слишком мал для того, чтобы играть центральную роль в иерархии укреплений приозерных кланов.

Сложен вопрос о взаимоотношениях Центрального Приильменья с Нижним Поволховьем во второй половине I тыс. н. э. В Нижнем Поволховье мы также видим в VIII–IX вв. систему городищ, структурирующую сельский регион, протянувшийся от Гостинополь-

ских порогов до песчаных валов ладожской трансгрессии у Иссада. Это городища Дубовики, Любша и городище, располагавшееся на месте Староладожской крепости. К этому же региону можно отнести и городище у д. Городище на Сяси. Формирование этой системы относится ко второй половине VIII в. Отдельные данные могут свидетельствовать о проникновении сюда славян еще в третьей четверти I тыс. н. э., но культурные слои этого времени в Ладоге и ее окрестностях пока слабо изучены (Кирпичников, Курбатов 2014: 135; Кирпичников 2018: 17; Лапшин 2019: 301; 2019а: 115).

Стратегическое значение Нижневолховского региона в VIII — середине IX в. несомненно. Сложно решить, являлся ли он частью раннегосударственного образования в Приильменье или же имел самостоятельное значение. Система нижневолховских городищ (Любша — Ладога — Дубовики) в определенном смысле «уравновешивает» на другом конце Волхова систему городищ при переходе на Мсту (Холопий Городок — Рюриково Городище — Бронница).

Славянская колонизация Приильменья начинается в конце V в., но преимущественно относится к VI–VII вв. Формирование вождества в Центральном Приильменье происходит к рубежу VIII/IX вв. на основе сравнительно моноэтничного (если не учитывать разные исходные регионы более ранней миграции) населения. Это обстоятельство стимулирует пушную торговлю и выводит ее на совершенно новый уровень организации, позволяющий «закачивать» в Восточно-Балтийский регион огромные массы куфического монетного серебра и бус.

Рюриково Городище 5. Около середины IX в. в Центральном Приильменье наблюдается централизация власти, средоточием которой становится Рюриково Городище 5 — одна из самых мощных крепостей в Восточно-Балтийском регионе. По планировке своей новое укрепление напоминает D-образные крепости викингов и североευропейские торговые города (Еремеев, Дзюба 2010: 410–415, рис. 331, 332). Рюриково Городище 5 — это не столько городище в старом смысле слова, сколько укрепление линейного типа, охватывающее участок берега реки. Строительство крепости сопровождается возведением укреплений такого же типа в Ильменском Поозерье (Георгий, Сергово).

Это говорит о переориентации военной угрозы. Если городки предшествующего времени строились как убежища для округа, то эти городища, представляющие по сути своей укрепленные корабельные стоянки, направлены были в первую очередь на контроль над округами. Участие скандинавов в постройке данных укреплений не вызывает сомнений. Можно рассматривать этот процесс как частичную утрату родовой аристократией, воплощением господства которой были старые городища-убежища, своей власти. Власть перешла к новой норманнизированной

верхушке, более тесно связанной с дальней торговлей и кораблями. В русских летописях эти события нашли отражение в виде Сказания о варяжской дани и призвании варягов.

В то же время, нужно отметить наличие в Приильменье таких мощных племенных крепостей-убежищ, как Городок на Шелони или Яжелбицы 1. Городок примерно равен по площади укреплениям Рюрикова Городища 5. Яжелбицы 1 в 2–2,5 раза превосходит Рюриково Городище 5 по размерам, не

уступает ему по масштабам трудозатрат и тоже имеет сложные линейные укрепления. Очевидно, в славянском обществе существовали и внутренние социальные предпосылки, и технические возможности для военно-административной централизации. Вопрос о славяно-скандинавском политическом и культурном взаимодействии по-прежнему актуален, а его рассмотрение входит, очевидно, в новую фазу. Некоторым аспектам этой проблемы посвящен второй том нашего исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Городища второй – четвертой четверти I тыс. н. э., изученные раскопками, а также датирующиеся по подъемному материалу или микрорегиональному контексту

Согласно сложившемуся у автора представлению, городища Ильмень-Волховского региона следует рассматривать как северную провинцию области БК, образовавшуюся в результате колонизационного движения населения из области междуречья Днепра, Западной Двины и Немана. Дальнейший анализ фортификации, застройки и керамического комплекса этих северных городищ подразумевает перечень более южных памятников, совокупность которых следует рассматривать как древности метрополии. Данное приложение и представляет такой перечень без претензии на полноту или детальность описаний.

Следует отметить, что в сходном направлении двигаются исследования Н. В. Лопатина, недавно опубликовавшего карту и список (в виде таблицы) городищ V – VII вв. на пространстве от Среднего Поднепровья до Чудского озера (Лопатин 2018: рис. 1, табл. 1). Созданный нами перечень во многом схож с его списком, но имеет иную цель: обрисовать памятники двух регионов – метрополии второй-третьей четверти I тыс. н. э. и области колонизации VI–VIII вв.

В Приложение 1, в отличие от карты Н. В. Лопатина, не включены многочисленные и хорошо изученные городища КТБ верховьев Днепра и его левых притоков. Причина этого в том, что, как мне представляется, раннеславянское население Смоленского Поднепровья и Днепровского левобережья не играло существенной роли в славянизации Северо-Запада, в частности, интересующего нас Приильмения. По той же причине мы не рассматриваем городища Верхнего Поволжья и соседних с ним областей, подробно описанные И. В. Ислановой и перечисленные в указанной работе Н. В. Лопатина.

Вместе с тем, в Приложении 1 описан ряд объектов Приильмения и близлежащих территорий, принадлежность которых к городкам эпохи переселения народов – Раннего Средневековья находится под вопросом (Бор, Борщево, Городцы, Туганово, Теремец, Городок на Волхове, Марьино, Городище, Подгощи). Сделано это потому, что мы очень слабо представляем себе предназначение раннесредневековых город-

ков, и то, как они должны выглядеть. В нашем случае лучше иметь в виду не только достоверно выявленные памятники изучаемой эпохи, но и потенциальные. Это позволяет исследователю помнить о том, что он имеет дело лишь с фрагментами реальности.

Для иллюстрации изложенных в книге соображений представленной в Приложении 1 выборки вполне достаточно. Я не включил в нее ряд памятников, которые либо подробно рассматриваются в тексте первого тома (Рюриково Городище), либо развернуто опубликованы (например, Изборск, Лукомль). Некоторые известные памятники активно исследуются в настоящее время (Соборная Гора в Смоленске), и до публикации новых результатов раскопок подробное их описание лишено смысла. На карте все эти городища присутствуют.

В данный перечень южные и северные городища включены подряд, ключом к их распределению на группы является **рис. 3**. Все городища многослойные, материалы их сгруппированы по условным хронологическим горизонтам, которые выявляются в коллекциях, но далеко не всегда прослеживаются в стратиграфии. Указание на присутствие материалов ЭРМ – РЖВ подчеркивает глобальный характер феномена многократного освоения узловых участков ландшафта.

I. Бассейн Чудского озера – р. Нарва

1. Урагово (Витебская обл., Верхнедвинский р-н)

Городище на западном берегу оз. Освейское. Расположено на восточной части продолговатого холма высотой 12–15 м, к которому примыкает болото. Городище имеет овальную площадку, вытянутую с востока на запад. Размеры ее: 70 × 40 м. Пологий восточный склон укреплен валом и рвом. С запада от остальной части холма площадка отделена двумя валами и тремя рвами. К юго-востоку от городища находится обширное селище. Городище обследовано А. Г. Митрофановым в 1949 г. Раскапывалось в 1965–1966 гг. К. П. Шутом. Вскрыто 304 м². Мощность культурного слоя 0,5–1,5 м.

Поздний горизонт. Находки представлены лепной гладкостенной слабопрофилированной керамикой с примесью дресвы. Встречаются фрагменты облитой и чернолощеной керамики с отпечатками зубчатого штампа. Среди опубликованной керамики определяется фрагмент сосуда с расчесами, предположительно близкий керамике типа Заозерья. Находки из верхнего горизонта: нож с утолщенной спинкой, серп и фрагмент серпа, биконические глиняные пряслица двух типов — с широким и узким отверстиями. Биконические пряслица с широким отверстием (их найдено 5 экз.) являются главным основанием для выделения на городище горизонта второй-третьей четверти I тыс. н. э. (Шут А-1966: рис. 4: 14, 15, 18–20). Сам автор раскопок датировал верхний слой городища V–VIII вв. н. э. (Шут 1967: 416). Культурный слой характеризуется большим количеством костей животных, преимущественно — домашнего скота (около 95%). Это крупный рогатый скот (43,6%), лошадь (40%), мелкий рогатый скот (14%) и свинья (2,4%). На позднем этапе существования городища его планировку определяла длинная наземная постройка, шедшая по краю холма. От нее сохранились два очага, располагавшиеся в 6–8 м от края площадки. Сложно сказать определенно, была ли постройка срубной или столбовой.

Ранний горизонт. Относится к ДДК. От верхнего слоя он отделен прослойкой пожара.

Древнейший горизонт. Представлен каменными орудиями: два шлифованных тесла, каменный топор и две высверлины от каменных топоров.

Шут А-1966; Шут 1966, 1967; Штыхов 1971: 37, 38; Поболь 1983: 133 (п. 106); Шадыра 1985; Археологія Беларусі 2011: 367.

2. Осыно (Псковская обл., Себежский р-н)

Городище холмового типа расположено на восточном берегу оз. Осыно. Размеры холма 220 × 120 м, высота до 18 м. Параметры площадки городища — 45 × 28 м (Третьяков А-1971: л. 4). Склоны холма эскарпированы. Южная его часть укреплена небольшим рвом, выявленным в ходе раскопок 2003 г. Ширина рва до 2,2 м. При городище, между озером и северо-западным склоном холма, известно открытое поселение (раскапывалось П. Н. Третьяковым в 1971 г. и датировано им второй половиной I тыс. н. э.). В 1971–1972 гг. городище исследовалось П. Н. Третьяковым (248 м²). В 2003 г. раскопки на городище производил А. В. Михайлов (492 м²).

Поздний горизонт. Представлен древнерусским материалом, отнесенным П. Н. Третьяковым к XIII — XIV вв. и удревненным А. В. Михайловым до XII в. (Михайлов А-2003: л. 70).

Ранний горизонт 2. Представлен фрагментами лепной керамики (в том числе с расчесами), отнесенной А. В. Михайловым, Н. В. Лопатиным и А. Г. Фурасьевым к кругу древностей Заозерье-Узмень.

Ранний горизонт 1. Представлен материалами ДДК. Надо полагать, именно к этому времени относятся следы жердевой ограды, выявленной на краю площадки городища (Третьяков А-1971. л. 7; Третьяков А-1972: рис. 5) и ров.

Древнейший горизонт. Содержит высверлины от каменных топоров, клиновидные шлифованные орудия (Третьяков А-1971: л. 9; Третьяков А-1972: рис. 32) и относится, видимо, к ЭРМ (начало I тыс. до н. э.). Известна находка целого каменного топора (Михайлов А-2003). Имеются указания на присутствие в культурном слое текстильной керамики (Третьяков А-1972: л. 11; Михайлов А-2003). Встречены также обломки глиняных формочек для отливки бронзовых браслетов (Третьяков А-1972: л. 10).

Третьяков А-1971; Третьяков А-1972; Михайлов А-2003; Лопатин, Фурасьев 2007: 106.

3. Камно (Псковская обл., Псковский р-н)

Городище на мысу при слиянии двух ручьев (русел истока р. Каменки). Укрепление имеет сильно вытянутую овальную площадку, защищенную с напольной, юго-восточной, стороны валом и рвом. В концевой части мыса в верхней части склона прослеживается эскарпировка. С юго-востока к городищу примыкает открытое поселение с материалами VIII–XIII вв. В числе прочего на селище найден фрагмент аббасидского дирхема, датированного 775–785 гг. (Закурина А-2010: л. 16). Городище раскапывалось Ф. А. Ушаковым в 1885 г. (вал городища), С. А. Таракановой (1948–1952 гг.), К. М. Плоткиным (1973–1975 гг.), Т. Ю. Закуриной (2010, 2012 гг.).

Поздний горизонт. Содержит материалы древнерусского погоста Камно XII–XIII вв.

Ранний горизонт. Раскопками выявлено несколько горизонтов застройки площадки с наземными срубными постройками, отапливавшимися глинобитными печами и открытыми очагами, обложенными камнем. Некоторые из этих сооружений имели производственный характер. Горизонт датируется VIII — началом X в. К указанному времени относятся множество целых и фрагментированных тиглей, глиняных лячек и каменных формочек для отливки примитивных свинцово-оловянистых украшений. Датированные находки: фрагменты односторонних гребней скандинавского типа группы 1 по О. И. Давидан (Плоткин А-1974: л. 15, рис. 40: 2, 3), весовая гиришка и коромысло от монетных весов (Тараканова А-1952: л. 5, 15). Лепная керамика городища в основной

своей массе близка керамике группы 1. Имеются реберчатые сосуды «ладожского типа» (4 группа по нашей типологии). Единичными фрагментами представлены сосуды с отверстием под венчиком (предположительно, рыгесского типа) и округлодонные чаши. Имеется слабопрофилированная керамика, близкая типам посуды КПДК и КТБ. В раскопе К. М. Плоткина найдено блоковидное кресало (Плоткин А-1973: фото 25); еще четыре подобных кресала происходят из раскопок С. А. Таракановой (Тараканова А-1949: л. 38). Все это позволяет говорить об архаичности культуры городища и присутствии элементов, характерных для третьей четверти I тыс. н. э. Архаичность культуры была отмечена С. А. Таракановой, которая отнесла ранние элементы к IV–V вв., что вряд ли правомерно (Тараканова А-1949: л. 38).

Вал городища исследовался в 1885 г. двумя траншеями. В 1948 г. траншея в валу была заложена С. А. Таракановой. О его конструкции трудно сказать что-то определенное, кроме двух наблюдений.

1. Вал в его нынешнем виде был насыпан на поздней стадии существования поселения (XII–XIII вв.), поскольку содержал многочисленные находки керамики, костей и чешуи. Причем встречалась и гончарная керамика (Тараканова А-1948: л. 17).

2. Вал содержит какие-то субструкции, сложенные из известняковых плит и валунов, а также какие-то элементы бревенчатого каркаса, видимо, древнерусского времени (Тараканова А-1948: л. 17). Каменные конструкции определенно обнаружены на материке, т. е. относятся к древнейшим укреплениям.

Тараканова А-1948; Тараканова А-1949; Тараканова А-1952; Тараканова 1956; Плоткин А-1973; Плоткин А-1974; Плоткин 1974; Плоткин 1980; Белецкий 1977; Лопатин 2007; Закурина А-2011; Закурина А-2012.

4. Сторожинец (Псковская обл., Гдовский р-н)

Городище холмового типа на юго-восточном берегу оз. Речицкого (Торохово). В 1983–1984 гг. раскапывалось Н. В. Хвоцинской. С 1985 г. исследование вел С. Г. Попов. Рядом с городищем располагается селище и курганный могильник с длинными насыпями.

Поздний горизонт. Представлен находками XII–XIII вв.

Ранний горизонт. Содержит материалы третьей четверти I тыс. н. э. Оборонительные сооружения раннего периода представляли собой кольцевую постройку столбовой конструкции, шедшую по периметру площадки, и дополненную деревоземляными валами на концевых участках площадки. Постройка сохранилась в виде конструкций из карбо-

низированных бревен и плах, перемежающихся маломощными песчаными подсыпками. Автор раскопок представлял это себе так: «навалы бревен на краю площадки, скрепленные поперечинами» (Попов А-1985: л. 21) или «стена столбовой конструкции <...> с внутренней стороны ее основание укреплялось пережженными камнями от разбираемых печей» (Попов А-1985: л. 25). Некоторые березовые бревна сохранили бересту (Попов А-1988: л. 24; Попов А-1989: л. 9).

Древнейший горизонт. Представлен фрагментами текстильной керамики, в том числе комплексом подобных фрагментов в материковой яме под оборонительными сооружениями второй половины I тыс. н. э. (Попов А-1986: л. 28–30), а также единичными фрагментами штрихованной посуды (Попов А-1988: л. 6, 22).

Хвоцинская А-1983; Хвоцинская А-1984; Попов А-1985; Попов А-1986; Попов А-1988; Попов А-1989; Попов А-1989а; Попов А-1990; Попов А-1990а; Попов 1995, 2015; Лопатин 2018 (п. 5).

5. Сорокина Горка (Псковская обл., Гдовский р-н)

Городище неподалеку от берега Чудского озера. Расположено на ориентированном примерно с севера на юг озовом холме, пологие оконечности которого отрезаны мощными рвами. С запада северный ров переходит в эскарп, ниже которого крутой склон лощины продолжается. С востока холм, вероятно, подрезан, террасированность отсутствует. Площадка городища сильно поката к западу и состоит как бы из двух террас. Общие размеры площадки 43,5 × 55 м (Попов А-1989: 37). По периметру площадки идет вал, достигающий наибольшей высоты на севере холма. Въезд на городище расположен с юга, со стороны селища. Здесь в выбросе из рва имеется разрыв, где, похоже, находились ворота. С городища происходит керамика второй половины I тыс. н. э. (Попов 2015: 145). Памятник обследовался А. А. Спицыным, П. А. Раппопортом (он впервые зафиксировал на городище лепную керамику второй половины I тыс. н. э.) и С. Г. Поповым.

К югу от городища С. Г. Попов обнаружил обширное (до 13000 м²) селище с лепной керамикой второй половины I тыс. н. э. и железными шлаками. Рядом с комплексом в сосновом бору находятся три кургана.

Попов А-1989; Попов 1995, 2015

6. Горка (Псковская обл., Гдовский р-н)

Городище-убежище расположено на правом коренном берегу р. Плюсса при впадении в нее ручья Стягла. Близ городища находится одноименное се-

лище, в течение длительного времени исследовавшееся С. Г. Поповым.

Селище Горка раскапывалось С. Г. Поповым в 1990–1991, 2002, 2003 и 2005 гг. Поселение содержит материалы середины-третьей четверти I тыс. н. э., связанные с КПДК, и находки РЖВ. Имеется также гончарная керамика X–XII вв. В ближайших окрестностях городища и селища зафиксировано несколько курганных групп КПДК.

Попов А-1989; Попов А-1990; Попов А-1990а; Попов А-2003; Попов А-2005; Попов 1995, 2015.

7. Подоржевка (Псковская обл., Бежаницкий р-н)

Городище рядом с д. Подоржевка в 3 км от д. Бардово на вершине горы, на высоте 25–30 м от ее подножия. Размеры площадки, имеющей очень сложную форму, 350 × 400 м. Основным элементом оборонительной системы является эскарпировка склонов. Последние сильно изрезаны оврагами и оползнями. В северной части площадки — пруд размерами 10 × 10 м. В 1969 г. Славяно-русский отряд Невельской экспедиции ГЭ заложил на юго-западном краю площадки шурф размерами 1 × 1 м. Выявлен культурный слой мощностью до 0,30 м с лепной керамикой, по мнению Р. С. Минасяна «типа Каменной Лавы», т. е. примерно середины I тыс. н. э. (Микляев, Минасян А-1969, л. 20, табл. XXX). Там же найден фрагмент биконического глиняного пряслица. В 1980 г. А. В. Михайлов заложил на площадке городища 4 шурфа к югу и востоку от искусственного водоема, в которых обнаружил лепную керамику. Мощность культурного слоя здесь достигает 1 м.

Ранний горизонт. Представлен тонкостенной лепной керамикой, возможно, ДДК (Микляев, Минасян А-1969: 20).

Поздний горизонт. Содержит лепную профилированную керамику второй половины I тыс. н. э. Имеется также фрагмент венчика реберчатого сосуда «ладожского типа» (Михайлов А-1980: рис. 12). В шурфе № 5 А. В. Михайловым найдено, кроме того, несколько фрагментов гончарной древнерусской керамики с линейным и волнистым орнаментом и глиняное биконическое пряслице (Михайлов А-1980: рис. 12).

Городище является центром археологического микрорегиона, в котором представлены древности середины-третьей четверти I тыс. н. э., сопоставимые с раннеславянскими: селище Свинухи и городище Турушино (Михайлов А-1983), а также наблюдается концентрация могильников КДК.

Микляев, Минасян А-1969; Михайлов А-1980; Михайлов А-1983.

8. Турушино (Псковская обл., Бежаницкий р-н)

Городище в ур. Городок расположено на камовом холме на левом берегу р. Алоля. Имеет овальную площадку, укрепленную системой ступенчатых эскарпов и неглубоких рвов с юга и севера. По краю площадки, очевидно, там, где располагалась кольцевая постройка, идет невысокий валик.

С западной стороны городища находится селище. При обследовании его В. И. Михайловым найдена лепная гладкостенная керамика с S-видным профилем, шлаки и крицы, а также железная серповидная бритва с завитком (Михайлов А-1983: рис. 5). Все это позволяет датировать селище и городище серединой — второй половиной I тыс. н. э.

Михайлов А-1983; Лопатин 2018 (п. 1).

II. Бассейн верхнего течения р. Луга

1. Кострони (Новгородская обл., Батецкий р-н)

Городище расположено к западу от деревни на холме на правом берегу р. Черная. Площадка подтреугольная, размерами 60 × 40 м. Высота над поймой — около 9 м. С севера городище было защищено валом шириной до 5 м и высотой до 0,7 м. Мощность культурного слоя до 0,4 м. В настоящее время городище сильно разрушено карьерами, и разобраться в его первоначальной планировке невозможно.

Городище обследовалось С. Н. Орловым, отметившим находки лепной гладкостенной керамики (Орлов А-1960–1970-е: л. 11). В 1997 г. на городище С. Е. Тороповым был заложен шурф.

Орлов А-1960-1970-е.

2. Белая (Новгородская обл., Батецкий р-н)

Городище расположено в ур. Лысая Гора в 0,5 км к северо-западу от деревни на левом берегу р. Гордьянки на высоком камовом всхолмлении (рис. 245). Площадка городища подпрямоугольная, размерами 40 × 30 м. Образована эскарпировкой склонов естественного холма с запада, юга и востока. В результате подрезки был удален огромный объем грунта, и примерно на середине склона холма с юга и востока образовалась терраса шириной до 10 м. Над ней на южном краю площадки возведен вал, возвышающийся над последней на 1,5–2 м. Въезд на городище идет, видимо, по восточной террасе эскарпа к северо-восточному углу площадки. Мощность культурного слоя от 0,3 м до 1,6 м (по краям площадки). Городище впервые исследовано А. А. Спицыным в 1910 г.

В 1973 г. раскопки в северной части городища произведены отрядом НГПИ под руководством В. В. Милькова (Мильков А-1973). Изучена площадь 462 м². Напластования городища разделены на три горизонта.

Поздний горизонт. В верхней части напластований наряду с лепной гладкостенной керамикой встречается гончарная керамика с линейным орнаментом. Датированной находкой является железный ланцетовидный наконечник стрелы с упором (рисунки археологических находок А-1973: БГ-30) (рис. 248: БГ-30).

Ранний горизонт. Характерной его особенностью являются подсыпки грунта по периметру площадки городища. На подсыпках была возведена длинная постройка, отапливавшаяся печами-каменками, от которых сохранились груды перегоревших булыжников, идущие цепочкой вдоль края площадки (рис. 246). Лучше всего остатки длинной постройки видны в восточной части городища. Здесь от нее, помимо очагов, сохранился развал карбонизированных бревен, идущий по восточному краю площадки (чертеж плана раскопок I и III А-1973). Не вполне ясно — остатки ли это самой постройки, или бревна, которые армировали подсыпку под нее. Постройка имела, скорее всего, столбовую конструкцию. Сооружение, возможно, погибло в пожаре. Для горизонта характерна лепная неорнаментированная керамика баночных форм, или с прямыми, чуть отогнутыми наружу венчиками (Мильков А-1973: 9). Рисунок фрагмента одного из таких сосудов есть в архивных материалах С. Н. Орлова (Рисунки археологических находок А-1973: БГ-2) (рис. 248: БГ-2).

Древнейший горизонт. Прослеживается на материке по краям площадки в виде слабогумусированной предматериковой прослойки и отдельных ям с аналогичным заполнением. Какой-либо системы в расположении этих ям не прослежено. Горизонту соответствуют фрагменты лепной керамики, покрытой штриховкой (Мильков А-1973: 6) или несущей ямочную орнаментацию (рисунки археологических находок А-1973: БГ-21, 23, 29). С городища происходит также фрагмент каменного топора (рисунки археологических находок А-1973: БГ-31).

К северо-западу от городища располагается селище, на котором В. В. Мильков зафиксировал находки лепной неорнаментированной керамики и кусков шлака (Мильков А-1973: 3). Близ городища возле дороги, ведущей к озеру, располагалась группа из уплощенных, округлых в плане курганов (не менее 4 насыпей, из которых в настоящее время сохранились 2). В 1973 г. один из курганов (диаметром 8 м, высотой 0,4 м) исследован В. В. Мильковым. В насыпи найдена «небольшая пятака кальцинированных костей» без сопроводительного инвентаря (Мильков А-1973: 3).

В фондах НГОМЗ хранится всего 5 фрагментов лепной гладкостенной керамики из раскопок горо-

дища у д. Белая (КП 25296/А-28/105–106). Керамика может быть датирована второй половиной I тыс. н. э.

Паспорт 1977; Орлов А-1960-1970-е; Рисунки археологических находок А-1973; Чертеж плана раскопок I и III А-1973; Чертеж разрезов А-1973; Мильков А-1973; Воронова А-1984: 59-61; Юшкова 2011: 201, 202.

3. Косицкое (Новгородская обл., Батецкий р-н)

Городище расположено к северу от деревни на холме, на оконечности природной гряды в излучине правого берега р. Костёнки (левый приток р. Луга), примерно в 300 м от ее устья. Размеры площадки 30×25 м, высота ее над местностью 8–10 м (Орлов А-1960–1970-е: л. 8). Городищенский холм имеет округлую форму и обрывистые (несомненно, подрезанные) со всех сторон склоны. С восточной стороны над подрезкой, переходящей в ров, возвышается вал серповидной формы, у южной оконечности которого обустроен въезд на площадку. Высота вала составляет около 1,5 м, глубина рва не более 0,5 м (Орлов А-1960–1970-е: л. 8). Края площадки слегка приподняты и придают ей блюдцеобразную форму. Очевидно, по окружности площадки сделана подсыпка, служившая фундаментом для оборонительных и жилых сооружений. Мощность культурного слоя — до 0,8 м. Близ городища имеются сопки.

Городище впервые обследовано М. М. Аксеновым в 1955–1957 гг. Им же снят первый глазомерный план памятника (Аксенов, рукопись: л. 14). В 1959 г. С. Н. Орлов заложил на городище шурф 2×2 м, в котором была найдена лепная и гончарная керамика, датированная автором раскопок X–XI вв. (Орлов А-1959–1972). Лепные фрагменты принадлежат горшкам с баночным и сглаженно-S-видным профилем (Орлов А-1950–1980-е: л. 61 об.).

Аксенов, рукопись; Орлов А-1950-1980-е; Орлов А-1960-1970-е; Орлов А-1959-1972; Платонова 1991: 72; Юшкова 2011: 202.

4. Бор (Новгородская обл., Батецкий р-н)

Городище расположено в деревне на правом берегу р. Луги (и ее старицы) на оконечности озового всхолмления. Площадка городища подтреугольная, по данным С. Н. Орлова размерами 50×25 м. Склоны оконечности оза в древности, видимо, были эскарпированы. С восточной, напольной, стороны городище было защищено рвом (в 1960-е гг. сохранялся на протяженности 22 м) и валом. Мощность культурного слоя (включая огородный) составляла до 0,55 м. Сейчас городище сильно повреждено карьером и почти совершенно потеряло форму.

Городище описано С. Н. Орловым (Орлов А-1960–1970-е). В 1960 г. в юго-восточной части площадки им был заложен раскоп площадью около 70 м² (План городища А-1960). Керамика разделена С. Н. Орловым на две группы: текстильная («рогожная» по его терминологии) и с заглаженной поверхностью, иногда с ямочным орнаментом. В ОПИ НГОМЗ хранится фотография фрагмента лепного сосуда с отпечатком плетеной циновки (?) или очень грубой ткани простого переплетения (фрагменты керамики А-1960). Найдено также две булавки — железная со спиралевидным навершием и бронзовая с «петельчатой головкой» (Орлов А-1960–1970-е: л. 10, 11), костяная стрела и костяное орудие в форме лопатки с насечками.

Разрезы раскопа А-1960; План городища А-1960; Орлов А-1950-1980-е; Фрагменты керамики А-1960; Орлов А-1960-1970-е; Воронова А-1984: 58-59; Юшкова 2011: 202.

5. Ям-Тесово (Ленинградская обл., Лужский р-н)

Городище расположено на левом берегу р. Тесовой близ ее впадения в р. Оредеж на высоком мысу коренного берега. Склоны мыса, вероятно, эскарпированы. Площадка имеет размеры 80 × 20 м. С напольной стороны она защищена валом (высота около 1 м) и рвом (глубина до 1,5 м).

Подъемный материал — лепная керамика и фрагменты древнерусских гончарных горшков. Среди лепной керамики найден фрагмент сосуда с плечиком, украшенным «защипами» (Лесман А-1979: л. 10). Шурфовка городища произведена Ю. М. Лесманом в 1979 г.; в слое мощностью до 0,60 м (в яме) найдена лепная керамика. Городище раскапывалось Ю. М. Лесманом в 1982 г. (исследованная площадь 22,5 м²). На краю площадки открыты остатки обугленных конструкций, вероятно, оборонительного характера.

Лесман А-1979; Воронова А-1984: 61; Лапшин 1990: 13; Лесман 1995.

6. Надбелье (Ленинградская обл., Лужский р-н)

Городище расположено на мысовой части плато коренного берега р. Оредеж при впадении нее р. Морюшка. Подчетыреугольная площадка занимает около 0,7 га (размеры 90 × 75 м). Мощность культурного слоя — 0,4–1,0 м. С напольной стороны городище укреплено слабо выгнутым дугообразным валом (высотой 2–3 м), с остальных сторон склоны мыса, возможно, были эскарпированы. Ближайший могильник с сопками находится в 1,5–2 км от городища

(Кузьмин 2000: 95). Памятник впервые обследован П. Н. Шульцем и Г. П. Гроздиловым в 1927 г. Позднее описан Ю. М. Лесманом (Лесман А-1980). Городище исследовалось С. Н. Кузьминым в 1995–1999 гг. (вскрыто более 600 м²).

Поздний горизонт. Раскрыты остатки срубных наземных жилищ с овальными подпольными котлованами. Изучена постройка с глинобитной печью, трактуемая автором раскопок как производственная (Кузьмин 2000: 96). Найдено 12 дирхемов, определено и опубликовано — 9 экз. (Кузьмин 2000: 97). Все определенные монеты относятся к первому периоду обращения дирхема по Р. Р. Фасмеру. Время возникновения городища исследователи относят к первой половине IX в. на основании восточных монет и формочки для отливки свинцово-оловянистых украшений, находящей параллели в слое Старой Ладоги этого времени (Кузьмин, Михайлова 2004). Для памятника характерна лепная керамика, преимущественно «ладожского типа». Встречается раннегончарная керамика, позволяющая относить последние годы существования городища к первой половине X в. (Кузьмин, Михайлова 1997: 142).

Ранний горизонт. Представлен единичными находками лепной керамики РЖВ со штрихованной поверхностью и ямочным орнаментом (Кузьмин А-1999: л. 7).

Орлов А-1960–1970-е; Лесман А-1980; Кузьмин А-1998; Кузьмин А-1999; Лапшин 1990: 14; Кузьмин, Михайлова 1997; 2004; Кузьмин и др. 1999; Кузьмин 2000, 2008.

7. Борщево (Ленинградская обл., Лужский р-н)

Городище (?) в 150 м к северу от деревни «на высоком коренном берегу оз. Антоновское (р. Оредеж)» (Лесман А-1980: л. 2) на мысу при устье ручья. Мыс носит название «городище». Размеры всхолмленного мыса: 100 × 40 м, высота над поймой озера до 17 м. Шурфовка мыса проведена Ю. М. Лесманом в 1980 г. Культурный слой не выявлен.

Лесман А-1980

8. Курская Гора (Новгородская обл., Новгородский р-н)

Стратегическое значение памятника определяется его расположением на одной из сухопутных дорог, соединявших Центральное Приильменье и густонаселенное в Раннем Средневековье Верхнее Полужье (в Позднем Средневековье дорога Новгород — Нарва). Таким образом, Курская Гора была своеобразным двойником Бронницкого городища в Западном Приильменье.

Городище расположено на высокой (до 25 м) гряде среди равнинной местности в 3 км к северо-западу от д. Мокрицы и в 5 км к югу от пос. Тесово II, на правом берегу р. Луги. Гряда тянется в направлении с северо-востока на юго-запад не менее чем на 3 км при ширине в несколько сотен метров; она имеет водно-ледниковое происхождение и сложена супесями с прослоями гальки. Центральная часть поселения занимала в пределах этой гряды холм размерами 90 × 30 м и высотой 10 м над прилегающими участками гряды и до 25 м над равниной. Площадка на вершине холма имела размеры 20 × 40 × 50 м. Следы валов и рвов не прослежены, и наличие земляных фортификационных сооружений осталось под вопросом. Культурный слой мощностью до 0,5 м.

К городищу с запада и юга примыкало селище размерами примерно 100 × 120 × 40 м. Мощность слоя — более 1 м. Археологический комплекс к началу археологических исследований оказался сильно поврежден промышленной деятельностью, и полное представление о памятнике получить не удалось (Клубова 1990: 13). В настоящее время комплекс уничтожен карьером.²¹²

Городище раскапывалось О. В. Клубовой в 1989 (304 м²) и 1990 (32 м²) и селище ею же в 1990–1992 гг. (Клубова А-1989, А-1990, А-1991, А-1992). На селище изучалось соответственно 242 м² (1990), 410 м² (1991) и 422 м² (1992)²¹⁵. Вдоль северо-западного края площадки в раскопе 1989 г. О. В. Клубовой удалось проследить в культурном слое лежащие в одну линию три зоны концентрации очажных камней, образующих полосу шириной около 4 м и длиной примерно 14 м (Клубова А-1989: рис. 5). Возможно, подобная структура существовала и на восточном краю площадки, но здесь она нарушена перекопом.

Открытая на северо-западном краю площадки структура аналогична объектам, зафиксированным на городищах Городок на Ловати/Верготи, Городок на Маяте, Сельцо I в окрестностях Ильменя. С достаточной долей вероятности можно интерпретировать такие объекты как остатки длинных домов. Таким образом, городище Курская Гора представляло собой архаический тип укрепления — природную возвышенность с длинным домом (или домами) по периметру площадки. Земляная фортификация (если она имела) была минимальна и ограничивалась подрезкой склонов.

Городище и селище представляют собой многослойные памятники с переработанным на поздних этапах жизни сухим культурным слоем. Поэтому этапы жизни поселения, захватившего, судя по на-

ходкам, большую часть второй половины I тыс. н. э., выделяются по отдельным объектам и переотложенным находкам.

Поздний горизонт. Представлен единичными фрагментами гончарной древнерусской керамики (Клубова А-1991: л. 4, 10; рис. 10: 12–14) и отдельными находками украшений, датировка которых охватывает X в.

Ранний горизонт. Представлен лепной керамикой групп 1 и 4 («ладожский тип»). Керамика, сохранившаяся в фондах НГОМЗ, преимущественно грубой выделки, рыхлая, с примесью крупной дресвы в тесте и бугристой поверхностью. Исключение составляют три фрагмента сосудов 4 группы, изготовленные из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка. Черепки плотные. Поверхность горшков была тщательно заглажена. Вероятно, это фрагменты парадной столовой посуды.

В наборе бронзовых украшений преобладают трапециевидные подвески. Комплекс датирующих находок указывает на VIII–IX вв. Характерными приметами времени являются вещи скандинавских типов: ледоходный шип, нож 4-й группы по Р. С. Минасяну (с длинным черенком, имеющим загиб на конце) и ладьевидный браслет со змеевидным орнаментом. Браслет относится к раннему типу украшений и может быть датирован VIII–IX вв., т. е. начальным этапом скандинавского присутствия в соседнем Поволжье. Для характеристики раннего горизонта важны также дирхемы с селища: целая монета из раскопа 1990 г. (Клубова 1990: л. 9, рис. 11: 13) и обренок (чуть менее ½ экз.) дирхема, найденный в раскопе 1991 г. (Клубова А-1991: л. 3, рис. 8: 6; Клубова 1992а: 26).

Древнейший горизонт. Время функционирования городища и селища. На последнем горизонт представлен в первую очередь жилищем, открытым в 1992 г., и керамическим комплексом из него. Жилище представляет собой подчетырехугольную площадку размерами 4 × 4,2 м, врезанную в пологий склон (Клубова А-1992: рис. 5). Дно неровное, что, возможно, является следствием перекопов. Здесь найден фрагмент лепного реберчатого лощеного сосуда (**рис. 408: 6**) высокого качества выделки (из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка и органических добавок). Отсюда же происходит фрагмент слабопрофилированного горшка (**рис. 408: 7**), по качеству изготовления отличающегося от остальной посуды поселения (хорошо отмученная глина, примесь мелкого песка и органики). Подобная керамика встречается и на других участках раскопа.

Жилище из раскопа 1992 г. можно типологически связать с неглубокими «полуземлянками» Городка на Маяте и Бронницкого городища. В то же время, в жилище на Курской Горе осталось под вопросом

²¹² Урочище осматривалось мною совместно с В. Я. Коцедем летом 2018 г.

²¹³ Раскопы частично перекрывались.

наличие печи-каменки (хотя это можно объяснить поздними перекопами). Так, печи-каменки сохранились не во всех «полуземлянках» и в Городке на Маяте.

К предполагаемому раннему горизонту поселения можно отнести также глиняное биконическое пряслице с широким отверстием, пинцет с резко расширяющимися концами (с городища) и железную бритву с луновидным лезвием и петельчатой тордированной ручкой (с селища). Массовый материал, относящийся к раннему горизонту, следует искать, надо полагать, среди слабопрофилированной лепной керамики, находки которой отмечены как на городище (Клубова А-1989: л. 8), так и на селище, а также среди фрагментов подлощенной посуды (Клубова А-1990: л. 12; Клубова А-1991: л. 9). Предполагаемая датировка древнейшего горизонта — середина-третья четверть I тыс. н. э.

Клубова А-1989, Клубова А-1990, Клубова А-1991, Клубова А-1992; Клубова 1990, 1992, 1992а; Кузьмин, Михайлова 1997, 2004.

9. Городец под Лугой (Ленинградская обл., Лужский р-н)

Городище расположено на мысу восточного берега оз. Городецкое. Площадка имеет размеры 90 × 60 м, по периметру ее насыпан вал высотой до 3 м над площадкой. Мощность культурного слоя до 1 м. Памятник исследовался Г. С. Лебедевым в 1970–1974 гг. (вскрыто 1000 м²). Полученный материал делится на несколько культурно-хронологических горизонтов.

Поздний горизонт. Отнесен автором раскопок к XII–XIII вв. на основании многочисленных находок древнерусского времени.

Ранний горизонт. Связан со строительством по периметру площадки городища деревоземляных укреплений перекладной конструкции (решетчатая бревенчатая конструкция, перекрытая грунтом). К этому времени относится выразительный комплекс находок, датирующийся в целом VIII–X вв. Речь идет о лепной керамике 4 группы («ладожского типа») и керамике группы 1, стеклянных бусах, гребнях скандинавских типов групп 1 и 2 по О. И. Давидан, ланцетовидных наконечниках стрел, арабских монетах. В этом же горизонте найдена бронзовая чашечка от весов. Характерной особенностью является присутствие раннегончарной керамики X–XI вв.

Укрепления раннего горизонта. Высота валов — до 3 м. Насыпаны они частично из культурного слоя. В 1971 г. была зачищена траншея, прорезавшая некогда вал. Установлено, что сооружен он в 2 этапа. Первоначальная его высота составляла около 1 м, внутри его прослежены угольные прослойки (Лебедев А-1971: л. 20). На следующем этапе вал был подсыпан песком

на высоту около 3 м. Здесь тоже отмечены угольные прослойки (Лебедев А-1971: л. 20–21). На третьем этапе вал был доведен до высоты 7 м (глядя с напольной стороны), причем снаружи он был досыпан чистым песком, а изнутри — культурным слоем (Лебедев А-1971: л. 21). В 1972–1973 гг. участок вала был раскопан. Установлено, что первоначальные укрепления Городца построены на культурном слое толщиной до 0,15 м. Основу вала составляет перекладная конструкция — 6–8 слоев бревен, положенных крест-накрест. Ширина бревенчатой кладки — до 2 м, первоначальная высота — до 1,5 м (Лебедев А-1972/1973: л. 31).

Древнейший горизонт. Лучше всего вычленяется по культурному слою, обнаруженному под валом городища. Г. С. Лебедеву это дало основания говорить, что первоначально поселение на холме было неукрепленным, что, исходя из современной суммы знаний о городках, кажется маловероятным. Скорее всего, древнейшие укрепления представляли собой эскарпы, оказавшиеся под внешним скатом вала. Древнейший культурный слой содержит только лепную керамику. Предположительно со временем древнейшего городища можно связать единичные фрагменты лепной баночной керамики, имеющей параллели в КПДК и КТБ (Лебедев А-1972/1973: рис. 108; Лебедев 1977: 118).

Лебедев 1973, 1977, 1982; Залевская 1982; Лапшин 1990: 31; Лебедев А-1970, Лебедев А-1971, Лебедев А-1972/1973; Лебедев, Прусакова А-1974; Lebedev 1982.

III. Окрестности озера Ильмень

1. Георгий (Новгородская обл., Новгородский р-н)

Городок располагался на мысовом всхолмлении левого берега р. Веряжа при впадении в нее безымянного ручья (рис. 270). Высота площадки над поймой составила около 4,5 м. Состояние памятника уже в 1955–1957 гг. позволило М. М. Аксенову сделать заключение, что большая его часть уничтожена разливами реки и ручья (Аксенов, рукопись: л. 4). Позднее об этом писал в дневниках и С. Н. Орлов. Особенно сильные разрушения пришлись на 1922–1924 гг. Только на памяти одного из информаторов С. Н. Орлова в северной части городища поселение уничтожено на площади 70 × 12 м (Орлов А-1958а: л. 6 об. — 8). С. Н. Орлов полагал, что площадь разрушенной части памятника достигала 1000 м² (Орлов А-1958, 1960: л. 8).

С напольной стороны городище было укреплено подковообразным (?) валом, сохранившимся на протяжении около 30 м (большой частью в сильно сниженном и распаханном виде). Современная ширина оплывшего вала около 12–15 м в основании

(рис. 271). Высота неясна из-за сильных повреждений. В 1993 г. при раскопках А. В. Плохова удалось проследить два этапа сооружения вала. С внешней стороны находится склон первоначального естественного всхолмления и, вероятно, ров (ныне полностью заплывший). Общая глубина заплывшего склона и рва от поверхности площадки составляет около 3 м.

Городище впервые подробно описано в 1955–1957 гг. М. М. Аксеновым (Аксенов, рукопись), а затем исследовано раскопками С. Н. Орловым в 1958 г. (Орлов А-1958, А-1958а; Орлов А-1958, 1960). Найдены ямы с лепной керамикой. Единичные фрагменты древнерусской гончарной керамики происходят из верхних напластований и пахоты (Орлов А-1958а: л. 34, 35 об.). Характерной особенностью поселения являются, наряду с развалами обычных печей-каменок, остатки глинобитных печей, прослеживающихся в виде линз красной обожженной глины (Орлов А-1958а: л. 8 об., 37 об., 40). Глинобитная печь изучена также в раскопе А. В. Плохова (Носов, Плохов 1991: 2). Одна из глинобитных печей исследована С. Н. Орловым в раскопе 1958 г. В примыкающей к этой печи яме (№ 5), в которую печь отчасти рухнула, С. Н. Орлов обнаружил скелет поросенка, череп и кости ног лошади (Орлов А-1958а: л. 47), что свидетельствует о разгроме поселения, после которого останки животных оказались в общей яме. Трудно допустить подобный выброс останков в жилой зоне в процессе обычной жизнедеятельности.

Из находок интерес представляет железная черешковая стрела с ромбическим пером (Орлов А-1958а: л. 14 об.), железная кольцевидная фибула с завитками на концах (Орлов А-1958а: л. 43), два ножа с прямой спинкой (Орлов А-1958а: л. 37) и нож с волютообразным навершием (Орлов А-1958а: л. 45 об.).

Вторично городище исследовалось С. Н. Орловым в 1979 г. (Орлов А-1979). Вскрыт ряд неправильной формы материковых ям на бровке берега. Датированная находка — перстень салтовского типа с ячейкой для стеклянной вставки (Орлов А-1979: л. 9). Раскопки показали, что наиболее плотно застроенный участок городища располагался в его северной части и был разрушен осыпями берега.

В 1989–1993 гг. раскопки на городище (к югу от раскопов С. Н. Орлова) проводились Новгородской областной экспедицией ИИМК РАН под руководством Е. Н. Носова и А. В. Плохова (Носов, Плохов А-1989; Носов, Плохов А-1990; Носов, Плохов А-1991; Носов, Плохов А-1992; Носов, Плохов А-1993).

Поздний горизонт. Представлен единичными находками в верхних отложениях гончарной древнерусской керамики и фрагментах бронзовых витых браслетов.

Ранний горизонт. Городище с подковообразным укреплением, построенным на месте сожженного

предшествующего поселения. Укрепление функционировало в IX в. и прекратило существование не позднее начала X в. Об этом говорит отсутствие гончарной керамики как в насыпи вала, так и в примыкающих к нему со стороны площадки сооружениях (Носов, Плохов А-1990: л. 15). В то же время единичные находки раннегончарной керамики на городище имеются, что говорит о том, что в каком-то виде оно доживает до X в.

Древнейшие, надежно зафиксированные укрепления городища состояли из неглубокого эскарпа на склоне холма (Носов, Плохов А-1990: рис. 15), длинной постройки (или построек), шедшей по краю площадки над эскарпом и невысокого (высотой не более 1 м) вала между эскарпом и постройкой. Вал был образован выбросами с эскарпа и из подпольных котлованов постройки (или построек). Учитывая небольшую высоту и ширину вала, это было скорее основание для деревянной стены, нежели вал в прямом смысле этого слова. Таким образом, первоначальные укрепления городища Георгий были близки по конструкции древнейшим укреплениям Городка на Маяте (рис. 116), хотя датировка первых, судя по находкам в заполнении котлованов длинной постройки, вряд ли может быть опущена ранее VIII в. (Носов, Плохов А-1990: л. 14).

Если же искать аналогии среди синхронных памятников Приильменя, ближе всего укрепления городища Георгий по своему типу располагаются к кольцевому укреплению Бронницкого городища, датирующемуся VII–VIII вв. В дальнейшем вал городища Георгий несколько раз подсыпался песком, взятым с napольной стороны первоначальных укреплений, и был доведен до высоты около 2 м. Ранние укрепления на склоне холма при этом были полностью перекрыты новым валом.

Древний горизонт 2. Представлен поселением, уничтоженным в пожаре перед сооружением D-образных укреплений. Поселение горизонта 2 возникло на заброшенном пахотном поле. Было ли это поселение укреплено, неясно, возможно, это прояснит полная публикация памятника автором раскопок. Датировка древнего горизонта 2 определяется серией ромбических железных наконечников стрел из сгоревшей срубной наземной постройки, перекрытой валом. Слабопрофилированная лепная керамика, представленная на городище единичными фрагментами (Орлов А-1978: л. 8, рис. 6: 5) может относиться как к этому горизонту, так и к предшествующему гипотетическому древнему горизонту 1.

Древний горизонт 1. Выделяется гипотетически по некоторым находкам, которые могут быть датированы второй-третьей четвертью I тыс. н. э. Это фибула позднеримского времени (Носов 2002) и фрагмент

бронзового пинцета с расширяющимися концами. Возможно, на финальной стадии существования этого горизонта поселение и было заброшено и превращено в пахотное поле, от которого на поверхности материка хорошо сохранились перекрещивающиеся борозды, проведенные однозубым ралом.

Начальный горизонт. Представлен находками лепной керамики РЖВ и ЭРМ.

Романцев 1911; Аксенов, рукопись: л. 4-5; Орлов А-1958; Орлов А-1958а; Орлов А-1958, 1960; Орлов, Аксенов 1961; Орлов А-1979; Воронова А-1984: 50; Носов, Плохов А-1989; Носов, Плохов А-1990; Носов, Плохов А-1991; Носов, Плохов А-1992; Носов, Плохов А-1993; Носов 1991, 2002; Носов и др. 1994; Носов, Плохов 1992, 1993, 1994, 2002; Носов, Горюнова, Плохов 2005.

2. Сергов Городок (Новгородская обл., Новгородский р-н)

Городок на плоском острове близ места впадения р. Веряжи в Ильмень. Укрепление имеет подковообразный вал и ров. Культурный слой маломощный. Памятник впервые описан С. Н. Орловым в 1958 г. (Орлов А-1958, 1960). Вторично описано Е. Н. Носовым (Носов 1991: 21). Раскопки не производились, имеются данные о находке фрагментов лепной керамики. Городок однотипен с городищами Георгий и Рюриково Городище и относится, видимо, к D-образным крепостям эпохи викингов.

Румянцев 1911: 64; Орлов А-1958, 1960; Носов 1991: 21; Юшкова 2011: 188.

3. Городок на Маяте (Новгородская обл., Парфинский р-н)

Городище на камовом холме, на левом берегу р. Маята при устье безымянного ручья (рис. 108). Высота холма с напольной, юго-восточной стороны составляет 5 м. Над рекой городище возвышается примерно на 15 м. Площадка округлая, размерами 85 × 75 м, имеет сильный наклон в сторону реки. В северо-восточный склон холма врезана дорога, ведущая к каменистому броду через Маяту и далее в д. Городок, где располагается средневековое селище. От этой дороги под острым углом отходит въезд шириной около 3 м, ведущий на площадку городища. Мощность культурного слоя 0,30–0,60 м. С городищем связано как минимум два синхронных селища — одно на противоположном берегу реки на территории д. Городок, второе — у подножия городища. Неподалеку было расположено несколько сопков (Еремеев, Дзюба 2010: 57, 58).

Первое упоминание городища встречается в статье А. И. Кулжинского (Кулжинский 1871: 155). Первый глазомерный план Городка на Маяте был снят М. М. Аксеновым в 1955–1957 гг. (Аксенов, рукопись). Тогда же им были произведены самовольные раскопки (два шурфа и траншея 3 × 1,5 м), результаты которых остались неизвестными (Орлов 1968–1984: 25). Более детальная глазомерная съемка сделана С. Н. Орловым в 1960-е гг. (План и профили городища А-1970), тогда же составлены первые описания (Орлов А-1967–1970: л. 72 об.–75; Орлов А-1968–1984: л. 13 об.–17 об.). В 1974 г. городище обследовано Е. Н. Носовым. В 1981 г. В. В. Мильковым снят первый инструментальный план памятника (Мильков А-1981: 5, 6). В 2003–2008 гг. И. И. Еремеевым на городище было разбито четыре раскопа (общая площадь — 768 м²). Еще 80 м² раскопано на селище у подножия городища в 2007–2008 гг. Материалы раскопок опубликованы (Еремеев, Дзюба 2010: 57–247).

Кулжинский 1871; Аксенов, рукопись: л. 12, 13; Рисунок археологических находок А-1970; План и профили городища А-1970; Орлов А-1963, 1966–1968, 1970; Орлов А-1967–1970; Орлов А-1968–1984; Мильков А-1981; Еремеев, Лисицына 2004; Еремеев, Дзюба 2010; Юшкова 2011: 194, 195.

4. Городцы (Новгородская обл., Волотовский р-н)

Городище в одноименной деревне на правом берегу р. Псижа на возвышенном окончании моренной гряды. Представляет собой округлый в плане холм, имеющий с напольной стороны высоту около 5 м (рис. 77). С северо-запада холм круто обрывается к реке. С запада подходы к городищу защищены заболоченной поймой впадающего в Псижу ручья. Площадка имеет размеры около 25 × 50 м и вытянута с востока на запад. Почти вся она занята церковью XIX в. на каменном фундаменте и кладбищем. На городище известен жальник (Романцев 1911: 69; Миронова А-1981), в настоящее время уничтоженный. В береговом обрыве холма С. Н. Орловым в 1968 г. обнаружено погребение-ингумация со следами окиси меди на костях (средневековое?).

Культурный слой не зафиксирован, вероятно, уничтожен захоронениями и церковным строительством. С юго-запада к городищу примыкает селище с древнерусской гончарной керамикой (Миронова А-1981). Укрепления городища состоят из эскарпа, охватывающего холм со всех сторон, кроме примыкающего к речному обрыву участка. С северо-восточной стороны в эскарпе имеется разрыв, вероятно указывающий на место расположения древнего въезда. Ниже вышеописанного эскарпа располагается еще

одна терраса, тоже напоминающая эскарп (по ее восточной части проходит шоссе), но уверенности в принадлежности ее к системе укреплений нет. Таким образом, Городцы имеют архаическую холмовую планировку, и по типу укреплений напоминают Бронницкое городище.

Романцев 1911: 69; Орлов А-1963, 1966–1968, 1970; Миронова А-1981.

IV. Бассейн р. Ловать

1. Дубокрай (Псковская обл., Невельский р-н)

Городище на западном берегу оз. Сенница на невысоком холме, сильно поврежденном позднейшими перекопами. Высота его над озером 6 м. Площадка овальной формы размерами 60 × 40 м. На южном конце ее отмечены остатки вала. Культурный слой до 0,7 м. При зачистках Я. В. Станкевич обнаружила гладкостенную лепную керамику «с чуть отогнутым венчиком» и кусок шлака (Станкевич 1960: 270).

Сементовский 1867: 8, 9; Станкевич 1960: 270 (п. 250); Микляев 1984б: 21.

2. Захарки (Псковская обл., Усвятский р-н)

Городище находится на восточном берегу оз. Сенница на всхолмлении высотой около 4 м. Размеры площадки 50 × 25 м. Мощностъ слоя до 0,6 м. Городище имело сложную систему оборонительных сооружений, состоявшую из эскарпов и невысоких валов. В настоящее время разрушено кладбищем. Городище исследовалось Я. В. Станкевич (вскрыт участок размером 4,5 × 3 м в центральной части памятника). В слое найдены обломки трех лепных слабопрофилированных сосудов второй половины I тыс. н. э. При городище имеется синхронное ему селище.

Станкевич 1960: 270 (п. 249); Микляев 1984б: 21.

3. Жабино (Псковская обл., Невельский р-н)

Городище расположено на левом берегу р. Сенницы, связывающей оз. Сенница с Ловатью, на краю заболоченной низины. Укрепление занимает холм, возвышающийся над низиной на 15 м. Площадка округлой формы имеет в поперечнике 40 м. С востока к городищу примыкает селище площадью около 2000 м², а к западу открыто еще одно селище площадью 2500 м² и курганный могильник. Укрепления состоят из кольцевого эскарпа и невысокого вала над ним, образовавшегося от выброса грунта с эскарпа

вверх по склону. В результате, площадка городища приобрела вогнутую блюдцеобразную поверхность. Городище исследовалось Я. В. Станкевич в 1953 г. (вскрыто 115 м²). В толще вала на краю площадки зафиксированы два горизонта навалов карбонизированных бревен, по-видимому, связанные с двумя этапами перестройки деревянной оборонительной стены.

Поздний горизонт. Относится к городищу КДК и датируется серединой — третьей четвертью I тыс. н. э. Датировка определяется гладкостенной слабопрофилированной керамикой (Станкевич 1960: рис. 68: 2; рис. 72, 73, 74) и реберчатой керамикой, близкой керамике «ладожского типа» (Станкевич 1960: рис. 68: 1). Из позднего горизонта происходит также простое проволочное височное кольцо (Станкевич 1960: рис. 77: 4). С открытого поселения при городище происходят биконические пряслица с широким отверстием, нож с прямой спинкой (Станкевич 1960: рис. 75: 1, 6, 7), бронзовый пинцет с расширяющимися концами и трапециевидная подвеска с двумя рядами пунсонного точечного орнамента по краям и перлом в ободке в центре (Станкевич 1960: рис. 77: 5, 6). Подвеска наводит на мысль, что финальный период жизни на городище может захватывать и VIII в. По крайней мере, подобная орнаментация представлена и в украшениях КСДК.

Фортификационные сооружения этого горизонта в виде наборно-столбовой стены стояли на невысоком (не более метра высотой) песчаном валу. Последний служил главным образом для крепления опорных столбов-стояков стены. Необходимое превышение обороняющихся над наступающими и крутизну склона обеспечивал находившийся под валом эскарп. Такие укрепления, судя по раскопкам Я. В. Станкевич, строились на краю площадки трижды. Наброс очажных камней на краю площадки свидетельствует о том, что к оборонительной стене примыкала длинная постройка, вероятно, шедшая по периметру всей площадки.

Ранний горизонт. Представлен находками из культурного слоя, подстилающего укрепления на краю площадки. Это лепная текстильная керамика (Станкевич 1960: рис. 15: 14, 15), фрагменты грузиков дьякова типа (Станкевич 1960: рис. 68: 6; рис. 69: 4, 5), серповидный нож (Станкевич 1960: рис. 69: 1).

Станкевич 1958; 1960; Фурасев 2001; Еремеев, Дзюба 2010: 127–130; Лопатин 2018 (п. 6).

4. Рудня (Псковская обл., Великолукский р-н)

Городище находится на Юго-восточном берегу оз. Серутского на озовой гряде в сосновом бору. Площадка округлая, размерами 32 × 26 м. Западный об-

рывистый склон гряды подрезан. С трех остальных сторон площадка защищена трехступенчатыми эскарпами, грунт из которых выбрасывался наверх, в результате чего над эскарпами образовались невысокие валы. Памятник раскапывался Я. В. Станкевич (вскрыто 56 м²).

Поздний горизонт. Представлен лепной керамикой 4 группы и фрагментом сосуда 1 группы, позволяющими предполагать использование городища в последней четверти I тыс. н. э. (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 121: 2–4).

Ранний горизонт. Связан с существованием городка населения КДК. К этому времени, вероятно, относится система укреплений, основу которой составляли эскарпы, невысокие валы и деревянная наборная стена, раскрытая Я. В. Станкевич.

Древнейший горизонт. Представлен участком культурного слоя под валом на краю площадки городища (в реальности, это не вал, а, скорее всего, выброс грунта с эскарпированного склона). В этом раннем культурном слое находились остатки сооружения с обломками текстильной и штрихованной керамики (Станкевич 1960: 274). Здесь же найдены фрагменты грезика дьякова типа.

Станкевич 1959: 77–79; 1960: 270–276 (п. 251); Еремеев, Дзюба 2010: 129, 130.

5. Токолово (Псковская обл., Великолукский р-н)

Городище расположено в 2,5 км к Юго-Востоку от деревни на моренной гряде высотой до 30 м. Городище размерами 90 × 90 м возвышается над прилегающими участками гряды на 6 м, размеры его площадки 53 × 45 м. С востока на краю площадки находился вал длиной около 20 м. Высота его со стороны рва — 2,5 м, со стороны площадки городища — до 1 м. Еще один ров, переходящий в эскарп, находился ниже на склоне городищенского холма. Раскопки на городище производили Б. С. Короткевич и Н. В. Лопатин в 1998 и 1999 гг. Выявлены материалы второй четверти — середины I тыс. н. э. (рис. 98).

Короткевич, Лопатин А-1998; Короткевич, Лопатин 2000.

6. Крюки (Псковская обл., Куньинский р-н)

Городище расположено на песчаном камовом всхолмлении на краю мохового болота. Размеры площадки 45 × 30 м. Высота над окружающей местностью — от 2 до 10 м. Площадка вытянута с юго-запада на северо-восток. С северо-западной стороны на склоне городищенского холма находится искусственная терраса

шириной 5 м, опоясывающая городище и являющаяся, по-видимому, въездом на площадку. С севера въезд-терраса переходит в неглубокий ров, защищенный с напольной стороны серповидным в плане валом. Вал имеет высоту до 1,5 м, ширину до 7 м. Близ городища расположен курганный могильник, включающий 2 полусферические и 2 удлиненные насыпи. Городище открыто И. И. Еремеевым в 1996 г. и подробно обследовано в 2003 г.

Поздний горизонт. Представлен единичными фрагментами гончарной керамики XII–XIII вв. из пахотного слоя (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 228: 10, 11).

Ранний горизонт. И. И. Еремеев в 2003 г. заложил на городище шурф, частично вскрыв остатки постройки с углубленным очагом и подпольным котлованом (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 228). Из постройки происходит фрагмент гладкостенного лепного сосуда с S-видным профилем венчика (подобная керамика характерна для КДК), фрагмент сосуда с вогнутым внутрь венчиком (подобная керамика характерна для ДДК) и обломки горшка с венчиком, украшенным ногтевыми вдавлениями (такая керамика присутствует в среднем слое городища Тушемля). В целом, комплекс наводит на мысль о принадлежности постройки тому времени, когда традиции среднего слоя Тушемли перерастали в формирующиеся древности КПДК. Эти соображения подтверждаются и радиоуглеродной датой, полученной по углю из очага: 1860 ± 30 BP (Ле-6714), что при калибровке дает интервал 80–240 AD (2σ).

Еремеев А-2003; Еремеев, Дзюба 2010: 250–251.

7. Городок на Ловати, Городище (Псковская обл., Великолукский р-н)

Городище на моренном холме в излучине правого берега р. Ловать. Овальная площадка повреждена оползнями. Над рекой площадка возвышается на 23 м. Первые раскопки здесь произведены Д. Н. Эдинггом в 1913 г. (Каталог 1915: 8–10). Предварительно обследовано В. Я. Станкевич в 1951 г. В 1954–1956 гг. исследовалось В. Я. Станкевич (городище вскрыто полностью на площади 1344 м²). В 1971–1978 гг. поселение при городище исследовалось В. М. Горюновой. Она же вскрыла на городище еще 20 м².

Поздний горизонт. Представлен материалами второй половины XI — первой половины XIII в. (Горюнова 2016: 15).

Ранний горизонт. Содержит яркий материал, характерный для начальных этапов формирования древнерусской культуры. В. М. Горюнова относит его к X — началу XI в. (Горюнова 2016: 15).

Древнейший горизонт. В. М. Горюнова выделяет в материалах городища и селища находки керамики

РЖВ (Горюнова 2016: 15). Найденный Я. В. Станкевич фрагмент крестовидного предмета с тройными выступами на лопастях, украшенного эмалью, Г. Ф. Корзухина предположительно отнесла к кругу украшений с эмальями (Корзухина 1978: 84, табл. 14: 1).

Каталог 1915; Станкевич А-1954; А-1955; А-1956; А-1957; Станкевич 1959, 1960; Горюнова 2016.

8. Городок на Ловати, Холмище (Псковская обл., Великолукский р-н)

В 500 м ниже по течению от городища Городок на Ловати В. Я. Станкевич отметила в 1951 г. «наполовину обрушившуюся в реку сопку со следами зольных прослоек в обресе» (Станкевич А-1954: л. 13; Станкевич 1960: 323 (п. 270)). По всей видимости, в действительности это останец еще одного городища. Д. Н. Эдинг в 1913 г. провел раскопки на двух городищах у д. Городище. Одно из них названо им «городище», и его материалы находят полное соответствие в коллекциях Городка на Ловати из раскопок В. Я. Станкевич и В. М. Горюновой. Второй объект назван им «холмище» (Каталог 1915: 7). Материалы из его раскопок содержат преимущественно материалы РЖВ (косяные изделия, обработанный кремь, 25 фрагментов керамики «частью орнаментированных ямками, отпечатками тканей и т. п.». В ПГОМЗ сохранилась небольшая керамическая коллекция, привязанная к «холмищу» у д. Городище.

Поздний горизонт. Представлен фрагментом лепного сосуда группы 1, украшенного по краю венчика оттисками шнура, намотанного на щепку (ПГОМЗ, коллекция 2184, № 193). Сосуд может быть датирован VIII–X вв.

Ранний горизонт. Представлен фрагментами лепной керамики с текстильной и штрихованной поверхностью (всего в коллекции ПГОМЗ 2184 насчитывается 16 фрагментов). Среди ранней керамики выделяется крупный фрагмент венчика лепного сосуда S-видной формы с крупногребенчатым штампом по плечу и основанию венчика.

Каталог 1915: 7, 8; Станкевич А-1954; Станкевич 1960.

9. Рахлицы, «Городок» (Новгородская обл., Старорусский р-н).

Городище находится к юго-западу от деревни (у здания бывш. начальной школы), на краю плато коренного левого берега р. Ловать. Расположено между устьями двух выходящих к ней оврагов, на округлом всхолмлении, круто обрывающемся к реке и слегка поднимающимся над прилегающей к нему с севера поверхностью плато. Площадка имеет размеры

85×47 м (Орлов А-1960–1970-е: л. 2, 3). Южная часть ее, несомненно, разрушена оползнями обрывистого берега Ловати. Городище сформировано кольцеобразной подрезкой холма и подсыпкой его краев, за счет чего площадка приобрела вогнутую блюдцеобразную поверхность. Особенно значительной толщины эта подсыпка достигает на восточной и западной оконечностях площадки, что позволило С. Н. Орлову говорить о наличии кольцевидного вала, хотя речь может идти скорее о традиционной для таких памятников эскарпировке с выбросом грунта вверх по склону на край площадки. Превышение площадки над окружающей местностью различно. С запада и востока оно достигает 5 м, с севера, там, где путем подрезки площадка была отделена от холмистого берегового плато, высота составляет всего 2–3 м. Мощность культурного слоя до 0,35 м. Как отмечает в дневнике С. Н. Орлов, «городище представляет собою тип, близкий к Косицкому городку на реке Луге у села Косицкое» (Орлов А-1968–1984: л. 20). Несмотря на значительно более слабые фортификационные сооружения Рахлицкого городка, с этим выводом следует согласиться.

Городище впервые обследовано С. Н. Орловым в 1968 г. В зачистке стенки военной землянки обнаружены колотые очажные камни и два мелких фрагмента лепной керамики (Орлов А-1968–1984: л. 20). Повторно городище обследовано С. Н. Орловым в 1971 г. В шурфах и зачистках найдены железные шлаки, гончарная керамика с волнистым и линейным орнаментом (Орлов А-1959–1972).

Паспорт 1966а; Орлов А-1960-1970-е: л. 2, 3; Орлов А-1959-1972; Орлов А-1963, 1966-1968, 1970; Орлов А-1968-1984.

10. Шелгуново (Новгородская обл., Старорусский р-н).

Городище расположено в 200 м к югу от деревни на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Ловать при устье безымянного ручья (рис. 242). Площадка подтреугольная, с напольной стороны защищена сильно оплывшим валом. Высота вала над площадкой — 1,5–2 м. Размеры площадки: 70×35 м (Паспорт 1979).²¹⁴ Высота ее над поймой реки — до 18 м. С мысовой стороны имеется эскарп и, возможно, еще один невысокий вал. Мощность культурного слоя до 20 см.

С. Н. Орлов первоначально собрал на городище подъемный материал — лепную керамику с примесью дресвы в тесте. Среди находок оказались: фрагмент с текстильной поверхностью и ямочным орнаментом; фрагменты с гребенчатым орнаментом, черепки с тек-

²¹⁴ По данным С. Н. Орлова размеры площадки 54–22 м (Орлов А-1960–1970-е: л. 3).

стильной поверхностью; лепная гладкостенная керамика (Орлов А-1968–1984: л. 79 об.–81; Рисунки археологических находок А-1970; Орлов А-1950–1980-е: л. 69) (рис. 244: 1–5). Памятник предварительно датирован С. Н. Орловым рубежом эр (РЖВ). Городище раскапывалось С. Н. Орловым в 1973 г. (Орлов А-1973: л. 6–8, рис. 8; Археологические находки А-1973; Планы и чертежи А-1973). Близ вала в восточной части площадки, перпендикулярно ее северному краю, заложены две траншеи (рис. 243).

Траншея 1 (1 × 6 м). Под пахотой мощностью ок. 0,3 м обнаружен переотложенный культурный слой толщиной 0,2–0,3 м. В южной части траншеи вскрыт наброс камней размерами до 1 м в поперечнике (Планы и чертежи А-1973). Ниже залегает «перегной с материковым песком» мощностью не более 0,2 м (Орлов А-1973: л. 7).

Траншея 2 (6,5 × 1,6 м). Располагалась в 5 м от траншеи 1 параллельно ей. Под пахотой обнаружен более мощный культурный слой (до 0,4 м толщиной). В основании его залегает прослойка пожара. Ниже лежит слой «темного перегноя с материковым песком». В северном конце траншеи напластования прорезаны поздней ямой, в которой обнаружен жернов и фрагменты гончарного неорнаментированного сосуда (Орлов А-1973: л. 7).

В обеих траншеях С. Н. Орловым собрано 25 фрагментов лепной керамики с наколами и штриховкой (вся она отнесена им к ДДК) и 5 кремневых отщепов (Орлов А-1973: л. 7).

В фондах НГОМЗ хранится пряжка круга геральдической поясной гарнитуры, возможно найденная при земляных работах на городище в 1973 г. (рис. 244). Пряжка обнаружена в фонде с этикеткой, на которой рукой С. Н. Орлова нанесена запись: «Городище у д. Шелгуново-Веряско, траншея 1973 г.». На оборотной стороне этикетки имеется схематический рисунок самой пряжки. Датировка украшения — VI–VII вв. В дневниках и полевом отчете за 1973 эта находка, однако, не упомянута.

Паспорт 1979; Орлов А-1950-1980-е; Орлов А-1960-1970-е: л. 3; Орлов А-1963, 1966-1968, 1970; Орлов А-1968-1984; Рисунки археологических находок А-1970; Археологические находки А-1973; Планы и чертежи А-1973; Орлов А-1973; Орлов 1984; Воронова А-1984: 63; Юшкова 2011: 195-196.

11. Городок на Ловати/Верготи (Новгородская обл., Парфинский р-н).

Городище располагалось в дельте Ловати, на северо-восточной оконечности деревни и на северо-восточной оконечности дюнного всхолмления или древнего прируслового вала, на правом берегу р. Черенки

(глухой рукав р. Ловать). По топографии памятник близок Холопьюму Городку на Волхове (рис. 84; 85). Размеры площадки городища, как удалось зафиксировать в 1950-е гг. С. Н. Орлову, составляли 40 × 30–35 м (Орлов А-1960–1970-е: л. 3). Высота площадки составляла до 9,5 м над летним уровнем воды в протоке. Мощность культурного слоя достигала 0,7 м. Слой был перекрыт горизонтом навеечного дюнного песка мощностью до 1 м, содержавшего находки XX в. (Орлов А-1958б: л. 6; Орлов 1962: 42). Городище впервые подробно описано М. М. Аксеновым в 1955–1957 гг. Тогда же был снят первый план памятника (Аксенов, рукопись: л. 10, 11). В 1958 г. памятник обследован С. Н. Орловым (Орлов А-1958а), в том же году проведен здесь раскопки (Орлов А-1958б). К моменту начала работ городище было уже сильно разрушено перекопами, а со стороны протоки — паводками. Разливами уничтожена едва ли не половина городища. М. М. Аксенов отмечал, что смыта большая часть городка (Аксенов, рукопись: л. 10). В 1958 г. на южной части площадки С. Н. Орловым заложен раскоп (рис. 86) площадью 120 м². Культурные напластования разделены им на два горизонта.

Поздний горизонт. Относится к финальному периоду существования городища, поскольку находился непосредственно под слоем навеечного песка с находками XX в. К горизонту относятся развалы четырех (?) отопительных устройств, скорее всего, печей-каменок. Очажные развалы поперечником от 2 до 4 м лежали непосредственно на поверхности культурного слоя, местами возвышаясь над ним на высоту до 0,2 м (Планы и разрезы А-1959). Три крупных развала занимали центральную часть раскопа. В северо-восточной части раскопа (кв. 35) обнаружен плохо сохранившийся небольшой развал еще одной разрушенной печки-каменки, лежавшей в одну линию с тремя предыдущими (Орлов А-1958б: л. 9). Среди камней попадались угли и целые фрагменты обугленных бревен. Возле одной из печей расчищены остатки карбонизированных бревен длиной 0,8–0,9 м и диаметром около 0,2 м (Орлов 1962: 43). Западный край этой полосы очажных камней уходил за границу осыпи, обращенной к реке (Орлов А-1958б: л. 5 об.). Автор раскопок полагал, что открыл остатки погибших в пожаре «трех рядом стоявших хижин» (Орлов 1962: 43). Есть, однако, достаточно резонно усомниться в такой трактовке.

Развалы камней располагались в одну линию, общей длиной около 12 м (Планы и разрезы А-1959), шедшую параллельно хорошо сохранившемуся юго-западному краю площадки городища, примерно в 4–5 м от него (Планы и разрезы А-1959; Планы и профили А-1959–1973). Развалы камней находились на расстоянии не более 1 м друг от друга, а окружавшие их зольно-углистые пятна смыкались. Это дает

основания допускать принадлежность отопительных устройств одной длинной постройке, располагавшейся на заключительном этапе существования городища на краю площадки. Следует также отметить, что наблюдается некоторая последовательность образования каменных набросов. Так, центральный из них (в кв. 9, 18, 10, 10) частично перекрывает западный (в кв. 2, 3, 8, 9) (Орлов А-1958б: л. 7). Вероятно, постройка существовала длительное время и отопительные устройства в ней перестраивались. Даже если это и были три близкие по времени использования «хижины», то они стояли настолько близко друг к другу, что образовывали единое сооружение, выполнявшее, очевидно, оборонительные функции. Сравнивая сооружение из раскопа С. Н. Орлова с результатами раскопок других городищ I тыс. н. э., можно указать, что подобные полосы очажных камней по периметру площадок — общеизвестное явление, которое обычно интерпретируется именно как следы длинного дома по краю площадки (Еремеев, Дзюба 2010: 126, 131, 143). В 1973 г. С. Н. Орлов заложил шурф в северной части городища на уцелевшей части склона. В шурфе обнаружилось три слоя карбонизированных бревен (общей мощностью до 0,6 м), лежавших в верхней части культурного слоя (Орлов А-1973) (рис. 88). Находок среди бревен не было. Стратиграфическая связь развала бревен с длинной постройкой и пожаром, в котором она погибла, — более или менее очевидна. Вероятно, постройка шла по всему периметру площадки.

Из находок, связанных с печами-каменками, упоминаются: фрагменты лепной керамики, железное цельное кольцо, плоское в сечении (скорее всего, от удила) и железный серп (найден в куче камней в кв. 8). Из этого же развала камней происходит гранитный камень, одна из сторон которого была стерта (Орлов А-1958б: л. 6 об.). Еще одно железное кольцо с разомкнутыми концами, найдено в квадрате 18, в котором расположен центральный развал камней (рис. 87). В одной из печей найдена стертая сланцевая плита и сферический камень-терочник, стертый с двух сторон (все вместе интерпретировано С. Н. Орловым как зернотерка). Нет, однако, уверенности, что эти каменные орудия не оказались в печи случайно вместе с обычными булыжниками. Керамика, связанная с печами-каменками С. Н. Орловым отдельно не выделена и в современной коллекции в НГОМЗ не вычленяется. Важна находка железного стержня с лопаточкой на конце (рис. 87). Подобные стамесковидные орудия часто встречаются на памятниках второй — третьей четверти I тыс. н. э.

Ранний горизонт. Культурный слой в виде черного углистого песка залегает под печами-каменками. Хотя в слое попадались отдельные камни, никаких скоплений, похожих на остатки отопительных

устройств, они не образовывали (Орлов А-1958б: л. 9). К раннему периоду относятся пять материковых ям различных размеров. Из этого слоя происходит основной массив находок фрагментов керамики, кости лошади и неопределенные кости животных. Из вещевых находок, возможно имеющих отношение к раннему слою, следует упомянуть черешковый наконечник кремневой стрелы, четыре кремневых отщепы (Орлов А-1960–1970-е: л. 5) и часть текстильной керамики. Впрочем, это предположение пока умозрительно и базируется на общих соображениях о датировке этой керамической традиции, как древнейшей для РЖВ.

В июле 2018 г. городище осмотрено И. И. Еремеевым и К. Г. Самойловым. Установлено, что памятник почти полностью срезан бульдозером, а образовавшаяся площадка занята садовым участком и обнесена забором. Сохранился лишь останец северного склона городища площадью около 20 м² близ того места, где находился шурф С. Н. Орлова 1973 года.

Аксенов, рукопись: л. 10, 11; Орлов А-1958а; Орлов А-1958б; Орлов А-1959; Планы и разрезы А-1959; Планы и профили А-1959-1973; Орлов А-1960-1970-е: л. 3; Орлов А-1968-1984: л. 83; Орлов А-1973; Орлов А-1973а; Орлов 1962, 1984; Воронова А-1984: 64-66; Юшкова 2011: 193-194.

У. Бассейн р. Пола

1. Яжелбицы 1 (Новгородская обл., Валдайский р-н)

Городища у д. Яжелбицы впервые описаны И. С. Романцевым: «Бл. села — городок, длин. и ширин. Около 30 саж., форма городка — круглая, лежит к северо-востоку от села. В 1 вер. от села — вал в том же направлении, как и городок, на берегу р. Еглинки, огибают полукругом площадь около 1 десятины, концами доходит до реки. Устроен из земли и булыжников. Длина — 120 саж., высота — 2 саж., шир. 3 саж., есть въезд. В 1–2 вер. от села — 8 сопок, выс. 1 саж. и более; две, по-видимому, были копаны» (Романцев 1911: 32, 33). В 1969 г. городища в Яжелбицах обследовал С. Н. Орлов. Было осмотрено на правом берегу Еглинки большое городище с валом и искусственным водоемом. Шурфовка памятника (три шурфа 1 × 1,5 м) выявила культурный слой с лепной керамикой в южной части площадки (Орлов А-1969: л. 2, 3; Плохов 1992: 120). Второе городище (Яжелбицы 2 по С. Н. Орлову) обнаружилось на левом берегу Еглинки в 500 м ниже по течению. Уже в 1969 г. его укрепления (вал и ров) были, якобы, сильно повреждены распашкой и едва прослеживались. Шурфовка С. Н. Орлова выявила распаханый культурный слой с гончарной керамикой. При городище находилось, по мнению С. Н. Орлова, откры-

тое поселение (Орлов А-1969: л. 4)²¹⁵. Надо сказать, что наш осмотр, произведенный в 2020 г., не выявил здесь ничего похожего на городище.

Группа сопки в пос. Яжелбицы (насчитывала некогда 7 насыпей) хорошо документирована, чего до 2020 г. нельзя было сказать о городищах. В документации Инспекции государственной охраны культурного наследия Новгородской области планы этих памятников отсутствовали. В декабре 2020 г. нам удалось поработать на большом городище. Оно расположено на левом берегу безымянного ручья, впадающего справа в Еглинку (рис. 343). Это, несомненно, тот самый «вал длиной 120 саж.», который описан И. С. Романцевым.

Итак, реальное городище Яжелбицы 1 расположено на правом берегу р. Еглинки, в 378 м к северо-востоку от моста через нее на шоссе Петербург — Москва. Здесь находится холмистое моренное плато, сложенное преимущественно бурой безвалунной глиной, но в южной части площадки — супесью с галькой и валунами. В основании плато лежит известняковый останец, местами в оползнях выходящий на поверхность. В одном таком месте на границе известняковой плиты и более молодых отложений бьет родник. Склоны городищенского плато тоже прорезаны оврагами и имеют фестончатую форму. С разных сторон наблюдаются свежие оползни, заставляющие думать, что первоначальные размеры городища были несколько большими. В пойме Еглинки видны разновременные старичные русла, указывающие на то, что она за последнее тысячелетие множество раз меняла свое направление. Поэтому в различных местах река «отъедала» значительные участки городища, и продолжает это делать и сейчас.

Городище представляет собой часть этого плато (размерами с севера на юг 240 м, с запада на восток 150 м), ограниченную с напольной стороны линией укреплений. Городище — самая высокая точка в округе, с которой открывается широкий обзор. От материковой части плато его отделяет запутанная система глубоких труднопреодолимых оврагов. Площадка городища имеет сложный рельеф (состоит из нескольких холмов) и, в целом, сильно наклонена к востоку. Въезд лежит в понижении площадки, создавая дополнительные возможности для обороны даже в том случае, если неприятель через ворота смог ворваться внутрь.

Линия укреплений имеет дугообразную форму и упирается в обрывистые склоны моренного плато. Она состоит из вала, в центре «дуги» постепенно переходящего в эскарп высотой 2–2,5 м, доходящий

до въезда на городище (рис. 342; 343). Напротив северо-западной части городища, перед валом, расположена ровная поверхность, представляющая наиболее удобную позицию для штурма укреплений. Здесь вал имеет самые внушительные размеры: ширину 15 м и высоту с напольной стороны около 4 м (рис. 341). Над площадкой он возвышается на 1,7–2 м. С внутренней стороны вал сделан отлогим, а с внешней — более крутым. Поверхность его сложена тяжелым бурым суглинком. Вал насыпан на склоне, и в основании его повсюду, видимо, лежит подрезка/эскарп. На расстоянии около 50 м перед валом и эскарпом проходит глубокий овраг, отрезающий городищенское плато от правого коренного берега Еглинки.

На ровную площадку перед западной оконечностью вала от подножия плато из поймы р. Еглинки, поднимается пологая ложбина с ровным дном, по которому легко может проехать повозка. Это самый короткий и удобный подъем и, видимо, древняя дорога на городище. Поднимаясь на плато, она шла ко въезду вдоль всего вала, предоставляя обороняющимся возможность обстреливать нападающих с правой стороны.

Въезд представляет собой разрыв в линии укреплений шириной около 5 м. Он сильно поврежден образовавшимся на его месте оврагом, имеющим двойное разветвление со стороны площадки городища. За въездом дугообразная линия укреплений снова продолжается валом, постепенно понижающимся и упирающимся в обрыв. Высота его здесь с напольной стороны составляет 3 м, со стороны площадки — до 1,7 м при ширине около 10 м. Дополнительную защиту здесь дает еще один, расположенный перед валом, глубокий овраг. Между ним и отрезком вала, продолжающимся за въездом, имеется небольшая ровная площадка — берма шириной около 5 м.

В северной части плато расположено искусственное углубление сложной формы с полукруглой восточной оконечностью. Вероятно, это карьер, откуда строители вала брали необходимый грунт. Поскольку плато сложено из водоупорной глины, здесь скапливается вода. Отчасти этот водоем, из которого в дождливые годы и после обильных снегом зим происходит слив воды, послужил причиной образования оврага на месте въезда. Несомненно, формирование этого резервуара являлось частью общего плана по строительству городища-убежища. Наличие воды на площадке позволяло содержать здесь во время военной опасности большое количество людей и скота.

Культурного слоя на большей части городища нет. Почти повсюду на поверхности лежит слой тяжелой глины. Лишь в одном месте, на ровной площадке на южной оконечности городка (поблизости от искусственного водоема) в обнажениях удалось

215 В. Зайцев. Валдайский национальный парк. Электронный журнал Наше наследие. № 118 за 2016 г. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11802.php>

зафиксировать гумусированную супесь, похожую на культурные напластования. Здесь в 15 м от края плато нами был заложен шурф. Стратиграфия по западной стенке:

0–0,05 м — дерн

0–0,30 м — темно-серая рыхлая гумусированная супесь (пахотный слой). В слое найдено 5 мелких, окатанных фрагментов лепной керамики.

0,30–0,70/1,00 м — темно-серая плотная гумусированная супесь с углистыми включениями и очажными камнями.

1,00 м — ... — желтая супесь с большим количеством кротовин (материк).

На материке в западной и в северной стенке прослеживается углистая прослойка мощностью до 0,07 м. В юго-западной части шурфа зафиксирована материковая западина с крутыми стенками и плоским дном. Заполнение — темно-серая плотная гумусированная супесь с камнями, большей частью обожженными и колотыми. На дне западины в юго-западном углу шурфа расчищено плотное скопление крупных очажных валунов. Очевидно, это часть углубленной в землю постройки с печкой-каменкой. Из ее заполнения происходит венчик лепного горшка (оп., № 67, рис. 344: 1) и 3 небольших фрагмента стенок лепных сосудов (рис. 344: 2–4).

Итак, культурный слой на городище имеется. Довольно странно выглядит незначительное количество керамики в слое, при сравнительной его мощности. Назначение городища не вызывает сомнений. Это укрытие для обитателей обширной округи, их имущества и скота. Узкая датировка укреплений затруднительна. Их подковообразная форма, сочетание вала и эскарпа — указывают на Раннее Средневековье. Фрагменты лепной керамики датируются второй половиной I тыс. н. э. Тип открытой в шурфе постройки — углубленное жилище с ровным полом и печью-каменкой характерен скорее для третьей четверти I тыс. н. э. Найденный в постройке венчик лепного сосуда, имеющий ребро в месте максимального расширения тулова, характерен более для VIII–X вв., но встречается подобная керамика и раньше. Вероятно, городище, как и расположенные неподалеку сопки, датируется VIII–IX вв. или несколько ранее.

Вывод. Городище Яжелбицы 1 уникально для Северо-Запада России, как по своему характеру, так и по степени сохранности. Длина оборонительного периметра составляет около 800 м, а площадь — 2600 м². Ничего подобного в бассейне Ильменя больше нет — все остальные известные городища значительно уступают вышеописанному объекту по размерам. Не имеет параллелей в Приильменье и искусственный водоем на площадке городища. Единственное известное мне укрепление с подобным во-

доемом — Подоржевское городище между Новгородом и Псковом. Яжелбицы могут быть сопоставлены с большими городищами южных областей кривичского региона — такими, как Браслав, Друцк или Соборная Гора в Смоленске.

Романцев 1911; Орлов А-1969; Плохов 1992.

2. Велье, Подберезы (Новгородская обл., Демянский р-н)

Городище расположено на западном берегу оз. Велье у истоков р. Явони, в 2,5 км к северо-западу от д. Подберезы. Размеры площадки 48 × 27 м. С востока и юга она защищена рвом и валом; с остальных направлений — эскарпом. Въезд на городище находится с южной стороны. Мощность культурного слоя от 0,5 до 1,5 м. Городище впервые обследовано С. Н. Орловым в 1970 г. (Орлов А-1970: л. 15–16; Орлов А-1967–1970: л. 68 об. — 71 об.). В 1971 г. он заложил раскоп 4 × 8 м в северной части площадки (Орлов А-1971; Орлов А-1965–1979: л. 61 об. –70).

Поздний горизонт. Массовые находки представлены фрагментами лепной гладкостенной профилированной керамики, в т. ч. украшенной насечками по тулову и оттисками «ложно-веревочного штампа» (Орлов А-1971а: л. 2) (рис. 99: 6, 8–11). Имеется фрагмент слабопрофилированного сосуда (рис. 99: 7). Для датировки существенна находка бусины «темного стекла с выпуклыми глазками и разводами» (выявить в коллекциях не удалось), судя по описанию — X–XI вв. Здесь же встречена гончарная керамика, датированная автором раскопок X–XIII вв.

Ранний горизонт. Представлен обломками лепных тонкостенных сосудов с высоким раструбообразным горлом (рис. 99: 1, 2), фрагментом, украшенным крупной гребенчатым штампом (рис. 99: 3) и черепком с рядами ямочного орнамента (рис. 99: 4). Имеется керамика, напоминающая посуду ДДК. Из нижних напластований городища происходит также плита-зернотерка и грузик дьякова типа (Орлов А-1965–1979: л. 67). Еще один фрагмент такого грузика найден в пахотном слое. Материал раннего горизонта городища Велье может быть соотнесен с ДК наиболее уверенно из всех коллекций с приильменских городищ.

Древнейший горизонт. Представлен находками текстильной керамики, упоминаемой С. Н. Орловым в дневниках. В хранении НГОМЗ в приложении к коллекции А-16 КП 25294 имеется коллекция из 131 фрагмента лепной гладкостенной керамики из раскопок городища Велье (шифр «Вел») и 8 фрагментов гончарной. Фрагментов текстильной или штрихованной керамики в этой коллекции мне выявить не удалось.

Неподалеку от городища, в 2,3 км к северо-западу от д. Подберезы, на берегу пролива между озерами Велье и Лютвинец, известна сопка диаметром около 30 м и высотой 5 м. Форма насыпи полусферическая. При сопке располагается селище с лепной керамикой (Орлов А-1971: л. 5).

Орлов А-1967-1970; Орлов А-1971; Орлов А-1971а; Орлов А-1965-1979; Воронова А-1984: 72-73.

3. Княжая Гора (Новгородская обл., Демянский р-н)

Городище расположено в излучине правого берега р. Явонь на холме высотой до 35 м. Площадка имеет размеры 155 × 55 м и площадь около 0,6 га. Въезд на городище находится с севера. Там же сохранился вал, время сооружения которого неясно. Склоны холма эскарпированы. К нему примыкает открытое поселение — посад. В 1903 г. раскопки на городище производил В. Н. Глазов. В 1955–1957 гг. описание городища выполнено М. М. Аксеновым (Аксенов, рукопись: л. 13), который упоминает о неоднократных сборах, производившихся на городище директором Боровичского краеведческого музея С. Н. Поршняковым. Материалы этих сборов, в т. ч. лепная керамика, хранились в Боровичском музее (Аксенов, рукопись: л. 13). Городище в 1973, 1976, 1978 и 1980 гг. исследовалось С. Н. Орловым (Орлов А-1973, Орлов А-1976, Орлов А-1977, Орлов А-1978, Орлов А-1980), раскопавшим по разным оценкам от 950 м² (Торопов 2013: 108) до 1000 м² (Орлов 1984: 78). Позднее раскопки здесь велись С. Е. Тороповым, вскрывшим в 2007 г. 28 м² (Доброва, Торопов 2009; Торопов 2009, 2009а; Торопов 2013).

Поздний горизонт. Представлен многочисленными находками древнерусского города Демона XII–XVI вв. В этот период маломощный культурный слой предшествующего времени был сильно переработан, что затрудняет интерпретацию ранних находок.

Ранний горизонт 2. Достаточно выразительно представлен комплекс лепной профилированной керамики с округлым выделенным плечиком (Орлов А-1973: рис. 5: 9, 13, 14; Орлов А-1977: рис. 32; Орлов А-1978: рис. 17, 24; Орлов А-1976–1978: л. 8 об., 23 об., 28 об., 69 об., 87–88, 90 об.; Орлов А-1980–1981: л. 8 об., 10; Рисунки археологических находок А-1969), суммарно относящейся к последней четверти I тыс. н. э. Судя по дневникам и полевым отчетам С. Н. Орлова, преобладает керамика группы 1. Часто встречается ложногребенчатая орнаментация, характерная для лепной керамики КСДК. Посуда группы 4 (керамика «ладожского типа») представлена незначительно (Орлов А-1978: рис. 24: 8, 13; Орлов А-1980: табл. VI: 228, 222).

От построек этого времени сохранились отдельные столбовые ямы и множество округлых и оваль-

ных в плане котлованов с вышеописанной лепной керамикой. Подобные подпольные ямы характерны для поселений последней четверти I тыс. н. э. на широкой территории. Зафиксированы развалы печей-каменок и остатки двух глинобитных отопительных устройств (Орлов А-1977: л. 21, рис. 15; Орлов А-1978: л. 17, рис. 9).

Ранний горизонт 1. В раннесредневековом культурном слое, датирующемся по находкам бус IX–X вв., выделяется примесь фрагментов лепной слабопрофилированной керамики, характерной для третьей четверти I тыс. н. э. (Орлов А-1973: рис. 5: 7, 8; Орлов А-1978: рис. 17: 1; рис. 24: 6, 12; Орлов А-1980: табл. VI: 221, 224; Торопов 2013: 109, 110). Отмечено также наличие лепной подлощенной керамики (Орлов А-1976: л. 26).

Вещевой материал третьей четверти I тыс. н. э. представлен ножами с прямой спинкой и серпом с загнутой пяткой группы II-1 по Р. С. Минасяну из раскопа 1973 г. (Орлов А-1973: л. 15, рис. 5: 16, 17), ножом с прямой или слегка выгнутой спинкой из раскопа 1976 г. (Орлов А-1976: рис. 17: 3), серией подобных же ножей (3 экз.) из раскопа 1977 г. (Орлов А-1977: рис. 22: 5–7). Еще несколько ножей с прямой спинкой найдено в раскопе 1980 г. (Орлов А-1980: табл. XIV: 354, 356, 363). Оговорюсь, что обилие упомянутых ножей в слое наводит на мысль, что некоторые из них могли использоваться в VIII–IX вв. К третьей четверти I тыс. н. э. следует также отнести находки биконических пряслиц с широким отверстием. Одно из них найдено в раскопе 1976 г. в предматериковом слое квадрата 63 (Орлов А-1976: л. 19, рис. 16: 6). В раскопе 1978 г. найден фрагмент лощеного биконического пряслица из хорошо отмученной глины с широким (1,5 см в диаметре) отверстием и вогнутыми гранями (Орлов А-1976–1978: л. 86).²¹⁶ В том же раскопе найдено подобное целое пряслице (Орлов А-1978: рис. 26: 5, 13). К раннему горизонту можно также предположительно отнести бронзовое проволочное височное кольцо со спиральным завитком в 3 оборота (Орлов А-1976: рис. 16: 14), хотя подобные украшения бытовали и позже — в последней четверти I тыс. н. э. То же самое можно сказать и про бронзовые спиральки-пронизки из раскопа 1977 г. (Орлов А-1977: л. 21, рис. 15а: 2). Очень вероятно отнесение к третьей четверти I тыс. н. э. фрагментов железного шлака и остеклованных фрагментов глинобитных горнов, встречавшихся в предматериковых напластованиях и в ямах (Орлов А-1978).

²¹⁶ Попытки «привязать» находки из раскопок С. Н. Орлова часто приводят к обескураживающим результатам. Так, по дневнику пряслице найдено в кв. 36 в яме на глубине –64 см (Орлов А-1976-1978: л. 86), а по описи в полевым отчете – в яме в кв. 3 (Орлов А-1978: л. 32) и т. д.

Комплексы третьей четверти I тыс. не выделяются среди вышеупомянутых округлых и овальных материковых ям. Возможно, отпечатки в материке горизонтально лежавших бревен на краях площадки и тяготеющие к ним материковые столбовые ямы (Орлов А-1977: рис. 15) связаны с длинной постройкой столбовой конструкции, относящейся к третьей четверти I тыс. н. э. Автор раскопок полагал, что «оборонительная система из бревен горизонтального тына, закрепленных в пазах вертикальных столбов» существовала на городище с «древнейших времен» (Орлов А-1976: л. 28, 29). Точной уверенности в этом, однако, быть не может из-за невысокого уровня раскопок и скудости полевой документации.

Древнейший горизонт. Представлен отдельными фрагментами лепных сосудов с текстильной поверхностью (Орлов А-1976: л. 18, 26, рис. 19: 1; Орлов А-1976–1978: л. 34 об., 35 об., 36).

Аксенов, рукопись: л. 13; Рисунки археологических находок А-1969; Орлов А-1973, Орлов А-1976, Орлов А-1977, Орлов А-1978, Орлов А-1980; Орлов А-1976–1978; Орлов А-1980–1981; Орлов 1984: 78; Воронова А-1984: 71–72; Доброва, Торопов 2009; Торопов 2009, 2009а; Торопов 2013.

4. Туганово (Новгородская обл., Парфинский р-н)

Городище (?), уничтоженное карьером, по данным С. Н. Орлова располагалось на песчаной гряде, которая тянулась вдоль болота в 0,5 км к юго-западу от бывшей деревни Туганово (в 3 км к юго-востоку от д. Налючи). Неподалеку от городища в д. Туганово, на левом берегу р. Обьежи находились две сопки. Останец одной из них еще сохранялся в 1968 г. (Орлов А-1963, 1966–1968, 1970: л. 34).

Орлов А-1963, 1966–1968, 1970; Орлов А-1968–1984: л. 18.

5. Сельцо I (Новгородская обл., Парфинский р-н)

Городище расположено на правом берегу р. Ларинка (правый приток р. Полы) в 500 м к северо-западу от деревни. Укрепление холмового типа с подтреугольной площадкой размерами 60 × 30 м. С трех сторон холм имеет обрывистые склоны (возможно, эскарпированные). С четвертой, юго-восточной, стороны склон в древности был подрезан и над ним насыпан вал шириной 12 м и высотой около 3 м (Орлов А-1968; Мильков А-1981). Въезд находится у вала с северной стороны городища (рис. 129). Памятник впервые обследован М. М. Аксеновым и С. Н. Орловым в 1962 г. (Орлов А-1961–1976). С. Н. Орлов провел здесь раскопки в 1968 г. (Орлов А-1968; Профиль стенки траншеи

А-1968; Орлов А-1968–1984) и затем в 1984 г. (Орлов А-1984). В промежутке между исследованиями С. Н. Орлова небольшой раскоп в стороне от его раскопа, ближе к центру площадки, был заложен Е. Н. Носовым в 1974 г. (Носов А-1974).

Наиболее основательные наблюдения над стратиграфией и планиграфией ранних напластований городища можно сделать по отчетам С. Н. Орлова, изучившего фортификационные сооружения городища. О поздних объектах лучшее представление дает раскоп Е. Н. Носова. Раскопками было открыто несколько горизонтов сооружений.

Поздний горизонт. Он представлен находками в верхней части культурного слоя лепной профилированной гладкостенной керамикой групп 1 и 4 («ладожского типа»). Раскопками Е. Н. Носова вскрыты несколько материковых ям и развалов печей-каменок, характерных для поселений последней четверти I тыс. н. э. К этому горизонту относится линза глины около 4 м в поперечнике, вскрытая раскопом С. Н. Орлова на краю площадки городища (Орлов А-1984: л. 4, рис. 8). Весьма невнятное описание С. Н. Орлова, — «развал камней имел вид ясно выраженных остатков печки-каменки с подом из обожженной глины <...> для пода каменки здесь был использован южный конец мощного пласта глины» (Орлов А-1984: л. 4), — не оставляет, все же, сомнений, что в данном случае на краю площадки стояла именно глинобитная печь с какими-то каменными элементами (вероятно, булыжным подом). Сооружение, как отмечает автор раскопок, перекрывает ранний горизонт напластований.

Ранний горизонт. В раскопе С. Н. Орлова открыты остатки длинной наземной постройки столбовой конструкции, шедшей вдоль северного края площадки (рис. 130). Постройка перестраивалась дважды, второй раз — на подсыпке грунта мощностью до 0,5 м. С поздним этапом ее существования связана цепочка набросов из очажных камней, образовавшихся, очевидно на тех местах, где находились печи-каменки, отапливавшие отдельные секции длинной постройки. Датировку длинной постройки определяют фрагменты слабопрофилированной лепной и реберчатой лощеной керамики (рис. 131: 1–14), стрелы с расщепленным черешком, стамесковидное кресало, нож с прямой спинкой, серп раннего типа. Ориентируясь на этот набор находок, ранний горизонт следует синхронизировать с соседним Городком на Маяте и датировать серединой-третьей четвертью I тыс. н. э. (Еремеев, Дзюба 2010: 123–127). Ориентируясь на находку фрагмента керамики типа лууконсаари в столбовой ямке полуземлянки Городка на Маяте (рис. 80: 1; 122), можно отнести к раннему горизонту городища Сельцо I и находки здесь керамики этого типа.

Древнейший горизонт. Представлен находками фрагментов текстильной керамики, посуды, украшенной гребенчатым штампом и небрежными ямками под венчиком, а также керамики со штрихованной поверхностью. Бытовали ли все эти варианты керамической традиции одновременно, или разнесены между собой во времени — можно пока только догадываться. Об укреплениях этого времени трудно сказать что-либо определенное.

Орлов А-1961-1976; Профиль стенки траншеи А-1968; Альбом с рисунками А-1968-1970-е; Орлов А-1968; Орлов А-1968-1984; Носов А-1974; Мильков А-1981; Орлов А-[1960-е]-1984; Орлов А-1984; Орлов 1984: 79; Воронова А-1984: 66-71; Еремеев, Дзюба 2010: 123-127; Юшкова 2011: 195; Лопатин 2018 (п. 8).

V. Бассейн р. Волхов

1. Холопий Городок (Новгородская обл., Новгородский р-н)

Городище на всхолмлении между правым берегом р. Волхов и пойменным озером Холопье в 1 км ниже устья Волховца. Современные размеры площадки городища 100 × 12–20 м, высота над поймой 5–7 м (Юшкова 2011: 182). Пропорции площадки в сочетании с особенностями планировки указывают на то, что не менее половины городка с IX в. н. э. разрушено разливами Волхова (рис. 269). Это неоднократно отмечалось исследователями (Орлов А-1973: 16; Носов, Плохов 1997: 129), давно предположившими, что вследствие размывов от городка сохранился только останец (Аксенов, рукопись: л. 6; Орлов А-1973: 16; Носов, Плохов 1997: 129). С востока к городищу примыкает селище, возвышающееся над поймой на 1–2 м. Городище впервые описано З. Ходаковским. Первое описание культурного слоя и находок произвел М. М. Аксенов в 1955–1957 гг. (Аксенов, рукопись: л. 6, 7), а вслед за ним С. Н. Орлов (Орлов А-1958а).

Для характеристики укреплений городища интегрес представляют чертеж и полевой рисунок Н. Н. Черныгина, выполненные в 1929 г., когда разрушения городища были значительно меньшими, чем в послевоенное время (рис. 340). На рисунке хорошо прослеживается эскарпировка оконечностей холма — ровная подрезка более возвышенной его части и ступенчатая подрезка более низменной, западной оконечности (Черныгин А-1929: л. 48).

Селище при городище исследовалось С. Н. Орловым (вскрыто 136 м²) в 1973 г. (Орлов А-1973; Орлов А-1972–1973: л. 61–65). Городище раскапывалось Е. Н. Носовым в 1980–1981 гг. на площади 256 м² (Носов, Плохов 1997, 2002; Носов, Горюнова, Плохов 2005) и М. А. Юшковой в 2006 г. на площади 76 м² (Юшкова 2009, 2011).

Поздний горизонт. На краю площадки городища в раскопах 1980–1981 и 2006 гг. был вскрыт углубленный в материковый песок канавообразный подпольный котлован «длинного дома» шириной от 4 до 6,5 м. Котлован состоял из отдельных смыкающихся краями секций. Вдоль краев котлована параллельно линии обреза площадки городища зафиксированы обгорелые плашки (Юшкова А-2007) — следы стен постройки, имевшей, очевидно, срубную конструкцию. Постройка погибла в пожаре, с чем, вероятно, связан клад вещей и сельскохозяйственного инвентаря, определяющийся в пределах VIII–IX вв. Ближайшие аналогии длинная постройка имеет в Броннице, на городище Хотомель, возможно, на городище Георгий.

Ранний горизонт. Фрагменты керамики ЭРМ и РЖВ находили в своих раскопках все исследователи. При этом ни отдельного стратиграфического горизонта, ни комплексов они нигде на памятнике не образуют.

К древнейшему периоду существования городища относятся кремневые отщепы, 2 кремневых наконечника стрел, скребки и шлифованное сланцевое тесло (Аксенов, рукопись: л. 7; Юшкова 2011: 182).

Черныгин А-1929: л. 43-44; Аксенов, рукопись: л. 6, 7; Орлов А-1958а; Орлов А-1973; Орлов А-1972-1973; Воронова А-1984: 45-47; Носов, Плохов 1989, 1997, 2002; Носов, Горюнова, Плохов 2005; Юшкова А-2007; Юшкова 2009, 2011.

2. Теремец

(Новгородская обл., Новгородский р-н)

Городище (?) возле деревни на левом берегу Волхова, к северу от устья ручья. Культурный слой не зафиксирован (Орлов А-1963, 1966–1968, 1970: л. 6, 7). С. Н. Орлов предполагал, что здесь была расположена «усадьба феодала» XI–XII вв. Сильно повреждено в войну.

Орлов А-1963, 1966-1968, 1970.

3. Городок на Волхове

(Новгородская обл., Новгородский р-н)

Название деревни *Городок* и речки *Городёна* говорят о том, что вблизи деревни располагалось укрепление. О существовании здесь поселения в VIII–IX вв. косвенно говорит находка клада на берегу Волхова в д. Вылеги, близ устья Городёны. Клад куфических монет найден в 1882 г. крестьянином деревни при копании канавы на огороде около бани (бани всегда ставятся на берегу реки, в нашем случае это Волхов). Общее количество монет неясно. Определено 7 монет (Дело А-1882: л. 6): 1 — испахбады Табаристана, Саид, 776 г.; 2 — Аббасиды, 162 г. х. (778 г.); 3 — Аббасиды, ал-Аббасия, 171 г. х. (787 г.); 4 — Аббасиды, Ифрикийя (?),

173 г. х. (789 г.); 5 — Аббасиды, ал-Аббасия, 173 г. х. (789 г.); 6 — Аббасиды, ал-Мухаммадия, 192 г. х. (807 г.); 7 — Аббасиды, ал-Аббасия или Ифрикийя, год не виден.

Деревня неоднократно обследовалась археологами, но городища не удалось обнаружить (Орлов А-1963, 1966–1968, 1970). Наиболее подходящим местом для укрепления является длинный и узкий обрывистый мыс на левобережье р. Городёны при впадении ее в Волхов. Большая часть мыса (кроме самой его оконечности) в настоящее время занята кладбищем, сильно изменившим рельеф местности. Археологические шурфовки и бурение здесь нежелательны. Мыс неоднократно осматривался мною при работах в Поволжье. Укрепления на поверхности не прослеживаются, следов культурного слоя в выбросах из могил и осыпях берега также зафиксировать не удалось. Вопрос о существовании городища остается открытым.

Дело А-1882; Орлов А-1963, 1966-1968, 1970.

4. Марьино, Волхов-Мост (Новгородская обл., Чудовский р-н)

Городище с сетчатой керамикой в месте пересечения Волхова железной дорогой упомянуто в работе А. М. Таллгрена (Tallgren 1937: 96). В 1999 г. И. В. Антипов при исследованиях каменного храма Никольского Полистского монастыря, располагавшегося на высокой левобережной надпойменной террасе Волхова, выявил под полом храма культурный слой с древнерусской гончарной керамикой. Имеется фрагмент орнаментированной раннегончарной керамики X–XI вв. (Антипов А-1999: ил. 74: 28). Ниже залегал слой слабогумусированной супеси с фрагментами лепной керамики преимущественно ЭРМ и РЖВ. Выделяются фрагменты текстильной и штрихованной керамики, а также посуды с ямочным орнаментом. Некоторые фрагменты лепной керамики предположительно отнесены автором раскопок к концу I тыс. н. э. (Антипов А-1999: л. 13). Расположение поселения на холме, круто обрывающемся к Волхову, позволяет предположить наличие городища. Следов укреплений, однако, не выявлено.

Tallgren 1937; Антипов А-1999; Антипов и др. 2001: 21; Юшкова 2011: 181.

5. Городище (Ленинградская обл., Киришский р-н)

В деревне располагается мыс, возвышающийся отвесно над Волховом на высоту 15–18 м. На мысу располагается церковь и современное кладбище. Оборонительные сооружения достоверно не удалось проследить ни Н. Н. Чернягину в 1929 г., ни позже С. Н. Орлову (Орлов А-1968а: л. 2). Н. Н. Чернягин полагал, что

вал городища проходил по линии церковной ограды. В 1979 г. В. П. Петренко снял глазомерный план предполагаемого городища. По его мнению, сохранившаяся часть площадки имела размеры 31 × 70 м. С напольной стороны площадка была защищена подковообразным валом шириной 17 м. Высота вала с напольной стороны — 1,9 м, со стороны площадки — 1,2 м (Петренко А-1979б: л. 11). К югу от мыса, за оврагом, в котором протекает ручей, на берегу Волхова располагается селище, где на огородах встречается гончарная древнерусская керамика. По данным Н. Н. Чернягина здесь находился курган, раскопанный крестьянами (Чернягин А-1929: л. 28).

Чернягин А-1929: л. 26–28; Орлов А-1968а: л. 2, 3; Орлов А-1968б; Петренко А-1979б: л. 11.

6. Новые Дубовики (Ленинградская обл., Волховский р-н)

Комплекс памятников у д. Новые Дубовики при впадении в Волхов правого притока — ручья Мельник состоял из мысового городища, укрепленного валом и рвом, и примыкавшего к нему селища, вытянутого вдоль Волхова на протяжении не менее 300 м и на 200 м вдоль левого берега ручья (Гурина А-1952: л. 67; Носов 1976: 76). Городище было впервые профессионально осмотрено А. А. Спицыным в 1914 г. (Спицын 1918). В 1949 г. городище обследовал С. Н. Орлов (Орлов А-1968а: л. 6). По сохранившимся данным городищенский мыс, носивший у местного населения название «Городок», до разрушения его карьером «круто возвышался над водой и подходил почти к самому руслу реки» (Гурина А-1952: л. 65). Городище с напольной юго-восточной стороны было защищено рвом глубиной около 1,5 м и подковообразным валом (Петренко 1994: 105). Укрепление уничтожено карьером и не исследовалось.

К северу от поселения располагался могильник, включавший 7 сопков (Носов 1976: 80) — группы 17 и 18 по В. П. Петренко (Петренко А-1979б: л. 5). С. Л. Кузьмин исследовал здесь в 1990 г. сопку 17-II, а в 1997 г. — останец сопки 17-III (Кузьмин А-1997: л. 8). Имеется информация еще о трех сопках, располагавшихся к югу от поселения ((Кузьмин А-1997: л. 10; Кузьмин 1998: 262).

Раскопки на селище производила Невская экспедиция (Г. П. Гроздилов) в 1952 г., Е. Н. Носов в 1972 г. (170 м²). Датировка поселения определяется в рамках VIII–X вв. Исследования поселения были продолжены С. Л. Кузьминым в 1997 г. (100 м²) и в 1998 г. (100 м²) (Кузьмин А-1997, Кузьмин А-1998; Кузьмин, Тарасов 1998). На селище обнаружены следы производственной деятельности — шлаки, льячка, фрагменты тиглей (Кузьмин 1998: 56), остатки трех углубленных в землю подполий срубных жилых построек

(Кузьмин 1998: 56, 57; Кузьмин, Тарасов 2000: 38). Об этапах использования городища можно судить только по материалам селища.

Поздний горизонт. Выделяется на селище по единичным фрагментам древнерусской гончарной керамики X–XIII вв. В материалах раскопок Н. Н. Гуриной и Г. П. Гроздилова имеется значительное ее количество (Гурина А-1952: альбом: л. 16 об.).

Ранний горизонт. Представлен на селище материалами VIII–X вв. Остатки построек зафиксированы в виде округлых материковых ям, типичных для этого времени. Керамика, найденная на селище, преимущественно лепная с преобладанием сосудов «ладожского типа» с различной степенью сглаженности ребра. Представлена также керамика группы 1 с округлым плечиком. Из находок важны два гребня 1 группы по О. И. Давидан, ледоходный шип — характерные элементы «скандинавской» вуали в культуре Поволжья. Из раскопа Н. Н. Гуриной происходит ладейная заклепка (Гурина А-1952: альбом: л. 16 об.). В раскопе Е. Н. Носова найден умайядский дирхем (Мерван II, Васит, 129 г. х. — 746/747 г. н. э.).

Древнейший горизонт. Судя по находкам текстильной керамики на городище (Воронова А-1984: 56) и по некоторым находкам с поселения (2 серповидных ножа — Кузьмин 1998: 57; Кузьмин А-1998: табл. 20: 4, 5), укрепленное поселение возникло на этом месте в РЖВ.

Спицын 1918; Гурина А-1952; Орлов А-1968а; Носов А-1972; Носов 1976; Петренко А-1979б; Воронова А-1984: 56; Петренко 1994; Кузьмин А-1997; Кузьмин А-1998; Кузьмин 1994, 1997, 1998; Кузьмин, Тарасов 1998, 2000; Кузьмин и др. 1999.

7. Старая Ладога, Ладожский мыс (Ленинградская обл., Волховский р-н)

Географической доминантой Староладожского археологического комплекса является расположенный на излучине Волхова Ладожский мыс. Он образован рекой Ладожкой, которая перед впадением в Волхов делает крутой изгиб, и на протяжении несколько более чем 100 м течет почти параллельно большой реке. Такова ситуация в наши дни. В Раннем Средневековье рельеф устья Ладожки был несколько иным. Понижение рельефа перед Климентовской и Воротной башнями представляло собой либо расширение русла Ладожки, либо участок низкой поймы, подобной тем участкам поймы, которые и сейчас можно наблюдать в первозданном виде при слиянии Ладожки и Заклюки. Это означает, что в I тыс. н. э. ладожский мыс был длиннее, чем в наши дни. Протяженность его составляла, надо полагать около 150 м при ширине от 25 м (у окончания мыса) до 50 м (у его

основания). При этом длинные стороны мыса имели локальные изгибы и понижения.

Географический и археологический контекст давно наводит исследователей на мысль о существовании на мысу городища эпохи Средневековья, а возможно, — более раннего времени. На мысу, как известно, обнаружена стоянка ЭРМ (Юшкова 2011: 177). Керамика ЭРМ с разнообразной богатой орнаментацией встречается в раскопе Н. К. Стеценко 1983 г. на оконечности мыса (Стеценко А-1983: ил. 13: 2; 16: 7; 59: 1).

Мыс исследовался неоднократно: раскопки Н. Е. Бранденбурга 1880-х — 1890-х гг., С. Н. Орлова 1949 г., Г. Ф. Корзухиной 1958 г., А. Н. Кирпичникова 1970-х гг., Н. К. Стеценко 1980-х гг. В 2010-х гг. Староладожская экспедиция возобновила масштабные раскопки в юго-восточной части ладожского мыса (работы А. Н. Кирпичникова, В. А. Лапшина, Н. В. Григорьевой, П. А. Миляева).

Культурные напластования с лепной средневековой керамикой зафиксированы на всей территории ладожского мыса — от Стрелочной башни (Стеценко А-1982, А-1983) до южной части крепостного двора (Корзухина А-1958) и южного вала, отделяющего мыс от Земляного городища (Кирпичников, Петренко А-1973а). На территории крепости известно несколько находок арабских монет: уникальный для Руси умайядский золотой динар 121 г. х. (738/739 г. н. э.) был найден при рытье могилы возле церкви Георгия (Прохоров 1871: 2; Тизенгаузен 1873: 300; Семенов 1995); дирхем найден в раскопе Н. К. Стеценко 1984–1985 гг. (Стеценко А-1985: л. 12). Однако, ни в одном из многочисленных раскопов не было выявлено пока объектов, которые можно было бы убедительно сопоставить с укреплениями городища восточноевропейского типа (валы, рвы, эскарпы, длинные дома с оборонительными функциями).²¹⁷

Первоначально исследователи ладожского мыса мыслили его для эпохи викингов как городище. В 1972 г. при прорезке земляного вала крепости А. Н. Кирпичников и В. П. Петренко обнаружили под валом XII в. следы, как они сочли, более раннего, отрезавшего мыс, вала, который они датировали концом X в. (Кирпичников, Петренко А-1973а: л. 4). Хотя предполагаемый ранний вал лежал на слое с лепной керамикой, оснований для датировки первого явно не доставало, и в дальнейшем в публикациях авторы к этой идее не возвращались.

В то же время был обнаружен объект, внешний вид и назначение которого не могут быть пока опре-

²¹⁷ На восточной бровке оконечности ладожского мыса Н. К. Стеценко удалось обнаружить какие-то (частотные?) канавки (Стеценко А-1983: л. 14, ил. 9, 26). Однако, в заполнении их найдена гончарная керамика XI–XII вв. (Стеценко А-1983а: ил. 63: 2–5).

делены с точностью. Раскопками А. Н. Кирпичникова, Н. К. Стеценко, Н. В. Григорьевой удалось установить, что по периметру мыса, следуя изгибам и понижениям его кромки, располагается стена, сложенная из плит известняка насухо или на глине. Стена положена без фундамента прямо на грунт (в юго-западной части мыса, как пишет А. Н. Кирпичников (1984: 29) — «на материк», в других местах — на культурный слой или незначительные подсыпки). Впервые эта ранняя стена прослежена А. Н. Кирпичниковым с внутренней стороны юго-западного прясла позднейшей крепостной стены. Ширина раннего сооружения в юго-западной части мыса составляла 1,8 м (Кирпичников 1984: 29). Максимальная высота, на которую ее удалось здесь проследить, — 1,55 м.

Второй участок, где стену удалось проследить, — северо-восточная кромка мыса. Здесь три участка стены были раскрыты в 1982 г. раскопками Н. К. Стеценко (Стеценко А-1982, А-1983, А-1983а). Ширина стены здесь составляет 1,8–1,9 м. Пространство между лицевыми стенками было заполнено битой плитой, валунами и культурным слоем (Стеценко А-1982: л. 12). Поэтому Н. К. Стеценко называла сооружение «каменно-земляной стеной». Наконец, участки ранней стены раскрыты северо-восточнее церкви Георгия исследованиями Н. К. Стеценко в раскопе 1 (1984–1985 гг.), прорезавшем бровку ладожского мыса (Стеценко А-1984, А-1984а, А-1985, А-1985а).

Датировка древнейшей стены по периметру ладожского мыса. Наибольшую важность для датировки имеют раскопы Н. К. Стеценко: № 1 и 2 у северо-восточного прясла стены и раскоп 1 (1984–1985 гг.) у храма Георгия. Уже в первом из них, раскопе № 1 (1982 г.) Н. К. Стеценко зафиксировала, что стена поставлена на культурном слое с лепной керамикой, причем кладка частично просела в материковую яму с лепной керамикой (Стеценко А-1982: ил. 4, 5). При этом, в культурном слое, использовавшемся для забутовки пространства между лицевыми стенками древнейшей стены, найдена как лепная, так и гончарная керамика (Стеценко А-1982: л. 6).

В раскопе № 2 (1982–1983 гг.) с восточной (внешней) стороны у «каменно-земляной» стены обнаружен уходящий под нее деревянный настил из плах, как выяснилось, принадлежавший срубной постройке, стоявшей на этом месте до сооружения стены (Стеценко А-1983: л. 13, 14). В 1982 г. при разборке настила найдена лепная и гончарная керамика (Стеценко А-1982: л. 9).

В 1983 г., однако, выяснилось, что постройка, которой принадлежал настил, стояла на «предматериковом» культурном слое мощностью до 0,17 м, насыщенном углем. Из предматерикового культурного слоя, наряду с фрагментами разновременной

лепной посуды, происходит выразительный комплекс раннесредневековых находок: развал раннегончарного сосуда (Стеценко 1983а: ил. 60: 1), ланцетовидная стрела (Стеценко 1983а: ил. 66: 2), полусферическое костяное пряслице (Стеценко 1983 а: ил. 61: 5) и сошник с обломанной и приваренной поверх обломка рабочей частью (Стеценко 1983: л. 15). Особенно же важно то, что этот слой дал выразительную серию фрагментов гончарной керамики с волнистым орнаментом и манжетовидным венчиком (Стеценко А-1983: л. 14; Стеценко А-1983а: ил. 59). Датировка подобной керамики обычно определяется в рамках XI — XII вв., и ни при каких условиях не может быть опущена ниже второй половины-конца X в. То же самое можно сказать и про узколопастной сошник (от двузубой сохи?). Самые ранние находки узколопастных сошников из Гнёздова датируются X в., а самые ранние следы вспашки двузубой сохой относятся к XI в. В целом, вывод может быть таков: стена поставлена на маломощном культурном слое, наплававшемся с ЭРМ до X в., и существенно перемешанном в результате интенсификации жизнедеятельности на данном участке во второй половине X — XI в.

Еще одним ключевым участком для датировки стены, сложенной на глине, является раскоп Н. К. Стеценко 1984–1985 гг. Здесь исследовательнице удалось исследовать участок смотревшей на Волхов облицовочной части стены (как она считала), сохранившейся на высоту 22 рядов кладки (Стеценко 1985: ил. 60). Уцелел при этом только вертикальный ряд плит общей высотой около 1,5 м и шириной до 0,7 м (Стеценко 1985: ил. 27). Каким образом сохранился участок такой конфигурации (если допустить, что это лишь облицовка разобранной стены) осталось неясным. В раскопе ничто не указывает на первоначальную ширину стены (если она действительно была шире).

Н. К. Стеценко удалось расчистить основание стены, сложенной на глине, и примерно на 1 м углубиться на склоне в подстилающие ее напластования. Установлено, что стена здесь врезана в оплывшую по склону подсыпку из белого кварцевого песка мощностью до 0,7 м (Стеценко А-1985: ил. 27, 42, 60, 61). В слое песка найдены куски штукатурки, фрагменты раствора и фресок (Стеценко А-1985: л. 16), т. е. по времени отложения он не может далеко отстоять от постройки храма Георгия. По мнению Н. К. Стеценко, со стороны Волхова «перед стеной из плит на глине была сделана планировка участка с использованием песка и глины» (Стеценко А-1986: л. 17).

Ниже этого песка залегает наплыв культурного слоя (обозначен автором раскопок как «темный гумус») мощностью 0,5 м, сползший по склону мыса, и лежащий непосредственно на материке — гравелистом песке с известняковой галькой (Стеценко

А-1985: л. 16, 17, ил. 61). Из слоя темного гумуса происходит более 40 фрагментов керамики, из которых 5 лепных, остальные — гончарные (Стеценко А-1985: л. 17). Гончарная керамика датирует слой X–XI вв. (Стеценко А-1985а: ил. 50, 51).

Таким образом, за все годы изучения ладожской крепости участки стен безрастворной кладки удалось проследить по периметру ладожского мыса в общей сложности в 10 местах. Рассматриваемое сооружение (если, конечно, расценивать все обнаруженные участки как единое целое) характеризуется следующими признаками:

При кладке различных участков стен использовались несколько разные техники. Местами плиты положены на глине, местами насухо. В северо-восточной части мыса, согласно наблюдениям Н. К. Стеценко, пространство между лицевыми стенками было заполнено битой плитой, валунами и культурным слоем (Стеценко А-1982: л. 12). На других участках засыпка слоя в пространство между плитами не прослежена.

Стена имеет небольшую ширину (от 0,7 до 1,9 м), что делает ее крайне неустойчивой. Надо заметить, что с учетом необходимого для устойчивости сооружения сужения кладки вверх, при высоте в человеческий рост стена вряд ли позволяла разместить на ней закрытый от обстрела извне боевой ход без каких-то дополнительных деревянных конструкций с внутренней стороны. Между тем, такие конструкции нигде не были обнаружены и исследованы. Не обнаружено также и никаких элементов брустверных конструкций, защищающих боевой ход (судя по непрочности кладки, это должны бы были быть какие-то деревянные стены).

Сооружение следует изгибам береговой кромки Волхова и Ладожки и неровностям рельефа мыса.

Раскопки Н. К. Стеценко 1982–1983 гг. указывают на сооружение стены не ранее второй половины — конца X в. на культурном слое более раннего времени. Датированный материал из раскопок Н. К. Стеценко 1984–1985 гг. указывает скорее на то, что стена поставлена при планировке территории вокруг церкви Георгия или даже вскоре после ее строительства. По данным Н. К. Стеценко, в юго-восточной части мыса слой строительства храма неотделим от слоя, на котором стоит стена, в то время, как напластования с лепной и раннегончарной керамикой X–XI вв. залегают значительно ниже.

Исходя из результатов изучения восточного прясла ранней стены Н. К. Стеценко сделала вывод о том, что эти укрепления «не могут быть отнесены к периоду до начала XII в.» (Стеценко 1997: 176).

На фоне рассматриваемой в этой работе ранне-средневековой восточноевропейской фортификации второй половины I тыс. н. э. укрепление ладожского

мыса выглядит совершенно чужеродным явлением. Особенно следует выделить то обстоятельство, что строители не стремились преобразовать рельеф, а полностью подчинили свое сооружение его особенностям. Эта особенность резко отличает старолadoжское сооружение от славянских городищ. Нетрудно отметить, что строители городищ, хотя и используют выгоды рельефа, как правило, стремятся в итоге создать новую его форму, работая преимущественно с землей.

А. Н. Кирпичников считает возможным искать прототипы ладожского укрепления в каролингской фортификации (Кирпичников 1984: 36). Эта точка зрения кажется мне весьма уязвимой из общеисторических и хронологических соображений. Совокупность находок из отложений, подстилающих безрастворную стену, и связанных с ней, указывает на сооружение ее в интервале середина X–середина XII вв.

Подчинение укрепления рельефу может указывать на то, что фортификационная традиция сформировалась там, где работа с землей была затруднена в силу природных причин (горный рельеф, каменистый грунт). Таким регионом, ближайшим к Старой Ладогге, была Фенноскандия. Городища, построенные с применением камня, известны здесь с РЖВ. Главными их особенностями было именно минимальное использование грунта. Земляные работы в скандинавском скальном рельефе часто были невозможны, поэтому подсыпки, эскарпы и валы здесь использовались редко. Главной же особенностью этих фортификаций Финляндии, Карелии, Швеции было стремление «надстроить» каменными укреплениями имеющийся рельеф, «вписать» в него искусственные сооружения, сам рельеф оставляя нетронутым. Так построены городища Хельгё (рис. 441) и Бирки. Самым знаменитым образцом подобной фортификации является Торшбурген на о. Готланд. Именно там мы видим, как на обрывистых участках плато неширокие стены, сложенные из плитняка насухо, «петляют», следуя неровностям краев естественной возвышенности.

Подведем итог. Если ранние каменные укрепления старолadoжского мыса действительно датируются второй половиной — концом X в., а не относятся ко времени постройки церкви Георгия, отмечая какой-то примыкающий к ней земельный участок, их следует связывать с фортификационными традициями Фенноскандии, в первую же очередь с традициями островной Швеции (рис. 440–442).

Корзухина А-1958; Кирпичников, Петренко А-1973а; Кирпичников 1980, 1982, 1984; Мильчик и др. А-1983, Мильчик и др. А-1983а, А-1983б; Стеценко 1997; Стеценко А-1982, Стеценко А-1983, Стеценко А-1983а, Стеценко А-1984, Стеценко А-1984а, Стеценко А-1985, Стеценко А-1985а; Семенов 1995; Юшкова 2011: 177.

8. Любша (Ленинградская обл., Волховский р-н)

Городище располагается в 2 км к северо-западу от Земляного городища Старой Ладоги, на правом берегу Волхова на мысу при впадении в него р. Любши. Участок плато коренного берега площадью около 1 000 м² отделен подковообразным валом длиной около 70 м. Ширина оплывшего вала по основанию — 15–18 м. Размеры площадки городища примерно 35 × 30 м (Рябинин, Дубашинский 2002: 196). Высота площадки 21 м БС (Рябинин А-2001: рис. 2), что составляет примерно 17 м над современным межленным уровнем Волхова, принятым за 4 м БС. С напольной стороны к городищу примыкает селище. Выходы культурного слоя с лепной керамикой в обресе берега впадающего в Волхов ручья отмечены в 500 м к югу от городища и на 100 м от него вдоль р. Любша (Петренко А-1970/1971а: л. 3, 4; Петренко А-1971: л. 20 об.).

Городище впервые обследовано и подробно описано С. Н. Орловым в 1968 г. (Орлов А-1968а; Орлов А-1968б: л. 21–23). При зачистках было сделано несколько важных находок: лепная разновременная керамика, поясной наконечник, свинцовая цилиндрическая весовая гирька, фрагмент шумящего бронзового украшения финно-угорского типа (цепочка из двух восьмерковидных звеньев с колоколовидной привеской) (Орлов А-1968а: л. 17–20, 35). В 1970–1972 гг. В. П. Петренко вскрыл на городище около 120 м² (Петренко А-1970/1971а; Петренко А-1970/1971б; Кирпичников, Петренко А-1973б; Петренко, Шитова 1985: 181). В 1997–2001 гг. раскопки на городище проводил Е. А. Рябинин.

Поздний горизонт. Выделяется по находкам гончарной древнерусской керамики, отнесенной В. П. Петренко к XII в. и более позднему времени (Петренко А-1970/1971а: л. 23).

Ранний горизонт 2. Соответствует времени сооружения и использования подковообразного земляного вала с плитняковой облицовкой (вторая половина VIII–IX в.) (рис. 436). Архитектурный прием находит параллели в укреплениях Изборска (рис. 437: 1) и островной Швеции (рис. 437: 2; 440), а также в Городке на Шелони (рис. 438; 439). Подробнее материал, обосновывающий эту датировку рассматривается мной в разделе 5.2.6. второго тома монографии.

Ранний горизонт 1. Представлен участками культурного слоя с лепной керамикой последней четверти I тыс. н. э. под валом городища (Кирпичников, Петренко А-1973б: л. 7).

Древнейший горизонт 2. Представлен распашкой, зафиксированной в раскопе Е. А. Рябина в виде гумусированных полос, пересекающихся под прямым углом. Распашка лежит в основании средневековых напластований и датируется временем не позднее

VIII в. Возможно, сложенные насухо невысокие плитняковые стенки, обнаруженные В. П. Петренко под насыпью вала, связаны с разграничением пахотных участков этого времени. Подобное разграничение участков известно в это время в береговой Эстонии.

Древнейший горизонт 1. Городище содержит материалы ЭРМ — РЖВ, определенные М. А. Юшковой как керамика «волховского типа» и культуры лууконсаари. Отдельные мелкие фрагменты керамики (М. А. Юшкова насчитала 30 обломков) группируются в предматериковых напластованиях, и не образуют комплексов (Юшкова 2011: 175).

Орлов А-1968а; Орлов А-1968б; Петренко А-1970; Петренко А-1971; Петренко А-1970/1971а; Петренко А-1970/1971б; Кирпичников, Петренко А-1973б; Воронова А-1984: 51, 52; Рябинин А-1998, А-1999, А-2000, А-2001; Петренко, Шитова 1985; Рябинин, Дубашинский 2002; Рябинин 2003; Алецукин, Рябинин, Шитов 2003; Щеглова 2003, 2004; Косых 2007; Розанова и др. 2008; Львова 2009; Сенченкова 2010; Юшкова 2011: 175; Щеглова, Григорьева 2014; Миляев 2015; Миляев 2017.

VII. Бассейн нижнего течения р. Шелонь

1. Поглядово-Крутец (Новгородская обл., Волотовский р-н)

Городище расположено на озовом холме, ограниченном с севера глубоким оврагом. К востоку от городища местность террасами спускается к р. Колошке. Площадка городища имеет размеры 45 × 21 м, и овальную форму. Высота ее над поймой 20–25 м. Упомянется в своде Е. Р. Романцева под именем «Крутецкая горка» (Романцев 1911: 72). Городище образовано эскарпировкой озового холма (рис. 75; 76). Двухступенчатый эскарп защищает северную, наиболее уязвимую сторону городища. У подножия нижнего эскарпа из склона горы бьют ключи, используемые местным населением до сих пор. Еще один эскарп с обширной языковидной террасой расположен в южной части городища. Над ним на краю площадки сооружен «курганобразный» вал. Длина вала — 12 м, высота 1,7 м, ширина — 6–7 м. Культурный слой на площадке достигает мощности 0,5 м (Орлов А-1960–1970-е: л. 6; А-1965–1979; Орлов 1963, 1966–1968, 1970). Городище неоднократно обследовалось С. Н. Орловым в 1960-е гг. Мощность культурного слоя до 0,5 м. В слое найдены немногочисленные фрагменты лепной керамики, предположительно РЖВ (Паспорт 1981). Характерная система ступенчатых эскарпов свидетельствует о том, что городище в его сохранившемся виде сооружено в середине–третьей четверти I тыс. н. э.

Романцев 1911; Паспорт 1981; Орлов А-1960–1970-е: л. 6; Орлов А-1965–1979; Орлов 1963, 1966–1968, 1970; Миронова А-1981.

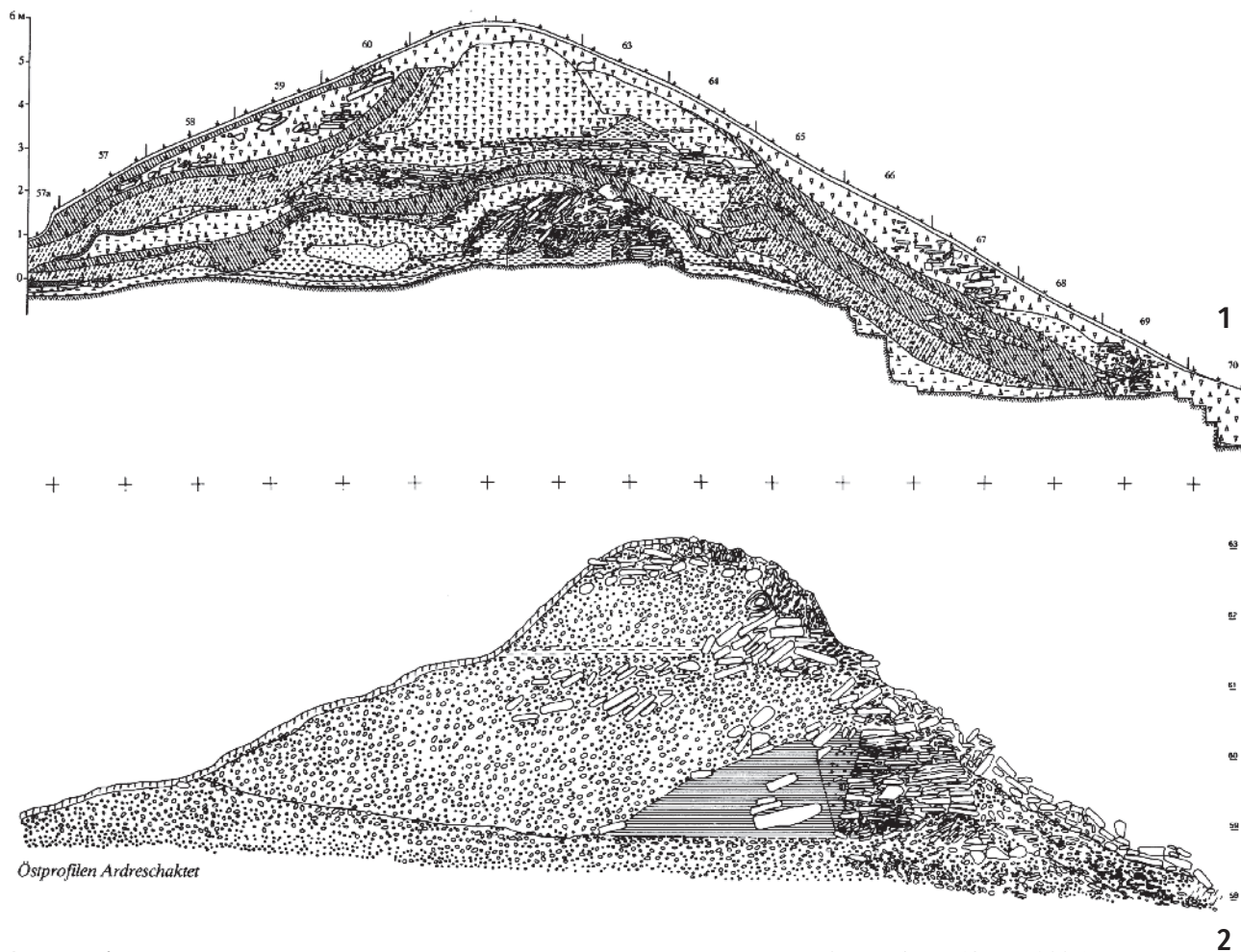

Рис. 437. Фортификационные сооружения с плитняковыми лицевыми кладками. 1 — Изборск (Седов 2007); 2 — Торшбурген (Engström 1984)

2. Загородищи, «Красный вал» (Новгородская обл., Солецкий р-н)

Городище (местное название «Красный Вал») расположено на обрывистом известняковом мысу при впадении безымянного ручья в р. Калошка (правый приток Шелони) (Орлов А-1969: 39–41). Площадка подтреугольная, сильно повреждена оползнями (рис. 73). Размеры площадки около 70 × 40 м. Культурный слой мощностью до 0,5 м. Городище отличается оригинальной и мощной фортификацией. С напольной стороны площадка защищена валами высотой 4 и 2 м, разделенными рвом шириной до 10 м (Паспорт 1982). Плоские вершины валов шириной 15–20 м явно предназначались для оборонительных конструкций типа длинных домов. Еще С. Н. Орлов отмечал, что «под основаниями двух валов занята площадь свыше 2300 м², т. е. в два раза больше, чем площадь самого городища <...> площадь между валами городища равна около 1650 м², т. е. также превышает площадь самого городища» (Орлов А-1969: л. 40). Высота площадки над Калошкой и ручьем — 15–17 м. Городище обследовалось и шурфовалось С. Н. Орловым в 1969 г. (Орлов А-1969; Орлов А-1965–1979: л. 41 об.,

42, 48; Орлов А-1968–1984). Тогда же был снят первый глазомерный план памятника (Орлов А-1968–1984: л. 50–52).

Датировка городища определяется несколькими находками полевого сезона 1969 г. Во-первых, это фрагмент небольшого железного серпа, хранящегося в фондах НГОМЗ (рис. 74: 2). Второй важной находкой является крупный фрагмент венчика лепного гладкостенного сосуда (рис. 74: 3), слабопрофилированного, или со слабо выраженным ребром. В НГОМЗ этот фрагмент зашифрован в коллекцию с Городка на Шелони. Рисунок этого фрагмента (с подписью: «городище у дер. Загородищи Выбитский с/с Солецкий район») сохранился в полевом дневнике С. Н. Орлова за 1969 г. (Орлов А-1965–1979: л. 48) и в одном из альбомов 1969 года, также с привязкой к городищу Загородищи с указанием шифра (Кук-110) (Альбом с рисунками А-1968–1970-е: л. 29). В полевом отчете в Архиве ИА РАН этот фрагмент также привязан к городищу Загородищи (Орлов А-1969: рис. 27: 2). Дата городища может быть предварительно определена предельно широко — от ЭРМ до второй половины I тыс. н. э.

С северо-западу от городища на ровном левобережном плато р. Калощка расположено селище площадью около 38 000 м². При его обследовании найдена лепная керамика, датированная РЖВ.

Альбом с рисунками А-1968-1970-е; Рисунки археологических находок А-1969; Орлов А-1969; Орлов А-1960-1970-е: л. 6; Орлов А-1965-1979; Орлов А-1968-1984; Юшкова 2011: 191.

3. Городок на Шелони, «Валок» (Новгородская обл., Солецкий р-н)

Городище располагается на правом берегу Шелони на мысу по правую руку при впадении в Шелонь р. Боровенки (рис. 235). Мыс имеет подпрямоугольную форму и размеры примерно 170 × 100 м. С напольной стороны городище защищено валом, сильно поврежденным, но местами сохранившимся на высоту около 3 м. С внешней стороны вала прослеживается заплывший ров шириной до 10 м (рис. 236). Раскопки на городище производились С. Н. Орловым в 1969–1970 гг. (Орлов А-1969, А-1970, Орлов 1974). Материалы его исследований опубликованы и прокомментированы А. В. Плоховым и С. Е. Тороповым (Плохов, Торопов 2013). Всего С. Н. Орловым вскрыто около 400 м² на четырех раскопах, а также заложено 3 шурфа и в двух местах траншеями прорезан вал (траншеи № 1–2) (рис. 237).

Наибольший интерес для анализа стратиграфии представляет раскоп I (1969 г.). Под пахотным слоем на юго-западном краю площадки была обнаружена подсыпка шириной до 4 м и толщиной до 1,5 м (ее первоначальные размеры невозможно разобрать из-за осыпей краев площадки). Подсыпка сделана из перемешанного с культурным слоем материкового песка. В некоторых местах с внешней стороны подсыпки сохранились остатки подпорной стенки из уложенных насухо известняковых плит (рис. 438; 439). Плитняковая кладка подпорной стены в мысовой части городища местами сохранилась на высоту 6–7 рядов (Археологические раскопки А-1969–1970). Большая часть каменной кладки, видимо, разобрана или обвалилась в реку, поэтому реконструировать ее технические параметры невозможно. Ясно, что существовал на городище реальная каменная стена, остатки ее (даже при условии позднейшей выборки камня для деревенских нужд) прослеживались бы в культурном слое более основательно. Очевидно, подсыпки и плитняковые кладки составляли некий нивелирующий фундамент для деревянной оборонительной постройки. Облицовка из плитняка, очевидно, должна была удерживать на себе какую-то деревянную конструкцию. Как и почти все рассматриваемые городища, Городок на Шелони является многослойным памятником.

Поздний горизонт. Представлен фрагментами гончарной древнерусской керамики.

Ранний горизонт. Представлен слоями военного разгрома поселения, случившегося, вероятно, в конце IX — начале X вв. Такой взгляд позволяет объяснить присутствие в культурном слое ланцетовидного копья (рис. 241: 3) и большого количества наконечников ланцетовидных стрел — оружия профессиональных дружинников (рис. 240: 4–7; 241: 4, 5). К этому же времени следует относить подковообразные фибулы, ладьевидный браслет скандинавского типа, бронзовые чашечки от весов.

Древний горизонт. Представлен фрагментами слабопрофилированной керамики, датировка которой уходит в третью четверть I тыс. н. э. (рис. 239: 1, 2, 6, 7). Находкой, которая может быть предположительно увязана с этим керамическим комплексом, является наконечник втульчатого двушипного дротика с пламевидным наконечником (рис. 240: 1).

Начальный горизонт. Из раскопок С. Н. Орлова происходит бронзовый топор с закраинами, относящийся к середине II тыс. до н. э. (Юшкова 2010а: 274).

Орлов 1974; Орлов А-1969, Орлов А-1969а; Орлов А-1970; Орлов А-170а; Орлов А-1970б; Орлов А-1967-1970; Орлов А-1960-1970-е: л. 6; Орлов А-1965-1979; Альбом с рисунками А-1968-1970-е; Археологические раскопки А-1969-1970; Юшкова 2010а: 274; Юшкова 2011: 190; Плохов, Торопов 2013.

4. Подгощи (Новгородская обл., Шимский р-н)

Городище располагалось в 1 км к югу от деревни на возвышении в пойме р. Векши. Размеры площадки, вытянутой с юга на север — 100 × 30–40 м. Как отмечал С. Н. Орлов, «западный и северный склоны городища круто спускаются в пойму р. Векши, которая весной сильно разливается, оставляя незатопленным лишь само городище и узкую высокую гряду, примыкающую к площадке с юго-западной стороны. По этой гряде проходил ров и вал...» (Орлов А-1960–1970-е: л. 7). На момент обследования городища С. Н. Орловым вал и ров были уже разрушены карьером. Сохранившаяся часть вала имела длину 6 м при высоте 1,2 м и ширине до 2,5 м. Глубина рва не превышала 0,5 м. Культурный слой не зафиксирован. В 2015 г. мною была сделана попытка отыскать городище. Место, указанное С. Н. Орловым, удалось идентифицировать по схеме в паспорте памятника (Паспорт 1966). При этом выяснилось, что городище и весь примыкающий к нему ландшафт полностью уничтожены плитняковым карьером.

Паспорт 1966; Орлов А-1960-1970-е: л. 7.

Рис. 438. Городок на Шелони. Стена из известняковых плит (ОПИ НГОМЗ, КП-38136-1643. Л. 1; КП-38136-1645. Л. 1)

Рис. 439. Городок на Шелони. Стена из известняковых плит (ОПИ НГОМЗ, КП-38136-1642. Л. 1; КП-38136-1644. Л. 1)

Рис. 440. Торшбурген, Готланд. Фортификационные сооружения. Фото И. И. Еремеева

Рис. 441. Хельгё. Городище. Фортификационные сооружения. Фото И. И. Еремеева

Рис. 442. Вестергарн, Готланд. Фортификационные сооружения. Фото И. И. Еремеева

VIII. Бассейн среднего и нижнего течения р. Мста

1. Усть-Волма (Новгородская обл., Крестецкий р-н)

Городище располагается на левом берегу р. Волма напротив деревни, на оконечности озовой гряды. Площадка размерами 60 × 30 м возвышается над поймой на 10–12 м. С напольной стороны защищена рвом глубиной до 1,5 м и шириной до 15 м (Орлов А-1963, 1966–1968, 1970: л. 47). Городище обследовалось С. Н. Орловым в 1970 г. При зачистках найдены фрагменты лепной гладкостенной керамики (в том числе обломок венчика слабопрофилированного сосуда) и фрагменты древнерусской гончарной посуды домонгольского времени, железные шлаки (Орлов А-1967–1970: л. 30, 36; Орлов А-1963, 1966–1968, 1970: л. 64). Ранний материал представлен фрагментом кремневого скребка.

Орлов А-1963, 1966–1968, 1970; Орлов А-1967–1970; Орлов А-1970; Рисунки археологических находок А-1970.

2. Наволок (Новгородская обл., Любытинский р-н)

Городище расположено в 30–40 км ниже пос. Любытино по течению р. Мста, на левом ее берегу напротив д. Наволок. Укрепление на мысу при впадении в Мсту р. Каменка. Размеры площадки 50 × 170 м, высота над водой до 14 м. С напольной стороны укреплено валом длиной около 50 м и высотой до 2 м. Мощность культурного слоя до 1,10 м. С. Н. Орловым в зачистках найдена лепная гладкостенная керамика, в т. ч. фрагмент венчика «со слабым профилем» (Орлов А-1970: л. 3). В 450 м к востоку от городища на берегу Мсты располагается сопка.

Орлов А-1970.

3. Никандрово (Новгородская обл., Любытинский р-н)

Городище в 50 км к северу от пос. Любытино на левом берегу р. Городни напротив деревни. Укрепление мысового типа, сооружено на оконечности озовой возвышенности. Размеры площадки 70 × 22 м. С напольной стороны укреплено рвом и валом шириной 16 м и высотой до 3 м. Ширина рва 12 м при глубине до 1 м. Мощность культурного слоя 0,3 м. С. Н. Орловым найдено около 30 фрагментов лепной неорнаментированной керамики второй половины I тыс. н. э. (Орлов А-1970: л. 4). Судя по ландшафтной приуроченности, городище относится к кругу древностей типа КПДК.

Орлов А-1970.

4. Бронница (Новгородская обл., Новгородский р-н)

Бронницкое городище расположено в самом узком месте перешейка между реками Мста и Ниша, впадающими в оз. Ильмень с востока, на вершине куполообразной возвышенности, стоящей на плоской равнине (рис. 132). Укрепления состоят из системы эскарпов, размыкающихся на северо-западном склоне горы, где располагается въезд на площадку (Еремеев, Дзюба 2010: 30–32). Верхняя укрепленная площадка городища имеет округлую форму и диаметр около 100 м (т. е. площадь ее примерно 7850 м² или 0,8 га). Бронницкое городище — один из немногих городков близ Ильменя, сохранивший первоначальные размеры за счет удаленности от воды²¹⁸. Ниже площадки на склонах горы располагается несколько террас (рис. 423–428). Раскопками на одной из них обнаружена постройка и культурный слой третьей четверти I тыс. н. э. Таким образом, поселение в это время занимало не только площадку на вершине горы, но и ее склоны. Рядом с городищем с северной стороны располагался курганный могильник, включавший не менее двух сопок (Еремеев, Дзюба 2010: 30). Сопки не сохранились, хотя М. М. Аксенов, обследовавший городище в 1955–1957 гг., еще получил о них информацию (Аксенов, рукопись: л. 9).

Городище неоднократно обследовалось, начиная с 1733 г. Раскопки сопок в 1733 г. провели участники Сибирской экспедиции РАН (Материалы 1886: 387). В 1909 г. шурфовку городища провел А. А. Спицын, и по результатам работ отнес городище к памятникам дьякова типа (Отчет 1913: 165). В 1911 г. Бронницкое городище включено в свод И. С. Романцева вместе с погребальными памятниками микрорегиона — сопками у д. Глебово и в ур. Ямно (Романцев 1911: 57, 58). В 1950-е гг. городище привлекло внимание новгородского краеведа М. М. Аксенова, снявшего довольно подробный глазомерный план памятника (Аксенов, рукопись: л. 8, 9). В 1958 г. разведочное обследование Бронницкого городища было выполнено С. Н. Орловым. Исследователь заложил 3 шурфа размерами 0,5 × 0,5 м (Орлов А-1958а: л. 23–23 об.). Шурф 1 располагался на верхней площадке городища к югу от церкви. Вскрыт мешаный слой мощностью до 1 м. Шурф 2 находился на второй (нижней) площадке к югу от церкви. Под дерном и огородным слоем совокупной толщиной 0,38 м вскрыт непотревоженный культурный слой (темный гумус с углем и колотым камнем) мощностью около 10 см. Находок не было. Шурф 3 заложен на краю верхней площадки городища к северу

²¹⁸ От большинства городищ (Холопий Городок, Рюриково Городище, Городок на Ловати/Верготи, Городок на Маяте, Георгий, Сергов Городок) — уцелели фактически останцы разной степени сохранности.

от церкви. Выявлена следующая стратиграфия: 0–0,50 м — дерн и огородный слой; 0,50–0,75 м — темный культурный слой с мелкими угольками с углистой прослойкой; 0,75 — материк (желтый пылеватый песок с галькой). Находок не было. Исследования С. Н. Орлова показали наличие культурного слоя на верхней и нижней площадке и послужили путеводной нитью для наших раскопок 2013–2014 гг.

Первый подробный план Бронницкого городища снят Е. Н. Носовым в 1985 г. (Носов А-1985). Тогда же на городище обнаружена лепная керамика, датированная концом I тыс. н. э., а на краю площадки — культурный слой мощностью до 0,7 м (вероятно, шурф Е. Н. Носова пришелся на длинный дом на краю площади, исследованный мною в раскопе 2014 г.). Тем не менее, характеристика памятника, когда-то данная ему А. А. Спицыным, осталась в силе. В составленном по материалам разведки паспорте указывалось, что культурный слой на площадке городища полностью уничтожен и перемешан (Паспорт 1986). В 1995 г. А. В. Плохов заложил на городище траншею площадью 20 м². Был обнаружен переотложенный огородный горизонт с единичными мелкими фрагментами лепной керамики и гончарной позднесредневековой посуды (Носов, Плохов А-1995; Носов, Плохов, Янссон 1996: 31). Лишь в южной части траншеи, примерно в 25 м от края площадки городища был выявлен участок непотревоженного культурного слоя (около 2 м²) с камнями (Носов, Плохов А-1995: рис. 94). В 2013 и 2014 гг. И. И. Еремеевым были проведены полномасштабные раскопки Бронницкого городища, публикующиеся в данной работе.

Паспорт 1986; Татищев 1793; Pallas 1805; Паллас 1809; Озерецковский 1812; Ходаковский 1839; Материалы 1886; О находках А-1908; Романцев 1911: 57, 58; Отчет 1913: 165; Аксенов, рукопись: л. 8, 9; Орлов А-1958а; Орлов 1984; Воронова А-1984: 73; Носов А-1985; Носов, Плохов А-1995; Еремеев 1995; Носов, Плохов, Янссон 1996; Анкудинов 2005: 201; Еремеев, Дзюба 2010; Юшкова 2011.

IX. Бассейн р. Западная Двина

1. Микулино I (Смоленская обл., Руднянский р-н)

Городище расположено на южной окраине деревни на моренном холме, вытянутом с юго-запада на северо-восток. Площадка округлая, размерами 65 × 30–35 м. Высота холма около 15 м. Городок сооружен за счет эскарпировки склонов холма. С напольной, юго-западной стороны над эскарпом на краю площадки насыпан курганообразный вал. Городище раска-

пывалось Е. А. Шмидтом в 1981 г. Близ городища известно селище второй — третьей четверти I тыс. н. э., исследовавшееся им же в 1981–1982 гг.

Поздний горизонт. Представлен находками древнерусского времени: стеклянные браслеты, шиферные пряслица, гончарная керамика XI–XIII вв. (Шмидт 2014: рис. 9, 11, 12).

Ранний горизонт. Связан с поселением ТК, материалы которой представлены лепной толстостенной слабопрофилированной керамикой (Шмидт 2014: рис. 8: 1, 3).

Древнейший горизонт. Образован материалами ДДК. Находки: лепная тонкостенная слабопрофилированная керамика, бронзовая посоховидная булава (Шмидт 2014: рис. 8).

АКР 1997: 235, 236; Шмидт 2014.

2. Жуково-II (Витебская обл., Городокский р-н)

Укрепленное поселение на холме на берегу р. Овсянки (приток р. Усвячи). Размеры площадки 70 × 45 м, имеется информация о существовании на склонах валов. Городище раскапывалось в 1955 г. В. Н. Кузнецовым (вскрыто около 150 м²). Рядом с городищем располагался курганный могильник из 12 полусферических насыпей (Алексеев 1959: 281).

Поздний горизонт. Представлен небольшим количеством лепной гладкостенной керамики КТБ. Имеется фрагмент реберчатой гладкостенной миски (Колосовский, Шарковская 2003: рис. 5: 6). Из находок к этому времени можно отнести железную шпору (Колосовский, Шарковская 2003: рис. 9: 2).

Ранний горизонт. Содержит керамику КШК и ДДК. Выделяются фрагменты лепных сосудов с защипами по венчику, типа древностей среднего слоя Тушемли.

Алексеев 1959: 281; Поболь 1983: 145 (п. 217); Колосовский, Шарковская 2003.

3. Вышедки (Витебская обл., Городокский р-н)

Холмовое городище на мысу оз. Вышедское. Площадка овальная, размерами 40 × 70 м, возвышается над урезом воды на 12 м. С севера и запада на краю площадки сохранился вал высотой до 0,8 м. Надо полагать, это не собственно вал, а выброс грунта с эскарпированного склона, на котором было поставлено некое оборонительное сооружение из дерева (длинная постройка?). В восточной оконечности холма эскарп образовал террасу шириной около 10 м. Мощность культурного слоя на площадке — до 0,6 м.

Рядом с городищем располагается курганный могильник VIII–XII вв. Городище шурфовалось Г. В. Штыховым в 1971 г. В 1991, 1995 и 1996 гг. раскопки на памятнике производил В. О. Шадыра. Вскрытая площадь — 240 м² (Шадыра 2005).

Поздний горизонт. Представлен редкими находками гончарной древнерусской керамики.

Ранний горизонт. К нему относится лепная гладкостенная и подлощенная керамика, соотнесенная автором раскопок с КТБ. Помимо керамики, с этим горизонтом следует связывать находки биконических пряслиц с широким отверстием и вогнутыми гранями и плоскостями (Шадыра 2005: мал. 3: 1–10), ножи с прямой спинкой (Шадыра 2005: мал. 2: 10, 12). По мнению Н. В. Лопатина и А. Г. Фурасьева на городище присутствует керамика с расчесами типа Заозерье (Лопатин, Фурасьев 2007: 121).

Древнейший горизонт. Связан с находками лепной гладкостенной керамики ДДК, а также с находками штрихованной керамики.

Поболь 1983: 143 (н. 199); Список памятников 1990: 48; Штыхаў 1992: 136–142; Археалогія і нумізматыка Беларусі 1993: 144; Шадыра 2005; Лопатин, Фурасьев 2007: 121; Археалогія Беларусі 2009: 199–200; Лопатин 2018 (н. 16).

4. Тerasы

(Псковская обл., Усвятский р-н)

Городище холмового типа на возвышенном мысу восточного берега оз. Ужанье, в 700 м к юго-западу от д. Тerasы. Площадка городища овальная, размерами 40 × 60 м. С севера, юга и востока площадка окружена валом высотой до 1,5 и шириной до 12 м. С запада имеется ров глубиной 3,3 м и шириной 5,5 м, за которым располагается второй вал. С востока холм эскарпирован. В 1971 г. Р. С. Минасян заложил в южной части площадки раскоп размерами 4 × 4 м, выявив культурный слой мощностью до 0,6 м. Найдена тонкостенная лепная керамика, отнесенная к ДДК (Минасян А-1971: л. 1, 2). На иллюстрации к отчету имеется и лепная керамика более позднего облика. Городище расположено на дороге, ведущей с севера к известному селищу Узмень. Поэтому следует предположительно отнести укрепление к середине I тыс. н. э.

Минасян А-1971.

5. Бураково

(Витебская обл., Городокский р-н).

Городище расположено на холме, примыкающем к небольшому болоту. Площадка имеет овальную

форму и размеры 80 × 35 м, возвышается над прилегающей местностью на 16 м (Шут А-1964: л. 3). Мощность слоя в среднем 0,5 м. Склоны холма эскарпированы. Площадка имеет повышенную южную часть (примерно 2/3 длины) и пониженную северную (примерно 1/3 длины). Перепад высот между двумя частями площадки составляет около 2 м. Первоначальное укрепление, возможно, занимало только повышенную площадку. В 1966 г. у ее подножия был найден ров шириной 3–4 м и глубиной 1,5 м (Шут А-1966: л. 22). На позднем этапе существования городища ров был засыпан. Городище открыто А. Н. Лявданским и К. М. Поликарповичем в 1930-е гг. В 1964–1966 гг. раскопки на городище провел К. П. Шут. В северной, пониженной части площадки им вскрыто в общей сложности 148 м². В 1988 г. В. И. Шадыро вскрыл на городище еще 92 м².

При городище находится селище, исследованное К. П. Шутом в 1966 г. (вскрыто 36 м²). Селище имеет материалы, связанные только с поздним горизонтом существования городища (Шут А-1966: л. 25).

Поздний горизонт. Керамика позднего горизонта описана и проанализирована Н. В. Лопатиным. Это преимущественно толстостенная слабопрофилированная посуда с гладкой поверхностью, иногда украшенной расчесами (Лопатин, Фурасьев 2007: рис. 132, 135, 137). Особенностью этого памятника является значительная доля ребристой посуды. Из вещевых находок с этой группой керамики можно предположительно сопоставить бронзовую неорнаментированную трапециевидную подвеску (Шут 1966: рис 6: 3) и железный наконечник копья ланцетовидной формы (Шут 1966: рис. 6: 16)²¹⁹.

Ранний горизонт. Относится к ДДК. Это лепная слабопрофилированная и баночная керамика, часто украшенная ямками или отверстиями на шейке сосуда (Шут А-1964: л. 8). В небольшом количестве встречена штрихованная лепная керамика. Датировка определяется бронзовыми украшениями (Шут 1966: рис. 6: 1, 2).

Древнейший горизонт. Представлен текстильной керамикой из нижних напластований городища (Шут А-1964: л. 5, 8).

Шут А-1964, А-1965; А-1966; Шут 1966; Штыхов 1971: 46; Поболь 1983: 143 (н. 197–198); Левко, Шадыро 1993; Лопатин, Фурасьев 2007: 122; Лопатин 2018 (н. 21).

²¹⁹ Этот наконечник зарисован мною в ВОКМ после очистки. Он имеет, несомненно, ланцетовидное перо, а не ромбическое, как показано в публикации К. П. Шута и во всех последующих воспроизведениях находки.

6. Зароново (Витебская обл., Витебский р-н).

Городище на мысу в излучине р. Утвянки, впадающей в Зароновское озеро, на гряде примерно ориентированной с юга на север. Высота площадки над окружающей местностью 12–15 м. Система укреплений городища к моменту первой профессиональной фиксации оказалась сильно разрушена карьером (Шут А-1964: л. 9–10). Насколько можно понять, городище сооружено на гряде, боковые склоны которой были эскарпированы. На концах площадки были сооружены эскарпы, выброшенная с которых земля образовала на южном и северном концах площадки валы, возвышавшиеся над ней на несколько метров. К моменту осмотра уцелел только северный (как называет его К. П. Шут — «курганообразный» вал, высота которого достигала 5 м (Шут А-1964: л. 13). Ниже этого вала на северном склоне городка вырезаны еще два эскарпа с невысокими (не более 2 м) серповидными в плане валами, образованными так же. Под «курганообразным» валом обнаружен культурный слой, в котором, наряду со шлаками, обнаружен развал лепного слабопрофилированного сосуда второй-третьей четверти I тыс. н. э. (Шут А-1964: рис. 22). Вероятно, система укреплений городка относится к третьей четверти I тыс. н. э. Городище раскапывалось К. П. Шутом в 1964 г. (вскрыто 24 м²).

К юго-востоку от городища располагается селище, лепная керамика которого аналогична посуде позднего горизонта городища (Шут А-1964: л. 24, 25). Селище исследовалось К. П. Шутом, заложившим здесь в 1964 г. 3 шурфа размерами 2 × 2 м.

Поздний горизонт. Представлен лепной гладкостенной слабопрофилированной керамикой. Найдено также 2 фрагмента лощеной керамики (Шут А-1964: л. 12).

Ранний горизонт. Связан с ДДК и представлен лепной тонкостенной керамикой баночных форм, часто украшенной сквозными отверстиями под венчиком, ямочными вдавлениями и нарезными линиями. 11% фрагментов принадлежит штрихованной керамике.

Древнейший горизонт. Представлен находками текстильной керамики, костяной иглой, каменным топором (Шут А-1964: л. 11).

Шут А-1964; Штыхов 1971: 39; Поболь 1983: 135, 136 (n. 128-129); Лопатин 2018 (n. 20).

7. Казиново (Витебская обл., Городокский р-н).

Городище расположено на мысу р. Усыса в ее излучине. Высота площадки над рекой — 15 м. Площадка, по обмерам 1951 г., имела размеры по пери-

метру: 60 × 47 × 26 м (Алексеев 1959: 283). Укрепления городища состояли главным образом из подрезки склонов холма. По его краю располагалась, видимо, обычная для таких городков длинная кольцевая постройка (соответствует раннему горизонту городка). Ее остатки в виде полосы очажных камней и глиняной обмазки были открыты в раскопе О. Н. Левко на северо-западном краю площадки. В 1973 г. Г. В. Штыхов проследил остатки вала и рва (глубиной всего 0,4 м), отделявших городище от расположенного южнее селища. Мощность культурного слоя городища — до 1,5 м. К югу от него в той же излучине реки располагается селище.

Памятник впервые обследован Л. В. Алексеевым в 1951 г. (Алексеев 1959). Раскопки городища производились К. П. Шутом в 1964 г. (28 м²) и О. Н. Левко в 1990 г. (46 м²). Обследование памятника производилось Г. В. Штыховым в 1973 и 1975 гг. В 1975 г. исследователь провел раскопки на селище (вскрыто 40 м²).

Поздний горизонт. Представлен небольшим количеством древнерусской гончарной керамики с площадки городища.

Ранний горизонт. Представлен лепной гладкостенной, преимущественно слабопрофилированной керамикой, иногда украшенной расчесами. К этому горизонту на городище относится биконическое глиняное пряслице с широким отверстием; найденный К. П. Шутом в стенке карьера железный втульчатый наконечник дротика с ромбическим пером; возможно — наконечник стрелы с зубринами в основании пера (Колосовский, Штыхов 2005: рис. 1). На селище этому времени соответствуют долотовидное кресало и еще одно глиняное биконическое пряслице с широким отверстием. На основании анализа керамического комплекса горизонт датирован III–V вв. н. э. (Колосовский, Штыхов 2005: 114). В северо-западной части площадки городища материалы раннего горизонта (с длинной постройкой?) отделены от нижележащих напластований прослойками песка мощностью от 0,1 до 0,8 м (Колосовский, Штыхов 2005: 112). Возможно, прослойка сформировалась при эскарпировке склонов холма.

Древнейший горизонт. Представлен керамикой ДДК, тонкостенными горшками баночных форм и горшками с коротким отогнутым венчиком, украшенными проколами и ямками под венчиком, иногда — линиями, прочерченными палочкой. Отмечено небольшое количество фрагментов, покрытых штриховкой. Выявить укрепления, связанные с этим горизонтом, не удалось.

Алексеев 1959; Шут А-1964; Штыхов 1971: 47; Поболь 1983: 146 (n. 226); Колосовский, Штыхов 2005; Лопатин, Фурасьев 2007; Лопатин 2018 (n. 22).

8. Лужесно (Витебская обл., Витебский р-н).

Городище расположено неподалеку от р. Лужеснянки, впадающей в Западную Двину в 6 км к северу от Витебска. Памятник находится в 700 м от русла Западной Двины на небольшом расширении узкой и обрывистой озовой гряды, лежащей между двумя торфяными болотами. Площадка овальная, размерами примерно 80 × 60 м, ориентирована по направлению юго-запад — северо-восток. Высота площадки над прилегающими участками озовой гряды — 5–6 м, над окружающим болотом — до 15 м. Укрепления состоят из круговой подрезки участка гряды, в результате чего по всему периметру городка образовалась терраса, размыкающаяся только на южном склоне холма, где он особенно крут. У подножия юго-западной оконечности городищенского холма располагается серповидный вал, отделяющий холм от продолжения гряды. По всему периметру площадки городища имеется подсыпка (вероятно, образовавшаяся за счет выброса грунта с эскарпов). Подсыпка придает площадке блюдцеобразную форму. На оконечностях площадки подсыпка повышается, принимая вид невысокого вала (до 1,5 м высотой).

Городище впервые обследовано К. П. Шутом в 1968 г. В 1972 г. городище шурфовалось Г. В. Штыховым (шурф 2 × 4 м). В 1974 г. в северо-восточной части площадки на месте своего шурфа Г. В. Штыхов заложил раскоп площадью 10 × 10 м². Укрепления городища связаны с поздним горизонтом его существования, поскольку под насыпью вала в раскопе 1974 г. обнаружена керамика третьей четверти I тыс. н. э. (Штыхов А-1974: л. 7).

С северо-востока к городищу примыкает селище размерами 150 × 30 м, на котором представлена только лепная керамика третьей четверти I тыс. н. э. В 1972 и 1974 гг. раскапывалось Г. В. Штыховым, вскрыто 204 м² (Штыхаў 2003: 260). В раскопе здесь открыто единственное жилище — частично углубленная в склон гряды полуземлянка с печью-каменкой.

Поздний горизонт. Керамический комплекс (преобладающая слабопрофилированная керамика) и вещевой инвентарь (крупная неорнаментированная трапециевидная привеска, 2 железных долотовидных кресала, бронзовый пинцет с расширяющимися концами, два глиняных биконических пряслица с широкими отверстиями и фрагмент еще одного такого пряслица) указывают на третью четверть I тыс. н. э. О присутствии на городище материалов начала последней четверти I тыс. н. э., возможно, говорит широкая бронзовая трапециевидная подвеска с рельефной каймой по трем сторонам и прессованным многорядным пунктирным орнаментом по нижнему краю, а также некоторые фрагменты гладкостенной профилированной керамики, в том числе развал сосуда 4 группы («ладожского типа»). Подвески с подоб-

ной орнаментацией известны в КСДК. Наиболее приемлемой является, вероятно, датировка позднего горизонта комплекса VII–VIII вв.

Ранний горизонт. Относятся к ДДК и выявлен только на городище (Штыхаў 2003: 259, 260). Помимо керамики представлен находкой серпа с угловатой спинкой.

Штыхов А-1972, А-1974; Штыхаў 1971, 1992, 2003; Поболь 1983: 136 (п. 136-137); Лопатин 2018 (п. 17).

9. Витебск, гор.

Городище Замковая Гора располагалась на левом берегу Витьбы неподалеку от впадения в Западную Двину, по некоторым данным в 150–200 м от нее. Высота горы достигала 15 м, площадь — 0,7 га (Шарковская 2012: 155). Гора скрыта к концу XIX в., ее обмеров и изображений в целом виде не сохранилось. Судя по зарисовке, сделанной после разрушения примерно половины памятника, хранящейся в Архиве ИИМК РАН, это было городище холмового типа с эскарпированными склонами (Алексеев 1959; Еремеев 2015: 27, рис. 4). С юго-востока от подножия городища до Западной Двины на территории Верхнего и Нижнего замков располагалось открытое поселение.

Поздний горизонт. Относится к древнерусскому времени, когда Замковая Гора входила в черту города, возможно в качестве детинца (Бубенько 2012).

Ранний горизонт 2. Представлен единичными фрагментами лепной керамики второй половины I тыс. н. э. из сборов при разрушении городища. Одной из немногочисленных датирующих находок для раннего горизонта 2 может быть уплощенная капле-видная бусина из аметиста, найденная в раскопе Л. В. Колединского на территории Верхнего Замка (Костюкевич 2015). Основное время распространения этих бус в Европе приходится на VI — VIII вв.²²⁰

Ранний горизонт 1. А. Н. Лявданским опубликован развал профилированного лепного сосуда с S-видным профилем, украшенного пальцевыми вдавлениями по краю венчика и защипами по шейке (Бубенько, Левко 2003: рис. 7). Сосуд, видимо, близок к древностям среднего слоя Тушемли, и может быть датирован первой четвертью I тыс. н. э.

Древнейший горизонт. Представлен материалами ДДК. Из случайных находок с городища к этому времени относятся глиняный грузик дьякова типа и железный клювовидный проушной топор (Шарковская 2012: 157, 165).

Лявданскі 1930; Алексеев 1959; Штыхов 1966, 1978; Бубенько 2004, 2012; Бубенько, Левко 2003; Еремеев, Дзюба 2010; Шарковская 2012; Еремеев 2015; Лопатин 2018 (п. 18).

²²⁰ Хронология бус такого типа рассмотрена мною в разделе 6.1.1.7 тома 2.

10. Бароники (Витебская область, Витебский р-н)

Городище на северо-восточной окраине деревни, на левом берегу р. Лучёсы между двумя впадающими в нее ручьями. Площадка имеет размеры 74 × 42 м. Над рекой возвышается на 20 м. Мощность культурного слоя 0,2–0,9 м. Городище защищено валом, имеющим в южной части укрепления высоту 1 м (Штыхаў 2007: 231). Раскопки на городище производил Г. В. Штыхов в 1965 г. (16 м²), в 1972 г. (124 м²), в 2004 г. и в 2006 г. исследователем производились зачистки вала.

Поздний период. В 2006 г. на городище были выявлены фрагменты гончарной керамики, отнесенной Г. В. Штыховым к X в. (Штыхаў 2007: 231).

Ранний период 2. Представлен лепной керамикой, которую Г. В. Штыхов отнес к IV–V вв. н. э., и комплексом украшений, который был открыт в раскопе 1965 г. Найден набор из 3 височных колец. На двух из них сохранилось по 2 трапециевидные подвески.

Ранний период 1. К нему, видимо, относится основная толща напластований. Помимо керамики ДДК к ним связана находка железного ножа с горбатой спинкой, бронзовой умбоновидной подвески, железного проушного топора, так называемого «скифского типа» (Штыхов А-1972: 53). Встречены также фрагменты штрихованной керамики.

Древнейший период. Представлен находками двух шлифованных каменных тесел. Возможно, к этому периоду относятся единичные фрагменты текстильной керамики. Текстильный фрагмент найден в маломощном культурном слое под слоем строительства укреплений городища (Штыхов А-1972: л. 53).

Штыхов А-1972; Штыхов 1966; 1971: 38 (п. 105); Штыхаў 2005: 233; 2007; Поболь 1983: 134 (п. 116); Археалогія і нумізматыка Беларусі 1993: 75.

11. Бескатово (Витебская обл., Городокский р-н)

Городище расположено на восточном краю деревни, в 50 м от р. Овсянница, на холме, возвышающемся на 15 м над окружающей местностью. Мощность культурного слоя до 0,4 м. Площадка округлая в плане размерами 40 × 45 м (испорчена кладбищем) (Шут А-1964: л. 26). Укрепления созданы за счет подрезки склонов природного холма. Рядом с городищем находится селище, отнесенное к банцеровской культуре (Археалогія і нумізматыка Беларусі 1993: 110).

Городище обследовано К. П. Шутом в 1964 г. (Шут А-1964: л. 26). В 0,3 км к востоку от городища расположен курганный могильник с удлиненными курганами VIII–X вв. Раскопки курганов производились Г. В. Штыховым.

Шут А-1964: 26; Шут 1966; Поболь 1983: 142 (п. 192-193); Археалогія і нумізматыка Беларусі 1993: 110; Археалогія Беларусі 2009: 138, 139.

12. Старое Село (Витебская обл., Витебский р-н)

Городище на правом берегу Западной Двины на мысу при впадении ручья, на правом его берегу. Укрепление относится к мысовому типу. Площадка подтреугольная размерами 30 × 70 м. Высота над уровнем воды — около 20 м. С напольной стороны городище защищено рвом и валом, который возвышается над площадкой примерно на 1,2 м. Со стороны ручья склон городищенского холма эскарпирован, в результате чего образовался двухступенчатый эскарп. Верхняя ступень эскарпа переходит в ров. Южная мысовая оконечность холма также эскарпирована, в результате чего на середине высоты склона образовалась терраса шириной около 5 м (Ляўданскі 1930: мал. 29). Таким образом, несмотря на то, что городище относится к мысовому типу, в целом, не характерному для КПДК И КТБ, при обустройстве укреплений использованы традиционные для них приемы ступенчатой эскарпировки склонов городка. С запада к городищу примыкает открытое поселение, которое тянется по берегу Западной Двины. Размеры его 200 × 50 м. На селище насыпана курганная группа, состоящая из круглых и удлиненных курганов.

Городище неоднократно обследовалось и описывалось археологами начиная с А. М. Сементовского. Изображение городища и могильника имеется в альбоме Д. Струкова 1864–1867 гг. (Струков 2011). План городища снят А. Н. Лявданским. Впервые городище раскапывалось им же в 1928 (в мысовой части поперек площадки заложена трашняя площадью 33 м²). В 2000–2001 гг. раскопки на городище проводил П. Н. Подгурский (вскрыто 368 м²).

Поздний горизонт. Является на городке основным фактором формирования культурного слоя. Раскопки выявили остатки трех жилищ (№ 2–4), имевших подпрямоугольные котлованы с горизонтальной поверхностью пола, врезанные в наклонную поверхность материка на глубину 0,16–0,25 м. Размеры котлованов — 4,3 × 4,6 м; 3,08 × 3,6 м; третья постройка попала в раскоп частично. Отличительной особенностью углубленных построек из Старого Села является центральное расположение сложенного из камней отопительного устройства и наличие столбовых ям по периметру котлованов.

По находкам в постройках круглого проволоочно-височного кольца, браслета с расширенными концами, узколезвийного топора, витой гривны, овальной железной пряжки — автор раскопок датировал

их V–VII вв. (Подгурский 2007: 241). Одно жилище, вероятно, представляло собой наземный сруб без углубленной части. От этой постройки прослежена печь-каменка из трех плоских камней, обложенных более мелкими булыжниками. Горизонту соответствует лепная гладкостенная керамика баночных и тюльпановидных форм. Некоторые фрагменты украшены расчесами. Находки: глиняные лощеные биконические пряслица, серпы, конусовидные массивные железные изделия (наковальни?).

Ранний горизонт. Представлен материалами ДДК с элементами КШК (Подгурский 2007: 240). Найдено 3 грузика дьякова типа, железный кельт с круглой втулкой, ножи с горбатой спинкой. Горизонту соответствует баночная и слабопрофилированная гладкостенная керамика. Встречаются обломки ребристых штрихованных сосудов.

Ляўданскі 1930; Шут А-1964: 25; Штыхов 1971: 41 (п. 150); Поболь 1983: 138 (п. 153-154); Археалогія і нумізматыка Беларусі 1993: 587; Подгурский А-2000, А-2001; Подгурский 2007; Лопатин, Фурасев 2007: 122; Струков 2011; Лопатин 2018 (п. 19).

13. Заговалино (Витебская обл., Ушачский р-н)

Городище в 1 км западнее деревни, на холме среди заболоченной местности, в 3 км от левого берега Западной Двины. Площадка округлой формы, размерами примерно 30 × 40 м. Оборонительный эффект городка достигается за счет эскарпировки склонов холма, выброса земли вверх и подсыпки ею краев площадки. На подсыпке на позднем этапе жизни городка возведены были столбовые оборонительные сооружения. Изнутри к ним примыкала кольцевая постройка с отопительными сооружениями, сложенными из камней. Эскарпы заметны в виде террас примерно на половине склона северной и западной сторон городищенского холма. Городище раскапывалось К. П. Шутом в 1966 г. (вскрыто 200 м²).

Поздний горизонт. Представлен гладкостенной лепной керамикой слабопрофилированных форм. Из находок, которые можно соотнести с этим горизонтом, следует отметить железный наконечник втульчатого двушипного дротика, обломки двух серпов, два пряслица с широким отверстием (Шут А-1966: рис. 41).

Ранний горизонт. Связан с многочисленной лепной керамикой ДДК.

Древнейший горизонт. Представлен фрагментами двух каменных топоров и шлифованным теслом.

Шут А-1966; Поболь 1983: 190 (п. 646); Археалогія Беларусі 2009: 348.

14. Кордон (Витебская обл., Шумилинский р-н)

Городище расположено на правом берегу Западной Двины на узком мысу при впадении ручья. Размеры мыса 120 × 25 м. Можно допустить, что большая часть городка разрушена разливами Западной Двины (Поболь 1983: 197; Кенько 2019: 105). Высота площадки над ней — около 15 м. С напольной стороны прослеживаются остатки вала и рва. Выше и ниже городища на том же берегу реки располагаются два обширные селища (соответственно I и II). Раскопки на городище проведены О. Н. Левко в 2016 г. (36 м²). Тогда же было заложено несколько шурфов. Раскопки проведены также на обоих селищах. Полученные здесь материалы могут косвенно подкреплять датировку городка.

Поздний горизонт. Выделяется на городище, содержит гончарную керамику X–XII вв. (Кенько 2019: 108, рис. 3).

Ранний горизонт 2. Представлен на городище комплексами с лепной керамикой предположительно VIII–X вв. (Кенько 2019: рис. 2). С городища и селищ происходят многочисленные изделия скандинавских типов, византийские и арабские монеты, свидетельствующие о торгово-ремесленном характере комплекса поселений.

Среди опубликованных материалов городища находки древнее последней четверти I тыс. н. э. не представлены. Фрагменты лепной керамики, называемые авторами раскопок «керамикой банцеровского облика» (Левко и др. 2019: 328; Кенько 2019: 107) пока не опубликованы. Тем не менее, нет сомнений, что городище использовалось в середине — третьей четверти I тыс. н. э. Это можно уверенно предполагать по наличию ранних горизонтов на селище I.

Ранний горизонт 1. Горизонт выделяется на селище I по комплексу бляшек из свинцово-оловянистого сплава, предположительно VI–VIII вв. (Левко 2019: 95; Левко и др. 2019: 358, рис. 12).

Древнейший горизонт. Представлен лепной керамикой с расчесами типа Заозерье с открытого поселения (Левко и др. 2019: рис. 11: 1–6). На городище при зачистке материка найден серебряный динарий Марка Аврелия (164 г. н. э.) (Левко 2019: 94; Левко и др. 2019: 325).

Алексеев 1959: 280; Поболь 1983: 197 (п. 707); Бубенько 2019; Дернович 2019; Кенько, Дернович 2019; Левко 2019; Левко и др. 2019; Шадыро, Кенько 2019.

15. Полоцк, г.

Небольшое укрепление расположено на мысу в излучине левого берега Полоты приблизительно в 1000 м от ее устья. По Г. В. Штыхову размеры городища — 73 × 75 м. Его верхняя, основная, площадка

имеет размеры 75 × 40 м (Штыхов 1975: 21). На городище проводили раскопки: А. Н. Лявданский (1928 г.), Л. Д. Поболь (1959 г.), Г. В. Штыхов (1960 и 1962 гг.), С. В. Тарасов (1989 г.), Д. В. Дука (2007 г.) и М. В. Климов (2009 г.).

В раскопе 1962 г. представлена стратиграфия древнейших укреплений городища. Они представляют собой невысокий вал, сложенный на краю площадки из светло-серого песка. Высота его была менее 1 м. Такие незначительные земляные подсыпки, крепившие основания деревянных стен, характерны для городищ КТБ и КПДК. С внутренней стороны вала прослежен валунный наброс, связанный, вероятно, с кольцевой постройкой, шедшей по периметру площадки. В культурном слое найдено некоторое количество слабопрофилированной лепной керамики второй–третьей четверти I тыс. н. э. (Штыхов 1975: рис. 16: 1, 11; Дука 2009: мал. 8: 4; 11).

Позднее вал был подсыпан слоем красной глины толщиной чуть более полуметра, в которой с напольной стороны обнаружено скопление валунов, по мнению автора раскопок, предохранявших насыпь от появления оползней. Подсыпка относится, видимо, уже к последней четверти I тыс. н. э., поскольку прямо на ней лежит слой пожарища, в котором найдены фрагменты профилированной лепной керамики VIII–X вв., в том числе — целый лепной сосуд (Штыхов 1975: рис. 13). Пожарище представляет собой остатки какого-то деревянного укрепления (как пишет автор раскопок, «прослойки угля от сгоревших бревен или досок»), шедшего по гребню вала. Сразу же над развалом укреплений «в слое пожарища, оплывшего к обрыву», найдены фрагменты гончарной высококачественной керамики с «манжетовидным» венчиком и линейным орнаментом (Штыхов 1975: 25, рис. 16: 21). В Гнёздове такая керамика появляется во второй половине X в. (Мурашева, Авдусина 2007: 24). Вероятно, на эту дату следует ориентироваться и при анализе полоцких материалов. Впрочем, подобные сосуды могли использоваться и в XI–XII вв.

Таким образом, как минимум до середины X в. укрепления Полоцкого городища были очень незначительны — высота вала составляла всего около 1,5 м. По сути дела, оборонительные сооружения ненамного превосходили по своей мощности укрепление КТБ. Во второй половине X–XI в. (судя по совместным находкам в подсыпках лепной и гончарной керамики) вал городища неоднократно подсыпался (Штыхов 1975: 25). Его максимальная высота со стороны площадки достигала примерно 3 м, т. е. в эпоху Брячислава и Всеслава Полоцкого это было уже значительное укрепление.

О мощности культурного слоя VIII–X вв. на городище дают представление три раскопа — Г. В. Штыхова (1962 г.), Д. В. Дука (2007 г.) и М. В. Климова (2009 г.).

Из чертежа, приводимого первым исследователем, можно допустить, что возле вала слой последней четверти I тыс. н. э. достигает 1,5 м (Штыхов 1975: 24, рис. 12). Данные о толщине напластований этого времени чуть дальше от вала в сторону центра площадки городища получены в раскопе Д. В. Дука в 2007 г. Удалось установить, что на материке здесь лежит «пласт светло-серой органики» мощностью до 0,5 м (нижний стратиграфический пласт, по Д. В. Дуку) с редкими фрагментами лепной керамики и костями животных (Дука 2009: 260). Этот горизонт относится к городищу ДДК (Дука 2009: 264). Выше лежит слой рыхлого грунта толщиной около 1,4 м, в котором лепная керамика I тыс. н. э. перемешана с фрагментами гончарной посуды XI–XII вв. (Дука 2009: 260). Явно выраженного культурного слоя VIII–X вв. исследователю обнаружить здесь не удалось. К этому времени автором раскопок отнесена лишь одна материковая яма (№ 3), из которой происходит выразительный комплекс профилированной лепной керамики (Дука 2009: 264, мал. 10). Данные раскопок Д. В. Дука говорят о незначительной мощности напластований VIII–X вв. на площадке, а также о том, что они переотложены в более позднее время.

Шурф М. В. Климова 2009 г. располагался в центральной части городища и имел площадь 8 м². Выяснилось, что мощность слоя составляет около 2 м и он совершенно переотложен погребениями XVII–XVIII вв. (Клімаў, Куляшоў 2011: мал. 2). В материке была зафиксирована яма, из которой происходит фрагмент саманидского дирхема (не ранее середины X в.) (Клімаў, Куляшоў 2011: мал. 4: 4). Тот факт, что эта яма врезалась в материк, говорит о том, что напластования более раннего времени здесь были невелики по толщине.

Общий вывод, который можно сделать по вышеприведенным материалам, — культурный слой городища последней четверти I тыс. н. э. отложился преимущественно близ вала. Жизнь в центральной части площадки протекала менее интенсивно. Все это говорит об архаичности планировки раннего Полоцка, еще в X в. напоминавшего банцеровские городки. На городище найдено пять арабских монет. Первый (фрагментированный) дирхем был подобран вне контекста в 1978 г. В. А. Булкиным (Булкин и др. 1979: 431). Остальные четыре происходят из шурфа М. В. Климова 2009 г. Об одной из монет говорилось выше, три другие обнаружены вне четкой стратиграфической привязки. Последние отнесены Вяч. С. Кулешовым к первому периоду обращения дирхемов (Клімаў, Куляшоў 2011). Из других важных культурно-хронологических индикаторов следует упомянуть серебряную поясную бляшку X–XI вв. из раскопок А. Н. Лявданского и ланцетовидный наконечник стре-

лы того же времени из раскопок Г. В. Штыхова. Обе вещи также не имеют контекста (Штыхов 1975: 22, 26). Даже если предположить датировку вещевых находок временем ранее середины X в., они дают нам картину достаточно рядового древнерусского городища типа Рокот или Новоселки на Смоленщине, Холопий Городок и Городище Георгий с Городком на Маяте на Ильмене, или Надбелье и Городец в Полоужье. Вероятно, интенсивность жизни на Полоцком городище резко повысилась во второй половине X в., что явствует из начавшегося активного фортификационного строительства. Тогда Полоцк и начинает выделяться среди прочих славянских «городков» вроде вышеупомянутых. Именно применительно к этому времени можно очень осторожно заводить речь о «городском» характере полоцких укреплений.

Штыхов 1975; Булкин и др. 1979; Дук 2009; Клімаў, Куляшоў 2011; Еремеев 2015; Лопатин 2018 (п. 28).

16. Замосье (Витебская обл., Полоцкий р-н)

Городище на холме высотой 13–14 м посреди заболоченной местности. Размеры площадки 53×37 м. Склоны холма эскарпированы. Раскопки производились Г. В. Штыховым в 1974 и 1978 гг. (136 м²) и В. И. Шадырой (500 м²). Мощность слоя до 2,5 м.

Поздний горизонт. Представлен находками лепной гладкостенной керамики БК (Поболь 1983: 173). Представительная серия сосудов с округлым плечиком и коротким венчиком может быть отнесена к группе 1 (Шадыра 1985: рис. 50: 2–8). Из вещевого материала, который может иметь отношение к этому периоду, следует отметить фрагмент двушипного дротика (Шадыра 1985: рис. 37: 4).

Ранний горизонт. Содержит материалы ДДК и КШК (Шадыра 1985: рис. 50–53).

Древнейший горизонт. Представлен материалами II — первой половины I тыс. до н. э.

Алексеев 1959: 296; Шадыра 1980; Поболь 1983: 173 (п. 480); Шадыра 1985; Археологія Беларусі 2009: 352, 353.

17. Новое Село (Витебская обл., Сенненский р-н)

Городище расположено в 1,1 км к западу от деревни на правом берегу р. Свяча в лесу, на холме. Площадка овальная размерами 90×42 м. Превышение над прилегающей местностью — 9 м. Укрепления, согласно описанию, П. Н. Подгурского, состоят из двух серповидных валов (высотой 0,5–1 м) и рва между ними, сооруженных с северо-запада и юго-востока холма. Близ городища известны 3 курганных могиль-

ника, в составе которых есть длинные насыпи. Городище раскапывалось П. Н. Подгурским в 2002–2007 гг. (вскрыто 662 м²).

Поздний горизонт. Представлен находками профилированной лепной керамики КСДК, двумя ланцетовидными наконечниками стрел IX–X вв. (Археологія Беларусі 2011: 136).

Ранний горизонт 2. Связан с находками гладкостенной слабопрофилированной посуды второй–третьей четверти I тыс. н. э. Возможно, к этому периоду относится втульчатый двушипный наконечник стрелы (Подгурский 2005: 229), наконечник железного двушипного дротика и бритва с черенком, отогнутым противоположно лезвию (Подгурский 2007: 206).

Ранний горизонт 1. Представлен материалами ДДК (керамика, фибула с подвязанной ножкой и пластинчатым иглоприемником, грузик дьякова типа, посоховидные булавки).

Древнейший горизонт. Связан с незначительными по числу находками текстильной керамики и единичных кремневых отщепов.

Подгурский 2004, 2005, 2007а, 2016; Лопатин, Фурасьев 2007; Археологія Беларусі 2011: 136; Лопатин 2018 (п. 26).

18. Клишино (Минская обл., Крупский р-н)

Городище на острове в оз. Селява в 1,7 км к югу от д. Яновщина (остров образовался при строительстве ГЭС). Укрепление построено на вытянутом с юга на север холме высотой 8–10 м над уровнем озера. Холм разрезан рвом глубиной до 5 м таким образом, что сформировались две подтреугольные площадки, обращенные друг к другу широкой частью. Площадка 1 (северная) имеет размеры 25×60 м. С юга имеется вал высотой до 2 м, шириной до 5 м. Площадка 2 (южная) имеет размеры 20×85 м (Археологія Беларусі 2009: 455). Мощность культурного слоя 0,2–2,0 м. Раскопки на городище производил В. О. Шадыра в 1999 и 2000-х гг. На северной площадке вскрыто более 650 м² (Археологія Беларусі 2009: 455; Шадыра, Махнач 2009: мал. 1; Шадыра 2016: 199). К северу от городища расположено селище размерами примерно 40×35 м. Исследовалось В. О. Шадырой в 2006–2008 гг.

Поздний горизонт 1. Представлен древнерусскими материалами XI–XIII вв.

Поздний горизонт 2. Находка дирхема, отнесенного к концу IX в. (Шадыра 2004: 115), говорит об использовании городка в IX–X вв., хотя культурный слой этого времени автором раскопок не выделяется. Однако, в комплексе лепной гладкостенной посуды присутствуют профилированные формы с коротким

отогнутым венчиком, которые могут быть датированы VIII–X вв. (Шадыра, Махнач 2009: мал. 6: 6–11). Вероятно, к этому же времени относится находка фрагмента бронзовой подковообразной фибулы с тордированной дужкой, имеющей параллель на городище Курская Гора под Новгородом (Шадыра 2007: мал. 1: 5).

Ранний горизонт. Основная толща напластований городища отнесена автором раскопок к киевской и банцеровской культуре III — VIII вв. Слой содержит лепную гладкостенную слабопрофилированную и цилиндрическую керамику. Встречено несколько фрагментов гладкостенных реберчатых сосудов (Шадыра, Махнач 2009: мал. 4–6). Массовым материалом являются глиняные биконические пряслица с широким отверстием (Шадыра 2007: мал. 1). Из находок наиболее интересен клад женских украшений (бронзовые спиральки и браслеты с расширяющимися концами, серебряные перстнеобразные височные кольца из круглой в сечении проволоки со слегка расширенными концами), которые автор датирует VI–VII вв. (Шадыра 2004а: 290).

Древнейший горизонт. Представлен материалами ДДК и некоторым количеством штрихованной керамики, грузиками дьякова типа.

Начальный горизонт. Выделяется по немногочисленному кремневому инвентарю и керамике эпохи бронзы.

Штыхов 1971: 178 (п. 237); Поболь 1983: 361 (п. 187–188); Шадыра 2004, 2004а, 2005а, 2007, 2011, 2016; Шадыра, Махнач 2009; Лопатин, Фурасев 2007; Археологія Беларусі 2009: 454, 455; Археологическое наследие Беларуси 2012: 54; Лопатин 2018 (п. 24).

19. Кострица (Витебская обл., Лепельский р-н)

Городище на холме в пойме безымянной речки. Площадка овальной формы размерами 44 × 24 м. Высота площадки над поймой — 20 м. Мощность культурного слоя от 0,2 до 1,0 м. Укрепления построены путем эскарпировки склонов холма. С северной стороны городища примерно в 4 м ниже площадки образовалась терраса шириной около 3 м. Городище полностью раскопано К. П. Шутом в 1965 г. (вскрыто 696 м²). Судя по отчету (Шут А-1965) раскопки, имевшие спасательный характер, велись небрежно. Поэтому, несмотря на большую исследованную площадь, материалы городища до сих пор не введены в полноценный научный оборот.

По периметру площадки городища была раскрыта кольцевая постройка, отапливавшаяся, вероятно, печами-каменками. Автор раскопок отмечает «беспорядочное скопление камней в виде широких полос (2–3 м), идущих вдоль и вблизи склонов» (Шут А-1965:

л. 6). Постройка имела столбовую конструкцию. Многочисленные крупные столбовые ямы зафиксированы по периметру площадки. Основание этой постройки, вероятно, периодически возобновлявшейся, неоднократно подсыпалось грунтом. В нескольких местах на краях площадки удалось зафиксировать отопительные сооружения, но они, скорее всего, относятся к ДДК.

Поздний горизонт 2. Представлен находками XI–XIII вв. (гончарная керамика, топор, пружинные ножницы, целая и фрагментированная подковообразные фибулы).

Поздний горизонт 1. Среди древнерусских находок имеются предметы, указывающие на X в., в частности, ланцетовидный наконечник стрелы (Штыхов 1966: рис. 7: 2).

Ранний горизонт. Именно в нем лежит полоса камней (развалы печей-каменок, отапливавших длинный дом). К этому периоду можно отнести слабопрофилированную гладкостенную керамику (Шут 1966: рис. 4), нож с прямой спинкой, серп (Шут А-1965: рис. 22: 3). Надо отметить, что оценить количество керамики «типа Замковой горы» (так автор раскопок называет керамику V–VI вв.) в раскопках К. П. Шута по иллюстрациям к отчету невозможно. К. П. Шут отмечает, что количество ее было незначительно. Этот горизонт В. И. Шадыро и А. А. Седин относят к БК (Археологія Беларусі 2009: 429; Седин 2011: 5).

Древнейший горизонт. Представлен материалами ДДК и незначительным количеством штрихованной лепной посуды (примерно 2% от общего количества лепной керамики). К этому же горизонту относятся грузики дьякова типа, два серповидных ножа (Шут 1965: рис. 22: 5, 6) и серп с коленчатой спинкой, посоховидные булавки.

Шут А-1965; Шут 1966; Штыхов 1966, 1971: 57 (п. 381); Поболь 1983: 159 (п. 355–357); Археологія і нумізматыка Беларусі 1993: 315; Харитонович 2008; Археологія Беларусі 2009: 429; Седин 2011; Лопатин 2018 (п. 25).

20. Боровно (Витебская обл., Лепельский р-н)

Городище в 1 км к северо-востоку от деревни на левом берегу безымянной речки, впадающей в р. Улла. Городок сооружен на холме высотой 5–10 м, с севера круто обрывающемся к реке. С запада к нему примыкает торфяное болото. Площадка округлая, размерами 35 × 37 м. Укрепления состоят из ступенчатых эскарпов на восточном и западном склонах холма (соответственно с одной и двумя террасами). С южной, напольной стороны над эскарпом сооружен серповидный в плане вал. Ширина его до 10 м, высота со стороны площадки — 1,2–1,3 м. С внешней стороны высота вала

достигает 2,5–3 м. Прорезка вала А. Г. Митрофановым показала, что он был крайне незначителен по высоте и представлял, видимо, выброс грунта с эскарпа. Первоначальный вал из желтого песка, насыпанный на культурном слое ДДК (?), имел высоту не более 1,1 м. В третьей четверти I тыс. н. э. вал был дважды подсыпан — первый раз на высоту от 0,1 до 0,65 м, второй раз — на высоту от 0,25 до 0,7 м. Судя по опубликованному чертежу, большая часть этого грунта сползла вниз, образовав на южном склоне городища слой мощностью до 1,6 м (Харитонович 2011: рис. 3). Раскопки на городище провел А. Г. Митрофанов в 1976 г. (вскрыто 96 м²).

Поздний период. Представлен материалами БК: лепными слабопрофилированными и цилиндрическими сосудами, биконическими глиняными пряслицами с широким отверстием и ножом с прямой спинкой (Харитонович 2011: рис. 4–6).

Ранний период. Связан с ДДК. К раннему комплексу относится железный коленчатый серп, грузик дьякова типа, тонкостенная керамика с гладкой и штрихованной поверхностью.

Харитонович 2008, 2011; Археологія Беларусі 2009: 111, 112; Седин 2011.

21. Августово (Звезда) (Витебская обл., Лепельский р-н)

Городище в 1,5 км к юго-востоку от деревни на низком мысовом холме в заболоченной пойме. Высота холма — 3 м, размеры округлой площадки 35 × 30 м. Мощность культурного слоя до 1 м. Склоны холма эскарпированы. Городище исследовалось А. Г. Митрофановым в 1953 г. (вскрыто 24 м²). Поблизости имеется могильник с длинными курганами (Поболь 1983: 156).

На городище найден железный втульчатый двушипный дротик и топор так называемого южно-прибалтийского типа (Митрофанов 1969: рис. 2: 1, 2). Комплекс вооружения датируется, скорее всего, первой четвертью I тыс. н. э. Керамика, по указанию А. Г. Митрофанова, штрихованная. В публикации, однако, приведен ряд гладкостенных венчиков сосудов с округлым плечиком (Митрофанов 1969: рис. 2: 10, 11). Датировка городища нуждается в уточнении.

Алексеев 1959: 291, 292; Поболь 1983: 156 (п. 336); Митрофанов 1969; Харитонович 2008; Археологія Беларусі 2009: 371–372.

22. Лепель-3, Старый Лепель (Витебская обл., Лепельский р-н)

Городище расположено на острове в озере, на холме высотой 10–15 м над уровнем воды. Площадка овальная, размеры ее 37 × 44 м. Склоны холма подрезаны, с южной стороны у подножия прослеживается

участок вала высотой 1 м и шириной около 3 м. С южной стороны к городищу примыкает селище. В шурфах встречена лепная керамика третьей четверти I тыс. н. э. (Харытановіч 2011: 302). Городище раскапывалось З. А. Харитонович в 2008 г. (вскрыто 48 м²).

Поздний горизонт. Датирован автором раскопок второй четвертью I тыс. н. э. на основании находок фрагмента наконечника двушипного дротика, двух перстнеобразных височных колец (из круглой и ромбической в сечении бронзовой проволоки) и фрагментов реберчатой лощеной керамики (Харытановіч 2011: 302). Конечно, городище использовалось обитателями селища и в третьей четверти I тыс. н. э.

Ранний горизонт. Отнесен на основании материалов того же раскопа к ДДК около рубежа эр (по находке двух серпов восточнолитовского типа). Найдены фрагменты лепной штрихованной керамики.

Древнейший горизонт. Его наличие можно допустить, исходя из находки фрагмента каменного шлифованного тесла.

Харытановіч 2011; Археологія Беларусі 2011: 12.

23. Язно (Витебская обл., Миорский р-н)

Городище на берегу оз. Малое Язно. Площадка размерами 90 × 42 м укреплена с трех сторон валом и рвом. Городище раскапывалось А. Г. Митрофановым в 1955 и 1961 гг. (вскрыто 428 м²).

Поздний горизонт. Относится к БК. Находки этого времени — лепная керамика, фрагмент двушипного дротика (Шадыро 1985: рис. 37: 6), бронзовые спиральки (Шадыро 1985: рис. 42: 20), ножи с прямой спинкой (Шадыро 1985: рис. 35: 7). Найдено также четыре втульчатых двушипных наконечника стрел (Шадыро 2006: табл. 15: 12–15) и две трапециевидные подвески с циркульным орнаментом и тиснением по нижнему краю, прикрепленные к проволочному бизовидному держателю (Археологія і нумізматыка Беларусі 1993: 672). Двушипные стрелы и последняя находка позволяют предполагать существование городища в VIII–IX вв.

Ранний горизонт. Представлен бытовым инвентарем и керамикой ДДК (Шадыро 1985: рис. 46: 1).

Поболь 1983: 165 (п. 415); Шадыро 1985; Шадыро 2006; Археологія і нумізматыка Беларусі 1993; Археологія Беларусі 2011: 448.

24. Городок, оз. Неvido (Витебская обл., Полоцкий р-н)

Городище расположено на южном берегу озера при устье ручья. Размеры овальной площадки 35 × 50 м. В южной части городища сохранились остатки вала. Исследовалось В. И. Шадырой в 1979 и 1981 гг. (около 100 м²).

Поздний горизонт. Представлен находками древнерусской гончарной керамики.

Ранний горизонт. Содержит материалы БК. Из находок опубликована железная шпора, биконическое глиняное пряслице с широким отверстием, железный серп (Шадыра 2006: табл. 15: 40; 17: 1).

Древнейший горизонт. Относится к ДДК.

Поболь 1983: 172 (п. 476); Археологія і нумізматыка Беларусі 1993: 162, 163; Шадыра 2006; Археологія Беларусі 2009: 228.

25. Свила 1 (Витебская обл., Глубокский р-н)

Городище на холме на заболоченном берегу озера. Размеры площадки 100×80 м, высота холма — 13–15 м. Система укреплений состоит из трех кольцевых валов и двух рвов. Местами валы достигают ширины 15 м при высоте до 2,5–3 м, а рвы соответственно 10 и 3 м (Митрофанов А-1974: 43). В 1974 г. городище исследовалось А. Г. Митрофановым, вскрывшим здесь 168 м² (Митрафанау, Каробушкіна 1975). Позднее раскопки были продолжены В. И. Шадыро (Шадыра 2006).

Поздний горизонт. Представлен предметами последней четверти I тыс. н. э.: профилированной керамикой (Еремеев 2015: рис. 43: 7–12), высокими биконическими пряслицами с узким отверстием, ланцетовидной стрелой с упором (Еремеев 2015: рис. 44: 7). Позднему горизонту соответствуют округлые материковые ямы на площадке городища, связанные с жилищами. В одной из них (яма 1) найден целый профилированный горшок с зернами ржи. На площадке найдено два погребения по обряду кремации на стороне. Погребение № 1 оказалось безынвентарным. Инвентарь погребения № 2, совершенного в неглубокой ямке в культурном слое: втульчатый двушипный наконечник стрелы и два проволочных височных кольца с завитком (Еремеев 2015: рис. 44: 4–6).

Ранний горизонт. Раскопки выявили следы кольцевой постройки третьей четверти I тыс. н. э., шедшей по краю холма. В коллекции из раскопок А. Г. Митрофанова представлен слабопрофилированной керамикой и биконическими пряслицами с широким отверстием (Еремеев 2015: рис. 43: 1–6; рис. 44: 2, 3). Особый интерес представляет находка из раскопок В. И. Шадыро — трехрогая подвеска-лунница (Еремеев 2015: рис. 44: 1), находящая аналогии в Витебске (на литейной формочке), на Банцеровском городище и на памятниках Верхневолжья (Родинкова 2003: рис. 2; Исланова 2007: 314).

Митрофанов А-1974; Митрафанау, Каробушкіна 1975; Поболь 1983: 141 (п. 183); Шадыра 2006; Археологія Беларусі 2011: 283; Еремеев 2015; Лопатин 2018 (п. 29).

26. Черная Лоза (Витебская обл., Чашникский р-н)

Городище на холме. Размеры площадки 62×52 м. С юга и запада она укреплена двойным валом и рвом. Шурфовка на городище произведена П. М. Кенько в 2006 и 2009 гг. По находкам лепной гладкостенной и штрихованной керамики городище датировано I–V вв. н. э. (Археологія Беларусі 2011: 405).

Близ городища известно селище, шурфовки которого выполнены в 2007 и 2008 гг. П. М. Кенько. Выявлены бусы, украшения в стиле выемчатых эмалей и керамические материалы, отнесенные автором исследований к киевским древностям типа Абидни, и датированные III в. н. э. (Кенько 2016: 262).

Поболь 1983: 196 (п. 699), Археологія Беларусі 2011: 405, 406; Кенько 2016.

27. Варганы (Витебская обл., Докшицкий р-н)

Городище возле деревни. Размеры площадки 60×50 м. Неоднократно обследовалось, выявлены материалы ДДК, КШК и БК. При городище расположено селище. Последнее исследовалось Г. В. Штыховым в 1965 г. (72 м²). На селище выявлены материалы БК. Из датирующих находок имеются две каменные литейные формы для отливки украшений из свинцово-оловянистых сплавов, три глиняных биконических пряслца с широким отверстием, серп с отогнутой пяткой (Археологія і нумізматыка Беларусі 1993: 114). Возле поселений известно три курганных группы.

Поболь 1983: 151, 152 (п. 273); Штыхаў 1992; Археологія і нумізматыка Беларусі 1993; Шадыро 2006; Археологія Беларусі 2009: 145.

28. Ратюнки (Витебская обл., Браславский р-н)

Городище расположено на холме в равнинном рельефе. Высота холма 8–12 м. Площадка городища овальная размерами 36×40 м. Мощност культурного слоя на ней до 1,1 м, по краям площадки, за счет подсыпок — значительно больше. Городище укреплено за счет эскарпировки склонов с северной, западной и восточной сторон. В 1978, 1979, 1981 гг. городище раскапывала Л. В. Дучиц (вскрыто 252 м²). С 1999 г. исследования городища проводил А. А. Егорейченко. Общая вскрытая им площадь — 854 м².

О характере укреплений городища дает представление профиль, полученный путем прорезки траншеи напластований его северного склона (Дучиц, Митрофанов 1994: рис. 1). Профиль выявил неровности склона, являющиеся, видимо, следами неглубоких неоднократных подрезок. При этом грунт с эскарпа выбрасывался (частично или полностью — неясно)

вверх на край площадки, образуя маломощные линзы песка (не менее трех) в культурном слое. В результате, на краю площадки образовался валик, придающий ей блюдцеобразную вогнутую форму. В основании траншеи на северном склоне городища на глубине 1,5 м зафиксирован развал углей и обугленных бревен, интерпретированных Л. В. Дучиц как остатки оборонительной стены (Дучиц, Митрофанов 1994: 163).

С юга к городищу примыкает селище. Шурф Л. В. Дучиц показал наличие на нем лепной слабопрофилированной керамики БК. Здесь же найдены два глиняных биконических пряслица с широким отверстием (Дучиц, Митрофанов 1994: 180).

Поздний горизонт. Относится к древнерусскому времени. Керамика гончарная с волнистым орнаментом. Из находок XII–XIII вв. отметим шиферные пряслица и несколько фрагментов стеклянных браслетов, редкая находка на сельских памятниках.

Ранний горизонт 2. Выделяется по находке дирхема с односторонней чеканкой (Саманиды, Самарканд, вторая половина IX в. — определение В. Н. Рябцевича) (Егорейченко 2003: 266). К IX–XI вв. может быть отнесен также нож с длинным черенком 4-й группы по Р. С. Минасяну, изготовленный в технике трехслойного пакета (Гурин 1987: 51, 52; Дучиц, Митрофанов 1994: рис. 4: 1).

Ранний горизонт 1. Представлен слабопрофилированной лепной керамикой, отнесенной А. А. Егорейченко к третьей четверти I тыс. н. э. Датированные находки для этого периода: глиняное биконическое пряслице с широким отверстием (Дучиц, Митрофанов 1994: рис. 4: 21), В-образная пряжка (Егорейченко 2004: 292).

Древнейший горизонт. Определяется материалами КШК и ДДК. Время начального освоения холма представлено находками фрагментов глиняных форм для отливки шейных гривен, характерных для рубежа эпохи бронзы и РЖВ.

Поболь 1983: 128 (п. 57); Гурин 1987: 51, 52; Дучиц, Митрофанов 1994; Шадыро 2000; Егорейченко 2003, 2004, 2014; Археологія Беларусі 2011: 255-257.

29. Зазоны (Витебская обл., Браславский р-н)

Городище на южной окраине деревни на холме высотой 10–12 м. Площадка овальная, размерами 40 × 50 м. Укрепления образованы путем подрезки склонов. На оконечности холма, где его первоначальный склон был наиболее пологим, заметен слабо выраженный террасовидный эскарп²²¹. Городище раскапывалось А. А. Егорейченко в 1995–2000 гг. (вскрыто 434 м²). При городище к западу располо-

жено селище. В 1995–2000 гг. А. А. Егорейченко исследовал здесь 312 м². Автор раскопок датирует селище IV–X вв. Особый интерес представляют найденные здесь остатки глинобитной печи (Егорейченко 2011: 28).

Поздний горизонт. Представлен находками, характерными для КСДК VIII–X вв.: профилированная гладкостенная керамика с коротким отогнутым венчиком, трапециевидные подвески, умбоновидная бляха с тисненым орнаментом (Егорейченко 2011: рис.: 7). По находке многогранной весовой гири финал поселения может быть отнесен к IX–X вв.

Ранний горизонт. Датирован второй–третьей четвертью I тыс. н. э., представлен гладкостенной лепной посудой. Встречена также облитая и шероховатая керамика. Датированные находки — железная овальная пряжка и бронзовый браслет с расширяющимися концами (Егорейченко 2011: рис. 1: 12).

Древнейший горизонт. Связан с КШК.

Поболь 1983: 127 (п. 40); Егорейченко 1996, 2011, 2013, 2014; Археологія Беларусі 2009:349, 350.

30. Барсуки (Витебская обл., Верхнедвинский р-н)

Городище в 0,25 км от правого берега Западной Двины. Площадка округлая, размерами 34 × 36 м, окружена тремя концентрическими валами и рвами. Раскопки городища производил В. И. Шадыро в 1975, 1976, 1981 гг. (500 м²). Рядом с городищем — селище с керамикой третьей четверти I тыс. н. э.

Поздний горизонт. Представлен материалами БК. Характерные находки: бритва с прямым черенком (Шадыро 1985: 61, рис. 40: 8), аналогичная находке с городища Горани, и обломок узколезвийного топора. Среди лепной керамики встречаются сосуды, близкие группе 1 (Археологія Беларусі 2009: 89).

Ранний горизонт. Содержит материалы ДДК.

Поболь 1983: 130 (п. 79); Шадыра 1985; Археологія Беларусі 2009: 89.

31. Прудники (Витебская обл., Миорский р-н)

Городище Замок на берегу р. Вяты в 1,5 км от места ее впадения в Западную Двину, на холме. Площадка подовальной формы размерами 118 × 65 м. В юго-западной ее части сохранился вал высотой 4,2 м и шириной 20 м; следы валов имеются и на других участках по периметру площадки. Раскопки на городище проводились А. Г. Митрофановым в 1974 г., и В. О. Шадырой в 1977, 1983–1999 гг. Всего на городище исследовано 950 м². При городище располагается селище, также неоднократно исследовавшееся раскопками (Шадыра 1993).

²²¹ Деталь выявлена во время нашего осмотра городища совместно с Н. А. Плавинским в 2006 г.

Поздний горизонт представлен материалами древнерусского времени.

Ранний горизонт 3 включает материалы VIII–X вв. Сюда относятся ножи 4 группы по Р. С. Минасяну (Шадыро 2006: табл. 13: II: 13, 15), трапецевидные подвески поздних типов (Шадыро 2006: табл. 31: 18, 20), двушипные втульчатые наконечники стрел (Шадыро, Ласкавый 1994: 218, рис. 2: 1), скандинавские односторонние наборные гребни второй группы по О. И. Давидан (Шадыро 2001: рис. 4: 9) и ледоходные шипы. Лепная керамика, насколько можно судить по скудным публикациям, представлена сосудами группы 1 (Шадыро 2001: рис. 9: 10). Отличительной особенностью городища является большое количество стрел скандинавских типов, попавших, возможно, в культурный слой крепости во время ее штурма (Плавинский 2013). Опубликованы определения 6 дирхемов из раскопок В. И. Шадыро на городище и селище (Милютин, Шадыро 1994): 1. Аббасиды, ал-Махди (775–785 гг.); 2. Аббасиды, ар-Рашид (786–809 гг.), Мадинат ас-Салам, 804/805 г.; 3. Аббасиды, ал-Мутасим (833–842 гг.), Мерв, 834/835 г.; 4. Аббасиды, ал-Мутаид (892–902 гг.); 5. Саманиды, Исмаил ибн Ахмад (892–907 гг.), аш-Шаш, 905/906 г.; 6. Саманиды, Самарканд, 892–940 гг. Вероятно, к этому же периоду относятся формочки для изготовления украшений из свинцово-оловянистых сплавов, двушипные дротики, черешковый и втульчатый (Шадыро 2001: рис. 7: 1, 3). Впрочем, эти предметы могут относиться и к более раннему горизонту.

Ранний горизонт 2. Исследователи неоднократно упоминали о присутствии на городище материалов середины — третьей четверти I тыс. н. э. (Археологія Беларусі 2011: 226), но находки этого времени немногочисленны. К ним можно отнести серию стамесковидных кресал (Шадыро 2006: 56, табл. 14: I: 1, 2, 4) и, возможно, трехсоставные удила (Шадыро 2001: 272; 2006: 60, табл. 15: II: 37; Шадыро 2009: 117). С этим периодом соотносится лепная керамика баночных форм (Шадыро 2001: рис. 9: 1–9). Значительную долю керамики на поселении составляет посуда с «облитой» поверхностью, характерная для населения территорий Литвы и Латвии в I н. э. Автор раскопок считает, что на городище Прудники эта керамика используется на всем протяжении второй половины I тыс. н. э. (Шадыро 2009: 115). Эта черта позволяет рассматривать городище Прудники как памятник на славянско-латгальском пограничье в Подвинье.

Ранний горизонт 1 содержит материалы ДДК, предположительно первой четверти I тыс. н. э. Датированная находка — монета Адриана (119–122 гг. н. э.) (Поболь 1983: 164).

Поболь 1983: 164 (п. 407); Шадыро 2009; Шадыро, Ласкавый 1994; Шадыро 1993, 2000, 2001; Милютин,

Шадыро 1994; Археологія Беларусі 2011: 225–226; Плавінскі, Шадыра 2011; Плавинский 2013.

32. Браслав (Витебская обл., Браславский р-н)

Городище Замковая Гора расположено на холме высотой 14 м между озерами Дривято и Новято. Размеры платообразной площадки 100 × 200 м. Склоны плато, изрезанные оврагами, имеют следы эскарпировки. Площадка окружена фрагментарно сохранившимся валом высотой от 3 до 9 м. Вальные укрепления относятся к древнерусскому времени и к более поздней эпохе. Исследовалось Л. В. Алексеевым в 1955–1956 гг. (раскопано около 400 м²), Г. М. Семенчуком и М. А. Ткачевым в 1989–1990 гг. (500 м²).

Поздний горизонт. Связан с литовским периодом в истории города (XIV–XVII вв.).

Ранний горизонт 2. Относится к древнерусскому времени XI–XIII вв. (Алексеев 1960: Штыхов 1978: 57, 58).

Ранний горизонт 1. В раскопе Л. В. Алексеева в материковых ямах и в нижней части культурного слоя встречена лепная керамика VIII–X вв. (Алексеев 1960: рис. 46: 43), а также обломки раннегончарных сосудов (Алексеев 2006: 72). Выразительная серия лепной керамики этого периода, относящейся к первой группе по нашей типологии, опубликована Н. А. Плавинским (Плавінскі 2017: мал. 138).

Древнейший горизонт. Г. М. Семенчук выделяет на городище материалы третьей четверти I тыс. н. э. (Археологія і нумізматыка Беларусі 1993: 95). К этому периоду относится, по его мнению, груболепная керамика со слабо отогнутым венчиком (Семянчук 1997: 63).

Алексеев 1960, 1966, 2006; Штыхов 1978; Поболь 1983: 125 (п. 24); Археологія і нумізматыка Беларусі 1993: 95, 96; Семянчук 1997; Археологія Беларусі 2009: 115, 116; Шарковская 2012а; Плавінскі 2010а, 2017.

33. Укля, Тарилово (Витебская обл., Браславский р-н)

Городище на берегу оз. Укля на холме высотой около 16 м. Имеет овальную площадку размерами 35 × 40 м. Северная часть городищенского холма укреплена эскарпом. Городок исследовался А. А. Егорейченко в 1992–1994 гг. (178 м²).

Поздний горизонт. Представлен фрагментами гладкостенных баночных сосудов, а также облитой и шероховатой лепной керамики, отнесенной А. А. Егорейченко к середине — третьей четверти I тыс. н. э. Из датированных находок к этому периоду относится железная шпора с крючками и бронзовая трапецевидная

видная подвеска с пунсонным точечным орнаментом по периметру (Егорейченко 2017: рис. 11: 2).

Ранний горизонт. Представлен керамикой ДДК и КШК.

Рядом с городищем имеется селище, раскопки на котором провел В. И. Шадыра в 1990 и 1992 гг. (180 м²). Выявлен материал, синхронный городищенскому с преобладанием материалов середины — третьей четверти I тыс. н. э. При этом удалось собрать ряд находок, уточняющих верхнюю границу комплекса, в частности, каменную формочку для отливки круглых ажурных подвесок из свинцово-оловянистого сплава середины-второй половины I тыс. н. э. (Шадыра 2006: табл. 16: II: 3).

Поболь 1983: 129 (пп. 69–70); Археологія і нумізматыка Беларусі 1993: 625; Шадыра 2000, 2006; Археологія Беларусі 2011: 346, 347; Егорейченко 2017.

Х. Бассейн р. Березина

1. Бирули (Витебская обл., Докшицкий р-н)

Городище на оконечности возвышенности высотой около 10 м. Укреплено двумя валами с северной, напольной стороны. Внутренний вал на краю площадки имеет ширину 7 м и высоту 0,6–0,7 м. Внешний вал, в котором имеется разрыв, достигает ширины 12 м при высоте 1,5–2 м (Харытонович 2014: 252, мал. 1). Помимо этого, на восточном склоне городищенского холма читается терраса эскарпа. К городищу примыкает селище. Городище исследовалось З. Д. Харитонович в 2011 (32 м²) и 2012 (48 м²) гг.

Поздний этап. Представлен немногочисленными фрагментами гончарной древнерусской керамики (Харытонович 2014: 256), лепной гладкостенной профилированной керамикой (Харытонович 2013: мал. 2: 7–11), поясной позолоченной накладкой и бронзовой трапециевидной подвеской позднего типа с тисненым орнаментом, железной трубочкой для фитиля с завитком (Харытонович 2013: мал. 1: 7, 8, 10). Сюда же, возможно, относится найденный в раскопе 2 арабский дирхем (Аббасиды, ар-Рашид, Мадинат-ас-Салам, 803 г. н. э.) (Харытонович 2014: 255).

Ранний этап. В раскопе 2 на краю площадки выявлены следы кольцевой постройки в виде полосы очажных камней (Харытонович 2014: 255). К этому же времени могут относиться провололочные височные кольца, бронзовая спиральная пронизка, биконические пряслица с широким отверстием, фрагмент железного пинцета с расширяющимися концами (Харытонович 2013: мал. 1: 4–6). Культурный горизонт относится к БК.

Древнейший этап. Представлен керамикой, характерной для ДДК и КШК.

Поболь 1983: 151 (п. 272); Археологія Беларусі 2009: 108, 109; Харытонович 2013, 2014.

XI. Бассейн верхнего течения р. Виляя

1. Ревячка (Минская обл., Мядельский р-н)

Городище расположено в 1 км на восток от деревни на правом берегу р. Сервеч, в пойме. Занимает холм высотой 2,5–3 м над уровнем воды. Мощность культурного слоя 0,6–1,0 м. Площадка овальной формы размерами 70 × 33 м, ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. С северо-восточной стороны на краю площадки имеется возвышение, рассматриваемое как следы вала (Мядведзеў 1999: 37). Рядом с городищем известны два селища. Городище раскапывалось А. М. Медведевым в 1997 г. (60 м²).

Поздний горизонт. Относится ко второй — третьей четверти I тыс. н. э. Среди находок присутствует биконическое лощеное пряслице с широким отверстием (Мядведзеў 1999: мал. 4: 4) и гладкостенная лепная керамика, как слабопрофилированная (Мядведзеў 1999: мал. 6: 5), так и ребристая четвертой группы (Мядведзеў 1999: мал. 6: 3, мал. 7: 5). Автор раскопок полагает, что в керамическом комплексе прослеживается формирование банцеровской культуры на основе КШК (Мядведзеў 1999: 39). Найдено большое число фрагментов глиняной обмазки, железные шлаки.

Ранний горизонт. Относится к КШК.

Древнейший горизонт. Представлен керамическими фрагментами эпохи бронзы.

Штыхов 1971: 196 (п. 4670; Митрофанов 1978; Поболь 1983: 376 (п. 348); Мядведзеў 1999; Звяруга 2005; Лопатин, Фурасьев 2007: 125, 126; Археологія Беларусі 2011: 242.

2. Горани (Гродненская обл., Сморгонский р-н)

Городище находится на западном берегу оз. Свирь на мысу. Имеет треугольную площадку размерами 75 × 60 м, возвышающуюся на 7–12 м. Склоны холма эскарпированы, с напольной стороны городище было защищено валом (не сохранившимся). Городок раскопан Я. Г. Зверугой в 1978–1981 гг. (680 м²).

Поздний горизонт. К нему можно привязать немногочисленную лепную слабопрофилированную гладкостенную керамику (Звяруга 2005: мал. 21: 5), предположительно второй — третьей четверти I тыс. н. э. К этому же горизонту можно отнести

железную бритву с прямым черенком (Звяруга 2005: 13, мал. 4: 20), имеющую аналогию на городище Барсуки (Шадыро 1985: 61, рис. 40: 1) и на селище Узмень (Еремеев, Фурасьев 2021: ил. 9). Датированными находками являются также три втульчатых двушипных наконечника стрел с тордированной шейкой и проушной узколезвийный топор (Звяруга 2005: мал. 15: 10–12, 32).²²²

Ранний горизонт. Представлен материалами КШК.

Древнейший горизонт. Дал серию находок каменных шлифованных орудий эпохи бронзы, кремневых наконечников стрел.

Поболь 1983: 341 (п. 310); Медведев 1996; Звяруга 2005; Археалогія Беларусі 2009: 231, 232.

---

²²² Автор раскопок считал, что стрелы попали на городище случайно, и не имеют отношения к его культурному слою.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Таблицы отбора образцов для радиоуглеродного анализа на средневековых поселениях и в болотных разрезах Северо-Запада (материалы для синхронизации археологических и природных объектов)

2.1. Материалы поселений

ГОРОДИЩЕ ГЕОРГИЙ						
№	№ образца*	Квадрат	Контекст	Характеристика образца	Индекс	Датировка, ВР
1	28	6, 7	Комплекс	Уголь	Ле-3460	1070 ± 40
2	29	2, 3	Комплекс	Уголь	Ле-3461	1190 ± 50
3	30	—	Траншея, сектор Ж, прослойка, глубина 2,5 – 3,0 м	Уголь	Ле-3934	1020 ± 70
4	31	—	Траншея, секторы А-Б, темно-серый углистый слой	Уголь	Ле-3935	1050 ± 50
5	32	34, 37	Углистая прослойка на дне сооружения	Уголь	Ле-3937	1075 ± 40
6	33	31, 34	Глинисто-углистая прослойка	Уголь	Ле-3938	1080 ± 30
7	34	13, 14, 18, 19	Яма. Верхняя часть заполнения	Уголь	Ле-3939	1010 ± 60
8	35	13, 14, 18, 19	Яма. Нижняя часть заполнения	Уголь	Ле-3940	1100 ± 40
9	36	39, 40	Яма	Уголь	Ле-3941	1030 ± 50
10	37	24, 25	Постройка, углистый слой	Уголь	Ле-3942	1080 ± 40
11	38	16	Культурный слой	Уголь	Ле-3943	1050 ± 50
12	39	—	Траншея, сектор Д, глубина 0,1 – 0,3 м	Уголь	Ле-3936	2350 ± 70

* В этой графе приводится № образца по публикации (Попов, Зайцева 1994: 181–182).

БРОНИЦКОЕ ГОРОДИЩЕ 2013-2014

№	Год	№ образца*	Квадрат	Пласт	Высотная отметка, см**	Контекст	Характеристика образца	Индекс	Датировка, ВР
1	2013	1	—	—	-252 – (-262)	Раскоп 1. Комплекс I. Центральная часть.	Углистая супесь с включениями мелких угольков	Ле-10363	1250 ± 50
2	2013	2	В-2	—	-267 – (-270)	Раскоп 1. Комплекс I. Южная часть. Второй ярус горизонта камней	Мелкие угли	Ле-10364	1430 ± 50
3	2014	1	В ^б - 17 ^б , Б ^б - 17 ^б	4	-441 – (-449)	Раскоп 1. Комплекс VII. Заполнение (темно-серая супесь)	Карбонизированная деревянная плаха	Ле-10730	820 ± 60
4	2014	2	Б ^б - 17 ^б	4	-455	Раскоп 1. Комплекс VII. Заполнение (темно-серая супесь)	Карбонизированная деревянная плаха. Та же (?), что и № 1-2014	Ле-10731	950 ± 50
5	2014	3	2	3	-87	Раскоп 3. Культурный слой между камнями над комплексом I (серая мелкодисперсная супесь)	Отдельные угольки в культурном слое	Ле-10732	1070 ± 70
6	2014	5	—	—	-416	Раскоп 1. Комплекс VI. Слой черной супеси под печкой-каменной	Мелкие угли	Ле-10734	1340 ± 60
7	2014	6	В ^б - 18 ^б	7	-467 – (-480)	Раскоп 1. Комплекс VII. Слой желто-бурой супеси в заполнении комплекса. Угольки лежат почти на материковом склоне западины (от материка их отделяют 2-4 см)	Отдельные скопления угольков с 3 точек. Их координаты (х-у-г): 1. 119 – 180 – (-467-480) 2. 160 – 180 – (-467-480) 3. 143 – 190 – (-467-480)	Ле-10735	1640 ± 80
8	2014	8	В ^б - 17 ^б	10	-496 – (-504)	Раскоп 1. Комплекс VII	Обугленная в пожаре внешняя часть выгнившего изнутри бревна	Ле-10737	1190 ± 80
9	2014	9	В ^б - 17 ^б	10	-504 и -506	Раскоп 1. Комплекс VII	Два крупных куса угля в 0,4 м друг от друга	Ле-10738	1610 ± 70
10	2014	10	Б ^б - 17 ^б	10	-496	Раскоп 1. Комплекс VII. На краю западины, на склоне	Два куса угля	Ле-10739	1450 ± 100
11	2014	11	Г ^б - 20 ^б	—	-546 – (-564)	Раскоп 1. Комплекс XI, пласт 2. Слой серого суглинка	Разрозненные мелкие угольки	Ле-10740	1320 ± 90
12	2014	12	Г ^б - 22 ^б	—	-245 – (-249)	Раскоп 1. Яма № 5, верхняя часть (круглая столбовая яма, забитая камнями)	Угли	Ле-10741	1540 ± 100
13	2014	13	Г ^б - 22 ^б	—	—	Раскоп 1. Яма № 5, нижняя часть (круглая столбовая яма, забитая камнями). Серый суглинок	Разрозненные мелкие угли среди каменной забутовки	Ле-10742	1260 ± 150
14	2014	14	—	—	—	Раскоп 1. Комплекс IX, пласт 2. Светло-серый суглинок на полу постройки	Разрозненные мелкие угольки	Ле-10743	1460 ± 65

* В этой графе во всех таблицах приводится № образца по полевой документации.

** От условного репера.

ЛИПЕНСКИЙ ХОЛМ 2016 (ШУРФ 1)

№	Год	№ образца	Квадрат	Высотная отметка, м БС	Контекст	Характеристика образца	Индекс	Датировка, ВР
1	2016	10	1	21,29	Кострище (углубленный в грунт очажок) с серповидной зольной линзой выдува	Гумусированная супесь с золой и мелкими угольками	Ле-11425	1320 ± 80

РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ 2002 (РАСКОП Е. Н. НОСОВА НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ СИВЕРСОВА КАНАЛА)

№	Год	№ образца	Квадрат	Высотная отметка, см*	Высота, м БС	Контекст	Характеристика образца	Индекс	Датировка, ВР
1	2002	3	85	-113	19,29	Слой красной супеси	Дерево 150 – 70 – (-113)	Ле-7240	1225 ± 20
2	2002	9	54, 54а	-142	19	Слой органики с включениями серо-голубой глины. Координаты: 140 – 20 – (-142)	Бревно на границе квадратов 54 и 54а. Образец взят из части бревна, расположенной в квадрате 54	Ле-7239	1187 ± 26
3	2002	12	54а	-130	19,12	Слой органики с голубой глиной	Бревно. Образец взят в кв. 54а. Координаты: 60/100 – 100/200 – (-130)	Ле-7241	1200 ± 20
4	2002	14	30	-180	18,62	Слой органики	Деревянный кол Образец взят по координатам: 20/100 – 80 – (-175/-205)	Ле-7243	1170 ± 40
5	2002	16	42	-235/-256	18,07/ 17,86	Слой красной и сине-серой глины с включениями органики	Бревно. Образец взят по координатам: 50/75 – 100/160 – (-235/-256)	Ле-7242	1170 ± 35

* От условного репера, установленного в 1994 г. на отметке 20,42 м БС.

РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ 2016 (БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ РАСКОП)

№	Год	№ образца	Квадрат	Пласт	Высотная отметка, см*	Контекст	Характеристика образца	Индекс	Датировка, ВР
1	2016	1	Г-3	22	-479	Желтая мешаная супесь под линзой серого супесчаного культурного слоя с угольками, осколками костей и обожженными камнями	Крупный кусок угля Координаты: 112 – 60 – (-469)	Ле-11416	1680 ± 100
2	2016	2	Г-3	23	-469	Линза серого, с угольками, супесчаного культурного слоя (присутствует лепная керамика, обожженные камни и осколки костей животных)	Обугленная деревянная плаха	Ле-11417	1220 ± 20
3	2016	3	Г-3	23	-471	Линза серого, с угольками, супесчаного культурного слоя	Обугленная деревянная плаха	Ле-11418	1320 ± 70
4	2016	4	Г-3	24	-482	Пятно серой супеси с угольками	Карбонизированная береста	Ле-11419	1130 ± 35
5	2016	5	В-4	—	-488	Комплекс VII. Верхняя часть заполнения комплекса (серая супесь с обожженными камнями)	Обугленная деревянная плаха	Ле-11420	1640 ± 160
6	2016	6	Б-2	—	-471	Углистое пятно на поверхности террасы эскарпа	Отдельные мелкие угольки с площади примерно 1×1 м	Ле-11421	1280 ± 35
7	2016	7	В-4	—	-513	Комплекс VII. Нижняя часть заполнения: предматериковый делювиальный слой	Обугленная деревянная плашка	Ле-11422	1100 ± 160
8	2016	8	А-4	—	-136 - (-379)	Столбовая материковая яма № 7 под пахотным горизонтом	Обугленное основание массивного столба (образец разделен на две части и продатирован дважды отдельно)	Ле-11423	2650 ± 25 2900 ± 60
9	2016	9	Граница квадратов Б-3 и В-3	—	-479 - (-475)	На материке в основании склона эскарпа (в месте перехода его в террасу). Палка заплывла песком со склона эскарпа	Карбонизированная палка (до 5 см в поперечнике и 0,7 м длиной)	Ле-11424	1270 ± 70

* От условного репера.

СЕЛИЩЕ СИТНО 2016

№	Год	№ образ-ца	Квад-рат	Высотная отметка, м ^б	Высота, м БС	Контекст	Характеристика образца	Индекс	Дати-ровка, ВР
РАЗРЕЗ 1									
1	2016	1	Г-30	-0,14	18,80	Горизонт торфа 3 (нижний) со щепой, ветками, колотыми и обожженными камнями	Фрагмент подтесанного кола	Ле-11504	430±80
2	2016	2	Г-30	-0,21 – (-0,20)	18,73–18,70	Горизонт торфа 3 (нижний)	Ветка дерева	Ле-11505	1150±50
3	2016	3	Г-30	-0,32 – (-0,18)	18,62–18,76	Горизонт торфа 3 (нижний)	Обтесанный кол	Ле-11506	1155±25
4	2016	4	Г-31	-0,31 – (-0,22)	18,63–18,72	Горизонт торфа 3 (нижний)	Палка	Ле-11507	1050±50
5	2016	5	Г-31	-0,47 – (-0,50)	18,47–18,44	Горизонт торфа 3 (нижний). На границе с серо-голубой глиной, подстилающей торфяник	Ветки дерева	Ле-11508	1090±30
6	2016	6	Г-30	0,62 – 0,56	19,56–19,50	Горизонт торфа 1 (верхний)	Торф	Ле-11509	190±100
7	2016	7	Г-30	0,23 – 0,17	19,17–19,11	Горизонт торфа 2 (средний)	Торф	Ле-11510	840±50
8	2016	8	Г-30	-0,40 – (-0,45)	18,54–18,49	Горизонт торфа 3 (нижний)	Торф	Ле-11511	1850±90
9	2016	9	Г-30	-0,30	18,64	Горизонт торфа 2 (нижний)	Щепа	Ле-11512	1250±30
10	2016	10	Г-30	0,39 – 0,39	19,33–19,33	Горизонт торфа 2 (средний)	Щепа	Ле-11513	740±60
11	2016	11	Г-30	0,47 – 0,42	19,41–19,36	Горизонт торфа 2 (средний)	Щепа	Ле-11514	460±40
12	2016	12	Г-30	0,56	19,50	Горизонт торфа 2 (средний)	Щепа	Ле-11515	560±55
13	2016	13	Г-30	0,62	19,56	Горизонт торфа 2 (средний)	Щепа	Ле-11516	340±60
14	2016	14	Г-30	0,74 – 0,75	19,68–19,69	Горизонт торфа 2 (средний)	Щепа	Ле-11517	430±60
15	2016	15	Г-30	0,97 – 0,97	19,91–19,91	Горизонт торфа 1 (верхний)	Деревянная плашка	Ле-11518	200±45
РАЗРЕЗ 2									
16	2016	16	—	0,59	19,53	Ранний торфяник под серо-голубой глиной	Торф	Ле-11519	10340±60
КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ									
17	2016	17	—	—	—	Заполнение комплекса XXIX	Отдельные мелкие угольки	Ле-11520	1070±35
18	2016	18	—	—	—	Заполнение комплекса XXXI	Отдельные мелкие угольки	Ле-11521	1200±45
19	2016	19	Д-19	—	—	Комплекс XXXI, пласт 2	Головешка	Ле-11522	1110±60
20	2016	19а	Д-19	4,13	23,07	Комплекс XXXI, пласт 2	Головешка, как индивидуальная находка (оп. № 729)	Ле-11536	1210±90
21	2016	20	—	—	—	Заполнение комплекса XXXIX	Отдельные мелкие угольки	Ле-11523	1100±100
22	2016	21	В-4	—	—	Заполнение комплекса IV. Пласт 1	Небольшие угли	Ле-11569	685±55

ГОРОДИЩЕ ГОРОДОК НА МАЯТЕ (2003-2008)

№	Год	№ образца	Квадрат	Высотная отметка, см*	Контекст	Характеристика образца	Индекс	Датировка, ВР
1	2003	3	В-4	-81/-85 – -75/-80	Слой пожара (углистый гумусированный горизонт между пахотой и бурым культурным слоем)	Бревно, уголь	Ле-6717	1285±20
2		4	В-4	-76/-81	Слой пожара (углистый гумусированный горизонт между пахотой и бурым культурным слоем). Рядом с образцом 3	Плашка, уголь	Ле-7168	1150±50
3		5	В-4	-81/-83 – -76/-83	На поверхности буро-го культурного слоя	Фрагмент бревна, уголь	Ле-6718	390±25
4	2004	1	Г-6	-112	Дно частокольной канавки	Плашка, уголь. Ель (р. Picea)	Ле-7064	2270±60
5		2	Г-6	-100/-107	Дно частокольной канавки	Плашка, уголь. Ель (р. Picea)	Ле-7065	2380±35
6		3	В-6	-118	Дно частокольной канавки	Плашка, уголь. Ель (р. Picea)	Ле-7066	2450±120
7		4	В-6	-104	Дно частокольной канавки	Плашка, уголь. Ель (р. Picea)	Ле-7067	2480±50
8		5	К-19	210	Первый ярус внутривальных конструкций. Фрагмент обугленного бревна поперечного наката	Бревно, уголь. Береза (р. Betula)	Ле-7068	1440±25
9		6	К-18	196	Первый ярус внутривальных конструкций. Фрагмент обугленного бревна поперечного наката	Бревно, уголь. Береза (р. Betula)	Ле-7069	1475±35
10		7	К-19	206/209	Первый ярус внутривальных конструкций. Фрагмент обугленного бревна продольного наката	Бревно, уголь. Осина (р. Poulus)	Ле-7070	1650±30
11		8	И-19	194/200	Первый ярус внутривальных конструкций. Фрагмент обугленного бревна поперечного наката	Бревно, уголь. Осина (р. Poulus)	Ле-7071	1470±25
12	2005	6	Д-1	-107/-110	Комплекс VII, пласт 3. Обноска южной стены котлована полуземлянки. Темно-серая супесь	Плашки, уголь	Ле-7403	1650±35
13		8	Е-1'	-108/-114	Комплекс VII, пласт 2. Обноска восточной стены котлована полуземлянки. Темно-серая супесь	Плашки, уголь	Ле-7404	1730±70

* От условного репера.

Продолжение

ГОРОДИЩЕ ГОРОДОК НА МАЯТЕ (2003-2008)								
№	Год	№ образца	Квадрат	Высотная отметка, см*	Контекст	Характеристика образца	Индекс	Датировка, ВР
14		9	Д-1'	-115/-116	Комплекс VII, пласт 2. Обноска северной стены котлована полуземлянки. Темно-серая супесь	Плашки, уголь	Ле-7405 Объединены в один образец	1700±35
15		10	Д-1'	-113/-123	Комплекс VII, пласт 2. Обноска северной стены котлована полуземлянки. Темно-серая супесь на границе с материковым дном и стенкой ямы	Плашки, уголь		
16		11	Е-4	-89/-82	Комплекс XIII, пласт 2. Темно-серая супесь	Плашка, уголь. На плашке лежит железная кольцевидная фибула	Ле-7406	1170±30
17		29	И-19	133-141	Бревенчатые внутривальные конструкции. Второй (поперечный) накат второго яруса конструкций	Бревно, уголь. Внешние годовичные кольца 1-6	Ле-7471	1690±50
18	Кольца 7-12					Ле-7472	1450±25	
19	Кольца 13-18					Ле-7473	1680±50	
20	Кольца 19-24					Ле-7474	1465±60	
21	Кольца 25-30					Ле-7475	1480±50	
22		39	К-19	140/150	Бревенчатые внутривальные конструкции. Третий (продольный) накат второго яруса конструкций	Березовое бревно, уголь. Кора	Ле-7407а	1540±30
23	Внешние годовичные кольца (1,5 см)					Ле-7407б	1610±80	
24		4	И-16, И-17	149/151	Бревенчатые внутривальные конструкции. Ограждение внутренней стороны вала	Плаха, уголь. Внешние годовичные кольца. Ель (р. Picea) 56 л.	Ле-8231	1350±30
25		10	И-16	128/136	Бревенчатые внутривальные конструкции. Ограждение внутренней стороны вала	Бревно, уголь. Внешние годовичные кольца. Ель (р. Picea), 70 л.	Ле-8232	1410±25
26		12	К-15	119/121	Бревенчатые внутривальные конструкции. Ограждение внутренней стороны вала. В глубине развала бревен	Бревно, уголь. Внешние годовичные кольца. Ель (р. Picea), 57 л.	Ле-8233	1375±30
27		13	К-15	121	Бревенчатые внутривальные конструкции. Ограждение внутренней стороны вала. В глубине развала бревен	Бревно, уголь. Внешние годовичные кольца. Ель (р. Picea), 46 л.	Ле-8230	1420±35
28		14	И-17	140/142	Бревенчатые внутривальные конструкции. Ограждение внутренней стороны вала. В глубине развала бревен	Бревно, уголь. Внешние годовичные кольца. Ель (р. Picea), 58 л.	Ле-8238	1530±55

ГОРОДИЩЕ ГОРОДОК НА МАЯТЕ (2003-2008)

№	Год	№ образца	Квадрат	Высотная отметка, см*	Контекст	Характеристика образца	Индекс	Датировка, ВР
29		20	К-15	115/116	Бревенчатые внутривальные конструкции. Ограждение внутренней стороны вала	Бревно, уголь. Внешние годовичные кольца. Ель (р.Picea), 55 л.	Ле-8234	1335±20
30		21	К-15	121	Бревенчатые внутривальные конструкции. Ограждение внутренней стороны вала	Бревно, уголь. Внешние годовичные кольца. Ель (р.Picea), 51 л.	Ле-8235	1480±30
31		35	К-15	113/119	Бревенчатые внутривальные конструкции. Внутренний (со стороны площадки городища) ряд бревенчатой кладки	Бревно, уголь. Внешние годовичные кольца. Ель (р.Picea), 63 л.	Ле-8237	1445±25
32		43	Е-11	17	Комплекс XXII. Обноска северной стены котлована полуземлянки	Плашка, уголь	Ле-7586	1540±40
33		44	Ж-11	17/18	Комплекс XXII. Обноска северной стены котлована полуземлянки	Плашки, уголь	Ле-7587	1520±65
34		45	Е-11	10	Комплекс XXII. Обноска западной стены котлована полуземлянки	Плашка, уголь	Ле-7588	1910±100
35		46	Ж-11	17/15	Комплекс XXII. Фрагменты обугленных плашек с пола котлована полуземлянки	Плашки, уголь	Ле-7589	1330±140
36		47	К-19	45	Первоначальная оборонительная стена. Опорный столб	Бревно. Уголь. Остатки бревна диаметром 16 см, выгнутые внутри (заполнены желтым песком)	Ле-7590	1550±25
37		48	К-19	73	Первоначальная оборонительная стена	Бревно, уголь	Ле-7591	1585±25
38		49	К-19	67	Первоначальная оборонительная стена. Доска ограждения, упавшая плашмя	Доска, уголь	Ле-7592	1820±25
39		50	И-20	59	Первоначальная оборонительная стена. Доска ограждения, упавшая плашмя	Доска, уголь	Ле-7593	1560±40
40		51	И-20	62	Первоначальная оборонительная стена. Доска ограждения, упавшая плашмя в месте перелома забора в сторону площадки городища	Доска, уголь	Ле-7594	1590±25
41	2007	1	К-19	66-59	Первоначальная оборонительная стена. Бревно, лежавшее под опорным столбом (элемент внутреннего каркаса)	Бревно, уголь	Ле-8228	1560±35

Продолжение

ГОРОДИЩЕ ГОРОДОК НА МАЯТЕ (2003-2008)

№	Год	№ образ-ца	Квад-рат	Высотная отметка, см*	Контекст	Характеристика образца	Индекс	Датировка, ВР
42		2	К-19	67	Первоначальная оборонительная стена. Плаха-горбыль в составе стены	Плаха, уголь	Ле-8229	1435±30
43	2008	1	М-6'	-160	Скопление углей на дне комплекса XXIV-3	Уголь	Ле-8485	1140±30
44		2	М-6'	-160	Бревно на дне комплекса XXIV-3	Уголь	Ле-8486	1120±30
45		3	К-6'	-177-(-178)	Плаха в комплексе XXIX (пласт 4)	Уголь	Ле-8487	1275±20
46		5	К-4'	-130-(-131)	Фрагменты бревен обноски восточной стены котлована полуземлянки (комплекс XXIV), в юго-восточном углу котлована в месте угловой врубки	Уголь	Ле-8489	1610±35
47		6	Селище В-5	-328-(-329)	Древесина из углистого слоя, перекрывающего напластования середины – третьей четверти I тыс.н.э.	Уголь	Ле-8490	785±40

ГОРОДИЩЕ КРЮКИ (2001)

№	Год	№ образ-ца	Контекст	Характеристика образца	Индекс	Датировка, ВР
1	2001	1	Очаг углубленной в материк постройки	Угли	Ле-6714	1860 ± 30

2.2. Материалы природных объектов

РАЗРЕЗ ОЗЕРНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ур. ЯМНО (ЗАЛИВ ЯМНО В ДЕЛЬТЕ р. МСТА) 2014 г.

№	Индекс образца	Глубина отбора от поверхности, см	Материал	Датировка, ВР	Калиброванный возраст 68,2% вероятность	Калиброванный возраст 95,4% вероятность	Примечания
1	Ле-10825	10 – 13	Сапропель	—	—	—	Недостаточно органики для получения бензола
2	Ле-10826	20 – 23	Сапропель	2250±160	550BC (68,2%) 50BC	800BC (94,5%) 100AD	
3	Ле-10827	30 – 33	Сапропель	1960±200	250BC (68,2%) 350AD	400BC (94,5%) 550AD	
4	Ле-10828	40 – 43	Сапропель	400±100	1400AD (68,2%) 1650AD	1300AD (93,9%) 1700AD 1750AD (1,5%) 1850AD	
5	Ле-10829	50 – 53	Сапропель	220±130	1500AD (68,2%) 1950AD	1450AD (95,4%) 2000AD	
6	Ле-10830	60 – 63	Сапропель	—	—	—	Недостаточно органики для получения бензола
7	Ле-10831	70 – 73	Сапропель	1380±100	550AD (68,2%) 800AD	400AD (95,4%) 900AD	
8	Ле-10832	80 – 83	Сапропель	405±160	1300AD (68,2%) 1700AD	1250AD (95,4%) 1950AD	
9	Ле-10833	90 – 93	Сапропель	570±140	1250AD (68,2%) 1500AD	1150AD (95,4%) 1650AD	
10	Ле-10834	10 – 103	Сапропель	1040±105	850AD (68,2%) 1200AD	700AD (95,4%) 1250AD	
Дер. 1	Ле-11163	109 – 125	Дерево	1490±40	500AD (68,2%) 650AD	400AD (95,4%) 650 AD	Фрагмент внешней части ствола дерева из южной части шурфа
Дер. 2	Ле-10365	155 – 166	Дерево	2540±90	810BC (68,2%) 520BC	830BC (95,4%) 400BC	Фрагмент внешней части ствола березы (с корой) из северной части шурфа
Дер. 3	Ле-11164	171 – 180	Дерево	3050±40	1390BC (68,2%) 1260BC	1420BC (95,4%) 1200 BC	Фрагмент корневища (?) дерева из центральной части шурфа

ВЕРХНЯЯ ЧАСТЬ НАВОЛОКСКОГО ТОРФЯНИКА (2008)

№	Индекс образца	Глубина отбора от поверхности, см	Материал	Датировка, ВР	Калиброванный возраст 68,2% вероятность	Калиброванный возраст 95,4% вероятность	Примечания (стратиграфия)
1	Ле-11226	32	Дерево. Внешние годовичные кольца	1020±25	950AD (68,2%) 1050AD	950AD (94,0%) 1050AD 1100AD (1,4%) 1200AD	Поверхность расколото-го (?) вдоль (четвертинки) бревна лежит на глубине 20 см от границы озерных отложений и торфа
1	Ле-11227	32	Дерево. Внутренние годовичные кольца	960±40	1000AD (68,2%) 1200AD	950AD (95,4%) 1200AD	Поверхность расколотого вдоль (четвертинки) бревна лежит на глубине 20 см от границы озерных отложений и торфа
26	Ле-11228	33	Дерево (ель). Внешние годовичные кольца	1200±45	750AD (68,2%) 900AD	650AD (95,4%) 1000AD	Поверхность бревна лежит на 10 см ниже границы озерных отложений и торфа
26	Ле-11229	33	Дерево (ель). Внешние годовичные кольца	1165±40	750AD (68,2%) 1000AD	750AD (95,4%) 1000AD	Поверхность бревна лежит на 10 см ниже границы озерных отложений и торфа

НАВОЛОКСКИЙ ТОРФЯНИК (2003)

№	Индекс образца	Глубина отбора от поверхности, см	Материал	Датировка, ВР	Калиброванный возраст 68,2 % вероятность*	Калиброванный возраст 95,4 % вероятность
1	Ле-6719	34	Дерево, ветка	1420±70	540AD (68.2%) 680AD	430AD (92.0%) 730AD 740AD (3.4%) 780AD
2	Ле -7001	49-51	Торф	1600±90	340AD (4.6%) 370AD 380AD (63.6%) 570AD	250AD (95.4%) 650AD
3	Ле -6720	54	Дерево, ветка	1890±40	60AD (49.1%) 140AD 150AD (10.3%) 180AD 190AD (8.8%) 220AD	20AD (95.4%) 240AD
4	Ле -7000	69-71	Торф	2180±140	390BC (68.2%) 50BC	800BC (2.7%) 600BC 550BC (92.7%) 150AD
5	Ле -6999	89-91	Торф	2680±100	1000BC (68.2%) 760BC	1150BC (95.4%) 500BC
6	Ле -6998	109-111	Торф	2730±90	1000BC (0.9%) 990BC 980BC (67.3%) 800BC	1250BC (95.4%) 750BC
7	Ле -6721	112	Дерево, ветка	2835±25	1010BC (39.3%) 965BC 960BC (28.9%) 925BC	1050BC (95.4%) 900BC
8	Ле -6997	129-131	Торф	3420±140	1890BC (68.2%) 1520BC	2150BC (95.4%) 1400BC
9	Ле -6722	135	Дерево, ветка	3700±110	2280BC (4.5%) 2250BC 2230BC (63.7%) 1920BC	2500BC (95.4%) 1750BC
10	Ле -6723	145	Дерево, ветка	3270±35	1610BC (68.2%) 1490BC	1680BC (2.7%) 1650BC 1640BC (92.7%) 1440BC

* Калибровка производилась в программе OxCal v3.9.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Разрез № 1 на селище Ситно. Палинологический анализ О. В. КОЧУБЕЙ

Для проведения спорово-пыльцевого анализа из почвенно-монолитного Разреза № 1 (селище Ситно, пойма р. Волхов), мощностью 2,0 м, последовательно, через 0,03 м, были отобраны 40 образцов отложений различного генезиса (1 обр. = 0,02 м). Техническая обработка всех образцов проводилась по модифицированной методике Поста [Покровская, 1950], применяемой для торфов и сапропелей с использованием пирофосфата натрия и плавиковой кислоты [Дзюба, 1984]. Ниже приведено подробное описание методики пробоподготовки.

Из каждого образца отбиралась навеска, массой 30–50 г, помещалась в термостойкий химический стакан и заливалась горячим раствором пирофосфата натрия. Затем полученную смесь кипятили в течение 2–3 мин при постоянном перемешивании. Остывшую смесь фильтровали, а стакан с фильтратом заливали водой и давали отстояться в течение 2–6 часов. В некоторых образцах в большом количестве содержалась примесь механических частиц (песка или глины). В таких случаях полученный осадок переливали в полиэтиленовый стакан, заливали небольшим количеством концентрированной (30–40%) плавиковой кислотой и быстро перемешивали. Через 5–10 мин в стакан со смесью доливали воду. Образовавшийся осадок фторатов (прозрачные или бурые кристаллы) растворяли путем добавления небольшого количества 30%-ной соляной кислоты. Через 2–3 часа раствор, образовавшийся над осадком, сливали, а осадок центрифугировали. Центрифугирование производилось в течение 5 мин при скорости вращения центрифуги 1000 оборотов/мин. [Краевская, 1999; Покровская, 1950]. Чтобы полученный осадок с микрофоссилиями не подсыхал, после обработки в пробирки добавляли несколько капель глицерина.

Для каждого образца, в зависимости от его насыщенности палиноморфами, изготавливались от 2 до 5 временных препаратов на глицериновой среде (размер покровных стекол 24x50 мм). Исследование проводилось с помощью светового микроскопа марки «Leica DLMS» с использованием системы анализа изображений «Видео-Тест».

Пыльцевые зерна и споры по возможности определялись до таксона ранга семейства, рода, в исключительных случаях — вида. Для уточнения диагностики

пыльцевых зерен отдельных таксонов привлекалась пыльца современных культурных и диких растений из коллекции О. Ф. Дзюба, а также атласы пыльцевых зерен и спор [Дзюба, 2005; Куприянова и др., 1972; Moore et al, 1978; McAndrews et al, 1973; Сурова, 1975; Курманов и др., 2013].

В мацератах изученных образцов из Разреза № 1 в инт. 0,03–2,0 м, как правило, преобладает палинодебрис, от темно-желтого до светло-желтого цвета, представленный в основном остатками растительного происхождения (разнообразные фрагменты растительных тканей, споры, пыльца). Содержание минеральной составляющей неравномерно увеличивается вверх по разрезу. В большом количестве присутствуют микрогрибы, часто встречаются водоросли (в том числе, зеленые колониальные, диатомовые, зигнемовые), раковинные амебы (**фототабл. 2, 4, 7**). В некоторых образцах обнаружены следы жизнедеятельности тихоходок и нематод.

Все исследованные образцы в разной степени насыщены спорами и пыльцой, преимущественно хорошей сохранности. Отмечена тенденция к снижению количественного содержания пыльцы и спор вверх по разрезу (**табл. 1**). Наименее насыщенным оказался обр. 9, отобранный из уплотненного песчаного прослоя (гл. 0,43–0,45 м, диагностировано 26 палиноморф (споры и пыльца) в 5-ти исследованных препаратах). Максимальное количество пыльцевых зерен и спор обнаружено в обр. 39 (гл. 1,93–1,95 м — 570 палиноморф в 2 препаратах), представленным серо-голубым уплотненным суглинком. Почти во всех образцах отсутствуют значительные механические повреждения диагностированных палиноморф, однако довольно часто встречаются пыльцевые зерна сем. Betulaceae S.F. Gray (береза, ольха) с многочисленными биологическими повреждениями оболочек (**фототабл. 3, рис. 11**).

Количественные показатели содержания пыльцы и спор в Разрезе № 1 (инт. 0,03–2,0 м) представлены в спорово-пыльцевой диаграмме (**рис. 1**), построенной с использованием программы Tilia Graph [Grimm, 1991]. Процентное содержание таксонов высчитывалось от общей суммы пыльцы и спор растений.

Анализ распространения палиноморф по Разрезу № 1 позволил выделить в инт. 0,03–2,0 м две палино-

зоны (рис. 1), характеризующие хроностратиграфические периоды позднего голоцена — раннюю-среднюю и позднюю субатлантику (в соответствии с климато-стратиграфической шкалой Блитта-Сернандера).

Палинозона I-II (SA₁₋₂) (инт. 1,1–2,0 м) — ранняя-средняя субатлантика (фототабл. 1–4). В палиносpectрах из этого интервала (обр. 22–40) господствует пыльца древесных растений (до 89%), среди которых преобладают представители ели (*Picea abies* L. до 49%). Такой максимум пыльцы ели, с последующей тенденцией к уменьшению ее содержания вверх по разрезу, характерен для начального периода субатлантического времени в пределах Русской равнины [Хотинский, 1977; Дзюба, 1984; Носова, 2008]. Для этого интервала также отмечено увеличение содержания пыльцы сосны вверх по разрезу (*Pinus* spp. — от 16 до 51%), на фоне сокращения ольхи (*Alnus* spp. — с 8 до 3%) и ивы (*Salix* spp. — с 4,5% до 0,5%), что может свидетельствовать об осушении территории. Постоянно присутствуют пыльцевые зерна широколиственных пород (дуб, липа, вяз, граб), суммарное участие которых не превышает 5%, при этом происходит их заметное угасание вверх по разрезу.

Травянистые и кустарничковые растения характеризуются разнообразным таксономическим составом, в котором преобладает пыльца открытых пойменных (луговых) растительных группировок. Доминируют представители осоковых (*Cyperaceae* gen. indet. — 4%) и злаковых (*Poaceae* gen. indet. — 6%) трав. Многочисленны маревые (*Chenopodiaceae* gen. indet.) и сложноцветные (*Asteraceae* gen. indet., *Artemisia* spp., *Cichorium*-type, *Xanthium* spp.). Также в небольшом количестве присутствуют гречишные (*Polygonaceae* gen. indet., *Polygonum amphibium* L., *Persicaria maculosa* S.F. Gray., *Rumex* spp., *Polygonum aviculare* L.), розоцветные (*Rosaceae* gen. indet.), кипрейные (*Onagraceae* gen. indet.), крестоцветные (*Brassicaceae* gen. indet.), бурачниковые (*Symphytum* sp.), бобовые (*Fabaceae* gen. indet.), дербенниковые (*Lythrum salicaria* L.), и др. Эпизодически встречается пыльца водных и прибрежно-водных растений — *Sparganium* spp., *Typha* spp., *Nymphaeaceae* gen. indet. (в диаграмме суммарно отмечена как Aquatics), что косвенно указывает на периодическое затопление территории. Это предположение также подтверждается наличием в некоторых мацератах фрагментов диатомовых и зигнемовых водорослей, раковинных амёб, коллаток и ветвистоусых ракообразных (фототабл. 4).

Споровые в составах спектров из инт. 1,10–2,0 м играют подчиненную роль. Их содержание варьирует от 1 до 13%. Доминантами выступают представители папоротников и сфагновых мхов (до 6% соответственно). Единично присутствуют споры плаунов (*Lycopodium* spp.) и хвощей (*Equisetum* sp.).

В составе спектров палинозоны I (инт. 1,1–2,0 м) диагностированы немногочисленные **культурные злаки** (*Poaceae (Cerealina)* gen. indet.), часто смятые, в связи

с чем, трудно диагностируемые до рода. Первое единичное появление зафиксировано на глубине 1,78–1,80 м (обр. 36). Выше по разрезу, в инт. 1,38–1,70 м (обр. 28–34), отмечено постоянное присутствие в спектрах немногочисленных пыльцевых зерен cf. *Secale cereale* L. («похожих» на рожь посевную). В обр. 28 (гл. 1,38–1,40 м) и обр. 30 (гл. 1,48–1,50 м) встречены пыльцевые зерна «похожие» на пшеницу (cf. *Triticum* sp.). В образцах из интервала 1,10–1,80 м также установлено присутствие пыльцы синантропных растений, таких как василек луговой (*Centaurea jacea* L.), щавель (*Rumex* spp.), полынь (*Artemisia* spp.), горец птичий (*Polygonum aviculare* L.), дурнишник (*Xanthium* sp.), подорожник (*Plantago* spp.), клевер (*Trifolium* spp.), представители кипрейных (*Onagraceae* gen. indet.). Важно отметить, что в отложениях Разреза 1, в инт. 1,38–1,65 м, фиксируются следы жизнедеятельности нематод *Trichuris* (власоглав) и *Ascaris* (аскарида), паразитирующих в организме человека и животных (фототабл. 4) [Van Geel, 1983a]. Это может являться косвенным признаком усиления антропогенной нагрузки на окружающую среду.

Палинозона II (SA₃) (инт. 0,03–1,05 м) — поздняя субатлантика (фототабл. 5–7). Палиносpectры этого интервала (обр. 21–1) характеризуются преобладанием пыльцы древесных и кустарниковых растений (в среднем 63%), при этом их участие вверх по разрезу заметно сокращается, в том числе за счет выпадения широколиственных пород (суммарная доля — не более 1%), ив (*Salix* spp.) и лещины (*Corylus* sp.).

Таксономический состав травянистых становится значительно богаче и представительней, по сравнению со спектрами палинозоны I. Максимальное содержание пыльцевых зерен для этой группы (46%) зафиксировано в обр. 6 (гл. 0,28–0,30 м). Доминантами, так же, как и в палинозоне I, являются злаковые (до 17%) и осоковые (до 7%). Субдоминантами выступают маревые, сложноцветные и гречишные. Увеличение разнообразия разнотравья происходит, в том числе, за счет появления пыльцевых зерен таксонов, так называемых, антропогенных индикаторов: *Centaurea cyanus* L., *Campanulaceae* gen. indet., *Cannabaceae* gen. indet., *Urtica* sp., *Fagopyrum esculentum* Moench., *Valerianaceae* gen. indet. Участие **культурных злаков** (*Poaceae (Cerealina)* gen. indet.) увеличивается до 2%. Еще одним показателем, характеризующим усиление антропогенного прессинга, является постоянное присутствие в спектрах палинозоны II антоцеротовых мхов (*Anthoceros* spp.), которые, как правило, поселяются в пределах нарушенных влажных местообитаний (на залежах, по краю пашен, дорог и канав, вдоль берегов рек) [Потёмкин и др., 2009]. Среди споровых также присутствуют немногочисленные сфагновые мхи (в среднем — 2%), представители папоротников (в среднем 3%) и плаунов (в среднем — около 1%) (фототабл. 6). Отмечается резкое возрастание роли хвощей (до 23%) в спектрах (рис. 1), что является признаком увеличения кислотности почв [Жизнь..., 1978], вероятно, из-за частых

обводнений. Спорадически присутствуют представители водных и прибрежно-водных растений.

В палиноспектрах из инт. 0,03–1,05 м часто встречаются остатки диатомовых и колониальных водорослей, раковинных амеб, коловраток, фрагменты ветвистоусых ракообразных и копепод (фототабл. 7), что указывает на периодические (сезонные) разливы реки, влияющие на состав луговых пойменных ценозов.

Таким образом, по совокупности палинологических данных, можно утверждать, что отложения из Разреза № 1 в инт. 0,03–2,0 м формировались в субатлантическое время (относительный возраст подтверждают результаты радиоуглеродного анализа). В палиноспектрах из инт. 1,1–2,0 м отражена динамика региональной палеорастительности в ранней-средней субатлантике (SA₁₋₂), которая характеризуется постепенным сокращением еловых лесов с участием широколиственных пород, частичным замещением их вторичными сосняками, а также расширением открытых травянистых ассоциаций (луговых и рудеральных трав). Подобные сукцессии, наряду с появлением в спектрах культурных злаков, свидетельствуют о вырубках коренных елово-

широколиственных лесов под луга и пашни. Вверх по разрезу (инт. 0,03–1,05 м) антропогенный компонент пыльцевых спектров становится более выраженным. Так в поздней субатлантике (SA₂) сохраняется тенденция к увеличению роли открытых растительных сообществ, в составе которых появляются новые таксоны синантропных растений (*Centaurea cyanus* L., *Campanulaceae* gen. indet., *Cannabaceae* gen. indet., *Urtica* sp., *Fagopyrum esculentum* Moench., *Valerianaceae* gen. indet.). Отмечается незначительное повышение содержания в спектрах пыльцы культурных злаков.

По-видимому, влияние антропогенной составляющей на окружающую среду, нашедшее отражение в изученных палиноспектрах, во многом нивелировано природными процессами, связанными с гидрологическим режимом прилегающего водотока. Низкое абсолютное положение палеопоймы способствовало частым затоплениям территории исследования во время половодья, что приводило к частичному переотложению и перемыву поверхностных слоев почв, и, в свою очередь, вымыванию из них части субрецентных спор и пыльцы.

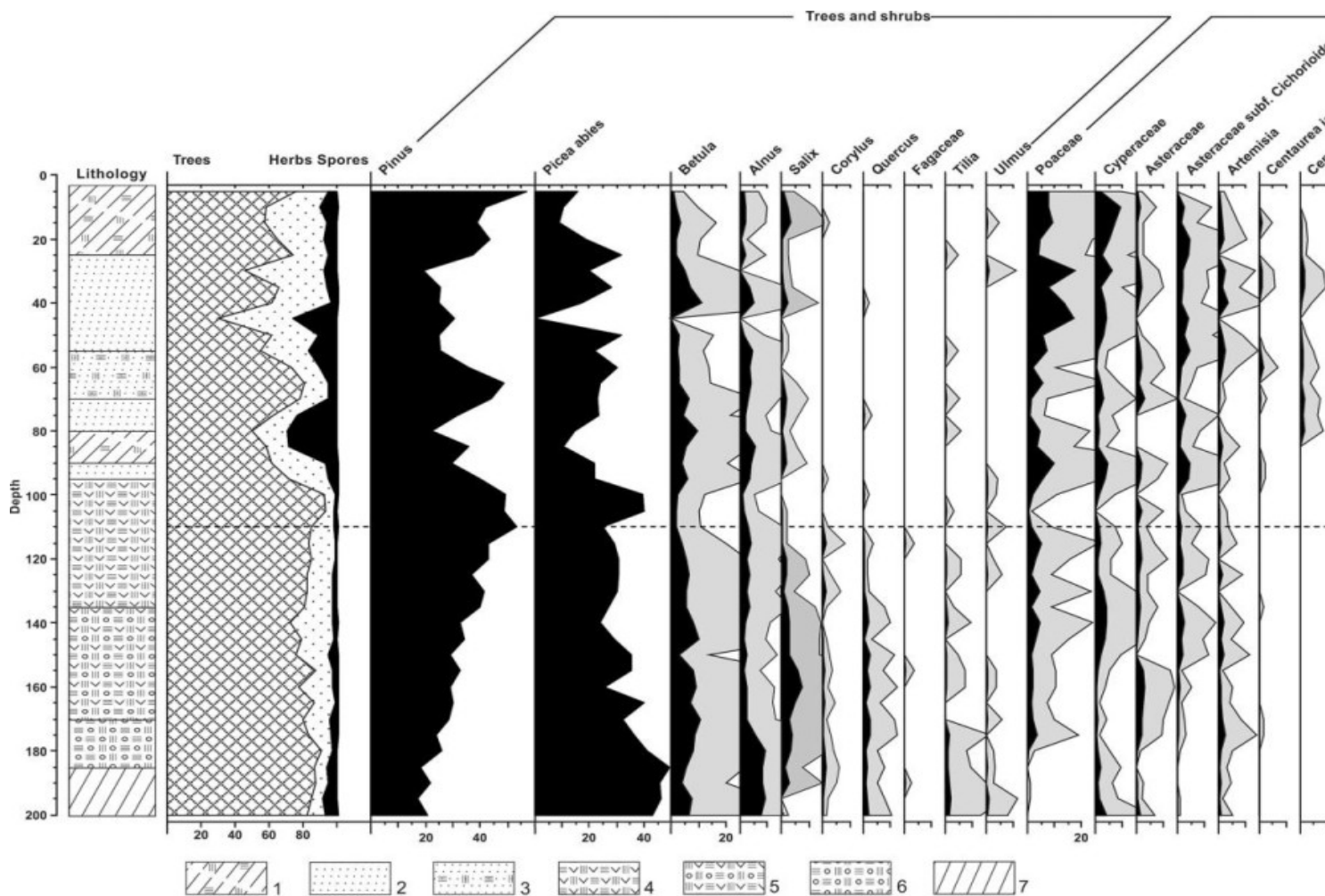

Рис. 1. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза № 1 на селище Ситно (пойма р. Волхов).

Список литературы

Дзюба О. Ф. Результаты палинологического исследования разреза торфяных отложений Никольско-Лютинского болота (Новгородская обл.- Псковская обл.)// Труды ВНИИ торфяной промышленности. Л.: ВНИИТП, 1984. Вып. 53. С. 10–16.

Дзюба О. Ф. Атлас пыльцевых зерен (неацетиализованных и ацетиализованных), наиболее часто встречающихся в воздушном бассейне Восточной Европы. М., 2005. 67 с.

Жизнь растений. В 6-ти т., гл. ред. чл.-кор. АН СССР, проф. Ал. А. Федоров. Т. 4. Мхи. Плауны. Хвощи. Папоротники. Голосеменные растения. Под ред. И. В. Грушвицкого и С. Г. Жилина. М.: Просвещение, 1978. 447 с.

Каревская И. А. Споры-пыльцевой анализ при палеогеографических и геоморфологических исследованиях. Учебное пособие. М.: ИГиРГИ, 1999. 113 с.

Куприянова Л. А., Алешина Л. А. Пыльца и споры растений флоры европейской части СССР: В 3 т. АН СССР. Ботан. ин-т им. В. Л. Комарова. Л.: Наука., 1972.

Курманов Р. Г., Ишбирдин А. Р. Пыльцевой атлас. Уфа: Гилем, Башк. энцикл, 2013. 304 с.

Носова М. Б. История лесной растительности центрально-лесного государственного заповедника в голоцене

(по данным спорово-пыльцевого анализа). Автореф. дис. ...к. б. н. М.: МГУ, 2008. 24 с.

Потёмкин А. Д., Софронова Е. В. Печеночники и антоцетовые России. Т. 1. СПб.–Якутск: Бостон-Спектр, 2009. 368 с.

Пыльцевой анализ / Под ред. И. М. Покровской. М.: Госгеолитиздат, 1950. 533 с.

Сурова Т. Г. Электронно-микроскопическое исследование пыльцы и спор растений. М.: Наука, 1975. 86 с.

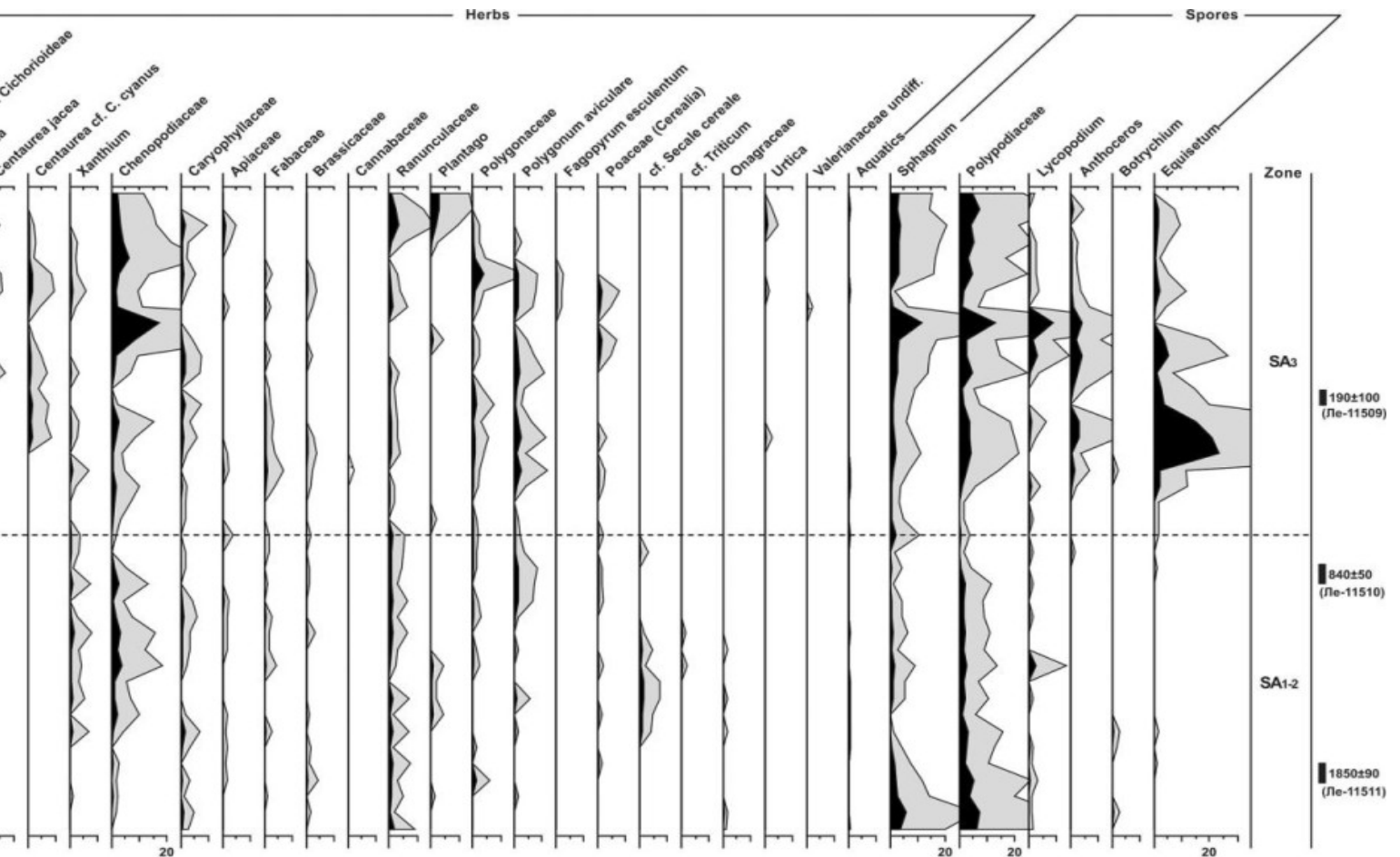
Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 200 с.

Grimm E. C. TILIA and Tilia graph: Springfield, U.S.A., Software available from Illinois State Museum, 1991.

Moore P. D. and J. A. Webb. An Illustrated Guide to Pollen Analysis. New York: Halsted Press, 1978.

Van Geel B., Bos J. M., Pals J. P. Archaeological and palaeoecological aspects of a medieval house terp in a reclaimed raised bog area in North Holland. Ber. Rijksd. Oudheidk. Bodemonderz, 1983.

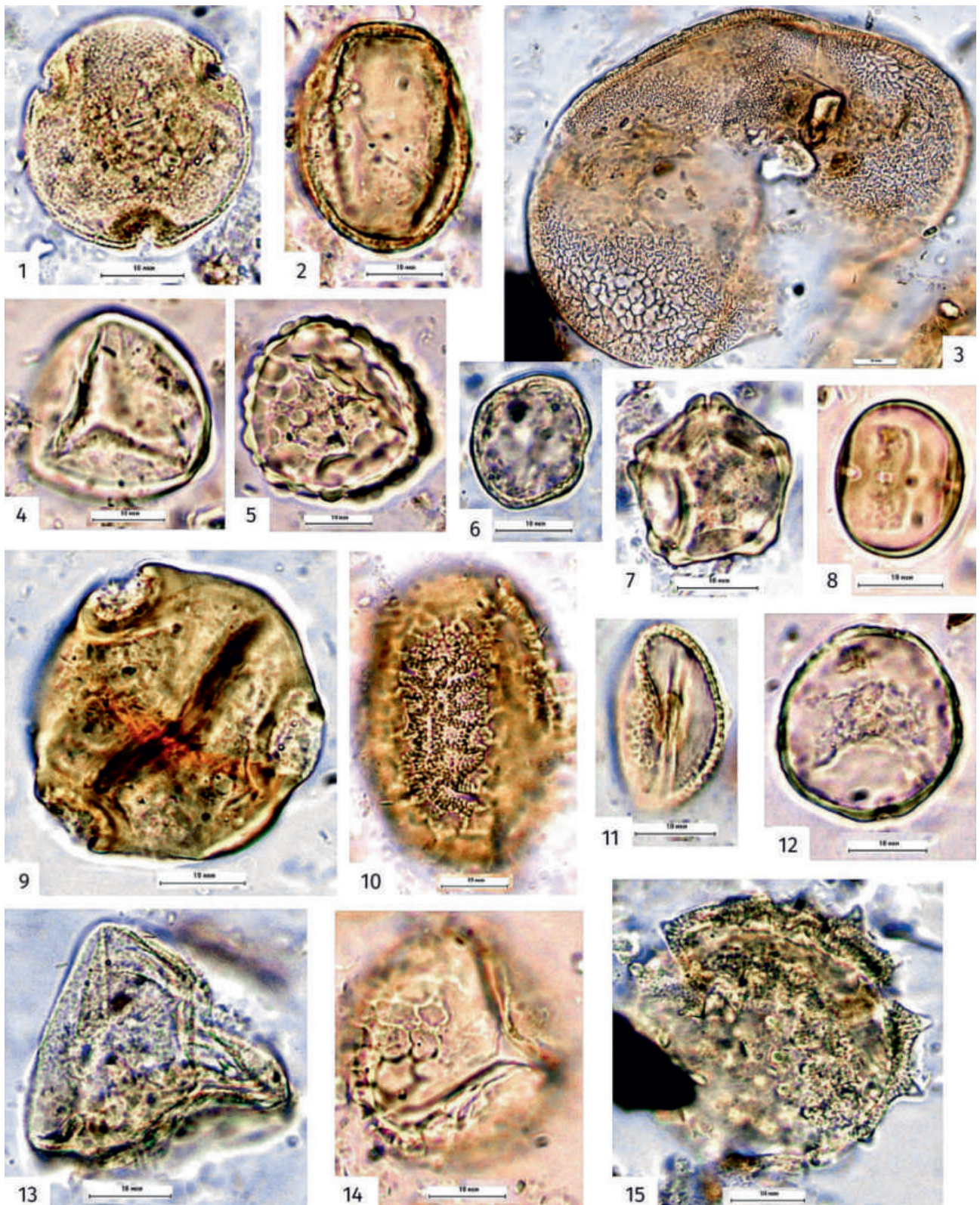
McAndrews J. H., Berti A. A., Norris G. Key of the Quaternary Pollen and Spores of the Great lakes Region Royal Ontario Museum Toronto, Canada Life Sciences Miscellaneous Publication, 1973.

Условные обозначения к литологической колонке (Н. И. Летюка): 1 – супесчаный оторфованный уплотненный слой; 2 – песчаный оторфованный уплотненный слой; 3 – песчаный оторфованный уплотненный слой; 4 – осоковый торф средней степени разложения; 5 – древесно-осоковый торф средней и высокой степени разложения; 6 – древесный торф средней и высокой степени разложения; 7 – серо-голубой супесчаный уплотненный слой

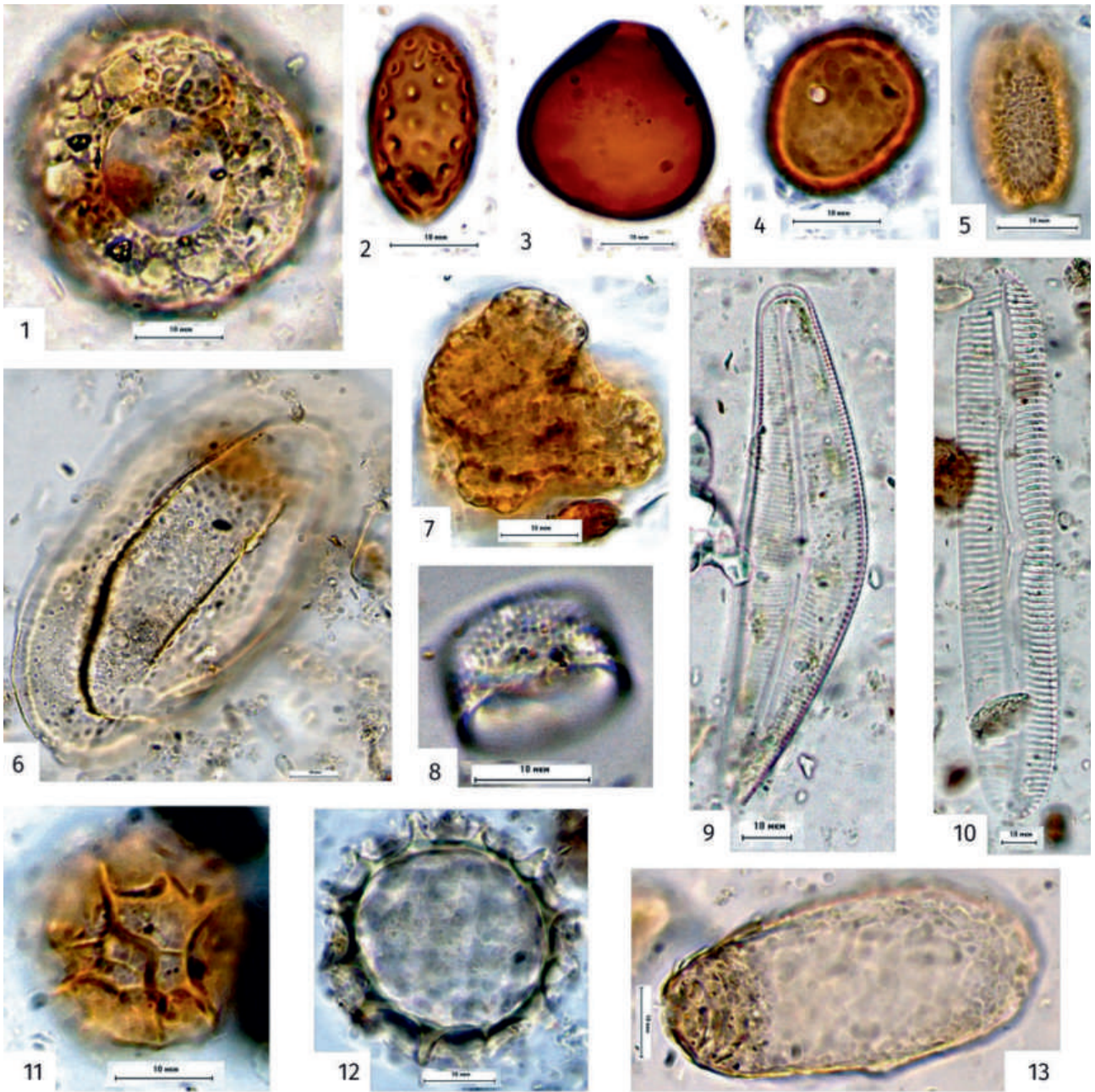
Фототаблица 1. Характерные споры и пыльцевые зерна из отложений, вскрытых разрезом 1 (селище Ситно) в инт. 1,1-2,0 м

Рис. 1. *Tilia* sp., обр. 40, гл. 1,98-2,0 м. **Рис. 2.** *Quercus* sp., обр. 40, гл. 1,98-2,0 м. **Рис. 3.** *Picea abies* L., обр. 38, гл. 1,88-1,90 м. **Рис. 4.** *Sphagnum* sp., обр. 38, гл. 1,88-1,90 м. **Рис. 5.** *Botrychium* sp., обр. 39, гл. 1,93-1,95 м. **Рис. 6.** *Thalictrum* sp., обр. 40, гл. 1,98-2,0 м. **Рис. 7.** *Alnus* sp., обр. 38, гл. 1,88-1,90 м. **Рис. 8.** *Symphytum* sp., обр. 39, гл. 1,93-1,95 м. **Рис. 9.** *Onagraceae* gen. indet., обр. 39, гл. 1,93-1,95 м. **Рис. 10.** *Polygonum amphibium* L., обр. 40, гл. 1,98-2,0 м. **Рис. 11.** *Salix* sp., обр. 37, гл. 1,83-1,85 м. **Рис. 12.** *Ulmus* sp., обр. 39, гл. 1,93-1,95 м. **Рис. 13.** *Cyperaceae* gen. indet., обр. 39, гл. 1,93-1,95 м. **Рис. 14.** *Lycopodium* sp., обр. 39, гл. 1,93-1,95 м. **Рис. 15.** *Cirsium* sp., обр. 39, гл. 1,93-1,95 м.

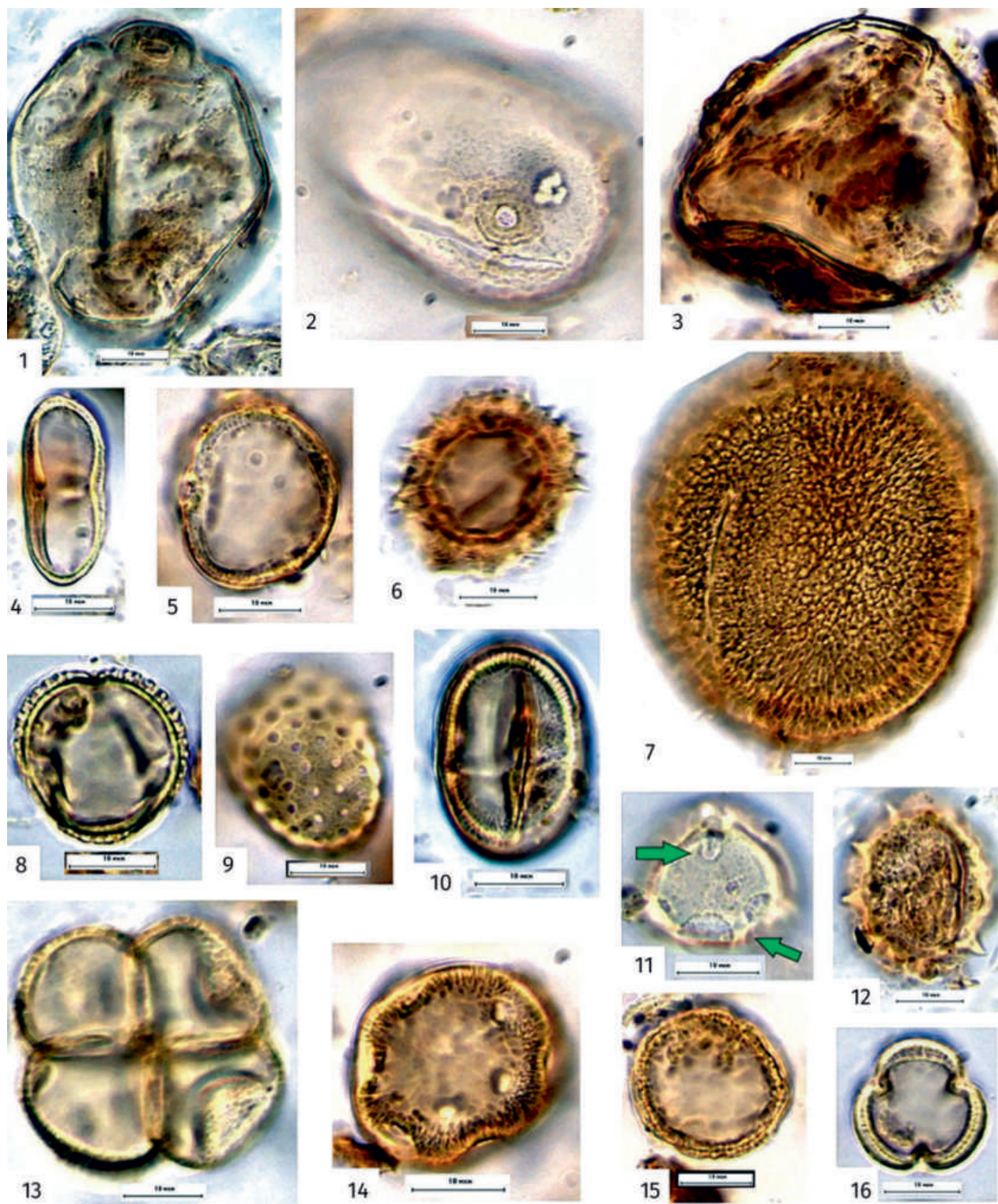
Фототаблица 2. Характерные непыльцевые палиноморфы из отложений, вскрытых разрезом 1 (селище Ситно) в инт. 1,1-2,0 м

Рис. 1. Раковинная амеба *Centropyxis*-type, обр. 40, гл. 1,98-2,0 м. **Рис. 2.** *Gelasinospora*-type., обр. 40, гл. 1,98-2,0 м. **Рис. 3.** *Fungi* gen. indet., обр. 39, гл. 1,93-1,95 м. **Рис. 4.** *Uredospore*-type, обр. 40, гл. 1,98-2,0 м. **Рис. 5.** cf. *Cladosporium*-type, обр. 40, гл. 1,98-2,0 м. **Рис. 6.** *Zygnemataceae* gen. indet., обр. 38, гл. 1,88-1,90 м. **Рис. 7.** Колониальные водоросли *Volvococcus* sp., обр. 37, гл. 1,83-1,85 м. **Рис. 8.** Диатомовая водоросль *Centrophyseae*-type, обр. 39, гл. 1,93-1,95 м. **Рис. 9, 10.** Диатомовые водоросли *Pennatophyseae*-type (рис. 9 – cf. *Navicula*-type; рис. 10 – cf. *Pennularia*-type) обр. 39, гл. 1,93-1,95 м. **Рис. 11, 12.** *Algae* gen. indet., обр. 38, гл. 1,88-1,90 м. **Рис. 13.** Раковинная амеба *Testate amoebae* gen. indet.

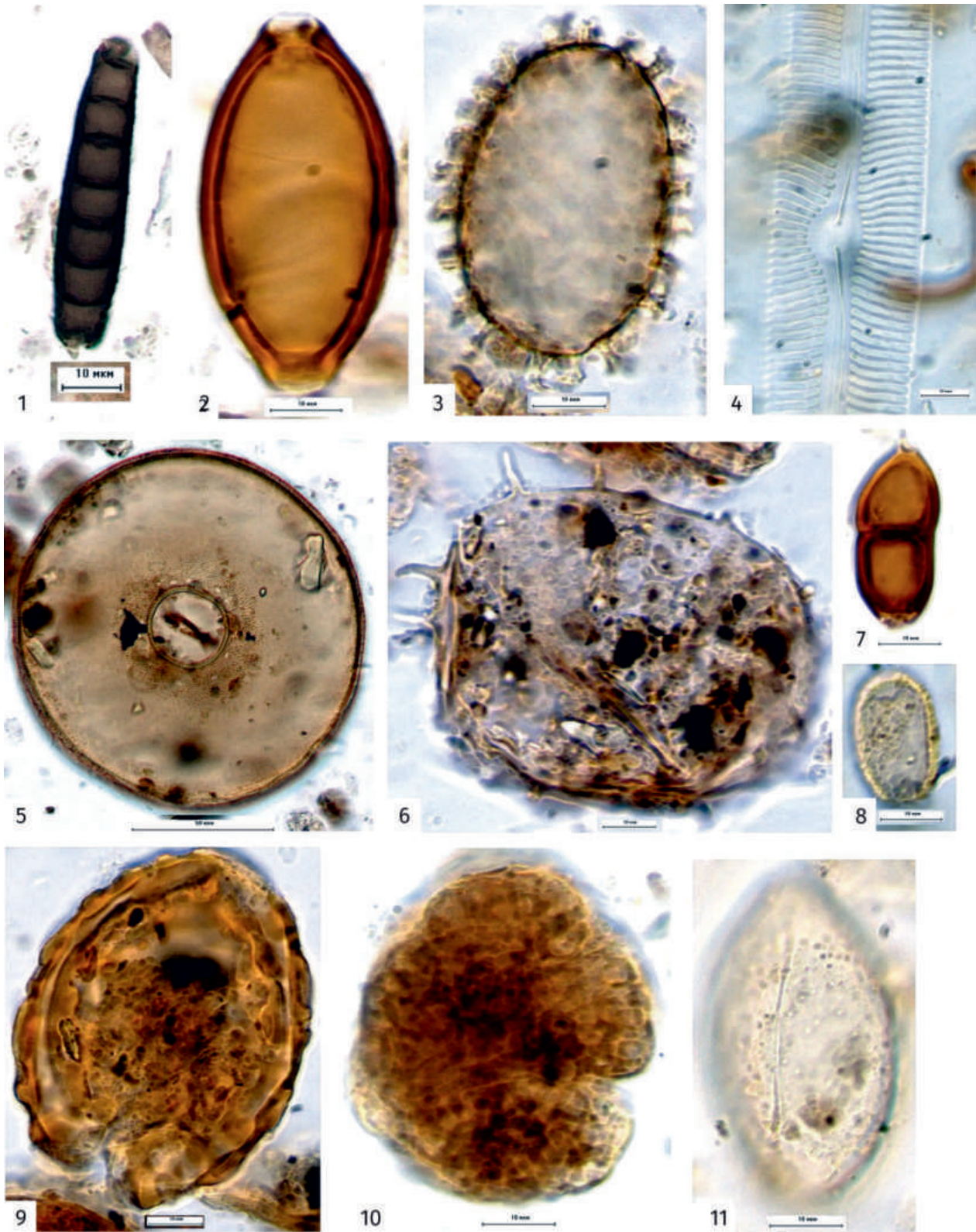
Фототаблица 3. Характерные пыльцевые зерна из отложений, вскрытых разрезом 1 (селище Ситно) в инт. 1,1-1,80 м

Рис. 1. *Poaceae (Cerealia)* gen. indet., обр. 36, гл. 1,78-1,80 м. **Рис. 2.** cf. *Secale cereale* L., обр. 34, гл. 1,68-1,70 м.
Рис. 3. cf. *Triticum* sp., обр. 28, гл. 1,38-1,40 м. **Рис. 4.** *Ariaceae* gen. indet., обр. 33, гл. 1,63-1,65 м. **Рис. 5.** *Poaceae* gen. indet., обр. 28, гл. 1,38-1,40 м. **Рис. 6.** *Cichoriaceae* gen. indet., обр. 34, гл. 1,68-1,70 м. **Рис. 7.** *Succisa pratensis* Moench., обр. 32, гл. 1,58-1,60 м. **Рис. 8.** *Brassicaceae* gen. indet., обр. 28, гл. 1,38-1,40 м. **Рис. 9.** *Chenopodiaceae* gen. indet., обр. 30, гл. 1,48-1,50 м.
Рис. 10. *Polygonum aviculare* L., обр. 29, гл. 1,43-1,45 м. **Рис. 11.** *Betula* sp., стрелками указаны биологические повреждения, обр. 33, гл. 1,63-1,65 м. **Рис. 12.** *Asteraceae* gen. indet., обр. 36, гл. 1,78-1,80 м. **Рис. 13.** *Typha* sp., обр. 32, гл. 1,58-1,60 м.
Рис. 14. *Caryophyllaceae* gen. indet., обр. 28, гл. 1,38-1,40 м. **Рис. 15.** *Xanthium* sp., обр. 28, гл. 1,38-1,40 м.
Рис. 16. *Artemisia* sp., обр. 33, гл. 1,63-1,65 м.

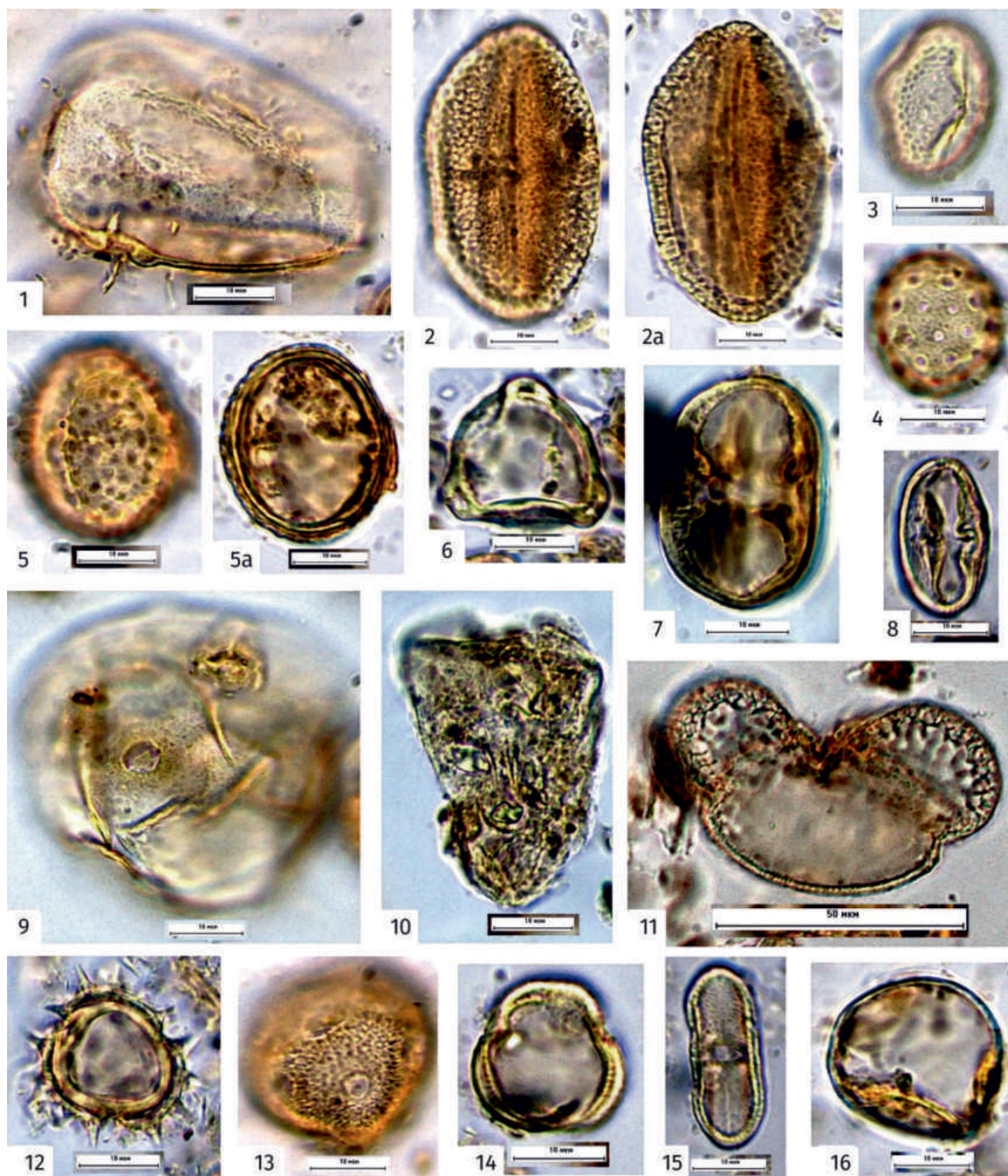
Фототаблица 4. Характерные непыльцевые палиноморфы из отложений, вскрытых разрезом 1 (селище Ситно) в инт. 1,1-1,80 м

Рис. 1. *Fungi* gen. indet., обр. 35 гл. 1,73-1,75 м. **Рис. 2.** *Trichuris* (eggs) (власоглав), обр. 33, гл. 1,63-1,65 м. **Рис. 3.** *Tardigrada* (eggs) (тихоходка), обр. 34, гл. 1,68-1,70 м. **Рис. 4.** Фрагмент диатомовой водоросли *Pennatophyceae*-type, обр. 34, гл. 1,68-1,70 м. **Рис. 5.** Раковинная амеба *Arcella*-type, обр. 33, гл. 1,63-1,65 м. **Рис. 6.** Раковинная амеба *Centropyxis-aculeate* type, обр. 34, гл. 1,68-1,70 м. **Рис. 7.** Микрогрибы *Russinia*-type, обр. 30, гл. 1,48-1,50 м. **Рис. 8.** Микрогрибы cf. *Cladosporium*-type, обр. 30, гл. 1,48-1,50 м. **Рис. 9.** *Ascaris* (eggs) (аскарида), обр. 31, гл. 1,53-1,55 м. **Рис. 10.** Колониальные водоросли *Botryococcus* sp., обр. 30, гл. 1,48-1,50 м. **Рис. 11.** *Zygnemataceae* gen. indet., обр. 31, гл. 1,53-1,55 м.

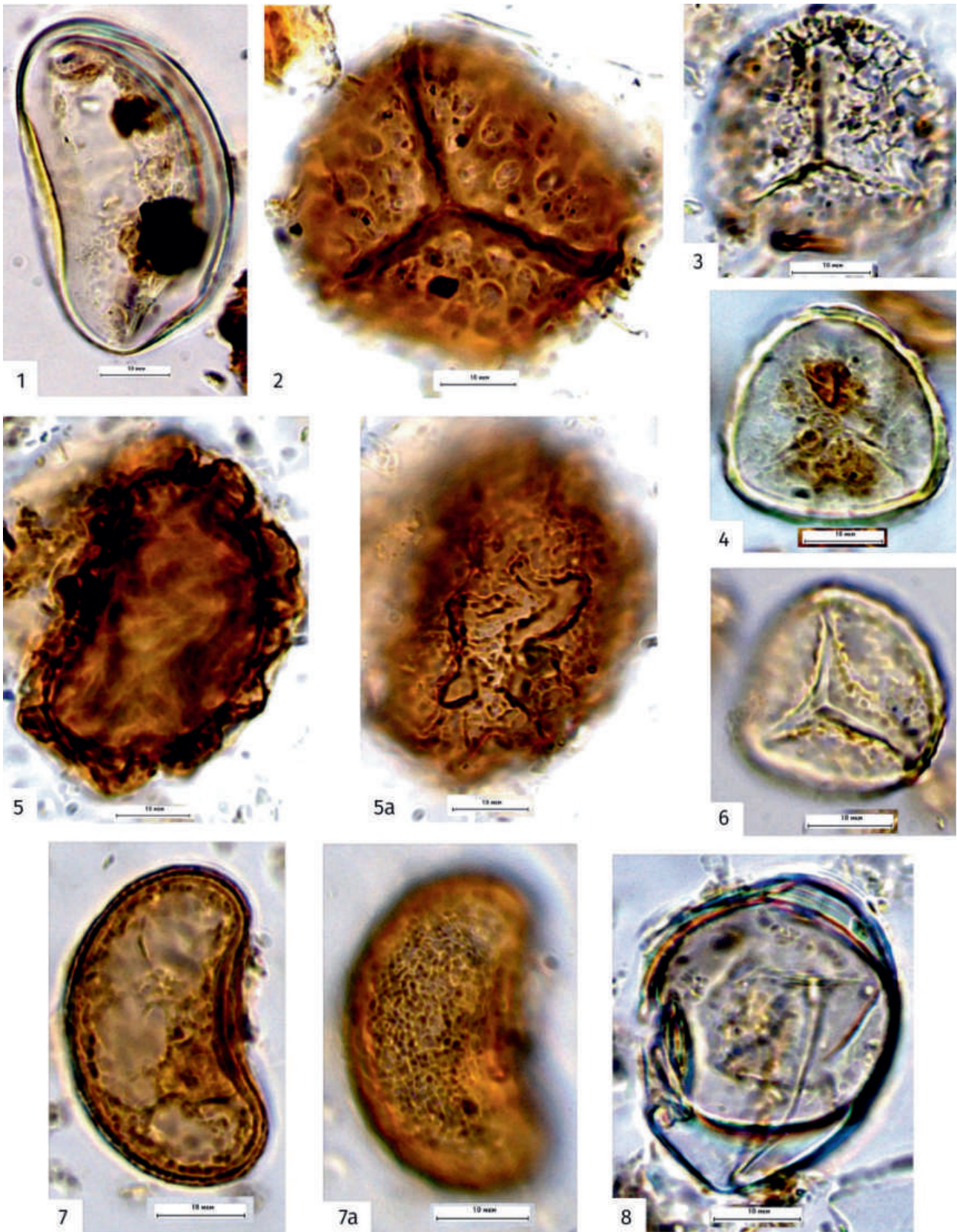
Фототаблица 5. Характерные пыльцевые зерна из отложений, вскрытых разрезом 1 (селище Ситно) в инт. 0,03-1,05 м

Рис. 1. *Poaceae (Cerealia)* gen. indet., обр. 17, гл. 0,83-0,85 м. **Рис. 2-2а.** *Fagopyrum esculentum* Moench, разные глубины резкости СМ, обр. 8, гл. 0,38-0,4 м. **Рис. 3.** *Fabaceae* gen. indet., обр. 19, гл. 0,93-0,95 м. **Рис. 4.** *Chenopodiaceae* gen. indet., обр. 10, гл. 0,48-0,5 м. **Рис. 5.** *Centaurea jacea* L., обр. 7, гл. 0,33-0,35 м. **Рис. 6.** *Betula* sp., обр. 8, гл. 0,38-0,4 м. **Рис. 7.** *Centaurea cyanus* L., обр. 16, гл. 0,78-0,80 м. **Рис. 8.** *Rosaceae* gen. indet., обр. 6, гл. 0,28-0,3 м. **Рис. 9.** *Poaceae (Cerealia)* gen. indet., обр. 20, гл. 0,98-1,0 м. **Рис. 10.** *Syringaceae* gen. indet., обр. 20, гл. 0,98-1,0 м. **Рис. 11.** *Pinus* sp., обр. 21, гл. 1,03-1,05 м. **Рис. 12.** *Asteraceae* gen. indet., обр. 7, гл. 0,33-0,35 м. **Рис. 13.** *Caryophyllaceae* gen. indet., обр. 15, гл. 0,73-0,75 м. **Рис. 14.** *Artemisia* sp., обр. 6, гл. 0,28-0,3 м. **Рис. 15.** *Apiaceae* gen. indet., обр. 8, гл. 0,38-0,4 м. **Рис. 16.** *Poaceae* gen. indet., обр. 13, гл. 0,63-0,65 м.

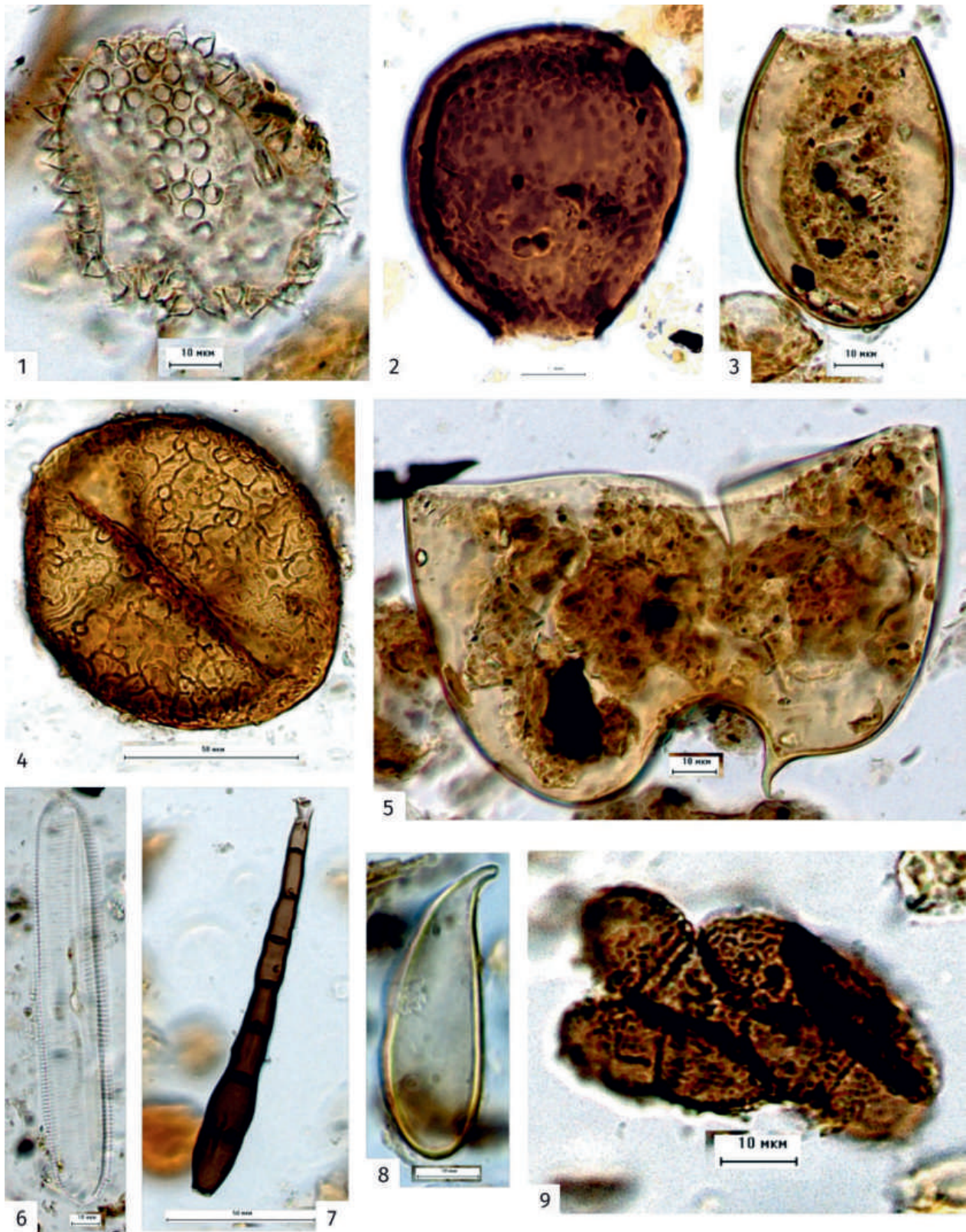
Фототаблица 6. Характерные споры из отложений, вскрытых разрезом 1 (селище Ситно) в инт. 0,03-1,05 м

Рис. 1. *Polypodiaceae* gen. indet., обр. 19, гл. 0,93-0,95 м. **Рис. 2.** *Anthoceros* sp., обр. 16, гл. 0,78-0,8 м. **Рис. 3.** *Lycopodium* sp., обр. 11, гл. 0,53-0,55 м. **Рис. 4.** *Sphagnum* sp., обр. 20, гл. 0,98-1,0 м. **Рис. 5-5а.** *Polypodiaceae* gen. indet. (*Dryopteris*-type), разные глубины резкости СМ, обр. 11, гл. 0,53-0,55 м. **Рис. 6.** *Sphagnum* sp., обр. 18, гл. 0,88-0,9 м. **Рис. 7-7а.** *Polypodiaceae* gen. indet., разные глубины резкости СМ, обр. 14, гл. 0,68-0,7 м. **Рис. 8.** *Equisetum* sp., обр. 16, гл. 0,78-0,8 м.

Фототаблица 7. Характерные непыльцевые палиноморфы из отложений, вскрытых разрезом 1 (селище Ситно) в инт. 0,03-1,05 м

Рис. 1. Тихоходка (яйца) *Tardigrada* (eggs), обр. 19, гл. 0,93-0,95 м. **Рис. 2.** Раковинная амеба *Assulina*-type, обр. 17, гл. 0,78-0,8 м. **Рис. 3.** Турбеллярия (ооциты) *Neorhabdocoela oocysts*, обр. 19, гл. 0,93-0,95 м. **Рис. 4.** Коловратка *Rotatoria* (eggs), обр. 11, гл. 0,53-0,55 м. **Рис. 5.** Ветвистоусые ракообразные *Cladocera*, обр. 14, гл. 0,68-0,7 м. **Рис. 6.** Диатомовая водоросль *Pennatophyceae*-type, обр. 17, гл. 0,78-0,8 м. **Рис. 7, 9.** *Fungi* gen. indet., обр. 21, гл. 1,03-1,05 м. **Рис. 8.** Копеподы (сперматофора) *Soropoda*, обр.19, гл. 0,93-0,95 м.

Список сокращений

Термины и методики

- БС — балтийская система абсолютных высот
ДК — дьяковская культура
ДДК — днепро-двинская культура
КДК — культура длинных курганов (совокупность КПДК и КСДК)
КПДК — культура псковских длинных курганов
КСДК — культура смоленских длинных курганов
КС — культура сопок
КТБ — культура Тушемли – Банцеровщины (совокупность тушемлинской и банцеровской культур)
КШК — культура штрихованной керамики
РЖВ — ранний железный век
СПА — спорово-пыльцевой анализ
ХКТ — хозяйственно-культурный тип
ЭРМ — эпоха раннего металла

Письменные источники

- Ипат. — Ипатьевская летопись
НЛ — Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи)
Н1 — Новгородская первая летопись
ПВЛ — Повесть временных лет
DAI — *Constantine Porphyrogenitus De administrando imperio*

Научные издания и учреждения

- АН АрмССР — Академия наук Армянской ССР
АН ЭССР — Академия наук Эстонской ССР
АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории

ВИ	— Вопросы истории
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ВИР	— Всесоюзный научно-исследовательский институт растениеводства им. Н. И. Вавилова Российской Академии наук
ВОКМ	— Витебский областной краеведческий музей
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік Інстытута гісторыі АН Беларусі
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГУТК при СМ СССР	— Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского исторического общества
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИАК	— Императорская археологическая комиссия
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИОЛЕАЭ	— Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МАБ	— Материалы по археологии Беларуси
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии
МНИИЯЛИЭ	— Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР
НА	— научный архив
НГПИ	— Новгородский государственный педагогический институт
НГОМЗ	— Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИС	— Новгородский исторический сборник
НОА	— научно-отраслевой архив
ОИАК	— Отчет Императорской Археологической комиссии
ОИДР	— Общество истории и древностей Российских при Московском университете
ОАВЕС ГЭ	— Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
ОПИ НГОМЗ	— Отдел хранения и изучения письменных источников, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
ПАВ	— Петербургский археологический вестник
ПАО	— Псковское археологическое общество
ПГОМЗ	— Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
Працы, т. II	— Працы археолёгічнай камісіі Беларускай АН
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей

РА	— Российская археология
РАЕ	— Российский археологический ежегодник
РАН	— Российская академия наук
РГПУ	— Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд
РСМ	— Раннеславянский мир
РФФИ	— Российский фонд фундаментальных исследований
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЗРЦСЭ МЮ РФ	— Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации
СЛМ	— Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ РНИИ КПН	— Санкт-Петербургский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия
СС	— Скандинавский сборник
СЭ	— Советская этнография
ЭО	— Этнографическое обозрение
ЭССЯ	— Этимологический словарь славянских языков.
РУДН	— Российский университет дружбы народов
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЮУрГУ (НИУ)	— Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)
АЕ	— Arheoloģija un Etnogrāfija
АТА	— Antikvariska topografiska arkivet, Riksantikvarieämbetet, Stockholm
ВАР	— British Archaeological Reports
СЕУ	— Central European University, Budapest
FM	— Finskt Museum
MGH	— Monumenta Germaniae Historica

Список литературы

Публикации исторических источников

- Альбом Мейерберга 1903 – Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб.
- БЛДР. Т. 5. 1997 – Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб.
- Заметки о России 2012 – Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М.
- НЛ 1879 – Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб.
- НПК 1862 – Новгородские писцовые книги. Т. 2. Переписная оброчная книга Деревской пятины. Вторая половина. СПб.
- ПВЛ 1996 – Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи. СПб.
- Писцовая книга 1850 – Писцовая книга Обонежские пятины Нагорные половины // Временник ОИДР. М. Кн. 6. С. 58–126.
- Приходная книга 2011 – Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/1577 г. («Книга записей софийской пошрины»). М., СПб.
- ПСРЛ, т. I. 2001 – Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М. Т. I.
- ПСРЛ, т. III. 2000 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М. Т. III
- ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000 – Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. М. Т. IV, ч. 1.
- ПСРЛ, т. XIV. 2000 – Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. М. Т. XIV.
- ПСРЛ, т. XXV. 2004 – Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. М. Т. XXV.
- ПСРЛ, т. 41. 1995 – Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей) // Полное собрание русских летописей. М. Т. 41.
- Adam Bremensis, Gesta – *Magistri Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* / Herausgegeben von B. Schmeidler. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex MGH separatim editi. Hannoverae et Lipsiae, 1917.
- Annae Comnenae, Alexias – *Annae Comnenae Alexias. Prolegomena et textus* / Rec. D. R. Reinshet A. Kambylis. Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. XL/1. Bero-
lini – Novi Eboraci, 2001.
- Annale squaedicuntur Einhardi – *Annales regni Francorum: indeaba. 741. usqueada. 829; quidicuntur Annales Laurissenses Maioreset Einhardi* / Ed. G. H. Pertz. Hannoverae, 1895.
- Annales Quedlingburgenses – *Die Annales Quedlingburgenses* / Herausgegeben von M. Giese. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T. LXXII. Hannover, 2004.
- Caesar, Bel. Gal. – *C. Iulii Caesaris Commentarii rerum-gestarum. Vol. 1. Bellum gallicum*. Ed. W. Hering. Leipzig, 1987.
- The Chronicle of Morea 1904 – *Schmitt J. The Chronicle of Morea*. London, 1904.
- Cont. Fred. – *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV. Cum Continuationibus* / Ed. B. Krusch. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum. T. II. Fredegarii et aliorum Chronica. Vitae sanctorum. Hannoverae, 1888.
- Conversio – *Conversio Bagoariorum et Carantanorum* / Ed. D. W. Wattenbach. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XI. Hannoverae, 1854.
- DAI – *Constantine Porphyrogenitus De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Engl. transl. by R. J. H. Jenkins*. Washington, 1967.
- Einhard, Vita Karoli – *Einhardi Vita Karoli Magni* / Curavit O. Holder-Egger. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex MGH separatim editi. Hannoverae et Lipsiae, 1911.
- Ekkehardi Uraugiensis chronica – *Ekkehardi Uraugiensis chronica* / Ed. G. Waits. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannoverae, 1844. T. VI.
- Fred. – *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV. Cum Continuationibus* / Ed. B. Krusch. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum. T. II. Fredegarii et aliorum Chronica. Vitae-sanctorum. Hannoverae, 1888.
- Ioannis Biclarenis Chronicon – *Campos J. Juan de Biclato obispo de Gerona. Su vida y su obra*. Madrid, 1960.
- Iord. Get. – *Iordanis Romana et Getica* / Recensuit T. Mommsen. Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum. Berolini, 1882. T. V. Pars 1.

- Isidori Iunioris episcopi Hispalensis Chronica Maiora – *Isidori Iunioris episcopi Hispalensis Chronica Maiora* / Ed. T. Mommsen. Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum. Berolini, 1894. T. XI.
- Lex Baiwariorum – *Lex Baiwariorum* / Ed. E. von Schwind. Monumenta Germaniae Historica. Leges nationum Germanicarum. Hannoverae, 1926. T. V. Pars II.
- Liudprand, Antapodosis – *Liudprandi Antapodosis* / Die Werke Liudprands von Cremona / Herausgegeben von J. Becker. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum ex MGH separatim editi. Hannoverae et Lipsiae, 1915.
- Menander – *Blockley R. C. The History of Menander the Guardsman. Introductory essay, text, translation and historiographical notes* / ARCA, Classical and Medieval Texts, Papers and Monographs. Liverpool, 1985.
- Mon. Sangallensis – *Monachus Sangallensis. De Carolo Magno. Bibliotheca Rerum Germanorum* / Ed. P. Jaffé. T. IV. Monumenta Carolina. Berolini, 1867.
- Nic. Brev. – *Nicephori Archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula Historica* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880.
- Ordinatio imperii – *Ordinatio imperii. 817. Mense Iulio* / Ed. A. Boretius. Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio II. Capitularia rerum Francorum. Hannoverae, 1883. T. I.
- Pauli Historia Langobardorum – *Pauli Historia Langobardorum* / Ed. L. Bethmann, G. Waits. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI – IX. Hannoverae, 1878.
- Procopius. De Bello Gothico – *Procopii Caesariensis Opera Omnia* / Rec. J. Haury. Lipsiae, 1905. Vol. 2.
- Strabo. – *Strabonis Rerum Geographicarum libri XVII*. Ed. I. Casabonus. Paris, 1620.
- Strategikon – *Das Strategikon des Maurikios* / Ed. G. Dennis, Übersetzung von E. Gamillscheg. Wien, 1981.
- Tac. Ann. – *Tacitus. The Histories. With an English translation by C. H. Moore. The Annales. With an English translation by J. Jackson. In four volumes. IV. Annals, Books XIII – XVI*. London, 1962.
- Tertullianus. De anima – *Corpus Christianorum. Series Latina II. Q. S. F. Tertulliani opera. Pars II. Opera montanistica* / Cura et studio J. H. Waszink. Turnholti, 1954.
- Theophanis Chronographia – *Theophanis Chronographia* / Rec. C. de Boor. Vol. 1, 2. Lipsiae, 1883, 1885.
- Theophylacti Simocattae Historiae – *Theophylacti Simocattae Historiae* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887.
- Vita Haimhrammi episcopi – *Arbeonis episcopi frisingensis Vitae Sanctorum Haimhrammi et Corbiniani* / Rec. B. Krusch. Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum ex MGH separatim editi. Hannoverae, 1920.
- Vita Willibaldi – *Vita Willibaldi episcopi Eichstetensis* / Ed. O. Holder-Egger. Vitae Willibaldi et Wynnebalidi auctore sanctimoniali Heidenheimensi. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XV. Pars I. P. 80–117. Hannoverae, 1887.
- Публикации переводов исторических источников**
- Анна Комнина 1996 – *Анна Комнина. Алексиада* / Пер. с греч. Я. Н. Любарского. СПб.
- Беовульф 1975 – *Беовульф* / Пер. с древнеанглийского В. Тихомирова // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М. С. 29–180.
- Великий Новгород 2005 – *Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века*. М.
- Видекинд 2000 – *Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны* / Пер. С. А. Аннинского, А. М. Александрова. М.
- Герберштейн 1988 – *Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии* / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М.
- Деяния короля франков Дагоберта 2019 – *Деяния короля франков Дагоберта* / перевод с лат., коммент., статья Г. А. Шмидта / Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники. СПб.
- Джаксон 2012 – *Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты. Переводы. Комментарий*. М.
- Дневник 1902 – *Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721–1725 гг.* / Пер. с нем. И. Ф. Аммона. М.
- Древнерусские города 1987 – *Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты, переводы, комментарий* / Составители: Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. М.
- Древняя Русь 2000 – *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. М.
- Жизнеописание Оттона Бамбергского 2021 – *Жизнеописание Оттона Бамбергского в церковных сочинениях и преданиях* / Пер. с лат., исслед. и коммент. А. С. Досаева и О. В. Кутарева. СПб.
- Записки Юлия Цезаря 1948 – *Записки Юлия Цезаря и его продолжателей* / Пер. акад. М. М. Покровского. М.; Л., 1948.
- Ибн-Хордадбех 1986 – *Ибн-Хордадбех. Книга путей и стран* / Пер. с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку.
- Из ранней истории 1999 – *Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы*. М.
- Иордан 1997 – *Иордан. О происхождении и деяниях гетов («Gética»)* / Пер. Е. Ч. Скржинской. СПб.
- Исландские пряди 2017 – *Исландские пряди* / Пер. с древнеисландского Е. А. Гуревич, М. И. Стеблин-Каменского, О. А. Смирницкой. М.
- Исландские саги 1956 – *Исландские саги* / Ред. М. И. Стеблин-Каменского. М.
- Исландские саги 2000 – *Исландские саги* / Пер. с древнеисландского А. В. Циммерлинга. М.

- Исландские саги 2004 – Исландские саги / Пер. с древнеисландского А. В. Циммерлинга. М. Т. 2.
- Константин Багрянородный 1991 – *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Пер. Г. Г. Литаврина. М.
- Ламберт Херсфельдский 2013 – *Ламберт Херсфельдский*. Анналы / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. М.
- Лев Диакон 1988 – *Лев Диакон*. История / Пер. М. М. Копыленко. М.
- Лиутпранд Кремонский 2012 – *Лиутпранд Кремонский*. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь / Пер. И. В. Дьяконова. М.
- Немецкие анналы 2012 – Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М.
- Олеарий 2003 – *Адам Олеарий*. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск.
- О стратегии 2007 – О стратегии: Византийский военный трактат VI века / Изд. подг. В. В. Кучма. СПб.
- Павел Алеппский 1898 – *Павел Алеппский*. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 4. М.
- Платон 2007 – *Платон*. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Пер. с древнегреч. СПб.
- Продолжатель Феофана 2013 – *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания Византийских царей. СПб.
- Прокопий Кесарийский 1996 – *Прокопий Кесарийский*. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М.
- Проезжая по Московии 1991 – Отчет о поездке ганзейского посольства из Любека в Москву и Новгород в 1603 г. // Проезжая по Московии. М. С. 185–207.
- Пряди истории 2008 – Пряди истории. Исландские саги о Древней Руси и Скандинавии. М.
- Путешествие 1869 – Путешествие из Вены в Москву в 1655 г. / Пер. с сербского К. Петковича // Русский вестник. М. № 9(83). С. 137–165.
- Путешествие 1911 – Путешествие Его Княжеской Светлости Герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию. 1602 г. // ЧОИДР, кн. 3 (238). М. С. 1–64.
- Путешествие в Московию 1874 – Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена Императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии. М.
- Сага о Греттире 1976 – Сага о Греттире / Пер. с древнеисландского О. А. Смирницкой. М.
- Сага о Сверрире 1988 – Сага о Сверрире / Пер. с древнеисландского М. И. Стеблин-Каменского, Е. А. Гуревич, О. А. Смирницкой. М.
- Свод 1994 – Свод древнейших письменных известий о славянах. М. Т.1.
- Свод 1995 – Свод древнейших письменных известий о славянах. М. Т.2.
- Славянские хроники 2011 – *Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский*. Славянские хроники / Пер. с лат. И. В. Дьяконова, Л. В. Разумовской, редактор-составитель И. А. Настенко. М.
- Снорри Стурлусон 1980 – *Снорри Стурлусон*. Круг земной. М.
- Состояние России 1914 – Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. Императорское общество истории и древностей Российских. М.
- Старшая Эдда 1975 – Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Пер. В. Тихомирова, А. Корсуна, Ю. Корнеева. М.
- Страбон 1994 – *Страбон*. География / Пер. Г. А. Стратановского. М.
- Стратегикон Маврикия 2004 – Стратегикон Маврикия / Пер. В. В. Кучмы. СПб.
- Стрейс 1935 – *Стрейс Я.* Три путешествия / Пер. Э. Бородиной. М.
- Старшая Эдда 1975 – Старшая Эдда / Пер. А. Корсуна // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М. С. 181–356.
- Тертуллиан 2008 – *Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан*. О душе / Пер. с лат. А. Ю. Братухина. СПб.
- Тацит 1993 – *Корнелий Тацит*. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы. Малые произведения / Пер. с лат. А. С. Бобовича. М.
- Феофилакт Симокатта 1996 – *Феофилакт Симокатта*. История / Пер. С. П. Кондратьева. М.
- Хождение 1999 – Хождение на Флорентийский собор // Пер. Н. А. Казаковой. Библиотека литературы Древней Руси. СПб. Т. 6. С. 466–487.
- Хроники Фредегара 2015 – Хроники Фредегара / Пер. с лат. Г. А. Шмидта. СПб., М.
- Хронография Феофана 1980 – Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. Изд. подг. И. С. Чичуров. М.
- Эйнхард 2005 – *Эйнхард*. Жизнь Карла Великого / Пер. с лат. М. С. Петровой. М.
- Эккехард 2018 – *Эккехард из Ауры*. Всеобщая Хроника / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. М.
- The Annals of St-Bertin 1991 – The Annals of St-Bertin. Ninth-century histories. Vol. 1. / Trans. By J. L. Nelson. Manchester and New York.
- Crusaders as conquerors 1964 – Crusaders as conquerors. The Chronicle of Morea / Trans. from the Greek by H. E. Lurier. New York; London.

Картографические источники

- Озеро Ильмень 1923 – Карта. Озеро Ильмень и его пойма. Составлена по данным исследований Отдела изысканий Волховского строительства в 1923 году. Масштаб 1 : 25 000. Лист II. Л.

Топографическое изображение Древнего Новгорода 1828 – Топографическое изображение Древнего Новгорода Великого с его окрестностями на 18 верст во все стороны, с показанием обработанных и необработанных мест земли, как оные были в последней четверти XVIII века при генеральном межевании. В кн. *Н. Н. Муравьев* Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб. Масштаб 2 в. в дюйме. 1: 83 686.

Научно-исследовательская литература

- Авенариус 1987 – *Авенариус А.* «Государство Само»: проблемы археологии и истории // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М.
- Авенариус 1991 – *Авенариус А.* Авары и славяне: «Держава Само» // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М. С. 26–37.
- Авдусин 1967 – *Авдусин Д. А.* О датировке гнездовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского // Культура и искусство Древней Руси. Сборник в честь профессора М. К. Каргера. Л. С. 21–25.
- Агеева 1970 – *Агеева Р. А.* Об этнониме *чудь* (*чухна, чухарь*) // Этнонимы. М. С. 194–203.
- Агеева 1990 – *Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М.
- Айбабин 1993 – *Айбабин А. И.* Могильники VIII – начала X в. в Крыму // МАИЭТ. Симферополь. Вып. III. С. 121–134.
- Айбабин, Хайрединова 2017 – *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь.
- Аклаев 2008 – *Аклаев А. Р.* Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. М.
- Аксенов 2005 – *Аксенов В. С.* Комплексы конского снаряжения салтовского времени с начальниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника) // Степи Европы в эпоху средневековья: Хазарское время. Т. 4. Донецк. С. 245–260.
- Аксенов 2016 – *Аксенов В. С.* Подвески-амулеты в виде коней из катакомбных захоронений Верхне-Салтовского могильника: типология и хронология // Хазарский альманах. Т. 14. М. С. 15–37.
- Аксенов 2019 – *Аксенов В. С.* Элитный конский убор у населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: разнообразие в единстве // *Stratum plus*. № 5. С. 193–208.
- Аксенов, Большианов 2019 – *Аксенов А. О., Большианов Д. Ю.* Новые сведения о позднеголоценовой ладожской трансгрессии по данным полевых исследований // Рельеф и четвертичные образования Арктики, Субарктики и Северо-Запада России. Вып. 6. С. 184–191.
- АКР 1997 – Археологическая карта России. Смоленская область. М. Ч. 1.
- Александров 1913 – *Александров Б. В.* Разведки Б. В. Александра // Отчет Императорской археологической комиссии за 1909 и 1910 гг. СПб. С. 167.
- Александров и др. 2008 – *Александров Д. А., Брюггемайер Ф.-Й., Лайус Ю. А.* Экологическая история: введение // Человек и природа: экологическая история. СПб. С. 8–22.
- Александрович 2004 – *Александрович С. С.* Осадное дело у древних славян в VI–VII вв. // Российские и славянские исследования. Минск. Вып. 1. С. 25–33.
- Александрович 2013 – *Александрович С. С.* Осадное дело древних славян в первой половине VI в. // Российские и славянские исследования. Минск. Вып. 8. С. 129–134.
- Александровский 2012 – *Александровский А. Л.* Радиоуглеродный возраст пахотного горизонта под культурным слоем Земляного городища Старой Ладogi // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб. Вып. 3. С. 59–61.
- Александровский, Александровская 2005 – *Александровский А. Л., Александровская Е. И.* Эволюция почв и географическая среда. М.
- Александровский, Кренке 1993 – *Александровский А. Л., Кренке Н. А.* Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмоскowie // КСИА. Вып. 208. С. 20–31.
- Александровский и др. 1998 – *Александровский А. Л., Кренке И. А., Спиридонова Е. А., Янишевский Б. Е.* Изучение валов и погребенных под ними почв на дьяковских городищах Троицкое, Луковня 2 и Коробово в Подмоскowie // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 3. С. 333–351.
- Александровский и др. 2009 – *Александровский А. Л., Арсланов Х. А., Давыдова Н. Н., Долуханов П. М., Зайцева Г. И., Кирпичников А. Н., Кузнецов Д. Д., Лавенто М., Лудикова А. В., Носов Е. Н., Савельева Л. А., Сапелко Т. В., Субетто Д. А.* Новые данные относительно трансгрессии Ладожского озера, образования реки Невы и земледельческого освоения Северо-Запада России // Доклады РАН. Т. 424. №. 5. С. 682–687.
- Александровский и др. 2019 – *Александровский А. Л., Лапшин В. А., Григорьева Н. В., Долгих А. В.* Хронология отложений, почв и культурных слоев Старой Ладogi // Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Геохронология четвертичного периода: инструментальные методы датирования новейших отложений», посвященной 90-летию со дня рождения Л. Д. Сулержицкого. М. С. 6.
- Александровский, Кренке, Нефёдов 2010 – *Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефёдов В. С.* Исследования почв и отложений под культурным слоем Земляного

- городища Старой Ладogi // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. К 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова. М. Т. 1. С. 43–61.
- Александровский, Долгих 2012 – Александровский А. Л., Долгих А. В. Почвенно-географические исследования в Старой Ладoge в 2010 г. // Староладожский сборник. СПб. Вып. 9. С. 69–78.
- Алексеев 1969 – Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.
- Алексеев 1972 – Алексеев В. П. В поисках предков. М.
- Алексеев 1979 – Алексеев В. П. Историческая антропология. М.
- Алексеев 1984 – Алексеев В. П. Становление человечества. М.
- Алексеев 1986 – Алексеев В. П. Этногенез. М.
- Алексеев 1991 – Алексеев В. П. Некоторые аспекты палеоэкологических исследований // Археология и социальный прогресс. Мат. конф. М. Вып. 1. С. 79–111.
- Алексеев 1993 – Алексеев В. П. Очерки экологии человека. М.
- Алексеев, Бромлей 1968 – Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. № 2. С. 35–45.
- Алексеев 1959 – Алексеев Л. В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М. Т. 1. С. 273–315.
- Алексеев 1960 – Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава // КСИА. Вып. 81. С. 95–106.
- Алексеев 1966 – Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. М.
- Алексеев 1980 – Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.
- Алексеев 2002 – Алексеев Л. В. Древний Друцк (письменные источники, топография, время возникновения). К празднованию тысячелетия Друцка 1001–2001 гг. // РА. № 1. С. 74–91.
- Алексеев 2002а – Алексеев Л. В. Друцк в XII–XVI вв. (общие вопросы истории памятника) // РА. № 2. С. 81–98.
- Алексеев 2006 – Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. М. Кн. 1.
- Алексеева 1978 – Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М.
- Алексеева 1973 – Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.
- Алещукин, Рябинин, Шитов 2003 – Алещукин Л. В., Рябинин Е. А., Шитов М. В. Палеопочвы Любши – свидетельство ландшафтно-геохимических условий Нижнего Поволжья в раннем Средневековье // Вестник СПбГУ. Серия 7. Вып. 2. Геология, география. СПб. С. 52–63.
- Алимов 2018 – Алимов Д. Е. «Пражская империя и лендзяне: размышления о появлении славянской идентичности в Восточной Европе // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 2 (24). С. 117–144.
- Алленов 2001 – Алленов С. Г. Русские истоки немецкой «консервативной революции»: Артур Мёллер ван ден Брук // Полис. Политические исследования. № 3. С. 123–138.
- Алымов 2017 – Алымов С. С. Украинские корни теории этноса // ЭО. № 5. С. 67–84.
- Амантов и др. 2016 – Амантов А. В., Амантова М. Г., Рябчук Д. В., Сергеев А. Ю., Гусенцова Т. М., Жамойда В. А., Фьелдскар В. Проблемы голоценового развития Южного Приладожья // Региональная геология и металлогения. № 65. С. 37–49.
- Амброз 1989 – Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.
- Андерсон 2001 – Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.
- Андерсон 2002 – Андерсон Б. Введение // Нации и национализм. М. С. 7–25.
- Андреева 2011 – Андреева О. А. Костяные изделия из цистерн Херсонеса (раскопки 1992 и 1997 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVII. С. 412–421.
- Андриенко, Шуреев, Желтова 2021 – Андриенко А. В., Шуреев А. В., Желтова М. Н. Древнейшие археологические материалы из раскопок 2013–2014 гг. на территории Ярославова дворища // Археологические вести. СПб. Вып. 31. С. 85–92.
- Андрощук 1993 – Андрощук Ф. О. Великі кургани Чернігова і шляхи еволюції монументального типу поховального обряду дружинної давньоруської культури // Старожитності Південної Русі. Чернігів. С. 37–39.
- Андрощук 2003 – Андрощук Ф. О. К истории обряда интронизации древнерусских князей («сидение на курганах») // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–X ст. Чернігів. С. 5–10.
- Андрощук 2004 – Андрощук Ф. А. От Рагнара Лодброка до Видгаутра (о датских и шведских контактах сембов и куршей в эпоху викингов и в раннем средневековье) // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. С. 109–140.
- Андрощук 2013 – Андрощук Ф. А. Мечи викингов. Київ.
- Андрощук 2017 – Андрощук Ф. А. Осеберг: Загадки королевского кургана. Киев.
- Анкудинов 2005 – Анкудинов И. Ю. Археологические памятники на топографических картах Новгородского уезда первой четверти XIX в. // Новгород

- и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 19. С. 186–202.
- Анкудинов 2006 – Анкудинов И. Ю. Изменение берега Ильменского Поозерья по сведениям письменных источников XVII–XX вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 20. С. 199–210.
- Анкудинов 2007 – Анкудинов И. Ю. Новые письменные источники о Новгородском городище // У истоков русской государственности. СПб. С. 59–73.
- Антипов и др. 2001 – Антипов И. В., Бирюков Ю. Б., Булкин Вал. А. Археологическое изучение некоторых памятников новгородской архитектуры XV века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 15. С. 20–24.
- Ануфриев 1925 – Ануфриев Г. И. Краткий очерк растительности поймы озера Ильмень и нижнего течения рек Ильменского бассейна // Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна. Л. Вып. IV. С. 1–41.
- Артамонов 1990 – Артамонов М. И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. Вып. 3. С. 271–290.
- Арутюнов 1989 – Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.
- Арутюнов 1995 – Арутюнов С. А. Этничность – объективная реальность (отклик на статью С. В. Чешко) // ЭО. № 5. С. 7–10.
- Арутюнов, Рыжакова 2004 – Арутюнов С. А., Рыжакова С. И. Культурная антропология. М.
- Археология озерных поселений 2014 – Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. СПб.
- Археалогія Беларусі 2009 – Археалогія Беларусі. Энцыклапедыя ў двух тамах. Т. 1. Мінск.
- Археалогія Беларусі 2011 – Археалогія Беларусі. Энцыклапедыя ў двух тамах. Т. 2. Мінск.
- Археалогія і нумізматыка Беларусі 1993 – Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. Мінск.
- Археологическое наследие Беларуси 2012 – Археологическое наследие Беларуси. Минск.
- Арциховский 1970 – Арциховский А. В. Большой Беседский курган // Древние славяне и их соседи. М. С. 102–105.
- Арьес 1992 – Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. с франц. В. К. Ронина. М.
- Атлас дикорастущих растений Ленинградской области 2010 – Атлас дикорастущих растений Ленинградской области / Под. ред. Е. В. Барановой и П. Г. Ефимова. М.
- Атран 2016 – Атран С. Разговаривая с врагом. Религиозный экстремизм, священные ценности и что значит быть человеком / Пер. с англ. Бюро переводов «Пароль» и Н. Подуновой. М.
- Ауліх 1972 – Ауліх В. В. Зимнівське городище – слов'янська пам'ятка VI–VII ст. н. е. в Західній Волині. Київ.
- Аун 1992 – Аун М. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин.
- Аун 2009 – Аун М. Костяные предметы в длинных курганах могильника Рысна-Сааре I (Юго-Восточная Эстония) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 54 заседания (15–17 апреля 2008 года). Псков. С. 355–362.
- Ахмедов 2002 – Ахмедов И. Р. Детали конского убора с зооморфным декором в гуннское и постгуннское время // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ. Вып. 135. М. С. 20–37.
- Ахмедов 2016 – Ахмедов И. Р. Мордва: между Хазарским каганатом, Волжской Булгарией и Русью // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. М. С. 431–461.
- Ашин 2010 – Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность. М.
- Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998 – Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара.
- Байбурин 1993 – Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.
- Байок 2012 – Байок Дж. Л. Исландия эпохи викингов / Пер. с англ., фр. и предисл. И. Свердлова. М.
- Баран, Максимов, Магомедов 1990 – Баран В. Д., Максимов Е. В., Магомедов Б. В., Вакуленко Л. В., Вознесенская Г. А., Козак Д. Н., Поньков С. В., Пачкова С. В., Приходнюк О. М., Смиленко А. Т., Терпиловский Р. В., Юренко С. П. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев.
- Бараш 1989 – Бараш С. И. История неурожаев и погоды в Европе (по XVI в. н. э.). Л.
- Барсов 1885 – Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава.
- Башенькин 1993 – Башенькин А. Н. Сопки и длинные курганы в Юго-Западном Белозерье // Славянская археология 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян. Материалы по археологии России. М. Вып. I. С. 135–143.
- Башенькин 1995 – Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Славяно-русские древности. СПб. Вып. 3. С. 3–29.
- Башенькин 1996 – Башенькин А. Н. «Домик мертвых» Куреваниха XX на р. Мологе // Древности Русского Севера. Вологда. Вып. 1. С. 141–150.
- Башенькин 1997 – Башенькин А. Н. Вологодская область в древности и средневековье // Вологда. Краеведческий альманах. Вологда. Вып. 2. С. 5–35.

- Башенькин 1999 – *Башенькин А. Н.* Финно-угры и славяне на Кобоже и Чагодоше // Чагода. Историко-краеведческий альманах. Вологда. С. 19–39.
- Башенькин 2007 – *Башенькин А. Н.* Сопковидная насыпь у деревни Никольское на реке Суде // Археология: история и перспективы. Сборник статей 3-й межрегиональной конференции. Ярославль. С. 9–18.
- Башенькин, Васенина 1989 – *Башенькин А. Н., Васенина М. Г.* Нижняя дата высоких погребальных насыпей Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 2. С. 28–31.
- Башенькин, Васенина 2003 – *Башенькин А. Н., Васенина М. Г.* Усть-Бельский археологический комплекс на реке Кобоже: Итоги исследований 1985–2000 годов // Археология: История и перспективы. Ярославль. Вып. 1. С. 11–21.
- Башенькин, Васенина 2004 – *Башенькин А. Н., Васенина М. Г.* Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобожа // Чагодощенская земля: культура, история, люди: Материалы краеведческой конференции (п. Чагода, 9–10 января 2004 г.). Вологда. С. 19–54.
- Башенькин, Васенина 2006 – *Башенькин А. Н., Васенина М. Г.* Поселение и погребальное сооружение Куреваниха XVI и XVI-а на р. Мологе // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция: сб. статей. Ярославль. С. 406–416.
- Башенькин, Васенина 2012 – *Башенькин А. Н., Васенина М. Г.* Сопковидная насыпь в курганной группе Куреваниха III на р. Мологе // История и археология Русского Севера. Вологда. С. 29–34.
- Башенькин, Иванищева 1988 – *Башенькин А. Н., Иванищева М. В.* Раскопки сопки и курганов Усть-Бельского могильника на р. Кобоже // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 1. С. 28–31.
- Белецкий 1977 – *Белецкий С. В.* Керамика городища Камно Псковской области // КСИА. Вып. 150. С. 92–95.
- Белецкий 1979 – *Белецкий С. В.* Керамика Псковской земли второй половины I – начала II тысячелетий н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Белецкий 1980 – *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова // КСИА. Вып. 160. М. С. 3–18.
- Белецкий 1996 – *Белецкий С. В.* Начало Пскова. СПб.
- Белова, Петрухин 2017 – *Белова О. В., Петрухин В. Я.* Великаны Евразии: от мифа к истории // ЭО. № 4. С. 56–64.
- Беляев 2017 – *Беляев Л. А.* Христианские древности: введение в сравнительное изучение. СПб.
- Берга 1988 – *Берга Т. М.* Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. Рига.
- Берковиц 2001 – *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль / Пер. с англ. А. Боричева, Л. Царук, Л. Ордановской. СПб.
- Бессарабова 1973 – *Бессарабова З. Д.* Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н. э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 15. С. 65–82.
- Бессарабова 1997 – *Бессарабова З. Д.* Набор весовых гирек из сопки 15-1 у Старой Ладоги // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб. С. 62–65.
- Бессмертный 1991 – *Бессмертный Ю. Л.* Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории. М.
- Бжезинский 2005 – *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.
- Бирнбаум 1986 – *Бирнбаум Х.* Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции / Пер. с англ. В. А. Дыбо. М.
- Birnbaum 1990 – *Birnbaum H.* Еще раз о завоевании Северовосточной Европы славянами и о вопросе финно-угорского субстрата в русском языке // Uralo-Indo-germanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-ей балто-славянской конференции, 18–22 июня 1990 г. М. Ч. I. С. 4–11.
- Матвеева, Богачев 2000 – *Матвеева Г. И., Богачев А. В.* Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М. С. 155–188.
- Богданов 1879 – *Богданов А. П.* Древние новгородцы в их черепаха // ИИОЛЕАЭ. Т. XXXV. Антропологическая выставка 1879 года. М. Т. 3. Ч. 1. С. 462–475.
- Богданович 1895 – *Богданович А. Е.* Пережитки древнего мирозерцания у белоруссов. Гродна.
- Борисенков 1982 – *Борисенков Е. П.* Климат и деятельность человека. М.
- Борисенков, Пасецкий 1988 – *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.
- Бочек 2015 – *Бочек В.* Рецензия на: Saskia Pronk-Tiethoff: The Germanic loanwords in Proto-Slavic. Amsterdam - New York. Rodopi, 2013 // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М. Вып. 4. Этимология. С. 455–466.
- Бранденбург 1895 – *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья. МАР. № 18. СПб.
- Бранденбург 1896 – *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб.
- Брим 2002 – *Брим В. А.* Путь из варяг в греки // Из истории русской культуры. М. Т. II, кн. 1. Киевская и Московская Русь. С. 225–260.

- Бромлей 1973 – *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.
- Бромлей 1983 – *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.
- Бромлей 2009 – *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.
- Бронникова, Успенская 2007 – *Бронникова М. А., Успенская О. Н.* Позднеголоценовая эволюция растительности и ландшафта на территории Гнёздовского археологического комплекса // Гнёздово: результаты комплексных исследований памятника. СПб. С. 162–182.
- Бронникова и др. 2018 – *Бронникова М. А., Панин А. В., Шеремяцкая Е. Д., Борисова О. К., Успенская О. Н., Пахомова О. М., Мурашева В. В., Беляев Ю. Р., Бобровский М. В.* Формирование поймы Днепра в районе Гнёздовского археологического комплекса в среднем и позднем голоцене // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1 / Труды ГИМ. Вып. 210. М. С. 28–67.
- Брубейкер 2012 – *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.
- Брюсов, Зимина 1966 – *Брюсов А. Я., Зимина М. П.* Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР. САИ. Вып. В4-4. М.
- Бубенько 2004 – *Бубенько Т. С.* Средневековый Витебск. Витебск.
- Бубенько 2012 – *Бубенько Т. С.* Застройка склона Замковой Горы в Витебске // Віцебскія старажытнасці. Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння Л. В. Аляксеява. Віцебск, 28–29 кастрычніка 2010. Мінск. С. 144–155.
- Бубенько 2019 – *Бубенько Т. С.* Исследования средневековых поселений на пути «из варяг в греки» в Витебской области в 2016 г. // Шумілінскі край. Мінск. С. 147–166.
- Бубенько, Левко 2003 – *Бубенько Т. С., Левко О. Н.* Стратиграфия и хронология нижнего слоя Витебска // МАБ. Минск. Вып. 8. С. 71–95.
- Бубрих 1947 – *Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа. Петрозаводск.
- Буданова 2000 – *Буданова В. П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.
- Буданова и др. 1999 – *Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е.* Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. М.
- Булкин 1975 – *Булкин В. А.* Большие курганы Гнездовского могильника // Скандинавский сборник. Таллин. Т. XX. С. 134–146.
- Булкин 1984 – *Булкин В. А.* О формировании границ в области Днепро-Двинского междуречья // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 55–63.
- Булкин 1994 – *Булкин В. А.* Днепро-Двинское пространство – «серединная» Русь // ПАВ. № 9. С. 130–135.
- Булкин, Дубов, Лебедев 1978 – *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л.
- Булкин, Герд 1989 – *Булкин В. А., Герд А. С.* К этноисторической географии Белоруссии // Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования). Л. С. 67–76.
- Булкин и др. 1979 – *Булкин В. А., Булкин Вас. А., Смирнов В. Н., Ратнер И. Е.* Работы в Полоцке // АО 1978 г. М. С. 430–431.
- Булкин и др. 1999 – *Булкин В. А., Герд А. С., Лебедев Г. С., Седых В. Н.* Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России. СПб.
- Булкин, Седых, Штендер 1985 – *Булкин В. А., Седых В. Н., Штендер Г. М.* К ранней истории Хутынского и Юрьева монастырей // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 123–128.
- Бунак 2012 – *Бунак В. В.* Война как биологический фактор // Русская евгеника. М. С. 485–496.
- Буров 2003 – *Буров В. А.* Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М.
- Буров 1969 – *Буров Г. М.* О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек // КСИА. Вып. 117. С. 130–134.
- Буров 1984 – *Буров Г. М.* К изучению рыболовства на Европейском Северо-Востоке в середине I тысячелетия н. э. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск. С. 147–165.
- Быков 1925 – *Быков А. А.* Клад серебряных куфических монет, найденный в Новгороде в 1903 г. // Известия РАИМК. Л. Т. IV. С. 133–139.
- Бяліцкая 2020 – *Бяліцкая Г. М.* Аб знаходках упрыгожэнняў пастырскага тыпу ў Прыпяцкім Палессі // Історыя вещей – історыя і вешчы. К 60-летнему юбилею И. О. Гавритухина. РСМ 20. М. С. 49–53.
- Вайткунскене 1986 – *Вайткунскене Л.* К изучению культуры коня в Литве V–VI вв. // СА. Вып. 2. С. 100–109.
- Вайцяхович, Кенька 2009 – *Вайцяхович А. В., Кенька П. М.* Бірулі // Археалогія Беларусі. Энциклапедыя ў двух тамах. Мінск. Т. 1. С. 108–109.
- Валенцова 2015 – *Валенцова М. М.* Этнолингвистический комментарий к этимологии слова *упырь* // Труды Института русского языка. IV. Этимология. М. С. 101–125.
- Валк 2014 – *Валк Х.* Каменные оборонительные сооружения Изборского городища: взгляд из Эстонии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 59 заседания (9–11 апреля 2013 года). Псков. С. 125–136.
- Ванханен 2014 – *Ванханен Т.* Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме. М.
- Васенина, Башенькин 2007 – *Васенина М. Г., Башенькин А. Н.* Исследования высоких насыпей у деревень Крутец и Избищи Устюженского района // Археология: история и перспективы. Сборник статей 3-й межрегиональной конференции. Ярославль. С. 37–47.

- Васильев 1981 – *Васильев Л. С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. № 6. С. 157–175.
- Васильев 1992 – *Васильев М. А.* Следует ли начинать этническую историю славян с 512 года? // Славяноведение. 1992. Вып. 2. С. 3–20.
- Васильев 1993 – *Васильев М. А.* Славяне и анты: К проблемам этногенетических и раннеисторических процессов в славянском мире // Славяноведение. 1993. Вып. 2. С. 7–14.
- Васильев 1999 – *Васильев М. А.* Являлась ли новгородская Перынь местом официального капища Перуна в годы «первой религиозной реформы» князя Владимира // *Васильев М. А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси. М. С. 297–325.
- Васильев 2005 – *Васильев М. А.* Анты, словене, немцы, греки: славянский культурно-лингвистический мир и его соседи в раннесредневековое время // Славяноведение. 2005. Вып. 2. С. 3–19.
- Васильева 2011 – *Васильева Н. В.* Антропогенные изменения гидрографической сети в Великом Новгороде // Общество. Среда. Развитие. № 1. С. 215–222.
- Васильева 2013 – *Васильева Н. В.* Формирование, развитие и современное состояние водных объектов Великого Новгорода: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. СПб.
- Васильева и др. 2012 – *Васильева Н. В., Субетто Д. А., Вербицкий В. Р., Кротова-Путинцева А. Е.* История формирования Ильмень-Волховского бассейна // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. Направление «Естественные и точные науки». № 153 (2). С. 141–150.
- Васкс 1991 – *Васкс А. В.* Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига.
- Вахтин, Головкин 2004 – *Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.* Социоллингвистика и социология языка. СПб.
- Веймарн, Айбабин 1993 – *Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Скалистинский могильник. Киев.
- Велецкая 1978 – *Велецкая Н. Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.
- Велецкая 2009 – *Велецкая Н. Н.* Символы славянского язычества. М.
- Вернер 1972 – *Вернер И.* К происхождению и распространению антов и склавинов // СА. № 4. С. 102–115.
- Византия. Сакральная среда 2017 – *Византия. Сакральная среда. Церковная утварь и предметы личного благочестия из бронзы и серебра в византийском Херсонесе. Проспект выставки из собрания Херсонесского музея-заповедника 3 ноября 2016 г. – 31 января 2017 г. Авторы выставки: Т. Ю. Яшаева, Е. А. Денисова. Севастополь.*
- Вилинбахов 1962 – *Вилинбахов В. Б.* Балтийские славяне и Русь // *Slavia occidentalis*. Т. 22. С. 253–277.
- Вилцане 2011 – *Вилцане А.* Плетви в археологическом материале Латвии // Археология и история Пскова и Псковской земли. М. – Псков. Вып. 57. С. 196–205.
- Винер 1998 – *Винер Б. Е.* Этничность: в поисках парадигмы изучения // ЭО. № 4. С. 3–26.
- Винер 2005 – *Винер Б. Е.* Формы этничности, бывает ли у этноса сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий // Журнал социологии и социальной антропологии. № 2. С. 142–164.
- Винников, Афанасьев 1991 – *Винников А. З., Афанасьев Г. Е.* Культовые комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж.
- Виноградова 1995 – *Виноградова Л. Н.* Человек/нечеловек в народных представлениях // Человек в контексте культуры. Славянский мир. М. С. 17–26.
- Виноградова 2008 – *Виноградова Л. Н.* Смерть хорошая и плохая в системе ценностей традиционной культуры // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М. С. 48–56.
- Витенкова 2016 – *Витенкова И. Ф.* Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбо-ямочной керамикой). Петрозаводск.
- Виткунас, Забела 2017 – *Виткунас М., Забела Г.* Городища балтов: неизвестное наследие. Вильнюс.
- Вишневский 1994 – *Вишневский В. И.* Новые материалы о земледелии племен дьяковской культуры Верхнего Поволжья // РА. № 3. С. 223–226.
- Вишневский 2009 – *Вишневский В. И.* Финно-угры и балты Северного Подмосковья в раннем средневековье (Кикинское городище и Ратьковский могильник) // Древности земли Радонежской. Сергиев Посад. С. 31–37.
- Вишневский, Кирьянова, Добровольская 2007 – *Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Добровольская М. В.* Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. № 2. С. 89–107.
- Владимиров 2015 – *Владимиров С. И.* Топоры Маяцкого археологического комплекса // КСИА. Вып. 239. С. 358–367.
- Война Германии 1992 – *Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. Berlin.*
- Волков 2009 – *Волков В. В.* Республика как тип охранного контракта // Что такое республика. СПб. С. 92–102.
- Волковицкий 1995 – *Волковицкий А. И.* Еще раз о пояском наборе из сопки № 140 // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. СПб. С. 9–12.
- Волковицкий 2001 – *Волковицкий А. И.* Фибула из урочища Сопки и проблема «нулевой фазы» Ладоги // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в I тыс.

- христианской эры. Пятое чтение памяти А. Д. Мачинской. СПб. С. 56–63.
- Волковицкий, Кузьмин 2004 – *Волковицкий А. И., Кузьмин С. Л.* Археологическое изучение Ладоги (проблемы, задачи, перспективы) // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. С. 151–156.
- Волковицкий, Григорьева, Селин 2008 – *Волковицкий А. И., Григорьева Н. В., Селин А. А.* Новые средневековые находки в Южном Приладожье // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской земли. СПб. С. 147–156.
- Волковицкий, Селин 2012 – *Волковицкий А. И., Селин А. А.* Большие дома Старой Ладоги: предварительные наблюдения // Староладожский сборник. СПб. Вып. 9. С. 172–187.
- Воронин 1990 – *Воронин К. В.* Новые находки на стоянке Коломцы // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород. С. 37–39.
- Воронина 2007 – *Воронина Р. Ф.* Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI в. М.
- Вощинина 1953 – *Вощинина А. И.* О связях Приуралья с Востоком в VI – VII вв. н. э. // СА. Вып. XVII. С. 183–196.
- Вяргей, Трымер 2003 – *Вяргей В. С., Трымер В.* Раннеславянское поселение Петрыкаў-2 на р. Прыпятъ // ГАЗ. Мінск. Вып. 18. С. 151–187.
- Гавритухин 2009 – *Гавритухин И. О.* Понятие пражской культуры // Сложение Русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света / Труды ГЭ. XLIX. С. 7–25.
- Гавритухин 2015 – *Гавритухин И. О.* Дунайский «страт» раннеславянской археологии // *Stratum plus*. № 5. С. 17–26.
- Гавритухин 2017 – *Гавритухин И. О.* К атрибуции славянских памятников V – VII веков на Южном Буге // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А. М. Обломского. РСМ 19. М. С. 51–62.
- Гавритухин, Обломский 1996 – *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Гавритухин, Щеглова 1996 – *Гавритухин И. О., Щеглова О. А.* Группы днепровских раннесредневековых кладов // *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. С. 53–57.
- Гайдуков 1992 – *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. М.
- Гайдуков 2010 – *Гайдуков П. Г.* Англосаксонская монета IX в. из Старой Ладоги // Краеугольный камень. Археология, история, искусство России и сопредельных стран. К 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова. М. Т. 1. С. 186–188.
- Галанов 2014 – *Галанов В. И.* Памятники нумизматики эпохи викингов в фондах Смоленского государственного музея-заповедника // Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». Санкт-Петербург, Старая Ладога 18–20 апреля 2014 г. Материалы докладов и сообщений. СПб. С. 10–15.
- Галко 2003 – *Галко В. И.* «Повесть о житии и о храбрости» кн. Александра Невского // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник. СПб. С. 193–195.
- Гаучас 1988 – *Гаучас П.* К вопросу о восточных и южных границах литовской этнической территории в средневековье // Балто-славянские исследования. 1986. М. С. 195–213.
- Геллнер 1991 – *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.
- Гельфер 1927 – *Гельфер А. А.* Озеро Ильмень и его пойма (Краткий физико-географический очерк к атласу карт) // Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна. Л.
- Герасимов 2017 – *Герасимов Д. В.* Погребенные археологические комплексы каменного века в восточной части Финского залива и в Приладожье: история осознания и перспективы открытий // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене. Доклады международной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения В. И. Тимофеева. Санкт-Петербург, Россия, 25–28 апреля 2017 г. СПб. С. 13–16.
- Герасимов, Субетто 2009 – *Герасимов Д. В., Субетто Д. А.* История Ладожского озера в свете археологических данных // Известия РГПУ им. Герцена. № 106. С. 37–49.
- Герд 2005 – *Герд А. С.* Введение в этнолингвистику. СПб.
- Гильфердинг 1874 – *Гильфердинг А. А.* Собрание сочинений. Т. 4. История Балтийских славян. СПб.
- Гильфердинг 2013 – *Гильфердинг А. А.* История Балтийских славян. М. – СПб.
- Гладкий 2010 – *Гладкий Ю. Н.* Гуманитарная география. Научная экспликация. СПб.
- Гладкий 2011 – *Гладкий Ю. Н.* «Антилиберальная» природа против либеральной: экономика России // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). Вып. № 2. С. 201–207.
- Гнёздово сквозь века 2006 – Гнёздово сквозь века. Набор открыток, выполненный по заказу Департамента Смоленской области по культуре. Смоленск.
- Гоббс 1991 – *Гоббс Т.* Сочинения в двух томах. Т. 2. М.
- Голдина 2015 – *Голдина Е. В.* Некоторые аспекты торговли стеклянными бусами в Верхнем Прикамье в I тысячелетии н. э. // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб. С. 131–142.
- Голдина 1985 – *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.

- Голдина 2012 – *Голдина Р. Д.* Истоки «дальнего импорта» в Приуралье // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 2 (10). Сыктывкар. С. 108–119.
- Головнев 1995 – *Головнев А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург.
- Голубев 2018 – *Голубев А. М.* Хронология салтовских памятников Верхнего Подонцовья в контексте венгерской проблематики // III Международный мадьярский симпозиум (Будапешт, 6–10 июня 2016 г.). Будапешт. С. 367–402.
- Голубева 1973 – *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.
- Голубовский 1895 – *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV ст. Киев.
- Голубцов 1950 – *Голубцов И. А.* Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. М. Вып. 20. С. 271–302.
- Гольева 2008 – *Гольева А. А.* Диагностика агрогенных (пахотных) горизонтов методами почвоведения // Археология Подмосковья. М. Вып. 4. С. 33–40.
- Гольмстен 1940 – *Гольмстен В. В.* Надземные погребения в Среднем Поволжье // КСИИМК. Вып. 5. С. 56–58.
- Гомзин 2017 – *Гомзин А. А.* Клад куфических монет 2016 года из Новгородской области // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой. М. С. 95–104.
- Гопкало 2008 – *Гопкало О. В.* Бусы и подвески черняховской культуры. Киев.
- Горбаненко 2010 – *Горбаненко С. А.* Знряддя землеробства кінця I тис. до н. е. – I тис. н. е. Порівняльний аналіз // Археологія. № 4. С. 46–60.
- Гороховский 1988 – *Гороховский Е. Л.* Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев. Т. 4. С. 34–46.
- Горский 1995 – *Горский А. А.* Кривичи и полочане в IX–X вв. (Вопросы политической истории) // Древнейшие государства восточной Европы. 1992–1993. М. С. 50–63.
- Горский 1997 – *Горский А. А.* Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995. М. С. 271–282.
- Горский 2004 – *Горский А. А.* Русь от славянского расселения до Московского царства. М.
- Горский 2012 – *Горский А. А.* О стадии развития восточнославянского общества накануне образования государства Русь // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М. С. 192–210.
- Горский 2018 – *Горский А. А.* «Бещисленья рати и великия труды...»: Проблемы русской истории X–XV вв. СПб.
- Горюнова 2007 – *Горюнова В. М.* Роль западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси // Северная Русь и народы Балтики. СПб. С. 45–89.
- Горюнова 2010 – *Горюнова В. М.* Чаша на поддоне из Золотого Колена. К вопросу о западной традиции в культуре сопок // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. К 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова. М. Т. 1. С. 220–229.
- Горюнова 2011 – *Горюнова В. М.* О западнославянских формах керамики в Северной Руси первой половины X в. (время и причины появления) // Археология и история Пскова и Псковской земли. М. – Псков. Вып. 56. С. 228–237.
- Грацианский 1943 – *Грацианский Н. П.* Славянское царство Само (К критике известий «Хроники Фредегара») // Исторический журнал. М. Вып. 5–6. С. 41–46.
- Грацианский 2012 – *Грацианский М. В.* О происхождении этнонима «анты» // ВВ. Т. 71 (96). С. 27–39.
- Грацианский 2014 – *Грацианский М. В.* Анты, венеты, вятичи, славяне: родство имен и родство племен (ответ С. А. Иванову и А. Е. Аникину) // ВВ. Т. 73 (98). С. 264–277.
- Грач, Савинов, Длужневская 1998 – *Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В.* Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.
- Грачева 2008 – *Грачева Р. Г.* Запись природной среды в гидроморфных почвах // Почва как память биосферно-геосферно-антропоферных взаимодействий. М. С. 106–127.
- Григорьев 2000 – *Григорьев А. В.* Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула.
- Григорьев 2005 – *Григорьев А. В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула.
- Григорьев 2003 – *Григорьев Д. Н.* Археологические исследования в Новой Руссе 2002 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 17. С. 68–80.
- Григорьев 2007 – *Григорьев Д. Н.* Мшага 3 – новый памятник раннего железного века – средневековья на нижней Шелони // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 6. Т. II. С. 119–125.
- Григорьева 2017 – *Григорьева Н. В.* Тигли и глиняные литейные формы Ладожского поселения X в.: комплекс рядом с большой постройкой // Новые материалы и методы археологического исследования: От археологических данных к историческим реконструкциям. Материалы IV конференции молодых ученых. М. С. 88–91.
- Грималускайте, Синчук 2004 – *Грималускайте Д., Синчук И.* Монеты из Городища в Минцкабинете импе-

- раторского Виленского университета (1803–183 г.) // ГАЗ. Минск. № 19. С. 173–180.
- Гроздилов 1965 – Гроздилов Г. П. Археологические памятники старого Изборска // АСГЭ. Вып. 7. Л. – М. С. 65–88.
- Грудочко, Боталов 2013 – Грудочко И. В., Боталов С. Г. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII–XI веках (в свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги) // II-й Международный Магьярский симпозиум: сб. науч. тр. Челябинск. С. 110–138.
- Грушевский 1901 – Грушевский А. С. Очерк истории Турово-Пинского княжества XI–XIII вв. Киев.
- Губогло 2003 – Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.
- Гулыга 1974 – Гулыга А. В. Эстетика истории. М.
- Гумилев 1990 – Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л.
- Гунова и др. 1996 – Гунова В. С., Кирьянова Н. А., Кренке Н. А., Низовцев В. А., Спиридонова Е. А. Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // РА. № 4. С. 93–120.
- Гуревич 2005 – Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.
- Гуревич 2007 – Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб.
- Гурин 1987 – Гурин М. Ф. Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX–XIII вв. Минск.
- Гурин 2000 – Гурин М. Ф. Археологические материалы из городища Мысли // ГАЗ. Минск. Вып. № 15. С. 24–39.
- Гурина 1961 – Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР / МИА. № 87. М. – Л.
- Гусенцова и др. 2017 – Гусенцова Т. М., Сапелко Т. В., Лудикова А. В., Кулькова М. А., Рябчук Д. В., Сергеев А. Ю. Микрорегион стоянок Подолье 1 и 3 в палеоландшафте Южного Приладожья // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене. Доклады международной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения В. И. Тимофеева. Санкт-Петербург, Россия, 25–28 апреля 2017 г. СПб. С. 30–34.
- Давидан 1962 – Давидан О. И. Гребни Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 4. С. 95–108.
- Давидан 1976 – Давидан О. И. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. Вып. 17. С. 101–118.
- Давидан 1994 – Давидан О. И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладogi (из коллекции Государственного Эрмитажа) // ПАВ. № 9. С. 156–167.
- Давидан 1998 – Давидан О. И. Сердоликовые изделия из Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 33. С. 123–132.
- Давидан 1999 – Давидан О. И. Новые находки гребней в Старой Ладoge // РА. № 1. 1999.
- Дайм 2002 – Дайм Ф. История и археология авар // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь. Вып. IX.
- Данилевич 1896 – Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев.
- Данилевский 1999 – Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.
- Данилевский 1871 – Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб.
- Данилевский 1991 – Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.
- Данилова 1969 – Данилова Г. М. Аламанское и баварское общество VIII и начала IX в. Петрозаводск.
- Дарвин 1927 – Дарвин Ч. Происхождение человека и половой подбор / Полное собрание сочинений Ч. Дарвина Т. 2. Кн. 1. М. – Л.
- Даркевич 2010 – Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торговли на территории европейской части СССР и Зауралья. М.
- Даскалов 2015 – Даскалов М. Коланни гарнитури със странични ремъци от VI–VII век южно от Дунав // Археология. LVI. Кн. 1–2. С. 79–103.
- Двуреченский 2008 – Двуреченский О. В. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Военная археология. М. Вып. 1. С. 55–93.
- Дементьева 2018 – Дементьева А. С. Гребни первой группы из Гнёздова // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1 / Труды ГИМ. Вып. 210. М. С. 91–101.
- Демин 1999 – Демин А. С. Архаичная персонология «Повести временных лет» // Автопортрет славянина. М. С. 12–20.
- Денисов 1970 – Денисов А. К. Северная граница ареала *Quercus pedunculata* Ehrh. в СССР и ее динамика за агрикультурное время // Ботанический журнал. Т. 55. № 6. С. 815–827.
- Дернович 2006 – Дернович С. Д. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск.
- Дернович 2019 – Дернович С. Д. Материалы селища-1 археологического комплекса Кордон в контексте исследований 2016 г. // Шумілінскі край. Минск. С. 127–147.
- Джаксон 1984 – Джаксон Т. Н. О названии Руси *Gardar* // Scando-Slavica. Т. 30. С. 133–143.
- Джаксон 1991 – Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1988–1989 годы. М. С. 5–169.
- Джаксон 1994 – Джаксон Т. Н. Альдейгьюборг: археология и топонимика // Памятники средневековой

- культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб. С. 77–79.
- Джентиле 2021 – *Джентиле Э.* Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб.
- Динамика лесных экосистем 2011 – Динамика лесных экосистем юга Валдайской возвышенности в позднем плейстоцене и голоцене. М.
- Дмитриев 2008 – *Дмитриев М. В.* Проблематика проекта «*Confessiones et nationes*: конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы» // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. М. С. 15–42.
- Доброва 2018 – *Доброва О. П.* Стекланные бусы Гнёздова по материалам раскопок Центрального городища // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1 / Труды ГИМ. Вып. 210. М. С. 102–126.
- Доброва, Торопов 2009 – *Доброва О. П., Торопов С. Е.* Стекланные бусы городища «Княжая Гора» (Пески-1) под Демянском. Классификация и хронология // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 54 заседания (15–17 апреля 2008 года). Псков. С. 273–285.
- Добровольский, Дубов, Рождественская 1982 – *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Рождественская Т. В.* Новая находка граффити на куфической монете // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. История. Язык. Литература. Вып. 1. № 2. С. 29–32.
- Довнар-Запольский 2011 – *Довнар-Запольский М. В.* История Белоруссии. Минск.
- Долуханов 2000 – *Долуханов П. М.* Истоки этноса. СПб.
- Долуханов, Носов 1985 – *Долуханов П. М., Носов Е. Н.* Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI–X вв. // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 19–23.
- Домрачев 1925 – *Домрачев П. Ф.* Предварительные результаты гидрологических исследований озера Ильменя в 1923–1924 гг. // Известия Российского Гидрологического Института. Л. Вып. 13. С. 53–63.
- Домрачев 1926 – *Домрачев П. Ф.* Гидрологический очерк озера Ильменя // Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна. Л. Вып. X. С. 343–428.
- Доннерт 1988 – *Доннерт Э.* К сведениям о славянах в исторических произведениях франков VII–IX вв. // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев. Т. 4. Серия I. Древние славяне. С. 55–58.
- Достоевский 1958 – *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. М. Т. 1.
- Дранникова, Ларсен 2005 – *Дранникова Н. В., Ларсен Р.* Предания о чуде в норвежском и русском фольклоре // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Сборник материалов международной научной конференции. Петрозаводск. С. 162–173.
- Дробушевский 2006 – *Дробушевский А. И.* Охранные исследования на поселении у д. Проскурни (Проскурни-II) в Гомельском Поднепровье // МАБ. Минск. Вып. 12. С. 18–32.
- Дробышева 2016 – *Дробышева М. М.* Летописные надписи-граффити Киевского Софийского собора (XI–XII вв.) как форма историописания // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М. С. 706–724.
- Дробышевский 2016 – *Дробышевский А. И.* Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Минск. Кн. 1. С. 38–136.
- Дубінскі 1930 – *Дубінскі С. А.* Чаркасоўскае гарадзішча пад Воршай // Працы. Менск. Т. II. С. 71–79.
- Дубов 1989 – *Дубов И. В.* Великий Волжский путь. Л.
- Дубынин 1974 – *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище // Дьяковская культура. М. С. 198–254.
- Дугин 2011 – *Дугин А. Г.* Этносоциология. М.
- Дук 2009 – *Дук Д. У.* Археалагічныя раскопкі на старо-жытнім полацкім гарадзішчы ў 2007 г. // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк. С. 255–278.
- Дуцмане, Озолина 1999 – *Дуцмане К., Озолина А.* Новые поступления монетных находок в музей истории Латвии // Седьмая всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщений. М. С. 180–183.
- Дучиц, Митрофанов 1994 – *Дучиц Л. В., Митрофанов А. Г.* Городище Ратюнки // ГАЗ. Минск. Вып. 5. С. 163–182.
- Дучыц 2000 – *Дучыц Л. У.* Да пытання аб вялікіх курганах Беларусі // ГАЗ. Минск. Вып. 15. С. 76–80.
- Дьяконов 2007 – *Дьяконов И. М.* Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. М.
- Евтюхова 1948 – *Евтюхова А. Е.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан.
- Егорейченко 2003 – *Егорейченко А. А.* Городище Ратюнки // ГАЗ. Минск. Вып. 18. С. 266.
- Егорейченко 2004 – *Егорейченко А. А.* Исследования в Ратюнках // ГАЗ. Минск. Вып. 19. С. 292.
- Егорейченко 2006 – *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованной керамики. Минск.
- Егорейченко 2011 – *Егорейченко А. А.* Северо-Западная Беларусь во второй половине I – начале II тыс. н. э. (по материалам городища и селища Зазоны) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. СПб. – М. – Великий Новгород. Т. II. С. 26–28.
- Егорейченко 2013 – *Егорейченко А. А.* Северо-Западная Беларусь во второй половине I – начале II тыс. н. э. (по материалам городища и селища Зазоны) // ГАЗ. Минск. Вып. 28. С. 292–297.

- Егорейченко 2014 – А. А. *Егорейченко*. Брагавское Поозере в первых веках н. э. // *Stratum plus*. № 4. С. 149–158.
- Егорейченко 2016 – *Егорейченко А. А.* Памятники культур штрихованной керамики на северо-западе и в Центральной Беларуси // *Славяне на территории Беларуси в догосударственный период*. Кн. 2. Минск. С. 99–160.
- Егорейченко 2017 – *Егорейченко А. А.* Городище Тариллово (Укля) // *Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 62 заседания (19–21 апреля 2016 года)*. Псков. С. 264–279.
- Еловичева 1993 – *Еловичева Я. К.* Палинология позднеледниковья и голоцена Белоруссии. Минск.
- Енуков 1990 – *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М.
- Еремеев 1995 – *Еремеев И. И.* О сопках в низовьях р. Ниши в Восточном Приильменье // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Новгород Вып. 9. С. 65–71.
- Еремеев 1997 – *Еремеев И. И.* Клад куфических монет VIII–IX вв. из д. Глазуново и Усвятский волок // *Археологические взаимодействия в условиях контактных зон. Археологические изыскания*. СПб. Вып. 41. С. 69–71.
- Еремеев 2005 – *Еремеев И. И.* Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги // *Археологические вести*. СПб. Вып. 12. С. 98–122.
- Еремеев 2007 – *Еремеев И. И.* Новгородские сопки и большие курганы Средней Швеции: проблемы сравнительного исследования // *У истоков русской государственности*. СПб. С. 240–255.
- Еремеев 2010 – *Еремеев И. И.* О фортификации городищ пражской культуры Белорусского Полесья // *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. К 80-летию Анатолия Николаевича Кирпичникова*. М. Т. 1. С. 269–283.
- Еремеев 2012 – *Еремеев И. И.* Полоцкая земля // *Русь в IX–X веках. Археологическая панорама*. М. – Вологда.
- Еремеев 2013 – *Еремеев И. И.* Находки деталей скандинавской конской сбруи из Усвят и Витебска // *Acta Archaeologica Albarutenica*. Минск. Vol. IX. С. 64–72.
- Еремеев 2015 – *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.
- Еремеев 2018 – *Еремеев И. И.* Новые археологические данные о динамике увлажненности Северо-Запада России во II тыс. до н. э. – I тыс. н. э. (по материалам поселений Ильмень-Волховского региона) // *Археология Владимиро-Суздальской земли*. М. Вып. 8. С. 39–58.
- Еремеев 2019 – *Еремеев И. И.* Фрагмент предмета церковной утвари с Бронницкого городища под Новгородом // *Земля наша велика и обильна... 90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается*. СПб. С. 99–112.
- Еремеев 2020 – *Еремеев И. И.* Бронницкое городище и перевоз. Детали исторической панорамы // *Новгородский архивный вестник. Великий Новгород*. Вып. 16. С. 196–212.
- Еремеев, Дзюба 2010 – *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб.
- Еремеев, Дзюба, Лисицына 2007 – *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., Лисицына О. В.* Древнее расселение и земледелие на восточном берегу оз. Ильмень по данным археологии и палеогеографии // *Записки ИИМК РАН*. № 2. С. 215–256.
- Еремеев, Лисицына 2004 – *Еремеев И. И., Лисицына О. В.* Комплексные исследования в Восточном Приильменье в 2003 г. // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Великий Новгород. Вып. 18. С. 34–50.
- Еремеев, Носов 2018 – *Еремеев И. И., Носов Е. Н.* О раскопках фортификационных сооружений Рюрикова Городища Новгородской областной экспедицией ИИМК РАН // *АО* 2016 г. М. С. 52–57.
- Еремеев, Фурасьев 1997 – *Еремеев И. И., Фурасьев А. Г.* Древности Туричинской округи // *Дивинец Староладожский*. СПб. С. 77–85.
- Еремеев, Фурасьев 2021 – *Еремеев И. И., Фурасьев А. Г.* Древнерусский Усвят: в поисках города Ярослава Мудрого. СПб.
- Еремеев, Денисенков, Летюка, Кочубей 2019 – *Еремеев И. И., Денисенков В. П., Летюка Н. И., Кочубей О. В.* Природные и антропогенные факторы в динамике ландшафтов Волховской поймы в раннем средневековье (по материалам раскопок селища Ситно в 2016 г.) // *Археология поймы: рельеф, палеосреда, история заселения*. М. С. 35–45.
- Еремеев, Янссон, Сёдерберг 2010 – *Еремеев И. И., Янссон И., Сёдерберг С.* Курганы в Вибю (Упланд) и проблема происхождения больших «дружинных» курганов Древней Руси // *Диалог культур и народов средневековой Европы*. СПб. С. 206–223.
- Еремеев и др. 2008 – *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., Лисицына О. В., Бубенько Т. С., Подгурский П. Н.* Новые данные о начальных этапах земледелия в бассейне Западной Двины // *Acta Archaeologica Albarutenica*. Минск. Vol. IV. С. 9–34.
- Еремян 1963 – *Еремян С. Т.* Армения по Амхарацуйцу. Ереван.
- Ершевский 1970 – *Ершевский В. Д.* Ильменские курганы // *АО* 1969 г. М. С. 17.
- Ершевский, Конечский 1985 – *Ершевский В. Д., Конечский В. Я.* Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути // *Новое в археологии Северо-Запада СССР*. Л. С. 61–65.

- Есаян, Погребова 1980 – *Есаян С. А., Погребова М. Н.* Палочки-застежки в закавказских и скифских памятниках // Вестник общественных наук АН АрмССР. № 1. С. 79–88.
- Ефимова 1987 – *Ефимова Н. А.* Погребальный обряд кургана 22 могильника Яномоле (к вопросу о так называемых больших курганах культуры смоленских длинных курганов) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 63–65.
- Жданович 2016 – *Жданович О.* Посольства аваров к Византии у Менандра Протектора (комментированный перевод фрагментов источника) // Золотоордынское обозрение. Т. 4. № 4. С. 881–893.
- Жекулин 1972 – *Жекулин В. С.* Историческая география ландшафтов. Л.
- Жирар 2010 – *Жирар Р.* Козел отпущения / Пер. с фр. Г. Дашевского. СПб.
- Жирар 2010а – *Жирар Р.* Насилие и священное / Пер. с фр. Г. Дашевского. М.
- Жирар 2013 – *Жирар Р.* Достоевский: от двойственности к единству / Пер. с фр. Г. Куделич. М.
- Жирар 2015 – *Жирар Р.* Я вижу Сатану, падающего, как молния / Пер. с фр. А. Лукьянова и О. Хмелевской. М.
- Жирар 2016 – *Жирар Р.* Устремление к крайности // Страницы: богословие, культура, образование. 20: 4 (2016). С. 537–566.
- Жирар 2016а – *Жирар Р.* Вещи, сокрытые от создания мира / Пер. с фр. А. Лукьянова и О. Хмелевской. М.
- Жирар 2019 – *Жирар Р.* Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром / Пер. с фр. А. Зыгмонта. М.
- Завитневич 1894 – *Завитневич В. З.* Археологические разыскания в бассейне р. Березины // ОИАК за 1892 г. СПб. С. 124–153.
- Завойко 1917 – *Завойко К.* В Костромских лесах по Ветлуге реке (этнографические материалы, записанные в Костромской губернии в 1914–1916 гг.) // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома. Вып. VIII. Этнографический сборник. С. 3–40.
- Зайцева 2003 – *Зайцева Н. Г.* Вепсский язык // Прибалтийско-финские народы России. М. С. 349–351.
- Залевская 1982 – *Залевская Н. И.* К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 49–54.
- Залеская 2006 – *Залеская В. Н.* Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.
- Зализняк 1986 – *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977–1983 годов. М.
- Зализняк 1988 – *Зализняк А. А.* Значение новгородских берестяных грамот для истории русского и других славянских языков // Вестник АН СССР. № 8. С. 92–100.
- Зализняк 1993 – *Зализняк А. А.* К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989 годов. М. С. 191–321.
- Зализняк 1995 – *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М.
- Зализняк 2004 – *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М.
- Зализняк 2010 – *Зализняк А. А.* Из заметок о любительской лингвистике. М.
- Заринов 1997 – *Заринов И. Ю.* Исторические рамки феномена этничности // ЭО. № 3. С. 21–31.
- Заринов 2000 – *Заринов И. Ю.* Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // ЭО. № 2. С. 3–18.
- Заринов 2002 – *Заринов И. Ю.* Социум – этнос – этничность – нация – национализм // ЭО. № 1. С. 3–30.
- Засецкая 1993 – *Засецкая И. П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. Симферополь. Вып. III. С. 23–105.
- Засецкая 1994 – *Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V в.) СПб.
- Захаров, Кузина 2008 – *Захаров С. Д., Кузина И. Н.* Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М. Т. 2. С. 142–215.
- Заяц 1994 – *Заяц Ю. А.* Паселішча каля в Дружба (Рылаўшчына) // ГАЗ. Мінск. № 3. С. 132–147.
- Звяруга 2005 – *Звяруга Я. Г.* Беларускае Павілле у жалезным веку і раннім сярэднявекюі / МАБ. Вып. 10. Мінск.
- Зверуго, Медведев 2003 – *Зверуго Я. Г., Медведев А. М.* Микольское селище (исследования 1981–1982 гг.) // МАБ. Мінск. Вып. 6. С. 85–100.
- Зверуго, Медведев 2003а – *Зверуго Я. Г., Медведев А. М.* Селище Микольцы (исследования 1983 г.) // МАБ. Мінск. Вып. 7. С. 85–110.
- Зверуго, Медведев 2006 – *Зверуго Я. Г., Медведев А. М.* Селище Микольцы (материалы исследований 1986–1991 годов) // МАБ. Мінск. Вып. 12. С. 33–55.
- Зеленин 1916 – *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг.
- Зеленин 1917 – *Зеленин Д. К.* Древнерусский языческий культ «заложных» покойников // Известия АН. Пг. С. 399–414.
- Зеленин 1929 – *Зеленин Д. К.* Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности? // Сборник Ленинградского общества изучения культуры финно-угорских народностей. Л. Вып. 1. С. 96–108.

- Зеленин 1937 – *Зеленин Д. К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М. – Л.
- Зеленин 1991 – *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К. Д. Цивинной. М.
- Зеленин 1994 – *Зеленин Д. К.* К вопросу о ходе древнейшей русской колонизации в Вятский край // *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М. С. 151–163.
- Зеленин 1995 – *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.
- Зеленин 2004 – *Зеленин Д. К.* Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов // *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934–1954. М. С. 111–144.
- Земляков 2018 – *Земляков М. В.* Франкские короли и славянские племена в анналистике середины VII – начала IX в.: дипломатические союзы, военные конфликты и их последствия // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17–20 апреля 2018 г. М. С. 113–118.
- Зенько 1997 – *Зенько А. П.* Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Новосибирск.
- Зерницкая, Симакова, Павлова 2001 – *Зерницкая В. П., Симакова Г. И., Павлова И. Д.* Признаки хозяйственной деятельности человека в пыльцевых спектрах голоцена Беларуси // ГАЗ. Минск. Вып. 16. С. 5–19.
- Зечевий 2019 – *Зечевий Е.* Трагови словена у 6. и 7. столећу на Западном Балкану // Балканы, Подунавье и Восточная Европа в римское время и в раннем средневековье. Нови Сад. С. 407–441.
- Зимин 1973 – *Зимин А. А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М.
- Зимица 1993 – *Зимица М. П.* Каменный век бассейна реки Мсты. М.
- Зиммель 2015 – *Зиммель Г.* Человек как враг / *Зиммель Г.* Избранное. Проблемы социологии. М. – СПб.
- Зозуля 2018 – *Зозуля С. С.* Исследования в Днепровской курганной группе Гнёздовского археологического комплекса в 2010–2012 гг. // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1 / Труды ГИМ. Вып. 210. М. С. 181–210.
- Золотарев 2013 – *Золотарев А. Ю.* К вопросу об источниках рабства и характере эксплуатации рабов в раннесредневековой Англии // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А. П. Новосельцева. Москва, 17–19 апреля 2013 г. М. С. 113–119.
- Зомбарт 2005 – *Зомбарт В.* Торгаши и герои / В кн. *Зомбарт В.* Собрание сочинений в 3 т. Т. II / Пер. с нем. Д. В. Кузицына. СПб.
- Зубрицкий 1909 – *Зубрицкий М.* Селянські будинки в Мшанци Старосамбірського пов. // Матеріали до українсько-руської етнології. Львів. Т. 11. С. 1–22.
- Иванов 1998 – *Иванов А. Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск.
- Иванов 1983 – *Иванов С. А.* Оборона Византии и география «варварских» вторжений через Дунай в первой половине VI в. // ВВ. 1983. Т. 44. С. 27–47.
- Иванов 1991 – *Иванов С. А.* Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей) // Советское славяноведение. Вып. 5. С. 3–13.
- Иванов 1993 – *Иванов С. А.* Славянская этничность как методологическая проблема // Славяноведение. № 2. С. 23–26.
- Иванов 2008 – *Иванов С. А.* «В тени юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* № 2(4). Июль–декабрь. С. 5–12.
- Иванов 2017 – *Иванов С. А.* Славяне как «избранный народ» Юстиниана II // Культурний шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. Київ. С. 164–169.
- Иванов, Топоров 2000 – *Иванов В. В., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Из истории русской культуры. М. Т. 1. Древняя Русь.
- Иванова 1981 – *Иванова О. В.* Некоторые вопросы экономического развития славян в долинах Струмы и Вардара в VII–VIII вв. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М. С. 215–231.
- Иванищев 2005 – *Иванищев А. М.* Комплексы раннего железного века поселения Тудозеро-V // Археология Севера. Череповец. Вып. 1. С. 42–54.
- Иессен 1952 – *Иессен А. А.* Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. Вып. 16. С. 206–231.
- Измайлов 2003 – *Измайлов И. Л.* Балымерский курганный могильник в свете контактов Северной Европы и Волжской Булгарии: проблемы и дискуссии // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб. С. 127–141.
- Иллюстрированный определитель 2000 – Иллюстрированный определитель растений Карельского перешейка / Под ред. Ф. Л. Буданцева и Г. П. Яковлева. СПб.
- Ильин 1924 – *Ильин А. А.* Топография кладов древних русских монет X–XI в. и монет удельного периода // Труды нумизматической комиссии РАИМК. Л. Т. V.
- Ильютик 1996 – *Ильютик А. В.* Лысуха – памятник железного века // ГАЗ. Минск. Вып. 7. С. 141–161.
- Императорская археологическая комиссия 2009 – Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной

- археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб.
- Исаченко 1998 – *Исаченко Г. А.* «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб.
- Исланова 1997 – *Исланова И. В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.
- Исланова 2004 – *Исланова И. В.* Славянское расселение на Валдае и Верхней Волге (история решения вопроса по данным археологии) // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М. С. 77–91.
- Исланова 2006 – *Исланова И. В.* Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.
- Исланова 2007 – *Исланова И. В.* Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. РСМ. Вып. 9. М. С. 301–332.
- Исланова 2008 – *Исланова И. В.* Городище Отмичи. М.
- Исланова 2010 – *Исланова И. В.* Культурная принадлежность древностей середины I тыс. н. э. Верхнего Поволжья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Тула. Ч. 1. С. 203–217.
- Исланова 2014 – *Исланова И. В.* Памятники типа Подол (культурные контакты населения Верхневолжья в третьей четверти I тыс. н. э. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. РСМ. Вып. 15. М. С. 26–44.
- Исланова 2016 – *Исланова И. В.* Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). РСМ. Вып. 17. М. С. 136–220.
- Исланова 2017 – *Исланова И. В.* О культурных трансформациях раннесредневековых древностей на Волго-Балтийском водоразделе // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А. М. Обломского. РСМ 19. М. С. 82–89.
- Исланова 2018 – *Исланова И. В.* О поздних погребальных памятниках в восточной области культуры псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 251. С. 237–248.
- Исланова 2019 – *Исланова И. В.* Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Исланова 2020 – *Исланова И. В.* Поселение Дубок 1 на озере Селигер // История вещей – история и вещи. К 60-летию юбилею И. О. Гавритухина. РСМ 20. М. С. 214–220.
- Исланова 2020а – *Исланова И. В.* Мстинско-Моложская группа древностей середины I тыс. н. э. на Волго-Балтийском водоразделе // Археологические вести. СПб. Вып. 28. С. 249–257.
- Исланова 2021 – *Исланова И. В.* Некоторые актуальные вопросы изучения раннесредневековых древностей (Валдай – Волго-Балтийский водораздел – Верхневолжье) // Записки ИИМК РАН. № 25. С. 149–159.
- Исланова, Крымов, Романов 2005 – *Исланова И. В., Крымов Е. Ю., Романов В. В.* Варяги на Верхней Волге (новые находки) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М. С. 72–77.
- Исланова, Мирецкий, Олейников 2007 – *Исланова И. В., Мирецкий А. В., Олейников О. М.* Городище Осечен (ранний железный век и раннее средневековье) // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 6. Т. II. С. 132–147.
- История 1990 – История Ладожского, Онежского, Псковско-Чудского озер, Байкала и Ханки. Л.
- Истрин 1893 – *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. М.
- Кагаров 1913 – *Кагаров Е.* Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.
- Каждан, Литаврин 1998 – *Каждан А. П., Литаврин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян. СПб.
- Казаков 1992 – *Казаков Е. П.* Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.
- Казакиявичюс 1988 – *Казакиявичюс В.* Оружие балтских племен II – VIII веков на территории Литвы. Вильнюс.
- Казанков 2002 – *Казанков А. А.* Агрессия в архаических обществах (на примере охотников-собирателей полупустынь). М.
- Казанский 2005 – 2009 – *Казанский М. М.* О раннеславянской коннице // *Stratum plus*. № 5. С. 457–471.
- Казанский 2006 – *Казанский М. М.* Некоторые находки из Старой Уппсалы и вопрос восточноевропейско-скандинавских контактов // Археологическое изучение Центральной России. Липецк. С. 273–275.
- Казанский 2007 – *Казанский М. М.* Курганы Старой Уппсалы и Восточный путь // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 21. С. 125–137.
- Казанский 2008 – *Казанский М. М.* Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула. Вып. 1. С. 304–325.
- Казанский 2010 – *Казанский М. М.* О контактах населения территории Восточной Эстонии и Скандинавии в эпоху великого переселения народов // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб. С. 330–336.
- Казанский 2010а – *Казанский М. М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // *Stratum plus*. № 4. С. 17–127.

- Казанский 2011 – *Казанский М. М.* О славянском панцирном войске (VI–VII вв.) // *Stratum plus.* № 5. С. 43–50.
- Казанский 2012 – *Казанский М. М.* Водные пути из Балтики к Черному морю и северные варвары в эпоху переселения народов // *Inter Ambo Maria.* Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю. Тезисы докладов международной конференции 3–7 октября 2012 г. Гаспра, Крым, Украина. Симферополь. С. 106–115.
- Казанский 2014 – *Казанский М. М.* Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. РСМ. Вып. 15. М. С. 45–137.
- Казанский 2015 – *Казанский М. М.* Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // *Stratum plus.* № 5. С. 43–95.
- Казанский 2016 – *Казанский М. М.* Пути проникновения готов на Боспор Киммерийский и природные условия Северного Причерноморья в III в. // Боспорские исследования. Керчь. Вып. XXXIII. С. 137–162.
- Казанский 2020 – *Казанский М. М.* О расселении славян в лесной зоне Восточной Европы: предметы ранне-средневекового убора дунайского происхождения (VI–IX вв.) // *Археологические вести.* СПб. Вып. 28. С. 258–271.
- Калинина 1994 – *Калинина Т. М.* Арабские источники VIII–IX вв. о славянах // *Древнейшие государства Восточной Европы.* Материалы и исследования. 1991 год. М. С. 211–224.
- Калинина 2000 – *Калинина Т. М.* Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. // *Древнейшие государства Восточной Европы.* Материалы и исследования. 1998 год. М. С. 106–119.
- Кальмер 1999 – *Кальмер Ю.* Археологические древности Руси // *Stratum plus.* № 5. С. 153–157.
- Каргопольцев 1997 – *Каргопольцев С. Ю.* Двухшпные наконечники дротиков памятников Северо-Запада в контексте древностей римского времени и великого переселения народов // *Ладога и религиозное сознание.* Третье чтения памяти Анны Мачинской. СПб. С. 99–101.
- Карлов 2000 – *Карлов В. В.* Этнонациональная рефлексия и предмет этнологии (к проблеме самосознания науки) // *ЭО.* № 4. С. 3–21.
- Карлов 2011 – *Карлов В. В.* Этническая идентификация в системе идентичностей глобального мира: тенденции изменений // *Феномен идентичности в современном гуманитарном знании.* М. С. 469–473.
- Карский 1904 – *Карский Ф. О.* Белоруссы. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильна.
- Касюк 2020 – *Касюк Е. Ф.* Поселение Долгое-1 на р. Случь в римский период и эпоху Великого переселения народов // *История вещей – история и вещи.* К 60-летию юбилею И. О. Гавритухина. РСМ 20. М. С. 221–240.
- Каталог 1915 – Каталог выставки XVI Всероссийского археологического съезда 1914 года во Пскове, отмененного по случаю войны. Псков.
- Квасов 1975 – *Квасов Д. Д.* Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.
- Кенько 2016 – *Кенько П. М.* Материалы верхнеднепровского варианта киевской культуры с селища Черная Лоза // *Славяне на территории Беларуси в догосударственный период.* Минск. Кн. 2. С. 255–262.
- Кенько, Дернович 2019 – *Кенько П. М., Дернович С. Д.* Культурно-хронологический аспект в изучении деталей костюма из коллекции археологического комплекса Кордон // *МАБ. Минск.* Вып. 30. С. 49–63.
- Керт 2005 – *Керт Г. М.* Критерии идентификации саамской субстратной топонимии // *Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Сборник материалов международной научной конференции.* Петрозаводск. С. 338–347.
- Кибинь 2014 – *Кибинь А. С.* От Ятвяжи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII вв. М.
- Килиевич 1982 – *Килиевич С. Р.* Детинец Киева IX – первой половины XIII века. Киев.
- Кирпичников 1958 – *Кирпичников А. Н.* Метательная артиллерия Древней Руси // *МАР.* № 77. М. С. 7–51.
- Кирпичников 1966 – *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // *САИ.* Вып. Е1-36. М. – Л.
- Кирпичников 1973 – *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // *САИ.* Вып. Е1-36. Л.
- Кирпичников 1980 – *Кирпичников А. Н.* Новооткрытая ладожская каменная крепость IX–X вв. // *Памятники культуры. Новые открытия.* 1979 г. Л. С. 441–455.
- Кирпичников 1982 – *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Северной Руси по данным новых архитектурно-археологических исследований // *Вестник АН СССР.* М. Вып. 5. С. 95–107.
- Кирпичников 1984 – *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л.
- Кирпичников 1990 – *Кирпичников А. Н.* Приладожская лопь // *Финны в Европе VI–XV веков.* Вып. II. С. 135–144.
- Кирпичников 2002 – *Кирпичников А. Н.* Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладоги // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья.* СПб. С. 227–250.
- Кирпичников 2004 – *Кирпичников А. Н.* Археологические неожиданности в Старой Ладоге // *Новгородские археологические чтения – 2.* Великий Новгород. С. 94–98.

- Кирпичников, Сарабьянов 2013 – *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога: древняя столица Руси. СПб.
- Кирпичников 2014 – *Кирпичников А. Н.* Древняя Ладога в эпоху викингов в свете международной культурной интеграции // Культурное наследие Российского государства. СПб. Вып. VI. Ч. 1. С. 225–252.
- Кирпичников 2018 – *Кирпичников А. Н.* Культурно-историческое исследование Старой Ладоги // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб. С. 7–20.
- Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986 – *Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М. С. 188–297.
- Кирпичников, Курбатов 2014 – *Кирпичников А. Н., Курбатов А. В.* Новые данные о происхождении Ладожского поселения и о появлении славян в Поволховье // *Stratum plus*. № 5. С. 129–136.
- Кирпичников, Рябинин 1990 – *Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А.* Прибалтийско-финские племена в составе Древнерусского государства // Финны в Европе VI–XV века. М. Вып. II. С. 101–120.
- Кирпичников, Сакса 2002 – *Кирпичников А. Н., Сакса А. И.* Финское население северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб. С. 134–144.
- Кирпичников, Сарабьянов 2003 – *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб.
- Кирьянова 2003 – *Кирьянова Н. А.* Результаты определения зерна из отмывок культурного слоя городища Варварина Гора // *Буров В. А.* Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М. С. 457–459.
- Кланица 1987 – *Кланица З.* Падение Аварской державы в Подунавье // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М.
- Клаузевиц 1998 – *Клаузевиц К.* О войне / Пер. с нем. А. Рачинского. М.
- Клейн 2013 – *Клейн Л. С.* Этногенез и археология. Т. 1. Теоретические исследования. СПб.
- Клейн 2015 – *Клейн Л. С.* Происхождение славян, версия биохимическая (*Клёсов А. А.* Происхождение славян. ДНК-генеалогия против «норманнской теории». М. 2013) // Российский археологический ежегодник. № 5. С. 651–664.
- Клещенко, Решетова 2019 – *Клещенко Е. А., Решетова И. К.* Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы. М.
- Клімаў, Куляшоў 2011 – *Клімаў М., Куляшоў В.* Новыя знаходкі арабскіх дзірхамаў на Полацкім Гарадзішчы // *Studia Numismatica Albaruthenica*. Мінск. Vol. I. С. 49–60.
- Клубова 1990 – *Клубова О. В.* Охранные раскопки городища «Курская Гора» в верховьях реки Луги // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 3. С. 12–15.
- Клубова 1992 – *Клубова О. В.* Исследования в урочище Курская Гора в 1990 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 4/5. Новгород. С. 21–25.
- Клубова 1992а – *Клубова О. В.* Исследования селища в урочище Курская Гора в 1991 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 6. С. 24–27.
- Ключевский 1923 – *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Пг. Ч. 1.
- Ковалев 2002 – *Ковалев Р. К.* Клад дирхамов 913/914 гг. из деревни Пальцево Тверской губернии // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб. С. 160–164.
- Ковалевский 1956 – *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков.
- Ковалевский 1910 – *Ковалевский М. М.* Дарвинизм в социологии // Памяти Дарвина. М. С. 117–158.
- Козак 1997 – *Козак Д. Н.* Военное дело древних славян / Страницы истории Южной Украины. Вып. 21. Николаев.
- Козлов 1969 – *Козлов В. И.* Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М.
- Козлов 1999 – *Козлов В. И.* Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М.
- Коковцов 1932 – *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.
- Кол 2013 – *Кол Ф.* Прародины в современности и в прошлом: политическое применение опасной концепции // ЭО. № 1. С. 26–36.
- Колосова 2015 – *Колосова И. О.* Булаевский клад куфических монет 935/936 г.: историографические заметки // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 60-го заседания (22–24 апреля 2014 года). Псков. С. 111–122.
- Колосова, Милютин 1994 – *Колосова И. О., Милютин Н. Н.* «Большой курган» древнерусского некрополя Пскова (погребения 57, 59) // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 2. С. 110–127.
- Колосовский 1995 – *Колосовский Ю. В.* Штрихованная керамика на северо-востоке Беларуси (по материалам городищ Оршанского Поднепровья) // Региональная научно-конференция «Гістарычныя лэсы Верхняга Падняпроўя» (Частка 1). Магілёў. С. 99–109.
- Колосовский 1997 – *Колосовский Ю. В.* Новые данные о раннеславянском поселении у д. Вежки в Оршанском Поднепровье // Гісторыя Беларусі: жалезны век

- і сярэневечча. Да 70-годдзя з дня нараджэння Г. В. Штыхава. Мінск. С. 37–39.
- Колосовский, Штыхов 2005 – Колосовский Ю. В., Штыхов Г. В. Археологический комплекс около д. Казиново Городокского района Витебской области // МАБ. Минск. Вып. 9. С. 112–120.
- Колпаков 1995 – Колпаков Е. М. Этнос и этничность // ЭО. № 5. С. 13–23.
- Колчин 1968 – Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия / САИ. Вып. Е1-55. М.
- Колчин, Рыбина 1982 – Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. М. С. 178–238.
- Коляда 1985 – Коляда В. В. Роль подсечного земледелия в преобразовании ландшафтов Витебской области в раннем железном веке // Географические аспекты рационального природопользования. Минск. С. 35–40.
- Комар 2007 – Комар А. В. Что такое «пастырская культура»? // Проблемы на Прабългарската история и култура. София. Т. 4–1. С. 35–52.
- Комар, Кубышев, Орлов 2005 – Комар А. В., Кубышев А. И., Орлов Р. С. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 5. С. 245–374.
- Комаров, Елина 1976 – Комаров К. И., Елина А. К. Курганый могильник в окрестностях г. Старица // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М. С. 227–238.
- Кондов 1961 – Кондов Н. К. К вопросу о системе полеводства в Болгарских и соседних с ними землях Балканского полуострова в средние века // ВВ. Вып. XX. С. 3–13.
- Кондратьева, Белецкий 2002 – Кондратьева О. А., Белецкий С. В. Новые находки гребней из Псковского городища // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб. С. 94–98.
- Конецкий 1980 – Конецкий В. Я. Исследования грунтовых могильников и сопки в Приильменьи // АО 1979 г. М. С. 11–12.
- Конецкий 1981 – Конецкий В. Я. Нередицкий могильник // КСИА. Вып. 164. М. С. 83–86.
- Конецкий 1984 – Конецкий В. Я. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 154–172.
- Конецкий 1984а – Конецкий В. Я. Древнерусский грунтовый могильник у поселка Деревяницы около Новгорода // НИС. Вып. 2 (12). С. 39–61.
- Конецкий 1985 – Конецкий В. Я. О «каменных кругах» Юго-Западного Приильмения // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 37–44.
- Конецкий 1989 – Конецкий В. Я. Новгородские сопки и проблема этно-социального развития Приильмения в VIII–X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. Л. С. 140–150.
- Конецкий 1991 – Конецкий В. Я. Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I – начала II тыс. н. э. в бассейне р. Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли. М. С. 89–109.
- Конецкий 1991а – Конецкий В. Я. Роль естественно-природных факторов в ранней истории Новгородской земли // 125 лет Новгородскому музею: Тез. докл. науч. конф. Новгород. С. 32–39.
- Конецкий 1992 – Конецкий В. Я. К социальной интерпретации общины эпохи сопки (по материалам памятников в ур. Губинская Лука на р. Ловать) // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. науч. конф. Псков. С. 50–52.
- Конецкий 1993 – Конецкий В. Я. Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I – начала II тысячелетия н. э. // Новгородский исторический сборник. СПб. – Новгород. Вып. 4 (14). С. 3–26.
- Конецкий 1994 – Конецкий В. Я. Центр и периферия Приильмения в IX–X веках; особенности социально-политического развития // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 8. С. 49–64.
- Конецкий 1994а – Конецкий В. Я. К происхождению некоторых особенностей социального устройства древнего Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород. С. 138–144.
- Конецкий 1995 – Конецкий В. Я. Социальная организация населения Приильмения и формирование коренной территории Новгородской земли в конце I тыс. н. э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. Новгород. Вып. 9. С. 31–40.
- Конецкий 1995а – Конецкий В. Я. Некоторые аспекты источниковедения и интерпретации комплекса памятников в Перыни под Новгородом // Церковная археология. СПб. – Псков. Ч. 1. С. 80–85.
- Конецкий 1997 – Конецкий В. В. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. Новгород. Вып. 11. С. 213–225.
- Конецкий 1998 – Конецкий В. Я. Славянская колонизация Северо-Запада в отечественной исторической и археологической литературе // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. Новгород. Вып. 12. С. 226–241.
- Конецкий 2000 – Конецкий В. Я. Некоторые вопросы изучения древнейших пахотных орудий Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. Новгород. Вып. 14. С. 239–261.
- Конецкий 2000а – Конецкий В. Я. Археологические памятники Нередицкого холма: итоги и перспективы изучения // НИС. Вып. 8 (18). С. 20–29.

- Конецкий 2009 – *Конецкий В. Я.* Хозяйство и промыслы населения Приильменя в конце I – начале II тыс. н. э. // История экономики Великого Новгорода и Новгородской земли. Очерки хозяйственного развития. Великий Новгород. С. 7–19.
- Конецкий 2016 – *Конецкий В. Я.* Наральник южнорусского типа X века из раскопок в пос. Любытино // Ежегодник НГОМЗ. 2014. Великий Новгород. С. 87–90.
- Конецкий, Клубова 1989 – *Конецкий В. Я., Клубова О. В.* Работы областной экспедиции Новгородского музея // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. Новгород. Вып. 2. С. 11–14.
- Конецкий, Носов 1985 – *Конецкий В. Я., Носов Е. Н.* Загадки Новгородской округи. Л.
- Конецкий, Носов 1995 – *Конецкий В. Я., Носов Е. Н.* К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // Славяно-русские древности. СПб. Вып. 3. С. 29–54.
- Конецкий, Самойлов 2000 – *Конецкий В. Я., Самойлов К. Г.* Хозяйство носителей культуры длинных курганов: проблема структурности // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 14. С. 261–275.
- Конецкий, Самойлов 2000а – *Конецкий В. Я., Самойлов К. Г.* К проблеме возникновения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы в I тыс. н. э. // Археологические вести. СПб. Вып. 7. С. 320–328.
- Конецкий, Пати́на 2017 – *Конецкий В. Я., Пати́на Т. Н.* Погребальные площадки культуры сопок в пос. Любытино // Ежегодник НГОМЗ. 2015. Великий Новгород. С. 136–152.
- Конецкий, Пати́на 2017а – *Конецкий В. Я., Пати́на Т. Н.* Лепная керамика Мальшевского археологического комплекса // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 31. С. 163–176.
- Конькова 1990 – *Конькова О. И.* Исследования ижорских средневековых могильников. Итоги и перспективы // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л. С. 31–35.
- Конькова 1992 – *Конькова О. И.* Вопросы ранней истории финноязычного населения нижнего течения р. Луги // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб. С. 92–105.
- Конькова 2008 – *Конькова О. И.* Археологические находки на западе Ленинградской области и проблема происхождения ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 2. Древности Ижорской земли. С. 9–32.
- Коре́панов 2013 – *Коре́панов Н. С.* Караван 1751 года: от Вышнего Волочка до Новгорода // Мстинский альманах. Великий Новгород. Вып. 3. С. 60–64.
- Коре́цкий 1969 – *Коре́цкий В. И.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV–XV вв. // Археологический ежегодник за 1967 год. М. С. 275–290.
- Корзухина 1954 – *Корзухина Г. Ф.* Русские клады. М.; Л.
- Корзухина 1964 – *Корзухина Г. Ф.* Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // СС. Таллин. Вып. 8. С. 297–314.
- Корзухина 1978 – *Корзухина Г. Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье / САИ. Вып. Е1–43. Л.
- Королюк 1968 – *Королюк В. Д.* К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X – XII вв. // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации. М. С. 98–113.
- Королюк 1973 – *Королюк В. Д.* Вольняне Абу-л-Хасана ам-Ал-Масуди и «Повести временных лет» // Античная древность и средние века. Свердловск. Вып. 10. С. 139–141.
- Королюк 1976 – *Королюк В. Д.* Перемещение славян в Подунавье и на Балканы (славяне и волохи в VI – середине VII в. // Советское славяноведение. М. Вып. 6.
- Королюк 1976а – *Королюк В. Д.* К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. М. С. 6–29.
- Королюк 1985 – *Королюк В. Д.* Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М.
- Коропчевский 1892 – *Коропчевский Д. А.* Психология войны. СПб.
- Короткевич 1999 – *Короткевич Б. С.* Культурный памятник на озере Воловжа в Псковской области // АСГЭ. Вып. 34. С. 172–186.
- Короткевич 2004 – *Короткевич Б. С.* Ранний железный век в верховьях Западной Двины и Ловати: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Короткевич 2012 – *Короткевич Б. С.* Стратиграфия городища Анашкино по материалам раскопок 2009–2010 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 58-го заседания (17–19 апреля 2012 года). Псков. С. 174–186.
- Короткевич, Лопатин 2000 – *Короткевич Б. С., Лопатин Н. В.* Работы на городище Токолово близ г. Великие Луки // АО 1998 г. М. С. 33–34.
- Короткевич, Мазуркевич 1992 – *Короткевич Б. С., Мазуркевич А. Н.* Пять вариантов днепро-двинской культуры // ПАВ. Вып. 2. С. 63–82.
- Короткевич, Саблин, Сыромятникова 2010 – *Короткевич Б. С., Саблин М. В., Сыромятникова Е. В.* Фауна городища Анашкино в эпоху поздней бронзы и раннего железного века // АСГЭ. Вып. 38. С. 24–28.

- Короткевич, Саблин 2014 – *Короткевич Б. С., Саблин М. В.* Фауна городища Анашкино (динамика культурно-хронологических изменений) // Археология и история Пскова и Псковской земли. СПб. Вып. 29. С. 298–311.
- Косменко 1993 – *Косменко М. Г.* Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб.
- Косменко 1996 – *Косменко М. Г.* Позднебеломорская культура // Археология Карелии. Петрозаводск. С. 257–267.
- Костюкевич 2015 – *Костюкевич А. В.* Аметистовая византийская бусина из Витебска // МАБ. Минск. Вып. 26. С. 246–248.
- Косых 2007 – *Косых А. М.* Янтарная находка из Любши и европейский путь лиры // *Antiquitas Iuventaе*: Сб. науч. тр. студентов и аспирантов. Саратов. С. 301–308.
- Котляревский 1868 – *Котляревский А. А.* О погребальных обрядах языческих славян. М.
- Кочуркина 1973 – *Кочуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Л.
- Кочуркина 1986 – *Кочуркина С. И.* Корела и Русь. Л.
- Кочуркина 1989 – *Кочуркина С. И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск.
- Кочуркина 2003 – *Кочуркина С. И.* Весь (по археологическим материалам) // Прибалтийско-финские народы России. М. С. 333–341.
- Кошечкин, Экман 1993 – *Кошечкин Б. И., Экман И. М.* Голоценовые трансгрессии Ладожского озера // Эволюция природных обстановок и современное состояние геосистемы Ладожского озера. СПб. С. 49–60.
- Кравченко 2005 – *Кравченко Э. Е.* Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк. Т. 4. Хазарское время. С. 153–186.
- Крадин 1995 – *Крадин Н. Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М. С. 11–61.
- Крадин 2004 – *Крадин Н. Н.* Политическая антропология. М.
- Крадин 2011 – *Крадин Н. Н.* Перспективы политической антропологии // Полис: Политические исследования. № 6. С. 78–91.
- Крадин 2012 – *Крадин Н. Н.* Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М. С. 211–239.
- Крадин 2015 – *Крадин Н. Н.* Основные закономерности происхождения государства // КСИА. Вып. 239. С. 7–27.
- Крадин 2016 – *Крадин Н. Н.* Политическая антропология о происхождении государства // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 г. Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М. С. 91–115.
- Красиков 2010 – *Красиков В. И.* Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. М.
- Краснов 1968 – *Краснов Ю. А.* О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы // СА. № 2. С. 57–79.
- Краснов 1971 – *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.
- Краснов 1975 – *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М.
- Краснов 1987 – *Краснов Ю. А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.
- Крачковский 1957 – *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература // Избранные сочинения. М. – Л. Т. 4.
- Кревельд 2006 – *Кревельд М. ван* Расцвет и упадок государства / Пер с англ. под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. М.
- Кревельд 2015 – *Кревельд М. ван* Трансформация войны / Пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова. М.
- Кренке 2004 – *Кренке Н. А.* Среднее течение Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М.
- Кренке 2011 – *Кренке Н. А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. н. э. М.
- Кренке 2014 – *Кренке Н. А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. Дисс. докт. ист. наук. М. Т. 1.
- Кренке, Ершов, Раева 2020 – *Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А.* Смоленск и Гнёздово // Археологические вести. Вып. 28. С. 296–303.
- Кренке, Низовцев 1997 – *Кренке Н. А., Низовцев В. А.* Человек и ландшафт на территории Подмосковья в железном веке // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М. С. 81–90.
- Кренке, Чернавская 1998 – *Кренке А. Н., Чернавская М. М.* Пространственные и временные изменения повторяемости экстремальных климатических явлений на Русской равнине // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 129–141.
- Криганов 2012 – *Криганов А. В.* Військова справа кочівників Північного Причорномор'я кінця IV – початку XIII століть. Суми.
- Крийска, Лавенто 2007 – *Крийска А., Лавенто М.* «Текстильная керамика» в Эстонии в свете датирования

- нагара на фрагментах сосудов с использованием ускорительной масс-спектрометрии (AMS) // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН 9–12 апреля 2007 г, Санкт-Петербург. СПб. С. 243–250.
- Криничная 1991 – *Криничная Н. А.* Предания Русского Севера. СПб.
- Крис 1970 – *Крис Х. И.* Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища (классификация и хронология) // Древнее поселение в Подмоскowie / МИА. Вып. 156. М. С. 145–169.
- Кристал 2001 – *Кристал Д.* Английский язык как глобальный. М.
- Кропоткин 1971 – *Кропоткин В. В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. IX. С. 76–97.
- Кропоткин 1978 – *Кропоткин В. В.* О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М. С. 111–117.
- Круглов 2016 – *Круглов Е. В.* Государство гузов в памятниках археологии и по данным Ибн Фадлана // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. М. С. 186–225.
- Крыласова, Белавин 2001 – *Крыласова Н. Б., Белавин А. М.* Невалинские пояса в системе международных связей // Миграции и оседлость от Дуная до Ладogi в I тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. С. 88–94.
- Кудрявцев, Андриенко 2017 – *Кудрявцев А. А., Андриенко А. В.* Вещевые комплексы из раскопок церкви Благовещения на Городище под Новгородом в 2016 г. (предварительное сообщение) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. С. 47–53.
- Кудрявцев, Андриенко 2019 – *Кудрявцев А. А., Андриенко А. В.* Материальная культура северной части Новгородского (Рюрикова) городища перед возведением церкви Благовещения (по материалам археологических исследований 2016–2017 гг.) // Архитектурная археология. М. № 1. С. 113–127.
- Кузнецов 2006 – *Кузнецов А. М.* Теория этноса С. М. Широкогорова // ЭО. № 3. С. 57–71.
- Кузнецов 2007 – *Кузнецов А. М.* Этническое и национальное в политологическом дискурсе // Полис. Политические исследования. № 6. С. 9–23.
- Кузнецов 2008 – *Кузнецов А. М.* Рец. на: Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М., 2007 // ЭО. № 5. С. 177–180.
- Кузнецов 2008а – *Кузнецов А. М.* Рец. на: Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. 601 с. Этнографическое обозрение. <http://jurnal.iea.ras.ru/online>.
- Кузнецов 1949 – *Кузнецов К. В.* Собалеўскі скарб // Весці АН БССР. Мінск. № 6. С. 140–141.
- Кузьмин 1994 – *Кузьмин С. Л.* Сопка у д. Новые Дубовики // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб. С. 61–64.
- Кузьмин 1995 – *Кузьмин С. Л.* Крещение и христианизация Новгородской земли: акт и процесс по данным археологии // Церковная археология. СПб. – Псков. Ч. 1. С. 87–90.
- Кузьмин 1997 – *Кузьмин С. Л.* Волховские пороги в древности и средневековье // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб. С. 74–76.
- Кузьмин 1997а – *Кузьмин С. Л.* Волховские сопки на современном этапе изучения // Ладога и религиозное сознание. Третье чтения памяти Анны Мачинской. СПб. С. 108–112.
- Кузьмин 1998 – *Кузьмин С. Л.* Волховские пороги в эпоху средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 12. С. 259–264.
- Кузьмин 1999 – *Кузьмин С. Л.* Сопки Нижнего Поволжья: взгляд на проблему на исходе XX в. // Ранне-средневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб. С. 89–99.
- Кузьмин 2000 – *Кузьмин С. Л.* Сопки Нижнего Поволжья // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 174–183.
- Кузьмин 2000а – *Кузьмин С. Л.* Городище у деревни Надбелье на Оредеже // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 95–97.
- Кузьмин 2001 – *Кузьмин С. Л.* Рождение Северо-Западной Руси: демогенез и культурогенез // Миграции и оседлость от Дуная до Ладogi в I тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. С. 63–73.
- Кузьмин 2008 – *Кузьмин С. Л.* К проблеме военного дела у населения Северо-Западной Руси в раннем средневековье (по материалам археологических памятников) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб. С. 50–55.
- Кузьмин 2008а – *Кузьмин С. Л.* Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб. С. 69–94.
- Кузьмин, Михайлова 1997 – *Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р.* Новые материалы к проблеме славянского расселения на Северо-Западе Руси // Труды VI международного конгресса славянской археологии. М. Т. 3. С. 138–146.
- Кузьмин, Михайлова 2004 – *Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р.* Памятники конца I тыс. н. э. в Лужско-Оредежском междуречье (к проблеме формирования древнерусской культуры в западных районах Новгородской

- земли) // <http://www.ladogamuseum.ru/litera/kuzmin/pub142/>
- Кузьмин, Тарасов 1998 – *Кузьмин С. Л., Тарасов И. И.* Раскопки поселения Новые Дубовики в 1998 г. // Ладога и эпоха викингов. СПб. С. 55–58.
- Кузьмин, Тарасов 2000 – *Кузьмин С. Л., Тарасов И. И.* Исследования раннесредневековых памятников на Оредеже и Волхове // АО 1998 г. М. С. 37–38.
- Кузьмин и др. 1999 – *Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Селин А. А., Соболев В. Ю., Тарасов И. И.* Работы Северо-Западной экспедиции СПбФ РНИИ КПН в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 13. С. 33–40.
- Кулаков 2012 – *Кулаков В. И.* Железное кнатовище из могильника Kleine Kaup и роль статусных бичей в восточноевропейских древностях X–XI вв. // *Archaeologia Lituana*. Vilnius. Vol. 13. С. 117–128.
- Кулаков 2014 – *Кулаков В. И.* Малый Кауп: две формы обрядности // *Archaeologia Lituana*. Vilnius. Vol. 15. С. 93–110.
- Кулаков 2016 – *Кулаков В. И.* Пруссy эпохи викингов: жизнь и быт общины Каупа. М.
- Кулешов 2003 – *Кулешов Вяч. С.* Нева // Ладога. Первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни. СПб. С. 27–36.
- Кулешов 2005 – *Кулешов В. С.* Памятники культуры Tandgraber на северо-западе европейской части России // Альманах молодых археологов. СПб. С. 183–197.
- Кулешов 2012 – *Кулешов В. С.* Новые данные о кладках с восточными монетами IX – X вв. на территории Беларуси // Нумизматические чтения 2012 года. К 150-летию со дня рождения Павла Васильевича Зубова (1862–1921). Москва, 4–5 декабря 2012 г. М. С. 40–44.
- Кулешов, Еремеев 2015 – *Кулешов Вяч. С., Еремеев И. И.* Глазуновский клад куфических монет IX в. // *И. И. Еремеев. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья)*. СПб. С. 605–609.
- Кулжинский 1861 – *Кулжинский А. И.* Известия о курганах и городищах. VII. Курганы Новгородской губернии // Известия Императорского археологического общества. СПб. Т. 2. Вып. 3. С. 149–160.
- Куликаускас 1970 – *Куликаускас П.* Археологические исследования городищ в Литве в 1967–1968 гг. // *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora*. Tallinn. С. 95–101.
- Кулишер 1923 – *Кулишер И. М.* Очерк истории русской торговли до девятнадцатого века включительно. Петербург.
- Кулькова, Юшкова 2006 – *Кулькова М. А., Юшкова М. А.* Керамика эпохи раннего металла поселения Шкурин Горка // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб. С. 82–92.
- Куник 1878 – *Куник А. А.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и Славянах. СПб. Ч. 1.
- Курбатов 2018 – *Курбатов А. В.* Ремесло раннесредневековой Ладоги // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб. С. 235–282.
- Кухаренко 1960 – *Кухаренко Ю. В.* Памятники пражского типа на территории Приднепровья // *Slavia antiqua*. Warszawa – Poznan. Vol. VII. С. 111–124.
- Кухаренко 1968 – *Кухаренко Ю. В.* Пинские курганы // Славяне и Русь. М. С. 87–90.
- Кушнер 1951 – *Кушнер П. И.* Этнические территории и этнические границы. М.
- Лавенто, Патрушев 2015 – *Лавенто М. Патрушев В. С.* Развитие и хронология текстильной керамики в Среднем и Верхнем Поволжье: критический взгляд на условно принятые ¹⁴C-даты, АМС-датирование и типологическую хронологию // Поволжская археология. № 2 (12). С. 160–188.
- Ладога 2013 – Ладога / Под ред.: В. А. Русянцева, С. А. Кондратьева. СПб.
- Лак, Эжман 1975 – *Лак Г. Ц., Эжман И. М.* О трансгрессиях Ладожского озера в голоцене // Доклады АН СССР. Т. 222. № 1. С. 175–178.
- Ланг 1995 – *Ланг В.* Аграрный ландшафт эпохи раннего железа в Эстонии // *Austrvegt*. Таллин. С. 15–18.
- Лаппо 1997 – *Лаппо Г. М.* География городов. М.
- Лапшин 1990 – *Лапшин В. А.* Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 1. Западные районы.
- Лапшин 2015 – *Лапшин В. А.* Перспективы археологических исследований в Старой Ладоге // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб. Вып. 5. С. 29–35.
- Лапшин 2019 – *Лапшин В. А.* Изучение Старой Ладоги: итоги и перспективы // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). СПб. С. 289–302.
- Лапшин 2019а – *Лапшин В. А.* Ладога до Ладоги // Записки ИИМК РАН. № 20. С. 112–120.
- Латышева, Розенфельдт 1964 – *Латышева Г. П., Розенфельдт И. Г.* Раскопки Барвихинского городища // КСИА. Вып. 102. С. 82–89.
- Лаул 1997 – *Лаул С.* Ранний железный век в Южной Эстонии и «предкурганная культура» // Памятники старины. Концепции, открытия, версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого 1919–1997. СПб. – Псков. Т. I. С. 402–409.
- Лаушкин 2019 – *Лаушкин А. В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М.
- Лашанкоў, Трацякоў 2005 – *Лашанкоў М., Трацякоў Д.* Палеаэтнабатанічныя даследаванні матэрыялаў з помнікаў ранняга жалезнага веку паўднёва-ўсходняй Беларусі // ГАЗ. Вып. 20. Мінск. С. 56–57.

- Лебедев, Галанов 2005 – *Лебедев В. П., Галанов В. И.* Два клада куфических дирхамов и их фрагментов из-под Смоленска // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 4. С. 421–437.
- Лебедев и др. 2012 – *Лебедев В. П., Тростянский О. В., Орлов А. С.* Два клада конца X в. с восточными и европейскими монетами с территории Северо-Западной Руси // Нумизматические чтения 2012 года. К 150-летию со дня рождения Павла Васильевича Зубова (1862–1921). Москва, 4–5 декабря 2012 г. М. С. 44–53.
- Лебедев 1973 – *Лебедев Г. С.* Городец под Лугой (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 135. С. 72–76.
- Лебедев 1974 – *Лебедев Г. С.* Длинные курганы Верхнего Полужья // КСИА. Вып. 139. С. 69–73.
- Лебедев 1977 – *Лебедев Г. С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л.
- Лебедев 1978 – *Лебедев Г. С.* Сопка у д. Репьи в Верхнем Полужье // КСИА. Вып. 155. С. 93–99.
- Лебедев 1982 – *Лебедев Г. С.* О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 29–39.
- Лебедев 1984 – *Лебедев Г. С.* Культурная стратиграфия Северо-Запада Европейской части России и проблемы формирования Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 46–54.
- Лебедев 1986 – *Лебедев Г. С.* Ладога – центр славяно-финско-скандинавских контактов в VIII–XI вв. // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар. С. 3–12.
- Лебедев 1989 – *Лебедев Г. С.* Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне: этногенез и этническая история. Л. С. 105–115.
- Лебедев 1989а – *Лебедев Г. С.* Приладожье, Понаровье, Причудье и о. Тютерс и водные пути в Карелию // Нарва, Ивангород, Понаровье: взаимодействие культур. История и археология. Нарва. С. 27–28.
- Лебедев 1994 – *Лебедев Г. С.* Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира? // Старожитності Русі–України. Київ. С. 146–153.
- Лебедев 1999 – *Лебедев Г. С.* Русь Рюрика как объект археологического изучения // Основания регионалистики. СПб. С. 295–305.
- Лебедев 2002 – *Лебедев Г. С.* Петергофский клад начала IX века как источник по ранней истории Руси // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб. С. 21–35.
- Лебедев 2005 – *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.
- Лебедев и др. 1971 – *Лебедев Г. С., Назаренко В. А., Петренко В. П., Кольчатов В. А., Плоткин К. М.* Разведки в Южном Приладожье // АО 1970 г. М. С. 5.
- Лебедев, Седых 1985 – *Лебедев Г. С., Седых В. Н.* Археологическая карта Старой Ладоги и ее ближайших окрестностей // Вестник Ленинградского университета. № 9. История, яз., лит. Вып. 2. С. 15–25.
- Лебедева 2005 – *Лебедева Е. Ю.* Культурные растения Ростиславля: археоботанические материалы из дьяковского городища и древнерусского города // Археология и естественнонаучные методы. М. С. 159–180.
- Лебедева 2008 – *Лебедева Е. Ю.* Результаты археоботанического анализа образцов с городища Отмичи из раскопок 2002 г. // *Исланова И. В.* Городище Отмичи. М. С. 243–244.
- Лебедева 2009 – *Лебедева Е. Ю.* Продолжение археоботанических исследований на Ростиславльском городище дьяковской культуры // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М. Вып. 1.
- Лебон 1906 – *Лебон Г.* Психологические законы эволюции народов / Пер. В. К. Панченко. СПб.
- Лебон 1908 – *Лебон Г.* Психология социализма. СПб.
- Леви-Брюль 2002 – *Леви-Брюль Л.* Первобытный менталитет / Пер. с фр. Е. Кальщикова. СПб.
- Леви-Стросс 2016 – *Леви-Стросс К.* Узнавать других. Антропология и проблемы современности / Пер. с фр. Е. П. Чебучевой. М.
- Левкиевская 2002 – *Левкиевская Е. Е.* Доля // Славянская мифология. М. С. 141–142.
- Ляўко 1993 – *Ляўко В. М.* Багрынава // Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. Мінск. С. 69–70.
- Ляўко 2000 – *Ляўко В. М.* Новыя археалагічныя даследаванні Друцка і яго акругі // Друцк старажытны. Мінск. С. 87–113.
- Левко 2004 – *Левко О. Н.* Средневековые территориально-административные центры Северо-Восточной Белоруссии. Минск.
- Левко 2016 – *Левко О. Н.* Культурные трансформации в I тысячелетии н. э. на территории Витебского Подвинья и восточной части Днепро-Двинского междуречья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. К 90-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Леонида Давыдовича Поболя. Минск. Кн. 2. С. 271–320.
- Левко 2018 – *Левко О. Н.* Кордон – ключевой объект предгосударственной истории Белорусского Подвинья // Шумілінскі край. Мінск. С. 87–104.
- Левко и др. 2019 – *Левко О. Н., Дернович С. Д., Кенько П. М.* Археологический комплекс Кордон на пути «из варяг в греки»: исследования 2015–2018 гг. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Минск. Кн. 2. С. 319–374.
- Левко, Колосовский 1994 – *Левко О. Н., Колосовский Ю. В.* К вопросу о культурной принадлежности городищ 3-й четверти I тыс. н. э. Оршанского Поднепровья // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. Матэрыялы канферэнцыі 22 красавіка 1993 г. Магілёў. С. 133–141.

- Левко, Колосовский 2003 – *Левко О. Н., Колосовский Ю. В.* Раскопки городищ у д. Кисели (Дымокуры) Толочинского района и у д. Черкасово Оршанского района Витебской области // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. Минск. С. 182–208.
- Ляўко, Шадыра 1993 – *Ляўко В. М., Шадыра В. І.* Новы Болецк // Археалогія і нумізматэка Беларусі. Энцыклапедыя. Мінск. С. 464–465.
- Леонтьев 1996 – *Леонтьев А. Е.* Археология меры: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.
- Леонтьев 2012 – *Леонтьев А. Е.* На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М. С. 162–177.
- Леонтьев 2015 – *Леонтьев А. Е.* Городище Еськи на р. Мологе. Укрепления в пойме // Вопросы истории фортификации. СПб. – М. № 5. С. 114–118.
- Леонтьев 2017 – *Лентьев А. Е.* Городище-торжище Еськи на Верхней Мологе // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой. М. С. 196–200.
- Леонтьев и др. 2020 – *Леонтьев А. Е., Александровский А. Л., Бейлекчи Вал. В., Палатникова Е. В.* Исследования городища Выжегша в 2019 г. // Археология Владимирско-Суздальской земли. М. Вып. 10. С. 42–53.
- Леонтьев, Сапрыкина 2022 – *Леонтьев А. Е., Сапрыкина И. А.* Цветная металлообработка на городище Выжегша // КСИА. Вып. 266. С. 217–236.
- Леонтьев 2000 – *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство / Леонтьев К. Н. Поздняя осень России. М.
- Лесман 1990 – *Лесман Ю. М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М. С. 29–98.
- Лесман 1995 – *Лесман Ю. М.* Древнерусский Тесов // Древности Северо-Западной России. СПб. С. 78–82.
- Лесман 2003 – *Лесман Ю. М.* «Из варяг в греки»: хронологические варианты пути // Староладожский сборник. СПб. Вып. 6. С. 54–72.
- Лесман 2008 – *Лесман Ю. М.* Вырицкий курганный могильник // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 2. Древности Ижорской земли. С. 33–74.
- Львова 1998 – *Львова З. А.* Набор предметов вооружения и снаряжения знатного воина из перещепинского комплекса // АСГЭ. Вып. 33 С. 110–122.
- Литаврин 1956 – *Литаврин Г. Г.* Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. // ВВ. Т. XI. С. 123–134.
- Литаврин 1984 – *Литаврин Г. Г.* Славинии VII–IX вв. Социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М. С. 193–203.
- Литаврин 1989 – *Литаврин Г. Г.* О походе аваров в 602 г. против антов // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. М. С. 15–33.
- Литаврин 2001 – *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. СПб.
- Липшиц 1952 – *Липшиц Е. Э.* Из истории славянских общин в Македонии в VI – IX вв. н. э. (Некоторые наблюдения по аграрной истории Византии) // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М. С. 49–54.
- Лопатин 1997 – *Лопатин Н. В.* Днепро-Двинская культура как компонент культуры длинных курганов // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М. Т. 3. С. 166–176.
- Лопатин 2007 – *Лопатин Н. В.* Проблемы изучения керамики Изборска // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: материалы LII заседания, посвященного памяти профессора А. Р. Артемьева. Псков. С. 209–218.
- Лопатин 2017 – *Лопатин Н. В.* Несколько заметок о верхнем слое городища Тушемля // De mare ad mare. Археология и история: Сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. Смоленск. С. 149–153.
- Лопатин 2017а – *Лопатин Н. В.* О тушемлинской и колочинской культурах // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А. М. Обломского. РСМ 19. М. С. 63–69.
- Лопатин 2018 – *Лопатин Н. В.* О городищах V–VII вв. в Верхнем Поднепровье и на Северо-Западе России // КСИА. Вып. 250. С. 293–306.
- Лопатин, Медведев 2002 – *Лопатин Н. В., Медведев А. М.* Поселение Дедиловичи (Замковая Гора). По материалам раскопок 1962 и 1963 годов // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н. э. М. С. 24–41.
- Лопатин, Фурасьев 1995 – *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* О роли памятников III–V вв. н. э. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // ПАВ. Вып. 9. С. 136–142.
- Лопатин 2004 – *Лопатин Н. В.* Керамические стили и культурные группы III – V вв. н. э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб. С. 144–157.
- Лопатин, Фурасьев 2007 – *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э. / РСМ. Вып. 8. М.
- Лопатин, Фурасьев 2007а – *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северо-Запад России и Север Белоруссии // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. РСМ. М. Вып. 9. С. 276–300.
- Лопатин, Попов 2016 – *Лопатин Н. В., Попов С. Г.* Могильник Жеребятино // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). РСМ. М. Вып. 17. С. 333–348.

- Лопатина 2017 – *Лопатина О. А.* Текстильные отпечатки на древней керамике: проблемы интерпретации // РА. № 1. С. 168–179.
- Лопатина, Тавлинцева 2017 – *Лопатина О. А., Тавлинцева Е. Ю.* Поздняя профилированная «текстильная» керамика городища Ростиславль // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. Смоленск. С. 345–361.
- Лоренц 1994 – *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»). М.
- Лоренц 2016 – *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. Сборник трудов. Nuköping.
- Лосев 1991 – *Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. М.
- Лотман, Успенский 1977 – *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту. Вып. 414. Труды по русской и славянской филологии. XXVIII. Литературоведение. С. 3–36.
- Лошенко 2011 – *Лошенко М. И.* Городища милоградской культуры на территории Беларуси. Минск.
- Лошенко, Барцева 1995 – *Лошенко М. И., Барцева Т. Б.* К вопросу о бронзолитейном ремесле населения милоградской культуры // ГАЗ. Минск. Вып. 6. С. 78–104.
- Луговцова 2011 – *Луговцова С. Л.* Размышления над книгой: Тымаці Снайдер. Рэканструкцыя нацый: Польшча, Украіна, Літва і Беларусь, 1569–1999 гг. Мінск, 2010. // Российские и славянские исследования: научн. сборник. Минск. Вып. 6. С. 207–212.
- Лухтан, Ушинкас 1988 – *Лухтан А., Ушинкас В.* К проблеме становления Литовской земли в свете археологических данных // Древности Литвы и Белоруссии. Вильнюс. С. 89–104.
- Львова 2009 – *Львова З. А.* Стекланные бусы Любши // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. К 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова. М. Т. 1. С. 467–478.
- Любавский 1996 – *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.
- Люттвак 2010 – *Люттвак Э. Н.* Стратегия Византийской империи. М.
- Ляўданскі 1930 – *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе // Працы. Менск. Т. II. С. 93–104.
- Ляўданскі 1930а – *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе // Працы. Менск. Т. II. С. 157–198.
- Ляўданскі 1930б – *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажы, Дняпра, і Касплі ў Смаленскай губэрні // Працы. Менск. Т. II. С. 269–338.
- Ляскоронский 1883 – *Ляскоронский В.* Этнография по Адаму Бременскому. Киев.
- Ляпушкин 1958 – *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое // МИА. № 74. М. – Л.
- Ляпушкин 1968 – *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л.
- Мавродин 1945 – *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л.
- Мавродин 1949 – *Мавродин В. В.* Начало мореходства на Руси. Л.
- Мажитов 1977 – *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII–XIV вв. М.
- Мажитов 1981 – *Мажитов Н. А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.
- Мазурик 2016 – *Мазурик Ю.* Човен-довбанка з річки Турія на Волині // Археологічні дослідження в Україні 2015. Київ. С. 20–21.
- Мазурик, Хомич 2016 – *Мазурик Ю., Хомич П.* Знахідка човна-довбанки на річці Стір на Волині // Археологічні дослідження в Україні 2015. Київ. С. 22–24.
- Майко, Джанов, Гукин 2019 – *Майко В. В., Джанов А. В., Гукин В. Д.* Некрополь салтово-маяцкого времени на участке куртин X–XI Судакской крепости // История и археология Крыма. Симферополь. Вып. X. С. 249–264.
- Макарий 1860 – *Архимандрит Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М. Ч. 1.
- Макаров 1999 – *Макаров Н. А.* На Бѣлѣозерѣ съдаты Весь (археологический комментарий к летописной записи) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М. С. 232–243.
- Макаров 2012 – *Макаров Н. А.* Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М. – Вологда. С. 449–459.
- МакНилл 2008 – *МакНилл Дж. Р.* О природе и культуре экологической истории // Человек и природа: экологическая история. СПб. С. 23–83.
- Максаковский 1998 – *Максаковский В. П.* Географическая культура. М.
- Максимов, Розанова 1998 – *Максимов А. Д., Розанова Л. С.* Результаты металлографического анализа железных изделий с городища Орлов Городок // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 3. С. 367–374.
- Максимов, Петрашенко 1988 – *Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Славянские памятники у с. Монастырѣк на Среднем Днепре. Киев.
- Максимов 2018 – *Максимов С. В.* Очерки о белорусской земле. М.
- Макьявелли 2008 – *Макьявелли Н.* Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма / Пер. с итал. М.
- Малаховский и др. 1993 – *Малаховский Д. Б., Арсланов Х. А., Гей Н. А., Джиноридзе Р. Н., Козырева М. Г.* Новые

- данные по голоценовой истории Ладожского озера // Эволюция природных обстановок и современное состояние геосистемы Ладожского озера. СПб. С. 61–73.
- Малаховский и др 1993а – *Малаховский Д. Б., Арсланов Х. А., Гей Н. А., Джиноридзе Р. Н.* Новые данные по истории возникновения Невы // Эволюция природных обстановок и современное состояние геосистемы Ладожского озера. СПб. С. 74–84.
- Малашев 2000 – *Малашев В. Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону. С. 194–232.
- Мандель 1985 – *Мандель М.* Меч в вооружении эстонских племен до 7 века // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин. С. 78–85.
- Манн 2016 – *Манн М.* Темная сторона демократии: Объяснение этнических чисток. М.
- Манюхин 1996 – *Манюхин И. С.* Позднекаргепопольская культура // Археология Карелии. Петрозаводск. С. 220–238.
- Маркарян 1976 – *Маркарян Э. С.* К пониманию специфики человеческого общества как адаптивной системы // Географические аспекты экологии человека. М.
- Маркарян и др. 1983 – *Маркарян Э. С., Арутюнов С. А., Барсесян И. А., Енгибарян С. Е., Мелконян Э. Л., Мкртумян Ю. И., Сарингулян К. С.* Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван.
- Марков 1910 – *Марков А. К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.
- Марков 1911 – *Марков Р. Л.* Голубец на Красной поляне // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Курск. Вып. 1. Ч. 1. С. 138–157.
- Маршак 2006 – *Маршак Б. И.* Серебро за меха // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб: 2006. С. 72–82.
- Мастыкова 2009 – *Мастыкова А. В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.
- Мастыкова, Плохов 2010 – *Мастыкова А. В., Плохов А. В.* Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб. С. 337–357.
- Матвеева 1997 – *Матвеева Г. И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.
- Материалы 1886 – Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. (1731–1735). СПб.
- Матузова, Назарова 2002 – *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М.
- Мачинский 1981 – *Мачинский Д. А.* «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л. С. 110–171.
- Мачинский 1981а – *Мачинский Д. А.* Миграция славян в I тысячелетии н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М. С. 31–52.
- Мачинский 1982 – *Мачинский Д. А.* О времени и обстоятельствах первого появления славян на северо-западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 7–24.
- Мачинский 1984 – *Мачинский Д. А.* О месте Северной Руси в процессе сложения древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 5–25.
- Мачинский 1989 – *Мачинский Д. А.* Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н. э. – XI в. н. э. (контуры концепции) // Славяне: этногенез и этническая история. Л. С. 120–130.
- Мачинский 1990 – *Мачинский Д. А.* О роли финноязычного населения бассейнов Волхова и Великой в сложении этносоциума «Русь» (VIII–XI вв.) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л. С. 110–120.
- Мачинский 1997 – *Мачинский Д. А.* Волховская Русь (VIII–IX вв.) // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб. С. 70–74.
- Мачинский 1997а – *Мачинский Д. А.* Ладога/Aldeigja: религиозно-мифологическое сознание и историко-археологическая реальность (VIII–XII вв.) // Ладога и религиозное сознание. СПб. С. 156–167.
- Мачинский 2009 – *Мачинский Д. А.* Второе русское протогосударство со столицей в Невогарде/Рюриковом городке и конструкция русского государства, построенного на двуединстве Киева и Невогарда/Новгорода (870–1054 гг.) // Староладожский сборник. Старая Ладога. Вып. 7. С. 149–176.
- Мачинский, Мачинская 1988 – *Мачинский Д. А., Мачинская А. Д.* Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л. С. 44–58.
- Мачинский, Тиханова 1976 – *Мачинский Д. А., Тиханова М. А.* О местах обитания и направлениях движений славян I–VII вв. н. э. (по письменным и археологическим источникам) // Acta Archaeologica Carpathica. Т. XVI. С. 59–94.
- Медведев 1995 – *Медведев А. М.* Раскопки городища в Бельничском районе // Региональная научная конференция «Гістарычныя лёсы Верхняга Падня-проўя» (Частка 1). Магілёў. С. 110–120.
- Медведев 1995а – *Медведев А. М.* Посоховидные булавки // ГАЗ. Мінск. Вып. 7. С. 172–201.

- Медведев 1996 – *Медведев А. М.* Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тыс. до н. э. – V в. н. э.). Минск.
- Мядзведзеў 1999 – *Мядзведзеў А. М.* Да пытаньня аб знікненні культуры штрыхаванай керамікі ў басейне Віліі // ГАЗ. Мінск. Вып. 14. С. 36–47.
- Мядзведзеў 2003 – *Мядзведзеў А. М.* Раскопкі гарадзішча каля в. Краснае // МАБ. Мінск. Вып. 7. С. 32–43.
- Мелетинский 1968 – *Мелетинский Е. М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М.
- Мельникова 1957 – *Мельникова А. С.* Клады монет (зарегистрированные Государственным Историческим музеем за 1952–1954 годы) // КСИИМК. Л. Вып. 67. С. 147–158.
- Мельникова, Никитин, Фомин 1984 – *Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В.* Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. М. С. 26–47.
- Мельникова, Петрухин 1990 – *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Русь и чужь. К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и Балтийского региона во второй половине I тыс. н. э. // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-ей балто-славянской конференции, 18–22 июня 1990 г. М. Ч. I. С. 28–34.
- Мельниковская 1967 – *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.
- Меч и златник 2012 – Меч и златник: к 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. М.
- Миеттинен 1997 – *Миеттинен Т.* Изменение картины железного века на северном побережье восточной части Финского залива // Славяне и финно-угры: археология, история, культура. СПб. С. 62–70.
- Микляев 1974 – *Микляев А. М.* О ландшафтной приуроченности некоторых типов археологических памятников на Северо-Западе СССР // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М. Ч. 1. С. 242–247.
- Микляев 1984 – *Микляев А. М.* Археологическая география: предмет, задача, метод // АСГЭ. Вып. 25. С. 127–130.
- Микляев 1984а – *Микляев А. М.* О топо- и гидронимах с элементом -гост/-гощ на Северо-западе СССР (к проблеме восточно-славянского расселения) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 25–46.
- Микляев 1992 – *Микляев А. М.* Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати: Автореф. ... дис. докт. ист. наук. СПб.
- Микляев 1995 – *Микляев А. М.* Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // ПАВ. Вып. 9. С. 7–39.
- Мильчик 2014 – *Мильчик М. И.* Старая Ладога. Очерк градостроительной истории. СПб.
- Милютин 1992 – *Милютин В. Н.* Клад X века из Струни // Полоцкий летописец. Полоцк. № 1. С. 30–32.
- Милютин, Шадыро 1994 – *Милютин В. Н., Шадыро В. И.* Находки монет из поселения Прудники // ГАЗ. Мінск. Вып. 5. С. 255–262.
- Миляев 2015 – *Миляев П. А.* Городище Любша в Нижнем Поволховье (по материалам архивов ИИМК РАН и ИА РАН) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб. Вып. 5. С. 108–124.
- Миляев 2017 – *Миляев П. А.* Изделия северо европейского облика в материальной культуре городища Любша IX – начала X в. // Èlite u ègalitè... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. СПб. С. 225–244.
- Минасян 1978 – *Минасян Р. С.* Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 19. С. 74–85.
- Минасян 1979 – *Минасян Р. С.* Поселение и могильник на берегу оз. Узмень // Труды ГЭ. Т. XX. С. 169–185.
- Минасян 1980 – *Минасян Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21. С. 68–74.
- Миролубов 1972 – *Миролубов М. А.* Пахотные орудия Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 14. С. 118–126.
- Митрофанов 1966 – *Митрофанов А. Г.* Новые данные о памятниках VI–VII вв. Средней и Северной Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск. С. 218–235.
- Митрофанов 1969 – *Митрофанов А. Г.* Селище VI–VII вв. близ дер. Городище // Древности Белоруссии. Минск. С. 240–261.
- Митрофанов 1978 – *Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск.
- Мітрафанау, Каробушкіна 1975 – *Мітрафанау А. Г., Каробушкіна Т. М.* Археалагічны помнік расказвае // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск. Вып. 4. С. 38–40.
- Мишин 2002 – *Мишин Д. Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М.
- Мифы народов мира 2003 – Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2 (К–Я). М.
- Михайлов 1995 – *Михайлов К. А.* Захоронение воина с конями на вершине плакунской сопкивидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. Новгород. Вып. 9. С. 50–54.
- Михайлов 2010 – *Михайлов К. А.* Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Археология і давня історія України. Київ. Вып. 1. С. 308–315.

- Михайлова 1993 – Михайлова Е. Р. О так называемых погребальных площадках в культуре длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 7. С. 70–78.
- Михайлова 2010 – Михайлова Е. Р. Комплекс памятников в урочище Колода близ д. Засобье (Лужский р-н Ленинградской обл.) // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб. С. 81–108.
- Михайлова 2010а – Михайлова Е. Р. Полностью исследованный могильник культуры псковских длинных курганов Берёзно I // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб. С. 7–54.
- Михайлова 2010б – Михайлова Е. Р. Сопка у деревни Вындин Остров (результаты исследования) // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. К 80-летию А.Н. Кирпичникова. СПб. Т. 1. С. 496–504.
- Михайлова 2013 – Михайлова Е. Р. Насыпь у деревни Репьи: место среди погребальных памятников Северо-Запада конца I тыс. н. э. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. Вып. 58. С. 335–345.
- Михайлова 2014 – Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: Типология и хронология. Saarbrücken.
- Михайлова 2015 – Михайлова Е. Р. Древности Западной Ингрии I тыс. н. э.: новые материалы // Археологические вести. СПб. Вып. 21. С. 176–186.
- Михайлова 2016 – Михайлова Е. Р. Древности второй половины I тыс. вокруг Финского залива: к предистории пути из варяг в греки // НИС. 16 (26). Великий Новгород. С. 4–32.
- Михайлова 2018 – Михайлова Е. Р. «Балтский след» в культуре псковских длинных курганов? // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию проф. Э. М. Загорюльского, Минск, 6–7 декабря 2018 г. Минск. С. 173–184.
- Михайлова 2019 – Михайлова Е. Р. Два локальных типа раннесредневековых украшений, или о значении неброских находок // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 2 (26). Июль–Декабрь. С. 101–108.
- Михайлова 2021 – Михайлова Е. Р. Курганные традиции Северо-Запада Русской равнины: к вопросу о развитии и преемственности // Археологические вести. СПб. Вып. 31. С. 196–207.
- Михайлова, Кузьмин 1994 – Михайлова Е. Р., Кузьмин С. Л. «Грунтовый» могильник у д. Которск // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб. С. 50–52.
- Михайлова и др. 2015 – Михайлова Е. Р., Мурзенков Д. Н., Соболев В. Ю., Тарасов И. Г., Федоров И. А., Шмелев К. В. Полевые исследования Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ в 2012–2013 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. № 5. С. 107–122.
- Михайлова, Стасюк, Федоров 2016 – Михайлова Е. Р., Стасюк И. В., Федоров И. А. Городище Втырка (Пиллово-2) и древности эпохи викингов на Ижорском плато // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 61 заседания (14–16 апреля 2015 года). Псков. С. 262–275.
- Михеев 1985 – Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Могильников, Конилов 1983 – Могильников В., А., Конилов Б. А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. № 2. С. 162–182.
- Моисеев 2003 – Моисеев Н. Н. Избранные труды. В 2-х томах. Т. 2. Междисциплинарные исследования глобальных проблем. Публицистика и общественные проблемы. М.
- Молер 2017 – Молер А. Консервативная революция в Германии 1918–1932 / Пер. с нем. А. В. Васильченко. М.
- Морозов 1996 – Морозов В. Ю. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара. С. 148–164.
- Морозов, Ткачук 2019 – Морозов И. А., Ткачук Л. А. «Правила смерти»: концепты «неправильный мертвец» и «неправильное погребение» в инструментарии социальных и политических технологий // ЭО. № 1. С. 11–26.
- Моррис 2017 – Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М.
- Мугуревич 1965 – Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига.
- Мугуревич 1985 – Мугуревич Э. С. Находки железных частей пахотных орудий 10 – 17 вв. в Восточной Прибалтике // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин. С. 86–98.
- Муллонен 2000 – Муллонен И. И. Лимноним *Ильмень* в контексте ареальной дистрибуции топонимических основ российского Северо-запада // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург. Вып. 1. С. 56–66.
- Муллонен 2003 – Муллонен И. И. Территория расселения и этнонимы вепсов в XIX – XX вв. // Прибалтийско-финские народы России. М. С. 342–348.
- Мурашева 2016 – Мурашева В. В. «Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атыл» // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. М. С. 474–511.
- Мурашева, Авдусина 2007 – Мурашева В. В., Авдусина С. А. Исследование притеррасного участка пойменной части гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб. С. 8–30.

- Мурашева, Нефедов 2002 – *Мурашева В. В., Нефедов В. С.* Сошники из Гнёздова // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 16. Великий Новгород. С. 187–199.
- Мусин 2002 – *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.
- Мусин 2016 – *Мусин А. Е.* Некоторые мысли, возникающие после прочтения новых книг. Об «очерках начальной руси», составленных Алексеем Петровичем Толочко // Княжа доба: історія і культура. Львів. Вип. 10. С. 242–257.
- Мусин 2016а – *Мусин А. Е.* Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб.
- Мусин 2017 – *Мусин А. Е.* «Столетняя война» российской археологии // *Ex Ungue Leonem*: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб. С. 223–244.
- Мюссе 2001 – *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна. СПб.
- Мязсалу, Тамла 1983 – *Мязсалу А., Тамла Т.* Об оборонительных сооружениях городища Пуртсе // Известия АН ЭССР. Вып. 32: 4. С. 307–310.
- Наволоцкий историко-этнографический музей 1990 – Наволоцкий историко-этнографический музей. Проспект-каталог. Новгород.
- Назаренко 1993 – *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. Тексты, перевод, комментарий. М.
- Назаренко 2001 – *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.
- Назаренко 2012 – *Назаренко А. В.* Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М. – Вологда. С. 12–35.
- Назаренко 1997 – *Назаренко В. А.* Ладожские «большие дома» и приладожские «дома мертвых» (Об одном из возможных решений проблемы) // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб. С. 51–55.
- Назаретян 2012 – *Назаретян А. П.* Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.
- Назарова 1996 – *Назарова Е. Л.* Латгальская дань в системе отношений между Новгородом и Псковом // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 1996 г. М. С. 64–66.
- Найдыш 2004 – *Найдыш В. М.* Философия мифологии. XIX – начало XXI в. М.
- Народная демонология Полесья 2012 – Народная демонология Полесья. Т. II. Демонологизация умерших людей / Сост.: Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.
- Наследова 1956 – *Наследова Р. А.* Македонские славяне конца IX – начала X в. по данным Иоанна Камениаты // ВВ. Т. 11. С. 82–97.
- Наумов 2008 – *Наумов В. Д.* География почв. М.
- Нахапетян, Фомин 1994 – *Нахапетян В. Е., Фомин А. В.* Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1991 год. М. С. 139–208.
- Невская 1993 – *Невская Л. Г.* Балто-славянское причитание: Реконструкция семантической структуры. М.
- Невская 1999 – *Невская Л. Г.* Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий: Семантика звука и речи в традиционной культуре славян. М. С. 123–134.
- Нефёдкин 2003 – *Нефёдкин А. К.* Тактика славян в VI в. (по свидетельствам ранневизантийских авторов) // ВВ. 62(82). С. 79–91.
- Нефёдкин 2017 – *Нефёдкин А. К.* Готы. Первая полная энциклопедия. М.
- Нефёдов 1999 – *Нефёдов В. С.* Коллекции из раскопок В. И. Сизова и М. Ф. Кусцинского на западе Смоленской губернии (Опыт восстановления вещевых комплексов) // Труды ГИМ. Вып. 111. С. 92–110.
- Нефёдов 2000 – *Нефёдов В. С.* О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 191–199.
- Нефёдов 2020 – *Нефёдов В. С.* Древности салтовского круга в смоленских длинных курганах // Хазарский альманах. Т. 17. С. 151–174.
- Нефёдов, Мурашева 2008 – *Нефёдов В. С., Мурашева В. В.* Модель для изготовления поясных бляшек «восточного» облика с городища Рокот в Смоленской области // КСИА. Вып. 222. С. 98–105.
- Нефёдов, Панин 2011 – *Нефёдов В. С., Панин А. В.* Изменения водного режима в верховьях Волги и Западной Двины на протяжении голоцена по археолого-геоморфологическим данным // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 8. Т. I. С. 39–47.
- Нефёдов, Фролов 2014 – *Нефёдов В. С., Фролов А. А.* Рецензия на книгу: *И. И. Еремеев, О. Ф. Дзюба.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки: археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб., 2010 // Историческая география. М. Т. 2. С. 484–502.
- Нидерле 1924 – *Нидерле Л.* Быт и культура древних славян. Прага.
- Нидерле 1956 – *Нидерле Л.* Славянские древности / Пер. с чешск. Т. Ковалевой и М. Хазанова. М.

- Низовцев, Щуркина 1997 – *Низовцев В. А., Щуркина Е. А.* Ландшафтные предпосылки возникновения города Москвы // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М. С. 26–33.
- Никитин 1982 – *Никитин А. Л.* Над квадратом раскопа. М.
- Николаев 1988 – *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М. С. 115–154.
- Николаев 1989 – *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования. 1987. С. 225.
- Николаев 1990 – *Николаев С. Л.* К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. № 4. С. 54–63.
- Николаев 1994 – *Николаев С. Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. № 3. С. 23–49.
- Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011 – *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ.: Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.
- Носов 1974 – *Носов Е. Н.* Источники по славянской колонизации Новгородской земли // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 6. С. 212–241.
- Носов 1976 – *Носов Е. Н.* Поселение у Волховских порогов // КСИА. Вып. 146. С. 76–81.
- Носов 1976а – *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII–X вв. // ВИД. Л. Т. VIII. С. 95–110.
- Носов 1977 – *Носов Е. Н.* Поселения Приильменья и Поволховья в конце I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Носов 1981 – *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье // СА. Вып. 1. С. 42–56.
- Носов 1982 – *Носов Е. Н.* Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // НИС. Вып. 1 (11). С. 43–78.
- Носов 1985 – *Носов Е. Н.* Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. Л. С. 147–155.
- Носов 1988 – *Носов Е. Н.* Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // Славяно-русские древности. Л. Вып. 1. С. 21–38.
- Носов 1990 – *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) Городище. Л.
- Носов 1990а – *Носов Е. Н.* Финно-угры и Новгород // Финны в Европе VI–XV века. М. Вып. II. С. 47–57.
- Носов 1991 – *Носов Е. Н.* Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тыс. н. э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М. С. 5–37.
- Носов 1992 – *Носов Е. Н.* Новгородская земля IX–XI вв. (Историко-археологические очерки): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб.
- Носов 1994 – *Носов Е. Н.* Предисловие к книге В. П. Петренко «Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв.» СПб. С. 3–4.
- Носов 1997 – *Носов Е. Н.* Городище Георгий в Ильменском Поозерье // Древности Поволховья. СПб. С. 205–209.
- Носов 2002 – *Носов Е. Н.* О находке поздне римской фибулы в Ильменском Поозерье // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб. С. 74–76.
- Носов 2012 – *Носов Е. Н.* Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX – X веках: археологическая панорама. М. – Вологда. С. 93–121.
- Носов 2017 – *Носов Е. Н.* Хольмгард – Новгород – Городище (к вопросу о первом названии центра Северной Руси) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 31. С. 116–120.
- Носов, Горюнова, Плохов 2005 – *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб.
- Носов, Ершевский, Плохов 1998 – *Носов Е. Н., Ершевский Б. Д., Плохов А. В.* О работе на поселении Прость в 1997 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 12. С. 25–31.
- Носов, Плохов 1989 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение Холопий Городок под Новгородом // КСИА. Вып. 195. С. 34–42.
- Носов, Плохов 1992 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Раскопки на городище Георгий // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 6. С. 16–20.
- Носов, Плохов 1993 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* О работах Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 7. С. 43–44.
- Носов, Плохов 1994 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Исследования на берегах р. Веряжи и на Рюриковом Городище // АО 1993 г. М. С. 29–30.
- Носов, Плохов 1994а – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Археологические исследования в Андреапольском районе Тверской области в 1988 г. // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 1. С. 145–151.
- Носов, Плохов 1997 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Холопий Городок на Волхове // Древности Поволховья. СПб. С. 129–152.
- Носов, Плохов 2002 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Новые исследования в Ильменском Поозерье // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. С. 159–180.

- Носов, Плохов 2016 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение и могильник на озере Съезжее // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Раннеславянский мир. М. Вып. 17. С. 349–394.
- Носов и др. 1994 – *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Дорофеева Т. С., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Новгородская областная экспедиция в 1993 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 8. С. 14–17.
- Носов и др. 2004 – *Носов Е. Н., Еремеев И. И., Дорофеева Т. С., Медведева М. В., Хвоцинская Н. В., Юшкова М. А.* Новые раскопки Рюрикова Городища и Шкуриной Горки // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. С. 18–22.
- Носов, Плохов, Янссон 1996 – *Носов Е. Н., Плохов А. В., Янссон И.* Охранные исследования на Рюриковом Городище // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 10. С. 27–31.
- Носов, Хвоцинская 2004 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Финно-угорские элементы в материальной культуре Рюрикова Городища // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб. С. 125–133.
- Носов, Хвоцинская 2007 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Связи населения Центрального Приильменья с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики. СПб. С. 6–17.
- Носов, Хвоцинская, Медведева 2012 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Медведева М. В.* Новгородская Русь: рождение державы. СПб.
- Носов, Плохов, Хвоцинская 2017 – *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково Городище. Новые этапы исследований. СПб.
- Носов, Хвоцинская 2019 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Рюриково Городище – выдающийся археологический памятник Древней Руси // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб. С. 302–323.
- Носов, Хвоцинская 2019 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Хлебные печи Рюрикова Городища // Записки ИИМК РАН. № 20. С. 121–131.
- Носов, Хвоцинская 2019а – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Княжеский храм Благовещения в свете новых раскопок древнего рва Рюрикова городища // Архитектурная археология. № 1. С. 55–69.
- Нукшинский могильник 1957 – Нукшинский могильник. Рига.
- Нунан, Ковалев 2002 – *Нунан Т. С., Ковалев Р. К.* Клад 873/74 г. из Любыни: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб. С. 152–156.
- Обломский 1991 – *Обломский А. М.* Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э. М. – Сумы.
- Обломский 2002 – *Обломский А. М.* Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.). М.
- Обломский 2016 – *Обломский А. М.* Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). РСМ. Вып. 17. М. С. 10–113.
- Обсуждение 1998 – Обсуждение доклада В. А. Тишкова «О феномене этничности» // ЭО. № 1. С. 31–49.
- Овсяннико-Куликовский 1922 – *Овсяннико-Куликовский Н. Д.* Психология национальности. Пг.
- Овчинников 2013 – *Овчинников А. В.* Соотношение этноса и археологической культуры в дискурсе национальных историй (советский этап конструирования мифа) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск, Омск. Т. 1. С. 138–141.
- Озерецковский 1812 – *Озерецковский Н. Я.* Путешествие академика Н. Озерецковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб.
- Окороков 1994 – *Окороков А. В.* Древнейшие средства передвижения по воде. Калининград.
- Окулич-Казарин 1914 – *Окулич-Казарин Н. Ф.* Материалы для археологической карты Псковской губ. // Труды ПАО. Псков. Вып. 10. С. 131–310.
- Олейников 2001 – *Олейников О. М.* Курган № 4 курганной группы «Струйское» // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Новгород. Вып. 15. С. 258–267.
- Орлов 1941 – *Орлов С. Н.* Могильник в Старой Ладогe // Уч. зап. ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 10. С. 116–138.
- Орлов 1960 – *Орлов С. Н.* О раннеславянском грунтовом могильнике с трупосожжением в Старой Ладогe // СА. Вып. 2. С. 251–253.
- Орлов 1955 – *Орлов С. Н.* Сопки волховского типа около Старой Ладоги // СА. Вып. XXII. С. 190–211.
- Орлов 1956 – *Орлов С. Н.* К вопросу о древнем пашенном земледелии Старой Ладоги // КСИИМК. Вып. 65. С. 142–144.
- Орлов 1956а – *Орлов С. Н.* Вновь открытый раннеславянский грунтовый могильник в Старой Ладогe // КСИИМК. Вып. 65. С. 94–98.
- Орлов 1958 – *Орлов С. Н.* Новые сведения о сопках волховского типа в районе Старой Ладоги // СА. № 1. С. 236–239.
- Орлов 1962 – *Орлов С. Н.* Городище эпохи раннего железа в низовьях реки Ловати // КСИИМК. Вып. 87. С. 42–45.
- Орлов 1968 – *Орлов С. Н.* Археологические исследования в низовьях реки Мсты // СА. № 3. С. 160–171.

- Орлов 1974 – Орлов С. Н. Городец Александра Невского на Шелони // Культура средневековой Руси. Л. С. 46–50.
- Орлов 1984 – Орлов С. Н. Памятники раннего железного века на территории Новгородской области // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 70–84.
- Орлов, Аксенов 1961 – Орлов С. Н., Аксенов М. М. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // НИС. Новгород. Вып. 10. С. 161–168.
- Отчет 1895 – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1893 год. СПб.
- Отчет 1912 – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1908 г. СПб.
- Отчеты 1913 – Отчеты Императорской археологической комиссии. 1909–1910 гг. СПб.
- Павлова 1998 – Павлова В. В. Крест из склада Св. Синода в коллекции Национального музея истории Украины (г. Киев) // Церковная археология. СПб. Вып. 4. С. 226–229.
- Павлова 2021 – Павлова М. С. Курганный могильник на р. Ладожка в Старой Ладоге (заметки на полях книги В. А. Лапшина) // Записки ИИМК РАН. № 25. С. 215–223.
- Падин 1985 – Падин В. А. «Большой курган» старого Трубчевска // СА. № 2. С. 252–256.
- Палеогеографическая основа 1994 – Палеогеографическая основа современных ландшафтов: Результаты российско-польских исследований. М.
- Паллас 1809 – Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Часть первая. СПб.
- Памятники истории 1999 – Памятники истории и культуры Новгородской области. Каталог. Ч. 2 (памятники археологии). Великий Новгород.
- Панченко 1903 – Панченко Б. А. Памятник славян в Вифинии VII века // Известия Русского археологического института в Константинополе. София. Вып. 8 (1–2).
- Панченко 2008 – Панченко А. А. «Заложные родители»: Смерть, коллективная память и сакральное пространство // Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции. М. С. 232–259.
- Панченко 2013 – Панченко А. А. Мертвецы: «добрые», «злые» и непонятно какие // Отечественные записки. № 5 (56). С. 135–143.
- Паранин 1990 – Паранин В. И. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск.
- Патрушев 2016 – Патрушев В. С. Археологические памятники с «текстильной керамикой»: итоги и перспективы исследований // Поволжская археология. № 3 (17). С. 194–224.
- Пахомов 1926 – Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана. Баку. Вып. 1.
- Пахомов 1938 – Пахомов Е. А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку. Вып. II.
- Пахомов 1949 – Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку. Вып. IV.
- Пахомов 1949а – Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку. Вып. V.
- Пашуто 2011 – Пашуто В. Т. Русь, Прибалтика, папство. М.
- Пекарська, Павлова 2004 – Пекарська Л. В., Павлова В. В. Процесійний хрест із Київського дитинця // Археологія. № 4. С. 94–100.
- Перетц 1894 – Перетц В. Н. Деревня Будогоща и ее предания (этнографический очерк): [Чит. в заседании Отд. этнографии Имп. Рус. геогр. о-ва 20 окт. 1893 г.]. СПб.
- Першиц 1986 – Першиц А. И. Вожество // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М. С. 34–36.
- Перхавко 1979 – Перхавко В. Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // СА. № 4. С. 40–55.
- Перхавко 2012 – Перхавко В. Б. Средневековое русское купечество. М.
- Пескова 2002 – Пескова А. А. Энкалпионы Старой Ладogi // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб. С. 30–37.
- Пескова, Строкова 2012 – Пескова А. А., Строкова Л. В. Христианские древности Византии в «Сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. СПб. – Киев.
- Петерсен 2005 – Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб.
- Петрашенко 1985 – Петрашенко В. А. Городище Монастырек VIII–X вв. в свете новых исследований // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (история и археология). Киев. С. 71–84.
- Петрашенко 1994 – Петрашенко В. А. До проблеми археологічної інтерпретації літописних полян // Старожитності Русі-України. Київ. С. 181–187.
- Петренко 1977 – Петренко В. П. Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладogi // КСИА. Вып. 150. С. 55–62.
- Петренко 1984 – Петренко В. П. Финно-угорские элементы в культуре раннесредневековой Ладogi // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л. С. 83–90.
- Петренко 1994 – Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб.
- Петренко 1991 – Петренко В. П. Званская сопка // КСИА. Вып. 205. С. 83–92.

- Петренко, Вирсе 1993 – *Петренко В. П., Вирсе И. А.* Исследование могильников Гробиняс Приедиенс в Западной Латвии // КСИА. Вып. 208. С. 95–103.
- Петренко, Шитова 1985 – *Петренко В. П., Шитова Т. Б.* Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Л. С. 181–191.
- Петров 1993 – *Петров Н. И.* О судьбах традиции сооружения сопок в Северо-Западной Руси: археологическая конкретика и культурные реалии // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 7. С. 78–91.
- Петров 1997 – *Петров Н. И.* Новые сведения об археологических памятниках Северного Поволжья (к археологической карте окрестностей Старой Ладоги) // Древности Поволжья. СПб. С. 58–62.
- Петров 1999 – *Петров Н. И.* Могилы превысокие: языческие курганы племенной аристократии Северо-Западной Руси VIII–XI вв. Vidarpest. Электронная публикация.
- Петров 2017 – *Петров Н. И.* Словенин «Русской правды» и словене «Повести временных лет» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 1(21). Январь–июль. С. 39–51.
- Петров, Фурасьев 1995 – *Петров Н. И., Фурасьев А. Г.* Городища культуры псковских длинных курганов и балтийско-волжский путь // Древности Северо-Западной России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова. СПб. С. 47–51.
- Петрова и др. 2000 – *Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В.* Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // НИС. № 8 (18). С. 95–157.
- Петрова, Анкудинов, Попов 2005 – *Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А.* О датировке подосновы плана осады Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. № 10 (20). С. 313–321.
- Петрухин 1975 – *Петрухин В. Я.* Ритуальные сосуды из курганов Гнёздова и Чернигова / Вестник МГУ. Вып. 2.
- Петрухин 1993 – *Петрухин В. Я.* К дискуссии о начале славянской этнической истории // Славяноведение. Вып. 2. С. 3–6.
- Петрухин 1995 – *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск.
- Петрухин 1996 – *Петрухин В. Я.* «Дунайская прародина» и расселение славян // Концепт движения в языке и культуре. М. С. 371–383.
- Петрухин 1998 – *Петрухин В. Я.* Большие курганы Руси и Северной Европы // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.
- Петрухин 2000 – *Петрухин В. Я.* Древняя Русь. Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. М. Т. 1.
- Петрухин, Раевский 2004 – *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.
- Пилявский 1959 – *Пилявский В. И.* Новгородские военные поселения (Историко-архитектурный очерк) // Новгородский исторический сборник. Новгород. Вып. 9. С. 119–154.
- Пименов 1965 – *Пименов В. В.* Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М. – Л.
- Пинкер 2021 – *Пинкер С.* Лучшее в нас: Почему насилия в мире стало меньше / Пер. с англ. Г. Бородиной и С. Кузнецовой. М.
- Письменные памятники 2003 – Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб.
- Плавинский 2010 – *Плавинский Н. А.* К вопросу о культуре псковских длинных курганов в Браславском поозерье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Тула. Ч. 1. С. 239–255.
- Плавинский 2010а – *Плавинский М. А.* Да рэканструкцыі сістэмы рассялення старажынарускага часу ў Браслаўскім паазер’і // Віцебскія старажытнасці. Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску. Віцебск, 22–23 кастрычніка 2009. Мінск. С. 22–33.
- Плавинский 2013 – *Плавинский В. А.* Ланцетовидные наконечники стрел с территории Беларуси // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 58-го заседания (17–19 апреля 2012 г.) М. С. 399–410.
- Плавинский 2017 – *Плавинский М. А.* Курганны могильнік Пагошча ў кантэксце сінхронных старажытнасцяў Браслаўскага Паазер’я. Мінск.
- Плавинский, Шадыра 2011 – *Плавинский М. А., Шадыра В. I.* Ліцейная формачка для скроневых колцаў з селішча Пруднікі (папярэдняе паведамленне) // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. VII. С. 179–187.
- Плавинский, Сцяпанова 2019 – *Плавинский М. А., Сцяпанова М. I.* Комплекс археалагічных помнікаў Кастыкі ў вярхоўях Віліі. Мінск.
- Платонова 1991 – *Платонова Н. И.* Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М. С. 68–88.
- Платонова 2021 – *Платонова Н. И.* «Предсочные» погребальные традиции в Верхнем Полужье (по материалам Передольского археологического комплекса) // Записки ИИМК РАН. № 25. С. 194–214.
- Платонова и др. 2020 – *Платонова Н. И., Левковская Г. М., Брицкий Д. А., Карцева Л. А., Лапшин В. А., Григорьева Н. В., Миляев П. А., Збукова Д. В.* Старая Ладога, СЭМ-исследования растительных остатков из палеопочв, разделенных отложениями Ладожской транс-

- грессии. Новые материалы и старые проблемы // Археологические вести. СПб. Вып. 30. С. 163–185.
- Плетерский 2015 – *Плетерский А.* Ранние славяне в Восточных Альпах и на соседних землях // *Stratum plus*. 2015. № 5. С. 227–248.
- Плетнев 1903 – *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь.
- Плетнева 1989 – *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.
- Плоткин 1974 – *Плоткин К. М.* К вопросу о хронологии городища Камно Псковской области // *КСИА*. Вып. 139. С. 13–16.
- Плоткин 1980 – *Плоткин К. М.* Псков и его округа во второй половине I тысячелетия н. э.: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Л.
- Плохов 1987 – *Плохов А. В.* Поселение эпохи раннего металла на Рюриковом Городище под Новгородом // *История и археология Новгородской земли (тезисы научно-практической конференции)*. Новгород. С. 8–10.
- Плохов 1992 – *Плохов А. В.* Лепная керамика Центрального Приильменья и славянское расселение (к постановке проблемы) // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Новгород. С. 119–124.
- Плохов 1997 – *Плохов А. В.* К проблеме появления славян в Приильменьи // *Ладога и религиозное сознание*. СПб. С. 105–107.
- Плохов 2002 – *Плохов А. В.* Керамика «Ладожского типа» в Скандинавии // *У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник*. Любытино. Вып. 1. С. 144–159.
- Плохов 2008 – *Плохов А. В.* Древности VIII в. у истока Волхова // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 2. Вып. 3. С. 155–165.
- Плохов 2009 – *Плохов А. В.* Лепная керамика из раскопок в Великом Новгороде // *Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева*. М. С. 417–431.
- Плохов, Торопов 2013 – *Плохов А. В., Торопов С. Е.* Городок на Шелони – «забытый» памятник эпохи раннего средневековья // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Великий Новгород. Вып. 27. С. 251–277.
- Поболь 1971 – *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск.
- Поболь 1983 – *Поболь Л. Д.* Археологические памятники Белоруссии: Железный век. Минск.
- Поболь, Ильютик 2002 – *Поболь Л. Д., Ильютик А. В.* Поселение Абидня. Постройки 1, 2, 4, 5 // *Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н. э.* М. С. 54–74.
- Поветкин 2002 – *Поветкин В. И.* Старое и новое в музыкальной археологии Северо-Запада России // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Великий Новгород. Вып. 16. С. 69–77.
- Подгурский 2004 – *Подгурский П. Н.* Раскопки городища Новое Село в 2003 г. // *ГАЗ*. Минск. Вып. 19. С. 283–284.
- Подгурский 2005 – *Подгурский П. Н.* Результаты археологических работ в Витебском Подвинье // *ГАЗ*. Минск. Вып. 20. С. 229.
- Подгурский 2007 – *Подгурский П. Н.* Раскопки городища Старое Село // *Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья*. Витебск. С. 239–241.
- Подгурский 2007а – *Подгурский П. Н.* Исследование городища Новое Село. Раскоп VI // *ГАЗ*. Минск. Вып. 23. С. 206–207.
- Подгурский 2016 – *Подгурский П. Н.* Археологические исследования в Новом Селе (предварительные результаты) // *Славяне на территории Беларуси в догосударственный период*. Минск. Кн. 2. С. 263–270.
- Подобедов 1909 – *Подобедов В. А.* Бронницкий могильник (Сообщение члена общества В. А. Подобедова общему собранию 3 мая 1909 г.) // *Сборник Новгородского общества любителей древностей*. Новгород. Вып. 2. С. 28–30.
- Покровский 1895 – *Покровский Ф. В.* Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии // *Труды Девятого археологического съезда в Вильне*. 1893. М. Т. I. С. 166–220.
- Покровский 1897 – *Покровский Ф. В.* К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы // *Труды Девятого археологического съезда в Вильне*. 1893. М. Т. II. С. 138–196.
- Полубояринова 1991 – *Полубояринова М. Д.* Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.
- Полянский 1908 – *Полянский М. И.* Новгородская памятка для туристов. Новгород.
- Попов 1995 – *Попов С. Г.* Городища Восточного Причудья // *Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК)*. СПб. С. 89–94.
- Попов 2010 – *Попов С. Г.* Некоторые проблемы ранней хронологии культуры длинных курганов на Северо-Западе России // *Диалог культур и народов средневековой Европы*. СПб. С. 365–378.
- Попов 2015 – *Попов С. Г.* Погребально-поселенческие комплексы культуры длинных курганов к востоку от Чудского озера // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья*. СПб. Вып. 5. С. 135–147.
- Попов, Зайцева 1994 – *Попов С. Г., Зайцева Г. И.* Ранние этапы заселения Новгородской округи и нижние ярусы Новгорода по данным радиоуглеродного анализа // *Новые источники по археологии Северо-Запада*. СПб. С. 164–183.
- Попович 1985 – *Попович М. В.* Мироззрение древних славян. Киев.

- Поршнева 1969 – *Поршнева Б. Ф.* О начале человеческой истории // *Философские проблемы исторической науки*. М. С. 80–112.
- Поршнева 1979 – *Поршнева Б. Ф.* Социальная психология и история. М.
- Потебня 1914 – *Потебня А. А. I.* О некоторых символах в славянской народной поэзии. II. О связи некоторых представлений в языке. III. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. IV. О доле и сродных с нею существах. Харьков.
- Потин 1967 – *Потин В. М.* Топография находок западно-европейских монет X–XIII вв. на территории СССР // *Труды ГЭ. Л. Т. IX*. С. 106–184.
- Потин 1970 – *Потин В. М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным // *Исторические связи Скандинавии и России в IX–XX вв.* Л. С. 64–80.
- Поулик 1985 – *Поулик Й.* Вклад чехословацкой археологии в изучение истории Великой Моравии // *Великая Моравия: Ее историческое и культурное значение*. М. С. 28–49.
- Правдивец, Расолько 2014 – *Правдивец В. В., Расолько И. Д.* Особенности белорусской подляской идентичности // *Вестник РУДН, серия Социология*. № 1. С. 138–148.
- Правдин 1925 – *Правдин И. Ф.* Рыболовство в Северо-Западной области СССР. Научно-популярный очерк. Л.
- Прасолов 1925 – *Прасолов Л. И.* Почвы заливных лугов по берегам р. Волхова и оз. Ильменя // *Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна*. Л. Вып. IV.
- Прасолов 1927 – *Прасолов Л. И.* Почвы пойм в районе р. Волхова и оз. Ильменя // *Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна*. Л. Вып. XVI.
- Пресняков 1993 – *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.
- Приложение 2009 – Приложение: Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общей ред. Е. Н. Носова. СПб.
- Приходнюк 1988 – *Приходнюк О. М.* Общественно-хозяйственная структура славянских поселений (по материалам пеньковской культуры) // *Труды V международного конгресса археологов-славистов*. Киев. Т. 4. С. 189–194.
- Приходнюк 1996 – *Приходнюк О. М.* Версия Нестора о расселении славян из Подунавья (опыт хронологической стратификации и исторической интерпретации) // *Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии*. Киев. С. 64–79.
- Приходнюк 1998 – *Приходнюк О. М.* Пеньковская культура. Воронеж.
- Приходнюк 2005 – *Приходнюк О. М.* Пастирське городище. Київ.
- Пронин 1990 – *Пронин Г. Н.* Еще раз о сопках // *Раннеславянский мир. Материалы и исследования*. М. С. 158–171.
- Пропп 2001 – *Пропп В. Я.* Мужской дом в русской сказке // *Пропп В. Я.* Сказка. Эпос. Песня. М. С. 33–64.
- Протокол 1886 – Протокол общего собрания 16 марта 1884 года // *Записки Императорского Русского археологического общества*. Т. 1. Новая серия. СПб. С. XXXVI–XL.
- Прохоров 2010 – *Прохоров Г. М.* «Некогда не народ, а ныне народ Божий...» Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб.
- Психология толп 1998 – *Г. Лебон.* Психология толп. *Г. Тард.* Мнение и толпа // *Психология толп*. М.
- Путешествие 1786 – Путешествие Ея Императорского Величества в полуденный край России, предпринятое в 1787 году. СПб.
- Путь из варяг в греки 1996 – «Путь из варяг в греки и из грек в...»: Каталог выставки ГИМ. М.
- Пушкина 1993 – *Пушкина Т. А.* Изделия косторезного ремесла из Гнёздова // *Средневековые древности Восточной Европы / Труды ГИМ*. Вып. 82. М. С. 57–68.
- Пушкина 2018 – *Пушкина Т. А.* Ножи редкой формы из Гнёздова // «Нескончаемое лето». Сборник статей в честь Е. А. Рыбиной. СПб. С. 189–192.
- Пушкина, Мурашова, Енисова 2012 – *Пушкина Т. А., Мурашова В. В., Енисова Н. В.* Гнёздовский археологический комплекс // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*. М. С. 243–273.
- Равдоникас 1924 – *Равдоникас В. И.* Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин.
- Равдоникас 1945 – *Равдоникас В. И.* Старая Ладога // *КСИИМК*. Вып. 11. С. 30–41.
- Равдоникас 1950 – *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Часть II // *СА*. Вып. XII. С. 7–40.
- Радиньш 1987 – *Радиньш А. А.* Новые данные о курганном обряде на территории латгалов в первой половине II тысячелетия н. э. (по материалам Резекненского р-на) // *КСИА*. Вып. 190. С. 80–83.
- Радиньш 2001 – *Радиньш А.* Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10–13 веков // *Archaeologia Lituana*. Vilnius. Vol. 2. P. 65–118.
- Радиньш 2010 – *Радиньш А.* Даугавский путь и Даугмале // *Диалог культур и народов средневековой Европы*. СПб. С. 280–294.
- Радичевич 2015 – *Радичевич Д.* К изучению раннеславянских памятников Сербского Подунавья (вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности) // *Stratum plus*. № 5. С. 285–308.
- Радищев 1938 – *Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений. Т. I. М. – Л.

- Радкау 2014 – *Радкау Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.
- Развитие...1975 – Развитие и преобразование географической среды. По материалам Новгородской области. Л. Вып. 1.
- Развитие...1975а – Развитие и преобразование географической среды. По материалам Новгородской области. Л. Вып. 2.
- Раннефеодальные государства 1985 – Раннефеодальные государства на Балканах VII – XII вв. М.
- Раткош 1985 – *Раткош П.* Великая Моравия – территория и общество // Великая Моравия: ее историческое и культурное значение. М. С. 81–95.
- Ревуненкова, Решетов 2003 – *Ревуненкова Е. В., Решетов А. М.* Сергей Михайлович Широкогоров // ЭО. № 3. С. 100–119.
- Репников 1904 – *Репников Н. И.* Поездка Н. И. Репникова в Старую Ладугу // ЗОРСА. СПб. Т. 5. Вып. 2. С. 57–60.
- Рерих 1899 – *Рерих Н. К.* Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца // ЗРАО. СПб. Т. XI. Вып. 1–2.
- Розанова и др. 2008 – *Розанова Л. С., Терехова Н. Н., Рябинин Е. А., Щеглова О. А.* Металлографическое исследование железных изделий Любшанского городища // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб. С. 13–48.
- Розенфельдт 1982 – *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.
- Розенфельдт 1974 – *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М. С. 90–197.
- Романов 1966 – *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. М. – Л.
- Романов 2003 – *Романов Г. А.* Кресты в крестных ходах Древней Руси // Ставрографический сборник. М. Кн. 2. Крест в православии. С. 67–86.
- Романцев 1911 – *Романцев И. С.* О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород.
- Ронин 1982 – *Ронин В. К.* Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого (союз и вассалитет) // Советское славяноведение. М. Вып. 6.
- Ронин 1985 – *Ронин В. К.* Славянская политика Людовика Благочестивого: 814–829 гг. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-восточной Европы. М.
- Ронин 1986 – *Ронин В. К.* Славяне в латинской литературе VII – начале IX века // Советское славяноведение. М. Вып. 3.
- Русанова 1961 – *Русанова И. П.* Разведка по реке Уж // КСИА. Вып. 86. С. 70–72.
- Русанова 1966 – *Русанова И. П.* Курганы полян X–XII вв. // Археология СССР. САИ. Вып. EI-24. М.
- Русанова 1970 – *Русанова И. П.* Раскопки курганов на Волыни // АО 1969 г. М. С. 278–279.
- Русанова 1973 – *Русанова И. П.* Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом / САИ. Вып. EI-25. М.
- Русанова 1976 – *Русанова И. П.* Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М.
- Русланова 2018 – *Русланова Р. Р.* Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа.
- Русская философия смерти 2014 – Русская философия смерти. Антология. М. – СПб.
- Рыбаков 1951 – *Рыбаков Б. А.* Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. М. Т. I. С. 315–369.
- Рыбаков 1987 – *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М.
- Рыбаков 2008 – *Рыбаков В. В.* Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М.
- Рыбаков 2012 – *Рыбаков В. В.* Предисловие к кн. Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М.
- Рыбаков 2000 – *Рыбаков С. Е.* О методологии исследования этнических феноменов // ЭО. № 5. С. 3–17.
- Рыбаков 2001 – *Рыбаков С. Е.* Судьбы теории этноса. Памяти Ю. В. Бромлея // ЭО. № 1. С. 3–22.
- Рыбаков 2001а – *Рыбаков С. Е.* Нация и национализм. М.
- Рыбаков 2003 – *Рыбаков С. Е.* Этничность и этнос // ЭО. № 3. С. 3–24.
- Рыбаков 2012 – *Рыбаков С. Е.* К вопросу об этническом феномене // Мониторинг общественного мнения. № 2 (108). Март–апрель. С. 147–156.
- Рыков 1917 – *Рыков П.* Древности Летгаллии. Вып. I. Археологические раскопки в Режицком и Люцинском уездах Витебской губернии. Режица.
- Рябинин 1982 – *Рябинин Е. А.* Бусы Старой Ладogi (по материалам 1973–75 гг.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 165–173.
- Рябинин 1985 – *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладoge (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладoga. Новые археологические открытия и исследования. Л. С. 27–75.
- Рябинин 1987 – *Рябинин Е. А.* Об исследовании средневековых могильников води в Ленинградской области // Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин. № 36/4. С. 408–411.
- Рябинин 1990 – *Рябинин Е. А.* Водь // Финны в Европе VI–XV века. М. Вып. II. С. 15–31.
- Рябинин 1990а – *Рябинин Е. А.* Ижора // Финны в Европе VI–XV века. М. Вып. II. С. 31–41.
- Рябинин 1990б – *Рябинин Е. А.* Славяно-финно-угорские контакты на севере Восточной Европы в эпоху средневековья // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-ей балто-славянской конференции, 18–22 июня 1990 г. М. Ч. I. С. 44–51.

- Рябинин 1991 – *Рябинин Е. А.* Характер межэтнических контактов на севере Руси (современное состояние проблемы) // КСИА. Вып. 205. С. 3–11.
- Рябинин 1992 – *Рябинин Е. А.* Водь // Природа. Вып. 3. С. 78–86.
- Рябинин 1992а – *Рябинин Е. А.* Ижора // Природа. Вып. 9. С. 82–89.
- Рябинин 1994 – *Рябинин Е. А.* К проблеме этногенеза воды // Проблемы истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. СПб. С. 23–29.
- Рябинин 1994а – *Рябинин Е. А.* У истоков ремесленного производства в Ладоге // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб. С. 5–59.
- Рябинин 1995 – *Рябинин Е. А.* Предметы вооружения и их имитации из Старой Ладого (материалы новых исследований) // Древности Северо-Западной России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова. СПб. С. 51–56.
- Рябинин 1997 – *Рябинин Е. А.* Курганы с трупосожжениями водской земли // Славяне и финно-угры: археология, история, культура. СПб. С. 139–145.
- Рябинин 1997а – *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб.
- Рябинин 2001 – *Рябинин Е. А.* Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991 гг. СПб.
- Рябинин 2002 – *Рябинин Е. А.* Раскопки Любшанского городища в Нижнем Поволховье (предварительные результаты археологических исследований) // Культура, образование, история Ленинградской области. Научно-практическая конференция. Тезисы докладов. СПб. С. 53–57.
- Рябинин 2003 – *Рябинин Е. А.* У истоков Северной Руси. СПб.
- Рябинин, Дубашинский 2002 – *Рябинин Е. А., Дубашинский А. В.* Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. С. 196–203.
- Рябцева 2010 – *Рябцева С. С.* О «гроздевидных» украшениях // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. СПб. С. 273–285.
- Рябцевич 1965 – *Рябцевич В. Н.* Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // Нумизматика и эпиграфика. Т. V. С. 121–160.
- Рябцевич 1974 – *Рябцевич В. Н.* Козьянковский клад // АО 1973 г. М. С. 380.
- Рябцевич 1993 – *Рябцевич В. Н.* Козьянковский клад (предварительные итоги исследования) // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Мінск. Ч. 1. С. 34–35.
- Рябцевич 1998 – *Рябцевич В. Н.* Дирхамы арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). Минск. С. 66–84.
- Рябцевич 2000 – *Рябцевич В. Н.* Денежные депозиты Полоцкой земли конца X–начала XI в. // ГАЗ. Минск. № 15. С. 66–72.
- Рабцэвіч 1993 – *Рабцэвіч В. Н.* Парэцкі манетна-рэчавы скарб // Археалогія і нумызматыка Беларусі: Энцыклапедыя. Мінск. С. 485–486.
- Рабцэвіч, Плавінскі, Іоў 2011 – *Рабцэвіч В. Н., Плавінскі М. А., Іоў А. В.* Брылёўскі скарб. Мінск.
- Рябчук и др. 2015 – *Рябчук Д. В., Григорьев А. Г., Жамойда В. А., Спиридонов М. А., Котилайнен А., Виртасало Й., Морос М., Сивков В. В., Дорохова Е. В.* Новые данные о формировании реки Нева по результатам седиментологических исследований в восточной части Финского залива // Региональная геология и металлогения. № 61. С. 6–20.
- Савельев 1847 – *Савельев П. С.* Мухаммеданская нумизматика в приложении к русской истории. СПб.
- Савинов 1984 – *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.
- Савчук 1985 – *Савчук Г. Э.* Некоторые итоги и перспективы изучения Великой Моравии // Великая Моравия: Ее историческое и культурное значение. М. С. 6–28.
- Сакса 1992 – *Сакса А. И.* Город Корела – центр Приладожской Карелии (по археологическим данным) // Славяне и финно-угры: Археология, история, культура. СПб. С. 179–185.
- Сакса 2006 – *Сакса А. И.* Карельский перешеек: формирование природного и историко-географического ландшафта // Археология, этнография и антропология Евразии. 2 (26). 2006. С. 35–44.
- Сакса 2006а – *Сакса А. И.* Хозяйство и ремесло населения Карельской земли в средние века // РА. № 3. С. 63–74.
- Сакса 2008 – *Сакса А. И.* Древняя Карелия и Ижорская земля // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 2. Древности Ижорской земли. С. 128–146.
- Сакса 2010 – *Сакса А. И.* Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.
- Сакса 2015 – *Сакса А. И.* Могильник Лапинлахти и проблема происхождения «корель» русских летописей // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб. Вып. 5. С. 227–244.
- Салларес 1995 – *Салларес Р.* Экология древнего мира: проблемы и подходы // ВДИ. № 4. С. 80–102.

- Салмин 2011 – Салмин С. А. Огнестрельное оружие из Петровских раскопов 1980–2009 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 28–34.
- Самойлович 2006 – *Самойлович Н. Г.* Стекланные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М. С. 371–386.
- Санкина 2000 – *Санкина С. Л.* Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб.
- Санкина 2009 – *Санкина С. Л.* Происхождение антропологических особенностей населения Новгородской земли (X–XIII вв.) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (39). С. 152–157.
- Санкина 2017 – *Санкина С. Л.* О западнославянской версии происхождения словен новгородских, скандинавской проблеме и древнеевропейском субстрате (данные антропологии) // *Ex Ungue Leonem: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна.* СПб. С. 256–274.
- Сапелко и др. 2018 – *Сапелко Т. В., Терехов А. В., Амантов А. В.* Ладожская трансгрессия: реконструкция финальной стадии и последующего спада в северной части озера // Региональная геология и металлогения. № 75/2018. С. 23–34.
- Сапелко и др. 2019 – *Сапелко Т. В., Гусенцова Т. М., Кулькова М. А., Лудикова А. В., Денисенков В. П., Корнеева Н. Ю.* Ладожская трансгрессия и ландшафты второй половины голоцена в Южном Приладожье (по данным изучения археологического памятника Подолье-1) // Известия РАН. Серия Географическая. № 5. 78–95.
- Сапунов 1893 – *Сапунов В. П.* Река Западная Двина. Витебск.
- Свердлов 1999 – *Свердлов М. Б.* О названии новгородского Славенского конца // НИС. СПб. № 7 (17). С. 15–17.
- Свердлов 1993 – *Свердлов М. Б.* К изучению моравских исторических произведений в составе «Повести временных лет» // Феодальная Россия: новые исследования. СПб. С. 17–25.
- Свердлов 2003 – *Свердлов М. Б.* Ладога IX–XII вв. в общерусском контексте // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб. С. 173–187.
- Свердлов 2009 – *Свердлов М. Б.* Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб.
- Седакова 2004 – *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.
- Седакова 1990 – *Седакова О. А.* Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М. С. 54–63.
- Седин 2011 – *Седин А. А.* Эпоха великого переселения народов и банцеровские древности Лепельщины // IV Лепельскія чытанні. Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі 17–18 верасня 2010 г. Мінск. С. 3–7.
- Седин 2012 – *Седин А. А.* Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня из городища Никодимово. Могилев.
- Седов 1953 – *Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. Вып. 50. С. 92–103.
- Седов 1954 – *Седов В. В.* Новые данные о языческом святилище Перуна // КСИИМК. Вып. 53. С. 105–108.
- Седов 1956 – *Седов В. В.* Поселение XII – начала XV вв. в Перыни // КСИИМК. Вып. 62. С. 108–117.
- Седов 1960 – *Седов В. В.* Кривичи // Советская археология. № 1. С. 47–62.
- Седов 1962 – *Седов В. В.* Языческие святилища Смоленских кривичей // КСИА. Вып. 87. С. 57–64.
- Седов 1970 – *Седов В. В.* Новгородские сопки / Археология СССР. САИ. Вып. Е1-8. М.
- Седов 1982 – *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. Т. 14. М.
- Седов 1987 – *Седов В. В.* Селы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М. С. 365–370.
- Седов 1987а – *Седов В. В.* Литовские племена // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М. С. 381–397.
- Седов 1990 – *Седов В. В.* Погребальный обряд славян в начале средневековья // Исследования в области балто-славянской культуры: Погребальный обряд. М. С. 170–182.
- Седов 1995 – *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М.
- Седов 1999 – *Седов В. В.* Древнерусская народность. М.
- Седов 2000 – *Седов В. В.* Трансформация погребального обряда восточных славян под воздействием христианства // Славянский мир между Римом и Константинополем: Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. М. С. 116–118.
- Седов 2001 – *Седов В. В.* Предыстория белорусов // КСИА. Вып. 211. С. 44–50.
- Седов 2002 – *Седов В. В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М.
- Седов 2003 – *Седов В. В.* Этногенез ранних славян // Вестник РАН. Т. 73. № 7. С. 594–605.
- Седов 2005 – *Седов В. В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. М.
- Седов 2007 – *Седов В. В.* Изборск в раннем средневековье. М.
- Седов 1993 – *Седов П. В.* Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. СПб. – Новгород. 4 (14). С. 116–127.
- Седова 1981 – *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X – XV вв.). М.
- Седых 1997 – *Седых В. Н.* Большие курганы Древней Руси / ГАЗ. Вып. 11. Минск.
- Седых, Френкель 2021 – *Седых В. Н., Френкель В. В.* О цветном металле Тимерёвского поселения (по результа-

- там раскопок 1970-1980-х гг.) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии. СПб. С. 112–132.
- Селищев 1951 – *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 1. Введение. Фонетика. М.
- Семенов 1995 – *Семенов А. И.* Забытый динар 121 г. х. (738/39 гг. н. э.) из Староладожской крепости в свете новых нумизматических находок // Древности Северо-Западной России. СПб. С. 57–59.
- Семенов 1994 – *Семенов Ю. И.* Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // Война и мир в ранней истории человечества. М. Т. 2.
- Сементовский 1867 – *Сементовский А. М.* Памятники старины Витебской губернии. СПб.
- Сементовский 1890 – *Сементовский А. М.* Белорусские древности. СПб.
- Семянчук 1997 – *Семянчук Г.* Гарадзішча «Замкавая Гара» ў Браславе // Гісторыя Беларусі: жалезны век і сярэнявечча. Мінск. С. 61–65.
- Сениченкова 2010 – *Сениченкова Т. Б.* Керамика Любшанского городища // Acta Archaeologica Albaruthenica. Минск. Vol. VI. С. 68–94.
- Сениченкова 2011 – *Сениченкова Т. Б.* Несколько замечаний о формировании ладожского керамического комплекса (середина VIII – начало X в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. М. – Псков. Вып. 56. С. 211–228.
- Сениченкова 2013 – *Сениченкова Т. Б.* Керамика Ладоги VIII–X вв. в контексте раннесредневековых древностей Северо-Запада // Староладожский сборник. СПб. Вып. 10. С. 226–235.
- Сенников 2005 – *Сенников А. Н.* Фитогеографическое районирование Северо-Запада Европейской части России (Ленинградская, Псковская и Новгородская области) // Биогеография Карелии. Труды Карельского научного центра РАН. Петрозаводск. Вып. 7. С. 206–243.
- Середонин 1916 – *Середонин С. М.* Историческая география. Пг.
- Серов 2008 – *Серов В. В.* О времени формирования юстиниановской идеи реконкисты // Известия Алтайского государственного университета. № 03–4 (60). С. 236–240.
- Сідаровіч 2005 – *Сідаровіч В.* Справаздача аб дзейнасці археалагічнай групы НМГ І КБ за 1994–2003 гг. // Музейны веснік. Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі. Мінск. Вып. 2. С. 74–80.
- Симонова 2008 – *Симонова А. Н.* Материальная культура славянского населения Северо-Восточной Венгрии VII–XI веков. М.
- Сирина, Закурдаев 2016 – *Сирина А. А., Закурдаев А. А.* Вступит. статья в кн. *Широкогоров С. М.* Письма к В. М. Алексееву (1927–1932). М. С. 3–22.
- Скальник 2006 – *Скальник П.* Советская «теория» этноса и ее южноафриканская параллель // ЭО. № 3. С. 73–85.
- Скворцов 2010 – *Скворцов К. Н.* Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). Материалы исследований 2008 г. Часть первая. М.
- Славянская мифология 2001 – Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.
- Словарь древнерусского языка 1991 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М. Т. IV.
- Словарь древнерусского языка 2002 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М. Т. V.
- Словарь русского языка 1976 – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. Вып. 3.
- Случайные находки 1887 – Случайные находки в Старой Ладогe // Записки Императорского Русского археологического общества. Т. II. Новая серия. СПб. С. СXL.
- Смирнов 2005 – *Смирнов И. А.* Особенности распространения широколиственных лесов в Новгородской области: Автореф. дис. ... канд. сельскохоз. наук. СПб.
- Смирнов 1974 – *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М. С. 7–89.
- Смирнова 1976 – *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. Вып. 146. С. 3–10.
- Смирнова 1978 – *Смирнова Г. П.* К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа Новгорода // Древняя Русь и славяне. М. С. 165–171.
- Смит 2004 – *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.
- Снесарев 2013 – *Снесарев Е. С.* Философия войны. М.
- Соколов 1926 – *Соколов Н. Н.* Геоморфологический очерк района р. Волхова и оз. Ильменя. Рельеф, наносы, история развития // Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна. Л. Вып. VII.
- Соколовский 2004 – *Соколовский С. В.* Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М.
- Сокровища Приобья 1996 – Сокровища Приобья. СПб.
- Соловьев 1959 – *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М. Книга 1 (тома 1–2).
- Сорокин 1997 – *Сорокин П. Е.* Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в средневековье. СПб.
- Сорокин 2008 – *Сорокин П. Е.* Ижора в эпоху средневековья (к вопросу о происхождении и ранней истории) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб. Вып. 2. С. 177–215.
- Сорокин 2008a – *Сорокин П. Е.* Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 2. Древности Ижорской земли. С. 88–127.

- Сорокин 2008б – *Сорокин П. Е.* Находки римского времени на Северо-Западе России // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 312–324.
- Сорокин 2016 – *Сорокин П. Е.* Окрестности Петербурга. Из истории ижорской земли. М.
- Сорокин, Шаров 2008 – *Сорокин П. Е., Шаров О. В.* О новых находках римской эпохи на Северо-Западе // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 2. Древности Ижорской земли. С. 167–201.
- Спиргис 2009 – *Спиргис Р.* Овальные фибулы ливов // Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века. М. С. 11–50.
- Спиридонова и др. 2005 – *Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д.* Особенности природной среды в окрестностях Рюрикова городища и воздействие на нее человека в средневековье // Археология и естественнонаучные методы. М. С. 191–203.
- Спиридонова и др. 2008 – *Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д.* Естественные и антропогенные изменения природного комплекса лесной зоны Русской равнины в средневековье. М.
- Список памятников 1990 – Список памятников истории и культуры республиканского значения БССР. Минск. Кн. 2.
- Спицын 1896 – *Спицын А. А.* Предполагаемые литовские курганы // ЗРАО. СПб. Т. VIII. Вып. 1–2. С. 103–114.
- Спицын 1897 – *Спицын А. А.* Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. VII. Псковская губерния // ЗРАО. СПб. Т. IX. Вып. 1–2. С. 249–256.
- Спицын 1899 – *Спицын А. А.* Сопки и жалники // ЗРАО. СПб. Вып. 1–2. Т. 11. С. 142–155.
- Спицын 1899а – *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. СПб. Вып. 8. С. 301–340.
- Спицын 1902 – *Спицын А. А.* Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР. СПб. № 26.
- Спицын 1903 – *Спицын А. А.* Удлиненные и длинные русские курганы // ЗОРСА. V. Вып. 1. С. 196–202.
- Спицын 1917 – *Спицын А. А.* Русская историческая география. Пг.
- Спицын 1918 – *Спицын А. А.* Разведки А. А. Спицына // Отчет ИАК за 1913–1915 гг. Пг. С. 164–165.
- Спицын 1922 – *Спицын А. А.* Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Петербург. С. 1–12.
- Спицын 1929 – *Спицын А. А.* Основные русские племена // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. М. С. 28–30.
- Средневековая Ладога 1985 – Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Срезневский 1893 – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб. Т. 1. А–К.
- Стальсберг 2015 – *Стальсберг А.* О Ладоге и викингах // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. СПб. Вып. 5. С. 36–38.
- Станиславский 1990 – *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М.
- Станкевич 1950 – *Станкевич Я. В.* Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги (по материалам раскопок 1947 г.) // СА. Вып. XIV. С. 187–216.
- Станкевич 1951 – *Станкевич Я. В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги (по материалам раскопок 1947–1949 гг.) // СА. Вып. XV. С. 219–246.
- Станкевич 1958 – *Станкевич Я. В.* Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины // КСИИМК. Вып. 72. С. 46–53.
- Станкевич 1959 – *Станкевич Я. В.* Предварительные итоги исследований 1956 года в Великолукской области // КСИИМК. Вып. 77. С. 77–83.
- Станкевич 1960 – *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э. // МИА. № 76. С. 7–323.
- Станчу 2015 – *Станчу И.* Ранние славяне в румынской части Карпатского бассейна // Stratum plus. № 5. С. 163–216.
- Сташенков 2015 – *Сташенков Д. А.* О специфике набора стеклянных бус Самаро-Симбирского Поволжья в хазарскую эпоху // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб. С. 147–152.
- Степанов 1927 – *Степанов Е. С.* Хозяйственная характеристика лугов Волхово-Ильменского бассейна и общие соображения о затопляемости пойменных угодий р. Волхова // Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна. Л. Вып. XIX.
- Стефаненко 2009 – *Стефаненко Т. Г.* Стратегии конструирования и управления гибридной этнической идентичностью // Идентичность и организация в меняющемся мире. М. С. 57–72.
- Стефанович 2018 – *Стефанович П. С.* Новые подходы к этничности в медиевистике: взгляд из «древнерусской перспективы» // Историческая память и российская идентичность. М. С. 467–486.
- Стефутин 2018 – *Стефутин С. А.* Комплекс археологических памятников близ д. Шниткино. Первые результаты исследований // Археология Древней Руси: Актуальные проблемы и открытия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина (1918–2018). Москва, 22–24 ноября 2018 г. М. С. 111–113.

- Стеценко 1997 – *Стеценко Н. К.* История Ладужской крепости и проблемы ее изучения // Дивинец Староладужский. СПб. С. 168–176.
- Строков, Богусевич 1939 – *Строков А. А., Богусевич В. А.* Новгород Великий. Л.
- Струков 2011 – *Струков Д. М.* Альбом рисунков. 1864–1867. Минск.
- Стубавс 1959 – *Стубавс А. Я.* Раскопки городища Кентескалнс в 1954–1956 гг. // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М. С. 186–221.
- Субетто 2007 – *Субетто Д. А.* История формирования Ладужского озера и его соединения с Балтийским морем // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). № 1. С. 111–120.
- Субетто 2009 – *Субетто Д. А.* Донные отложения озер: палеолимнологические реконструкции. СПб.
- Субетто и др. 2007 – *Субетто Д. А., Сапелко Т. В., Кузнецов Д. Д., Лудикова А. В., Долуханов П. М., Зайцева Г. И.* История формирования стока из Ладужского озера: новые палеолимнологические данные // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН 9–12 апреля 2007 г. Санкт-Петербург. СПб. С. 381–403.
- Суворов 2007 – *Суворов А. В.* Материалы эпохи камня, бронзы и раннего железного века // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М. Т. 1. Поселения и могильники. С. 117–129.
- Сукачев 1973 – *Сукачев В. Н.* Болота, их образование и свойства // Избранные произведения. Т. 2. Проблемы болотоведения, палеоботаники и палеогеографии. Л. С. 97–188.
- Сукачев 1973а – *Сукачев В. Н.* О пограничном горизонте торфяников в связи с вопросом о колебании климата в послеледниковое время // Избранные произведения. Т. 2. Проблемы болотоведения, палеоботаники и палеогеографии. Л. С. 208–217.
- Сыроватко 2009 – *Сыроватко А. С.* Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.
- Сыроватко, Панин, Зарецкая 2017 – *Сыроватко А. С., Панин А. В., Зарецкая Н. Е.* Роль изменений водного режима р. Оки в формировании Щуровского археологического комплекса в последнем тысячелетии // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. Смоленск. С. 40–50.
- Сычева 2011 – *Сычева С. А.* Малый климатический оптимум голоцена и малый ледниковый период в памяти почв и отложений пойм рек Русской равнины // Известия РАН. Серия географическая. № 1. С. 79–93.
- Тайлор 1989 – *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура / Пер. с англ. Д. А. Коропчевского. М.
- Тамла 1984 – *Тамла Т.* Первое городище и хронология комплекса археологических памятников в Пада // Известия АН ЭССР. Вып. 34: 4. С. 360–363.
- Тамла, Тыниссон 1983 – *Тамла Ю., Тыниссон Э.* Исследование городища Варбола в 1978 – 1982 гг. // Известия АН ЭССР. Вып. 32: 4. С. 310–314.
- Тарабардина 2010 – *Тарабардина О. А.* О дендрохронологическом исследовании деревянных сооружений Городка на Маяте // Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб. С. 158–161.
- Тараканова 1956 – *Тараканова С. А.* Псковские городища // КСИИМК. Вып. 62. С. 33–44.
- Тарасов 2001 – *Тарасов И. И.* Рыболовный инвентарь из раскопок в Старой Ладогге // Вестник молодых ученых. Серия исторические науки. СПб. Вып. 1. С. 69–73.
- Татищев 1793 – *Татищев В. Н.* Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский. СПб. Ч. 1.
- Таутавичус 1959 – *Таутавичус А. З.* Восточнолитовские курганы // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М. Т. С. 128–153.
- Творогов 1987 – *Творогов О. Н.* Летописец Переяславля Суздальского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.) Л. С. 234–235.
- Терпиловский 1984 – *Терпиловский Р. В.* Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев.
- Терпиловский 1994 – *Терпиловский Р. В.* Праслов'янські старожитності Східної Європи. Перспективи пошуку // Старожитності Руси-України. Київ. С. 73–79.
- Терпиловский 2002 – *Терпиловский Р. В.* Некоторые дискуссионные проблемы археологии и истории ранних славян // Stratum plus. № 5. 2001–2002. С. 420–430.
- Терпиловский 2004 – *Терпиловский Р. В.* Славяне Верхнего Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. Lublin.
- Тизенгаузен 1873 – *Тизенгаузен В. Г.* Монеты восточного халифата. СПб.
- Тимошук 1990 – *Тимошук Б. А.* Социальная сущность городища Зимно // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М. С. 151–157.
- Тимофеев 1993 – *Тимофеев В. И.* Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб. С. 8–34.
- Тимофеев, Стеценко, 1997 – *Тимофеев В. И., Стеценко Н. К.* Староладужская неолитическая стоянка // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб. – Псков. 1997. Т. 2. С. 331–334.

- Титаренко 2009 – *Титаренко Л. Г.* Модели национальной идентичности населения Беларуси и перспективы их развития // *Философия и социальные науки: Научный журнал.* № 1/2. С. 9–14.
- Тітков, Сидоренко 2001 – *Тітков О. В., Сидоренко О. В.* Про розвідки у Лубенському Посуллі // *Археологічний літопис Лівобережної України.* Полтава. Вип. 1. С. 93–100.
- Тихомиров 1979 – *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М.
- Тишков 1992 – *Тишков В. А.* Советская этнография: преодоление кризиса // *ЭО.* № 1. С. 5–20.
- Тишков 1997 – *Тишков В. А.* О феномене этничности // *ЭО.* № 3. С. 3–21.
- Тишков 2003 – *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.
- Тишков 2005 – *Тишков В. А.* Этнология и политика. М.
- Тишков 2013 – *Тишков В. А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.
- Тишков 2016 – *Тишков В. А.* От этноса к идентичности и после // *ЭО.* № 5. С. 5–22.
- Тойнби 2010 – *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М.
- Токарев 1964 – *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // *Вопросы философии.* № 11. С. 43–53.
- Токарев 2012 – *Токарев С. А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века. М.
- Толочко 2015 – *Толочко А. П.* Очерки начальной руси. Киев, СПб.
- Толочко 1999 – *Толочко П. П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев.
- Толстая 2004 – *Толстая С. М.* Ученая проза поэта // *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М. С. 8–13.
- Толстой, Кондаков 1891 – *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 4. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб.
- Толстой 1995 – *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.
- Толстой 2000 – *Толстой Н. И.* Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // *Из истории русской культуры.* М. Т. 1. Древняя Русь. С. 441–447.
- Томсинский 2004 – *Томсинский С. В.* Угличе Поле в IX–XIII веках. СПб.
- Топоров 1987 – *Топоров В. Н.* Заметки по похоронной обрядности (к 150-летию со дня рождения А. Н. Веселовского) // *Балто-славянские исследования.* 1985. М. С. 10–52.
- Топоров 1988 – *Топоров В. Н.* Язык и культура: об одном слове-символе (к 1000-летию христианства на Руси и 600-летию его в Литве) // *Балто-славянские исследования.* 1986. М. С. 3–44.
- Торопов 2009 – *Торопов С. Е.* Из истории средневекового новгородского города Демона // *Великий Новгород и Средневековая Русь: Сб. ст. к 80-летию академика В. Л. Янина.* М. С. 245–261.
- Торопов 2009а – *Торопов С. Е.* Археологический комментарий к проблеме локализации и преемственности новгородского городка Демон и Демянского погоста // *Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хоросхева.* М. С. 552–558.
- Торопов 2009б – *Торопов С. Е.* Два уникальных комплекса древнерусских ювелирных украшений // *Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.* 2008. Великий Новгород. С. 7–10.
- Торопов 2013 – *Торопов С. Е.* К характеристике ранне-средневекового поселения на городище Княжая Гора в бассейне р. Полю // *Вестник НГУ.* № 73. Т. 1. С. 107–111.
- Тотев 2012 – *Тотев К.* Константинопольски литийни кръстове от бронз, открити в България. Част I // *Археология.* Год. LIII. Кн. 1. С. 46–61.
- Тотев 2012а – *Тотев К.* Константинопольски литийни кръстове от бронз, открити в България. Част II // *Археология.* Год. LIII. Кн. 2. С. 66–80.
- Третьяков 1941 – *Третьяков П. Н.* Северные восточно-славянские племена // *МИА.* № 6. С. 9–55.
- Третьяков 1952 – *Третьяков П. Н.* Древлянские «грады» // *Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия.* М. С. 64–68.
- Третьяков 1953 – *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М.
- Третьяков 1966 – *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.
- Третьяков 1970 – *Третьяков П. Н.* У истоков дренерусской народности. Л.
- Третьяков 1982 – *Третьяков П. Н.* По следам древних славянских племен. Л.
- Третьяков, Шмидт 1963 – *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.
- Трубачев 1974 – *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // *Вопросы языкознания.* № 6. С. 48–67.
- Трубачев 2003 – *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М.
- Трубачев 2005 – *Трубачев О. Н.* В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.
- Трубецкой 1918 – *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. М.
- Тухтина 1968 – *Тухтина Н. В.* Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа // *Славяне и Русь.* М. С. 188–193.

- Уваров 1910 – Уваров А. С. Лицевые сосуды // Уваров А. С. Сб. мелких трудов. М. Т. 2. С. 103–104.
- Угенинов, Кондратьев 2011 – Угенинов Г. Н., Кондратьев А. Н. Генезис русла реки Невы // Ученые записки Российского Государственного гидрометеорологического университета. № 19. С. 46–52.
- У истоков мира 2014 – У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды. М.
- Уилсон 2015 – Уилсон Э. О. О природе человека. М.
- Ульянов 2007 – Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М.
- Урбанавичюс 1990 – Урбанавичюс В. Погребения в озере Обеляй // Исследования в области балто-славянской культуры: Погребальный обряд. М. С. 196–201.
- Успенский 1872 – Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб.
- Успенский 1913 – Успенский Ф. И. История Византийской империи. СПб. Т. 1.
- Уэллс 1957 – Уэллс Г. Избранное. М. Т. II.
- Фай 2021 – Фай Э. Хайдеггер, введение нацизма в философию: на материале семинаров 1933–1935 гг. М.
- Фасмер 1925 – Фасмер Р. Р. Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. // Известия РАИМК. Л. Т. IV. С. 242–276.
- Фасмер 1926 – Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Л. Т. I. С. 287–308.
- Фасмер 1929 – Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры. II // Сообщения ГАИМК. Л. Т. II. С. 281–324.
- Фасмер 1986 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. Т. 1 (А–Д).
- Фасмер 1986а – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. Т. 2 (Е–Муж).
- Федоров 1983 – Федоров И. Т. Расселение ижоры в XIX–XX веках // СЭ. № 5. С. 97–104.
- Фейерабенд 2007 – Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.
- Фейерабенд 2010 – Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М.
- Фейерабенд 2010а – Фейерабенд П. Прощай, разум. М.
- Фехнер 1959 – Фехнер М. В. Шихинская курганная группа // СА. Вып. 4. С. 239–242.
- Фехнер 1982 – Фехнер М. В. Наконечник ножен меча из кургана близ Коростеня // СА. Вып. 4. С. 243–244.
- Филин 1980 – Филин Ф. П. О происхождении праславянского языка и восточнославянских языков // Вопросы языкознания. № 4. С. 36–50.
- Филин 2010 – Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.
- Филиппов 2010 – Филиппов Р. В. «Советская теория этноса». Историографический очерк. М.
- Финно-угры и балты 1987 – Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
- Фишман 2005 – Фишман Д. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. № 4 (49). С. 132–140.
- Флёрова 1996 – Флёрова В. Е. Домашние промыслы в Саркеле – Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара. С. 277–332.
- Флёрова 2001 – Флёрова В. Е. Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.
- Фомин 1987 – Фомин А. В. Хутынский клад куфических монет X в. // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа): Краткие тез. докл. и сообщений научной конференции (14–16 октября 1987 г.). Л. С. 56–57.
- Фомин 1993 – Фомин А. В. Новые находки восточных монет в Северной Руси // Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщений. Вологда, 18–21 мая 1993 г. Вологда. С. 13–15.
- Фомин 2005 – Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь. М.
- Фомин 2015 – Фомин В. В. Варяги Южной Балтики А. Ф. Гильфердинга // Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. М. – СПб. С. 17–60.
- Формозов 2005 – Формозов А. А. Человек и наука: Из записей археолога. М.
- Франклин, Шепард 2000 – Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200. СПб.
- Франчес 1961 – Франчес Э. Византийское государство и левобережье Дуная в VI в. // ВВ. Т. XX. С. 14–22.
- Френ 1847 – Френ Х. Д. О восточных монетах, находимых в России // Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в приложении к русской истории. СПб. С. 3–52.
- Фролов 1994 – Фролов А. А. Сопка у дд. Брод-Лучки Валдайского район Новгородской области (результаты исследования и интерпретация) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 8. С. 36–49.
- Фролов, Пиотух 2008а – Фролов А. А., Пиотух Н. В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). М. – СПб. Т. 2. Атлас и справочные материалы.
- Фромм 2015 – Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.
- Фроянов 1992 – Фроянов И. Я. Мятельный Новгород. СПб.
- Фроянов 1996 – Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб.

- Фроянов 2010 – *Фроянов И. Я.* Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб.
- Фрэзер 1983 – *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь: исследование магии и религии / Пер. с англ. М. К. Рыклина. М.
- Фуко 2005 – *Фуко М.* Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / Пер. с франц. Е. А. Самарской. СПб.
- Фурасьев 1997 – *Фурасьев А. Г.* Демидовка и Узмень. Нетрадиционный взгляд на «классические» памятники // ГАЗ. Минск. Вып. 11. С. 33–38.
- Фурасьев 2001 – *Фурасьев А. Г.* Динамика культурных трансформаций в междуречье Западной Двины и Великой во второй и третьей четверти I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Фурасьев 2002 – *Фурасьев А. Г.* Памятники юга Псковской области (из фондов Северо-Западной экспедиции Государственного Эрмитажа // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н. э. М. С. 42–43.
- Фусек 2015 – *Фусек Г.* Древнее славянское население на территории Словакии // *Stratum plus*. № 5. С. 151–162.
- Хабургаев 1979 – *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М.
- Хабургаев 1994 – *Хабургаев Г. А.* Первые столетия славянской письменной культуры. М.
- Халикова 1976 – *Халикова Е. А.* Больше-Тиганский могильник // СА. № 2 С. 158–178.
- Хан 2015 – *Хан В. С.* Об антиномиях и современном противостоянии в этнологии // Вестник антропологии. № 1(29). С. 4–25.
- Хантингтон 2003 – *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.
- Харитонович 2008 – *Харитонович З. А.* Заселение территории Лепельского района в раннем железном веке // III Лепельскія чытанні. Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі 10 кастрычніка 2008 г. Лепель. С. 13–21.
- Харитонович 2011 – *Харитонович З. А.* Материалы раскопок городища Боровно из фондов Лепельского районного краеведческого музея // IV Лепельскія чытанні. Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі 17–18 верасня 2010 г. Минск. С. 8–17.
- Харытановіч 2011 – *Харытановіч З. А.* Археалагічныя даследаванні на гарадзішчы і селішчы Стары Лепель у 2008 // МАБ. Минск. Вып. 20. С. 300–307.
- Харытановіч 2013 – *Харытановіч З. А.* Археалагічныя даследаванні гарадзішча Бірулі ў 2011 г. // МАБ. Минск. Вып. 24. С. 308–312.
- Харытановіч 2014 – *Харытановіч З. А.* Археалагічныя даследаванні на гарадзішчы Бірулі ў 2012 годзе // МАБ. Минск. Вып. 25. С. 252–258.
- Харькова 2018 – *Харькова С. Ю.* Гидронимы в севернорусских былинах // Русский фольклор. Т. XXXVII: Фольклоризм в литературе и культуре: Границы понятия и сущность явления (Сборник статей и материалов памяти А. А. Горелова). СПб. С. 408–475.
- Хаусхофер 2001 – *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет / Пер. с нем. И. Г. Усачева. М.
- Хвоцинская 1999 – *Хвоцинская Н. В.* Подковообразные фибулы Рюрика городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М. С. 39–50.
- Хвоцинская 2003 – *Хвоцинская Н. В.* Приладожские курганы в свете финской погребальной обрядности // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб. С. 47–50.
- Хвоцинская 2008 – *Хвоцинская Н. В.* Славяне и финны на северо-западе древнерусского государства: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Хвоцинская 2013 – *Хвоцинская Н. В.* Финское население на северо-западе Новгородской земли // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в средневековье. Vilnius. С. 17–34.
- Хвоцинская 2021 – *Хвоцинская Н. В.* Укрепления Рюрика Городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий // Археологические вести. СПб. Вып. 33. С. 107–120.
- Херрман 1988 – *Херрман И. Ruzzi. Forsderen Liudi. Fresiti.* К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского Географа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. М. С. 162–169.
- Хобсбаум 1998 – *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.
- Ходаковский 1839 – *Ходаковский З.* Отрывок из путешествия по России // Русский исторический сборник. М. Т. 3. Вып. 2. С. 129–200.
- Ходаковский 1844 – *Ходаковский З.* Сопки. Донесение о первых успехах путешествия в России Зорияна Долуга-Ходаковского // Русский исторический сборник. М. Т. 7. С. 368–375.
- Холкина 2017 – *Холкина М. А.* Керамика эпохи раннего металла восточной части Финского залива: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Холсол 2013 – *Холсол Г.* Этничность и раннесредневековые могильники // РАЕ. № 3. С. 460–477.
- Хорошкевич 1963 – *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М.
- Хорошкевич, Плигузов, Коваленко 2000 – *Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И., Коваленко Г. М.* Апология Юхана Видекинда // *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / Перевод С. А. Аннинского, А. М. Александрова. М. С. 521–561.
- Хотинский 1977 – *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата. М.
- Хотинский 1981 – *Хотинский Н. А.* Следы прошлого ведут в будущее. М.

- Хофмайстер 2006 – *Хофмайстер Х.* Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат / Пер. с нем. О. А. Коваль. СПб.
- Храпунов 1994 – *Храпунов И. Н.* Погребение середины III в. н. э. из могильника Дружное // МАИЭТ. Симферополь. Вып. IV. С. 529–544.
- Хрисимов 2015 – *Хрисимов Н.* Раннеславянские памятники в северо-восточной части Балканского полуострова // *Stratum plus*. № 5. С. 309–342.
- Хюбнер 1994 – *Хюбнер К.* Критика научного разума / Пер. с нем. И. Т. Касавина. М.
- Хюбнер 1996 – *Хюбнер К.* Истина мифа / Пер. с нем. И. Т. Касавина. М.
- Хюбнер 2001 – *Хюбнер К.* Нация: от забвения к возрождению / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.
- Циркин 1984 – *Циркин А. В.* Древковое оружие мордвы и его хронология // СА. № 1. С. 123–133.
- Чебоксаров, Чебоксарова 1985 – *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М.
- Чекин 1999 – *Чекин Л. С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. М.
- Черкасов 1994 – *Черкасов А. А.* Из записок сибирского охотника. М.
- Чернягин 1941 – *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // МИА. № 6. М. Л. С. 93–148.
- Чешко 1993 – *Чешко С. В.* Этническая история славян с точки зрения этнологии // *Славяноведение*. № 2. С. 15–22.
- Чешко 1994 – *Чешко С. В.* Человек и этничность // ЭО. № 6. С. 35–49.
- Чешко 1995 – *Чешко С. В.* Ответ оппонентам // ЭО. № 5. С. 11–13.
- Чичерин 1858 – *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. М.
- Чуркина 2007 – *Чуркина И. В.* Первые государственные объединения словенцев // ВИ. № 4. С. 126–141.
- Шадыро 1985 – *Шадыро В. И.* Ранний железный век северной Белоруссии. Минск.
- Шадыро 2000 – *Шадыро В. И.* Белорусско-литовско-латвийское порубежье в эпоху железа и раннего средневековья (этнокультурные аспекты) // *Iš baltų kultūros istorijos*. Vilnius. С. 189–204.
- Шадыро 2001 – *Шадыро В. И.* Городище и селище Прудники // *Lietuvos Archeologija*. Т. 21. Р. 267–274.
- Шадыро 2009 – *Шадыро В. И.* Локальные изменения в материальной культуре населения Белорусского Подвинья в эпоху великого переселения народов // *Древняя история Восточной Европы*. Минск. С. 112–125.
- Шадыро, Ласкавий 1994 – *Шадыро В. И., Ласкавий Г. В.* Средневековые наконечники стрел лука и арбалета из поселения у д. Прудники // ГАЗ. Минск. Вып. 4. С. 217–224.
- Шадыро, Кенько 2019 – *Шадыро В. И., Кенько П. М.* Исследования городища «Вал» археологического комплекса Кордон Шумилинского района Витебской области в 2016 г. // Шумілінскі край. Мінск. С. 105–126.
- Шадыро 1980 – *Шадыро В. И.* Гарадзішча Замошша // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск. № 2. С. 27–29.
- Шадыро 1993 – *Шадыро В. И.* Селішча Пруднікі на Беларуска-Латышскім парубежжы (матэрыяльная культура і датыроўка) // ГАЗ. Мінск. Вып. 2. С. 170–182.
- Шадыро 1995 – *Шадыро В. И.* Вялікае перасяленне народаў і крывічы // ГАЗ. Мінск. Вып. 7. С. 202–212.
- Шадыро 2004 – *Шадыро В. И.* Гарадзішча Клішына («Выспянская Гара») Крупскага Раёна (раскопкі 1999–2002 гг.) // ГАЗ. Мінск. Вып. 19. С. 115–125.
- Шадыро 2004а – *Шадыро В. И.* Новыя дадзеныя з раскопак гарадзішча Клішына Крупскага раёна // ГАЗ. Мінск. Вып. 19. С. 290.
- Шадыро 2005 – *Шадыро В. И.* Гарадзішча Вышадкі Гарадоцкага раёна // ГАЗ. Мінск. Вып. 20. С. 83–81.
- Шадыро 2005а – *Шадыро В. И.* Раскопкі гарадзішча «Выспянская Гара» на воз. Селява Крупскага раёна // ГАЗ. Мінск. Вып. 20. С. 230.
- Шадыро 2006 – *Шадыро В. И.* Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.). Мінск.
- Шадыро 2007 – *Шадыро В. И.* Археалагічны комплекс на воз. Селява Крупскага р-на // ГАЗ. Мінск. Вып. 23. С. 212–213.
- Шадыро 2011 – *Шадыро В. И.* Селішча жалезнага веку на воз. Сялява // МАБ. Мінск. Вып. 20. С. 292–299.
- Шадыро 2016 – *Шадыро В. И.* Матэрыяльная культура археалагічнага комплексу на возеры Селява ў Дняпроўска-Дзвінскім міжрэччы: I–VIII стст. н. э. // *Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период*. Минск. Кн. 2. С. 197–255.
- Шадыро, Махнач 2009 – *Шадыро В. И., Махнач А. И.* Селішча Клішына на выспе возера Селява // МАБ. Мінск. Вып. 17. С. 169–178.
- Шажинбат 2015 – *Шажинбат А.* Этнос как философско-антропологическая проблема. Дисс. докт. философ. наук. М.
- Шажинбат 2015а – *Шажинбат А.* Этнос как философско-антропологическая проблема: Автореф. дис. ... докт. философ. наук. М.
- Шажинбат 2015б – *Шажинбат А.* Этнос и человеческая природа // *Философская мысль*. 2015. № 7. С. 47–75.
- Шандыбин 1998 – *Шандыбин С. А.* Постмодернистская антропология и сфера применимости ее культурной модели // ЭО. № 1. С. 14–30.
- Шарковская 2012 – *Шарковская Н. Ю.* Артефакты с Замковой Горы из собраний витебских музеев // Віцебскія старажытнасці. Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння

- Л. В. Аляксеева. Віцебск, 28–29 кастрычніка 2010. Мінск. С. 155–174.
- Шарковская 2012а – *Шарковская Н. Ю.* Материалы археологических разведок и раскопок в фондах ВОКМ // Віцебскія старажытнасці. Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння Л. В. Аляксеева. Віцебск, 28–29 кастрычніка 2010. Мінск. С. 70–101.
- Шаров 2006 – *Шаров О. В.* О находке перекладчатой фибулы в Старой Ладогe // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб. С. 176–211.
- Шаров, Сорокин 2008 – *Шаров О. В., Сорокин П. Е.* Комплекс находок римского времени у деревни Удосолово Ленинградской области // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб. Сер. 2. Вып. 4. Ч. 1. С. 162–169.
- Шаскольский 1979 – *Шаскольский И. П.* Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен юго-восточной Прибалтики в свете данных современной науки // Финно-угры и славяне. Л. С. 41–48.
- Шахматов 1915 – *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия славянской филологии. Пг. Вып. 11.1.
- Шахматов 1919 – *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг.
- Шахматов 1940 – *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы. М. – Л. Т. IV.
- Шафаревич 2003 – *Шафаревич И. Р.* Русский народ в битве цивилизаций. М.
- Шевцов 2017 – *Шевцов А. О.* Монеты императора Феофила (829–842) на территории Гнёздовского археологического комплекса // РА. № 1. С. 141–149.
- Шевцов 2005 – *Шевцов Ю. В.* Объединенная нация. Феномен Беларуси. М.
- Шеллинг 1989 – *Шеллинг Ф. В. Й.* Введение в философию мифологии // Сочинения в 2 т. М. Т. 2.
- Ширинский 1999 – *Ширинский С. С.* Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881–1901 гг. // Гнёздовский могильник. М. Ч. 1. С. 87–146.
- Широкогоров 1923 – *Широкогоров С. М.* Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / Известия Восточного факультета Государственного дальневосточного университета. Т. LXVII. Шанхай.
- Широкогоров 2001 – *Широкогоров С. М.* Этнографические исследования. Владивосток.
- Широкогоров 2012 – *Широкогоров С. М.* Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. М.
- Шитов 1990 – *Шитов В. Н.* Шокшинский могильник: два погребения с монетами // Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск. Вып. 99. С. 21–31.
- Шитов 2007 – *Шитов М. В.* Голоценовые трансгрессии Ладожского озера: Автореф. дис. ... канд. геол.-мин. наук. СПб.
- Шитов и др. 2004 – *Шитов М. В., Бискэ Ю. С., Носов Е. Н., Плишивцева Э. С.* Природная среда и человек Нижнего Поволжья на финальной стадии ладожской трансгрессии // Вестник СПбГУ. СПб. Сер. 7. Вып. 3. С. 3–15.
- Шитов и др. 2005 – *Шитов М. В., Бискэ Ю. С., Плишивцева Э. С., Мараков А. Я.* Позднеголоценовые изменения уровня Волхова в районе Старой Ладогы // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб. Сер. 7. Вып. 4. 2005. С. 3–16.
- Шмерлина 2001 – *Шмерлина И. А.* Социология и этология человека // Социологический журнал. № 1. С. 33–43.
- Шмидехельм 1955 – *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин.
- Шмидехельм 1959 – *Шмидехельм М. Х.* Городище Рьуге в юго-восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М. С. 154–185.
- Шмидт 1958 – *Шмидт Е. А.* Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе // СА. № 3. С. 162–169.
- Шмидт 1969 – *Шмидт Е. А.* Раскопки в Смоленской области // АО 1968 г. М. С. 63–65.
- Шмидт 1976 – *Шмидт Е. А.* Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII века н. э.). М.
- Шмидт 1982 – *Шмидт Е. А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. М. Ч. 1.
- Шмидт 1983 – *Шмидт Е. А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. М. Ч. 2.
- Шмидт 1992 – *Шмидт Е. А.* Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М.
- Шмидт 1995 – *Шмидт Е. А.* Вооружение и снаряжение воинов-всадников тушемлинских племен Поднепровья // ГАЗ. Мінск. № 6. С. 105–117.
- Шмидт 2003 – *Шмидт Е. А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Смоленск.
- Шмидт 2008 – *Шмидт Е. А.* Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков. Смоленск.
- Шмидт 2012 – *Шмидт Е. А.* Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья. Смоленск.
- Шмидт 2013 – *Шмидт Е. А.* Шугайлово (комплекс археологических памятников). Смоленск.
- Шмидт 2014 – *Шмидт Е. А.* Древности Смоленской земли: материалы фондов Смоленского государственного музея-заповедника. Смоленск.
- Шмидт, Ходченков 1961 – *Шмидт Е. А., Ходченков А. А.* Археологические памятники и их охрана // Памятники культуры Смоленской области. Смоленск. Вып. 1.
- Шмитт 2007 – *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. М.

- Шмитт 2008 – *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum eugoraicum* / Пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца под ред. Д. Кузницына. СПб.
- Шмитт 2016 – *Шмитт К.* Понятие политического / Пер. с нем. под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.
- Шнеевайс 2009 – *Шнеевайс Й.* «Полабские славяне» – исследовательский проект на северо-западной периферии славянского мира // Сложение Русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. Т. XLIX. СПб. С. 247–263.
- Шнеевайс 2017 – *Шнеевайс Й.* Заселение славян на территории между Эльбой и Одером. Краткий обзор состояния актуальных исследований // Материалы научно-практического семинара по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия имени А. Г. Векслера. М. С. 268–273.
- Шнеевайс 2019 – *Шнеевайс Й.* «Late Antique Little Ice Age» и распространение славян в третьей четверти I тыс. н. э. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. № 4 (65). С. 52–63.
- Шнирельман 1994 – *Шнирельман В. А.* У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества. М. Т. 1.
- Шнирельман 2003 – *Шнирельман В. А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.
- Шнирельман 2006 – *Шнирельман В. А.* Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // ЭО. № 3. С. 8–21.
- Шнирельман 2011 – *Шнирельман В. А.* «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. М. Т. I.
- Шнирельман 2011a – *Шнирельман В. А.* «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. М. Т. II.
- Шнирельман 2013 – *Шнирельман В. А.* Археология и общество – проблемные взаимоотношения. Введение в дискуссию // ЭО. № 1. С. 3–8.
- Шнирельман 2013a – *Шнирельман В. А.* Национализм и археология // ЭО. № 1. С. 9–25.
- Шноре 1959 – *Шноре Э.* Городища древних латгалов // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М. Т. 1. С. 222–232.
- Шноре, Цимермане 1966 – *Шноре Э., Цимермане И.* Поселение и могильник Кивты (Восточная Латвия) // От эпохи бронзы до раннего феодализма. Исследования по археологии Прибалтики и смежных территорий. Таллин. С. 175–186.
- Шорохов 2011 – *Шорохов В. А.* О некоторых аспектах восточноевропейской работоторговли в IX – первой половине X века (по данным восточных источников) // Труды Исторического факультета СПбГУ. СПб. Вып. 6. С. 31–41.
- Шпенглер 1998 – *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К. А. Свасьяна. М.
- Шпенглер 1998a – *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. И. И. Маханькова. М.
- Шпенглер 2002 – *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм / Пер. с нем. Г. Д. Гурвича. М.
- Шпенглер 2009 – *Шпенглер О.* Политические произведения / Пер. с нем. В. В. Афанасьева. М.
- Шпирт 2013 – *Шпирт А. М.* Венская школа исторической этнографии и проблема этногенеза в эпоху раннего средневековья (опыт историографического обзора) // Альманах по истории средних веков и раннего нового времени. № 3–4. С. 42–52.
- Штыхов 1966 – *Штыхов Г. В.* Сравнительное изучение городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей // Древности Белоруссии. Минск. С. 238–252.
- Штыхов 1971 – *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма. Минск. Вып. 2.
- Штыхов 1975 – *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк IX–X вв. Минск.
- Штыхов 1978 – *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск.
- Штыхов 2000 – *Штыхов Г. В.* Формирование полоцких кривичей // *Iš baltų kultūros istorij os.* Vilnius. С. 209–218.
- Штыхаў 1992 – *Штыхаў Г. В.* Крывичи. Минск.
- Штыхаў 2003 – *Штыхаў Г. В.* Лужаснянскі археалагічны комплекс каля Віцебска // МАБ. Минск. Вып. 8. С. 259–274.
- Штыхаў 2005 – *Штыхаў Г. В.* Археалагічнае вывучэнне помнікаў V–VIII стст. у наваколлі Віцебска // ГАЗ. № 20. Мінск. С. 233.
- Штыхаў 2007 – *Штыхаў Г. В.* Вынікі даследавання гарадзішча Баронікі пад Віцебскам // ГАЗ. Мінск. Вып. 23. С. 231.
- Шувалов 1991 – *Шувалов П. В.* Славянское общество дунайского периода (469–604) // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб. С. 31–37.
- Шувалов 1998 – *Шувалов П. В.* Проникновение славян на Балканы // Основы балканского языкознания. Языки Балканского региона. СПб. Ч. 2 (славянские языки). С. 5–28.
- Шувалов 2001 – *Шувалов П. В.* Волколаки, заложные покойники и великая экспансия славян // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в I тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. С. 5–12.
- Шувалов 2004 – *Шувалов П. В.* Оружие ранних славян // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб. С. 254–264.

- Шувалов 2008 – *Шувалов П. В.* Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 2(4). Июль–декабрь. С. 13–20.
- Шулте-Умберг 2018 – *Шулте-Умберг У.* Скульптура и пластические искусства в Малой Лангобардии (VIII–XI века) // *Лангобарды: Народ, изменивший историю*. СПб. С. 270–285.
- Шумкин 1990 – *Шумкин В. Я.* Истоки формирования народности саами // *Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы*. Л. С. 121–127.
- Шут 1966 – *Шут К. П.* Памятники раннего железного века на севере Белоруссии // *Древности Белоруссии*. Минск. С. 166–182.
- Шут 1967 – *Шут К. П.* Городища эпохи раннего железа на северо-западе Белоруссии // *Доклады к XI конференции молодых ученых Белорусской ССР (ноябрь 1967 г.)*. Минск. С. 406–424.
- Шушарин 1997 – *Шушарин В. П.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.
- Щеглова 1990 – *Щеглова О. А.* О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья*. Курск. С. 162–205.
- Щеглова 1991 – *Щеглова О. А.* Среднее Поднепровье конца VII – первой половины VIII в.: причины смены культур // *Социогенез и культурогенез в историческом аспекте*. СПб. С. 42–50.
- Щеглова 2003 – *Щеглова О. А.* Свинцово-оловянистые украшения VIII – X вв. из Старой Ладоги и Любшанского городища и их восточноевропейские параллели // *Ладога и истоки российской государственности и культуры*. СПб. С. 38–46.
- Щеглова 2004 – *Щеглова О. А.* Тисненые изделия и инструменты для их изготовления в раннесредневековых Любше, Ладоге и Изборске // *Восточная Европа в средневековье*. М. С. 263–271.
- Щеглова 2009 – *Щеглова О. А.* Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI–VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний // *Сложение Русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. Т. XLIX*. СПб. С. 39–65.
- Щеглова, Григорьева 2014 – *Щеглова О. А., Григорьева Н. В.* Матрицы, отливки и тисненые «бляшки с крестом» в материалах Причудья и Нижнего Поволховья: техники разные, тип один // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья*. СПб. Вып. 4. С. 7–11.
- Щедрина 2003 – *Щедрина К. А.* «Крест императора Константина Великого» (к вопросу иконографии) // *Ставрографический сборник*. М. Кн. 2. Крест в православии. С. 55–66.
- Шукин 1987 – *Шукин М. Б.* О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // *АСГЭ. Вып. 28*. С. 103–118.
- Шукин 1989 – *Шукин М. Б.* Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян // *Славяне: этногенез и этническая история*. Л. С. 56–62.
- Эдинг 1928 – *Эдинг Д.* Сарское городище. Ростов Ярославский.
- Эйхвальд 1856 – *Эйхвальд Э. И.* Извлечение из замечаний Д.С.С., Заслуженного Профессора и Академика Эйхвальда, во время путешествия по озеру Ильмень и окрестностям Старой Руссы.
- Экология 2002 – *Экология эрозионно-русловых систем России*. М.
- Экосистема озера Ильмень 1997 – *Экосистема озера Ильмень и его поймы*. СПб.
- Эпоха бронзы 1987 – *Эпоха бронзы лесной полосы СССР*. М.
- Эриксен 2014 – *Эриксен Т. Х.* Что такое антропология? М.
- ЭССЯ 1980 – *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Ред. О. Н. Трубачев*. М. Вып. 7.
- ЭССЯ 1984 – *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Ред. О. Н. Трубачев*. М. Вып. 11.
- Этнические группы 2006 – *Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий*. М.
- Юнгер 2002 – *Юнгер Э.* Излучения (февраль 1941 – апрель 1945) / Пер. с нем. Н. О. Гучинской, В. Г. Ноткиной. СПб.
- Юнгер 2007 – *Юнгер Э.* Годы оккупации (апрель 1945 – декабрь 1948) / Пер. с нем. И. П. Стребловой. СПб.
- Юнгер 2015 – *Юнгер Э.* Семьдесят минуло: дневники. 1971–1980 / Пер. с нем. Е. Воропаева. М.
- Юрьев 1927 – *Юрьев М. М.* Погребенные торфяники нижнего течения Мсты // *Прасолов Л. И.* Почвы пойм в районе р. Волхова и оз. Ильменя // *Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна*. Л. Вып. XVI. С. 243–249.
- Юшко 1972 – *Юшко А. А.* Покровские и Стрелковские курганы // *СА. Вып. 1*. С. 185–199.
- Юшко 1991 – *Юшко А. А.* Московская земля IX–XIV веков. М.
- Юшкова 2004 – *Юшкова М. А.* Памятники эпохи раннего металла в Нижнем Поволховье // *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород*. Вып. 18. С. 233–242.
- Юшкова 2009 – *Юшкова М. А.* Раскопки городища Холпий Городок // *АО 2006 г.* М. С. 105–106.
- Юшкова 2010 – *Юшкова М. А.* Новая группа памятников культуры могильников с каменными оградками (die Tarandgäberkultur) на западе Ижорской возвышенности // *Диалог культур и народов средневековой Европы*. СПб. С. 316–329.
- Юшкова 2010а – *Юшкова М. А.* Металлические изделия эпохи бронзы на Северо-Западе России // *Известия*

- Самарского научного центра РАН. Самара. Т. 12. № 2. С. 272–277.
- Юшкова 2011 – Юшкова М. А. Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России: Дис. канд. ист. наук. СПб.
- Юшкова 2011а – Юшкова М. А. Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. СПб.
- Юшкова 2015 – Юшкова М. А. Новая группа памятников I–VII вв. на юго-западе Ленинградской области // Археологические вести. СПб. Вып. 21. С. 187–198.
- Юшкова 2015а – Юшкова М. А. Памятники культуры сетчатой керамики в Южном Приладожье // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. Замытнинский сборник. Вып. 4. СПб. С. 278–318.
- Юшкова, Кулешов 2010 – Юшкова М. А., Кулешов Вяч. С. Керстово 1 – новый памятник эпохи римских влияний на Северо-Западе России // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Тула. Ч. 1. С. 218–238.
- Яйленко 1990 – Яйленко В. П. Прибалтийско-финские основы названий Новгородской земли: Славно, Ильмень, Меря // *Uralo-Indogermanica*. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-й балто-славянской конференции, 18–22 июня 1990 г. М. Ч. I. С. 35–40.
- Яковлева, Татарников 2010 – Яковлева Е. А., Татарников О. М. Первоначальный рельеф древнего Пскова и его влияние на развитие городской среды // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. К 80-летию А. Н. Кирпичникова. М. Т. 2. С. 540–546.
- Янин 1956 – Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М.
- Янин 1960 – Янин В. Л. Монетные клады Новгородского музея // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. II. С. 141–154.
- Янин 1982 – Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Л. Вып. 1(11). С. 79–95.
- Янин 1991 – Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М.
- Янин 1999 – Янин В. Л. Планы Новгорода Великого XVII–XVIII веков. М.
- Янин 2003 – Янин В. Л. 70 лет новгородской археологии. Итоги и перспективы // Ладога и истоки российской государственности. СПб. С. 76–83.
- Янин 2004 – Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М.
- Янин 2007 – Янин В. Л. О начале Новгорода // У истоков русской государственности: историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород – СПб. С. 205–212.
- Янин, Алешковский 1971 – Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. М. – Л. № 2. С. 32–61.
- Янин и др. 1999 – Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Дубровин Г. Е., Сорокин А. Е. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 13. С. 5–10.
- Янина 1956 – Янина С. А. Неревский клад куфических монет X в. // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. С. 5–10 (МИА. № 55).
- Янина 1963 – Янина С. А. Второй Неревский клад куфических монет X в. // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. С. 287–331 (МИА. № 117).
- Янссон 1999 – Янссон И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М. С. 18–38.
- Янссон 2009 – Янссон И. Королевские/княжеские центры эпохи викингов в Скандинавии и на Руси // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк. С. 208–232.
- Янкевич 1999 – Янкевич В. Смерть / Пер. с фр. А. А. Адриянова, В. П. Большакова, Г. В. Волкова, Н. В. Кислова. М.
- Ясперс 1991 – Ясперс К. Истоки истории и ее цель / Пер. с нем. М. И. Левиной. Вып. 1. М.
- Ясперс 1991а – Ясперс К. Истоки истории и ее цель / Пер. с нем. М. И. Левиной. Вып. 2. М.
- Age of spirituality 1979* – *Age of spirituality: Late Antique and Early Christian Art, third to seventh century: catalogue of the exhibition at the Metropolitan Museum of Art, November 19, 1977, through February 12, 1978.* New York.
- Alexandrov, Tallgren 1930 – Alexandrov B. V., Tallgren A. M. Funde aus der romischen Eisenzeit im Gouv. Novgorod // *ESA*. Helsinki. Bd. 5. S. 100–108.
- Aleksandrovsii et al. 2009 – Aleksandrovsii A.L., Arslanov Kh. A., Davydova N.N., Doluchanov P. M., Zaitseva G. I., Kirpichnikov A. N., Kuznetsov D. D., Lavento M., Ludikova A. V., Nosov E. N., Savel'eva L. A., Sapelko T. V., Subetto D. A. New Data on the Ladoga Transgression, the Neva River Formation, and Agricultural Development of Northwestern Russia // *Doklady Earth Sciences*. Vol. 425. No. 2. P. 274–278.
- Allerstav et al. 1991 – Allerstav A., Damell D., Gustafsson J. H., Hammar T., Hedman A., Königsson L.-K., Sandén B., Sjösvärd L., Stenström G., Strid J. P. Fornsigstuna. En kungsgårds historia. Tierp.
- Allmäe et al. 2011 – Allmäe R., Maldre L., Tomek T. The Salme I Ship Burial: An Osteological View of a Unique Burial in Northern Europe // *Interdisciplinaria archaeological. Natural Sciences in Archaeology*. Vol. II. Issue 2. P. 109–124.

- Almgren 1905 – *Almgren O.* 'Kung Björns Hög' och Andra Fornlämningar vid Håga. Stockholm.
- Almgren 1955 – *Almgren B.* Bronsnycklar och djurornamentik vid övergången från vendeltid till vikingatid. Uppsala.
- Almgist-Jacobson 1994 – *Almgist-Jacobson H.* Interaction of the Holocene climate, water balance, vegetation, fire, and the cultural land-use in Swedish Borderland // Lundqua Thesis. Lund. Vol. 30.
- Ambrosiani 1981 – *Ambrosiani K.* Viking age combs, comb making and comb makers: in the light of finds from Birka and Ribe. Stockholm.
- Ambrosiani 1985 – *Ambrosiani B.* Aristocratic Graves and Manors in Early Medieval Sweden // Archaeology and Environment 4. Umea. P. 109–118.
- Andersen 1951 – *Andersen H.* Tomme Høje // Kuml. Aarhus. S. 91–135.
- Andersen 1998 – *Andersen H. H.* Danevirke og Kovirke. Arkæologiske undersøgelser 1861–1993. Århus.
- Andersson 1993 – *Andersson G.* Antuna. Stockholm.
- Andersson 2004 – *Andersson, G.* "Skrytböndernas" gravspråk – en spegling av aristokratins? // *Larsen J.H. & Rolfen P.* (red.) Halvdanshaugen – arkeologi, historie og naturvitenskap. Universitetets kulturhistoriske museer Skrifter nr. 3. Oslo. S. 301–311.
- Anderson 2006 – *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, New York.
- Andersson, Lindström-Holmberg 1998 – *Andersson G., Lindström-Holmberg C.* En Hög och ett gravfält i Häggvik. Stockholm.
- Androshchuk 2005 – *Androshchuk F.* En man i Osebergsgraven? // Fornvännen 100. Stockholm.
- Androshchuk 2013 – *Androshchuk F.* Vikings in the East: Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100). Uppsala.
- Arbman 1937 – *Arbman H.* Schweden und das Karolingische Reich. Stockholm.
- Arbman 1940 – *Arbman H.* Birka. Die Gräber. Uppsala. T. I. Tafeln.
- Arbman 1943 – *Arbman H.* Birka. Die Gräber. Uppsala. T. I. Text.
- Arbman 1955 – *Arbman H.* Svear i österviking. Stockholm.
- Arkeologi i Sverige 1976 – Arkeologi i Sverige 1976. Riksantikvarieämbetet och Statens historiska museer, Rapport 1978:6. Stockholm 1978.
- Arne 1915 – *Arne T.* Nya bidrag till Södermanlands förhistoria // Bidrag till Södermanlands äldre kulturhistoria. Strängnäs. Vol. XVI. P. 3–38, 45–68.
- Arne 1919 – *Arne T.* Grabar från "Vendeltid" vid Lagerlunda i Kärna socken, Östergötland // Fornvännen. Stockholm. Vol. 14. P. 145–156.
- Arne 1924 – *Arne T.* Den stora Gravhögen vid Vaxtuna i Orkesta socken, Seminghundra härad, Uppland // Fornvännen. Stockholm. Vol. 19. P. 136–139.
- Arrhenius 1978 – *Arrhenius B.* Ein Amethystanhänger aus Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haihabu. Neumünster. Bd. 12. S. 9–23.
- Arrhenius 1980 – *Arrhenius B.* The chronology of the Vendel graves // Rapport från Stockholms universitets arkeologiska forskningslaboratorium, 1980:2.
- Arrhenius 1990 – *Arrhenius B.* Utgrävningen av den östligaste storhögen på gravfältet Ormknös. RAÄ 111, Björkö, Adelsö sn. Uppland. Laborativ arkeologi 4. Stockholm. S. 65–80.
- Arrhenius, Eriksson 2006 – *Arrhenius B., Eriksson G.* Guldens hög i Husby-Långhundra. Stockholm.
- Arwidsson 1942 – *Arwidsson G.* Vendelstile, Email und Glas im 7.–8. Jahrhundert. Uppsala.
- Asplund 2008 – *Asplund H.* Kymittae. Sites, Centrality and Long-Term Settlement Change in the Kemionsaari Region in SW Finland // Turun Yliopiston julkaisuja/Annales Universitatis Turkuensis. Sarja - Ser. B osa. Tom. 312. Humaniora. Turku.
- Atgāzis 1974 – *Atgāzis M.* Dzelzs iedzītņa šķēpu gali ar atkarpēm Latvijā // Arheoloģija un etnogrāfija. Rīga. T. XI. 154.– 73. lpp.
- Atterman 1934 – *Atterman I.* Fågelformade spännen och beslag från folkvandringstid // Studier tillägnade Gunnar Ekholm. Göteborg. Vol. 13/3. P. 169–186.
- Balassa 1975 – *Balassa I.* The earliest ploughshapes in Central Europe // Tools and Tillage. Copenhagen. Vol. II: 4. P. 242–255.
- Balodis 1929 – *Balodis F.* Die lettischen Burgberge // Fornvännen. Stockholm. Bd 24. P. 270–295.
- Balodis 1942 – *Balodis F.* Die Burgberge Lettlands (Estratto da «Studi Baltici»). Vol. VIII. 1941–42). Roma.
- Bárdos, Garam 2009 – *Bárdos E., Garam E.* Das awarenzeitliche Gräberfeld in Zamárdi-Rétiföldek. Budapest. T. 1.
- Barford 2001 – *Barford P. M.* The Early Slavs: Culture and Society in Early Medieval Eastern Europe. London; New York.
- Barth 1969 – *Barth F.* Ethnic Groups and Boundaries. Introduction. Boston.
- The Baeux Tapestry 2004 – The Baeux Tapestry. London.
- Bekić 2016 – *Bekić L.* The Early Medieval between Pannonia and the Adriatic. Early Slavic Ceramic and other Archaeological Finds from the Sixth to Eighth Century. Pula.
- Bennett 1985 – *Bennett A.* Karleby och Gärtuna: bebyggelse och gravar från bronsålder och järnålder i Östertälje socken, Södermanland. Stockholm.
- Beranová 1989 – *Beranová M.* The agricultural tools of Bohemia at the beginning of the Iron Age (5th – 3rd century BC) // Tools and Tillage. Copenhagen. Vol. VI: 2. P. 107–118.

- Berglund 1991 – *Berglund B. E. (Ed.)* The cultural landscape during 6000 years in southern Sweden – the Ystad Project // *Ecological Bulletins*. Copenhagen. Bd. 4.
- Bikic 2010 – *Bikic V.* Vizantijski nakit u Srbiji: modeli i naslede. Beograd.
- Bitner-Wróblewska 2006 – *Bitner-Wróblewska A.* The key problems of Late Migration Period in the Balt Lands // *Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas. P. 7–15.
- Biuw 1992 – *Biuw A.* Norra Spånga. Stockholm.
- Björck, Håkansson, Antonsson 1995 – *Björck J., Håkansson T., Antonsson H.* Eisåsen – a Deserted Farm in Jämtland, Sweden. *Vegetation History and Soil Studies* // *Pact*. Vol. 50. P. 337–346.
- Björkman 2001 – *Björkman L.* The role of human disturbance in Late Holocene vegetation changes on Kullaberg, southern Sweden // *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 10. P. 201–210.
- Bogucki 2007 – *Bogucki M.* Some Oriental Finds from the Port of Trade at Janów Pomorski (Truso), Poland // *Cultural Interaction between East and West*. Stockholm. P. 164–170.
- Bolin 1999 – *Bolin H.* Crossroads of culture. Aspects of the social and cultural setting in northern Sweden during the last two millennia BC // *Fennoscandia archaeologica*. Vol. XVI. P. 3–29.
- Bonde 1994 – *Bonde, N.* De norske vikingskibsgraves alder. Et vellykket norsk-dansk forskningsprojekt. // *Nationalmuseets Arbejdsmark*. København. P. 128–148.
- Bogucki 2006 – *Bogucki M.* Grobiņa – a Sign of an Early Future Port of Trade in the Balt Lands // *Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas. P. 93–106.
- Borders, Barriers and Ethnogenesis 2005 – *Borders, Barriers and Ethnogenesis*. *Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages* / Ed. by F. Curta. Brepols.
- Bowen 1963 – *Bowen H. C.* Ancient fields. A tentative analysis of vanishing earthworks and landscapes. London.
- Brady 1990 – *Brady Niall D. K.* Early ard pieces in Finnish museums // *Tools and Tillage*. Copenhagen. Vol. VI: 3. P. 158–175.
- Brastiņš 1928 – *Brastiņš E.* Latvijas pilskalni. Latgale. Rīgā.
- Brather 2004 – *Brather S.* The beginnings of Slavic settlement east of the river Elbe // *Antiquity*. Vol. 78. No. 300. June. P. 314–329.
- Brather 2006 – *Brather S.* Early Dirham Finds in the Southeast Baltic. Chronological Problems in the Light of Finds from Janów Pomorski (Truso) // *Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas. P. 133–142.
- Brather 2008 – *Brather S.* Archäologie der westlichen Slawen. Siedlung, Wirtschaft und Gesellschaft im frühund hochmittelalterlichen Ostmitteleuropa. *Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Bd. 61. Berlin – New York.
- Brather 2017 – *Brather S.* The Archaeology of Identities and Alterities. Opposite Perspectives for the Early Middle Ages // *Entangled Identities and Otherness in Late Antique and Early Medieval Europe. Historical, Archaeological and Bioarchaeological Approaches*. BAR – International Series 2852. Oxford. P. 11–22.
- Bratt 1996 – *Bratt P.* Storhögar och maktstrukturer i Mälardalen under järnåldern // *Aktuell arkeologi V*. Stockholm archaeological reports. Stockholm. Nr. 30. P. 13–36.
- Bratt 1999 – *Bratt P.* Anundshög. Del 1, Delundersökning för datering: arkeologisk delundersökning av Anundshög, RAÄ 431, Långby, Badelunda socken, Västerås stad, Västmanland. Stockholm.
- Bratt 2004 – *Bratt P.* Anundshög – ett maktcentrum i Västmanland under yngre järnåldern // *Halvdanshaugen – arkeologi, historie og naturvitenskap*. Oslo. P. 277–300.
- Bratt 2008 – *Bratt P.* Makt uttryckt i jord och sten: stora högar och maktstrukturer i Mälardalen under järnåldern. Stockholm.
- Broadbent 1985 – *Broadbent N.* New Knowledge of Early Iron Age Settlement in Northern Sweden // *Archaeology and Environment*. Vol. 4. P. 387–393.
- Brown, Pluskowski 2013 – *Brown A., Pluskowski A.* Medieval Landscape Transformation in the Southeast and Eastern Baltic: Palaeoenvironmental Perspectives on the Colonisation of Frontier Landscapes // *Archaeologia Baltica*. Klaipėda. Vol. 20. P. 24–46.
- Brugmann 2004 – *Brugmann B.* Glass beads from early Anglo-Saxon graves: a study on the provenance and chronology of glass beads from Anglo-Saxon graves based on visual examination. Oxford.
- Budinský-Krička 1956 – *Budinský-Krička V.* Pohrebisko z neskorej doby avarskej v Žitavskej Tôni // *Slovenská Archeologia*. T. IV-1. S. 5–131.
- Buko 2008 – *Buko A.* The Archaeology of Early Medieval Poland. Leiden – Boston.
- Butėnas 2001 – *Butėnas E.* Kario raitelio kapas iš Kurklių šilo pilkapyno // *Lietuvos archeologija*. Vilnius. T. 21. P. 227–234.
- Butėnas 2012 – *Butėnas E.* The Excavation of Kurklių Šilas Barrow Cemetery // *Archaeological Investigations in Independent Lithuania*. Vilnius. P. 86–89.
- Büntgen et al. 2011 – *Büntgen U., Tegel W., Nicolussi K., McCormick M., Frank D., Trouet V. M., Kaplan J. O., Herzig F., Heussner K. U., Wanner H., Luterbacher J., Esper J.* 2500 Years of European Climate Variability and Human Susceptibility // *Science*. Vol. 331. P. 578–582.
- Büntgen et al. 2016 – *Büntgen U., Myglan V. S., Chaprentier Ljungqvist F., McCormick M., Di Cosmo N., Sigl M., Jungclaus J., Wagner S., Krusic P. J., Esper J., Kaplan J. O., de Vaan M. A. C., Luterbacher J., Wacker L., Tegel W., Kirilyanov A. V.* Cooling and societal change during the

- Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD // *Nature Geoscience*. Vol. 9. P. 231–236.
- Callmer 2000 – *Callmer J.* The archaeology of the early Rus' c. AD 500–900 // *Mediaeval Scandinavia: A journal devoted to the study of mediaeval civilization in Scandinavia and Iceland*. Vol. 13. P. 7–63.
- Callmer 2006 – *Callmer J.* Early West Slavic pottery and Scandinavian brooches and combs / *Świat Słowian wczesnego średniowiecza*. Szczecin – Wrocław.
- Callmer 2013 – *Callmer J.* At the watershed between the Baltic and the Pontic before Gnezdovo // *From Goths to Varangians. Communication and Cultural Exchange between the Baltic and the Black Sea*. Aarhus. P. 39–85.
- Carlsson 1979 – *Carlsson D.* Kulturlandskapets utveckling på Gotland. Visby.
- Chalk, Johanssohn 1990 – *Chalk F., Johanssohn K.* The History and Sociology of Genocide. Analysis and case studies. New Haven, London.
- Charanis 1959 – *Charanis P.* Ethnic Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 13. P. 23–44.
- Christiansson, Nordahl 1989 – *Christiansson H., Nordahl E.* Tingshögen and Kungsgårdsplatåerna in Gamla Uppsala // *Tor*. Vol. 22. P. 245–258.
- Comşa 1982 – *Comşa M.* Östliche Elemente im Karpaten-Balkan-Raum im 7.–8. JH / *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte*. Vol. II, Nr. 17. S. 11–40.
- Constable 1996 – *Constable O. R.* Trade and Traders in Muslim Spain: The Commercial Realignment of the Iberian Peninsula, 900–1500. Cambridge.
- Crane 1972 – *Crane F.* Extant Medieval musical instruments: a Provisional Catalogue by Types. Iowa City.
- Cruikshank Dodd 1961 – *Cruikshank Dodd E.* Byzantine Silver Stamps. Washington.
- Crustal 2003 – *Crustal D.* English as a global language. Cambridge.
- Curba, Soczewiński 2002 – *Curba J., Soczewiński E.* Skarb dirhemów, ozdób srebrnych i złomu srebra z drugiej połowy X wieku z okolic Pińska // *ГАЗ. Мінск*. № 17. С. 158–164.
- The Curonians 2009 – *The Curonians: Tribe Culture According to the Burial Data*. Vilnius.
- Curta 2002 – *Curta F.* From Kossinna to Bromley: Ethnogenesis in Slavic Archaeology // *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages*. Studies in the Early Middle Ages. Vol. 4. Sydney. P. 201–218.
- Curta 2004 – *Curta F.* The Slavic *Lingua Franca* (Linguistic Notes of an Archeologist Turned Historian) // *East Central Europe*. Vol. 31. Part 1. P. 125–148.
- Curta 2005 – *Curta F.* Frontier Ethnogenesis in Late Antiquity: The Danube, the Tervingi, and the Slavs // *Borders, Barriers and Ethnogenesis. Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages*. Brepols. P. 173–04.
- Curta 2006 – *Curta F.* Southeastern Europe in the Middle Ages. 500–1250. Cambridge.
- Curta 2007 – *Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700 A. D. Cambridge.
- Curta 2008 – *Curta F.* The making of the Slavs between ethnogenesis, invention, and migration // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 2(4). Июль–декабрь. P. 155–171.
- Čilinská 1983 – *Čilinská Z.* The development of the Slavs north of the Danube during the Avar Empire and their social-cultural contribution to Great Moravia // *Slovenská archeológia XXXI-2*. 1983. Bratislava. P. 237–276.
- Daim 2017 – *Daim F.* The Gold of the Avars. Three Case Studies // *Dalle steppe al mediterraneo popoli, culture, integrazione*. Atti del Convegno internazionale di studi Fondazioni e rituali funerari delle aristocrazie germaniche nel contesto mediterraneo Cimitile-Santa Maria Capua Vetere, 18–19 giugno 2015, Atti del Convegno internazionale di studi Oriente e Occidente fra tarda antichità e medioevo popoli e culture dalle steppe al Mediterraneo Cimitile-Santa Maria Capua Vetere, 16–17 giugno 2016. Napoli. P. 407–422.
- Damell 1985 – *Damell D.* Rösaring and a Viking Age Cult Road // *Archaeology and Environment*. Vol. 4. P. 171–185.
- Damell 1991 – *Damell D.* Fornsigstuna – a Royal Seat and Precursor of an Urban Settlement // *Regions and reflections*. In honour of Märta Strömberg. Lund. P. 291–296.
- Damell 1993 – *Damell D.* About Royal Manors from the Late Iron Age in Middle Sweden // *Current Swedish Archaeology*. Vol. 1. P. 39–47.
- Davidan 1992 – *Davidan O. I.* Kunsthandwerkliche Gegenstände des 8. bis 10. Jahrhunderts aus Alt-Ladoga (Die Sammlung der Staatlichen Ermitage in St. Petersburg) // *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters, Jahrgang 20*. Bonn. S. 5–61.
- Davidson 1952 – *Davidson R. G.* The minor objects. Corinth. Results of excavations 12. New Jersey.
- Dobos 2015 – *Dobos A.* Weapons and weapon depositions in the late row-grave cemeteries in Transylvania // *Warriors, weapons, and harness from the 5th–10th centuries in the Carpathian Basin*. Cluj-Napoca. P. 57–88.
- Dolukhanov 1995 – *Dolukhanov P.* The Holocene environment and prehistoric settlement in the Northeasyern Baltic Area // *Fennoscandia archaeologica*. Helsinki. Vol. XII. P. 25–33.
- Dolukhanov et al. 2010 – *Dolukhanov P. M., Subetto D. A., Arslanov Kh. A., Davydova N. N., Zaitseva G. I., Kuznetsov D. D., Ludikova A. V., Sapelko T. V., Savelieva L. A.* Holocene oscillations of the Baltic Sea and Lake Ladoga levels and early human movements // *Quaternary International*. Vol. 220. P. 102–111.
- Drotz, Ekman 1995 – *Drotz M., Ekman N.* Kumla Ättebacke – 1000 år i Härads Kumla. Arkeologisk undersökning E20, Södermanland, Härads socken, RAÄ 15, Dnr 3035/92.

- Riksantikvarieämbetet UV Stockholm. Rapport 1995: 32. Stockholm.
- Ducmane, Ozoliņa 2009 – *Ducmane K., Ozoliņa A.* Latvija Eiropā: monētu depoziiti 1.–20. gadsimtā. Rīga.
- Duczko 1996 – *Duczko W.* Uppsalahögarna som symboler och arkeologiska källor // *Arkeologi och miljögeologi i Gamla Uppsala. Vol. II. Occasional Papers in Archaeology. Vol. 11.* Uppsala. S. 59–93.
- Duczko 2004 – *Duczko W.* Viking Rus. Studies on the presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden, 2004.
- Dulinicz 2001 – *Dulinicz M.* Kształowanie się słowiańszczyzny północno-zachodniej: Studium archeologiczne. Warszawa.
- Dürr 2018 – *Dürr R.* „Symbols of power“ im (spät)römischen Gräberfeld von Unterloisdorf (Bez. Oberpullendorf / A) // *Archäologisches Korrespondenzblatt. Nr. 48.* S. 229–240.
- Dvornik 1956 – *Dvornik F.* The Slavs. Their Early History and Civilization. Boston.
- Dyer 1972 – *Dyer J.* Earthworks of the Danelaw Frontier // *The Archaeology and the Landscape. London.* P. 222–235.
- Eketorp III 1998 – *Eketorp III:* Den medeltida befästningen på Öland. Artefakterna. Stockholm.
- Einerstam 1940 – *Einerstam B.* En kungshög vid Norsborg // *Sörmlandsbygden: Södermanlands hembygdsförbunds årsbok. Nyköping.* P. 143–152.
- Ekholm 1931 – *Ekholm G.* Gravhögen vid Staby, Uppsala-Näs // *Upplands fornminnesförenings tidskrift. Uppsala, 1929–1933. Vol. XLIII.* P. 65–69.
- Engelmark 1978 – *Engelmark R.* The comparative Vegetational History of Inland and Coastal Sites in Medelpad, N Sweden, during the Iron Age // *Early Norrland. Stockholm. Vol. 11.* P. 25–62.
- Engelmark 1981 – *Engelmark R.* Carbonized plant material from the early Iron Age in N Sweden // *Wahlenbergia. Umeå. Vol. 7.* P. 39–43.
- Engelmark, Wallin 1985 – *Engelmark R., Wallin J.-E.* Pollen Analytical Evidence for Iron Age Agriculture in Hälsingland, Central Sweden // *Archaeology and Environment. Vol. 4.* P. 353–366.
- Engström 1984 – *Engström J.* Torsburgen. Talking av en gotländsk fornborg. Aun 6. Uppsala.
- Engström 1992 – *Engström J.* Die prähistorischen und mittelalterlichen Burgen Gotlands. Eine Forschungsübersicht // *Die kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Fruhen Mittelalter. Uppsala.* S. 49–59.
- Eremeev et al. 2009 – *Eremeev I. I., Dzyuba O. F., Lisitsyna O. V., Buben'ko T. S., Podgursky P. N.* New evidence of initial agriculture in the Western Dvina Basin // *Quaternary International. Vol. 203.* P. 67–73.
- Erdélyi, Ojtozi, Gening 1969 – *Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W.* Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest.
- Everyday life 2002 – *Everyday life in Byzantium.* Athens.
- Eriksson 1999 – *Eriksson J.-A.* Land-use history in Gamla Uppsala // *Laborativ Arkeologi. Bd. 12.* P. 25–34.
- Ferenius, Gustafsson 1999 – *Ferenius J., Gustafsson H.* Brennekyrkia Sochn. Socknen vid staden. Monografier utgivna av Stockholms stad 115. Stockholm.
- Feveile, Jensen 2000 – *Feveile C., Jensen S.* Ribe in the 8th and 9th century. A contribution to the archaeological chronology of North Western Europe // *Acta archaeologica. København. Vol. 71,* P. 9–24.
- Florek 2008 – *Florek M.* Issues concerning the existence and functions of the so-called great kurgans in Małopolska in early phases of the Early Middle Ages // *Analecta archaeologica ressoviensia. Rzeszów. T. 3.* P. 273–307.
- Florin 1958 – *Florin M.-B.* Pollen-analytical evidence of prehistoric agriculture at Mogetorp Neolithic settlement, Sweden // *Vråkulturen: Stenaldersboplatserna vid Mogetorp, Östra Vrå och Brokvarn. Stockholm.* P. 223–247.
- Franklin, Shepard 1996 – *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus, 750–1200. London & New York.
- Fredsjö 1960 – *Fredsjö Å.* Tingshögen i Bro. Lysekil.
- Fries 1962 – *Fries M.* Studies of sediments and the vegetational history in the Ösbysjö basin north of Stockholm // *Oikos. Bd. 13.* P. 76–96.
- Geake 1997 – *Geake H.* The Use of Grave-Goods in Conversion-Period England, c. 600–850. BAR. British Series 261. Oxford.
- Garipzanov, Geary, Urbańczyk 2008 – *Garipzanov I. H., Geary P. J., Urbańczyk P.* Introduction: Gentes, Gentile Identity, and State Formation in Early Medieval Europe // *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Turnhout.* P. 1–14.
- Gimbutas 1971 – *Gimbutas M.* The Slavs. London.
- Glaß, Goßler, Kinkeldey 2013 – *Glaß S., Goßler N., Kinkeldey T.* Frühe Slawen in der Westprignitz // *Slawen an der unteren Mittelelbe. Untersuchungen zur ländlichen Besiedlung, zum Burgenbau, zu Besiedlungsstrukturen und zum Landschaftswandel Beiträge zum Kolloquium vom 7. bis 9. April 2010 in Frankfurt a. M. Wiesbaden.* S. 39–52.
- Goßler, Kinkeldey 2011 – *Goßler N., Kinkeldey T.* Eine frühslawische Siedlung am Rudower See bei Lenzen (Lkr. Prignitz, Brandenburg) // *Der Wandel um 1000. Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte der 18. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumforschung in Greifswald, 23. bis 27. März 2009. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. Bd. 60. Langenweissbach.* S. 318–328.
- Godłowski 1979 – *Godłowski K.* Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia Słowian w V–VII w. n. e. Kraków.
- Godłowski 2000 – *Godłowski K.* Pierwotne siedziby Słowian. Kraków.
- Goldina 2003 – *Goldina E.* Scandinavia and the Kama region: contacts in the second half of the 1st millennium AD // *Art and archaeological investigation of the Woodland*

- of East Europe. Izhevsk. Material and researches of the Kama-Vyatka archaeological expedition. T. 8. P. 61–70.
- Gołqb 1992 – *Gołqb Z.* The origins of the Slavs: a linguist's view. Columbus.
- Grufhögsfynd vid Tureberg 1908 – Grufhögsfynd vid Tureberg // Uppsala Nya Tidning. Vol. 7/6.
- Gräslund 1980 – *Gräslund A.-S.* The burial customs. A study of the graves on Björkö. Birka IV. Stockholm.
- Gustin 2016 – *Gustin I.* Elites, Networks and the Finnish Connection in Birka // New Aspects on Viking-age Urbanism c. AD 750–1100. Stockholm. P. 49–61.
- Hackman 1910 – *Hackman A.* Ett fornfynd på Tytärsaari i Finska viken // *Kaukomieli IV*: 45–58.
- Hackman 1938 – *Hackman A.* Das Brandgräberfeld von Pukkila in Isokyrö // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Finska Fornminnesföreningens Tidskrift. Vol. XLI. Helsinki.
- Hadley 2006 – *Hadley D. M.* The Vikings in England. Settlement, society and culture. Manchester.
- Halsall 2003 – *Halsall G.* Warfare and the society in the Barbarian West, 450–900. London – New York.
- Halsall 2007 – *Halsall G.* Barbarian migrations and the Roman West, 376–568. Cambridge.
- Hammar 1999 – *Hammar T.* The Prehistoric Environment of Fornsigstuna: A paleoecological study of the land-use history at Signhildsberg. Stockholm.
- Hansson 1938 – *Hansson H.* En ättenhöj i Brännkyrka // Kulturhistoriska studier 1938. Stockholm.
- Hansson 1995 – *Hansson A.-M.* Seeds and Fruits found in the Black Earth of Birka: Excavation Season 1990 // Birka studies. Stockholm. Vol. 2. P. 117–122.
- Hansson 1997a – *Hansson A.-M.* On plant food in the Scandinavia Peninsula in Early Medieval Times. Stockholm.
- Hansson 1997b – *Hansson A.-M.* Bilaga 3: Vegetabilier som gravgåva. Rapport av växtmakrofossilanalys av två brandgravar, A1 och A2 samt sotfläck A10 under grav A2, RAÄ 26, Up., Vendels sn, Vendel // SIV Svealand i Vendel- och Vikingatid: Rapport från utgrävningarna i Vendel. Stockholm. S. 93–97.
- Hansson, Bergström 2002 – *Hansson, A.-M., Bergström L.* Archaeobotany in prehistoric graves – concepts and methods // *Journal of Nordic Archaeological Science*. Vol. 13. P. 43–58.
- Havlíková 1991 – *Havlíková L.* Slavic Ships in 5th – 12th Centuries Byzantine Historiography // *Byzantinoslavica*. Prague. Vol. LII. P. 89–104.
- Hedlund 1994 – *Hedlund J.* Hersby i Sollentuna. Hersir –by; en del i landvärnet under yngre järnålder i Uppland // *Arkeologi i Attundaland*. Stockholm. P. 76–98.
- Helbaek 1955 – *Helbaek H.* The botany of the Vallhagar Iron Age field // Vallhagar. A Migration Period settlement on Gotland / Sweden. Copenhagen. P. 653–699.
- Helmbrecht 2008 – *Helmbrecht M.* Prachtvolle Zeugnisse weitreichender Verbindungen: Ein karolingerzeitlicher Neufund vom Aggbichl bei Marquartstein, Lkr. Traunstein // *Bericht der bayerischen Bodendenkmalpflege*. Bd. 49. S. 367–385.
- Hampel 1905 – *Hampel J.* Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Bd. 1. Systematische Erläuterung. Braunschweig.
- Henning 2007 – *Henning J.* “Heiße Eisen” der frühen Rechtsgeschichte: Pflugschare als Grabbeigaben in der Merowinger- und Karolingerzeit // *Die Herrschaften von Asseln: Ein frühmittelalterliches Gräberfeld am Dortmunder Hellweg*. München. P. 109–114.
- Henning 2008 – *Henning J.* Strong Rulers – Weak Economy? Rome, the Carolingians and the Archaeology of Slavery in the First Millennium AD // *The Long Morning of Medieval Europe. New Directions in Early Medieval Studies*. Aldershot. P. 33–53.
- Henning 2014 – *Henning J.* Did the “agricultural revolution” go east with Carolingian conquest? Some reflections on early medieval rural economics of the *Baiuvarii* and *Thuringi* // *Baiuvarii and Thuringi: An Ethnographic Perspective*. Studies in Historical Archaeoethnology. Center for Interdisciplinary Research on Social Stress. International conference in San Marino, September 2004. San Marino. P. 331–360.
- Henry 1967 – *Henry F.* Irish art during the Viking invasion (800–1020 A.D.). London.
- Heurgon 1958 – *Heurgon J.* Le trésor de Ténès. Paris.
- Hillberg 2015 – *Hillberg J.* Early Lyres in Context a Comparative Contextual Study on Early Lyres and the Identity of Their Owner/User. Master's Thesis in Archaeology 2015/VT Supervisor: Kristina Jennbert. Department of Archaeology & Ancient History, Lund University.
- Hillerdal 2009 – *Hillerdal C.* People in Between. Ethnicity and Material Identity – a New Approach to Deconstructed Concepts / Occasional Papers in Archaeology. Vol. 50. Uppsala.
- Hodges 1989 – *Hodges R.* Dark age economics: the origins of towns and trade A.D. 600–1000. Bristol.
- Holand 2003 – *Holand I.* Glass vessels // *Borg in Lofoten: a chieftain's farm in North Norway*. Trondheim. P. 211–229.
- Holmqvist Olausson 1993 – *Holmqvist Olausson L.* Aspects on Birka. Investigations and surveys 1976–1989. Theses and papers in archaeology B: 3. Stockholm.
- Holmqvist Olausson 2001 – *Holmqvist Olausson L.* Birkas befästningsverk – resultat från de senaste årens utgrävningar // *Birkas krigare*. Stockholm. P. 9–15.
- Holmqvist 1975 – *Holmqvist, W.* Was there a Christian mission to Sweden before Ansgar? // *Early medieval studies 8 (Antikvariskt arkiv 75)*. Stockholm. P. 33–55.
- Huggett 1988 – *Huggett J. W.* Imported Grave Goods and the Early Anglo-Saxon Economy // *Medieval Archaeology*. Vol. 32. London. P. 63–96.

- Hyenstrand 1981 – *Hyenstrand Å.* The Mälaren Area // Excavations at Helgö. Stockholm. Vol. 6.
- Hållans 1986 – *Hållans A.-M.* Pollista, en vikingatid gård // Tor. Uppsala. Bd. 21. S. 38–44.
- Høilund Nielsen 1987 – *Høilund Nielsen K.* Zur Chronologie der jüngeren germanischen Eisenzeit auf Bornholm. Untersuchungen zu Schmuckgarnituren // Acta Archaeologica. København. Vol. 57. S. 47–86.
- Hardh 1984 – *Hardh B.* Feuerstahle // Birka II: 1. Systematische Analysen der Graberfunde. Stockholm. S. 155–160.
- Jacobsson 2003 – *Jacobsson B.* Trelleborg and the Southern Plain during the Iron Age: a study of a coastal area in south-west Scania, Sweden // Centrality – regionalität: the social structure of southern Sweden during the Iron Age. Acta Archaeologica Lundensia Series in 8: 40. P. 191–221.
- Jans et al. 2018 – *Jahns S., Alsleben A., Bittmann F., Brande A., Christiansen J., Dannath Y., Effenberger H., Giesecke T., Jäger K.-D., Kirleis W., Kloß S., Kloss K., Kroll H., Lange E., Medović A., Neef R., Stika H.-P., Sudhaus D., Wiethold J., Wolters S.* Zur Geschichte der nacheiszeitlichen Umwelt und der Kulturpflanzen im Land Brandenburg // Sonderdruck aus: Beiträge zur Archäozoologie und Prähistorischen Anthropologie. Bd. XI. Gesellschaft für Archäozoologie und Prähistorische Anthropologie e.V. S. 9–35.
- Jansson 1985 – *Jansson I.* Ovals spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet. Uppsala.
- Jansson 1986 – *Jansson I.* Gürtel und Gürtelzubehör vom orientalischen Typ // Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm. S. 77–108.
- Jansson 1992 – *Jansson I.* Scandinavian oval brooches found in Latvia // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Frühen Mittelalter. Uppsala. P. 61–78.
- Jansson 1997 – *Jansson I.* Warfare, trade or colonization? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking Period // The Rural Viking in Russia and Sweden. Örebro. P. 9–64.
- Jansson 1999 – *Jansson I.* «Oriental import» into Scandinavia in the 8th–12th centuries and the role of Volga Bulgaria // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань. С. 116–124.
- Jirlow 1973 – *Jirlow R.* Årderkrokarna från Björnlunda och Svarvarbo // Fornvännen. Stockholm. Bd. 1. P. 20–22.
- Jonsson 1994 – *Jonsson K.* A Gotlandic Hoard from the Early Viking Age // Festschrift till Birgit Arrhenius / ed. T. Hackens. PACT 38. Brussels. P. 451–458.
- Jonsson, Ostergren 1990 – *Jonsson K., Ostergren M.* The Gotland hoard project and the Stumle hoard – an insight into the affairs of a gotlandic «farman» // Sigtuna Papers. Proceedings of the Sigtuna symposium on Viking-age coinage 1–4 June 1989. Stockholm. P. 145–158.
- Jöns 2006 – *Jöns H.* Slawisch-skandinavische Kontakte an der südwestlichen Ostseeküste im Lichte neuer Forschungen // Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic. Kaunas. P. 117–131.
- Jørgensen 1990 – *Jørgensen L.* Bakkegard and Glasergard. Two cemeteries from the Late Iron Age on Bornholm. København.
- Jørgensen 1992 – *Jørgensen, L.* AD. 568 – A Chronological Analysis of Lombard Graves in Italy // Chronological studies of Anglo-Saxon England, Lombard Italy and Vendel Period Sweden. Copenhagen.
- Jørgensen, Jørgensen 1997 – *Jørgensen L., Jørgensen A. N.* Norre Sandegard Vest. A cemetery from the 6th–7th centuries on Bornholm. København.
- Importants sites 1978 – Importants sites slaves en Slovaquie. Bratislava.
- Innes 2007 – *Innes M.* Introduction to Early Medieval Western Europe, 300–900: The Sword, the Plough and the Book. Routledge.
- Iršėnas 2009 – *Iršėnas M.* Žmogaus ir gyvūnų vaizdavimas baltų dailėje. Vilnius.
- Ivanov 2019 – *Ivanov M.* Serdica in the 1th–6th c. // Sofia and Belgrade. Archaeological pearls. Sofia – Belgrade. P. 48–53.
- Iversen, Näsman 1978 – *Iversen M., Näsman U.* Smykkefund fra Eketorp-II // Kuml. 1977. P. 85–104.
- Kahane, Henry & Renee 1962 – *Kahane, Henry & Renee.* Notes on the Linguistic History of *Sclavus* // Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver. Collana di “Ricerche Slavistiche”. Firenze. P. 345–360.
- Kaliff, Oestigaard 2018 – *Kaliff A., Oestigaard T.* Bronze Age Håga and the Viking King Björn: A History of Interpretation and Documentation from AD 818 to 2018. Uppsala.
- Karlsson 1997 – *Karlsson S.* Pollen Analysis from a Rock Depression, the Hillfort, Birka, Björkö // PACT. Vol. 52. P. 239–248.
- Karlsson 1999 – *Karlsson S.* Vegetation History and land use in the Vendel area, Uppland, eastern Sweden // Laborativ Arkeologi. Bd. 12. P. 11–24.
- Karlsson et al. 1995 – *Karlsson S., Björck J., Elfstrand B., Risberg J., Sandrem P.* Vegetational History and Human Impact as Recorded in the Bog Älgpussen, Eastern Sweden // PACT. Vol. 50. P. 319–330.
- Karlsson, Robertsson 1997 – *Karlsson S., Robertsson A.-M.* Human Impact on the Lake Mälaren Region during the Viking Age (AD 750–1050): a Survey of Biostratigraphical Evidence // Birka Studies. Stockholm. Vol. 4. P. 47–72.
- Kastholm 2016 – *Kastholm O. T.* Bronzealderbådene fra Varpelev og Vestersø i et europæisk perspektiv // Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie. København. P. 59–115.
- Kazakevičius 1993 – *Kazakevičius V.* Plinkaigalio kapinynas (Summary: The Plinkaigalis Burial Ground) // Lietuvos archeologija. Vilnius. T. 10. P. 3–181.

- Kubiak 1958 – *Kubiak W.* Skarb monet kufickich z Antopola na Polesiu a szlak wodny przypecko-bużański // *Vznik a počatky Slovanu.* Praha. T. II. S. 225–232.
- Kuncienė 1972 – *Kuncienė O.* Prekybiniai ryšiai IX–XIII amžiais // *Lietuvos gyventojų prekybiniai ryšiai I–XIII a.* P. 149–254, 279–285.
- López Quiroga, Kazanski, Ivanišević 2017 – *López Quiroga J., Kazanski M., Ivanišević V. (dir.)*. Entangled Identities and Otherness in Late Antique and Early Medieval Europe. Historical, Archaeological and Bioarchaeological Approaches. BAR – International Series 2852. Oxford. P. 1–10.
- Karlsson, б. д. – *Karlsson Ö.* Bebyggelsen Kring Ottarshögen. Stockholm.
- Keeley 1996 – *Keeley L. H.* War before Civilization. New York – Oxford.
- Kiss 2001 – *Kiss A.* Das awarenzeitliche Gräberfeld in Kölked-Feketekapu B. T. II. Budapest.
- Kivikoski 1940 – *Kivikoski E.* Svenskar i österled under 500-talet / FM. Vol. XLVI. Helsingfors.
- Kivikoski 1973 – *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki.
- Kleiber 1957 – *Kleiber B.* Zu einigen Ortsnamen aus Gardaríke // *Scando-Slavica.* Bd. 3. S. 215–223.
- Kliaugaitė, Kurila, Baubonis 2012 – *Kliaugaitė V., Kurila L., Baubonis Z.* Ažušilė Barrow Cemetery // *Archaeological Investigations in Independent Lithuania.* Vilnius. P. 90–94.
- Kliaugaitė, Kurila 2012 – *Kliaugaitė V., Kurila L.* Baliuliai Barrow Cemetery // *Archaeological Investigations in Independent Lithuania.* Vilnius. P. 95–101.
- Koch 1987 – *Koch U.* Die Glas- und Edelsteinfunde aus den Plangrabungen 1967–1983. Teil 1: Text / Der Runde Berg bei Urach. Teil: 6. Heidelberg.
- Koch 1997 – *Koch U.* Polychrome Perlen in Württemberg / Nordbaden // *Perlen: Archaologie, Techniken, Analysen.* Bonn. S. 143–148.
- Koivisto, Nurminen 2015 – *Koivisto S., Nurminen K.* Go with the flow: stationary wooden fishing structures and the significance of estuary fishing in subneolithic Finland // *Fennoscandia archaeologica XXXII.* Helsinki. P. 55–77.
- Korpela 2019 – *Korpela J.* Slaves from the North: Finns and Karelians in the East European slave trade, 900–1600. Leiden, Boston.
- Kovalev, Kaelin 2007 – *Kovalev R. K., Kaelin A. C.* Circulation of Arab Silver in Medieval Afro-Eurasia: Preliminary Observations // *History Compass.* Vol. 5. P. 1–21.
- Kruse 1859 – *Kruse F.* Necrolivonica oder Geschichte und Alterthümer Liv-, Esth- und Curlands griechischen, römischen, byzantinischen, nortmannischen oder warger-russischen, frankischen, angelsachsischen, angolanischen Ursprungs. Gefunden auf einer Allerhöchst befohlenen archaologischen Untersuchungsreise und durch spatere Nachforschungen wissenschaftlich erläutert. Leipzig.
- Königsson 1989 – *Königsson I.-K.* Pollen analysis in archaeology and geoarchaeology // *Fact. Ravello.* Bd. 24. P. 81–104.
- Königsson 2001 – *Königsson I.-K.* Landschaftsentwicklung und Landnutzung im Novgoroder Land seit dem Neolithikum // *Novgorod: das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands. Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete.* Bd 1. Neumunster. S. 349–357.
- Königsson, Possnert, Hammar 1997 – *Königsson I.-K., Possnert G., Hammar Th.* Economical and cultural changes in the landscape development at Novgorod, Russia // *Tor. Uppsala.* Bd. 29. P. 353–387.
- Lamb 1985 – *Lamb H. H.* Climate, history and the modern world. London – New York.
- Lamm 1962 – *Lamm J. P.* Ett vendeltida gravfynd från Spelvik // *Fornvännen.* Stockholm. Vol. 57. P. 277–299.
- Lamm 2000 – *Lamm J. P.* Some Scandinavian art styles. // *From Attila to Charlemagne. Arts of the early medieval period in the Metropolitan Museum of Art.* New York. P. 308–321.
- Lang 1991 – *Lang V.* Uhe savinotuubi Ajaloost Loode-Eestis // *Muinasaja teadus 1. Arheoloogiline kogumik.* Tallinn.
- Lang 1994 – *Lang V.* Prehistoric and medieval field systems in Estonia // *Tools and Tillage.* Copenhagen. 1993–1994. Vol. VII, 2–3. P. 67–81.
- Lang 1994a – *Lang V.* Celtic and Baltic fields in North Estonia. Fossil field systems of the Late Bronze Age and Pre-Roman Iron Age at Saha-Loo and Proosa // *Acta Archaeologica.* Vol. 65. P. 203–219.
- Lang 1995 – *Lang V.* Varane maaviljelus ja maaviljelusühiskond Eestis: aaremarkusi moningate arengutendentside kohta // *Eesti arheoloogia historiograafi lisi, teoreetilisi ja kultuuriajaloolisi aspekte.* Muinasaja teadus. Vol. 3. Tallinn. P. 116–181.
- Lang 1995a – *Lang V.* The Hill-fort of Iru // *Archaeology East and West of the Baltic.* Stockholm. P. 53–60.
- Lang 1996 – *Lang V.* Muistne Rävåla. Muistised, kronoloogia ja maaviljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas. 1. köide // *Muinasaja teadus.* 4. Tallinn.
- Lang 1996a – *Lang V.* Muistne Rävåla. Muistised, kronoloogia ja maaviljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas. 2. köide // *Muinasaja teadus.* 4. Tallinn.
- Lang 2000 – *Lang V.* Keskusest aaremaaks: viljelusmajandusliku asustuse kujunemine ja areng Vihasoo-Palmse piirkonnas virumaal // *Muinasaja teadus.* 7. Tallinn.
- Lang 2007 – *Lang V.* The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Tartu.
- Langhammer 2007 – *Langhammer D.* Ashusby – an Iron Age Central Place // *Cultural interaction between East and West. Archaeology, artefacts and human contacts in Northern Europe.* Stockholm. P. 140–147.

- Langó 2010 – *Langó P.* Crescent-shaped Earrings with Lower Ornamental Band // *Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. Teil 3. Peripherie und Nachbarschaft.* Mainz. P. 369–410.
- Laul 2001 – *Laul S.* Rauaaja kultuuri kujunemine Eesti kaugosas (500 e. Kr. – 500 p. Kr.). Tallinn.
- Lebedev 1982 – *Lebedev G. S.* Der slawische Burgwall Gorodec bei Luga. Zum Problem der west-und ostslawischen Beziehungen // *Beiträge zur Ur-und Frühgeschichte.* Bd. II. Berlin. S. 225–238.
- Le Bon 1898 – *Le Bon G.* The Psychology of Peoples. New York.
- Lehtosalo-Hilander 1982 – *Lehtosalo-Hilander, P.-L.* Luistari II. The artefacts. Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja 82:2. Helsinki.
- Liedgren 1992 – *Liedgren L.* Hus och gård i Hälsingland: en studie av agrar bebyggelse och bebyggelseutveckling i norra Hälsingland Kr.f.-600 e. Kr. Umeå.
- Ligi 1993 – *Ligi P.* National romantism in archaeology: the paradigm of slavonic colonization in North-West Russia // *Fennoscandia Archaeologica.* Helsinki. Bd. X. P. 31–39.
- Ligi 1994 – *Ligi P.* “Active Slaves” and “passive Finns”: a reply // *Fennoscandia Archaeologica.* Helsinki. Bd. XI. P. 104–112.
- Ligi 1995 – *Ligi P.* Saaremaa during the Viking Age // *Archaeology East and West of the Baltic.* Stockholm. P. 39–45.
- Lindqvist 1921 – *Lindqvist S.* Ynglingaättens gravskick // *Fornvännen.* Vol. 16. S. 83–194.
- Lindqvist 1936 – *Lindqvist S.* Uppsala högar och Ottarshögen. Stockholm.
- Litvin 2007 – *Litvin J.* Slav Boatbuilding Centres on the southern Baltic Shore (8th – 13th centuries) // *Siedlung, Kommunikation und Wirtschaft im westslawischen Raum: Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte des 5. Deutschen Archäologenkongresses in Frankfurt an der Oder, 4. bis 7. April 2005.* Langenweissbach. P. 91–105.
- Ljungkvist 2000 – *Ljungkvist J.* Vapen och brandgravskick under Vendeltid // *Tor 30.* Uppsala. 1998–1999. P. 165–184.
- Ljungkvist 2008 – *Ljungkvist J.* Dating two royal mounds of Old Uppsala. Evaluating the elite of the 6th – 7th century in Middle Sweden // *Archäologisches Korrespondenzblatt.* Nr. 38: 2. P. 263–282.
- Ljungkvist 2009 – *Ljungkvist J.* Continental Imports to Scandinavia. Patterns and Changes between AD 400 and 800 // *Foreigners in Early Medieval Europe: Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility.* Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 78. Mainz. P. 27–49.
- Ljungkvist 2013 – *Ljungkvist J.* Monumentaliseringen av Gamla Uppsala // *Gamla Uppsala i ny belysning. Religionsvetenskapliga studier från Gävle 9.* Uppsala. S. 33–67.
- Lutvak 2009 – *Lutvak E. N.* The Grand Strategy of the Byzantine Empire. Cambridge, Massachusetts, and London, England.
- Mann 1955 – *Mann T.* Phantasie über Goethe. Als Einleitung zu einer amerikanischen Auswahl aus seinen Werken. 1948 // *Mann T.* Gesammelte Werke in Zwölf Bänden. Berlin. Bd. X. S. 674–716.
- Mann et al. 2009 – *Mann M. E., Zhang Z., Rutherford S., Bradley R. S., Hughes M. K., Shindell D., Ammann C., Faluvegi G., Ni F.* Global Signatures and Dynamical Origins of the Little Ice Age and Medieval Climate Anomaly // *Science.* Vol. 326. P. 1256–1260.
- Mazurkevich et al. 2009 – *Mazurkevich A. N., Korotkevich B. S., Dolukhanov P. M., Shukurov A. M., Arslanov Kh. A., Savel'eva L. A., Dzinoridze E. N., Kulkova M. A., Zaitseva G. I.* Climate, subsistence and human movements in the Western Dvina – Lovat River Basins // *Quaternary International.* No. 203. P. 52–66.
- McCormick 2001 – *McCormick M.* Origins of the European Economy: Communications and Commerce A.D. 300–900. Cambridge.
- McCormick 2002 – *McCormick M.* New Light on the ‘Dark Ages’: How the Slave Trade Fuelled the Carolingian Economy // *Past & Present.* Vol. 177. P. 17–54.
- Melin, Sigvallius 2001 – *Melin J., Sigvallius B.* Cemetery 118 and Building Group 7 and Cemetery 115. Excavations at Helgö. 14. Stockholm, 2001.
- Messal 2001 – *Messal S.* The Daugava Waterway as a Communication Route to the East (9th–12th Centuries) // *Offa.* Neumunster. Bd 58. P. 71–80.
- Messal, Rogalski 2012 – *Messal S., Rogalski B.* The ‘Slavonisation’ of the southwestern Baltic area: Preliminary report on the investigations in the Pyritz region // *ACE Conference Brussels: The very beginning of Europe? Early-Medieval Migration and Colonisation.* Brussels. P. 89–100.
- Metcalfe 1962 – *Metcalfe D.* The Slavonic threat to Greece circa 500: some evidence from Athens // *Hesperia.* Baltimore. Vol. 3. No. 2. P.
- Mészáros 2017 – *Mészáros B.* Archaeological data on the history of Avars in the region between the Danube and Tisza rivers // *Hungarian Archaeology.* E-journal. 2017. Spring. P. 1–5.
- Meulemeester, O’Conor 2007 – *Meulemeester J. De, O’Conor K.* Fortifications // *The Archaeology of Medieval Europe.* Aarhus. Vol. I. P. 316–341.
- Mikhaylova 2016 – *Mikhaylova E. R.* The Population of the Southeast Shore of the Gulf of Finland and its Contacts with Regions of the Baltic Sea in the First Millennium AD // *Archaeologia Baltica.* Klaipėda. Vol. 23. P. 181–198.
- Miller 1895 – *Miller K.* Mappae mundi: Die ältesten Weltkarten. Heft 1 (1895). Die Weltkarte des Beatus (776 n. Chr.): Mit Abbildungen im Text und der Karte von St. Sever in den Farben des Originals. Stuttgart.

- Miller, Hedin 1988 – *Miller U., Hedin K.* The Holocene Development of Landscape and Environment in the South-East Mälaren Valley, with Special reference to Helgö // Excavations at Helgö. Uppsala. Vol. XI. P.
- Mishin 1998 – *Mishin D.* The *Ṣaḡāliba* Slaves in the Aghlabid State // Annual of Medieval Studies at CEU 1996/1997. Budapest. P. 236–44.
- Mosca 1939 – *Mosca G.* The Ruling Class (Elementi di Scienza Politico). Translation by H. D. Kahn. New York – London.
- Myrdal 1982 – *Myrdal J.* Jordbrusredskap av järn före år 1000 // Fornvännen. Stockholm. Vol. 77. P. 81–104.
- Mugurēvičs 1977 – *Mugurēvičs Ē.* Oļiņkalna un Lokstenes pilsovadi. Rīga.
- Mägi 2016 – *Mägi M.* The origin of Rus' and the question of Balto – Finnic role in this process // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год. Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М. P. 231–257.
- Müller, Steuer 2000 – *Müller R., Steuer H.* Fibel und Fibeltracht / Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Vol. 8. Berlin – New York.
- Müller-Wille 1992 – *Müller-Wille M.* Monumentale Grabhügel der Völkerwanderungszeit in Mittel- und Nordeuropa // Mare Balticum. Beiträge zur Geschichte des Ostseeraums in Mittelalter und Neuzeit. P. 1–20.
- Müller-Wille 2013 – *Müller-Wille M.* „... wie morgendlicher Schnee auf der ruhmvollen Kuppe eines Kurgans ...“ // Offa. Vol. 69/70. P. 389–401.
- Mütherich, Gaehde 1977 – *Mütherich F., Gaehde J.E.* Peinture carolingienne. Paris – English version: Carolingian painting. New York 1976. German version: Karolingische Buchmalerei. München.
- Nagy 1998 – *Nagy M.* Avarenzeitliche Gräberfelder im Stadtgebiet von Budapest. Budapest. T. II.
- Nerman 1929 – *Nerman B.* Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm.
- Nerman 1934 – *Nerman B.* Swedish Colonies on the Baltic // ESA. Helsinki. Vol. IX. P. 367–380.
- Nerman 1958 – *Nerman B.* Grobin-Seeburg. Ausgrabungen und Funde. Stockholm.
- Nerman 1960 – *Nerman B.* Var låg centrum i Attundalands småkonungadöme? // Fornvännen 55. Stockholm. P. 97–109.
- Nerman 1961 – *Nerman B.* Till vilken ätt ha de stora gravhögarna vid Norsborg i Botkyrka socken hört? // Fornvännen 56. Stockholm. P. 97–109.
- Nerman 1963 – *Nerman B.* Var låg centrum i Fjädrundalands småkonungadöme? // Fornvännen 58. Stockholm. P. 161–173.
- Nerman 1969 – *Nerman B.* Die Vendelzeit Gotlands. T. II. Tafeln. Stockholm.
- Nerman 1975 – *Nerman B.* Die Vendelzeit Gotlands. T. I. Text. Stockholm.
- Niederle 1911 – *Niederle L.* Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní. Život starých slovanů. Dílu I. Svazek 1. Praha.
- Nordström 1980 – *Nordström A.* Sorunda – en socken för sig. Stockholm.
- Noonan 1977 – *Noonan T. S.* Pre-970 dirham hoards from Estonia and Latvia, I: Catalog // Journal of Baltic studies. VIII. Nr 3. P. 238–259.
- Noonan 1980 – *Noonan T. S.* When and how dirhams first reached Russia. A numismatic critique of the Pirenne theory // Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. XXI (3-4). P. 401–469.
- Noonan 1998 – *Noonan T. S.* The Islamic World, Russia and the Vikings. The Numismatic Evidence. Norfolk.
- Näsman 1986 – *Näsman U.* Vendel period glass from Eketorp-II, Öland, Sweden: on glass and trade from the late 6th to the late 8th centuries A. D. // Acta archaeologica 1984 (55). P. 55–116.
- Obolensky 1971 – *Obolensky D.* Byzantium and the Slavs: collected studies. London.
- Olausson 2014 – *Olausson M.* The Great House at Runsa – a house of representation // Runsa Borg: Representative Life on a Migration Period Hilltop Site – a Scandinavian Perspective. Östersund. P. 169–209.
- Olrik 1909 – *Olrik A.* At sidde på høj. Oldtidens konger og oldtidens thulir // Danske Studier. København. S. 1–10.
- Ossowski 2007 – *Ossowski W.* Early-medieval logboats from Poland: an important source of information about inland navigation // Siedlung, Kommunikation und Wirtschaft im westslawischen Raum: Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte des 5. Deutschen Archäologenkongresses in Frankfurt an der Oder, 4. bis 7. April 2005. Langenweissbach. P. 107–115.
- Ørsnes 1966 – *Ørsnes M.* Form og stil i Sydsnkandiniavens yngre germanske jernalder. København.
- Pallas 1799 – *Pallas P. S.* Bemerkungen auf einer Reise in die sudlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig. Bd. 1.
- Pallas 1805 – *Pallas P. S.* Voyages entrepris dans les gouvemmens de l'empire de Russie. Paris. Vol. 2.
- Palm 2001 – *Palm V.* Gunnerstadhögen – en vendeltida båtgrav i focus. CD-essay in archaeology. University of Kalmar.
- Palm 2002 – *Palm V.* Gunnerstadhögen – en vendeltida båtgrav i focus // Tidskrif arkeologi i Sydöstra Sverige 2. Kalmar.
- Parczewski 1988 – *Parczewski M.* Poczatki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Wrocław.
- Paroli, Ricci 2008 – *Paroli L., Ricci M.* The Necropolises in Castel Trosino and Nocera Umbra in Italy // Rome and the barbarians: The birth of a new world. Milano. P. 478–479.

- Pavlovič et al. 2021 – *Pavlovič D., Vojakovič P., Toškan B.* Cerklje ob Krki: novosti v poselitvi Dolenjske v zgodnjem srednjem veku // *Arheoloski Vestnik*. Vol. 72. S. 137–186.
- Pedersen, Widgren 2011 – *Pedersen E. A., Widgren M.* Agriculture in Sweden, 800 BC–AD1000 // *The Agrarian History of Sweden 4000 BC to AD 2000*. Lund. P. 46–71.
- Peets et al. 2013 – *Peets J., Allmae R., Maldre L., Saage R., Tomek T., Lougas L.* Research Results of the Salme Ship Burials in 2011–2012 // *Archaeological Fieldwork in Estonia*. Tallinn. P. 43–60.
- Pelteret 1995 – *Pelteret D. A. E.* Slavery in Early Medieval England: from the reign of Alfred until the Twelfth Century. Woodbridge.
- Petersen 1919 – *Petersen J.* De norske vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Kristiania.
- Petersen 1928 – *Petersen J.* Vikingetidens smykker. Stavanger.
- Petersen 2013 – *Petersen L. I. R.* Siege warfare and military organization in the successor states (400–800 AD): Byzantium, the West and Islam. Leiden – Boston.
- Petré 1984 – *Petré B.* Arkeologiska undersökningar på Lovö. Del 2. Fornlämning RAÄ 27, Lunda. Acta universitatis stockholmiensis. Studies in North-European archaeology 8. Stockholm.
- Petré 1984a – *Petré B.* Arkeologiska undersökningar på Lovö. Del 4. Bebyggelsearkeologisk analys. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studies in North-European Archaeology 10. Stockholm.
- Petrenko 1991 – *Petrenko V.* A Picture Stone from Grobin (Latvia) // *Fornvännen* 86. P. 1–9.
- Petrenko, Urtāns 1995 – *Petrenko V., Urtāns J.* The Archaeological Monuments of Grobiņa. Riga – Stockholm.
- Phillipson 2008 – *Phillipson R.* The Linguistic Imperialism of Neoliberal Empire // *Critical Inquiry in Language Studies*. Vol. 5 (1). P. 1–43.
- Plague and the End of Antiquity 2007 – *Plague and the End of Antiquity. The Pandemic of 541–750*. New York.
- Pohl 1991 – *Pohl W.* Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies // *Archaeologia Polona*. Vol. 29. P. 39–49.
- Pohl 2005 – *Pohl W.* Frontiers and Ethnic Identities: Some Final Considerations // *Borders, Barriers and Ethnogenesis. Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages*. Brepols. P. 255–265.
- Pohl 2018 – *Pohl W.* The Avars: a steppe empire in Europe, 567–822. New York.
- Polek 1997 – *Polek K.* The political and military relations between the Charlemagne's Frankish Empire and Avarian Khaganate // *Central Europe in 8th–10th Centuries*. International Scientific Conference, Bratislava October 2–4, 1995. Bratislava. P. 46–52.
- Poska, Saarse, Veski 2004 – *Poska A., Saarse L., Veski S.* Reflections of pre- and early-agrarian human impact in the pollen diagrams of Estonia // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. Vol. 209. P. 37–50.
- Pouliík 1948 – *Pouliík J.* Staroslovanská Morava. Praha.
- Pouliík 1988 – *Pouliík J.* K otázce vzniku předvelkomoravských hradíšť // *Slovenská archeológia XXXVI-1*. 1988. Bratislava. S. 189–216.
- Pouliík 1997 – *Pouliík J.* Zur Frage der Lokalisierung der “indefabilis munitio” und “antiqua urbs Rastizi” nach den Fuldaer Annalen // *Central Europe in 8th–10th Centuries*. International Scientific Conference, Bratislava October 2–4, 1995. Bratislava. S. 121–132.
- Priego 1990 – *Priego C. C.* Las joyas prerrománicas de la Cámara Santa de Oviedo en la cultura medieval // *Liño: Revista anual de historia del arte*. No. 9. P. 7–44.
- Pritsak 1970 – *Pritsak O.* An Arabic Text on the Trade Route of the Corporation of the ar-Rus in the Second Half of the Ninth Century // *Folia Orientalia*. Vol. 12. P. 256–257.
- Profantova 2012 – *Profantova N.* Cultural discontinuity and the migration hypothesis. The 6th-century Slavic migration in the light of new archaeological finds from Bohemia // *ACE Conference Brussels: The very beginning of Europe? Early-Medieval Migration and Colonisation*. Brussels. P. 255–264.
- Profantová 2015 – *Profantová N.* The horse harness, spurs and stirrups in Bohemia in 8th and 9th century // *Warriors, weapons, and harness from the 5th–10th centuries in the Carpathian Basin*. Cluj-Napoca. P. 281–297.
- Pronk-Tiethoff 2013 – *Pronk-Tiethoff S.* The Germanic loanwords in Proto-Slavic / *Leiden Studies in Indo-European 20*. Amsterdam, New York.
- Pülz 2020 – *Pülz A. M.* Byzantinische Kleinfunde aus Ephesos. Ausgewählte artefakte aus metall, bein und glas. Katalog- und Tafelband. Wien.
- Påhlsson 1981 – *Påhlsson I.* *Cannabis sativa* in Dalarna // *Striae*. Uppsala. Vol. 14. P. 79–82.
- Quast 2004 – *Quast D.* Ein skandinavisches Spathascheidenmundblech der Völkerwanderungszeit aus Pikkjärve (Põlvamaa, Estland) // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 51. Jahrgang 2004. S. 243–279.
- Radiņš 2006 – *Radiņš A.* Lower Daugava Area in the 1st–11th Century. Ethnic, Economic, Social and Political Change – on the Question of Activity along Daugava Waterway // *Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas. P. 81–92.
- Ramqvist 1992 – *Ramqvist P. H.* Högom. Neumünster. Part. I.
- Ramqvist 1998 – *Ramqvist P. H.* Arnäsbaken. Umeå.
- Ramqvist 2014 – *Ramqvist P. H.* Arkeologisk undersökning av boplatsspår vid Sangishögen, RAÄ 81:1, Nederkalix sn, Norrbottens län, 2013 // *Silverbuseet Rapport 66*. Arjeplog.
- Ramqvist, Hörnberg 2015 – *Ramqvist P. H., Hörnberg G.* Burial mounds as settlement indicators: archaeological and palynological investigations at Sangis, Northern Sweden // *Fennoscandia archaeologica XXXII*. Helsinki. P. 121–138.

- Rashev 2005 – *Rashev R.* Remarks on the Archaeological Evidence of Forts and Fortified Settlements in Tenth-Century Bulgaria // *Borders, Barriers and Ethnogenesis. Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages.* Brepols. P. 51–58.
- Rejholcová 1995 – *Rejholcová M.* Pohrebisko v Čakajovciach (9.–12. storočie). Katalóg. Nitra.
- Regnéll 1989 – *Regnéll J.* Vegetation and land use during 6000 years. Palaeoecology of the cultural landscape at two lake sites in southern Skåne, Sweden // *Lindqua thesis.* Lund. Vol. 26. P.
- Richards 1991 – *Richards J. D.* Viking Age England. London.
- Robertsson, Karlsson, Helm 1995 – *Robertsson A.-M., Karlsson S., Helm K.* Lake Fatburssjön – an Archive of 3000 Years of Environmental History in Stockholm, Sweden // *Pact.* Vol. 50. P. 283–296.
- Roes 1963 – *Roes A.* Bone and antler objects from the Frisian terp-Mounds. Haarlem.
- Roes 1965 – *Roes A.* Vondsten van Dorestad // *Archaeologica Traiectina.* VII. Groningen.
- Roesdahl 1979 – *Roesdahl E.* Eastern Imports at the Viking Firtress of Fyrkat, Denmark // *Rapports du III Congrès International d'Archéologie Slave.* T. 1. Bratislava. P. 665–669.
- Rossignol 2011 – *Rossignol S.* Civitas in Early Medieval Europe – Stronghold or District? // *The Medieval History Journal.* Vol. 14. P. 71–99.
- Rotman 2009 – *Rotman Y.* Byzantine Slavery and the Mediterranean World. Translated by Jane Marie Todd. Cambridge.
- Ryabinin 1992 – *Ryabinin E. A.* The Ancient Site of Unorozh, end of the First Millenium A.D. // *Cultural Heritage of the Finno-Ugrians and Slavs.* Tallinn. P. 122–134.
- Rygh 1885 – *Rygh O.* Norske oldsager. Christiania.
- Rydh 1936 – *Rydh H.* Förhistoriska undersökningar på Adelsö. Stockholm.
- Salin 1922 – *Salin B.* Fyndet från Broa i Halla, Gotland // *Fornvännen* 17. Stockholm.
- Selirand, Deemant 1985 – *Selirand J., Deemant K.* Völkerwanderungszeitliche Gegenstände mit ostskandinavischen Ornamenten von Proosa (Nordestland) // *Fornvännen.* B. 80. S. 243–253.
- Shirokogoroff 1924 – *Shirokogoroff S. M.* Ethnical Unit and Milieu: a summary of the Ethnos. Shanghai.
- Shirokogoroff 1935 – *Shirokogoroff S. M.* Psychomental Complex of Tungus. London.
- Šach 1968 – *Šach F.* Proposal for the classification of pre-industrial tilling implements // *Tools and Tillage.* Copenhagen. Vol. I: 1. P. 3–27.
- Schietzel 2018 – *Schietzel K.* Spurensuche Haitabu. Dokumentation und Chronik 1963–2013. Wachholts.
- Schneider 2011 – *Schneider M.* Broby – där hav mötte land. Ortsnamnbildning vid kommunikativa knutpunkter i järnålderns Uppland // *Fornvännen* 106. Stockholm. S. 290–305.
- Šnore 1987 – *Šnore E.* Kivtu kapulauks. Rīga.
- Seegerström 1990 – *Seegerström U.* The post-glacial history of vegetation and agriculture in the Luleälv river valley // *Archaeology and environment.* Umeå. Vol. 7. P.
- The Selonians 2007 – *The Selonians.* Baltic Archaeological Exhibition: Catalogue. Vilnius.
- Schenker 1995 – *Schenker M.* The Dawn of Slavic: An Introduction to Slavic Philology. New Haven.
- Shetelig 1920 – *Shetelig H.* Vestfoldskolen. Osebergfundet III. Oslo.
- Schmiedehelm, Laul 1970 – *Schmiedehelm M., Laul S.* Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel // *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora.* Tallinn. C. 154–165.
- Schnell 1928 – *Schnell I.* En sörmländsk tingshög // *Sörmlandsbygden: meddelanden från Södermanlands museiförbund* 1. Strängnäs. S. 7–15.
- Schnittger 1912 – *Schnittger B.* Några undersökningar å Linga graffält i Södermanland // *Fornvännen* 7. S. 19–35.
- Sietinsone 2006 – *Sietinsone L.* Latvijas pilskalnu datubāzes izveide un telpiskā izvietojuma analīze ģeogrāfī sko informāciju sistēmu vidē // *Latvijas Universitātes Raksti.* Nr. 695. P. 41–56.
- Silver 1996 – *Silver K.* Kungshögarna i Sverie // *Arkeologi och miljögeologi i Gamla Uppsala.* Vol. II. Occasional Papers in Archaeology 11. Uppsala. S. 53–58.
- Simniškytė 1998 – *Simniškytė A.* Geriamieji ragai Lietuvoje // *Lietuvos archeologija.* Vilnius. Vol. 15. P. 185–245.
- Skatter ur Finlands konst och kultur 1967 – *Skatter ur Finlands konst och kultur: Förhistorisk tid.* István Rácz, C. F. Meinander, Pirkko-Liisa Lehtosalo. Otava.
- Die Slaven in Deutschland 1972 – *Die Slaven in Deutschland.* Berlin.
- Ślupecki 1999 – *Ślupecki L. P.* The Krakus' and Wanda's Burial Mounds of Cracow // *Studia mythologica Slavica* II. S. 77–98.
- Stenberger 1966 – *Stenberger M.* Eisenzeitliche befestigte siedlungen in Schweden // *От эпохи бронзы до раннего феодализма. Исследования по археологии Прибалтики и смежных территорий.* Таллин. С. 156–165.
- Steponaitis 2012 – *Steponaitis V.* Paduobė – Šaltaliūnė Barrow Cemetery III // *Archaeological Investigations in Independent Lithuania.* Vilnius. P. 114–121.
- Smith 1988 – *Smith Anthony D.* The ethnic origins of nations. Blackwell.
- Snyder 2003 – *Snyder T.* The reconstruction of nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. New Haven – London.
- Sokol 2016 – *Sokol V.* Medieval Jewelry and Burial Assemblages in Croatia A Study of Graves and Grave Goods, ca. 800 to ca. 1450. Leiden – Boston.

- Sołtysiak 2006 – *Sołtysiak A.* The plague pandemic and Slavic expansion in the 6th–8th centuries // *Archaeologia Polona*. Vol. 44. S. 339–364.
- Svanberg, Söderberg 1999 – *Svanberg F., Söderberg B.* Den vikingatida borgen i Borgeby. Malmö.
- Szóke 1960 – *Szóke B.* Az avarok hringje // *Archaeologiai Értesítő*. Vol. 87. P. 61–63.
- Spinei 2009 – *Spinei V.* The Romanias and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden – Boston.
- Spiridonova, Aleshinskaya 2012 – *Spiridonova E. A., Aleshinskaya A. S.* Results of palynological investigations of the archaeological sites in the Lake Ilmen and Lake Kubenskoye study areas // *The archaeology of medieval Novgorod in context*. Oxford. P. 10–39.
- Spirģis 2008 – *Spirģis R.* Bruņrupuču saktas ar krūšu važiņrotām un lībiešu kultūras attīstība Daugavas lejtecē 10.–13. gadsimtā. Rīga.
- Stalsberg 1980 – *Stalsberg A.* Novgorod-sopkaene // *Fornvännen* 75. 1980. Stockholm. S. 15–19.
- Sten, Vretemark 1988 – *Sten S., Vretemark M.* Storgravsprojektet – osteologiska analyser av yngre järnålderns benrika brandgravar // *Fornvännen* 83. S. 145–156.
- Stenberger 1955 – *Stenberger M.* Vallhagar. A Migration Period settlement on Gotland, Sweden. Copenhagen. P. II.
- Stolpe, Arne 1912 – *Stolpe H., Arne T.* Graffältet vid Vendel. Stockholm.
- Straume 1987 – *Straume E.* Glaser mit Facettenschliff aus skandinavischen Grabern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr. Oslo.
- Šnore 1987 – *Šnore E.* Kivtu kapulauks. Rīga.
- Šturms 1949 – *Šturms E.* Schwedische Kolonien in Lettland // *Fornvännen* 44. S. 205–217.
- Svensson 1983 – *Svensson K.* Vibyhögen, Fornl. 33, Kalmar sn, Uppland – dess forskningshistoriska, rumsliga, näringsökonomiska och sociala sammanhang. Uppsats för påbyggnadskurs i arkeologi, särskilt nordeuropeisk vid Stockholms universitet. Stockholm.
- Särilvik 1962 – *Särilvik I.* Två Sörmländska stormansgravar // *Fornvännen* 57. Stockholm. S. 45–49.
- Tempel 1979 – *Tempel W.-D.* Die Kämme aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof // *Elisenhof: die Ergebnisse der Ausgrabung der frühgeschichtlichen Marschensiedlung beim Elisenhof in Eiderstedt 1957/58 und 1961/64. Studien zur Küstenarchäologie Schleswig-Holsteins. Serie A, Elisenhof*. Frankfurt am Main.
- Šatavičius 2012 – *Šatavičius E.* The investigation of the Sudota Archaeological Complex // *Archaeological Investigations in Independent Lithuania*. Vilnius. P. 27–34.
- Tallgren 1924 – *Tallgren A. M.* Ein wichtiger eisenzeitlicher Fund aus Kunilepa Ksp. Juuru (Jörden) // *Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat* 1923. Dorpat. S. 50–56.
- Tallgren 1925 – *Tallgren A. M.* Zur Arhaologie Eestis. II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. Dorpat.
- Tallgren 1937 – *Tallgren A. M.* The Arctic Bronze Age in Europe // *ESA*. Vol. XI. P. 2–46.
- Teodor 2005 – *Teodor E. S.* The Shadow of a Frontier: The Walachian Plain during the Justinianic Age // *Borders, Barriers and Ethnogenesis. Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages*. Brepols. P. 205–245.
- Tilko 2006 – *Tilko S.* Kaula ķemmes no Doles Vampeiešu kapulaukiem // *AE*. Vol. XXIII. P. 269–281.
- Tilko 2011 – *Tilko S.* Kaula ķemmes no 10.–13. gs. Daugavas lejteces kapulaukiem // *AE*. Vol. XXV. P. 159–181.
- Thunmark-Nylén 1992 – *Thunmark-Nylén L.* Gammalt och nytt i Broa // *Fornvännen* 87, Stockholm.
- Thunmark-Nylén 1992a – *Thunmark-Nylén L.* Gotland – neighbour between the West and the East // *Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Fruhen Mittelalter*. Uppsala. S. 155–162.
- Thunmark-Nylén 1995 – *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. Bd. I. Stockholm.
- Thunmark-Nylen 1998 – *Thunmark-Nylen L.* Die Wikingerzeit Gotlands. Bd II. Stockholm.
- Thunmark-Nylén 2006 – *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. Bd. III:1. Stockholm.
- Tolochko 2008 – *Tolochko O. P.* The Primary Chronicle's "Etnography" Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State // *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe*. Turnhout. P. 169–188.
- Tomka 2008 – *Tomka P.* Innere Migranten in einer Strassenkreuzung – Regionsfremde in der Kleinen Tiefebene // *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen*. Hrsg.: I. Bemann, M. Schmauder. Kolloquien zur Ur- und Frühgeschichte 11. Bonn. S. 601–618.
- Trotzig 1968 – *Trotzig, G.* Gotland, Oseberg och gripdjuren. Reflexioner i anslutning till ett nytt fynd // *Gotländskt arkiv* 1968. P. 47–60.
- Tymowski 2009 – *Tymowski M.* Tribal organizations in prestate Poland (9th and 10th centuries) in the light of anthropological theories of segmentary system and chiefdom // *Acta Poloniae Historica*. Warszawa. Vol. 99. P. 5–37.
- Tyniec 2018 – *Tyniec A.* Kopiec Kraka dwa razy usypany // *Materiały archeologiczne*. Kraków. Vol. XLII. P. 235–248.
- Tvauri 2012 – *Tvauri A.* The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia. *Estonian Archaeology*. Tartu. Vol. 4.
- Tönisson 1992 – *Tönisson E.* Skandinavien und die Frühgeschichtliche Ostsee-Finnische Kultur // *Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Fruhen Mittelalter*. Uppsala. S. 163–171.

- Udolph 1981 – *Udolph J.* Die Landnahme der Ostslaven im Lichte der Namenforschung: Mit zwei Karten // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 29. H. 3.* P. 321–336.
- Udolph 2016 – *Udolph J.* Expansion slavischer Stämme aus namenkundlicher und bodenkundlicher Sicht // *Onomastica. Vol. 60. S. 215–231.*
- Ungerma 2015 – *Ungerma S.* Mečové pásy 9.–10. století v západní a střední Evropě (typologie, chronologie, provenience, symbolika) // *Bojná 2. Nové výsledky výzkumov včasnostredovekých hradísk. Archaeologica Slovaca Monographiae. Fontes XX. Nitra. P. 251–279.*
- Van den Berghe 1987 – *Van den Berghe P. L.* The ethnic phenomenon. Westport. Connecticut. London.
- Vasks 1994 – *Vasks A.* Brikuļu nocietinātā apmetne: Lubāna zemiene vēlajā bronzas un dzelzs laikmetā (1000. g. pr. Kr.–1000. g. pēc Kr.). Rīga.
- Vencl 1983 – *Vencl S.* K problematice fortifikací v archeologii // *Archeologické rozhledy. Vol. 35. S. 284–315.*
- Vencl 1984 – *Vencl S.* War and Warfare in Archaeology // *Journal of Anthropological Archaeology 6. P. 116–132.*
- Veski, Lang 1995 – *Veski S., Lang V.* Human impact in the surroundings of Saha-Loo, North Estonia, based on a comparison of two pollen diagrams from Lake Maardu and Saha-Loo Bog // *Pact. Bd 50. Ravello. P. 297–304.*
- Vích et al. 2018 – *Vích D., Biborski M. J., Biborski M. R., Jilek J., Stępiński J., Martinek J.* Nález mečů protohistorického období z Křna Svitavsku // *Archeologické rozhledy. Vol. LXX. S. 526–553.*
- Virse 2017 – *Virse I. L.* Grobiņa (Latvia): dwelling site of Scandinavians and Curonians // *Interaktion ohne Grenzen: Beispiele archäologischer Forschungen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Schleswig. P. 683–689.*
- Virse, Ritums 2012 – *Virse I. L., Ritums R.* The Grobiņa complex of dwelling locations and burial sites, and related questions // *Archaeologia Baltica 17. Klaipeda. P. 34–41.*
- Vlasto 1970 – *Vlasto A. P.* The Entry of the Slavs into Christendom. An introduction to the medieval history of the Slavs. Cambridge.
- Volkaite-Kulikauskiene 1971 – *Volkaite-Kulikauskiene R.* Lietuvio kario žirgas. Vilnius.
- Wadyl 2018 – *Wadyl S.* Ciekawe grebienie wczesnośredniowieczne z Pasymia w pow. Szczycieńskim // *Wiadomości Archeologiczne. T. LXIX. S. 51–65.*
- Waller 1996 – *Waller J.* Dräktnålar och dräktskick i östra Mälardalen: kontinuitet och förändringstid och vendeltid. Uppsala.
- Wallin 1996 – *Wallin J.-E.* History of sedentary farming in Ångermanland, Northern Sweden, during the Iron Age and Medieval period based on pollen analytical investigations // *Vegetation History and Archaeobotany. Vol. 5. P. 301–312.*
- Wamers 1999 – *Wamers E.* Zwischen Salzburg und Oseberg. Zu Ursprung und Ikonographie des nordischen Greiftierstils // *Akten des 48. Sachsensynposiums in Mannheim vom 7. bis 11. September 1997. Bonn.*
- Wegraeus 1976 – *Wegraeus E.* The Öland Ring-forts: A literary study // *Eketorp: Fortification and Settlement on Öland/Sweden. The Monument. Sockholm. P. 33–44.*
- Welinder 1975 – *Welinder S.* Prehistoric agriculture in Eastern Middle Sweden. Lund.
- Welinder 1994 – *Welinder S.* A model deforestation curve for central Sweden: 5000 B.C. – A.D. 2000 // *Frenzel B. (ed.) Evaluation of land surfaces cleared from forests in the Roman Iron Age and the time of migrating Germanic tribes based on regional pollen diagrams. Mainz. P. 33–45.*
- Wennberg 1986 – *Wennberg B.* Iron Age agriculture at Trogssta, North Sweden // *Fornvännen. Stockholm. Vol. 81. P. 254–261.*
- Werner 1953 – *Werner J.* Slawische Bronzefiguren aus Nordgriechenland // *Abhandlungen des Deutschen Akademie der Wissenschaft zu Berlin. Klasse für Gesellschaftswissenschaft. Berlin. Bd. 2.*
- Werner 1984 – *Werner J.* Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. Budapest.
- Widgren 1983 – *Widgren M.* Settlement and farming systems in the early Iron Age. A study of fossil agrarian landscapes in Östergötland, Sweden. Stockholm.
- Wiethold 1998 – *Wiethold J.* Studien zur jüngeren postglazialen Vegetations- und Siedlungsgeschichte im östlichen Schleswig-Holstein // *Archäologische Informationen. Nr. 21/1. S. 191–196.*
- Wijkander 1983 – *Wijkander K.* Kungshögar och sockenbildning. Nyköping.
- Willemsen 2004 – *Willemsen A.* Vikings! Raids in the Rhine / Meuse region 800–1000. Utrecht.
- Willroth 2011 – *Willroth K.-H.* „Germanen, Slawen, Deutsche...“ – Eine unendliche Forschungsgeschichte: interdisziplinäre Forschungen zum frühen und hohen Mittelalter im Hannoverschen Wendland // *Slawen an der Elbe. Göttingen. S. 1–14.*
- Wilson 1964 – *Wilson D.M.* Anglo-Saxon ornamental metalwork 700–1100 in the British Museum. London.
- Wilson, Klindt-Jensen 1966 – *Wilson D.M., Klindt-Jensen O.* Viking art. London.
- Woltermann, Lau 2014 – *Woltermann G., Lau D.* Ein ungewöhnlicher salierzeitlicher Bernsteinfingerring aus Bissendorf (Lkr. Osnabrück) – Einblicke in die Fernhandelskontakte des Hochmittelalters // *Archäologisches Korrespondenzblatt. Nr. 44/3. P. 429–442.*
- Wyatt 2009 – *Wyatt D.* Slaves and warriors in medieval Britain and Ireland, 800–1200. Leiden.
- Yeremeyev 2012 – *Yeremeyev I. I.* The natural environment and settlement patterns of the Lake Ilmen region in the last third of the first millennium AD // *The archeology of Medieval Novgorod in context. Oxford. P. 139–151.*

Zabiela 1997 – *Zabiela G.* Scandinavian arrowheads in Lithuania // *Archaeologia Baltica*. Vilnius. Vol. 2. P. 133–139.

Zachrisson 1994 – *Zachrisson T.* The odal and its manifestation in the landscape // *Current Swedish archaeology*. Vol. 2. P. 219–238.

Zantoch 1936 – *Zantoch.* Eine Burg im deutschen Osten // *Deutschland und der Osten*. Leipzig. Bd. I.

Zariņa 1988 – *Zariņa A.* Libešu apgārbs 10.–13. gs. Rīga.

Zernitskaya, Mikhailov 2009 – *Zernitskaya V., Mikhailov N.* Evidence of early farming in the Holocene pollen spectra of Belarus // *Quaternary International*. Vol. 203. P. 91–104.

Åqvist, Flodin 1992 – *Åqvist C., Flodin L.* Pollista and Sanda – two Thousand-year-old Settlements in the Mälaren region // *Rescue and Research. Reflections of Society in Sweden 700–1700 A. D.* Riksantikvarieämbetet, Arkeologiska undersökningar. Skrifter No 2. Stockholm. P. 310–333.

Архивные источники

Аксенов, рукопись – *Аксенов М. М.* Древнеславянские поселения в Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. КП 46565.

Альбом с рисунками А-1968-1970-е – Альбом с рисунками археологических находок, собранных на городищах у д. Городок Куклинского с/с Солецкого района, с. Молвотицы и Маревы, д. Сельцо Полавского с/с Парфинского (б. Старорусского) р-на, на оз. Велье Демянского р-на, д. Бор Батецкого р-на, с. Никандрово Любытинского р-на и др. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 468.

Антипов А-1999 – *Антипов И. В.* Отчет об архитектурно-археологических разведках в Новгородском, Чудовском и Маловишерском районах Новгородской области в 1999 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 22216.

Антипов А-2017 – *Антипов И. В.* Отчет об архитектурно-археологических раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Церковь Николы на Липне» в Новгородском районе Новгородской области в 2016 г. СПб. Архив ИА РАН.

Археологические находки А-1973 – Археологические находки с городища у д. Шелгуново на левом берегу р. Ловать. Старорусский р-н Новг. обл. Фото. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 462.

Воронова А-1984 – *Воронова М. А.* Поселения раннего железного века Ильменского бассейна. Дипломная работа. Л. Архив Кафедры археологии СПбГУ.

Гей А-1981 – *Гей Н. Н.* Отчет о работе Ловатского отряда Ильменской экспедиции ИА АН СССР в 1981 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 10061, 10061а.

Гроздилов А-1952 – *Гроздилов Г. П.* Курганная группа на правом берегу р. Волхова у д. М. Черनावино // *Гури-*

на Н. Н. Отчет о работах, произведенных в районе Юго-Восточного Приладожья (зоне водохранилища ГЭС № 15) в 1952 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 721. Л. 27–35.

Гурина А-1952 – *Гурина Н. Н.* Отчет о работах, произведенных в районе Юго-Восточного Приладожья (зоне водохранилища ГЭС № 15) в 1952 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 721, 722.

Дело А-1882 – Дело о сасанидских и куфических монетах, найденных в д. Вылеги крестьянином Иваном Федоровым. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1882. № 45.

Дело А-1893 – Дело ИАК по ходатайству Председателя Новгородского Губ. Стат. Комитета о разрешении крестьянам дер. Миронег раскопать сопки, находящиеся на их земле. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1893. № 51.

Еремеев А-2003 – *Еремеев И. И.* Отчет о работе Восточно-Приильменского отряда Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН в 2003 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН.

Еремеев А-2004 – *Еремеев И. И.* Отчет о работе Восточно-Приильменского отряда Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН в 2004 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН.

Еремеев А-2020 – *Еремеев И. И.* Отчет об археологических разведках на территории Валдайского и Крестецкого районов Новгородской области в 2020 г. Открытый лист № 2674-2020. В 2 томах. Научно-отраслевой архив ИА РАН.

Закурина А-2011 – *Закурина Т. Ю.* Отчет об археологических раскопках на объекте культурного наследия регионального значения «Городище и посад Камно», VIII–XVI вв». Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 39710.

Закурина А-2012 – *Закурина Т. Ю.* Отчет об археологических раскопках на объекте культурного наследия регионального значения «Городище и посад Камно», VIII – XVI вв». в Псковском районе Псковской области. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 29714.

Иоаннисян А-1978 – *Иоаннисян О. М.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях в Никольском соборе в Старой Ладге в 1978 году и камеральной обработке коллекции. Т. II. Книга 2. Альбом иллюстраций. Л., 1979. Архив СЛМ. № 634.

Кирпичников А-1975 – *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской крепости в 1975 г. (в т. ч. Никольского собора). Приложение: описи находок, иллюстраций и фотографии раскопок. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1975. № 132.

Кирпичников, Петренко А-1973 – *Кирпичников А. Н., Петренко В. П.* Отчет о раскопках в Старой Ладге и ее окрестностях в 1972 г. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1972 г. № 144.

- Кирпичников, Петренко А-1973а – *Кирпичников А. Н., Петренко В. П.* Отчет о раскопках в Старой Ладоге и ее окрестностях в 1972 г. Ч. I. Раскопки в крепости Старой Ладог. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4954.
- Кирпичников, Петренко А-1973б – *Кирпичников А. Н., Петренко В. П.* Отчет о раскопках в Старой Ладоге и ее окрестностях в 1972 г. Ч. II. Раскопки на посаде и в окрестностях Старой Ладог. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4876, 4876а.
- Кирпичников А-2009 – *Кирпичников А. А.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2009 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 38397.
- Клубова А-1989 – *Клубова О. В.* Отчет об охранных раскопках городища «Курская Гора» в 1989 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 14444.
- Клубова А-1990 – *Клубова О. В.* Отчет об охранных раскопках в урочище Курская Гора в 1990 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 15815.
- Клубова А-1991 – *Клубова О. В.* Отчет об охранных раскопках в урочище Курская Гора в 1991 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 16822.
- Клубова А-1992 – *Клубова О. В.* Отчет об охранных раскопках селища «Курская Гора» Новгородского района Новгородской области в 1992 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 17208.
- Конецкий А-1982 – *Конецкий В. Я.* Отчет об археологических работах Новгородского музея в 1982 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 9067.
- Конецкий А-1989 – *Конецкий В. Я.* Отчет об археологических работах Новгородского музея в 1989 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1. № 13966.
- Конецкий А-1990 – *Конецкий В. Я.* Отчет о работах Новгородского музея в 1990 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1. № 16894.
- Конецкий А-1991 – *Конецкий В. Я.* Отчет о работе экспедиции Новгородского музея в 1991г. Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1. № 16816.
- Корзухина А-1958 – *Корзухина Г. Ф.* Отчет о разведке на территории Староладжской каменной крепости в 1958 г. Хранение О. И. Давидан в Государственном Эрмитаже.
- Корзухина А-1965 – *Корзухина Г. Ф.* Старая Ладога. Могильники (материалы к карте). Научный архив ИИМК РАН. Ф. 77. 1965. № 56.
- Короткевич А-2011 – *Короткевич Б. С.* Отчет о работах в Псковской области в 2011 году. Т. 1. СПб. Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1. № 29896.
- Короткевич, Лопатин А-1998 – *Короткевич Б. С., Лопатин Н. В.* Отчет о работах на городище у д. Токолово (Великолукский район Псковской области) в 1998 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН.
- Кузьмин А-1997 – *Кузьмин С. Л.* Отчет о работе 1-го отряда Северо-Западной археологической экспедиции Санкт-Петербургского филиала Российского НИИ культурного и природного наследия на территории Ленинградской области в 1997 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 23046, 23047.
- Кузьмин А-1998 – *Кузьмин С. Л.* Отчет о работах 1-го отряда Северо-Западной археологической экспедиции Санкт-Петербургского филиала Российского НИИ культурного и природного наследия на территории Ленинградской области в 1998 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 23460, 23461.
- Кузьмин А-1999 – *Кузьмин С. Л.* Отчет о работах I отряда Северо-Западной экспедиции в 1999 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 22861.
- Лебедев А-1970 – *Лебедев Г. С.* Отчет о работах Лужского отряда Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ и Ленинградского областного отделения ВООПИК в 1970 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4311
- Лебедев А-1971 – *Лебедев Г. С.* Отчет о работах Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ 1971 года на Верхней Луге. Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1. № 4848.
- Лебедев А-1972/1973 – *Лебедев Г. С.* Отчет о работах в Лужском районе Ленинградской области СЗАЭ 1972/73 гг. Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1. № 8766.
- Лебедев, Прусакова А-1974 – *Лебедев Г. С., Прусакова З. В.* Отчет о работах Лужского отряда СЗАЭ ЛГУ в 1974 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1. № 6221.
- Лесман А-1979 – *Лесман Ю. М.* Отчет Оредежского археологического отряда. 1979 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 7692.
- Лесман А-1980 – *Лесман Ю. М.* Отчет Оредежского археологического отряда. 1980 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 8513.
- Лесман А-1980а – *Лесман Ю. М.* Отчет Торопецкого археологического отряда за 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8512.
- Микляев, Минасян А-1969 – *Микляев А. М., Минасян Р. С.* О работе Невельской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1969 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4059.
- Мильков А-1973 – *Мильков В. В.* Отчет о проведении аварийных археологических раскопок на городище «Белая Гора» у д. Белая Батецкого района Новгородской области. Архив НГОМЗ. Ф. 1. 1973/53. № 797.
- Мильков А-1980 – *Мильков В. В.* Отчет о проведении археологических работ в Новгородской области отрядом Новгородского музея в 1980 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7741, 7741а.
- Мильков А-1981 – *Мильков В. В.* Отчет о проведении археологических работ отрядом Новгородского музея в сезон 1981 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 9848, 9848а.

- Мильков А-1982 – *Мильков В. В.* Отчет о проведении археологических работ отрядом Новгородского музея в сезон 1982 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 8964, 8964а.
- Мильчик и др. А-1983 – *Мильчик М. И., Яковлева Г. Г., Стеценко Н.К., Войнова И. Л., Гусева О. Г.* Крепость Старая Ладога. Отчет об архитектурно-археологических и историко-архивных исследованиях 1977–1982 гг. в 3-х томах. Т. I. Текст. Л., 1983. Архив СЛМ. № 468.
- Мильчик и др. А-1983а – *Мильчик М. И., Яковлева Г. Г., Стеценко Н.К., Войнова И. Л., Гусева О. Г.* Крепость Старая Ладога. Отчет об архитектурно-археологических и историко-архивных исследованиях 1977–1982 гг. в 3-х томах. Т. II. Приложения. Л., 1983. Архив СЛМ. № 149.
- Мильчик и др. А-1983б – *Мильчик М. И., Яковлева Г. Г., Стеценко Н.К., Войнова И. Л., Гусева О. Г.* Крепость Старая Ладога. Отчет об архитектурно-археологических и историко-архивных исследованиях 1977–1982 гг. в 3-х томах. Т. III. Изобразительный материал. Л., 1983. Архив СЛМ. № 469.
- Минасян А-1971 – *Минасян Р. С.* Отчет о работе Славяно-Русского отряда Северо-Западной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1971 году. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4450.
- Миронова А-1981 – *Миронова В. Г.* Отчет о разведке в Солецком и Волотовском районах Новгородской области в 1981 г. ОПИ НГОМЗ. Ф. 1. № 1981/99.
- Митрофанов А-1964 – *Митрофанов А. Г.* Отчет об экспедиционных исследованиях группы по изучению археологических памятников центральной и северной Белоруссии в 1964 г. Архив ИИ НАНБ.
- Митрофанов А-1965 – *Митрофанов А. Г.* Отчет об археологических исследованиях группы по изучению памятников железного века центральной и северной Белоруссии в 1965 г. Архив ИИ НАНБ.
- Митрофанов А-1966 – *Митрофанов А. Г.* Отчет об археологических исследованиях группы по изучению памятников железного века средней и северной Белоруссии в 1966 г. Архив ИИ НАНБ.
- Митрофанов А-1967 – *Митрофанов А. Г.* Отчет о полевых археологических исследованиях группы по изучению памятников железного века Северной и Средней Белоруссии за 1967 год. Архив ИИ НАНБ.
- Митрофанов А-1968 – *Митрофанов А. Г.* Отчет о полевых работах группы по изучению восточно-балтийских древностей за 1968 год. Архив ИИ НАНБ. № 348.
- Митрофанов А-1969 – *Митрофанов А. Г.* Отчет о полевых работах группы по изучению древностей восточных балтов в 1969 г. Архив ИИ НАНБ. № 366.
- Митрофанов А-1970 – *Митрофанов А. Г.* Отчет группы по изучению восточнобалтийских древностей об экспедиционных исследованиях в 1970 году. Архив ИИ НАНБ.
- Митрофанов А-1972 – *Митрофанов А. Г.* Белорусская археологическая экспедиция. Группа по изучению древностей восточных балтов на территории Белоруссии. Отчет о полевых исследованиях группы в 1972 г. Архив ИИ НАНБ.
- Митрофанов А-1973 – *Митрофанов А. Г.* Отчет об археологических исследованиях группы по изучению древностей восточных балтов на территории Белоруссии в 1973 году. Архив ИИ НАНБ.
- Митрофанов А-1974 – *Митрофанов А. Г.* Отчет Западнодвинского отряда о полевых работах в 1974 году. Архив ИИ НАНБ. № 473.
- Михайлов А-1980 – *Михайлов А. В.* Разведки и раскопки в верховьях р. Великой в 1980 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 8137.
- Михайлов А-1983 – *Михайлов А. В.* Отчет о работах 1983 г. в бассейне р. Алоли в Псковской области. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 9899.
- Назаренко А-1970 – *Назаренко В. А.* Отчет о работе Волховского отряда Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ в 1970 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4465, 4465а.
- Назаренко, Носов А-1971 – *Назаренко В. А., Носов Е. Н.* Отчет о полевых исследованиях Староладожского отряда ЛОИА АН СССР. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4466, 4466а.
- Носов А-1972 – *Носов Е. Н.* Отчет о работе Староладожского археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1972 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4862, 4862а.
- Носов А-1974 – *Носов Е. Н.* Отчет о работе Новгородского археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1974 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 5895, 5895а.
- Носов А-1978 – *Носов Е. Н.* Отчет Новгородского археологического отряда ЛОИА АН СССР о работах 1978 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7169, 7169а.
- Носов А-1979 – *Носов Е. Н.* Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1979 г. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1979. № 56.
- Носов А-1982 – *Носов Е. Н.* Отчет о работах Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1982 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 9204, 9204а.
- Носов А-1982а – *Носов Е. Н.* Инструментальный план археологического комплекса у д. Береговые Морины. Научный архив ИИМК РАН. КП 2771. 1982 г.
- Носов А-1985 – *Носов Е. Н.* Отчет о работах Новгородской областной экспедиции ЛОИА АН СССР в Новгородской области в 1985 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 11241, 11241а.
- Носов, Плохов А-1989 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Отчет о работе Новгородской областной археологической

- экспедиции ЛОИА АН СССР в 1989 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 14565, 14566.
- Носов, Плохов А-1990 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1990 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 15559, 15560.
- Носов, Плохов А-1991 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН в 1991 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 16278, 16279.
- Носов, Плохов А-1992 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции в 1992 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 17623, 17624.
- Носов, Плохов А-1993 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Отчет Новгородской областной археологической экспедиции в 1993 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 18001, 18002.
- Носов, Плохов А-1995 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН в 1995 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 19309, 19310.
- О находках А-1908 – Дело о находках каменных молотков и др. каменных поделок в с. Бронницах Новгородской губ. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1908. № 126.
- О серебряных куфических монетах А-1888 – Дело о серебряных куфических монетах, найденных в Витебской губернии. // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 49. 1888 г.
- Об инженерно-геологических изысканиях А-2012 – Технический отчет об инженерно-геологических изысканиях для установки памятного знака российской государственности «Княжий камень» на Рюриковом городище в Великом Новгороде. ОАО «Институт Новгородинжпроект». Великий Новгород. Инв. № ВН-1299-08 ГИ.
- Орлов А-1941 – *Орлов С. Н.* Краткий отчет по учету памятников и сводка сведений из опубликованных и архивных источников по археологическим памятникам Ленинградской и Новгородской областей, находящихся в бассейнах рр. Вишеры, Волхова, Ловати, Мсты, Полисты, Полы, Порусьи, Редьи, Сяси, Шелони и побережья оз. Ильмень. Ч. 1. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1941. № 41.
- Орлов А-1941а – *Орлов С. Н.* Краткий отчет по учету памятников и сводка сведений из опубликованных и архивных источников по археологическим памятникам Ленинградской и Новгородской областей, находящихся в бассейнах рр. Вишеры, Волхова, Ловати, Мсты, Полисты, Полы, Порусьи, Редьи, Сяси, Шелони и побережья оз. Ильмень. Ч. 2. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1941. № 42.
- Орлов А-1950–1980-е – *Орлов С. Н.* Описи археологических находок, собранных во время археологических раскопок на территории Новгородской области и при наблюдениях за земляными работами в Новгороде. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 68.
- Орлов А-1950–1980-е, приложение – *Орлов С. Н.* Описи археологических находок, собранных во время археологических раскопок на территории Новгородской области и при наблюдениях за земляными работами в Новгороде. Приложение: рисунки археологических находок. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 68.
- Орлов А-1958 – *Орлов С. Н.* Отчет о полевых археологических работах в сезон 1958 года. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 1701.
- Орлов А-1958а – *Орлов С. Н.* Дневник с записями археологических исследований в Новгородском р-не (Холопий Городок, Бронницкая гора, Городище на р. Веряже у д. Георгия, Парфинском (Городок на Ловати) районе, Старой Руссе. Тетрадь № 54. 1958 г. Рукопись. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 44.
- Орлов А-1958б – *Орлов С. Н.* Дневник с записями исследований в Старорусском р-не («Городок» на р. Поле Юрьевского с/с), Парфинском р-не. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 45.
- Орлов А-1958, 1960 – *Орлов С. Н.* Отчеты о проведении сплошного археологического обследования района Поозерья и берегов оз. Пелено в Боровичском районе и о частичных археологических раскопках разрушающихся археологических памятников на реке Веряжке и реке Ловать. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 61.
- Орлов А-1959 – *Орлов С. Н.* Отчет об археологических разведках в Новгородской области в 1959 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 1864.
- Орлов А-1959–1972 – *Орлов С. Н.* Дневники с записями археологических исследований в Новгородском районе («Городок» на левом берегу Веряжи, Коломцы), Любыгинском, Батецком, Боровичском (оз. Крюково, начало в 1 тетради, окончание во 2 тетр.), Поддорском (2 тетр.), Старорусском (2 тетр.), Валдайском (д. Поломять – 2 тетр.), Окуловском (д. Сковородка – 2 тетр.) районах. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 46.
- Орлов А-1960–1970-е – *Орлов С. Н.* Список городищ, расположенных по рекам Ловати, Шелони и ее притокам, по р. Луге. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 67.
- Орлов А-1961 – *Орлов С. Н.* Отчет об археологических раскопках древнего поселения близ Перыни под Новгородом. 1961 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 2350.
- Орлов А-1961–1976 – *Орлов С. Н.* Дневник с записями археологических исследований в Новгородском районе (Сметанинская мыза, урочище Кобылья Голова, Рюриково Городище и др.), Батецком районе, Маловишерском районе, Чудовском («Красный Фарфорист»), Боровичском, Парфинском (городище у д. Сельцо Полавского р-на на правом берегу р. Ларинки). ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 48.
- Орлов А-1963, 1966–1968, 1970 – *Орлов С. Н.* Отчеты об обследовании памятников археологии, истории и

- искусства на территории Новгородской области по заданию Управления культуры Новоблисполкома. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 62.
- Орлов А-1965–1979 – Орлов С. Н. Дневник с записями археологических исследований в Новгородском районе (д. Наволок, д. Понеделье, д. Сопки и др.), Волотовском, Солецком (д. Городок Куклинского с/с, п. Загородищи и др.), Любытинском (Княжье Село). ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 51.
- Орлов А-1966 – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях на левом берегу реки Мсты в урочище «Кобылья Голова» около дер. Полосы, Больше-Доркского сельсовета Новгородской области. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 3027, 3027а.
- Орлов А-1967–1970 – Орлов С. Н. Дневник 1967–1970 гг. с записями обследований археологических памятников в Боровичском р-не (Егла и др.), Любытинском, Маловишерском, Валдайском, Крестецком, Пестовском, Мошенском, Холмском, Поддорском, Солецком (д. Городок), Демянском (оз. Велье), Парфинском, Хвойнинском (оз. Б. Кузино) р-нах. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 53.
- Орлов А-1968 – Орлов С. Н. Отчет о работе археологической экспедиции Новгородского пединститута и музея на городище у дер. Сельцо Парфинского района Новгородской области в 1968 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 3681, 3681а.
- Орлов А-1968а – Орлов С. Н. Отчет об археологическом обследовании долины реки Волхов и рисунки археологических находок из сопки в урочище «Победище», с поселения эпохи раннего железа ок. д. Подсопье, с городища в районе Ст. Ладоги при впадении р. Любши. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 33.
- Орлов А-1968б – Орлов С. Н. Отчет Волховского отряда Ленинградской области института археологии АН СССР об археологическом обследовании долины реки Волхова по заданию Ленинградского областного управления культуры. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1968. № 113.
- Орлов А-1968–1984 – Орлов С. Н. Дневник с записями археологических исследований в Парфинском районе (д. Сельцо), Старорусском районе, Волотовском, Солецком (д. Загородищи, Выбити, долине р. Шелони), Демянском (д. Пески, Едрово, Яжелбицы и др.), Маревском (Молвогицы, Марёво, Велилы) районах. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 54.
- Орлов А-1969 – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях отряда Новгородской архитектурно-археологической экспедиции ЛО Института археологии АН СССР. Руководитель экспедиции проф. М. К. Каргер. Нач. отряда С. Н. Орлов. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4277, 4277а.
- Орлов А-1969а – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях отряда Новгородской архитектурно-археологической экспедиции ЛО Института археологии АН СССР. Руководитель экспедиции проф. М. К. Каргер. Нач. отряда С. Н. Орлов. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1969. № 47.
- Орлов А-[1960-е]–1984 – Орлов С. Н. Дневник с записями археологических раскопок в д. Сельцо Парфинского р-на. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 55.
- Орлов А-1970 – Орлов С. Н. Отчет об обследовании памятников археологии, истории и искусства на территории Новгородской области в сезон 1970 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4352, 4352а.
- Орлов А-1970а – Орлов С. Н. Отчет о продолжении археологических исследований на городище у дер. Городок в Солецком районе Новгородской области в сезон 1970 года. Научный архив ИИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 48.
- Орлов А-1970б – Орлов С. Н. Альбом иллюстраций к отчету С. Н. Орлова об археологических исследованиях на территории Новгородской области в 1970 г. Научный архив ИИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 49.
- Орлов А-1971 – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях на территории Новгородской области в сезон 1971 года. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4517, 4517а.
- Орлов А-1971а – Орлов С. Н. Отчет о проведении Новгородским отрядом ЛОИА АН СССР археологических исследований по программе Всеросс. Общества по охране памятников истории и культуры с целью составления Свода памятников Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 63.
- Орлов А-1972 – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях на территории Новгородской области в сезон 1972 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4861, 4861а.
- Орлов А-1972–1973 – Орлов С. Н. Дневник с записями археологических исследований на территории НГПИ (Антоново), в Новгородском районе («Холопий городок», «Медвежья голова» (Слутка) и др.), б. Маловишерском (д. Лопатень и др.) районе. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 56.
- Орлов А-1973 – Орлов С. Н. Отчет о работе совместной археологической экспедиции Новгородского пединститута и Новгородского музея. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. 1973. № 5162, 5162а.
- Орлов А-1973а – Орлов С. Н. Фото. Городище на правом берегу р. Ловать у д. Городок Парфинского р-на (б. Старорусского) Новгородской обл. Общие виды. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оа. 2. Ед. хр. 619.
- Орлов А-1976 – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях в Новгородской области в 1976 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 6153.
- Орлов А-1976–1978 – Орлов С. Н. Дневник с записями археологических исследований в Батецком районе (ст. Передольская), Демянском районе («Княжая гора» и др.). ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 57.
- Орлов А-1977 – Орлов С. Н. Отчет об археологических раскопках на городище «Княжая гора» у д. Пески

- Демянского района Новгородской области. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 6652, 6652а.
- Орлов А-1978 – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях на городище «Княжая Гора» в Демянском районе Новгородской области. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р. 1. № 7166, 7166а.
- Орлов А-1979 – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях в Новгородской области в 1979 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7446, 7446а.
- Орлов А-1980 – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях на городище «Княжая Гора» у д. Пески Демянского района Новгородской области в период июль-август 1980 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р. 1. № 8675, 8675а.
- Орлов А-1980–1981 – Орлов С. Н. Дневник археологических раскопок на городище «Княжая гора» у д. Пески Демянского р-на, на пр. берегу р. Волхов южнее Антониева монастыря (с описью находок), на поселении Прость (с описью находок). ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 59.
- Орлов А-1984 – Орлов С. Н. Отчет об археологических раскопках на городище у деревни Сельцо Парфинского района Новгородской области. Архив ИА РАН. Р-1. № 10375, 10375а.
- Паспорт 1966 – Паспорт. Д. Подгощи, городище. Составил С. Н. Орлов в 1966 г. Министерство культуры РФ. Управление по охране памятников истории и культуры. Новгород.
- Паспорт 1966а – Паспорт. Д. Рахлицы, городище. Составил С. Н. Орлов не ранее 1966 г. Министерство культуры РФ. Управление по охране памятников истории и культуры. Новгород.
- Паспорт 1968 – Паспорт. Д. Погляздово, городище. Составил С. Н. Орлов в 1968 г. Министерство культуры РФ. Управление по охране памятников истории и культуры. Новгород.
- Паспорт 1977 – Паспорт. Д. Белая, городище. Составил Г. Н. Пронин 15. 11. 1977 г. Министерство культуры РФ. Управление по охране памятников истории и культуры. Новгород.
- Паспорт 1979 – Паспорт. Д. Шелгуново, городище. Составил Г. Н. Пронин 27. 10. 1979 г. Министерство культуры РФ. Управление по охране памятников истории и культуры. Новгород.
- Паспорт 1981 – Паспорт. Дд. Крутец, Погляздово, городище. Составила В. Г. Миронова 3. 10. 1981 г. Управление по охране памятников истории и культуры. Новгород.
- Паспорт 1982 – Паспорт. Д. Загородищи, городище. Составила В. Г. Миронова 01.12.1982 г. Министерство культуры РФ. Управление по охране памятников истории и культуры. Новгород.
- Паспорт 1986 – Паспорт. Пос. Бронница, городище. Составил Е. Н. Носов 10.03.1986 г. Министерство культуры РФ. Управление по охране памятников истории и культуры. Новгород.
- Передольский А-1891 – Передольский В. С. Отчет за 1891 г. Дело о раскопках В. С. Передольского в Новгородской губернии. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1890 г. № 46.
- Передольский А-1897 – Передольский В. С. К разрезам площади Коломцов. ОПИ НГОМЗ. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 5.
- Петренко А-1970 – Петренко В. П. Раскопки Староладожского музея 1970 г. Полевые чертежи. Любшанское городище. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 131.
- Петренко А-1971 – Петренко В. П. Полевой дневник археологической экспедиции Староладожского музея 1971 г. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1970. № 128.
- Петренко А-1970/1971 – Петренко В. П. Отчет об археологических исследованиях Староладожского музея в 1970 и 1971 году. Архив СЛМ. № 60.
- Петренко А-1970/1971а – Петренко В. П. Отчет о работах археологической экспедиции Староладожского музея за 1970–1971 гг. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1970. № 127.
- Петренко А-1970/1971б – Петренко В. П. Отчет о работах археологической экспедиции Староладожского музея за 1970–1971 гг. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4694, 4694а.
- Петренко А-1972 – Петренко В. П. Раскопки Староладожского музея. Полевые чертежи. Любшанское городище. Научно-отраслевой архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1972 г. № 145.
- Петренко А-1972а – Петренко В. П. Раскопки Староладожского музея. Рисунки находок. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1972. № 147.
- Петренко А-1972б – Петренко В. П. Раскопки Староладожского музея. Полевые чертежи. Победище-72. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1972. № 148.
- Петренко А-1973 – Петренко В. П. Отчет о раскопках в Старой Ладогe и ее окрестностях в 1973 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 5446, 5446а
- Петренко А-1973а – Петренко В. П. Отчет о раскопках в Старой Ладогe и ее окрестностях в 1973 г. Часть 1. Текст. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 108.
- Петренко А-1973б – Петренко В. П. Альбом иллюстраций к отчету Староладожской экспедиции 1973. Урочище Победище. Насыпи № 2–4. Научный архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 157.
- Петренко А-1974 – Петренко В. П. Отчет о раскопках в Старой Ладогe и ее окрестностях в 1974 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 5472, 5472а.
- Петренко А-1974а – Петренко В. П. Княщинский отряд Староладожской экспедиции. Полевые описи находок. Тетрадь № 1. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 156 (1).

- Петренко А-1974б – *Петренко В. П.* Староладожская экспедиция. Княщинский отряд. Полевые чертежи. Северное Победище. Насыпь 1. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 123.
- Петренко А-1974в – *Петренко В. П.* Дневник полевых исследований в 1974 г. 20.06–08.07.74. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 151.
- Петренко А-1975 – *Петренко В. П.* Отчет о раскопках Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1975 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 5955, 5955а.
- Петренко А-1975а – *Петренко В. П.* Княщинский отряд Староладожской экспедиции. Полевые чертежи. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 166.
- Петренко А-1976 – *Петренко В. П.* Отчет о работах Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1976 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 6489, 6489а.
- Петренко А-1977 – *Петренко В. П.* Отчет о раскопках в Старой Ладоге близ Варяжской улицы в 1977 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7070, 7070а.
- Петренко А-1978 – *Петренко В. П.* Отчет о раскопках насыпи № 1 в северной части урочища «Победище» близ с. Старая Ладога в 1978 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7090.
- Петренко А-1978а – *Петренко В. П.* Княщинский отряд. Полевые чертежи. Северное Победище – 78. Насыпь 1. Разрезы. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 166.
- Петренко А-1978б – *Петренко В. П.* Староладожская экспедиция. Княщинский отряд. Описание находок из насыпи № 1, Северное Победище. 1978 г. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 176.
- Петренко А-1979 – *Петренко В. П.* Отчет о работах Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1979 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7911, 7911а.
- Петренко А-1979а – *Петренко В. П.* Отчет о работах Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1979 г. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1979. № 27.
- Петренко А-1979б – *Петренко В. П.* Княщинский отряд Староладожской экспедиции. Полевые чертежи. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 28.
- Петренко А-1980 – *Петренко В. П.* Отчет о раскопках в с. Старая Ладога и на территории Ивангородской крепости. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 8216, 8216а.
- Петренко А-1981 – *Петренко В. П.* Отчет о работах Ивангородской экспедиции в 1981 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 8890, 8890а.
- Петунов А-2010 – *Петунов А. С.* Работы Крестецкого отряда Областной археологической экспедиции НовГУ в 2009 г. Разведки в среднем течении р. Холова. Стендовый доклад на XXIV научной конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология» 26–18 января 2010 г. Великий Новгород.
- План городища А-1960 – План городища у деревни Бор Батецкого района Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 333.
- План и профили городища 1970 – План и профили городища у деревни Городок на правом берегу р. Маяты Парфинского района Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 618.
- План урочища Коломцы А-1889 – План урочища «Коломцы». 1889 г. Чертеж С. Н. Богословского. ОПИ НГОМЗ. КП 25987/4798 (I, II).
- Планы и разрезы А-1959 – Планы и разрезы раскопа городища у д. Городок на правом берегу реки Ловати (б. Старорусского) Парфинского р-на Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 416.
- Планы и профили А-1959–1973 – Планы и профили городища у д. Городок (б. Старорусского) Парфинского р-на Новгородской области. Рукопись. Миллиметровка. 1959 – 1973. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 415.
- Планы горелых бревен А-1973 – Планы I–III горизонтов горелых бревен и разрез северной стенки шурфа на северной оконечности городища у д. Городок (б. Старорусского) Парфинского района Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 417.
- Планы и чертежи А-1973 – Планы и чертежи разрезов и профилей городища у д. Шелгуново на левом берегу р. Ловати в Старорусском районе Новгородской области. Рукопись. Миллиметровка. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 634.
- Плоткин А-1973 – *Плоткин К. М.* Отчет о работе Псковского отряда Северо-западной археологической экспедиции ЛГУ им. Жданова и Гос музея истории Ленинграда. Научно-отраслевой архив ИА РАН. № 5382.
- Плоткин А-1974 – *Плоткин К. М.* Отчет о работе отряда по изучению городища Камно Псковской области археологической экспедицией ЛОИА АН СССР в 1974 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 5484.
- Подгурский А-2000 – *Подгурский П. Н.* Отчет о раскопках городищ в Витебском районе. Архив ИА НАНБ. № 1882.
- Подгурский А-2001 – *Подгурский П. Н.* Отчет о исследованиях археологического отряда ВГУ им. П. М. Машерова в 2001 г. Архив ИА НАНБ. № 1942.
- Подобедов А-1908 – *Подобедов В. А.* Рапорт и. д. секретаря Губернского статистического комитета Новгородскому губернатору // Дело ИАК о находках каменных молотков и др. каменных поделок в с. Бронницах Новгородской губ. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1908. № 126.
- Пономарев А-1938 – *Пономарев В. С.* Новгородские сопки. Рукопись. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. № 155.
- Попов А-1985 – *Попов С. Г.* Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР о полевых работах 1985 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 11019.

- Попов А-1986 – *Попов С. Г.* Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР о работах 1986 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 12411.
- Попов А-1988 – *Попов С. Г.* Отчет о работах Гдовского отряда ЛОИА АН СССР в 1988 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 12769.
- Попов А-1989 – *Попов С. Г.* Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР о работах 1989 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 13832.
- Попов А-1989а – *Попов С. Г.* Приложение к отчету Гдовского отряда ЛОИА АН СССР 1989 г. Альбом иллюстраций. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 13833.
- Попов А-1990 – *Попов С. Г.* Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР о работах 1990 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 15788.
- Попов А-1990а – *Попов С. Г.* Альбом к отчету Гдовского отряда ЛОИА АН СССР о работах 1990 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 15789.
- Попов А-2003 – *Попов С. Г.* Отчет Гдовского археологического отряда ИИМК РАН о раскопках на поселении у д. Горка в 2003 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 31776.
- Попов А-2005 – *Попов С. Г.* Отчет Гдовского археологического отряда ИИМК РАН о раскопках на поселении Горка в Гдовском районе Псковской обл. в 2005 году. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 31335.
- Пронин А-1979 – *Пронин Г. Н.* Отчет о работе Ильменской экспедиции в 1979 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7842, 7842а-в.
- Пронин А-1980 – *Пронин Г. Н.* Отчет о работе Ильменской экспедиции в 1980 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7843, 7843а-б.
- Профиль стенки траншеи А-1968 – Профиль стенки траншеи через земляной вал на городище Городок Полаевского с/с (б. Старорусского) Парфинского района Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 418.
- Путятин А-1894 – *Путятин П. А.* Отчет о раскопках в Старорусском уезде Новгородской губ. в 1894 г. Научный архив ИИМК РАН. Ф-1. 1894 г. № 60.
- Равдоникас А-193(?) – *Равдоникас В. И.* Об этногонии народов лесной полосы Восточной Европы в связи со взглядами М. Н. Покровского на образование великорусской народности. Корректурная статья. Хранение О. И. Давидан в Государственном Эрмитаже.
- Разрезы раскопа А-1960 – Разрезы раскопа остатков городища у деревни Бор Батецкого района Новгородской области. Архив НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 334.
- Рисунки археологических находок А-1969 – Рисунки археологических находок с городища у села Яжелбицы Валдайского района, из сопки у города Демянска, с городища «Княжая Гора», у деревни Пески Демянского района, с поселения у д. Любно Маревского района. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 469.
- Рисунки археологических находок А-1970 – Рисунки археологических находок с городищ у д. Устье, д. Брякуново Пестовского района, у д. Шелгуново Старорусского района, на р. Маята Парфинского района, у с. Усть-Волма Крестецкого района. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 470.
- Рисунки археологических находок А-1973 – Рисунки археологических находок с городища у д. Белая Батецкого района Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 327.
- Рябинин А-1998 – *Рябинин Е. А.* Отчет Волховского отряда ИИМК РАН об исследовании Любшанского городища в 1997 году. СПб. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 21337.
- Рябинин А-1999 – *Рябинин Е. А.* Отчет Волховского отряда ИИМК РАН об исследовании Любшанского городища (Волховский район Ленинградской области) в 1998 г. СПб. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 22062.
- Рябинин А-2000 – *Рябинин Е. А.* Отчет о работе Волховского археологического отряда ИИМК РАН в 1999 г. СПб. Научно-отраслевой архив ИА РАН.
- Рябинин А-2001 – *Рябинин Е. А.* Отчет Волховской экспедиции ИИМК РАН о полевых исследованиях Любшанского городища в Волховском районе Ленинградской области в 2000 г. СПб. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 22206.
- Станкевич А-1954 – *Станкевич Я. В.* Отчет о работах Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции ИИМК в 1954 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 1071.
- Станкевич А-1955 – *Станкевич Я. В.* Отчет об археологических исследованиях в Великолукской области в 1955 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 1194.
- Станкевич А-1956 – *Станкевич Я. В.* Отчет о работе Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции ИИМК АН СССР за 1956 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН Р-1. № 1390.
- Станкевич А-1957 – *Станкевич Я. В.* Отчет об археологических исследованиях Западно-Двинского отряда Верхнеднепровской экспедиции в 1957 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 1661.
- Стеценко А-1982 – *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологическом исследовании 1982 г. Л., 1983. Архив СЛМ. № 150.
- Стеценко А-1983 – *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1983 г. в двух томах. Т. I. Текст отчета, фотоиллюстрации. Л., 1984. Архив СЛМ. № 149.
- Стеценко А-1983а – *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1983 г. в двух томах. Т. II. Рисунки находок из раскопок на территории Ладожской крепости в 1979–1983 годах. Л., 1984. Архив СЛМ. № 468.

- Стеценко А-1984 – *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Церковь Георгия. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1984 г. в 2-х томах. Т. I. Текст отчета, иллюстрации. Л. 1985. Архив СЛМ. № 445.
- Стеценко А-1984а – *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Церковь Георгия. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1984 г. в 2-х томах. Т. II. Иллюстрации (продолжение). Л., 1985. Архив СЛМ. № 439.
- Стеценко А-1985 – *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1985 г. в 2-х томах. Т. I. Текст отчета, иллюстрации. Л., 1986. Архив СЛМ. № 151.
- Стеценко А-1985а – *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1985 г. в 2-х томах. Т. II. Рисунки находок из раскопок 1984–1985 гг. Л., 1986. Архив СЛМ, № 152.
- Тараканова А-1948 – *Тараканова С. А.* Отчет Псковской археологической экспедиции ИИМК АН СССР о работах за 1948 год. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 218.
- Тараканова А-1949 – *Тараканова С. А.* Отчет Псковской археологической экспедиции ИИМК АН СССР о работах за 1949 год. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 411.
- Тараканова А-1952 – *Тараканова С. А.* Отчет об археологических работах, произведенных в Псковской области осенью 1952 года. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 773.
- Третьяков А-1971 – *Третьяков П. Н.* Отчет об археологических исследованиях в Себежском районе Псковской области РСФСР в 1971 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4411.
- Третьяков А-1972 – *Третьяков П. Н.* Отчет об археологических раскопках в Себежском районе Псковской области в 1972 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4946.
- Чернягин А-1929 – *Чернягин Н. Н.* Отчет по маршрутной рекогносцировке по реке Волхову. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2. 1929. № 122.
- Чертеж плана раскопов I и III А-1973 – Чертеж плана раскопов I и III городища у д. Белая Батецкого р-на Новгородской обл. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 328.
- Чертеж разрезов А-1973 – Чертеж разрезов по линии пикетов через насыпь земляного вала на городище у д. Белая Батецкого района Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 329.
- Фрагменты керамики А-1960 – Фрагменты керамики с городища Городок у д. Бор на правом берегу р. Луги Батецкого р-на Новгородской обл. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 335.
- Хвощинская А-1983 – *Хвощинская Н. В.* Отчет о работе Гдовского отряда ЛОИА АН СССР в 1983 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 9644.
- Хвощинская А-1984 – *Хвощинская Н. В.* Отчет о работе Гдовского отряда ЛОИА АН СССР в 1984 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 10639.
- Холкина А-2017 – *Холкина М. А.* Керамика эпохи раннего металла восточной части Финского залива. Диссертация на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. СПб. Научный архив ИИМК РАН.
- Шмидт А-1983 – *Шмидт Е. А.* Отчет о раскопках археологических памятников на территории Смоленской области в 1983 году. Смоленск, 1984. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 9225.
- Штыхов А-1969 – *Штыхов Г. В.* Отчет об исследованиях Полоцко-Витебского археологического отряда в 1969 г. Архив ИИ НАНБ. № 350.
- Штыхов А-1971 – *Штыхов Г. В.* Отчет о разведках и раскопках в Северной Белоруссии в 1971 г. Архив ИИ НАНБ. № 385.
- Штыхов А-1972 – *Штыхов Г. В.* Отчет о раскопках в Витебске и обследовании археологических памятников в Витебском и Городокском районах в 1972 г. Архив ИИ НАБ. № 413.
- Штыхов А-1974 – *Штыхов Г. В.* Отчет о работах Полоцко-Витебского отряда в 1974 г. Архив ИИ НАБ. № 477.
- Шут А-1964 – *Шут К. П.* Отчет о полевых археологических работах в 1964 г. Архив ИИ НАНБ.
- Шут А-1965 – *Шут К. П.* Отчет о полевых археологических работах в 1965 г. Архив ИИ НАНБ.
- Шут А-1966 – *Шут К. П.* Отчет о полевых археологических исследованиях в 1966 г. Архив ИИ НАНБ.
- Юшкова А-2006 – *Юшкова М. А.* Отчет Волховского отряда Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН о раскопках городища Холопий городок в Новгородском районе Новгородской области в 2006 г. СПб. 2007. Научно-отраслевой архив ИА РАН.
- Inv. 1411. 1847 – Inv. 1411. 1847. Uppland. Vaksala hd. Gamla Uppsala Sn. Odins högen. АТА.
- Larsen А-1931 – *Larsen H.* Till Riksantikvarien. Ed den 23 juli 1931. АТА.
- Särlvik А-1959 – *Särlvik I.* Rapport över arkeologiska undersökningar på gravfältet nr 177 vid Husby Sodra 5¹, Trosa-Vagnharads kommun Södermanland. Stockholm, 1959. АТА.
- Varenius А-1960 – *Varenius C.* Rapport över arkeologisk undersökning på fornl. nr. 201 Hoxla 11¹, Sorunda sn, Södermanland. 1960. АТА.
- Åberg А-1939 – *Åberg N.* Gravfältet i Norsborgs park. Botkyrka sn, Södermanland. Rapport över Arkeologiska seminariets undersökningar år 1939. Text och fotografier. Stockholm, 1939. АТА.

Научное издание

Иван Еремеев

Славяне и норманны к северу от Днепра до начала X в.

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ СЛАВЯНО-СКАНДИНАВСКИХ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В двух томах

Том 1

Раннесредневековая славянская колонизация
в Восточно-Балтийском регионе. Методология изучения,
географический контекст, археологические памятники

Верстка и художественное оформление *И.Н. Лицук*
Редактор *С.Л. Ронгонен*
Корректор *Л.И. Григорьева*

Подписано в печать 23.08.2023. Формат 60×90 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 101.
Тираж 300 экз. Заказ № 898

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

Ivan Eremeev

SLAVS AND NORSEMEN NORTH OF THE DNIEPER

Vol. 1

The monograph develops the concept of slavonization of North-West Russia during 500–900 AD and the emergence of proto-state socio-political institutions here. The basis of these processes is recognized as a series of migrations of the agrarian population from the regions of Dnieper-Neman Rivers interfluve and West Dvina River basin (modern Byelorussia). The results of archaeological excavations of early medieval hillforts, open settlements and burial mounds of Ilmen-Volkhov Region are presented. Cultural processes are considered on the background of ancient landscape dynamics. The data of paleogeographic, palynological and carpological studies, serial radiocarbon dating are used.

The book also examines the Scandinavian colonization of North-West Russia, its character and relationship with the Early Medieval Slavic migrations. Agriculture and burial traditions are analyzed. The focus is on the Russian large burial mounds – “sopkas” and their Swedish prototypes. As a comparative material for the “sopkas” study, archaeological collections from the excavations of large mounds 500–900 AD of Central Sweden are published.

First volume talks about the theory, methodology, and geographical context of ethno-archaeological research. The volume presents new archaeological material comparable to the era of Slavic migrations to North-West Russia.

The book is written for historians, archaeologists, ethnologists, readers interested in the initial stages of Ancient Rus history.

ISBN 978-5-6049788-1-8

9 785604 978818